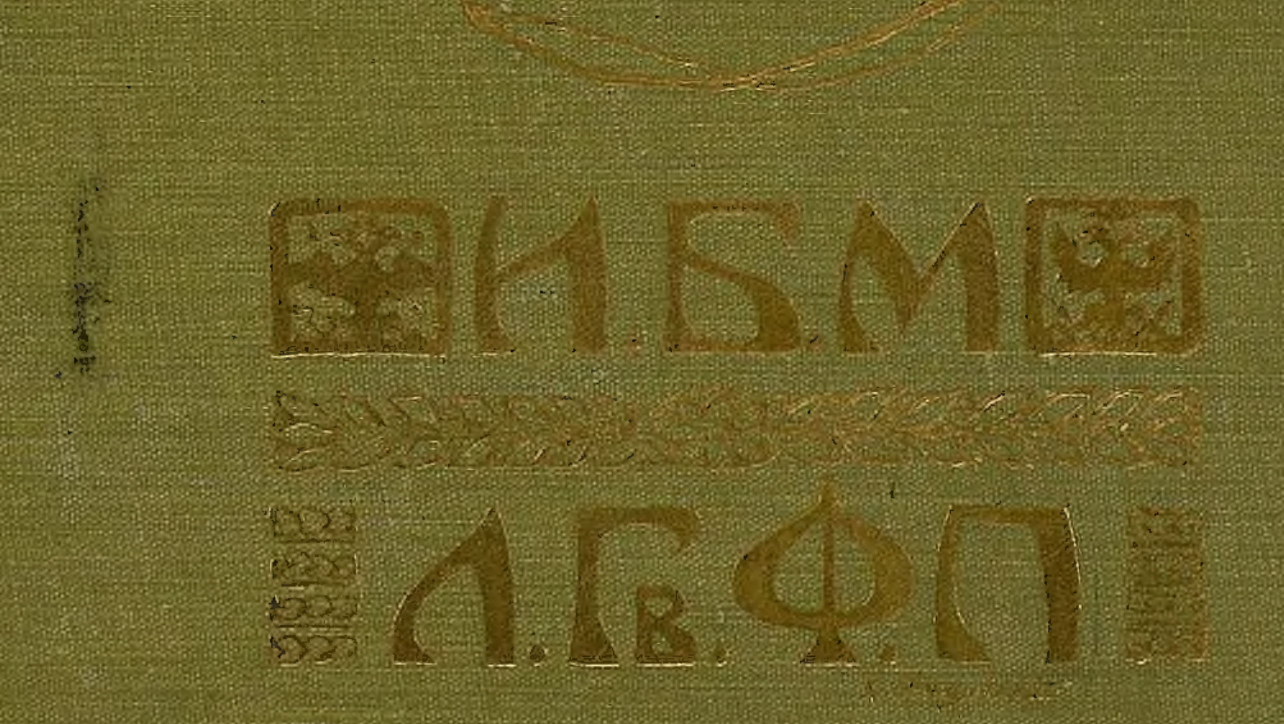
1806 1906

Н. Самокишъ

ИСТОРІЯ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ

ФИНЛЯНДСКАГО

ПОЛКА

1806—1906 г.г.

Составилъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка
Капитанъ С. Гулевичъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1856—1881 г.г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906 годъ.

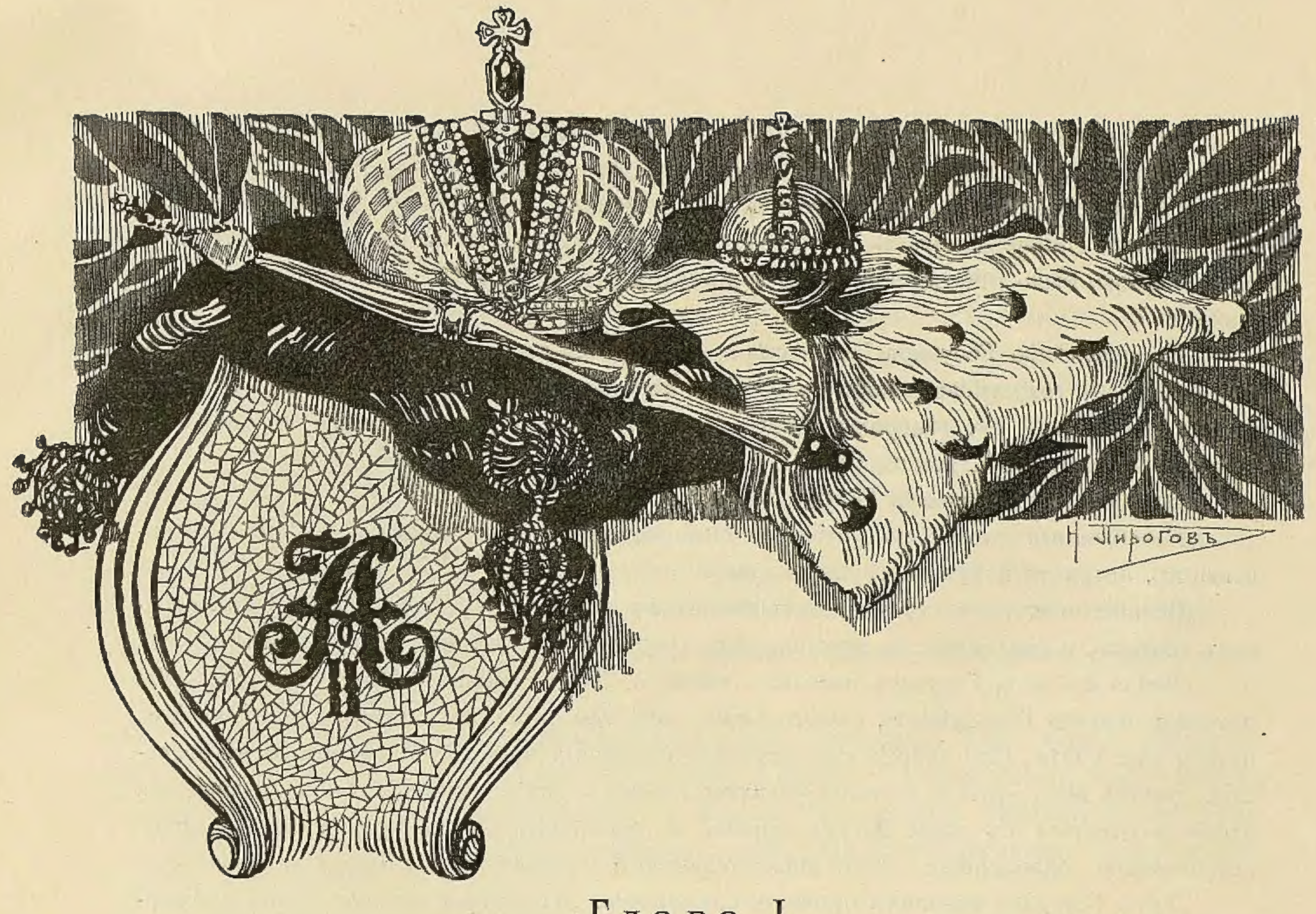

2007113370

Императоръ Александръ II.

Тип. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

Глава I.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ царствованіе Императора Александра II.

Мирная жизнь полка за 1855—63 г.г. Обращеніе Государя Императора Александра II къ гвардіи при восшествіи на престолъ. Пребываніе Л.-Гв. Финляндскаго дѣйствующаго полка въ Польшѣ. Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ въ С.-Петербургѣ. Переформированія полка. Начало преобразованій.

„Вы Моя гвардія. Я всегда любилъ и буду любить васъ искренно, какъ дѣтей.

Первыя слова Государя Императора Александра II, обращенныя къ гвардіи.

Вступленіе на престолъ Императора Александра II застало Л.-Гв. Финляндскій дѣйствующій полкъ расположеннымъ въ сѣверо-западномъ краѣ, около Вильны, куда онъ выступилъ изъ Петербурга еще въ сентябрѣ 1854 года, въ числѣ прочихъ частей гвардейскаго корпуса. Пребываніе гвардіи у западной границы вызывалось политическими условіями, находившимися въ связи съ событіями на Крымскомъ полуостровѣ. Въ тоже время резервныя части гвардіи и въ числѣ ихъ Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ были расположены въ С.-Петербургѣ, неся службу по охраненію столицы и подготовляя запасы для дѣйствующихъ полковъ на случай открытія ими военныхъ дѣйствій.

Вновь вступившему на престолъ Государю Императору Александру II объ части полка присягнули одновременно въ мѣстахъ ихъ расположенія *.

Принесеніе присяги въ С.-Петербургѣ ознаменовалось первымъ словомъ обращеннымъ юнымъ Императоромъ къ Своей гвардіи. Это слово, сказанное съ замѣчательной сердечностью, было произнесено 20-го февраля, черезъ день послѣ кончины Императора Николая I.

„По повелѣнію Государя Императора, — говорится въ описаніи этого дня, составленномъ въ штабѣ гвардейскаго корпуса [1], — 20-го февраля 1855 года, въ десять съ половиною часовъ утра, всѣ г.г. генералы, штабъ и оберъ-офицеры гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ собрались въ Зимній Дворецъ, на половину Его Величества.

„Въ одиннадцать часовъ Государь Императоръ вошелъ въ залу.

„Незабвенныя слова, съ которыми Онъ такъ милостиво обратился къ присутствовавшимъ, потрясли всѣхъ до глубины души.

„Величіе этихъ, отъ сердца истекшихъ словъ должно быть запечатлѣно и въ сердцахъ нашихъ, и сохранено въ исторіи, какъ свидѣтельство великодушія Государя.

„Войдя въ залу, Государь изволилъ сказать: „Въ покойномъ Императорѣ всѣ Мы потеряли нашего Благодѣтеля, нашего Отца; всѣ Мы поражены великою скорбію. Моя потеря еще болѣе, Моя скорбь еще сильнѣе. Въ первыя минуты постигшаго Меня несчастія, чувства Мои, прежде всего, обратились къ вамъ, любезнымъ Моимъ сослуживцамъ, чтобы подѣлиться съ вами Моимъ горемъ и поспѣшить передать вамъ слова нашего незабвеннаго Благодѣтеля, какъ доказательство Его любви къ вѣрнымъ Ему войскамъ".

„Тутъ Государь изволилъ прочесть слѣдующее: „благодарю славную, вѣрную Гвардію, спасшую Россію въ 1825 году, равно храбрыя и вѣрныя Армію и Флотъ; молю Бога, чтобъ сохранилъ въ нихъ навсегда тѣже доблести, тотъ же духъ, коими при Мнѣ отличались. Покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства, и внѣ и внутри обезпечено, и горе врагамъ его".

„При послѣднихъ словахъ Государь, перекрестился и сказалъ „дай Богъ, чтобъ это такъ было".

„Всѣ присутствующіе перекрестились; по залѣ пробѣжало слово: „и будетъ".

„Потомъ Государь Императоръ изволилъ продолжать читать: „Я ихъ любилъ какъ дѣтей Своихъ, старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать" **.

---

* Въ приказѣ по Л.-Гв. Финляндскому дѣйствующему полку, отъ 21-го февраля 1855 года, о принесеніи присяги предписывалось слѣдующее:

„Вслѣдствіе приказа по Корпусамъ отъ 18-го февраля за № 45, для принятія присяги на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру Николаевичу, предписываю сегодня къ 2 часамъ пополудни на дворѣ моей квартиры собрать караульную роту и всѣ команды полковаго штаба: штуцерную, хлѣбопековъ, мастеровыхъ и фурштатъ. Завтра, 22-го числа въ часъ пополудни, привести къ присягѣ 2-ой баталіонъ въ баталіонъ-штабѣ. 23-го числа въ часъ пополудни привести къ присягѣ 3-й баталіонъ въ м. Рукойни. 24-го числа, въ 2 часа пополудни 1-я, 2-я и 3-я Егерскія роты въ Дубинкахъ. Полковому священнику къ присягѣ проводить всѣхъ подъ знаменами. Всѣмъ быть одѣтымъ въ полной походной формѣ въ мундирахъ, каскахъ съ султанами, ранцахъ и съ ружьями".

** Эти слова вошли въ приказъ по Россійскимъ войскамъ и по гвард. и гренад. корпус. отъ 19 февраля 1855 года [2].

„Надѣюсь",—сказалъ, прочитавъ, Государь,—„что вы запечатлѣете въ сердцахъ вашихъ эти слова: они будутъ напоминать вамъ о вашихъ обязанностяхъ къ памяти покойнаго Императора, Благодѣтеля Нашего. Разставаясь съ вами по званію Моему главнокомандующаго, Я не разстаюсь съ вами сердцемъ: напротивъ, вы Мнѣ теперь болѣе близки, чѣмъ были прежде. Вы Моя Гвардія. Я всегда любилъ и буду любить васъ искренно, какъ дѣтей. Я никогда васъ не оставлю. Повѣрьте, что самое счастливое время Моей жизни было то, которое Я провелъ въ рядахъ вашихъ. Благодарю васъ всѣми чувствами Моего сердца за вашу службу и за вашу истинную преданность Моему покойному Отцу и Благодѣтелю. Я надѣюсь, Я увѣренъ, что вы навсегда сохраните въ вашихъ чувствахъ эту благородную преданность, и она Мнѣ порукой, что Мы не уступимъ шага врагамъ, отстоимъ Нашу милую Россію, которой Мы всѣ, вы и Я, должны и будемъ служить до послѣдней капли Нашей крови, и только этой службой мы можемъ достойно почтить память покойнаго Нашего Императора, за Его неизрѣченныя попеченія о благѣ Отечества".

„Оглушительное, неумолкаемое „ура!" было отвѣтомъ на эти незабвенныя слова.

„Отпуская насъ, Государь Императоръ изволилъ перекрестить всѣхъ, сказавъ „прощайте, Богъ съ вами".

Таково было первое обращеніе Императора Александра II къ гвардіи, обращеніе полное самой задушевной теплоты, сердечности и любви. Глубоко запало оно въ сердца гвардейцевъ и навсегда запечатлѣлось въ памяти ихъ; чувства овладѣвшія ими были выражены въ поднесенномъ, черезъ нѣсколько дней, Государю Императору адресѣ слѣдующаго содержанія.

„Государь, Всемилостивѣйшія слова Твои, сказанныя гвардіи и гренадерамъ въ 20-й день февраля, глубоко проникли въ вѣрныя сердца имѣвшихъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, величайшее счастье быть подъ непосредственнымъ начальствомъ Твоимъ. Да благословитъ Тебя Всемогущій Богъ на великій подвигъ, на который Онъ Тебя призываетъ. Да дастъ онъ Тебѣ геній и дѣянія Петра, вѣдѣніе сердецъ Екатерины, благословеніе Александра и убѣжденіе и духъ безсмертный Николая. Да утвердитъ Всесильная десница Его и насъ, вѣрныхъ сыновъ Твоихъ, на достойное участіе въ славѣ Твоей. Горячо, сердечно ревнуемъ вѣковой славѣ и вѣрности предковъ нашихъ. Да почіетъ надъ нами безсмертный духъ чести и долга, геройства, твердости и доблестей незабвеннаго Великаго Императора и Отца Николая I-го. Съ благоговѣйнымъ удивленіемъ навсегда сохранимъ въ памяти достославный 30-ти лѣтній примѣръ Его. Онъ вразумилъ каждаго изъ насъ свято исполнять свой долгъ.

„Молимъ Всевышняго, да дастъ Онъ Тебѣ, Великій Государь, исполненіе желаній сердца Твоего. Люби насъ, какъ любилъ Державный Отецъ Твой. Горимъ усердіемъ заслужить любовь Твою, Государь, какъ уже имѣли счастье заслужить милость Твою, начальника и благодѣтеля. Мы Твоя гвардія. Не уступимъ шагу врагамъ. Укажи, гдѣ стать грудью за Тебя и Отечество и да поможетъ намъ Всемогущій Богъ кровію и смертію запечатлѣть вѣру и вѣрность нашу".

Тогда же Государь Императоръ пожаловалъ Гвардіи и нѣкоторымъ армейскимъ

частямъ мундиры въ Бозѣ почившаго Императора Николая I., отдавъ одновременно съ тѣмъ приказъ по войскамъ слѣдующаго содержанія [3]:

„Храбрые воины! Доблестные сподвижники въ Бозѣ почившаго Августѣйшаго вождя вашего!

„Вы запечатлѣли въ сердцахъ вашихъ послѣднее выраженіе Его нѣжной родительской къ вамъ любви.

„Въ знакъ сей любви, войска Гвардіи, 1-й Кирасирскій корпусъ и Гренадерскій Генералиссимуса Князя Суворова полкъ, жалую вамъ тѣ самые Собственные Его Величества мундиры, кои Государь, вашъ благодѣтель, Самъ носить изволилъ; храните сей залогъ и да хранится онъ между вами, какъ святыня, какъ памятникъ и для будущихъ родовъ незабвенный....

„Да живетъ всегда въ рядахъ нашихъ священная память Николая I-го, да будетъ она страхомъ враговъ и славою Отечества".

Церемонія принятія полками гвардіи пожалованныхъ имъ мундировъ происходила 9-го марта, въ 2 часа дня. Отъ каждаго полка было наряжено по взводу отличнѣйшихъ нижнихъ чиновъ, при соотвѣтствующемъ числѣ офицеровъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого церемоніала, по возвращеніи изъ С.-Петербурга въ Вильну командира гвардейскаго пѣхотнаго корпуса Генералъ-Адъютанта Сумарокова, былъ отданъ слѣдующій приказъ, еще разъ показавшій какъ милостиво и внимательно въ первые дни правленія относился Государь Императоръ Александръ II къ Своей гвардіи, не смотря на множество государственныхъ заботъ тяготѣвшихъ на Немъ въ то тяжелое для Россіи время.

Приказъ гласилъ слѣдующее [4]:

„Войска гвардейскаго пѣхотнаго корпуса! Всемилостивѣйшій Государь нашъ, при послѣднемъ моемъ представленіи Его Императорскому Величеству, изволилъ осчастливить меня лестнымъ и отраднымъ для сердца моего порученіемъ. Его Величество изволилъ возложить на меня, достойные мои сослуживцы, еще разъ благодарить васъ за вашу вѣрную и усердную службу; Онъ приказалъ передать вамъ Свое Царское спасибо. Съ благоговѣніемъ поспѣшаю исполнить лично возложенное на меня Его Величествомъ порученіе. Я убѣжденъ, что вы, будучи искони преданы Монархамъ, постоянно изливающимъ на васъ свои милости, усугубите свое усердіе и ревность и покажите себя достойными названія „дѣтей", — названія, которымъ почтилъ васъ въ Бозѣ почившій Императоръ, а равно оправдаете и ожиданія Государя Императора, нынѣ привѣтствовавшаго васъ своимъ сердечнымъ спасибо.

„Воины гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, когда настанетъ минута сойтись съ врагомъ, пусть отъ генерала до послѣдняго рядового каждый исполнитъ честно долгъ свой. Да здравствуетъ Всемилостивѣйшій Государь нашъ на многія лѣта! Ура!"

27-го февраля въ 11 часовъ утра совершилась печальная церемонія перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая I изъ Зимняго дворца въ Петропавловскую крѣпость, а 5-го марта происходило погребеніе.

Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ принималъ участіе въ обоихъ церемоніалахъ, имѣя въ своемъ строю не только нижнихъ чиновъ, но и рекрутъ.

Велика была скорбь всѣхъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ эти печальные дни. Чувства горести какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ были безграничны. Какъ глубоко запали они въ душу солдата показываютъ слѣдующія слова описанія этого событія, записанныя однимъ изъ рядовыхъ Л.-Гв. Финляндскаго полка *.

„Мнѣ пришлось,—писалъ онъ [5],—быть въ церемоніи проводовъ изъ Зимняго дворца до Петропавловскаго Собора, тѣла моего Царя и благодѣтеля; во фронтѣ думать времени довольно—никто не помѣшаетъ и не перебьетъ,—сталъ я раздумывать о тяжелой тогдашней годинѣ, о трудахъ, и скорбяхъ, о сильномъ на Руси горѣ по случаю кончины покойнаго Императора, и о томъ какъ это было Богу угодно, что бы онъ умеръ именно въ это, а не въ другое время?.. А мы—войско и народъ,—всѣ его Покойнаго крѣпко любили, потому что всѣ знали и видѣли ясно, что онъ, былъ Царь могучій, истинно-русскій, православный... И я тогда молился Господу искренно и усердно. Слезы льются у меня изъ глазъ, что твой ключъ изъ камней, куда горячѣе и шибче; только легонько отряхаю ихъ съ рѣсницъ, да съ уса, а самъ ничего не вижу, не слышу, не помню. Рыданія крѣпко на крѣпко удерживаю въ груди, а въ рядахъ чуточку придерживаюсь локтями, какъ бы, то есть, не выйти изъ фронта или не упасть,—стыдно будетъ солдату...“

Эти строки лучше всего иллюстрируютъ скорбь Финляндцевъ въ тяжелые дни, послѣдовавшіе за кончиной незабвеннаго Императора Николая I.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II Восточная война продолжалась еще значительное время. 30 августа 1855 года послѣ 11-ти мѣсячной осады Севастополя Турецкія, Англійскія и Французскія войска вступили въ обгорѣлыя развалины этой крѣпости. Такимъ образомъ противники взяли не самую крѣпость, а лишь тотъ маленькій клочекъ земли, на которомъ дымились развалины ея и были разбросаны лишь кучи камней.

18 марта 1856 года былъ подписанъ Парижскій миръ между Россіей и Турціею съ ея союзниками. Вслѣдствіе этого пребываніе гвардіи въ сѣверо-западномъ краѣ стало излишнимъ, почему, вскорѣ по подписаніи мирнаго договора, гвардейскіе полки были двинуты изъ Литвы обратно въ Петербургъ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ началъ свой обратный походъ въ Россію 16-го апрѣля 1856 года.

Такимъ образомъ, полкъ пробылъ въ сѣверо-западномъ краѣ около $1^1/_2$ года, выступивъ изъ С.-Петербурга въ Вильну 9-го сентября 1854 года. Эти $1^1/_2$ года пребыванія полка въ чуждой для него обстановкѣ, при условіяхъ далеко не благопріятныхъ, отразились довольно чувствительно на всѣхъ чинахъ его. Въ моральномъ отношеніи стоянка тамъ была тяжела вслѣдствіе испытаній выпавшихъ на долю нашего оружія въ Восточной войнѣ. Севастопольская эпопея, приковывшая къ себѣ мысли и чувства всей Россіи, особенно болѣзненно отзывалась на сердцахъ гвардейцевъ, заброшенныхъ въ польскихъ

---

* Рядовой Александръ Маймадовъ, бывшій лезгинецъ Ассанъ, извѣстный своими похожденіями на Кавказѣ.

городахъ и мѣстечкахъ, среди чуждаго населенія. Каждый изъ гвардейскихъ солдатъ и офицеровъ рвался въ бой съ противникомъ, но вмѣсто боевыхъ дѣйствій долженъ былъ довольствоваться той скромной и незавидной долей, которую судьба посылала тогда гвардіи: стоять на кантониръ-квартирахъ и тщетно и безконечно ожидать какихъ либо распоряженій о выступленіи въ походъ.

Во время этого вынужденнаго бездѣйствія мысли всѣхъ и офицеровъ и нижнихъ чиновъ были обращены къ славнымъ защитникамъ Севастопольскихъ бастіоновъ; къ нимъ-же были направлены и сердечныя пожеланія всякихъ благъ и благополучія; выражалось это послѣднее добровольными пожертвованіями не только офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ въ пользу борцовъ за родную землю и ихъ семействъ. На сколько пожертвованія были значительны показываетъ то, что суммы поступавшія отъ нѣкоторыхъ солдатъ составляли для нихъ цѣлый капиталъ. Такъ, въ іюнѣ 1855 года рядовой М. Ильичевъ пожертвовалъ 100 руб. сер. „въ пользу семействъ морскихъ воиновъ, потерявшихъ дома и имущество въ г. Севастополѣ“ [6].

Въ матеріальномъ отношеніи стоянка гвардіи въ Литвѣ была тоже крайне неблагопріятна: квартиры лишенныя всякихъ удобствъ, плохое питаніе отъ обывателей, а главное различныя эпидеміи крайне вредно отразились на нижнихъ чинахъ и офицерахъ, вслѣдствіе чего убыль въ полкахъ была весьма значительной.

Квартированіе Л.-Гв. Финляндскаго полка за время стоянки въ Литвѣ отличалось частыми перемѣщеніями. Прибывъ 5-го ноября 1854 года въ Вильну, полкъ простоялъ тамъ до середины мая 1855 года; изъ Вильны, вслѣдствіе перемѣны дислокаціи частей гвардейскаго корпуса, полкъ былъ передвинутъ въ Бѣльскъ *, откуда, вслѣдстіе появленія холерной эпидеміи, перешелъ въ Гродно, гдѣ пробылъ съ 11-го іюля по 8-е сентября; затѣмъ, полку было приказано перейти поближе къ границѣ, въ г. Ломжу; тамъ Финляндцы и квартировали съ 19-го сентября 1855 года по 16-е апрѣля 1856 года [6]. Такимъ образомъ Ломжа была послѣднимъ пунктомъ квартированія полка въ сѣверо-западномъ краѣ.

Кромѣ этихъ перемѣщеній всего полка, часто происходили перемѣщенія ротъ и батальоновъ его изъ одного мѣстечка въ другое, вслѣдствіе или хозяйственныхъ соображеній или нарядовъ въ караулы и проч.

Вслѣдствіе этого люди не имѣли возможности устроиться сколько-нибудь прочно на одномъ мѣстѣ, что тоже отражалось весьма неблагопріятно на состояніи ихъ здоровья.

Число людей заболѣвавшихъ разными болѣзнями, преимущественно заразными, было очень значительно въ гвардейскомъ корпусѣ и особенно въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку. Причины такого грустнаго явленія заключались отчасти въ крайне суровомъ режимѣ поддерживавшемся въ полку командиромъ его графомъ Ребиндеромъ.

Въ приказахъ, по полку, особенно за конецъ 1855 года и начало 1856 года, зачастую писалось [7], что „число больныхъ и умершихъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку не только не уменьшается, но иногда даже разительно превосходитъ эти цифры въ другихъ полкахъ“. На основаніи семидневныхъ рапортовъ въ штабѣ западной арміи, въ составъ

---

* Въ Вильну же вступилъ Л.-Гв. Преображенскій полкъ.

которой входилъ гвардейскій корпусъ, выводились не особенно лестные для Л.-Гв. Финляндскаго полка сопоставленія его съ прочими гвардейскими частями въ медицинскомъ отношеніи. Такъ, въ приказѣ по полку, отъ 16-го февраля 1856 года, по этому поводу было объявлено слѣдующее: „Изъ полученныхъ донесеній о состояніи войскъ, представленныхъ (за 7 дней) къ 16-му января отъ полковъ въ штабъ западной арміи, г. Генералъ-Адъютантъ Сумароковъ усмотрѣлъ, что въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку состояло больныхъ весьма много и даже болѣе всѣхъ прочихъ полковъ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса — именно 182 человѣка, тогда какъ въ Л.-Гв. Семеновскомъ было 153, въ Л.-Гв. Московскомъ 137, въ Л.-Гв. Егерскомъ же 112".

Центръ Ломжи — соборъ.

Наконецъ, 9-го марта въ приказѣ по полку было объявлено, что корпусный командиръ, по прочтеніи семидневнаго рапорта о состояніи Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 12-го по 19-ое февраля, усмотрѣлъ, что „число больныхъ уменьшилось не отъ хорошаго пользованія, содержанія пищи, а отъ смертности и значительной выписки въ неспособные". Такія причины уменьшенія заболѣваемости не могли, конечно быть утѣшительными. Число умиравшихъ въ полку въ то время было дѣйствительно значительно, являясь отчасти слѣдствіемъ эпидемій. Такъ, въ 1855 году въ полку умерло отъ одной только холеры 81 человѣкъ [8].

Несмотря на то, что санитарная часть Л.-Гв. Финляндскаго полка за время пребыванія его въ Польшѣ находилась далеко не въ надлежащемъ состояніи, она служила предметомъ постояннаго попеченія. Командиръ полка, штабъ-лекарь, медики, фельдшера и цирульники, при помощи батальонныхъ и ротныхъ командировъ, дѣйствовали самымъ энергичнымъ образомъ въ цѣляхъ улучшенія санитарной части, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлая литература, выразившаяся въ приказахъ по полку, въ различныхъ наставленіяхъ и инструкціяхъ. Принимались также мѣры предупреждающія болѣзни; такъ, выписывался изъ Петербурга сотнями пудовъ листовой табакъ „для предупрежденія развитія цинготной болѣзни"; распоряженій о сохраненіи здоровья нижнихъ чиновъ отдавалось масса.

Образчикомъ такихъ распоряженій можетъ служить приказъ по полку, отъ 10-го марта 1856 года, слѣдующаго содержанія:

„Усмотрѣвъ изъ отчета представленнаго мнѣ г. баталіоннымъ лекаремъ Толмачевымъ о произведенномъ имъ медицинскомъ подробномъ осмотрѣ размѣщенія, содержанія

и сбереженія нижнихъ чиновъ во всѣхъ ротахъ полка, я съ удовольствіемъ объявляю мою благодарность г. Штабсъ-Капитану Кусову за попеченіе его о квартирахъ солдатъ. Въ 9-ой егерской ротѣ возлѣ каждой кровати привѣшена на стѣнѣ плетеная изъ соломы цыновка для защиты солдата отъ сырости. Къ сожалѣнію этого нельзя сказать о нѣкоторыхъ другихъ ротахъ. Привожу здѣсь извлеченіе изъ замѣчаній г. Толмачева для руководства г.г. баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ. 1) Хлѣбопеченіе въ большой части ротъ производится по квартирамъ; оттого нерѣдко попадается хлѣбъ сырой и недопеченый. На этотъ предметъ я уже обратилъ вниманіе гг. ротныхъ командировъ въ приказѣ 2-го марта. Если это и теперь случается, то отвѣтственность за это падаетъ не на однихъ ротныхъ, но и на баталіонныхъ командировъ. Недостаточно передавать приказанія мои, надо лично удостовѣриться въ исполненіи приказанія и указать, какъ организовать хлѣбопеченіе, сообразно съ мѣстными средствами, если у нѣкоторыхъ солдатъ хлѣбъ выпекается сырой. 2) Не во всѣхъ ротахъ нижніе чины еженедѣльно ходятъ въ баню и перемѣняютъ бѣлье. Въ 1-й егерской ротѣ у 3-хъ найдена чесотка. Солома на постели солдатъ въ 4-й егерской ротѣ встрѣчалась измятая, перетертая. Большая часть постелей солдатъ прилажена возлѣ печекъ. Это развиваетъ воспріимчивость къ простудѣ и даже тифозной горячкѣ. Прошу г.г. ротныхъ командировъ посвятить на недѣлѣ хотя 3 часа для осмотра квартиръ. Требовать чистоты, и внушить отдѣльнымъ унтеръ офицерамъ, что еженедѣльные осмотры нижнихъ чиновъ назначаются не для открытія только венерической болѣзни, но и для осмотра бѣлья и повѣрки были ли люди въ банѣ, и нѣтъ ли у кого чесоточной сыпи. 3) Необходимо объявить въ ротахъ, что, съ наступленіемъ весеннихъ оттепелей, въ здѣшнемъ климатѣ всякая простуда легко обращается въ злокачественную лихорадку или воспаленіе или тифозную горячку, поэтому каждый долженъ и будетъ беречься сколько умѣетъ. Воспретить ложиться на землю на солнцѣ, гдѣ прогарно. Это крайне вредно и можетъ развить самую упорную перемежающую лихорадку. Квартиры гдѣ окажутся больные, замѣняются другими.

„Гимнастику производить предъ обѣдомъ или ужиномъ, для того чтобы люди отнюдь не пили воды послѣ гимнастики. Предрасположенныхъ къ цынгѣ г. Толмачевъ указалъ г.г. ротнымъ командирамъ. Этимъ людямъ позволять уклоняться отъ гимнастики и, если можно, выдавать имъ хрѣну съ уксусомъ къ обѣду вмѣстѣ съ порціей мяса.

„Наибольшее число слабыхъ, истощенныхъ силами послѣ перенесенныхъ тяжкихъ болѣзней найдено въ 4 и 7 егерскихъ ротахъ. Попеченіе о солдатахъ слабыхъ послѣ болѣзни есть христіанскій долгъ ротнаго командира, понимающаго святость своихъ обязанностей. Объ этомъ упоминалось въ приказѣ 2-го февраля. Подтверждать объ этомъ неприлично, потому что не исполнять этого не простительно. Тамъ гдѣ г. Толмачевъ нашелъ людей съ грыжей г.г. ротнымъ командирамъ потребовать изъ полковаго лазарета казенные бандажи. Въ заключеніе не могу умолчать, что мнѣ особенно пріятно благодарить г. Толмачева за подробный систематическій отчетъ, за добросовѣстные труды при объѣздѣ и осмотрѣ всѣхъ ротъ.“

Изъ болѣзней въ то время были наиболѣе распространенными, кромѣ холеры: тифъ, горячки и перемежающіяся лихорадки.

Плохое санитарное состоянiе повлекло за собою принятiе мѣръ по улучшенiю питанiя нижнихъ чиновъ: было объявлено „наставленiе о продовольствiи нижнихъ чиновъ“, заключавшее въ себѣ рядъ указанiй къ улучшенiю пищи солдата и къ лучшему приготовленiю ея. Продовольствiе отъ жителей было найдено несоотвѣтствующимъ: уплачивая квартиро-хозяевамъ деньгами получаемыми отъ казны солдатъ частенько голодалъ, какъ вслѣдствiе невозможности достать необходимые продукты по бѣдности края, такъ и вслѣдствiе плохого приготовленiя варки—обычнаго среди тамошняго населенiя. Вслѣдствiе этого, приказано было производить довольствiе исключительно изъ котла, причемъ отпускъ припасовъ производился не деньгами, а натурою; варку приказано было готовить въ каждой деревнѣ отдѣльно [9].

Квартированiе гвардейскаго корпуса въ сѣверо-западномъ краѣ совпало съ началомъ многочисленныхъ преобразованiй въ военномъ вѣдомствѣ, начавшихся подъ влiянiемъ опыта Восточной войны. Севастопольская кампанiя указала на цѣлый рядъ неотложныхъ реформъ, проведенiе которыхъ въ жизнь предпринято, было тотчасъ по вступленiи на престолъ Императора Александра II го.

Изъ этихъ реформъ на первомъ мѣстѣ стояло развитiе стрѣлковаго дѣла, которое въ свою очередь повлекло за собою, сообразно со взглядами того времени на стрѣльбу, созданiе стрѣлковыхъ ротъ въ полкахъ пѣхоты. Стрѣлковыя роты были образованы какъ въ дѣйствующихъ, такъ и въ резервныхъ полкахъ изъ штуцерныхъ командъ, существовавшихъ въ гвардiи съ конца 20-ыхъ годовъ [10].

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку стрѣлковыя роты были сформированы въ концѣ сентября 1855 года [11].

При сформированiи ихъ приняты были слѣдующiя главнѣйшiя основанiя [12]: 1) обязать полковыхъ командировъ полной отвѣтственостью за стрѣлковыя роты, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ подлежали отвѣтственности и бригадныхъ командировъ 2) въ стрѣлковыя роты назначать офицеровъ охотниковъ, умѣющихъ стрѣлять и учить стрѣльбѣ. 3) Въ стрѣлки выбирать самыхъ сильныхъ ловкихъ и смышленыхъ людей. 4) Стрѣлковъ ни на какiя ученья не выводить, а занимать исключительно стрѣльбою въ цѣль и „развить ихъ натуральную ловкость и смѣтливость“. 5) Учить ихъ примѣненiю къ мѣстности и упражнять въ гимнастикѣ, преодолѣнiи мѣстныхъ препятствiй, фехтованiи, бѣганiи и тому подобномъ.

Стрѣлковыя роты были ввѣрены особому штабъ-офицеру, именовавшемуся начальникомъ стрѣлковъ такого то полка. Онъ завѣдывалъ стрѣлковыми ротами на правахъ батальоннаго командира, хотя стрѣлковыя роты и были причислены къ тѣмъ батальонамъ, при которыхъ онѣ состояли. Это причисленiе носило характеръ преимущественно внѣшнiй, т. к. стрѣлковыя роты бывали при своихъ батальонахъ только во время ученiй.

Такимъ образомъ, по сформированiи стрѣлковыхъ ротъ, полки сохранили 3-хъ батальонную организацiю только съ внѣшней стороны, при чемъ каждый батальонъ состоялъ изъ 5-ти пѣхотныхъ ротъ: 4-хъ линейныхъ и 1-ой стрѣлковой. Въ сущности же организацiя полка того времени была скорѣе 4-хъ батальонная, такъ какъ три стрѣлковыя роты полка, носившiя наименованiя 1-й 2-й и 3-й стрѣлковыхъ ротъ, составляли какъ бы 4-ый батальонъ 3-хъ ротнаго состава.

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку первымъ начальникомъ стрѣлковъ былъ Полковникъ Вернеръ; согласно положенію, онъ долженъ былъ „завѣдывать во всемъ полку обученіемъ стрѣльбѣ и оружейной частью". Первыми же ротными командирами стрѣлковыхъ ротъ Поручики: Яковлевъ I-й, фонъ-Голли и Гиренковъ; они, согласно тому же положенію, были „младшими, или батальонными инструкторами въ своихъ батальонахъ" [13].

Стрѣлковыя роты имѣли нарѣзное оружіе. Для ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка новыя нарѣзныя ружья были выданы изъ Московскаго, Брестъ-Литовскаго и другихъ артиллерійскихъ складовъ [14].

Образованіе стрѣлковыхъ ротъ, вызванное признаніемъ важности развитія стрѣльбы въ войскахъ, повлекло за собою стремленіе увеличить „одиночную развязность и ловкость солдатъ",почему занятія пріобрѣли въ то время совершенно иной характеръ отводившій все показное на задній планъ.

Новая система занятій, а также и прибытіе въ дѣйствующій полкъ 600 человѣкъ нижнихъ чиновъ изъ резерва изъ Петербурга, * осложняли службу какъ офицеровъ такъ и нижнихъ чиновъ дѣйствующаго полка въ довольно значительной степени.

Реформы перваго времени царствованія Императора Александра II го коснулись и обмундированія, которое старались примѣнить насколько возможно болѣе къ требованіямъ военнаго времени; однако въ общемъ, измѣненія въ формѣ одежды были мало существенными.

Тѣмъ не менѣе эти измѣненія потребовали весьма значительной и спѣшной работы, такъ какъ работа эта была срочная: къ коронаціи Императора Александра II-го т. е. къ осени 1856 года, вся гвардія должна была облечься въ новую форму обмундированія.

Главнѣйшимъ нововведеніемъ въ этой области явилась передѣлка прежнихъ мундировъ, имѣвшихъ фрачный фасонъ, на двубортный мундиръ съ длинными полами.

Работы по изготовленію новаго обмундированія требовали большой энергіи отъ всѣхъ чиновъ полка, начиная съ командира его; швальня, сапожная, галунная и басонная мастерскія были завалены работою, производившеюся и въ дѣйствующей и въ резервной частяхъ полка. За покупкой и пріемомъ вещей для дѣйствующаго полка былъ командированъ въ Петербургъ полковой казначей Штабсъ-Капитанъ Максимовъ.

„Сшить обмундированіе новаго образца,— говоритъ [15] полковникъ Ф. Ростковскій,—на весь составъ полка, въ теченіи лѣта 1856 года, было бы положительно невозможнымъ, если бы не помогла въ этомъ случаѣ распорядительность гр. Ребиндера и особенное усердіе казначея, который, кромѣ возложеннаго на него порученія, взялъ на себя хлопоты по снабженію всѣхъ офицеровъ новымъ обмундированіемъ къ прибытію полка въ Москву. Согласно полученной Шт.-Кап. Максимовымъ отъ гр. Ребиндера инструкціи, слѣдовало, къ оставленному въ Петербургѣ полному комплекту новыхъ мундировъ, пришить юбку вмѣсто фалдъ. Эти обновленные мундиры новаго образца были, какъ надо полагать, очень хорошо сдѣланы и изъ прочнаго матеріала потому, что многіе изъ нихъ, конечно въ поношенномъ уже видѣ, встрѣчались еще въ 1862 и 1863 годахъ. Офицерское обмундированіе было заказано Шт.-Кап. Максимовымъ по мѣркамъ, снятымъ, при прохо-

* 600 человѣкъ изъ Л. Гв. Финляндск. резервнаго полка были отправлены въ дѣйствующій полкъ по Высочайшему повелѣнію въ Февралѣ 1856 г; при нихъ было 9 офицеровъ, вернувшихся обратно въ Петербургъ 24 унтеръ-офицера и 8 ефрейторовъ.

жденіи полка черезъ Смоленскъ и, приготовленное къ назначенному сроку, доставлено было въ Москву, къ прибытію туда Финляндскаго полка".

Къ веснѣ 1856-го года закончилась наконецъ продолжительная стоянка гвардейскаго корпуса въ сѣверо-западномъ краѣ. Съ конца февраля мѣсяца стали распространяться упорные слухи о скоромъ выступленіи гвардіи въ Петербургъ; въ началѣ марта по этому поводу отдавались опредѣленныя приказанія и ожидалось уже только назначеніе самого дня выступленія, какъ вдругъ послѣдовало измѣненіе въ предполагаемомъ движеніи гвардіи: она была направлена вмѣсто Петербурга въ Москву для участія въ торжествахъ коронаціи Государя Императора Александра II-го.

Вслѣдствіе этого Л.-Гв. Финляндскій полкъ, готовившійся выступить въ Петербургъ двумя эшелонами 2-го и 3-го апрѣля, выступилъ на самомъ дѣлѣ 16-го апрѣля въ Москву, двумя же эшелонами. Въ первомъ эшелонѣ назначено было слѣдовать 1-му и 2-му батальонамъ, а во второмъ — 3-му батальону, стрѣлковымъ ротамъ и полковому штабу. Начальствованіе надъ первымъ эшелономъ было поручено Полковнику Ванновскому, надъ вторымъ —Полковнику Чиркову. На обязанность эшелонныхъ начальниковъ было возложено командиромъ полка назначеніе времени выступленія ротъ съ ночлеговъ, нарядъ караульныхъ ротъ, дежурныхъ по эшелонамъ и батальонамъ офицеровъ, мѣстонахожденіе обоза и вообще весь порядокъ движенія, который впрочемъ былъ полностью росписанъ въ приказѣ по полку командиромъ полка графомъ Ребиндеромъ. Во время движенія обращалось особое вниманіе на санитарную часть полка и на хорошее приготовленіе пищи; варку предписывалось производить два раза въ день и оба раза съ мясомъ, хлѣбопеченіе производилось полковыми хлѣбопеками высылаемыми впередъ; въ ненастные дни выдавалась водка. Батальоннымъ врачамъ предписывался тщательный уходъ за больными и слабыми нижними чинами. Но, не смотря на всѣ означенныя мѣры, число больныхъ за время движенія полка отъ Ломжи до Москвы было, какъ и во время квартированія его въ западномъ краѣ, значительно. Всего заболѣло 357 человѣкъ, что для мирнаго похода, продолжавшагося менѣе четырехъ мѣсяцевъ, было весьма значительной убылью. Впрочемъ причиной этого явленія было отчасти неудачное время года при началѣ походнаго движенія, когда распутица и непогода заставляли претерпѣвать невзгоды.

Походъ полка, начавшійся выступленіемъ его изъ Ломжи 16-го апрѣля, окончился прибытіемъ въ Москву 9-го іюля. Маршрутъ лежалъ черезъ слѣдующіе пункты: Бѣлостокъ, Волковискъ, Слонимъ, Новогрудокъ, Новый Сверженъ, Минскъ, Борисовъ, Смоленскъ, Юхновъ, Малоярославецъ. Дневки назначались черезъ два—три дня, переходы были невелики. Во время движенія производилось маневрированіе, а на дневкахъ занимались стрѣльбой. Не смотря на новыя требованія по этимъ предметамъ, хозяйственныя заботы по мѣрѣ приближенія полка къ Москвѣ все болѣе и болѣе усиливались; въ Москвѣ надо было предстать въ полномъ блескѣ вполнѣ соотвѣтствующемъ торжеству коронаціи. Во время марша внѣшность тоже привлекала къ себѣ не малое вниманіе, тѣмъ болѣе, что для наблюденія за войсками на походѣ были назначены по особому Высочайшему повелѣнію Генералъ-Адъютанты Гринвальдтъ и Врангель, которымъ и представлялись эшелоны [16].

Въ концѣ похода во всѣхъ войскахъ гвардейскаго корпуса были приняты весьма тщательныя мѣры по дезинфекціи одежды и всего имущества нижнихъ чиновъ и офицеровъ; мѣры эти были вполнѣ своевременны, въ виду эпидемій, которымъ подверглись войска во время ихъ пребыванія въ Литвѣ и Польшѣ.

Приближаясь къ Москвѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ испыталъ значительную перемѣну: по особому приказанію Генералъ-Маіоръ графъ Ребиндеръ долженъ былъ сдать полкъ въ 24 часа Генералъ-Маіору Ганецкому, который и вступилъ въ командованіе полкомъ 16-го іюня, во время прохожденія полка черезъ Ельну.

Въ своемъ послѣднемъ приказѣ по полку отъ 16-го іюня графъ Ребиндеръ такъ прощался съ Финляндцами:

„Высочайшимъ приказомъ въ 9-й день іюня отданнымъ, я Всемилостивѣйше уволенъ отъ службы за болѣзнію.

„Разставаясь нынѣ съ полкомъ, съ которымъ я успѣлъ сродниться въ теченіи трехълѣтняго командованія, я не могу не выразить моей сердечной признательности всѣмъ гг. офицерамъ за ихъ благородную службу; въ особенности-же благодарю гг. баталіонныхъ и ротныхъ командировъ за усердное содѣйствіе, которое они оказывали мнѣ постоянно.

„Душевно благодарю гг. полковыхъ медиковъ, которыхъ труды въ настоящее время неоцѣненны. Прошу гг. ротныхъ командировъ и начальниковъ отдѣльныхъ командъ передать мое искреннее спасибо добрымъ Финляндскимъ солдатамъ“.

Приказъ этотъ, не вполнѣ соотвѣтствовавшій дѣйствительности и безусловно не подходившій къ обращенію гр. Ребиндера съ нижними чинами, едва ли нашелъ откликъ въ сердцахъ „добрыхъ Финляндскихъ солдатъ“.

Вновь назначенный командиръ Генералъ-Маіоръ Ганецкій, командовавшій до этого Л.-Гв. Финляндскимъ резервнымъ полкомъ, коренной Финляндецъ, много лѣтъ прослужившій съ честью въ полку, отличавшійся всегда особымъ умѣніемъ говорить съ солдатомъ, проникать ему въ душу и дѣйствовать на его убѣжденія, сразу же явился во всѣхъ отношеніяхъ желаннымъ командиромъ. Выѣхавъ изъ Москвы, на встрѣчу Л.-Гв. Финляндскому полку, Генералъ Ганецкій, по его словамъ, нашелъ полкъ какъ бы усталымъ, не такимъ бодрымъ какимъ онъ его оставилъ; но достаточно было нѣсколькихъ дней, нѣсколькихъ бесѣдъ Ивана Степановича съ Финляндцами, давно знавшими Генерала Ганецкаго, достаточно было нѣсколькихъ переходовъ, чтобы все встрепенулось, чтобы все ожило. „Старики, съ которыми намъ приходилось говорить,—указываетъ [17] въ своей исторіи полка Полковникъ Ф. Ростковскій,—всѣ единогласно, но при этомъ весьма лаконически, заявляютъ, что отъ Ельны, гдѣ Генералъ Ганецкій принялъ полкъ, настали другія времена“.

Встрѣченный столь сочувственно, Генералъ Ганецкій показалъ себя съ отличной стороны не только во время мирной службы полка, но и въ военное время; боевыя качества его, блистательно выказанныя имъ во время командованія полкомъ при усмиреніи возстанія въ Литвѣ въ 1863 году, нашли себѣ весьма лестную оцѣнку среди подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ. Одинъ изъ раненыхъ въ кампаніи 1863 года Финляндцевъ,

далъ такой отзывъ о Генералѣ Ганецкомъ: „Это истинный герой. Мы его съ большимъ восторгомъ благодаримъ“ [18].

Иванъ Степановичъ Ганецкій, по окончаніи 1-го Кадетскаго Корпуса, вступилъ на службу Прапорщикомъ Л.-Гв. въ Финляндскій полкъ 25 декабря 1828 года; первое время служенія Прапорщика Ганецкаго въ полку совпало съ походомъ въ Турцію, въ которомъ впрочемъ Прапорщикъ Ганецкій не принялъ участія, будучи назначенъ въ оставшійся въ Петербургѣ батальонъ полка, имѣвшій значеніе запаснаго батальона. Когда изъ этого батальона отправлена была въ 1829 г. рота на усиленіе полка, Прапорщикъ Ганецкій выступилъ съ этой ротой и дошелъ съ нею до Тульчина. Кавказская война привлекла въ 1836 году Поручика Ганецкаго къ берегамъ Чернаго моря, Кубанскому, Николаевскому, Ольшевскому и Александровскому укрѣпленіямъ и къ берегамъ рѣки Анапы, гдѣ онъ участвовалъ во многихъ перестрѣлкахъ съ горцами, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ мечами. Въ 1837 году, какъ отличный строевой офицеръ, онъ „былъ командированъ въ 5-й пѣхотный корпусъ для указанія и наученія въ полкахъ онаго корпуса порядка фронтовой и гарнизонной службы“; эта командировка продолжалась до конца 1839 года. Затѣмъ, на двѣнадцатомъ году своей службы, Штабсъ-Капитанъ Ганецкій получилъ въ награду орденъ свят. Владиміра 4-й степени. Въ 1846 году Капитанъ Ганецкій былъ назначенъ исправляющимъ должность младшаго штабъ-офицера въ Л.-Гв. Волынскомъ полку, въ слѣдующемъ году—въ Л.-Гв. Измайловскомъ полку. 23-го сентября 1847 года, произведенный въ полковники, онъ былъ откомандированъ обратно въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Прокомандовавъ нѣсколько лѣтъ

Генералъ-Маіоръ И. С. Ганецкій.
Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 1856 по 1863 годъ.

разными батальонами Л.-Гв. Финляндскаго полка какъ дѣйствующими такъ и запасными, Полковникъ Ганецкій, при сформированіи Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка, былъ назначенъ, въ августѣ 1854 года, его командиромъ.

Резервный полкъ былъ сформированъ Полковникомъ Ганецкимъ во всѣхъ отношеніяхъ отлично, за что командиръ его удостоился Имяннаго Монаршаго Благоволѣнія, объявленнаго 6-го декабря 1854 года. 30-е августа 1855 года Полковникъ Ганецкій былъ произведенъ, за отличіе по службѣ, въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командующимъ 4-й гвардейской пѣхотной бригадою и съ оставленіемъ командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка.

Черезъ 10 мѣсяцевъ послѣдовало назначеніе его командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго дѣйствующаго полка.

Командуя около семи лѣтъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, Генералъ Ганецкій особенно поднялъ стрѣлковую часть въ полку, что вполнѣ соотвѣтствовало тому новому направленію, котораго придерживались въ войскахъ русской арміи въ началѣ царствованія Императора Александра II-го. Отличаясь вообще значительной строгостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянной справедливостью, Генералъ Ганецкій пріобрѣлъ себѣ всеобщую любовь, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Въ кампанію 1863 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ выступилъ подъ командой Генерала Ганецкаго и особенно отличился въ сраженіи при Гудишкахъ 26 апрѣля, гдѣ Финляндцы храбро аттаковали повстанцевъ, имѣя во главѣ своихъ ротъ Генерала Ганецкаго. Разбитіе многихъ бандъ польскихъ мятежниковъ, особенно выдвинувшее Л.-Гв. Финляндскій полкъ, явилось, главнымъ образомъ, результатомъ распорядительности и энергіи его славнаго командира, награжденнаго за это орденомъ Св. Владиміра 2-й ст. съ мечами. Умиротворитель сѣверо-западнаго края Генералъ-Адъютантъ графъ Муравьевъ весьма высоко ставилъ дѣятельность лихаго командира Финляндцевъ. Эта лестная оцѣнка послужила причиною назначенія Генерала Ганецкаго, въ іюлѣ 1863 года, командующимъ 16-й пѣхотной дивизіей, расположенной тогда въ сѣверо-западномъ краѣ. Такимъ образомъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ къ крайнему сожалѣнію всѣхъ чиновъ, лишился своего любимаго командира*. Время служенія Ивана Степановича Ганецкаго въ Польскую компанію было едва-ли не однимъ изъ самыхъ блестящихъ всей его карьеры: тогда на немъ сосредоточены были взоры всѣхъ лучшихъ людей Россіи, какъ на ближайшемъ помощникѣ графа Муравьева, и военноначальникѣ плѣнившемъ Сѣраковскаго и разбившемъ Мацкевича—этихъ наиболѣе важныхъ вождей повстанцевъ.

Кампанія 1877—1878 г.г. застала Генерала Ганецкаго въ должности командира гренадерскаго корпуса, командуя которымъ, онъ былъ назначенъ въ Октябрѣ 1877 года начальникомъ войскъ занимавшихъ 6-й участокъ обложенія Плевны. Здѣсь на долю Генерала Ганецкаго выпалъ высокій жребій плѣненія арміи Османа-Паши, что имѣло громадное значеніе для всей войны 1877—1878 г.г. Въ формулярномъ спискѣ Генерала Ганецкаго объ этомъ блестящемъ успѣхѣ изложено слѣдующимъ образомъ: „Начальствовалъ надъ

---

* Вскорѣ послѣ этого Генералу Ганецкому былъ оставленъ мундиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

русскими и румынскими войсками въ сраженіи съ турками подъ Плевной и одержалъ побѣду надъ непріятелемъ, имѣвшую результатомъ полное пораженіе турокъ и плѣненіе главнокомандующаго турецкой арміи Османъ-Паши со всею его сорокатысячною арміею, при чемъ Османъ-Паша сдался безусловно своему побѣдителю, Генералу Ганецкому, вручивъ ему свою саблю—28-го Ноября, 1877 года". Такимъ образомъ честь плѣненія непріятельской арміи принадлежала, въ знаменательный день 26 Ноября, бывшему офицеру и командиру Л.-Гв. Финляндскаго полка. Въ этотъ моментъ своей служебной дѣятельности Генералъ Ганецкій снова привлекъ къ себѣ вниманіе всей Россіи и былъ предметомъ блестящихъ овацій. Въ сраженіи 26-го ноября Генералъ Ганецкій помимо способности полководца, выказалъ ему всегда присущія личную храбрость и неустрашимость; онъ продолжительное время находился подъ дѣйствіями непріятельскихъ выстрѣловъ и былъ контуженъ гранатою въ голову *. Орденъ Св. Георгія 3-й ст., а вскорѣ и назначеніе Генералъ-Адъютантомъ, были наградой Генерала Ганецкаго за плѣненіе арміи Османа-Паши.

Въ 1879 году Генералъ-отъ-Инфантеріи Ганецкій былъ назначенъ Членомъ Военнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи Генералъ-Адъютанта и членомъ Александровскаго Комитета о раненыхъ. Въ 1881 году онъ былъ назначенъ комендантомъ С.-Петербургской крѣпости, въ каковой должности и остался по день своей смерти 8 апрѣля 1887 г. [19].

Одной изъ первыхъ задачъ, выпавшихъ на долю Генерала Ганецкаго при полученіи имъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, было представленіе полка на Высочайшій смотръ и вообще на коронаціонныя торжества въ Москвѣ.

Принявъ полкъ передъ самымъ его вступленіемъ въ Москву, Генералу Ганецкому пришлось немедленно приняться за самую усиленную работу, что и видно было изъ распоряженій и приказовъ по Л.-Гв. Финляндскому полку. Работа эта принесла сразу же хорошіе результаты: при вступленіи въ Москву, какъ о томъ сказано въ приказѣ по гвардейскому корпусу, [20] „примѣрная стройность, щеголеватость, при чистотѣ одежды и свободный шагъ, отличали Финляндскій полкъ".

Вступленіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Москву произошло 9-го іюля 1856 года. Полкъ, встрѣченный весьма радушно московскими обывателями и особенно купечествомъ, предложившимъ нижнимъ чинамъ угощеніе, прослѣдовалъ въ общій лагерь коронаціоннаго отряда, собранный подъ Москвою на Ходынскомъ полѣ.

Громадный Ходынскій лагерь, гдѣ помѣстились 1-я, 2-я и 3-я гвардейскія пѣхотныя и 1-я гренадерская дивизіи, съ принадлежавшею къ нимъ артиллеріею и нѣкоторыми отдѣльными баталіонами, былъ расположенъ фронтомъ къ Петровскому дворцу, по обѣ стороны рѣки Ходынки и по лѣвому берегу рѣки Москвы до дер. Хорошово. Лагерь былъ устроенъ образцово: всѣ хозяйственныя приспособленія, кухни, цейхгаузы, навѣсы хлѣбопекарныя печи, водопроводы были выстроены заново; устроены были также дороги, мосты и даже вырыты пруды. Порядокъ въ лагерѣ поддерживался строжайшій, какъ и въ Красномъ Селѣ [21].

* При этомъ онъ получилъ сотрясеніе, мозга хотя, къ счастью, въ легкой степени.

Одною изъ главнѣйшихъ заботъ во время пребыванія гвардіи въ Москвѣ было сохраненіе здоровья людей и прекращеніе начавшихъ появляться случаевъ заболѣванія холерою. Съ этою цѣлью, улучшена была пища отпускомъ, кромѣ приварочныхъ (4½ к. въ сутки на человѣка), сухой кислой капусты и чарки водки ежедневно къ ужину. Кромѣ того, подтверждено было, подъ строгою отвѣтственностью ротныхъ командировъ, о ношеніи нижними чинами набрюшниковъ. Въ видахъ-же предохраненія отъ глазныхъ болѣзней, постановлено правиломъ имѣть между палатками ведра съ чистою водою, предназначавшеюся для промыванія глазъ.

Въ лагеряхъ, на Ходынкѣ, устроены были большія мастерскія: предстоявшія празднества и перемѣна въ обмундированіи требовали сбора большаго числа портныхъ, для помѣщенія которыхъ построены были въ то время огромные бараки. До прибытія полка, обмундированіе пригонялось на три роста, а послѣ вступленія его въ лагерь мундиры переправлялись на каждаго человѣка отдѣльно. Работы было много и энергичная распорядительность полковаго казначея Штабсъ-Капитана Максимова не мало помогала дѣлу. Въ виду краткости времени, здѣсь впервые употреблены были полкомъ швейныя машины. Замѣчательно, что нововведеніе это, такъ повидимому облегчавшее трудъ рабочихъ, встрѣчено было ими болѣе чѣмъ непріязненно и Штабсъ-Капитану Максимову приходилось, по его словамъ, прибѣгать изъ за этого даже къ наказаніямъ.

По прибытіи въ лагерь сданы были готовые боевые патроны и приняты учебные припасы, а послѣ краткаго отдыха начались занятія стрѣльбою и ученья. Ученья эти состояли „изъ аванпостной службы, малой войны и дѣйствій малыми отрядами". Для каждаго, даже ротнаго ученья, должно было быть составляемо предположеніе, которое представлялось черезъ дивизіонный штабъ, главнокомандующему. При этихъ занятіяхъ, противникъ обозначался жолонерами. Въ свободное отъ ученій время, „въ видѣ рекреаціи", производилась гимнастика. Занятія съ нижними чинами могли быть назначаемы не долѣе двухъ часовъ въ сутки, причемъ на гимнастику и фехтованіе выводились только тѣ люди, „которые по какимъ нибудь случаямъ, не были въ теченіи дня на ученьи" [22].

Всѣ занятія начались на десятый день послѣ вступленія войскъ въ Москву; до этого же лагерь приводился въ должный порядокъ рабочими, наряжаемыми изъ нижнихъ чиновъ гвардейскихъ полковъ; офицерамъ же разрѣшено было уѣхать, если того требовали обстоятельства, въ Петербургъ, главнымъ образомъ для обмундированія по новой формѣ[23].

Занятія имѣли цѣлью „представиться Государю Императору въ полномъ устройствѣ во всѣхъ отношеніяхъ".

Вступая въ Москву, полки 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи встрѣтились со своими резервными полками, находившимися въ Москвѣ съ осени 1855 года. Назначеніе резервныхъ полковъ во время коронаціонныхъ торжествъ, заключалось въ несеніи караульной службы. Въ этомъ отношеніи Л.-Гв. Финляндскому резервному полку выпалъ счастливый жребій первому изъ гвардіи привѣтствовать новаго Монарха въ первопрестольной Москвѣ 14-го августа; въ этотъ день, полкъ занималъ главный караулъ въ Петровскомъ дворцѣ, куда прослѣдовали Ихъ Величества съ желѣзной дороги [24]. Это было почти недѣлю спустя послѣ приказа по военному вѣдомству о расформированіи гвардейскихъ резерв-

ныхъ полковъ, которое впрочемъ было отложено до окончанія коронаціонныхъ торжествъ.

Съ 15-го августа началась служба гвардіи въ Высочайшемъ присутствіи. Всѣ дни были росписаны въ подробностяхъ, съ указаніемъ парадовъ, смотровъ и т. п. церемоній по часамъ. 16-го августа состоялся Высочайшій объѣздъ лагеря, послѣ котораго Государь Императоръ изволилъ распредѣлять въ полки кавалеровъ знака отличія Военнаго Ордена предназначенныхъ къ переводу изъ арміи въ гвардію; распредѣленіе это происходило на дворѣ Петровскаго дворца, гдѣ Государь имѣлъ тогда пребываніе.

17-го августа состоялся торжественный въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву изъ Петровскаго дворца. При этомъ полки 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 2-й гвардейской резервной дивизіи были расположены по Тверской улицѣ, отъ Красной площади до Спасскихъ воротъ.

Въ 3 часа по полудни Государь Императоръ, сѣвъ на коня, выѣхалъ изъ Петровскаго дворца. Государыня Императрица и Великія Княгини выѣхали въ колясках. За Императорской Фамиліей слѣдовала громадная блестящая свита; радостные крики народа встрѣчали торжественную процессію.

По приближеніи процессіи, всѣ части пѣхоты брали на плечо, а затѣмъ дѣлали на караулъ по баталіонно. По минованіи послѣдней изъ каретъ Императорской Фамиліи, каждый баталіонъ бралъ на плечо, а по прохожденіи всей процессіи —къ ногѣ.

20-го Августа Государь Императоръ изволилъ дѣлать смотръ на Ходынскомъ полѣ всѣмъ войскамъ, собраннымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Войска были выстроены впереди лагеря 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, фронтомъ къ Петровскому Дворцу; здѣсь были и резервныя части. По объѣздѣ всѣхъ линій Государемъ Императоромъ, войска проходили мимо Его Величества церемоніальнымъ маршемъ: пѣхота шла по баталіонно въ густыхъ взводныхъ колоннахъ. Для каждаго баталіона игрался особо назначенный маршъ *.

26-го августа было торжество Св. Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Въ этотъ день отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка была назначена рота Его Высочества подъ командою Штабсъ-Капитана Алхазова **, въ 30 полныхъ рядовъ во взводахъ ***, съ хоромъ музыки; при ротѣ были всѣ знамена какъ дѣйствующаго полка, такъ и резервнаго. Кромѣ того, для доставленія людямъ возможности видѣть торжество, были назначены отъ всѣхъ ротъ по одному унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ изъ числа отличнѣйшихъ' Рота Л.-Гв. Финляндскаго полка стояла въ Кремлѣ отъ сѣверныхъ дверей Успенскаго собора по лѣвую сторону хода, устроеннаго на красномъ помостѣ; нижніе чины, назначенные изъ отличнѣйшихъ, стояли на площадкѣ между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Вся пѣхота, находившаяся подъ общей командой Генералъ-Адъютанта

---

* Баталіоны Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка шли подъ марши: Радецкаго и Киссингенскій; подъ какіе марши шли дѣйствующіе баталіоны полка—неизвѣстно.

** При ротѣ находились Полковникъ Ванновскій, Поручикъ Граве, Прапорщикъ Левковецъ; ассистентами у знаменъ были подпоручикъ Вилькенъ и Яковлевъ 3.

*** Всего было 19 унтеръ-офицеровъ и 180 рядовыхъ.

Витовтова, была одѣта въ парадной формѣ, безъ ранцевъ. При шествіи Ихъ Величествъ войска отдавали честь, преклоняя знамена, съ музыкой и барабаннымъ боемъ.

Высокоторжественный день Св. Коронованія былъ ознаменованъ многими Высочайше дарованными милостями; между прочимъ въ этотъ день въ полку было усиленное производство рядовыхъ въ унтеръ-офицеры.

27-го августа состоялось принесеніе поздравленій Ихъ Величествамъ въ Тронномъ залѣ Кремлевскаго дворца.

30-го августа, въ день тезоименитства Государя Императора, нижнимъ чинамъ войскъ въ Москвѣ и окрестностяхъ расположенныхъ было Всемилостивѣйше пожаловано по 50 коп. на человѣка, для приготовленія „роскошнаго солдатскаго обѣда“ [25].

31-го августа происходило ученье гвардейской пѣхоты въ Высочайшемъ присутствіи; ученье носило характеръ маневровъ, производившихся передъ лагеремъ. 3-го сентября былъ произведенъ общій маневръ всѣмъ войскамъ Ходынскаго лагеря; войска были раздѣлены на два корпуса, восточный и западный; въ первый вошла 2-я гвардейская резервная пѣхотная дивизія, во второй—2-я гвардейская пѣхотная дивизія. Наканунѣ войскамъ были разосланы диспозиціи. Во время маневровъ гвардейскія части переходили въ бродъ рѣку Москву противъ устья рѣки Сходни. Маневръ закончился въ 3 часа по полудни.

3-го сентября въ приказѣ по полку было объявлено объ обѣдѣ на 4-е сентября, который Московское купечество изъявило желаніе дать гвардіи по случаю Св. Коронованія Ихъ Величествъ. „Обѣдъ сей,—говорится въ приказѣ по полку—назначенъ завтрашняго 4-го числа, въ 3 часа по полудни. Его Императорское Величество и ихъ Императорскія Высочества изволятъ осчастливить обѣдъ сей своимъ присутствіемъ. Приглашаются на оный всѣ полные генералы, находящіеся въ Москвѣ, нѣкоторые генералъ-лейтенанты и штабъ и оберъ офицеры войскъ, собранныхъ нынѣ въ Москвѣ и сверхъ сего съ каждой роты по 1 фельдфебелю, 1 унт.-офицеру и по 2 рядовыхъ“. Обѣдъ состоялся въ городскомъ манежѣ, роскошно разукрашенномъ.

8-го Сентября, въ присутствіи Государя Императора, было произведено общее состязаніе г.г. офицеровъ въ стрѣльбѣ въ цѣль. 10-го Сентября послѣдовалъ второй общій маневръ войскамъ, собраннымъ подъ Москвой *. Во время этого маневра Л.-Гв. Финляндскій полкъ находился въ авангардѣ **. По окончаніи маневровъ войска выстроились въ четыре линіи въ сомкнутыхъ колоннахъ; по объѣздѣ линій Государемъ Императоромъ и послѣ Высочайшей благодарности „всѣ войска были двинуты впередъ съ музыкою и пѣснями и, пройдя шаговъ около 500, получили приказаніе идти въ свои лагери и квартиры“ [26].

Этимъ маневромъ закончилась дѣятельность своднаго гвардейскаго отряда, собраннаго подъ Москвой. Войска стали готовится къ выступленію въ С.-Петербургъ. Л.-Гв. Финлянскому полку выступленіе было назначено на 2-ое октября. Но, въ виду наступившаго холоднаго времени, гвардейскія части были тотчасъ же послѣ маневра 10-го сентября

---

* На этотъ маневрѣ 2-я гвардейская резервная пѣхотная дивизія участія не принимала.

** На прочихъ маневрахъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ тоже былъ назначенъ въ авангардъ.

выведены изъ лагеря и расположены по окрестнымъ деревнямъ. Передвиженіе въ Петербургъ совершилось по желѣзной дорогѣ, при чемъ подъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ было назначено пять поѣздовъ, хотя часть обоза слѣдовало пѣшкомъ по шоссѣ. Согласно росписанію, на переѣздъ каждаго воинскаго поѣзда въ Петербургъ было назначено 52 часа [27].

При выступленіи изъ Москвы москвичи выказали по прежнему полное радушіе и обычное имъ гостепріимство; московское купеческое общество и акцизно-откупное комиссіонерство роздали нижнимъ чинамъ по сайкѣ и калачу и по чаркѣ водки на человѣка.

Передъ самымъ выбытіемъ полка въ Петербургъ, 28-го сентября послѣдовало окончательное расформированіе Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка. Въ это время въ немъ

Св. Коронованіе Императора Александра II, 26-го Августа 1856 года.

Съ гравюры того времени.

находилось слѣдующее число чиновъ: штабъ-офицеровъ—4, оберъ-офицеровъ—28, унтеръ-офицеровъ—177, музыкантовъ—67, рядовыхъ—1800; а всего состояло—2076 чиновъ [28].

На другой день по расформированіи Л.-Гв. Финлядскаго резервнаго полка въ приказѣ по дѣйствующему полку было объявлено нижеслѣдующее:

„Резервный полкъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, сформированный 9 сентября 1859 года, въ числѣ 2-хъ неполныхъ батальоновъ, на 3-й баталіонъ имѣлъ только кадры; 13-го

декабря того же года, въ день полкового праздника, имѣлъ счастіе представляться уже въ полномъ составѣ и въ самомъ блестящемъ видѣ въ Бозѣ почивающему Императору Николаю Павловичу; потомъ, въ 1855 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, отправивъ на укомплектованіе дѣйствующаго полка маршевой баталіонъ въ числѣ 600 человѣкъ, въ іюнѣ того же года былъ уже готовъ совершенно къ бою; наконецъ, въ продолженіи всего времени и во всѣхъ случаяхъ являлся въ самомъ лучшемъ видѣ. Столь блестящій результатъ требовалъ усиленныхъ занятій, но и при этихъ усиленныхъ занятіяхъ и не смотря на постоянно тяжелую гарнизонную службу, болѣзненность и смертность въ полку, въ сравненіи съ другими, были почти ничтожны. Относя это къ полному усердію и особенной заботливости гг. баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, мнѣ пріятно выразить мою искреннюю и душевную признательность. Благодарю за службу и всѣхъ субалтернъ-офицеровъ. Благодарю также г. полковаго адъютанта Поручика Педашенко, полковаго казначея Штабсъ Капитана Котова, исправлявшаго должность полковаго квартермистера Поручика Бухвостова и исправлявшаго должность полковаго штабсъ-лекаря Фонъ-Цуръ-Милена."

Затѣмъ было объявлено: „оберъ офицеровъ, медицинскихъ чиновниковъ н нижнихъ чиновъ расформированнаго вчерашняго числа резервнаго полка, поименованныхъ въ спискѣ, предписываю зачислить въ списочное состояніе ввѣреннаго мнѣ полка, согласно сдѣланному мною назначенію, а людей находящихся въ разныхъ командировкахъ и госпиталяхъ и не бывшихъ вчерашняго числа при расфорфмировкѣ зачислить въ соотвѣтствующія роты. На всѣхъ этихъ людей гг. ротнымъ командирамъ резервнаго полка, нынѣ-же передать всѣ письменныя свѣденія въ тѣ роты, въ которыя люди назначены."

Таково было послѣднее распоряженіе о Л.-Гв. Финляндскомъ резервномъ полку. Послѣ него Л.-Гв. Финляндскій полкъ сталъ по прежнему единымъ и нераздѣльнымъ.

Въ заключеніе о гвардейскихъ резервныхъ полкахъ слѣдуетъ упомянуть, что помимо своего прямаго назначенія—подготовки резервныхъ частей для своихъ дѣйствующихъ полковъ, они способствовали еще и образованію ополченія 1854—1855 гг., формировавшагося во время Восточной войны. При каждомъ изъ гвардейскихъ резервныхъ полковъ состояло по одной дружинѣ или баталіону ополченцевъ; къ Л.-Гв. Финляндскому полку была прикомандирована дружина № 8 Новгородскаго ополченія [29]; на обязанности полка лежала главнымъ образомъ, образовательная и воспитательная часть ополченцовъ, число которыхъ въ каждой дружинѣ было около 1000 человѣкъ. Помимо того, участіе гвардейскихъ резервныхъ полковъ въ образованіи ополченія заключалось еще и въ командированіи офицеровъ и кадровыхъ нижнихъ чиновъ въ Пермскія дружины [30]; лѣтомъ 1856 года командированные нижніе чины и офицеры вернулись обратно къ своимъ полкамъ.

Такимъ образомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, первоначально самъ составленный изъ ополченцевъ, черезъ полвѣка по своемъ сформированіи, принималъ участіе въ образованіи другихъ ополченскихъ частей.

Съ прибытіемъ Л.-Гв-Финляндскаго полка въ Петербургъ, въ Октябрѣ 1856 года, закончилось почти двухлѣтнее его отсутствіе за походъ въ западный край. Походъ этотъ хотя и былъ вполнѣ мирный, но дался полку совсѣмъ нелегко; особенно сильно пострадали люди отъ различныхъ заболѣваній эпидемическаго характера, да и самая служба во

время пребыванія полка въ Литвѣ при требованіяхъ того времени была очень тяжела. Поэтому Финляндцы были очень довольны возвращенію на свои постоянныя квартиры. Но и здѣсь ихъ ожидала усиленная работа: тотчасъ же по вступленіи въ Петербургъ началось переформированіе полка по мирному времени, увольненіе нижнихъ чиновъ старшихъ сроковъ службы въ отставку, а нѣкоторыхъ и въ отпуска; хозяйственная часть полка послѣ продолжительнаго похода тоже требовала не малой работы. Кромѣ того, наступившій 1857 годъ принесъ съ собой цѣлый рядъ преобразованій. Важнѣйшимъ изъ нихъ явилось переформированіе полковъ гвардейской пѣхоты изъ трехбаталіоннаго состава въ двухбаталіонный.

Но еще до этого, по отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому полку, было отдано въ Декабрѣ 1856 года весьма важное для него распоряженіе. На полковомъ праздникѣ Л.-Гв. Семеновскаго полка Государь Императоръ соизволилъ отдать личное приказаніе Генералу Ганецкому, „чтобы съ настоящаго года полковой праздникъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ празднуемъ не 13-го, а 12-го Декабря, въ день Преподобнаго Спиридонія“ [31]. Съ этого то времени Финляндцы и до нынѣ справляютъ свой полковой праздникъ 12-го Декабря, въ день означеннаго святаго.

Переформированіе полковъ гвардіи въ двухбаталіонный составъ было произведено вслѣдствіе необходимости уменьшить расходы казны на содержаніе арміи въ мирное время, почему и положено было имѣть въ каждомъ гвардейскомъ полку по два дѣйствующихъ баталіона и третій резервный, формируемый лишь на военное время. Это распоряженіе касалось только гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ, армейскія же оставались въ то время въ трехбаталіонномъ составѣ.

Распоряженіе объ этомъ было отдано въ приказѣ Военнаго Министра отъ 29-го августа 1857 г. за № 221. Согласно этому приказу въ каждомъ гвардейскомъ и гренадерскомъ полку положено было „какъ на мирное, такъ и на военное время не по три, а по два (1-й и 2-й) баталіона, съ третьимъ резервнымъ баталіономъ для каждаго полка, формируемымъ въ военное время изъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ и рекрутъ“. Существовавшіе до этого третьи баталіоны были распущены и приняли наименованіе третьихъ резервныхъ баталіоновъ; эти послѣдніе должны были формироваться только въ военное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ бывшіе до этого резервные четвертые баталіоны полковъ гвардейской пѣхоты были совершенно упразднены. Состоявшія при каждомъ баталіонѣ стрѣлковыя роты и числившіяся сформированными лишь на время приказано было впредь считать „учрежденіемъ постояннымъ“.

По новымъ штатамъ, образованнымъ согласно указаннаго измѣненія, въ каждомъ гвардейскомъ двухбатальонномъ полку должно было состоять слѣдующее число строевыхъ нижнихъ чиновъ:

	Въ 1-мъ и 2-мъ батальонахъ: * Въ мирное время.	Въ военное время.	Въ третьемъ резервномъ баталіонѣ въ военное время.
Генераловъ.	1	1	—

* Въ обоихъ вмѣстѣ.

	Въ 1-мъ и 2-мъ баталіонахъ: * Въ мирное время.	Въ военное время.	Въ третьемъ резервномъ баталіонѣ въ военное время.
Полковниковъ	5	5	2
Капитановъ	3	3	1
Штабсъ-Капитановъ	9	7	4
Поручиковъ	14	12	6
Подпоручиковъ	14	12	6
Прапорщиковъ	12	12	6
Командиръ нестроевой роты	1	1	—
Классныхъ чиновниковъ	7	7	2
Фельдфебелей, портупей-прапорщиковъ, подпрапорщиковъ, каптенармусовъ, унтеръ-офицеровъ, тамбуръ-мажоръ	117	207	99
Музыкантовъ	42	42	—
Музыкантскихъ учениковъ	12	12	—
Барабанщиковъ и горнистовъ	56	65	31
Рядовыхъ	1520	1840	920
Нестроевыхъ	106	123	54
Денщиковъ	73	67	29

Для приведенія первыхъ двухъ баталіоновъ до состава, полагавшагося по военному времени, баталіоны получали людей изъ отпуска, вслѣдствіе того, что въ мирное время въ отпуску полагалось содержать слѣдующее число людей: унтеръ-офицеровъ—20, горнистовъ—9, рядовыхъ—320, нестроевыхъ—16, а всего—365.

Что касается до числа офицеровъ по новымъ штатамъ, то хотя ихъ и было положено по мирному времени 59 человѣкъ, на самомъ дѣлѣ на лицо ихъ было гораздо болѣе: при переформированіи всѣ офицеры 3-го баталіона распредѣлены были по другимъ двумъ баталіонамъ. Въ отпуску полагалось имѣть 17 человѣкъ (1 штабъ и 16 оберъ-офицеровъ), не считая штатнаго наличнаго числа. Такимъ образомъ, сокращеніе штатовъ, по отношенію къ офицерамъ, имѣло только то вліяніе, что весьма многіе изъ нихъ ожидали очень долго производства въ слѣдующіе чины, какъ напримѣръ можно указать на производство нѣкоторыхъ офицеровъ въ капитаны на 16—18 году службы. Такая медленность производства объясняется значительнымъ сверхкомплектомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка; такъ, численный составъ офицеровъ полка по переформированіи былъ слѣдующій: *

	шт.-оф.	об.-оф.	всего.
По штату положено было	5	53	58
„ списку (кромѣ постоянныхъ командировокъ) состояло	9	88	97
Сверхъ комплекта состояло	4	35	39

* Безъ командира нестроевой роты.

Самый процессъ переформированія въ двухъ-батальонный составъ происходилъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку въ теченіи 16-ти дней, съ 25-го августа по 10-е сентября [32]. Собственно днемъ переформированія, наиболѣе точно слѣдуетъ считать день 1-го сентября: въ приказѣ по полку отъ 31-го августа Генералъ Ганецкій по этому поводу объявилъ слѣдующее: „Завтрашняго числа въ 7 часовъ утра я буду производить переформированіе полка изъ трехъ въ двухъ-баталіонный составъ".

На другой день въ приказѣ по полку была объявлена благодарность командира полка начальникамъ расформированныхъ частей.

„Окончивъ сего числа переформированіе съ двумя стрѣлковыми ротами полка въ 2-хъ баталіонный составъ,—писалъ генералъ Ганецкій,—считаю пріятною обязанностью благодарить: командира 3 баталіона Полковника Ванновскаго и ротныхъ командировъ: Капитана Григорьева, Штабсъ-Капитановъ Фридрихса, Пашеннаго 2, Крылова и командира 3-й Стрѣлковой роты Поручика Бурцова, за отличное состояніе ввѣренныхъ имъ частей".

Ближайшимъ слѣдствіемъ переформированія полка явилось увольненіе значительнаго числа нижнихъ чиновъ отъ службы и въ отпуска; сначала полкъ увольнялъ всѣхъ выслужившихъ длинные сроки—13, 14 и 15 лѣтъ, потомъ—женатыхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ—въ нисходящемъ по срокамъ службы порядкѣ [33].

При переформированіи полка въ двухбаталіонный составъ, баталіоны новаго состава получили слѣдующія знамена: 1-й баталіонъ—знамя 4-го, 2-й баталіонъ—знамя 5-го баталіона, расформированнаго Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка; для 3-го резервнаго баталіона было предназначено знамя 6-го баталіона бывшаго резервнаго полка. Знамена же первыхъ трехъ баталіоновъ полка (бывшаго дѣйствующаго полка) были сданы въ полковую церковь, гдѣ и хранятся понынѣ. Скобы на знаменахъ были тогда же соотвѣтственно переставлены * [34].

Переформированіе полка, повлекшее за собою расформированіе 3-й стрѣлковой роты, вызвало нѣкоторое улучшеніе въ его вооруженіи: нарѣзныя ружья, бывшія на вооруженіи людей этой роты, были переданы частью въ другія двѣ стрѣлковыя роты, а частью въ Л.-Гв. Гатчинскій (Егерскій) полкъ; гладкоствольныя же ружья расформированнаго третьяго баталіона, поступили въ 1-й и 2-й баталіоны на замѣну пришедшихъ въ негодность, а частью были сданы въ арсеналъ [35].

Что касается до ротныхъ артельныхъ суммъ бывшаго 3 баталіона, то таковыя были подѣлены поровну между ротами 1-го и 2-го баталіоновъ [36].

Переформированіе гвардейскихъ полковъ совпало съ началомъ преобразовательной дѣятельности, развивавшейся съ особой силой въ русской арміи въ первые годы царствованія Императора Александра II-го. Крымская война, показавшая еще разъ неоцѣнимыя достоинства русскаго солдата и офицера, показала и многіе весьма крупные недостатки, присущіе къ сожалѣнію, нашей арміи того времени; недостатки эти сводились,

* Тогда же знамена Л.-Гв. Волынскаго полка были поставлены въ церкви Л.-Гв. Финляндскаго полка, гдѣ они и находились до 1862 года, послѣ чего взяты оттуда за выбытіемъ Л.-Гв. Волынскаго полка въ Варшаву.

главнымъ образомъ, къ несовершенству технической и организаціонной частей. Въ виду этого, едва заключенъ былъ Парижскій миръ, какъ преобразовательная дѣятельность въ военномъ вѣдомствѣ стала проявляться цѣлымъ рядомъ реформъ во всѣхъ отрасляхъ его.

Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ было поставлено улучшеніе стрѣлковой части въ войскахъ; затѣмъ слѣдовали измѣненіе въ боевыхъ построеніяхъ войскъ, выработка одиночнаго бойца и развитіе грамотности среди нижнихъ чиновъ; таковы были главнѣйшія основы преобразованій.

Полки гвардіи прежде всего испытывали на себѣ благіе результаты преобразовательной дѣятельности того времени. Мирный періодъ пребыванія въ Петербургѣ, наставшій для нихъ съ 1856 года и продолжавшійся до выступленія ихъ, въ 1863 году, въ сѣверо-западный край для усмиренія польскихъ мятежниковъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ воспринятію этихъ преобразованій.

Реформы послѣдовали сразу въ широкихъ размѣрахъ; вслѣдствіе этого весьма естественно, что не все намѣченное могло совершиться до 1862 года, многое было совершено позднѣе; но во всякомъ случаѣ, періодъ 1856—1862 г.г. является для русской арміи весьма знаменательнымъ временемъ, начала многихъ улучшеній. Если раньше, въ первую половину XIX-го столѣтія, подготовка войскъ къ войнѣ являлась какъ бы на второмъ планѣ, то теперь она напротивъ стала преобладать во всемъ строѣ русскаго военнаго дѣла. Въ зависимости отъ этого, собственно говоря, и началась передѣлка и ломка всего стараго и созданіе новаго порядка вещей.

По отношенію къ полкамъ гвардейскаго корпуса эти новыя стремленія нашли себѣ едва-ли ни первое выраженіе въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ командира гвардейскаго корпуса, объявленныхъ въ приказѣ по корпусу еще въ августѣ 1855 года: [35] „Согласно съ Высочайшей волею, я требую, чтобы въ настоящее время учили солдатъ, преимущественно тому, что нужно для войны.“

Въ системѣ обученія нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка этотъ принципъ выдерживался почти полностью и все обученіе нижнихъ чиновъ сводилось къ подготовкѣ ихъ для военнаго времени. Въ этомъ отношеніи, по взглядамъ того времени, надлежало развить одиночную выправку нижняго чина и пріучить его къ дѣйствіямъ не только въ сомкнутомъ строю, какъ это было главнымъ образомъ до тѣхъ поръ, но и къ дѣйствіямъ въ разсыпномъ строю; такимъ образомъ изъ массоваго бойца сталъ впервые вырабатываться одиночный боецъ, отъ котораго требовалась уже нѣкоторая индивидуальность и нѣкоторое развитіе.

Что новая система обученія стала примѣняться въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, видно изъ слѣдующихъ словъ полкового приказа 1856 года: „Всѣ наши ученія, начиная съ одиночнаго, должны быть направлены къ одной цѣли: сдѣлать людей бойкими, смышленными солдатами“, т. е. солдатами, вполнѣ пригодными для одиночнаго боя.

Сообразно съ этимъ въ обученіи нижнихъ чиновъ были выдвинуты на первое мѣсто,

---

* О развитіи стрѣлковаго дѣла за время Царствованія Императора Александра II-го будетъ изложено ниже, послѣ описанія участія полка въ польскомъ мятежѣ 1863 года.

помимо стрѣльбы, * бой на штыкахъ, примѣненіе къ мѣстности, аванпостная служба, фехтованіе, гимнастическія упражненія и вообще развитіе одиночной ловкости и проворства. Знанія же исключительно фронтовыя, какъ и вся показная сторона караульной службы, стали отходить все болѣе и болѣе на задній планъ. Подтвержeніемъ этому являются требованія приказовъ того времени; такъ, въ приказѣ по гвардейскому корпусу, отъ 30 Октября 1856 года, репетиціи разводовъ предписывалось производить „отнюдь не болѣе одного раза передъ каждымъ карауломъ“ и то только тогда, „когда можно ожидать развода съ церемоніей“. Въ тѣхъ же приказахъ начали появляться совершенно новыя тре-

Обѣдъ данный гвардіи 4-го Сентября 1856 года въ Московскомъ экзерцигаузѣ.
Съ гравюры того времени.

бованія объ обученіи нижнихъ чиновъ, о маневрахъ малыхъ отрядовъ, включительно до взводовъ, объ ученіяхъ „малой войны“ о занятіяхъ аванпостной службой, о прыганіи, лазаніи, фехтованіи на рапирахъ, гимнастикѣ и тому подобныхъ новшествахъ.

Ломка стараго строя, началась сразу же довольно рѣзко и прежнія основы „солдатской науки“—шагистика и ружейные пріемы стали значительно сокращаться.

23-го Апрѣля 1855-го года послѣдовало распоряженіе объ отмѣнѣ „тихаго и приготовительныхъ къ оному 1-го и 2-го учебныхъ шаговъ“; программа обученія сол-

дата, объявленная тогда же говорила что указанные шаги „вовсе отмѣняются“ и „въ систему фронтоваго образованія нижнихъ чиновъ входить не должны“ [37].

Точно также отмѣнены были слѣдующіе ружейные пріемы: подъ курокъ, на правое плечо, на погребеніе; отмѣнены были пріемы для снименія головного убора на молитву; сокращены нѣкоторые излишніе способы свертыванія и развертыванія колоннъ и пальба нѣкоторыми сомкнутыми частями: полу-батальонами, дивизіонами и взводами.

Вмѣсто всего этого явились новые предметы обученія войскъ.

Больше всего послужили предметомъ вниманія гимнастическія и фехтовальныя упражненія.

Еще съ самаго начала 1856 года началось развитіе этихъ весьма важныхъ сторонъ солдатскаго обученія. Сформированныя незадолго до этого фехтовальныя пѣхотныя команды всѣхъ полковъ гвардіи, вскорѣ переименованныя въ фехтовально—гимнастическія, удостаивались даже Высочайшаго обозрѣнія. Такъ, 24 Января 1856 года Государю Императору были предоставлены такія команды гвардейскихъ резервныхъ полковъ. Отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка фехтовальная команда была на Высочайшемъ смотру подъ начальствомъ Поручика Тваровскаго, при Поручикѣ фонъ-Голли. Всѣ вновь сформированныя команды представились очень хорошо. Объявляя Высочайшую благодарность, командиръ корпуса писалъ по поводу этихъ новыхъ предметовъ солдатскаго обученія слѣдующее [38]:

„Благодарю всѣхъ нижнихъ чиновъ сихъ командъ они показали, что Русскій солдатъ на все способенъ что для него на службѣ Государя все возможно и нѣтъ препятствія.

„Прошу ихъ продолжать усовершенствовать себя и продолжать учить всѣхъ нижнихъ чиновъ своихъ полковъ.

„По этимъ успѣхамъ Я вправѣ ожидать что къ веснѣ вся пѣхота будетъ умѣть не только славно стрѣлять, но и такимъ же образомъ брать на штыки—и тѣмъ представится еще болѣе грозною врагамъ.

„Пуля и штыкъ два орудія пѣхоты, стало умѣть стрѣлять и дѣйствовать штыкомъ должна быть главная наука—боевая молодецкая, наука пѣхотинца.“

Въ концѣ Февраля того-же 1856 года Государю Императору представлялись вновь созданныя соединенныя фехтовально-гимнастическія команды полковъ гвардіи, тоже удостоившіяся Высочайшаго одобренія.„ Это Монаршее одобреніе,—говорится въ приказѣ по корпусу [39],—окончательно утверждаетъ необходимость одиночнаго развитія солдата; средства теперь даны, остается послѣдовать указанію Его Величества разлить гимнастическія занятія по всей массѣ войскъ, чтобы каждый солдатъ былъ также ловокъ и увѣренъ въ себѣ, какъ всѣ представленные нынѣ на смотрѣ Его Величеству. Г.г. Офицеры покажутъ собою примѣръ, чтобы тѣмъ взять исполнить выраженное имъ Государемъ Императоромъ желаніе Его Величества.“

Сказанное объ офицерахъ въ цитируемомъ приказѣ было въ дѣйствительности проведено вскорѣ въ жизнь: на сколько укоренились среди офицерства „гимнастическія и фехтовальныя занятія“ показываетъ образованіе съ 1860 года состязаній между офицерами

гвардіи въ фехтовальномъ бою на рапирахъ, эспадронахъ и штыкахъ, устраиваемыхъ въ офицерскомъ фехтовальномъ залѣ [40].

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку фехтованіе это пользовалось въ то время значительнымъ вниманіемъ гг. офицеровъ. Ежедневно, отъ 1 до 2 часовъ дня, въ залѣ полковой унтеръ-офицерской школы назначалось для нихъ фехтованіе [41]. Среди офицеровъ полка были истые любители этого искусства, изъ которыхъ особенно выдѣлялись Прапорщикъ Будбергъ и Поручикъ Фонъ-Голли.

Въ концѣ 1858 года послѣдовало значительное измѣненіе въ обученіи гимнастикѣ и фехтованію: существовавшія по этимъ предметамъ спеціальныя учебныя команды * приказано было „болѣе не составлять", [42] т. к. всѣ нижніе чины должны были ихъ изучать „наравнѣ съ прочими отраслями строеваго ихъ образованія" [43].

Это измѣненіе послѣдовало вслѣдствіе того, что съ 1857 года стали вводиться въ полкахъ гвардейскаго корпуса полковыя унтеръ-офицерскія школы. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку такая школа была основана, согласно распоряженій объявленныхъ въ приказѣ по полку отъ 28 Сентября 1857 года. Въ полковой унтеръ-офицерской школѣ преподавались грамотнымъ унтеръ-офицерамъ правила обращенія съ оружіемъ, теорія стрѣльбы, обязанности внутренней, полевой и гарнизонной службы и начала ариѳметики; тамъ же производилось обученіе унтеръ-офицеровъ письму подъ диктовку и сознательному чтенію. Въ полковой унтеръ-офицерской школѣ обучалось ежегодно около 40 человѣкъ. Школа находилась въ завѣдываніи особаго офицера, въ помощь которому назначалось нѣсколько помощниковъ и кадръ нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ полковыя унтеръ-офицерскія школы, учрежденныя въ 1857 году, явились прототипомъ нынѣ существующихъ учебныхъ командъ.

Полковая унтеръ-офицерская школа Л.-Гв. Финляндскаго полка находилась съ самаго ея основанія въ отличномъ состояніи. Такъ, въ приказѣ по гвардейскому корпусу отъ 15 Февраля 1860 года про нее было сказано, что она заслуживаетъ „особенной похвалы". „Въ Финляндскомъ полку,"—говорится въ этомъ приказѣ,—„стараніемъ завѣдывавшаго школою и помощниковъ его, люди доведены до такого развитія, что самымъ точнымъ образомъ объясняютъ всю теорію стрѣльбы въ томъ объемѣ, въ которомъ только возможно требовать, и, сверхъ того, во время экзамена рѣшали на доскѣ небольшія тактическія задачи. Всѣ отвѣты ихъ были не заучены памятью, а сознательны и обдуманны".

Въ 1862 году въ приказѣ по полку отъ 2 Апрѣля значилось: „при произведенномъ сего числа экзаменѣ въ полковой унтеръ-офицерской стрѣлковой школѣ люди сдѣлали большіе успѣхи и весьма хорошо приготовлены въ письмѣ, чтеніи, ариѳметикѣ, теоріи стрѣльбы, гарнизонной и аванпостной службѣ и разсыпному строю. Труды Ваши, Подпоручикъ Вернеръ, усердіе, терпѣніе въ преподаваніи, вознаграждены: люди сознательно читаютъ и пишутъ, отвѣчаютъ на вопросы толково и безъ суеты."—Далѣе приказъ по полку говоритъ: „Примите, Подпоручикъ Вернеръ, мою искреннюю благодарность; труды

---

* Въ фехтовальную и гимнастическую учебную команду въ полку назначались съ каждой роты по 2 унтеръ-офицера и по 8 рядовыхъ.

Ваши въ будущемъ хорошіе принесутъ плоды, большая часть изъ этихъ людей будутъ унтеръ-офицерами и будутъ унтеръ-офицерами полезными въ ротахъ".

Занятія малой войной велись въ то время въ гвардіи не менѣе дѣятельно; точно также было и въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку. Ихъ предписывалось производить „обдуманно и дѣльно", [44] при чемъ роты маневрировали противъ ближайшихъ ротъ, подъ наблюденіемъ батальонныхъ командировъ [45].

Объ одномъ изъ такихъ маневровъ сохранился слѣдующій, весьма интересный отзывъ, помѣщенный въ приказѣ по полку отъ 21 Іюля 1857 года.

„Маневры, произведенные сего дня 1 баталіономъ соображаемы были очень хорошо. Д. Карваня занята была обороняющимся отрядомъ весьма правильно, аванпосты выставлены на хорошо выбранныхъ мѣстахъ и тѣмъ совершенно достигли своего назначенія. Когда же замѣчено было движеніе непріятеля, то 2-й стрѣлковый взводъ разсыпался въ застрѣльщики быстро и занялъ выгодныя мѣста. Наступательное движеніе аттакующаго отряда было весьма хорошо, застрѣльщики пользовались мѣстностью какъ слѣдуетъ, движеніе вправо всей боевой линіи и прикрывающаго ее 1-го стрѣлкового взвода произведено было отлично. Вообще всѣ дѣйствія г.г. офицеровъ и нижнихъ чиновъ исполнялись основательно и съ видимымъ знаніемъ дѣла".

Ученья съ „порохомъ", на которыхъ тоже происходило маневрированіе, производились довольно часто; они заканчивались ежегодно Высочайшими смотрами, гдѣ полки представлялись Государю Императору по—бригадно.

Насколько это дѣло было поставлено хорошо въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, въ періодъ 1856—63 г.г. показываютъ тѣ лестные отзывы, которыхъ полкъ удостаивался отъ Государя Императора на ученьяхъ съ „порохомъ". Не рѣдко представленіе полка бывало и блестящимъ; такъ, въ приказѣ по полку отъ 28-го Мая 1859 года по этому поводу было объявлено слѣдующее:

„Г.г. Офицеры! каждый изъ насъ удостоился слышать сегодня послѣ ученья милостивыя и лестныя слова Государя Императора. Имѣя помощниковъ ревностныхъ и вполнѣ преданныхъ своимъ обязанностямъ, я вполнѣ увѣренъ, что полкъ останется всегда въ томъ блестящемъ состояніи, въ которомъ имѣлъ счастіе представиться сегодня Государю Императору. Прошу всѣхъ г.г. штабъ и оберъ-офицеровъ принять отъ меня мою искреннюю товарищескую благодарность. Г.г. ротныхъ командировъ прошу благодарить людей отъ меня за лихое бойкое ученье".

Тактическая подготовка въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку нижнихъ чиновъ была поставлена настолько основательно, что даже примѣнялись особые способы обученія нижнихъ чиновъ элементарной тактикѣ, введенной въ полковой унтеръ-офицерской школѣ при упрощенной игрѣ. Игра эта впервые предложена была Финляндскимъ офицеромъ Подпоручикомъ Духонинымъ. Заслуга его въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, что бывшая до этого военная игра, введенная въ первые годы XIX столѣтія прусской службы Полковникомъ Фонъ-Рейсвицъ и перенесенная въ русскую армію въ 1847 году гвардейскаго генеральнаго штаба Капитаномъ Кузьминскимъ, была слишкомъ сложна и представляла изъ себя нѣчто вродѣ цѣлой науки; поэтому эта игра не принесла ожидаемой

пользы въ войскахъ, оказавшись для нихъ недоступной. Лишь съ предложеніемъ Подпоручика Духонина, упрощенная военная игра нашла себѣ распространеніе не только среди офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку упрощенная военная игра была введена въ концѣ 50-ыхъ годовъ—ранѣе, чѣмъ въ другихъ полкахъ. Цѣль ея заключалась въ указаніи нижнимъ чинамъ и офицерамъ тѣхъ дѣйствій, „въ коихъ они могутъ въ военное время быть сами исполнителями“; игра велась на рельефахъ, изобрѣтенныхъ Подпоручикомъ Духонинымъ изъ глины съ примѣсью одной трети песку; на этихъ рельефахъ различные мѣстные предметы обозначались первыми попавшимися подъ руку матеріалами; такъ, луга обозначались нарубленнымъ мхомъ, лѣса—небольшими еловыми вѣтвями, селенія или отдѣльныя строенія дѣлались изъ лучинъ и т. п.; изъ этихъ переносныхъ частей во время рѣшенія задачъ можно было разнообразить мѣстность до безконечности.

Упрощенная военная игра, принося большую пользу въ дѣлѣ тактическаго развитія офицеровъ и нижнихъ чиновъ способствовала отличному состоянію полка и въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію въ другихъ частяхъ эта игра не нашла себѣ надлежащаго распространенія и черезъ нѣкоторое время была выведена совсѣмъ даже и въ стрѣлковыхъ баталіонахъ, гдѣ она употреблялась преимущественно [46].

Разсыпной строй и вообще боевые порядки нашли себѣ новыя указанія въ уставѣ, вышедшемъ въ 1860 году.

Главнѣйшимъ нововведеніемъ этого устава являлся двухъ-шереножный строй, принятый для нашей пѣхоты, вмѣсто существовавшаго до того трехъ-шереножнаго строя *.

Затѣмъ, по уставу 1860 года ротамъ была придана бо̀льшая самостоятельность. Баталіонъ имѣлъ строй по ротно уже ясно выраженный. При движеніи баталіона въ этомъ строю, командиръ его подавалъ только предупредительныя команды, исполненіе же производилось по командамъ ротныхъ командировъ. Безусловное и точное равненіе ротъ при движеніи боевого порядка не требовалось. Боевой порядокъ батальона состоялъ изъ одной или двухъ линій; при расположеніи въ двѣ линіи, разстояніе между линіями равнялось 200 шагамъ; разстояніе между ротами одной линіи обозначалось точно въ шагахъ; при расположеніи ротъ баталіона въ двѣ линіи, разстояніе между ротами первой линіи было въ 150 шаговъ.

Стрѣлковая рота при построеніи батальона по ротно становилась впереди баталіона, или въ 50-ти шагахъ за серединою ротъ первой линіи.

Боевыми порядками баталіона уставъ 1860 года принялъ „колонну къ атакѣ“ и каре. Каре могли быть баталіонными и ротными.

При движеніи въ атаку, командиръ роты получилъ право командовать на руку и двигать роту на „ура“.

Для разсыпного строя предназначалась прежде всего стрѣлковая рота и только при отсутствіи ея — крайніе полувзводы баталіона. Цѣпь состояла изъ звеньевъ, образовывавшихся изъ двухъ смежныхъ рядовъ сомкнутаго строя; люди каждаго звена должны

* Собственно двухъ-шереножный строй примѣнялся въ гвардіи и до изданія этого устава; на Крещенскомъ парадѣ въ 1860 г. вся гвардейская пѣхота была въ этомъ строю.

были дѣйствовать вмѣстѣ, оказывая взаимную поддержку; они назывались „товарищами"; одинъ изъ нихъ назначался за старшаго. Цѣпь бывала въ одну или въ двѣ линіи, въ зависимости отъ мѣстности.

Резервъ роты держался отъ цѣпи на разстояніи 200 шаговъ. При открытіи стрѣльбы резервы размыкали ряды и ложились, не ожидая на то приказанія. Для встрѣчи кавалерійскихъ атакъ резервы строили каре, а цѣпи—кучки. Дѣйствія въ разсыпномъ строю производились по командамъ и только въ исключительныхъ случаяхъ по сигналамъ.

Ружейные пріемы по уставу 1860 года были оставлены слѣдующіе: на плечо, слушай на караулъ, ружье на перевѣсъ, на плечо, къ ногѣ на руку, на плечо, ружье вольно и на плечо. Заряженіе ружья производилось безъ пріемовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ 1860 года предъявлялъ цѣлый рядъ требованій и по спеціальной „фронтовой части". Поэтому, по минованіи Восточной войны, стойка, маршировка и ружейные пріемы начали мало-по-малу находить себѣ все больше распространенія. Команды того времени продолжали быть настолько сложными, что требовали со стороны офицеровъ не только теоритическаго, но и продолжительнаго практическаго обученія; вслѣдствіе этого, практиковавшіяся еще со временъ Императора Павла I-го, 8-ми и 12-ти рядныя ученья, примѣнялись и послѣ Крымской войны.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ на линейныхъ ученьяхъ представлялся также хорошо, какъ и на ученьяхъ съ разсыпнымъ строемъ. На Высочайшихъ смотрахъ полкъ часто удостаивался заслуживать Царское спасибо. Въ приказѣ по полку по поводу этихъ представленій Государю Императору, встрѣчаются только хорошіе отзывы. Такъ, въ приказѣ по полку отъ 13-го іюня 1860 года было объявлено слѣдующее:

„Государь Императоръ, оставшись совершенно довольнымъ ученьемъ, осчастливилъ меня лестнымъ выраженіемъ, между прочимъ изволилъ сказать „полкъ учился лихо, превосходно и прекрасно". Передавая эти милостивыя слова Государя Императора, вполнѣ увѣренъ что ближайшіе мои помощники гг. баталіонные и ротные командиры и всѣ гг. офицеры, такъ сознаютъ хорошо свою обязанность и поддержатъ эту лихость, бойкость — отличительную черту характера полка: прошу гг. баталіонныхъ и ротныхъ командировъ и всѣхъ гг. офицеровъ принять искреннюю душевную благодарность за сегодняшній смотръ, а гг. баталіонныхъ командировъ прошу сказать людямъ мое душевное спасибо".

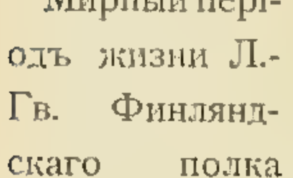
Второстепенными занятіями являлось въ то время обученіе артиллерійскимъ пріемамъ, введенное въ 1858 году; для занятій при артиллерійскихъ орудіяхъ командировалось отъ каждаго полка въ Л.-Гв. I-ю артиллерійскую бригаду, на время съ Октября по Апрѣль, по 1 офицеру, по 2 унтеръ-офицера и по 10 рядовыхъ. Обученіе ихъ производилось первоначально на деревянныхъ, а потомъ на настоящихъ орудіяхъ. Обученнымъ такимъ образомъ командамъ надлежало, по возвращеніи въ свои части, служить кадрами для обученія всѣхъ чиновъ полка артиллерійскимъ пріемамъ; [47] послѣднее обученіе велось исключительно на деревянныхъ орудіяхъ.

Чины Л.-Гв. Финляндскаго полка не только проходили строевое образованіе, но и помогали въ этомъ дѣлѣ постороннимъ учрежденіямъ. Такъ, расположенный по сосѣдству

съ полкомъ Институтъ Корпуса горныхъ инженеровъ имѣлъ въ лицѣ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финлядскаго полка инструкторовъ для обученія воспитанниковъ Института фронтовой службѣ; съ этой цѣлью отъ полка командировались по 4 унтеръ-офицера и 4 рядовыхъ [48]. Подобная же командировка была и въ Морской Корпусъ [49]. Офицеры полка тоже принимали участіе въ обученіи студентовъ горнаго Института [50] Затѣмъ, нижніе чины полка отправлялись въ армейскія части для показанія фехтованія и гимнастики [51].

Памятникъ тысячелѣтія Россіи, воздвигнутый въ Новгородѣ въ 1862 году.

Мирный періодъ жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка 1856—63гг. прошелъ для него, въ общемъ, тихо и спокойно. За все это время полкъ находился подъ командой одного лишь командира, Генерала Ганецкаго. Дружная работа чиновъ полка, руководимая умѣлой рукой Ивана Степановича Ганецкаго, приносила великолѣпные результаты: полкъ удерживалъ по прежнему свое прекрасное положеніе среди прочихъ частей гвардейскаго корпуса, заслуживая самые лестные отзывы Государя Императора и начальствующихъ лицъ.

Изъ внутренней жизни полка за означенный періодъ слѣдуетъ отмѣтить знаменательный день 25-ти лѣтія со времени назначенія Великаго Князя Константина Николаевича Шефомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Днемъ этимъ было 26 Іюня 1856 года.

Общество офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, въ ознаменованіе этого событія,

поднесло своему Августѣйшему Шефу отчеканенную по этому случаю золотую медаль, съ изображеніемъ на лицевой ея сторонѣ Августѣйшаго Шефа.

По случаю нахожденія въ то время Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Западномъ Краѣ для принесенія поздравленія Его Высочеству, въ Петербургъ была командирована депутація въ составѣ: командира полка Генерала Ганецкаго, командира 1-го батальона Полковника Ванновскаго, командира роты Его Высочества, Штабсъ-Капитана Алхазова и полкового адъютанта Поручика Фохта. Депутація была принята Великимъ Княземъ чрезвычайно милостиво.

Вмѣстѣ съ поднесеніемъ медали, общество офицеровъ представило своему Августѣйшему Шефу проектъ устава состязательной стрѣльбы между офицерами и нижними чинами полка на призы имени Его Высочества. * Капиталъ на эту стрѣльбу былъ собранъ по подпискѣ между офицерами полка; точно также было положено и для будущихъ состязательныхъ стрѣльбъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ отнесся весьма благосклонно къ проекту устава состязательной стрѣльбы, что и выразилъ въ рескриптѣ Своемъ отъ 30 іюня 1856 года; ** вмѣстѣ съ тѣмъ Его Высочество оказалъ значительную поддержку этой стрѣльбѣ, постановивъ жертвовать ежегодно извѣстную сумму на призы, какъ для офицеровъ, такъ и для нижнихъ чиновъ, получившіе наименованіе „Шефскихъ".

Въ 1862 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, немного спустя послѣ назначенія Шефа полка Намѣстникомъ Его Императорскаго Царскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ, послѣдовало покушеніе на жизнь Великаго Князя, произведенное въ Варшавѣ. „Въ память чуднаго спасенія жизни Августѣйшаго Шефа полка въ 21-й день іюня сего года",—какъ рапортовалъ командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Генералъ Ганецкій, -общество офицеровъ полка ходатайствовало о разрѣшеніи поднести Великому Князю образъ съ изображеніемъ преподобныхъ Константина, Спиридонія и того Святого, имя котораго празднуется 21-го іюня [52]. Для поднесенія означеннаго образа въ Варшаву прибыла отъ полка депутація въ составѣ командира полка Генерала Ганецкаго, командира 1-го баталіона Полковника Григорьева и командира роты Его Высочества Капитана Алхазова 17-го Декабря состоялось поднесеніе иконы Великому Князю; въ дневникѣ Его Высочества подъ этимъ днемъ отмѣчено: „Депутація отъ Финляндскаго полка... поднесла мнѣ образъ въ память объ выстрѣлѣ. Прелесть какъ мило. Они у насъ обѣдали".

Изъ важнѣйшихъ событій общаго характера, касавшихся и Л.-Гв. Финляндскаго полка за періодъ 1856—1863 г.г. слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее.

Въ 1858 году было торжество освященія возобновленнаго Исаакіевскаго собора. [53] 25-го іюня 1859 года состоялось открытіе памятника Императору Николаю I-му. Передъ началомъ торжества войска гвардіи были расположены, начиная отъ памятника, мимо Исаакіевскаго собора по адмиралтейскому бульвару до Зимняго Дворца. Л.-Гв. Финляндскій полкъ стоялъ противъ Исаакіевскаго собора, тыломъ къ Петровской площади. Послѣ

* Константиновскіе призы.

** Рескриптъ этотъ приведенъ полностью при составленномъ ниже описаніи возникновенія состязательной стрѣльбы въ полку, въ главѣ IV, части IV настоящей исторіи.

освященія Государь провелъ войска передъ памятникомъ церемоніальнымъ маршемъ. На этомъ парадѣ, какъ и на прочихъ, съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ шелъ Августѣйшій Шефъ его въ морскомъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ [54].

Въ 1862 году послѣдовало торжество открытія памятника тысячелѣтія Россіи. 8-е сентября было назначено днемъ торжества. Памятникъ открытъ былъ въ Новгородѣ при участіи представителей отъ всѣхъ частей гвардіи. Отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, командирована была для этой цѣли рота Его Высочества. До станціи Чудово рота двигалась по желѣзной дорогѣ, а оттуда прошла до Новгорода пѣшкомъ, гдѣ и размѣстилась въ казармахъ баталіона внутренней стражи. Командированная рота состояла изъ 174 нижнихъ чиновъ подъ командой Капитана Алхазова, при Поручикѣ Э. Теннерѣ, Подпоручикахъ: Водарѣ 2-мъ, Вернерѣ 2-мъ и Прапорщикѣ Сахновскомъ. По окончаніи церемоніи освященія памятника и парада войскамъ былъ предложенъ обѣдъ; на площади внѣ кремлевской стѣны накрыто было 360 столовъ для угощенія нижнихъ чиновъ. Въ особой палаткѣ былъ приготовленъ столъ для Государя, Его свиты и офицеровъ. Ихъ Величества,—пишетъ участникъ торжества, [55]—подошли къ солдатамъ, расположеннымъ за столами и громкое „ура“ раздалось при Ихъ появленіи. Государь изволилъ благодарить войска и пить за ихъ здоровье“.

Въ 1861 году произошло событіе исторической важности въ судьбахъ Россіи: то было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Русская армія, всегда близкая къ интересамъ народа, не могла не торжествовать день 19-го Февраля 1861 года. Гвардія, хотя и квартировавшая всегда въ отдаленіи отъ центральныхъ русскихъ губерній, въ этотъ великій день показала свою душевную связь съ народомъ. „Въ нашей полковой церкви при чтеніи манифеста,—говорится въ записной книжкѣ офицера одного изъ гвардейскихъ полковъ,[55]—слышны были рыданія и громкія молитвы.“ Подобныя же сцены наблюдались и во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ.

Л.-Гв. Финляндскому полку въ историческій день 19-го февраля выпала особая честь выслушать первому изъ гвардіи Высочайшія слова объ освобожденіи крестьянъ. Въ этотъ день разводъ былъ отъ Финляндцевъ. „Послѣ (пріема) ординарцевъ, — писалъ въ своемъ дневникѣ Августѣйшій Шефъ полка, парадировавшій съ полкомъ на этомъ разводѣ [57]—(Государь) среди манежа собралъ около Себя всѣхъ офицеровъ и сказалъ имъ, что сегодня объявитъ вольности, что не забываетъ, что само дворянство отказалось отъ личнаго крѣпостнаго права и Онъ, какъ дворянинъ, за то благодаритъ и крѣпко на нихъ надѣется, какъ на дворянъ и какъ на офицеровъ Его вѣрной и славной гвардіи, съ которой соединены лучшія воспоминанія въ Его жизни. На это отвѣтомъ было такое громкое единодушное „ура“, что сердце дрогнуло и слезы полились. Въ этотъ день сопровождали (Государя) на самую улицу, гдѣ Его поджидалъ народъ. Это было чудно. Да благословитъ Господь Богъ новое существованіе Россіи, начинающееся съ сегодняшняго дня“.

Къ сожалѣнію время, предшествовавшее великому дню освобожденія милліоновъ рабовъ прошло не совсѣмъ спокойно въ Петербургѣ. Еще со времени Восточной войны началось броженіе и стали распространяться всевозможные, иногда нелѣпые, слухи въ нѣкоторыхъ случаяхъ касавшіеся и войскъ. Такъ, въ Іюнѣ 1855 года начальникъ штаба

гвардейскаго корпуса Генералъ-Адъютантъ графъ Барановъ получилъ отъ С.-Петербургскаго губернатора письмо слѣдующаго содержанія: „Дошло до свѣдѣнія, что въ одной изъ частей войскъ, въ С.-Петербургѣ расположенныхъ, 20 Мая въ 3 часа ночи сдѣлана была фальшивая тревога и будто часть эта выступила изъ С.-Петербурга верстъ за 40 и тамъ была остановлена. При поспѣшности, съ которою нижніе чины выходили изъ казармъ, ушиблось 66 человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые не останутся въ живыхъ, а другіе будутъ совершенно неспособны къ службѣ. Сверхъ того, при выступленіи всѣ солдатскія вещи оставлены были по койкамъ и впослѣдствіи болѣе не найдены и нижніе чины лишились всей собственности своей". По оффиціальнымъ справкамъ выяснилось, что ничего подобнаго, конечно, не оказалось; только два баталіона выступили изъ Петербурга по росписаніямъ заранѣе составленнымъ и въ совершенномъ порядкѣ [58].

Въ 1857 году „безпорядки по ночамъ въ столицѣ сдѣлались довольно частыми," — говорится въ приказаніи по гвардейскому корпусу отъ 2-го Февраля 1857 года. Вслѣдствіе этого всѣмъ гвардейскимъ пѣхотнымъ полкамъ приказано было наряжать ежедневно для патрулей по 24 рядовыхъ, по очереди съ каждой роты. Изъ этихъ патрульныхъ назначались дозорные въ помощь полицейскимъ чинамъ, которые должны были являться ежедневно въ 8 час. вечера къ дежурнымъ по полкамъ офицерамъ. Патрульные ходили всю ночь. Нарядъ ихъ былъ производимъ и въ послѣдующіе года. Затѣмъ, по мѣрѣ развитія движенія 60-ыхъ годовъ безпорядки все увеличивались, вызывая со стороны войскъ С.-Петербургскаго гарнизона все бо̀льшее усиленіе охранительной службы. Вслѣдствіе этого наряды въ караулы стали увеличиваться, появились новые временные караулы, наряды по требованію и въ помощь полиціи и т. п.

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, какъ расположенномъ близъ университета—одного изъ главнѣйшихъ очаговъ броженія того времени, эти наряды были особенно ощутительны. Отъ полка преимущественно назначались караулы въ университетъ, академію наукъ и нѣкоторые пункты Васильевскаго острова и Галерной гавани. Если броженіе переходило въ открытые безпорядки, Финляндцы первые призывались водворять нарушенную тишину въ храмѣ науки; это полкъ исполнялъ неоднократно. Онъ же наряжалъ людей для отвода захваченныхъ студентовъ. Со стороны этихъ послѣднихъ при столкновеніяхъ съ войсками употреблялось холодное оружіе и палки [59].

О томъ какіе существовали тогда взгляды на воздѣйствіе войскъ на крайне элементы, производившіе безпорядки, интересныя указанія даетъ письмо Генералъ-Адъютанта Паткуля къ Генералу Ганецкому, написанное въ 1861 году. Въ этомъ письмѣ Генералъ-Адъютантъ Паткуль *, получившій вѣроятно какія либо особыя полномочія по водворенію порядка въ Петербургѣ, писалъ слѣдующее [60]: „Завтра, 28-го * въ четвергъ, говорятъ опять будетъ сходка около университета, въ 10 часовъ. Полку вѣроятно прика-

* Онъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

** Къ сожалѣнію дату письма возстановить не предетавляется возможнымъ, но, надо полагать что оно относится къ октябрю 1861 г. когда, судя по приказу по полку, были наибольшіе безпорядки въ университетѣ.

жутъ быть готову—этотъ разъ надо дѣйствовать такъ, чтобы сходки не повторялись.— Никакихъ переговоровъ не вести, а при скопищѣ сволочи этой объявить, чтобы расходились, дать при томъ барабанную дробь, потомъ черезъ нѣсколько минутъ, хоть положимъ 5,—другой разъ дробь, предупредивъ, что послѣ третьей дроби войско дѣйствуетъ и тогда разгонять и забирать въ плѣнъ, только покрѣпче держать арестованныхъ. Ежели приклады не помогутъ, то есть штыки—жалѣть некого и нечего.—Порядокъ этотъ предписанъ В. К. Михаиломъ Николаевичемъ"...

Наибольшей силы броженіе достигло лѣтомъ и осенью 1861 года, въ день же освобожденія крестьянъ въ столицѣ все прошло спокойно; мѣры предупрежденія безпорядковъ въ этотъ день были приняты усиленныя: въ казармахъ цѣлые батальоны находились въ полной готовности къ дѣйствію

Открытіе памятника Императору Николаю I 25-го Іюня 1859 года.
Съ гравюры того времени.

по требованію полиціи. Въ іюлѣ 1861 года мѣры къ пресѣченію безпорядковъ принимались столь сильныя, что полки гвардіи привозились изъ лагеря въ городъ; такъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ командированъ въ Петербургъ на время съ 6-го по 13-ое Іюля, причемъ былъ помѣщенъ въ казармахъ Л.-Гв. Коннаго полка [61]. Изъ Петербурга движеніе распространялось и по ближайшимъ окрестностямъ; моментъ разсчетовъ изъ за отвода земель дворянъ и бывшихъ крѣпостныхъ былъ весьма удобный для пропаганды вслѣдствіе этого волненія крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были такъ значительны, что являлась надобность въ призывѣ войскъ; иногда войска призывались на постой въ видѣ наказанія цѣлыхъ деревень. Такъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ Октябрѣ 1861 года отправилъ въ дер. Парголово свои стрѣлковыя роты, „для временнаго постоя, назначеннаго какъ наказаніе крестьянамъ за ихъ неповиновеніе распоряженіямъ посредника",—какъ о томъ говорится въ приказѣ по полку [62].

Кромѣ этихъ нарядовъ полкъ отбывалъ за время 1856 — 63 годовъ еще наряды по тушенію пожаровъ, распространившихся съ особою силою въ 1858 году въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. Въ Августѣ этого года Л.-Гв. Финляндскій полкъ выслалъ

6 ротъ для тушенія лѣсныхъ пожаровъ въ окрестностяхъ станціи Вишерской Николаевской жел. дороги [63].

Помимо того полкъ несъ постоянные, весьма обширные наряды рабочихъ въ старый арсеналъ, лабораторію и Петербургскую крѣпость. Насколько наряды эти были обширны показываютъ слѣдующія цифры: въ 1859 году полкъ выставилъ рабочихъ 8—4365 рядовыхъ при 83 унтеръ-офицеровъ въ продолженіи 18 рабочихъ дней; въ 1861 году полкъ выставилъ рабочихъ—6625 рядовыхъ при 302 унтеръ-офицеровъ въ продолженіи 28 рабочихъ дней [64]. Кромѣ того тогда же производились при участіи нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса работы по выемкѣ и насыпкѣ земли на вновь устраиваемой Красносельской желѣзной дорогѣ.

Всѣ эти побочные наряды требовали отъ нижнихъ чиновъ значительнаго напряженія, что, при вообще болѣе тяжелыхъ условіяхъ службы, чѣмъ современныя, еще болѣе утяжеляло ее для нижнихъ чиновъ.

Къ этому слѣдуетъ еще добавить наряды по особымъ случаямъ, какъ напримѣръ выставленіе почетныхъ карауловъ, нарядовъ на похороны и т. п. Такъ, въ 1862 г. въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ прибыло Японское посольство; въ почетный караулъ къ нему была назначена отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка рота Его Высочества [65].

Такимъ образомъ служба Л.-Гв. Финляндскаго полка за мирное время 1856—63 годовъ была далеко не легкой: за это время полкъ не только участвовалъ въ развитіи военнаго дѣла, шедшемъ въ тѣ годы быстрыми шагами по пути прогресса, но и противодѣйствовалъ тѣмъ темнымъ силамъ, которыя пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, готовы приводить въ исполненіе свои крамольные планы.

При такихъ то условіяхъ встрѣтилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ 1863 годъ, когда ему совершенно неожиданно пришлось принять участіе въ подавленіи польскаго мятежа. Это участіе, выказавшее полкъ съ блестящей стороны, показало, что подготовка его въ мирный періодъ 1856-1863 г.г. происходила надлежащимъ образомъ.

Медаль въ честь 25-лѣтія Шефства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку.

Глава II.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Польской кампаніи 1863—64 г.г.

От начала до 18-го Апрѣля. Дѣла у Миткишекъ 10-го Марта и у Киванцевъ 18-го Апрѣля.

„Молодецкіе подвиги Финляндскаго полка останутся навсегда памятны для всякаго истинно русскаго“.

Отзывъ гр. Муравьева объ участіи Л.-Гв. Финляндскаго полка въ кампаніи 1863—64 г.г.

1863 годъ ознаменованъ въ исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка славными дѣйствіями его въ подавленіи польскаго мятежа. Здѣсь Финляндцы особенно отличались подъ начальствомъ своего доблестнаго командира Генералъ-Маіора Ганецкаго; они „разсѣяли и уничтожили послѣ трудныхъ и форсированныхъ маршей главныя скопища польскихъ мятежниковъ и положили основаніе успокоенію Литовскаго края“; этимъ они пріобрѣли себѣ „особенныя заслуги[1]“.—„Молодецкіе подвиги Финляндскаго полка,—писалъ объ этихъ дѣйствіяхъ, графъ Муравьевъ (Виленскій),—останутся навсегда памятными для всякаго истинно русскаго“[2].

Возстаніе 1863 года возникло вслѣдствіе конспиративной дѣятельности старинныхъ польскихъ партій — бѣлой и красной, — тѣхъ самыхъ, которые организовали еще возстаніе 1831 года. Изгнанные съ окончаніемъ войны 1831 года изъ Русской Польши, они сосредоточили свою дѣятельность заграницей, преимущественно во Франціи и Италіи, опираясь на революціонное направленіе, господствовавшее въ западной Европѣ въ серединѣ XIX-го столѣтія. Обѣ партіи имѣли конечной цѣлью отдѣленіе Польши отъ Россіи и возстановленіе польскаго королевства въ предѣлахъ предшествовавшихъ первому раздѣлу; но въ способахъ выполненія этой цѣли партіи расходились: партія бѣлыхъ — аристократическая — была противъ вооруженнаго возстанія и стремилась достичь своей цѣли путемъ воздѣйствія на Россію иностранныхъ кабинетовъ; партія красная—демократическая—рѣшила домогаться возстановленія польскаго королевства путемъ вооруженнаго возстанія.

Комитетъ красныхъ, получившій господствующее значеніе, взялъ верхъ и въ концѣ 1861 года повелъ дѣло весьма энергично: ставъ во главѣ огромнаго заговора, онъ подготовилъ кампанію 1863 года и, постепенно совершенствуясь въ своей организаціи, оставался все время главнымъ руководителемъ этого возстанія. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи Комитетъ Красныхъ получилъ названіе Центральнаго Варшавскаго Комитета, который объединилъ въ себѣ всю власть надъ революціонерами. Въ 1862 года на сторону Центральнаго Комитета перешло все католическое духовенство, имѣвшее всегда громадное вліяніе въ Польшѣ; польская пресса и многіе заграничные органы печати подстрекали революціонеровъ. Западно-европейскія государства стояли въ большинствѣ за революцію, имъ весьма выгодную для ослабленія Россіи; во главѣ державъ, сочувствовавшихъ польской смутѣ, стояла Франція, или точнѣе ея правительство въ лицѣ Императора Наполеона III; помощь Франціи, едва ли осуществимая, но какъ бы предрѣшенная заранѣе, являлась весьма заманчивой для революціонеровъ. Освободительное движеніе проявившееся въ Италіи не задолго до 60-хъ годовъ и популярность пріобрѣтенная этимъ движеніемъ во всей Западной Европѣ, создали во всѣхъ иностранныхъ государствахъ весьма сочувственное настроеніе для польскихъ сепаративныхъ стремленій.

Западно-русскія губерніи, гдѣ значительная часть населенія принадлежала къ не русской національности, постепенно подпадали подъ вліяніе польскихъ агитаторовъ и такимъ образомъ границы заговора расширялись все болѣе и болѣе. Литва приняла также участіе въ революціонной дѣятельности, начавшейся гораздо ранѣе 1863 года; въ Вильнѣ еще въ 1861 году демонстраціи происходили въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: патріотическій трауръ, народныя гулянья съ польскимъ національнымъ характеромъ и тысячи прокламацій, разбрасывавшіяся даже по полямъ, подготовляли почву для возстанія.

Положеніе русскихъ властей на западѣ было тяжелое. Русскія войска, въ количествѣ около 90.000 человѣкъ, были разбросаны небольшими отрядами по всему западному краю и только въ Варшавѣ было расположено совокупно до 23 т. человѣкъ, т. е. около 1/4 всѣхъ войскъ. Пользуясь этимъ, польскіе вожди думали привлечь на свою сторону все католическое населеніе, численностью превосходившее во много разъ силы русскихъ войскъ и такимъ образомъ раздавить разбросанные отряды русскихъ: однако, къ началу возстанія мятежники успѣли собрать всего до 25 тысячъ человѣкъ. Ночь на 11-ое Января 1863 года

была назначена въ Царствѣ Польскомъ для начала одновременнаго возстанія всего края —общей рѣзни всѣхъ русскихъ войскъ; въ эту ночь возстаніе дѣйствительно и началось. Звѣрскій замыселъ всеобщей рѣзни, къ счастью не удался, но мятежъ вспыхнулъ и быстро охватилъ весь край [3].

Послѣ того какъ извѣстіе объ этомъ получено было въ Петербургѣ, Императоръ Александръ II соизволилъ лично сообщить объ этомъ событіи офицерамъ гвардейскаго корпуса, собраннымъ въ Михайловскомъ манежѣ на одномъ изъ разводовъ. По окончаніи церемоніи Государь Императоръ, обратясь къ офицерамъ, призносъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Такъ какъ многимъ изъ васъ, господа. вѣроятно, неизвѣстны послѣднія происшествія въ царствѣ Польскомъ, то Я хочу, чтобы вы о нихъ узнали отъ Меня Самого.— Послѣ столь благополучно совершившагося рекрутскаго набора, со 2 на 3 Января, въ Варшавѣ съ 6 числа стали появляться мятежныя шайки на обѣихъ берегахъ Вислы, для разсѣянія которыхъ были немедленно посланы отряды. Наконецъ, съ 10 на 11 число, по всему Царству, за исключеніемъ Варшавы, были сдѣланы внезапныя нападенія на войска наши, стоявшія по квартирамъ, при чемъ совершены неслыханныя злодѣйства; такъ напримѣръ, около Сѣдлеца, аттакованные солдаты оборонялись отчаянно въ одномъ домѣ, который мятежники подожгли, не видя средствъ имъ овладѣть. Не смотря на то, храбрыя войска наши отбили повсюду мятежниковъ. По первымъ свѣдѣніямъ потери наши заключается въ тридцати человѣкахъ убитыми, въ томъ числѣ старый нашъ Измайловскій товарищъ, командиръ Муромскаго пѣхотнаго полка, Полковникъ Козляниновъ. Раненыхъ до ста и между ними Генералъ Каннабихъ.

„Подобная же попытка была сдѣлана около Бѣлостока, въ предѣлахъ даже Имперіи. Но и послѣ этихъ новыхъ злодѣйствъ, Я не хочу обвинить въ томъ весь народъ польскій. Во всѣхъ этихъ грустныхъ событіяхъ Я вижу работу революціонной партіи, стремящейся повсюду къ ниспроверженію законнаго порядка.

„Мнѣ извѣстно, что партія эта разсчитываетъ и на измѣнниковъ въ рядахъ вашихъ; но они не поколеблятъ вѣру Мою въ преданность своему долгу вѣрной и славной моей арміи. Я убѣжденъ, что теперь, болѣе чѣмъ когда либо, каждый изъ васъ, чувствуя и понимая всю святость присяги, исполнитъ свой долгъ, какъ честь нашего знамени того требуетъ. Въ рядахъ вашихъ Я Самъ началъ Мою службу, потомъ нѣсколько лѣтъ имѣлъ честь вами командовать, и потому чувства вашей преданности Мнѣ хорошо были извѣстны, и Я ими гордился за васъ передъ покойнымъ Государемъ, родителемъ Моимъ.

„Увѣренъ, что если обстоятельства того потребуютъ, вы и теперь докажете на дѣлѣ, что Я могу на васъ разсчитывать и оправдаете Мое полное къ вамъ довѣріе". [4]

Единодушное и долго несмолкавшее „ура", вырвавшееся изъ глубины преданныхъ сердецъ, встрѣтило заключительныя слова Государя. Гвардейцы разошлись по своимъ полкамъ и вѣсть о польскомъ мятежѣ распространилась по всей столицѣ.

Хотя возстанніе и началось сразу въ обширныхъ размѣрахъ и хотя надобность въ отправленіи войскъ въ западный край и была настоятельна, но гвардія не ожидала

похода и продолжала по прежнему свою мирную жизнь, соболѣзнуя лишь сердцемъ и душою бѣдствіямъ, постигшимъ далекую окраину Русской Имперіи.

Далекъ былъ отъ мысли выступить въ походъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Въ послѣднихъ числахъ января полкъ готовился къ разводу съ церемоніей, назначенному на 3-ье февраля; никто изъ Финляндцевъ и не помышлялъ, что 3-го Февраля, вмѣсто развода, имъ придется уже быть въ одномъ изъ очаговъ возстанія—въ городѣ Вильнѣ. Приказаніе о выступленіи Л.-Гв. Финляндскаго полка въ походъ было отдано совершенно неожиданно 28-го Января. Въ этотъ день командиръ гвардейскаго корпуса Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій производилъ въ Михайловскомъ манежѣ смотръ, на которомъ присутствовали небольшія части отъ каждаго полка; по окончаніи смотра Его Высочество былъ потребованъ къ Государю Императору и во дворцѣ получилъ отъ Государя приказаніе о немедленныхъ сборахъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи къ выступленію въ походъ въ гор. Вильну. Л.-Гв. Финляндскому полку было дано на подготовку два дня; 31-го Января, рано утромъ, 1-й эшелонъ полка долженъ былъ уже выступить въ походъ.

Съ восторгомъ приняли Финляндцы Монаршее повелѣніе, хотя оно и поразило ихъ своею неожиданостью [5].

Это извѣстіе было сообщено Финляндцамъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, прибывшимъ въ манежъ полка въ то время, когда нѣкоторыя роты провѣряли тамъ людей назначенныхъ въ караулъ на 3-е Февраля [6].

Начались горячія приготовленія къ походу. Солдаты приняли всѣ мѣры, что бы устроиться въ походѣ поудобнѣе; все лишнее, накопившееся у нихъ при казарменной жизни спѣшно продавалось; отъ массы продавцевъ и покупателей передъ казармами образовалась какъ бы ярмарка. Офицерство занялось преимущественно обновленіемъ принадлежностей походной формы и покупкой хорошаго боевого оружія; другія покупки не могли быть совершены въ желательныхъ размѣрахъ по краткости остававшагося до выступленія времени, тѣмъ болѣе что нѣкоторые офицеры узнали о предстоявшемъ походѣ только 29 числа утромъ. Приготовленія по хозяйственной части производились хозяйственнымъ комитетомъ, введеннымъ незадолго до этого и даже еще не вполнѣ принявшимъ полковое хозяйство въ свое вѣдѣніе. Однимъ изъ существенныхъ условій для приспособленія обмундированія къ зимнему походу являлось снабженіе нижнихъ чиновъ полушубками и теплыми рубашками; но ходатайство объ этомъ командира гвардейскаго корпуса Великаго Князя Николая Николаевича было отклонено [7]. Нижнимъ чинамъ было приказано взять съ собою лишь форменное обмундированіе въ размѣрѣ одного полнаго комплекта, но съ тѣмъ, однако, чтобы вторые мундиры и шаровары были бы заготовлены и, въ случаѣ надобности, тотчасъ же перевезены по желѣзной дорогѣ. Обозъ было предписано отправить лишь „самонужнѣйшій и въ такомъ количествѣ, какое возможно по числу полагаемыхъ по штату мирнаго времени", и кромѣ того по одной артельной повозкѣ на роту. Провіантъ приказано было взять на 10 дней и разложить его на казенные и ротные обозы, заручную аммуницію и оружіе оставить въ казармахъ, съ собой же взять ружья только по числу людей и комплектные боевые патроны—послѣдніе частью въ сумкахъ,

частью въ патронныхъ ящикахъ. Фуражъ было предписано отпускать деньгами, довольствіе же людей усилить отпускомъ добавочныхъ приварочныхъ денегъ по 5 коп. на человѣка въ сутки [8].

Мобилизаціи полка въ строгомъ смыслѣ не было, въ особенности можно это сказать про наличный составъ людей: полкъ выступилъ въ походъ въ составѣ мирнаго времени, т. е. въ числѣ двухъ баталіоновъ, при чемъ каждый баталіонъ состоялъ изъ 4-хъ линейныхъ и 1-ой стрѣлковой ротъ; „въ ротѣ было по 100 человѣкъ отлично обученныхъ и выдержанныхъ солдатъ, т. к. съ 1856 года наборовъ не было“[9].

Всѣ нижніе чины больные, слабые и находившіеся въ командировкахъ не были взяты въ походъ; состоявшая при полку инвалидная команда оставлена была также въ Петербургѣ. [10].

Офицеровъ въ полку хотя и имѣлся полный комплектъ ко времени выступленія, но вслѣдствіи значительнаго числа командированныхъ по разнымъ случаямъ—въ академіи, военныя училища, кадетскія корпуса, кандидатами у мировыхъ посредниковъ, въ горный институтъ и прочія мѣста,—наличный составъ ихъ къ моменту выступленія оказался недостаточнымъ; когда-же во время военныхъ дѣйствій началась убыль офицеровъ, то пополненіе ея стало сразу весьма затруднительно, тѣмъ болѣе, что по прибытіи полка въ западный край начались командировки офицеровъ по надобностямъ военнаго времени: для формированія 3-го баталіона, получившаго назначеніе запаснаго, и для военно-полицейскаго управленія нѣкоторыхъ западныхъ губерній и проч. [11].

Разрушеніе желѣзной дороги повстанцами.

Съ нѣмецкой гравюры того времени.

Частями полка, выступившими въ походъ, въ то время командовали: баталіонами: 1-мъ — Полковникъ Григорьевъ, 2-мъ—Полковникъ Михайловскій; ротами: Его Высочества — Капитанъ Алхазовъ, 2-й — Капитанъ Борейша, 3-й — Штабсъ-Капитанъ Григоровичъ, 4-й — Штабсъ-Капитанъ фонъ-Голли, 5-й — Штабсъ-Капитанъ Рудановскій, 6-й — Поручикъ Тваровскій, 7-й—Штабсъ-Капитанъ Я. Кушакевичъ, 8-й—Капитанъ Васильевъ; начальникомъ стрѣлковъ былъ Полковникъ Краммеръ; стрѣлковыми же ротами командовали: 1-ою стрѣлковою—Штабсъ-Капитанъ А. Кушакевичъ, 2-ю стрѣлковою—фонъ-Зассъ; младшимъ штабъ-офицеромъ былъ Полковникъ Гладышевъ; должность предсѣдателя хозяйственнаго комитета занималъ Полковникъ Н. Теннеръ; дѣлопроизводителемъ былъ Поручикъ Острогорскій, казначеемъ—Штабсъ-Капитанъ Котовъ и Квартирмистромъ—Штабсъ-Капитанъ Гиренковъ [12].

Духъ Финляндскаго солдата въ то время, какъ и всегда, былъ высокъ. Стоявшій во главѣ полка Генералъ Ганецкій, глубокій знатокъ военнаго дѣла съ практической его стороны и особенно хорошо умѣвшій вліять на нижнихъ чиновъ, въ минуты выступленія полка въ походъ еще болѣе укрѣпилъ этотъ духъ спокойнымъ и разумнымъ отношеніемъ къ своимъ подчиненнымъ. Впрочемъ нижніе чины Финляндскаго полка были такъ воспитаны въ сознаніи долга, что не нуждались въ особыхъ указаніяхъ при внезапномъ отправленіи въ походъ.

Хорошимъ примѣромъ этого ихъ воспитанія является случай съ рядовымъ 3-й роты —Ананіемъ Гацукомъ; находясь въ отпуску въ своей деревнѣ, рядовой Гацукъ узналъ о возмущеніи въ Царствѣ Польскомъ и, полагая возможность похода, прибылъ по собственному рѣшенію въ полкъ 28-го Января. За такое разумное пониманіе долга службы и присяги Гацукъ былъ произведенъ въ ефрейторы и переведенъ на старшій окладъ солдатскаго жалованья. По доведенію же объ его поступкѣ до свѣдѣнія Государя Гацуку было Всемилостивѣйше пожаловано 25 рублей награды.

Восторженное настроеніе, овладѣвшее всѣми чинами и проявленное ими на Высочайшемъ смотру 30-го Января, показало необычайный подъемъ духа всего полка. Проходя церемоніальнымъ маршемъ по-взводно мимо Государя Императора, послѣ отвѣта на привѣтствіе каждымъ взводомъ въ отдѣльности, Финляндцы оглашали воздухъ громкимъ „ура“ [13].

Высочайшій смотръ этотъ былъ произведенъ на Дворцовой площади; люди были въ полной походной формѣ; полкъ представился Государю въ отличномъ порядкѣ, за что Его Величество объявилъ Монаршее благоволеніе всѣмъ начальствующимъ лицамъ, нижнимъ же чинамъ пожаловалъ по 1 рублю на человѣка.

31 Января въ 5 1/2 ч. утра выстроился Л.-Гв. Финляндскій полкъ противъ своихъ казармъ и, по отслуженіи молебна отправилъ 1-й свой эшелонъ на Варшавскій вокзалъ, такъ какъ движеніе въ Вильно было предписано произвести по желѣзной дорогѣ.

Полкъ отправился на 3-хъ поѣздахъ вмѣстѣ съ Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ; во второмъ поѣздѣ шелъ обозъ; поѣзда отходили изъ Петербурга утромъ, днемъ и вечеромъ.

Движеніе до Вильны продолжалось около полутора сутокъ, съ незначительными остановками. Люди были помѣщены частью въ товарныхъ вагонахъ, гдѣ было довольно тѣсно, что впрочемъ по краткости пути мало ощущалось. „Переѣздъ по желѣзной дорогѣ былъ самый легкій, — пишетъ участникъ похода, — замѣчательно было только множество пустыхъ слуховъ, дошедшихъ и до Петербурга и въ казармахъ полка произведшихъ большое смятеніе между оставшимися семьями о гибели поѣздовъ, такъ какъ повстанцы тогда, случалось, портили желѣзную дорогу.“—Отъ Динабурга поѣздъ шелъ, имѣя впереди себя въ $1^1/_2$ верстѣ отдѣльный локомотивъ, на которомъ, по распоряженію начальника эшелона, помѣщались по очереди офицеры съ нѣсколькими нижними чинами, имѣвшими ружья заряженными [14]. Такая мѣра была вполнѣ умѣстна: банды мятежниковъ хозяйничали всюду, и черезъ нѣсколько дней по проѣздѣ полка, начали снимать рельсы со шпалъ.

Сама Вильна, ко времени прибытія туда полка, находилась въ опасности; вторженіе инсургентовъ, уже показавшихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Виленскаго уѣзда, ожидалось въ самомъ городѣ, объявленномъ на военномъ положеніи. Не смотря на прибытіе свѣжихъ войскъ, ихъ было все таки недостаточно, хотя въ числѣ послѣднихъ была и прибывшая изъ Петербурга 2-я Гвардейская пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей.

Отправленныя въ западный край гвардейскія части предназначены были для дѣйствій въ Литвѣ и потому поступили подъ начальство командовавшаго войсками Виленскаго военнаго округа Генералъ-Губернатора Назимова; это подчиненіе заключалось только „въ отношеніи употребленія ихъ на службу и квартирнаго расположенія", въ остальномъ же гвардейскіе полки находились въ подчиненіи своему постоянному начальству [15]. Въ виду этого распоряженія Л.-Гв. Финляндскій полкъ находился въ подчиненіи начальника 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи Генерала Бистрома, который былъ высшимъ гвардейскимъ начальствомъ въ Вильнѣ. Изъ мѣстнаго же начальства Л.-Гв. Финляндскій полкъ входилъ въ подчиненіе Генералъ-Лейтенанта Майделя, въ раіонѣ котораго онъ и состоялъ.

Новое положеніе, въ которомъ очутился Л.-Гв. Финляндскій полкъ вмѣстѣ съ прочими полками 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, заставило принять рядъ мѣръ, вызванныхъ обстановкой того времени. Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ: при размѣщеніи по квартирамъ предписывалось располагаться возможно тѣснѣе; одежда, аммуниція и оружіе слѣдовало имѣть постоянно подъ рукой; готовность на случай тревоги требовалась постоянная; командировокъ отдѣльныхъ людей предписывалось, по возможности, избѣгать; для пріученія нижнихъ чиновъ къ предстоявшимъ въ скоромъ времени походамъ приказано было производить походныя движенія въ ближайшія окрестности въ полной походной аммуниціи. Всѣ эти распоряженія были отданы въ приказѣ по 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи и подтверждены въ приказѣ по полку [16]. „Вмѣстѣ съ тѣмъ,—говоритъ приказъ по дивизіи,—долгомъ считаю обратить вниманіе г.г. начальниковъ на разные несообразные толки и преувеличенные слухи о силахъ и дѣйствіяхъ польскихъ мятежниковъ и заявить при этомъ, что всѣ подобные слухи распускаются людьми злонамѣренными, или еще чаще легковѣрными. Во избѣжаніе подобной болтовни, которая, конечно, не можетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, но всегда производитъ, до нѣкоторой степени, напрасныя и неумѣстныя опасенія, предлагаю г.г. начальникамъ сообщать нижнимъ, чинамъ всѣ свѣдѣнія публикованныя и публикуемыя въ газетѣ „Русскій Инвалидъ", въ которой съ полною откровенностью передаются всѣ, сколько нибудь заслуживающія вниманія, извѣстія о польскихъ безпорядкахъ. Полагаю излишнимъ напоминать, что при квартирномъ расположеніи войскъ всѣ сколько нибудь подозрительные люди, не только не должны быть допускаемы до сношенія съ нижними чинами, но немедленному арестованію".

Такія мѣры были вполнѣ умѣстны при томъ положеніи, въ которомъ находилась тогда Вильна; въ городѣ была тревога, и настроеніе умовъ болѣе чѣмъ напряженное, Текущія политическія событія поглотили всѣ интересы частныхъ лицъ; во всемъ краѣ все остановилось: торговля, промышленность и частныя дѣла были заброшены, всѣ жили ожиданіемъ чего то необычайнаго. Вильна являлась центромъ распространенія этихъ слу-

ховъ, доходившихъ до невѣроятныхъ предѣловъ: такъ, многіе утверждали, что 15 и 16 февраля будутъ роковыми днями для всей Литвы [17].

Участникъ похода, офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка такъ описываетъ [18] свои впечатлѣнія того времени: „Вскорѣ послѣ нашего прибытія городъ Вильна объявленъ на военномъ положеніи; началась строгая гарнизонная служба: частые ночные патрули, разъѣзды, часовые съ заряженными ружьями, солдаты въ боевой аммуниціи. Осмотрительность въ соединеніи съ дѣятельностью придали всему отпечатокъ настоящаго боевого положенія. Часто и офицеры отправлялись по ночамъ съ патрулями, дабы имѣть возможность самимъ пріучиться къ этого рода новой службѣ. Однако же трудность службы, нерѣдко требующей безсонныхъ ночей, мало дѣйствовала на физическія и моральныя силы солдата. Онъ бодръ, несетъ службу весело, съ полнымъ сознаніемъ и пониманіемъ дѣла. Весьма ошиблись поляки, полагая, что гвардія изнѣжена, что солдатъ нашъ бѣлоручка, а офицеръ паркетный кавалеръ. Солдата трудно узнать: онъ надѣлъ лихо шапку на бекрень идетъ размашисто, одѣтъ чисто и опрятно, держитъ себя гордо и съ достоинствомъ. На его загорѣломъ лицѣ ясно видно выраженіе, которое говоритъ каждому встрѣченному поляку: попробуй задѣть—уничтожу. Намъ уже надоѣли постоянно распространяемые слухи о томъ, что насъ собираются вырѣзать, подобно тому, какъ погибли протестанты во время Варфоломѣевской ночи. Поляки полагали напугать насъ этимъ, а можетъ быть частымъ повтореніемъ не сбывающихся предсказаній сдѣлать насъ безпечными.

„Если бы возстаніе произведено было въ городѣ, то послѣдствія для жителей были бы ужасны. Солдатъ такъ раздраженъ и экзальтированъ, что кровь полилась бы рѣкой. Не намъ бояться ихъ возстанія. Коноводы мятежа скрываются и боятся дѣйствовать открыто. Вотъ причины наружнаго спокойствія и тишины въ городѣ."

Расположеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Вильнѣ было разбросанное: по двѣ, три роты стояли въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Игнатьевскихъ казармахъ, въ крѣпости, въ Погулянкѣ и въ Назаретѣ. При такомъ расположеніи неизбѣжны были столкновенія съ поляками, почему за поведеніемъ солдатъ былъ установленъ особенно строгій надзоръ; пьянство, начавшее было распространяться между нижними чинами „на вольныхъ квартирахъ" послѣ казарменной жизни, было сразу остановлено командиромъ полка; тогда же всѣмъ нижнимъ чинамъ было внушено обращаться возможно осторожнѣе съ поляками которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Генералъ Ганецкій поставилъ сразу на мѣсто.

Узнавъ до какой степени были распущены въ Вильнѣ поляки и какія дерзости позволяли они себѣ даже съ офицерами и солдатами, Генералъ Ганецкій рѣшился положить конецъ этимъ безобразіямъ.

Пригласивъ офицеровъ и потребовавъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, онъ просилъ ихъ соблюдать строгую дисциплину, оберегать честь и добрую славу полка и смотрѣть, чтобы никто изъ нижнихъ чиновъ не смѣлъ обижать мирныхъ жителей; „но—присовокупилъ онъ,—если какой нибудь изъ здѣшнихъ мерзавцевъ позволитъ себѣ дерзость, то не давать себя въ обиду и защищать честь полкового мундира". Всѣмъ нижнимъ чинамъ, даже музыкантамъ и писарямъ, приказано было носить на улицахъ тесаки.

Въ воспоминаніяхъ о томъ времени, написаныхъ по разсказамъ Генерала Ганецкаго [19],

приводятся факты указывающіе какъ благодѣтельно было пребываніе Л.-Гв. Финляндскаго полка для русскихъ обитателей Вильны и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ оно хорошо отражалось на полякахъ.

„Случилось, что писарь, лѣтъ 16-ти, изъ кантонистовъ, былъ посланъ старшимъ писаремъ въ лавку за бумагой и чернилами. Въ то время, какъ онъ разсчитывался съ купцомъ, вбѣгаетъ въ лавку какой-то долговязый съ огромными усищами шляхтичъ и, толкнувъ кантониста, требуетъ для себя пакетовъ. Купецъ попросилъ обождать, пока онъ разсчитается; но шляхтичъ, нагло взглянувъ на мальчика, крикнулъ: „Вотъ еще дожидаться такого лайдака! Давай пакеты"! Едва успѣлъ онъ это сказать, какъ оскорбленный мальчикъ выхватилъ тесакъ и бросился на шляхтича. Оробѣвшій шляхтичъ быстро выскочилъ на улицу и пустился улепетывать, а писарь за нимъ съ обнаженнымъ тесакомъ. Тутъ подоспѣлъ полицейскій и остановилъ разъяреннаго мальчика. Его привели къ Ивану Степановичу. Удостовѣрясь, какъ было дѣло, Генералъ похвалилъ браваго мальчика, далъ ему отъ себя небольшую денежную награду и объявилъ благодарность въ приказѣ по полку. Поляки тотчасъ же воспользовались этимъ случаемъ и распустили клевету, будто солдаты Генерала Ганецкаго гоняются по улицамъ за мирными жителями съ обнаженными тесаками, бьютъ народъ и дѣлаютъ всякія безчинства. Генералъ Ганецкій по поводу этихъ нелѣпыхъ слуховъ имѣлъ объясненіе съ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Генералъ-Адъютантомъ Бистромомъ. Ему писали изъ Петербурга и умоляли, чтобы онъ поберегъ свою служебную репутацію и остановилъ буйство своихъ солдатъ.

„Проше пановъ до лясу".
Съ народн. карт. 1863 г.

„Можно ли было ожидать, чтобы совершенно ничтожный случай произвелъ не только въ Вильнѣ, но даже въ Петербургѣ переполохъ? Генералъ Ганецкій опасался даже, что это послужитъ поводомъ къ удаленію его изъ Вильны, и только тогда совершенно успокоился, когда Генералъ-Адъютантъ Бистромъ, по возвращеніи изъ Петербурга, передалъ ему благодарность Государя Императора за хорошее поведеніе его полка.

„Дѣйствительно, виленскіе поляки стали побаиваться Финляндскаго полка и присмирѣли. Графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, которому тогда ввѣренъ былъ военно-полицейскій надзоръ за Варшавскою желѣзною дорогою, увидѣвъ однажды Ивана Степановича въ Вильнѣ, на вокзалѣ желѣзной дороги, спросилъ его:

— „Что такое случилось съ Вильною? Она перемѣнилась; ее узнать нельзя. Недавно еще русскимъ опасно было ходить по улицамъ; оскорбляли даже офицеровъ.

— „Спокойнѣе стало отъ того,—отвѣчалъ Ганецкій,—что въ Вильну вступилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

„Многіе опасались,—говорится въ тѣхъ же воспоминаніяхъ,—что поляки устроятъ демонстрацію на площади противъ дворца, въ которомъ проживало семейство Генералъ-Губернатора. Супруга В. И. Назимова спросила часового Финляндскаго полка, стоявшаго у воротъ дворца, можетъ-ли караулъ отстоять дворецъ въ случаѣ нападенія?—„Не извольте безпокоиться,—отвѣчалъ часовой: никакая шляхта противъ насъ не пойдетъ; побоятся!" [20].

Не смотря на то, что всѣ повстанцы Литовскаго края горѣли желаніемъ при посредствѣ своихъ бандъ уничтожить русскія войска тамъ находившіяся, или, по крайней мѣрѣ, вступить съ ними въ состязаніе, военныя дѣйствія сколько нибудь значительнаго характера начались не ранѣе весны 1863 года. Къ этому времени во главѣ тысячной шайки инсургентовъ сталъ Сѣраковскій—Доленго, бывшій офицеръ русскаго Генеральнаго Штаба; онъ сформировалъ свой отрядъ въ Поневѣжскихъ лѣсахъ и, пріобрѣтая все большую популярность, составилъ обширный планъ дѣйствій сосредоточенными силами своей банды съ другими, а именно: Ксендза Мацкевича и Колышко. Эти три банды предназначались для дѣйствій совмѣстно съ десантомъ, который повстанцы готовили на берегахъ Курляндіи. Начиная съ Курляндіи Сѣраковскій предполагалъ поднять всѣ сѣверныя и западныя губерніи и подчинить своему вліянію всю территорію этихъ губерній, уничтоживъ тамъ русскія войска. Таковъ былъ общій планъ дѣйствій въ Литвѣ, вполнѣ независимый отъ плана дѣйствій принятаго другимъ предводителемъ мятежниковъ Лангевичемъ—въ Польшѣ; но оба эти плана служили какъ бы дополненіемъ одинъ другому въ общей борьбѣ повстанцевъ съ Россіей [21].

На долю Л.-Гв. Финляндскаго полка, послѣ цѣлаго ряда энергичныхъ поисковъ и доблестныхъ дѣлъ, выпалъ жребій разбить банды Сѣраковскаго, Колышки и Мацкевича, и тѣмъ самымъ разрушить весь планъ возстанія въ Литовскомъ краѣ: послѣ уничтоженія названныхъ шаекъ, военныя дѣйствія въ Литвѣ свелись лишь къ незначительнымъ стычкамъ [22].

Плодотворная и доблестная дѣятельность Л.-Гв. Финляндскаго полка, кромѣ указаннаго уничтоженія ядра вооруженныхъ силъ возстанія въ Литвѣ, проявилось еще и въ періодъ начала возстанія въ Виленскомъ округѣ, въ Февралѣ мѣсяцѣ.

За это время чины полка, вмѣстѣ съ другими расположенными тамъ частями войскъ, охраняли Вильну и ея окрестности; постоянные патрули, высылавшіеся по ночамъ, и частые караулы весьма сильнаго состава обезпечивали безопасность жителей; помимо того, на обязанности войскъ лежала охрана желѣзно-дорожныхъ путей, станцій и тоннеля, близь Вильны, чѣмъ достигнуто было поддержаніе непрерывной связи съ Петербургомъ.

Вся эта охранительная служба дѣлала какъ для солдатъ, такъ и для офицеровъ пребываніе въ Вильнѣ далеко нелегкимъ; если же прибавить къ этому еще общее нерасположеніе жителей и отсутствіе развлеченій, то получится полная картина обстановки, въ которой гвардіи пришлось переживать то время въ Вильнѣ.

Нѣкоторымъ развлеченіемъ для офицеровъ служили пріемы, устраиваемые по воскресеньямъ Генералъ-Губернаторомъ Назимовымъ; на вечерахъ у начальника края офицеры встрѣ-

чались съ представителями высшаго польскаго общества, въ числѣ которыхъ былъ тотъ самый Сѣраковскій, имя котораго черезъ самый короткій промежутокъ времени прогремѣло по всей Литвѣ и Польшѣ и который былъ взятъ въ плѣнъ Финляндцами. Общественный клубъ и маленькій театръ, гдѣ давались, русскія представленія позволяли офицерамъ коротать свободные вечера [23].

Вскорѣ наступилъ конецъ мирному времяпрепровожденію: Л.-Гв. Финляндскій полкъ и нѣкоторыя другія части, расположенныя тогда въ Вильнѣ, были привлечены къ активнымъ дѣйствіямъ противъ мятежниковъ.

Открывшіяся военныя дѣйствія имѣли цѣлью усмиреніе мятежа, путемъ уничтоженія мятежническихъ шаекъ и, главнымъ образомъ, ихъ кадровъ. Кадры эти, распространившись по разнымъ частямъ Польши и Литвы и проникнувъ въ предѣлы западныхъ губерній сзывали подъ свои знамена все, что было враждебнаго къ современному порядку вещей. Они или переносились съ мѣста на мѣсто, съ большою быстротою, при пособіи мѣстныхъ перевозочныхъ средствъ, или, засѣвъ въ лѣсныхъ дебряхъ, усиливались сторонниками мятежа, стекавшимися съ разныхъ сторонъ и преимущественно изъ городскихъ поселеній. При подобномъ образѣ дѣйствій мятежниковъ со стороны войскъ требовались: соотвѣтствующая быстрота передвиженій, неутомимость въ розыскахъ и постоянная готовность къ встрѣчѣ съ враждебными шайками.

Между тѣмъ, время года делеко не благопріятствовало этому: распутица со страшной грязью,—иногда буквально по колѣно, дожди, туманы и сырость очень задерживали войска на маршахъ и сильно затрудняли ихъ какъ на переходахъ, такъ и на бивакахъ подъ открытымъ небомъ; но русскія войска все исполнили, все перенесли. Форсированные марши, достойно соперничавшіе чуть ли не со знаменитыми суворовскими маршами, случались тамъ весьма часто. Войска неутомимо совершали громадные переходы по испорченнымъ дорогамъ, при полномъ ненастіи, нерѣдко добровольно отказываясь отъ необходимаго отдыха и даже отъ варки пищи, заставлявшей терять много времени; не смотря на такія лишенія, они сохранили полную бодрость силъ и отличное здоровье. Одушевленіе ихъ все время было весьма велико и позволяло не только переносить всѣ тягости военнаго времени, но и сражаться весьма храбро съ противникомъ иногда превосходившимъ ихъ по численности во много разъ [24]. Л.-Гв. Финляндскій полкъ, имѣвшій за собой всѣ достоинства, присущія вообще войскамъ русской арміи того времени, и предводимый столь славнымъ вождемъ, какъ Генералъ Ганецкій, выказалъ въ борьбѣ съ мятежниками и лихость и храбрость.

При высокихъ качествахъ русскихъ войскъ встрѣчи съ бандами оканчивались или истребленіемъ мятежниковъ, или ихъ разсѣяніемъ, причемъ мятежники разсыпались въ разныя стороны, пользуясь знакомствомъ съ мѣстными топографическими условіями. „Конечно, странно было бы и предполагать иной исходъ столкновеній,—говоритъ одинъ изъ офицеровъ полка, участникъ кампаніи [25].—Толпы людей, плохо вооруженныхъ, едва обученыхъ употребленію оружія и кое-какимъ тактическимъ пріемамъ для дѣйствій въ бою, встрѣчались съ войсками, вооруженіе и тактичекое образованіе которыхъ, стояло, по условіямъ того времени, на высокой степени совершенства. Не смотря на это, успѣшное выполненіе

поставленной войскамъ задачи требовало и въ данномъ случаѣ отъ нихъ много военныхъ достоинствъ, въ особенности противъ шаекъ, предводимыхъ мятежниками, хорошо знакомыми съ военнымъ дѣломъ и въ составѣ которыхъ было много людей, одушевленныхъ слѣпою храбростію и хорошо вооруженныхъ. Безпредѣльная храбрость, нерѣдко при значительномъ численномъ превосходствѣ мятежниковъ сравнительно съ небольшими отрядами войскъ и возможность внезапныхъ появленій шаекъ съ различныхъ сторонъ—требовали большой осторожности и сдержанности. Обыкновенный образъ дѣйствія мятежниковъ, при столкновеніяхъ съ войсками состоялъ въ открытіи огня стрѣлками, поддерживаемыми колоннами косиньеровъ (косарей). Покуда поддерживалась перестрѣлка, безъ сомнѣнія, всѣ выгоды были на сторонѣ войскъ: штуцерный огонь совершенно парализировалъ дѣйствительность огня мятежниковъ Но по мѣрѣ сближенія противники становились болѣе или менѣе въ одинаковыя условія, при чемъ мятежники имѣли на своей сторонѣ выгоды мѣстнаго прикрытія. Ударъ въ штыки, если таковой выжидали храбрѣйшіе изъ мятежниковъ, рѣшалъ исходъ столкновенія: шайка разсыпалась подъ выстрѣлами, пускаемыми въ догонку; впрочемъ бывали случаи, что горсть польскихъ наѣздниковъ или толпа косиньеровъ бросались на встрѣчу войскъ. Тотъ же штуцерный огонь, а если при отрядѣ состояла артиллерія—картечный выстрѣлъ кончалъ дѣло".

Полковникъ Я. К. Алхазовъ.

Партизанскій характеръ военныхъ дѣйствій вынуждалъ раздроблять части войскъ до крайности. По отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому полку происходило то-же самое: за все время военныхъ дѣйствій полкъ ни разу не дѣйствовалъ въ полномъ составѣ; 2—3 роты съ придачей мелкихъ кавалерійскихъ частей или иногда сборный отрядъ изъ нѣсколькихъ ротъ различныхъ полковъ составляли обычную норму отрядовъ, въ которыхъ участвовали Финляндцы.

Офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка такъ описываетъ характеръ военныхъ дѣйствій, начатыхъ послѣ мирнаго пребыванія въ Вильнѣ.

„Другая жизнь ожидала насъ въ экспедиціяхъ, о которыхъ я сообщу настолько, на сколько могу знать ихъ, какъ участникъ".

„Экспедиціи эти бываютъ внезапны, и чѣмъ онѣ внезапнѣе тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ ихъ. Безъ ранца, безъ подводъ, съ башлыкомъ черезъ плечо, гдѣ лежитъ его двухдневный провіантъ, солдатикъ идетъ бодро, весело по слѣду шайки и нетерпѣливо ждетъ момента боя. Эти передвиженія совершаются почти всегда большими переходами, по 50 и 60 верстъ въ сутки. Но отсталыхъ нѣтъ; никто не хочетъ быть назади, все рвется впередъ и впередъ; скажу болѣе: иногда надо сдерживать эту бойкость, чтобы сохранить къ из-

вѣстному моменту необходимую силу солдата. Сборы наши коротки и просты. Высокіе сапоги, пальто и револьверъ—и офицеръ готовъ. Солома вездѣ есть, башлыкъ вмѣсто подушки, сапоги рѣдко скидаются, а плащъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и походное одѣяло". Касаясь потерь въ сраженіяхъ, участникъ говоритъ, что таковыя были гораздо многочисленнѣе у противника, чѣмъ у насъ. „На нашей сторонѣ хорошее вооруженіе, отлично обученныя войска, практика стрѣлковъ въ продолженіи долгаго времени, и увѣренность въ томъ, что мы ихъ всегда бьемъ. Стоило только примѣниться къ характеру войны,—пишетъ онъ—черезъ нѣкоторое время послѣ открытія военныхъ дѣйствій,—и мы теперь сдѣлались страшны инсургентамъ. Они сами признавались, что огонь нашъ производилъ на нихъ сильное дѣйствіе. Пули наши бьютъ вѣрно и сильно, и часто покрытый мхомъ пень, за которымъ спрятался инсургентъ съ своей дубельтовкой, не спасаетъ его отъ нашей пули, пробивающей пень и бьющій наповалъ... Въ этихъ трущобахъ намъ весьма затруднительно управлять цѣпью, свистокъ намъ много помогаетъ. Иногда въ густомъ лѣсу случалось натыкаться внезапно на выстрѣлы шагахъ въ 5-ти или 10-ти; тогда люди, выдержавъ залпъ, бросаются въ штыки и выбиваютъ противника. Въ ихъ цѣпяхъ по большей части все паны и шляхта, народъ весьма бойкій и охотники; они туго сидятъ за своею позиціею и, наконецъ, не выдержавъ нашего огня, выбѣгаютъ по одиночкѣ назадъ въ сосѣднюю засаду; но зоркій глазъ солдата всегда подмѣтитъ такого бѣгуна и послѣдній непремѣнно летитъ на землю убитый наповалъ или сильно раненный. На такомъ близкомъ разстояніи штуцерная пуля бьетъ страшно и рѣдко оставляетъ возможность продолжать бѣгство. Косиньеры бываютъ и изъ крестьянъ, нѣкоторые вмѣсто косъ имѣютъ на длинномъ шестѣ длинный обоюдоострый ножъ въ родѣ кинжала. Перевѣсъ этого оружія на концѣ такъ великъ, что имъ трудно дѣйствовать. Косами сражались поляки во время войнъ своихъ при Екатеринѣ II, но и тогда успѣхъ этого оружія былъ сомнителенъ. Желаніе агитаторовъ увеличить числительность шаекъ побуждаетъ ихъ вооружать людей чѣмъ попало, только бы лишній человѣкъ былъ въ строю. Случалось намъ видѣть, въ числѣ отбитаго оружія, 18-го апрѣля, громадные англійскіе топоры, насаженные на длинныя древки. Но есть ли какая возможность дѣйствовать подобнымъ допотопнымъ оружіемъ въ лѣсу, гдѣ съ длиннаго размаха скорѣе всадишь его въ дерево, нежели попадешь въ человѣка. Кромѣ того, косиньеры ни разу не подходили къ намъ ближе 30-ти шаговъ и, не выдержавъ нашего огня и оставивъ трупы, бросались бѣжать. Чувство самосохраненія заставляетъ нашего стрѣлка отлично примѣняться къ прикрытіямъ, которыхъ не мало въ лѣсу. За косиньерами обыкновенно идутъ нѣсколько людей изъ пановъ съ ружьями и револьверами, и стрѣляютъ въ своихъ сзади, замѣтивъ, что тѣ не охотно идутъ умирать подъ наши выстрѣлы. Прибавьте къ этому, что большая часть несчастныхъ косиньеровъ завербована насильно; можно себѣ представить, какое варварское несчастье наводятъ господа паны на семейства бѣдныхъ крестьянъ и поэтому на цѣлый край".

Первыя военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовали части Л.-Гв. Финляндскаго полка, произошли 9-го и 10-го Марта. Но еще до этого одна рота полка вмѣстѣ съ ротой Л.-Гв. Стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона была отправлена въ мѣстечко Ольканики,

находящееся неподалеку отъ Вильны, въ помощь отряду начальника штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Полковника Винберга, разгонявшаго шайки въ Лидскомъ уѣздѣ. Рота эта прибыла когда дѣло уже кончилось и такимъ образомъ Финляндцамъ не пришлось здѣсь принять участіе въ бою[27]; но за то дѣйствія 9-го Марта у м. Миткишки дали Л.-Гв. Финляндскому полку возможность впервые въ этомъ походѣ выказать свои боевыя качества.

Въ концѣ февраля мѣсяца мятежъ охватилъ почти все пространство Виленскаго округа и, хотя нигдѣ не было большихъ скопищъ, но за то мелкія шайки противника наносили значительный вредъ населенію, и старались, гдѣ возможно, причинить ущербъ русскимъ. Въ началѣ марта мѣсяца мятежники усилили свою дѣятельность и прежде всего направили ее на наши желѣзнодорожныя линіи; одновременно съ этимъ въ Вильну стали все чаще поступать неблагополучныя извѣстія изъ уѣздовъ: повстанцы сильно давали себя знать въ Ковенской и Гродненской губерніяхъ; вскорѣ ихъ шайки появились и въ Виленской губерніи.

8-го марта шайка, въ составѣ 100 человѣкъ [28], появилась въ деревнѣ Белуны, вблизи города Вильны. Для преслѣдованія этой шайки въ ночь на 9-е марта былъ экстренно посланъ изъ гор. Вильны отрядъ подъ начальствомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковника Алхазова въ составѣ 2-й стрѣлковой роты того же полка и лейбъ-эскадрона Л.-Гв. Казачьяго полка. Полковнику Алхазову было поставлено цѣлью розысканіе и уничтоженіе этой шайки.

Идя правымъ берегомъ рѣки Виліи на дер. Белуны и далѣе на Шиланы, куда вели розысканныя казаками слѣды, отрядъ Полковника Алхазова подошелъ къ мѣсту переправы у названной деревни; тамъ открылось, что мятежники переправились на лѣвый берегъ Виліи, за три часа до прихода отряда. Желая во что бы то ни стало настигнуть противниковъ, Полковникъ Алхазовъ рѣшился немедленно совершить переправу, несмотря на почти полное отсутствіе средствъ для этого; только въ ближайшихъ деревняхъ удалось найти два челнока, поднимавшихъ не болѣе пяти человѣкъ; на нихъ и рѣшилъ Полковникъ Алхазовъ переправить своихъ Финляндцевъ и продолжать дальнѣйшее движеніе только съ ними одними, казаки же, въ виду невозможности переправы для нихъ по быстротѣ и глубинѣ каменистой рѣки, получили приказаніе вернуться въ Вильну, въ случаѣ если не найдутъ брода. Послѣ переправы рота Финляндцевъ направилась по дорогѣ къ селенію Евье; на маршѣ ее догнали казаки, которые переправились вплавь съ большой опасностью для жизни. Къ вечеру рота пришла въ мѣстечко Евье и тамъ заночевала; 60 верстъ, сдѣланныя отрядомъ подъ сильнымъ дождемъ, по топкой дорогѣ, сильно извивавшейся вдоль рѣчнаго берега, утомили до-нельзя всѣхъ людей.

На слѣдующій день, 10-го марта рано утромъ Финляндцы и казаки продолжали преслѣдованіе противника, двинувшись къ дер. Миткишки; при этомъ движеніи отрядъ раздѣленъ былъ на двѣ колонны, для слѣдованія по двумъ дорогамъ; пройдя верстъ 15-ть, у дер. Миткишки обѣ колонны соединились. Здѣсь же, у мызы того же названія, расположенной верстахъ въ двухъ отъ деревни, казаки открыли розыскиваемую шайку.

Приблизившись къ мызѣ Миткишки, лейбъ-казаки были немедленно встрѣчены

огнемъ засѣвшихъ тамъ повстанцевъ. Услышавъ эти выстрѣлы стрѣлки бросились бѣгомъ и, пробѣжавъ безостановочно около трехъ верстъ до мызы, „немедленно бросились въ атаку занятыхъ зданій двумя частями, обхватывая исходящее расположеніе усадьбы“ [29]. Они тоже были встрѣчены частой стрѣльбой изъ строеній и сараевъ, при чемъ два стрѣлка были ранены. Ворвавшись въ мызу стрѣлки быстро перекололи часть защищавшихся мятежниковъ; двое бросившіе оружіе были взяты въ плѣнъ, а остальные, всего до пятидесяти человѣкъ бѣжали къ лѣсу; отъ перестрѣлки загорѣлись соломенныя крыши и слышенъ былъ взрывъ пороха, оставленнаго въ одномъ изъ строеній; находившіяся тамъ женщины были спасены, бо́льшая же часть мятежниковъ, бѣжавъ въ близь лежащій лѣсъ по дорогѣ, огороженной съ двухъ сторонъ крѣпкимъ плетнемъ, заняла опушку. Лейбъ-казаки не будучи въ состояніи преслѣдовать бѣгущихъ по дорогѣ, представлявшей собою узкое дефиле, спѣшились и, занявъ опушку сосѣдняго лѣска, открыли въ свою очередь огонь; тогда мятежники стали отступать къ Виліи; Финляндцы немедленно начали преслѣдованіе, а казаки, сѣвъ на лошадей, направились въ обходъ по лѣсу и, когда захватили путь отступленія повстанцевъ къ р. Виліи, то вновь спѣшились и примкнули цѣпью къ этой рѣкѣ. Мятежники, видя себя окруженными, засѣли въ глубокой лѣсной балкѣ, вродѣ ямы, и снова открыли огонь. На предложеніе сдаться они отвѣчали, что согласны и кричали „змилуйся“, но потомъ „когда цѣпь подалась впередъ, чтобы взять оружіе, они измѣннически открыли частую пальбу; здѣсь одинъ стрѣлокъ былъ раненъ. Тогда цѣпь съ резервомъ, обходя расположеніе повстанцевъ съ фронта и фланга, двинулась въ штыки; впереди шли командиръ 2-й стрѣлковой роты Штабсъ-Капитанъ Зассъ и субалтернъ-офицеры: Поручикъ Теннеръ, (впослѣдствіи командиръ полка), Подпоручикъ Журавлевъ и Прапорщикъ Лушнинъ; въ перемежку съ цѣпью Финляндцевъ пошли въ атаку и казаки съ Хорунжимъ Грековымъ. Въ рукопашной схваткѣ вся банда была уничтожена; спаслось бѣгствомъ не болѣе пяти человѣкъ. У мятежниковъ взяты: ружья, сабли, пики, топоры. На тѣлахъ убитыхъ, большею частію хорошо одѣтыхъ, найдены бумаги, изъ которыхъ можно было заключить, что шайка состояла преимущественно изъ Виленскихъ жителей [30].

Потери Финляндцевъ въ дѣлѣ при Миткишкахъ были: убитыми и умершими отъ ранъ—3 стрѣлка, ранеными—4 стрѣлка[31]. Въ процентномъ отношеніи потери были, считая составъ роты, участвовавшей въ дѣлѣ въ 80 человѣкъ,—убитыми и умершими отъ ранъ—3,75%; ранеными—5%; общая потеря—8,75%.

Лейбъ-казаки потеряли 1-го тяжело раненаго нижняго чина.

За дѣло при Миткишкахъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ удостоился Высочайшей похвалы; 18-го марта въ приказѣ по полку было объявлено, что „Государь Императоръ изволилъ остаться весьма довольнымъ быстрыми движеніями, исполненными въ послѣдніе дни нѣкоторыми частями войскъ (Виленскаго) округа и въ особенности дѣломъ 10 марта у дер. Миткишки“. [32]

Отдѣльные чины Л.-Гв. Финляндскаго полка за означенное дѣло получили слѣдующія награды: Командиръ полка Генералъ-Маіоръ Ганецкій—орд. Св. Владиміра 2-й степ. съ мечами [33]; Полковникъ Алхазовъ и Штабсъ-Капитанъ Зассъ—орд. Св. Владиміра 4-й степ.

съ мечами [34]; Поручикъ Теннеръ, Подпоручикъ Журавлевъ и Прапорщикъ Лушнинъ—орд. Св. Анны 4-й степ. съ надписью за храбрость [35].

Нижнимъ чинамъ дано на роту 73 знаковъ отличія военнаго ордена и всѣмъ участвовавшимъ въ дѣлѣ по 1 рублю на человѣка. [36]

Полковникъ Алхазовъ послѣ того какъ „прекрасно исполнилъ возложенное на него порученіе", перевезъ свой отрядъ по желѣзной дорогѣ въ г. Вильно, гдѣ погибшіе нижніе чины—первыя жертвы Л.-Гв. Финляндскаго полка въ этой кампаніи — были преданы землѣ съ большою торжественностью: „всѣ офицеры провожали гробы до кладбища,—пишетъ участникъ похода,—что подало поводъ полякамъ печатать, что у насъ въ дѣлѣ убито три офицера" [37].

Послѣ славнаго дѣла Финлядцевъ у мызы Миткишки Л.-Гв. Финляндскій полкъ почти цѣлый мѣсяцъ простоялъ въ Вильнѣ, и за все это время никакихъ поисковъ за повстанцами въ Виленскихъ лѣсахъ не производилъ. Тѣмъ не менѣе служба чиновъ полка и при неподвижномъ расположеніи въ Вильнѣ была тяжелой, что вызывалось многочисленными нарядами, постояннымъ тревожнымъ состояніемъ вслѣдствіе самыхъ невѣроятныхъ слуховъ, усилившихся особенно къ концу марта мѣсяца, передъ наступленіемъ праздника Пасхи. „Теперь подъ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія,—говоритъ корреспонденція изъ Вильны [38],—вдругъ разнеслись слухи, невѣсть на чемъ основанные, что святость и покой торжественныхъ дней праздника будутъ нарушены непріятнѣйшимъ образомъ. Въ великій четвергъ вездѣ говорили уже явно и положительно, что городъ будетъ объявленъ въ осадномъ положеніи на все время праздника, что послѣ 9-ти часовъ вечера нельзя будетъ показаться на улицу даже съ фонаремъ и т. д. Такъ какъ подобныя чрезвычайныя мѣры должны же обусловливаться чѣмъ нибудь вещественнымъ, то стали разсказывать о большихъ складахъ оружія, находящихся, будто бы, втайнѣ въ самомъ городѣ, о порохѣ, ввозимомъ въ городъ цѣлыми повозками подъ прикрытіемъ картофеля: многіе, будто бы, собственными глазами видѣли, какъ полиція, извѣщенная объ этой продѣлкѣ, поймала, наконецъ, такую картофельно-пороховую повозку и препроводила повозку съ шляхтичемъ, которому она принадлежала, по принадлежности". Къ счастью слухи эти оказались только слухами и Пасха прошла спокойно.

4-го апрѣля всѣмъ войскамъ Виленскаго гарнизона былъ произведенъ на Каѳедральной площади парадъ, на которомъ оба батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка представились въ отличномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, порядкѣ, за что начальствующимъ лицамъ была объявлена благодарность командующаго войсками [39].

Праздники прошли для русскаго населенія Вильны въ полномъ веселіи; со стороны же поляковъ былъ глубокій трауръ. Пребываніе въ городѣ русскихъ гвардейцевъ весьма оживляло народныя гулянья, принявшія національную окраску: сарафаны, поддевки, сапоги гармоникой и прочія принадлежности русскаго костюма свидѣтельствовали какъ бы о возрожденіи русскаго вліянія въ Вильнѣ, возрожденіи явившемся слѣдствіемъ прибытія гвардейцевъ.

Едва отбывъ парадъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ приказаніе выслать двѣ роты для наблюденія за участкомъ Ковенской желѣзной дороги и смежныхъ съ нею

лѣсовъ, т. к. по полученнымъ свѣдѣніямъ тамъ ожидалось нападеніе со стороны мятежныхъ шаекъ. Усилившееся въ Трокскомъ уѣздѣ возстаніе отражалось по всей мѣстности между Вильно-Ковенской жел. дорогой и рѣкой Виліей; наблюденіе за этимъ раіономъ и было возложено на отрядъ въ составѣ 1-й стрѣлковой и 5-й ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка при ½ эскадронѣ Лейбъ-Казачьяго полка, подъ общимъ начальствомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковника Краммера.

Отрядъ этотъ выѣхалъ изъ Вильны по желѣзной дорогѣ до станціи Жосли, гдѣ высадился и направился пѣшкомъ, раздѣлившись на двѣ части: 1-ая стрѣлковая рота пошла въ селеніе Жосли, отстоящее отъ станціи жел. дороги того же наименованія въ разстояніи 2½ верстъ, а 5-я рота—въ монастырь Папорцы, лежащій верстахъ въ 15-ти къ сѣверо-востоку отъ станціи Жосли. Казаки были распредѣлены поровну между ротами.

8-го Апрѣля разъѣзды донесли Полковнику Краммеру, что въ окрестностяхъ мызы Жихороны, расположенной по другую сторону желѣзнодорожнаго пути, скрываются шайки повстанцевъ. Для преслѣдованія ихъ Полковникъ Краммеръ выступилъ въ 3 часа ночи съ 8-го на 9-ое число и быстро направился кратчайшимъ путемъ къ Жихоронамъ, вмѣстѣ съ 1-ой стрѣлковой ротой и казаками. Но противника тамъ не оказалось; тогда Полковникъ Краммеръ, не теряя времени, двинулся дальше для обозрѣнія ближайшихъ лѣсовъ. Два дня, 9-го и 10-го Апрѣля шли Финляндскіе стрѣлки съ казаками по болотистымъ мѣстамъ и, описавъ довольно значительный кругъ черезъ Риголянцы и Жижморы, къ вечеру 10-го Апрѣля вернулись обратно въ Жосли. Двухдневный маршъ, совершаемый съ ранняго утра до поздняго вечера по крайне пересѣченной мѣстности, при весеннемъ разлитіи водъ, былъ весьма утомителенъ, но не принесъ никакихъ положительныхъ результатовъ; выяснилось только что въ пройденныхъ селеніяхъ повстанцевъ не оказалось.

Полковникъ А. Е. Краммеръ.

Пока 1-ая стрѣлковая рота дѣлала поискъ изъ Жосли, 5-ая рота стояла въ доминиканскомъ монастырѣ Папорцы, гдѣ какъ люди такъ и офицеры были расположены очень хорошо и свободно. Монастырь этотъ, назначенный къ упраздненію, имѣлъ въ то время всего лишь 15 человѣкъ монаховъ и его огромныя помѣщенія стояли почти пустыми. Настоятелемъ былъ почтенный старецъ, весьма любезно принимашій офицеровъ и угощавшій ихъ вкусными обѣдами, при оживленныхъ бесѣдахъ.

Служба людей 5-й роты при стоянкѣ въ Папорцахъ заключалась въ ближнихъ поискахъ, ежедневно производившихся въ прилегающія деревни.

14 Апрѣля получено было извѣщеніе отъ Полковника Краммера, что шайки повстанцевъ появились къ сѣверу отъ Папорцевъ, въ лѣсахъ около деревень Тартаришки и Барташуны; поэтому на другой день, 15 Апрѣля, приказано было произвести поискъ къ сторонѣ этихъ деревень.

Рано утромъ 15 числа выступила 5-я рота изъ Папорцевъ и направилась къ Тартаришкамъ, куда и прибыла къ 11 ч. утра. Черезъ полчаса, туда же прибылъ и Полковникъ Краммеръ съ 1-й ротой. Поиски патрулей и разъѣздовъ при движеніи обѣихъ ротъ не обнаружили ничего; только проговорившійся мальчикъ сообщилъ, что въ тотъ же день утромъ повстанцы были въ Тартаришкахъ и потомъ ушли за рѣку Вилію. Разъѣзды, посланные по рѣкѣ Виліи, не смотря на тщательность поисковъ не могли обнаружить повстанцевъ, почему Полковникъ Краммеръ, предполагая что шайки ихъ ушли далеко, приказалъ обѣимъ ротамъ возвратиться въ Жосли и Папорцы. Этимъ возвращеніемъ Полковникъ Краммеръ приближался къ желѣзнодорожному пути составлявшему главную цѣль его охраненія.

По прибытіи 5-й роты въ Папорцы, послѣ обѣда, часовъ въ пять, артельщики и кашевары роты остававшіеся въ монастырѣ, доложили что въ тотъ же день повстанцы въ довольно значительныхъ силахъ, собрали всѣ плоты и лодки, имѣвшіеся въ ближайшей на рѣкѣ Виліѣ деревнѣ Панарѣ, и отплыли по рѣкѣ, но неизвѣстно въ какомъ направленіи.

Командиръ 5-й роты Штабсъ-Капитанъ Рудановскій тотчасъ же приказалъ лейбъ-казакамъ, бывшимъ при немъ, развѣдать о противникѣ. Разъѣздъ вернулся часовъ въ десять вечера и доложилъ что шайка повстанцевъ переправилась на правую сторону рѣки Виліи. Черезъ полчаса, къ удивленію Штабсъ-Капитана Рудановскаго и чиновъ 5-й роты, въ темнотѣ сталъ обрисовываться силуэтъ большой коллонны; то была 1-ая стрѣлковая рота съ Полковникомъ Краммеромъ во главѣ. Оказалось, что и онъ получилъ въ тотъ же день извѣщеніе, что шайка мятежниковъ, переправившись черезъ рѣку Вилію, двигалась по деревнѣ спѣшно.

По обсужденію общаго положенія дѣлъ, рѣшено было дать людямъ нѣсколько часовъ отдыха, а съ разсвѣтомъ выступить для преслѣдованія противника.

17 Апрѣля, едва свѣтало, отрядъ выступилъ съ мѣста своего расположенія и направился къ дер. Панара на рѣкѣ Виліи, гдѣ повстанцы совершили свою переправу. Очутившись на берегу рѣки, отрядъ Полковника Краммера былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: ледъ недавно передъ тѣмъ прошелъ, вода была высокая и теченіе очень сильное, а рѣка шириною до 200 шаговъ; перевозочныхъ же средствъ почти никакихъ. На берегу нашлось лишь нѣсколько бревенъ изъ которыхъ поспѣшно начали сколачивать плотъ; впрочемъ, удалось еще найти одинъ ветхій челнокъ, едва вмѣщавшій въ себѣ трехъ человѣкъ. Рѣшено было казаковъ и сѣдла переправить въ челнокѣ, а лошадей пустить вплавь. Операція эта была окончена менѣе чѣмъ въ часъ времени, благодаря тому, что многіе казаки переправились вплавь на спинахъ лошадей. За казаками переправились и Финляндцы, использовавъ для этого импровизированный плотъ; стоя на немъ по колѣно въ холодной водѣ, рискуя каждую минуту жизнью, Финляндцы благо-

получно переправились на противуположный берегъ и въ десять часовъ утра двинулись дальше.

Къ этому времени, слѣды повстанцевъ были найдены; грязь, стоявшая на всѣхъ дорогахъ, выдавала мятежниковъ; но иногда слѣдъ совершенно терялся, т. к. повстанцы двигались напрямикъ безъ дорогъ. Цѣлый день шелъ отрядъ Полковника Краммера, спѣша погонею за мятежниками. Прошли цѣлый рядъ деревень, сдѣлали привалъ въ какой-то нѣмецкой колоніи, заходили ко многимъ помѣщикамъ, всюду спрашивая о полякахъ, однако настигнуть ихъ не удалось. Движеніе отряда по болотистой и скользкой дорогѣ, черезъ двѣ переправы на рѣкѣ Ширвинтѣ было вполнѣ форсированно: за весь день сдѣлано около 60-ти верстъ. Къ вечеру отрядъ подошелъ къ станціи Ново-Вѣсь, на большой дорогѣ изъ Вильны въ Вилькоміръ, и отсюда направился къ близъ лежащему мѣстечку Ширвинты, гдѣ и расположился на ночлегъ.

Усталость была такъ велика, что послѣднія версты люди едва одолѣли. Когда отрядъ былъ въ Ширвинтахъ, гдѣ Полковникъ Краммеръ предполагалъ дать людямъ отдыхъ и расположить ихъ на ночлегъ, отъ евреевъ было получено извѣстіе, что въ селеніи Новой Вѣси хозяйничаютъ уже около 2-хъ мѣсяцевъ повстанцы.

Получивъ это свѣдѣніе, Полковникъ Краммеръ, не дожидаясь даже разъѣздовъ посланныхъ въ разныя стороны и, не смотря на поздній часъ, немедленно двинулся въ Новую Вѣсь, куда и прибылъ почти ночью.

Во все время переходовъ этого дня, жители встрѣчавшіеся въ деревняхъ и по дорогамъ, обнаруживали явное нерасположеніе, а въ Новой Вѣси объявили, что они неподвластны болѣе русскому правительству и что уже два мѣсяца какъ польскіе чиновники собираютъ съ нихъ подати; вмѣстѣ съ тѣмъ, они выразили крайнее удивленіе приходу русскихъ войскъ. Евреи были тоже крайне нелюбезны; шинкари попрятали всю водку, въ которой чувствовалась тогда большая надобность: день былъ холодный и нижніе чины сильно прозябли, особенно отъ нѣсколькихъ переправъ черезъ ручьи и рѣчки въ бродъ; поэтому озлобленіе солдатъ противъ евреевъ было велико.

Какъ нижніе чины, такъ и офицеры очень утомились за весь день 17-го апрѣля, проведенный въ непрерывномъ движеніи по грязи. „Мы только попали въ избу,—пишетъ участникъ этого похода Прапорщикъ Герм. Прокопе,—уснули богатырскимъ сномъ, и не мало были удивлены, когда 18-го Апрѣля, утромъ, часовъ въ 5, насъ разбудилъ сигналъ „подъемъ".

Оказалось, что ночью казаки напали на слѣдъ значительной шайки повстанцевъ, расположенной неподалеку въ лѣсу, въ укрѣпленномъ лагерѣ. Какъ потомъ выяснилось то была соединенная шайка Виленскаго и Трокскаго уѣздовъ, численностью въ 660 человѣкъ *. Она имѣла правильную организацію, подраздѣляясь на роты или плутонги; до 50 дезертировавшихъ русскихъ офицеровъ польскаго происхожденія поддерживали порядокъ среди рядовъ ея. Во главѣ шайки стоялъ ксендзъ Мацкевичъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей возстанія, человѣкъ весьма энергичный и къ тому же фанатикъ. Онъ имѣлъ

* Полковникъ Краммеръ показывалъ численность этой шайки около 500 человѣкъ.

уже и нѣкоторую боевую опытность, предводительствуя составленной имъ шайкой при ея столкновеніяхъ въ Поневѣжскихъ лѣсахъ въ мартѣ мѣсяцѣ съ отрядомъ Генерала Суходольскаго.

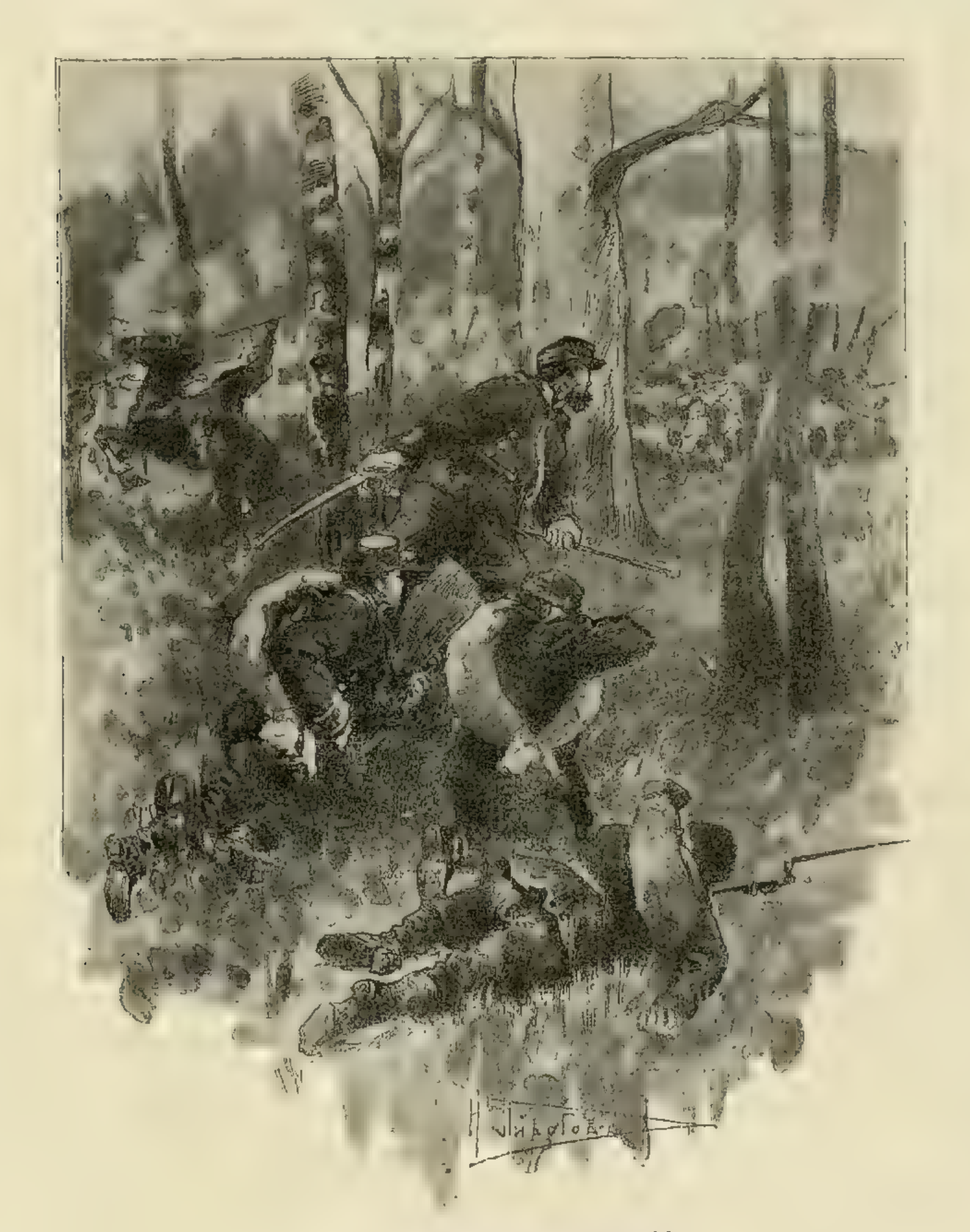
„Отъ Ширвинтъ, — пишетъ другой участникъ похода [40], — мы двинулись на сѣверъ по дорогѣ въ дер. Киванцы. Видно было, что наше движеніе было замѣчено повстанцами, такъ какъ въ лежащихъ впереди лѣсахъ то и дѣло раздавались сигналы на горнѣ. Пройдя верстъ семь, мы прибыли въ деревню Киванцы, окруженную со всѣхъ сторонъ лѣсами и пустую какъ всѣ окрестныя деревни, откуда жители вѣроятно убѣжали въ лѣсъ, чтобы спрятаться отъ насъ. Вдругъ откуда ни возьмись вылетѣлъ изъ избы отставной солдатъ, русскій, съ медалями за севастопольскую кампанію; онъ намъ разсказалъ, что верстахъ въ двухъ къ западу отъ деревни, у опушки, уже два мѣсяца, какъ стоитъ лагеремъ банда ксендза Мацкевича, изъ 400 человѣкъ, что они ежедневно производятъ ученія, что днемъ передъ тѣмъ къ нимъ прибыло изъ за Виліи 250 человѣкъ (тѣ, которыхъ мы преслѣдовали) и что они знаютъ, что мы идемъ и ждутъ насъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялся насъ проводить, объяснивъ, что лѣсъ совсѣмъ дикій, болотистый, проходимъ только по знакомымъ тропинкамъ и тянется на западъ верстъ 5, а на сѣверъ верстъ 10.

„Двинулись; впереди шелъ казачій разъѣздъ, затѣмъ авангардъ изъ 1-й стрѣлковой роты и остальной отрядъ. Большинство офицеровъ, влекомое любопытствомъ, шли при авангардѣ. Трубачи въ лѣсу заголосили; дошли до опушки и повернули вдоль ея на сѣверъ; вдругъ выстрѣлъ по казачьему разъѣзду...

„Казаковъ убрали, разсыпали авангардъ и въ тоже время вся опушка впереди лежащаго лѣса засвѣтилась дымками; мы и не успѣли очутиться у своихъ ротъ, какъ онѣ цѣликомъ разсыпались и выпустили по опушкѣ свой первый зарядъ; нечего было медлить, до опушки было шаговъ 300, крикнули „ура“ и всѣ ринулись на опушку; повстанцы дрогнули, большинство повернуло назадъ, а тѣ храбрецы, которые остались на своихъ мѣстахъ, были переколоты. Я командовалъ 1 взводомъ въ 5 ротѣ; рядомъ со мной вбѣжалъ въ лѣсъ начальникъ 4 взвода стрѣлковой роты унтеръ офицеръ Поликарповъ; почти въ упоръ въ него выстрѣлилъ толстый панъ, сидѣвшій за кустомъ; къ счастію пуля попала въ рукавъ шинели и вышла у локтя, слегка оцарапавъ руку Поликарпова, но за то панъ не успѣлъ опомниться, какъ въ его груди сидѣлъ штыкъ Поликарпова. Двигаясь впередъ въ лѣсу, мы наткнулись на завалъ, сдѣланный изъ сваленныхъ деревьевъ, изъ за которыхъ встрѣчали насъ выстрѣлами, но дружное „ура“—и завалъ былъ нашъ; такимъ образомъ брали три завала.

„Во время движенія по лѣсу все кричали „вправо“, такъ что все время заходили лѣвымъ плечомъ; оказалось, что правый флангъ стрѣлковой роты, очутился какъ разъ противъ самаго лагеря и, встрѣтивъ сильное сопротивленіе, не двигался впередъ въ ожиданіи нашего обхода. Послѣ двухчасовой перестрѣлки съ постояннымъ движеніемъ впередъ, при которомъ цѣпи мятежниковъ и наша были въ 30 шагахъ другъ отъ друга и то по густотѣ лѣса едва можно было видѣть кого нибудь, хотя всякое слово у насъ было явственно слышно, и овладѣнія завалами, лѣсъ сталъ немного рѣже и попадались небольшія полянки; тогда по всей линіи вдругъ выступили колонны косиньеровъ съ намѣреніемъ броситься

на насъ. Положеніе было критическое; цѣпь движеніемъ по густому болотистому лѣсу разорвали и перепутали, такъ что трудно было на скоро собрать хоть 10 человѣкъ. Увидя движеніе косиньеровъ, я закричалъ своему горнисту „играй атаку“ (разсыпную), а мой горнистъ стоитъ себѣ за деревомъ и не играетъ, да еще какъ то глупо на меня

Дѣло у Киванцевъ 18 Апрѣля 1863 г.

смотритъ; я думалъ, что онъ струсилъ и поэтому не играетъ, * но въ тоже время гдѣ-то

* Горнистъ, какъ впослѣдствіи оказалось, былъ молодымъ и еще недостаточно выученнымъ.

вблизи другой горнистъ, услышавъ мое приказаніе, заигралъ атаку. Откуда ни возмись человѣкъ 8 собралось и бросилось навстрѣчу косиньерамъ, которые не выдержали и побросавъ свои косы, дали тягу, получивъ себѣ въ спину нѣсколько штыковыхъ ударовъ. Пошла по всей линіи сплошная атака и „ура“, а сзади ротные барабанщики били бой къ атакѣ, который въ лѣсу казался точно бой цѣлой арміи.

„Мятежники бросились бѣжать по всей линіи, а за ними и мы ворвались въ лагерь, состоящій изъ множества шалашей, сложенныхъ изъ ельника; была тамъ и церковь шалашъ.

„По всему видно было, что насъ въ лагерѣ не ожидали, увѣренные, что насъ раньше побьютъ; тамъ кашевары варили варку и было много людей при мирныхъ занятіяхъ: но всѣ они были переколоты расходившимися солдатами, раньше чѣмъ успѣли ихъ спасти. Досталось намъ много ружей, пороху и съѣстныхъ припасовъ. Остатки шайки разбрелись по разнымъ тропинкамъ въ лѣсъ и преслѣдованіе было остановлено, чтобы не раздробляться въ густомъ лѣсу.

„Тутъ случился эпизодъ, доказавшій, какимъ случайностямъ можно подвергнуться при дѣйствіяхъ въ густыхъ лѣсахъ; минутъ 8 или 10 послѣ завладѣнія лагеремъ, когда только что успѣли опомниться послѣ перваго крещенія огнемъ, вдругъ слышимъ могучее русское „ура“, несущееся по направленію къ намъ; кто-то догадался приказать горнисту играть сборъ; „ура“ прекратилось и черезъ двѣ три минуты нѣсколько сконфуженныхъ солдатъ показались изъ за шалашей; то были изъ отставшихъ при прохожденіи лѣсомъ, но они сами этого не замѣчали, предполагая, что они впереди всѣхъ и, наткнувшись на лагерь, бросились на „ура“; хорошо, что тогда не стрѣляли, но навѣрное можно сказать, что, проходя лѣсомъ, они много пуль пустили, если не въ своихъ, то, по крайней мѣрѣ мимо ихъ ушей“.

Далѣе авторъ приведеннаго описанія дѣла при Киванцахъ, приходитъ къ слѣдующему заключенію о тактическихъ дѣйствіяхъ 1-й стрѣлковой и 5-й ротъ въ этомъ бою. „Изъ вышеизложеннаго описанія,—говоритъ онъ,—видно, какъ рисковано наше положеніе было въ лѣсу безъ резервовъ съ одною безсвязною цѣпью. Явись какъ-нибудь въ тылу или на лѣвомъ флангѣ какая нибудь горсть удальцевъ, то мы бы очутились въ самомъ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что банда была хорошо вооружена и организована и даже одѣта въ однообразныхъ мундирахъ. Видно они ошалѣли отъ нашихъ лихихъ натисковъ. Одинъ изъ захваченныхъ плѣнныхъ разсказывалъ, что между начальниками вышелъ споръ; одинъ предлагалъ прибывшую за день банду расположить гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ лагеря, для нападенія на насъ во время атаки лагеря, а ксендзъ Мацкевичъ увѣрялъ, что и такъ насъ побьютъ, если встанутъ вмѣстѣ, за что только можно ему сказать спасибо, а то результатъ могъ быть не тотъ“.

„Теперь настали самыя тяжелыя минуты“,—оканчиваетъ авторъ свое описаніе дѣла у Киванцевъ,—вывели насъ изъ лѣса, построили и началась повѣрка наличныхъ людей. Цѣпью прошли лѣсъ для уборки своихъ убитыхъ и оставшихся раненыхъ. Убито нижнихъ чиновъ—5 и ранено—28, большинство—тяжело въ ноги съ раздробленіемъ костей,

что объясняется тѣмъ, что по густотѣ лѣса, мятежники стрѣляли лежа, цѣлясь въ видимую нижнюю часть тѣла“.

По оффиціальнымъ даннымъ потери нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ дѣлѣ при Кивинцахъ были слѣдующія: убито—4; ранено тяжело—4; ранено легко—16; * контужено — 5; Изъ офицеровъ контуженъ — 1 — командиръ 1-й стрѣлковой роты Штабсъ-Капитанъ Кушакевичъ I.

Численность людей въ ротахъ была въ день 18-го апрѣля не болѣе 80-ти человѣкъ въ каждой, почему потери Л.-Гв. Финляндскаго полка въ дѣлѣ при Киванцахъ выражаются въ процентномъ отношеніи въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ нижнихъ чинахъ	убитыми		2,5%
	раненными	тяжело	2,5%
		легко	10%
	контуженными		3%
		а всего	18%

Въ офицерахъ контуженными 11,11%

Въ дѣлѣ при Киванцахъ принимали участіе слѣдующіе офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка: начальникъ отряда—Полковникъ Краммеръ (начальникъ стрѣлковъ Л.-Гв. Финляндскаго полка); Штабсъ-Капитанъ Кушакевичъ—командиръ 1-й стрѣлковой роты; Поручики Кушакевичъ и Степановъ—субалтернъ-офицеры той же роты; Штабсъ-Капитанъ Рудановскій—командиръ 5-й роты; Поручикъ В. Прокопе I и Прапорщикъ Г. Прокопе II—субалтернъ-офицеры 5-й роты; Поручикъ Острогорскій былъ за начальника штаба отряда. Изъ врачей полка состоялъ при отрядѣ докторъ Романовъ.

Потери мятежниковъ во много разъ превосходили наши; оффиціальныя данныя указываютъ, что 100 человѣкъ было убито, раненыхъ же и контуженныхъ оказалось очень много.

Результатъ дѣла при Киванцахъ былъ блестящій; отрядъ Полковника Краммера уничтожилъ шайку ксендза Мацкевича, превосходившую его почти въ четыре раза, при чемъ богатый лагерь повстанцевъ со всѣми запасами достался въ руки доблестныхъ Финляндцевъ. 200 ружей, много пороху, богатый обозъ и большіе запасы продовольствія стали добычей побѣдителей. Трофеемъ 5-й роты Л.-Гв. Финляндскаго полка явилась церковная утварь, захваченная въ одномъ изъ шалашей лагеря, обращенномъ въ походную церковь; взятая утварь была пожертвована Штабсъ-Капитаномъ Рудановскимъ въ полковую церковь, гдѣ и хранится до сихъ поръ.

За дѣло при Киванцахъ нижніе чины полка получили 16 георгіевскихъ крестовъ, распредѣленныхъ между ними по единогласному приговору всѣхъ участвовавшихъ людей.

Въ числѣ отличившихся нижнихъ чиновъ слѣдуетъ упомянуть о фельдфебелѣ Андріановѣ, который, какъ говорится о немъ въ оффиціальномъ представленіи [41] „оказалъ

* Интересно отмѣтить что въ числѣ раненыхъ былъ одинъ рядовой 5-й роты, которому пуля, попавъ прямо въ лобъ, не повредила кости, а только смялась и сплющилась. Солдатъ этотъ впрочемъ впослѣдствіи сталъ слабоумнымъ.

примѣрное мужество и храбрость тѣмъ, что все время идя впереди и, не смотря на то, что былъ раненъ въ первый разъ въ щеку, продолжалъ командовать полувзводомъ, пока не былъ вторично раненъ пулею въ бокъ".

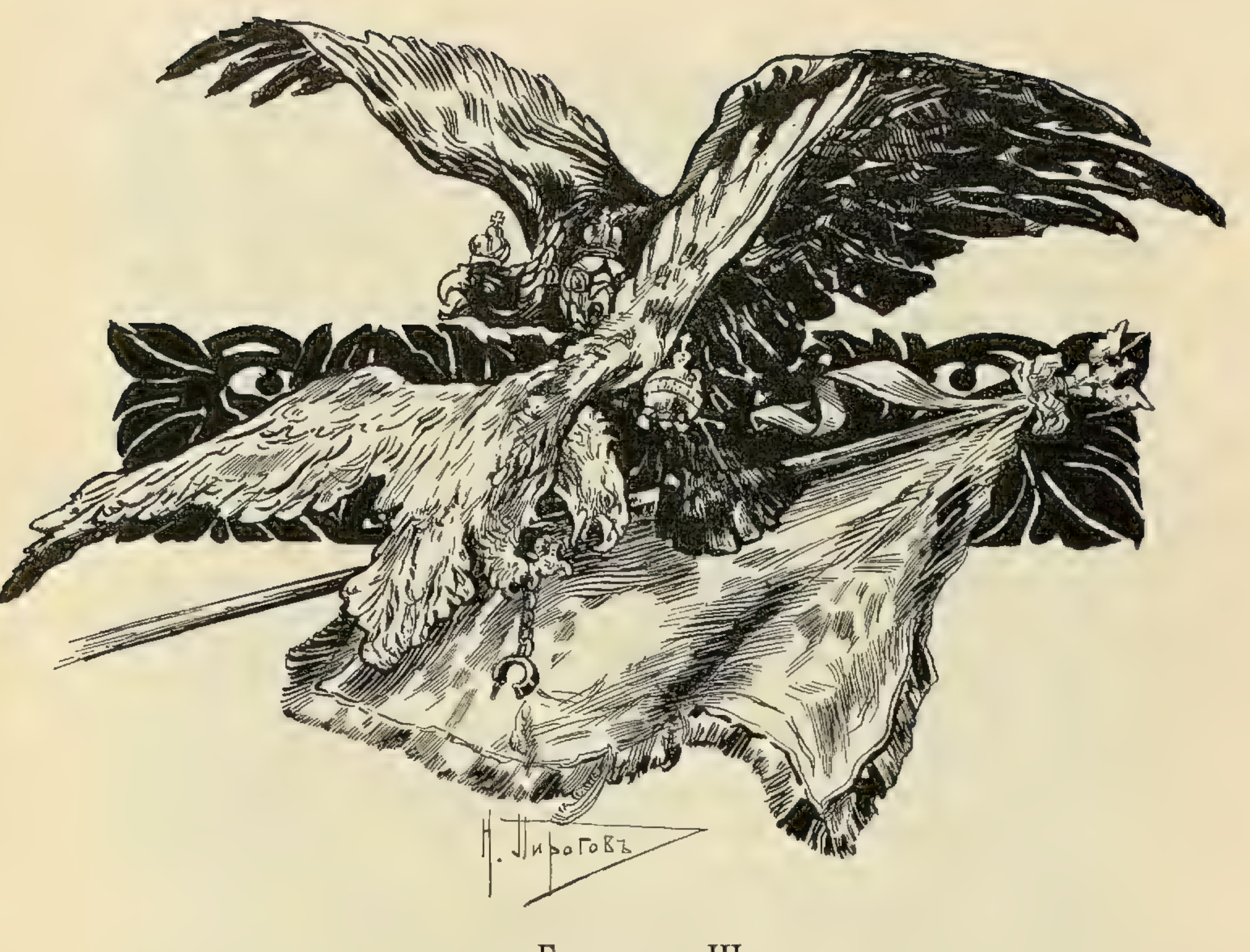
Всѣ офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка, принимавшіе участіе въ дѣлѣ при Киванцахъ были пожалованы слѣдующими наградами [42].

Полковникъ Краммеръ, Штабсъ-капитаны Рудановскій и Кушакевичъ — Орд. Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ; Поручики: Степановъ, Кушакевичъ III, Острогорскій, Прокопе I и Прапорщикъ Прокопе II—Орд. Св. Анны 4-й ст. съ надписью: „за храбрость".

Дѣло при Киванцахъ казалось первое время настолько незначительнымъ, что офицеры полка, не принимавшіе въ немъ участія, не хотѣли сначала признавать его за сколько-нибудь серьезное, а самыя дѣйствія чиновъ полка казались имъ нѣсколько прикрашенными. Но когда эти же офицеры, черезъ нѣсколько дней, приняли участіе въ боевыхъ столкновеніяхъ съ поляками и увидѣли во-очію ту обстановку, въ которой приходилось сражаться съ инсургентами, то они убѣдились, что день 18-го апрѣля былъ совсѣмъ не такъ легокъ для 1-й и 5-й ротъ, столь доблестно въ этотъ день сражавшихся.

За позднимъ вечеромъ и хлопотами о раненыхъ нижнихъ чинахъ, Полковникъ Краммеръ не имѣлъ возможности преслѣдовать остатки разбитой имъ шайки, что было возложено на казачьи разъѣзды; весь же отрядъ, положивъ раненныхъ на повозки тронулся къ своему биваку къ Ширвантамъ, гдѣ и заночевалъ [43].

Глава III.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Польской кампаніи 1863—64 гг.

Дѣло у Гудишекъ 26 апрѣля и у Шнуркишекъ 27 апрѣля.

„Посланный 19 апрѣля съ отрядомъ изъ г. Вильно Генералъ Ганецкій обошелъ Вилькомірскій, Новоалександровскій и Поневѣжскій уѣзды, дѣятельно и неутомимо ища мятежниковъ, разбилъ на голову и совершенно разсѣялъ значительныя ихъ скопища, отбилъ знамена, оружіе, лагерь, обозъ, взялъ много плѣнныхъ, въ томъ числѣ главныхъ предводителей; блестящимъ образомъ исполнилъ храбрый Генералъ Ганецкій данное ему порученіе. Молодцу генералу и молодецкому его отряду Ура!“

Приказъ по войск. Виленск. воен. округа.

Дѣло у Киванцевъ дало толчекъ къ развитію дальнѣйшихъ дѣлъ съ повстанцами, въ которыхъ видное участіе приняли нѣсколько ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, предводимыхъ своимъ командиромъ Генералъ-Маіоромъ Ганецкимъ.

Рапортъ Полковника Краммера, посланный изъ Ширвинтъ 18 апрѣля и доставленный въ Вильну ночью на 19 число, произвелъ въ штабѣ Виленскаго Генералъ-Губернатора неблагопріятное впечатлѣніе. По всѣмъ имѣвшимся свѣдѣніямъ въ штабѣ никакъ не предполагалось присутствіе столь значительной шайки повстанцевъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Вильны. Поэтому столкновеніе у Киванцевъ было большою и притомъ непріятною неожиданностью для всего штаба. Вмѣстѣ съ тѣмъ отходъ отряда Полковника Краммера обратно къ Ширвинтамъ, хотя и совершенный послѣ разбитія шайки ксендза Мацкевича, былъ принятъ въ штабѣ за отступленіе [1].

Генералъ Ганецкій, получивъ извѣщеніе объ отходѣ отряда Полковника Краммера къ Ширвинтамъ, крайне встревожился за честь и имя своего славнаго полка; онъ ночью же отправился къ начальнику дивизіи Генералу Быстрому II, а отъ него къ Генералъ-Губернатору Генералъ-Адъютанту Назимову и испросилъ у нихъ разрѣшеніе на подкрѣпленіе отряда Полковника Краммера нѣсколькими ротами Л.-Гв. Финляндскаго полка. Генералъ-Губернаторъ, очень поблагодаривъ Генерала Ганецкаго за быстроту и распорядительность, вполнѣ одобрилъ его намѣренія [2].

Ночью же начались сборы Финляндцевъ и въ 6 час. утра 19-го апрѣля 2-я стрѣлковая и 3-я линейная роты, съ приданной къ нимъ полусотней Казачьяго № 2 полка, выступили въ походъ по направленію къ Ширвинтамъ, на подкрѣпленіе отряда Полковника Краммера.

Узнавъ, еще до выступленія ротъ, что въ отрядѣ Полковника Краммера много раненныхъ, Генералъ Ганецкій тотчасъ же, несмотря на глубокую ночь, распорядился объ отправленіи фельдшера на курьерской тройкѣ съ необходимыми медицинскими принадлежностями. Этому же фельдшеру было приказано передать Полковнику Краммеру извѣщеніе о подходѣ къ нему подкрѣпленія.

Цѣлый день шли двѣ роты Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Ширвинты и, сдѣлавъ къ вечеру около 50-ти верстъ, достигли наконецъ мѣста своего назначенія.

„По первому взгляду на лицо Ганецкаго,—пишетъ Прапорщикъ Г. Б. Прокопе [3], бывшій въ отрядѣ Полковника Краммера,—видно было, что что-то неладно; онъ былъ какой-то хмурый. Ему разсказывали все дѣло и понемногу его лицо просіяло и онъ съ восторгомъ сказалъ: „такъ я и зналъ, что Вы были молодцами!“ и давай насъ всѣхъ расцѣловывать. Мы все же ничего не поняли пока не разъяснилось, что въ Виленскомъ штабѣ, нужно полагать по стратегическимъ соображеніямъ генеральнаго штаба, наше лихое дѣло было объяснено неудачею. Сердечно поблагодаривъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ, Генералъ Ганецкій однако поставилъ послѣднимъ на видъ, что въ дѣлѣ при Киванцахъ, едва увидѣвъ противника весь отрядъ какъ одинъ человѣкъ бросился на повстанцевъ, не дожидаясь приказанія своихъ офицеровъ. При этомъ Генералъ Ганецкій замѣтилъ, что солдаты не должны начинать дѣла безъ приказанія своихъ офицеровъ“ [4].

Рано утромъ 20-го апрѣля поднялся отрядъ Полковника Краммера съ прибывшимъ къ нему на помощь подкрѣпленіемъ. Генералъ Ганецкій, желая почтить дѣйствовавшія такъ славно въ дѣлѣ подъ Киванцами 1-ю стрѣлковую и 5-ю роты полка, провелъ мимо нихъ церемоніальнымъ маршемъ прибывшія съ нимъ роты, скомандовавъ при этомъ „ура!

богатырямъ!“ Съ громкимъ крикомъ „ура“! прошли Финляндцы передъ своими доблестными однополчанами. „Эта встрѣча молодцамъ,—пишетъ участникъ похода, — была сдѣлана по командѣ начальника отряда, нашего истинно-славнаго и дѣйствительно понимающаго духъ солдата Генерала Ганецкаго. Дружно крикнули мы „ура“ боевымъ товарищамъ, которые съ своей стороны отдали намъ честь громкимъ „ура!“ за прежнее“ [5].

Генералъ Ганецкій, ознакомившись въ подробностяхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Ширвинтахъ, рѣшилъ двинуться въ погоню за остатками шайки ксендза Мацкевича и одновременно съ тѣмъ начать поиски новыхъ бандъ.

Радостно выступили роты Финляндцевъ въ увѣренности встрѣтиться грудь съ грудью съ противникомъ. „Видъ нашихъ раненныхъ и убитыхъ, — говоритъ [6] участникъ похода, Поручикъ Е. К. Теннеръ *, — зажегъ во вновь прибывшихъ ротахъ понятное чувство мести за кровь собратій и всѣ пошли бодро съ надеждой отомстить. По дорогѣ встрѣчались цѣлыя группы новыхъ крестиковъ, подъ которыми лежали тѣла мятежниковъ со вчерашняго дня“.

Цѣлый день 20-го апрѣля отрядъ Генерала Ганецкаго производилъ поискъ по лѣснымъ дебрямъ и болотамъ, но мятежниковъ не было видно и слѣдовъ; остатки шайки ксендза Мацкевича исчезли совершенно, о другихъ же никакихъ свѣдѣній получить не удалось. Считая свое дѣло оконченнымъ, Финляндцы поздно вечеромъ возвратились въ Ширвинты съ тѣмъ, чтобы на другой день утромъ выступить обратно въ Вильну.

21-го апрѣля, въ 5 часовъ утра, когда роты уже выстроились для движенія въ Вильно и командиръ полка уже обошелъ ихъ, на Виленскомъ шоссе показалась несшаяся во весь духъ курьерская телѣжка. Она остановилась, какъ вкопанная, прямо противъ Генерала Ганецкаго. Сидѣвшій въ ней ординарецъ Генералъ-Губернатора подалъ Генералу Ганецкому пакетъ.

„Нашему отряду,—пишетъ участникъ похода,—велѣно было спѣшить прибытіемъ въ Вилькоміръ, въ окрестностяхъ котораго, будто-бы собралась шайка въ 18 тыс. человѣкъ. Какъ электрическая искра пролетѣла эта новость по отряду. Мы были довольны, что слѣды такой массы людей не такъ легко исчезнутъ передъ нами. Теперь, мы полагали, что, надѣясь на свое числительное превосходство, шайка будетъ дѣйствовать болѣе открыто и тѣмъ доставитъ намъ блистательный успѣхъ“.

Генералъ Ганецкій, назначивъ 5-ю роту въ прикрытіе плѣнныхъ и приказавъ этой ротѣ двигаться въ Вильну, направился съ остальными на Вилькоміръ, въ окрестностяхъ котораго надѣялся настичь мятежниковъ.

„Мы повернули оглобли и, сдѣлавъ болѣе 30-ти верстъ, прибыли въ Вилькоміръ,— говоритъ участникъ похода [7]—гдѣ насъ встрѣтило множество жидовъ. На лицахъ ихъ былъ видѣнъ страхъ и недовѣріе къ малымъ силамъ нашего отряда, состоявшаго въ то время изъ 3-хъ ротъ Финляндцевъ и 1/2 сотни казаковъ. Въ городѣ была одна рота армейская и эскадронъ уланъ. Никто изъ жителей, по боязни быть захваченнымъ шайками, не выходилъ изъ города. Поляки высокомѣрно смотрѣли на насъ, а нѣкоторыя дамы въ траур-

* Впослѣдствіи Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

номъ облаченіи проходили мимо балкона того дома, гдѣ помѣстились наши офицеры, съ любопытствомъ заглядывая на насъ и самодовольно улыбаясь. Общіе слухи увеличивали численность мятежниковъ до 18-ти тыс. человѣкъ. Но мы знали по опыту самохвальство повстанцевъ и сами довольно хладнокровно вычитывали изъ этого числа ровно половину. Намъ разсказывали, что многочисленная ихъ кавалерія не разъ показывалась близъ самаго города, наводя ужасъ на еврейское населеніе. По всему видно было, что дѣйствительно близъ Вилькоміра формировались шайки".

Какъ въ дѣйствительности и оказалось, къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Вилькоміра скопились цѣлыхъ три значительныя банды повстанцевъ, предводимыя: одна—ксендзомъ Мацкевичемъ, другая—бѣглымъ, русскаго генеральнаго штаба Капитаномъ Сѣраковскимъ, стяжавшимъ себѣ громкую извѣстность подъ именемъ Доленго, и третья — не менѣе извѣстнымъ польскимъ дворяниномъ Колышко. Эти лица, какъ главнѣйшіе дѣятели революціонеровъ въ Литовскихъ губерніяхъ подчинили своему вліянію весь край.

Особеннымъ авторитетомъ пользовался Сѣраковскій подъ таинственнымъ именемъ Доленго *. Этотъ воевода или генералъ, какъ его величали поляки, составлялъ предметъ обширныхъ упованій польскихъ патріотовъ; о немъ распускались всевозможные слухи; говорили, что онъ со своими войсками пробирается въ Либаву, на соединеніе съ польскими и русскими эмигрантами и иностранными волонтерами, которые, подъ начальствомъ извѣстнаго русскаго соціалиста Бакунина, ѣдутъ на пароходахъ изъ Франціи и высадятся въ Либавѣ; указывали, что онъ собралъ чуть ли не цѣлую армію, прекрасно организовалъ ее и что только ждетъ нападенія русскихъ войскъ, что бы разбить ихъ въ лѣсахъ, а потомъ завладѣть Вильной и всемъ Литовскимъ краемъ. Въ то же время сама личность Доленго была окружена таинственностью; никто изъ русскихъ не зналъ, что подъ громкимъ именемъ польскаго вожака скрывается капитанъ русскаго генеральнаго штаба, готовившійся занять каѳедру въ академіи генеральнаго штаба и кромѣ того состоявшій при штабѣ Виленскаго Генералъ-Губернатора и принятый въ домѣ Генерала Назимова.

Силы соединенныхъ бандъ Сѣраковскаго, Колышки и Мацкевича къ серединѣ апрѣля состояли примѣрно изъ $3^1/_2$ тысячъ человѣкъ; кромѣ того, въ лѣсныхъ дебряхъ скрывались въ значительномъ числѣ мелкія шайки повстанцевъ, которыми весь край вплоть до курляндскихъ границъ былъ терроризированъ.

Насколько власть революціонеровъ надъ населеніемъ была велика показываютъ факты обнаружившіеся при движеніи отряда Генерала Ганецкаго по деревнямъ около Вилькоміра. Старовѣры, населявшіе нѣкоторые изъ этихъ деревень, увѣряли, что у Доленги много войска и есть пушки; ихъ бабы провожали солдатъ съ причитаньями, какъ на вѣрную смерть. Жиды были такъ увѣрены въ несомнѣнной побѣдѣ повстанцевъ и полномъ уничтоженіи малочисленнаго отряда Генерала Ганецкаго, что какъ будто впередъ заискивали милости будущихъ побѣдителей: они избѣгали русскихъ офицеровъ и солдатъ и остерегались оказывать услуги даже за большія деньги.

---

* „Доленга" названіе одного изъ гербовъ Польской геральдики. Родъ Сѣраковскихъ пользовался именно этимъ гербомъ. Такъ какъ въ Польшѣ, однимъ и тѣмъ же гербомъ обычно пользуются довольно большое число дворянскихъ родовъ, то названіе герба, избранное какъ псевдонимъ вполнѣ обезпечивало сокрытіе личности, употреблявшей подобное наименованіе.

При такомъ общемъ положенiи края выступилъ Генералъ Ганецкiй съ тремя ротами Финляндцевъ, и 1/2 сотней казаковъ изъ Вилькомiра и двинулся далѣе на Оникшты, гдѣ предполагалъ получить болѣе вѣрныя свѣдѣнiя о противникѣ и приблизиться къ нему.

Въ Вилькомiрѣ отрядъ Генерала Ганецкаго выручилъ военно-уѣзднаго воинскаго начальника, который, получая съ разныхъ сторонъ свѣдѣнiя о повстанцахъ, прибѣгнулъ къ послѣднему средству: поселился на гауптвахтѣ, гдѣ стоялъ усиленный караулъ и около которой онъ собралъ всѣ бывшiя тамъ роты [8]. Одно прибытiе Финляндцевъ водворило спокойствiе въ городѣ и Генералъ Ганецкiй, согласно полученнаго отъ Генерала-Адъютанта Назимова разрѣшенiя, присоединилъ къ своему отряду квартировавшiя въ Вилькомiрѣ двѣ роты Невскаго и Нарвскаго полковъ, подъ начальствомъ Маiора Гильцебаха, 1/2 сотню Донскихъ казаковъ и два полуэскадрона Курляндскаго и Петербургскаго уланскихъ полковъ.

На маршѣ въ Оникшты, во время котораго нападенiе ожидалось ежеминутно, особенно при прохожденiи лѣсами, порядокъ движенiя былъ слѣдующiй: въ авангардѣ и головѣ колонны шли Финляндскiя роты, а въ хвостѣ колонны и въ арьергардѣ—роты Маiора Гильцебаха. Обозъ шелъ посрединѣ колонны, со всѣхъ сторонъ защищенный отъ всякихъ нечаянностей.

Наблюдая за порядкомъ движенiя своего отряда, Генералъ Ганецкiй замѣтилъ, что нѣкоторыя повозки шли не на своихъ мѣстахъ. При этомъ произошелъ слѣдующiй весьма характерный разговоръ между Генераломъ Ганецкимъ и Маiоромъ Гильцебахомъ.

— „Что это за повозки? Зачѣмъ онѣ ѣдутъ не тамъ гдѣ приказано? спросилъ начальникъ отряда.

— „Это гвардейскiя повозки, ваше превосходительство", отвѣчалъ Маiоръ Гильцебахъ.

— „Такъ что жъ такое, что гвардейскiя! Развѣ не все равно, какiя повозки? Уберите ихъ отсюда, чтобы онѣ шли на своихъ мѣстахъ и не мѣшали солдатамъ".

Затѣмъ Генералъ Ганецкiй остановилъ отрядъ и вызвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ.

— „Господа,—сказалъ онъ,—Маiоръ Гильцебахъ дѣлаетъ какое-то различiе между армiею и гвардiею; даже гвардейскiя повозки у него важнѣе армейскихъ. Это не должно быть. Всѣ мы равны, всѣ мы солдаты и вѣрные слуги Государя Императора. Чтобъ этого различiя у насъ не было! Кто честью служитъ и храбро дерется, тотъ и гвардеецъ"! [9]

Сказанныя слова имѣли самыя лучшiя послѣдствiя, сблизивъ гвардейцевъ и армейцевъ, что было особенно необходимо для достиженiя успѣха въ тѣ трудные дни, которые переживалъ маленькiй отрядъ, заброшенный во враждебномъ краю.

Отрядъ Генерала Ганецкаго шелъ по дорогѣ, пролегавшей правымъ берегомъ р. Святой, * по живописной мѣстности, изобиловавшей красивыми, сухими лѣсами. Во многихъ мѣстахъ виднѣлись слѣды пребыванiя повстанцевъ: хлѣбные сельскiе магазины стояли разграбленными, народъ былъ въ страхѣ. Пройдя 35 верстъ уже вечеромъ подошли къ мѣстечку Оникшты, лежащему на берегу Святой, и на крутомъ противоположномъ берегу увидѣли толпу.

---

* Свенты.

„Съ перваго взгляда мы приняли ихъ за инсургентовъ, — пишетъ участникъ этого похода, [10]—и прибавили шагу; но, всмотрѣвшись внимательнѣе, увидѣли евреевъ, массами толкущихся на противномъ берегу. Не смотря на недавній страхъ, внушенный бывшею здѣсь шайкою, они вышли посмотрѣть на гвардію, которой еще никогда не видѣли. Высыпавшія бабы сдѣлали авангарду нашему пренаивный вопросъ: „кто вы: повстанцы или москали“?

„По собраннымъ свѣдѣніямъ, на дняхъ здѣсь кутила шайка въ 500 человѣкъ. Она разграбила присутственное мѣсто, захватила деньги и сожгла бумаги. Вездѣ мятежники объявляли жителямъ, что теперь нѣтъ русской власти, что они свободны; нѣкоторыхъ уговаривали идти съ собою, другихъ же брали силой. На площади они собирали народъ и въ костелѣ призывали къ оружію за вѣру, всѣхъ отъ мала до велика. Жителей убѣждали, что мы насильно хотимъ заставить народъ принять православную вѣру и забрать

Привалъ шайки повстанцевъ.
Съ иллюстраціи 1863 года.

въ рекруты. Ксендзы усердно убѣждали народъ къ возстанію. Становой приставъ, лѣсной офицеръ и ксендзъ-пріоръ — всѣ ушли въ шайку, и потомъ увѣряли насъ, что были взяты въ плѣнъ. Всѣ они поляки. Въ сосѣднихъ мѣстечкахъ шайки до 500 человѣкъ дѣйствовали подобнымъ же образомъ, и разграбили хлѣбные магазины, одному сторожу выкололи глаза и вырвали изъ суставовъ руки, а потомъ ноги; въ Андронишкахъ повѣсили русскаго учителя. Они распространяли вездѣ, что скоро французъ будетъ въ Ковнѣ, увѣряли бѣдныхъ Жмудяковъ, что войска наши идутъ грабить и вѣшать мирныхъ жителей. Эти убѣжденія поддерживаемыя увѣщаніями ксендзовъ, переполошили всю Жмудь; во многихъ деревняхъ мужики разбѣжались. Бѣдный мужикъ былъ поставленъ между двухъ огней, страшился ихъ и насъ.

„Вотъ система, принятая этими шайками и ихъ начальниками, для возбужденія волненій въ народѣ. Но, не смотря на столь грозныя и краснорѣчивыя убѣжденія, шайки, узнавъ что идутъ войска, заблагоразсудили уйти поскорѣе и соединиться въ Бирженскихъ лѣсахъ. Свѣдѣнія о движеніи шаекъ получались туго и затруднительно. Мятежники обѣщали за всякое указаніе о нихъ висѣлицу и почти всегда, къ несчастью, сдерживали слово, даже въ отношеніи женщинъ и дѣтей; такимъ образомъ найдена была въ лѣсу 14-ти лѣтняя дѣвушка, повѣшенная на деревѣ по подозрѣнію. Трудность достать проводника доходила до того, что намъ случалось почти отчаяваться въ возможности настичь непріятеля“.

Поздно вечеромъ отрядъ вступилъ въ Оникшты, нигдѣ не встрѣтивъ ни одного повстанца.

Здѣсь присоединились къ нему прибывшіе изъ сосѣдняго уѣзда, подъ начальствомъ Маіора Мерлина, $1\frac{1}{2}$ роты Капорскаго пѣхотнаго полка *.

Такимъ образомъ отрядъ Генерала Ганецкаго съ этого времени заключалъ въ себѣ слѣдующія части:

пѣхота	3-я линейная и 1-я и 2-я стрѣлковыя роты Л.-Гв. Финляндскаго полка
	4-я рота Невскаго пѣхотнаго полка.
	6-я — Нарвскаго. „ “
	3-я — Капорскаго (съ $\frac{1}{2}$ ротою другой роты того же полка).
кавалерія	$\frac{1}{2}$ эскадрона Лейбъ-Курляндскаго Уланскаго полка.
	$\frac{1}{2}$ эскадрона С.-Петербургскаго Уланскаго полка **.
	2 взвода Л.-Гв. Казачьяго полка.
	45 казаковъ Казачьяго № 42 полка.
	20 — бывшихъ у Маіора Мерлина.

Всего же $6\frac{1}{2}$ ротъ пѣхоты и около $2\frac{1}{2}$ эскадроновъ кавалеріи [11].

По разсказамъ жителей Оникштъ выяснилось, что верстахъ въ 15 отъ этого селенія, въ лѣсу на р. Святой, у фольварка Кнебы, стояла болѣе двухъ мѣсяцевъ въ укрѣпленномъ лагерѣ многочисленная шайка. Никѣмъ не тревожимая, она преспокойно занималась фронтовыми ученіями и стрѣльбою въ цѣль и къ ней постепенно присоединялись шайки, приходившія изъ Ново-Александровскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ.

Съ трудомъ вѣрилось этимъ разсказамъ, оказавшимся однако правдивыми ***.

По сводкѣ всѣхъ извѣстій о повстанцахъ выяснилось, что наканунѣ подхода отряда Генерала Ганецкаго къ Оникштамъ, мятежники въ значительныхъ силахъ вышли изъ своего

---

* Точнѣе здѣсь присоединилась $1\frac{1}{4}$ рота Капорскаго полка; взводъ того же полка прибылъ нѣсколько позднѣе, когда и образовалось $1\frac{1}{2}$ роты.

** Полуэскадрономъ С.-Петербургскихъ Уланъ командовалъ Корнетъ Лебедевъ, переведенный впослѣдствіи въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, нынѣ—генералъ-лейтенантъ

*** „Не вѣрится, чтобы все это происходило не въ какой-нибудь отдаленной и недоступной мѣстности, а въ Ковенской губерніи, на виду у военныхъ и гражданскихъ властей, жандармовъ и полиціи“,—говорится въ воспоминаніяхъ о польскомъ мятежѣ 1863 года, составленныхъ по разсказамъ Генералъ-Адъютанта Ганецкаго,—и невольно вспоминаются слова незабвеннаго М. Н. Муравьева про это время: „Наше счастье, что Поляки взбунтовались. Если бъ они сидѣли смирно, мы продолжали бы спать, да спать, а годика черезъ три они бы насъ и вынесли отсюда, какъ младенцевъ въ люлькахъ“.

лагеря въ Кнебахъ, дабы избѣжать столкновенія съ русскими войсками, и, раздѣлившись на три партіи, направились къ Скопишкамъ, Свядосце и Дебейкѣ [12].

Принявъ во вниманіе общее положеніе дѣлъ къ сѣверу отъ Вильны и придя къ заключенію, что мятежныя шайки слѣдуетъ по возможности оттѣснять къ востоку и сѣверо-востоку, съ цѣлью отрѣзать ихъ отъ мѣстностей съ сплошнымъ польскимъ населеніемъ, Генералъ Ганецкій рѣшился разбить банды повстанцевъ и, при уклоненіи противника отъ боя,—отбрасывать его отъ западныхъ предѣловъ. Послѣднее было тѣмъ болѣе важно, что Поневѣжскія лѣса, раскинувшіеся къ сѣверо-западу отъ Оникштъ, представляли очень хорошее убѣжище для повстанцевъ.

Во исполненіе принятаго плана, Генералъ Ганецкій раздѣлилъ свой отрядъ на три части, что бы удобнѣе захватить шайки противника и расширить раіонъ при развѣдкахъ.

Съ этою цѣлью лѣвая колонна—Маіора Гильцебаха, составленная изъ двухъ ротъ Невскаго и Нарвскаго полковъ, съ приданнымъ къ нимъ взводомъ С.-Петербургскаго Уланскаго полка, была направлена [13] къ сѣверу отъ Оникштъ, на м. Субочъ и Биржу. Первая колонна—Маіора Мерлина, изъ $1^1/_2$ роты Копорцевъ съ 45 казаками № 42 полка, была двинута на Андронишки, Свядосце, Скопишки и Медейку. Средняя колонна,—подъ начальствомъ самаго Генерала Ганецкаго, состоявшая изъ всѣхъ трехъ ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и остальныхъ армейскихъ частей, была направлена на Шиманцы, Купишки и Герстейку.

Кавалерійскія части, состоявшія при отрядѣ, должны были поддерживать сообщеніе между колоннами и развѣдывать въ окрестныхъ селеніяхъ; имъ прежде всего поставлено было задачей осмотрѣть Кнебы и убѣдиться, что мятежниковъ тамъ нѣтъ въ дѣйствительности; затѣмъ, онѣ должны были вывѣдать направленія, взятыя повстанцами при отступленіи [13].

Уланы, осмотрѣвшіе Кнебы, нашли ихъ покинутыми поляками; все тамъ свидѣтельствовало о недавнемъ пребываніи повстанцевъ и о поспѣшномъ ихъ уходѣ. Разбросанныя вещи совершенно цѣлые бараки и шалаши, мишени и брошенные продовольственные припасы говорили, что мятежники чуть ли не бѣжали. Удалось также выяснить, что изъ Кнебъ они направились, главнымъ образомъ, на Скопишки; впрочемъ эти послѣднія свѣдѣнія были выяснены впослѣдствіи, уже послѣ ухода главныхъ силъ отряда изъ Оникштъ [15].

Прежде чѣмъ предпринять это движеніе Генералу Ганецкому пришлось разрѣшить еще весьма трудный вопросъ—о продовольствіи отряда во время экспедиціи. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился его отрядъ вопросъ этотъ пріобрѣталъ особое значеніе и разрѣшеніе его требовало большой находчивости.

Въ воспоминаніяхъ, написанныхъ по разсказамъ Генерала Ганецкаго [16] указывается, что солдаты, какъ армейскіе, такъ и гвардейскіе, шли налегкѣ, имѣя на себѣ печенаго хлѣба лишь на двое сутокъ, экспедиція же могла затянуться и на болѣе продолжительное время, опредѣлить которое было нельзя.

О способѣ разрѣшенія этого вопроса Генераломъ Ганецкимъ, указанныя воспоминанія говорятъ слѣдующее:

„Вечеромъ, 22-го апрѣля, наканунѣ выступленія изъ Оникштъ... Генералъ Ганецкій пригласилъ къ себѣ старшихъ офицеровъ для совѣщанія о продовольствіи отряда.

„Кто-то предложилъ устроить въ м. Оникштахъ хлѣбопекарню. Но для этого пришлось бы оставить для ея охраны вооруженный караулъ; явились бы и другія затрудненія: какъ доставлять хлѣбъ въ отряды, находящіеся въ непрерывномъ движеніи, и гдѣ ихъ отыскивать? Понадобились бы подводы, проводники, конвойные.

„Не придя ни къ какому заключенію, Генералъ Ганецкій предложилъ своимъ усталымъ собесѣдникамъ собраться къ нему утромъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о продовольствіи.

„Генералъ Ганецкій занималъ большую комнату съ досчатой перегородкой, за которой стояла его кровать. Онъ пробовалъ заснуть, но неотвязчивая мысль о продовольствіи отгоняла сонъ. Вдругъ счастливая мысль осѣнила его, и онъ громко вскрикнулъ: „нашелъ!"

— „Не въ голодной мы пустынѣ, подумалъ онъ, и не велика наша армія! Здѣсь народъ зажиточный; въ каждомъ селеніи и въ каждой корчмѣ можемъ покупать мясо, хлѣбъ, водку. У повстанцевъ втрое болѣе народа, чѣмъ у насъ, а не мрутъ же они съ голоду.

Генералъ И. С. Ганецкій по возвращеніи съ экспедиціи.

По фотогр. 1868 г. въ Вильнѣ.

„Это соображеніе совершенно его ободрило; онъ сталъ уже засыпать. Вдругъ за перегородкой раздался голосъ состоявшаго при отрядѣ генеральнаго штаба Капитана Лаврова:

— „Ваше Превосходительство, когда прикажете отряду выступать и какое угодно сдѣлать распоряженіе о продовольствіи"?

— „Въ шесть утра. Продовольствіе будетъ. Прощайте, Лавровъ, покойной ночи"!

„Утромъ, 23-го числа, предъ выступленіемъ отряда, собрались въ квартиру Генерала Ганецкаго старшіе офицеры.

— „Господа, сказалъ онъ, людей у насъ немного; во всякомъ мѣстечкѣ и на мызахъ всегда найдемъ провизію и будемъ ее покупать. Довольно ли у Васъ денегъ? Если мало, выдамъ своихъ 500 р.; а если и этого не хватитъ, вытребуемъ изъ уѣзднаго казначейства. Извольте такъ распоряжаться, чтобъ на людяхъ было всегда печенаго хлѣба не менѣе какъ на двое сутокъ, мяса по фунту въ день и по чаркѣ водки на человѣка.

„Генералъ Ганецкій зналъ, что у армейцевъ пища была плохая, хотя порціонныхъ денегъ имъ отпускалось столько же, сколько и на гвардейскихъ солдатъ. Онъ объявилъ, что если замѣтитъ, что солдатская пища въ армейскихъ ротахъ будетъ хуже, чѣмъ въ ротахъ

Финляндскаго полка, то виноватыхъ немедленно уволить изъ отряда на всѣ четыре стороны: пусть они уходятъ, куда угодно, хотя къ повстанцамъ.

„Распоряженіе Генерала Ганецкаго по продовольствію отряда оказалось чрезвычайно удачнымъ: экспедиція противъ Доленги продолжалась около двухъ недѣль, и во все это время никакого недостатка въ пищѣ не было; люди были всегда сыты, довольны и могли безъ устали дѣлать быстрые и большіе переходы.

— „Откуда это, братцы, у Васъ такой генералъ? спрашивали армейскіе солдаты Финляндскихъ стрѣлковъ. Видали мы разныхъ начальниковъ, а такого не было, чтобы каждый день нашъ братъ, армейскій солдатъ, получалъ водку и говядину".

Таковъ отзывъ, весьма лестный для Генерала Ганецкаго и тѣмъ болѣе для него цѣнный, какъ вылившійся изъ сердца правдиваго и всегда чуткаго русскаго солдата. Л.-Гв. Финляндскій полкъ, имѣя такого славнаго командира, долженъ былъ особенно цѣнить его въ такія минуты, когда связь начальника съ подчиненными особенно дорога.

23 Апрѣля отрядъ Генерала Ганецкаго, сдѣлавъ небольшой переходъ въ 14 верстъ вступилъ въ Андронишки, не встрѣтивъ тамъ мятежниковъ. Въ этомъ селеніи Генералъ Ганецкій далъ окончательныя указанія начальникамъ колоннъ, т. к. съ 24 Апрѣля отрядъ долженъ былъ раздѣлиться на три колонны и дѣйствовать согласно плану своего начальника, по тремъ направленіямъ.

Средняя колонна, пройдя около 16-ти верстъ остановилась въ Шиманцахъ, между тѣмъ какъ другія двѣ колонны продолжали свое движеніе впередъ. Занимая центральное положеніе средняя колонна была остановлена Генераломъ Ганецкимъ съ цѣлью образовать изъ нея нѣчто въ родѣ общаго резерва; стоя въ Шиманцахъ, Генералъ Ганецкій ждалъ ежеминутно извѣщенія, чтобы броситься съ своей колонной въ ту либо въ другую сторону.

Слухи и здѣсь распространялись жителями все въ томъ-же устрашающемъ духѣ.

Проживающіе въ м. Шиманцахъ русскіе старовѣры разсказывали, что здѣсь проходила шайка Доленги, и будто бы самъ Доленго требовалъ отъ декана, настоятеля мѣстнаго костела, чтобы онъ собралъ своихъ прихожанъ и торжественно прочелъ имъ съ амвона воззваніе о поголовномъ возстаніи противъ Россіи и о возстановленіи Польши. Но деканъ, несмотря на угрозы и на пистолетъ, приставленный къ его груди, рѣшительно объявилъ, что, безъ разрѣшенія епископа, онъ ни за что не исполнитъ этого требованія. Генералъ Ганецкій нарочно пошелъ къ декану на домъ, чтобъ показать предъ народомъ свое къ нему уваженіе [17].

Проведя ночь въ Шиманцахъ, колонна Генерала Ганецкаго 25-го Апрѣля, на разсвѣтѣ, пришла въ Герстейку. Жители этого селенія ввели его въ заблужденіе разсказами о находившейся будто бы невдалекѣ шайкѣ. Въ поискахъ за нею онъ потерялъ нѣсколько часовъ. Между тѣмъ отсутствіе извѣстій изъ отрядовъ Мерлина и Гильцебаха * очень его безпокоило. Желая получить точныя свѣдѣнія объ отрядѣ Мерлина, Генералъ Ганецкій послалъ около полудня въ м. Понедѣль (отстоящее въ 12-ти верстахъ отъ

* Маіоръ Гильцебахъ рапортовалъ Генералу Ганецкому лишь 27 Апрѣля.

Герстейки) полуэскадронъ Петербургскихъ уланъ подъ начальствомъ Ротмистра Износкова. Этотъ распорядительный и храбрый офицеръ отлично зналъ мѣстность, такъ какъ онъ ранѣе долгое время квартировалъ въ Понедѣлѣ съ резервнымъ дивизіономъ.

Въ тотъ же день въ 10 часовъ вечера были отправлены въ Понедѣль на пароконной подводѣ четыре расторопныхъ стрѣлка. Имъ было приказано получить отъ Ротмистра Износкова извѣстіе объ отрядѣ Маіора Мерлина и тотчасъ же возвратиться въ Герстейку съ отвѣтомъ.

Въ 1-мъ часу ночи 26 Апрѣля стрѣлки возвратились и привезли обстоятельное донесеніе, что колонна Мерлина имѣла столкновеніе съ шайкой Доленго у Медейки, 25 Апрѣля.

Дѣло это разыгралось такимъ образомъ. Колонна Маіора Мерлина, двигаясь по указанному ей направленію прибыла въ Понедѣль 24 Апрѣля, вечеромъ, сдѣлавъ въ этотъ день 44 версты, и утромъ, 25-го Апрѣля, выступила далѣе на Попель. Узнавъ здѣсь, что шайка, численностью до 800 человѣкъ, проходила часа за четыре до прихода отряда, Маіоръ Мерлинъ двинулся далѣе по указному жителями пути слѣдованія шайки на Медейку. Въ 8-ми верстахъ отъ м. Попель, казаки захватили въ плѣнъ нѣсколько мятежниковъ, которые показали, что впереди находится шайка Доленги (Сѣраковскаго). Не доходя же до Медейки, получено было отъ крестьянъ свѣдѣніе, что шайка за полчаса до прибытія отряда прошла черезъ эту деревню. Для ея преслѣдованія, казаки были посланы наметомъ, пѣхота же послѣдовала за ними бѣгомъ. Казаки, открывъ ружейный огонь противъ конныхъ мятежниковъ, занимавшихъ опушку лѣса, заставили ихъ отойти внутрь лѣса; въ это же время, пробѣжавшіе 2 версты Копорцы сбили мятежниковъ, разсыпанныхъ въ лѣсу по обѣ стороны большой Радзивилишской дороги, и начали настойчиво преслѣдовать быстро отступавшую шайку.

Мятежники имѣли цѣлью завлечь отрядъ Маіора Мерлина далѣе впередъ и, направивъ часть шайки въ обходъ, окружить его; но казаки открыли это движеніе и отрядъ Маіора Мерлина, положивъ до 60 мятежниковъ, отошелъ въ д. Медейку. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ заключалась въ 2-хъ убитыхъ и 4-хъ раненыхъ.

Едва только Генералъ Ганецкій узналъ о дѣлѣ при Медейкѣ, какъ рѣшился немедленно идти на выручку Маіора Мерлина, не смотря ни на поздній часъ, ни на усталость людей, ни на то, что приходилось бросить варку, которую солдаты, не ѣвъ ничего горячаго за весь день, ожидали съ нетерпѣніемъ.

Офицеры просили отложить выступленіе часа на два, чтобы накормить солдатъ; но Генералъ Ганецкій не согласился и велѣлъ вылить изъ котловъ варку. — „Нельзя откладывать,—сказалъ онъ:—теперь каждая минута дорога. Кто не въ силахъ идти, пусть остается“.—Разумѣется, никто не остался.

Въ два часа ночи 26-го Апрѣля отрядъ выступилъ изъ Герстейки и къ четыремъ часамъ утра прибылъ въ Понедѣль. Здѣсь его ожидало болѣе ста подводъ, заготовленныхъ Ротмистромъ Износковымъ, который догадался, что Генералъ Ганецкій не промедлитъ ни минуты въ Герстейкѣ и тотчасъ же пойдетъ въ Медейку [18].

Благодаря этимъ подводамъ, на которыя стрѣлки по очереди садились, отрядъ прошелъ безъ остановки болѣе 30 верстъ и въ полдень прибылъ въ Медейку, гдѣ и соединился съ отрядомъ Маіора Мерлина [19].

Прибывшіе Финляндцы отдыхали въ Медейкѣ около двухъ часовъ, не смотря на то что люди были очень усталыми, промаршировавъ почти сутки по страшно тяжелой дорогѣ.

Затѣмъ, всѣ наличныя силы, находившіяся тамъ, т. е. три роты Л.-Гв. Финляндскаго полка, двѣ роты Копорскаго полка и лейбъ-казаки выступили изъ Медейки въ 2 часа пополудни, 26-го апрѣля, прямо къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ происходилъ бой. Движеніе это было предпринято въ виду свѣдѣній полученныхъ отъ мѣстныхъ жителей, что непріятель собирается принять бой и укрѣпляетъ свою позицію въ густомъ лѣсу [20].

Мѣсто недавняго боя лежало въ двухъ верстахъ отъ деревни. Отрядъ шелъ по направленію, указываемому проводниками изъ лѣсниковъ и казаками.

Въ Медейкѣ были оставлены уланы для охраны обоза и раненыхъ изъ колонны маіора Мерлина.

День былъ ненастный, перепадалъ дождь; въ сыромъ и болотистомъ лѣсу холодная мгла пронизывала насквозь.

„Бродивъ около трехъ часовъ кряду,—пишетъ участникъ похода [21], — мы снова принуждены были вернуться на мѣсто вчерашняго лагеря шайки. Тутъ костры еще дымились, валялась обувь, нѣсколько косъ. Казаки нашли новый слѣдъ шайки—опять разбросанный овесъ и сѣно, разсыпанную муку и далѣе слѣды ногъ пѣхотинцевъ. Чрезъ версту лѣсъ сталъ такъ густъ и частъ, что потемнѣло. Чѣмъ далѣе углублялись мы, тѣмъ болотнѣе становилась мѣстность, и ноги все глубже уходили въ грязную почву. Шелъ дождь: снизу мокро и сверху не легче. Надо было находиться на мѣстѣ, чтобы понять, что это была за мѣстность. Мы вышли наконецъ, на узенькую болотистую дорожку, гдѣ черная грязь была по колѣно; лошади проваливались по брюхо; съ обѣихъ сторонъ трущоба болотистыя ямы, въ которыхъ торчали обнаженные корни деревъ. На каждомъ шагу ноги вязли выше колѣнъ и приходилось вытаскивать сапоги или спотыкаться о пни. Въ иныхъ мѣстахъ стояли огромныя лужи, которыя далеко тянулись въ лѣсъ; тутъ неопытный проваливался чуть не по поясъ. Такимъ путемъ мы шли до 12-ти верстъ и при помощи казаковъ все по слѣду, часто пропадавшему по причинѣ воды. Солдаты шли молча и съ напряженнымъ вниманіемъ.

„Вдругъ впереди насъ раздались два выстрѣла: это былъ пикетный сигналъ мятежниковъ. Здѣсь слѣдъ разсѣялся; казаки бросились въ стороны и скоро отыскали главный слѣдъ. Передъ нами открылась большая поляна, стало свѣтло. Отрядъ собрался у входа на поляну, ноги наши немного ожили. Тишина была мертвая. Поляна, шириной шаговъ 900, раздѣляла лѣсъ на двѣ части; въ концѣ онъ съуживался въ 100 шаговъ, которые составляли перешеекъ, соединяющій большую поляну съ другою малою, гдѣ протекала болотная рѣчка.

„Въ виду чувствовавшейся близости противника отрядъ выступилъ навстрѣчу непріятелю, имѣя въ первой линіи 1-ю и 2-ю стрѣлковыя роты Финляндскаго полка, которыя

шли разсыпнымъ строемъ; 1-я рота, Капитана Кушакевича, была на правомъ флангѣ, а 2-я рота, Капитана Засса, на лѣвомъ флангѣ. Во второй линіи слѣдовали, въ ротныхъ колоннахъ: на правомъ флангѣ, 3-я линейная рота Финляндскаго полка, а на лѣвомъ флангѣ, 4-я рота Копорскаго полка. Наконецъ, въ аріергардѣ, шла 1-я рота Копорскаго полка. Казаки держали разъѣзды впереди цѣпи и съ боковъ [22].

„Цѣпь, не выходя на поляну пріостановилась. Казачій разъѣздъ увидѣлъ на противуположной опушкѣ лѣса нѣсколько людей, прятавшихся за деревьями".

Генералъ Ганецкій приказалъ стрѣлкамъ приготовиться. Два казака выѣхавшіе на поляну были тотчасъ же встрѣчены ружейными выстрѣлами. Сомнѣваться было нечего: это были повстанцы. По данному сигналу стрѣлки открыли огонь и этимъ начался бой у Гудишекъ, такъ названный по имени близь лежащей деревеньки *.

Мятежники расположились на довольно крѣпкой лѣсной позиціи, занимая опушку лѣса, передъ которымъ простиралась значительная поляна, открытая ихъ взорамъ и выстрѣламъ. Здѣсь они выжидали наступленія „москалей" и ждали только момента, чтобы ихъ разстрѣливать, будучи сами укрыты.

Съ праваго ихъ, фланга большая поляна съуживалась и переходила въ болѣе узкую и меньшую по величинѣ; здѣсь протекалъ болотистый ручей, считавшійся повстанцами непроходимымъ; поэтому малая поляна была ими оставлена безъ прикрытія стрѣлковыми цѣпями.

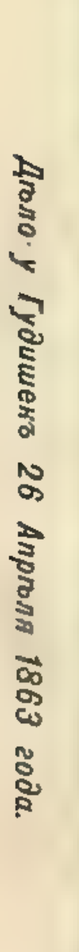
Генералъ Ганецкій рѣшился прежде всего выбить противника изъ занятой имъ противоположной опушки, на которой расположилось до 300 непріятельскихъ стрѣлковъ отлично вооруженныхъ и хорошо укрытыхъ; ихъ прекрасныя двустволки, имѣвшія особыя преимущества для скорой стрѣльбы на близкія разстоянія, наносили нашимъ цѣпямъ значительное пораженіе; наши же стрѣлки, имѣя одноствольныя винтовки только на два выстрѣла поляковъ могли отвѣчать лишь однимъ; но зато наши выстрѣлы были мѣтки. За стрѣлковыми цѣпями поляковъ были расположены въ нѣкоторомъ разстояніи, въ лѣсу густыя колонны косиньеровъ.

Что бы не терять напрасно людей на томъ мѣстѣ, гдѣ поляна представляла значительную ширину, Генералъ Ганецкій приказалъ начальнику цѣпи, Полковнику Н. К. Теннеру придвинуть цѣпь къ лѣвой окраинѣ поляны, гдѣ обѣ опушки сходились на близское разстояніе и гдѣ протекалъ ручей. Когда 2-я стрѣлковая рота подошла къ тому мѣсту, гдѣ разстояніе между опушками было не болѣе тридцати шаговъ, Генералъ Ганецкій велѣлъ командиру этой роты, Капитану Зассу, перебѣжать это пространство и занять противоположную опушку. Онъ самъ бросился впередъ вмѣстѣ со стрѣлками, и это внезапное, быстрое нападеніе рѣшило судьбу сраженія. Несмотря на топкій ручей, въ которомъ Генералъ Ганецкій и стрѣлки вязли по поясъ, опушка была занята безъ всякой потери въ людяхъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ не было ни одного непріятельскаго стрѣлка. **

---

* Деревня Гудишки находилась въ 1-й верстѣ отъ поля сраженія.

** Поручикъ Е. К. Теннеръ; участникъ дѣла при Гудишкахъ въ рядахъ 2-й стрѣлк. роты говоритъ въ своемъ письмѣ (С.-Петерб. вѣд. 1863 г. № 124), что при переходѣ черезъ ручей цѣпь 2-ой роты была встрѣчена огнемъ противника; „тутъ—пишетъ онъ—въ нашей цѣпи ранено нѣсколько человѣкъ".

Дѣло у Гудишекъ 26 Апрѣля 1863 года.

Повстанцы были такъ увѣрены, что болотистый ручей совсѣмъ непроходимъ, что оставили его безъ защиты. Но когда они увидѣли, что стрѣлки перебѣжали ручей и угрожаютъ правому ихъ флангу, то немедленно начали отступать. По ихъ слѣдамъ лѣвый флангъ нашей передовой цѣпи, а за нимъ вторая линія и резервъ, перешли поляну безъ выстрѣла и заняли оставленную непріятелемъ опушку. Здѣсь мѣсто было песчаное, боровое и рѣдкій сосновый лѣсъ. На землѣ валялись раненые и убитые повстанцы.

Построившись въ прежній боевой порядокъ, отрядъ двинулся за уходившею шайкою. Въ это время поднялась страшная снѣжная мятель съ холоднымъ пронизывающимъ вѣтромъ и дождемъ. Стало темнѣть.

Вдругъ, въ сумеркахъ угасавшаго дня направились на нашу цѣпь колонны косиньеровъ. Косиньеры шли подъ предводительствомъ ксендза въ облаченіи, въ сѣрой круглой шляпѣ съ широкими полями и съ крестомъ въ рукѣ. Но не давъ имъ подойти для рукопашнаго боя, стрѣлки мѣткими выстрѣлами заставили ихъ повернуть тылъ.

Непріятельская колонна, наступавшая противъ 2-ой стрѣлковой роты Л.-Гв. Финляндскаго полка была встрѣчена залпомъ въ разстояніи всего лишь 50 шаговъ; огонь былъ такъ мѣтокъ и залпъ такъ выдержанъ, что послѣ него колонна съ криками „Матка Бозка"! мгновенно разсыпалась въ разныя стороны, ксендзъ перевернулся и упалъ, люди въ прочихъ колоннахъ начали замѣтно падать, колонны побѣжали и быстро скрылись за деревьями. На правый флангъ нашего отряда была произведена подобная же атака, но и столь же неудачная. Наконецъ, были выбиты уже послѣднія ихъ цѣпи и отдѣльныя засады. Мятежники, разбитые на всемъ протяженіи ихъ боевой линіи, пустились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ не мало труповъ, изъ которыхъ наибольшее число были, какъ видно по одеждѣ, паны и шляхтичи [24].

„Былъ моментъ, — говоритъ участникъ этого дѣла, Е. К. Теннеръ, [25] — когда къ колебавшимся непріятельскимъ колоннамъ подъѣхалъ всадникъ и, вѣроятно воодушевлялъ ихъ къ атакѣ. Это былъ Доленго (Сѣраковскій). Онъ крикнулъ своимъ по русски „порядокъ", а нашъ стрѣлокъ послалъ ему пулю и сшибъ его съ сѣдла; мятежники взяли его на носилки и унесли...

Мятежники обращенные въ бѣгство были преслѣдуемы; но начавшееся топкое болото и темнота остановили его; къ тому же проводники куда то исчезли; время приближалось къ ночи и пошелъ крупный снѣгъ, увеличившій темноту. Преслѣдуя бѣгущихъ мятежниковъ отрядъ отошелъ на двѣ версты отъ мѣста сраженія; кругомъ по прежнему былъ лѣсъ, все болѣе темнѣвшій. Наконецъ наступила совершенная темень, которая въ лѣсу была особенно сильна. Холодный дождь со снѣгомъ неунимались.

„Настало время отдохнуть намъ,"—пишетъ участникъ сраженія [26].—„Послѣ столькихъ движеній по весьма затруднительной мѣстности, надо было всетаки идти, чтобы во время успѣть дойти до Медейки. Мы къ счастью, какъ чудомъ нашли двухъ крестьянъ, бывшихъ здѣсь изъ любопытства, которые могли насъ вывести изъ незнакомаго намъ лѣса, въ которомъ иначе намъ пришлось бы блуждать всю ночь, или расположиться бивакомъ въ болотѣ. Вскорѣ мы вышли на прежнюю поляну; отрядъ остановился; принесли

раненыхъ, которые продрогли въ болотѣ до костей. Нужно было удивляться ихъ твердости: ни крику, ни стону не было слышно".

Если раненые нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка показали здѣсь удивительную твердость и присутствіе духа, то со стороны командира выказана была въ эти минуты не менѣе удивительная любовь къ своимъ подчиненнымъ.

Когда мимо генерала проносили раненыхъ, дрожавшихъ отъ холода онъ отдалъ одному изъ нихъ свой зимній плащъ, а другому осеннее пальто, оставшись такимъ образомъ въ холодную и сырую ночь въ одномъ сюртукѣ.

Отрядный медикъ и два фельдшера спѣшили перевязкою раненыхъ. Заботясь о пріисканіи для нихъ возможно-удобнаго помѣщенія въ Медейкѣ, куда отрядъ прибылъ въ 12-мъ часу ночи, Генералъ Ганецкій пошелъ осматривать избу. Выходя изъ одной избы, онъ запнулся о порогъ, упалъ и сильно расшибъ правую ногу, ниже колѣна. Отъ сильной боли онъ промучился всю ночь, не смыкая глазъ [27]; къ тому же его очень безпокоили мысли: съ какою шайкою онъ имѣлъ дѣло; не авангардная-ли это только стычка; гдѣ теперь непріятель; что предпринять; куда направиться; сколько у насъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными? На всѣ эти вопросы онъ не находилъ успокоительнаго отвѣта.

Въ первомъ часу ночи были посланы разъѣзды въ двухъ направленіяхъ, чтобы разузнать объ отступленіи противника и пріискать проводниковъ.

Утромъ, одинъ изъ вернувшихся разъѣздовъ доставилъ повстанскаго офицера Ставлишевскаго, только что схваченнаго въ лѣсу.

— „Были вы вчера въ сраженіи? „спросилъ его Генералъ Ганецкій.—„Я командовалъ правымъ флангомъ, который примыкалъ къ болотному ручью. Мы были увѣрены, что этотъ ручей непроходимъ и потому оставили его безъ обороны".

— „Кто былъ вашимъ начальникомъ?" — „Сѣраковскій".

— „Какъ Сѣраковскій? Вы хотите сказать Доленго?"

— „Доленго его прозваніе, а настоящая фамилія Сѣраковскій".

— „Какой-же это Сѣраковскій?"

— „Капитанъ генеральнаго штаба."

Извѣстіе, что Доленго тотъ самый капитанъ, котораго Генералъ Ганецкій зналъ въ лицо и который пользовался особымъ довѣріемъ добродушнаго Владиміра Ивановича Назимова, совѣщавшагося съ нимъ о мѣрахъ противъ мятежа, крайне изумило командира Финляндцевъ. Онъ встрѣчался съ нимъ въ высшемъ военномъ обществѣ въ Петербургѣ. Ему даже случилось однажды играть съ нимъ въ карты.

Встрѣчи съ Сѣраковскимъ были крайне непріятны, онъ возбуждалъ къ себѣ только антипатію. Но здѣсь, когда Генералъ Ганецкій узналъ, что разбитая имъ въ сраженіи при Гудишкахъ шайка была подъ предводительствомъ самого таинственнаго Доленго, что шайка этого „воеводы" въ полномъ разстройствѣ, почти всѣ ротные и батальонные командиры убиты или ранены, что самъ Сѣраковскій раненъ и что изъ шайки его многіе разбѣгаются—чувства, овладѣвшіе Генераломъ Ганецкимъ, были болѣе чѣмъ радост-

ными. Въ первый разъ съ самаго начала экспедиціи онъ вздохнулъ свободно, убѣдившись, что выполнилъ съ успѣхомъ возложенную на него задачу.

Въ дѣлѣ при Гудишкахъ, какъ показываютъ оффиціальные документы [28], были разсѣяны шайки Сѣраковскаго и Колышко, численностью до 1500 человѣкъ, при чемъ 200 человѣкъ повстанцевъ убито и 103 человѣка взято въ плѣнъ; главный предводитель Сѣраковскій и видный офицеръ Станишевскій ранены.

Разгромъ указанныхъ мятежныхъ бандъ былъ настолько значителенъ, что двигавшаяся имъ на помощь третья банда ксендза Мацкевича,—численностью до двухъ тысячъ человѣкъ, не смотря на то, что находилась всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гудишекъ, не рѣшилась подойти къ мѣсту сраженія и поспѣшно бросилась „до лясу".

Потери съ нашей стороны были незначительны: убито 5 нижнихъ чиновъ и ранено 29; изъ этого числа 2-я стрѣлковая рота Л.-Гв. Финляндскаго полка потеряла 23 человѣкъ убитыми и ранеными [29].

По отношенію къ наличной численности этой роты—80 человѣкъ—указанная потеря составляла 28,5%; процентъ весьма значительный. По отношенію къ общей численности отряда Генерала Ганецкаго указанная убыль является много меньшей.

Участникъ, какъ этого, такъ и многихъ другихъ дѣлъ кампаніи 1863 года, Поручикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Е. К. Теннеръ писалъ по этому поводу одному изъ товарищей:

„Не удивляйся, что потеря наша противу мятежниковъ такъ непропорціональна. На нашей сторонѣ хорошее оружіе, отлично обученныя войска, практика стрѣлковъ въ продолженіи долгаго времени и увѣренность въ томъ, что мы ихъ всегда бьемъ. Стоило только примѣниться къ характеру войны, и мы сдѣлались страшны инсургентамъ. Они сами признались, что нашъ огонь производитъ на нихъ сильное дѣйствіе. Пули наши бьютъ вѣрно и сильно... Чувство самосохраненія заставляетъ нашего стрѣлка отлично примѣняться къ закрытіямъ, которыхъ не мало въ лѣсу".

Въ дѣлѣ при Гудишкахъ всѣ чины Л.-Гв. Финляндскаго полка покрыли себя новою славою; предводимые храбрымъ командиромъ, они обратили въ бѣгство во много разъ сильнѣйшаго противника. Здѣсь Генералъ Ганецкій проявилъ находчивость и рѣшимость, атакуя мятежниковъ черезъ болото, считавшееся ими непроходимымъ; проваливаясь въ топь по поясъ, Финляндскіе стрѣлки 2-й стрѣлковой роты неудержимо шли на повстанцевъ, имѣя впереди себя своего лихого командира и офицеровъ; хотя при этомъ движеніи храбрая рота потеряла болѣе чѣмъ четвертую часть своихъ рядовъ, но ихъ блестящая атака остановилась только, когда противникъ былъ опрокинутъ и бѣжалъ.

Поздно вечеромъ, уже почти ночью, пришли части отряда Генерала Ганецкаго въ Медейку и послѣ краткаго отдыха выступили на другой день, 27 апрѣля, на розыски шайки Мацкевича которая, по полученнымъ свѣдѣніямъ, находилась гдѣ-то по близости, укрываясь въ лѣсу.

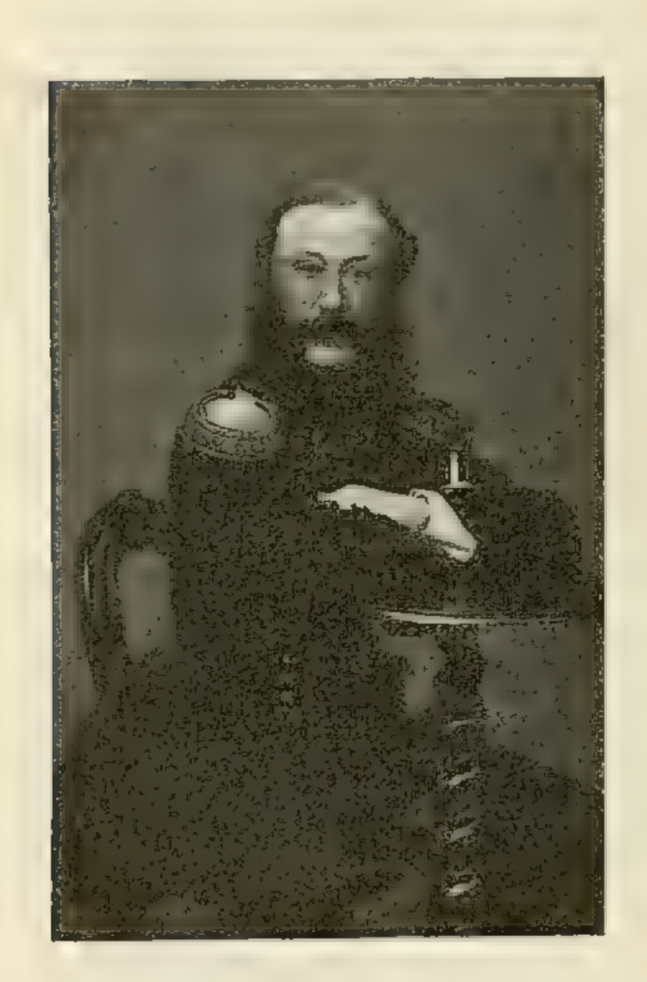
Высланные казаки, слѣдовавшіе впереди, открыли слѣдъ мятежниковъ, по которому отрядъ дошелъ до деревни Ворсканишки; здѣсь отъ захваченнаго казаками мужика, везшаго сѣно для мятежниковъ, узнано было, что шайка Мацкевича расположилась на ноч-

легъ въ густомъ лѣсу, въ 2-хъ верстахъ отъ Ворсканишекъ; тогда отрядъ двинулся далѣе по указанному пути.

Генералъ Ганецкій выслалъ впередъ 2-ю стрѣлковую роту Л.-Гв. Финляндскаго полка; подъѣхавъ къ командиру роты Капитану Зассу, онъ сказалъ:

— „Вчера подъ Медейкой я былъ особенно доволенъ вашей ротой, а потому хочу дать сегодня вашимъ молодцамъ случай отличиться: будьте съ вашей ротой во главѣ отряда".

Пройдя не болѣе двухъ или трехъ верстъ, отрядъ вошелъ въ болото. Лошадь генерала завязла въ тинѣ, такъ что онъ бросилъ ее, соскочилъ чрезъ ея голову и полѣзъ по болоту, помогая себѣ руками и хватаясь за кочки и кустарникъ [30].

Капитанъ Ф. П. Зассъ.

За болотомъ, верстахъ въ 2-хъ отъ Ворсканишекъ, у фольварка Шнуркишки открыты были мятежники, занимавшіе возвышенность. Передовые люди роты Капитана Засса увидѣли большой бивакъ повстанцевъ, обозъ ихъ и суетливо бѣгавшихъ туда и сюда поляковъ. Слышались барабанный бой и сигналы. Ведеты повстанцевъ сдѣлали по наступавшей цѣпи Финляндцевъ нѣсколько выстрѣловъ.

Перейдя болото, 1-я и 2-я стрѣлковыя роты Л.-Гв. Финляндскаго полка, послѣ самой непродолжительной перестрѣлки, бросились въ штыки; мятежники были сбиты и все скопище ихъ бросилось бѣжать, оставивъ болѣе 50 чѣловѣкъ убитыми и многихъ ранеными.

Банда, съ которой пришлось столкнуться отряду Генерала Ганецкаго при Шнуркишкахъ, была подъ начальствомъ ксендза Мацкевича. Къ этой бандѣ присоединились бѣглецы, сражавшіеся наканунѣ подъ начальствомъ Сѣраковскаго и Колышки. Всего у Мацкевича собралось болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, такъ что по численности повстанцы во много превосходили русскій отрядъ; однако пораженіе, нанесенное полякамъ наканунѣ при Гудишкахъ Генераломъ Ганецкимъ было такъ сильно, что деморализировались даже и тѣ повстанцы, которые не принимали участія въ этомъ дѣлѣ, а только слышали о немъ.

Трофеями Л.-Гв. Финляндскаго полка въ дѣлѣ при Шнуркишкахъ были два знамени, одно изъ нихъ большое, богато украшенное золотомъ и шелками, принадлежавшее Литовскому воеводѣ, и нѣсколько знаковъ. Кромѣ того взяты значительные продовольственные и боевые запасы, корпія, бумага, хирургическіе инструменты, весь обозъ, 40 лошадей и 60 человѣкъ плѣнныхъ [31]; въ числѣ послѣднихъ былъ начальникъ кавале-

ріи Лобановскій. Онъ былъ взятъ въ то время какъ дѣлалъ нападеніе на нашъ перевязочный пунктъ, откуда былъ отброшенъ начальникомъ арьергарда Ротмистромъ Аджіевымъ.

Съ нашей стороны потери были слѣдующія: раненъ офицеръ генеральнаго штаба Капитанъ Лавровъ (впослѣдствіи командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка); нижнихъ чиновъ ранено — 10. По отношенію къ наличной численности 1-ой и 2-ой ротъ раненыхъ было 12%.

Оставивъ въ непріятельскомъ лагерѣ Полковника Теннера съ небольшимъ числомъ людей, Генералъ Ганецкій гнался за бѣглецами на протяженіи болѣе 8 верстъ; во время этого преслѣдованія, люди бѣжали почти всѣ 8 верстъ не переставая. Погоня прекратилась только когда мятежники бросились въ разсыпную, что было уже поздно вечеромъ.

Въ 1-мъ часу ночи возвратился отрядъ Генерала Ганецкаго въ Медейку, куда на другой день утромъ прибыла колонна Маіора Гильцебаха, имѣвшаго 26 апрѣля удачное дѣло у Биржи съ шайкой въ 500 человѣкъ, которая была имъ разсѣяна.

Такимъ образомъ весь отрядъ Генерала Ганецкаго, послѣ ряда блестящихъ дѣлъ, собравшись 28-го апрѣля у Медейки, могъ считать свое дѣло законченнымъ. Для большей увѣренности въ отсутствіи сколько нибудь значительныхъ шаекъ въ близь лежащихъ лѣсахъ Генералъ Ганецкій послалъ на развѣдки роту Копорскаго полка съ придачей къ ней казаковъ и уланъ.

Всѣ офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка участвовавшіе въ дѣлахъ 26-го и 27-го апрѣля показали себя истинно храбрыми и мужественными, подавая доблестный примѣръ своимъ подчиненнымъ.

Особенно же отличились Полковникъ Н. Теннеръ, Капитанъ Зассъ, Поручикъ Кушакевичъ и Поручикъ Е. Теннеръ.

Генералъ Ганецкій въ представленіи ихъ къ наградѣ такъ говоритъ о дѣйствіяхъ названныхъ офицеровъ [32]:

„Полковникъ Теннеръ, командуя среднею колонною, состоящею изъ ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка: 3-й линейной и 1-й и 2-й стрѣлковыхъ, своею распорядительностью и хладнокровіемъ . . . способствовалъ въ сраженіи 26-го и 27-го сего апрѣля, къ побѣдѣ".

Капитанъ Зассъ „храбростью и распорядительностью способствовалъ успѣху дѣла въ сраженіи 26-го и 27-го апрѣля."

Поручикъ Кушакевичъ, „командуя цѣпью въ дѣлахъ 26-го и 27-го апрѣля храбростью и распорядительностью . . . способствовалъ успѣху".

Поручикъ Теннеръ, „командуя цѣпью 26-го и 27-го апрѣля, много способствовалъ своею храбростью и распорядительностью (къ одержанію побѣды; онъ) . . . съ полувзводомъ стрѣлковъ бросился на команду косиньеровъ и обратилъ ее въ бѣгство".

Офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка участники дѣлъ 26-го и 27-го апрѣля получили слѣдующія награды: командиръ полка Генералъ-маіоръ Ганецкій— орд. Св. Владиміра 2-й степ. съ мечами, Полковникъ Теннеръ—орд. Св. Владиміра 4-й степ. съ меч. и бант.; Капитанъ Зассъ, Штабсъ-капитанъ Кушакевичъ—орд. Св. Станисл. 2-й степ. съ меч. и бант.; Поручики Кушакевичъ, Теннеръ и Степановъ — орд. Св. Владиміра 4-й степ. съ

меч. и бант.; Штабсъ-Капитанъ Григоровичъ, Поручикъ Булдаковъ—орд. Св. Анны 3-й степ. съ меч. и бант.; Подпоручики Лушнинъ и Журавлевъ—орд. Св. Станисл. 3-й степ. съ меч. и бант.; Подпоручикъ Ожаровскій—орд. Св Анны 4-й степ. [33].

Нижніе чины трехъ ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, принимавшихъ участіе въ дѣлахъ 26-го и 27-го апрѣля, получили 24 * знака отличія военнаго ордена [34].

Въ числѣ особенно отличившихся нижнихъ чиновъ были унтеръ-офицеръ Хобта, рядовые Матвѣевъ, Игнатовичъ и Малаховъ.

Унтеръ-офицеръ 2-й стрѣлк. роты Хобта, будучи въ передовой цѣпи и сохраняя все время полное хладнокровіе, мѣткой стрѣльбой свалилъ 21 поляка и ранилъ Сѣраковскаго.

Рядовой Василій Матвѣевъ, посланный въ отрядъ Маіора Гильцебаха, не ограничился передачей приказанія и при начавшемся 26-го апрѣля дѣлѣ при Гавшикахъ принялъ [35] самое горячее участіе, находясь все время впереди и служа примѣромъ для нижнихъ чиновъ Невскаго полка **.

Рядовой Игнатовичъ, будучи въ отпуску въ Ковенской губерніи и узнавъ о прибытіи туда Л.-Гв. Финляндскаго полка, самъ явился въ полкъ и своимъ знаніемъ мѣстности сослужилъ полку большую службу въ качествѣ проводника, за что и былъ награжденъ серебряною медалью, съ надписью „за усердіе" [36].

Рядовой Малаховъ, раненый 27 Апрѣля въ ногу, лежалъ на перевязочномъ пунктѣ; но когда мятежники атаковали этотъ пунктъ, онъ взялъ ружье и пошелъ отстрѣливаться съ казаками [37].

Нестроевые нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка тоже показали себя молодцами; такъ, цирюльники Лапшинъ и Мазиковъ „усердно перевязывали раненыхъ подъ выстрѣлами непріятеля", за что и были пожалованы: первый—званіемъ батальоннаго фельдшера, а второй—унтеръ-офицеромъ [38].

Вообще дѣйствія отряда Генерала Ганецкаго нельзя не признать блестящими. Въ нѣсколько дней совершилась экспедиція, имѣвшая результатомъ уничтоженіе шаекъ повстанцевъ численностью до 5 тысячъ человѣкъ, произведенная почти одновременно въ четырехъ трактахъ; при этомъ волненіе между жителями Новоалександровскаго, Поневѣжскаго и Вилькомірскаго уѣздовъ было успокоено, что имѣло громадное значеніе для всего сѣверо-западнаго края, гдѣ вслѣдствіе этого мятежъ принялъ совсѣмъ иной характеръ.

„Такіе результаты могли быть достигнуты,—пишетъ Генералъ Ганецкій [39]—только при доблести нашего русскаго солдата, храбраго въ бояхъ, равно какъ и не знающаго утомленія въ походахъ".

И дѣйствительно три роты Финляндцевъ перенеслись изъ Вильны къ границамъ Курляндіи, дѣлая переходы свыше 50 верстъ въ сутки, а въ среднемъ, съ остановками для сраженій и сборовъ свѣдѣній о противникѣ,—по 38 верстъ, пройдя въ общемъ болѣе 300 верстъ.

---

* 10 знаковъ отличія пожалованы во 2-ю стрѣлк. роту, 8 — въ 1-ю стрѣлк. и 6 — въ 3-ю линейную.
** Такъ рапортовалъ о рядовомъ Матвѣевѣ Маіоръ Гильцебахъ.

Въ этой экспедиціи славный солдатъ бралъ примѣръ со славнаго офицера. Извлеченіе изъ донесенія Генерала Ганецкаго говоритъ объ офицерахъ отряда слѣдующее: [40].

„Всѣ офицеры отряда, подавая солдатамъ примѣръ храбрости, содѣйствовали въ бою къ сохраненію порядка, что было трудно исполнить въ тѣхъ чащахъ, въ какихъ приходилось дѣйствовать отряду. Начальники же колоннъ, своею распорядительностью и находчивостью, много содѣйствовали общему успѣху дѣла".

Въ приказѣ по войскамъ Виленскаго военнаго округа по поводу дѣйствій отряда Генерала Ганецкаго въ Ковенской губерніи былъ помѣщенъ слѣдующій весьма лестный для Л.-Гв. Финляндскаго полка отзывъ: [41]

„Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Командиру Л.-Гв. Финляндскаго полка Генералъ-Маіору Ганецкому Орденъ Св. Владиміра 2 ст. съ мечами въ награду за его славныя дѣла противъ мятежниковъ. Душевно поздравляю сего достойнаго Генерала вполнѣ заслуженною имъ наградою. Посланный 19-го апрѣля съ отрядомъ изъ гор. Вильно Генералъ Ганецкій обошелъ Вилькомирскій, Новоалександровскій и Поневѣжскій уѣзды, дѣятельно и неутомимо ища мятежниковъ, разбилъ на голову и совершенно разсѣялъ значительныя ихъ скопища, отбилъ знамена, оружіе, лагерь, обозъ, взялъ много плѣнныхъ, въ томъ числѣ главныхъ предводителей; блестящимъ образомъ исполнилъ храбрый Генералъ Ганецкій данное ему порученіе. Молодцу Генералу и молодецкому его отряду „ура"!

Подписалъ Командующій войсками Генералъ-Адъютантъ Назимовъ".

По докладѣ о дѣлахъ отряда Генерала Ганецкаго Августѣйшему Командиру Гвардейскаго Корпуса, Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему, была получена отъ Его Высочества слѣдующая телеграмма: [42]

„Вильна. Генералъ-Маіору Ганецкому. Поздравляю Васъ съ молодецкимъ дѣломъ и прошу поздравить отъ Меня офицеровъ и нижнихъ чиновъ отряда. Николай".

28-го апрѣля вечеромъ въ Медейкѣ на мѣстномъ кладбищѣ были похоронены 10 нижнихъ чиновъ, погибшихъ въ дѣлѣ 27 апрѣля; одна общая могила пріютила всѣхъ боевыхъ товарищей, такъ славно сражавшихся въ только что миновавшемъ бою.

Возвращаясь съ кладбища, Генералъ Ганецкій увидѣлъ бѣжавшихъ къ нему на встрѣчу офицеровъ и нѣсколькихъ солдатъ съ радостными криками „Ура, Сѣраковскій въ плѣну!"

По разспросамъ выяснилось, что рота Копорцевъ, высланная Генераломъ Ганецкимъ на развѣдки, наткнулась въ одной изъ близь лежащихъ глухихъ мызъ на Сѣраковскаго и бывшаго съ нимъ Колышко, укрывшихся въ одномъ изъ строеній этой мызы; оба предводителя были тотчасъ арестованы.

Взять важныхъ плѣнниковъ былъ посланъ Поручикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Е. К. Теннеръ. Въ своихъ запискахъ онъ описалъ это такъ: [43]

„Собрали подводы и, размѣстившись по два на подводѣ, мы поѣхали рысью, по хорошей дорогѣ, окаймленной лѣсами. Солдатъ тѣшила эта прогулка: разница была слишкомъ разительна, послѣ медленныхъ передвиженій по болотамъ. Теперь видъ лѣса производилъ на солдатъ и на насъ какое то странное впечатлѣніе, которое долго не

изгладится. Воображеніе такъ настроено, что кажется, будто за деревьями и на деревьяхъ сидятъ повстанцы: вы всматриваетесь напряженно и это бываетъ причиною фальшивыхъ тревогъ. Нашей ротѣ случилось сдѣлать поэтому лишнихъ двѣнадцать верстъ. Издали намъ показалось, что на деревьяхъ, по опушкѣ лѣса, сидятъ повстанцы; но приблизившись, солдаты расхохотались: это были борты для пчелъ, прикрѣпляемыя довольно высоко на деревьяхъ. Издали пень въ лѣсу зачастую представляется въ видѣ человѣка.

„Часовъ въ 12 ночи мы пріѣхали на мызу. Въ передней были Копорцы; пробравшись до дверей, у которыхъ стояли двое часовыхъ, я вошелъ въ комнату, гдѣ было до 12 плѣнныхъ, спавшихъ на соломѣ, исключая одного молодаго человѣка, сильнаго тѣлосложенія, съ красивымъ, но рѣзкимъ лицомъ. Онъ всталъ и рекомендовался: „Колышко“. Онъ увѣрялъ меня, что былъ въ генуэзской школѣ, что правительство два года розыскиваетъ его по политическимъ дѣламъ, но что онъ ловко скрывался. На нѣкоторыхъ изъ спавшихъ было бѣлье чернаго цвѣта—вѣроятно нижній трауръ. Я вошелъ въ сосѣднюю комнату и былъ пораженъ обстановкою. Посреди комнаты, увѣшенной картинами, на большой кровати лежалъ раненый Сѣраковскій. У его изголовья сидѣли два доктора въ польскихъ костюмахъ. Въ глубинѣ комнаты, на соломѣ, лежали шесть раненыхъ. Ко мнѣ подошелъ на цыпочкахъ молодой человѣкъ очень красивой наружности поклонился и сказалъ: „я графъ Косаковскій, адъютантъ нашего генерала“. Я невольно улыбнулся, говоря: „кончите эту комедію и разбудите Сѣраковскаго; мнѣ велѣно немедленно перевезти васъ всѣхъ въ штабъ, въ Медейку“. Но Косаковскій продолжалъ въ томъ же духѣ: „Это невозможно, поручикъ, рана нашего генерала опасна, теперь кризисъ, онъ не переживетъ. Подождите до семи часовъ утра“. Не знаю, съ цѣлью ли смягчить меня, доктора и Косаковскій окружили меня и упрашивали на французскомъ языкѣ. Нужно сказать, что на мызѣ распустили слухъ (вѣроятно, чтобы напугать насъ), что по дорогѣ въ Медейку, въ лѣсу, находится часть шайки Мацкевича, сдѣлавшая засаду и замыслившая отбить плѣнныхъ. Этотъ слухъ привелъ меня въ сомнѣніе. Я разбудилъ самозваннаго генерала, который, просыпаясь, сказалъ: „вы пріѣхали взять меня; но я не могу ѣхать, г. офицеръ, погодите до семи часовъ утра, я буду полезнѣе живой, а то мертваго привезете“. Но я объявилъ имъ, что эти просьбы для меня подозрительны, что если они надѣются на помощь мятежниковъ, то ошибаются, потому что у меня есть приказаніе не щадить плѣнныхъ, въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Въ два часа начало свѣтать немного;

Поручикъ С. Н. Булдаковъ.
По фотогр. 1863 г. въ Вильнѣ.

я разбудилъ всѣхъ и велѣлъ одѣваться, что было исполнено неохотно. Наконецъ ихъ всѣхъ посадили на подводы. Для Сѣраковскаго (по случаю раны) найдена была на мызѣ коляска. Но онъ не выходилъ, прося позволенія напиться чаю говоря, что это придастъ ему силъ для предстоящаго путешествія. Я позволилъ, но приготовленія длились слишкомъ долго. Я сказалъ ему; „Сѣраковскій, про васъ идетъ слава въ шайкахъ, что вы человѣкъ съ желѣзною волею; докажите, что вамъ чашка чаю ни почемъ". Черезъ минуту онъ сидѣлъ въ коляскѣ, съ докторомъ и Косаковскимъ. Еще не доходя Вилькоміра мы видѣли великолѣпную мызу, не уступающую дворцу; это было имѣніе Косаковскаго. Этотъ юноша лѣтъ двадцати, красивый и богатый, не былъ раненъ. О немъ никто не зналъ, что онъ въ шайкѣ, и онъ легко могъ бы скрыться въ своей мызѣ послѣ дѣла. „Я не могъ оставить моего генерала, когда онъ въ несчастьи",—сказалъ онъ мнѣ и сталъ жать руки Сѣраковскаго. Не знаю обладаетъ ли этотъ послѣдній способностью привлекать нравственно; но наружность его не привлекательна: у него желтое, болѣзненное лицо, какіе-то странные мутные глаза. Я обошелъ подводы. На каждой сидѣли по два мятежника въ польскихъ костюмахъ между двумя стрѣлками. Солдатъ вошелъ въ свою любимую роль и читалъ мораль плѣннымъ. Я сѣлъ на подводу рядомъ съ Колышко, который дружно разговаривалъ со стрѣлкомъ.—„Охъ, ты панъ!—говорилъ солдатъ:—вотъ кашу-то заварилъ! а что выигралъ? вѣдь чай тебя повѣсятъ".

„Мы приблизились къ лѣсу и ѣхали шагомъ; ко мнѣ подбѣжалъ унтеръ-офицеръ, говоря: ваше благородіе, въ случаѣ нападенія, прикажете колоть?—„Что за Азія, воскликнулъ Сѣраковскій, спрашивать громко такія приказанія!"—Я сѣлъ въ его коляску и объяснилъ ему, что солдаты не считаютъ ихъ военно-плѣнными, а разбойниками и не безъ основанія. Онъ успокоился. Мы разговорились. „Я вышелъ изъ Ковны съ тремя человѣками,—говорилъ Сѣраковскій,—въ непродолжительное время у меня уже сформировалась тысячная шайка. Наше шествіе по Жмуди было тріумфальное: c'était une protestation sanglante! Вездѣ насъ встрѣчали какъ семью. Бабы крестьянскія приводили своихъ сыновей, но мы не брали—у насъ безъ нихъ было довольно". Я не выдержалъ и сказалъ ему что это неправда, что мы шли за нимъ шагъ за шагомъ и вездѣ видѣли слѣды шайки и бѣдствующій народъ. Онъ и тутъ нашелся: „Мы нарочно говорили крестьянамъ, чтобы они жаловались на насъ, это было нужно, чтобъ вы не трогали". Вдругъ изъ лѣсу вышли нѣсколько мятежниковъ, и на минуту это насъ привело въ сомнѣніе. Но они тотчасъ же замахали конфедератками, въ знакъ покорности и готовности сдаться, и встрѣтившіеся по дорогѣ два казака привели ихъ. Одинъ былъ лѣтъ 17-ти съ раненой рукой. Я спросилъ его, по своей ли охотѣ онъ былъ въ шайкѣ.—„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, у меня хотѣли отца повѣсить, если не пойду".—Сѣраковскій призадумался, а потомъ сказалъ: „онъ вретъ". „Сѣраковскій, какое же бремя вы брали на свою совѣсть; сколько теперь, по вашей милости, несчастныхъ!"—„Ничего, сказалъ онъ, это кровавыя сѣмена, которыя потомъ дадутъ бѣлые цвѣты; нужно, чтобы Польша давала знать о себѣ, чтобъ ее не забыли". Зачѣмъ же вы шли въ Курляндію, гдѣ крестьяне, можетъ быть, приняли бы васъ въ топоры, или вы умерли бы съ голоду?—„Всѣ шайки вмѣстѣ составляли 5.000 чел.;

черезъ недѣлю у насъ должно было прибыть еще 5 000 чел., что составляло бы 10.000 литовскую армію, съ которою я бы легко всполошилъ Курляндію". Не знаю куда еще увлекся Сѣраковскій, но мы уже въѣзжали въ Медейку и разговоръ прекратился. Колышко надѣлъ чемарку назадъ, сложилъ руки на груди, и лицо его приняло дерзкое выраженіе, раздражившее солдатъ. Мужики, съ своей стороны, встрѣчали плѣнныхъ очень не дружелюбно; грозили имъ руками, показывая языкъ и приговаривали: вотъ они поганые „крули". Послѣднее слово объясняется распущенными въ селеніяхъ слухами о какомъ то новомъ польскомъ королѣ".

29 Апрѣля, послѣ дневки проведенной наканунѣ отрядомъ Генерала Ганецкаго у Медейки подъ проливнымъ дождемъ, отрядъ двинулся въ лѣса подъ Поневѣжъ, гдѣ по слухамъ находилась еще шайка; но слухи оказались ложными и отрядъ сдѣлавъ нѣсколько верстъ вернулся обратно.

Поручикъ Е. К. Теннеръ.

30 Апрѣля Генералъ Ганецкій, снесшись предварительно съ командующимъ войсками округа, выступилъ въ обратный походъ въ Вильну, отправивъ впереди раненыхъ подъ надлежащимъ прикрытіемъ. Путь этотъ былъ совершенъ четырьмя колоннами для болѣе тщательнаго вторичнаго осмотра всей мѣстности къ сѣверу отъ Вильны.

Жители всюду оказывали покорность.

Предъ выступленіемъ отряда изъ д. Медейки крестьяне явились къ Генералу Ганецкому съ поклономъ и принесли сто пудовъ хлѣба, который былъ заказанъ на весь отрядъ и за который имъ слѣдовало выдать деньги. Они рѣшительно отказались получить плату и просили передать хлѣбъ солдатамъ въ благодарность за то, что они избавили ихъ отъ повстанцевъ.

Тысяцкій той-же деревни и нѣсколько крестьянъ домохозяевъ явившись къ Капитану Зассу показали даже свое усердіе, заявивъ слѣдующее [44]:

— „Пошли мы сегодня въ лѣсъ, смотримъ и глазамъ не вѣримъ: то тутъ, то тамъ висятъ на деревьяхъ повстанцы. Не знаемъ, какъ это случилось; не придется ли намъ за это отвѣчать?"

— „За что же вы будете отвѣчать, если они сами повѣсились?"

— „Точно такъ. Благодаримъ покорно; теперь мы покойны", — вскричали въ одинъ голосъ мужики, расправившіеся по своему съ повстанцами.

Путь до Вильны былъ совершенъ безъ всякихъ происшествій. „Въ каждомъ мѣстечкѣ,—пишетъ участникъ похода, [45]—генералъ нашъ собиралъ крестьянъ изъ окрест-

ныхъ деревень, возвращалъ мужиковъ къ долгу, успокоивалъ ихъ и объяснялъ ихъ положеніе. Магазины были вновь наполнены хлѣбомъ, евреи встрѣчали насъ съ хлѣбомъ-солью; впрочемъ эти тонкіе дипломаты, можетъ быть, за 8 дней точно также встрѣчали мятежниковъ.

Въ Вилькоміръ отрядъ вступилъ съ отбитыми знаменами. Поляки не вѣрили, что Сѣраковскій разбитъ, но когда увидѣли знамена, то польки попадали въ обморокъ и многія, стоя у окна, плакали".

8-го мая наконецъ совершилось прибытіе въ Вильну, послѣ экспедиціи, продолжавшейся 16-ть дней. Пройдено было около 600 верстъ. У большей части офицеровъ и солдатъ ничего съ собою не было; они вернулись въ томъ бѣльѣ, въ которомъ вышли; за то лица ихъ совершенно измѣнились: они приняли коричневый цвѣтъ.

Вступленіе отряда Генерала Ганецкаго въ Вильну, въ ясный солнечный день 8-го Мая представляло собою единственную по оригинальности и своеобразной красотѣ картину. Вступалъ отрядъ грязный, запыленный, но съ гордыми и веселыми лицами. Впереди несли развернутымъ большое знамя Литовскаго воеводы и ѣхалъ на конѣ Генералъ Ганецкій, далѣе шли ряды Финляндцевъ, армейскія роты и кавалерійскія части, бывшія въ экспедиціи. Радостное чувство читалось въ глазахъ славныхъ участниковъ отряда, двѣ недѣли тому назадъ выступавшихъ изъ Вильны въ невѣдомые имъ лѣса.

Торжественная и вмѣстѣ съ тѣмъ душевная встрѣча была оказана Финляндцамъ и ихъ боевымъ сотоварищамъ.

У заставы ихъ встрѣтили Генералъ-Губернаторъ В. И. Назимовъ съ семействомъ и всѣ служащіе съ ихъ женами и дѣтьми; безчисленныя толпы тѣснились на улицахъ и оглашали воздухъ радостнымъ „ура"! Народъ карабкался на заборы, на деревья, на крыши домовъ, глядѣлъ изъ оконъ. Все имѣло видъ праздничный.

Войска Виленскаго гарнизона стояли по обѣ стороны улицъ шпалерами и отдавали честь проходившему мимо нихъ отряду; роты Л.-Гв. Финляндскаго полка, оставшіяся въ Вильнѣ были выстроены для встрѣчи развернутымъ фронтомъ у Игнатьевскихъ казармъ [46]. Крики „ура" мѣшались съ звуками военной музыки. Народъ кидалъ въ воздухъ шапки; многіе изъ толпы бросались къ Генералу Ганецкому, ѣхавшему верхомъ, и обнимали его ноги.

Даже оффиціальное описаніе встрѣчи, оказанной въ Вильнѣ Генералу Ганецкому и его славному отряду, помѣщенное въ Русскомъ Инвалидѣ, не поскупилось на краски, изобразивъ эту встрѣчу слѣдующимъ образомъ [47].

„Предмѣстье Большія-Снипишки, черезъ которое отрядъ долженъ былъ вступать было запружено народомъ. При появленіи первыхъ колоннъ, толпа, состоявшая изъ русскихъ простолюдиновъ и евреевъ, прокричала троекратное „ура". Тѣ-же крики сопровождали потомъ отрядъ во всю дорогу отъ городской заставы до каѳедральной площади, на которой приготовлялось торжество. Около Зеленаго моста, какой-то бородачъ, въ красной поддевкѣ, протѣснился сквозь густую толпу къ Генералу Ганецкому, взялъ его руку, крѣпко пожалъ ее, потомъ поцѣловалъ и бросивъ свою шапку вверхъ, заоралъ

своей мощной грудью: „ура, Генералъ Ганецкій!". Толпа подхватила эти слова и пошла кричать и бросать шапки вверхъ. Генералъ ежеминутно раскланивался съ народомъ, восторженные крики котораго были не поддѣльные, не заказные, а искренніе. Въ половинѣ 11 часа, на каѳедральной площади, при стеченіи уже болѣе отборной публики, между которою находились многія русскія дамы въ экипажахъ, совершено было благодарственное молебствіе. Послѣ парада отряду произведенъ былъ смотръ. Видъ солдатъ, совершившихъ въ короткое время и въ ненастнѣйшую погоду столько переходовъ по густымъ лѣсамъ и болотамъ Жмуди и Литвы, преслѣдуя повстанцевъ, очень бодрый, но лица ихъ загорѣлы. На парадѣ звуки музыки перемѣшаны были съ крикомъ толпы, которая не переставала кричать „ура", привѣтствуя каждый взводъ отдѣльно. По окончаніи парада, народъ опять окружилъ Генерала Ганецкаго, котораго онъ съ криками сопровождалъ до его квартиры".

Таковъ былъ конецъ славнаго похода Генерала Ганецкаго и его Финляндцевъ въ глубину польскихъ лѣсовъ.

Для полноты описанія дѣйствій Л.-Гв. Финляндскаго полка въ то время, слѣдуетъ еще упомянуть о дѣйствіяхъ 4-й и 5-й ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, отправленныхъ изъ Вильны, на подкрѣпленіе отряда Генерала Ганецкаго, черезъ день по его выступленіи, т. е. 21-го апрѣля. Названныя роты, съ приданными къ нимъ двумя орудіями и казаками, составили отрядъ порученный Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковнику Михайловскому. Отрядъ этотъ двигался со всею поспѣшностью, но, несмотря на форсированность своего марша, не могъ поспѣть къ боевымъ столкновеніямъ отряда Генерала Ганецкаго съ повстанцами и присоединился къ главнымъ силамъ его уже послѣ дѣлъ при Гудишкахъ и Шнуркишкахъ.

Глава IV.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ кампаніи 1863—64 г.г.

Поиски Л.-Гв. Финляндскаго полка со второй $^1/_2$ мая 1863 г. Дѣла: у Гружи 23-го мая, у Мамова 2-го іюня, стычка у Зигмунтишекъ 5-го іюня и дѣло у м. Мосты 8-го іюня. Послѣднее время пребыванія полка въ Вильнѣ и возвращеніе въ Петербургъ.

„Хотя всѣ полки 2-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи имѣли по нѣсколько славныхъ дѣлъ съ Польскими мятежниками, но боевые подвиги Финляндскаго полка обратили особое вниманіе Генерала-отъ-Инфантеріи Муравьева... Подъ личнымъ начальствомъ храбраго и достойнаго командира Генералъ-Маіора Ганецкаго, Финляндцы разбили и уничтожили, послѣ трудныхъ и форсированныхъ маршей, главныя скопища польскихъ мятежниковъ и тѣмъ положили основаніе успокоенію литовскаго края, а потому вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность засвидѣтельствовать объ отличныхъ заслугахъ Л. Гв. Финляндскаго полка и достойнаго его командира Генералъ-Маіора Ганецкаго".

(Приказъ по гвардейскому корпусу).

„Послѣ пораженія банды Сѣраковскаго возстанію нанесенъ былъ чувствительный ударъ" — такъ начинается въ журналѣ военныхъ дѣйствій Виленскаго военнаго округа описаніе общей обстановки на театрѣ войны сѣверо-западнаго края въ началѣ мая 1863 года.

„Съ исчезновеніемъ со сцены руководителя,—указываетъ далѣе журналъ,—утратилось и послѣднее единство, которое замѣчалось и въ предшествуемыхъ дѣйствіяхъ мятежниковъ. Положеніе ихъ дѣлается безплоднымъ“.

Въ такое состояніе, сравнительно очень благопріятное, были приведены сѣверо-западныя губерніи, благодаря лишь энергичнымъ дѣйствіямъ войскъ Виленскаго военнаго округа и гвардейскаго отряда, присланнаго имъ въ помощь изъ Петербурга. Безусловно первое мѣсто по своимъ славнымъ боевымъ дѣйствіямъ среди всѣхъ этихъ войскъ занималъ отрядъ Генерала Ганецкаго, разбившій три наболѣе сильныя банды повстанцевъ и плѣнившій самыхъ вліятельныхъ вожаковъ возстанія.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, чины котораго принимали весьма видное участіе въ означенныхъ дѣйствіяхъ, не смотря на трудную боевую службу и крайне утомительные переходы, поддержалъ здѣсь свою старую репутацію боевого полка имъ впервые пріобрѣтенную на поляхъ Фридландскихъ.

Но дѣлами при Миткишкахъ, Кивандахъ, Гудишкахъ и Шнуркишкахъ не ограничились славныя дѣйствія Л.-Гв. Финляндскаго полка; ему предстояло еще нѣсколько поисковъ за мятежническими шайками, результатомъ которыхъ было новое пораженіе повстанцевъ. Это совершилось уже при Виленскомъ Генералъ-Губернаторѣ Муравьевѣ.

Въ день торжественнаго вступленія въ Вильно отряда Генерала Ганецкаго въ высшемъ управленіи сѣверо-западнаго края произошла важная перемѣна: Генералъ Губернаторъ и Командующій войсками Виленскаго военнаго округа, Генералъ-Адъютантъ Назимовъ, прощался съ ввѣренными ему войсковыми частями вслѣдствіе замѣщенія своего Генераломъ Муравьевымъ.

Отбывая съ мѣста своего служенія, Генералъ-Адъютантъ Назимовъ въ приказѣ благодарилъ всѣ бывшія въ его распоряженіи части за постоянно усердную службу, неутомимые труды и доблести; касаясь гвардейскаго отряда, бывшаго въ Вильнѣ, Генералъ Назимовъ подчеркнулъ неизмѣнное его мужество и преданность престолу, [2] проявленные гвардейцами въ борьбѣ съ мятежниками.

Вновь назначенный Генералъ-Губернаторомъ, Генералъ Муравьевъ, хорошо знакомый съ давнихъ поръ съ сѣверо-западнымъ краемъ, прекрасно понялъ какъ серьезно было положеніе, въ которомъ находилась тогда Польша и сопредѣльныя съ нею губерніи; поэтому, онъ рѣшился придать надлежащее направленіе политикѣ Россіи въ этомъ вновь назрѣвшемъ и казалось неразрѣшимомъ вопросѣ. Его мужество, твердость убѣжденій и рѣшительность въ достиженіи намѣченной цѣли — умиротворенія сѣверо-западнаго края и подавленія тамъ возстанія — составляютъ по истинѣ государственную заслугу передъ Россіей.

Одинъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ Генералъ Ганецкій такъ оцѣнилъ значеніе М. Н. Муравьева въ то трудное время: „онъ первый понялъ что такое и въ какихъ мы обстоятельствахъ; видѣлъ въ этомъ шляхетскомъ движеніи не вспышку,—а полную мерзѣйшую революцію, стремившуюся ни болѣе ни менѣе, какъ къ раздробленію Россіи и

онъ первый, который не заботился, что скажетъ Европа, а говорилъ и говоритъ: „у меня Императоръ и Россія". *

Заслуга Муравьева тѣмъ болѣе значительна, что образъ дѣйствій имъ принятый въ подавленіи мятежа въ Сѣверо-Западномъ краѣ находилъ себѣ весьма мало сторонниковъ во вліятельныхъ сферахъ, особенно въ Петербургѣ. Только не многіе, понимавшіе истинное положеніе вещей въ Виленскомъ округѣ, были единомышленниками Муравьева; въ числѣ этихъ лицъ былъ и извѣстный московскій митрополитъ Филаретъ, приславшій Михаилу Николаевичу икону Архистратига Михаила, въ благословеніе его дѣятельности въ мятежномъ краѣ; при иконѣ было замѣчательное письмо архипастыря, гдѣ между прочимъ говорилось: „ваше назначеніе — есть уже пораженіе враговъ отечества; ваше имя— побѣда". [3]

Прибывъ въ Вильну, новый Генералъ Губернаторъ началъ дѣйствовать сразу весьма энергично. Во вступительномъ своемъ приказѣ [4] послѣ передачи войскамъ Виленскаго военнаго округа, Высочайшей благодарности „за ихъ доблестную службу", Генералъ Муравьевъ объявилъ слѣдующее: „смутамъ и мятежу, возникшимъ въ здѣшнемъ краѣ надобно положить предѣлъ. Обращаюсь къ храбрымъ войскамъ, надъ которыми принимаю начальство, увѣренный, что съ помощью Божьей, дружными усиліями нашими дерзкіе крамольники скоро понесутъ заслуженную ими кару и порядокъ и спокойствіе возстановятся во ввѣренномъ мнѣ краѣ".

Рѣшительность и энергія Генерала Муравьева подѣйствовали весьма внушительно на мятежниковъ и особенно на ихъ главныхъ руководителей—ксендзовъ, которые сразу почувствовали на себѣ строго карающую руку новаго Генералъ-Губернатора. Состоящимъ у него въ подчиненіи какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ начальникамъ Генералъ Муравьевъ давалъ безапеляціонныя приказанія, исполнявшіяся всегда точнѣйшимъ образомъ.

Какъ образчикъ Муравьевскихъ распоряженій можно привести предписаніе его отъ 9-го Іюня [5], данное Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковнику Теннеру, военному начальнику Вилькомирскаго уѣзда. „Предлагаю Вашему Высокородію,—писалъ Генералъ Муравьевъ,— принять начальство надъ всѣми войсками въ Вилькомирскомъ уѣздѣ находящимися и взять самыя дѣятельныя и энергическія мѣры для разсѣянія и окончательнаго истребленія шайки ксендза Мацкевича". * Давъ нѣсколько указаній, Генералъ Муравьевъ заканчиваетъ свое предписаніе слѣдующими еще болѣе рѣшительными словами: „предписываю вамъ непремѣнно настичь, разсѣять и совершенно уничтожить шайку ксендза Мацкевича и не возвращаться до-толѣ, пока это порученіе не будетъ вами исполнено".

Общія распоряженія Генерала Муравьева о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ отрядовъ выражены въ циркулярѣ командующимъ войсками въ губерніяхъ отъ 11 Іюня 1863 года [6].

Циркуляръ говоритъ слѣдующее: „Нѣкоторые отрядные начальники, встрѣтивъ шайки мятежниковъ, не дѣйствуютъ рѣшительно, а заводятъ съ ними пустую перестрѣлку, а потомъ, когда уже мятежники сами обратятся въ бѣгство, то не только не стараются тутъ же истребить ихъ, но даже и не преслѣдуютъ, такъ что шайки потомъ опять собравшись,

---

* Письмо Генералъ-Маіора Ив. Ст. Ганецкаго къ князю Конст. Яковл. Шаховскому, отъ 12-го дек. 1863 года. (Подлинникъ хранится у кн. Павла Арсен. Путятина).

безнаказанно продолжаютъ свои грабежи и безчинства. Тѣхъ, которые дѣйствовали подобнымъ образомъ, я приказалъ отрѣшить отъ командованія и о дѣйствіяхъ ихъ произвести слѣдствія.

Предлагаю Вашему Превосходительству выбирать въ начальники отрядовъ людей болѣе надежныхъ и внушать имъ, что они должны рѣшительно дѣйствовать для разбитія шаекъ, и преслѣдовать ихъ по пятамъ, неотступно и настойчиво, до совершеннаго разсѣянія и уничтоженія, что и возложить на ихъ отвѣтственность".

Таковъ былъ новый Генералъ-Губернаторъ, вступившій въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ. Поставивъ весь административный строй на военную ногу, Генералъ Муравьевъ привлекъ къ участію въ гражданскомъ управленіи многихъ офицеровъ гвардейскаго отряда, находившагося въ Вильнѣ. Хотя подобная мѣра практиковалась еще Генералъ-Адъютантомъ Назимовымъ, но Генералъ Муравьевъ ввелъ ее въ систему; во главѣ каждаго уѣзда стоялъ военный начальникъ, которому подчинялось, какъ гражданское такъ и военное управленіе надъ всѣмъ уѣздомъ, военный же начальникъ долженъ былъ и усмирять мятежъ въ подвѣдомственномъ ему уѣздѣ.

Офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка принимали видное участіе въ тогдашнемъ управленіи Сѣверо—Западнымъ краемъ; такъ полковники Алхазовъ, Борейша и Теннеръ были военными начальниками Лидскаго, Виленскаго и Вилькомирскаго уѣздовъ, а Поручикъ Водаръ состоялъ адъютантомъ уѣзднаго начальника Поневѣжскаго уѣзда; нѣсколько офицеровъ полка были членами Виленской слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ; тамъ же постоянно занимался и аудиторъ полка, коллежскій совѣтникъ Лавровскій. Офицеры и нижніе чины полка, учреждали также сельскіе караулы изъ болѣе надежныхъ крестьянъ, взимали контрибуціи, конвоировали политическихъ преступниковъ, отправляемыхъ въ Москву. Наконецъ, одинъ изъ полковыхъ музыкантовъ—Антонъ Катецкій открылъ политическій заговоръ въ Вильнѣ, за что и былъ Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія орд. св. Анны и единовременной денежной выдачей въ размѣрѣ 50 рублей [7].

Прибытіе Генерала Муравьева въ Вильну было почти одновременнымъ съ возвращеніемъ туда отряда Генерала Ганецкаго. Это-же время составляетъ переломъ въ дѣйствіяхъ мятежниковъ въ Литовскомъ краю. Разсѣянные Генераломъ Ганецкимъ они уже не рѣшались соединяться въ большія шайки и дѣйствовали разрѣженно, мелкими шайками, разсѣявшимися по лѣсамъ. Вслѣдствіе этого и русскія войска разбились на небольшіе отряды, посылавшіеся одновременно во многіе пункты, что бы уничтожать возстаніе сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Л.-Гв. Финляндскому полку пришлось тогда дѣйствовать такимъ-же образомъ: многія роты его, почти одновременно, были разбросаны по двѣ, по три въ прилегающихъ къ Вильнѣ уѣздахъ, при чемъ онѣ дѣйствовали не только на сѣверъ отъ Вильны, какъ прежде, но также къ югу и къ западу отъ нея.

Впродолженіи почти цѣлаго мѣсяца дѣйствія ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка сводились къ поискамъ за незначительными повстанческими шайками, имѣвшими впрочемъ почти всегда за собою численный перевѣсъ; поиски эти производились по самымъ глухимъ лѣсамъ и почти непроходимымъ болотамъ; для успѣшности ихъ требовались

быстрота и отвага дѣйствій, т. к. зачастую роты должны были бѣжать чуть не бѣгомъ за удиравшими „до лясу“ повстанцами, становившимися вмѣстѣ съ тѣмъ крайне дерзкими, едва обстоятельства сколько нибудь имъ благопріятствовали.

Дѣйствія ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка послѣ прибытія отряда Генерала Ганецкаго заключались, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ.

9-го мая были командированы на смѣну ротъ Лейбъ-Гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ, охранявшихъ желѣзную дорогу, слѣдующія части отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка: 1-я стрѣлковая рота—одинъ взводъ на станцію Руздишки, другой взводъ на станцію Олькиники; 2-я стрѣлковая рота—на станцію Порѣчье; 3-я линейная рота—одинъ взводъ на станцію Марцинканцы, другой взводъ на станцію Ораны [8]. Названныя три роты съ присоединеніемъ къ нимъ 4-й линейной роты, выступившей изъ Вильны 15 мая, поступили подъ начальство Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковника Краммера и составили вмѣстѣ съ нѣкоторыми армейскими ротами особый отрядъ, дѣйствовавшій отъ станціи Ольценики въ Лидскомъ уѣздѣ и въ Рудниковскомъ лѣсу. 6-го іюня 1-я и 2-я стрѣлковыя роты получили приказаніе идти въ Вильну, а отрядъ Полковника Краммера, въ нѣсколько уменьшенномъ составѣ, продолжалъ свои дѣйствія до первой половины іюня мѣсяца.

17-го мая выступила изъ Вильны 8-я рота и направилась въ селеніе Быстрицу, лежащее въ нѣсколькихъ верстахъ къ востоку отъ города Вильны; рота эта черезъ три дня вернулась обратно.

21-го мая та же 8-я рота, вмѣстѣ съ ротой Его Высочества, подъ начальствомъ Полковника Михайловскаго выступила изъ Вильны и 23 мая имѣла съ мятежниками довольно большое дѣло въ Ланскомъ лѣсу у фольварка Гружи.

25 мая, вслѣдствіе раненія Полковника Михайловскаго, отрядъ его поступилъ подъ начальство Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковника Теннера; этотъ отрядъ былъ усиленъ 7-ю ротою Л.-Гв. Финляндскаго полка и нѣсколькими армейскими ротами; Полковникъ Теннеръ продолжалъ дѣйствія своего предшественника по очищенію Ланскаго и Роговскаго лѣсовъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Вильны, за Вилькомиромъ. 9-го іюня роты Л.-Гв. Финляндскаго полка, входившія въ отрядъ Полковника Теннера, получили приказаніе возвратиться въ Вильну.

31-го мая выступили изъ Вильны двѣ роты Л.-Гв. Финляндскаго полка: 5-я линейная рота Штабсъ-Капитана Рудановскаго и 2-я линейная рота Поручика Вилькена; эти роты были двинуты въ разныхъ направленіяхъ: 5-я рота—къ востоку отъ Вильны, въ мѣстечко Варняны, а 2-я рота къ юго-западу отъ Вильны въ Руднинскій лѣсъ. На долю 5-й роты выпалъ непродолжительный поискъ, и 5-го іюня она уже возвратилась на постоянныя квартиры. 2-я линейная рота имѣла нѣсколько стычекъ съ повстанцами, наибольшая изъ которыхъ была у с. Мамова, откуда рота преслѣдовала мятежниковъ около двухъ недѣль, дойдя до станціи Порѣчье. Эти поиски она производила вмѣстѣ съ 6-й ротой Л.-Гв. Павловскаго полка, смѣненной въ началѣ іюня мѣсяца 6-й ротой Л.-Гв. Финляндскаго полка. Отрядъ, составленный изъ 2-й и 6-й линейныхъ ротъ, порученъ былъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Штабсъ-Капитану Тваровскому, получившему приказаніе изъ Порѣчья вернуться въ Вильну.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ мая и въ началѣ іюня мѣсяца 1863 года, Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ разбросанъ по-ротно на значительномъ пространствѣ, чуть-ли не во всѣ стороны отъ Вильны, очищая окрестные лѣса отъ многочисленныхъ, иногда мелкихъ, иногда и крупныхъ повстанческихъ бандъ.

Дѣйствія ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка были прекращены съ приходомъ въ Вильну Л.-Гв. Преображенскаго полка, смѣнившаго Финляндцевъ въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Въ частности поиски Финляндскихъ ротъ были слѣдующіе.

Гр. М. Н. Муравьевъ
Съ фотогр. 1863 г. въ Вильнѣ.

Роты, * входившія въ составъ отряда Полковника Краммера, соединившись у Ольkениkъ, направились по южной окраинѣ Рудниковскаго лѣса, раскинувшагося къ юго-западу отъ Вильны, вокругъ озера Кернове и по рѣчкамъ Мерeчанкѣ и Сольче. Къ югу отъ этого лѣса, представлявшаго собою значительный участокъ крайне дикой и трудно проходимой мѣстности, почти сплошь покрытой болотами, сосредоточились повстанческія шайки Любича и Вислоуха. Мятежники пытались прекратить движеніе по большой дорогѣ изъ Вильны въ Лиду, но военный начальникъ Лидскаго уѣзда Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковникъ Алхазовъ принялъ противъ нихъ рѣшительныя мѣры: отряду Л.-Гв. Павловскаго полка Полковника Власова, при которомъ находился Полковникъ Алхазовъ, было предписано дѣйствовать къ сѣверо-востоку отъ Лиды, а отряду Полковника Краммера—въ Рудниковскомъ лѣсу, преимущественно въ южной его части.

3-го іюня изъ Бѣнякони выступилъ отрядъ Полковника Краммера и, двигаясь черезъ Солечники и Яшуны, прибылъ въ Рудники, откуда, для лучшаго осмотра мѣстности, раздѣлился на двѣ колонны: одна, подъ командой Полковника Краммера, составленная изъ 1-й стрѣлковой и 3-й линейной ротъ, направилась вдоль р. Мерeчанки, а другая, подъ командой Капитана Засса, составленная изъ 2-й стрѣлковой роты и присоединившейся къ ней 4-й линейной роты, направилась вокругъ озера Кернове и по рѣкѣ Сольче.

При своемъ движеніи роты, не смотря на тщательность поисковъ, не нашли инсургентовъ. Пройдя весь Рудниковскій лѣсъ, колонны отряда Полковника Краммера соединились на западной его окраинѣ у м. Ольkеники. Здѣсь Полковникъ Краммеръ получилъ предписаніе отъ Полковника Алхазова снова изслѣдовать Рудниковскій лѣсъ, въ виду того, что по свѣдѣніямъ Полковника Алхазова тамъ продолжали скрываться повстанцы.

---

* 1-я стрѣлк. 2 стрѣлк. и 3 линейная роты.

Во исполненіе этого предписанія Полковникъ Краммеръ выступилъ 5-го Іюня изъ Ольбеникъ и, идя по прежнему двумя колоннами, началъ осмотръ Рудниковскаго лѣса, въ тѣхъ же направленіяхъ, какъ и раньше.

Колонна Капитана Засса на своемъ пути встрѣтила между Зигмунтишками и Весянами незначительную часть изъ бандъ Вислоуха и Любича, разбитыхъ въ тотъ же день къ югу отъ Рудниковскаго лѣса у Вильканцевъ Полковникомъ Алхазовымъ. Мятежники обнаружили себя, произведя залпъ изъ тростника и кустовъ. Послѣ незначительной перестрѣлки 2-я стрѣлковая и 4-я линейная роты быстро атаковали повстанцевъ и тотчасъ же разсѣяли ихъ; при чемъ для преслѣдованія мятежниковъ была выслана 4-я линейная рота подъ начальствомъ Штабсъ-Капитана Маслова; мятежники потеряли убитыми—8 человѣкъ, взятыми въ плѣнъ—3-хъ, изъ которыхъ 2 раненыхъ; у мятежниковъ отбиты нѣсколько ружей, порохъ и проч. Съ нашей стороны потерь не было [9].

6 іюня, на другой день послѣ дѣла у Зигмунтишекъ, 1-я и 2-я стрѣлковыя роты были отозваны въ Вильно, т. к. силы мятежниковъ были настолько незначительны, что присутствіе въ полномъ составѣ столь сильнаго отряда, какимъ былъ отрядъ Полковника Краммера, являлось излишнимъ.

Такимъ образомъ, послѣ 6-го іюня въ отрядѣ Полковника Краммера остались лишь 3-я и 4-я линейныя роты Л.-Гв. Финляндскаго полка, которыя на другой день 7-го іюня были направлены въ с. Мосты, находившееся къ сѣверу отъ Ольбеникъ, на западной окраинѣ Рудниковскаго лѣса. Здѣсь въ болотистомъ лѣсу, по показаніямъ мѣстныхъ жителей сосредоточилась шайка повстанцевъ, какъ оказалось впослѣдствіи численностью около ста человѣкъ. [10] Шайка эта расположилась въ 4-хъ верстахъ отъ деревни Мосты, на уединенной лѣсной полянѣ и повидимому не ожидала нападенія, послѣдовавшаго глухою ночью.

Роты Л.-Гв. Финляндскаго полка подошли къ с. Мосты около 2-хъ часовъ ночи движеніе это совершилось на подводахъ. Отъ с. Мосты, по указанію проводниковъ, роты направились въ лѣсную чащу въ сопровожденіи нѣсколькихъ крестьянъ и мѣстнаго становаго пристава, указывавшихъ дорогу. Около версты шли цѣпи Финляндцевъ, не встрѣчая мятежниковъ. Наконецъ, на открывшейся полянѣ, окруженной болотами, шайка была застигнута и встрѣтила Финляндцевъ бѣглымъ огнемъ; нѣкоторые изъ мятежниковъ забрались на деревья и стрѣляли оттуда. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, шайка была разсѣяна, оставивъ не менѣе четверти своего состава убитыми. Съ нашей стороны ранено 3 нижнихъ чина *.

Въ дѣлѣ при с. Мосты преимущественно дѣйствовала 4-я линейная рота Л.-Гв. Финляндскаго полка; по крайней мѣрѣ не встрѣчается указаній о непосредственномъ участіи въ этомъ дѣлѣ 3-ей линейной роты, наступавшей вѣроятно сзади 4-ой роты, или подоспѣвшей къ самому концу дѣла.

За дѣло 8 іюня офицеры 4-ой линейной роты получили слѣдующія награды: [11].

* Изъ раненыхъ замѣчателенъ рядовой Конорейко; три пули попали ему въ животъ, доктора уже отказались отъ него, но онъ выздоровѣлъ и на Георгіевскомъ праздникѣ въ С.-Петербургѣ былъ лично поздравленъ Государемъ георгіевскимъ кавалеромъ.

Штабсъ-Капитанъ Масловъ—орд. св. Анны 3 степ. съ мечами и бантомъ. Поручики Масловъ и Голенищевъ-Кутузовъ * — орд. св. Анны 4 степ. съ мечами и бантомъ.

Нижніе чины 4-й линейной роты „за храбрость и мужество ими оказанныя" въ дѣлѣ при с. Мосты пожалованы четырьмя знаками отличія военнаго ордена [12].

Энергично преслѣдуемая, впродолженіи цѣлаго часа, шайка разбѣжалась, оставивъ побѣдителямъ въ добычу 6 лошадей, оружіе, провизію, запасы обмундированія и скотъ, весьма пригодившіеся отряду Полковника Краммера, т. к. отряду этому пришлось еще болѣе мѣсяца производить поиски въ Роговскомъ лѣсу и близъ лежащей мѣстности.

Поиски эти ничѣмъ особеннымъ не отличались и сводились къ утомительному передвиженію по лѣсамъ и болотамъ, иногда на довольно значительное пространство.

10 іюля отрядъ Полковника Краммера былъ отозванъ въ Вильну, чѣмъ и прекратилъ свою дѣятельность [13].

Въ томъ же Рудниковскомъ лѣсу, гдѣ дѣйствовалъ отрядъ Полковника Краммера, пришлось дѣйствовать и 2-й линейной ротѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

31 Мая рота эта должна была выступить изъ Вильны, для очищенія отъ шаекъ мѣстности, прилегающей къ желѣзной дорогѣ, подобно тому какъ это дѣлали прочія роты Л.-Гв. Финляндскаго и другихъ полковъ. Въ то время, когда рота была уже готова выступить по назначенію, получилось извѣстіе о появленіи мятежническихъ бандъ у Городна и въ Рудниковскомъ лѣсу. Поэтому рота была направлена въ Рудниковскій лѣсъ съ цѣлью отысканія тамъ мятежниковъ и уничтоженія ихъ.

Такимъ образомъ 2-й линейной ротѣ была поставлена почти та же самая задача, что и отряду Полковника Краммера, но только рота эта начала осмотръ Рудниковскаго лѣса съ сѣверо-восточной стороны, тогда какъ отрядъ Полковника Краммера, вошелъ въ тотъ же лѣсъ съ юго-восточной стороны.

2-я линейная рота выступила изъ Вильны 31 мая въ 7 часовъ вечера и, пройдя 10 верстъ, за совершенной темнотой остановилась на ночлегъ въ деревнѣ Застенкѣ. На другой день рота прошла къ дер. Рудники, гдѣ остановилась у монастыря. У монаховъ никакихъ свѣдѣній о повстанцахъ добыть не удалось; они сообщили только, что проходили какія то двѣ гвардейскія роты.

„Порѣшили на другое утро дѣлать поискъ на Мамово, пройдя на прямикъ болотами,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ офицеръ 2-й роты, Поручикъ Г. Прокопе. [14] Такъ какъ монахи говорили, что пѣшему кое-какъ можно пробраться по тропинкамъ, а о кавалеріи нечего думать, то 10 драгунъ бывшіе съ нами были отправлены съ ротными котлами въ мѣстечко Рудники."

„Въ воскресеніе 2-го іюня, часовъ въ 5 утра мы выступили,—продолжаетъ Поручикъ Г. Прокопе.—Въ авангардѣ со 2 взводомъ шелъ я, позади со 2-мъ взводомъ Вилькенъ.

„Шли мы по правому берегу рѣчки Мречанки, болотистой, поросшей высокой травою и кустарниками; моросилъ дождь и былъ небольшой туманъ. Отойдя версты двѣ я увидѣлъ, что передовой патруль бросился бѣжать вправо, какъ будто догоняя кого-то;

---

* Поручикъ Масловъ и Кутузовъ командовали цѣпями.

солдатики закричали, что пробѣжалъ лось, но дойдя до остановившагося патруля они изъ за куста вытащили повстанца; хотя онъ и увѣрялъ, что онъ шелъ на утекъ (т. е. бѣжалъ изъ банды), но вѣрнѣе всего, что онъ состоялъ на подлѣдорожномъ посту, но заспался. Онъ намъ говорилъ, что тутъ недалеко верстъ 5 стоитъ банда лагеремъ и что онъ намъ укажетъ дорогу, только чтобы ему сперва дали поѣсть, такъ какъ онъ уже третьи сутки не ѣлъ. У солдатъ сейчасъ нашлось молоко въ манеркѣ и хлѣбъ; покормили его и отправились дальше. Нашъ новый проводникъ шелъ со мною; дорога была убійственна, пришлось переходить въ бродъ десятки болотистыхъ рѣченокъ, впадающихъ въ Мерečанку; люди иногда проваливались выше пояса; наконецъ свернули на сѣверъ вдоль довольно большой рѣченки Свиржи; прошли мѣсто у рѣки, гдѣ видно прежде былъ лагерь, банды, повернули перпендикулярно противъ рѣчки направо, по только что прорубленной, но не очищенной отъ сваленныхъ деревьевъ просѣкѣ. Пройдя шаговъ 500, я остановился, чтобы дать подтянуться взводу, растянувшемуся отъ трудности перелазыванія черезъ сваленныя деревья: 2-го взвода еще не было видно, но такъ какъ я понялъ по жестамъ плѣннаго поляка, что въ концѣ просѣки ихъ лагерь, то я не дожидаясь 2-го взвода, двинулся впередъ, чтобы воспользоваться нашимъ неожиданнымъ появленіемъ и застать ихъ врасплохъ, что почти вполнѣ удалось. Въ шагахъ 50 отъ засѣки, которою былъ окруженъ ихъ лагерь, послѣдовалъ залпъ изъ нѣсколькихъ только ружей, вѣроятно караульныхъ, но къ счастью никого не задѣвшій; черезъ мигъ мы уже были въ лагерѣ, откуда все бѣжало по разнымъ направленіямъ въ чащу лѣса, нѣкоторые были полуодѣты, другіе отстрѣливались; погнавъ ихъ съ 1/4 версты, пришлось остановиться, такъ какъ люди при преслѣдованіи разбрелись въ разныя стороны".

Вслѣдъ за взводомъ Поручика Прокопе 2-го, Поручикъ Вилькенъ послалъ въ атаку остальную часть роты, успѣвшую добѣжать во время къ мѣсту боя.

Выбивъ мятежниковъ изъ лагеря, Поручикъ Вилькенъ преслѣдовалъ ихъ на протяженіи 3-хъ верстъ, „по мѣстности пересѣченной, болотистой и покрытой засѣками изъ деревьевъ" [15]. Преслѣдованіе продолжалось до полнаго разсѣянія шайки мятежниковъ.

Побѣда обошлась 2-й ротѣ дешево. Поручикъ Прокопе пишетъ въ своихъ запискахъ:

„У насъ раненъ одинъ легко въ руку; съ ихъ стороны потери были гораздо больше, такъ какъ мы, не особенно искавши, насчитали 14 тѣлъ. По слухамъ шайка состояла изъ 120 человѣкъ подъ начальствомъ Сендека. Въ лагерѣ нашли только что зарѣзаннаго быка, кузницу для починки оружія, нѣсколько ружей и верхняго платья и дорожную сумку самого Сендека съ 200 руб. денегъ и съ бумагой за печатью Ржонда Народнаго о назначеніи Сендека военнымъ начальникомъ Трокскаго уѣзда.

„Возвратившись въ лагерь, я тамъ засталъ Поручика Вилькена со вторымъ взводомъ. Такъ какъ мятежники разбрелись въ разныя стороны, то рѣшено было обойти всѣ окрестныя деревни, куда обыкновенно часть повстанцевъ разбредалась послѣ дѣла, когда она выходила изъ подъ рукъ своихъ начальниковъ. Дождь началъ лить какъ изъ ведра. Прошли дер. Мамово, у которой захватили 4-хъ вьючныхъ лошадей съ припасами, вѣроятно по дорогѣ въ только что разрушенный нами лагерь; вожатые разбѣжались, затѣмъ

прошли дер. Полукно и Свиржа и черезъ страшныя болота, по совершенно разрушенной гати, возвратились въ мѣстечко Рудники, когда уже совсѣмъ стемнѣло.

„Остановились у священника, гдѣ застали только что прибывшихъ изъ Вильны одну роту Павловскаго полка Капитана Владимірова. Роту эту на другой день утромъ, послѣ нашего выступленія изъ Вильны, выслали для совмѣстнаго съ нами дѣйствія. Поздно спохватились; а по правдѣ сказать немного рисковано дѣйствовать въ такихъ огромныхъ лѣсахъ съ одною ротою, но за то двѣ роты, сила при этихъ обстоятельствахъ въ пять разъ сильнѣе одной роты и совершенно самостоятельная.

„Теперь начало ощущаться неудобство неимѣнія съ собою какого бы то ни было запаснаго платья... Промокшимъ до костей намъ пришлось платье сушить на себѣ".

За дѣло 2-го іюня при с. Мамово, участвовавшіе въ дѣлѣ офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка были награждены: Поручикъ Вилькенъ—орд. св. Владиміра 4 степ. съ мечами и бантомъ [16], Подпоручикъ Прокопе 2-й—орд. св. Анны 3 степ. съ мечами и бантомъ [17].

Нижнимъ чинамъ названной роты пожаловано [18] три знака отличія военнаго ордена *.

6-го іюня черезъ Рудники прошелъ отрядъ Полковника Краммера, двигаясь въ Ольченики. 2-й же ротѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка вмѣстѣ съ 6-й ротой Л.-Гв. Павловскаго полка приказано было оставаться въ Рудникахъ и наблюдать за лѣсомъ. Ежедневно производили эти роты экскурсіи, двигаясь въ разныя стороны, то на Яшуны, то на Мамово, то внутрь лѣса на озеро Кернове и по Ольченикской дорогѣ.

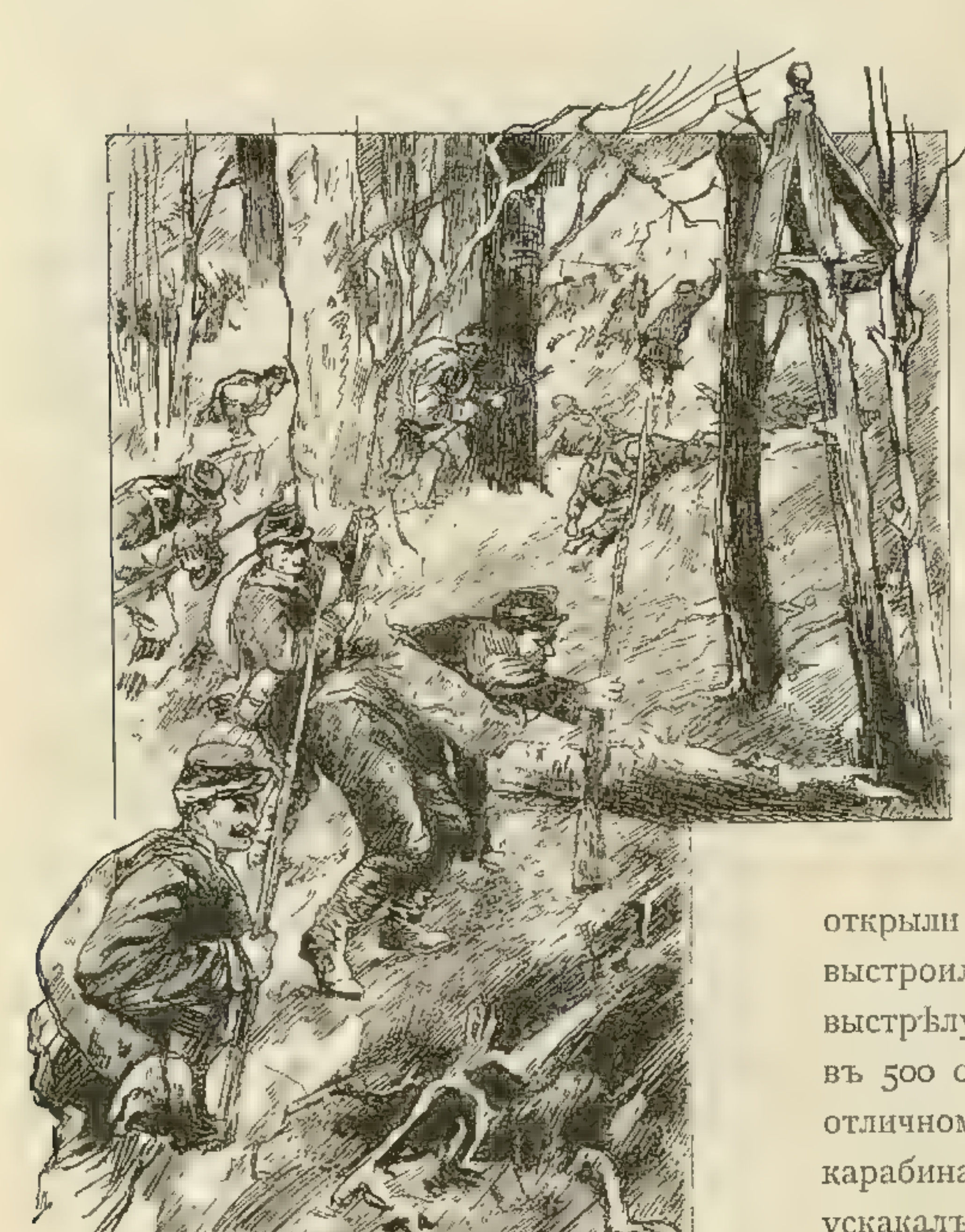
„Въ одну изъ этихъ экскурсій, — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Поручикъ Г. Прокопе,—кажется 7-го іюня, мы выступили рано утромъ. Въ авангардѣ шелъ я со взводомъ; пошли въ самую гущу лѣса въ сторону Ольченикъ по узкой тропинкѣ и по болотамъ, черезъ которыя пришлось пробираться гуськомъ, по положеннымъ бревнамъ. Отойдя верстъ 7 отъ Рудниковъ, мы вышли на полянку, гдѣ стояла изба, заселенная лѣснымъ сторожемъ и свинопасомъ. Отъ лѣсника ничего не узнали, но свинопасъ говорилъ, что тутъ есть повстанцы, но когда начали его распрашивать гдѣ, то онъ прикинулся идіотомъ и показывалъ на всѣ стороны. Переговоры съ нимъ велись у перекрестка и когда возились съ нимъ, изъ чащи лѣса выскочилъ повстанецъ, но увидѣвъ солдатъ, онъ тотчасъ скрылся и хотя бросились въ поимки, но слѣдъ его простылъ, а за то напали на вѣрный слѣдъ—разсыпанный горохъ, который тянулся по лѣсной тропинкѣ; видно везли горохъ въ разорванномъ мѣшкѣ.

„Я сейчасъ разсыпалъ людей на шагъ другъ отъ друга и, руководимый горохомъ, двинулся впередъ. Черезъ четверть часа ходу, изъ самой гущи лѣса, видны были поднимавшіеся столбы дыма; чувствовалось, что тутъ у нихъ лагерь и вотъ-вотъ угостятъ залпомъ, а нужно было пробраться впередъ хотя въ упоръ на пули; минуты эти нелегко забудутся, но представьте себѣ наше удивленіе, уже огни ихъ костровъ видать сквозь гущу, а залпа нѣтъ; еще нѣсколько минутъ и мы въ пустомъ только что оставленномъ лагерѣ.

„Лагерь тыломъ стоялъ къ лужку шаговъ въ 80 шириною, а за лугомъ въ лѣсу курганъ

* Списокъ означенныхъ георгіевскихъ кавалеровъ въ документахъ не сохранился.

съ огнями; нечего было раздумывать: „бѣгомъ, братцы, за мною", — и на курганѣ, но оказалось, что по срединѣ луга протекала рѣченка шаговъ шесть ширины, ее мы до тѣхъ поръ не замѣчали; но право не опомнились раньше, какъ были на курганѣ, хотя вода въ рѣкѣ была по груди; вѣроятно ожиданіе этихъ злополучныхъ залповъ придало намъ крылья.

Дѣло у Гружи 23 мая.

„На курганѣ оказался другой лагерь, также только что оставленный, а у рѣчки были слѣды коновязей, лошадей на 50. Пока обсудили въ какую сторону они могли скрыться, какой то солдатъ проходя между деревьями задѣлъ куркомъ за сучекъ и сдѣлалъ неожиданный выстрѣлъ; черезъ нѣсколько минутъ слышенъ былъ другой выстрѣлъ только въ той сторонѣ, откуда мы пришли; понятно было, что мятежники приняли нашъ выстрѣлъ за какой то ихъ сигнальный и отвѣтили, черезъ что открыли намъ свое движеніе. Только что выстроились чтобы двигаться назадъ по выстрѣлу, какъ изъ опушки лѣса, шагахъ въ 500 отъ насъ, выскочилъ всадникъ на отличномъ конѣ и, пустивъ изъ своего карабина одинъ выстрѣлъ на воздухъ, ускакалъ.

„На обратномъ пути, слѣдуя опять въ авангардѣ, при входѣ на поляну у лѣсного домика, я замѣтилъ, что по лѣвой опушкѣ тянется какая то сѣрая масса. Разсыпавъ взводъ на лѣво бросились на опушку, но на насъ пустили только два—три выстрѣла и бросились въ гущу лѣса; преслѣдовали ихъ до непроходимыхъ мѣстъ, гдѣ они уже пропали, зная всѣ тропинки.

„Взяли въ плѣнъ одного шляхтича, завязшаго въ болотѣ. Онъ сказалъ, что онъ былъ унтеръ-офицеромъ въ бандѣ, но вѣрнѣе, что онъ былъ офицеромъ, такъ какъ онъ былъ вооруженъ огромнымъ револьверомъ. Онъ разсказалъ, что часа два тому назадъ изъ Рудниковъ пришелъ къ нимъ мужикъ и сказалъ, что москаль идетъ. Какъ только

начальникъ узналъ объ этомъ, то приказалъ изготовиться къ выступленію. Когда мы были у дома лѣсничаго, они поднялись и шли, оба лагеря отдѣльно, но на встрѣчу къ намъ, только сбоку, съ тѣмъ, чтобы незамѣченными пройти до болотъ, черезъ которыя намъ необходимо было возвращаться и тамъ устроить намъ засаду. Случайный нашъ выстрѣлъ выдалъ ихъ и послѣ него у нихъ была какая то большая остановка, они опоздали и неожиданно для нихъ были застигнуты нами.

„Не могу при этомъ не упомянуть объ одномъ случаѣ, повліявшемъ на то, чтобы не особенно ихъ преслѣдовали. Мой авангардный взводъ успѣлъ броситься въ лѣсъ раньше чѣмъ Павловская рота вышла на поляну; можетъ быть они не знали, что мы впереди въ лѣсу, но вѣрнѣе всего, отъ нераспорядительности офицеровъ, рота, стоя въ сомкнутомъ строѣ, безъ команды начала стрѣльбу въ лѣсъ. Стоя въ цѣпи слышу, что пули сзади свищутъ и ударяютъ въ деревья. Я выбѣгаю на поляну и вижу эту безобразную картину; забывая дисциплину и чинопочитаніе, я подбѣжалъ къ Павловской ротѣ и заставилъ ее взять ружья къ ногѣ и, обратившись къ Капитану Владимірову сказалъ, что при подобномъ безобразіи я своихъ людей въ цѣпи не оставлю, а уберу ихъ, а пусть они пойдутъ въ цѣпь попробовать нашихъ пуль. Такъ и убралъ цѣпь и мы пошли назадъ въ Рудники“...

Черезъ нѣсколько дней рота Л.-Гв. Павловскаго полка, была замѣнена 6-ю ротою Л.-Гв. Финляндскаго полка, присланною изъ Вильны.

Такимъ образомъ, образовался отрядъ Штабсъ-Капитана Тваровскаго, состоявшій изъ 2-й и 6-й линейныхъ ротъ съ присоединенными къ нимъ 15-ю казаками, встрѣченными въ Рудниковскомъ лѣсу.

Отрядъ Штабсъ-Капитана Тваровскаго, осмотрѣвъ Рудниковскій лѣсъ, получилъ приказаніе произвести поискъ къ югу отъ этого лѣса; исполняя этотъ поискъ отрядъ совершилъ значительной кругъ, почти до города Лиды. Отрядъ прошелъ по Лидской дорогѣ до Воронова, откуда свернулъ на Городно, Радунь и Новомянцы. Въ этомъ послѣднемъ селеніи Финляндскія роты встрѣтили 2-й эскадронъ Л.-Гв. Казачьяго полка подъ командой Полковника Рубашкина, къ которому отрядъ Штабсъ-Капитана Тваровскаго, по приказанію военнаго начальника Лидскаго уѣзда, и поступилъ въ распоряженіе.

До первыхъ чиселъ іюля мѣсяца отрядъ Полковника Рубашкина дѣлалъ обходы деревень къ западу отъ Лиды, послѣ чего отправился отъ станціи Порѣчье, по желѣзной, дорогѣ въ Вильну.

Движенія этого отряда происходили при совершенно мирной обстановкѣ, т. к. повстанцы въ той мѣстности совсѣмъ присмирѣли и разбѣжались по селеніямъ, обратившись въ мирныхъ жителей; кое-гдѣ впрочемъ случалось нападать на слѣды незначительныхъ шаекъ, но повстанцы старались по возможности скрыться какъ можно скорѣе и тщательнѣе.

Во время этого похода произошелъ довольно характерный инцидентъ во 2-й линейной ротѣ, легко объяснимый тѣми условіями, въ которыхъ находился тогда русскій солдатъ, въ періодъ измѣненій въ военно-судебныхъ положеніяхъ и перехода къ болѣе мяг-

кимъ наказаніямъ. Трудность надзора за нижними чинами при постоянныхъ походныхъ движеніяхъ и главнымъ образомъ отсутствіе ротнаго Командира Капитана Борейши, назначеннаго Вилейскимъ военно-уѣзднымъ начальникомъ, создали въ то время реформъ, весьма благопріятную почву для развитія очень нежелательнаго настроенія среди нижнихъ чиновъ. Результатомъ этого настроенія явилось происшествіе описанное очевидцемъ его Поручикомъ Г. Прокопе слѣдующимъ образомъ.

„При прохожденіи черезъ с. Ельню тамъ сдѣланъ былъ привалъ, такъ какъ день былъ жаркій и ходили съ утра. У помѣщичьяго дома роты на дворѣ составили ружья и поставивъ часовыхъ къ амбарамъ, мы взошли въ домъ для укрытія отъ солнца. Черезъ минутъ десять Тваровскій и я вышли на крыльцо; вдругъ, изъ слуховаго окна сосѣдняго амбара, выскочилъ солдатъ съ огромнымъ окорокомъ и не смотря на крикъ Тваровскаго, чтобы онъ остановился, онъ подбѣжалъ къ ротамъ и скрылся въ кучкѣ солдатъ. Подойдя къ ротамъ и вызвавъ фельдфебеля, Тваровскій приказалъ немедленно сдѣлать обыскъ, чтобы солдатъ этотъ былъ найденъ. Фельдфебель 2-й роты отдалъ для этого какое то приказаніе взводному унтеръ-офицеру, который дерзко отвѣтилъ ему, что это не его дѣло и не у него во взводѣ и пусть самъ ищетъ. Тваровскій, услыша эти слова, сказалъ унтеръ-офицеру, что если онъ не знаетъ какъ отвѣчать фельдфебелю, то онъ его розгами выучитъ; на это изъ 2-й роты были голоса „не дадимъ“. Тваровскій, сохраняя свое обычное спокойствіе, приказалъ второй ротѣ выстроиться, вызвалъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ, выбралъ изъ нихъ сперва дерзкаго Лукина и остальныхъ черезъ одного, затѣмъ пошелъ по фронту и вызвалъ каждаго 10-го рядового изъ обѣихъ шеренгъ; приказалъ ефрейторамъ 6-й роты взять у казаковъ нагайки и объявилъ 2-й ротѣ, что за подобное неповиновеніе роты, онъ всѣхъ вызванныхъ накажетъ нагайками. Первому приказано было ложиться Лукину, но онъ противился и тогда лѣвый флангъ роты бросился немного впередъ и слышно было опять „не дадимъ“. Я все время былъ около Тваровскаго и восхищался его спокойствіемъ; бывшіе въ домѣ офицеры не знали о происходившемъ на дворѣ. Онъ скомандовалъ 6-й ротѣ въ ружье, рота вмигъ выстроилась, онъ ее поставилъ въ 25-ти шагахъ отъ 2-й роты, лицомъ къ ней, скомандовалъ „заряжай ружья съ патронами,—пальба ротою, рота товсь“, обратился ко 2-й ротѣ и сказалъ, что всѣхъ вызванныхъ имъ онъ высѣчетъ, но если за это время кто нибудь пикнетъ, то онъ всю роту разстрѣляетъ. Ни одинъ не пикнулъ и экзекуція кончилась благополучно.

„Это были послѣдствія отмѣны тѣлеснаго наказанія именно въ то время, когда мы находились въ мятежномъ краѣ, гдѣ каждый солдатъ вообразилъ, что онъ можетъ дѣлать все что угодно.

„Послѣ этого двинулись дальше через границу Гродненской губерніи, но къ вечеру слѣдъ шайки простылъ,—разошлись по одиночкѣ въ разные стороны. Вечеромъ 2-я рота просила прощеніе, сознавая свою вину; оказалось, что между высѣченными былъ одинъ георгіевскій кавалеръ, но такъ какъ были въ шинеляхъ и креста у него не было, то Тваровскій этого не могъ знать, но за то онъ передъ нимъ извинился. О случившемся Тваровскій донесъ для зависящаго распоряженія. Дѣло осталось безъ послѣдствій“...

Приведенный случай показываетъ, что въ переходное время измѣненій дисциплинарныхъ отношеній, заблужденія возможны и среди солдатъ наилучшихъ частей, свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о примѣрной твердости, нравственномъ самообладаніи и умѣломъ обращеніи офицера—Финляндца со своимъ солдатомъ, чѣмъ и ставитъ его замѣчательно высоко какъ начальника.

Пока отряды Штабсъ-Капитана Тваровскаго и Полковника Краммера производили поиски къ югу и юго-западу отъ Вильны, 8-я, 7-я и Его Высочества роты Л.-Гв. Финляндскаго полка преслѣдовали повстанцевъ въ уѣздахъ къ сѣверу отъ Вильны въ обширныхъ и тоже глухихъ Ланскомъ, Роговскомъ и Понѣвежскомъ лѣсахъ.

20-го мая вечеромъ, на другой день послѣ возвращенія 8-й роты изъ ближайшаго трехъ дневнаго поиска на Быстрицу, офицеры этой роты были оповѣщены камандиромъ полка, что ихъ рота совмѣстно съ ротой Его Высочества назначена въ экспедицію. Къ названнымъ ротамъ были приданы полуэскадроны Лейбъ-Казаковъ и Лейбъ-Драгунъ. Составленный такимъ образомъ отрядъ былъ ввѣренъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковнику Михайловскому, получившему приказаніе идти въ Ширванты, съ тѣмъ что бы развѣдать о шайкахъ повстанцевъ, появившихся, по свѣдѣніямъ Виленскаго штаба, въ этомъ мѣстечкѣ.

21 мая въ 9 часовъ утра отрядъ Полковника Михайловскаго выступилъ изъ Вильны и быстро направился на сѣверъ по Вилькомирскому шоссе. Дойдя до первой почтовой станціи Керзаны, Полковникъ Михайловскій получилъ свѣдѣнія, что мятежники, бывшіе въ Ширвантахъ въ числѣ 300 человѣкъ пѣшихъ и 25 конныхъ еще наканунѣ, т. е. 20-го мая перешли къ западу отъ Ширвантъ въ мѣстечко Гелваны, уничтожая бумаги сельскихъ правленій и, арестовывая встрѣчающихся имъ по дорогѣ лицъ мѣстной администраціи. Для выигрыша времени Полковникъ Михайловскій посадилъ свой отрядъ на подводы и направился на Гелваны кратчайшимъ путемъ—проселкомъ на Мусники, куда и прибылъ около 9 часовъ вечера; послѣ 5-ти часоваго отдыха, отрядъ въ 2 часа ночи съ 21-го на 22-ое мая, продолжалъ свое движеніе и къ 6-ти часамъ утра былъ въ Гелванахъ. Изъ разспросовъ жителей этого селенія выяснилось, что шайка дѣйствительно была тамъ и направилась на мѣстечко Вепры, куда отрядъ Полковника Михайловскаго немедленно и двинулся. На пути пришлось пересѣчь рѣку Святую, переправа черезъ которую была совершена Финляндцами на паромахъ; кавалеристы же переправились вплавь нѣсколько ниже.

Въ мѣстечкѣ Вепры, пока отрядъ „имѣлъ необходимый отдыхъ" производились розыски по слѣдамъ отступавшей шайки; выяснилось что инсургенты направились на м. Сесики, слѣдуя лѣсами и раздробясь на малыя партіи. Отрядъ продолжалъ движеніе къ названному мѣстечку и по мѣрѣ приближенія къ нему присутствіе тамъ инсургентовъ становилось все яснѣе, жители были перепуганы и многіе скрывались въ лѣсахъ.

Въ 9 часовъ вечера того же дня, отрядъ былъ въ Сесикахъ. Здѣсь Полковникъ Михайловскій получилъ точныя свѣдѣнія, что мятежники находятся въ 6-ти верстахъ за мѣстечкомъ въ болотистомъ, не имѣющемъ дорогъ, обширномъ Ланскомъ лѣсу, который тянулся къ сѣверо-западу верстъ на 80-ть и соединялся далѣе съ Роговскимъ и Поневѣжскимъ лѣсами.

Жители м. Сесики говорили, что мятежники ждутъ отрядъ и что въ лѣсу все приготовлено для встрѣчи войскъ.

Наступившая темнота не дозволила тотчасъ же предпринимать наступленіе, а потому дальнѣйшее движеніе началось съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, т. е. 23-го мая.

Въ верстѣ за мѣст. Сесики встрѣтилась мыза Лукина, принадлежавшая помѣщику Конча, предводителю дворянства Вилькомирскаго уѣзда. Въ этой мызѣ, по слухамъ, мятежники ужинали наканунѣ; поэтому мыза была осмотрѣна особенно тщательно, но осмотръ не далъ никакихъ результатовъ; допрошенный же лично Полковникомъ Михайловскимъ владѣлецъ мызы, на вопросъ нѣтъ ли мятежниковъ въ лѣсу, находящемся за его же фольваркомъ Гружи, отвѣчалъ, что каждый ребенокъ можетъ пройти тамъ совершенно безопасно.

Пока производились разспросы на мызѣ, казаки и драгуны дѣлали розыскъ по направленію къ фольварку Гружи; за ними двинулся и весь отрядъ, имѣя при себѣ двухъ проводниковъ [19].

Саженяхъ въ 50 за фольваркомъ, отрядъ вступилъ въ лѣсъ, который окрестными жителями считался непроходимымъ. Кромѣ чрезвычайной густоты, болотистаго грунта, гдѣ люди вязли чуть ли не по поясъ, движеніе по немъ затруднялось огромнымъ количествомъ валежника и поваленныхъ бурями деревьевъ; здѣсь начиналась самая глушь Ланскаго лѣса.

Пройдя версты три болотистой тропинкой, передовая цѣпь была встрѣчена выстрѣлами непріятельскаго пикета. По первому же выстрѣлу начальникъ отряда усилилъ цѣпь которая, поддерживаемая резервомъ, бросилась впередъ.

Тѣсня непріятеля, Финляндцы на его плечахъ ворвались на поляну, гдѣ были устроены бараки. Занявъ здѣсь завалы, мятежники пытались было остановить наступающихъ, но сильный огонь нашей цѣпи и быстрая атака резервовъ, принудили повстанцевъ броситься въ лѣсъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ весь лагерь.

„Инсургенты были мгновенно выбиты изъ заваловъ... дѣло рѣшено въ 15 минутъ,“— рапортовалъ начальникъ отряда, Полковникъ Михайловскій [20].

Отбитый у мятежниковъ лагерь заключалъ въ себѣ богатые продовольственные и военные запасы; онъ состоялъ изъ ряда прочно выстроенныхъ бараковъ. Все это было тотчасъ же предано огню въ то время, какъ передовыя части преслѣдовали бѣгущаго противника.

„Безотлагательное преслѣдованіе, начавшееся въ половинѣ пятаго (утра), прекратилось не раньше 2-хъ часовъ по полудни“ [21].

Имѣя въ виду, что по мѣрѣ преслѣдованія роты удалялись все болѣе отъ перевязочнаго пункта, Полковникъ Михайловскій приказалъ Подпоручику фонъ-деръ-Вейде съ 20-ю человѣками стрѣлковъ перенести раненыхъ, и избрать другой перевязочный пунктъ, ближе къ мѣсту боя. Пока это приказаніе приводилось въ исполненіе, на перевязочный пунктъ напали повстанцы; встрѣченные сильнымъ огнемъ прикрытія, составленнаго изъ

Финляндцевъ и спѣшенныхъ драгунъ, инсургенты принуждены были удалиться; отбитая атака, не принесшая намъ никакого вреда, стоила повстанцамъ нѣсколькихъ человѣкъ убитыми.

„Во время преслѣдованія, — рапортовалъ Полковникъ Михайловскій [22],—непріятель старался удерживать наступленіе на каждомъ шагу, занимая позиціи заранѣе устроенными завалами изъ срубленныхъ деревьевъ, но былъ послѣдовательно, большею частью огнемъ, вынуждаемъ оставлять свои позиціи.—Поляны, которыхъ встрѣтилось двѣ и гдѣ мятежники пробовали также удержать насъ, были каждый разъ такъ сильно обстрѣливаемы нашею цѣпью, что непріятель тотчасъ же отказывался отъ своего намѣренія и войска съ крикомъ „ура", пробѣгали поляны безъ потерь. Этому обстоятельству я приписываю вообще незначительную убыль въ людяхъ, несмотря на продолжительность боя.— Спѣшенные драгуны и казаки въ продолженіи всего боя безотлучно находились въ цѣпи, дѣйствуя наряду съ пѣхотою".

Заваловъ пройдено было много. Сопротивленіе дѣлалось слабѣе, выстрѣлы стали рѣдѣть, наконецъ перестрѣлка прекратилась и войска пройдя еще версты $1^1/_2$ не встрѣчали уже болѣе никого изъ совершенно разсѣявшагося остатка шайки.

Потери мятежниковъ были довольно значительны; убитыхъ среди нихъ насчитано 90 человѣкъ, число же раненыхъ выяснить не удалось, т. к. мятежники уносили ихъ съ собой; во всякомъ случаѣ число ихъ было не малое.

Какъ удалосъ достовѣрно выяснить, шайка, разбитая у фольварка Гружи насчитывала въ своихъ рядахъ болѣе 900 человѣкъ; участникъ этого дѣла, Л.-Гв. Финляндскаго полка Поручикъ Сахновскій по этому поводу говоритъ [23], что въ шайкѣ было 1000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилось 40 всадниковъ, 800 стрѣлковъ вооруженныхъ двустволками и одностволками и около 200 человѣкъ косиньеровъ; но послѣднихъ никто изъ людей отряда Полковника Михайловскаго не видалъ. Такой численности шайка достигла при подходѣ къ Сеснкамъ; выступивъ изъ Ширвантъ въ составѣ всего лишь 300 человѣкъ, она присоединяла къ себѣ значительное число, встрѣчавшихся по дорогѣ повстанцевъ.

Точнѣе говоря, шаекъ было двѣ, т. к. было два предводителя: Альбертусъ и дезертиръ Капитанъ Малецкій. Впрочемъ, имѣются указанія, что у мятежниковъ былъ и третій предводитель—Конча, сынъ владѣльца имѣнія Лукина.

Наши потери въ этомъ дѣлѣ состояли изъ 2 убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ: 2-хъ офицеровъ и 13-ти нижнихъ чиновъ.

Въ процентномъ отношеніи потери нижнихъ чиновъ были: убитыми—0,5%; ранеными—3,9%; офицерами: ранеными 25%.

Изъ офицеровъ ранены были: начальникъ отряда Полковникъ Михайловскій и командиръ 8-й роты Л.-Гв. Финляндскаго полка Капитанъ Васильевъ. Полковникъ Михайловскій былъ раненъ револьверною пулей въ руку, а Капитанъ Васильевъ ружейной пулей въ плечо.

Офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка въ дѣлѣ 23-го мая показали себя какъ и всегда съ отличной стороны. Имѣя во главѣ начальника отряда Полковника Михайловскаго, они

храбро вели своихъ людей въ бой съ болѣе многочисленнымъ противникомъ. Насколько близко сходились они съ врагомъ показываетъ раненіе Полковника Михайловскаго револьверной пулей.

Самъ же Полковникъ Михайловскій въ рапортѣ о дѣлѣ при фольваркѣ Гружи далъ слѣдующій прекрасный отзывъ объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ ввѣреннаго ему отряда. [24]

„Капитанъ Васильевъ и многіе раненые до конца боя не оставляли своихъ мѣстъ и вообще всѣ войска ввѣреннаго мнѣ отряда какъ пѣхота, такъ драгуны и казаки во время всего боя, продолжавшагося безпрерывно въ теченіи 10 часовъ, не смотря на форсированные переходы, сдѣланные въ два предшествующіе дня (болѣе 100 верстъ), въ теченіи которыхъ притомъ они имѣли не болѣе 8 часовъ отдыха, сражались съ примѣрнымъ мужествомъ, хладнокровіемъ и неустрашимостью, преодолѣвая на каждомъ шагу препятствія, противупоставленныя имъ непріятелемъ и мѣстностью. Офицеры служили прекраснымъ примѣромъ нижнимъ чинамъ: исправлявшій должность начальника штаба отряда генеральнаго штаба Шт.-Кап. баронъ Врангель, ротные командиры Л.-Гв. Финляндскаго полка 8-й роты Капитанъ Васильевъ, и 1-й роты Шт.-Кап. фонъ Голли, находясь во все время 10 часового боя въ цѣпи подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля, своей неустрашимостью обратили на себя вниманіе всего отряда, а своимъ хладнокровіемъ и распорядительностію рѣшили исходъ дѣла. Всѣ остальные офицеры отряда, а именно: Л.-Гв. Финляндскаго полка, Поручики: Водаръ, Бартеневъ, и Сахновскій и прикомандированный къ полку Прокопе 3-й и Подпоручикъ фонъ деръ Вейде, Л.-Гв. Драгунскаго полка, Шт.-Кап. баронъ фонъ Врангель и Корнетъ Ахвердовъ и Л.-Гв. Казачьяго полка, Шт.-Ротмистръ Шамшевъ, Поручикъ Яновъ и Корнетъ Орловъ, находясь безотлучно въ цѣпи, своимъ примѣрнымъ мужествомъ и отличной распорядительностью также не мало способствовали успѣху дѣла.

„Проше пановъ съ лясу“.
Съ народн. карт. 1863 г.

Изъ младшихъ офицеровъ особенно отличился Подпоручикъ Прокопе 3-й, выказавшій „замѣчательное хладнокровіе и мужество“ “.

Бывшій при отрядѣ батальонный лекарь Л.-Гв. Финляндскаго полка, коллежскій асессоръ Романовъ выказалъ тоже примѣрное мужество, производя перевязки подъ огнемъ противника и не прекращая ихъ даже и во время нападенія инсургентовъ на перевязочный пунктъ.

За свои доблестныя дѣйствія въ дѣлѣ 23-го мая, при фольваркѣ Гружи, офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка получили слѣдующія награды [25]:

Полковникъ Михайловскій, Капитанъ Васильевъ, Штабсъ-Капитанъ фонъ-Голли — орд. Св. Владиміра 4 степ. съ мечами и бантомъ; Поручики Водаръ, Сахновскій, Барте-

невъ, Подпоручикъ Прокопе 3-й — орд. Св. Станислава 3 степ. съ мечами и бантомъ; Подпоручикъ фонъ-деръ-Вейде—орд. Св. Анны 4-й степ. съ надп. „за храбрость"; лекарь Романовъ—орд. Св. Анны 3 степ. съ мечами [26].

Нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка въ дѣлѣ у фольварка Гружи показали себя вполнѣ молодцами, достойными своихъ славныхъ офицеровъ.

Изъ многочисленныхъ подвиговъ ихъ документы сохранили подвигъ унтеръ-офицера Ивана Федорова. Въ представленіи его къ георгіевскому кресту про него говорится слѣдующее: „при нападеніи мятежниковъ на перевязочный пунктъ, высланъ былъ въ цѣпь и воодушевилъ людей словами: „умремъ, а не сдадимъ раненыхъ товарищей"! Бросился съ цѣпью впередъ и двумя мѣткими послѣдними *) выстрѣлами положилъ на мѣстѣ двухъ наиболѣе выдавшихся инсургентовъ, чѣмъ остановилъ остальныхъ мятежниковъ" [27].

Наградой храбрости нижнихъ чиновъ роты Его Высочества и 8-й роты за дѣло 23-го мая, было пожалованіе 12 знаковъ [28] отличія военнаго ордена, по 6 на каждую роту **.

Въ 3 часа дня непріятель былъ окончательно разсѣянъ и отдѣльные повстанцы разбѣжались по лѣсу въ разныя стороны. „Люди измучились страшно, — пишетъ участникъ дѣла, — отрядъ былъ остановленъ на одной изъ полянъ для отдыха, принявъ военныя предосторожности". Только здѣсь раненымъ офицерамъ была произведена перевязка своими товарищами Поручикомъ Сахновскимъ и Подпоручикомъ Бартеневымъ. Послѣ непродолжительнаго отдыха, отряду было приказано вернуться *** обратно къ мызѣ Лукина, откуда, согласно полученнаго приказанія, отрядъ перешелъ въ Вилькомиръ и 24-го мая остановился въ этомъ городѣ на дневку.

Добычей послѣ дѣла у Гружи, помимо сожженнаго лагеря, оказалось около десятка верховыхъ лошадей, нѣсколько фурманокъ съ провизіей и много ружей; впрочемъ ружья солдаты не имѣли возможности брать съ собой, а потому ломали ихъ и оставляли на мѣстѣ.

Результатомъ дѣла 23-го мая явилось уничтоженіе и разсѣяніе значительнаго скопища мятежниковъ, сосредоточившихся въ обширномъ Ланскомъ лѣсу, преимущественно въ южной его части [29]. Оставалось очистить еще этотъ лѣсъ на остальномъ его пространствѣ, а также и смежные съ нимъ Роговской и Поневѣжскій лѣса, куда и направился отрядъ Полковника Михайловскаго.

Изъ Вилькомира раненые офицеры и нижніе чины были отправлены въ Вильну. Начальникомъ отряда вмѣсто выбывшаго Полковника Михайловскаго былъ назначенъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковникъ Теннеръ ****. Вмѣсто раненаго Капитана Васильева командиромъ 8-й роты былъ назначенъ Поручикъ В. Прокопе. Въ виду того, что для успѣшнаго исполненія порученія, даннаго полковнику Теннеру требовались болѣе значи-

---

*) Болѣе патроновъ не имѣлось и достать было негдѣ.

** Въ числѣ получившихъ знакъ отличія военнаго ордена былъ фельдфебель Никаноръ Андреевъ, нынѣ Подполковникъ по армейской пѣхотѣ, командиръ нестроевой роты Л.-Гв. Финляндскаго полка.

*** Такъ какъ возлѣ мѣста боя не было санитарнаго обоза, то для переноски раненыхъ нижнихъ чиновъ, пришлось устроить носилки изъ жердей.

**** Полковникъ Николай Карловичъ Теннеръ.

тельныя силы, отрядъ его былъ усиленъ еще одною — 7-ю ротою Л.-Гв. Финляндскаго полка, спѣшно высланной изъ Вильно, подъ командой Штабсъ-Капитана Кушакевича.

25-го мая эта рота прибыла въ Вилькомiръ, послѣ чего отрядъ Полковника Теннера двинулся на сѣверъ отъ этого города, въ самую глубь Ланскаго лѣса, по направленiю къ озеру Ланы. Имѣя разрѣшенiе во время поиска въ Вилькомирскомъ и Поневѣжскомъ уѣздахъ присоединять къ себѣ, если нужно, всѣ встрѣчающiяся по пути воинскiя части, Полковникъ Теннеръ воспользовался этимъ и присоединилъ къ своему отряду: двѣ роты Капорскаго пѣхотнаго полка и 1/4 сотни казаковъ, бывшихъ подъ командой Маiора Мерлина въ Оникштахъ,—отрядъ Маiора Афанасьева, находившiйся тамъ-же по близости и еще роту Невскаго пѣхотнаго полка, взятую изъ гарнизона гор. Вилькомiра.

Имѣя столь сильный отрядъ, Полковникъ Теннеръ получилъ возможность производить поиски нѣсколькими колоннами одновременно въ разныхъ направленiяхъ; этотъ способъ дѣйствiй являлся однимъ изъ надежнѣйшихъ для успѣшнаго очищенiя тѣхъ обширныхъ лѣсныхъ пространствъ отъ повстанческихъ шаекъ.

Около 2-хъ недѣль продолжалъ свои поиски отрядъ Полковника Теннера, все время гоняясь самымъ энергичнымъ образомъ за убѣгавшими шайками мятежниковъ. Частью на фурманкахъ, частью же и пѣшкомъ отрядъ Полковника Теннера проходилъ въ сутки не менѣе 50 верстъ, посылая разъѣзды для добытiя языка и днемъ и ночью во всѣ стороны; движенiе совершалось большею частью по лѣснымъ глухимъ тропамъ, иногда сильно болотистымъ; переходы были почти всегда форсированными, такъ какъ настигая противника, или слѣдуя за нимъ по пятамъ, нѣкогда было думать ни объ отдыхѣ, ни о привалахъ. Часто движенiя захватывали и ночные часы, такъ что утомленiе людей было страшное. Дневокъ не полагалось, такъ какъ успѣха можно было достигнуть только при постоянномъ и непрерывномъ движенiи. За все время 2-хъ недѣльныхъ маршей, отрядъ многократно осмотрѣлъ Ланской, Роговской и Поневѣжскiй лѣса, раскинувшiеся на обширномъ пространствѣ между Вилькомiромъ и Поневѣжемъ. Вся эта обширная площадь была исхожена вдоль и поперекъ. Много разъ передовыя части отряда казалось уже настигали противника и уже готовы были броситься на него, но шайки повстанцевъ, обыкновенно избѣгая столь нежелательныхъ для нихъ встрѣчъ съ войсками, поспѣшно разсыпались въ густыхъ лѣсахъ.

Одна такая погоня, происходившая 31-го мая у села Гуделе, описана участникомъ похода слѣдующимъ образомъ:

„Уже вечерѣло, когда мы подходили къ одной господской усадьбѣ; шедшiе въ авангардѣ нашемъ драгуны замѣтили нѣсколько десятковъ всадниковъ, выскочившихъ изъ усадьбы и быстро направлявшихся къ близь находившемуся большому лѣсу. Драгуны въ моментъ понеслись за ними, а роты наши, не смотря на усталость, бѣгомъ прошли усадьбу и также направились къ лѣсу; но дальнѣйшее наступленiе наше было остановлено, такъ какъ въ лѣсу совершенно стемнѣло и мы возвратились въ усадьбу, принеся съ собою одного раненаго кавалериста-инсургента, поляка родомъ, но окончившаго курсъ въ Московскомъ университетѣ, фамилiю котораго не припомню. Докторъ нашъ сдѣлалъ ему перевязку и мы отдали его на попеченiе двумъ полякамъ, которые были нами въ

тотъ день арестованы съ записками, адресованными въ эту шайку. Изъ разспросовъ мы узнали, что въ этой шайкѣ было около двухъ сотъ человѣкъ, и какъ не энергично было наше преслѣдованіе, начавшееся чуть съ разсвѣтомъ, но мы не могли ничего сдѣлать, такъ какъ изъ добытыхъ нами свѣдѣній оказалось, что въ ночь шайка разбѣжалась вся по одиночкѣ и мы успѣли схватить только двухъ инсургентовъ".

Шайки, за которыми гонялся отрядъ Полковника Теннера состояли подъ предводительствомъ ксендза Мацкевича, Малецкаго, Гасперовича и Коншты. Шайки эти въ общемъ по численности не были велики и дѣйствовали въ высшей степени осторожно, разсыпаясь при первомъ приближеніи къ нимъ войскъ.

Въ поискахъ за повстанцами отрядъ Полковника Теннера дошелъ до города Поневѣжа, откуда, по приказанію Генерала Муравьева, возвратился къ 8 іюня обратно въ Вилькоміръ. 9-го іюня Полковникъ Теннеръ получилъ предписаніе Генералъ-Губернатора отправить бывшія при немъ роты Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Вильну; этимъ и кончилось участіе въ поискахъ за повстанцами 1-й, 7-й и 8-й ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Самъ же Полковникъ Теннеръ, согласно того же приказанія, долженъ былъ продолжать съ остальными частями отряда свои поиски до полнаго уничтоженія повстанцевъ между Вилькоміромъ и Поневѣжемъ [30].

Въ высшей степени тяжелая служба, несенная Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, а равно и прочими полками 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, во время почти полугодоваго пребыванія ихъ въ городѣ Вильнѣ, обратила на себя вниманіе Генерала Муравьева. Желая дать находившимся у него въ подчиненіи гвардейскимъ частямъ вполнѣ заслуженный отдыхъ, Генералъ-Губернаторъ вошелъ съ ходатайствомъ на Высочайшее имя о смѣнѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи 1-й дивизіей. 10-го іюня это ходатайство было одобрено Государемъ, при чемъ Высочайше повелѣно было означенную смѣну произвести такимъ образомъ: полки 1-й гвардейской дивизіи отправлять въ Виленскій округъ постепенно, черезъ недѣлю одинъ за другимъ „дабы не вдругъ смѣнить части 2-й гвардейской дивизіи, уже достаточно ознакомленныя съ условіями мѣстной службы"; смѣну слѣдовало начать 15-го іюня и производить ее впродолженіи цѣлаго мѣсяца; Л.-Гв. Финляндскій полкъ долженъ былъ быть смѣненъ Преображенцами [31].

Въ то время какъ однѣ роты Л.-Гв. Финляндскаго полка производили поиски и участвовали въ дѣлахъ съ повстанцами, другія оставались постоянно въ Вильнѣ; эти послѣднія несли городскую службу, заключавшуюся въ охраненіи общественнаго порядка въ чертѣ города и въ пригородахъ. Высылка патрулей и отбытіе карауловъ составляли существенную часть этой службы, которая, особенно въ первое время, была не легка. Таблица караульныхъ нарядовъ показываетъ, что они были многочисленны; такъ, въ февралѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ отбылъ 13 караульныхъ нарядовъ, въ мартѣ—29, въ апрѣлѣ—16, въ маѣ—11, въ іюнѣ—8 [32].

Кромѣ караульныхъ нарядовъ роты назначались для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ надъ политическими преступниками; такъ, 9-го іюня 1-я и 2-я стрѣлковыя роты были наряжены для конвоированія и разстрѣлянія одного изъ важныхъ политическихъ преступниковъ дворянина Лѣсневскаго; „лобное мѣсто" было выдвинуто на

площади Лукишекъ. Въ строю ротъ должны были находиться всѣ офицеры; разстрѣливаніе поручалось людямъ „наиболѣе отличившимся въ экспедиціяхъ мужествомъ и храбростью“ [33].

Затѣмъ, во время пребыванія же въ Вильнѣ, полкъ производилъ, насколько позволяло время, строевыя занятія, стрѣльбу и даже военныя прогулки; послѣднія совершались по самому городу; прогулки эти имѣли не одну только учебную цѣль, такъ какъ составляли прекрасное средство воздѣйствія на поляковъ. Стрѣльбой полкъ занимался насколько было возможно; въ апрѣлѣ и въ маѣ было произведено по 6-ти стрѣльбъ.

Затронувъ вопросъ о стрѣльбѣ необходимо указать, что въ дѣлахъ съ повстанцами нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка хотя и стрѣляли удачно, но отдавали предпочтеніе штыку, лихо атакуя противника за завалами. Такой образъ дѣйствій вошелъ настолько въ привычку, что его придерживались неуклонно. На это даетъ указаніе и количество патроновъ, которыми могли располагать нижніе чины, отправляясь въ экспедиціи; какъ говоритъ одинъ изъ участниковъ похода 1863 года [34] каждый нижній чинъ получалъ при выступленіи по 60 патроновъ и кромѣ этого никакихъ запасовъ при отрядахъ не имѣлось, такъ какъ патронные ящики не возились вовсе. Начиная экспедицію, отрядъ бывалъ въ большинствѣ случаевъ въ полной неизвѣстности относительно ея продолжительности, а также и продолжительности боевъ, которые его ожидали; такимъ образомъ, пополненіе боевыхъ припасовъ было не всегда обезпечено, какъ напримѣръ въ дѣлѣ при Гружи, гдѣ нѣкоторые нижніе чины уже дострѣливали послѣдніе патроны.

Не смотря на отвѣтственную службу, которую несли всѣ чины Л.-Гв. Финляндскаго полка во время нахожденія ихъ въ Виленскомъ военномъ округѣ,—санитарное состояніе полка не оставляло желать ничего лучшаго. За все пребываніе полка въ Вильнѣ больныхъ было весьма мало. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправленъ былъ въ госпиталь только—1 нижній чинъ, въ маѣ-же—12-ть [35]. Больные содержались въ госпиталѣ Святаго Іакова и частью въ Вилькомірской городской больницѣ. Раненыхъ нижнихъ чиновъ полка лечили полковые врачи и при томъ настолько * успѣшно, что изъ числа 63 человѣкъ, поступившихъ на излѣченіе, 42 человѣка уже къ 19-му іюня поступили обратно въ строй.

Такіе прекрасные результаты были достигнуты въ значительной степени благодаря сердечнымъ заботамъ супруги Августѣйшаго корпуснаго командира, Великой Княгини Александры Петровны. Ея Императорское Высочество изволила прислать въ Вильно сестеръ учрежденной Ею Покровской Общины и съ ними запасы самой лучшей корпіи, бинтовъ и компрессовъ.

„Уходъ за ранеными,—говоритъ очевидецъ [36],—отличается самою попечительною, можно сказать, нѣжною внимательностью: они помѣщены необыкновенно просторно: бѣлье, тюфяки, подушки, желѣзныя кровати, какихъ не видалось еще въ военныхъ госпиталяхъ,

* Всего ранено было за 1863 г. въ полку 71 нижній чинъ.

каждый получаетъ утромъ и вечеромъ чай, къ обѣду и ужину хересъ или столовое вино, смотря по предписанію доктора; пища превосходная".

Раненые Л.-Гв. Финляндскаго полка помѣщались въ особомъ для нихъ отведенномъ деревянномъ зданіи, очень хорошей постройки, возведенномъ на Погулянкѣ. Они пользовались прекраснымъ врачебнымъ уходомъ; „исправляющій должность старшаго врача лекарь Вальтеръ отличался примѣрнымъ усердіемъ и необыкновенной попечительностью о раненыхъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе начальства",—рапортовалъ объ этомъ Генералъ Ганецкій [37].

Часовня въ Вильнѣ въ память кампаніи 1863—64 гг.

Вообще, солдаты себя чувствовали въ Вильнѣ такъ, какъ будто это была ихъ постоянная стоянка; они быстро обжились тамъ, познакомились съ населеніемъ, подмѣтивъ его отличительныя свойства; ярые проповѣдники борьбы съ русскими—ксендзы—привлекли къ себѣ особое ихъ вниманіе; среди нижнихъ чиновъ въ свободные часы являлись балагуры, представлявшіе въ лицахъ, какъ ксендзы заманиваютъ пановъ до лѣсу: рѣчи, угрозы и обѣщанія золотыхъ горъ лились изъ устъ какого нибудь Фомки, при чемъ акцентъ иногда выдерживался точно, съ соблюденіями удареній и со вставкой многихъ польскихъ словъ, схватываемыхъ на лету; что тоже особенно изумляло солдатъ, такъ это описанія въ газетахъ дѣлъ съ мятежниками, въ которыхъ они принимали сами участіе; такія описанія, по своей скромности они считали чѣмъ то необычайнымъ иприходили отъ нихъ поистинѣ въ диковину [38].

Если убыль въ полку за кампанію 1863 года ранеными, убитыми и больными и была

незначительна, то убыль людей переведенныхъ въ запасный батальонъ, была весьма ощутительна.

Въ первыхъ числахъ мая Л.-Гв. Финляндскій полкъ, для образованія кадра 3-го баталіона, долженъ былъ назначить съ каждой роты по 3 унтеръ-офицера, по 2 ефрейтора, по 1 горнисту и барабанщику и по 3 мастеровыхъ; отъ стрѣлковыхъ ротъ въ кадръ было назначено съ каждой по 15 чел. рядовыхъ [39]. Ряды 3-го баталіона, получившаго назначеніе запаснаго, пополнялись безсрочно-отпускными и временно-отпускными нижними чинами. Командиромъ формировавшагося батальона былъ назначенъ Полковникъ Григорьевъ; для командованія ротами, получившими нумерацію съ 9-й по 12-ую, были назначены слѣдующіе офицеры: Штабсъ-Капитанъ Максимовъ—девятою, Поручикъ Вернеръ—десятой, Поручикъ Яковлевъ—одиннадцатой, Поручикъ Журавлевъ—двѣнадцатой, Поручикъ Теннеръ—3-ю стрѣлковой; батальоннымъ адъютантомъ былъ назначенъ Поручикъ Рыкачевъ.

9 мая Полковникъ Григорьевъ и всѣ назначенные съ нимъ для формированія батальона чины были уже въ Петербургѣ. „Работа закипѣла,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Полковникъ Григорьевъ;—матеріалъ же для того ждалъ нашего пріѣзда. Многіе изъ безсрочно-отпускныхъ уже явились и находились въ казармахъ полка, такъ что съ первыхъ же дней началась обмундировка и строевыя занятія. Въ числѣ явившихся изъ безсрочнаго отпуска много было солдатъ, перенесшихъ боевую опытность, такъ какъ было не мало переведенныхъ изъ арміи георгіевскихъ кавалеровъ изъ полковъ кавказскихъ и отличавшихся въ Венгерской кампаніи; такъ напримѣръ, въ одной 11-й ротѣ (знаменной) было около 100 человѣкъ георгіевскихъ кавалеровъ. Такой составъ и та охотность, съ какою старые солдаты принялись за возобновленіе своихъ знаній, значительно облегчали наши занятія. Послѣ этого нечего удивляться тому, что когда мы меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ (12-го іюня) представляли батальонъ на Царскомъ смотру, то Его Величество нашелъ батальонъ въ полной готовности къ походу и бою“. [40]

Приказъ по 3-му батальону Л.-Гв. Финляндскаго полка свидѣтельствуетъ, что батальонъ представился Государю Императору отлично; въ приказѣ по этому поводу было отдано: „Ребята! Нашъ первый Высочайшій смотръ былъ молодецкій.—Я увѣренъ, что и на будущихъ смотрахъ вы покажете себя такими же лихими молодцами“. [41]

Такихъ отличныхъ результатовъ чины 3-го батальона достигли благодаря непрестанной и самой горячей работѣ. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ они не только сформировали во всѣхъ отношеніяхъ свой батальонъ *, но значительно содѣйствовали къ формированію 3-го батальона Л.-Гв. Литовскаго полка. Какъ строевая, такъ и хозяйственная части батальона были завалены работой. Въ то время какъ первая сколачивала батальонъ, вторая строила обмундированіе и заготовляла все необходимое; при этомъ особенно поработалъ казначей полка Капитанъ Котовъ [42]. Обмундированіе было построено почти на 3000 рублей [43]. Боевая подготовка батальона заключалась въ производствѣ стрѣльбы въ цѣль, въ подготовкѣ людей къ разсыпному строю и къ глазомѣрному опредѣленію раз-

* При этомъ въ каждомъ взводѣ было болѣе чѣмъ по 20 рядовъ.

стояній; стрѣльбъ было произведено въ маѣ—5, въ іюнѣ—4. Занятія производились преимущественно на Смоленскомъ полѣ [45].

3-й батальонъ сформированный для усиленія полка въ сѣверо-западномъ краѣ, и носившій наименованія сначала „дѣйствующаго", а потомъ резервнаго, на театръ военныхъ дѣйствій не былъ двинутъ, такъ какъ, вслѣдствіе выступленія полковъ 1-ой гвардейской дивизіи и возвращенія своихъ дѣйствующихъ батальоновъ, надобности въ этомъ уже не встрѣчалось.

Возвращеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ Вильны произошло въ серединѣ іюля.

11-го іюля полку былъ произведенъ Виленскимъ Генералъ-Губернаторомъ и командующимъ войсками Генераломъ-отъ-Инфантеріи Муравьевымъ послѣдній смотръ.

Въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ это торжество описано слѣдующимъ образомъ. [45]

„Сегодня въ 12 часовъ утра г. главный начальникъ края прощался съ возвращающимся въ С.-Петербургъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, дѣятельность котораго будетъ надолго памятна въ исторіи умиротворенія настоящаго возстанія. Рѣшительныя и необыкновенно важныя по послѣдствіямъ дѣла Финляндцевъ, 10-го марта, 18-го апрѣля, въ осоненности 26-го и 27-го апрѣля, при разбитіи и совершенномъ уничтоженіи шаекъ Сѣраковскаго и Колышки, сдѣлали имя Финляндцевъ и ихъ лихаго полковаго командира Ивана Степановича Ганецкаго грознымъ для мятежниковъ и истинно дорогимъ для всѣхъ любящихъ отечество и славу родного оружія.

„Въ $11^1/_2$ часовъ утра полкъ, подъ звуки живаго и веселаго марша, бодро выступилъ на Дворцовую площадь и построился вокругъ аналоя, на которомъ, рядомъ съ крестомъ и евангеліемъ, были положены 61 георгіевскихъ крестовъ для отличившихся.

„Въ 12 часовъ Генералъ Муравьевъ обошелъ ряды полка и въ самыхъ задушевныхъ словахъ благодарилъ молодцевъ Финляндцевъ за ихъ честную службу, рѣшительность и неутомимость, положившихъ начало потушенію возстанія. Послѣ молебствія были вызваны къ знаменамъ кавалеры, полкъ отдалъ честь и, при громѣ барабановъ, началась раздача орденовъ. Генералъ Муравьевъ вручилъ крестъ каждому кавалеру и при этомъ каждому говорилъ нѣсколько словъ, поощряя на новые подвиги. Особенное вниманіе обратилъ онъ на стрѣлковаго унтеръ-офицера Хопту, который при Гудишкахъ одинъ уложилъ мѣткими выстрѣлами 20 повстанцевъ и ссадилъ съ сѣдла измѣнника Сѣраковскаго *.

„Послѣ роздачи крестовъ раздалось громкое „ура" кавалерамъ, храброму полку и его командиру И. С. Ганецкому, на что полкъ отвѣтилъ дружнымъ „ура" Генералу Муравьеву.

„Затѣмъ полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ. Бодрая, смѣлая рѣшительная походка молодцевъ-солдатъ напоминала, что это прямые потомки и послѣдователи тѣхъ чудо-богатырей, о которыхъ великій Суворовъ въ Италіи сказалъ:—„Ихъ маршъ—побѣда".

---

* Унтеръ-офицеръ Хопта вышелъ изъ стрѣлковой школы въ первомъ разрядѣ. Подъ Гудишками товарищи заряжали ему ружья и указывали въ кого цѣлить.

Одинъ изъ участниковъ этого смотра, офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка говоритъ, что смотръ прошелъ замѣчательно сердечно. „Генералъ Муравьевъ прощался съ чувствомъ; рѣчь его была ясна, солдатъ ее хорошо понялъ и подтвердилъ такими кликами „ура", какіе рѣдко приходилось слышать. Въ нихъ звучало все чувство солдата. Генералъ прослезился" [46].

Генералъ Муравьевъ, свидѣтельствуя „о примѣрномъ усердіи и неутомимости гвардейскихъ войскъ, съ самоотверженісмъ переносившихъ труды и лишенія и притомъ, отличавшихся строгой дисциплиной и мужествомъ", особенно выдѣлялъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, который онъ называлъ не иначе „какъ молодецкій полкъ", а подвиги полка въ сѣверо-западномъ краѣ считалъ „на всегда понятными для всякаго истинно-русскаго человѣка". [47]

Командиръ Гвардейскаго Корпуса, Великій Князь Николай Николаевичъ, извѣщенный Генераломъ Муравьевымъ о дѣйствіяхъ полковъ 2-ой гвардейскій пѣхотный дивизіи въ борьбѣ съ повстанцами, особенно подчеркнулъ славныя дѣйствія Л.-Гв. Финляндскаго полка, отдавъ слѣдующій приказъ по корпусу: [48]

„Командующій войсками Виленскаго военнаго округа Генералъ-отъ-Инфантеріи Муравьевъ, сообщилъ мнѣ, что войска 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, во все время пребыванія въ Виленскомъ округѣ, служили съ неутомимымъ усердіемъ и храбростью, переносили труды и лишенія съ самоотверженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличались строгою дисциплиною. Участвуя въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ въ Ковенской и Виленской губерніяхъ, войска эти пріобрѣли боевую опытность и доказали на дѣлѣ способность къ быстрымъ и усиленнымъ движеніямъ. Причемъ Генералъ-отъ-Инфантеріи Муравьевъ присовокупляетъ, что онъ съ сожалѣніемъ разстался съ храбрыми и молодецкими войсками 2-й дивизіи.

„Такой лестный отзывъ Генерала-отъ-Инфантеріи Муравьева, съ особымъ удовольствіемъ объявляю по войскамъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ корпуса и независимо отъ выраженныхъ мною лично чувствъ благодарности, поставляю себѣ въ пріятную обязанность еще разъ изъявить искреннюю мою признательность Начальнику 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи Генералъ-Адъютанту Барону Бистрому и душевную благодарность бывшему Командиру Л.-Гв. Финляндскаго полка Генералъ Маіору Ганецкому; полковымъ командирамъ, Генералъ-Маіорамъ: Свиты Его Величества Ведемейеру, Своеву и Свиты Его Величества Вельяминову и начальнику дивизіоннаго штаба Полковнику Винбергу. Отъ души благодарю также батальонныхъ и ротныхъ командировъ и всѣхъ вообще офицеровъ за ихъ трудную, боевую службу, примѣры мужества и храбрости, за ихъ благоразумныя, во всѣхъ отношеніяхъ, распоряженія, заботливость о подчиненныхъ и въ особенности за сохраненіе примѣрной дисциплины во ввѣренныхъ имъ частяхъ при форсированныхъ маршахъ и разнаго рода лишеніяхъ.

„Молодцамъ, солдатамъ, свято и съ самоотверженіемъ исполнявшимъ свою обязанность и долгъ службы, объявляю мое душевное спасибо.

„Хотя всѣ полки 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи имѣли по нѣсколько славныхъ дѣлъ съ польскими мятежниками, но боевые подвиги Финляндскаго полка обратили осо-

бое вниманіе Генерала-отъ-Инфантеріи Муравьева, выраженное имъ при разставаніи съ полкомъ.—Подъ личнымъ начальствомъ храбраго и достойнаго командира Генералъ-Маіора Ганецкаго, Финляндцы разсѣяли и уничтожили послѣ трудныхъ и форсированныхъ маршей главныя скопища польскихъ мятежниковъ и тѣмъ положили основаніе успокоенію Литовскаго края, а потому вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность засвидѣтельствовать объ особенныхъ заслугахъ Л. Гв. Финляндскаго полка и достойнаго его командира Генералъ-Маіора Ганецкаго...

„Приказъ этотъ предписываю прочитать при собраніи всѣхъ воинскихъ чиновъ и объявить имъ, что я горжусь честью командовать такимъ избраннымъ и отличнымъ войскомъ. Послѣднія заслуги гвардейскихъ войскъ меня еще болѣе убѣждаютъ, что гвардія, какъ въ мирное время, такъ и на полѣ брани, всегда будетъ достойною представительницею славнаго Русскаго войска, и примѣрною службою Престолу и Отечеству вполнѣ оправдываетъ милостивое вниманіе къ ней Государя Императора".

13-го іюля былъ назначенъ отъѣздъ Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ Вильны; полкъ отправлялся по желѣзной дорогѣ въ двухъ эшелонахъ.

На вокзалѣ Варшавской желѣзной дороги Финляндцамъ были устроены торжественные проводы:

„Въ буфетѣ виленской станціи желѣзной дороги былъ приготовленъ ужинъ, устроенный по подпискѣ, и впереди всѣхъ была подпись Михаила Николаевича Муравьева. Списокъ подписавшихся былъ врученъ на память Ивану Степановичу Ганецкому. Около 11-ти часовъ Ганецкій, подъ звуки музыки, былъ подведенъ къ столу. За ужиномъ тосты и спичи слѣдовали одинъ за другимъ, при громкихъ кликахъ „ура" всѣхъ пирующихъ и нижнихъ чиновъ отправлявшагося эшелона".

Самые горячіе тосты провозглашались въ честь Генерала Ганецкаго и офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Въ $11^1/_2$ часовъ вечера прочитана была слѣдующая телеграмма отъ начальника края:

„Командиру Финляндскаго полка Генералу Ганецкому: Искренно сожалѣю, что не могъ лично присутствовать на прощальномъ ужинѣ. Прошу почтеннаго Ивана Степановича заявить его молодецкому полку мою искреннюю благодарность за военные его подвиги, подавившіе мятежъ и крамолу въ здѣшнемъ краѣ. Заочно пью здоровье славнаго полка и доблестнаго начальника его, ура! М. Муравьевъ."

Громкое ура было отвѣтомъ на это привѣтствіе Михаила Николаевича; снова провозгласили тостъ за его здоровье, а Генералъ Ганецкій, ставъ на окно залы, прочиталъ своимъ молодцамъ эту лестную для него и для нихъ телеграмму, при громкихъ восклицаніяхъ восторженныхъ солдатъ.

Въ 12 часовъ Ганецкій донесъ по телеграфу же: „Финляндскій полкъ пьетъ за здоровье геніальнаго человѣка, который правитъ здѣшнимъ краемъ. За здоровье и благоденствіе Михаила Николаевича Муравьева. „Ура!".

Въ отвѣтъ на это полкъ получилъ слѣдующую еще болѣе лестную для него телеграмму:

„Генералу Ганецкому. Въ отвѣтъ на ваше привѣтствіе, еще разъ душевно благодарю, въ лицѣ вашемъ, моихъ бывшихъ сподвижниковъ и желаю имъ благополучнаго пути. Молодецкіе подвиги Финляндскаго полка останутся навсегда памятны для всякаго истинно русскаго. Муравьевъ."

За ужиномъ много говорилось рѣчей и много читалось адресовъ Л.-Гв. Финляндскому полку. Между прочими адресами Камергеръ Булычевъ, состоявшій при Генералъ-Губернаторѣ, прочелъ слѣдующее обращеніе къ полку.

„Родная семья провожаетъ своихъ ратныхъ братій, провожаетъ ту храбрую дружину, которой имя долго будетъ памятно въ Литвѣ. Свѣжо межъ нами воспоминаніе о молодецкихъ дѣяніяхъ Финляндскаго полка и отголосокъ ура, съ которымъ Финляндцы напомнили возставшимъ о силѣ русскаго штыка, еще долго и громко будетъ отзываться въ лѣсахъ литовскихъ. Услышали повстанцы и грозный крикъ, во славу русскаго царя, за родное достояніе. Пусть же Финляндцы услышатъ теперь, какъ громкій привѣтъ въ честь русскаго оружія, за славу русскаго побѣдоноснаго войска. Здоровье храбрымъ предводителямъ храброй дружины. Заздравный кубокъ въ честь гг. штабъ, оберъ-офицеровъ и всѣхъ служащихъ въ Финляндскомъ полку „Ура". „Ужинъ кончился около половины втораго пополуночи",—писалъ одинъ изъ присутствовавшихъ на немъ.—„При громовомъ, нескончаемомъ ура, раздавшемся по всей Вильнѣ и окрестностямъ, и подъ звуки „Боже Царя Храни" потянулся поѣздъ, и долго еще слышны были для насъ, въ ночной тиши, гулъ постукивающаго паровоза и звуки народнаго гимна, несшіеся отъ удаляющагося поѣзда".

Памятникъ въ Вильноміръ по убитымъ въ кампанію 1863—64 г. Финляндцамъ и Лейбъ-Драгунамъ.

Такъ торжественно совершилось отбытіе Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ сѣверо-западнаго края, куда около полугода тому назадъ онъ вступалъ совершенно при другой обстановкѣ, готовясь грудью своей отстаивать попранное тамъ русское дѣло.

Усмиреніе мятежа, потребовавшее отъ полка боевой службы, къ сожалѣнію не обошлось безъ жертвъ. Полкъ потерялъ убитыми и умершими отъ ранъ—16 нижнихъ

чиновъ, ранеными—71 нижняго чина [49]. Изъ офицеровъ ранено 2—Полковникъ Михайловскій и Капитанъ Васильевъ и контуженъ 1—Капитанъ Кушакевичъ.

За участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ нижніе чины полка удостоились полученія знаковъ отличія военнаго ордена, офицеры же за боевыя дѣйствія и за участіе въ военно-административномъ управленіи сѣверо-западнаго края получили слѣдующія награды: [50]

Генералъ-Маіоръ Ганецкій — орд. св. Владиміра 3-й ст.; Полковники: Михайловскій, Теннеръ и Краммеръ—орд. св. Владиміра 4-й ст. съ меч. и бант.; Капитаны: Васильевъ и Зассъ—орд. св. Владиміра 4-й ст. съ меч. и бант.; Штабсъ-Капитаны: Рудановскій, Кушакевичъ 2-й, Кушакевичъ 3-й и фонъ-Голли—орд. св. Владиміра 4-й ст. съ меч. и бант.; Поручики: Вилькенъ, Степановъ и Теннеръ 2-й—орд. св. Владиміра 4-й ст. съ меч. и бант.; Полковникъ Алхазовъ—орд. св. Анны 2-й степ. съ меч.; Капитанъ Кушакевичъ 1 — орд. св. Анны. 2 степ. съ меч.

Прочіе офицеры были награждены орденами св. Анны 3-й и 4-й степ. и св. Станислава 3-й степ. *.

Нижніе чины полка получили 65 знаковъ отличія военнаго ордена.

Не одними только боевыми дѣйствіями могли гордиться чины Л.-Гв. Финляндскаго полка, за время своего пребыванія въ Виленскомъ Генералъ-Губернаторствѣ; весьма полезна была дѣятельность какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ полка въ управленіи краемъ, гдѣ, казалось, всѣ гражданскіе устои готовы были рухнуть.

Въ приказѣ по гвардейскому корпусу приведены нижеслѣдующія слова Генерала Муравьева, [51] сообщенныя Великому Князю Николаю Николаевичу: „дѣло умиротворенія ввѣреннаго мнѣ края,—требовало кромѣ военныхъ дѣйствій точнаго и добросовѣстнаго примѣненія военно-административныхъ мѣръ, которыя постоянно отлично исполнялись всѣми чинами гвардіи. Съ подобными войсками съ полною увѣренностью можно начинать всякое трудное дѣло и преодолѣть всѣ препятствія".

Военныя дѣйствія бывшія въ 1863—64 г.г. по усмиренію польскаго мятежа Высочайше повелѣно считать за кампанію, въ память которой установлена особая медаль, какъ для офицеровъ, такъ и для нижнихъ чиновъ съ надписью „за усмиреніе польскаго мятежа 1863-64" [52] для ношенія на груди на лентѣ чернаго, оранжеваго и бѣлаго цвѣтовъ.

Въ воспоминаніе подвиговъ, совершенныхъ русскими войсками въ сѣверо-западномъ краѣ построена въ Вильнѣ въ 1864 году часовня—памятникъ, мысль о созданіи которой явилась въ благодарной душѣ умиротворителя края графа Муравьева. ** Въ часовнѣ этой помѣщены были, „для свидѣтельства передъ современниками и позднѣйшимъ потомствомъ, имена храбрыхъ защитниковъ чести и цѣлости Россіи, очертившихъ своею кровью неодолимый предѣлъ клятвопреступному посягательству крамольниковъ на древне русское

* Орд. св. Анны 3-й степ. получили слѣдующіе офицеры: Капитаны: Григоровичъ, Котовъ, Штабсъ-Капитаны: Булдаковъ, Вертгеймъ, Масловъ 1, Гиренковъ. Орд. св. Анны 4-й степ. — Штабсъ-Капитанъ Кушакевичъ, Поручики: Журавлевъ, Степановъ, Теннеръ 2 й, Прокопе 4-й, Острогорскій, Прокопе 2-й, Масловъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Подпоручики: Ожаровскій, фонъ-деръ-Вейде. Орд. св. Станислава 3-й ст.—Поручики: Водаръ, Сахновскій, Бартеневъ, Журавлевъ, Подпоручики: Лушвинъ и Прокопе 3-й.

** По ходатайству графа Муравьева рисунокъ Виленской часовни, былъ разосланъ во всѣ полки принимавшіе участіе въ подавленіи мятежа. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку означенный рисунокъ находится въ полковомъ музеѣ.

достояніе,"—какъ писалъ объ этомъ графъ Муравьевъ въ письмѣ своемъ къ командиру Гвардейскаго Корпуса Великому Князю Николаю Николаевичу *.

Другимъ вѣчнымъ свидѣтелемъ подвиговъ русскихъ войскъ въ кампанію 1863 года является памятникъ, построенный въ Вилькомирѣ въ честь убитыхъ и умершихъ отъ ранъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго и Л.-Гв. Драгунскаго полковъ, наиболѣе способствовавшихъ умиротворенію всего сѣверо-западнаго края вообще и Вилькомирскаго уѣзда въ частности.

Памятникъ представляетъ собою каменную, красиво отдѣланную, скалу на гранитномъ пьедесталѣ съ нѣсколькими ступенями, увѣнчанную чугуннымъ крестомъ. На чугунной плитѣ, вдѣланной въ скалу, имена и фамиліи павшихъ воиновъ и мѣстностей, гдѣ происходили военныя дѣйствія.

Памятникъ сооруженъ въ 1903 году на Вилькомирскомъ православномъ кладбищѣ, по иниціативѣ вилькомирскаго воинскаго начальника Полковника Криштопенко; главныя средства пожертвованы г.г. офицерами Л.-Гв. Финляндскаго и Драгунскаго полковъ, а чины 45-ой артилл. бригады, квартирующей въ Вилькомирѣ, принесли свой посильный трудъ по сооруженію памятника.

Такъ достойно была почтена память, вѣрныхъ своему долгу, Финляндцевъ и Лейбъ-Драгунъ.

Переѣздъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ С.-Петербургъ совершился благополучно.

Недоѣзжая до Петербурга, полкъ остановился въ Царскомъ Селѣ, гдѣ пробылъ два дня, для приведенія своего изношеннаго обмундированія въ порядокъ; послѣ этого полкъ отправился въ Петербургъ.

Вступленіе въ Петербургъ было въ высшей степени торжественно: множество народа съ букетами и вѣнками встрѣчало бравыхъ Финляндцевъ, громкіе крики оглашали воздухъ и одушевленное ура! гремѣло при прохожденіи боевыхъ рядовъ.

Сформированный, въ отсутствіи полка, 3-й баталіонъ его встрѣтилъ своихъ однополчанъ на Театральной площади, выстроенный развернутымъ фронтомъ тыломъ къ Маріинскому театру, въ полной парадной формѣ. Великій Князь Николай Николаевичъ, бывшій при встрѣчѣ, скомандовалъ батальону „на караулъ" и Самъ отсалютовалъ полку при громкихъ крикахъ ура всѣхъ чиновъ 3-го батальона, который послѣ прохода полка присоединился къ нему.

Нѣсколько дней спустя, 23-го іюля Л.-Гв. Финляндскій полкъ удостоился особаго Высочайшаго смотра, на которомъ Государь, „найдя оба батальона (бывшіе въ кампаніи), въ отличномъ порядкѣ и устройствѣ, а нижнихъ чиновъ вполнѣ бодрыми послѣ неутомимой боевой службы съ февраля мѣсяца", объявилъ искреннюю признательность Командиру Гвардейскаго Корпуса и Монаршее благоволеніе Начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, командовавшему во время военныхъ дѣйствій Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Генералу Ганецкому и всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ полка, нижнимъ же чинамъ пожаловалъ: георгіевскимъ кавалерамъ—по 3 р., а остальнымъ—по 1 р. на

* Генералъ Муравьевъ за услуги, оказанныя Россіи подавленіемъ возстанія въ сѣверо-западномъ краѣ былъ пожалованъ графскимъ достоинствомъ.

человѣка. Одновременно съ этимъ Государь осмотрѣлъ также и 3-й батальонъ и остался вполнѣ доволенъ отличнымъ состояніемъ и устройствомъ онаго; офицерамъ этого батальона было выражено Монаршее благоволеніе, а нижніе чины получили по 50 к. на человѣка [52]. Послѣ Высочайшаго смотра офицеры были удостоены приглашенія къ Высочайшему столу.

18-го іюля состоялось чествованіе Л.-Гв. Финляндскаго полка С.-Петербургскимъ биржевымъ купечествомъ, устроившимъ полку богатый завтракъ близъ казармъ на Смоленскомъ полѣ; завтракъ отличался особеннымъ оживленіемъ и тосты въ честь полка слѣдовали одинъ за другимъ [54].

23-го іюля С.-Петербургское купечество устроило торжественный обѣдъ офицерамъ и георгіевскимъ кавалерамъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Великолѣпный обѣдъ былъ данъ въ громадномъ биржевомъ залѣ, богато украшенномъ флагами, цвѣтами, вензелями и арматурой. Четыре хора музыки играли на площади противъ биржи и 2 хора внутри зданія.

Государь Императоръ, въ сопровожденіи Великихъ Князей, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ это торжество. Первые тосты были провозглашены Государемъ за георгіевскихъ кавалеровъ и г.г. офицеровъ 2-й дивизіи. Все празднество отличалось необыкновеннымъ одушевленіемъ и достойнымъ образомъ заключило рядъ тѣхъ торжественныхъ встрѣчъ, которыя были устроены Л.-Гв. Финляндскому полку по его возвращеніи изъ похода для усмиренія польскаго мятежа [55].

Эти торжественныя встрѣчи явились отголоскомъ высокаго патріотическаго чувства, которое охватило тогда всѣ сословія Россіи. Л.-Гв. Финляндскій полкъ могъ принимать эти встрѣчи вполнѣ заслуженно, такъ какъ его славныя дѣйствія и „особенныя заслуги“ при усмиреніи мятежа были вполнѣ достойны того.

Глава V.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ царствованіе Императора Александра II-го.

Мирное время послѣ 1863 года. Командиры полка. Строевая служба. Комплектованіе. Лагери. Караульная служба. Дисциплинарная часть.

По возвращеніи Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ кампаніи 1863 г. начался для него мирный періодъ жизни, продолжавшійся съ 1863 по 1877 годъ.

За это время Л.-Гв. Финляндскій полкъ, подобно прочимъ частямъ русской арміи, испыталъ на себѣ рядъ крупныхъ реформъ, явившихся продолженіемъ преобразовательной дѣятельности, начатой еще въ первые годы царствованія Императора Александра II-го. Изъ этихъ реформъ по отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому полку имѣли наибольшее значеніе слѣдующія: измѣненія въ хозяйственной части полка; измѣненія способа комплектованія полка, подъ вліяніемъ введенія всеобщей воинской повинности; перевооруженіе полка; смягченіе дисциплинарныхъ взысканій; введеніе полкового суда; постройка и перестройка казармъ; созданіе школы солдатскихъ дѣтей, изъ бывшей школы кантонистовъ; уничтоженіе стрѣлковыхъ ротъ и переформированіе полка въ четырехбатальонный составъ.

Съ 1863 по 1877 года, а также и во время Турецкой компаніи, Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ командовали Генералы: Шебашевъ, Князь Голицынъ, Лавровъ, Шмидтъ и Теннеръ.

Генералъ-Маіоръ Николай Михайловичъ Шебашевъ принялъ Л.-Гв. Финляндскій

полкъ послѣ Генерала Ганецкаго, при самомъ возвращеніи полка изъ Сѣверо-Западнаго края.

Служба Генерала Шебашева до полученія имъ полка прошла, главнымъ образомъ, въ гвардіи. Выпущенный изъ Павловскаго кадетскаго корпуса прапорщикомъ въ 4-й Карабинерный полкъ въ 1830 году, онъ сразу же принялъ участіе въ кампаніи 1831—1832 г.г., гдѣ и былъ во многихъ сраженіяхъ и дѣлахъ съ поляками. Въ сраженіи подъ Прагой на Гроховскихъ поляхъ 13-го февраля 1831 года онъ былъ раненъ въ правое бедро ружейной пулей на вылетъ; изъ большихъ сраженій Прапорщикъ Шебашевъ участвовалъ въ сраженіи при Остроленкѣ 14-го мая 1832 года и при взятіи приступомъ Варшавы 25 и 26 Августа того же года; за послѣднее онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Не за долго до этого сраженія состоялся переводъ Прапорщика Шебашева Л.-Гв. въ Московскій полкъ, въ рядахъ котораго онъ и прослужилъ почти 20 лѣтъ. За время службы его Л.-Гв. въ Московскомъ полку онъ былъ командированъ съ 1835 по 1836 годъ Л.-Гв. въ Конно-Гренадерскій полкъ „для показанія правилъ пѣшей фронтовой службы“.

Въ 1851 году Полковникъ Шебашевъ былъ переведенъ на должность младшаго штабъ-офицера Л.-Гв. въ Измайловскій полкъ, гдѣ и прослужилъ до 1855 года, когда состоялось его назначеніе командуюшимъ резервной бригадой и резервнымъ пѣхотнымъ полкомъ 1-й пѣхотной дивизіи, съ переводомъ въ 5-й резервный батальонъ пѣхотнаго Его Величества Короля Неаполитанскаго полка. Въ слѣдующемъ году Полковникъ Шебашевъ былъ назначенъ командиромъ 4-го резервнаго батальона того же полка.

Въ 1858 году состоялось назначеніе Полковника Шебашева командиромъ 12-го Гренадерскаго Астраханскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Александровича полка. Въ 1863 году онъ находился непродолжительное время въ составѣ войскъ Виленскаго военнаго округа при усмиреніи польскаго мятежа.

Высочайшимъ приказомъ 1863 года, іюля 7-го, Полковникъ Шебашевъ былъ назначенъ командующимъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ и 30-го августа того же года состоялось его производство за отличіе по службѣ въ Генералъ-Маіоры, съ утвержденіемъ въ должности командира полка.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ находился подъ командой Генерала Шебашева въ продолженіи 9 лѣтъ, съ 1863 года по 1872 годъ. За этотъ долгій промежутокъ времени полкъ съумѣлъ вполнѣ оцѣнить своего командира, какъ человѣка замѣчательно сдержаннаго, спокойнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельнаго по службѣ. Многія реформы, произведенныя въ полку за время командованія Генерала Шебашева, совершились, благодаря его высокимъ личнымъ качествамъ, незамѣтно и безъ особыхъ усилій со стороны чиновъ командуемаго имъ полка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во все время командованія Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Генерала Шебашева, полкъ былъ отличнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и особенно выдѣлялся изъ всѣхъ прочихъ гвардейскихъ полковъ своей строевой выправкой, лихостью, бойкостью и расторопностью нижнихъ чиновъ. Все это свидѣтельствовало о правильной постановкѣ системы обученія полка, которой придерживался Генералъ Шебашевъ.

16-го апрѣля 1872 года Генералъ Шебашевъ былъ назначенъ командующимъ 6-й пѣхотной дивизіей и въ слѣдующемъ году, за отличіе по службѣ, былъ произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты съ утвержденіемъ въ должности; въ 1876 году Генералъ-Лейтенантъ Шебашевъ былъ зачисленъ въ запасныя войска, а въ 1882 году онъ скончался [1].

Преемникомъ Генерала Шебашева по командованію Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ явился Флигель-Адъютантъ, Полковникъ Князь Голицынъ.

Князь Голицынъ былъ первымъ командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ офицеровъ генеральнаго штаба. Онъ началъ свою службу въ Л.-Гв. Гусарскомъ Его Величества полку, произведенный въ офицеры въ 1856 году изъ камеръ-пажей Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса. Въ 1860 году, по окончаніи курса Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Штабсъ-Ротмистръ Князь Голицынъ былъ причисленъ къ генеральному штабу съ назначеніемъ состоять при главномъ штабѣ Кавказской арміи. Съ этого времени началась и боевая служба Князя Голицына, участвовавшаго во многихъ сраженіяхъ и дѣлахъ съ горцами, въ составѣ Адагунскаго отряда подъ командой Генерала Бабича, у бывшаго Ольгинскаго укрѣпленія, у рѣки Ацмецъ въ Абинскомъ ущельѣ, въ Геленджикской бухтѣ, на хребтѣ Кецегуръ, въ ущельѣ Адерби, у верховьевъ рѣки Шады, по морскому берегу у Туапсе, у аула Нейбухъ. За свои боевыя дѣйствія Князь Голицынъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ и производствомъ въ чинъ Полковника. Въ 1863 году Полковникъ Князь Голицынъ былъ назначенъ въ распоряженіе Военнаго Министра и Генералъ-квартирмейстера главнаго штаба и въ томъ же году, при назначеніи командующимъ сводно-стрѣлковымъ батальономъ Лейбъ-Эриванскаго полка, переведенъ въ этотъ полкъ. Затѣмъ состоялось прикомандированіе его къ учебному пѣхотному батальону, „для узнанія современныхъ строевыхъ правилъ службы“, передъ назначеніемъ его командиромъ одного изъ полковъ Московскаго или Казанскаго округовъ. Въ 1865 году Полковникъ Князь Голицынъ получилъ въ командованіе 14-й Гренадерскій Грузинскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полкъ. Въ 1871 году назначенъ Флигель-Адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

16-го апрѣля 1872 года Флигель-Адъютантъ Полковникъ Князь Голицынъ былъ назначенъ командующимъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ. 30-го августа 1873 года произведенъ въ Генералъ-Маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и съ утвержденіемъ въ должности командира Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ командовалъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ непродолжительное время — около 3 лѣтъ, по 1876 годъ.

За время командованія имъ полкомъ продолжались реформы предыдущихъ лѣтъ; важнѣйшею изъ нихъ являлось введеніе всеобщей воинской повинности.

Въ 1876 году Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ былъ назначенъ Военнымъ Губернаторомъ Уральской Области, командующимъ въ ней войсками и Наказнымъ Атаманомъ Уральскаго казачьяго войска, съ зачисленіемъ по Генеральному Штабу.

Въ 1880 году Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ назначенъ вр. исполняющимъ должность Командующаго войсками Оренбургскаго военнаго округа и Оренбургскаго Генералъ-Губернатора, въ 1883 году произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты, а въ 1885 году назначенъ присутствующимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ по генеральному штабу и съ увольненіемъ отъ занимаемыхъ должностей.

1 Января 1893 года состоялось его назначеніе членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ Сенаторомъ и Почетнымъ Опекуномъ С.-Петербургскаго Присутствія Опекунскаго Совѣта Учрежденій Императрицы Маріи и по генеральному штабу. Въ 1896 году онъ произведенъ въ Генералы отъ Инфантеріи и назначенъ Главноначальствующимъ гражданской частью на Кавказѣ, командующимъ войсками Кавказскаго военнаго округа и войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ Кавказскихъ казачьихъ войскъ, съ оставленіемъ Членомъ Государственнаго Совѣта; въ слѣдующемъ году пожалованъ Генералъ-Адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1905 году назначенъ состоять при Особѣ Его Императорскаго Величества [2].

Замѣстителемъ князя Голицына былъ Генералъ-Маіоръ Лавровъ, принявшій полкъ 24-го Сентября 1876 года. Въ скоромъ времени начались приготовленія къ войнѣ, а затѣмъ открылась и самая кампанія, почему дѣятельность Генерала Лаврова въ полку относилась, главнымъ образомъ, къ періоду мобилизаціи передъ кампаніей 1877—78 годовъ и участія полка въ началѣ этой кампаніи включительно до перваго сраженія, въ которомъ полкъ пролилъ такъ много крови, т. е. до сраженія при Горномъ Дубнякѣ, гдѣ Генералъ Лавровъ и погибъ геройской смертью.

Генералъ Василій Николаевичъ Лавровъ былъ вторымъ командиромъ полка изъ офицеровъ генеральнаго штаба. Окончивъ Николаевское училище гвардейскихъ юнкеровъ, съ занесеніемъ его имени на мраморную доску, онъ былъ произведенъ въ 1855 году въ прапорщики Л.-Гв. въ Конно-Гренадерскій полкъ. Затѣмъ, по окончаніи курса Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, онъ началъ свою службу въ штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Когда открылись военныя дѣйствія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, Штабсъ-Капитанъ Лавровъ былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ и состоялъ при штабѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ этой командировкѣ Штабсъ-Капитанъ Лавровъ былъ однимъ изъ помощниковъ Генерала Ганецкаго во время дѣйствій съ повстанцами. Участвуя съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ въ сраженіи при Гудишкахъ и Шнуркишкахъ, Штабсъ-Капитанъ Лавровъ былъ раненъ ружейною пулею въ шею на вылетъ; за храбрость, имъ оказанную въ этихъ сраженіяхъ, онъ былъ награжденъ золотою саблею и орденомъ Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.

По возвращеніи изъ похода 1863 года, Штабсъ-Капитанъ Лавровъ продолжалъ свою службу въ штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. По производствѣ въ подполковники онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и въ 1866 году утвержденъ въ этой должности съ производствомъ въ полковники. Въ 1873 году Полковникъ Лавровъ былъ назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Главнокомандующемъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа; въ 1875 году произведенъ въ Генералъ-Маіоры, съ оставленіемъ въ настоящей

должности, а 24-го сентября 1876 года назначенъ командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка [3].

За краткое время командованія полкомъ Генералъ Лавровъ обнаружилъ прекрасныя качества, какъ командиръ и какъ человѣкъ. Встрѣченный съ особеннымъ удовольствіемъ при вступленіи своемъ въ командованіе полкомъ, какъ давно знакомый Финляндцамъ по походу 1863 года и по службѣ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, Генералъ Лавровъ былъ особенно цѣнимъ своими подчиненными въ тяжелыя минуты похода полка въ Турцію. Всегда справедливый, спокойный, мягкій въ обращеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и требовательный, Генералъ Лавровъ поддерживалъ въ полку образцовый порядокъ, подавая собою примѣръ добросовѣстнаго отношенія къ службѣ и точнаго выполненія своихъ обязанностей. Такъ, въ походѣ въ самыя трудныя минуты полкъ часто видѣлъ своего командира идущаго пѣшкомъ наравнѣ съ солдатами впереди полковой колонны, чтобы служить примѣромъ для своихъ подчиненныхъ. Въ бою Генералъ Лавровъ выказалъ себя настоящимъ героемъ: въ самый критическій моментъ боя онъ сознательно, съ полнымъ хладнокровіемъ, рѣшилъ пожертвовать собою и цѣною своей жизни повелъ полкъ къ побѣдѣ.

Преемникъ Генерала Лаврова по командованію Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, Полковникъ Шмидтъ, принявшій полкъ послѣ Горнаго-Дубняка такъ выразился въ своей рѣчи къ полку о Генералѣ Лавровѣ:

„Молодцы Финляндцы! Въ памятный отъ нынѣ день, 12 октября, при отчаянномъ штурмѣ Турецкаго редута, былъ смертельно раненъ въ переднихъ рядахъ полка храбрый и любимый вашъ командиръ Генералъ-Маіоръ Лавровъ. Онъ умеръ героемъ, умеръ какъ воинъ-христіанинъ; въ отрядѣ общее по немъ горе и осиротѣлъ нашъ славный Финляндскій полкъ. Мнѣ, искреннему другу и товарищу покойнаго, достается высокая честь занять его мѣсто—встать во главѣ вашей.—Телеграммою Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго мнѣ повелѣно вступить въ командованіе полкомъ. Богатыри Финляндскіе! принимаю васъ, принимаю полкъ, какъ дорогое наслѣдіе друга, какъ Царскую награду, выше которой для меня на свѣтѣ нѣтъ.—Не пожалѣю я ни трудовъ, ни силъ и самой жизни, чтобы быть вашимъ достойнымъ командиромъ, а отъ васъ ожидаю, что будете служить—какъ до сихъ поръ служили—всегда и вездѣ во славу Россіи и Государя, на страхъ и погибель врагамъ“ [4].

Полковникъ Георгій Ивановичъ Шмидтъ, принявшій командованіе Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ 18-го октября 1877 года, стоялъ во главѣ полка въ тяжелое время нахожденія его противъ „небесной“ батареи турокъ на Финляндской горѣ, во время перехода черезъ Балканы и дальнѣйшаго движенія вплоть до іюля мѣсяца 1878 года, когда Полковникъ Шмидтъ былъ назначенъ на должность начальника 2-го Военнаго Константиновскаго училища. За это непродолжительное но полное жизни время Полковникъ Шмидтъ имѣлъ случай выказать себя съ отличной стороны въ сраженіи подъ Филипополемъ 3—5-го января 1878 года, гдѣ особенно отличилъ себя распорядительностью и отличнымъ примѣненіемъ боевого порядка къ мѣстности, вслѣдствіе чего потери полка были тамъ весьма малы. Золотая сабля съ надписью „за храбрость“ и Высочайшее благоволеніе были наградой

Полковнику Шмидту за 3—5-го января; за отличіе же въ дѣлахъ противъ турокъ онъ былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры 27-го сентября 1878 года, уже по своемъ назначеніи начальникомъ училища. Такимъ образомъ Полковникъ Шмидтъ командовалъ полкомъ столь краткое время, что даже не успѣлъ быть произведеннымъ въ Генералы; однако несомнѣнно, что производство это было результатомъ службы Полковника Шмидта въ полку. Какъ ни коротко было это время, но при обстоятельностяхъ военнаго времени Полковникъ Шмидтъ успѣлъ выказать себя съ наилучшей стороны. По этому, когда Георгій Ивановичъ Шмидтъ, получивъ новое назначеніе, покидалъ полкъ, то всѣ Финляндцы провожали его съ чувствомъ искренняго сожалѣнія и сердечной благодарности.

Императоръ Александръ II.
По фотогр. 1870 года изъ музея полка.

До полученія Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковникъ Шмидтъ провелъ большую часть своей службы въ генеральномъ штабѣ. Выпущенный изъ унтеръ-офицеровъ Дворянскаго полка Прапорщикомъ въ 1-ю Полевую Артиллерійскую бригаду 17-го іюня 1854 года, онъ принялъ участіе въ кампаніи въ 1854—55 годовъ—въ дѣйствіяхъ на Балтійскомъ побережьи; вскорѣ послѣ этого онъ поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, курсъ которой окончилъ съ награжденіемъ малою серебряною медалью и съ занесеніемъ его имени на мраморную доску. Служба его въ штабѣ прошла въ Петербургскомъ округѣ и завершилась должностью начальника штаба 1-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи.

По сдачѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка Генералъ-Маіоръ Шмидтъ былъ удостоенъ въ 1880 г. вторично монаршаго благоволенія „за отлично усердную службу и труды, понесенные въ дѣйствующей арміи". Въ томъ же году состоялось его назначеніе въ Свиту Его Императорскаго Величества. Въ 1881 г. Генералъ Шмидтъ неожиданно скончался.

Новымъ командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ назначенъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Теннеръ, командовавшій полкомъ до 1891 года. Время командованія его относится въ большей своей части ко времени царствованія Императора Александра III; въ разсматриваемый же періодъ дѣятельность Полковника Теннера заключалась, главнымъ образомъ, въ приведеніи полка изъ похода и въ демобилизаціи его; вслѣдъ за этимъ Полковникъ Теннеръ способствовалъ введенію въ полкъ новой системы обученія нижнихъ чиновъ, принятой послѣ боевого опыта кампаніи 1877—78 годовъ.

Въ строевомъ отношеніи время съ 1863 года является временемъ продолженія реформъ, начатыхъ послѣ Крымской войны.

Послѣдовательныя усовершенствованія въ вооруженіи, введенныя съ начала въ 60-хъ, а потомъ въ 70-хъ годахъ и новые взгляды на военное искусство вообще, требовали продолженія этихъ реформъ, начатыхъ еще при самомъ началѣ царствованія Императора Александра II-го. Однако новая система обученія боевой подготовкѣ арміи, имѣвшая въ своей основѣ принципъ „учить солдата тому, что нужно для войны", не была проведена въ жизнь къ концу царствованія Императора Александръ II-го—къ такому важному моменту, какъ открытіе военныхъ дѣйствій съ Турціей. Такимъ образомъ реформы, начатыя весьма успѣшно въ первые годы послѣ Крымской войны, не нашли себѣ надлежащаго развитія впродолженіи цѣлыхъ 20 лѣтъ. Причины такого явленія надо искать въ общемъ жизненномъ строѣ русской арміи и, главнымъ образомъ, въ отсутствіи широкой планомѣрности и системы въ проводимыхъ тогда реформахъ.

Періодъ мирной жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка по возвращеніи его изъ похода 1863 года, хотя и прошелъ для него въ неустанной работѣ по строевой и тактической части, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ имѣть вполнѣ надлежащихъ результатовъ въ силу тѣхъ-же общихъ причинъ.

Строевые уставы и различнаго рода инструкціи и правила, которыми руководствовалась русская армія со второй половины 60-хъ годовъ, измѣнялись довольно часто. Первое новое изданіе послѣдовало тогда въ 1868 году; уставъ этого года не внесъ существенныхъ отличій сравнительно съ прежнимъ уставомъ. Одною изъ его особенностей, явилось возвышеніе значенія ротнаго командира, командовавшаго въ строю только ротой, а не взводомъ или полувзводомъ, какъ это было раньше. Другой важнѣйшій уставъ—полевой службы не испытывалъ на себѣ измѣненій весьма продолжительное время и войска русской арміи въ этомъ отношеніи руководствовались старымъ изданіемъ 1852 года, уже во многомъ утратившемъ свое практическое значеніе. Въ отмѣну нѣкоторыхъ изъ отдѣловъ этого устава, въ 1869 году было объявлено къ руководству войскамъ „Наставленіе для содержанія передовыхъ постовъ", а затѣмъ въ 1871 году предписанъ особый „Порядокъ отправленія сторожевой службы пѣхотою и кавалеріею, примѣняясь къ способу, принятому у казаковъ". Такимъ образомъ только частичныя указанія по важнѣйшему отдѣлу полевой подготовки войскъ нашли себѣ мѣсто въ указанныхъ инструкціяхъ; общихъ же указаній не было дано въ надлежащей степени, а если таковыя и входили отчасти въ строевой уставъ, то они не нашли себѣ дѣйствительнаго распространенія среди войскъ. Доказательствомъ этому, по отношенію къ войскамъ гвардейскаго корпуса, является изданіе передъ выступленіемъ этого корпуса въ походъ 1877—78 г.г. особой „инструкціи", составленной подъ общей редакціей Полковника Генеральнаго Штаба Гудима-Левковича, съ цѣлью „освѣжить" въ памяти гвардейцевъ общія основанія боевой дѣятельности войскъ.

Обученіе войскъ гвардейскаго корпуса, за раціональность котораго такъ стояла инструкція 1877 года, [6] подвергалось, со второй половины 60-хъ годовъ, неоднократнымъ измѣненіямъ.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе существенныя измѣненія произошли въ 1864, 1874 и 1875 г.г.

Съ 1864 года полки гвардейской пѣхоты стали комплектоваться людьми, получившими первоначальное образованіе въ резервныхъ батальонахъ; съ этого же года начались ежегодные рекрутскіе наборы, вмѣсто прежнихъ, производившихся черезъ нѣсколько лѣтъ, при чемъ въ каждый гвардейскій полкъ опредѣлялось по 200—300 молодыхъ солдатъ, прошедшихъ курсъ первоначальнаго обученія въ резервныхъ батальонахъ. Молодые солдаты, поступавшіе въ ряды гвардіи, подвергались весьма строгому экзамену въ особыхъ комиссіяхъ изъ гвардейскихъ офицеровъ подъ предсѣдательствомъ гвардейскихъ генераловъ. *

Насколько подробно экзаменовались эти молодые солдаты, показываетъ то, что экзамены продолжались въ теченіи цѣлаго мѣсяца, причемъ комиссія „осматривала“ каждаго молодого солдата въ отдѣльности по всѣмъ предметамъ солдатскаго образованія и каждому изъ нихъ ставились членами комиссіи баллы по всѣмъ отдѣламъ обученія. [7]

Такой порядокъ комплектованія полковъ гвардіи отражался самымъ непосредственнымъ образомъ на системѣ обученія нижнихъ чиновъ. Вслѣдствіе этого, въ томъ же 1864 году вышли „Правила одиночнаго образованія нижнихъ чиновъ“, нѣсколько расширенныя въ слѣдующемъ году. Какъ самыя эти правила, такъ и практика жизни показывали, что обученію молодыхъ солдатъ въ резервныхъ батальонахъ придавали не совсѣмъ должное направленіе; видно это изъ того, что молодые солдаты, поступивъ въ гвардію, переучивались вновь, такъ какъ требованія гвардейскаго начальства имѣли много своихъ особенностей.

Согласно „Правилъ“ 1865 года одиночное обученіе имѣло „сравнительно болѣе важное значеніе, чѣмъ прежде“. Причинами этому были, съ одной стороны усовершенствованіе оружія, а съ другой—сокращеніе сроковъ службы. По правиламъ 1865 года полный курсъ обученія солдата долженъ былъ быть пройденъ въ теченіи года: за это время молодыхъ солдатъ не слѣдовало отвлекать ни нарядами (кромѣ очередного караула или дневальства), ни командировками, ни какими либо особыми служебными назначеніями. „При точномъ исполненіи изложеннаго,—говорится въ этихъ правилахъ,—каждый молодой солдатъ получитъ прочное основаніе для дальнѣйшаго своего усовершенствованія и во всякомъ случаѣ будетъ въ удовлетворительной степени знать все то, что солдату знать надлежитъ и между нижними чинами не будетъ вовсе людей совершенно незнакомыхъ съ обязанностями строевого солдата, что въ настоящее время встрѣчается весьма нерѣдко“.

Обученіе молодыхъ солдатъ начиналось осенью, со времени поступленія ихъ въ полкъ. Зимой проходилось одиночное обученіе, съ весны начинались ротныя, батальонныя и полковыя ученья, полный курсъ которыхъ оканчивался ко времени выступленія полка въ лагерь; къ этому же времени въ стрѣлковыхъ ротахъ проходился курсъ стрѣльбы до 800 шаговъ включительно.

Въ 1874 году съ уничтоженіемъ резервныхъ батальоновъ, рекруты стали поступать прямо въ ряды гвардіи, что, разумѣется, вызвало тотчасъ же новыя распоряженія по обученію рекрутъ.

---

* Изъ отчета Комиссіи 1867 года видно что предсѣдателемъ ея былъ тогда начальникъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи Генералъ-Адъютантъ Дрентельнъ, бывшій офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Срокъ обученія рекрутъ былъ принятъ пятимѣсячный, вслѣдствіе чего обращено было особое вниманіе на подготовку учителей. Каждая рота должна была подготовить себѣ по всѣмъ статьямъ солдатскаго образованія пять учителей, отвѣтственность за которыхъ лежала вполнѣ на ротныхъ командирахъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ ротнаго командира и при ближайшемъ участіи младшихъ офицеровъ, эти учителя и обучали рекрутъ. Такимъ образомъ 1874 годъ положилъ начало тому правильному и систематичному обученію молодыхъ солдатъ, которое ведется и донынѣ.

Занятія съ рекрутами велись въ послѣдовательности, указанной уставомъ одиночнаго обученія; до истеченія первыхъ трехъ мѣсяцевъ обученія рекрута были свободны отъ всякихъ нарядовъ и работъ; по прошествіи этого срока они могли назначаться въ домашніе наряды. Въ городовой же караулъ рекрутъ посылали только лишь по окончаніи всего срока пятимѣсячнаго обученія, такъ какъ при выполненіи гарнизонной службы требовалась полная сознательность со стороны нижнихъ чиновъ. Въ началѣ мая рекрута поступали въ общій строй и этимъ заканчивали свое первоначальное образованіе.

Затѣмъ, въ 1875 году, съ введеніемъ всеобщей воинской повинности, послѣдовало коренное измѣненіе комплектованія войскъ русской арміи, которое неизбѣжно отразилось на системѣ обученія нижнихъ чиновъ; впрочемъ, вызванныя этимъ измѣненія правилъ 1874 года были незначительны и главнѣйшимъ изъ нихъ явилось сокращеніе срока обученія новобранцевъ до 4-хъ мѣсяцевъ. Съ этимъ порядкомъ обученія русская армія вступила въ послѣдовавшее царствованіе.

Въ общемъ обученіе нижнихъ чиновъ имѣло тогда вполнѣ раціональныя начала. Какъ уставныя требованія, такъ и различнаго рода правила и инструкціи отбрасывали съ каждымъ годомъ все искусственное и ненужное въ обученіи солдатъ; однако этого искусственнаго было такъ много, что отдѣлаться отъ него не представлялось возможнымъ не только къ кампаніи 1877—78 г.г., но и въ послѣдовавшее за нею время. Въ этомъ отношеніи, вводить всякаго рода нововведенія и порывать связь съ прошлымъ, было особенно трудно въ Петербургскомъ военномъ округѣ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же округъ былъ во многихъ отношеніяхъ образцовымъ. Особыя условія, въ которыхъ находился всегда этотъ округъ способствовали укорененію въ немъ всякаго рода шаблонамъ и развитію рутины, не лишенныхъ крайностей обнаруживавшихся и на самомъ обученіи войскъ.

Во главѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа весьма продолжительное время въ царствованіе Императора Александра II-го, стоялъ Августѣйшій Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, горячо любившій военное дѣло и близко принимавшій къ сердцу всѣ интересы подвѣдомственныхъ Ему войскъ. Но Великій Князь Главнокомандующій, при всемъ пониманіи военнаго дѣла и при всей энергіи, не имѣлъ возможности одинъ вырвать съ корнемъ прочно утвердившіяся отрицательныя стороны въ дѣлѣ обученія нижнихъ чиновъ войскъ гвардіи и въ общей системѣ веденія занятій. Такимъ образомъ показная сторона, игравшая въ предыдущей эпохѣ столь громадное значеніе, оказывала попрежнему свое вредное вліяніе и къ концу царствованія Императора Александра II-го.

Служившій въ то время въ войскахъ гвардейскаго корпуса, офицеръ генеральнаго штаба, впослѣдствіи занявшій видное мѣсто въ русскомъ генералитетѣ, А. К. Пузыревскій, въ одномъ изъ своихъ сочиненій [8], пишетъ слѣдующее по поводу шаблоннаго характера занятій въ войскахъ гвардіи: „Частные начальники, привыкнувъ дѣйствовать по трафарету, лишенные навыка соображаться съ обстановкой въ безконечномъ ея разнообразіи, цѣликомъ переносили заученные пріемы дѣйствій и въ условія дѣйствительной войны, которыя вовсе уже не соотвѣтствовали заученнымъ пріемамъ дѣйствій. Только этимъ и можно объяснить такіе изумительные факты, какъ движеніе отряда къ непріятельской

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ на меневрахъ въ 1875 году.
Съ картины Freuts.

позиціи безъ авангарда и атака ея безъ всякой почти рекогносцировки, причемъ отрядъ въ бѣшеной погонѣ несется впередъ, пока, наконецъ, ослабленный страшными потерями разбивается о непріятельскія укрѣпленія“.

При такихъ-то условіяхъ приходилось работать Великому Князю Главнокомандующему и подчиненнымъ Ему войскамъ. Нельзя не признать работу эту для нихъ тяжелой; но она въ значительной степени облегчалась той любовью и привязаностью, которую питали какъ всѣ нижніе чины, такъ и офицеры къ обаятельной личности своего Главнокомандующаго. Любовь своихъ подчиненныхъ Великій Князь Главнокомандующій заслужилъ не только сердечнымъ обращеніемъ съ ними, но и серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу воспитанія и образованія войскъ. Факты того времени сами говорятъ за это. Такъ, въ 1868 году, при введеніи новаго устава строевой пѣхотной службы, сказалось все вниманіе Августѣйшаго Главнокомандующаго къ дѣлу обученія подчиненныхъ ему войскъ.

Во время занятій войскъ въ Красносельскомъ лагерѣ Великій Князь Николай Николаевичъ вникалъ во всѣ подробности усвоенія пѣхотой новаго устава, а когда, послѣ ротныхъ и батальонныхъ ученій, начались полковыя, бригадныя, и совокупныя ученія пѣхоты съ пѣшей артиллеріею, Его Высочество лично производилъ такія ученія, съ цѣлью провѣрки и примѣненія правилъ новаго устава. „Обыкновенно полкъ или бригада,—говорится въ оффиціальномъ описаніи этихъ ученій, —построенные въ резервномъ порядкѣ, производили нѣсколько движеній и эволюцій, а затѣмъ исполнялся небольшой маневръ. Для сего Его Высочество собиралъ полковыхъ, батальонныхъ и батарейныхъ командировъ, объяснялъ имъ общую цѣль маневра, рекомендуя затѣмъ каждому въ извѣстныхъ предѣлахъ дѣйствовать сообразно постановленной задачи. Это придавало ученьямъ много жизни и интереса". Тоже описаніе говоритъ, что Главнокомандующій во время этихъ ученій вводилъ дѣйствія не вошедшія въ уставъ, но вполнѣ законныя, умѣстныя и оправдываемыя въ извѣстныхъ обстоятельствахъ *. Такимъ образомъ Великій Князь развивалъ и требовалъ разумнаго пониманія и отношенія къ уставу. Ближайшимъ помощникомъ Главнокомандующаго былъ командиръ гвардейскаго корпуса Цесаревичъ Александръ Александровичъ—впослѣдствіи Императоръ Александръ III. Цесаревичъ придерживался взглядовъ Главнокомандующаго, но, къ сожалѣнію, этого не было со стороны другихъ помощниковъ его.

Въ строевомъ отношеніи, по скольку предъявлялись къ войскамъ гвардіи и округа требованія того времени, Л.-Гв. Финляндскій полкъ за время послѣ кампаніи 1863 года продолжалъ занимать то же блестящее положеніе, которое онъ занималъ до этого со времени самаго своего основанія. На смотрахъ въ Высочайшемъ присутствіи и на смотрахъ и ученіяхъ, производившихся Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и прочими начальствующими лицами, Финляндцы каждый разъ удостаивались особой благодарности за блестящій видъ и лихость. Приказы по гвардейскому корпусу и по Л.-Гв. Финляндскому полку за время 1864-1881 г.г. полны выраженіями благодарности. Въ приказѣ по полку 1855 года, Августа 11 Генералъ Шебашевъ объявилъ слѣдующее: „Считаю пріятнымъ долгомъ изъявить свою искреннюю благодарность всѣмъ Г.г. Штабъ и Оберъ-офицерамъ за тотъ блестящій видъ, въ которомъ ввѣренный мнѣ полкъ представлялся въ теченіи всего лагеря. Я вполнѣ этимъ обязанъ Г.г. батальоннымъ и ротнымъ командирамъ. Нижнимъ чинамъ вообще объявляю мое задушевное спасибо, за ихъ старанія молодецкую неутомимость и прекрасное поведеніе".

Въ приказѣ по полку того же года отъ 22-го ноября значится нижеслѣдующее: „Его Императорское Высочество Главнокомандующій войсками гвардіи и округа по произведенномъ сего числа ученьи ввѣренному мнѣ полку, вызванному по тревогѣ остался какъ нельзя болѣе доволенъ быстротою, съ которой полкъ вышелъ изъ казармъ, правильностью и быстротою построеній, знаніемъ своего дѣла г.г. батальонныхъ, ротныхъ командировъ и всѣхъ вообще офицеровъ".

---

* Къ пріемамъ, вводимымъ Великимъ Княземъ, можно отнести слѣдующіе: неожиданная атака пѣхоты кавалеріей во время ученій пѣхоты или при ея возвращеніи домой; контръ-атака развернутымъ батальономъ, производившимъ пальбу залпами въ предположеніи замѣшательства, произведеннаго этою пальбою въ рядахъ атаковавшаго непріятеля, и т. п.

Въ 1868 году было объявлено въ приказѣ по полку отъ 6-го января, что „Государь Императоръ изволилъ остаться чрезвычайно доволенъ полкомъ“. Далѣе 1-го марта въ приказѣ говорилось: „На бывшей сего числа тревогѣ Его Императорское Величество Государь Императоръ, изволилъ найти ввѣренный мнѣ полкъ въ отличномъ состояніи и остался совершенно доволенъ“. 14-го марта—на смотру, произведенномъ Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ войсками, полкъ представился „въ отличномъ образованіи по строевой службѣ, а также во всемъ его обмундированіи“.

Въ приказѣ по войскамъ Гвардіи отъ 6-го апрѣля того же года былъ объявленъ результатъ смотровъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ; Л.-Гв. Финляндскій полкъ найденъ въ отличномъ состояніи. Въ приказѣ этомъ о полку между прочимъ, было сказано слѣдующее:

„Видъ людей молодецкій, развитой, бодрый и довольный. Стойка свободна, правильна и красива.

„Церемоніальный маршъ шагомъ и бѣгомъ отличный, шагъ широкій, свободный и вполнѣ покойный, причемъ нельзя не замѣтить, что шагъ во всемъ полку совершенно уравненъ.

„Бѣглый шагъ отлично хорошъ, правиленъ, строенъ и развязенъ, особенно въ стрѣлковыхъ ротахъ.

„Движеніе сомкнутыми батальонами также было отлично хорошо, какъ относительно стройности и сомкнутости движенія, такъ и относительно живости и развязности шага. 3-й батальонъ славно перешелъ изъ бѣга въ шагъ. Сводный батальонъ изъ стрѣлковыхъ ротъ превосходно пробѣжалъ сомкнутою колонною.

„Унтеръ-офицеры и ефрейторы, очевидно, разсадники въ полку той стройности, расторопности и развязности, которая, вообще, видна въ одиночномъ образованіи людей всего полка.

„Сводный батальонъ изъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ учился отлично хорошо; ружейные пріемы отчетливы и особенно развязны; всѣ движенія и повороты исполнены были хорошо, при совершенной правильности.

„Разсчеты были сдѣланы скоро и вѣрно; офицеры, вообще, вполнѣ знаютъ свое дѣло и командуютъ съ увѣренностью и молодецки.

„Стрѣлковое дѣло исполнено было унтеръ-офицерами и ефрейторами правильно, живо, расторопно, безъ всякой суетливости и при совершенной тишинѣ, выражающей вниманіе и знаніе своего дѣла со стороны каждаго изъ чиновъ строя“.

Въ приказѣ по войскамъ гвардіи и округа отъ 31-го марта 1870 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ также весьма лестную оцѣнку своей строевой части отъ Великаго Князя Главнокомандующаго. Оцѣнка эта тѣмъ болѣе дорога, что съ этого года Главнокомандующимъ производились смотры неожиданно; Великій Князь пріѣзжалъ безъ предупрежденія въ манежъ, гдѣ происходили ученія и здѣсь, въ обыденной обстановкѣ, оцѣнивалъ полки по достоинству. На этихъ смотрахъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, какъ и раньше, представлялся настолько хорошо, что былъ выдѣляемъ отъ прочихъ

полковъ. Интересно отмѣтить, что вообще четвертые полки всѣхъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, представлялись въ то время лучше прочихъ полковъ; такимъ образомъ „легкая гвардейская пѣхота“ выдѣлялась въ весьма хорошую сторону отъ „тяжелой инфантеріи“.

Въ вышеупомянутомъ приказѣ по округу отъ 31-го марта о Л.-Гв. Финляндскомъ полку Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій писалъ нижеслѣдущее: [10] „По пріѣздѣ въ манежъ Я нашелъ въ немъ 2-й батальонъ, которому дѣлалось батальонное ученье. Въ началѣ ученья батальонъ былъ вызванъ впередъ на линію бѣгомъ; батальонъ выбѣжалъ быстро и выравнялся отлично.

„Произведенное за симъ батальонное ученье удалось также отлично. Люди смотрѣли молодцами, ходили смѣлымъ и покойнымъ шагомъ и въ строю соблюдали строгую тишину; командиръ батальона и офицеры командовали со вниманіемъ, смёткою и полнымъ знаніемъ своего дѣла.

„Церемоніальнымъ маршемъ, какъ шагомъ, такъ и бѣгомъ, всѣ роты проходили отлично.

„Послѣ ученья слѣдовала гимнастика при чемъ унтеръ-офицеры и ефрейторы, старые солдаты и молодые солдаты были, по Моему приказанію, поставлены отдѣльно; всѣ дѣлали отлично, смѣло и правильно; Мнѣ особенно пріятно было видѣть, что офицеры помогали слабымъ и молодымъ солдатамъ, указывая имъ, что и какъ дѣлать, или направляя ихъ на машины, соотвѣствующія ихъ силѣ и искусству; этимъ офицеры обнаруживали, что они знаютъ своихъ людей.

„3-я рота 1-го батальона, 3-й батальонъ и 2-я стрѣлковая рота были вызваны Мною въ манежъ внезапно. Чрезъ 1 часъ и 10 минутъ послѣ полученія приказанія „выходить“, названныя части явились изъ казармъ въ манежъ и представились въ полной исправности; церемоніальнымъ маршемъ по — ротно — шагомъ и по — взводно — бѣгомъ, проходили отлично.

„Вообще Л.-Гв. Финляндскій полкъ представился отлично; скорое и исправное прибытіе частей, вызванныхъ по тревогѣ, доказываетъ, что въ полку существуетъ постоянный порядокъ, а открытый и довольный видъ людей, также расторопность, живость и бойкость въ исполненіи ученья, свидѣтельствуютъ, что полкъ и нынѣ отличается тѣмъ же духомъ, которымъ онъ отличался до сего времени и который по справедливости заслуживаетъ быть названнымъ истинно-молодецкимъ.

Таковъ былъ полкъ въ командованіи имъ Генерала Шебашева. При послѣдующемъ командирѣ Свиты Его Величества Генералъ-Маіорѣ Князѣ Голицынѣ, полкъ продолжалъ занимать въ строевомъ отношеніи тоже отличное положеніе, заслуживая по прежнему лестныя оцѣнки. Такъ, въ приказѣ по полку отъ 30 Октября 1872 года значилось нижеслѣдующее:

„По окончаніи сего числа прохожденія церемоніальнымъ маршемъ командуемаго мною полка Его Величеству угодно было осчастливить меня, выразивъ нѣсколько разъ свое полное удовольствіе относительно того вида, въ которомъ полкъ Ему представлялся сегодня на смотру“.

Въ прочихъ приказахъ объявлялось тоже объ отличной подготовкѣ унтеръ-офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Подготовка происходила въ полковой унтеръ-офицерской школѣ, основанной 28 Сентября 1857 года. Школа эта, называемая также и полковой унтеръ-офицерской стрѣлковой школой, имѣла значеніе современной учебной команды; только въ курсъ обученія ея входила грамотность для тѣхъ немногихъ изъ унтеръ-офицеровъ, которые ея не знали.

Полковыя унтеръ-офицерскія школы просуществовали около 12 лѣтъ до 1869 года, когда вмѣсто нихъ появились учебныя команды.

Въ приказѣ по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа отъ 26 Октября 1869 года за № 111 предписывалось „сформировать, какъ въ пѣхотныхъ такъ и въ кавалерійскихъ полкахъ гвардіи и округа, учебныя команды, для приготовленія рядовыхъ къ строевымъ унтеръ-офицерскимъ должностямъ и, вообще, въ учителя для ротъ и эскадроновъ“.

Обученіе въ учебныхъ командахъ производилось первое время на довольно неопредѣленныхъ началахъ; неопредѣленно было также ихъ положеніе, что, конечно, отражалось на результатахъ подготовки нижнихъ чиновъ къ занятію унтеръ-офицерскихъ должностей. Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку не было даже помѣщенія для учебной команды и она собиралась, гдѣ случится; занятія велись не систематично, да и времени на нихъ удѣлялось весьма мало. Такое отношеніе къ учебной командѣ въ то время было весьма понятно; тогда создавались каждый годъ особыя команды по различнымъ спеціальностямъ, вслѣдствіе чего были команды гимнастическія, фехтовальныя, саперныя и для обученія артилерійскому дѣлу. Такое множество командъ, формируемыхъ иногда на короткое время не позволяло относиться съ должнымъ вниманіемъ къ полковой учебной командѣ, которой и не придавалось особаго значенія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ польза, приносимая учебными командами, сознавалась въ самомъ началѣ ихъ существованія. Въ отчетѣ о полкахъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи за 1868 годъ, когда команды были введены еще не во всѣхъ полкахъ, начальникъ дивизіи писалъ: „учебная команда для приготовленія унтеръ-офицеровъ, оказываетъ большую пользу. По окончаніи курса производимые въ унтеръ-офицеры передаютъ свои знанія и обучаютъ подчиненныхъ правильно“.

Въ 1871 году начальникъ дивизіи писалъ въ отчетѣ, что „унтеръ-офицеры и ефрейторы, какъ кончившіе учебную команду, значительно выдѣляются отъ нижнихъ чиновъ рядовыхъ своимъ развитіемъ“.

Въ 1873 году было введено за правило, чтобы каждый ротный командиръ подготовлялъ бы по 10 кандидатовъ для поступленія въ полковую учебную команду, изъ числа которыхъ выбирались послѣ испытанія по 4 — 5 лучшихъ нижнихъ чиновъ. Люди, подлежавшіе поступленію въ полковыя учебныя команды, образовывали собою ротныя учебныя команды. Такимъ образомъ, уже къ этому времени полковыя учебныя команды пріобрѣтали все большее и большее значеніе.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку полковая учебная команда въ первый годъ своего

существованія, за зиму 1869—70 г.г., находилась въ блестящемъ состояніи. 8 апрѣля 1870 года командиръ полка Генералъ Шебашевъ объявилъ въ приказѣ по полку слѣдующее: „Произведенные 6-го числа сего мѣсяца полковой учебной командѣ ввѣреннаго мнѣ полка экзамены—дали блестящіе результаты. Относя это къ безукоризненному исполненію своихъ обязанностей завѣдывающаго командою Поручика Кнорринга и имѣя въ виду, что при томъ ограниченномъ времени для занятій, которое имѣлось въ его распоряженіи, настоящіе результаты не позволяютъ требовать лучшихъ, мнѣ тѣмъ пріятнѣе выразить мою искреннюю благодарность завѣдывающему полковою учебною командою Поручику Кноррингу".

Генералъ-Маіоръ Н. М. Шебашевъ.
Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 1863 по 1872 годъ.

Такимъ образомъ, учебная команда Л.-Гв. Финляндскаго полка въ первый годъ ея существованія оказалась настолько же въ хорошемъ состояніи, какъ и полковая унтеръ-офицерская школа. Насколько было хорошо состояніе школы въ послѣдній годъ ея существованія, можно видѣть изъ результатовъ, обнаруженныхъ при повѣркѣ ея начальникомъ штаба дивизіи; школа найдена имъ „въ удовлетворительности всѣхъ отдѣловъ пройденнаго курса и по полнотѣ программы по каждому предмету заслуживаетъ особаго вниманія". Школа Л.-Гв. Финляндскаго полка найдена тогда лучшей изъ школъ всей дивизіи [12]. Завѣдывалъ школой Подпоручикъ Строевъ 2-ой *.

Неопредѣленность положенія учебной команды повліяла въ скоромъ времени въ дурную сторону. Такъ, повѣрка занятій учебной команды полка въ 1872 году, хотя и показала стараніе всѣхъ чиновъ ея, но наряду съ этимъ оказалось, что принятый порядокъ

* Въ школѣ обучали въ то время нижнихъ чиновъ еще завѣдывающій оружіемъ Поручикъ Гернетъ 2-ой, а также и помощники завѣдывающаго школой Прапорщики Видишевъ и Шевелевъ.

обученія оставлялъ желать лучшаго: нѣкоторые нижніе чины присутствовали въ классахъ въ теченіе года не болѣе 14-ти разъ, что не могло не отразиться на успѣшности обученія ихъ. [13]

Эта неопредѣленность полковыхъ учебныхъ командъ продолжалась до 1875 года, когда, наконецъ, вышло „Положеніе о полковыхъ учебныхъ командахъ" и программы для обученія нижнихъ чиновъ вообще. [14]

На основаніи положенія 1875 года установлено, что никто изъ строевыхъ нижнихъ чиновъ не можетъ быть производимъ въ унтеръ-офицеры, не пройдя успѣшно полнаго курса учебной команды; срокъ обученія въ полковой учебной командѣ опредѣленъ былъ въ одинъ годъ; въ команду назначались нижніе чины по отбытіи перваго лагернаго сбора, непремѣнно на первомъ же году службы и, лишь какъ исключеніе, на второмъ году; для учебныхъ командъ отводились особыя помѣщенія; выпускъ изъ учебныхъ командъ производился послѣ подробнаго экзамена, дѣлаемаго особой комиссіей.

Такимъ образомъ, положеніе о полковыхъ учебныхъ командахъ придало имъ то самое значеніе, которое они занимаютъ и до настоящаго времени.

Изъ числа спеціальныхъ предметовъ обученія, за періодъ мирной жизни полка, послѣ похода въ Западный край, привлекали къ себѣ особое вниманіе гимнастика и фехтованіе. Существовавшія до 1858 года различныя команды, для обученія нижнихъ чиновъ гимнастикѣ и фехтованію, возродились вновь въ 1865 году. Тогда сформированы были въ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизіяхъ „въ видахъ развитія въ войскахъ искусства" дивизіонныя фехтовальныя команды, въ которыхъ слѣдовало подготовлять кадръ учителей фехтованія и помощниковъ ихъ для руководства „фехтовальными занятіями". Обученіе фехтованію въ этихъ командахъ было возложено на корпуснаго учителя Даве; каждые шесть мѣсяцевъ производился выпускъ нижнихъ чиновъ, окончившихъ обученіе въ этихъ командахъ. [15]

Въ этихъ же командахъ нижніе чины обучались гимнастикѣ и плаванію по указаніямъ старшаго учителя гимнастики Вольфельда. [16]

Въ 1867 году въ фехтовальныя и гимнастическія команды стали посылать также барабанщиковъ, горнистовъ и музыкантовъ. [17]

Въ 1870 году, въ виду усвоенія гимнастическихъ и фехтовальныхъ упражненій войсками гвардіи, приказано было гимнастическія команды, собираемыя при дивизіяхъ, „распустить и впредь не собирать". Обученіе означеннымъ предметамъ возложено было на учебныя команды. [18]

Насколько обученіе въ гимнастическихъ и фехтовальныхъ командахъ было сложно, показываетъ фактъ составленія въ 1867 году начальникомъ Рижскаго пѣхотнаго училища „конспекта" всѣхъ правилъ, изложенныхъ въ гимнастическихъ и фехтовальныхъ уставахъ съ таблицами. [19] Для усвоенія всѣхъ гимнастическихъ упражненій въ полку были выстроены гимнастическія машины въ полковомъ манежѣ и гимнастическій городокъ въ лагеряхъ. Фехтованію нижніе чины обучались не только на штыкахъ, но и на рапирахъ. Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку эти предметы были поставлены образцово; полкъ постоянно удостаивался многочисленныхъ благодарностей и лестныхъ отзывовъ высшихъ начальствующихъ лицъ за правильную постановку обученія нижнихъ чиновъ его; неоднократно „по

степени обученія полковъ фехтованію" Л.-Гв. Финляндскому полку отдавалось преимущество передъ прочими полками; такъ, въ 1866 году, вызванная на смотръ Великаго Князя Главнокомандующаго, 1-я рота полка „показала себя въ гимнастическихъ упражненіяхъ и фехтовальномъ боѣ въ особенномъ видѣ противу командъ другихъ полковъ". [20] Только въ 1869 году, когда полкъ былъ расположенъ за городомъ и не имѣлъ во время этой стоянки гимнастическихъ машинъ, онъ представился на смотру гимнастики и фехтованія „не такъ въ хорошемъ состояніи". [21] Но въ послѣдующее время полкъ снова сталъ выдающимся по этимъ предметамъ солдатскаго обученія. [22]

Смотры по гимнастикѣ были въ то время очень строги и подробны и даже самъ Главнокомандующій производилъ ихъ детально. Въ приказѣ по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа отъ 6-го апрѣля 1868 года за № 39 о смотрѣ полка Августѣйшимъ Главнокомандующимъ было объявлено слѣдующее: [23]

„Гимнастика очень хороша, при чемъ прыганье въ ширину и черезъ кобылу много правильнѣе, чѣмъ прыганье черезъ барьеръ. Для повѣрки гимнастики вызваны были 2-я, 6-я, 10-я, и 2-я стрѣлковая роты. Изъ офицеровъ приняли участіе въ гимнастикѣ 26 человѣкъ, всего же на смотру было 45 оберъ-офицеровъ.

„Фехтованіе выказало вполнѣ всю развязность и ловкость нижнихъ чиновъ. Въ вольномъ бою изъ 46 человѣкъ—54% выбило своихъ противниковъ, т. е. людей Л.-Гв. Гатчинскаго полка, тогда какъ въ этомъ послѣднемъ полку фехтованіе также очень хорошо".

Смотры гимнастики, какъ и самыя занятія, начинались съ пассивной гимнастики, затѣмъ переходили къ активной, оканчивались же онѣ бѣганьемъ гимнастическимъ шагомъ около версты.

Въ 1872 году произошла нѣкоторая перемѣна въ обученіи гимнастикѣ. По приказанію Главнокомандующаго, при Л.-Гв. Павловскомъ полку была образована учебно-гимнастическая команда, въ которую отъ всѣхъ пѣхотныхъ частей округа назначалось по одному человѣку съ каждаго батальона. [24]

Надо полагать, что эта команда просуществовала не долго; по крайней мѣрѣ о ней не встрѣчается болѣе никакихъ указаній въ дѣлахъ того времени.

Съ 1875 года, съ введеніемъ программы обученія нижнихъ чиновъ, гимнастика стала преподаваться на основаніи указаній этихъ программъ, при чемъ занятія, какъ гимнастикой, будучи нѣсколько уменьшены въ объемѣ, вошли въ большее соотвѣтствіе съ прочими, болѣе важными, отдѣлами солдатскаго обученія.

Что касается до обученія фехтованію, то, къ концу 70-хъ годовъ, оно было тоже уменьшено, сравнительно съ прежнимъ объемомъ его: фехтованіе на рапирахъ постепенно выводилось, а штыковой бой, какъ принявшій искусственный характеръ, тоже терялъ мало по малу свое значеніе.

Изъ спеціальныхъ занятій, кромѣ гимнастики и фехтованія, производилось также обученіе пріемамъ при орудіяхъ и обученіе саперному дѣлу.

Обученіе пріемамъ при орудіяхъ, практиковавшееся съ самыхъ давнихъ временъ, со второй половины 60-хъ годовъ, велось Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку въ особой командѣ, состоявшей изъ 24 человѣкъ; занятія велись въ полковомъ манежѣ и состояли въ

усвоеніи артиллерійскихъ пріемовъ; инструкторами являлись артиллеристы. Въ 1876 году занятія эти были измѣнены. Согласно приказа по Военному Вѣдомству отъ 26 января этого года, состоявшія при полкахъ артиллерійскія команды приказано было распустить, а вмѣсто нихъ командировать отъ каждаго полка въ ближайшія артиллерійскія бригады комплектъ прислуги на два орудія; съ выходомъ же артиллеріи въ лагери, эти нижніе чины прикомандировывались къ батареямъ на двѣ недѣли, „для обученія практической стрѣльбѣ“.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку артиллерійскія занятія велись хорошо, на что указываютъ отзывы начальствующихъ лицъ. Такъ, въ приказѣ по 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи отъ 31 мая 1867 года сказано, что „при осмотрѣ командъ, обучавшихся пріемамъ при орудіяхъ, команда Л.-Гв. Финляндскаго полка „обучена хорошо и лучше другихъ полковъ“.

Указанія для обученія пѣхоты саперному дѣлу получили едва ли не впервые опредѣленное положеніе въ 1869 году, когда была составлена, въ видѣ проекта, „программа обученія полевыхъ войскъ саперному дѣлу“.

Эта программа составлена была очень широко и придавала саперному дѣлу пѣхоты надлежащее значеніе. Она проводила обученіе саперному дѣлу, какъ всей пѣхоты вообще, такъ и особыхъ, назначенныхъ изъ состава каждаго полка, саперныхъ командъ. Цѣль обученія саперныхъ командъ заключалась въ образованіи для каждой отдѣльной войсковой части людей, настолько знакомыхъ съ сапернымъ дѣломъ, чтобы при недостаткѣ, или отсутствіи саперъ, люди этихъ командъ могли бы съ успѣхомъ ихъ замѣнить при возведеніи укрѣпленій и устройствѣ разнаго рода путей сообщенія. Къ сожалѣнію саперное дѣло не нашло себѣ полнаго развитія въ русской арміи вообще и въ гвардейскомъ корпусѣ въ частности. Въ пѣхотѣ не было введено даже надлежащаго шанцеваго инструмента, въ сколько нибудь соотвѣтственномъ количествѣ, а занятія по саперному дѣлу велись болѣе, чѣмъ рутинно. Все это не замедлило сказаться въ первомъ же бою, который вела гвардейская пѣхота въ кампанію 1877—78 г.г., когда сразу же почувствовался недостатокъ шанцеваго инструмента и невѣжество въ саперномъ дѣлѣ, послужившіе одной изъ причинъ большихъ потерь во всѣхъ полкахъ гвардейскаго корпуса. Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку, въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ, плачевное положеніе сапернаго дѣла лучше всего иллюстрировалось тѣмъ фактомъ, что нижніе чины при самоокапываніи пускали въ ходъ крышки отъ манерокъ, руки и ногти.

Тактическая подготовка какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, во второй половинѣ царствованія Императора Александра II-го оставляла желать лучшаго; вѣрнѣе сказать, она въ то время почти совсѣмъ не существовала въ русской арміи. Хотя послѣ Крымской войны на тактическую подготовку войскъ обращено было должное вниманіе, выразившееся введеніемъ въ войскахъ занятій „маневрированіемъ“ и „малой войной“, но со второй половины 60-хъ годовъ, подъ вліяніемъ мирнаго времени, тактическая подготовка войскъ приняла обратное направленіе. Такъ было во всей русской арміи, такъ было и въ гвардейскомъ корпусѣ. Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку замѣчалось тоже самое; тактическія занятія вообще, и въ частности военная игра, изобрѣтенная офицеромъ полка, Под-

поручикомъ Духонинымъ, были преданы забвенію; тактическія занятія прекратились почти совсѣмъ даже съ офицерами.

Только со второй половины 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ близости войны съ Турціей, тактическая подготовка войскъ стала привлекать къ себѣ должное вниманіе. „Согласно приказа по гвардейскому корпусу 1874 года за № 3, — говоритъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ начальникъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи,— было обращено особое вниманіе на тактическую подготовку офицеровъ; съ этою цѣлью зимою (1874—75 г.г.) введены систематическія занятія въ рѣшеніи тактическихъ задачъ, которыя и были провѣрены ротными, батальонными и, наконецъ, полковыми командирами, причемъ лучшія изъ рѣшенныхъ задачъ были представлены по командѣ. Во время лагернаго сбора (1875 г.) всѣ офицеры рѣшили по нѣсколько задачъ письменныхъ и въ полѣ, при чемъ сдѣланы были обязательныя подготовительныя работы для полковыхъ маневровъ, которыя лично мною были провѣрены на мѣстѣ. Офицеры отнеслись къ этимъ новымъ требованіямъ съ полною готовностью, и если новизна дѣла и повліяла первоначально на качество подобныхъ работъ, то тѣмъ не менѣе, смотря по успѣхамъ, уже достигнутымъ по этому предмету, можно надѣяться на постоянное развитіе тактической подготовки офицеровъ въ желательной степени".

Св. Е. И. В. Генералъ-Маіоръ Князь Г. С. Голицынъ.
Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 1872 по 1876 годъ.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку тактическія занятія офицеровъ тоже возобновились въ то время; они назначались по вечерамъ въ дежурной комнатѣ подъ именемъ „военной игры". На каждую игру назначались начальниками сторонъ штабъ-офицеры, которые въ помощь могли „избрать для каждой стороны по четыре оберъ-офицера". „Затѣмъ, — объявлялъ приказъ по полку[25],—присутствующими при военной игрѣ могутъ быть всѣ желающіе г.г. офицеры".

Къ сожалѣнію толчокъ, данный этимъ занятіямъ, нѣсколько запоздалъ, такъ какъ до открытія военныхъ дѣйствій оставалось слишкомъ мало времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ самой войной въ отчетѣ по дивизіи за 1876 годъ значилось, что тактическая подготовка „дала уже вполнѣ утѣшительные результаты".

Ровно за мѣсяцъ до объявленія войны съ Турціей, т. е. 12 марта 1877 года, командиромъ гвардейскаго корпуса была утверждена „Инструкція для исполненія тактическихъ задачъ на планахъ", имѣвшая цѣлью указать послѣдовательность рѣшенія тактическихъ работъ на планахъ, „какія обстоятельства должны составить предметъ соображеній при разрѣшеніи главнѣйшихъ тактическихъ вопросовъ" и опредѣлить отчетность по этимъ работамъ. Работать по этой инструкціи офицерамъ полка совсѣмъ не пришлось въ виду того, что она вышла незадолго до выхода полка въ лагерь, откуда полкъ отправился въ походъ.

Затѣмъ, передъ самымъ выходомъ гвардіи въ походъ, послѣдовало изданіе инструкціи для руководства войскъ гвардейскаго корпуса въ кампанію 1877—78 г.г. Инструкція эта, представляя собою общій сводъ тѣхъ требованій, которыми руководились войска во второй половинѣ 70-хъ годовъ, заслуживаетъ особаго вниманія, тѣмъ болѣе, что она давала руководство гвардейскимъ офицерамъ въ турецкую войну.

Данныя „инструкціи для войскъ гвардейскаго корпуса" 1877 года, въ общихъ чертахъ, заключались въ слѣдующемъ. При наступленіи, съ открытіемъ артиллерійскаго огня, пѣхота, назначенная въ боевыя линіи, размыкается по батальонно, чтобы принять опредѣленное направленіе. При этомъ не слѣдовало, какъ говоритъ инструкція, „торопиться переходомъ къ строю по ротно", что дѣлалось для сохраненія полнаго порядка; къ тому же, перестраиваніе въ строй по ротно, какъ указываетъ инструкція, „безполезно въ смыслѣ сбереженія части отъ потерь, ибо на 3—4 тыс. шаговъ батальонный строй представляетъ совершенно ничтожную цѣль". Инструкція подчеркнула значеніе ротнаго командира въ бою: ротнымъ командирамъ указывалась лишь цѣль дѣйствій, средства же исполненія были имъ предоставлены полностью, сами-же они должны были быть „совершенными хозяевами своихъ ротъ, и, въ случаяхъ непредвидѣнныхъ, брать на себя самостоятельное рѣшеніе, ведущее къ общему благу". Ротные командиры „распредѣляли роту на цѣпь и резервъ" въ зависимости отъ близости къ противнику и отъ мѣстности; вслѣдствіе этого, густота цѣпи была весьма различна, какъ въ различные фазисы боя, такъ и на различныхъ участкахъ ея. Инструкція обращала большое вниманіе на дисциплину огня въ цѣпи; огонь рекомендовался одиночный,—когда стрѣляли „только тѣ, которымъ поименно скомандуютъ унтеръ-офицеры",—общій и частый; въ послѣднемъ случаѣ указывалось количество выстрѣловъ на каждаго. Особое вниманіе инструкція обращала на мѣткость огня. „Нужно брать верхъ мѣткостью; одинъ мѣткій выстрѣлъ стоитъ больше тысячи, пущенныхъ на вѣтеръ". Наступленіе цѣпи предпочиталось въ полномъ ея составѣ, а не частями. Резервы подъ близкимъ огнемъ и на открытой мѣстности предписывалось вести въ разомкнутомъ или даже въ разсыпномъ строю. „Но понятно, что въ послѣднемъ случаѣ все должно быть дѣлаемо не иначе какъ по командѣ, совершенно такъ, какъ въ сомкнутомъ строю". Аттаку предписывалось начинать съ разстояній 150—200 шаговъ

быстрымъ бѣгомъ, „сбираясь на бѣгу къ унтеръ-офицерамъ или офицерамъ"; „ура" подавать на самомъ близкомъ разстояніи. Если убыль людей въ цѣпи потребуетъ преждевременнаго израсходованія резервовъ, то роты второй линіи принимали на себя обязанность резервовъ и, до минуты атаки, должны были усиливать цѣпь.

При оборонѣ дѣйствія сводились къ сильному занятію линіи густой цѣпью; атака противника должна была быть останавливаема учащеннымъ огнемъ, въ послѣдній моментъ цѣпь долженствовала выскакивать изъ за закрытій и бросаться въ штыки на встрѣчу атакующему.

Достиженіе умѣнья правильно вести бой инструкція находила возможнымъ только при раціональномъ обученіи въ мирное время; „теперь же,—говоритъ она,—предстоитъ проба, насколько дѣльно было это обученіе".

Въ общемъ, производство занятій полковъ гвардейскаго корпуса въ это время было весьма затруднительно вслѣдствіе громаднаго количества различнаго рода нарядовъ въ караулы, въ помощь полиціи, для сопровожденія арестантовъ, и нарядовъ по различнымъ случаямъ, какъ по „зарѣчной очереди", на пожары и т. п. Количество нарядовъ было такъ велико что начальство гвардейскаго корпуса все время, особенно со второй половины 60-хъ годовъ, дѣлало представленія о невозможности вести занятія вполнѣ систематично. Такимъ образомъ при этой обстановкѣ можно придти къ заключенію въ какой степени работа того времени по обученію нижнихъ чиновъ и, вообще, по строевой части была затруднительна.

Этотъ выводъ является тѣмъ болѣе правильнымъ, если принять во вниманіе, что нижніе чины гвардейскихъ полковъ отвлекались отъ своихъ прямыхъ обязанностей еще и побочной службой. Такъ, въ 1864 году въ полкахъ 22-й и 24-й пѣхотныхъ дивизій учебныя команды были сформированы при помощи гвардейскихъ инструкторовъ; эта мѣра была принята въ видахъ приведенія „къ единообразію обученія, обмундированія и снаряженія частей". Л.-Гв. отъ Финляндскаго полка были назначены тогда инструкторами одинъ унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ; [26] затѣмъ, въ 1868 году полкъ командировалъ инструктора въ 86-й пѣхотный Вильманстрандскій полкъ и имѣлъ постоянныхъ инструкторовъ въ 1 Военномъ Павловскомъ училищѣ, въ Морскомъ и во 2-мъ Кадетскомъ корпусахъ.

Офицерскіе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка имѣли также иногда командировки такъ, въ концѣ 60-хъ годовъ нѣкоторые офицеры прикомандировались къ учебному пѣхотному батальону [27]. Наиболѣе замѣтными изъ командировокъ были командированіе Капитана Засса въ 1863 году на маневры Германской арміи,—командира полка Генерала Князя Голицына осенью 1876 года въ Берлинъ на прусскіе маневры, въ каковой командировкѣ онъ пробылъ съ 21 Августа по 27 Сентября,—и Штабсъ-Капитана Вольскаго въ 1880 году въ Италію, на производившіеся тамъ маневры.

Помимо того полкъ дѣлалъ почти ежегодно зимніе „практическіе" походы, продолжавшіеся иногда довольно долгое время. Такъ, въ февралѣ 1872 года полкъ находился внѣ Петербурга въ продолженіи цѣлой недѣли. Затѣмъ, по нѣсколько разъ въ годъ устраивались прогулки по городу и общія тревоги, по которымъ войска собирались на Дворцовой площади.

Что касается до парадовъ, смотровъ и разводовъ съ церемоніей, то они отнимали весьма большое число дней отъ занятій въ ротахъ; помимо обычныхъ парадовъ, гвардіи приходилось еще принимать участіе въ церемоніальныхъ встрѣчахъ и въ парадахъ, устраиваемыхъ по случаю прибытія въ Петербургъ иностранныхъ Государей и Принцевъ Царствующихъ домовъ.

По возвращеніи гвардіи съ театра войны 1877—78 г.г., строевая служба Л.-Гв. Финляндскаго полка приняла нѣсколько иное направленіе, подъ вліяніемъ боеваго опыта только что миновавшей кампаніи.

Въ этомъ отношеніи въ приказѣ по гвардейскому корпусу 23-го Октября 1878 года командиръ корпуса Цесаревичъ Александръ Александровичъ отдалъ слѣдующее распоряженіе: „Нынѣ, съ увольненіемъ въ запасъ старослужащихъ и съ полнымъ переходомъ на мирное положеніе, считая необходимымъ установить общую однообразную систему учебныхъ занятій въ частяхъ корпуса, предоставляю начальникамъ дивизій давать указанія для примѣненія ея въ подробностяхъ". По отношенію къ занятіямъ съ нижними чинами предписывалось сформировать тотчасъ же учебныя команды и ротныя школы, въ которыхъ и вести занятія въ продолженіи зимняго времени и окончитъ ихъ ко времени выступленія въ лагерь. На обученіе унтеръ-офицеровъ было обращено тогда должное вниманіе, особенно съ практической стороны; въ приказѣ Наслѣдника Цесаревича говорилось по этому поводу слѣдующее: „унтеръ-офицеры... за неимѣніемъ постоянной практики въ приложеніи свѣдѣній полевой гарнизонной службы, пріобрѣтенныхъ ими въ учебныхъ командахъ, скоро забываютъ ихъ; почему считаю необходимымъ, въ ряду другихъ служебныхъ занятій повторять и утверждать унтеръ-офицеровъ въ знаніи полевой и гарнизонной службы и обязанности въ разсыпномъ строю." Обученіе новобранцевъ предписывалось закончить въ пѣхотѣ къ 15-му марта, когда ихъ слѣдовало уже поставить въ общій строй. Передъ началомъ занятій съ новобранцами повѣрялась „степень твердости, усвоенія учителями познаній во всемъ, чему они должны научить новобранцевъ".

Тотъ же приказъ обращалъ самое существенное вниманіе на одиночное образованіе нижнихъ чиновъ, предписывая вмѣстѣ съ тѣмъ производить, по мѣрѣ возможности, зимою ротныя и батальонныя ученія съ одними старослужащими, „съ тѣмъ, чтобы въ половинѣ мая части представляли вполнѣ твердые кадры для принятія въ себя молодыхъ солдатъ". Помимо того предписывалось „обратить особенное вниманіе на приготовительныя упражненія къ стрѣльбѣ". Что же касается до гимнастики и фехтованія, то въ этомъ отношеніи указывалось „не стараться достигать излишняго совершенства".

Такимъ образомъ были установлены нѣсколько иныя положенія при обученіи нижнихъ чиновъ; въ этомъ отношеніи особенно отличаются указанія о гимнастикѣ и фехтованіи, поставившія эти, второстепенные отдѣлы обученія на надлежащее имъ мѣсто, почему и было уничтожено замѣчавшееся прежде излишнее увлеченіе этими отдѣлами солдатскаго обученія. Вышедшее въ 1877 году „наставленіе для обученія войскъ гимнастикѣ", существующее и до нынѣ, указывая, что „гимнастика имѣетъ весьма важное значеніе въ смыслѣ обученія и физическаго развитія солдатъ, но тѣмъ не менѣе, не составляетъ особеннаго предмета воинскаго образованія, какъ, напримѣръ, стрѣльба, верховая ѣзда и др.,

... не должна быть развиваема въ войскахъ далѣе извѣстныхъ предѣловъ", — оставило лишь тѣ упражненія, „которыя имѣютъ существенное значеніе и кратчайшимъ путемъ ведутъ къ достиженію цѣли". Затѣмъ тогда стала вводиться строгая систематизація занятій, обращено вниманіе на однообразіе подготовки учителей, для чего въ каждомъ полку назначено по особому штабъ-офицеру *; для занятій съ унтеръ-офицерами назначено въ каждой ротѣ по особому офицеру, другой-же офицеръ велъ занятія съ молодыми, при участіи ротнаго командира.

Въ слѣдующемъ 1878-мъ году временно командующій войсками гвардіи и С.-Петербургскаго военнаго округа Генералъ-Адъютантъ Гурко, въ приказѣ по округу, отъ 3-го сентября, развилъ еще болѣе вновь возродившіяся требованія по обученію нижнихъ чиновъ и, вообще, по строевой службѣ.

„Принимая во вниманіе,—что одиночное обученіе нижнихъ чиновъ есть краеугольный камень всего послѣдующаго образованія, что въ немъ именно лежитъ залогъ преуспѣянія нашей арміи, а также, что при современныхъ короткихъ срокахъ службы, при которыхъ нижніе чины остаются въ запасѣ дольше чѣмъ на дѣйствительной службѣ въ рядахъ войскъ,—необходимо занятія съ нижними чинами вести систематично, строго-обдуманно: при этомъ каждая минута должна быть цѣнна и все замедляющее послѣдовательность примѣненія данной программы обученія должно быть своевременно устранено.

„Съ другой стороны, въ виду того, что отвѣтственная независимость въ дѣйствіяхъ и личная иниціатива составляютъ самое важное условіе успѣха обученія, развиваютъ между офицерами соревнованіе и, выработывая серьезный взглядъ на требованія службы, побуждаютъ сознательно изучать всѣ разнообразныя обязанности—предписываю главную отвѣтственность за одиночное образованіе нижнихъ чиновъ возложить на г.г. ротныхъ и эскадронныхъ командировъ, предоставивъ имъ, вслѣдствіе того, широкую самостоятельность въ установленіи, во ввѣренныхъ имъ частяхъ, программы предстоящихъ занятій.

„Пользуясь остающимся временемъ, упомянутые командиры должны обдумать планъ предстоящихъ занятій и представить его ближайшему начальству, а затѣмъ уже приводить въ исполненіе.

„Батальонные и полковые, а въ артиллеріи бригадные командиры, разъ принявъ представленную имъ программу, обязываются помогать подчиненнымъ только совѣтами, зорко слѣдя за ходомъ самаго обученія и, во всякое время, имѣя самыя точныя свѣдѣнія о положеніи его во ввѣренныхъ имъ частяхъ; непосредственное вмѣшательство въ ходъ занятій допускать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе неумѣлости, неопытности или небрежности, можетъ произойти ущербъ обученію нижнихъ чиновъ. Предъидущая плодотворная дѣятельность ротныхъ и эскадронныхъ командировъ по обученію нижнихъ чиновъ свидѣтельствуетъ, что они имѣютъ уже достаточную въ этомъ отношеніи опытность, а сознаніе долга, безъ всякаго сомнѣнія, послужитъ источникомъ неусыпнаго рве-

---

* Таковымъ штабъ-офицеромъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку былъ назначенъ младшій штабъ-офицеръ 1-го баталіона Полковникъ Хейкель.

нія къ веденію этихъ занятій какъ можно лучше и успѣшнѣе. Г.г. ротные, эскадронные и батарейные командиры, съ своей стороны, должны привлечь къ обученію нижнихъ чиновъ всѣхъ, безъ исключенія, подчиненныхъ имъ офицеровъ, выдѣливъ изъ нихъ самыхъ опытныхъ и знающихъ на обученіе молодыхъ солдатъ, такъ какъ отъ степени первоначальной подготовки солдата зависитъ успѣхъ всей дальнѣйшей его службы".

Въ заключеніе Генералъ-Адъютантъ Гурко говоритъ слѣдующее:

„Призывая всѣ чины временно ввѣреннаго мнѣ округа къ усиленію энергіи въ святомъ для насъ дѣлѣ обученія войскъ, я напоминаю имъ о результатѣ вынесеннаго нами опыта въ славную минувшую войну, блистательно подтвердившую извѣстную истину, что только хорошо обученная и строго дисциплинированная армія представляетъ несокрушимую силу, способную съ честію выполнять высокія цѣли, указываемыя ей державною волею Государя Императора."

Генералъ-Маіоръ В. Н. Лавровъ.
Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 1876 по 1877 годъ.

Требованіе энергіи въ занятіяхъ нашли себѣ благопріятную почву Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку: какъ офицеры, такъ и нижніе чины приступили къ занятіямъ по возвращеніи полка изъ похода съ особеннымъ интересомъ и увлеченіемъ къ дѣлу. Ротные командиры стали представлять проэкты обученія ввѣренныхъ имъ ротъ и росписанія занятій, составлявшіяся для каждой роты отдѣльно; какъ программы, такъ и занятія служили предметомъ оживленныхъ обсужденій въ офицерскомъ собраніи: интересъ и новизна дѣла завлекали многихъ. Всѣ предположенія ротныхъ командировъ представлялись при рапортахъ по командѣ, и, въ большинствѣ случаевъ, утверждались начальствомъ. Росписаніе занятій въ ротахъ сводилось обыкновенно къ слѣдующему распредѣленію ихъ: отъ $8^1/_2$ до $9^1/_2$ час. утра—гимнастика, фехтованіе, прикладка и гарнизонная служба; отъ $9^1/_2$ до $10^1/_2$ час.—уставы внутренней и аванпостной службы, службы въ учебныхъ

лагеряхъ и походахъ, „уставъ объ оружiи“ и дисциплинарный уставъ; отъ $10^{1}/_{2}$ до 11 ч.—отдыхъ и приготовленiя къ строевымъ занятiямъ; отъ 11 до $11^{3}/_{4}$ час.—одиночная выправка, ружейные прiемы, маршировка, стрѣльба изъ приборовъ, теорiя стрѣльбы и, разъ въ недѣлю, ротное ученiе. Вечернiя занятiя производились согласно росписанiю отъ 3 до $4^{1}/_{2}$ час. и заключались въ преподаванiи грамотности въ ротныхъ школахъ, въ изученiи свѣдѣнiй обязательныхъ для каждаго рядового и въ обученiи унтеръ-офицеровъ чтенiю картъ. [28]

Хотя занятiя по новымъ программамъ и были довольно затруднительны, но настойчивость, энергiя и серьезное отношенiе къ дѣлу, проявленные офицерами Л.-Гв. Финляндскаго полка, принесли сразу же благiе результаты, которые и обнаружились при внезапномъ осмотрѣ унтеръ-офицеровъ и молодыхъ солдатъ полка, произведенномъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ въ 1879 году по возвращенiи Его Высочества изъ-за границы; на смотру этомъ Великiй Князь остался вполнѣ доволенъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ.

Вообще послѣ кампанiи 1877—78 г.г. въ строевомъ отношенiи Финляндцы находились на той же высотѣ. Такъ, въ приказѣ по полку отъ 20 марта 1880 года было объявлено о результатѣ смотра Главнокомандующаго, причемъ сказано, что Его Высочество „изволилъ остаться вполнѣ довольнымъ всѣмъ осмотрѣннымъ“; относительно же унтеръ-офицеровъ и вице унтеръ-офицеровъ,—этихъ нижнихъ чиновъ, подготовка которыхъ имѣла наибольшее значенiе, Его Высочество выразилъ, „что они вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенiю, сознательно и внимательно относятся къ дѣлу“.

Участiе гвардiи въ войнѣ выказало недостаточность тактической подготовки офицеровъ, какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношенiи. „Боевой опытъ подтвердилъ,—говоритъ [29] Августѣйшiй Командиръ гвардейскаго корпуса Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ,—важность въ настоящее время тактическаго образованiя всѣхъ начальниковъ до самыхъ младшихъ включительно“. Вслѣдствiе этого предписано было усилить занятiя по тактической подготовкѣ офицеровъ, которыя должны были заключаться въ рѣшенiи письменныхъ тактическихъ задачъ на планахъ, въ участiи въ полевыхъ поѣздкахъ, въ военной игрѣ и въ производствѣ военныхъ бесѣдъ.

Въ 1879 году Августѣйшiй Командиръ гвардейскаго корпуса призналъ необходимымъ, для должной подготовки штабъ-офицеровъ въ тактическомъ отношенiи, образовать въ каждомъ полку особыя съ ними занятiя подъ руководствомъ начальниковъ дивизiонныхъ штабовъ [30]. Въ слѣдующемъ 1879 году Генералъ-Адъютантъ Гурко писалъ въ приказѣ по округу [31]: „предписываю принять энергичныя мѣры къ поднятiю уровня теоретическаго образованiя въ средѣ гг. офицеровъ“.

При такихъ то новыхъ требованiяхъ Л.-Гв. Финляндскiй полкъ завершилъ свое строевое образованiе въ царствованiе Императора Александра II-го; въ послѣдующее же время оставалось только развивать начала, вызванныя къ жизни боевымъ опытомъ кампанiи 1877—78 годовъ.

Подводя итоги постепеннаго развитiя порядковъ обученiя строевому дѣлу войскъ гвардейскаго корпуса, и въ числѣ ихъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, можно придти къ

выводу, что въ этомъ отношенiи достигнуты были, въ общемъ значительные успѣхи; переходъ отъ порядковъ середины 50-хъ годовъ, когда строй былъ цѣликомъ основанъ на уставныхъ требованiяхъ чуть ли не Павловскаго времени, къ способамъ обученiя, принятымъ въ началѣ 80-хъ годовъ, когда явились совершенно новыя начала, былъ болѣе чѣмъ рѣзокъ и вызвалъ крупную перемѣну какъ въ работѣ офицеровъ, такъ и въ системѣ обученiя нижнихъ чиновъ. Введенiе въ 1875 году всеобщей воинской повинности и послѣдовавшiе вслѣдъ за этимъ короткiе сроки службы содѣйствовали также кореннымъ образомъ къ измѣненiю системы обученiя нижнихъ чиновъ. Новая система потребовала усиленной работы со стороны всего офицерскаго состава, работы тяжелой, неустанной, отвѣтственной. Не только къ 80-мъ годамъ, но уже и въ 70-хъ годахъ невозможны были факты, наблюдавшiеся въ 50-хъ годахъ, когда субалтернъ-офицеры, въ большинствѣ случаевъ становились только въ строй, въ дѣлѣ же обученiя нижнихъ чиновъ непосредственнаго участiя не принимали; * доходило до того, что ротные командиры говорили младшимъ офицерамъ не являться въ роты на занятiя, чтобы „не мѣшать“ правильному ходу ихъ [32]. Та же всеобщая воинская повинность отразилась и на нижнихъ чинахъ: короткiй срокъ обученiя вызвалъ съ ихъ стороны усиленную и напряженную работу, особенно въ первые мѣсяцы ихъ службы въ воинскихъ рядахъ; въ этомъ отношенiи разница съ прежнимъ временемъ была весьма ощутительна.

Но, не смотря на все это, благiе результаты всетаки не были достигнуты вполнѣ.

Лагерныя занятiя въ полкахъ гвардiи за время царствованiя Императора Александра II велись въ духѣ требованiй того времени.

Занятiя во время лагерныхъ сборовъ заключались въ цѣльной стрѣльбѣ, въ глазомѣрномъ опредѣленiи разстоянiй, въ строевыхъ ученiяхъ, „въ примѣненiи устава къ требованiямъ войны, т. е. ученiй съ боевой цѣлью и съ примѣненiемъ къ мѣстности“ и въ маневрированiи. Изъ 50 ученiй, отводимыхъ на весь лагерный сборъ, малымъ маневрамъ и ученьямъ съ примѣненiемъ къ мѣстности отводилось отъ 16 до 18 занятiй, а изъ 9 недѣль лагернаго сбора, три недѣли уходили на различнаго рода наряды и смотры начальствующихъ лицъ.

Изъ этого распредѣленiя занятiй въ Красносельскомъ лагерѣ видно, что тактическiя ученья имѣли въ то время второстепенное значенiе; главное-же, чему посвящалась лагерная работа, былъ сомкнутый строй. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что бывали неоднократныя попытки придать лагернымъ занятiямъ надлежащее въ тактическомъ отношенiи направленiе. Въ этомъ послѣднемъ особенно выдѣлились начальные годы царствованiя Императора Александра II и годы послѣдовавшiе за Турецкой кампанiей 1877—78 гг.

Каковы были въ 50-хъ годахъ требованiя, предъявляемыя войскамъ въ Красносельскомъ лагерѣ, показываютъ слѣдующiя указанiя приказа по гвардейскому корпусу 1858 года [33]

---

* Такъ было въ ротахъ, но не въ спецiальныхъ командахъ, какъ напр. въ учебной и проч., гдѣ офицеры, которымъ эти команды были ввѣрены, вели обученiе своихъ нижнихъ чиновъ лично.

о занятіяхъ пѣхоты. Въ лагеряхъ предписывалось приступить къ слѣдующимъ видамъ занятій:

„Къ упражненію стрѣльбою, аванпостною службою и къ обученію по-ротно дѣйствіямъ въ разсыпномъ строѣ, на пересѣченой мѣстности.

„Къ маневрированію по-ротно и по-батальонно, съ опредѣленною тактическою цѣлью.

„Къ маневрамъ полковымъ, въ соединеніи съ артиллеріей и съ небольшими частями кавалеріи.

„Стрѣльбою въ цѣль заниматься ежедневно, очередуя роты такимъ образомъ, чтобы въ то время, когда однѣ изъ нихъ стрѣляютъ, другія занимались форпостною службою и разсыпаннымъ строемъ.

„Обученіе форпостной службы не ограничивать одною только разстановкою часовыхъ. Но ставя роту противъ роты, посылать частые патрули, выставлять отдѣльные пикеты, и вообще, стараться сколь возможно ближе ознакомить всѣхъ солдатъ, особенно же унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, съ тѣми обязанностями, какія имъ могутъ встрѣтиться при службѣ на передовыхъ постахъ противъ непріятеля.

„Для обученія разсыпному строю избирать мѣста непремѣнно пересѣченыя и на нихъ не только заставлять роту исполнять разныя движенія и построенія, но и объяснять людямъ, какъ должно поступать въ разныхъ случаяхъ. Для этого въ первые дни ученій послѣ каждаго движенія, ротный командиръ долженъ осмотрѣть всю цѣпь, поправить каждаго стрѣлка и затѣмъ уже начинать другое движеніе, имѣя въ виду, что лучше въ одно ученье занять пять или шесть позицій совершенно правильно, нежели двадцать— неправильно".

Тамъ-же предписывалось, чтобы „строевыя ученья производились отнюдь не болѣе одного раза въ день и никакъ не долѣе 2-хъ часовъ, исключая дивизіонныя ученья, которыя могутъ продолжаться и $2^1/_2$ часа".

Приблизительно такія-же указанія давались и въ ближайшіе послѣдующіе годы, а затѣмъ, начиная со второй половины 60-ыхъ годовъ, когда результаты Крымской кампаніи отходили все болѣе въ область забвенія, лагерныя занятія принимали все болѣе мирный характеръ. Едва ли не послѣдней попыткой для противодѣйствія этому теченію было учрежденіе въ 1864 году, по приказанію Военнаго Министра Генерала Милютина, комиссіи, имѣвшей цѣлью обсужденіе вопроса о составленіи наставленія войскамъ для производства маневровъ *.

Въ послѣдовавшее затѣмъ время тактическое обученіе въ лагеряхъ не примѣнялось и только сторожевая служба служила нѣкоторое время предметомъ вниманія. Такъ, въ 1871 году введены были „правила отправленія сторожевой службы по способу принятому у казаковъ" [34], а въ слѣдующемъ 1872 году послѣдовалъ рядъ распоряженій, усилив-

---

* Составъ комиссіи былъ слѣдующій: председатель-вице-директоръ главнаго управленія генеральнаго штаба, Генералъ-Маіоръ Мещериновъ, члены—помощникъ начальника штаба войскъ гвардіи и С.-Петерб. округа Генералъ-Маіоръ Гершельманъ, начальникъ штаба 2-ой кавал. дивизіи Полковникъ Драгомировъ и профессоръ тактики Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба Подполковникъ Лееръ.

шихъ „обученіе аванпостной службѣ". По этому поводу въ одномъ изъ приказовъ предписывалось слѣдующее: 1) выводить части на ученья съ вечера, пріучать ихъ къ сторожевой службѣ въ теченіи ночи и утромъ заканчивать ученье небольшимъ маневромъ; 2) требовать дѣятельнаго и непосредственнаго участія въ этихъ занятіяхъ по возможности всѣхъ офицеровъ полка, для чего въ дивизіонныхъ штабахъ составлять для аванпостныхъ ученій и малыхъ маневровъ предположенія, въ которыя бы входили отдѣльныя порученія, какъ напримѣръ, рекогносцировки, выборъ бивака, выставленіе отдѣльныхъ пикетовъ, нечаянныя ночныя нападенія и т. п. 3) разрѣшить офицерамъ при всѣхъ этихъ занятіяхъ воспользоваться планами и картами для оріентировки и навыка въ чтеніи ихъ.

Полковникъ Г. И. Шмидтъ.
Командующій Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ съ 1877 по 1878 годъ.

Продолжительность лагерныхъ сборовъ за время царствованія Императора Александра II въ войскахъ гвардіи и С.-Петербургскаго округа была такая-же какъ и въ предыдущее время: лагери длились около 2-хъ мѣсяцевъ.

Изъ распоряженій по отношенію къ лагерямъ за время до 1881 года наиболѣе значительными были слѣдуюшія.

Въ 1869 году было приказано „лагерь засадить деревьями и кустами и засѣять травой всѣ интервалы между батальонами, гдѣ нѣтъ проѣзжихъ дорогъ". Послѣ этого распоряженія Красносельскій лагерь принялъ совершенно другой видъ и сталъ уютнымъ, а вскорѣ и тѣнистымъ, представляя полную противоположность тому чѣмъ онъ былъ ранѣе, когда строжайше воспрещалось разведеніе въ немъ всякой растительности.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку садъ сталъ разводиться тотчасъ-же послѣ приведеннаго распоряженія, трудами Поручика Г. А. Кушакевича, насадившаго сначала питомникъ различныхъ деревьевъ и кустовъ.

Въ 1865 году лагерныя постройки Л.-Гв. Финляндскаго полка были обновлены и

расширены, устроены были крытыя подъ навѣсомъ кухни и столовыя съ деревянными столами и скамейками *, исправлены лазареты, мастерскія и перестроенъ фуражный дворъ —словомъ, лагерь, представлявшій до того времени разваливавшіеся полукривые досчатые сарайчики, принялъ щегольской видъ и красныя крыши издалека означали мѣсторасположеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка [35]. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда-же приступлено было впервые къ постройкѣ офицерскихъ бараковъ въ видѣ бревенчатыхъ домиковъ съ печами. Каждый баракъ былъ выстроенъ на трехъ офицеровъ. Средства на постройку были даны частью офицерами, частью изъ хозяйственныхъ суммъ полка **. Такимъ образомъ въ лагерѣ полка, вмѣсто прежде существовавшаго одного только командирскаго барака, представлявшаго собой низенькую избушку съ весьма малыми окошками, явился съ 1865 года цѣлый рядъ офицерскихъ бараковъ.

Наконецъ, послѣднимъ значительнымъ распоряженіемъ, касавшимся лагеря явилось приказаніе объ устройствѣ новыхъ лагерныхъ мѣстъ для сформированныхъ въ 1876 году 4-ыхъ батальоновъ полковъ гвардіи. Сначала для 4-хъ баталіоновъ были отведены мѣста позади 2-хъ батальоновъ, [36] а затѣмъ и позади прочихъ.

Переходъ въ лагери изъ Петербурга въ царствованіе Императора Александра II дѣлался обыкновенно пѣшкомъ; это былъ настоящій праздникъ. При выступленіи присутствовалъ почти всегда Государь Императоръ и у тріумфальныхъ воротъ, что у Нарвской заставы, прощался съ полками, двигавшимися дальше черезъ Лигово. Сообщеніе съ городомъ изъ лагеря было въ то время не очень удобно. Изъ Краснаго села ежедневно, въ назначенные часы, отходилъ огромный дилижансъ, всегда переполненный пассажирами-офицерами. Съ проведеніемъ-же Балтійской желѣзной дороги сообщеніе улучшилось и переходы въ лагерь и изъ лагеря стали дѣлаться по желѣзной дорогѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и отлучки офицеровъ изъ лагеря были очень облегчены—разрѣшеніе зависѣло только отъ командира полка.

Одинъ изъ служившихъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку въ 70-хъ годахъ офицеровъ даетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующія, не лишенныя интереса, строки о лагерной жизни въ полку въ то время [37].

„Къ лагерямъ, не смотря на то, что во время ихъ почти всѣ здоровѣли, полнѣли и розовѣли, офицерство относилось трояко: одни ихъ любили, радостно привѣтствуя выступленіе въ Красное-Село; другіе видѣли въ лагерной жизни досадливое стѣсненіе, обременительную тяготу, которую чѣмъ скорѣе отбыть, тѣмъ лучше, и встрѣчали конецъ лагернаго сезона съ нескрываемымъ ликованіемъ, какъ бы сбрасывая постоянно давящій грузъ, и третьи, въ сознаніи необходимости лагерей, лично для себя не испытывали отъ нихъ ни большого горя, ни великихъ радостей....

„Тонъ времяпрепровожденію офицеровъ за лѣто давала первая группа, члены которой бывали обыкновенно иниціаторами лагерныхъ развлеченій: хлопотали объ устройствѣ общей жженки, собирали по вечерамъ кружки поющихъ офицеровъ и устраивали въ

* Бывшія до этого солдатскія столовыя въ лагеряхъ состояли изъ устроенныхъ изъ земли и обложенныхъ дерномъ столовъ обрамленныхъ углубленіями въ видѣ канавокъ, одинъ изъ краевъ которыхъ служилъ для сидѣнія; въ эти-же канавки стекала и вода во время дождя.

** Каждый баракъ обошелся въ 84 руб. сер.

саду, передъ столовой, хоровое пѣніе, почти всегда заканчивавшееся ужиномъ, который затягивался, такъ сказать, сверхсмѣтно и будто бы неожиданно. Они же больше другихъ волновались за смотры и ученья, производившіеся въ присутствіи высшаго начальства и не только касавшіеся своего полка, а и всѣхъ другихъ частей, въ особенности расположенныхъ по сосѣдству. Почти вся первая группа состояла изъ страстныхъ поклонниковъ цѣльной стрѣльбы и именно къ ней принадлежали самые выдающіеся знатоки и практики стрѣлковаго дѣла.

„Попутно можно добавить, что эта же группа усерднѣе другихъ содѣйствовала процвѣтанію кассы буфета, расширенію кошельковъ всевозможныхъ маркитантовъ, мороженщиковъ и фруктовщиковъ.

„Въ числѣ равлеченій, при кототорыхъ пріятное соединялось съ полезнымъ, не послѣднее мѣсто занимали своеобразная охота и безпроигрышные призы.

„Если можно, хотя и съ натяжкой, допустить что безпроигрышные призы сохранились еще и до нашихъ дней, то уже своеобразная на самомъ стрѣльбищѣ охота навѣрное отошла давно въ область преданія и не возвратится вновь. Но въ тѣ времена, когда, выражаясь словами, кажется, Горбуновскаго купца, „цибулизація на наши мѣста такъ не напирала", охота эта имѣла много поклонниковъ.

„Въ полуверстѣ и далѣе за стрѣльбищинскими валами мѣстность была поросши рѣдкимъ кустарникомъ и вся въ ямахъ. Почему то эти ямы и кусты весной бывали любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ одичавшихъ бездомныхъ собакъ. Черезъ кустарникъ проходить одному даже и съ хорошей палкой было не всегда безопасно отъ бывшихъ друзей человѣчества.

„За измѣну своимъ былымъ хозяевамъ и проживательство на положеніи бродягъ красносельскимъ „диньго" * жестоко мстили любители стрѣльбы по движущимся цѣлямъ. Для нанесенія четвероногимъ бродягамъ всяческихъ „проторей и убытковъ", обыкновенно пользовались свободными промежутками между уходомъ уже стрѣлявшихъ ротъ и неприбываніемъ приходившихъ имъ на смѣну. Такъ какъ за отдаленностью будущія жертвы виднѣлись неясными пятнами, то предварительно мѣстность освѣщалась тщательнымъ осмотромъ черезъ сильные бинокли. Чтобы приспособить для охоты тогдашнія винтовки Крынка, прицѣльные щитики у которыхъ не отвѣчали разстояніямъ, къ щитикамъ привязывались разчерченыя деревянныя пластинки. Не рѣдкость было видѣть, когда въ увлеченіи спортомъ, какой-нибудь любитель даже въ солидномъ Штабсъ-Капитанскомъ чинѣ, ничтоже сумняшися, для удобства поражаемости становился на зыбкій столикъ, приносившійся для отмѣтки результатовъ стрѣльбы.

„Послѣ отбоя по всей линіи и снятія махальныхъ, заядлые охотники, вмѣсто того, чтобы пользоваться отдыхомъ, бѣжали по кочкамъ, а часто и по невозможной мокротѣ, далеко за валы, для удостовѣренія, что старанія спортсменовъ не пропали втунѣ. Находимые три, четыре, а иногда и въ большемъ числѣ, собачьи трупы какъ бы подрывали точность извѣстнаго вычисленія, будто для того, чтобы убить противника, требуется столько свинца, сколько вычеркиваемый изъ списка живыхъ вѣситъ самъ.

* Диньго—особая порода дикихъ собакъ въ Австраліи, пріученіе которыхъ почти невозможно; онѣ крайне кровожадны и сильны.

„Для тонкой стрѣльбы безъ кровопролитія употреблялись пустыя пивныя бутылки, которыя сговорившаяся кампанія въ три, четыре, пять человѣкъ выставляла на полкахъ, а то и прямо на землѣ въ ста шагахъ. Каждый промахнувшійся обязанъ былъ во время обѣда потребовать бутылку пива или вина, а попавшій въ цѣль, торжествуя свою побѣду, долженъ былъ ее отмѣтить такимъ же требованіемъ. А такъ какъ распредѣленіе призовъ происходило при равномѣрномъ участіи и взявшихъ ихъ и не взявшихъ, то отъ забавъ никто не страдалъ, а придерживаясь воззрѣній общества строгой трезвости, страдали всѣ въ одинаковомъ масштабѣ“.

Караульная служба за время царствованія Императора Александра II не занимала того выдающагося положенія, которое придавалось ей въ прежнее время. Хотя разводы и остались, имѣя важное значеніе, но они уже не составляли исключительно главнаго въ гарнизонной службѣ. Затѣмъ, съ самаго начала разсматриваемаго періода проглядываетъ стремленіе къ облегченію караульной службы вообще, что выражалось уменьшеніемъ нарядовъ и облегченіемъ обязанностей самой службы. Такъ, въ приказѣ по Военному Вѣдомству 1856 года 23-го октября предписывалось наряжать войска въ караулы только при необходимости въ этихъ послѣднихъ; затѣмъ по этому поводу указывалось: „г.г. комендантамъ имѣть неослабно наблюденіе, чтобы нарядъ сей, при могущей встрѣтиться возможности, былъ тотчасъ уменьшаемъ, и чтобы, напротивъ, всякое увеличеніе наряда не дѣлалось безъ личнаго ихъ удостовѣренія въ совершенной къ тому необходимости или въ большихъ противъ нея размѣрахъ“.

Въ случаѣ же увеличенія караульныхъ нарядовъ приказано было доносить объ этомъ на Высочайшее имя съ подробнымъ объясненіемъ причинъ, побудившихъ къ этому.

Затѣмъ принимаются мѣры къ облегченію службы часовыхъ. Такъ, въ приказѣ Военнаго Министра 1857 года за № 282-мъ говорится: „часовымъ, назначаемымъ для охраненія одного какого либо предмета, какъ-то: замка, печати, воротъ, дверей или оконъ тюрьмы, согласно съ § 548 Устава о гарнизонной службѣ, дозволить отходить отъ своихъ будокъ не далѣе 8-ми шаговъ; часовымъ, наблюдающимъ вобще за складами, какъ напримѣръ: провіантскими и соляными магазинами, винными подвалами и проч., для вящшаго ихъ облегченія, дозволить отходить отъ будки далѣе 8-ми шаговъ и даже обходить зданіе, съ тѣмъ только, чтобы часовому каждаго такого поста было опредѣлено, гдѣ именно онъ ходить долженъ, дабы визитиръ-рунды и патрули, зная это, могли всегда повѣрить исполненіе каждымъ часовымъ его долга“.

Упрощеніе въ несеніи караульной службы коснулось и внѣшности наряжаемыхъ въ караулы нижнихъ чиновъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія приказъ Военнаго Министра 1855 года, въ которомъ говорилось слѣдующее: „Войскамъ, состоящимъ въ караулѣ въ обыкновенные дни, усовъ и бакенбардовъ не фабрить. Въ воскресные дни вступать въ караулы съ нафабренными усами и бакенбардами, и имѣющимъ султаны—съ султанами“.

Но на ряду съ этимъ, взгляды прежняго времени на караульную службу продолжали еще имѣть весьма большое значеніе и какъ, выражались остряки еще Севастопольскихъ временъ, Михайловскій манежъ по прежнему былъ своего рода военнымъ университетомъ,

однимъ изъ труднѣйшихъ факультетовъ котораго были разводы съ церемоніей, сохранившіеся до 1881 года. Поэтому къ разводамъ готовились въ полкахъ гвардейскаго корпуса со всѣмъ тщаніемъ достойнымъ лучшаго примѣненія. Однако при этомъ караульная служба того времени развивала въ нижнихъ чинахъ не одну только парадную сторону дѣла, но и сознательное къ ней отношеніе: отъ часовыхъ требовалось тогда „знаніе своего дѣла" и разумное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, словомъ требовалась толковость при несеніи караульныхъ нарядовъ.

Такимъ образомъ караульная служба войскъ гвардіи во время царствованія Государя Императора Александра II-го находилась въ переходномъ состояніи отъ прежнихъ порядковъ этой службы, когда въ ней царила почти исключительно показная сторона, къ современному ея положенію.

Сообразно съ этимъ и требованія къ чинамъ, несшимъ караульную службу, были не такъ уже строги, какъ во время царствованія Императора Николая I-го, хотя и не отличались мягкостью. Одинъ изъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, служившій въ полку въ 70-хъ годахъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [38] слѣдующее: „находились люди, для которыхъ манежъ и все тамъ творившееся, представлялись какимъ-то жупеломъ, огненнымъ потокомъ, готовымъ нежданно-негаданно подхватить и праваго и виноватаго и, съ одинаковымъ равнодушіемъ, обратить въ пепелъ и того и другаго".

Другой офицеръ полка описывая караулъ 1873 года говоритъ, что требованія въ полку къ караульной службѣ были строги и въ такихъ словахъ изображаетъ появленіе на гауптвахтѣ одного изъ дежурныхъ по караулу: [39]

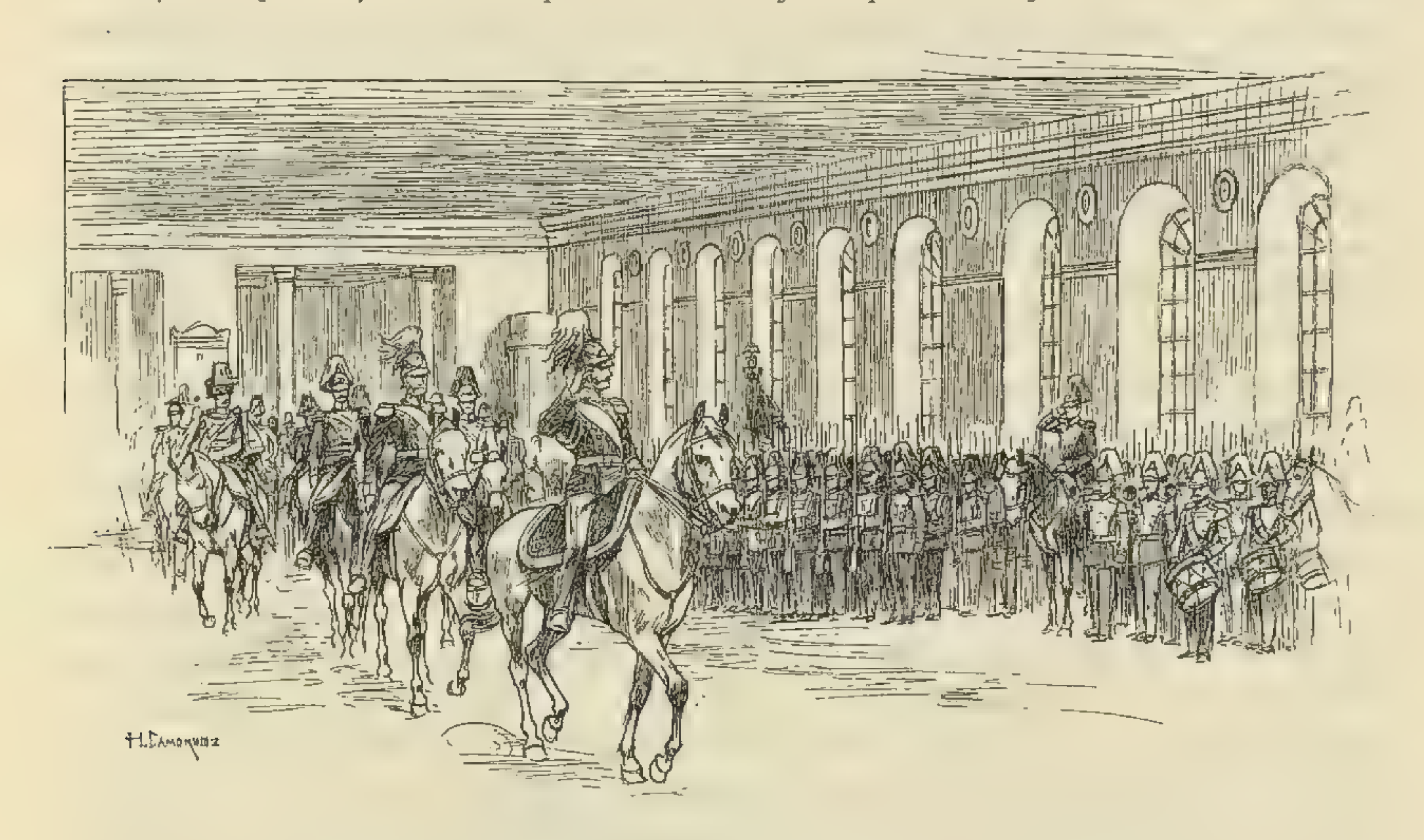
„Дежурный по карауламъ осмотрѣлъ гауптвахту, обругалъ сторожа, прикрикнулъ на сѣренькую собачку, прижавшуюся къ мѣсту, сдѣлалъ, на всякій случай, мнѣ внушеніе неуклонно слѣдить, какъ бы не пропустить генерала Бистрома. „Пусть барабанщикъ сгніетъ на платформѣ, а не смѣетъ прозѣвать" ...

Что касается собственно до взысканій, налагавшихся за проступки при несеніи караульной службы, то, судя по оффиціальнымъ даннымъ, ихъ было много меньше, чѣмъ въ прежнее время. По отношенію же Л.-Гв. къ Финляндскому полку можно опредѣленно сказать, что взысканій этихъ было совсѣмъ мало, и полкъ, напротивъ того, получалъ одни лишь похвалы за несеніе караульной службы во все время царствованія Императора Александра II-го. Доблестное же и вполнѣ разумное исполненіе чинами полка обязанностей караульной службы въ моментъ смертельной опасности при взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ 5-го февраля 1880 года, показываетъ, какъ глубоко были проникнуты офицеры и солдаты полка чувствомъ долга передъ Отечествомъ и преданностью Царю. Въ обыкновенное же время, при обычной обстановкѣ чины Л.-Гв. Финляндскаго полка несли караульную службу такъ, что удостаивались неоднократныхъ одобреній не только высшаго начальства, но и Государя Императора.

Въ приказахъ по полку за время съ 1855 по 1881 годъ встрѣчаются весьма многократныя поощренія Финляндцевъ Императоромъ Александромъ II-ымъ. Такъ, въ приказѣ по полку отъ 27-го февраля 1868 года по этому поводу отдано слѣдующее: „Государь Императоръ, на бывшемъ разводѣ съ церемоніею 25-го сего февраля, отъ I батальона,

изволилъ найти батальонъ этотъ въ отличномъ состоянiи, чрезъ это остался чрезвычайно доволенъ, почему объявляю мою искреннюю благодарность командиру батальона Полковнику Зассъ, и всѣмъ Г.г. офицерамъ, участвовавшимъ на разводѣ, а нижнимъ чинамъ мое спасибо".

14-го марта 1870 года въ приказѣ по полку говорится слѣдующее:

Парадъ въ Михайловскомъ манежѣ при Императорѣ Александрѣ II.

„12-го числа сего мѣсяца во время занятiя ввѣреннымъ мнѣ полкомъ городовыхъ карауловъ, Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ обратить вниманiе на молодецкiй видъ часовыхъ, стоявшихъ на подъѣздахъ Его Величества, Ея Величества и парными часовыми во Дворцѣ Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича".

Наконецъ, приказъ по полку отъ 5-го января 1880-го года упоминаетъ слѣдующiй фактъ изъ караульной службы:

„Часовые 2-й смѣны внутренняго караула, стоявшiе на подъѣздѣ Ея Величества 5-й роты рядовые: Яковъ Перебенусъ и Андрей Харитоновъ найдены Государемъ Императоромъ молодцами и толковыми часовыми. Предписываю означеннымъ нижнимъ чинамъ выдать по 50 коп. награды".

А черезъ нѣсколько дней въ приказѣ объявлялось: [40]

„Сего числа на разводѣ въ Высочайшемъ присутствiи Государь Императоръ остался отмѣнно доволенъ, при чемъ изволилъ выразить—„Славнѣйшiй во всѣхъ отношенiяхъ разводъ".

Для того чтобы достигнуть со стороны нижнихъ чиновъ отличнаго исполненія обязанностей караульной службы нужно было воспитать ихъ въ надлежащемъ духѣ и весьма тщательно подготовить къ карауламъ. Производилась эта подготовка ротными командирами подъ наблюденіемъ батальонныхъ командировъ и командира полка; помимо того, на батальонныхъ командирахъ лежала обязанность особенно подготовлять свои батальоны къ разводамъ съ церемоніей, вслѣдствіе чего нарядъ батальонныхъ командировъ дежурными по карауламъ предписано было производить одновременно съ нарядомъ батальоновъ, состоявшихъ въ ихъ командѣ [41]. Командиры полка не ограничивались наблюденіемъ издали за несеніемъ караульной службы чинами ихъ полковъ, но и самолично повѣряли часовыхъ на постахъ. Такъ, Генералъ-Маіоръ Шебашевъ, въ приказѣ по полку отъ 26-го февраля 1868 года, говоритъ о результатахъ своего осмотра часовыхъ полка слѣдующее:

„Вчерашняго числа, при обходѣ мною часовыхъ въ залахъ Зимняго Дворца, парнымъ часовымъ отъ роты Его Высочества и 2-й роты, стоявшимъ на Собственныхъ подъѣздахъ Его Величества и Ея Величества, а также и сего числа, парнымъ часовымъ отъ 4-й роты, стоявшимъ въ Собственномъ Его Величества Дворцѣ, на подъѣздѣ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, за ихъ молодецкій видъ и знаніе своего дѣла; жалую по 26 коп. сер. каждому".

Осматривало часовыхъ также и высшее начальство, начиная съ Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. При этомъ нижніе чины полка оказывались всегда вполнѣ исправными. Въ приказѣ Л.-Гв. по Финляндскому полку отъ 1-го февраля 1865 года по этому поводу говорится слѣдующее.

„Его Императорское Высочество командующій округомъ изволилъ замѣтить, что часовые, стоя на видныхъ постахъ, имѣютъ выправку чрезвычайно натянутую, за исключеніемъ нижнихъ чиновъ одного лишь Л.-Гв. Финляндскаго полка, почему Его Превосходительство начальникъ дивизіи приказалъ просить полки обратить на это особенное вниманіе".

Караульные наряды Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку за періодъ съ 1855 г. были значительно сокращены по сравненію съ нарядами 1825—55 г.г. Такъ офицеровъ по I отдѣленію наряжалось послѣ 1856 года отъ 11 до 13 человѣкъ, а по II отдѣленію—отъ 5 до 10. Эти наряды, по сравненію съ таковыми 20-хъ годовъ, были почти вдвое меньше. Наряды нижнихъ чиновъ были тоже соотвѣтственно уменьшены.

Число карауловъ, выставляемыхъ полкомъ, также уменьшилось приблизительно на $^1/_3$ сравнительно съ Николаевскимъ временемъ.

Но, къ сожалѣнію, съ 60-хъ годовъ вслѣдствіе безпорядковъ, проявлявшихся съ особенною силою въ Петербургѣ, число карауловъ стало увеличиваться. Къ такимъ особымъ карауламъ, выставляемымъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, принадлежали караулы въ университетъ, въ академію наукъ, въ Галерный портъ и въ винные магазины Васильевскаго острова. [42]

Затѣмъ, къ концу 70-хъ годовъ и особенно послѣ усиленнаго увольненія въ запасъ, вслѣдъ за окончаніемъ Турецкой войны, караульные наряды, если и не были сами по

себѣ значительно увеличены, * то всетаки были чрезвычайно обременительны для полковъ гвардіи. Въ 1879 году въ отчетѣ по 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, [43] начальникъ дивизіи писалъ по поводу караульныхъ нарядовъ слѣдующее: „Считаю долгомъ донести Вашему Императорскому Высочеству, что всѣ... наряды ложились весьма тяжелымъ бременемъ на полки въ ущербъ строевому образованію... служба нижнихъ чиновъ становится крайне трудною, утомляя ихъ не только физически, но и нравственно, она лишаетъ части возможности удѣлить необходимое время на строевое образованіе. Занятія ведутся непослѣдовательно, что весьма вредно отзывается на воинскомъ образованіи нижнихъ чиновъ. Для сокращенія нарядовъ, вызываемыхъ условіями квартированія въ столицѣ, признаю крайне необходимымъ увеличить настоящій составъ гвардіи, что въ свою очередь должно благотворно отозваться на ускореніи мобилизаціи".

Караульные наряды Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку за время съ 1855 по 1881 годъ выражались въ слѣдующихъ цифрахъ: въ годъ полкъ отбывалъ городскихъ карауловъ по I-му и II-му отдѣленіямъ отъ 18 до 44 нарядовъ; въ среднемъ же полкъ несъ въ годъ, по обоимъ отдѣленіямъ вмѣстѣ, около 35-ти нарядовъ [44].

Численность каждаго наряда представляла собою мало измѣнявшуюся величину за все разсматриваемое время и выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ [45]. Въ караулы назначалось:—по I-му отдѣленію офицеровъ—13, унтеръ-офицеровъ—25, музыкантовъ—5, рядовыхъ—313; въ оба отдѣленія вмѣстѣ назначалось: офицеровъ—20, унтеръ-офицеровъ—58, музыкантовъ—17, рядовыхъ—651.

На ряду съ этимъ не малъ былъ и расходъ людей по домашнему наряду и различнаго рода командировкамъ. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ чрезмѣрное возрастаніе расхода людей составило предметъ особой заботливости со стороны штабовъ и начальствующихъ лицъ и, въ концѣ концовъ, къ 1867 году, расходъ этотъ былъ регулированъ на столько, что полкамъ предписывалось имѣть ежедневный опредѣленный расходъ не болѣе извѣстной цифры; всего же было опредѣлено имѣть въ расходѣ и командировкѣ, въ полку при расположеніи въ городѣ 23 унтеръ-офицера и 265 рядовыхъ, въ лагеряхъ же 29 унтеръ-офицеровъ и 318 рядовыхъ. По вѣдомости Л.-Гв. Финляндскаго полка отъ 11-го іюня 1867 года въ бытность полка на большихъ маневрахъ, домашній расходъ людей а также и находившихся въ командировкахъ выражался въ слѣдующихъ числахъ: унтеръ-офицеровъ—8, музыкантовъ—1, и рядовыхъ—83.

Помимо нарядовъ въ караулы, на домашнюю должность и отправленій командировки, нижніе чины полковъ гвардейской пѣхоты наряжались на работы по различнаго рода сооруженіямъ въ качествѣ простой рабочей силы. Наряды эти не были постоянными и отбывались при случаяхъ, но случаи эти были весьма часты: то нижніе чины строили желѣзныя дороги, то принимали участіе въ работахъ въ артиллерійскихъ складахъ, то въ разныхъ интендантскихъ заведеніяхъ, то, наконецъ, при возведеніи укрѣпленій. При этомъ наряды были иногда весьма значительны; такъ, въ 1860 и 1861 году гвардейская пѣхота высылала осенью въ Кронштадтъ отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Въ общемъ

---

* Въ 1879 году къ старшему караулу I-го отд. прибавлено 15 рядовыхъ.

же за 25-ти лѣтіе съ 1855 года наряды эти стали постепенно сокращаться, такъ какъ артиллерійское, интендантское и инженерное вѣдомства получили возможность обходиться безъ рукъ строевыхъ солдатъ.

Дисциплинарная часть въ русской арміи въ царствованіи Императора Александра II-го испытала, въ ряду другихъ реформъ, наиболѣе существенное измѣненіе. Въ этомъ отношеніи выдѣляется введеніе гласнаго и скораго суда, а также и общее смягченіе наказаній, въ основу которыхъ былъ положенъ совершенно другой принципъ, чѣмъ въ прежнее время. Если въ предшествовавшую эпоху принципъ устрашенія игралъ наибольшую роль въ системѣ наказаній, практиковавшихся въ военномъ вѣдомствѣ, то въ эпоху Императора Александра II-го выступилъ совершенно иной принципъ развитія въ солдатѣ „сознанія чести и долга", повлекшій за собою наказанія не столько устрашительныя, сколько дѣйствовавшія на самолюбіе нижнихъ чиновъ, которое старались развивать въ то время всевозможными способами.

17-е апрѣля 1863 года послужило гранью между прежней системой наказанія и новой, болѣе гуманной. 6-го іюня того года введенъ былъ дисциплинарный судъ, представлявшій собою прототипъ современнаго полкового суда, введеннаго въ свою очередь въ 1867 году.

До 17-го апрѣля 1863 года всѣ наказанія, бывшія въ прежнее время, практиковались, въ общемъ, на прежнемъ же основаніи. Какъ и въ былое время шпицрутены и розги гуляли по спинамъ наказываемыхъ; не измѣнилась даже и обстановка производства этихъ экзекуцій, обставляемыхъ по прежнему въ торжественной формѣ. Уменьшалось только число ударовъ лозанами и шпицрутенами. Такъ, по уголовному уставу 1855 года, изданному на смѣну устава 1839 года, наибольшее количество шпицрутеновъ опредѣлялось въ 3,000 ударовъ, вмѣсто прежнихъ 6,000. Въ сентябрѣ слѣдующаго 1856 года, въ секретномъ предписаніи, разосланномъ по войскамъ, предѣльная цифра была уменьшена до 1,000 ударовъ. Въ 1857 году отдано было по войскамъ гвардейскаго корпуса распоряженіе о замѣнѣ шпицрутеновъ розгами при нѣкоторыхъ преступленіяхъ — за кражу и за первый побѣгъ. Въ 1859 году, согласно вышедшему военно-уголовному уставу, отличавшемуся, сравнительно съ уставомъ 1855 года, довольно чувствительными смягченіями, число случаевъ примѣненія тяжелыхъ наказаній значительно сократилось: отъ тѣлесныхъ наказаній были избавлены нижніе чины, имѣвшіе знакъ отличія военнаго ордена; въ послѣдовавшемъ 1860 году унтеръ-офицеры и рядовые, имѣвшіе нашивки за безпорочную службу были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, впредь до разжалованія въ рядовые и снятія нашивокъ; тогда же, при опредѣленіи наказаній за первый побѣгъ и кражу, положено было, что число ударовъ розгами не должно было превышать 200 [46].

Наконецъ 17-го апрѣля 1863 года [47] послѣдовало объявленіе нижеслѣдующаго знаменательнаго приказа Военнаго Министра:

„Государь Императоръ, желая явить новый примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи и въ видахъ возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ, по всеподданнѣйшему докладу Генералъ-Аудиторіата, Высочайше повелѣть соизволилъ:

Тревога войскамъ гвардіи и Петербургскаго округа 20-го Декабря 1872 г. Прибытіе войскъ на Дворцовую площадь.

Съ гравюры 1873 года.

„Для воинскихъ нижнихъ чиновъ прогнаніе сквозь строй или наказаніе шпицрутенами вовсе отмѣнить какъ въ мирное, такъ и въ военное время...

„Всѣхъ... вновь поступающихъ въ военную службу освободить отъ тѣлеснаго наказанія безъ судебнаго приговора до тѣхъ поръ, пока они сами не окажутся недостойными сей милости и не будутъ по приговору суда переведены въ разрядъ штрафованныхъ"...

Въ эпоху Императора Александра II-го случаи наказаній шпицрутенами Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку до отмѣны ихъ въ 1863 году были весьма немногочисленны. Этому наказанію подвергались нижніе чины за преступленія, выходящія изъ ряда вонъ, которыя были въ полку весьма рѣдки и даже, можно сказать, единичны. Дѣла полкового архива показываютъ, что послѣ убійства четырехъ евреевъ, совершеннаго въ началѣ 1855 года, при расположеніи полка въ западномъ краѣ, двумя рядовыми полка, которымъ по Монаршему милосердію смертная казнь замѣнена была шпицрутенами „черезъ 1,000 человѣкъ по 6-ти разъ", наказанія шпицрутенами были примѣнены только два раза, именно въ 1860 году. Первое преступленіе, за которое были назначены тогда шпицрутены, заключалось въ первомъ со службы побѣгѣ, продолжавшемся 8 дней и утратѣ подсудимымъ, бывшихъ на немъ казенныхъ суконныхъ шароваръ и сапогъ; наказаніе заключалось въ 100 ударахъ шпицрутенами и въ выписаніи виновнаго въ армію [48]. Второе преступленіе, повлекшее за собою шпицрутены „черезъ 100 человѣкъ пять разъ" и ссылку въ каторжныя работы на 4 года, заключалось въ кражѣ вещей на пожарѣ [49]. Эти случаи примѣненія шпицрутеновъ были въ полку послѣдними.

Что касается до наказанія розгами, то оно примѣнялось Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку за періодъ до 1863 года, сравнительно рѣдко, если принять во вниманіе суровость режима только что миновавшаго царствованія Императора Николая I.

Число наказанныхъ розгами Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку за время 1855—63 годовъ было слѣдующее: [50]

Въ 1855 г. — 33*	Въ 1858 г. — 15	Въ 1861 г. — 26
„ 1856 „ — 20*	„ 1859 „ — 21	„ 1862 „ — 18
„ 1857 „ — 12	„ 1860 „ — 32	„ 1863 „ — 14

Совсѣмъ не то показываетъ статистика наказаній Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку послѣ 1863 года, когда шпицрутены были отмѣнены совсѣмъ, а розги если и продолжали существовать, то въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

Число наказанныхъ розгами въ полку за время 1863—77 годовъ было слѣдующее: [51]

Въ 1864 г. — 14	Въ 1869 г. — 3	Въ 1874 г. — ?
„ 1865 „ — ?	„ 1870 „ — ?	„ 1875 „ — 1
„ 1866 „ — 14	„ 1871 „ — 1	„ 1876 „ — 2
„ 1867 „ — 8	„ 1872 „ — 1	„ 1877 „ — 2
„ 1868 „ — ?	„ 1873 „ — 2	

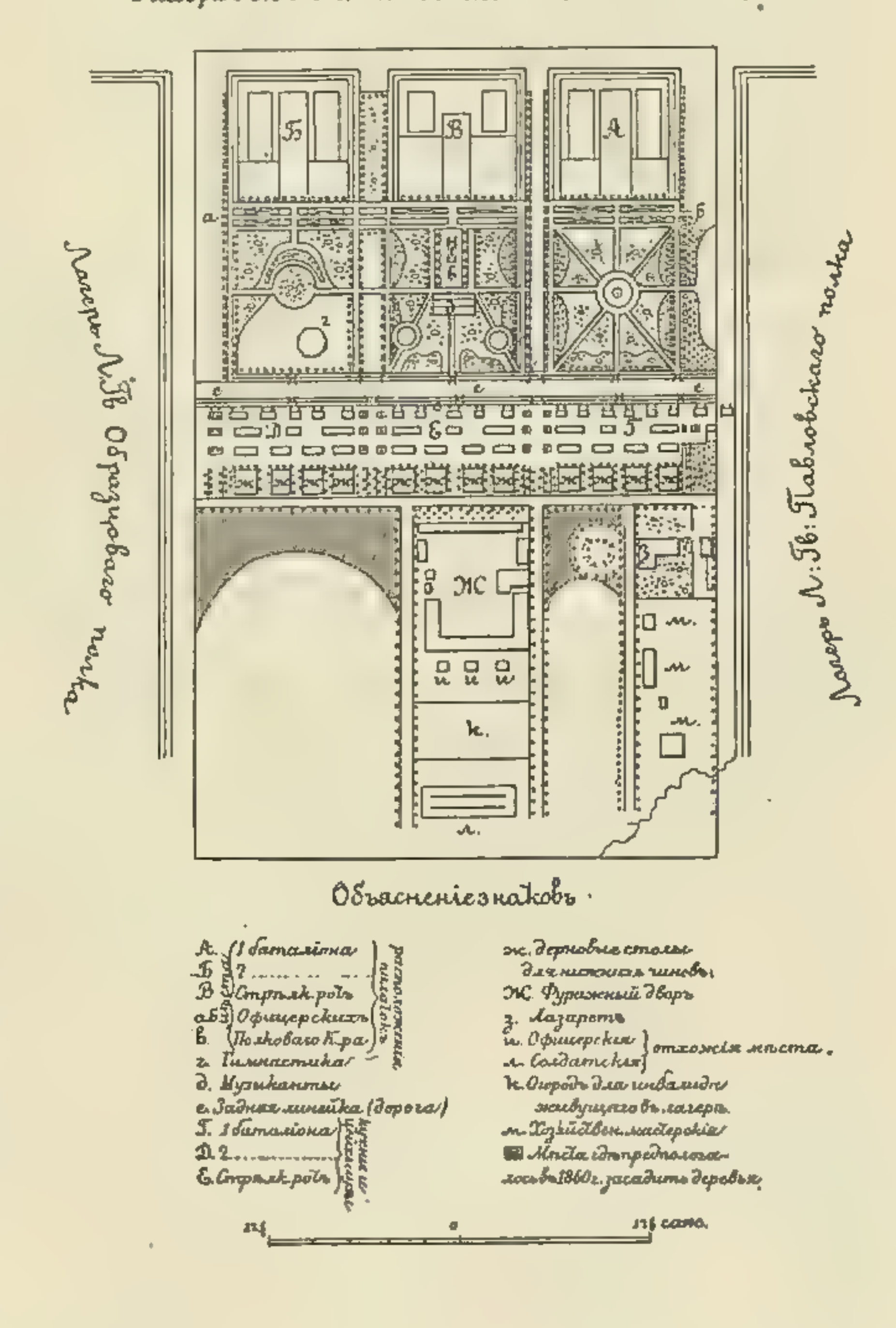
* За 1855 и 1856 гг. число наказанныхъ розгами показано въ дѣйствующемъ и резервномъ полку.

Вышеприведенныя таблицы показываютъ, что наказаніе розгами, представлявшее собою остатокъ, существовавшаго прежде цѣлаго ряда тѣлесныхъ наказаній нижнихъ чиновъ, примѣнялось все рѣже и рѣже, свидѣтельствуя, какъ о смягченіи вообще нравовъ, такъ и о томъ, что поведеніе нижнихъ чиновъ улучшалось.

Въ справедливости послѣдняго вывода убѣждаютъ документы того времени. Такъ, отчеты инспекторскихъ смотровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, произведенныхъ начальникомъ дивизіи, послѣ 1863 года говорятъ слѣдующее [52]: „Вредное вліяніе бывшей системы тѣлеснаго наказанія постоянно уменьшается вмѣстѣ съ выбытіемъ старослуживыхъ, начинавшихъ и продолжавшихъ службу на этихъ взысканіяхъ, вслѣдствіе чего составъ войскъ въ нравственномъ состояніи улучшается.

„Въ настоящее время, въ полку большинство молодыхъ солдатъ воспитывается въ началахъ сознанія чести и святости долга".

„Главнѣйшимъ и единственнымъ видомъ проступковъ" отчетъ признавалъ пьянство, съ которымъ соединялись и другія преступленія, какъ-то кражи и побѣги.

Существеннымъ фактомъ является то, что вольныя работы, во время которыхъ нижніе чины были лишены надлежащаго надсмотра, вліяли на нихъ весьма скверно въ нравственномъ отношеніи; за время вольныхъ работъ, продолжавшееся ежегодно около $1^1/_2$ мѣсяца, совершалось около половины годоваго числа проступковъ, вызывавшихъ преданіе суду. Затѣмъ, какъ на другой интересный фактъ, можно указать на повторяемость проступковъ одними и тѣми-же нижними чинами, „преимущественно изъ поступившихъ по найму".

Введеніе въ 1875 году всеобщей воинской повинности, уничтоживъ такое уродливое явленіе, какъ служба въ войскахъ по найму, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнивъ въ корень систему комплектованія войскъ, дало арміи однообразный составъ, такъ какъ въ ряды ея стали

поступать молодые люди одного и того же опредѣленнаго возраста и отнюдь не отбросы общества. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключалось главное значеніе этой реформы: съ введеніемъ всеобщей воинской повинности нравственность солдатъ должна была улучшиться, такъ какъ при существовавшей прежде рекрутчинѣ, безнравственные, неспособные люди и вообще худшій элементъ населенія не могъ уже преимущественно проникать въ войска.

Впрочемъ, по отношенію къ гвардіи это нежелательное явленіе существовало въ значительно меньшей степени; получая людей по особому выбору изъ общаго числа рекрутъ, гвардія пополнялась лучшими изъ нихъ не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніи. Переводы заслуженныхъ нижнихъ чиновъ арміи еще болѣе поднимали составъ гвардейскихъ полковъ.

Такимъ образомъ, введеніе всеобщей воинской повинности для гвардіи не имѣло въ этомъ отношеніи такого значенія, какъ для армейскихъ частей.

Одинъ изъ офицеровъ, служившихъ въ полку въ 70-хъ годахъ, признавая важное значеніе воинской повинности по отношенію нравственности нижнихъ чиновъ говоритъ, что поступавшіе въ полкъ вмѣсто прежнихъ рекрутъ новобранцы являлись въ ряды арміи съ обновленными духовными силами; „но,—говоритъ онъ, [53]—къ сожалѣнію нельзя того же сказать о начальствующихъ, въ которыхъ еще сильно живетъ духъ крѣпостничества и полное непониманіе современнаго солдата, въ умахъ которыхъ не перестаетъ рисоваться образъ стараго солдата, воспитаннаго на палкѣ и кулакѣ. Это грубое непониманіе солдатской души отразилось на первыхъ же шагахъ. Въ предвидѣніи якобы могущихъ совершиться преступленій и проступковъ начальствомъ грубо были попраны здравыя и, по закону незыблемыя, начала военно-уголовнаго судопроизводства и военно-уголовныхъ законовъ. Власть командировъ полковъ чрезмѣрно была расширена по наложенію взысканій; функціи судебной власти были перенесены и въ часть административную; тѣлесныя наказанія, окончательно было потерявшія права гражданства въ арміи, снова были возстановлены и налагались безъ суда и слѣдствія; кулачная расправа явилась на сцену и какъ бы снова возродились времена крѣпостничества и солдатъ-рабовъ. Правда въ этомъ нельзя обвинять поголовно всѣхъ начальниковъ, и, какъ противуположность произволу и безправію, выступаетъ въ моемъ воспоминаніи личность, погибшаго отъ вражескихъ пуль, нашего командира В. Н. Лаврова, съумѣвшаго оставить на бумагѣ мертвой буквой предоставленную ему власть и вездѣ и во всемъ проводившаго въ жизнь начала, выработанныя духомъ времени“.

Сильнѣе всего вліяніе всеобщей воинской повинности сказалось на прекращеніи одного изъ наиболѣе распространенныхъ до этой поры воинскихъ преступленій—бѣгства: съ 1874 года Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку это преступленіе встрѣчалось лишь какъ весьма рѣдкое исключительное явленіе, тогда какъ до этого времени оно было постояннымъ. Такъ, согласно вѣдомостей полка [54], бѣжало въ полку нижнихъ чиновъ: въ 1856 году—6, 1857 г.—5, 1858 г.—2, 1859 г.—0, 1860 г.—3, 1861 г.—3, 1862 г.—1, 1863 г.—0, 1864 г.—0, 1865 г.—1, 1866 г.—2, 1867 г.—0, 1868 г.—2, 1869—5, 1870 г.—2, 1871 г.—0, 1872 г.—2, и 1873 г.—3.

Поводами къ побѣгамъ служили слѣдующія причины: страхъ наказаній за утрату казеннаго имущества, тоска по родинѣ, страхъ передъ наказаніями вообще, нерадѣніе къ службѣ и, наконецъ, наклонность къ бродяжничеству и пьянству.

Награды за отсутствіе бѣглыхъ ротнымъ и полковымъ командирамъ, установленные еще въ давнишнее время, продолжались и въ первые годы царствованія Императора Александра II. Едва ли не послѣдней такой наградой Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку было объявленіе Монаршаго благоволенія Штабсъ-Капитану Алхазову, въ 1859 году, „за неимѣніе во ввѣренной ему ротѣ въ продолженіи четырехъ лѣтъ бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ“ [55].

Тогда же продолжали существовать и награды нижнимъ чинамъ за „поимку дезертировъ“, причемъ о каждомъ такомъ случаѣ докладывалось на Высочайшее Имя и каждый изъ нижнихъ чиновъ, поймавшій бѣглаго, получалъ по три рубля [56].

Послѣ отмѣны въ Апрѣлѣ 1863 года шпицрутеновъ,—въ Іюлѣ того же года вышло „Положеніе объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ“, представлявшее собою первообразъ нынѣ существующаго Дисциплинарнаго устава [57]. Положеніе это, построенное на вполнѣ новыхъ началахъ, въ одномъ изъ первыхъ своихъ параграфовъ говоритъ о необходимости для начальниковъ „развивать и поддерживать въ каждомъ офицерѣ и солдатѣ сознаніе о высокомъ значеніи воина, призваннаго къ защитѣ Престола и Отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ“. Въ общемъ, указанія положенія за нѣкоторыми исключеніями вошли въ современный дисциплинарный уставъ. Дисциплинарныя взысканія по положенію 1863 года были слѣдующія: замѣчанія, выговоры, нарядъ не въ очередь на службу, арестъ, употребленіе нижнихъ чиновъ ефрейторскаго, унтеръ-офицерскаго и фельдфебельскаго званій на службу за рядового, смѣщеніе на низшія должности, лишеніе ефрейторскаго, унтеръ-офицерскаго званій и переводъ въ разрядъ штрафованныхъ. Нижніе чины, состоявшіе въ разрядѣ штрафованныхъ могли быть подвергаемы тѣлесному наказанію розгами въ размѣрѣ не болѣе 50-ти ударовъ; наказаніе это не должно было совершаться тайно; въ особенно важныхъ случаяхъ оно должно было производиться передъ фронтомъ [58].

Однимъ изъ отличій положенія являлись правила принесенія жалобъ нижними чинами: жалобы оставленныя безъ удовлетворенія вносились въ имѣвшіяся въ каждой ротѣ „книги жалобъ“, съ отмѣткой почему и кѣмъ жалоба оставлена безъ удовлетворенія, какому виновный подвергнутъ взысканію, а если не было произведено взысканіе, то по какой причинѣ; книги жалобъ представлялись на инспекторскіе смотры, для повѣрки правильности сдѣланныхъ по жалобамъ распоряженій.

Въ томъ же 1863 году послѣдовало введеніе дисциплинарнаго суда и суда общества офицеровъ. Дисциплинарный судъ состоялъ изъ предсѣдателя и двухъ членовъ; онъ собирался для каждаго отдѣльнаго случая и въ этомъ отношеніи не представлялъ значительной разницы съ прежде существовавшими полковыми судами, которые тоже собирались для судимости каждаго отдѣльнаго преступленія, но не имѣли точно опредѣленныхъ правилъ. Дисциплинарный судъ просуществовалъ до 1867 года, когда былъ введенъ полковой судъ. Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку полковой судъ открылъ свои дѣйствія

1-го сентября 1867 года, подъ предсѣдательствомъ Полковника А. Кусова[33]. Полковой судъ, помимо предсѣдателя, состоялъ еще изъ нѣсколькихъ членовъ, назначаемыхъ на опредѣленные сроки, а не для каждаго дѣла отдѣльно. Подсудности полковаго суда подлежали преступленія и проступки, за которые наказанія, для лицъ привелигированныхъ, не влекли за собой лишенія или ограниченія предоставленныхъ имъ законовъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а для лицъ не привелигированныхъ—отдачу въ военно-исправительныя роты. Полковой судъ былъ первымъ войсковымъ гласнымъ и устнымъ судомъ. Полковому суду не было предоставлено самостоятельное рѣшеніе дѣлъ, его постановленія требовали утвержденія командира полка; преданіе суду также зависѣло отъ командира полка.

Важнѣйшія преступленія подлежали юрисдикціи и компетенціи Военно-окружного суда.

Со времени введенія полкового и окружного судовъ число дѣлъ разсмотрѣнныхъ въ нихъ надъ нижними чинами Л.-Гв. Финляндскаго полка было слѣдующее:[66]

Въ 1867 г.—18	Въ 1872 г.—30
„ 1868 „—15	„ 1873 „—15
„ 1869 „—21	„ 1874 „—15
„ 1870 „—26	„ 1875 „—13
„ 1871 „—13	„ 1876 „—21

Наибольшее количество этихъ дѣлъ принадлежало полковому суду. Изъ преступленій чаще всего были кража, самовольная отлучка и нарушеніе чинопочитанія.

Изъ существовавшихъ раньше наказаній сохранилось почти до самаго введенія всеобщей воинской повинности „выписаніе въ армію за пороки". Къ началу 70-хъ годовъ это наказаніе значительно сократилось: еще въ половинѣ 60-хъ годовъ ежегодно выключалось болѣе 10 человѣкъ, а черезъ десять лѣтъ его уже не существовало совсѣмъ.

Въ 1868 году вышелъ „Воинскій уставъ о наказаніяхъ", который послужилъ основой для руководства полковымъ судамъ по наложенію взысканій. Этотъ уставъ сохранялъ въ себѣ почти всѣ данныя „Положенія" 1863 года, переизданнаго въ 1865 году.

Послѣдняя глава „Положенія объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ" 1863 года заключаетъ въ себѣ данныя о судѣ общества офицеровъ, впервые выраженныя въ строго опредѣленной и обязательной формѣ.

Основной параграфъ этой главы говоритъ слѣдующее:

„Для охраненія достоинства военной службы офицеры, замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи или поступкахъ, хотя не подлежащихъ дѣйствію военноуголовныхъ законовъ, но несовмѣстныхъ съ понятіями о воинской чести и доблести офицерскаго званія, или изобличающихъ въ офицерѣ отсутствіе правилъ нравственности и благородства, подвергаются суду общества офицеровъ".

Суду этому предоставляется также разборъ случающихся между офицерами ссоръ и обидъ.

Поступки офицеровъ, соединенные съ нарушеніемъ обязанностей службы или противные долгу службы и присяги, изъемляются вовсе отъ суда общества офицеровъ.

Судъ общества офицеровъ составлялся изъ всѣхъ состоявшихъ на лицо оберъ-офицеровъ части. Особымъ отличіемъ первоначальной организаціи суда общества офицеровъ являлся „совѣтъ посредниковъ“; на совѣтѣ лежало производство дознанія о справедливости или несправедливости обвиненія противъ офицера, подвергавшагося нареканію, а равно первоначальный разборъ ссоръ, случавшихся между офицерами и изысканіе средствъ къ ихъ примиренію. Совѣтъ посредниковъ составлялся въ каждомъ полку изъ пяти оберъ-офицеровъ. Посредниками могли быть избираемы и штабъ-офицеры. Каждое дѣло въ судѣ общества офицеровъ могло возникнуть или по указанію командира полка, или совѣта посредниковъ. Предсѣдателемъ суда общества офицеровъ назначался штабъ-офицеръ. Его обязанности заключались лишь въ наблюденіи „за сохраненіемъ порядка и благочинія въ собраніи, а равно правилъ установленныхъ для судовъ общества офицеровъ и ихъ приговоровъ“.

Въ общемъ, дисциплина Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку въ царствованіе Императора Александра II-го находилась, какъ и въ прежнее время, въ очень хорошемъ состояніи; „духъ солдата отличный“[62] доносилъ въ своихъ отчетахъ, объ инспекторскихъ смотрахъ полка начальникъ дивизіи въ 60-хъ годахъ; такъ было и въ прочіе годы.

По отношенію къ офицерамъ полка можно сказать тоже самое: какъ „духъ“ у нихъ былъ „отличный“, такъ и дисциплина поддерживалась отлично. Дѣла полкового архива показываютъ, что число проступковъ и нарушеній дисциплины, со стороны офицеровъ, было весьма и весьма незначительно, заключаясь въ маловажныхъ упущеніяхъ обязанностей службы. Только едва-ли не одинъ офицеръ, Поручикъ Бухвостовъ, оказался виновнымъ въ значительномъ преступленіи—самовольной отлучкѣ, продолжавшейся съ 2-го Іюня по 25-е Іюля 1859 года;[63] но разбирательство дѣла о немъ выяснило, что Поручикъ Бухвостовъ совершилъ настоящее преступленіе „безсознательно, подъ вліяніемъ нравственнаго разстройства, происшедшаго отъ невозможности выполнить взятаго имъ на себя порученія—постройки купальни для офицерской стрѣлковой школы по смѣтѣ и проэкту имъ самимъ составленному“. „Отъ ошибочнаго исчисленія количества матеріаловъ и непредусмотрѣнія другихъ расходовъ,—какъ рапортовалъ начальникъ дивизіи[64],—оказался при постройкѣ, въ смѣтной суммѣ недостатокъ въ 486 руб. 76 коп. (пополненный Бухвостовымъ впослѣдствіи во время состоянія его подъ судомъ)“.

Мотивъ преступленія Поручика Бухвостова объясненъ въ томъ же рапортѣ начальника дивизіи слѣдующими словами: „Не считая себя вправѣ безпокоить начальство о пополненіи недостатка и мучимый мыслью, что не можетъ исполнить порученія самимъ же имъ на себѣ взятаго, подъ вліяніемъ нравственнаго разстройства, онъ рѣшился, не спросясь начальства отправиться въ Островской уѣздъ Псковской губерніи, чтобы заложить или продать часть находящагося тамъ своего имѣнія. Это обстоятельство и было причиною его отлучки“.

Такимъ образомъ оффиціальныя бумаги свидѣтельствовали объ относительной невиновности Поручика Бухвостова; намѣреніе же его заложить послѣднее его имущество для уплаты по счетамъ, производившейся имъ постройки, въ смѣтѣ которой онъ ошибся, показываетъ лишь болѣе чѣмъ добросовѣстное отношеніе къ своимъ прямымъ обязан-

ностямъ и выставляетъ его какъ офицера, съ хорошей стороны; къ сожалѣнію, путь избранный имъ для поправленія своей ошибки былъ не совсѣмъ правильный. Дальнѣйшая служба Поручика Бухвостова, переведеннаго тѣмъ же чиномъ въ Бѣлостокскій пѣхотный полкъ, показала, что онъ и „на новой службѣ заслужилъ вниманіе своего начальства" и удостоенъ былъ въ скоромъ времени производствомъ въ слѣдующій чинъ [65].

Маневры подъ Краснымъ Селомъ, у Дудергофа въ 1878 году.
Съ наброска съ натуры.

Глава VI.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ Царствованіе Императора Александра II.

Стрѣлковое дѣло.—Сформированіе 4-го батальона.—Грамотность.—Кантонисты.—Юнкера.—Инвалиды.—Положеніе нижнихъ чиновъ и офицеровъ.—Выдающіяся событія за время 1863—77 г.г.

Неблагопріятный исходъ кампаніи 1855-56 годовъ въ значительной степени былъ приписанъ неудовлетворительности какъ вооруженія русской арміи, такъ и общей постановкѣ стрѣлковаго дѣла въ царствованіе Императора Николая I.

Поэтому не успѣла еще окончиться Севастопольская кампанія, какъ уже стали приниматься различнаго рода мѣропріятія къ улучшенію стрѣлковаго дѣла въ русской арміи и въ наступившее затѣмъ царствованіе Императора Александра II, стрѣлковое дѣло заняло, наконецъ, подобающее ему мѣсто въ ряду прочихъ отдѣловъ воинскаго образованія.

На первомъ планѣ былъ поставленъ вопросъ о перевооруженіи, особенно тщательно, разрабатывавшійся со второй половины 50-хъ годовъ. „Россія,—говорится въ одномъ изъ докладовъ того времени Главнаго Артиллерійскаго управленія [1],—не можетъ, да и не должна отставать отъ другихъ первостепенныхъ европейскихъ державъ въ дѣлѣ радикальнаго перевооруженія своей арміи, какихъ бы чувствительныхъ пожертвованій это ни потребо-

вало отъ Государства". Вслѣдствіе такихъ взглядовъ на вооруженіе, черезъ годъ послѣ окончанія Крымской войны былъ Высочайше утвержденъ новый образецъ болѣе совершеннаго оружія—6-ти линейной стрѣлковой винтовки, тогда же поступившей на вооруженіе стрѣлковыхъ частей. Прочія же части русской арміи и гвардіи получили эту винтовку нѣсколько позднѣе.

Полки гвардейской пѣхоты, а въ числѣ ихъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, во время Крымской кампаніи были вооружены тѣмъ самымъ образцомъ оружія, которое принято было въ войскахъ къ концу царствованія Императора Николая I-го. Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку на вооруженіи состояли: 7-ми линейное гладкоствольное ружье образца 1852 года; „передѣлочное" 7-ми линейное нарѣзное ружье; нарѣзное ружье образца 1854 года и штуцеръ „Литтихскій", стрѣлковыхъ батальоновъ, образца 1843 года. Такое разнообразіе вооруженія само по себѣ было крайне нежелательно. Къ тому же, система этихъ ружей хотя и была неоднократно усовершенствована, тѣмъ не менѣе оставляла желать много лучшаго.

Наиболѣе совершеннымъ образцомъ являлся Литтихскій штуцеръ, бывшій тогда на вооруженіи штуцерной команды полка. Этотъ штуцеръ имѣлъ весьма толстый стволъ, построенный такъ изъ опасенія, что стѣнки его будутъ слабы въ дорожкахъ; это утолщеніе повлекло за собою утяжеленіе ствола, во избѣжаніе чего пришлось укоротить его стволъ. Такая конструкція Литтихскаго штуцера препятствовала его употребленію не только въ трехъ-шереножномъ, но и въ двухъ-шереножномъ строю, почему онъ и употреблялся только въ разсыпномъ строю. Затѣмъ, чтобы сдѣлать его пригоднымъ для рукопашнаго боя, пришлось принять длинный, а для прочности еще и тяжелый штыкъ. Однако, практика показала, что стрѣльба съ этимъ штыкомъ, имѣвшимъ видъ тесака, была почти невозможна, почему и пришлось стрѣлять безъ штыка, примыкая его только для рукопашнаго боя. Пуля принятая для штуцера—цилиндро-стрѣльчатая съ двумя выступами—оказалась также съ большими недостатками: выступы пули шли зачастую мимо нарѣзовъ [2].

Таково было въ качественномъ отношеніи ружье, бывшее тогда на вооруженіи лучшихъ стрѣлковъ полка; прочія же ружья имѣли еще большіе недостатки.

Но въ скоромъ времени Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ на свое вооруженіе 6-ти линейныя винтовки, представлявшія собою много болѣе совершенное оружіе чѣмъ 7-ми линейныя нарѣзныя „передѣлочныя" ружья *. 6-ти линейныя винтовки были отпущены сначала—въ 1858 году въ стрѣлковыя роты, а потомъ—въ 1860 году—на весь составъ полка. Эту винтовку Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ въ своемъ вооруженіи восемь лѣтъ [3].

6-ти линейное нарѣзное ружье, Высочайше утвержденное 20-го ноября 1856 года, получило названіе винтовки, какъ болѣе понятное для всякаго солдата, объясняющее ему

---

* По расформированіи Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка въ 1856 году было сдано полкомъ значительное число гладкоствольныхъ ружей и такимъ образомъ въ дѣйствующемъ полку остались нарѣзныя передѣлочныя ружья; впрочемъ, тогда оставлено было по 160 гладкоствольныхъ ружей въ ротѣ для повседневныхъ строевыхъ ученій; эти ружья называются 2-й комплектъ.

главное начало, на которомъ основана успѣшная стрѣльба изъ этого оружія. „Названіе это,—говорится въ представленіи о винтовкѣ, на Высочайшее благоусмотрѣніе,—скорѣе дастъ солдату убѣжденіе въ достоинствѣ ружья, которымъ онъ вооруженъ; тогда какъ названіе нарѣзнаго ружья оставляетъ въ немъ увѣренность, что оно есть простое ружье, только съ нѣкоторыми измѣненіями, не совсѣмъ ему понятными“ [4].

Однако 6-ти линейная винтовка, при всѣхъ своихъ преимуществахъ, противъ 7-ми линейнаго ружья, требовала болѣе тщательнаго за собою ухода. Вскорѣ, впрочемъ, въ полку пріучились къ обхожденію съ ней и, какъ показалъ опытъ кампаніи 1863 года, винтовка эта прекрасно выдержала весь походъ и всѣ скитанія по лѣсамъ и дебрямъ сѣверо-западнаго края; по отзывамъ участниковъ похода, 6-ти линейная винтовка била мѣтко и не давала осѣчекъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, она уступала нѣкоторымъ ружьямъ поляковъ. Разстоянія, на которыя производилась изъ нее стрѣльба въ полку, были отъ 200 до 900 шаговъ.

Весьма существеннымъ недостаткомъ 6-ти линейной винтовки было заряжаніе ее съ дула, которое по крайней своей сложности представляло много неудобствъ. Для заряжанія винтовки слѣдовало произвести слѣдующее: скусить загибку гильзы и всыпать весь зарядъ въ стволъ; затѣмъ, оборотивъ патронъ, вложить его пулею въ дуло ствола; оставшуюся сверху пули пустую гильзу оторвать прочь; дослать шомполомъ пулю до заряда и нажать двумя легкими ударами; взвести курокъ и насадить капсюль на затравочный стержень [5]. Всѣ эти манипуляціи, не смотря на совершенство обученія нижнихъ чиновъ пріемамъ при стрѣльбѣ, требовали всетаки немало времени, почему введеніе ружья, заряжающагося съ казны, было весьма желательно.

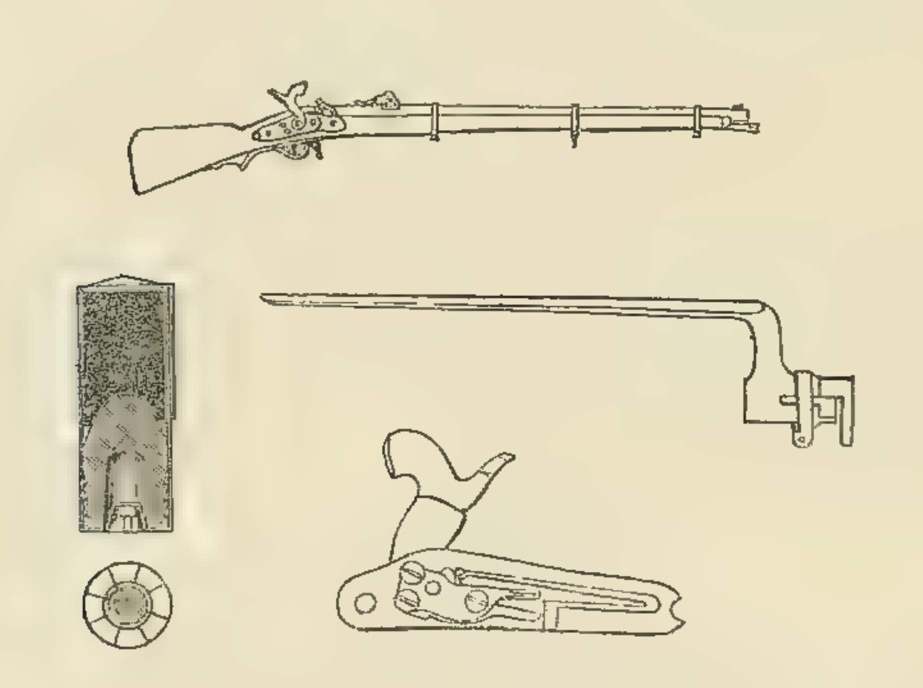
Такимъ ружьемъ явилась игольчатая скорострѣльная винтовка системы Карле, введенная Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку въ 1868 году [6]. Главное преимущество этой скорострѣльной винтовки состояло въ томъ, что скорость стрѣльбы изъ нея—6 выстрѣловъ въ минуту—была въ три раза больше, чѣмъ изъ 6-ти линейной, дававшей всего 2 выстрѣла за тотъ же промежутокъ времени. Однако игольчатая винтовка имѣла и существенные конструктивные недостатки, главнѣйшіе изъ которыхъ состояли въ частыхъ поломкахъ иголки, ослабѣваніи боевой пружины, слабости спуска и частыхъ осѣчкахъ. Затѣмъ впервые принятый къ винтовкѣ Карле унитарный бумажный патронъ былъ непроченъ и легко отсырѣвалъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ недостатковъ игольчатая скорострѣльная винтовка Карле, продержалась Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку весьма короткое время и была замѣнена въ слѣдующемъ, 1869 году, ударной скорострѣльной винтовкой системы Крынка, стрѣлявшей унитарнымъ, но уже металлическимъ патрономъ. Въ этомъ послѣднемъ было громадное преимущество винтовки Крынка передъ винтовкой Карле; другимъ преимуществомъ вновь введенной винтовки было иное устройство затвора, который былъ ударной, а не игольчатой системы, вслѣдствіе чего и обладалъ большею прочностью. Въ остальномъ же винтовки Крынка и Карле, обѣ передѣланныя изъ гладкоствольныхъ ружей, были совершенно сходны.

Ударная скорострѣльная винтовка Крынка просуществовала Л.-Гв. въ Финляндскомъ

полку около 6-ти лѣтъ и, въ 1875 году, была замѣнена малокалиберной скорострѣльной винтовкой системы Бердана № 2, со скользящимъ затворомъ. Эта винтовка пробыла на вооруженіи полка болѣе 25-ти лѣтъ, т. е. дольше, чѣмъ какое либо другое ружье, бывшее на вооруженіи въ полку; съ ней же полкъ совершилъ и кампанію 1877—1878 годовъ. За свою многолѣтнюю службу, а также и за Турецкій походъ, гдѣ она выдержала особенно серьезное испытаніе во время стоянки на Балканахъ, винтовка Бердана оказалась отличной во всѣхъ отношеніяхъ и вполнѣ соотвѣтствующей боевымъ требованіямъ того времени.

Главнѣйшими преимуществами винтовки Бердана являлись ея малокалиберность, вслѣдствіе чего стало возможнымъ снабдить каждаго стрѣлка такимъ же числомъ берданочныхъ патроновъ, какъ и при ружьѣ Крынка, т. е. по 60 патроновъ, не смотря на то, что къ Берданкѣ введенъ былъ металлическій, болѣе тяжелый, патронъ. Затѣмъ, дальность прямого выстрѣла винтовки Бердана достигала 450 шаговъ, тогда какъ при винтовкѣ Крынка эта дальность не превышала 350 шаговъ; настильность стрѣльбы такъ же значительно возросла; сила удара Берданочной пули была очень велика; такъ, на разстояніи 1000 шаговъ пуля пробивала 4 дюймовыхъ доски, а на разстояніи 4000 шаговъ— дюймовую доску; прицѣлъ для Берданки былъ принятъ сначала до 1500 шаговъ, тогда какъ для винтовки Крынка онъ былъ на 300 шаговъ меньше [7].

6-ти линейная винтовка бывшая на вооруженіи Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 1860 по 1868 годъ.

Еще за два года до введенія винтовки Бердана, а именно въ 1873 году, Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ на замѣну пистолета, бывшаго на вооруженіи офицеровъ и нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, * револьверъ системы Смита и Вессона, представлявшій собою хорошее нарѣзное оружіе [8].

Такимъ образомъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ имѣлъ отличное вооруженіе, чѣмъ и закончился цѣлый рядъ нововведеній по ружейной части.

Въ общемъ вооруженіе Л.-Гв. Финляндскаго полка за третью четверть его исторической жизни можетъ быть представлено слѣдующей таблицей.

---

* Фельдфебелей, музыкантовъ, горнистовъ и барабанщиковъ.

Таблица вооруженія нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка за время царствованія Императора Александра II (1856—1881 г.г.)[9].

Время вооруженія общаго состава нижнихъ чиновъ полка.	НАЗВАНІЕ РУЖЬЯ.	Гладкоствольн. или нарѣзное.	ЗАМОКЪ.	Заряжающееся съ дула или съ казны.	Калибръ ствола.	Длина ствола.	Длина штыка.	Длина всего ружья.	Вѣсъ штыка.	Вѣсъ всего ружья.	Форма пули.	Діаметръ пули.	Вѣсъ пули.	Патронъ.	Число выстрѣловъ въ минуту.
Съ 1854 г.	7-линейное гладкоствольное ружье обр. 1852 г.	Гладкоствольное.	Ударный.	Съ дула.	7,1 л.	42 д. 6,6 л.	18 д. 1,7 л.	73 д. 1,4 л.	85 з.	11 ф. 43 з.	Круглая.	6,6 л.	6,65 з.	Бумажный.	2
Съ 1854 г.	Тоже ружье передѣланное въ нарѣзное, такъ наз. „передѣлочное".	Нарѣзное въ 4 нарѣза.	Ударный.	Съ дула.	Д	а н	н ы	я т	ѣ	ж е.	Остроконечная.	6,9 л.	11½ з.	Бумажный.	2
Съ 1854 г.	7-ми линейное нарѣзное ружье образца 1854 г.	Нарѣзное въ 4 нарѣза.	Ударный.	Съ дула.	7 л.	42 д. 6 л.	17 д. 7 л.	76 д. 2 л.	89 з.	11 ф. 82 з.	Остроконечная, съ 1856 года пуляМиньe.	6,9 л.	7 з. 93 л.	Бумажный.	2
Съ 1860 г.	6-ти линейная винтовка образца 1856 г.	Нарѣзная въ 4 нарѣза.	Ударная.	Съ дула.	6 л.	36,92 л.	19,65 л.	72,7 л.	—	11 ф. 63 з	Пуля Миньe.	5,85 л	11½ з.	Бумажный.	2
Съ 1868 г.	Игольчатая скорострѣльная винтовка системы Карле.	Нарѣзная въ 4 нарѣза.	Игольчатая.	Съ казны.	6 л.	36,92 л.	19,65 л.	72,7 л.	—	12 ф.	Остроконечная.	6 л.	8 з. 20 д.	Унитарный. бумажный.	6
Съ 1869 г.	Ударная скорострѣльн. винтовка системы Крынка.	Нарѣзная въ 4 нарѣза.	Ударная.	Съ казны.	Д	а н	н ы	я т	ѣ	ж е.			8 з. 32 д.	Унитарный металлическій.	6
Съ 1875 г.	Малокалиберная скорострѣльная винтовка системы Бердана № 2, со скользящимъ затворомъ.	Нарѣзная въ 4 нарѣза.	Скользящій затворъ.	Съ казны.	4,2 л.	32,52 л.	20 л.	73,25 л.	—	11 ф. 43 з.	Остроконечная.	4,2 л.	5 з. 63 д.	Унитарный металлическій.	8

Съ постепеннымъ введеніемъ въ полку болѣе лучшихъ образцовъ оружія, совершенствовалась въ немъ и стрѣльба; улучшеніе же образцовъ оружія вызвало и болѣе внимательное отношеніе къ сбереженію, сборкѣ и разборкѣ ружей.

Въ 1856 году, во время Крымской войны послѣдовало въ этомъ отношеніи весьма важное распоряженіе, прекратившее прежнюю столь вредную чистку ружей „подъ блескъ", хотя это распоряженіе было отдано „въ видѣ опыта" [10]. Незадолго до этого, „для болѣе успѣшнаго распространенія и постояннаго поддержанія въ полку знанія обращенія съ оружіемъ и умѣнія разборки и чистки его" въ полку была учреждена особая школа, въ которую назначалось по одному унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ отъ роты. Школа эта поручена была Капитану Тарасевичу, ежедневно докладывавшему командиру полка „объ успѣхахъ обученія" въ ней. Затѣмъ, 6-го января 1856 года, для предотвращенія „несообразнаго" обращенія съ оружіемъ, образованъ былъ Л.-Гв. при Финляндскомъ полку, какъ и при прочихъ полкахъ гвардіи, въ каждомъ батальонѣ, комитетъ изъ батальоннаго и ротныхъ командировъ, который долженъ былъ тщательно осматривать ружья, согласно особой инструкціи; комитетамъ этимъ предписано было „не ограничиваться однимъ наружнымъ осмотромъ, но непремѣнно подвергать каждое ружье полной калибровкѣ". Такимъ образомъ, уже въ самое первое время царствованія Императора Александра II-го было обращено въ полку надлежащее вниманіе на содержаніе ружей.

Въ 1856 году, съ образованіемъ въ полку стрѣлковыхъ ротъ, нижніе чины линейныхъ ротъ обучались обращенію съ оружіемъ въ стрѣлковыхъ ротахъ, а въ 1860 году, когда „для лучшаго направленія и содержанія оружейной части" въ полку была учреждена должность завѣдующаго оружіемъ [11], порядокъ содержанія ружей приведенъ былъ уже окончательно въ систему. Насколько слѣдили въ полку въ то время за сохранностью ружей, показываетъ существованіе ружей 2-го комплекта, правда гладкоствольныхъ, съ которыми полкъ однако производилъ домашнія ученья; ружья 2-го комплекта продержались въ войскахъ гвардейскаго корпуса до 1861 года [12]. Стремленіе какъ можно лучше сохранить оружіе, вызывало также цѣлый рядъ мѣропріятій техническаго свойства для предохраненія ихъ отъ ржавчины, побоевъ и вообще порчи, какъ стѣнокъ канала, такъ и другихъ частей; вслѣдствіе этого явились различнаго рода накладки, кожаныя и гутаперчевыя, а потомъ, для прикрытія затравки, введенъ былъ въ употребленіе простой не снаряженный солдатскій капсюль: съ принятіемъ полкомъ въ 1868 году игольчатой винтовки, надобность въ различнаго рода предохранителяхъ миновала, почему они и были изъяты изъ употребленія.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку умѣнье обращаться съ оружіемъ стояло въ то время на высокой степени развитія, что доказывается командировками нѣкоторыхъ офицеровъ полка въ армейскія части для показанія „способовъ обращенія съ ружьями". Такъ, въ 1856 году въ приказѣ по гвардейскому корпусу отъ 24-го апрѣля, объявлена благодарность Финляндскому офицеру Подпоручику Костомарову *, командированному на Кавказъ,

---

* За эту командировку Подпоручикъ Костомаровъ заплатилъ жизнью. Въ одномъ изъ дѣлъ съ горцами онъ былъ убитъ.

„въ войска южной арміи, для показанія правилъ обращенія съ нарѣзными ружьями и способа приготовленія къ нимъ патроновъ съ бельгійскою пулею“.

Въ слѣдующемъ, 1857 году, отъ полка былъ командированъ на Кавказъ же „для показанія правилъ стрѣльбы и обращенія съ пулями Минье“ Штабсъ-Капитанъ Фридрихсъ [13].

Вообще, Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ стрѣлковомъ отношеніи во все время царствованія Императора Александра II-го занималъ выдающееся положеніе. Полкъ прекрасно стрѣлялъ и зачастую выбивалъ Императорскіе призы, удостаиваясь отличныхъ отзывовъ на стрѣлковыхъ смотрахъ.

Стрѣлковое дѣло, въ первой половинѣ царствованія Императора Александра II-го, привлекало къ себѣ вниманіе лучшихъ силъ русской арміи, и въ этомъ отношеніи офицерство Л.-Гв. Финляндскаго полка было элементомъ наиболѣе интересовавшимся успѣхами этого дѣла. Служившіе тогда въ полку офицеры проявили себя знаніемъ стрѣлковой части и серьезными работами по этому предмету. Такъ, начальникомъ, учрежденной въ 1857 году офицерской стрѣлковой школы, имѣвшей тогда особенно важное значеніе въ развитіи стрѣлковаго дѣла, былъ назначенъ Финляндскій офицеръ— Полковникъ Ванновскій *, принесшій и въ своемъ полку не малую пользу этому дѣлу. Когда полкъ вернулся изъ похода 1855—1856 годовъ, то Полковникъ Ванновскій принималъ самое непосредственное участіе въ устройствѣ полковаго стрѣльбища близъ казармъ. 15-го октября 1857 года стрѣльбище это было освящено, а наканунѣ, въ приказѣ по полку, была объявлена Полковнику Ванновскому благодарность командира полка Генерала Ганецкаго, гласившая: „Успѣшному и быстрому окончанію полковаго стрѣльбища обязанъ я распорядительности Полковника Ванновскаго“. Затѣмъ Полковникъ Ванновскій проявилъ себя нѣсколькими статьями по стрѣльбѣ, помѣщенными въ „Военномъ сборникѣ“, обратившими на себя вниманіе спеціалистовъ; ему же принадлежитъ проэктъ наставленія для стрѣльбы, вошедшій основными своими положеніями въ наставленіе для обученія стрѣльбѣ, изданное въ 60-хъ годахъ.

Другой офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка—Духонинъ, еще въ чинѣ Прапорщика, изучилъ весьма основательно теорію стрѣлковаго дѣла и дѣлалъ въ полку неоднократныя сообщенія о вновь вводившихся, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, ружьяхъ. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ, Финляндскій же офицеръ—Штабсъ-Капитанъ Ростковскій составилъ таблицы для оцѣнки стрѣльбы по времени, посредствомъ опредѣленнаго числа попадавшихъ пуль, приходящихся на одного стрѣлка въ извѣстный промежутокъ времени, одобренныя циркуляромъ Главнаго Штаба [14]. Изъ прочихъ офицеровъ полка въ дѣлѣ развитія стрѣлковаго дѣла оказали значительное участіе: Полковникъ Вернеръ, Капитанъ Тарасевичъ, Капитанъ Теннеръ, Поручикъ Ждановичъ, Поручикъ Рыкачевъ, Поручикъ Безручко-Высоцкій, Поручикъ Яковлевъ и Подпоручикъ Фонъ-Голли. Дѣятельность какъ этихъ, такъ и остальныхъ офицеровъ, направляемая командиромъ полка Генераломъ Га-

* Впослѣдствіи Военный Министръ.

нецкимъ, послужила къ упрочненію стрѣлковаго дѣла въ полку въ первую половину царствованія Императора Александра II-го.

Генералъ Ганецкій отличался любовью къ стрѣльбѣ и, придавая ей должное значеніе, поддерживалъ во ввѣренномъ ему полку стремленія къ усовершенствованію въ стрѣлковомъ дѣлѣ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Находя недостаточнымъ прохожденіе курса стрѣльбы въ лѣтніе мѣсяцы, онъ ввелъ упражненія въ стрѣльбѣ и зимою, для чего онъ построилъ особый тиръ на свой собственный счетъ, близъ полкового манежа. Въ постройкѣ этой принималъ участіе и Полковникъ Ванновскій. [15] Генералъ Ганецкій поощрялъ также стрѣльбу нижнихъ чиновъ выдачей имъ отъ себя денежныхъ наградъ за стрѣльбу, производя это обыкновенно во время обхода ротъ полка.

Такимъ образомъ офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка въ стрѣлковомъ дѣлѣ шли на встрѣчу стремленіямъ времени, когда стрѣльба особенно развивалась и когда къ разрѣшенію различныхъ стрѣлковыхъ вопросовъ призывались офицеры гвардейскаго корпуса [16].

Много пользы въ этомъ отношеніи принесъ и полковой оружейный мастеръ Шлиттеръ своими различными предложеніями, касавшимися стрѣлковаго дѣла. Онъ изобрѣлъ, едва ли не впервые, особый приборъ для „комнатной стрѣльбы“, представлявшій собою прототипъ прибора стрѣльбы дробинками. 12-го февраля 1841-го года командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Генералъ Шебашевъ, представилъ по командѣ объ этомъ приборѣ, при чемъ ему отдавалось преимущество передъ, вводимымъ тогда въ войскахъ Гвардейскаго корпуса однороднымъ приборомъ Генерала Мосолова. Затѣмъ, тотъ же оружейный мастеръ, Шлиттеръ, завѣдуя оружейной мастерской съ 1858-го года, т. е. со времени ея основанія въ полку, оказался неистощимъ въ различнаго рода техническихъ изобрѣтеніяхъ по оружейному дѣлу [17].

Нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка, тщательно руководимые своими офицерами, выказывали основательное знаніе въ стрѣлковомъ дѣлѣ и въ практическомъ и въ теоретическомъ отношеніяхъ. При такихъ условіяхъ смотры стрѣльбы въ полку очень часто оказывались отличными, о чемъ свидѣтельствуютъ приказы по гвардейскому корпусу, [18] а на состязаніяхъ на Императорскій призъ нижніе чины Финляндцы, нерѣдко, удостаивались полученія призовъ, т. е. золотыхъ или серебряныхъ часовъ.

Учебная стрѣльба производилась съ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ разстояній, по неподвижнымъ и подвижнымъ мишенямъ; во время же возвращенія съ похода 1856 года были даже и „складныя мишени изъ холщоваго мѣшка, надѣваемаго на двѣ палки“, возившіяся при ротахъ [19]. Практиковалась также и стрѣльба въ точно опредѣленное время.

Для производства стрѣльбы въ лагеряхъ устроены были въ 1857 году новыя полковыя стрѣльбища, позади большаго Красносельскаго лагеря, между расположеніемъ Л.-Гв. Измайловскаго полка и деревнями Николаевской и Таликоля [20]; участки земли, отошедшіе подъ эти стрѣльбища были сняты въ арендное пользованіе у крестьянъ прилегающихъ деревень.

Каждому полку на стрѣльбищѣ былъ первоначально отдѣленъ участокъ въ 500 саж. длины и саж. 30 ширины. На стрѣльбищѣ, въ тылу лагеря Л.-Гв. Измайловскаго полка, замѣнившемъ собою стрѣльбище, расположенное въ царствованіе Императора Ни-

колая I-го въ тылу своего же полка, Л.-Гв. Финляндскій полкъ стрѣлялъ до введенія винтовокъ Бердана; послѣ чего полковое стрѣльбище было вновь перенесено на прежнее мѣсто. Въ иные годы стрѣлковыя роты занимали особое лагерное положеніе для прохожденія стрѣльбы съ неопредѣленныхъ дистанцій. Такъ, въ 1864-мъ году, въ особомъ приказаніи по гвардейскому корпусу [21], предписывалось, для „болѣе свободнаго занятія стрѣльбою съ неопредѣленныхъ дистанцій, стрѣлковымъ ротамъ 2-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи расположиться по деревнямъ по рѣкѣ Пудости“.

Осенью и весною полкъ стрѣлялъ на Смоленскомъ полѣ, что, впрочемъ, было возможно только въ первые годы царствованія Императора Александра II-го; стрѣльба же въ тирѣ производилась лишь на небольшія дистанціи. Внутри казармъ зимою происходили учебныя стрѣльбы изъ особыхъ небольшихъ ружей Монте-Кристо, введенныхъ въ 58 году [22]. Повѣрка прицѣливанія производилась на глазъ и весьма оригинальнымъ способомъ—тушеніемъ свѣчей. По этому поводу въ приказѣ по полку, отъ 6-го Мая 1855-го года, говорится такъ: „Прицѣливанію обучать слѣдующимъ образомъ: цѣлью поставить на дистанцію въ 10 шаговъ зажженную свѣчу, которая отъ выстрѣла капсюлемъ должна быть потушена, если солдатъ правильно прицѣлится и спуститъ курокъ плавно, не дергая его вдругъ, какъ это дѣлаютъ многіе и изъ немолодыхъ солдатъ“. На каждую роту отпускалось для тушенія свѣчей по нѣсколько тысячъ капсюлей въ годъ.

Обученіе прицѣливанію при посредствѣ тушенія свѣчей производилось до 69-го года, когда былъ введенъ, для стрѣльбы дробинками, приборъ Мосолова; стрѣльба изъ Монте-Кристо продержалась до середины 70-хъ годовъ. Насколько этимъ занятіямъ придавалось тогда значеніе, видно изъ слѣдующихъ словъ отчета начальника 2-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи за 1866-й годъ [23]: „Значительную пользу оказали занятія прикладкою и прицѣливаніемъ со спускомъ курка, съ разбитіемъ капсюля и съ тушеніемъ свѣчей изъ ружей Монте-Кристо, пріобрѣтенныхъ частями ввѣренной мнѣ дивизіи для этихъ подготовительныхъ упражненій къ стрѣльбѣ“. Стрѣльба изъ Монте-Кристо производилась въ пистолетныя мишени по 10 дюймовъ въ діаметрѣ и заканчивалась смотрами начальника дивизіи, производившимися въ полковомъ манежѣ [24].

Станки для прицѣливанія были введены въ полку въ 1876-мъ году, по иниціативѣ Генерала Лаврова, выписавшаго ихъ отъ изобрѣтателя — командира 4-го Гренадерскаго Несвижскаго полка Флигель-Адъютанта Полковника Цеймерна [25].

Хотя результаты стрѣльбы въ полку были зачастую выше отличныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ время, отводимое на занятія стрѣльбою, какъ въ зимнее такъ и въ лѣтнее время, было далеко не достаточно; причиной этому являлась громадная величина нарядовъ, которые несъ полкъ особенно въ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, когда участились въ столицѣ безпорядки . По этому поводу начальникъ дивизіи доносилъ въ 1873 году [26]:

„Курсъ дѣйствительной стрѣльбы былъ пройденъ во время лагернаго сбора линейными и стрѣлковыми ротами. Причемъ не могу не повторить неоднократно выраженнаго мною желанія, дабы, для прохожденія курса стрѣльбы, назначалось по возможности больше времени, съ тѣмъ чтобы люди могли вполнѣ освоиться съ примѣненіемъ теоріи къ практикѣ, а главное съ глазомѣрнымъ опредѣленіемъ разстоянія“. Въ годовыхъ отчетахъ,

за всѣ прочіе года того времени, начальники дивизій неизмѣнно доносили: „Желательно было бы, чтобы войскамъ предоставлено было болѣе времени для упражненія стрѣльбою въ особенности для линейныхъ ротъ".

Несмотря на всѣ препятствія, войска дѣлали все возможное для болѣе полнаго прохожденія курса стрѣльбы. Для офицеровъ были установлены состязанія въ стрѣльбѣ три раза въ годъ: зимою—во 2-ой половинѣ января, весною—въ первой половинѣ апрѣля и лѣтомъ—въ началѣ августа. Каждый оберъ-офицеръ обязанъ былъ въ продолженіи трети года сдѣлать не менѣе 25-ти выстрѣловъ. Такъ было въ началѣ царствованія Императора Александра II-го. При этомъ начальнику дивизіи представлялись еженедѣльныя вѣдомости о стрѣльбѣ всѣхъ офицеровъ, съ показаніемъ причинъ отсутствія каждаго офицера на стрѣльбѣ [27].

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку офицерская стрѣльба производилась съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждому офицеру выпустить въ мѣсяцъ не менѣе 25-ти пуль [28]. Въ зимніе мѣсяцы офицерская стрѣльба въ полку производилась черезъ день, а въ 1860 году ее приказано было производить даже ежедневно, но выполнить это не представилось возможнымъ.

Стрѣльбы нижнихъ чиновъ были производимы очень часто, особенно въ стрѣлковыхъ ротахъ. Такъ, зимою 1855-го года стрѣлковыя роты Л.-Гв. Финляндскаго полка закончили къ 1-му апрѣля курсъ стрѣльбы, пройдя 85-ть стрѣльбъ, при чемъ на каждаго стрѣлка пришлось по 104 выпущенныхъ пули [29].

Столь-же часто производилась стрѣльба во всю вторую половину 50-хъ годовъ въ стрѣлковыхъ ротахъ. Въ линейныхъ ротахъ она практиковалась въ меньшихъ размѣрахъ. Со второй половины 60-хъ годовъ число стрѣльбъ стало нѣсколько уменьшаться, при чемъ учебная стрѣльба была перенесена на лагерное время.

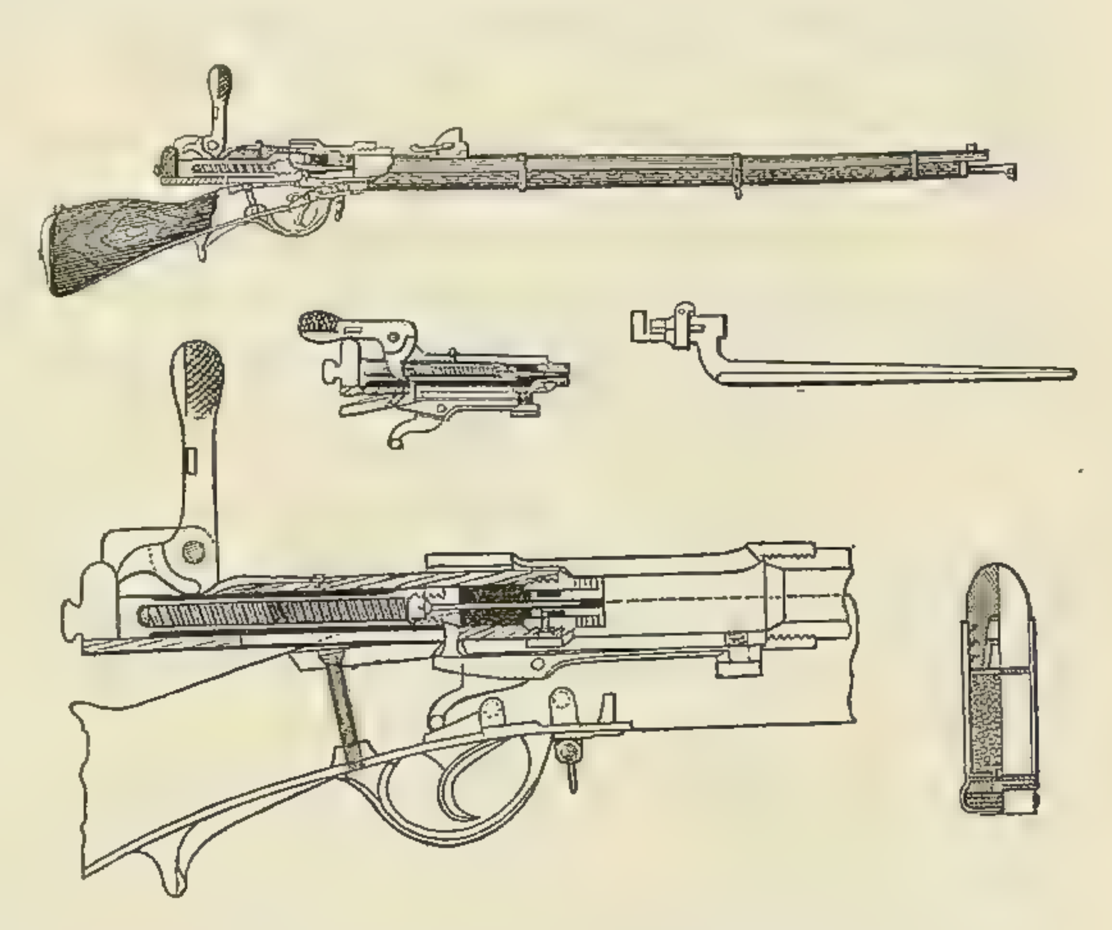
Вообще при обученіи стрѣльбѣ въ царствованіе Императора Александра II-го старались достигнуть дѣйствительныхъ результатовъ, т. е. выучить нижнихъ чиновъ стрѣлять мѣтко, причемъ указывалось лишь на сущность стрѣльбы, всѣ же излишнія манипуляціи при стрѣльбѣ, заключавшіяся въ сложности пріемовъ изготовки и прикладки, имѣвшія такое большое значеніе въ предшествовавшее время, были мало по малу отмѣнены.

Помимо обученія прикладкѣ, прицѣливанію, спуску курка и стрѣльбѣ, нижніе чины обучались и глазомѣрному опредѣленію разстояній. Эти занятія были поставлены весьма основательно и, какъ показываетъ приказаніе по гвардейскому корпусу 1864 года [30], производились въ лагеряхъ. То же приказаніе говоритъ, что глазомѣрное опредѣленіе разстояній должно производить „на мѣстности тріангулированной, гдѣ между точками, нанесенными на планѣ и обозначенными на мѣстности вѣхами, или другими какими-либо видимыми признаками, разстоянія извѣстны".

Обученіе производилось на базисѣ и съ точекъ стоянія вѣхъ. Ученіе на базисѣ, имѣвшемъ 400 саж. длинны, заключалось въ томъ, что обучающіеся, двигаясь по этому базису, на которомъ измѣренныя разстоянія были обозначены особыми знаками, наблюдали съ различныхъ разстояній въ какомъ видѣ представляются люди, оставшіеся стоять на концѣ базиса.

Обученіе съ точекъ стоянія вѣхъ заключалось въ опредѣленіи разстояній до другихъ вѣхъ и до избираемыхъ между ними предметовъ.

Изъ другихъ занятій, соприкасавшихся со стрѣльбою, было приготовленіе въ полку патроновъ и литье пуль, что производилось вплоть до полученія Берданокъ. Какъ литье пуль, такъ и приготовленіе патроновъ, особенно унитарныхъ металлическихъ, требовало не малаго искусства отъ офицеровъ, руководившихъ этимъ дѣломъ, а впослѣдстіи и отъ оружейнаго мастера; поэтому офицеры командировались въ артиллерійскіе парки и лабораторіи для изученія литья пуль и дѣланія патроновъ. Сравнительно съ прежнимъ временемъ, особенно со введеніемъ пуль Минье, это дѣло значительно усложнилось, почему въ полку были созданы особыя патронныя команды [31].

Игольчатая винтовка Карле бывшая на вооруженіи Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 1868 по 1869 годъ.

За отличную стрѣльбу нижніе чины награждались нашивками на погоны изъ галуна и басона, дававшимися нижнимъ чинамъ, пробывшимъ въ первомъ разрядѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ [32].

Въ 1879 году вмѣсто нашивокъ былъ установленъ, для отличныхъ стрѣлковъ, особый металлическій знакъ, изображавшій мишень съ двумя перекрещенными винтовками; знакъ положено было носить на правой сторонѣ груди [33].

Успѣхи, достигнутые полкомъ въ стрѣлковомъ отношеніи въ первую половину царствованія Императора Александра II-го, были провѣрены участіемъ его въ кампаніи 1863 г.; въ дѣлахъ съ повстанцами Финляндскіе стрѣлки показали свое умѣнье стрѣлять мѣтко при всякой обстановкѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта же кампанія вселила въ нижнихъ чинахъ уваженіе къ стрѣлковому дѣлу. Испытаніемъ стрѣлковаго дѣла, второй половины царствованія Императора Александра II-го, явилась кампанія 1877—78 гг., но только отчасти, такъ какъ въ сраженіяхъ съ Турками полку пришлось дѣйствовать больше на штыкахъ и только въ сраженіи подъ Филиппополемъ Финляндцамъ пришлось вести съ турками стрѣлковый бой, но и то сравнительно немного. Такимъ образомъ кампанія 1877—1878 годовъ не дала полку практической боевой школы стрѣльбы и даже, если буквально придерживаться мнѣнія начальника дивизіи, принесла нѣкоторый ущербъ развитію нижнихъ чиновъ полка въ стрѣлковомъ отношеніи.

Такъ, въ отчетѣ за 1878 годъ, начальникъ дивизіи доносилъ: [34] „учебные результаты стрѣльбы за кампанію нѣсколько ухудшились, такъ какъ люди не занимались прикладкою и пріобрѣли при перестрѣлкахъ въ бою такія сноровки и привычки, которыя, къ сожалѣнію, идутъ въ разладъ съ учебной практической стрѣльбой".

Изъ нововведеній по стрѣльбѣ, за время послѣ похода, слѣдуетъ указать на примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ боевой стрѣльбы, на особо отведенныхъ участкахъ, съ рѣшеніемъ тактическихъ задачъ [35].

Что касается до наставленій по обученію стрѣльбѣ, которыми войска руководствовались за время 1856—1881 годовъ, то они мѣнялись неоднократно. Наибольшее значеніе изъ нихъ имѣло наставленіе 1870 года, измѣнявшееся нѣсколько разъ приказами по военному вѣдомству 1871, 1872 и 1874 годовъ. [36]

Затѣмъ, въ 1876-мъ году, издано было новое „Наставленіе для обученія стрѣльбѣ", но открывшаяся вскорѣ кампанія 1877—88 годовъ помѣшала его воздѣйствію на обученіе войскъ. Послѣ кампаніи послѣдовало изданіе новаго наставленія, съ которымъ и вступила Русская армія въ послѣдовавшее царствованіе Императора Александра III-го.

Вмѣстѣ съ развитіемъ правильныхъ взглядовъ на стрѣльбу, примѣненіе ружейнаго огня изъ сомкнутаго строя становилось все рѣже, а стрѣльба изъ разсыпного строя начала получать первенствующее значеніе. Начало этому положенію было въ царствованіе Императора Николая и приказомъ по полку отъ 14 августа 1851 года было объявлено о Высочайшемъ повелѣніи, отмѣнявшемъ стрѣльбу полу-батальонами, дивизіонами и взводами.

Ко времени Турецкой войны огонь изъ разсыпнаго строя пріобрѣлъ уже господствующее значеніе, хотя уже и въ кампаніи 1863-го года этотъ видъ огня примѣнялся въ полку довольно часто.

Постепенное развитіе стрѣлковаго дѣла повлекло за собою измѣненіе организаціи полковъ гвардейской пѣхоты.

Къ началу царствованія Императора Александра II-го въ гвардейскихъ пѣхотныхъ полкахъ состояли особыя штуцерныя команды, образовавшіяся въ концѣ 20-хъ годовъ изъ прежнихъ „стрѣлковъ" или „застрѣльщиковъ".

Въ 1855 году штуцерныя команды, постепенно увеличиваясь, образовали собою стрѣлковыя роты. Разница между тѣми и другими заключалась, помимо величины состава еще и въ томъ, что въ стрѣлковыхъ ротахъ люди были постояннаго состава, тогда какъ въ штуцерныхъ командахъ они мѣнялись*.

Дальнѣйшее развитіе правильнаго взгляда на стрѣлковое дѣло привело къ сознанію, что основательное изученіе его необходимо въ одинаковой степени всѣмъ строевымъ нижнимъ чинамъ. Вслѣдствіе этого существованіе особыхъ стрѣлковыхъ ротъ явилось излишнимъ, почему эти роты и влились въ общую массу линейныхъ ротъ.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку уничтоженіе стрѣлковыхъ ротъ, или, точнѣе, перефор-

---

* О сформированіи стрѣлковыхъ ротъ Л.-Гв. Финл. полка подробно говорится въ I главѣ III части этой исторіи.

мированіе ихъ въ линейныя роты, произошло въ 1876 году. Высочайшимъ приказомъ отъ 1-го января этого года предписано было во всѣхъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизіяхъ полки „содержать въ четырехъ-батальонномъ составѣ,“ при чемъ въ каждомъ батальонѣ должно было быть по 4 роты—въ первыхъ трехъ батальонахъ—линейныя, а въ четвертыхъ—стрѣлковыя. Приказомъ по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, отъ 19-го апрѣля 1877 года, послѣдовало окончательное уничтоженіе стрѣлковыхъ ротъ даже по названію; въ этомъ приказѣ предписано было „принять общую нумерацію ротъ, отъ первой до шестнадцатой и впредь не употреблять наименованій—первой стрѣлковой, второй стрѣлковой и т. п.“

Переформированію гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ въ четырехъ-батальонный составъ предшествовало, въ видѣ опыта, временное сформированіе четвертыхъ батальоновъ тѣхъ же полковъ, произведенное во время лагернаго сбора 1873 года. Тогда Л.-Гв. Финляндскій, 16-ти ротный, полкъ составился слѣдующимъ образомъ: изъ 1-й, 2-й и 3-й линейныхъ и 1-й стрѣлковой ротъ образовался 1-й батальонъ; изъ 4-й, 5-й и 6-й линейныхъ и 2-й стрѣлковой—2-й батальонъ; изъ 7-й, 8-й, 9-й линейныхъ и 3-й стрѣлковой—3-й батальонъ и изъ 10-й, 11-й и 12 линейныхъ и 4-й роты Л.-Гв. 2-го Стрѣлковаго батальона—4-й батальонъ [37].

Въ такомъ составѣ полкъ пробылъ весь лагерный сборъ 1873 года и выводился на всѣ ученья, парады и смотры, при чемъ рота Л.-Гв. 2-го Стрѣлковаго батальона была подчинена командиру полка и батальонному командиру только въ строю; въ административномъ же и хозяйственномъ отношеніяхъ она осталась на особомъ основаніи. Этотъ опытъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе и къ осени 1875 года вопросъ о постоянномъ сформированіи четвертыхъ батальоновъ въ полкахъ гвардіи былъ уже разрѣшенъ окончательно [38].

Тогда же предписано было сформировать и недостававшія четвертыя роты для вновь формируемыхъ батальоновъ; роты эти на первое время получили названіе стрѣлковыхъ.

Въ приказѣ Л.-Гв. по Финляндскому полку, отъ 1-го октября 1875 года, по этому поводу было отдано слѣдующее:

„По Высочайшему повелѣнію съ 1 января 1876 г. полки 1, 2 и 3 гв. пѣх. дивизіи будутъ переформированы въ 4-хъ батальонный составъ. Въ виду же скораго прибытія въ полкъ новобранцевъ, Е. И. В. Главнокомандующій войсками гвардіи и округа приказомъ, отъ 6 сего октября, за № 87, изволилъ предписать: „всѣхъ чиновъ, предназначенныхъ въ составъ вновь формируемыхъ въ гвардіи 4-хъ стрѣлковыхъ ротъ, свести нынѣ же въ отдѣльную въ каждомъ полку команду, назначивъ ей, по возможности, и отдѣльное помѣщеніе. Команду эту подчинить тому же офицеру, который предназначается командиромъ этой роты и подъ его уже руководствомъ вести образованіе этой команды“.

„Въ исполненіе сего предписываю: людей назначенныхъ мною, какъ изъ линейныхъ, такъ и изъ стрѣлковыхъ ротъ, въ составъ вновь формируемой 4-ой стрѣлковой роты, свести завтрашняго числа въ отдѣльную команду, размѣстивъ оную для жительства въ помѣщеніяхъ подъ дежурною комнатою и бывшей плотницкой мастерской и мастерской оружейниковъ. Въ завѣдываніе командою, какъ въ строевомъ, такъ и въ дисциплинарномъ отно-

шеніяхъ, вступить Штабсъ-Капитану Исакову, на правѣ ротнаго командира. Субалтернъ-офицерами въ команду назначаются Подпоручикъ Элліотъ 2 и Подпоручикъ Доможировъ. Нижнихъ чиновъ, назначенныхъ во вновь формируемую 4-ю стрѣлковую роту, полагать отъ ротъ въ командировкѣ, не исключая однако съ провіантскаго, приварочнаго, денежнаго и вещеваго довольствія въ своихъ ротахъ. Людей же назначенныхъ изъ 2-й стрѣлковой роты, въ виду того, что рота эта расположена за городомъ, прикомандировать для провіантскаго и приварочнаго довольствія къ 1-й и 3-й стрѣлковымъ ротамъ, согласно нижеслѣдующаго пункта, выславъ для сего въ С.-П.Б. со всѣми вещами и оружіемъ завтрашняго числа послѣ обѣда".

Вновь сформированнымъ 4-мъ батальонамъ присвоено было старшинство первыхъ трехъ батальоновъ, при этомъ для 4-хъ батальоновъ Л.-Гв. Финляндскаго, Павловскаго и Волынскаго полковъ, а также и Гренадерскихъ—Кексгольмскаго, Императора Австрійскаго и С.-Петербургскаго Короля Фридриха III, какъ не имѣвшихъ запасныхъ знаменъ, были изготовлены новыя знамена.

Освященіе знамени 4-го батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка было произведено 4-го января 1876 года, въ Высочайшемъ присутствіи. На парадѣ этого дня полкъ въ четырехъ-батальонномъ составѣ представился Государю Императору „въ отличномъ состояніи и порядкѣ", за что и удостоился Высочайшей благодарности [39].

Первымъ командиромъ 4-го батальона былъ назначенъ Полковникъ Вейсъ, бывшій начальникъ стрѣлковъ [40].

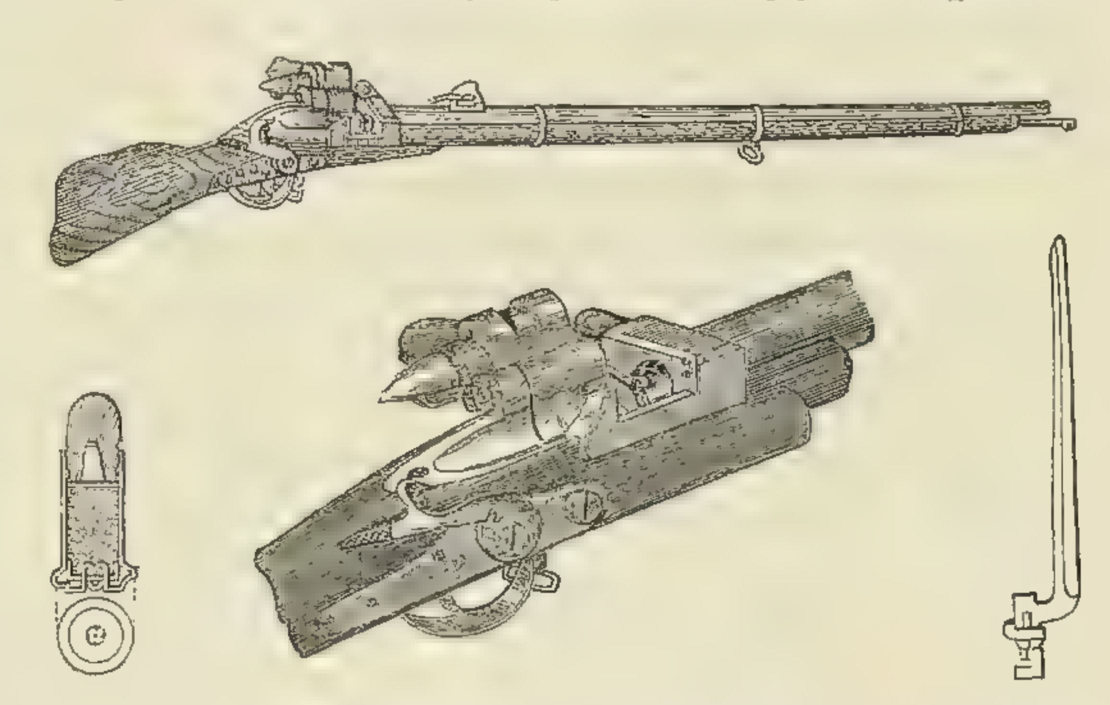
Вновь сформированные батальоны гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ были во всемъ сравнены съ прежде существовавшими батальонами, за исключеніемъ лишь цвѣта султана и аммуниціи и кромѣ того 4-мъ батальонамъ приказано было имѣть „вмѣсто тесаковъ-штыковыя ножны". Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку, гдѣ вся аммуниція была черной, а не бѣлой, приказаніе это не имѣло особаго значенія и 4-ый батальонъ полка по формѣ одежды не отличался отъ остальныхъ батальоновъ. [41]

По отношенію къ обученію стрѣльбѣ и къ прохожденію курса стрѣльбы, 4-ой батальонъ, ставъ линейнымъ, ничѣмъ уже болѣе не выдѣлялся отъ прочихъ батальоновъ. Также было по отношенію и ко всей его службѣ и если чѣмъ 4-ый батальонъ отдѣлялся отъ прочихъ, то это нѣсколько меньшимъ ростомъ, назначаемыхъ въ него людей и исторической его связью съ прежде бывшими лихими „стрѣлками," образовавшимися въ свою очередь изъ „застрѣльщиковъ."

Въ заключеніе о состояніи стрѣлковаго дѣла за время царствованія Императора Александра II-го можно сказать, что въ продолженіи этого періода были достигнуты весьма значительные результаты и, если первая половина этого царствованія характеризуется наиболѣе напряженнымъ развитіемъ стрѣлковаго дѣла въ Русской арміи, то вторая половина, когда развитіе это нѣсколько пріостановилось, знаменательна для гвардіи введеніемъ отличнаго ружья, каковымъ явилась малоколиберная скорострѣльная винтовка Бердана № 2-ой со скользящимъ затворомъ. Это ружье было настолько хорошо, что одно уже введеніе его составило весьма значительное улучшеніе въ стрѣлковомъ дѣлѣ. Кромѣ того введеніе систематическихъ курсовъ стрѣльбы, прочная постановка стрѣлковаго

образованія для всѣхъ нижнихъ чиновъ, привлеченіе къ этому всѣхъ наличныхъ офицеровъ и, наконецъ, уничтоженіе стрѣлковыхъ ротъ, повлекшее за собою одинаковое обученіе стрѣлковому дѣлу всего состава полка, были результатами достигнутыми за 25-ти лѣтній періодъ царствованія Императора Александра II-го, почему значеніе этого періода въ стрѣлковомъ дѣлѣ было для полка очень велико; почему періодъ этотъ является для полка въ стрѣлковомъ отношеніи наизначительнѣйшимъ.

Грамотность въ полкахъ гвардейскаго корпуса въ царствованіе Императора Александра II-го, испытавъ, въ ряду прочихъ великихъ реформъ этого времени, большія перемѣны, получила значительно большее распространеніе по сравненію съ прошлой эпохой. Преобразовательная дѣятельность, конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, выдвинула на первый планъ вопросъ объ образованіи народа; поэтому обученіе народа грамотѣ стало предметомъ вниманія и заботъ со стороны правительства и многихъ частныхъ лицъ; на ряду съ этимъ развитіе грамотности въ войскахъ вообще и въ гвардіи въ частности вызывало неукоснительныя заботы начальства всѣхъ степеней.

Ударная винтовка Крынка бывшая на вооруженіи Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 1869 по 1875 годъ.

Вслѣдствіе измѣненія взглядовъ на грамотность вообще, измѣнился кореннымъ образомъ взглядъ на проведеніе ея въ войскахъ; признаваемая раньше полезной для унтеръ-офицеровъ, но закономъ не предписываемая грамотность въ царствованіе Императора Александра II-го, стала обязательной для всѣхъ нижнихъ чиновъ. 8 марта 1857 года, въ приказѣ Л.-Гв. по Финляндскому полку, по поводу грамотности унтеръ-офицеровъ, было объявлено слѣдующее: „Впредь никто не будетъ производимъ въ унтеръ-офицеры, если не знаетъ грамотѣ.“ Что касается до грамотности всѣхъ нижнихъ чиновъ, то обученіе ей существовало сравнительно не долго: введенное въ 1865 году, [42] оно было уничтожено въ 1875 году. [43] Такое уменьшеніе распространенія грамотности объясняется трудностью обученія ей всѣхъ нижнихъ чиновъ, общій курсъ обученія которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивался все болѣе и болѣе, а также главнымъ образомъ, введеніемъ всеобщей воинской повинности, дававшей войскамъ нижнихъ чиновъ на краткіе сроки службы, за время которыхъ воинское обученіе и обученіе грамотности не могли совмѣстно идти успѣшно.

Обученіе грамотѣ происходило въ полкахъ гвардейскаго корпуса за время царствованія Императора Александра II-го, въ спеціально устроенныхъ для этого, полковыхъ ротныхъ школахъ и просто въ ротахъ.

Въ началѣ означеннаго періода Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку имѣлась *вице-унтеръ-офицерская школа,* основанная еще въ концѣ царствованія Императора Николая І-го, въ 1852 году. Въ 1856 году открыты *классы грамотности при школѣ кантонистовъ.* По этому поводу въ приказѣ по полку отъ 19-го Декабря 1856 года было объявлено слѣдующееe: „Поручивъ Г. Поручику Фромандіеру образовать при школѣ кантонистовъ классы для обученія грамотѣ неграмотныхъ жалонеровъ, вицъ-жалонеровъ и по 2 ефрейтора съ каждой роты, прошу гг. батальонныхъ командировъ и завѣдывающаго стрѣлковыми ротами назначать въ составъ этого класса, людей вполнѣ достойныхъ замѣстить унтеръ-офицерскія вакансіи.

Въ слѣдующемъ 1857 году изъ классовъ грамотности была образована самостоятельная *полковая унтеръ-офицерская школа* „для обученія грамотѣ, арифметикѣ, обращенію съ оружіемъ и теоріи стрѣльбы.“ [44]

Занятія въ полковой унтеръ-офицерской школѣ велись настолько серьезно, что нижнихъ чиновъ, обучающихся грамотѣ въ этой школѣ неоднократно приказывалось „ни въ какія должности не наряжать, кромѣ городоваго караула.“ [45]

Въ полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школахъ обучались грамотѣ лишь нижніе чины предназначаемые къ производству въ унтеръ-офицеры. Эти школы явились результатомъ принципа, выраженнаго въ приказѣ по полку 1857 года: „впредь никто не будетъ производимъ въ унтеръ-офицеры, если не знаетъ грамотѣ“.

Что касается до обученія грамотѣ рядовыхъ, то оно производилось въ ротныхъ школахъ и въ ротахъ сообща. Въ этомъ отношеніи 1857 годъ замѣчателенъ тѣмъ, что положилъ начало этимъ занятіямъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку. 8-го февраля этого года въ приказѣ по полку предписывалось: „въ каждой ротѣ организовать постепенное обученіе нижнихъ чиновъ грамотѣ.“ Для занятій этихъ были впервые назначены особые офицеры по одному съ роты. Занятія предписывалось начать съ людей, „которые по службѣ и по поведенію болѣе заслуживаютъ поощренія.“ Осенью того же года одинъ изъ старшихъ капитановъ—Соколовъ былъ назначенъ „имѣть наблюденіе за успѣхомъ обученія нижнихъ чиновъ грамотѣ въ ротахъ.“ [46] Такимъ образомъ наблюденіе за преподаваніемъ грамотности было поручено одному лицу, что показывало на правильную постановку этого дѣла и во всякомъ случаѣ служило признакомъ, что занятія эти привлекали къ себѣ въ то время не малое вниманіе. Объ этомъ послѣднемъ свидѣтельствуютъ и прочія распоряженія конца 50-хъ годовъ; такъ, въ 1858 году приказано было, тотчасъ же по окончаніи вольныхъ работъ, открыть во всѣхъ ротахъ школы грамотности. Обученіе грамотѣ производилось по усмотрѣнію обучающихъ, по нѣсколько разъ въ недѣлю. Урокамъ грамотности велись особые журналы, а о нижнихъ чинахъ „изучившихся въ теченіе службы грамотѣ“ свѣдѣнія вносились въ отчеты не только полка, но и дивизіи; въ формулярныхъ спискахъ нижнихъ чиновъ грамотность тоже отмѣчалась.

Въ 1865 году послѣдовало распоряженіе обучать „непремѣнно всѣхъ, безъ исключенія, нижнихъ чиновъ послѣднихъ сроковъ службы чтенію, письму и арифметикѣ“. Обучаемые каждые два мѣсяца повѣрялись въ успѣхахъ обученія; признавая всю важность обученія грамотѣ, командиръ полка Генералъ-Маіоръ Шебашевъ отдалъ по этому поводу въ приказѣ слѣдующее: „прошу и надѣюсь на г.г. батальонныхъ и ротныхъ командировъ,

что они приложатъ свое стараніе на обученіе нижнихъ чиновъ ввѣренныхъ имъ частей". Такимъ образомъ 1865 годъ имѣетъ весьма серьезное значеніе въ дѣлѣ обученія нижнихъ чиновъ полка грамотѣ. Какъ видно изъ оффиціальной переписки того времени и приказовъ по полку, грамотность хотя и развивалась среди нижнихъ чиновъ, но съ большими затрудненіями; въ 1867 году начальникъ дивизіи доносилъ, что съ увольненіемъ изъ полковъ людей старшихъ сроковъ службы, ежегодно до четвертой части всего состава полка, уходятъ и лучшіе учителя грамотности, отчего занятія въ ротахъ идутъ гораздо медленнѣе. Въ слѣдующемъ 1868 году онъ же доносилъ: [47] „Обученіе грамотѣ идетъ успѣшно. Кромѣ ротныхъ школъ, устроенныхъ въ каждой ротѣ на 30—35 человѣкъ, по 10 человѣкъ въ ротѣ, предназначаемыхъ для представленія въ учебную команду, занимаются постоянно подъ наблюденіемъ офицера".

Въ томъ же году послѣдовало распоряженіе, весьма способствовавшее распространенію грамотности въ войскахъ; на учебныя пособія стало отпускаться отъ казны въ годъ на человѣка по 10 коп., а для находящихся въ учебныхъ командахъ по 50 коп. [48] Это позволило надлежащимъ образомъ поддерживать ротныя библіотеки, бывшія до этого въ зачаточномъ состояніи. Насколько придавалось значеніе тогда обученію нижнихъ чиновъ грамотѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ приказа по округу отъ 24 Сентября 1873 г. за № 90: „Занятія грамотностью считать обязательными, наравнѣ съ другими отраслями образованія и назначить для этихъ занятій особые часы. Ротные командиры, въ отношеніи успѣховъ грамотности, должны подлежать той же отвѣтственности, какъ и за успѣшное веденіе роты во всѣхъ другихъ отношеніяхъ".

Въ то же время процентъ грамотности постепенно увеличивался, что было до половины 70-хъ годовъ, до тѣхъ поръ пока, приказомъ по военному вѣдомству 1875 года, грамотность перестала быть обязательной для всѣхъ нижнихъ чиновъ.

Численность грамотныхъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку за время 1855—81 годовъ выражается слѣдующими цифрами: въ 1857 г.—знавшихъ читать и писать было 476 человѣкъ; * въ 1867 г. знавшихъ читать и писать было 737 человѣкъ, знавшихъ же читать—518; неграмотныхъ въ этомъ году было 805; въ 1873 году знавшихъ читать и писать было 1187, знавшихъ читать — 609, неграмотныхъ—362. Въ послѣдовавшіе годы, вслѣдствіе вышеупомянутаго приказа по военному вѣдомству 1875 года, а также и вслѣдствіе участія полка въ кампаніи 1877 — 78 г.г., процентъ грамотныхъ сталъ сразу уменьшаться и въ 1879 г. знавшихъ читать и писать въ полку имѣлось лишь 793 человѣка, знавшихъ читать—296 человѣкъ, неграмотныхъ же въ этомъ году было 1125 чел., т. е. число ихъ возросло почти въ четыре раза противъ 1873 года [49]. Къ концу царствованія Императора Александра II-го процентъ неграмотныхъ сталъ снова уменьшаться, но къ 1881 году далеко не достигъ того числа, которое было въ 1873 году.

Несмотря на цѣлый рядъ распоряженій и нововведеній въ полкахъ гвардіи, обученіе грамотности встрѣчало большія затрудненія; причинами этому были отсутствіе строгой системы занятій и большое количество нарядовъ нижнихъ чиновъ. Въ 1870 году на-

---

* По другимъ свѣдѣніямъ—532.

чальникъ дивизіи доносилъ въ своемъ отчетѣ о всѣхъ полкахъ дивизіи слѣдующее: „Вообще умственный уровень нижнихъ чиновъ требуетъ желать еще многаго... Нижніе чины, если занимаются грамотностью, то болѣе, такъ сказать, механически, не имѣя возможности получать достаточнаго уясненія читаннаго“...

Въ слѣдующемъ году онъ же доносилъ: „Благодаря стараніямъ г.г. офицеровъ любовь къ чтенію замѣтно развивается между нижними чинами“.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку дѣло обученія нижнихъ чиновъ грамотѣ стояло однимъ изъ лучшихъ въ царствованіе Императора Александра II-го. Старанія офицеровъ завѣдующихъ ротными школами и полковыми унтеръ-офицерскими школами не пропадали даромъ; изъ числа офицеровъ, особенно потрудившихся въ этомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть, завѣдывавшихъ полковой унтеръ-офицерской школой въ 60-хъ годахъ, Поручиковъ Безручко-Высоцкаго и Вернера и, завѣдывавшаго классами для обученія грамотности во второй половинѣ 50-хъ годовъ, Поручика Фромандьера I; нѣкоторое содѣйствіе въ обученіи нижнихъ чиновъ ариѳметикѣ и вообще въ развитіи ихъ оказало „Пособіе обучающимся въ полковыхъ учебныхъ командахъ“, составленное въ 1875 году Финляндскимъ офицеромъ Капитаномъ Ростковскимъ вмѣстѣ съ другимъ составителемъ. Затѣмъ изъ среды офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, призванныхъ въ то время къ обученію нижнихъ чиновъ грамотѣ, выдѣлились въ педагогическомъ мірѣ имена В. Коховскаго—перваго директора Педагогическаго музея Военно-Учебныхъ заведеній, въ аудиторіяхъ котораго стали производиться съ 1871 года чтенія для нижнихъ чиновъ С.-Петербургскаго округа; изъ другихъ именъ на томъ же поприщѣ можно указать на М. Левковца, имѣвшаго широкую дѣятельность по учебной части въ I Павловскомъ военномъ училищѣ. Изъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка выдѣлились также, проявившіе себя трудами на этомъ поприщѣ; такъ, въ 1858 году унтеръ-офицеръ 8-й роты Поросатинъ составилъ азбуку, которая и была принята одно время въ полку; за составленіе этой азбуки автору была объявлена благодарность въ приказѣ по полку [50]. Въ 1865 году церковникъ полка Меньщиковъ написалъ стихотвореніе на день Св. Коронованія Государя Императора Александра II-го, благосклонно принятое Его Величествомъ, при чемъ Меньщикову были пожалованы золотые часы и цѣпочка [51].

Съ 1875 года установлено строгое наблюденіе за книгами нижнихъ чиновъ. Ротнымъ командирамъ предписывалось разсматривать всѣ книги, имѣвшіяся во ввѣренныхъ имъ ротахъ [52].

Вообще время второй половины царствованія Императора Александра II-го замѣчательно возрожденіемъ солдатской литературы; появилось много учебниковъ, различныхъ пособій, книгъ для чтенія нижнимъ чинамъ и солдатскихъ журналовъ; за составленіе учебныхъ пособій нижнихъ чиновъ брались лица, занимавшія отвѣтственные посты; такъ, начальникъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Генералъ Леонтьевъ издалъ „солдатскую книжку“, получившую весьма значительное распространеніе среди войскъ въ 70-хъ годахъ. Тогда же собирались многія комиссіи при военномъ министерствѣ, послѣдовательно разбиравшія вопросъ о развитіи грамотности среди нижнихъ чиновъ и о подготовкѣ рядовыхъ къ унтеръ-офицерскому званію. Такимъ образомъ вмѣсто чтенія

нижними чинами сказокъ о „Бовѣ Королевичѣ“ и о „Сильномъ и храбромъ Портупей-Прапорщикѣ и о красавицѣ цыганкѣ“ появились надлежащія руководства и книги. Въ 1866 году въ отчетѣ начальника дивизіи говорится: „вслѣдствіе увеличенія грамотности уменьшилось желаніе читать сказки, что характеризуетъ развитіе нижнихъ чиновъ“. Въ то же время для нижнихъ чиновъ стали издаваться особые журналы; такъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку выписывались, со второй половины 60-хъ годовъ, слѣдующіе журналы: „Чтеніе для солдатъ“, „Солдатская бесѣда“ и „Сборникъ боевыхъ инструкцій и наставленій русскихъ и иностранныхъ генераловъ“.

Такимъ образомъ за время царствованія Императора Александра II-го грамотность и вообще развитіе нижнихъ чиновъ сдѣлали весьма большіе успѣхи внѣ всякаго сравненія съ предыдущей эпохой.

Положеніе кантонистовъ въ русской арміи, со вступленія на престолъ Государя Императора Александра II-го, подверглось сразу коренному измѣненію. Въ день коронованія Императора Александра II-го объявленъ былъ Высочайшій Манифестъ, которымъ кантонисты были освобождены отъ военной службы за службу своихъ отцовъ и не считались уже болѣе „принадлежавшими полкамъ“.

Въ силу этого манифеста солдатскія дѣти стали свободными и были исключены изъ военнаго вѣдомства. Исключеніе кантонистовъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку производилось постепенно и еще въ 1858 году полкъ выдавалъ билеты, въ которыхъ прописывалось, что „предъявитель билета солдатскій сынъ такой-то, имѣющій отъ рожденія 2 года и 1 мѣсяцъ, уволенъ изъ сухопутнаго вѣдомства для причисленія въ свободное податное состояніе“. [53] Впрочемъ не всѣ солдатскія дѣти были возвращены въ свободное сословіе, а нѣкоторые изъ нихъ остались въ полкахъ, гдѣ и состояли въ школахъ военныхъ кантонистовъ.

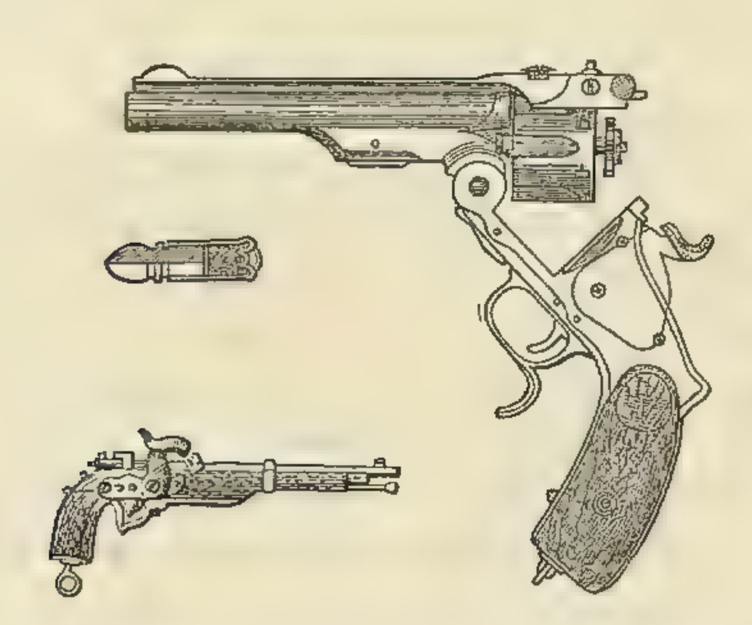
Эти школы, издавна существовавшія въ полкахъ гвардейскаго корпуса, были оставлены и послѣ Высочайшаго Манифеста, освободившаго кантонистовъ отъ военной службы. Въ продолженіи цѣлыхъ 10 лѣтъ до 1866 года, положеніе школъ кантонистовъ было неопредѣленное: существованіе ихъ зависѣло вполнѣ отъ распоряженій строеваго начальства включительно до командира полка, и опредѣленнаго-же и сколько нибудь достаточнаго отпуска отъ казны на содержаніе школъ не полагалось. Наконецъ, въ 1866 году положеніе школъ кантонистовъ въ полкахъ гвардейскаго корпуса получило прочное основаніе. Приказомъ военнаго министра 6-го іюня этого года [54] предписано было, согласно Высочайшему повелѣнію, „существующія при полкахъ и другихъ частяхъ войскъ гвардіи кантонистскія школы удержать и на будущее время, переименовавъ оныя въ школы солдатскихъ дѣтей войскъ гвардіи.

„Школы эти содержать, въ каждомъ пѣхотномъ полку, на 40 воспитанниковъ, а въ кавалерійскихъ полкахъ, отдѣльныхъ батальонахъ и артиллерійскихъ бригадахъ—на 30 человѣкъ въ каждой части.

„Въ школахъ солдатскихъ дѣтей приготовлять прежде всего воспитанниковъ для замѣщенія въ своихъ частяхъ вакансій музыкантовъ, а также пѣвчихъ, но по удовлетвореніи потребности въ сихъ чинахъ, допускать назначенія ихъ и въ другія нестроевыя

званія, наприм. писарями, фельдшерами, мастеровыми и т. п. а также, въ случаѣ необходимости, и въ строевыя званія.

„Воспитанниковъ школъ солдатскихъ дѣтей обращать на службу вышеозначенными званіями въ войска гвардіи, съ обязательствомъ прослужить въ оныхъ за полученное воспитаніе 6 лѣтъ, а по истеченіи этого срока, предоставить имъ или оставаться по желанію на службѣ, или получать увольненіе отъ оной. Въ отношеніи учебной части поставить школы солдатскихъ дѣтей войскъ гвардіи въ вѣдѣніе Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній, примѣняясь къ тому, какъ постановлено это для юнкерскихъ училищъ".

Пистолетъ и револьверъ Смитта и Вессона.

Вслѣдствіе этого приказа школа кантонистовъ Л.-Гв. Финляндскаго полка была переименована въ школу солдатскихъ дѣтей. Первымъ завѣдующимъ школою солдатскихъ дѣтей былъ Поручикъ Голубевъ [55].

Завѣдывающіе школой были введенны еще ранѣе, въ 1862 года, въ бытность ее школою кантонистовъ; до этого-же, школа находилась въ вѣдѣніи полковыхъ казначеевъ и назначавшихся имъ въ помощь младшихъ офицеровъ, называвшихся инспекторами классовъ.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку не было въ дѣйствительности разницы между школой кантонистовъ и школой солдатскихъ дѣтей: какъ та, такъ и другая имѣли одинъ и тотъ же источникъ пополненія и одни и тѣ же средства.

Число кантонистовъ и, замѣнившихъ ихъ по названію съ 1866 года, „воспитанниковъ" было приблизительно одинаково—около 40 человѣкъ *.

Состояніе школъ до-реформенной и послѣ-реформенной находилось главнымъ образомъ въ зависимости отъ личныхъ качествъ офицеровъ, завѣдывавшихъ ими, вслѣдствіе чего школы или падали, или поднимались. Такъ, въ началѣ царствованія Императора Александра II-го, въ 1856 году, школу принялъ Поручикъ Педашенко и одновременно съ тѣмъ инспекторомъ классовъ школы назначенъ былъ Поручикъ Гиренковъ. Послѣдствія принятія школы Поручикомъ Педашенко, относившагося „съ особенной отеческою заботливостью" къ своимъ питомцамъ, не замедлили сказаться: въ школѣ были обнаружены въ 1857 году, при испытаніи кантонистовъ инспекторомъ кантонистскихъ школъ Генералъ-Маіоромъ Левшинымъ, „значительные успѣхи въ сравненіи съ прошлымъ годомъ" [56]. За годъ же до этого, при инспектированіи школъ гвардейскаго корпуса, школы кантонистовъ Л.-Гв. Егерскаго и Финляндскаго полковъ были найдены „въ весьма посредственномъ состояніи" [57].

Къ сожалѣнію пребываніе Поручика Педашенко въ школѣ было непродолжительно,

такъ какъ уже въ февралѣ 1858-го года на его должность былъ назначенъ Поручикъ Бухвостовъ.

Школы пополнялись, главнымъ образомъ, сыновьями нижнихъ чиновъ полка въ возрастѣ отъ 10 лѣтъ и болѣе; поступали впрочемъ дѣти нижнихъ чиновъ и другихъ частей и, какъ исключеніе,—и не солдатскія дѣти. Не всѣ нижніе чины полка, имѣвшіе дѣтей, отдавали ихъ въ школу кантонистовъ, напротивъ, многіе изъ нихъ воспользовались освобожденіемъ своихъ дѣтей отъ военной службы и оставляли ихъ при себѣ. Такъ, въ 1865 году въ полку жило при родителяхъ 230 кантонистовъ, въ возрастѣ до 14 лѣтъ и состояло при родственникахъ сиротъ-кантонистовъ 7 человѣкъ. Въ 1866 году жило при родителяхъ и родственникахъ въ полку 142 кантониста, тоже не обучавшихся въ школѣ [58].

Въ учебномъ отношеніи школа кантонистовъ до 1866 года дѣлилась на нѣсколько (4—5) группъ воспитанниковъ, подобранныхъ приблизительно съ одинаковымъ уровнемъ знаній; отъ успѣховъ въ обученіи зависѣлъ переводъ изъ одной группы въ другую. Главное вниманіе обращалось на поведеніе мальчика и обученіе письму, чтенію и болѣе всего пѣнію. Какихъ нибудь программъ, инструкцій или даже положенія не было, а каждый завѣдывавшій школою дѣйствовалъ по личному своему усмотрѣнію, съ разрѣшенія или по приказанію командира полка и предсѣдателя хозяйственнаго комитета, которому школа была подчинена съ 1863 г. Занятія въ школѣ, благодаря усердію завѣдывавшихъ офицеровъ, шли хорошо и при преемникахъ Поручика Педашенко. Такъ, въ 1865 году командиръ полка Генералъ Шебашевъ отдалъ въ приказѣ по полку отъ 23-го декабря нижеслѣдующее:

„На произведенномъ сего числа испытаніи въ успѣхахъ кантонистовъ въ теченіи сего полугода, мальчики отвѣчали хорошо, бойко и съ полной увѣренностью въ своихъ отвѣтахъ, при чемъ обнаружили желаемое развитіе и полное знаніе своего дѣла...

„Такой успѣхъ мальчиковъ можетъ только имѣть мѣсто при тщательныхъ, добросовѣстныхъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла занятіяхъ завѣдывающаго школою кантонистовъ, почему считаю себѣ за особое удовольствіе выразить полную мою признательность Подпоручику Пескову, вмѣстѣ съ тѣмъ объявить благодарность унтеръ офицеру Пирожникову.

„Не могу также умолчать о чистотѣ, исправности и отличномъ состояніи школы кантонистовъ, въ которомъ постоянно нахожу ее при моихъ посѣщеніяхъ, за что также считаю долгомъ благодарить Подпоручика Пескова, при чемъ я вполнѣ увѣренъ, что школа кантонистовъ и впредь будетъ въ такомъ же отличномъ состояніи, въ какомъ я привыкъ ее видѣть со времени завѣдыванія ею Подпоручикомъ Песковымъ“.

Генералъ Шебашевъ относился къ кантонистамъ самымъ лучшимъ образомъ. Одинъ изъ служившихъ тогда въ полку офицеровъ говоритъ: „Не можемъ не вспомнить съ удовольствіемъ объ устраивавшихся Генараломъ Шебашевымъ елкахъ въ школѣ, которыя онъ посѣщалъ со всѣмъ своимъ семействомъ: это былъ самый заманчивый праздникъ для воспитанниковъ, съ нетерпѣніемъ его ожидавшихъ. Понятно, что всякое появленіе въ школѣ Генерала Шебашева, не могшаго, по своимъ другимъ занятіямъ, часто бывать тамъ, встрѣчаемо было воспитанниками съ особымъ удовольствіемъ, а ласковое обхожде-

ніе съ мальчиками, ободряя ихъ, дѣлало болѣе искренними и не мало помогало ихъ нравственному развитію". [59]

Съ 1866-го года школа солдатскихъ дѣтей дѣлилась на 3 класса: приготовительный, младшій и средній. Курсъ школы заключался въ преподаваніи Закона Божія, чтенія и письма и элементарныхъ свѣдѣній изъ ариѳметики, географіи и Русской исторіи. Особенно усиленно занимались въ школѣ пѣніемъ и музыкой.

Выпускались изъ школы кантонисты и воспитанники по достиженіи ими 18 лѣтъ, послѣ чего поступали на службу преимущественно на нестроевыя должности съ обязательствомъ прослужить 6 лѣтъ за полученное образованіе. Уставомъ о воинской повинности 1876 года школы полковъ гвардіи отнесены по представленіи льготъ къ 4-му разряду учебныхъ заведеній. Выпускаемые воспитанники, главнымъ образомъ, заполняли должности музыкантовъ и писарей. Такъ, въ 1856 году изъ школы выпускъ кантонистовъ въ полку былъ произведенъ въ музыкантскіе ученики, барабанщики, цирюльники и лазаретные служители; въ строй же было опредѣлено только 2 человѣка [60].

Если учебная сторона въ школѣ кантонистовъ, а въ послѣдствіи и солдатскихъ дѣтей Л.-Гв. Финляндскаго полка, была поставлена надлежащимъ образомъ, то нельзя того же сказать о матеріальной сторонѣ школы; отпуска отъ казны было далеко не достаточно и его приходилось пополнять заработкомъ составленнаго изъ воспитанниковъ школы хора пѣвчихъ, а также и тѣхъ воспособленій которыя могла удѣлять хозяйственная часть полка. Постоянными отпусками служили: 1) часть шефскаго жалованья—524 р. $64^{1}/_{4}$ к. сер., 2) провіантъ и жалованье по числу 40 человѣкъ воспитанниковъ, 3) провіантъ и приварочныя деньги, прикомандированныхъ къ школѣ нижнихъ чиновъ, 4) проценты (120 р.) съ капитала (2.172), пожертвованнаго жителями Васильевскаго острова, по случаю возвращенія полка въ 1878 г. изъ похода ([26]) и 5) запѣвныя деньги отъ 5 до 6 тысячъ въ годъ. Кромѣ того, платье и бѣлье приготовлялись средствами полка. Расходы по содержанію школы распредѣлялись: 1) продовольствіе воспитанниковъ, прикомандированныхъ нижнихъ чиновъ и вольнонаемныхъ пѣвчихъ до 3.000 р. 2) жалованье учителю пѣнія и теоріи музыки—360 р. въ годъ, 3) при случаѣ и вольнонаемнымъ пѣвчимъ до 1.500 р., и 4) хозяйственныя и учебныя потребности также до 1.500 р. въ годъ. Кромѣ того до 10% изъ запѣвныхъ денегъ отчислялось воспитанникамъ въ собственную артель; деньги эти распредѣлялись въ зависимости отъ голоса каждаго изъ нихъ и помѣщались въ сберегательную кассу для приращенія 3%. При зачисленіи на службу, собственныя деньги воспитанниковъ выдавались имъ на руки; среднимъ числомъ каждый получалъ до 150 р. сер. [61].

Такимъ образомъ, поддержаніе матеріальной стороны требовало особой изворотливости и неустанныхъ заботъ со стороны офицеровъ ею завѣдывавшихъ. Сама же школа приносила полку весьма значительную пользу, давая музыкантскому хору полка и полковой канцеляріи постоянный притокъ свѣжихъ силъ. Эта же школа дала полку не мало весьма даровитыхъ, дѣльныхъ и способныхъ людей. Достаточно упомянуть для характеристики отличнаго состава школы въ разное время—бывшаго, знаменитаго, въ свое время,

барабанщика Пирожникова *, полковаго писаря Недѣльника, старшаго писаря по хозяйственной части, а потомъ дѣлопроизводителя, коллежскаго регистратора П. П. Максимова, чиновника обучающаго музыкантовъ И. П. Оглоблина и, наконецъ, дѣлопроизводителя по хозяйственной части коллежскаго регистратора Н. Т. Бакулина [62].

Къ нижнимъ чинамъ особой категоріи, комплектовавшейся по выраженію солдатъ, „изъ господъ“ принадлежали юнкера, портупей-юнкера, подпрапорщики и портупей-прапорщики и вольноопредѣляющіеся. Большинство изъ этихъ категорій нижнихъ чиновъ было постепенно уничтожаемо за время съ 1855-го по 1881-ый годъ. Такъ, въ 1856 году приказано было юнкеровъ, состоявшихъ на службѣ въ полкахъ, именовать впредь подпрапорщиками [63]. Въ 1859 году званіе подпрапорщиковъ и прапорщиковъ во всѣхъ полкахъ было отмѣнено и они были наименованы юнкерами и портупей-юнкерами [64]. Затѣмъ, въ 1859 году, въ строевыхъ частяхъ остались лишь одни юнкера, а званіе портупей-юнкера давалось только въ юнкерскихъ и военныхъ училищахъ; впослѣдствіи же, къ концу 70-хъ годовъ, состоялось уничтоженіе званія юнкеровъ и, такимъ образомъ, остались лишь одни вольноопредѣляющіеся.

Ко всѣмъ этимъ нижнимъ чинамъ, хотя они и были изъ привилегированныхъ сословій, относились, особенно въ первое время царствованія Императора Александра II-го, съ большою строгостью: имъ воспрещались какія бы то ни было уклоненія отъ формы одежды, постройка обмундированія изъ тонкаго сукна; они не имѣли права на улицахъ и гуляньяхъ ходить рядомъ съ офицерами и ѣздить въ однихъ съ ними экипажахъ; а также перегонять ихъ; имъ запрещено было посѣщеніе трактировъ и другихъ питейныхъ заведеній, общественныхъ гуляній, минеральныхъ водъ и увеселительныхъ мѣстъ; участвовать въ офицерскихъ артеляхъ тоже было воспрещено; въ театрахъ дозволено было быть въ креслахъ не ближе 8-го ряда. Въ 1857 году, при переименованіи юнкеровъ въ подпрапорщики, въ приказѣ Л.-Гв. по Финляндскому полку отъ 2-го Августа этого года значилось нижеслѣдующее: „Портупей Прапорщикамъ Будбергу и Бартеневу, во избѣжаніе недоразумѣній, подтверждается: a) чтобы при встрѣчѣ съ начальниками они отдавали честь какъ нижніе чины, а отнюдь не какъ офицеры, b) чтобы при Инспекторскихъ смотрахъ, при объѣздѣ лагеря во время зари съ церемоніей, они строились съ унтеръ-офицерами, c) воспрещается имъ быть присутствующими при разводахъ съ церемоніей и на выходахъ при Высочайшемъ дворѣ, d) портупей-прапорщики эти должны состоять въ вѣдѣніи офицера, которому поручено общее завѣдываніе подпрапорщиками и при выходѣ со двора должны быть снабжены установленными на сей предметъ билетами и e) отнюдь не дозволять имъ квартировать на вольно-наемныхъ квартирахъ.

Число нижнихъ чиновъ означенныхъ категорій было Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку обыкновенно незначительно—всего нѣсколько человѣкъ въ годъ.

Инвалиды Л.-Гв. Финляндскаго полка за время 1855 — 81 годовъ существовали при

*) Пирожниковъ воспитанникъ 1840-ыхъ г.г. Въ то время, когда онъ былъ уже на службѣ, въ званіи полковаго барабанщика, въ Петербургъ пріѣзжалъ какой то иностранецъ барабанщикъ, славившійся въ то время за границею. На состязаніи его съ Пирожниковымъ этотъ послѣдній оказался болѣе искустнымъ чѣмъ знаменитый чужеземецъ.

полку въ началѣ этого періода на прежнихъ основаніяхъ, т. е. составляя Инвалидную № 10 полуроту, численность которой была слѣдующая: оберъ-офицеровъ — 2, унтеръ-офицеровъ—6, рядовыхъ—60. Служба инвалидовъ заключалась въ исполненіи различнаго рода хозяйственныхъ работъ и въ уходѣ за больными въ полковомъ госпиталѣ. Но въ 1860 году послѣдовало расформированіе инвалидныхъ полуротъ, состоявшихъ при гвардейскихъ полкахъ, причемъ инвалиды были прикомандированы къ строевымъ ротамъ и къ командѣ при госпиталѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ инвалиды, хотя и числились въ ротахъ, но составили особую инвалидную команду [65]. Переформированіе инвалидной полуроты въ команду въ полку произошло при Капитанѣ Бѣлоцерковцѣ, бывшемъ послѣднимъ командиромъ этой полуроты.

Покупка книгъ солдатами.
Съ рисунка 70-хъ годовъ.

По расформированіи гвардейскихъ инвалидныхъ полуротъ, капиталы ихъ были переданы въ штабъ корпуса и отдавались взаймы офицерамъ гвардіи съ уплатой за заемъ 5% годовыхъ; эти проценты шли на содержаніе въ городской богадѣльнѣ престарѣлыхъ вдовъ * гвардейскихъ солдатъ [66].

Затѣмъ, въ началѣ 1881 года [67] послѣдовало упраздненіе и гвардейскихъ инвалидныхъ командъ, а для хозяйственныхъ надобностей добавлены въ штатъ гвардейскихъ частей нестроевые нижніе чины въ числѣ 2 унтеръ-офицеровъ и 23 рядовыхъ, при чемъ, нижнихъ чиновъ инвалидной команды приказано переименовать въ нестроевые для хозяйственныхъ надобностей.

Въ инвалидной командѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка передъ расформированіемъ ея состояло: офицеровъ—1, унтеръ-офицеровъ—3, рядовыхъ—15 [68].

Положеніе нижнихъ чиновъ во время царствованія Императора Александра II-го было далеко не такимъ суровымъ, какъ въ предшествовавшее время; одновременно и надзоръ за солдатами, оставаясь строгимъ, сталъ значительно мягче, чѣмъ во время царствованія Императора Николая I-го; къ тому же и служба приняла для нижнихъ чиновъ совершенно другой характеръ, поставивъ ихъ въ совершенно другія условія, значительно облегчившія службу.

Самымъ крупнымъ явленіемъ, улучшившимъ въ весьма значительной степени положеніе нижнихъ чиновъ, явилось введеніе въ 1876 году всеобщей воинской повинности, значительно сократившей срокъ службы нижнихъ чиновъ подъ знаменами и тѣмъ облегчившей службу солдата. По основной статьѣ устава о воинской повинности чины общаго призыва состояли на дѣйствительной службѣ въ продолженіи всего лишь 5-ти лѣтъ—срокъ, о которомъ не смѣлъ и мечтать Николаевскій солдатъ.

---

* Л.-Гв. отъ Финляндскаго полка было опредѣлено три вдовы.

Сокращенie срока службы измѣнило въ значительной степени и систему движенія нижнихъ чиновъ по службѣ для производства ихъ въ унтеръ-офицеры и офицеры; въ общемъ, вновь введенныя положенія привели къ тому, что производство рядовыхъ въ унтеръ-офицеры, въ соотвѣтствіи съ введеннымъ сокращеннымъ срокомъ службы, было весьма ускорено; такъ право производства рядовыхъ въ унтеръ-офицеры въ 1875 году было предоставлено по прошествіи двухъ лѣтъ службы [69].

Ускоренное производство въ унтеръ-офицеры имѣло слѣдствіемъ то, что появился совершенно новый типъ унтеръ-офицеровъ, созданный обученіемъ исключительно въ полковой учебной командѣ, который вытѣснилъ прежній типъ унтеръ-офицера—практика, убѣжденнаго фронтовика и почтеннаго дяди. Переходъ этотъ, весьма рѣзкій, былъ совершенъ съ большими затрудненіями и, какъ показываютъ отчеты начальника 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи за вторую половину 70-хъ годовъ, былъ даже болѣзненнымъ: всѣ полки гвардіи въ то время страшно нуждались въ хорошихъ унтеръ-офицерахъ и весьма затруднялись въ подготовкѣ ихъ [70]; опытныхъ же и тѣмъ болѣе сверхсрочно-служащихъ въ полкахъ гвардіи имѣлось въ то время весьма ограниченное число. Это явленіе, наблюдалось впрочемъ, и за время непосредственно предшествовавшее введенію всеобщей воинской повинности; поэтому, для привлеченія унтеръ-офицеровъ къ сверхсрочной службѣ принимались мѣры еще 70-хъ годовъ, заключавшіяся въ предоставленіи имъ различныхъ льготъ и преимуществъ по службѣ. Въ 1871 году было установлено для сверхсрочно-служащихъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей добавочное жалованье отъ 21 до 42 руб., а въ 1874 году это жалованье было увеличено вдвое * [71].

Что касается до жалованья и прочихъ видовъ довольствія нижнихъ чиновъ то за время 1855—81 годовъ, оно мало чѣмъ отличалось отъ таковыхъ же предшествующаго времени. Но за то нижніе чины въ царствованіе Императора Александра II пріобрѣли значительное расширеніе въ своихъ правахъ, получая все большую свободу. Въ 1856 году было разрѣшено фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ гвардіи посѣщать театры съ билетами за подписью командира полка; въ 1875 году разрѣшено нижнимъ чинамъ всѣхъ званій посѣщать театры, а также ѣздить въ экипажахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ запрещенъ былъ входъ въ публичныя читальни, а также въ трактиры, харчевни, пивныя и т. п. Винныя же лавки разрѣшалось имѣть не ближе 150 саж. отъ казармъ. Въ 1864 году послѣдовало разрѣшеніе продажи питей повсюду и отмѣненъ былъ законъ, воспрещавшій входъ нижнихъ чиновъ въ трактиры и питейные дома; такое распоряженіе повлекло за собою увеличеніе пьянства среди нижнихъ чиновъ, почему стали изыскиваться всевозможныя средства для искорененія этого зла включительно до задержанія денегъ нижнихъ чиновъ ротными командирами съ тѣмъ, чтобы выдавать деньги лишь на покупку необходимыхъ для солдата предметовъ [72].

Въ 1875 году значительно облегчены прежнія правила увольненія нижнихъ чиновъ со двора, а также и допуска посѣтителей въ казармы; результатомъ новыхъ правилъ явилась бóльшая свобода нижнихъ чиновъ [73].

* Исключая младшихъ сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, которымъ добавочное содержаніе было оставлено въ 1875 году безъ измѣненія, сравнительно съ жалованьемъ 1871 года.

Положеніе офицеровъ въ матеріальномъ отношеніи въ царствованіе Императора Александра II-го, улучшилось весьма незначительно: не смотря на увеличеніе окладовъ жалованія и нѣкоторыхъ видовъ денежнаго довольствія, содержаніе офицеровъ было по прежнему недостаточнымъ по отношенію къ тому положенію, которое они занимали въ обществѣ.

Годовой окладъ жалованья офицеровъ гвардейской пѣхоты по положенію 1860 года былъ слѣдующій: полковника—687 руб., капитана—531 руб., штабсъ-капитана—441 руб., поручика—366 руб., подпоручика—339 руб., прапорщика—312 руб. Кромѣ того ротные командиры и штабъ-офицеры получали столовыя деньги въ размѣрѣ отъ 138 до 369 рублей въ годъ. [74]

Хотя содержаніе офицеровъ и было увеличено, сравнительно съ получаемымъ ими въ прежнее время, но увеличеніе это, собственно говоря, было лишь кажущееся, такъ какъ одновременно, но въ значительно большей степени возросла и дороговизна жизни.

Изъ другихъ предметовъ денежнаго довольствія, за время съ 1865-го по 1881 годъ, послѣдовали слѣдующія увеличенія и измѣненія: въ 1858 году удвоенъ окладъ квартирныхъ денегъ противъ существовавшаго съ 1861 года; въ 1859 году основана эмеритальная касса; въ 1866 году назначены суточныя деньги за время походовъ и лагерей; въ 1869 году увеличены столовыя деньги батальоннымъ и ротнымъ командирамъ; въ 1870 году назначены суточныя караульныя и съ 1873 года отпускъ квартирныхъ денегъ сталъ производиться отъ казны, что обезпечивало своевременность этого отпуска. [75]

Но всѣхъ этихъ видовъ довольствія было недостаточно для гвардейскаго офицера, а потому въ 1868 году 22 апрѣля, въ день 50-ти лѣтія со дня зачисленія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II-го въ списки войскъ гвардіи, Государь Императоръ пожаловалъ 300.000 рублей для ежегодной выдачи офицерамъ строевыхъ частей и штабовъ гвардіи полугодоваго оклада жалованія. [76]

Этотъ отпускъ явился значительнымъ подспорьемъ для офицерскаго бюджета и замѣнилъ собою прежде существовавшіе добавочные отпуски содержанія офицерамъ гвардейскаго корпуса; добавочные отпуски, достигая въ царствованіе Императора Александра I-го, до 350 тысячъ рублей въ годъ на всѣхъ гвардейскихъ офицеровъ, были къ концу 50-хъ г.г. сведены на отпускъ всего лишь 50 тысячъ рублей въ годъ, которые, въ виду недостаточности этой суммы распредѣлялись далеко не между всѣми офицерами.

Что касается до положенія офицерскаго состава по отношенію къ служебному движенію за время 1855-81 годовъ, то оно не измѣнилось къ лучшему сравнительно съ положеніемъ Николаевскаго времени: вслѣдствіе продолжительности мирной жизни полка, прерванной за время царствованія Императора Александра II-го, лишь одной большой войной, а именно турецкой кампаніей 1877-78 г.г. а также и сравнительно непродолжительнымъ участіемъ полка въ подавленіи польскаго мятежа, убыль въ офицерскомъ составѣ его была весьма незначительная; движеніе же офицеровъ по службѣ не только не было ускорено, но напротивъ замедлилось. Такъ, во время царствованія Императора Александра II-го, Финляндскіе офицеры производились въ полковники по прослуженіи въ среднемъ семнадцати лѣтъ, тогда какъ за время царствованія Императора Николая I-го они достигали

густыхъ эполетъ въ среднемъ на два года ранѣе. Среднимъ же срокомъ за время 1855-81 годовъ для полученія полка Финляндскому офицеру приходился 21 годъ службы, наименьшимъ срокомъ 19 лѣтъ, а наибольшимъ 23 года. [77]

Указанные сроки находились въ тѣсной зависимости отъ продолжительности пребыванія офицеровъ въ полку, которая за время 1855-81 годовъ была по прежнему весьма незначительной, т. к. большинство офицеровъ продолжало уходить со службы въ молодыхъ годахъ; впрочемъ, со второй половины царствованія Императора Александра II, продолжительность пребыванія офицеровъ въ полку нѣсколько возросла. Причиной этому явленію было измѣненіе въ соціальномъ строѣ Россіи, выразившееся въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; вызванное этою мѣрою уменьшеніе матеріальной обезпеченности дворянской среды, побудило представителей ея, состоящихъ на военной преимущественно службѣ и пополнявшихъ офицерскій составъ, оставаться болѣе продолжительное время въ рядахъ войскъ.

Комплектованіе полка офицерами происходило лучшими воспитанниками изъ оканчивающихъ военно-учебныя заведенія; послѣ преобразованія послѣднихъ въ 60-хъ годахъ, наибольшій контингентъ, поступавшихъ въ полкъ офицеровъ, стали давать военныя училища; затѣмъ въ офицеры полка производились юнкера, а съ уничтоженіемъ ихъ подпрапорщики полка, впрочемъ, таковыхъ было самое незначительное количество. Кромѣ этого довольно значительное число офицеровъ переводилось въ полкъ изъ арміи; переводы эти дѣлались по строгомъ обсужденіи въ каждомъ случаѣ отдѣльно. Такимъ образомъ, былъ гарантированъ соотвѣтственный офицерскій составъ полка.

Въ виду недостаточности казеннаго содержанія для нижнихъ чиновъ, вольныя работы, бывшія за время 1855-го-1881 годовъ въ такомъ же распространеніи какъ и раньше, служили немаловажнымъ источникомъ пополненія солдатскаго бюджета. Въ годъ въ полку зарабатывалось обыкновенно до конца 50-хъ годовъ отъ 6000 до 8000 рублей, а позднѣе отъ 10,000 до 15,000 рублей, причемъ по положенію, существовавшему до второй половины 60-хъ годовъ, на основаніи инструкціи ротнымъ командирамъ, вычиталось въ ротный запасный капиталъ съ рабочихъ денегъ, въ линейныхъ ротахъ по 213 руб., въ стрѣлковыхъ же по 378 руб. и кромѣ того на образованіе запаснаго капитала, на случай похода, по 25 руб. въ роту, что составляло по штатамъ того времени отъ $3^1/_2$ до 4 руб. серебромъ съ каждаго нижняго чина. Впослѣдствіи этотъ вычетъ былъ нѣсколько сокращенъ. Для пополненія такого значительнаго обязательнаго вычета и предоставленія людямъ хоть половины заработанныхъ денегъ на покрытіе мелочныхъ потребностей ихъ, на что не было отпуска отъ казны, какъ напримѣръ постельныхъ и другихъ принадлежностей, а въ особенности на исправленіе обуви и бѣлья, во время работъ сильно изнашивавшихся. Необходимо было каждому солдату заработать отъ 7 до 9 руб. въ полтора мѣсяца и если затѣмъ вычесть праздники, караулы и другіе наряды, то выходило что означенную сумму каждый нижній чинъ долженъ былъ заработать въ 20 дней осенняго времени. *

---

* Заработная плата въ 60-хъ годахъ была слѣдующая: въ городѣ около 35 коп. въ сутки, для полевыхъ работъ—40 коп., для мастеровыхъ плата была больше—маляры и печники получ. по 65 коп., а плотники и столяры отъ 70 до 80 коп. въ сутки.

Затруднительность заработка этихъ денегъ еще болѣе усугублялась большимъ предложеніемъ рабочихъ рукъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ въ осеннее время, вслѣдствіе прекращенія полевыхъ работъ. Между тѣмъ, необходимость заработать опредѣленную сумму и въ опредѣленный срокъ при трудности найти гуртовыя работы вынуждала начальниковъ увольнять людей малыми командами и еще чаще по одиночкѣ; при этомъ солдатъ оставался безъ надзора. Прямымъ слѣдствіемъ такого порядка являлось усиленіе пьянства, разврата, сифилитическихъ болѣзней, частыя отлучки и даже побѣги и слѣдовательно возникновеніе вслѣдъ за временемъ вольныхъ работъ значительнаго количества военно-судебныхъ дѣлъ.[78] Безпорядки во время вольныхъ работъ были настолько значительны, что нижніе чины собирались цѣлыми группами на нѣкоторыхъ мѣстахъ города и образовывали тамъ на нѣсколько дней нѣчто вродѣ биржи для предложенія труда; такими мѣстами были въ 60-хъ годахъ—уголъ Невскаго и Владимирской и площадь противъ Казанскаго собора.[79]

Подобный порядокъ вещей привелъ къ тому, что въ 1876 году было предписано вольныя работы производить не иначе какъ командами подъ начальствомъ старшихъ каждой команды, вполнѣ отвѣтственныхъ за своихъ подчиненныхъ.[80]

Семейныхъ нижнихъ чиновъ, Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку за время царствованія Императора Александра II, до введенія всеобщей воинской повинности, состояло довольно значительное число, особенно-же съ начала этого періода до конца 60-хъ годовъ, когда появился цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ для вступленія въ бракъ нижнимъ чинамъ. Введеніе-же всеобщей воинской повинности разрѣшило вопросъ о семейныхъ нижнихъ чинахъ въ томъ смыслѣ, что ни военное вѣдомство, ни отдѣльная воинская часть, по краткости пребыванія нижнихъ чиновъ въ строю, заботъ о семейныхъ солдатахъ на себя не принимали.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку, гдѣ съ начала царствованія Императора Александра II-го количество семейныхъ нижнихъ чиновъ доходило до $1/4$—$1/5$ общаго ихъ состава, число семейныхъ стало значительно сокращаться и черезъ 10 лѣтъ, т. е. къ серединѣ 60-хъ годовъ, оно стало уже болѣе, чѣмъ вдвое, меньше. Причинами такого уменьшенія семейныхъ нижнихъ чиновъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, какъ и въ прочихъ полкахъ гвардейскаго корпуса, являлось отсутствіе помѣщенія въ казармахъ для семейныхъ нижнихъ чиновъ и отсутствіе матеріальныхъ средствъ вообще. Начальство гвардейскаго корпуса всѣхъ степеней, признавая невозможнымъ, какъ и въ прежнее время, т. е. въ первую половину XIX-го вѣка, разрѣшать женитьбу всѣмъ нижнимъ чинамъ, издавало цѣлый рядъ приказовъ, воспрещающихъ и ограничивающихъ вступленіе въ бракъ. Такъ, въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра II-го, командиръ гвардейскаго корпуса приказалъ, во избѣжаніе вреднаго вліянія на здоровье женатыхъ нижнихъ чиновъ и ихъ дѣтей отъ тѣсныхъ размѣщеній въ казармахъ, пріостановить на нѣкоторое время дозволеніе холостымъ нижнимъ чинамъ вступать въ законные браки[81].

Въ 1860 году послѣдовали новыя правила о женитьбѣ нижнихъ чиновъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку: разрѣшалось жениться только тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые вносили реверсъ въ 100 рублей, въ случаѣ нахожденія нижняго чина на службѣ менѣе

8-ми лѣтъ; при дальнѣйшей же службѣ реверсъ уменьшался вдвое [82]. Такое ограниченіе, будучи весьма стѣснительнымъ для солдатъ, повело къ нарушенію его въ нѣкоторыхъ, единичныхъ, впрочемъ, случаяхъ. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ того-же года, одинъ изъ ефрейторовъ, будучи въ отпуску, женился, не испросивъ разрѣшенія своего непосредственнаго начальства, за что былъ наказанъ разжалованіемъ въ рядовые и смѣщеніемъ со старшаго оклада на младшій [83].

Наконецъ, въ 1865 году нижнимъ чинамъ, состоявшимъ на службѣ въ строю было запрещено вовсе вступать въ бракъ [84].

Съ этого времени число семейныхъ нижнихъ чиновъ въ полку стало сразу-же убывать весьма значительно, что доказывается числомъ солдатскихъ дѣтей, жившихъ при родителяхъ въ казармахъ полка. Въ 1865-мъ году числилось въ полку солдатскихъ дѣтей, состоявшихъ при родителяхъ 237 человѣкъ, * а въ слѣдующемъ 1866 году всего лишь 142 человѣка. [85]

БИЛЕТЪ.

Предъявитель сего, сынъ [illegible] [illegible], имѣющій отъ рожденія [illegible] уволенъ изъ Военно-Сухопутнаго вѣдомства, для причисленія въ свободное податное состояніе, на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ въ 26 день Декабря 1856 года Правилъ объ исключеніи солдатскихъ и кантонистскихъ дѣтей и кантонистовъ изъ Военно-Сухопутнаго и Морскаго вѣдомствъ. — Данъ сей билетъ отъ Командира Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка [illegible] 25 дня 1858 года.

№ [illegible]

Командиръ полка [illegible]

Полковой Квартермистръ [illegible]

Однако запрещеніе нижнимъ чинамъ вступать въ браки не положило предѣлъ заботамъ начальства того времени о семейныхъ нижнихъ чинахъ: долгіе сроки службы заставляли нижнихъ чиновъ, женившихся до поступленія на службу, выписывать свои семейства съ родины и перевозить ихъ въ Петербургъ. По этому поводу въ приказѣ по полку отъ 25-го августа 1867-го г., командиръ полка предписывалъ слѣдующее.

„Несмотря на весьма часто повторяемые приказанія высшаго начальства, чтобы семейные нижніе чины не выписывали женъ своихъ съ родины, распоряженіе это не исполняется и жены продолжаютъ прибывать въ С.-Петербургъ къ мужьямъ, оправдываясь, что на родинѣ имъ нѣтъ средствъ къ жизни, хотя оправданія эти вовсе не умѣстны, потому что средства къ жизни для хорошей женщины, какъ на родинѣ такъ и въ Петербургѣ, есть однѣ и тѣ-же: трудъ и прилежаніе къ работѣ, почему предписываю г.г. ротнымъ командирамъ строго подтвердить поступающимъ нынѣ въ полкъ молодымъ семейнымъ солдатамъ, чтобы они ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливались выписывать женъ своихъ съ родины, такъ какъ имъ не только что не будетъ отводиться казенныхъ квартиръ или требоваться квартирныхъ денегъ, но еще они подвергнутся строжайшему взысканію, какъ за неисполненіе приказанія начальства, а жены ихъ будутъ отправлены обратно на родину“.

Вообще же съ семейными нижними чинами, за первую половину царствованія Императора Александра II-го, было много хлопотъ, такъ какъ положеніе солдатскихъ семей оставалось по прежнему весьма неудовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Особенно

* Этихъ солдатскихъ дѣтей не слѣдуетъ смѣшивать съ состоявшими въ школѣ кантонистовъ, такъ какъ они числились при своихъ родителяхъ, а кантонисты при школѣ.

недостаточны были для нихъ помѣщенія въ казармахъ, что и было одною изъ причинъ большой смертности среди солдатскихъ дѣтей. Для борьбы съ первымъ зломъ былъ учрежденъ въ концѣ 50-хъ годовъ комитетъ для расквартированія войскъ въ казармахъ гвардейской пѣхоты; [86] означенный комитетъ, осмотрѣвъ помѣщенія нижнихъ чиновъ во всѣхъ полкахъ гвардейской пѣхоты издалъ правила, по которымъ жить въ казармахъ могли только жены и дѣти нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на службѣ и въ исключительныхъ случаяхъ вдовы ихъ; всѣ же остальные родственники солдатъ должны были покинуть казармы. Вслѣдствіе этого распоряженія на слѣдующій 1859-ый годъ въ казармахъ полка остались жить только 18 солдатскихъ вдовъ.

Борьба же со вторымъ зломъ, т. е. со смертностью солдатскихъ дѣтей не имѣла надлежащихъ результатовъ и смертность между ними продолжала быть значительна. Такъ, въ 1856 году умерло при родителяхъ 38 солдатскихъ дѣтей, [87] въ 1866-мъ же году смертность ихъ значительно возросла.

Существовавшія въ гвардейскихъ полкахъ школы кантонистовъ оказывали не малое облегченіе въ данномъ случаѣ, спасая хоть нѣкоторую часть солдатскихъ дѣтей отъ болѣзней и представляя имъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспитаніе и образованіе въ воинскомъ духѣ. Но въ школы кантонистовъ попадала незначительная часть солдатскихъ дѣтей, а положеніе остальныхъ продолжало оставаться такимъ же безотраднымъ. Такой порядокъ вещей вызвалъ со стороны Великаго Князя Главнокомандующаго войсками округа въ 1871 году поданіе записки военному министру съ проэктомъ учрежденія при С.-Петербургскомъ военномъ округѣ военно ремесленной школы для дѣтей нижнихъ чиновъ округа. [88] Свое представленіе Великій Князь мотивировалъ тѣмъ, что съ закрытіемъ школъ кантонистовъ вообще и съ уменьшеніемъ ихъ въ гвардіи, явилось безвыходное положеніе родителей нижнихъ чиновъ въ дѣлѣ воспитанія ихъ дѣтей: „Имѣющіеся въ настоящее время при войсхахъ гвардіи школы хотя и даютъ нѣкоторую возможность спасти часть солдатскихъ дѣтей отъ нищеты и разврата, но тѣмъ не менѣе школы эти не обезпечиваютъ нуждъ нижнихъ чиновъ“. Главный Штабъ по разсмотрѣніи проэкта положенія о военно-ремесленной школѣ Петербургскаго военнаго округа нашелъ, что согласовать этотъ проэктъ съ ожидавшимися постановленіями неудобно, почему вопросъ этотъ и былъ отложенъ до учрежденія положенія о воинской повинности.

Хозяйственной части полка приходилось тоже оказывать нѣкоторую помощь семейнымъ нижнимъ чинамъ; содержаніе родильнаго покоя и выдача пособій вдовамъ, лежала на хозяйственной части; впрочемъ надо отдать должное и по справедливости, что хозяйственная часть не очень то раскошеливалась на этотъ предметъ, т. к. выдавала ежегодно на эту потребность всего около 100 руб. [89] Родильный покой существовалъ въ зданіи полковаго госпиталя при квартирѣ полковой бабки. [90]

Не мало затрудненій представлялось также семейнымъ нижнимъ чинамъ при выходѣ полка въ лагерь, куда солдатскія жены стремились постоянно съ самаго выступленія полка изъ города. Это вызывало со стороны командира полка распоряженія вродѣ, нижеслѣдующаго, отданнаго въ приказѣ отъ 26-го іюня 1859 года: „Предписываю г. г. батальоннымъ и ротнымъ командирамъ строго наблюсти, чтобы при выступленіи полка въ

лагерь, солдатскія жены отнюдь не смѣли слѣдовать за полкомъ, какъ это замѣчено мною было въ прошлый разъ выступленія въ лагерь, когда изъ нихъ нѣкоторыя шли не только позади или по сторонамъ полка, но даже были въ серединѣ отдѣленій".—На посѣщенія же солдатскими женами мужей въ лагеряхъ, съ самаго начала царствованія Императора Александра II-го, стали смотрѣть болѣе мягко чѣмъ въ прежнее время, когда эти посѣщенія были запрещены вовсе. Такъ въ приказѣ по полку 31-го іюля 1856-го года было отдано слѣдующее распоряженіе:

„Г. Командующій Корпусомъ вслѣдствіи ходатайства г. начальника дивизіи изволилъ разрѣшить: приходящимъ для свиданія съ нижними чинами матерямъ, женамъ и сестрамъ видѣться съ ними въ лагерѣ не позже 8 часовъ вечера въ унтеръ-штабѣ, но отнюдь не на переднихъ линейкахъ и не въ палаткахъ, впереди линію лагеря составляющихъ, и при этомъ для ночлеговъ дозволить помѣстить солдатокъ въ деревняхъ, отведенныхъ для слабосильныхъ командъ въ каждомъ полку".

Средствами жизни семейныхъ нижнихъ чиновъ, помимо получаемаго ими пайка на своихъ дѣтей, была торговля, производившаяся ими и ихъ женами, а также и участіе послѣднихъ въ различнаго рода работахъ на ближайшихъ фабрикахъ и заводахъ. Торговали солдатки молочными, съѣстными продуктами въ казармахъ, и работами своего или мужнина ремесла на улицахъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ выдавались билеты за подписью ротныхъ командировъ.

Важнѣйшими событіями мирнаго періода жизни полка, отъ возвращенія его изъ Польской кампаніи 1863 года до Турецкой войны 1877—78 годовъ, были слѣдующія.

17-го Апрѣля 1864 года, какъ бы въ награду за доблестныя дѣйствія Л.-Гв. Финляндскаго полка во время только что минувшей кампаніи, Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, пожелалъ числиться въ спискахъ полка. Извѣстіе объ этомъ было встрѣчено всѣми чинами полка съ истиннымъ восторгомъ, и было привѣтствовано, какъ проявленіе къ полку дорогого Монаршаго вниманія.

Церковный парадъ полка этого же года, первый по возвращеніи Финляндцевъ изъ Польской кампаніи, прошелъ особенно торжественно: парадомъ командовалъ Августѣйшій Шефъ полка, Его Императорское Высочество Великій князь Константинъ Николаевичъ. „Парадъ удался удивительный,—говорится въ дневникѣ Его Высочества,—рѣдко видывалъ полкъ въ такомъ блистательномъ видѣ: во фронтѣ были 54 Георгіевскихъ кавалера и 20 раненыхъ". Государь Императоръ остался всѣмъ чрезвычайно доволенъ, и вечеромъ за обѣдомъ у Великаго князя Константина Николаевича, приглашеніемъ на который были удостоены нѣсколько офицеровъ полка, слушались разсказы о дѣйствіяхъ Финляндцевъ въ Литвѣ, которые Его Высочество нашелъ очень интересными [91].

Въ томъ же году, 11-го іюля въ Высочайшемъ присутствіи былъ общій церковный парадъ на военномъ полѣ съ благодарственнымъ молебствіемъ, по случаю окончанія Кавказской войны. Во время молебствія, артиллерія произвела 101 выстрѣлъ. Парадъ этотъ долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на войска, ввиду продолжительности Кавказской войны; для офицеровъ же Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ среды которыхъ многіе сражались въ горахъ Кавказа, парадъ этотъ былъ весьма знаменателенъ.

Затѣмъ изъ фактовъ, имѣвшихъ отношеніе къ кампаніи 1863 года, слѣдуетъ упомянуть о препровожденіи наиболѣе видныхъ повстанцевъ изъ Польши и Литвы въ Сибирь и въ нѣкоторыя мѣста заключенія; отъ полковъ гвардейскаго корпуса назначались для сопровожденія этихъ преступниковъ вооруженные караулы подъ командой офицеровъ; отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ назначенъ въ 1864 году караулъ въ числѣ одного оберъ-офицера, одного унтеръ-офицера и 14-ти рядовыхъ [92].

30-го Августа 1865 года, въ присутствіи депутатовъ отъ войскъ, участвовавшихъ въ усмиреніи мятежа 1863 года, послѣдовало торжество освященія часовни въ Вильнѣ во Имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ память доблестныхъ воиновъ, павшихъ при усмиреніи Польскаго мятежа въ 1863 году на полѣ брани.

На ряду съ этими фактами явилось событіе глубоко опечалившее всю Россію: то была кончина Наслѣдника Великаго Князя Николая Александровича, почившаго 12 апрѣля въ Ниццѣ. 28-го мая состоялась печальная церемонія погребенія тѣла Его Императорскаго Высочества въ Соборѣ Петропавловской Крѣпости, на которой присутствовали всѣ войска гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

Къ печальнымъ же событіямъ того времени слѣдуетъ отнести и уродливыя проявленія нѣкоторыми кружками общества злонамѣренной агитаціи, имѣвшей цѣлью ниспроверженіе государственнаго строя Россіи; анархія не останавливалась передъ неоднократными покушеніями на Священную Особу Государя Императора Александра Николаевича. Изъ этихъ покушеній наибольшее впѣчатленіе произвелъ на современниковъ злодѣйскій умыселъ 4-го апрѣля 1866-го года.

„Всякій кто былъ въ этотъ день въ полку,—пишетъ [93] одинъ изъ служившихъ тогда офицеровъ,—помнитъ тотъ неподдѣльный и искренно-сердечный восторгъ, при видѣ (послѣ покушенія) Его Величества въ Зимнемъ дворцѣ здоровымъ и невредимымъ. Перо не въ состояніи изобразить этой минуты—надо было быть въ этотъ моментъ тамъ же, чтобы впечатлѣніе это никогда не изгладилось.

„Появленіе Его Величества въ залѣ, гдѣ собрались офицеры гвардіи, вызвало неумолкаемое ура, подбрасываніе шапокъ, стучаніе сабель, словомъ, каждый былъ внѣ себя. Государь, со слезами на глазахъ, пытался нѣсколько разъ заговорить, но шумъ былъ такъ великъ, что не скоро удалось слышать слова Его Величества. Наконецъ, растроганный до нельзя, Императоръ Александръ II-й въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ всѣхъ присутствующихъ и пожаловалъ Комиссарова, (спасшаго Его Величество) званіемъ дворянина Комиссарова-Костромскаго".

Злодѣянія революціонеровъ превысили мѣру милосердія Императора Александра II-го и заставили правительство прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ: въ 60-хъ годахъ нѣсколько государственныхъ преступниковъ было казнено въ С.-Петербургѣ; въ приведеніи въ исполненіе этихъ казней участвовалъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ частей гвардіи и Л.-Гв. Финляндскій полкъ; такъ 3-го сентября 1886 года во время казни 34-хъ государственныхъ преступниковъ, производившейся на Смоленскомъ полѣ, роты Л.-Гв. Финляндскаго полка стояли на различныхъ мѣстахъ Васильевскаго острова въ предупрежденіе безпорядковъ, возможныхъ при многочисленномъ скопленіи народа въ этотъ день на

улицахъ; одинъ же изъ батальоновъ полка стоялъ у самаго эшафота. Въ 1868 году, 7-го декабря происходило на Смоленскомъ же полѣ разстрѣляніе государственнаго преступника Ляпунова; въ сводный батальонъ къ эшафоту была назначена одна рота полка.

Въ іюнѣ и октябрѣ 1867 года, Л.-Гв. Финляндскій полкъ принималъ участіе въ торжествахъ обрученія и бракосочетанія Августѣйшей дочери своего Шефа Великой Княжны Ольги Константиновны; въ приказѣ по округу по поводу обрученія Ея Высочества было отдано слѣдующее: [94]

„По случаю предстоящаго въ Понедѣльникъ, 26-го сего іюня въ Царскомъ Селѣ церемоніала обрученія Его Величества Короля Эллиновъ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княжной Ольгой Константиновной и имѣющаго быть затѣмъ Высочайшаго обѣденнаго стола въ Павловскѣ 26 іюня, въ Царскомъ Селѣ выставить отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка главный караулъ со знаменемъ на дворцовую гауптвахту. Численность этого караула: 1 штабъ-офицеръ, 5 оберъ-офицеровъ, 16 унтеръ-офицеровъ, 4 музыканта и 76 рядовыхъ.

„Того же числа выставить въ Царскосельскомъ дворцѣ внутренніе караулы,— пѣшій отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, конный отъ резервнаго эскадрона Кавалергардскаго полка. Численность пѣшаго внутренняго караула: 1 оберъ-офицеръ, 4 унтеръ-офицера 2 горниста и 24 рядовыхъ.

Во время Высочайшаго обѣденнаго стола во дворцѣ Великаго Князя Константина Николаевича, въ Павловскѣ, играть хорамъ музыки Л.-Гв. Финляндскаго полка и Гвардейскаго экипажа“.

Относительно же участія полка въ бракосочетаніи Великой Княжны, въ приказѣ по полку, предписывалось нижеслѣдующее: [95]

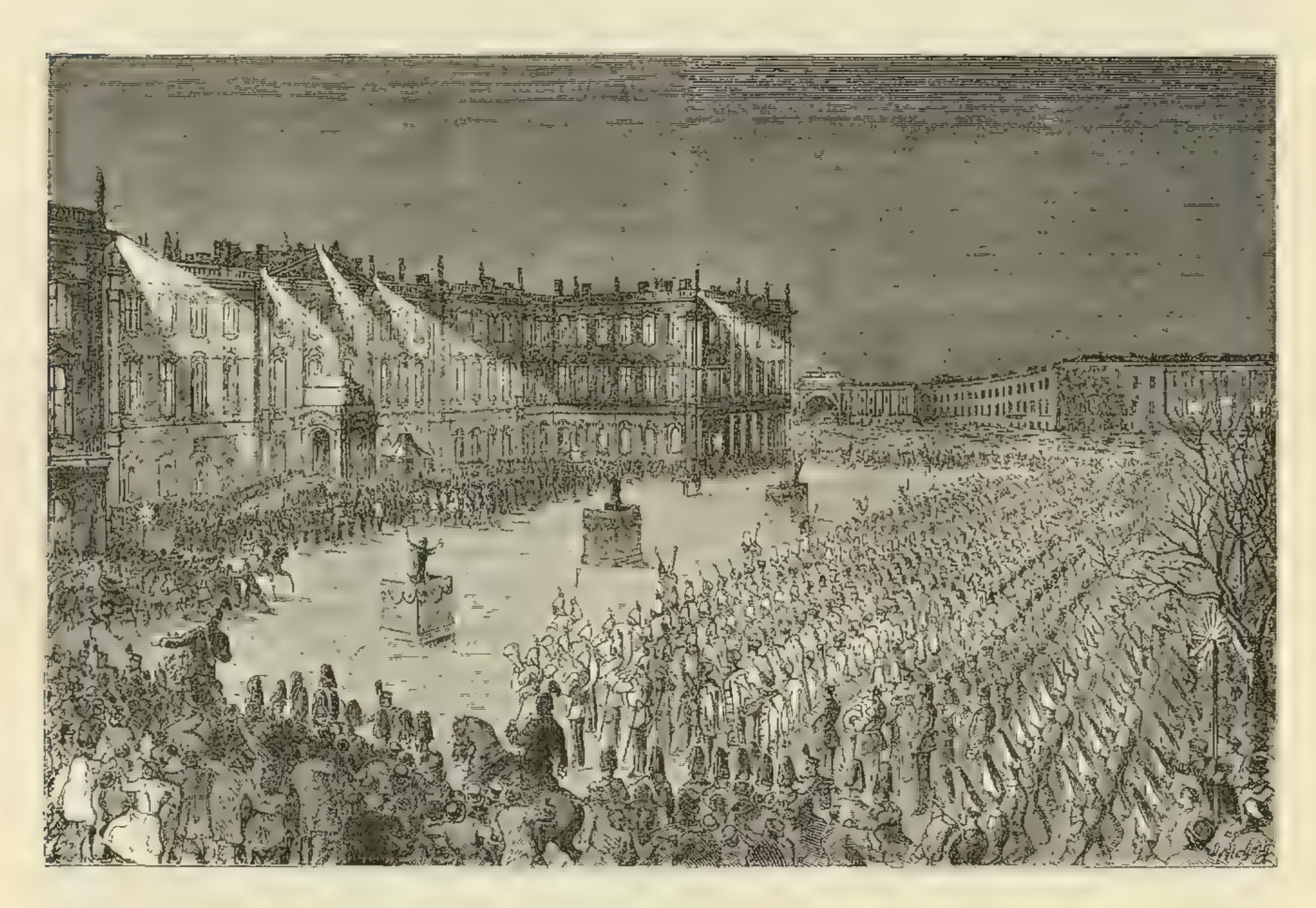
„Для предстоящаго бракосочетанія, Его Величества Короля Эллиновъ, съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Русскою Княжною Ольгою Константиновною, предписываю отъ 1 роты назначить внутренній караулъ, въ Зимній дворецъ, и отъ 5 роты въ Константиновскій дворецъ; въ каждый, въ числѣ 3-хъ унтеръ-офицеровъ и 41 рядовыхъ“.

Въ 1868 году, 22-го Апрѣля, происходило знаменательное празднованіе 50-тилѣтія со дня зачисленія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II-го въ списки войскъ гвардіи.

День Своего пятидесятилѣтія Государь ознаменовалъ новымъ знакомъ Своей милости къ гвардіи, пожаловавъ всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ ежегодную прибавку къ содержанію въ видѣ полугодового оклада жалованья, что и было выражено Государемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ на Имя Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго слѣдующаго содержанія [96]: „Ваше Императорское Высочество. Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ по волѣ блаженныя памяти Императора Александра I-го, Я зачисленъ въ ряды доблестной гвардіи. Постоянно будучи свидѣтелемъ ея усердной службы и непоколебимой преданности Престолу знакомъ Моего къ ней благоволенія, Я жалую по триста тысячъ рублей ежегодно, для выдачи пособія въ размѣрѣ полугодовыхъ окладовъ

жалованья всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, которые несутъ въ войскахъ гвардіи дѣйствительную службу *.

„Оказывая этотъ новый знакъ попеченія Моего о благосостояніи офицеровъ Моей гвардіи, во вниманіе къ большимъ издержкамъ, требуемымъ отъ нихъ по особеннымъ условіямъ ихъ службы, Я увѣренъ, что они и на будущія времена также, какъ и доселѣ, будутъ своею примѣрною и безукоризненною службою поддерживать честь и славу русской гвардіи.

Концертъ гвардейскихъ хоровъ 17-го апрѣля 1873 года.
Съ рисунка того времени.

„Возвѣщая Вамъ войска Гвардіи объ этомъ новомъ знакѣ Высочайшаго благоволенія къ службѣ Вашей, Я убѣжденъ въ чувствахъ благоговѣйной благодарности, съ которую вы примите такое выраженіе Государя Императора къ нуждамъ чиновъ гвардіи".

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ войскамъ была оказана новая милость: въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 20-го мая 1868 года было объявлено, что Государь Императоръ въ ознаменованіе Высокоторжественнаго дня Крещенія Его Императорскаго Высочества

* Подъ этими офицерами подразумѣвались офицеры гвардейскихъ частей пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и инженерныхъ войскъ, а также и офицеры строевыхъ штабовъ [97].

Государя Великаго Князя Николая Александровича, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: „даровать нижнимъ чинамъ сокращеніе на два года сроковъ выслуги къ безсрочному отпуску и кромѣ того всѣмъ нижнимъ чинамъ, которые состояли въ разрядѣ штрафованныхъ, и хорошимъ поведеніемъ и усердіемъ къ службѣ обратили на себя вниманіе начальства, зачесть время бытности ихъ подъ судомъ и въ разрядѣ штрафованныхъ въ дѣйствительную службу и не считать имъ препятствіемъ къ увольненію, какъ въ отставку, такъ и въ безсрочный и временной отпуска".

27-го Ноября 1869 года, по случаю празднованія столѣтія ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, въ Высочайшемъ присутствіи въ залахъ Зимняго Дворца и на Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской площадяхъ былъ парадъ депутаціямъ отъ всѣхъ войсковыхъ частей и всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ. На это торжество отъ полка отправлены были всѣ знамена и офицеры, имѣвшіе этотъ орденъ, а также и нижніе чины, имѣвшіе знакъ отличія военнаго ордена. Во Дворцѣ отъ полка въ строю находилось: 1 оберъ-офицеръ, 10 унт.-офицеровъ 2 музыканта и 2 рядовыхъ.

30-го Мая 1872 года, въ двухсотлѣтіе со дня рожденія Императора Петра Великаго, полкъ, въ составѣ войскъ гвардіи и округа, принялъ участіе въ парадѣ на Исаакіевской площади; для участія въ этомъ торжествѣ полки гвардейской пѣхоты были оставлены въ Петербургѣ и обычный въ серединѣ мая выходъ въ лагерь былъ отложенъ.

14-го Ноября, 1873 года по случаю открытія памятника Императрицѣ Екатеринѣ II, былъ парадъ всѣмъ войскамъ, расположенымъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Въ началѣ парада полкъ стоялъ на Невскомъ, въ числѣ другихъ полковъ дивизіи, расположившихся отъ Александринскаго театра до Малой-Конюшенной. Изъ распоряженій по этому параду заслуживаетъ вниманія слѣдующее [98]: „Л.-Гв. Егерскому и Финляндскому полкамъ по прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ оставить своихъ барабанщиковъ и хоръ музыки. Хорамъ этимъ играть поочередно, а хорамъ музыки Л.-Гв. 1-й Артиллерійской бригады, во время прохожденія пѣшой артиллеріи".

Въ 70-ые годы, по случаю многократныхъ посѣщеній Петербурга иностранными Монархами, давался цѣлый рядъ парадовъ и торжественныхъ празднествъ, въ которыхъ принималъ участіе въ числѣ прочихъ войскъ гвардіи и Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Въ 1871-мъ году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ Петербургъ Король Эллиновъ—супругъ Великой княгини Ольги Константиновны; отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ назначенъ для встрѣчи Его Величества почетный караулъ отъ І-ой роты полка при знамени и хорѣ музыкѣ [99].

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года посѣтилъ Петербургъ Король Виртембергскій, которому представлялись всѣ офицеры Петербургскаго гарнизона во время развода съ церемоніей 5-го Марта [100].

Но особенно торжественна была встрѣча Германскаго Императора Вильгельма І-го, посѣтившаго Петербургъ весною 1873 года. Это пребываніе Германскаго Императора нѣсколько походило на знаменитое празднество подъ Калишемъ 1835-го года; какъ тогда, такъ и въ 1873-мъ году составлено было подробное по днямъ росписаніе различныхъ па-

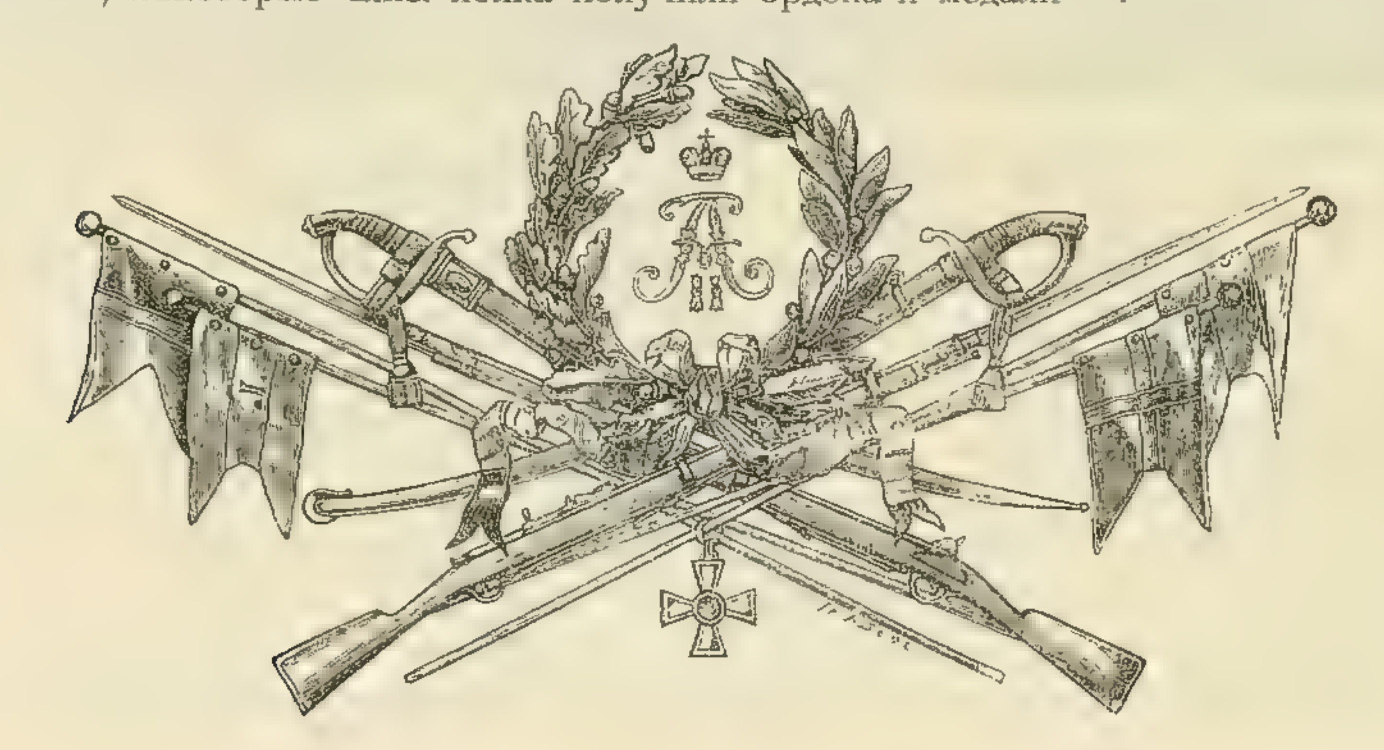
радовъ, смотровъ, разводовъ съ церемоніями, зорей и гуляніями. Все это носило почти исключительно военный характеръ и войска во всѣхъ этихъ празднествахъ играли выдающуюся роль. Особенно торжественно былъ выдѣленъ день 17-го Апрѣля—рожденія Государя Императора; онъ начался большимъ выходомъ въ Зимнемъ дворцѣ, а затѣмъ слѣдовали „военное представленіе у развода", Фамильный обѣдъ у Императора и въ 9 часовъ вечера общая заря съ церемоніей на разводной площадкѣ, представившая собою грандіозный концертъ, въ которомъ участвовали оркестры всѣхъ гвардейскихъ полковъ въ числѣ 1300 музыкантовъ и 480 барабанщиковъ, съ дирижеромъ Вурмомъ во главѣ. Они исполнили нѣсколько музыкальныхъ пьесъ, причемъ русскія военныя и народныя мелодіи смѣнялись прусскими. Пять электрическихъ солнцъ освѣщали исполнителей и, наводнявшую площадь, несмѣтную толпу. Начался концертъ прусскимъ національнымъ гимномъ; за тѣмъ слѣдовалъ маршъ, сочиненія короля Фридриха-Вильгельма III, маршъ Штейнмеца-Die Wacht am Rhein, русскій гвардейскій маршъ 1808 года, и, такъ называемый, Парижскій маршъ, при звукахъ, котораго русскіе и прусскіе полки вступали въ 1814 году въ столицу Франціи. Программа заключилась гимномъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ". Оба монарха неоднократно показывались на балконѣ, привѣтствуемые громкими восторженными кликами.

20 апрѣля (2 мая) происходилъ большой парадъ на Царицыномъ лугу. Участвовали въ немъ $51^1/_3$ батальона и $38^1/_2$ эскадроновъ при 106 орудіяхъ. Войска были построены въ пять линій, фронтомъ къ Лѣтнему саду, но не могли всѣ умѣститься на обширной площади, а потому часть ихъ была разставлена на Дворцовой набережной [101].

За участіе въ торжествахъ чины Л.-Гв. Финляндскаго полка были пожалованы Императоромъ Германскимъ орденами и медалями [102].

Въ маѣ того же года на Марсовомъ полѣ былъ парадъ въ присутствіи Шаха Персидскаго. Полкъ проходилъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Ихъ Величествъ одинъ разъ

Въ 1874 году, зимою, Петербургъ встрѣчалъ Императора Австрійскаго Франца Іосифа. За участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ торжествахъ, по случаю прибытія Императора Австрійскаго, нѣкоторые чины полка получили ордена и медали [103].

Глава VII.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г.

Мобилизація полка. Походъ до сраженія у Горняго Дубняка.

„Молодцы Финляндцы! Волею Государя Императора мы призваны идти на врага: насъ призываетъ Государь, для того чтобы спасти угнетаемыхъ, отмстить за пролитую невинную кровь, поддержать нашихъ боевыхъ товарищей, нашу славную армію, геройски сражающуюся въ неравномъ бою. Какъ слѣдуетъ вести себя въ бою указывать вамъ нечего, это укажетъ вамъ славный духъ нашего Финляндскаго полка".

(Приказъ Л.-Гв. по Финляндск. полку).

Прошло почти полвѣка послѣ похода Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Турцію, въ 1828 году, гдѣ въ побѣдахъ надъ магометанами онъ пожиналъ лавры,—какъ наступившій 1877 годъ снова привлекъ полкъ по знакомой уже ему дорогѣ за Балканы. Тамъ, своими геройскими

подвигами и цѣной невѣроятныхъ трудовъ и лишеній, Финляндцы вплели новые лавры въ свой побѣдный вѣнокъ и тѣмъ поддержали давнюю боевую славу своихъ отцовъ и дѣдовъ. Невѣдомые дотолѣ Горній Дубнякъ, Арабъ-Конакъ, Филиппополь, Марица, стали нарицательными именами доблести русскаго солдата, навсегда связанными со славнымъ именемъ Л.-Гв. Финляндскаго полка; своимъ же именемъ Финляндцы окрестили „Финляндскую гору"—одну изъ вершинъ Балканскаго хребта.

Событія второй половины семидесятыхъ годовъ, превратившія волненія одной изъ турецкихъ провинцій — Герцеговины въ великое освободительное движеніе, охватившее всю Россію, не могли разрѣшиться мирнымъ путемъ; упорство Турецкаго правительства, угнетавшаго Балканскихъ христіанъ должно было быть сломлено мечемъ Россіи, поставившей себѣ задачей освобожденіе единоплеменныхъ и единовѣрныхъ славянъ отъ магометанскаго ига. Великодушіе Русскаго народа, раздѣлявшееся Царемъ-Освободителемъ, не остановилось даже передъ пролитіемъ крови своихъ лучшихъ сыновъ, лишь бы добиться своей завѣтной цѣли—уничтоженія рабства братьевъ-славянъ. Возгоравшаяся отсюда война 1877—78 г.г. представляетъ собою ни что иное какъ актъ величайшаго самопожертвованія, вызванный беззавѣтной любовью къ ближнему.

Роль русскаго воинства въ этой войнѣ особенно величественна: имъ руководила только высоко-христіанская идея спасенія угнетенныхъ.

Хотя осложненія въ политикѣ Россіи на востокѣ начались еще въ февралѣ 1875 года, но обостренность отношеній между Россіей и Турціей стала особенно чувствительной лишь къ исходу 1876 года, когда, послѣ разбитія сербской арміи 17-го октября подъ Дюнишемъ, князь Миланъ отправилъ къ Императору Александру II депешу съ мольбой спасти Сербію [1].

Близость войны сказывалась тогда уже настолько, что военный министръ, Генералъ Милютинъ, находившійся при Государѣ въ Ливадіи, принужденъ былъ 18-го октября телеграфировать начальнику Главнаго Штаба: [2] „предваряю Васъ, что дня черезъ 2 или 3 можетъ послѣдовать повелѣніе о мобилизаціи"...

Однако перемиріе съ Сербіей, поставленное Россіей Турціи какъ ультиматумъ, было немедленно заключено Оттоманскимъ правительствомъ, чѣмъ открытіе военныхъ дѣйствій со стороны Россіи было отсрочено. Императоръ Александръ II все еще надѣялся разрѣшить Восточный вопросъ мирнымъ путемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ для поддержанія своихъ законныхъ требованій къ Портѣ повелѣлъ 1 ноября мобилизовать часть русской арміи. Дальнѣйшія дипломатическія сношенія Россіи и главнѣйшихъ Европейскихъ державъ съ Турціей, несмотря на все миролюбіе политики Императора Александра II, поставили Россію въ необходимость объявить Портѣ войну.

10-го Апрѣля 1877 года, за два дня до объявленія войны, Императоръ Александръ II высказалъ, на Высочайшемъ смотру 5-й пѣхотной дивизіи, свои завѣтныя мысли объ открытіи войны, обратившись къ офицерамъ этой дивизіи съ слѣдующими словами: [3] „Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло и потому Я медлилъ, доколѣ было возможно; Мнѣ жаль было проливать дорогую для Меня кровь... но, разъ честь Россіи затронута, Я убѣжденъ, что мы всѣ до послѣдняго человѣка съумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданія".

12-го апрѣля былъ подписанъ Высочайшій манифестъ объ открытіи войны съ Турціей, встрѣченный всей Россіей съ неподдѣльнымъ восторгомъ, какъ начало освобожденія единовѣрныхъ славянъ.

Въ манифестѣ возвѣщалось: [4]

„Всѣмъ нашимъ подданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

„Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранить Россіи благословеніе мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща и въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили себѣ цѣль достигнуть улучшенія съ союзными и дружественными Намъ великими Европейскими державами, Мы не переставали стремиться впродолженіе двухъ лѣтъ къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицемъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели, однако, къ желанной цѣли.

„Порта осталась непреклонной въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской конференціи.

„Желая испытать, для убѣжденія Порты, всевозможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ, съ внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской конференціи, и пригласить Турецкое Правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ.

„Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены, высокомѣрнымъ упорствомъ Порты, приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ уповании на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ, что наступило время, предусмотренное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи.“

Манифестъ былъ прежде всего объявленъ на Высочайшемъ смотру войскъ въ Киши-

невѣ. Здѣсь въ прощальныхъ словахъ Государя вылились тѣ долго скрывавшіяся чувства, которыми дышала вся Россія и вся русская армія. Восторгъ бывшихъ на парадѣ войскъ не поддавался описанію. Тысячныя толпы зрителей были объяты не меньшимъ порывомъ энтузіазма и также были охвачены искреннимъ глубокимъ чувствомъ. Одинъ изъ изслѣдователей войны 1877-78 года и участникъ ея, офицеръ Ямбургскаго Уланскаго полка, извѣстный беллетристъ В. Крестовскій такъ описываетъ конецъ Кишиневскаго смотра: [5] „Войска разразились громовыми криками, но что это были за крики! Что за могучая сила вырывала ихъ изъ груди каждаго! Какой восторгъ, какая любовь сіяла на лицахъ. Какъ вся эта масса въ невольномъ порывѣ, восторженно ринулась къ Монарху и обступила его съ поднятыми шапками, саблями, штыками!... Солдатскія шапки полетѣли цѣлыми роями въ воздухъ... Безчисленныя массы народа кидались на колѣни, простирали къ Государю руки и шумно, радостно вторили этому восторгу войскъ: надъ ними тоже мелькало въ воздухѣ множество шапокъ; женщины, дѣти махали платками, кидали букеты; множество усатыхъ мужественныхъ лицъ было орошено слезами, которыхъ не старались прятать другъ отъ друга. „Ура! За братій! За святое дѣло За вѣру Христову! За свободу славянъ“!—раздавались повсюду мощные крики. Казалось, самый воздухъ гремитъ подъ этими, слившимися воедино и сплотившимися вокругъ своего Царя массами войска и народа. Но описать этого невозможно. Такія минуты народныхъ порывовъ, во всемъ ихъ объемѣ, во всей ихъ силѣ, не поддаются никакому описанію. Онѣ только глубоко чувствуются; онѣ всецѣло становятся достояніемъ всемірной исторіи“.

Въ тотъ же день войска двинулись къ границѣ и къ вечеру передовой отрядъ занялъ Барабашскій мостъ: дорога къ Дунаю была открыта и русское воинство неудержимымъ потокомъ ринулось къ берегамъ этой славянской исторической рѣки, чтобы, перейдя ее и цѣпь неприступныхъ Балканскихъ горъ, свергнуть иго Мусульманскаго полумѣсяца, тяготѣвшее надъ христіанскимъ населеніемъ полуострова.

Политическая обстановка, въ которой пришлось начать войну съ Турціей, была не особенно благопріятна для Россіи. Открывая кампанію, Россія имѣла союзниковъ только въ лицѣ слабыхъ государствъ, которыя ею же были избавлены отъ турецкаго гнета и призваны къ самостоятельной жизни; таковыми были Сербія, Черногорія и Румынія. Первостепенныя же государства Европы относились къ Россіи, въ моментъ начала ея войны съ Турціей, или съ условно-благопріятнымъ нейтралитетомъ какъ Германія и Италія, или безразлично, какъ Франція. Австрія же и особенно Англія проявляли въ то время враждебное отношеніе къ Россіи, ограничиваясь впрочемъ косвеннымъ, дипломатическимъ сопротивленіемъ. Впослѣдствіи Англія пошла еще дальше и не остановилась передъ помощью Турціи оружіемъ, деньгами и командировками на театръ войны своихъ офицеровъ.

Общій планъ военныхъ дѣйствій, принятый Россіей въ войнѣ съ Турціей, былъ наступательнымъ. Онъ заключался въ слѣдующемъ. Занявъ Румынію, русская армія должна была переправиться черезъ Дунай между устьями Янтры и Осмы и, выставивъ заслоны на востокъ противъ четыреугольника крѣпостей Шумла—Варна—Рущукъ—Силистрія и на западъ къ сторонѣ Виддина, наступать черезъ Андріанополь къ Константинополю, политическому центру Оттоманской порты. [6]

Планъ дѣйствій, составленный турецкимъ Сердаръ-Экремомъ * [7] Абдулъ-Керимъ-Пашою и принятый Портою, заключался въ завлеченіи русскихъ послѣ переправы ихъ черезъ Дунай къ югу, съ тѣмъ чтобы дать имъ сраженіе въ невыгодной для нихъ обстановкѣ на турецкой территоріи. Если русскіе будутъ побѣждены, то предполагалось отбросить ихъ за Дунай; въ противномъ случаѣ отойти къ Балканамъ, не дозволяя противнику распространяться.

Группа Л.-Гв. Финляндскаго полка снятая въ Августѣ 1877 г., передъ выступленіемъ въ походъ.

Въ соотвѣтствіи со своимъ планомъ турки выставили къ началу кампаніи на европейскомъ театрѣ войны 190 тысячъ [8] человѣкъ, предназначенныхъ для дѣйствій противъ русской арміи, изъ коихъ болѣе ста тысячъ человѣкъ были расположены въ раіонѣ знаменитаго четыреугольника крѣпостей: Шумла, Варна, Силистрія и Рущукъ.

Блистательной переправой своихъ главныхъ силъ черезъ Дунай у Систова 15 іюня русская армія начала свое наступленіе по турецкой территоріи. Цѣлый рядъ успѣховъ, безпрерывно продолжавшихся въ теченіи 3-хъ недѣль, доставилъ славу нашему оружію. Съ ничтожными потерями прошли наши войска черезъ двѣ главнѣйшія непріятельскія оборонительныя линіи—Дунай и Балканы и врѣзались въ самую глубь Балканскаго полу

---

* Сердаръ-Экремъ соотвѣтствуетъ главнокомандующему.

острова, занявъ передовымъ отрядомъ Эски-Загры и Іени-Загры. На востокѣ мы подошли къ линіи рѣки Янтры и Кара-Лома, а на западѣ къ линіи рѣки Вида.

Къ этому времени расположеніе русскихъ войскъ было подобно громадному клину, остріе котораго упиралось въ Эски-Загру, основаніемъ былъ Дунай, а боковыя линіи доходили до Кара-Лома и Вида черезъ Бѣлу и Ловчу.

Такіе быстрые успѣхи заставили Турецкое правительство отказаться отъ дальнѣйшаго исполненія своего первоначальнаго плана и оно рѣшило положить предѣлъ нашему дальнѣйшему наступленію, перейдя къ наступательному образу дѣйствій. Сосредоточивъ свои вооруженныя силы тремя группами арміями *, Оттоманское правительство приказало этимъ арміямъ угрожать русской дѣйствующей арміи съ трехъ сторонъ: съ юга отъ Адріанополя арміей—Сулеймана-Паши, съ запада на Плевну—Османа-Паши и съ востока на Янтру—Мехметъ-Али. Такимъ образомъ, въ основу положенъ былъ планъ концентрическаго наступленія всѣхъ турецкихъ силъ. При существовавшей тогда обстановкѣ, а именно при относительной слабости русской арміи всего въ 5 корпусовъ ** и растянутости ея расположенія, планъ турокъ сулилъ успѣшное выполненіе поставленной ими себѣ цѣли—задержки нашего наступленія. Однако, отсутствіе единовластія—фактически всѣ три командующихъ турецкими арміями были самостоятельны—помѣшало туркамъ осуществить ихъ планъ, хотя въ частности ими и были достигнуты нѣкоторые успѣхи, заставившіе русскую армію временно принять оборонительный образъ дѣйствій. Событія эти заключались въ слѣдующемъ. На западномъ фронтѣ наши атаки на Плевну 8 и 18 Іюля были отбиты Османомъ-Пашей, быстро появившимся сюда изъ крѣпости Виддинъ; эти неудачи и прочное положеніе арміи Османа-Паши въ Плевнѣ, вблизи отъ нашего праваго фланга и операціонной линіи, поставили нашу армію въ затруднительное положеніе. Вытребованный изъ Черногоріи съ 20-ти тысячнымъ отрядомъ, Сулейманъ-Паша, послѣ боя 19-го іюля у Эски-Загры, заставилъ отступить нашъ слабѣйшій числомъ передовой отрядъ къ Балканскимъ проходамъ. Рущукскій же отрядъ очутился въ крайне трудномъ положеніи, имѣя передъ собою вдвое сильнѣйшаго непріятеля, опиравшагося притомъ на четыреугольникъ крѣпостей.

Во второй половинѣ іюля въ Главной Квартирѣ русской арміи получено было извѣстіе о готовящемся концентрическомъ наступленіи турокъ на Тырново со стороны Плевны, Османъ-Базара и Эски-Загры. Къ этому времени русскія войска, всего до 250 тысячъ на лицо, были расположены на протяженіи почти 159 верстъ, тонкимъ кордономъ, на три фронта, имѣя въ резервѣ всего около 10 батальоновъ; подкрѣпленія, высланныя изъ Россіи еще не прибыли на театръ войны. Силы турокъ въ то же время достигали слишкомъ 200 тысячъ человѣкъ въ строю и арміи ихъ, имѣя каждая въ отдѣльности сосредоточенное расположеніе, окружили русскихъ съ трехъ сторонъ. Такимъ образомъ, въ стратегическомъ отношеніи преимущество было на сторонѣ турокъ, имѣвшихъ къ тому же почти вездѣ преимущество въ численности.

---

* Группы эти получили наименованіе „армій", а именно: Восточно-Дунайская, Западно-Дунайская и Центральная или Южная.

** 4-ый армейскій корпусъ только еще подходилъ къ Дунаю.

Къ счастью, турки дѣйствовали разрозненно, безъ взаимной связи и весьма нерѣшительно и потому не воспользовались выгодами, бывшими въ ихъ распоряженіи *. Тѣмъ не менѣе, положеніе русской дѣйствующей арміи было весьма затруднительно.

Одинъ изъ немногихъ Турецкихъ изслѣдователей кампаніи 1877—78 г.г. участникъ похода, Иззетъ-Фуадъ-Паша, пишетъ по этому поводу: „Раздробленіе (турецкихъ) войскъ, разбросанность ихъ являлись настоящей бациллой будущаго пораженія, и эта система раздѣленія силъ продолжалась до конца. Вотъ почему мы были разбиты по частямъ и по кусочкамъ!" [9].

Рискованность положенія, въ которомъ очутилась русская дѣйствующая армія въ концѣ іюля мѣсяца, побудила Государя Императора двинуть на театръ войны гвардейскій и гренадерскій корпуса и нѣкоторыя армейскія части.

21 іюля главнокомандующій дѣйствующей арміей Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій телеграфировалъ Начальнику Штаба Петербургскаго военнаго округа слѣдующія знаменательныя слова [10]:

„Слава Богу, Гвардія и 24 пѣхотная дивизія, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, посылаются ко Мнѣ. Распорядиться слѣдуетъ, быстро и молодецки, какъ Я это люблю. Гвардейскую легкую дивизію надо живо приготовить и выслать первою и Гвардейская Стрѣлковая бригада и Саперный батальонъ тоже отправляются . . . . . Передай Моимъ молодцамъ, Моему дѣтищу Гвардіи и 24 пѣхотной дивизіи, что жду ихъ съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ. Я ихъ знаю и они Меня. Богъ поможетъ и они не отстанутъ отъ Моей здѣшней молодецкой Арміи".

Вѣсть о мобилизаціи гвардейскаго корпуса была встрѣчена съ восторгомъ. Гвардія уже давно рвалась впередъ, слѣдя съ захватывающимъ интересомъ за событіями, совершавшимися на театрѣ военныхъ дѣйствій. Тяжело было гвардейцамъ оставаться въ Петербургѣ и отбывать обычный Красносельскій лагерь въ то время, какъ армія славно дралась на далекихъ Балканахъ, совершая великое освободительное дѣло славянъ. „Хотѣлось броситься въ это дѣло,—писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ современникъ той эпохи,—отдаться ему всецѣло и побѣдить или погибнуть!" [11].

Хотя представители гвардіи и принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, почти съ самаго ихъ начала, но число участвовавшихъ въ нихъ было очень незначительно: только нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ и небольшое число нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ конвоѣ Его Величества, раздѣлили славу Зимницкой переправы вмѣстѣ съ частями 14-й пѣхотной дивизіи. Тамъ они явились вполнѣ достойными представителями гвардіи. „Они,—какъ гласила объ этомъ телеграмма Цесаревича Александра Александровича и Великаго

* Необходимо принять въ разсчетъ, что въ большинствѣ турецкія войсковыя части почти не имѣли обоза, армейскія же обозы и вовсе отсутствовали; при этомъ, конечно, наступательныя операціи были затруднены до чрезвычайности. Затѣмъ, кромѣ указанныхъ уже причинъ общаго неуспѣха турокъ, не малое вліяніе оказало на ходъ военныхъ дѣйствій и то, что у турокъ не было въ сущности главнокомандующаго всѣми силами, ибо Мехметъ-Али-Паша, смѣнившій Абдулъ-Керима, исполнялъ его должность лишь номинально. Отсюда и произошла разбросанность турецкой арміи, послужившая несомнѣнно одной изъ главныхъ общихъ причинъ ея пораженія.

Князя Главнокомандующаго Дунайской Арміей,—приняли самое горячее участіе въ этомъ молодецкомъ событіи; работали они на чистоту, достойно оправдавъ тѣмъ выборъ своего начальства, работа была вся на штыкахъ" [12].... Въ телеграммѣ, посланной Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ на имя Начальника Окружнаго Штаба, Великій Князь писалъ о дѣйствіяхъ гвардейцевъ при переправѣ черезъ Дунай: „Гвардейцы Мои явили геройскую храбрость, много ихъ легло и ранено. Гвардейскій штыкъ, какъ Я имъ приказалъ отправляя ихъ въ дѣло, работалъ на чистоту" [13].... Высочайшая телеграмма по этому поводу гласила: „Представители Гвардіи вполнѣ оправдали Мое довѣріе; имъ досталась почти исключительно штыковая работа, они показали себя героями, но за то изъ пѣхотной полуроты (конвоя), участвовавшей въ дѣлѣ, убито не мало" [14].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ могъ вполнѣ заслуженно отнести и къ себѣ Всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора, выраженное въ приведенной телеграммѣ. Командиръ Л.-Гв. Финлядскаго полка, Генералъ-маіоръ Лавровъ, объявилъ въ приказѣ по полку, по этому поводу, слѣдующее: [15]

„Объявляя по ввѣренному мнѣ полку вышеозначенную милостивую депешу Государя Императора, заявляю, что мы можемъ гордиться тѣмъ, что изъ 8-ми нижнихъ чиновъ нашего полка, бывшихъ въ дѣлѣ, 4 ранено и 1 убитъ;—честь и слава храбрымъ!—они показали себя настоящими Финляндцами и славу полка поддержали"*.

Общество офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, всегда высылавшее добровольцевъ при началѣ прежнихъ войнъ, не только слѣдило съ горячимъ участіемъ за событіями на театрѣ военныхъ дѣйствій, но и стремилось всячески, насколько было возможно, оказать помощь Балканскимъ славянамъ и тѣмъ самымъ принести хоть частицу пользы великому освободительному движенію. Офицеры такъ и рвались на театръ военныхъ дѣйствій, заявляя свои желанія объ этомъ еще съ самаго начала открытія славянами борьбы противъ турокъ. Такъ, еще въ іюлѣ 1876 года, Прапорщики Л.-Гв. Финляндскаго полка Воробьевъ I и Фидровскій подали въ отставку и уѣхали въ Сербію. Затѣмъ, черезъ годъ, въ іюлѣ 1877 года послѣдовало разрѣшеніе на командированіе четырехъ офицеровъ отъ полка въ Кавказскую дѣйствующую армію. Такъ какъ желающихъ было весьма много, то командиръ полка принужденъ былъ назначить, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, четырехъ старшихъ Поручиковъ: Сервіянова, Коханова, Бурмейстера и Палина [16]. Съ завистью провожаемые товарищами, они выѣхали на Кавказъ, гдѣ тотчасъ же и приняли участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ **.

Еще до командированія отъ Л.-Гв. Финлядскаго полка означенныхъ офицеровъ на Кавказъ, отправился добровольцемъ въ Болгарское ополченіе Капитанъ Ильинъ. Назначенный на должность старшаго адъютанта штаба ополченія, онъ пробылъ въ этой командировкѣ до начала октября. Служба Капитана Ильина, въ рядахъ братьевъ славянъ была вознаграждена орденамъ Св. Владиміра 4-й степ. съ мечами и бантомъ [17].

---

* Изъ означенныхъ 8 нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, одинъ былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена.

** За участіе въ сраженіяхъ на Кавказѣ, Поручики Сервіяновъ, Кохановъ, Бурмейстеръ и Палинъ, были награждены орденомъ Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.

Несомнѣнно, что первые ряды бойцовъ противъ турокъ были бы тотчасъ заполнены офицерами Л.-Гв. Финляндскаго полка, если бы на то послѣдовало разрѣшеніе начальства, но кромѣ командированія пяти вышеуказанныхъ офицеровъ на Кавказъ и въ Болгарію, другихъ командировокъ, сопряженныхъ съ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ не разрѣшалось; поневолѣ, приходилось ждать когда и гвардія будетъ призвана на войну. Впрочемъ, офицеры полка могли принять участіе въ освободительномъ движеніи Болгаръ, занявъ нѣкоторыя должности въ утверждаемомъ тогда гражданскомъ и военно-народномъ управленіи Болгаріей. Этимъ воспользовались, по собственному желанію, слѣдующіе офицеры полка: Полковникъ Прокопе III, Капитанъ Кноррингъ I, Штабсъ - Капитанъ Исаковъ и Поручикъ Пыхачевъ.

Командируемые на эти должности офицеры должны были удовлетворять особымъ условіямъ, важнѣйшимъ изъ которыхъ являлосьобладаніе спокойнымъ и энергичнымъ характеромъ.

Прибытіе запасныхъ.

Хотя служба ихъ и была очень трудная, но за то обставлена она была прекрасно: сохраняя всѣ свои служебныя преимущества, офицеры болгарскаго управленія получали содержанія около 4000 рублей въ годъ [18].

Мирной командировкой явилось состоявшееся тогда-же отправленіе * командира нестроевой роты Подпоручика Андреева до Кишинева, куда онъ долженъ былъ доставить обозъ гвардейскаго экипажа [19].

Такимъ образомъ участіе офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ кампаніи съ турками до мобилизаціи полка, хотя отвлекло довольно значительное число офицеровъ, но оно всетаки мало удовлетворило стремленія общества офицеровъ полка. Поэтому вѣсть о вызовѣ полка на войну была встрѣчена съ истиннымъ и неподдѣльнымъ восторгомъ.

---

* Подпоручикъ Андреевъ, какъ о томъ доносилъ Командующій гвардейскимъ экипажемъ, „благодаря своей распорядительности и умѣнію обращаться съ лошадьми, сохранилъ весь обозъ гвардейскаго экипажа въ исправномъ видѣ и былъ вообще крайне полезенъ на походѣ“.

Прекрасной иллюстраціей чувствъ, одушевлявшихъ тогда всѣхъ офицеровъ полка, служитъ поступокъ Поручика Болдырева. Будучи въ Академіи Генеральнаго Штаба на старшемъ курсѣ и отправленный отъ Академіи въ отпускъ за границу, для лѣченія серьезной болѣзни, Поручикъ Болдыревъ, узнавъ о мобилизаціи своего роднаго полка, бросилъ заграничный курортъ и, не долечившись, поспѣшно вернулся въ Петербургъ, чтобы занять свое мѣсто въ рядахъ полка. Ни болѣзненное состояніе, ни уговоры и убѣжденія Начальника Академіи Генерала Леонтьева, не могли удержать молодаго офицера отъ рѣшенія раздѣлить со своимъ полкомъ боевые подвиги и Поручикъ Болдыревъ выступилъ въ походъ, командуя ротой Его Высочества.

Вольноопредѣляющіеся полка, бывшіе въ то время въ рядахъ его, какъ-то Спирингъ, Нагель, Петрашевскій, Юркевичъ, Лелонгъ и Небученовъ, показали достойный примѣръ нижнимъ чинамъ: имѣя право остаться въ С.-Петербургѣ для держанія экзаменовъ, они не воспользовались этимъ правомъ и сами просили объ отправленіи ихъ въ походъ. [20]

22 іюля штабъ Петербургскаго округа разослалъ во всѣ полки гвардейскаго корпуса слѣдующую телеграмму [21].

„Высочайше повелѣно Гвардію привести на военное положеніе; первый день мобилизаціи назначено сегодня; призывъ людей и лошадей по росписанію № 6 со вторымъ дополненіемъ; одновременно формируются соотвѣтствующіе запасные батальоны. Выступленіе въ походъ въ фуражкахъ съ козырьками и бѣлыми чахлами, оставивъ каски и другіе городскіе уборы въ мѣстахъ расположенія".

Вслѣдъ за полученіемъ этой телеграммы въ приказѣ по полку отъ того-же 22-го іюля были отданы слѣдующія распоряженія: „завѣдывающему хозяйствомъ немедленно отправить требовательныя вѣдомости объ отпускѣ денегъ, причитающихся чинамъ полка по случаю мобилизаціи, а равно недостающихъ вещей и запасныхъ провіанта и фуража; въ ротахъ немедленно приступить къ осмотру и отточкѣ оружія; полковому обозу быть вполнѣ исправнымъ; г.г. офицерамъ войти съ рапортами о зачисленіи къ нимъ деньщиковъ, если у кого они не имѣются и въ томъ предстоитъ надобность; женатымъ г.г. офицерамъ предоставлялось имѣть по два деньщика; всѣмъ офицерамъ, освобожденнымъ отъ служебныхъ обязанностей прибыть немедленно въ полкъ; ротнымъ командирамъ вытребовать въ роты всѣхъ нижнихъ чиновъ, освобожденныхъ отъ служебныхъ обязанностей по случаю подготовки къ экзаменамъ на производство въ офицеры".

Вслѣдъ за этимъ началась лихорадочная мобилизаціонная дѣятельность, всецѣло охватившая всѣхъ чиновъ полка, отъ командира его до послѣдняго рядоваго. Дѣятельность эта продолжалась безъ перерыва впродолженіи почти мѣсяца (25 дней) вплоть до 16 августа—дня выступленія полка въ походъ.

Въ три часа ночи, съ 24 на 25 іюля, Л.-Гв. Финляндскій полкъ выѣхалъ на экстренномъ поѣздѣ изъ Краснаго села въ С.-Петербургъ, куда уже стали собираться офицеры, вызванныя изъ отпуска телеграммами о мобилизаціи. Въ это время полковыя казармы были заняты однимъ изъ армейскихъ полковъ, прибывшихъ въ Петербургъ для несенія караульной службы, и пока этотъ полкъ не ушелъ, въ первые дни въ казармахъ было такъ тѣсно, что одной изъ ротъ пришлось помѣститься въ манежѣ [22].

25-го іюля полку былъ объявленъ приказъ по дивизіи, [23] въ которомъ говорилось

„Поздравляя дивизію съ походомъ, я выражаю полную увѣренность, что всѣ чины ея исполнятъ свой долгъ съ тѣмъ знаніемъ дѣла и усердіемъ, коимъ всегда отличалась она, предписываю:

„Принять мѣры къ безъостановочной и быстрой мобилизаціи частей, согласно имѣющимся въ полкахъ планамъ. Такъ какъ призывъ людей запаса производится не ко времени, указанному росписаніемъ № 6, а Главнымъ Штабомъ предписано по возможности ускорить принятіе людей въ полки, то командирамъ оныхъ принять мѣры, чтобы всѣ хозяйственныя и другія распоряженія были настолько ускорены, чтобы не замедлилось приведеніе ввѣренныхъ имъ частей въ готовность отъ скорѣйшаго прибытія людей; съ поступленіемъ послѣдней же партіи, потребной для пополненія ½ роты до 42 рядовъ полки должны быть готовы къ выступленію".

Далѣе предписывалось ознакомить прибывающихъ людей съ правилами дисциплины и порядка, тщательно выбрать всѣхъ отдѣленныхъ начальниковъ, составить росписанія занятій, ознакомить запасныхъ съ оружіемъ и съ боевыми порядками, обучить роты разсыпному строю, обративъ при этомъ особое вниманіе на подготовку начальствующихъ нижнихъ чиновъ, доставлять въ штабъ дивизіи ежедневныя свѣдѣнія о ходѣ мобилизаціонной работы въ полкахъ, съ точнымъ указаніемъ все ли опредѣленное мобилизаціоннымъ планомъ выполнено въ опредѣленный срокъ, а если выполненія не послѣдовало, то по какой причинѣ.

Хотя мобилизація полка происходила при полномъ рвеніи всѣхъ чиновъ какъ кадра, такъ и запасныхъ, однако она прошла не вполнѣ гладко; причинами тому были явленія общія, устранить которыя полкъ былъ не въ силахъ. Главнѣйшими изъ нихъ являлись несвоевременное прибытіе запасныхъ нижнихъ чиновъ и отвлеченіе офицеровъ отъ должностей, вопреки мобилизаціонному плану.

По предварительно составленнымъ разсчетамъ, основаннымъ на планахъ передвиженія запасныхъ чиновъ, сборъ ихъ долженъ былъ кончиться на 19-ый день отъ начала мобилизаціи; на самомъ же дѣлѣ послѣднія партіи людей укомплектованія прибыли лишь на 23-й день. Уже одно это нарушило правильность мобилизаціоннаго плана. Затѣмъ командированіе офицеровъ на Кавказъ и въ Болгарію и другія назначенія заставили произвести значительныя измѣненія въ распредѣленіи офицеровъ по должностямъ, составленномъ заранѣе съ полнѣйшей точностью; въ результатѣ получилось, что болѣе половины ротъ выступили въ походъ, имѣя во главѣ не командировъ, а командующихъ; младшихъ же офицеровъ, вслѣдствіе различныхъ мобилизаціонныхъ командировокъ, было такъ мало, что почти во всѣхъ ротахъ было всего по одному субалтернъ-офицеру. Несвоевременность прибытія запасныхъ заставила перемѣнить счетъ мобилизаціоннымъ днямъ: вмѣсто 22 іюля первымъ днемъ было приказано считать 25 іюля.

Всѣ эти причины поставили исполнителей мобилизаціоннаго плана въ крайне тяжелое положеніе; и безъ того трудно исполнимая, непривычная работа стала еще менѣе выполнимой, такъ какъ множество подробныхъ и мелкихъ распоряженій на каждый день

и даже на каждый часъ, внесенныхъ въ заблаговременно составленные огромные листы плана мобилизаціи полка, пришлось отложить и даже отмѣнить.

Нижніе чины, прибывшіе на укомплектованіе полка, были преимущественно изъ числа своихъ же уволенныхъ въ запасъ; въ добавленіе къ нимъ поступили и нижніе чины, служившіе прежде въ 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи, армейскіе кавалеристы, артиллеристы и обозные. Съ нижними чинами послѣднихъ категорій было особенно много хлопотъ, т. к. обученіе ихъ пѣшему строю и стрѣльбѣ приходилось начинать почти снова. Прибытіе запасныхъ происходило небольшими партіями на сборный пунктъ въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ ихъ принимали ежедневно наряжавшіеся сначала одинъ, а потомъ двое офицеровъ полка*. Запасные являлись въ полкъ днемъ и тотчасъ же распредѣлялись по ротамъ.

Въ ротахъ все время шла самая усиленная дѣятельность. Прибывшихъ распредѣляли по взводамъ и отдѣленіямъ, заносили въ списки, осматривали по отношенію къ здоровью, снабжали обмундированіемъ, снаряженіемъ, обувью и оружіемъ; проходили съ ними ученья сомкнутаго и разсыпнаго строя и сокращенный курсъ стрѣльбы. Наряду съ этимъ шла своимъ чередомъ вся постоянная служба полка, т. е. наряды въ городскіе караулы, назначенія въ работы по хозяйственной части, дежурства и т. п. Ротные сапожники и портные сидѣли за работой не разгибаясь, не смотря на то, что въ хозяйственномъ отношеніи было заранѣе сдѣлано все возможное для готовности полка въ матеріальномъ отношеніи.

Полковое хозяйство сосредоточило при мобилизаціи свою дѣятельность, главнымъ образомъ, на обозѣ; спѣшно производилось пополненіе его повозками и снабженіе лошадьми; для пріемки лошадей, поставляемыхъ по военно-конской повинности, командированы были отъ полка два офицера: одинъ ** въ г. Вышній-Волочекъ, другой *** на пріемный пунктъ Петербурга—Марсово поле.

Снабженіе ротъ мундирной одеждой производилось безъ всякой задержки тѣмъ легче, что нѣкоторые запасные прибыли въ полкъ въ своей прежней одеждѣ. Снабженіе обувью было много труднѣе, т. к. пригонка ея требовала большей аккуратности.

Свои собственныя вещи, не нужныя для похода, нижніе чины продавали частнымъ лицамъ; вслѣдствіе чего около казармъ образовался какъ бы рынокъ, на которомъ котировались лишнія подметки, щетки, сундуки и всякая ветошь.

Полковая канцелярія была завалена работой по составленію приказовъ, приказаній, списковъ, вѣдомостей и множества входящихъ и исходящихъ бумагъ, почему къ канцеляріи были прикомандированы писаря чуть ли не изъ всѣхъ ротъ. Особой работой для канцеляріи было составленіе общаго списка всѣхъ нижнихъ чиновъ полка, съ проставленіемъ, противъ каждаго изъ нихъ, соотвѣтствующаго номера; такіе же номера, выбитые на жестянкѣ, выдавались всѣмъ нижнимъ чинамъ для ношенія на цѣпочкѣ или на

---

* Поручикъ Князь Кильдишевъ, а затѣмъ Подпоручикъ Герасименко и Прапорщикъ Ивановъ 2.

** Прапорщикъ Тулинскій.

*** Подпоручикъ Пороженко.

тесемкѣ на шеѣ. Введеніемъ этихъ номеровъ имѣлось въ виду облегченіе справокъ объ убывающихъ изъ строя людяхъ, напримѣръ, во время сраженій. Нижніе чины относились къ этимъ значкамъ съ номерами съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, не довѣряя ихъ цѣлесообразности; нѣкоторые мѣнялись значками, потому что не нравился доставшійся номеръ, другіе отказывались носить ихъ на шеѣ рядомъ съ крестомъ.

Затѣмъ, было не мало заботъ объ отправкѣ семействъ нижнихъ чиновъ на родину что въ окончательномъ исполненіи было возложено на администрацію С.-Петербурга; на непосредственныхъ же начальникахъ и особенно на ротныхъ командирахъ, лежало разрѣшеніе весьма многочисленныхъ личныхъ дѣлъ нижнихъ чиновъ; по вечерамъ, до глубокой ночи, сидѣли ротные командиры въ ротахъ, писали письма на родину, составляли разныя прошенія, давали совѣты и т. п. Эта необязательная, но тѣмъ не менѣе почти всѣми исполнявшаяся работа, составляла чрезвычайное облегченіе для запасныхъ. Взятые на вторичную службу, совершенно неожиданно и крайне поспѣшно, иногда во время ихъ нахожденія внѣ дома, гдѣ нибудь на работахъ или на рынкѣ, запасные тотчасъ же отправлялись на службу; на сборы въ дорогу и на ликвидацію дѣлъ времени обыкновенно не давалось. Вслѣдствіе всего этого почти у каждаго изъ запасныхъ было дѣло, за разрѣшеніемъ котораго онъ и обращался къ ротному. Эти порученія были такъ многочисленны, что ротный командиръ, заканчивая ими трудовой день, окончательно обезсиливалъ и по выраженію одного изъ участниковъ похода, „былъ похожъ на тряпку.“

Отъѣздъ на войну.

Всего Л.-Гв. въ Финляндскій полкъ запасныхъ прибыло 1747 человѣкъ; изъ нихъ было 23 фельдфебеля, 318 унтеръ-офицеровъ, 445 ефрейторовъ, 885 рядовыхъ и 66 музыкантовъ.

Изъ числа этихъ чиновъ и кадровыхъ полкъ долженъ былъ во время мобилизаціи же выдѣлить необходимое число въ формировавшійся тогда запасный батальонъ.

Вслѣдствіе несвоевременности прибытія запасныхъ, строевыя занятія въ ротахъ не могли производиться по расписанію, правильно и систематически; результатомъ этого оказалась нѣкоторая недоученность людей, которую пришлось уничтожить уже на походѣ.

Непосредственно передъ выступленіемъ гвардейскихъ полковъ на театръ военныхъ дѣйствій было обращено нѣкоторое вниманіе на тактическую подготовку офицеровъ. Съ этою цѣлью во всѣ полки была разослана, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, „инструкція для войскъ гвардейскаго корпуса", составленная подъ общей редакціей Полковника Гудимъ-Левковича * и утвержденная бывшимъ тогда командиромъ Гвардейскаго корпуса Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ. Инструкція эта начиналась краткимъ топографическимъ очеркомъ Придунайской Болгаріи, а затѣмъ заключала въ себѣ слѣдующія главы: расположеніе войскъ на отдыхѣ, мѣры охраненія и развѣдыванія, походныя движенія, бой, преслѣдованіе, отступленіе.

Помимо того, батальоннымъ и ротнымъ командирамъ было выдано по 1 экземпляру книжки „Военный переводчикъ", съ обыденными разговорными фразами на русскомъ, турецкомъ, румынскомъ и болгарскомъ языкахъ, напечатанными русскими буквами. Какъ оказалось впослѣдствіи на практикѣ эти книжки мало примѣнялись и особой пользы не принесли.

Для оріентированія на незнакомой мѣстности театра военныхъ дѣйствій, полкъ пріобрѣлъ въ картографическомъ заведеніи Ильина 7 верстныя карты Турціи изд. Ильина и Вѣнскаго Географическаго Института [24]; этихъ картъ было куплено въ виду ихъ дорогой стоимости всего 6 экземпляровъ; кромѣ того полкъ получилъ изъ штаба дивизіи 22 экземпляра пакетовъ карты, для выдачи каждаго въ однѣ руки. Въ пакетѣ было по 4 карты: 7 верстная Австрійская, 7-ми верстная Каница, 10-ти верстная Полковника Артамонова и 30-ти верстная Полковника Артамонова. Всѣ ротные командиры получили по одному пакету съ полнымъ комплектомъ картъ. Большинство изъ этихъ картъ, особенно русскія, были не точны.

Въ общемъ, мобилизація полка, хотя и прошла хлопотливо и не точно по расписанію, но за то совершена была при полномъ спокойствіи духа, какъ у нижнихъ чиновъ, такъ и у офицеровъ. Командиръ полка Генералъ Лавровъ, отличавшійся всегда выдержкой, сохранилъ свое обычное равновѣсіе духа и въ критическій моментъ мобилизаціи своего полка. Офицерство отнеслось къ мобилизаціонной работѣ съ душой и усердіемъ; нижніе чины, какъ кадровые, такъ особенно и запасные, вели себя во все время мобилизаціи выше всякой похвалы; ихъ стараніе придти на помощь офицерамъ и усвоить всѣ новыя требованія было почти безгранично: запасные напрягали все свое вниманіе, чтобы усвоить все отъ нихъ требуемое. При такихъ условіяхъ занятія съ ними значительно облегчались.

---

* Въ составленіи „Инструкціи" принимали участіе Подполковники Ставровскій, Пузыревскій и Капитанъ Энгельгардтъ.

Отличное нравственное состоянiе всѣхъ чиновъ полка гармонировало вполнѣ съ тѣмъ высокимъ подъемомъ духа, который охватилъ всѣхъ до самаго послѣдняго рядоваго и властно призывалъ ихъ на бой съ врагомъ.

Одинъ изъ офицеровъ полка, Поручикъ В. Болдыревъ, командовавшій при выступленіи въ походъ 1-ой ротой, писалъ по этому поводу слѣдующее [25]:

„Во время мобилизаціи и похода у меня въ ротѣ (конечно и во всемъ полку) царилъ удивительный порядокъ и полное спокойствіе, переходящее въ какое-то благоговѣніе предъ наступающей войной; не было въ ротѣ ни одного случая преступленія и проступка; пьянства и уклоненія отъ похода совсѣмъ не замѣчалось, какъ будто бы полкъ выступалъ на пріятную военную прогулку. Все высказываю вѣрно и искренно и событіе это достойно быть отмѣченнымъ въ исторіи полка".

14-го августа полкъ, закончивъ почти вполнѣ свою мобилизацію, представился н смотру на Марсовомъ полѣ вновь назначенному командующему дивизіей Графу Шувалову. На этомъ смотру полкъ вывелъ весь свой боевой составъ, т. е. по 84 ряда въ ротѣ (въ первыхъ ротахъ по 208, а въ остальныхъ по 206 человѣкъ); съ полкомъ вышелъ и обозъ въ полномъ составѣ [26].

15 августа въ $5^1/_2$ часовъ дня состоялся торжественный молебенъ передъ выступленіемъ полка въ походъ. Батальонамъ, выстроеннымъ покоемъ на Смоленскомъ полѣ былъ прочитанъ приказъ по полку, послѣдній отданный въ С.-Петербургѣ Генераломъ Лавровымъ.

Приказъ гласилъ слѣдующее [27]:

„Молодцы Финляндцы!

„Волею Государя Императора мы призваны идти на врага;—насъ призываетъ Государь для того, чтобы спасти угнетаемыхъ, отомстить за пролитую невинную кровь, поддержать нашихъ боевыхъ товарищей, нашу славную армію, геройски сражающуюся въ неравномъ бою.—Какъ слѣдуетъ вести себя въ бою указывать вамъ нечего, это укажетъ вамъ славный духъ нашего Финляндскаго полка; я увѣренъ, что Вы поддержите славу полка, которую 70 лѣтъ наши предки подъ этими знаменами съ честью охраняли, побѣждая на всѣхъ поляхъ битвъ: Гутштатъ, Гейлсбергъ, Фридландъ, Бородино, Тарутино, Малый Ярославецъ, Княжое, Красное, Люценъ, Бауценъ, Дрезденъ, Кульмъ, Лейпцигъ, Варна были ознаменованы подвигами Финляндцевъ. Помните, что изъ нашихъ рядовъ вышли такіе герои, какъ гренадеръ Коренной и рядовой Чепыженко.

„И такъ впередъ, съ полной вѣрою въ несокрушимую доблесть нашего славнаго Финляндскаго полка, и съ надеждою на Бога, что онъ благословитъ насъ успѣхомъ".

Призывныя слова славнаго командира были встрѣчены полкомъ съ полнымъ чувствомъ; ряды Финляндцевъ, столько разъ издавна ходившіе въ бой съ врагомъ, были въ эти минуты воодушевлены единственнымъ желаніемъ спѣшить возможно быстрѣе на поле брани и тамъ помѣряться съ противникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ торжественность минуты заставила сосредоточиться на мысли, что полкъ идетъ въ дѣло, изъ котораго далеко не всѣ вернутся, но за которое всѣ готовы были пожертвовать собою.

На торжествѣ присутствовали Августѣйшій Шефъ полка, Великій Князь Констан-

тинъ Николаевичъ, временно командовавшій войсками Округа, Генералъ-Адъютантъ Баронъ Бистромъ, командовавшій дивизіей, Генералъ-Адъютантъ Графъ Шуваловъ и множество публики, провожающихъ, родныхъ и знакомыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

По окончаніи молебствія полковой священникъ, протоіерей Косовичъ-Динаровскій, сказалъ родному полку напутственное слово и благословилъ полкъ въ походъ иконами: Св. Спиридонія—отъ Августѣйшаго Шефа полка, Спасителя—отъ С.-Петербургской Таможенной артели и Спасителя Нерукотвореннаго—отъ своего лица.

На другой день, 16 Августа, Л.-Гв. Финляндскій полкъ отбылъ изъ С.-Петербурга и направился въ шести эшелонахъ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Москву. Съ ранняго утра и до поздняго вечера, отправлялись эшелоны одинъ за другимъ. Въ каждомъ изъ нихъ было по три роты съ соотвѣтствующимъ числомъ повозокъ обоза. Командиръ полка и полковой штабъ слѣдовали при пятомъ эшелонѣ.

При выступленіи полка, численность его была слѣдующая:

Генераловъ—1; штабъ-офицеровъ—3; оберъ-офицеровъ—53; врачей—4; чиновниковъ—2; унтеръ-офицеровъ—444; музыкантовъ—117; рядовыхъ—2766; нестроевыхъ—275 всего—3062.

Обозъ полка состоялъ изъ 71 повозки при 213 лошадяхъ; большинство повозокъ имѣло парныя запряжки; были запряжки и четверками. Офицерскихъ лошадей было 25.

Въ день выступленія погода стояла отвратительная: дождь лилъ какъ изъ ведра. Къ приходу на вокзалъ всѣ промокли до костей, и въ такомъ видѣ нижніе чины были разсажены въ товарные вагоны.

Для помѣщенія людей въ вагонахъ были устроены деревянныя скамейки и полки; послѣднія служили для склада аммуниціи и ружей; помѣщаемые на верху предметы иногда падали на нижнихъ чиновъ и причиняли ушибы. Въ каждый вагонъ помѣщалось отъ 42 до 48 солдатъ, вслѣдствіе чего, если во время остановокъ люди не выходили, въ вагонѣ становилось крайне душно.

Каждому эшелону отводилось по нормальному разсчету 29 вагоновъ; изъ нихъ—одинъ былъ пассажирскій I или II класса для офицеровъ, 18 приспособленныхъ товарныхъ для нижнихъ чиновъ, 6 конскихъ вагоновъ и 4 платформы для обоза; помимо того одинъ вагонъ былъ прибавленъ для хлѣба. Нормальный составъ эшелона долженъ былъ включать въ себѣ 12 офицеровъ, 700 нижнихъ чиновъ, 43 обозныхъ и верховыхъ лошади и 13 повозокъ обоза. Отклоненія отъ этой нормы Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку если и были, то весьма незначительныя.

Начальниками эшелоновъ полка были батальонные или старшіе изъ ротныхъ командировъ. Инструкціи для нихъ, составленныя довольно сложно, выдались только наканунѣ посадки въ вагоны, т. е. 15 Августа, да и то поздно вечеромъ; это весьма затруднило эшелонныхъ начальниковъ, такъ какъ имъ поневолѣ пришлось изучать инструкціи уже во время самаго переѣзда.

На вокзалѣ эшелоны полка провожались родными и знакомыми уѣзжающихъ. Въ общемъ настроеніе было спокойное, хотя сцены проводовъ были трогательны по своей задушевности.

„Какъ только нашъ поѣздъ тронулся,—описываетъ свое душевное состояніе одинъ изъ участниковъ похода,—мы всѣ молча засѣли по угламъ и призадумались, да и было о чемъ; какъ ни говори, а разставаться съ родными и милыми знакомыми, при такой обстановкѣ какъ мы—было далеко не легко.... Я ѣхалъ, хотя и охотно, такъ какъ все лѣто, живя на дачѣ у родителей, только и бредилъ о походѣ, но тѣмъ не менѣе, мнѣ стало ихъ ужасно жалко"...

Все время переѣзда до Москвы дождь шелъ не переставая и только 18-го Августа прояснилось, какъ будто Москва хотѣла показаться во всемъ блескѣ.

Въ Москвѣ была назначена дневка. Батальоны размѣстились частью въ Хамовническихъ, частью въ Крутицкихъ казармахъ. Москвичи оказали полку радушіе; трактирное общество устроило офицерамъ богатый завтракъ на вокзалѣ, нижнимъ-же чинамъ былъ предложенъ чай съ булками; эти знаки вниманія были оказаны передъ отъѣздомъ полка по Московско-Курской желѣзной дорогѣ, на товарной станціи ея.

Такъ же публика радушно встрѣчала и провожала эшелоны полка при слѣдованіи ихъ по желѣзной дорогѣ; на многихъ станціяхъ были заранѣе приготовлены парадные завтраки, обѣды или ужины для офицеровъ, и булки, пироги, чай и водка для нижнихъ чиновъ. Повсюду массы народа, выражали свое сочувствіе, высказываемое самымъ сердечнымъ образомъ; даже крестьяне, работавшіе въ полѣ, при проѣздѣ воинскихъ поѣздовъ махали шапками и посылали издали свой привѣтъ. Нѣкоторые даже крестили двигавшійся поѣздъ.

При такомъ настроеніи всего общества легче переносились невзгоды и тяжести пути, а на будущее накоплялся тотъ запасъ нравственныхъ силъ, который былъ такъ необходимъ при предстоящихъ трудахъ, лишеніяхъ и боевыхъ подвигахъ.

Радушное угощеніе солдатъ имѣло впрочемъ и нѣсколько нежелательную сторону; среди солдатъ появилось довольно много нетрезвыхъ людей, особенно въ Москвѣ и на ближайшихъ къ ней переѣздахъ. Нѣкоторые изъ нихъ не только уничтожали всю порцію имъ предлагаемую, но и брали съ собой запасъ живительной влаги. Одинъ изъ офицеровъ полка пишетъ по этому поводу: „у солдатъ при выступленіи были фляги * (стеклянныя, обшитыя холстомъ) для воды, но нашъ остроумный кавалеръ ухитрился перемѣнить ея прямое назначеніе и помѣщалъ въ нее водку." Когда было сдѣлано это открытіе, то отъ самыхъ запасливыхъ пришлось отобрать фляги, на все время переѣзда по желѣзной дорогѣ, а также и принять мѣры строгости.

Отъ Москвы Л.-Гв. Финляндскій полкъ двигался по желѣзной дорогѣ до Яссъ, куда и прибылъ по эшелонно 26, 27, и 28 Августа. Прочіе части гвардейскаго корпуса совершили это передвиженіе почти одновременно и продолжали свое передвиженіе по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ до Дуная.

Такимъ образомъ Л.-Гв. Финляндскому полку вмѣстѣ съ другими полками 2-ой гвар-

---

* Бутылки отъ лимонада-газесъ.

дейской дивизіи пришлось совершить сравнительно меньшій переѣздъ, чѣмъ остальнымъ гвардейскимъ частямъ.

Въ общемъ полкъ двигался по желѣзнымъ дорогамъ около двухъ недѣль съ 16 по 28 Августа * и сдѣлалъ отъ Петербурга до Яссъ, конечнаго своего желѣзно-дорожнаго пункта, около 2100 верстъ. Движеніе было направлено черезъ станціи Тула, Орелъ, Курскъ, Кіевъ, Жмеринка, Бирзула, Раздѣльная, Кишиневъ и Яссы.

Финляндцы на походѣ.

До Кіева движеніе полка шло довольно правильно безъ большихъ остановокъ; но, начиная со Жмеринки, приходилось пропускать то пассажирскіе, то возвращавшіеся пустые поѣзда ждать на станціяхъ по 12-ти часовъ, при чемъ иногда поѣздъ ставился на запасный путь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи, иногда же останавливался просто въ полѣ. Эшелоны полка то нагоняли другъ друга, то снова раздѣлялись.

Отъ Москвы полкъ имѣлъ двѣ дневки, въ Курскѣ и Кіевѣ, гдѣ располагался бивакомъ близь городской черты. Офицерамъ же были отведены квартиры въ городѣ.

Продовольствіе войскъ гвардіи во время движенія по желѣзнымъ дорогамъ было

* 28 Августа прибытіе послѣдняго эшелона въ г. Яссы.

вполнѣ обезпечено. Помимо 8-ми дневнаго сухарнаго запаса полки имѣли постоянно свѣжій хлѣбъ, выпекаемый своими же хлѣбопеками, высылавшимися впередъ въ пункты пересадокъ и дневокъ. Горячая пища выдавалась на особыхъ продовольственныхъ пунктахъ, гдѣ заготавливалась распоряженіемъ комендантовъ станцій; для своевременнаго полученія обѣда или ужина, эшелонные начальники были обязаны сообщать комендантамъ станцій въ этихъ пунктахъ за 12 часовъ о численности каждаго эшелона. Разсчетъ производился потомъ деньгами. Нужно отдать справедливость комендантамъ, что въ большинствѣ случаевъ варка была приготовлена очень тщательно, такъ что браковать приходилось весьма рѣдко. Большое подспорье въ продовольственномъ отношеніи составляла для солдатъ возможность полученія дарового кипятку изъ паровоза или на станціяхъ.

Такимъ образомъ продовольствіе полка во время переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ находилось болѣе чѣмъ въ удовлетворительномъ состояніи.

Санитарное состояніе полка за это время было хорошее; при движеніи до Яссъ полкъ оставилъ всего лишь 13 человѣкъ больныхъ, что составляло по отношенію къ числу выступившихъ 0.36⁰/₀.

Для заготовленія фуража высылался отъ полка въ пункты пересадокъ и дневокъ офицеръ, гдѣ и получалъ изъ интендантскихъ складовъ сѣно и овесъ натурою; въ нѣкоторыхъ пунктахъ фуражъ выдавался деньгами.

Въ Москвѣ нижніе чины полка получили башлыки, изъятые изъ формы обмундированія за годъ до выхода въ походъ; башлыки сослужили большую службу на походѣ: солдаты ихъ употребляли и какъ защиту отъ холода и какъ мѣшки для носки патроновъ и нѣкоторыхъ мелкихъ вещей.

Въ Тулѣ, ближайшемъ послѣ Москвы большомъ городѣ, эшелоны полка были встрѣчены крикомъ ура! „Въ двѣнадцатомъ часу ночи,—пишетъ участникъ похода,—не успѣли мы вскочить на ноги, вошелъ въ нашъ вагонъ комендантъ станціи и сообщилъ, что нашъ поѣздъ долженъ простоять въ Тулѣ два часа на запасномъ пути и что тульчане приготовили намъ встрѣчу на станціи. Мы разумѣется живо одѣлись и привели себя въ приличный видъ и всѣ разомъ вышли на платформу, гдѣ насъ встрѣтилъ толстый голова съ хлѣбомъ солью, поднесенной намъ на большомъ фарфоровомъ блюдѣ съ надписью: „отъ Тульскаго скопяного общества“. Послѣ краткой рѣчи намъ предложили ужинъ; солдатамъ выдали по огромному стакану водки, по кружкѣ чаю съ булкой и по сигарѣ. Послѣ хорошаго ужина съ музыкой, было выпито много шампанскаго и говорено много умныхъ рѣчей (съ разбитіемъ бокаловъ), послѣ чего послѣдовала масса пожатій рукъ, даже, кажется, цѣлованій; народу и публики было масса; когда, наконецъ, поѣздъ тронулся, то загремѣло снова „ура“ и вся платформа загорѣлась бенгальскими огнями“.

Въ Орлѣ эшелоны полка встрѣтила супруга Генерала Лаврова. „Добрѣйшая и милѣйшая Марія Александровна навезла намъ офицерамъ изъ своего имѣнія,—пишетъ офицеръ полка,—разнаго угощенія въ видѣ жаркихъ, пироговъ, вина и фруктъ, а солдаты получили по чаркѣ водки“.

Въ Курскѣ пришлось впервые видѣть раненыхъ въ госпитальныхъ баракахъ; между

ранеными былъ и бывшій Финляндецъ, Пензенскаго пѣхотнаго полка Капитанъ Васичъ раненый въ руку навылетъ при второмъ штурмѣ Плевны. Бесѣды съ ранеными были весьма интересны и слова недавнихъ участниковъ сраженій подхватывались на лету какъ солдатами, такъ и офицерами полка.

Въ Жмеринкѣ встрѣтился первый поѣздъ съ ранеными, въ числѣ которыхъ было нѣсколько офицеровъ. Всѣ они были подъ Плевной и всѣ до единаго относили наши неудачи въ бояхъ у этого города къ безпечности Главной Квартиры. „При видѣ всѣхъ этихъ страдальцевъ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ офицеръ полка,—изувѣченныхъ и обезображенныхъ казалось бы естественнымъ, чтобы въ насъ зашевелилось чувство самосохраненія и желанія, чтобы кампанія скорѣе кончилась безъ насъ, а между тѣмъ видъ этихъ раненыхъ подѣйствовалъ на насъ офицеровъ совершенно иначе: намъ даже стало какъ то совѣстно, что идёмъ на поле брани и возросла боязнь, чтобы мы не пришли слишкомъ поздно"...

За станціей Унгены—послѣдней передъ Яссами, полкъ, переѣзжая желѣзно-дорожный мостъ на рѣкѣ Прутъ, покинулъ предѣлы родной земли и вступилъ на Румынскую территорію. Моментъ переѣзда границы произвелъ значительное впечатлѣніе: многіе крестились, раздались крики „ура", а затѣмъ послышались звуки народнаго гимна; полковой хоръ музыки, слѣдовавшій съ пятымъ эшелономъ игралъ „Боже Царя Храни" и маршъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Въ Яссахъ полкъ собирался впродолженіи трехъ дней и къ 28-му августу былъ весь въ сборѣ. Послѣдній эшелонъ полка прибылъ въ Яссы пѣшкомъ отъ станціи Кишиневъ, пройдя походнымъ порядкомъ около ста верстъ; это движеніе совершилось въ виду недостатка въ вагонахъ.

29-го августа былъ данъ полку отдыхъ, чтобы приготовиться къ предстоящему походу пѣшкомъ по Румыніи; конечнымъ пунктомъ маршрута была назначена Зимница—мѣсто знаменитой переправы черезъ Дунай войскъ 14-й пѣхотной дивизіи, представлявшее собою въ то время начало нашей коммуникаціонной линіи въ предѣлахъ Турціи. Сообщеніе черезъ Дунай происходило по мостамъ, наведеннымъ между Зимницею и Систовымъ. Верстахъ въ 30 къ юго-западу отъ переправы, у д. Радинецъ располагалась Главная Квартира. Такимъ образомъ, подходя къ Зимницѣ, полкъ приближался къ главному центру распоряженій операціями всей кампаніи, откуда долженъ былъ получить окончательныя приказанія о дальнѣйшихъ его дѣйствіяхъ.

Приказаніе это ожидалось давно и съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Во все время мобилизаціи и во все время передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ и похода по Румыніи, ни высшіе начальствующіе лица, ни, тѣмъ болѣе, офицеры совершенно не знали что предстоитъ полку и какова будетъ его роль въ военныхъ дѣйствіяхъ. Тоже самое было и во всѣхъ частяхъ гвардіи. Не былъ вопросъ этотъ разрѣшенъ и въ Главной Квартирѣ; тамъ относительно окончательнаго направленія гвардіи существовали два предположенія: или направить ее на востокъ, въ Рущукскій отрядъ Цесаревича, гдѣ давно чувствовался сильный недостатокъ въ войскахъ; или, напротивъ, двинуть гвардію на западъ, къ Плевнѣ, этому наиболѣе чувствительному пункту, нашего стратегическаго расположенія.

Избраніе окончательнаго направленія столь сильной и отборной части, какъ гвардейскій корпусъ, могло измѣнить весь общій ходъ кампаніи и потому вызывало въ Главной Квартирѣ значительное колебаніе, вслѣдствіе чего вопросъ этотъ до подхода гвардіи не былъ рѣшенъ окончательно.

Такимъ образомъ гвардейцы двигались по Румыніи въ совершенной неизвѣстности о своемъ предстоящемъ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Слуховъ и предположеній было масса, ихъ ловили съ жадностью, но къ сожалѣнію неосновательность этихъ извѣстій быстро обнаруживалась.

28-го августа былъ объявленъ приказъ по гвардейскому корпусу Наслѣдника Цесаревича Александра Алекчандровича, призывавшій гвардію къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ. Приказъ * былъ слѣдующій [28]:

„Войска Гвардейскаго Корпуса!

„Державною волею вы призваны къ участію въ нынѣшней славной борьбѣ. Государь Императоръ съ довѣріемъ смотритъ на васъ и убѣжденъ, что Его Гвардія и въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ покроетъ себя такою же славою какъ и наши предки и поддержитъ доброе честное имя, присвоенное ея знаменамъ. Въ этомъ Я ручаюсь предъ Его Величествомъ и надѣюсь докажемъ, что не даромъ Государь осыпалъ насъ знаками самаго высокаго вниманія.

„Нашъ врагъ въ теченіи послѣдняго столѣтія привыкъ уважать русскаго солдата. Докажемъ, что и мы достойны такого уваженія.

„Не численнымъ превосходствомъ, не превосходствомъ вооруженія и не силою оборонительныхъ позицій Румянцовъ, Суворовъ и Дибичъ обезсмертили свое имя побѣдами надъ Турецкими войсками, но духомъ предпріимчивости, искусствомъ маневрированія и доблестью солдата.

„Возьмемъ же мы этихъ героевъ за образецъ и будемъ помнить, что никогда нерѣшительность и колебаніе, а всегда предпріимчивость, упорство и взаимная выручка надежнѣйшее средство къ побѣдѣ.

„За лишнее считаю въ настоящую минуту напомнить о сохраненіи дисциплины въ нашихъ рядахъ. Мы всѣ одинаково убѣждены, что войска безъ дисциплины толпа, неспособная къ великимъ дѣяніемъ, а потому нашею основною заботою будетъ твердое поддержаніе во всѣхъ положеніяхъ этого священнаго закона".

Въ развитіе этого приказа по гвардейскому корпусу послѣдовали приказы [29] по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 11-го Сентября, за № 150 и 151, въ которыхъ объявлялось о включеніи гвардіи въ составъ дѣйствующей арміи ** и о вступленіи Наслѣдника Цесаревича „въ управленіе ввѣреннымъ Ему корпусомъ". Рущукскій же отрядъ Цесаревичу было предписано сдать временно своему начальнику штаба Генералъ-Лейтенанту Ванновскому. Къ сожалѣнію всей гвардіи, столь любившей своего Августѣйшаго кор-

---

* Приказъ этотъ, за № 20, былъ отданъ въ дер. Дальній Монастырь (въ Болгаріи).

** За исключеніемъ 1-ой гвардейской кавалерійской дивизіи съ 1-ю и 4-ю конными батареями.

пускнаго командира, приказъ этотъ былъ отмѣненъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ продолжалъ командовать Рущукскимъ отрядомъ.

Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить, что въ описываемое время относительно качествъ гвардіи, какъ воинской силы, существовали разные взгляды. Одни признавали за ней большое значеніе въ этомъ отношеніи; этого мнѣнія придерживались почти всѣ передовые военные люди того времени. Но были лица и противоположнаго мнѣнія, признававшіе, что гвардейскія войска нельзя считать надлежащимъ боевымъ элементомъ *. Такіе взгляды проявлялись впрочемъ и раньше передъ многими прежними войнами, веденными Россіей **; къ счастью, какъ въ прежнихъ войнахъ, гдѣ гвардейцы принимали блистательное участіе, такъ и въ войнѣ 1877—78 годовъ, славныя дѣйствія гвардіи подъ Горнимъ Дубнякомъ и во многихъ другихъ бояхъ, дѣйствія запечатлѣнныя потоками крови, доказали ложность этихъ мнѣній.

Изъ видовъ Румыніи.
Съ наброска съ натуры.

Въ эту же войну гвардія доказала, что несмотря на свою якобы избалованность, она безропотно готова переносить какія угодно невзгоды и лишенія военнаго времени и въ этомъ отношеніи, какъ и въ боевомъ, всегда считаетъ за честь помѣряться со своими армейскими товарищами. Такимъ образомъ скептики, не признававшіе гвардію за боевую силу, были посрамлены; имъ было доказано,—какъ и полякамъ въ 1831 году, утверждавшимъ что гвардейцы изнѣженные солдаты, во главѣ которыхъ стоятъ не офицеры, а „господа-панычи“,—что русская гвардія—прекраснѣйшій боевой элементъ и лучшее войско.

Въ Яссахъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ стоялъ бивакомъ въ полѣ недалеко отъ городской черты.

Во время этой дневки шли послѣднія приготовленія къ походу; офицеры и солдаты покупали самыя нужныя вещи. Выданное здѣсь офицерамъ на руки первое золото (суточные, по 45 рублей за сентябрь мѣсяцъ) пришлось поэтому кстати, тѣмъ болѣе, что Яссы въ то время представляли собою одинъ изъ центровъ веселой жизни, гдѣ процвѣтали разные кафе-шантаны, оперетки и тому подобныя заведенія.

---

* Къ сожалѣнію мнѣніе это проникло даже въ Квартиру главнокомандующаго; такъ, одно изъ лицъ этой Квартиры въ своемъ дневникѣ (напечатанномъ въ Вѣстникѣ Европы, 1905 года), подъ датой 10 сентября 1877 года написало: „Теперь приближается отборное войско—гвардія... У меня лично вовсе нѣтъ убѣжденія въ превосходствѣ гвардіи надъ арміей: наши армейцы такіе молодцы, что гвардіи ихъ не перещеголять. И уже во всякомъ случаѣ не въ умѣніи безропотно выносить какія угодно невзгоды. Гвардія—избалованное дѣтище Государя—никогда не сравняется съ арміей въ этомъ отношеніи“.

** Напримѣръ передъ кампаніей 1806—7 г.г. въ Петербургскомъ обществѣ существовалъ упорный взглядъ, что гвардія не можетъ быть двинута на войну въ виду того, что ея назначеніе заключалось, якобы только въ отбываніи карауловъ и въ парадированіи.

Съ прибытіемъ гвардіи оживленіе въ Яссахъ еще болѣе увеличилось; румынамъ очень интересно было поближе познакомиться съ русской гвардіей, которую они давно ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ, имѣя въ виду свои, главнымъ образомъ, корыстныя цѣли. Корреспондентъ газеты „Голосъ“ писалъ изъ Яссъ: „Гвардейцы произвели и оставили здѣсь неизгладимое впечатлѣніе. Всѣ восхищались ихъ высокимъ ростомъ, большею противъ армейскихъ развязностью и щеголеватостью, наконецъ ихъ превосходною экипировкою и вооруженіемъ. Денегъ также у нихъ было достаточно; впрочемъ ушли они значительно облегченные, вкусивъ отъ всевозможныхъ прелестей Ясской Капуи, гдѣ они отдыхали полкъ за полкомъ, по нѣсколько дней...“

Наканунѣ выступленія полковая музыка играла въ городскомъ саду, гдѣ было гулянье, но дождь разогналъ всю публику.

Выступивъ изъ Яссъ 30-го Августа двумя эшелонами, полкъ началъ свой почти мѣсячный походъ по Румыніи, совершивъ при этомъ около 500 верстъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ, которыхъ главными причинами были: отсутствіе сколько нибудь удобныхъ путей сообщенія и въ большинствѣ случаевъ невылазная грязь, крайне затруднявшая движеніе, особенно обоза, вредный не привычный климатъ, съ весьма перемѣнчивой температурой, плохое питаніе и неудовлетворительные биваки. Если къ этому прибавить еще непомѣрную тяжесть солдатскаго снаряженія, весьма скверную обувь нижнихъ чиновъ и дороговизну самыхъ насущныхъ предметовъ на румынскихъ рынкахъ, то станетъ нагляднымъ, какъ тяжелъ былъ этотъ походъ.

Во все время похода, съ 30-го августа по 28-го сентября, т. е. за 29 дней марша, полкъ имѣлъ девять дневокъ, такъ что, въ среднемъ, дневки приходились черезъ два перехода на третій; переходы были отъ 17-ти до 40 верстъ, средній переходъ достигалъ до 25-ти верстъ.

Движеніе совершалось при условіяхъ мирнаго времени съ высылкой впередъ квартирьеровъ и хлѣбопековъ. Порядокъ движенія, введенный командиромъ полка, былъ слѣдующій: 1 ч. движенія, привалъ—¼ часа, 1½ часа движенія, привалъ—½ часа, 2 часа движенія, большой привалъ—1 часъ; вторая половина переходовъ совершалась такимъ же образомъ. „Этотъ порядокъ,—какъ говоритъ дневникъ полка,—оказался вполнѣ соотвѣтствующимъ.“ Полкъ дѣлалъ большинство переходовъ въ полномъ составѣ, иногда же раздѣлялся по-эшелонно. Движеніе совершалось по ротно, при чемъ между ротами держалась дистанція въ 15—20 шаговъ, между батальонами же 75—100 шаговъ. Выступали съ бивака часовъ въ 6, а иногда и въ пятомъ часу утра; приходили на ночлегъ часовъ черезъ 10—12.

Сначала нижніе, чины послѣ 2-хъ недѣльнаго сидѣнія въ вагонахъ, шли съ трудомъ, такъ-что на первыхъ 2—3 переходахъ отсталыхъ было много; но потомъ, когда разошлись, отсталыхъ уже не встрѣчалось на самыхъ большихъ переходахъ.

Одной изъ главныхъ причинъ, затруднявшихъ походъ, было слишкомъ тяжелое снаряженіе и плохая обувь нижнихъ чиновъ. Солдатъ несъ на себѣ ранецъ съ полной укладкой, съ прикрѣпленнымъ къ нему полотнищемъ палатки, шинель, скатанную черезъ плечо, двѣ кожаныя патронныя сумки съ 60-тью патронами, котелокъ, шанцевой инструментъ,

мундирную пару 1-го срока, двѣ пары сапогъ, лѣтнія шаровары, три или четыре пары бѣлья, шерстяную фуфайку, набрюшникъ, башлыкъ, рукавицы, галстухъ, сумку для сухарей, тесакъ и винтовку. Эти предметы, составляя значительный вѣсъ, были къ тому же плохо приспособлены къ носкѣ. Ранецъ съ полной укладкой и шинель скатанная черезъ плечо, сильно стѣсняли грудь солдата, ремни оттягивали плечи, поясъ стѣснялъ брюшные органы. Все это при жарѣ и подъ палящими лучами солнца вызывало, особенно въ началѣ, прямо изнеможеніе.

„Люди были сильно нагружены,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ офицеръ полка,—слабосильному просто было не подъ силу тащить на себѣ всю эту тяжесть, а потому неудивительно, что, начиная со второго перехода' люди мало по малу начали выкидывать изъ ранцевъ вещи, которыя по ихъ понятіямъ были лишнимъ бременемъ; одной изъ первыхъ выкинутыхъ вещей былъ хорошій, теплый набрюшникъ."

Ротные командиры, получивъ приказаніе наистрожайше слѣдить, чтобы люди не смѣли выкидывать вещей изъ ранцевъ, оказались безсильны; правда оставленіе вещей на бивакахъ прекратилось, но выкидывались они украдкой, на ходу, а противъ этого никакія повѣрки и осмотры снаряженія не могли помочь.

Также трудно было удержать людей отъ питья сырой воды и разстегиванія мундировъ; то и другое особенно вредно отражалось на состояніи ихъ здоровья и влекло за собою лихорадки.

Ужасное состояніе обуви причиняло солдатамъ большія затрудненія. Казенные сапоги не выдерживали иногда и одного хорошаго перехода по липкой грязи. Одинъ изъ нижнихъ чиновъ полка, описывая свой первый или второй переходъ пишетъ: [30] „у нѣкоторыхъ товарищей и у меня самого вмѣстѣ съ глиной оторвался подборъ; у нѣкоторыхъ—подметки и даже подошвы; если не совсѣмъ, то ихъ подвязывали чѣмъ кто могъ, кто платкомъ, кто отрывалъ или обрѣзалъ кромку у полотенца; а если который не замѣчалъ, то къ приходу на ночлегъ оставался безъ подошвы".

Изъ предметовъ снаряженія неудобными оказались сухарные мѣшки, сдѣланные изъ яко-бы непромокаемаго холста, который отлично пропускалъ воду и сырость, почему сухари въ дождливое время намокали. Фуражка, введенная вмѣсто каски, оказалась прекраснымъ головнымъ уборомъ; козырекъ ея служилъ хорошей защитой для глазъ, а бѣлый чахолъ предохранялъ отъ солнечныхъ лучей. Фуфайки, выданныя всѣмъ нижнимъ чинамъ сослужили двойную службу; согрѣвая въ ночной холодъ, онѣ въ жаркіе дни подкладывались подъ ранцевые ремни и тѣмъ предохраняли плечи отъ давленія.

Горячая пища давалась людямъ обыкновенно очень поздно вечеромъ или ночью, спустя часовъ шесть по приходѣ на бивакъ; происходило это потому, что обозъ, высылаемый впередъ, часто задерживался въ дорогѣ и кашевары имѣли слишкомъ мало времени на варку. Такимъ образомъ, усталымъ людямъ приходилось ложиться спать голодными, закусивъ бѣлымъ хлѣбомъ и выпивъ чаю. Отсутствіе чернаго хлѣба, къ которому такъ привыкъ нашъ солдатъ, составляло большое лишеніе для нижнихъ чиновъ. Хотя люди вели себя въ общемъ образцово, но постоянное недоѣданіе, а главное недохватъ хлѣба на

одномъ изъ переходовъ вывели ихъ изъ себя; послышались просьбы „хлѣба намъ, хлѣба намъ"! Къ сожалѣнію удовлетворить это желаніе было невозможно.

Вообще довольствіе нижнихъ чиновъ поставило хозяйственную часть полка въ затруднительное положеніе въ началѣ похода по Румыніи. Въ Яссахъ приказано было сдать консервы, бывшіе при полку, т. к. ихъ не на чемъ было везти. Вмѣстѣ съ тѣмъ полкъ долго не могъ добиться указаній о способахъ предстоявшаго ему продовольствованія людей, т. к. дивизіонный интендантъ еще не былъ назначенъ, а корпусный находился въ Бухарестѣ. Наконецъ выяснилось, что хлѣбъ, крупу, водку и дрова полкъ обязанъ принимать на мѣстахъ своихъ ночлеговъ изъ складовъ товарищества Грегера, Горвица и Когана, а о приварочномъ довольствіи полкъ долженъ заботиться самъ. Указанное товарищество, создавшее себѣ печальную извѣстность своей недобросовѣстностью, поставляло продукты весьма сомнительнаго качества, а агенты его, почти исключительно евреи, дѣйствуя самымъ нахальнымъ образомъ, съ наглостью увѣряли, что войска не „смѣютъ" браковать ихъ продукты. Во всякомъ случаѣ борьба съ товариществомъ была не равная. Продовольствіе полка пришлось тоже отдать агенту отъ товарищества по особому съ нимъ соглашенію, при чемъ ему уплачивалось 10 коп. золотомъ въ день на человѣка.

Довольствіе офицеровъ производилось въ пяти артеляхъ, образованныхъ офицерами каждаго изъ 4-хъ батальоновъ и полковаго штаба. Столъ офицерамъ обходился очень дешево, т. к. мясо и хлѣбъ получались изъ полка съ удержаніемъ ихъ стоимости изъ жалованья; впослѣдствіи же, съ октября мѣсяца, всѣ продукты отпускались офицерамъ безвозмездно. Такимъ образомъ въ отношеніи продовольствія офицеры были обезпечены. За то при покупкѣ другихъ съѣстныхъ припасовъ у торговцевъ румынъ и евреевъ, эти послѣдніе, самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатировали офицеровъ. Не останавливались торговцы и передъ обираніемъ солдатъ. Въ особенности это стало сильно проявляться со второй половины марша по Румыніи.

Одинъ изъ офицеровъ пишетъ по этому поводу: [31] „Жаль было въ особенности солдатъ, которые сильно жаловались, что румыны и жиды всячески надуваютъ ихъ при каждой покупкѣ, при каждомъ размѣнѣ денегъ,—и обмѣриваютъ, и обсчитываютъ самымъ безбожнымъ образомъ. И дѣйствительно, обираніе въ лавкахъ и магазинахъ—офицеровъ, а на базарахъ—солдатъ, производилось въ грандіозныхъ размѣрахъ, по произвольному, фантастическому курсу. Наши полуимперіалы пошли вдругъ ниже своей металлической стоимости. На протесты и стараніе такъ и сякъ объясниться, въ отвѣтъ слѣдовало одно лишь пожиманіе плечами и неизмѣнное „нушти" (не знаю, не понимаю). Въ особенности жутко приходилось солдатамъ, у которыхъ наши кредитки принимали по произвольному курсу, считая рубль за 2 франка и 35 сантимовъ, а отъ размѣннаго серебра и вовсе отказывались. Во всемъ этомъ отличались на столько же румыны, на сколько и евреи, въ рукахъ у которыхъ сосредоточивалась наибольшая часть румынской торговли и промышленности. Евреямъ же армія наша была обязана и тѣмъ неслыханнымъ подъемомъ цѣнъ на всѣ предметы первой жизненной необходимости, какой появился здѣсь послѣ перехода русскихъ войскъ черезъ границу. Произошло это по предварительному не-

гласному соглашенію мѣстныхъ крупныхъ евреевъ и административныхъ чиновниковъ съ еврейскими агентами и уполномоченными компаніи Грегера, Горвица и Когана.

„Русскіе люди присутствовали здѣсь при замѣчательномъ, небываломъ доселѣ явленіи: въ прежнія времена, когда какая нибудь наполеоновская армія вступала въ „дружественную“ страну и начинала ее грабить посредствомъ реквизицій, это никого не удивляло, почитаясь вполнѣ естественнымъ и чуть ли даже не легальнымъ дѣломъ; теперь же, благодаря всемогущимъ жидамъ, „дружественная и союзная“ страна грабила русскую армію, всецѣло и безпрекословно отданную на произволъ самой безшабашной и всесторонней эксплуатаціи алчной жидовы, и своей, и румынской. Эти мелкіе „агенты“ пресловутаго „товарищества“, не довольствуясь крупнымъ дождемъ серебряныхъ рублей и полуимперіаловъ, ежедневно перепадавшихъ въ ихъ укладистые карманы, съ истинно жидовской скрупулезностью выгадывали въ свою пользу каждый мѣдный грошъ, если имъ можно было попользоваться на счетъ безотвѣтнаго солдата. Отвратительнѣе и позорнѣе этого высасыванія грошей и полушекъ трудно было представить себѣ что либо, особенно въ первое время. Потомъ уже наши пообтерлись и свыклись, но и до конца войны все же слышался глухой ропотъ, что армія въ кабалѣ у евреевъ“.

Фуражъ заготовлялся попеченіемъ полковаго квартирмейстера; цѣны на сѣно и овесъ, бывшія въ началѣ невысокими, впослѣдствіи очень возросли.

Порядокъ въ полку все время былъ образцовый. Командиръ полка Генералъ Лавровъ слѣдилъ самъ за всѣмъ лично и подавалъ собою примѣръ, идя почти все время впереди полка. Люди вели себя примѣрно, что доказывается тѣмъ, что полковому суду пришлось собраться впервые лишь 6-го Сентября, по дѣлу о пяти рядовыхъ, виновныхъ въ самовольной отлучкѣ на нѣсколько часовъ и въ пьянствѣ. Наказаніемъ ихъ было 50 ударовъ розгами. Только одинъ изъ подсудимыхъ былъ обличенъ въ грубости и угрозахъ своему непосредственному начальнику изъ нижнихъ чиновъ.

Санитарное состояніе полка удовлетворяло тоже всѣмъ требованіямъ. Больныхъ было сравнительно немного—27 человѣкъ, сданныхъ въ попутные госпитали; кромѣ того одинъ нижній чинъ умеръ въ полковомъ околодкѣ. По отношенію къ наличной численности полка убыль составляла: больными 0.75%, умершими 0.02%. Во все время движенія полкъ своего лазарета не открывалъ, околодокъ же былъ всегда открытъ при полку; больные возились въ лазаретныхъ линейкахъ или нанятыхъ подводахъ. Больше всего люди страдали отъ перемежающихся лихорадокъ, вызываемыхъ перемѣнчивымъ климатомъ Румыніи, поносами, потертостью ногъ. Хотя за послѣдними былъ тщательный уходъ, постоянная смазка саломъ и ежедневный осмотръ фельфебелями и взводными командирами, а также и нѣкоторыми изъ ротныхъ командировъ, но плохая обувь, часто маломѣрная, причиняла ссадины и кровоподтеки.

На ночлегахъ и дневкахъ полкъ располагался бивакомъ; офицерство помѣщалось или въ домахъ, или въ палаткахъ. Палатки были малы и промокали.

Ротные командиры совершали маршъ верхомъ, что было разрѣшено приказомъ по военному вѣдомству. Это разрѣшеніе приносило весьма существенную пользу, такъ какъ ротные командиры, будучи верхомъ, могли всюду имѣть свой глазъ и тѣмъ легче под-

держивать порядокъ. „Я полъ похода совершилъ верхомъ,—пишетъ одинъ изъ ротныхъ командировъ,—и благодаря этому, имѣлъ возможность болѣе строго слѣдить за своими людьми, какъ во время самого марша, такъ и по приходѣ на ночлегъ, прямымъ послѣдствіемъ, чего было то, что у меня всегда было меньше больныхъ и слабыхъ... Желательно было бы, что бы хоть въ кампанію ротные командиры были бы обязательно верхомъ".

Мѣстность, по которой проходилъ полкъ, была весьма живописна. До Текучъ дорога шла долиной рѣки Бырлатъ, среди обширныхъ полей кукурузы, далѣе же до Плоэшти, она шла у подошвы восточнаго склона Трансильванскихъ горъ по живописнѣйшей мѣстности; здѣсь масса виноградниковъ и бахчей доставляли солдатамъ и пищу и лакомство.

Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ во образѣ Св. Александра Невскаго призывающій благословеніе Божіе на Русскую армію при переходѣ ея черезъ Дунай.

Съ рисунка М. Микѣшина.

Погода, бывшая въ началѣ очень жаркой, смѣнилась холодной и дождливой.

Движеніе по Румыніи прошло въ общемъ очень спокойно для полка, никакихъ особыхъ происшествій не было; въ попутныхъ городахъ стоянки были довольно однообразны. При переходѣ изъ Бырлата, полкъ былъ настигнутъ страшной грозой; вѣтеръ былъ такъ силенъ, что не только люди, но и

лошади не могли двигаться и ложились; сила дождя, раскаты грома и блескъ молніи были необычайны; батальоны остановились и свернулись въ четыре кучки. Опасность была большая, такъ какъ искры всё время такъ и свѣтились на остріяхъ штыковъ. Всѣ промокли до костей, а дорога и безъ того уже дурная, стала еще ужаснѣе.

12-го Сентября полкъ былъ пропущенъ начальникомъ дивизіи, Генералъ-Адъютантомъ Графомъ Шуваловымъ. Несмотря на большой переходъ, на размытую дождемъ дорогу, на утомленіе отъ безсонной ночи, вслѣдствіе большой бури, которая снесла много палатокъ, полкъ прошелъ молодецки мимо начальника дивизіи.

20-го Сентября, на дневкѣ въ Бенеазѣ, впервые получились письма и извѣстія изъ Россіи. 21 Сентября, передъ Бухарестомъ, полку произвелъ смотръ, назначенный незадолго до этого начальникомъ тыла дѣйствующей арміи, Генералъ-Адъютантъ Дрентельнъ *— бывшій Финляндецъ; послѣ смотра полкъ, подъ звуки музыки и пѣсенъ, прошелъ Бухарестъ—столицу Румыніи и центръ тыловыхъ учрежденій арміи. На другой день была дневка, во время которой утромъ произведены были одиночныя ученія, а послѣ обѣда ротныя; на другихъ дневкахъ, тоже производились ученія.

22-го Сентября прибылъ къ полку Поручикъ Пыхачевъ, покинувъ по собственному желанію свою должность по гражданскому управленію въ Болгаріи.

Въ Бухарестѣ была масса русскихъ офицеровъ. Здѣсь разнесся слухъ, что 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, по переходѣ черезъ Дунай, поступитъ въ составъ Рущукскаго отряда; это извѣстіе пришлось не особенно по сердцу офицерамъ полка, такъ какъ мечтою всѣхъ было попасть подъ Плевну, въ отрядѣ же Наслѣдника Цесаревича, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, не предвидѣлось въ то время большихъ дѣлъ.

Со второй половины 20-хъ чиселъ сентября, начавшіеся дожди въ конецъ испортили дороги, лошади не могли уже вытаскивать полковаго обоза, и его приходилось переносить почти на рукахъ, почему люди выбивались изъ силъ. Съ 23-го Сентября стало такъ холодно, что переходы стали дѣлаться въ шинеляхъ; 24-го по случаю мороза и вѣтра, срывавшаго всѣ палатки, ночевали по избамъ, а 25-го числа переходъ „буквально пробѣжали", чтобы хоть нѣсколько согрѣться [32].

Въ этотъ день полкъ прибылъ въ Путинео, откуда съ горы былъ видѣнъ Рущукъ. На дневкѣ въ Путинео произошла слѣдующая довольно типичная сценка, такъ описанная однимъ изъ участниковъ похода [33]: „проводили черезъ село десять плѣнныхъ турокъ; наши солдаты, въ первый разъ видѣвшіе турокъ, съ крикомъ „ура" бросились къ нимъ, чтобы посмотрѣть плѣннаго врага; сіи несчастные, думая вѣроятно, что ихъ разорвутъ на куски, бросились на колѣни, бормоча что-то и выкрикивая „аллахъ", что очень забавляло солдатъ кричавшихъ „проси, поганый, пардону, проси, собака, милости"; но когда румынскія бабы стали бомбардировать плѣнныхъ грязью, наши солдаты мигомъ разогнали ожесточенныхъ бабъ, что, конечно, крайне удивило послѣднихъ".

---

* Генералъ-Адъютантъ Дрентельнъ былъ опредѣленъ на весьма отвѣтственную должность начальника тыла всей арміи по личному выбору Великаго Князя Главнокомандующаго и блистательнымъ образомъ оправдалъ, возлагавшіяся на него надежды.

По дорогѣ за Бухарестомъ явственно слышались выстрѣлы Журжевскихъ батарей, предвѣщавшіе полку, что его боевое крещеніе въ войну эту не заставитъ себя слишкомъ долго ожидать. Распоряженія, отдававшіяся въ то время,—какъ напримѣръ, приказаніе о переносѣ носилокъ въ обозъ 1-го разряда, а затѣмъ и о помѣщеніи туда же шанцеваго инструмента,—тоже наводили на мысль, что не сегодня-завтра полку придется вступить въ бой.

28-го Сентября полкъ прибылъ къ Зимницкой переправѣ и тѣмъ завершилъ свой 4-хъ недѣльный походъ по Румыніи. „Участники его долго не забудутъ этого времени, въ которомъ при лишеніяхъ и невзгодахъ, дни утомительныхъ и монотонныхъ маршей смѣнялись отдыхами въ чистенькихъ и веселыхъ городкахъ, звуками музыки и разудалыми пѣснями на бивакахъ",—такъ заключаетъ описаніе похода по Румыніи полковой дневникъ.

Походъ этотъ принесъ несомнѣнно большую пользу полку, пріучивъ людей, какъ молодыхъ солдатъ, такъ и запасныхъ, къ трудностямъ военной жизни, давъ имъ много необходимыхъ сноровокъ; однако, важнѣйшимъ результатомъ похода было то, что онъ сплотилъ людей во-едино, они стали бодры, здоровы и окрѣпли, какъ физически, такъ и нравственно. Славный же командиръ полка, любимый всѣми Генералъ Лавровъ, и дружное общество офицеровъ поддержали въ своихъ подчиненныхъ тотъ высокій, истинно воинскій духъ, который далъ полку несокрушимую нравственную силу перенести всѣ ужасы Горно-Дубнякскаго боя и послѣдовавшихъ за нимъ сраженій.

29-го числа полкъ провелъ дневку въ Зимницѣ. Бивакъ тамъ былъ расположенъ по южную сторону города, на обширной Косѣ, образуемой однимъ изъ рукавовъ Дуная. Мѣстность эта, покрываемая во время разливовъ водою, была очень низменна и потому, едва наступали сумерки, какъ весь бивакъ и ближайшія окрестности бывали окутываемы густѣйшимъ туманомъ. Страшная сырость отъ Дуная, болотистыя испаренія низменной мѣстности и сильный дождь, шедшій весь день 29-го числа, сдѣлали невозможнымъ всякій отдыхъ. Бивакъ утопалъ въ жидкой грязи, палатки, переставляемыя съ мѣста на мѣсто, заливало водою такъ, что въ ночь на 30-е число почти никто не спалъ.

Самый городъ и его окрестности не представляли ничего интереснаго; напротивъ, множество всевозможныхъ лазаретовъ и госпиталей дѣлали картину безотрадной. Зловонный запахъ вокругъ Зимницы былъ невыносимъ; онъ распространялся отъ лазаретовъ и отъ всевозможной падали, которую, какъ и около Бухареста, не зарывали тамъ. На улицахъ стояла непролазная грязь и можно было легко наблюдать, какъ, при малѣйшей неосторожности, люди завязали въ болѣе глубокихъ мѣстахъ, не имѣя возможности выпутаться безъ посторонней помощи. Всѣ улицы и дома были полны офицерствомъ всѣхъ родовъ оружія и различныхъ управленій и штабовъ; нѣкоторые отправлялись въ дѣйствующую армію, иные возвращались въ Россію или ѣхали въ Румынію за закупками для своихъ частей. Всѣ дома и строенія были настолько переполнены, что офицерамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, стремившимся хоть нѣсколько укрыться отъ дождя и обсушиться послѣ своего мокраго бивака, не нашлось ни одного уголка въ городѣ. Многія помѣщенія были

заняты разными торговцами, аферистами и мазуриками разныхъ національностей. Рестораны, кафе, игорные дома съ рулеткой и банкомъ и увеселительныя заведенія отнимали тоже много мѣста; въ нихъ офицеръ былъ всегда желаннымъ гостемъ, такъ какъ весь этотъ темный людъ зарился на его кошелекъ.

Въ Зимницѣ къ полку присоединились прибывшіе съ Кавказа Поручики Сервіяновъ, Бурмейстеръ и Палинъ; тамъ же явились Полковникъ Прокопе, бывшій въ Болгаріи въ распоряженіи князя Черкасскаго и, вновь произведенный изъ Николаевскаго Кавалерійскаго училища, Прапорщикъ Болдыревъ 2-й.

Изъ Зимницы, перейдя Дунай по мосту, полку предстояло совершить переходъ до села Царевицъ, лежащаго въ 12-ти верстахъ къ югу отъ праваго берега Дуная. Хотя переходъ этотъ и былъ очень незначителенъ по числу верстъ, но тѣмъ не менѣе онъ оказался однимъ изъ самыхъ трудныхъ изо всего похода, вслѣдствіе невозможнаго состоянія дорогъ, представлявшихъ собою одно сплошное море грязи, гдѣ тонули и люди и лошади и повозки.

Предупрежденный о тѣхъ трудностяхъ, которыя ему предстоятъ на переходѣ до Царевица, полкъ принялъ всевозможныя мѣры для облегченія обоза. Куплено было 12 паръ валовъ съ каруцами, обошедшіяся 1600 рублей золотомъ, и на нихъ была переложена часть имущества, какъ съ повозокъ штатнаго обоза, такъ и съ 8-ми коруцъ, раньше пріобрѣтенныхъ полкомъ. Не смотря на такое облегченіе, обозныя лошади, изнуренныя предыдущими переходами, были не въ состояніи вывозить телѣги, почему пришлось ихъ двигать на людяхъ.

Погода, какъ и въ предыдущіе два дня, стояла пасмурная и дождливая, дулъ сильный холодный вѣтеръ, еще болѣе затруднявшій движеніе. Въ полковомъ дневникѣ день 30-го сентября [34]—вступленія Л.-Гв. Финляндскаго полка на турецкую территорію, представленъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Въ 6 часовъ утра выступилъ 1-й батальонъ, имѣя съ собой шанцевый инструментъ для исправленія дорогъ. Нѣсколько позже двинулись и остальные батальоны, отдѣливъ рабочихъ для подмоги обозу, но уже подходя къ мостамъ, наряженнаго числа рабочихъ оказалось недостаточно, пришлось ихъ добавить. Едва къ часу дня полкъ съ обозами перешелъ черезъ мостъ, который отъ сильнаго вѣтра качало и обдавало волнами. Дальнѣйшее движеніе по правому берегу Дуная къ Царевицу представляло еще большія затрудненія: глинистая почва размокла, около моста были глубокія выбоины, наполненныя водою, повозки въ нихъ засѣдали. Потомъ пошли крутые, скользкіе подъемы и извилистое ущелье. Лошади выбивались изъ силъ и каждую повозку приходилось везти почти исключительно на рукахъ людей. 1-й батальонъ, не отвлекаемый работами по вытягиванію обоза, достигъ с. Царевицъ около 5-ти часовъ; прочіе же батальоны не дошли до этого села, а остались ночевать въ ущельи; 4-й батальонъ, шедшій за 1-мъ, дотянулся до ущелья съ частью своихъ повозокъ только въ 7-мъ часу, остальные же прибывали постепенно. Около 11-ти часовъ ночи пришелъ послѣдній батальонъ, но часть обоза все еще оставалась позади. Двигаться ночью далѣе было невозможно: люди и лошади выбились изъ силъ и

самое ущелье было загромождено артиллерійскимъ паркомъ и интендантскими повозками, также задержанными въ дорогѣ. Къ вечеру погода прояснилась, но ночь была ужасно холодная. Между тѣмъ, за неимѣніемъ дровъ, костровъ не разводили, а о горячей пищѣ нечего было и думать".

Такимъ образомъ полкъ, несмотря на страшныя усилія людей, не могъ одолѣть 12-ти верстнаго перехода до Царевица и принужденъ былъ отложить его окончаніе до другаго дня.

Ночь, проведенная полкомъ по дорогѣ къ Царевицу, была одною изъ самыхъ тягостныхъ ночей похода. Измученные до крайности, выбившіеся изъ силъ, промоченные дождемъ, промерзшіе и голодные люди должны были провести ночь ничѣмъ не укрытые, безъ горячей пищи, въ той же холодной и мокрой грязи въ которой они вязли весь день; сырость, холодъ и голодъ дѣлали положеніе всѣхъ чиновъ полка очень тяжелымъ. Офицеры находились въ равныхъ съ солдатами условіяхъ; офицерскій обозъ остался далеко назади, а въ немъ была кухня, тамъ-же находились и теплыя вещи, но на эту ночь все это было недоступно и всѣ провели ее голодные, дрожа отъ холода.

Вел. Кн. Николай Николаевичъ.
Съ фотогр. снятой въ кампанію.

Въ серединѣ ночи пріѣхалъ въ полкъ Принцъ Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, направлявшійся въ Главную Квартиру, въ Горный Студень; онъ не имѣлъ возможности выбраться изъ ущелья и переночевалъ въ палаткѣ командира 4-го батальона.

На другой день, 1-го октября, полкъ продолжалъ свое движеніе къ Царевицу. Въ дневникѣ полка [35] день этотъ описанъ слѣдующимъ образомъ.

„Хотя погода прояснилась, но дороги были еще настолько плохи, что командующій дивизіей приказалъ въ этотъ день перехода не дѣлать, а всему полку и обозу стянуться въ д. Царевицъ. Для этого нашимъ людямъ надо было сперва очистить ушелье отъ засѣвшихъ въ немъ транспортовъ, а затѣмъ, стоя по колѣно въ грязи или въ глинѣ, скользя, провозить повозки черезъ все ущелье. Для большаго порядка и равномѣрнаго распредѣленія работы, каждой ротѣ были назначены свои повозки, которыя она должна была доставить на мѣсто".

Чтобы не мѣшать движенію, всѣмъ повозкамъ, не принадлежавшимъ къ полковому обозу, проѣздъ черезъ ущелье былъ запрещенъ.

Въ Царевицѣ полкъ собрался лишь къ 3 часамъ дня. Такимъ образомъ, путемъ необычайныхъ усилій и, можно сказать, почти страданій, былъ оконченъ въ полтора сутокъ этотъ 12-ти верстный переходъ.

Далѣе полку предстояло движеніе на Ачкаиръ по направленію къ Горному Студню,

гдѣ была Главная Квартира и гдѣ въ то время находился Государь Императоръ. Полкъ получилъ увѣдомленіе, что на этомъ переходѣ Его Величество изволитъ осчастливитъ полкъ встрѣчей. Но, вслѣдствіе новаго приказанія, переданнаго черезъ начальника дивизіи, полкъ былъ двинутъ восточнѣе Ачкаира на Павло, гдѣ имѣлось въ виду сосредоточить всю 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію. Такимъ образомъ, предполагавшаяся встрѣча полка Государемъ Императоромъ не состоялась, хотя всѣмъ было извѣстно, что Его Величество изволилъ два дня сряду выѣзжать для этой встрѣчи къ Ачкаиру.

Направленіе полка на Павло, приближая его къ Рущуку, давало поводъ думать, что полкъ предназначается для дѣйствій въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича. Но едва полкъ прибылъ въ Павло, какъ получилъ приказаніе отъ начальника штаба дѣйствующей арміи Генералъ-Адъютанта Непокойчицкаго двинуться на Овчу-Могилу; это послѣднее распоряженіе убѣждало въ противуположномъ, т. е. что полкъ предназначается въ Плевнинскую армію, но все таки положеніе вещей и предстоящая полку роль оставались для всѣхъ офицеровъ невыясненными.

18-ти верстный переходъ изъ д. Царевицъ въ д. Павло исполненъ былъ сравнительно легко. [36] Повозки были распредѣлены въ походной колоннѣ полка такимъ образомъ, что на каждую роту приходилось по 5-ти повозокъ. Выступивъ въ 8 часовъ утра, полкъ прибылъ къ 4-мъ часамъ въ д. Павло. Варка была сварена въ ротныхъ котлахъ; вмѣсто хлѣба воспользовались сухарями изъ 8-ми дневнаго запаса, потому что агенты товарищества по продовольствію войскъ, хотя и увѣряли, что на всѣхъ ночлегахъ въ Болгаріи находятся ихъ склады хлѣба, дровъ и фуража, но на самомъ дѣлѣ ихъ не было. Частный подрядчикъ также отсталъ въ Систовѣ, такъ что полку пришлось закупать съ немалыми хлопотами все необходимое въ окрестныхъ деревняхъ.

3-е и 4-е октября полкъ провелъ на дневкахъ въ Павло. Производились ротныя ученія при чемъ особенное вниманіе было обращено на разсыпной строй, примѣненіе къ мѣстности и саперныя работы; рыли ложементы какъ для цѣпи, такъ и для резервовъ, тесаками; работа шла очень успѣшно и менѣе чѣмъ въ четверть часа люди получали довольно сносное закрытіе. Въ виду отсутствія фуража, посылались команды для косьбы сѣна, верстъ за пять, за шесть. Въ свободное время нижніе чины приводили въ порядокъ свою одежду, обувь и аммуницію, починяя и очищая ее отъ грязи.

Приказъ по дивизіи, доставленный полку въ этотъ день, давалъ нѣкоторыя указанія по тактикѣ, основанныя на боевомъ опытѣ другихъ частей; приказъ говорилъ о безпорядочной, но очень частой стрѣльбѣ турокъ, о противодѣйствіи этой стрѣльбѣ быстрымъ наступленіемъ впередъ до сферы нашего ружейнаго огня, о возможно большемъ примѣненіи окоповъ и пользованіи мѣстными закрытіями.

5-го Октября двинулся полкъ изъ Павло въ Овчу-Могилу, слѣдуя черезъ Горный-Студень, гдѣ встрѣченъ былъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, а потомъ имѣлъ счастіе привѣтствовать Государя Императора.

Не доходя до д. Горный-Студень, гдѣ была Главная Квартира, на встрѣчу полку выѣхалъ Его Высочество Главнокомандующій. [37] Поздоровавшись съ полкомъ, Его Высочество высказалъ надежду, что полкъ покажетъ себя достойнымъ своей прежней боевой

славы. Вслѣдъ затѣмъ Великій Князь приказалъ перестроиться въ 2-хъ взводныя колонны изъ середины и повелъ полкъ по южной окраинѣ деревни, чтобы вывести его къ мѣсту, гдѣ нужно было представляться Его Величеству. Перебираясь черезъ оврагъ, затѣмъ по узкому мостику, полкъ не успѣлъ еще выстроиться весь, какъ уже подъѣхалъ Государь Императоръ.

Поздоровавшись съ полкомъ и объѣхавъ Л.-Гв. Павловскій полкъ, Его Величество изволилъ стать передъ 4-мъ батальономъ и сказалъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Вы идете на святое дѣло; дай Богъ, чтобы больше изъ васъ вернулось; каждый изъ васъ Мнѣ дорогъ. Я увѣренъ, что вы всѣ свято исполните свой долгъ“.

Слова эти были приняты единодушнымъ громкимъ крикомъ „ура“. Обратившись потомъ къ конвойной ротѣ, выстроенной тутъ же, Его Величество изволилъ вызвать людей полка и приказалъ имъ прокричать „ура“, своимъ будущимъ братьямъ героямъ. На прощаніе, обратившись еще разъ къ полку, Его Величество изволилъ сказать: „Я надѣюсь Васъ скоро увидѣть, до свиданія“.

Послѣ этого батальоны прошли церемоніальнымъ маршемъ; затѣмъ, вызвавъ пѣсенниковъ и пройдя еще около версты, полкъ былъ остановленъ для отдыха у казачьяго лагеря. Здѣсь вторично къ полку подъѣхалъ Его Высочество Главнокомандующій, милостиво бесѣдовалъ съ офицерами, высказывая твердую Свою увѣренность въ нихъ и убѣжденіе, что гвардіи вѣроятно въ скоромъ времени представится случай показать себя. Обнявъ на прощанье командира полка, Его Высочество изволилъ отбыть въ Горный Студень.

Послѣ часоваго отдыха, полкъ продолжалъ движеніе, идя во главѣ бригады къ Овчѣ-Могилѣ. Весь переходъ былъ въ 20 верстъ, такъ что пришли на бивакъ въ 5 часовъ; на ходу люди захватывали дрова для кухонь и костровъ изъ оставленныхъ и разоренныхъ шалашей стоявшихъ здѣсь прежде войскъ.

Далѣе полкъ былъ направленъ на Радоницу, Пелишатъ и Эски-Баркачъ, куда прибылъ 10 Октября, сдѣлавъ 90 верстъ въ 5 дней марша, изъ коихъ одинъ день былъ проведенъ на дневкѣ въ Боготѣ. Это движеніе несомнѣнно показывало, что гвардейскій корпусъ, а въ составѣ его и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, предназначены для дѣйствій противъ Плевны. Тѣмъ не менѣе офицеры продолжали находиться въ полномъ невѣдѣніи обстоятельствъ, въ которыхъ должны были дѣйствовать, не знали положенія вещей, не представляли себѣ обстановки военныхъ дѣйствій и двигались въ „темную“; они только знали, что турки близко, что подъ Плевной стоитъ наша армія, что формируется какой-то отрядъ Генерала Гурко, что гвардія по всей вѣроятности предназначена въ этотъ отрядъ, но каковъ будетъ общій характеръ дѣйствій различныхъ отрядовъ русскихъ войскъ, каковъ будетъ „маневръ“,—это было для нихъ совершенно неизвѣстно.

Переходы въ Эски-Баркачъ совершались въ обстановкѣ вполнѣ боевой, со всѣми мѣрами предосторожности; при этомъ высылка впередъ квартирьеровъ и кашеваровъ была прекращена, почему раздача пищи стала дѣлаться несвоевременно, люди начали недоѣдать, приходилось и голодать. Вообще въ продуктахъ сталъ ощущаться недостатокъ и полкъ былъ принужденъ обратиться къ подрядчику, купцу Фридлянду. При переходѣ

черезъ Радоницу полкъ миновалъ послѣдній интендантскій транспортъ и съ этого времени уже былъ предоставленъ своимъ собственнымъ средствамъ.

На пути изъ Радоницы въ Пелишатъ полкъ былъ встрѣченъ начальникомъ войскъ обложенія Плевны, Его Высочествомъ принцемъ Карломъ Румынскимъ и прошелъ мимо него церемоніальнымъ маршемъ. На слѣдующій день, 8-го октября, полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Генералъ-Адъютанта Тотлебена, помощника Принца Румынскаго.

Въ тотъ же день получено было извѣстіе, что вся гвардія входитъ въ составъ формируемаго отряда Генералъ-Адъютанта Гурко, и что этому отряду надлежитъ 12 октября атаковать Горный Дубнякъ. По данному имъ приказанію надлежало въ Боготѣ оставить ранцы со всѣми лишними вещами, а также и обозъ 3-го разряда; для хлѣбопеченія приказано было каждому полку выдѣлить 48 хлѣбопековъ, а для устройства печей—по 16-ти плотниковъ и каменьщиковъ при 4-хъ унтеръ-офицерахъ и одномъ офицерѣ. Въ эту командировку отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ назначенъ Подпоручикъ Пуликовскій, который бѣдный заливался слезами, что остается въ тылу передъ самымъ вступленіемъ полка въ бой.

Дневка въ Боготѣ 9-го числа прошла въ приготовленіяхъ къ послѣднему переходу передъ боемъ: сдавались ранцы и вещи, принимался и раздавался людямъ шестидневный запасъ сухарей, открытъ былъ лазаретъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, куда сданы были больные и слабые; Л.-Гв. Финляндскій полкъ отправилъ туда 31 человѣка больныхъ; всего же, вмѣстѣ съ 8-ю больными, сданными въ Радоницѣ въ 67-й военно-временный госпиталь, полкъ отправилъ больныхъ 39 человѣкъ, что по отношенію къ наличной численности полка, составляло 1.09%; такова была потеря полка при его движеніи по Болгаріи.

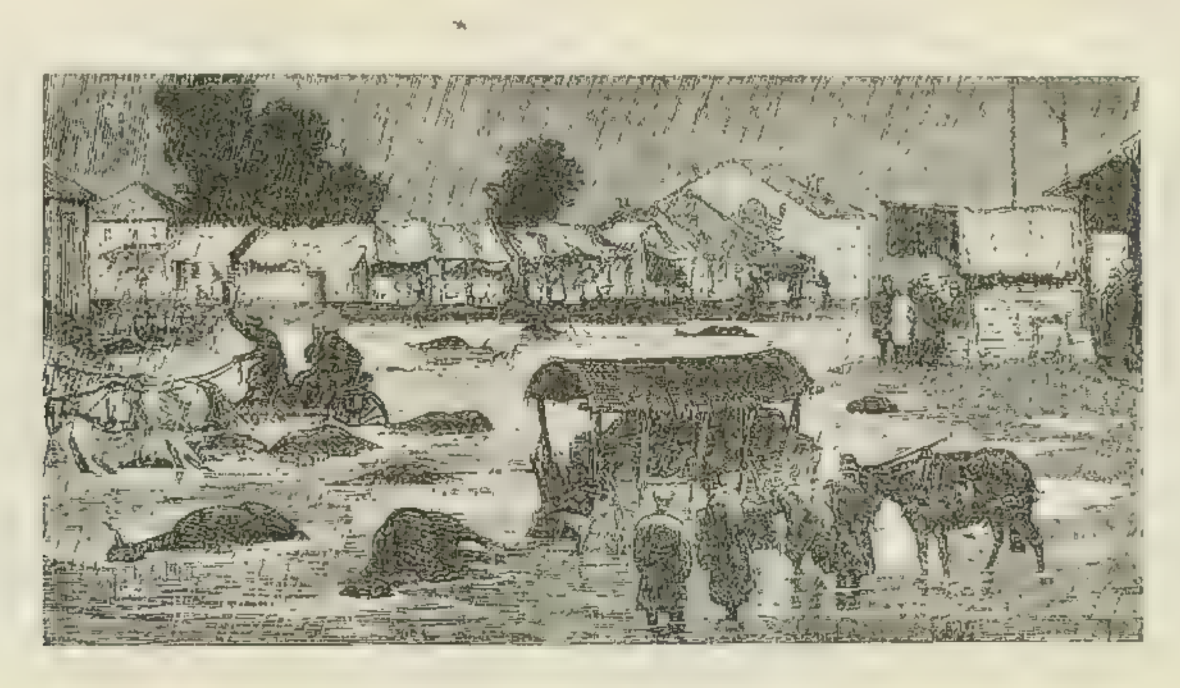
Переходъ въ д. Эски-Баргачъ, въ 30 слишкомъ верстъ, сдѣланъ былъ со всѣми предосторожностями военнаго времени [88]. Въ колоннѣ двигались полки: Л.-Гв Финляндскій, Л.-Гв. Павловскій, Л.-Гв. Гренадерскій и часть 2-й гв. артиллерійской бригады.

Въ авангардѣ шли 3-й и 4-й батальоны Л.-Гв. Финляндскаго полка, съ одной батареею Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады. Авангардъ выступилъ въ 7 часовъ утра, главныя силы колонны, подъ командою Свиты Его Величества Генералъ-маіора Розенбахъ,—въ $7^1/_2$ часовъ. Двигались черезъ д. Ралево. Спускъ въ крутой оврагъ у этой деревни и подъемъ изъ него сильно замедляли движеніе обозовъ. Отъ Ралево до Эски-Баргача вела вновь проложенная по кустамъ, узкая, мало удобная дорога, такъ что колонна сильно растянулась. Головныя части только въ 10-мъ часу вечера подошли къ Эски-Баргачу, гдѣ стояли уже 1-я гвардейская пѣхотная дивизія и гвардейская стрѣлковая бригада. Полку пришлось расположиться бивакомъ за стрѣлковой бригадой, на мѣстѣ до того заросшемъ кустарникомъ, что невозможно было раскинуть палатокъ, не вырубивъ предварительно кусты. Обозы всей дивизіи шли общей колонной и подтянулись къ Эски-Баргачу только къ полуночи.

На ночь съ 10-го на 11-е октября 3-й батальонъ былъ назначенъ въ дежурную часть, т. е. оставаясь на бивакѣ долженъ былъ быть готовымъ по первому требованію

идти на подкрѣпленіе аванпостной цѣпи, выставленной отъ гвардейской стрѣлковой бригады.

11-го октября полкъ имѣлъ дневку въ Эски-Баргачѣ и приготовлялся къ великому подвигу—сраженію подъ Горнимъ-Дубнякомъ [39].

Зимница осенью 1877 года.

Съ наброска съ натуры.

Послѣднія минуты Горнаго Дубняка.

Съ рис. Н. Каразина по наброску съ натуры.

Глава VIII.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г

Сраженіе подъ Горнымъ Дубнякомъ 12-го октября 1877 года.

„Вы идете на святое дѣло; дай Богъ чтобъ больше изъ Васъ вернулось; каждый изъ Васъ Мнѣ дорогъ. Я увѣренъ, что вы всѣ свято исполните свой долгъ".

(Слова Государя Императора Александра II, сказанныя полку передъ Горнымъ Дубнякомъ).

Холодное утро 11-го октября, кануна сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ, начало для Л.-Гв. Финляндскаго полка день послѣднихъ приготовленій къ бою, проведенный въ усиленныхъ хлопотахъ. Бивакъ полка въ Эски-Баркачѣ представлялъ собою дѣловую, полную жизни картину: приготовленія къ рѣшительному на завтра столкновенію съ противникомъ всецѣло захватили всѣхъ.

Въ 9 час. утра прибылъ на бивакъ полка Генералъ Гурко. Для встрѣчи его люди были выстроены съ ружьями, а г.г. офицеры собраны на правомъ флангѣ полка. Стройными рядами выстроился полкъ; царило полное гробовое молчаніе. Наконецъ показалось сумрачное и задумчивое чело храбраго Генерала; „при видѣ его невозмутимаго спокойствія,—пишетъ одинъ изъ офицеровъ полка, участникъ войны,—всѣ невольно какъ-то

воодушевились, все готово было ринуться въ бой по одному его слову; на его привѣтствіе раздалось громкое и дружное „ура", тысячи глазъ впились въ него".

Объѣхавъ каждый батальонъ отдѣльно и сказавъ нѣсколько одобрительныхъ словъ, Генералъ Гурко вызвалъ офицеровъ впередъ и въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ, объявилъ, что на завтра предполагается горячій бой, въ которомъ должны принять видное участіе войска Гвардейскаго корпуса; бой этотъ, по словамъ Генерала, долженъ былъ рѣшить участь Плевны,—этого важнѣйшаго въ тотъ моментъ пункта всей кампаніи, поэтому отъ исхода этого боя зависѣли дальнѣйшія операціи а съ ними и участь всей войны.

Къ нижнимъ чинамъ Генералъ-Адъютантъ Гурко обратился со слѣдующими словами: „Помните ребята, что вы Гвардія Русскаго Царя и что на васъ смотритъ весь крещеный міръ. Турки стрѣляютъ изъ далека и стрѣляютъ много; это ихъ дѣло, а вы, братцы, стрѣляйте, какъ васъ учили умною пулею, рѣдко да мѣтко, а когда дѣло дойдетъ до штыка, то продырявь турку. Нашего ура! врагъ не выноситъ. О васъ гвардейцахъ заботятся больше, чѣмъ объ остальной арміи, у васъ лучшія казармы, вы лучше одѣты, накормлены, обучены, вотъ вамъ минута доказать, что вы достойны этихъ заботъ".

Обращаясь затѣмъ къ офицерамъ Генералъ Гурко сказалъ:

„Господа, я обращаюсь къ вамъ и долженъ вамъ сказать, что люблю страстно военное дѣло. На мою долю выпала такая честь и такое счастіе, о которомъ я никогда не смѣлъ и мечтать: вести гвардію—это отборное войско—въ бой. Для военнаго человѣка не можетъ быть большаго счастія, какъ вести въ бой войско съ увѣренностію въ побѣдѣ, а гвардія, по своему составу, по обученію, можно сказать, лучшее войско въ мірѣ.

„Помните, господа, что вамъ придется вступить въ бой; что на васъ будетъ смотрѣть не только вся Россія, но весь свѣтъ; что отъ успѣховъ вашихъ зависитъ исходъ войны. Въ послѣднее время наше оружіе потерпѣло нѣсколько неудачъ и на васъ лежитъ священная обязанность возстановить славу его, славу временъ Екатерины, Румянцева и Суворова. Бой при правильномъ обученіи не представляетъ ничего особеннаго; это тоже, что ученіе съ боевыми патронами, только требуется еще большее спокойствіе, еще большій порядокъ. Влейте, если такъ можно сказать, въ солдата, что его священная обязанность беречь въ бою патронъ, а сухарь на бивакѣ и помните, что вы ведете въ бой русскаго солдата, который никогда отъ своего офицера не отставалъ. И такъ, господа, до свиданія подъ турецкими пулями" [1].

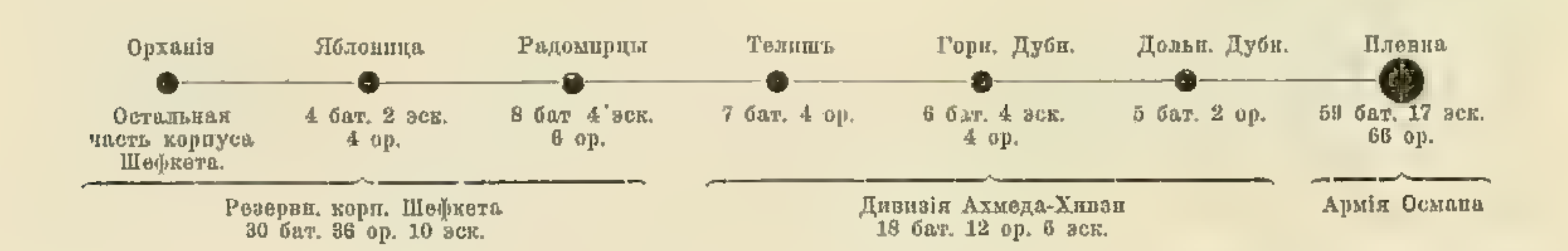
Только послѣ объѣзда Генерала Гурко, офицерамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка стали ясны и понятны какъ общее положеніе отряда, такъ и цѣль его дѣйствій, заключавшееся въ полномъ и непрерывномъ обложеніи Плевненской арміи; достигнуть поставленной цѣли предположено было взятіемъ Горнаго Дубняка, что и было возложено преимущественно на полки 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи [2].

Такимъ образомъ, важнѣйшая задача на важнѣйшемъ пунктѣ всего театра войны притомъ въ важнѣйшую минуту была поручена полкамъ 2-й Гвардейской дивизіи и въ числѣ ихъ Л.-Гв. Финляндскому полку. Задача была ими выполнена блестяще, побѣда была полная, хотя и дорого пришлось за нее заплатить.

Общее положеніе на западномъ нашемъ фронтѣ, т. е. подъ Плевной передъ Горно-Дубнякскимъ сраженіемъ было таково.

Самая Плевна была занята арміей Османа Паши численностью въ 59 батальоновъ и 17 эскадроновъ. Противъ этой арміи была расположена русско-румынская армія обложенія, дѣйствія которой клонились къ тому, чтобы окружить войска Османа-Паши и отрѣзать имъ путь отступленія на Софію черезъ Орханіэ, Радомирцы и Горный Дубнякъ. Три неудачныхъ штурма Плевненскаго укрѣпленнаго лагеря заставили прибѣгнуть къ обложенію его со всѣхъ сторонъ, для чего необходимо было прежде всего прервать коммуникаціонную линію Плевненской арміи съ Софіей, откуда получались и подкрѣпленія и продовольствіе. Ближайшій къ Плевнѣ участокъ Софійскаго шоссе, составлявшаго эту коммуникаціонную линію, былъ обезпеченъ длинною цѣпью укрѣпленій, находившихся одно отъ другого на разстояніи отъ 7 до 25 верстъ. Главнокомандующій Плевненской арміей Османъ-Паша, въ виду категорическаго приказанія, полученнаго имъ отъ султана—держаться во что бы то ни стало въ Плевнѣ, обратилъ все свое вниманіе на должное поддержаніе связи командуемой имъ арміи съ базой ея—городомъ Софіей. Поэтому, кромѣ устройства цѣлаго ряда сильныхъ укрѣпленій на Софійскомъ шоссе, онъ отрядилъ для прочнаго занятія важнѣйшаго участка его—отъ Плевны до Орханіэ, дивизію Ахмета-Хивзи-Паши, резервный корпусъ Шевкета-Паши, а на остальной участокъ до Софіи—дивизію Изета-Паши.

Эти три отряда заняли всѣ наиболѣе важные пункты отъ Плевны до Софіи и устроили на нихъ необходимыя укрѣпленія. Въ концѣ сентября мѣсяца начались постройки укрѣпленій на слѣдующихъ пунктахъ: Дольнемъ Дубнякѣ, отстоявшемъ отъ Плевны на разстояніи 14-ти верстъ, Горномъ Дубнякѣ, Телишѣ, Радомирцахъ, Яблоницѣ и Орханіэ, отстоявшихъ послѣдовательно одинъ отъ другого на разстояніяхъ 7, 9, 10, 25 и 25 верстъ. Образовавшаяся такимъ образомъ цѣпь укрѣпленій, весьма быстро и искусно воздвигнутыхъ, была занята со стороны Плевны вплоть до Телиша—дивизіей Ахмета-Хивзи-Паши, со стороны Орханіэ до Радомирцы—корпусомъ Шефкета. Въ каждый изъ укрѣпленныхъ пунктовъ назначенъ былъ гарнизонъ, силою отъ 4 до 8 батальоновъ при соотвѣтствующемъ числѣ эскадроновъ и орудій. Въ Софіи же и дальше вглубь Балканскаго полуострова были расположены значительныя войсковыя части изъ числа турецкихъ резервовъ.

Такъ создалась весьма сильная цѣпь почти непрерывныхъ укрѣпленій, находившихся, по близкимъ между собою разстояніямъ, въ постоянной связи, и потому представлявшая собою какъ бы одну позицію; эту позицію и надо было разрѣзать на двѣ части.

10-го Октября Генералъ Гурко получилъ отъ Генералъ-Лейтенанта Тотлебена, по-

мощника Принца Карла Румынскаго, командовавшаго войсками обложившими Плевну, слѣдующее предписаніе [3]:

„Вашему превосходительству извѣстно, что до сего времени армія Османа-паши, занимающая Плевну и окрестности, не могла быть обложена нами настолько, чтобы прорвать ея сообщенія съ Софіей. Для болѣе полнаго и непрерывнаго обложенія непріятельской арміи приказано: 1—занять нашими войсками шоссе изъ Софіи въ Плевну и пространство на лѣвомъ берегу р. Вида. 2—Для обезпеченія сообщеній нашихъ войскъ и связи ихъ съ тѣми, которыя расположены къ востоку и югу отъ Плевны,—занять Плевно-Ловченское шоссе...

„Его Высочество (пр. Карлъ) начальникъ отряда приказать изволилъ:

а) Возложить на ваше превосходительство занятіе 12-го октября шоссе изъ Софіи въ Плевну и пространство за лѣвымъ берегомъ р. Видъ, для чего назначить въ ваше распоряженіе, кромѣ кавалеріи, дѣйствующей въ настоящее время по обоимъ берегамъ р. Вида, еще слѣдующія войска: 1-ю и 2-ю гв. пѣх. дивизіи, лейбъ гвардіи стрѣлковую бригаду, лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ съ одною батареею 3-й гвард. артиллерійской бригады, расположенные въ Медованѣ, лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ и 8 батальоновъ румынскихъ войскъ, въ томъ числѣ батальонъ, расположенный въ дер. Демиркюй.

б) По занятіи и укрѣпленіи вами позицій на Софійскомъ шоссе, или въ сторонѣ отъ него, по вашему усмотрѣнію принять мѣры къ воспрепятствованію непріятелю получать подкрѣпленія, продовольственные и боевые припасы по дорогамъ къ западу отъ р. Искера, изъ Виддина и Рахова, а также къ отступленію за р. Искеръ и къ Виддину".

Занятіе Плевно-Ловчинскаго шоссе, какъ указывало предписаніе Генералъ-Адъютанта Тотлебена, было поручено Генералъ-Адъютанту Зотову, для чего въ распоряженіе его было назначено около трехъ пѣхотныхъ дивизій.

Генералъ Гурко тщательно подготовлялъ порученную ему операцію, неоднократно производя рекогносцировки самъ лично, а также пользуясь всѣми средствами для добыванія свѣдѣній о противникѣ, расположенномъ на линіи Плевна-Орханіэ.

Изъ всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ этой линіи, Генералъ Гурко избралъ для атаки Горный Дубнякъ; выборъ этотъ былъ обусловленъ тѣмъ, что по центральному своему мѣстоположенію Горный Дубнякъ былъ наиболѣе удаленъ отъ Плевны и Орханіэ, гдѣ стояли самыя сильныя группы турецкой арміи, а также и потому, что по топографическимъ условіямъ этотъ пунктъ было легче всего изолировать, выставивъ особые заслоны къ сторонѣ укрѣпленій Дольняго Дубняка и Телиша.

Въ диспозиціи на 12-ое октября [4] общая цѣль отряду Генерала Гурко была выражена такъ: „завтра, 12-го октября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда перейти на Плевно-Софійское шоссе съ цѣлью занять позицію у Горнаго Дубняка, укрѣпиться на ней и тѣмъ сомкнуть блокаду непріятельскихъ войскъ, собранныхъ въ Плевнѣ".

Для исполненія этого, войска означеннаго отряда были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: полки 1-ой бригады 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи должны были атаковать Горный Дубнякъ отъ Чирикова, т. е. съ южной стороны; полки 2-ой бригады тойже дивизіи—отъ Телиша, т. е. преимущественно съ западной стороны; гвардейская стрѣлковая бригада—отъ Плевны, т. е. съ восточной стороны; первые три полка 1-ой гвар-

Переходъ Л.-Гв. Финляндскаго полка черезъ рѣку Видъ, у Чирикова въ ночь передъ сраженіемъ у Горнаго Дубняка 12-го Октября 1877 года.

дейской пѣхотной дивизіи, стоя между Чириковымъ и Крушевицой, составляли какъ бы отдѣльный отрядъ, имѣвшій назначеніемъ служить заслономъ на случай выхода турокъ изъ Плевны; 4-му полку той-же дивизіи вмѣстѣ съ частью кавалеріи демонстративно атаковать Телишъ, чтобы предупредить возможное наступленіе турокъ въ тылъ полковъ 2-ой бригады 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи; прочимъ кавалерійскимъ частямъ прикрывать со стороны Плевны и Дольняго Дубняка войска, атакующія Горный Дубнякъ.

Согласно особаго приказа на 12-е октября [5], всѣ войска гвардіи и кавалерія западнаго отряда должны были, выступивъ съ бивака на разсвѣтѣ 12-го числа, приблизиться къ пунктамъ на лѣвомъ берегу р. Видъ, съ которыхъ они могли уже начать свое наступленіе въ день сраженія; при этомъ 2-й бригадѣ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи съ 2-мя батареями Л.-Гв. 2-ой артиллерійской бригады надлежало начать движеніе въ 1 ч. 30 м. ночи, и, слѣдуя непосредственно за Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ, расположиться въ лощинѣ, ведущей къ Телишу, верстахъ въ $2^1/_2$ пройдя д. Свинаръ.

Для содѣйствія операціи противъ Горнаго Дубняка, остальныя силы русско-румынской арміи обложенія должны были привлечь на себя вниманіе Плевнинскаго гарнизона усиленнымъ бомбардированіемъ его и помѣшать ему выйти на помощь Горному Дубняку.

Хотя офицерамъ отряда Генерала Гурко и стала извѣстна цѣль и назначеніе ихъ отряда, а также и общая обстановка, но о мѣстности, на которой имъ предстояло дѣйствовать, они не имѣли почти никакого представленія. Кроки приложенные къ диспозиціи „не давали никакого понятія какъ о самомъ укрѣпленіи, такъ и о мѣстности"—говорятъ записки одного изъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка [6].

Другой участникъ сраженія пишетъ [7]:

„Передъ боемъ были розданы сражающимся подробныя карты мѣста, на которомъ суждено было положить многимъ жизнь свою. Карта эта... была такова: поставлена точка и написано „Горній Дубнякъ"; затѣмъ, правильными концентрическими кругами и притомъ пунктиромъ, обозначены гаризонталями мѣста на пять верстъ (радіусъ крайняго круга). Подъ этимъ краснорѣчивымъ планомъ подписано: „Гдѣ стоитъ пунктиръ, тамъ съемка сдѣлана приблизительно, издали". По этому плану было очевидно, что Дубнякъ лежитъ на правильной конусообразной горѣ, сторона которой пять верстъ. Между тѣмъ извѣстно, что Горній Дубнякъ лежитъ на возвышенности, окруженной оврагами и обрывами".

Произведенный наканунѣ, 11-го октября, осмотръ * непріятельскихъ позицій Генераломъ Гурко съ начальниками отдѣльныхъ частей Гвардіи, для лучшаго ознакомленія съ мѣстностью, не принесъ пользы, такъ какъ сильный огонь турокъ препятствовалъ этимъ лицамъ подъѣхать ближе къ турецкимъ укрѣпленіямъ.

„Весь день 11-го октября,—пишетъ участникъ похода,—прошелъ въ страшныхъ хлопотахъ". Дѣлались послѣднія приготовленія къ предстоявшему бою. Замѣна колеснаго обоза вьючнымъ вызвала много работы: вьючныхъ сѣделъ не имѣлось и пришлось ихъ мастерить. Затѣмъ полкъ долженъ былъ принять 400 штукъ шанцеваго инстру-

---

* Въ этой рекогносцировкѣ участвовало и нѣсколько офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

мента (300 лопатъ 50 кирокъ и 50 мотыгъ) и распредѣлить ихъ поровну между батальонами; принятый инструментъ былъ хорошъ, но пригонка его для носки людьми была не удовлетворительна. Послѣдовало также приказаніе изготовить полку 500 штукъ фашинъ, предназначавшихся для забрасыванія рва турецкаго редута и рвовъ и канавъ на пути слѣдованія артиллеріи; люди должны были при наступленіи нести эти фашины на себѣ, что при остальномъ полномъ снаряженіи составило по крайней мѣрѣ $4^1/_2$ пуда на человѣка и потому сильно утомило всѣхъ людей 2-го батальона, несшихъ эти фашины. Затѣмъ, сформировали взводъ слабосильныхъ для прикрытія вагенбурга, составленнаго изъ обозовъ всѣхъ полковъ. Обозу этому назначено было сосредоточиться къ 12 октября на развѣтвленіи дорогъ Раліево-Бегминской и Раліево-Ени-Баркачской. Всѣмъ нижнимъ чинамъ приказано было сварить по 3 ф. мяса; изъ нихъ $1^1/_2$ фунта выданы были людямъ на день сраженія; вечернюю варку надлежало окончить въ 4 часа. Приняты были также и всѣ мѣры чтобы своевременно открыть передовые перевязочные пункты къ началу сраженія [8].

Къ тому времени, т. е. къ моменту готовности полка вступить въ сраженіе подъ Горнымъ Дубнякомъ, составъ его былъ слѣдующій: генералъ—1, полковниковъ—6, оберъ-офицеровъ—54 *, врачей—4, чиновниковъ—2; нижнихъ чиновъ: унтеръ-офицеровъ—431, музыкантовъ—117, рядовыхъ—2.622 и нестроевыхъ—100, итого—3.270 человѣкъ.

Состояніе духа офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка передъ боемъ было напряженное. „Настроеніе среди нашего общества весь день 11-ое октября,—пишетъ офицеръ полка,—по крайней мѣрѣ, судя по наружному, ничѣмъ не отличалось отъ настроенія во время всего похода; всѣ мы шутили, смѣялись, острили и т. д., за то внутренно у многихъ щемило сердце и у многихъ навязывалась мысль, „а что будетъ завтра въ эту пору“.... если всякій изъ насъ тогда тщательно скрывалъ отъ другихъ товарищей свои думы и мысли, то это слѣдуетъ разумѣется объяснить гордостью и самолюбіемъ каждаго изъ насъ...

„Солдаты были серьезнѣе обыкновеннаго,—говорится далѣе въ запискѣ,—причемъ постоянно разспрашивали насъ офицеровъ о планахъ и предположеніяхъ на завтрашній день; но, несмотря на общую сдержанность, находилось много весельчаковъ, которые острили не умолкая, вызывая по временамъ взрывъ хохота цѣлой роты.“

Другой участникъ похода пишетъ, что чувствовалось приближеніе важной минуты. „Кровавый бой 12-го октября какъ бы чувствовался въ воздухѣ,—говоритъ онъ въ своей запискѣ,—[9] „Близкая опасность невольно заставляла сосредоточиться въ себѣ, перенестись мечтою на родную землю, вспомнить всѣхъ дорогихъ и близкихъ къ сердцу. И невольно вырывался возгласъ: „Господи! вскуе мя оставилъ еси!“

„Среди массы людей каждый чувствовалъ себя одинокимъ беззащитнымъ, жертвой наканунѣ казни; какое-то убійственное благоговѣніе передъ рокомъ выражалось на лицахъ всѣхъ!“...

„Среди солдатъ не были слышны ни пѣсни, ни прибаутки, ни остроты; среди нихъ

* Въ это число не вошли Штабсъ-Капитанъ Гернетъ, бывшій при дивизіонномъ лазаретѣ, Штабсъ-Капитанъ Акцыновъ—при обозѣ въ Ралевѣ и Подпоручикъ Пуликовскій—съ хлѣбопеками въ Боготѣ.

ШТУРМЪ ГОРНАГО ДУБНЯКА 12го Октября 1877 года въ 12ч дня.
(Видъ со стороны Дольняго Дубняка.)

ЛИТ. Х Е В. ПРОФ. А.ШАРЛЕМАНЬ 1880

СЪ РИСУНКА СНЯТАГО СЪ НАТУРЫ ВЪ ПОЛЕВОМЪ ДНЕВНИКѢ
БАРОНА Н КАУЛЬБАРСА

Лит А Беггрова

Тип Р ГОЛИКЕ и А ВИЛЬБОРГЪ

замѣтна была сосредоточенность и серьезность, они приготовлялись къ чему то рѣшительному, переодѣвали бѣлье, писали письма домой, вечеромъ многіе молились".

Показаніе третьяго участника похода одного, изъ нижнихъ чиновъ полка,—вольноопредѣляющагося (впослѣдствіи офицера полка) А. Нагеля,—останавливаются на полной неосвѣдомленности солдатъ о предстоявшемъ дѣлѣ. „До послѣдней минуты,—говорится въ его дневникѣ [10],—ни я, ни остальные нижніе чины не знали гдѣ будетъ дѣло, и, несмотря на мое сожительство съ офицерами, я не могъ узнать, сколько противъ насъ войскъ, въ чемъ состоитъ наша задача и т. д.

Вечеромъ прибылъ къ полку Поручикъ Кахановъ, находившійся въ Кавказскомъ дѣйствующемъ корпусѣ и привезшій изъ Петербурга письма, посылки и новости отъ родныхъ и знакомыхъ. Это чрезвычайно оживило бивакъ, извѣстія отъ близкихъ въ минуты предшествовавшія бою были особенно дороги...

„Чтобы какъ можно менѣе думать о предстоящемъ дѣлѣ и его послѣдствіяхъ, большинство изъ насъ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ участвовавшихъ въ походѣ,—не писало даже въ этотъ день писемъ на родину. Василій Николаевичъ Лавровъ также скрывалъ свои мрачныя предчувствія и никто изъ насъ, глядя на него, не могъ даже подозрѣвать, что онъ писалъ вечеромъ этого дня у себя въ палаткѣ письмо къ женѣ, плакалъ и былъ ужасно разстроенъ; впослѣдствіи этотъ фактъ обнаружился изъ разсказовъ полковаго адъютанта Дорогаго, который, зайдя къ нему въ палатку, сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ этой сцены".

Послѣ 3-хъ часовъ дня получены были въ полку два приказа по войскамъ гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда на 12-е Октября, а вечеромъ прислана была и диспозиція. Въ одномъ изъ приказовъ объяснялась цѣль, предстоящихъ гвардіи дѣйствій, въ другомъ указывались всѣ распоряженія о ночномъ движеніи съ бивака къ пунктамъ сосредоточенія колоннъ передъ началомъ ихъ наступленія на Горный Дубнякъ. Въ первомъ изъ этихъ приказовъ Генералъ-Адъютантъ Гурко писалъ слѣдующее:

„Войска ввѣреннаго мнѣ отряда!

„Завтра, 12-го Октября, вы перейдете на Плевно-Софійскую дорогу съ цѣлью запереть турецкія войска въ Плевнѣ и не дать выйти оттуда ни одному турку. Царь и Россія надѣются на васъ и увѣрены, что вы съ честью и славою исполните возложенную на васъ задачу. Уповая на Бога и полагаясь на вашу доблесть, Я увѣренъ, что мы не посрамимся и оправдаемъ надежды на насъ возлагаемыя. Докажите всему міру, что духъ Суворовскихъ и Румянцевскихъ войскъ въ васъ не умеръ, что вы такіе-же богатыри, какими были наши предки, и что турокъ передъ вами побѣжитъ также, какъ онъ бѣгалъ передъ Суворовскими и Румянцевскими чудо-богатырями.

„И такъ съ Богомъ впередъ! Потрудимся за Царя и матушку Святую Русь" [11]!

Такъ какъ выступленіе было назначено около часу по-полуночи и такимъ образомъ предстояла безсонная ночь, то большинство офицеровъ, около 8-ми часовъ вечера, разошлось по палаткамъ, чтобы прилечь, немного отдохнуть и набраться силъ, но никому заснуть не удалось.

Согласно общей диспозиціи на 12-е Октября, полкъ входилъ въ составъ лѣвой ко-

лонны, имѣвшей назначеніе атаковать редутъ Горнаго Дубняка съ западной стороны. Колонна эта состояла изъ полковъ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго и Финляндскаго при 3-й и 4-й батареяхъ Л.-Гв. 2-ой Артиллерійской бригады. Начальствованіе надъ этой колонной ввѣрено было Свиты Его Величества Генералъ-Маіору Розенбаху.

Для предстоявшей атаки командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка Генералъ-Маіоръ Лавровъ имѣлъ въ виду выдвинуть въ боевую часть 1-й и 4-й батальоны, оставивъ 3-й въ резервѣ, а 2-й батальонъ, за выдѣленіемъ изъ него одной роты для прикрытія знаменъ и перевязочнаго пункта, назначилъ въ общій бригадный резервъ, въ составъ котораго входилъ еще одинъ батальонъ Л.-Гв. Павловскаго полка. Согласно этому и были распредѣлены части полка при ночномъ движеніи его съ бивака къ Горному Дубняку.

Во исполненіе диспозиціи, въ 12½ часовъ ночи полкъ выступилъ съ бивака и пошелъ по направленію къ деревнѣ Чириково. Порядокъ на походѣ былъ слѣдующій: 4-й батальонъ, 4-я батарея, 1-й батальонъ, 3-й батальонъ, 2-й батальонъ съ фашинами и санитарный обозъ. Всѣ батальоны шли въ двухъ-взводныхъ колоннахъ изъ середины. На походѣ старались сохранить полную тишину. Ночь была чрезвычайно холодна и темна [12]. По одному пути съ Финляндцами двигался (до Чирикова только) Л.-Гв. Егерскій полкъ, направляясь къ Телишу.

Одновременно съ движеніемъ колонны Генерала Розенбаха направилась къ Горному Дубняку средняя колонна Генерала Барона Зедделера, состоявшая изъ 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и нѣкоторыхъ приданныхъ къ ней частей; въ то же время двинулась и правая колонна подъ начальствомъ Свиты Его Величества Генералъ-Маіора Эллиса I-го, въ составѣ гвардейской Стрѣлковой бригады съ двумя эскадронами Конвоя Его Величества и нѣкоторыми другими частями.

Движеніе къ деревнѣ Чириково, сначала въ полной темнотѣ, а потомъ, съ 3½ часовъ ночи, при лунномъ свѣтѣ, было весьма утомительно; батальонамъ приходилось то нагонять ускореннымъ шагомъ головную часть, то топтаться на мѣстѣ. Нервное напряженіе, въ которомъ находились и солдаты и офицеры, безсонная ночь, утомленіе отъ работъ предшествовавшаго дня сказывались весьма сильно; поэтому разстояніе въ 8 верстъ, пройденное полкомъ до деревни Чириково, показалось много больше и утомленіе людей было значительное. Одинъ изъ офицеровъ говоритъ: „я дошелъ до того, что спалъ на ходу, располагаясь въ серединѣ ротной колонны и идя по инерціи; такой сонъ я испытывалъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни". Особенно тяжело было людямъ 2-го батальона, несшимъ фашины.

Ночной маршъ совершался въ полнѣйшей тишинѣ—раздавалось только унылое бряцаніе ранцевыхъ котелковъ.

Дойдя до деревни Чириково, лежащей у самой рѣки Видъ, полкъ былъ остановленъ въ ожиданіи окончанія переправы Л.-Гв. Егерскаго полка и гвардейской Стрѣлковой бригады.

Рѣка Видъ, протекающая въ глубокой лощинѣ, раздѣляется у Чирикова на два мелкихъ рукава, въ которыхъ глубина воды не доходила и до колѣнъ *; почему то егерей

* Теченіе Вида въ этомъ мѣстѣ было быстрое, почему для обезпеченія переправы въ бродъ, выше нея выставлена была цѣпь казаковъ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ 12 Октября 1877 года.

и стрѣлковъ объ этомъ не увѣдомили и имъ пришлось дважды переобуваться, что, конечно, заняло много времени.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ долженъ былъ поэтому ожидать очереди своей переправы довольно долго. Ночной холодъ при расположеніи на мѣстѣ особенно сильно давалъ себя чувствовать вблизи рѣки. Нижніе чины, бывшіе, согласно приказа по полку, въ однихъ мундирахъ сильно продрогли; такъ какъ мѣсто переправы находилось въ глубокой лощинѣ, совершенно укрытой отъ взоровъ противника, то разрѣшено было развести костры, позволившіе людямъ хоть нѣсколько обогрѣться.

Для наверстанія потеряннаго времени, колоннѣ Генерала Розенбаха приказано было переправляться не снимая сапогъ, немедленно за егерями и стрѣлками.

Когда часть полка переправилась и начала втягиваться въ деревню Чириково, головныя роты его были встрѣчены начальникомъ дивизіи Генералъ-Адъютантомъ графомъ Шуваловымъ, который съ очень озабоченнымъ видомъ торопилъ людей, а когда весь полкъ вошелъ въ деревню, то онъ поѣхалъ съ Генераломъ Розенбахомъ впереди полка.

Между $5^3/_4$—6 часами утра, полкъ собрался у выхода изъ деревни и могъ слѣдовать дальше; тутъ его задержала артиллерія, съ трудомъ преодолѣвавшая крутые спуски и подъемы, встрѣчавшіеся по дорогѣ. Пришлось снова ждать дальнѣйшаго движенія въ деревнѣ Чириково, въ которой въ то время не было никакаго признака жизни [13].

Отъ Чирикова полкъ двинулся къ деревнѣ Свинаръ; но, пройдя около ½ версты, онъ снова былъ остановленъ въ Свинарской балкѣ. Остановка эта, продлившаяся довольно долго, вызвана была шедшей съ Лейбъ-Егерями, артиллеріей, которая вынуждена была ожидать пока забросаютъ фашинами глубокій оврагъ преграждавшій ей дальнѣйшій путь.

Эти непредвидѣнныя задержки побудили Генерала Розенбаха, опасавшагося, чтобы средняя колонна не ввязалась въ бой отдѣльно, просить особой запиской Генерала Зедделера немного обождать; Генералу же Гурко онъ послалъ донесеніе о происшедшемъ.

Невольной остановкой полкъ воспользовался для того, чтобы стянуть свою коллонну, привести роты въ порядокъ и выдѣлить носильщиковъ, которые, по выходѣ изъ строя, составили отдѣльную команду, получившую приказаніе слѣдовать за полкомъ. Вслѣдствіи сильнаго изнуренія людей 2-го батальона отъ непомѣрной тяжести фашинъ, ротные командиры этого батальона обратились съ просьбой къ батальонному командиру, чтобы онъ послалъ своего адъютанта просить командира полка о разрѣшеніи бросить фашины; адъютантъ поѣхалъ и вскорѣ сообщилъ, что командиръ полка не только не разрѣшилъ просимое, но и выразилъ свое недовольство.

Остановка полка въ Свинарской балкѣ произошла на разсвѣтѣ. Отъ земли подымался легкій паръ, серебристыя росинки, покрывавшія пожелтѣвшую траву, заискрились, слабые лучи солнца освѣтили вершины деревьевъ; природа какъ будто бы нарочно появилась въ послѣдній разъ въ самой разукрашенной одеждѣ передъ людьми идущими на смерть и желаніе жизни охватило ихъ съ особой силой. „Хотѣлось жить, дышать этимъ чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, совсѣмъ забыться и отвернуться отъ предстоящей ужасающей катастрофы,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ офицеровъ полка [14],—но долгъ и совѣсть преслѣдовали неотступно и вызывали на крайнюю жертву“.

Время разсвѣта было весьма удобно для выбора первой боевой позиціи, которую надлежало занять Финляндцамъ и Павловцамъ съ находившейся при нихъ артиллеріею. Вслѣдствіи этого, Генералъ Розенбахъ поручилъ выборъ позиціи, состоявшему при колоннѣ, Генеральнаго Штаба Капитану Афанасовичу.

Между тѣмъ, полки колонны Генерала Розенбаха, перестроившись въ резервный порядокъ, двинулись впередъ такъ, чтобы войти своимъ лѣвымъ флангомъ на Софійское шоссе, приблизительно въ 2—$2^1/_2$ верстахъ къ западу отъ Горнаго Дубняка, откуда уже они должны были атаковать противника. Движеніе это совершалось пѣхотой безъ дорогъ, по мѣстности довольно всхолмленной и пересѣченной широкими и глубокими канавами; артиллерія же отдѣлилась отъ общей колонны и, совершая небольшой обходъ, продолжала свой путь по дорогѣ [15].

Около 8-ми часовъ утра Л.-Гв. Финляндскій полкъ вышелъ на Софійское шоссе и тѣмъ кончилъ подходъ къ своей первой позиціи, откуда ему предстояло начать атаку Горно-Дубнякскаго редута. Л.-Гв. Павловскій полкъ при этомъ всталъ правѣе Финляндцевъ.

Прочія части отряда Генерала Гурко, предназначенныя для атаки Горнаго Дубняка, уже занимали въ это время свои первоначальныя позиціи, окруживъ редутъ со всѣхъ сторонъ, на разстояніи отъ одной до двухъ съ половиною верстъ: передовыя же части средней колонны, выдвинувшись ближе другихъ къ редутамъ, уже привлекли на себя значительный огонь турокъ и, быстро наступая впередъ, сами открыли сильный огонь. Такимъ образомъ, средняя колонна первая вступила въ бой.

Когда Л.-Гв. Финляндскій полкъ вышелъ на шоссе, онъ очутился между двумя укрѣпленными пунктами противника между Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, причемъ во время дальнѣйшаго его наступленія Телишъ находился въ тылу боевого порядка Финляндцевъ. Лейбъ-Егеря, получившіе по диспозиціи на 12-ое октября назначеніе атаковать Телишъ, тѣмъ самымъ прикрывали тылъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

При вступленіи на линію Горный Дубнякъ—Телишъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ уже на Горно-Дубнякскомъ плато, но редутовъ Горнаго Дубняка еще не было видно.

Укрѣпленная позиція турокъ у деревни Горный Дубнякъ расположена была на обширномъ, нѣсколько возвышенномъ плато, по которому въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку пролегало Софійско—Плевненское шоссе.

Плато это, въ серединѣ котораго находились редуты, тянулось въ восточномъ направленіи къ сторонѣ Плевны на нѣсколько верстъ, при чемъ на пространствѣ четырехъ верстъ отъ непріятельской позиціи мѣстность была до того ровна, что представляла собою какъ бы громадный исскуственный гласисъ съ весьма незначительнымъ уклономъ; на всемъ его протяженіи не было ни единаго кусточка или камушка, за которымъ можно было бы найти укрытіе, и только верстахъ въ трехъ восточнѣе редутовъ и въ 50-ти саженяхъ къ сѣверу отъ шоссе уединенно стоялъ небольшой холмикъ. По этой мѣстности надлежало наступать войскамъ правой колонны.

Въ направленіи къ югу отъ редутовъ, т. е. къ рѣкѣ Видъ, Горно-Дубнякское плато имѣетъ весьма слабый склонъ и въ общемъ мѣстность тамъ была тоже весьма ровная, но покрытая невысокимъ лѣскомъ.

Къ сѣверу отъ укрѣпленій та же гладкая мѣстность понижалась довольно замѣтнымъ уклономъ къ сторонѣ Дольняго Дубняка; здѣсь протекала въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ рѣка Дубничка въ довольно пологихъ берегахъ и широкой, но не глубокой лощинѣ.

На западъ, къ сторонѣ Телиша, плато прорѣзывалось небольшимъ притокомъ Дубнички, который, направляясь съ юга на сѣверъ по глубокой лощинѣ, составлялъ рѣзкую грань Горно-Дубнякскаго плато къ западу отъ редута. Правый берегъ лощины притока Дубнички командовалъ лѣвымъ и былъ довольно крутъ. На этомъ то командующемъ берегу, саженяхъ въ 150-ти отъ его окраины, къ юго-западу отъ деревни Горный Дубнякъ, турки возвели два редута, составлявшіе предметъ атаки русской гвардіи въ день 12-го октября. Передъ фасами редутовъ были расположены ложементы въ два-три ряда.

Редутъ къ сѣверу отъ шоссе [16], получившій названіе „Большого редута", имѣлъ форму трапеціи и былъ весьма солидныхъ размѣровъ; брустверъ его почти не выдавался изъ за горизонта, но имѣлъ значительную толщину, а ровъ большую глубину и ширину. На фасахъ его стояло три орудія, и сверхъ того еще одно по срединѣ редута, на высокомъ кавальерѣ. Глядя на турецкую позицію съ поля, съ разстоянія даже 2,000 шаговъ, видѣнъ былъ только этотъ кавальеръ; фасы же редута, по малому своему командованію надъ горизонтомъ, совершенно скрадывались мѣстностью. Въ этомъ отношеніи расположеніе редута было чрезвычайно искуссно примѣнено къ мѣстности; его размѣры и направленіе фасовъ обнаружились только тогда, когда гарнизонъ открылъ свою бѣшеную ружейную стрѣльбу. Редутъ очевидно имѣлъ двойное назначеніе: служить укрѣпленнымъ этапомъ на Софійско-Плевненскомъ шоссе подобно Телишу, Яблоницамъ и игралъ роль опорнаго пункта арьергардной позиціи, въ случаѣ отступленія Плевненскаго гарнизона къ Софіи; поэтому главные фасы имѣли направленіе къ р. Видъ, Плевнѣ и д. Горный Дубнякъ, а горжа редута была обращена къ западу, т. е. притоку р. Дубнички. Но эта горжа также замыкалась сильнымъ брустверомъ, въ которомъ оставлены были выходы; кромѣ того, въ разстояніи 200 шаговъ впереди горжи, расположенъ былъ рядъ ложементовъ. Большой редутъ составлялъ центръ и ключъ позиціи; слѣва, т. е. съ сѣвера, примыкалъ къ нему, въ видѣ крыла, большой ложементъ формы тупаго исходящаго угла; на крайней оконечности лѣваго фланга его, почти въ углу образуемомъ р. Дубничкою и ея притокомъ, выстроенъ небольшой люнетъ. Мѣстность къ сѣверу и отчасти востоку отъ этого люнета обстрѣливалась такимъ ужаснымъ огнемъ, что названа была: „Чертово пространство". „Малый редутъ" расположенъ былъ южнѣе шоссе въ разстояніи 35—40 саженъ отъ него. Онъ былъ меньшихъ размѣровъ, на двѣ-три роты, но брустверъ его, вслѣдствіе ската мѣстности, имѣлъ значительное командованіе. Почти совершенно открытая горжа обращена была къ шоссе, что давало возможность сильно обстрѣливать все внутреннее пространство Малаго редута съ фасовъ Главнаго редута. Подступы съ юга, откуда впослѣдствіи вели атаку Лейбъ-Гренадеры, были покрыты кустами, которые впрочемъ въ раіонѣ 300 шаговъ вокругъ Малаго редута были совершенно срублены и дали туркамъ отличный обстрѣлъ.

Между Большимъ и Малымъ редутами близъ шоссе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно начи-

наетъ круто спускаться въ лощину притока рѣки Дубнички, стоялъ небольшой домикъ— караулка. Эта караулка повидимому служила складочнымъ мѣстомъ для припасовъ, такъ какъ послѣ штурма, наши войска нашли здѣсь мѣшки съ рисомъ, крупою, мукою и полные ящики патроновъ.

Турецкія войска, занимавшія Горно-Дубнякскую позицію, размѣщались главнымъ образомъ внутри самыхъ укрѣпленій, въ весьма прочно и хорошо устроенныхъ землянкахъ, расположенныхъ параллельно и непосредственно за фасами. Кромѣ того виднѣлись палатки за горжею Большого редута, именно: въ двухъ овражистыхъ и извилистыхъ лощинкахъ, или вѣрнѣе промоинахъ, спускающихся къ притоку р. Дубнички было нѣсколько шалашей; наконецъ, на сѣверномъ берегу р. Дубнички, близъ впаденія въ нее притока, стоялъ отдѣльный небольшой лагерь, какъ кажется кавалерійскій.

Въ подробностяхъ, мѣстность, по которой приходилось наступать Л.-Гв. Финляндскому полку, представляла собою слѣдующее.

Верстахъ въ двухъ къ западу отъ редутовъ, т. е. тамъ, гдѣ полкъ пересѣкъ Софійское шоссе, простиралась довольно обширная, открытая равнина, засѣянная высокой кукурузой. Далѣе, приближаясь верстахъ въ полутора отъ редутовъ, уже въ раіонѣ дѣйствительнаго артиллерійскаго огня турокъ, находилась весьма пологая лощина, вѣрнѣе складка, которая прикрывала наступающаго, если не совсѣмъ, то въ достаточной мѣрѣ, отъ огня изъ редутовъ.

За лощиной мѣстность нѣсколько поднималась; тамъ росъ рѣдкій молодой дубовый лѣсъ, густо заросшій дубовымъ же кустарникомъ. Однако этотъ лѣсъ находился въ сферѣ сильнѣйшаго ружейнаго огня изъ за валовъ редута, такъ что вся площадь его не давала никакого укрытія отъ турецкихъ пуль; его красно-бурая листва, какъ бы указывала своимъ цвѣтомъ, что, начиная отсюда, полкъ будетъ нести громадныя потери и прольетъ много дорогой крови.

Въ тысячѣ слишкомъ шагахъ отъ позиціи противника, начиналась вырубленная часть лѣса, представлявшая собою зеленую поляну совершенно открытую дѣйствію огня защитниковъ укрѣпленій. Наступавшія по этой полянѣ люди были видны изъ редутовъ какъ на ладони; во время боя смерть косила здѣсь людей цѣлыми рядами, почему названіе „поляна смерти", данное этой мѣстности участниками сраженія, вполнѣ ей соотвѣтствовало. Нѣсколько болѣе толстыхъ деревьевъ, умышленно оставленныхъ турками при вырубкѣ этой части лѣса, казалось, могли дать хоть нѣкоторое укрытіе отъ града пуль; на дѣлѣ же наши солдаты, искавшіе за ними минутнаго убѣжища, становились наиболѣе вѣрными жертвами смерти, такъ какъ турки заблаговременно измѣрили разстояніе до этихъ деревьевъ.

За „поляной смерти" слѣдовала глубокая лощина притока рѣки Дубнички, лежавшая въ мертвомъ пространствѣ; тутъ можно было укрыться не только отъ выстрѣловъ, но и отъ взоровъ противника. Правый берегъ этой лощины, ближайшій къ редутамъ, имѣлъ значительную крутизну и подняться на этотъ берегъ было довольно затруднительно. За лощиной находилась довольно высокая равнина, слегка возвышающаяся по направленію къ редутамъ, шириною отъ края лощины до редутовъ шаговъ въ 400-500. Вытоптанная турками, выжженная солнцемъ и огнями бивачныхъ костровъ, равнина эта лишена была всякой раститель-

Геройская смерть командира Финляндцевъ Генерала Лаврова въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ.

(Съ картины Н. Бунина. Офицерское собраніе полка).

ности; унылая, грязно-желтая съ черными слѣдами турецкихъ костровъ, она, за исключеніемъ нѣсколькихъ ложементовъ, вырытыхъ турками для аванпостныхъ цѣпей, не имѣла никакихъ закрытій, обстрѣливалась съ редутовъ великолѣпно, почему и служила какъ бы эспланадой передъ ними; не только движеніе по ней, но даже подъемъ изъ лощины дѣлали каждаго наступавшаго тутъ неминуемой жертвой огня изъ редутовъ и только случайное счастье давало возможность атакующему избѣжать здѣсь смерти.

Такимъ образомъ мѣстность по которой пришлось Л.-Гв. Финляндскому полку вести атаку Горно-Дубнякскихъ редутовъ представляла слѣдующіе рубежи: лощину-складку за лѣскомъ, лѣсъ съ кустарникомъ, зеленую поляну вырубленнаго лѣса рѣки Дубнички и послѣднія 500 шаговъ до редута—эспланаду. Въ общемъ описанная мѣстность была крайне неблагопріятна для наступленія; подъемъ же изъ лощины на эспланаду и движеніе по этой послѣдней подъ огнемъ противника составляли истинный подвигъ, достойный самаго высокаго героизма.

Приближаясь къ шоссе, головной батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка сталъ перестраиваться въ строй по-ротно въ двѣ линіи и затѣмъ, миновавъ шоссе, зашелъ лѣвымъ плечомъ впередъ, чтобы встать фронтомъ къ редуту. Вслѣдъ за 4-мъ батальономъ начали перестроенія и прочіе батальоны. 1-й батальонъ, двигаясь за 4-мъ и также зайдя на $^1/_4$ круга, выдвинулся на одну высоту съ 4-мъ батальономъ и сталъ влѣво отъ него. Образовавшаяся такимъ образомъ боевая линія Л.-Гв. Финляндскаго полка протянулась къ сѣверу отъ шоссе въ направленіи почти къ нему перпендикулярномъ. Лѣвый флангъ ея былъ обезпеченъ казачьей бригадой Полковника Черевина, наблюдавшей всю мѣстность къ сѣверу отъ редутовъ. Съ указаннаго мѣста Л.-Гв. Финляндскій полкъ и началъ вести достопамятный бой 12-го октября *.

Продолжая наступленіе по открытой мѣстности къ сѣверу отъ шоссе, батальоны боевой линіи выслали въ цѣпь по двѣ роты; 1-й батальонъ—2-ю и 3-ю, а 4-й батальонъ—14-ю и 15-ю роты; остальныя двѣ роты каждаго батальона слѣдовали во второй линіи.

Между тѣмъ слѣдовавшія при колоннѣ Генерала Розенбаха 4-я и 5-я батареи Л.-Гв. 2-ой артиллерійской бригады выѣхали на позицію не переходя шоссе и открыли съ 900 саженей огонь по кавальеру редута. Прибывшая вслѣдъ затѣмъ 2-я гвардейская конная батарея стала на позицію къ сѣверу отъ шоссе нѣсколько далѣе отъ редутовъ, чѣмъ пѣшія батареи.

3-й батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, слѣдовавшій при подходѣ къ шоссе за 1-мъ, выдѣлилъ 9-ю роту въ прикрытіе конно-артиллеристовъ; прочія же три роты этого батальона, перейдя на сѣверную сторону шоссе и перестроившись въ одну линію, составили резервъ полка, получившій приказаніе держаться за правой частью боевой линіи полка, т. е. за 4-мъ батальономъ.

---

* Описаніе сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ, какъ и всей кампаніи 1877-78 г. имѣетъ въ своей основѣ дневникъ Л.-Гв. Финляндскаго полка за камп. 1877-78 г. (архивъ полка), составленный комиссіей изъ офицеровъ полка участниковъ похода: Генералъ-Маіора Шмидта, Полковника Вейса, Штабсъ-Капитана Барона-фонъ-Функа 1, флигель-Адъютантанта Штабсъ-Капитана фонъ-Вольскаго, Поручика Деви, Прапорщика Мосягина и Подпоручика Дюбоассіера.

2-ой батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, двигавшійся при наступленіи отъ деревни Чириково въ хвостѣ колонны полка составилъ вмѣстѣ со 2-мъ батальономъ Л.-Гв. Павловскаго полка бригадный резервъ, который оставленъ былъ не переходя шоссе. Прочіе же Павловскіе батальоны развернули свой боевой порядокъ къ югу отъ шоссе.

При выдѣленіи въ резервъ 2-ой батальонъ построился по-ротно, выславъ 8-ю роту для прикрытія одной полу-ротою знаменъ, другою перевязочнаго пункта, открытаго близъ того мѣста, гдѣ 1-й и 4-й батальоны пересѣкли шоссе; здѣсь уже были полковые врачи, санитарныя повозки, спѣшно открывался перевязочный пунктъ. Изъ того же 2-го батальона была вытребована 5-я рота для прикрытія конной батареи.

1-й и 4-й батальоны, наступая по высокой кукурузѣ приняли нѣсколько влѣво, почему образовался между ними и стоявшими на позиціи пѣшими батареями нѣкоторый интервалъ, для пополненія котораго, командиръ 4-го батальона, Полковникъ Вейсъ выслалъ изъ 2-й линіи—13-ю роту, какъ ближайшую, къ образовавшемуся промежутку. Это было въ 9 часовъ утра.

Къ этому времени войска отряда Генерала Гурко окружали Горный Дубнякъ почти сплошнымъ кольцомъ. Ближе всѣхъ къ турецкимъ укрѣпленіямъ подошли полки средней колонны, особенно Лейбъ-Гренадеры; батареи же всѣхъ трехъ колоннъ, всего—болѣе 50 орудій, стояли на позиціи, примѣрно въ $1^1/_2$ верстахъ отъ редутовъ, по которымъ онѣ сосредоточили огонь. Батареи лѣвой колонны, уже стрѣлявшія нѣкоторое время по редуту, привлекли на себя огонь турецкой артиллеріи, начавшей обстрѣливать не только эти батареи, но и наступавшіе 1-й и 4-й батальоны. Въ рядахъ этихъ батальоновъ уже начали являться раненые, а лишь только 13-я рота была двинута въ цѣпь, какъ храбрый командиръ ея Капитанъ Мясниковъ былъ пораженъ тремя осколками гранаты; это была первая жертва изъ офицерскаго состава полка *. Роту принялъ Поручикъ Горожанскій.

Между тѣмъ, огонь турецкихъ орудій становился все губительнѣе, нанося значительный уронъ, особенно 4-му батальону, вырывая изъ строя цѣлые ряды. Но полкъ наступалъ къ противнику, имѣя впереди своего командира, съ величественнымъ спокойствіемъ ѣхавшаго на конѣ и ободрявшаго солдатъ. Чтобы уменьшить потери, командиръ 4-го батальона Полковникъ Вейсъ приказалъ своимъ ротамъ скорѣе добѣжать до лощины, простиравшейся передъ дубовымъ лѣсомъ. Вскорѣ въ эту лощину перебѣжали и прочія роты, откуда продолжали наступленіе къ дубовому лѣсу, который манилъ ихъ какъ убѣжище отъ выстрѣловъ противника. Въ немъ всѣ надѣялись найти закрытіе, перевести духъ, устроиться.

Но горько было разочарованіе [17]: весь лѣсъ осыпался градомъ турецкихъ пуль. Не видя непріятеля, не имѣя возможности стрѣлять по немъ, трудно оріентируясь и тщетно бросаясь для укрытія то въ одну, то въ другую сторону, роты расползлись, растянулись. Пули шумѣли въ лѣсу, какъ сильный градъ; они съ сухимъ трескомъ ударялись въ стволы деревъ, отбивали сучья и въ нѣсколько минутъ вывели изъ строя до 100 человѣкъ. Визгъ и жужжаніе пуль, стоны раненыхъ, громкія команды и слова одобренія,

* Въ 1885 году Капитанъ Мясниковъ скончался отъ раны, будучи Полковникомъ въ отставкѣ.

Горный Дубнякъ 12 Октября 1877 г.

раскаты орудійныхъ выстрѣловъ, крики „носильщиковъ сюда“ все смѣшалось въ лѣсу. Задніе ряды, не зная еще, какая участь постигла впереди идущихъ, стремились въ лѣсъ, увеличивая собою число жертвъ. Минуты казались вѣками, надо было вырваться изъ этого ада, надо было уже потому, что въ это время заслышана была ожесточенная ружейная стрѣльба въ направленіи, откуда должны были атаковать Московцы и Гренадеры. „Раньше насъ, насъ не дождались“—послышалось въ рядахъ. Благородное соревнованіе дало толчокъ„ люди разстроенными, разбитыми рядами, гдѣ въ разсыпную, гдѣ группами стали быстро перебираться къ опушкѣ. Здѣсь глазамъ всѣхъ представилась зеленая поляна, вырубленная изъ лѣса дубняка, а далѣе,—въ огромномъ облакѣ порохового дыма, силуэтъ грознаго редута; онъ точно выдыхалъ огонь. Какъ бы озадаченные этимъ зрѣлищемъ, первыя вышедшія на опушку части ротъ пріостановились; задніе не видя, что творится впереди, и стремясь къ опушкѣ, вышли также въ цѣпь,—такимъ образомъ всѣ роты 1-го и 4-го батальоновъ оказались нѣсколько перемѣшанными въ одной линіи. За ними во 2-й линіи шли роты 3-го батальона, а еще далѣе позади въ резервѣ 2-й батальонъ.

2-й батальонъ, послѣ того, какъ весь боевой порядокъ полка продвинулся впередъ, получилъ приказаніе отъ Генерала Розенбаха идти на присоединеніе къ прочимъ батальонамъ полка, причемъ онъ продолжалъ нести фашины. Во время этого движенія 2-й батальонъ попалъ подъ довольно сильный ружейный огонь и пули уже часто свистали. Для уменьшенія потерь, роты пошли рядами; имъ приходилось перейдя шоссе у пересѣченія его съ ручьемъ, впадающимъ въ Дубничку, идти далѣе густымъ кустарникомъ переходящимъ въ лѣсъ. Движеніе здѣсь было затруднительно, такъ какъ роты могли легко расползтись въ разныя стороны, поэтому строй рядами былъ тутъ наиболѣе подходящій; для большей же предосторожности, людямъ было приказано аукаться.

Дойдя до середины лѣса, командиръ 2-го батальона, Полковникъ Строевъ, получилъ приказаніе отъ Генерала Лаврова идти дальше; батальонъ продолжалъ свое движеніе безостановочно, но такъ какъ тутъ уже нельзя было идти рядами въ виду приближенія къ опушкѣ лѣса, то роты были перестроены развернутымъ фронтомъ, причемъ потери сразу же увеличились; въ это время батальонъ подходилъ къ боевымъ линіямъ прочихъ батальоновъ. Весь путь ихъ былъ усѣянъ мертвыми и ранеными и новые ряды ихъ валились все больше при приближеніи къ опушкѣ лѣса.

Къ этому времени полкъ потерялъ уже много офицеровъ. У опушки былъ убитъ адъютантъ 1-го батальона Поручикъ Пороженко, смертельно раненъ субалтернъ-офицеръ 16-й роты Прапорщикъ Воробьевъ 2-й, ранены—командиръ 15-й роты Штабсъ-Капитанъ Плѣшко, адъютантъ 4-го батальона Подпоручикъ Ивановъ 2-й, и субалтернъ-офицеръ 13-й роты К. Гершельманъ III; контуженъ командиръ 2-го батальона Полковникъ Строевъ; подъ многими офицерами, бывшими верхомъ, убиты и ранены лошади. Убыль же нижнихъ чиновъ была къ этому времени весьма значительной.

Огонь турокъ во все время наступленія полка по лѣсу и при подходѣ его къ восточной опушкѣ былъ страшно силенъ; изъ редута трещала неумолкаемая пальба и неслись цѣлыя тучи свинца.

Несмотря на этотъ градъ пуль, когда роты подошли къ полянѣ и передніе ряды ихъ

невольно остановились на опушкѣ лѣса, офицеры воспользовались этой непродолжительной остановкой для приведенія своихъ частей въ возможный порядокъ, что при подобной обстановкѣ было дѣломъ далеко не легкимъ.

Таково было положеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ 10 часовъ утра. По сравненію съ другими атакующими полками Л.-Гв. Финляндскій полкъ находился въ это время дальше всѣхъ отъ турецкихъ редутовъ; произошло это вслѣдствіе задержки на переправѣ черезъ р. Видъ, значительнаго захожденія плечомъ, почему полкъ и не могъ стать столь же близко къ редутамъ, какъ части прочихъ колоннъ. Въ это время Лейбъ-Гренадеры, вышедшіе противъ малаго редута, уже приготовлялись къ рѣшительной атакѣ его, не дожидаясь подхода прочихъ частей; эта изолированная атака была необходима, потому что дальнѣйшее выжиданіе на открытой мѣстности подъ сильнѣйшимъ огнемъ противника, заставляло ихъ или отступать или наступать; храбрый полкъ выбралъ второе и Гренадеры пошли на редутъ.

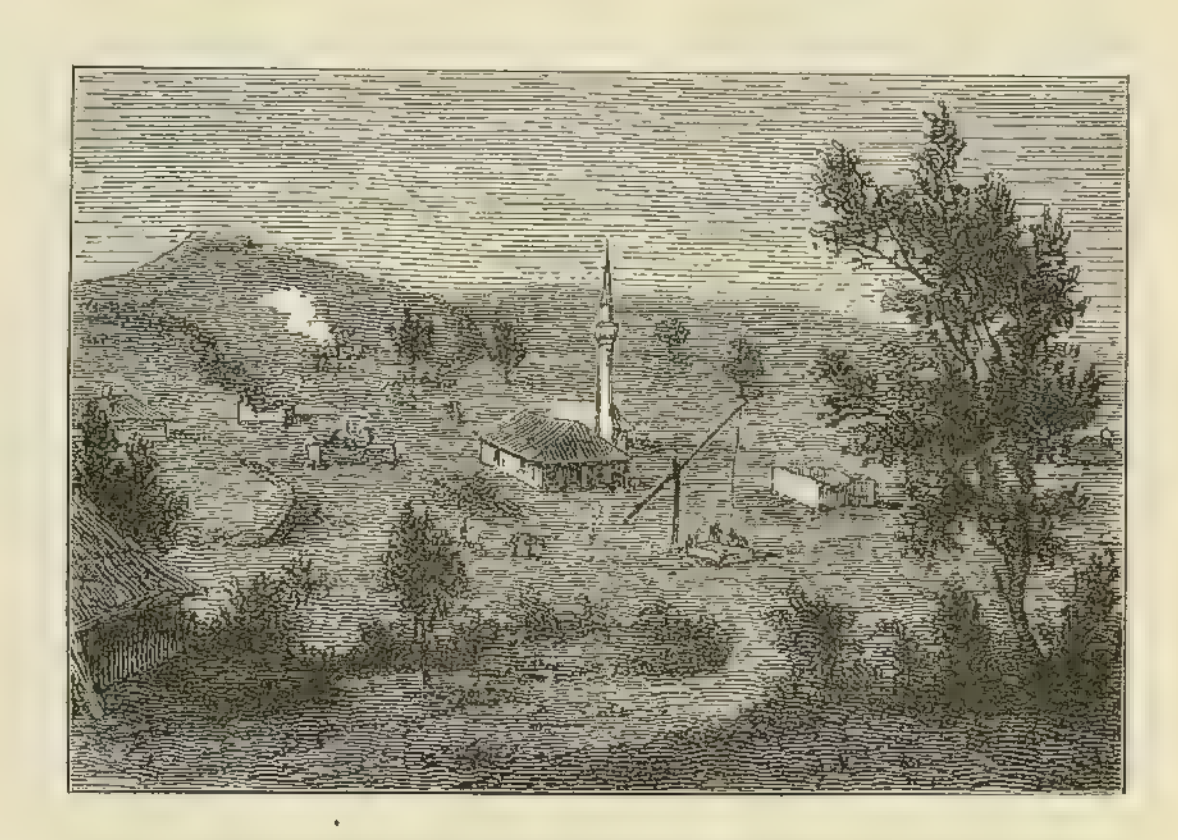
Одновременно съ этимъ батареи лѣвой колонны, переѣхавъ на вторую позицію, удачными выстрѣлами своими заставили замолкнуть турецкія орудія. Съ этой минуты и до конца боя съ непріятельской стороны постоянно раздавались только оглушительные перекаты ружейнаго огня, который по временамъ доходилъ до невѣроятнаго напряженія. Редутъ все время клубился, высылая градъ пуль и защитники его казалось владѣли неистощимымъ запасомъ патроновъ.

Остановка полка на опушкѣ лѣса, обстрѣливавшагося сильнѣйшимъ огнемъ турокъ не могла быть продолжительной. Долгъ требовалъ дальнѣйшаго наступленія, несмотря на явную опасность его; впрочемъ лощина ручья, виднѣвшаяся издали, сулила добравшимся до нее минутное укрытіе. Но для достиженія ея надо было пробѣжать разстояніе около $^1/_2$ версты по совершенной открытой площади—„полянѣ смерти"!

Предстоявшія ротамъ боевой линіи перебѣжки по этой полянѣ сулили вѣрную смерть, почему офицеры стали высматривать и подмѣчать малѣйшія укрытія, которыя можно было найти на предстоявшемъ пути. Роты, бывшія на флангахъ расположенія, подмѣтили, что „поляна смерти" имѣетъ къ сторонѣ шоссе, къ рѣкѣ Дубничкѣ, легкіе склоны, менѣе подверженные обстрѣливанію, чѣмъ остальныя части ея; воспользовавшись этимъ онѣ довольно благополучно пробрались въ мертвое пространство лощины. 1-й батальонъ, при которомъ находился командиръ полка, по его приказанію, началъ дальнѣйшее наступленіе, забирая нѣсколько влѣво и благодаря этому добрался до лощины сравнительно съ меньшими потерями. Но 4-й батальонъ, передъ которымъ находилась средняя, совершенно гладкая, часть поляны, поневолѣ долженъ былъ двинуться прямо передъ собой. Эту минуту подкарауливали турки и, какъ только роты густою цѣпью бросились впередъ, имѣя офицеровъ впереди, раздался трескъ залпа и вслѣдъ затѣмъ бѣшенный, оглушительный, скорый огонь. Цѣлыя ряды солдатъ сразу стали падать мертвыми и ранеными; смерть косила людей широкими размахами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ падали разомъ десятки и цѣлыя группы; во многихъ людей попадало по нѣсколько пуль. Въ нѣсколько минутъ „поляна смерти" покрылась распростертыми и обезображенными человѣческими тѣлами, лежа-

щими гдѣ навзничь, гдѣ ничкомъ съ далеко отброшенными руками и судорожно скорченными ногами.

Здѣсь же полкъ понесъ и весьма чувствительную потерю въ офицерахъ; смертельно раненъ былъ Полковникъ Ожаровскій, младшій штабъ-офицеръ 1-го батальона; тяжело раненъ нѣсколькими пулями Поручикъ Болдыревъ, командующій 1-й ротой и раненъ Поручикъ Безсоновъ командиръ 3-ей роты. Такимъ образомъ потери въ офицерахъ при наступленіи полка на „полянѣ смерти" пришлись на офицеровъ 1-го батальона, который наступалъ сравнительно при болѣе благопріятныхъ условіяхъ; въ то-же время 4-й батальонъ, гдѣ потери въ людяхъ были громадны, по исключительному счастью, не потерялъ ни одного офицера.

Деревня Горный Дубнякъ.
Съ рис. А. Бальдингера.

За передовыми цѣпями ротъ 1-го и 4-го батальоновъ бросились черезъ „поляну смерти" и остальныя части этихъ батальоновъ. Смерть товарищей, наступавшихъ впереди, не удерживала ихъ и новыя, новыя группы, кучки и шеренги выходили изъ лѣсу цѣпями и вразсыпную и бросались на открытое мѣсто. При перебѣжкахъ люди залегали, надѣясь, прильнувъ къ землѣ, найти спасеніе отъ града пуль, несшагося, не переставая, изъ-за валовъ редута; но тщетны были ихъ надежды; далеко не всѣмъ суждено было подняться; многіе были убиты, многіе тяжело ранены. Одиночныя большія деревья, разбросанныя кое-гдѣ на полянѣ, привлекли къ себѣ вниманіе людей: многіе старались найти за ними хоть временное укрытіе; туда-же стремились и раненые нижніе чины, стараясь хоть ползкомъ добраться до этихъ деревьевъ; тамъ они заставали мѣста уже занятыми своими товарищами, нашедшими здѣсь вѣрнѣе и раньше, чѣмъ гдѣ либо, смерть; поэтому, за всѣми этими деревьями, къ концу перехода Финляндцевъ черезъ поляну, лежали цѣлыя группы убитыхъ и раненыхъ. Но кого Богъ миловалъ, тотъ пригнувшись, опрометью перебѣгалъ поляну; легко раненые также стремились впередъ, инстинктивно чувствуя, что хуже чѣмъ было назади не будетъ, что спиною къ непріятелю совсѣмъ скверно, а въ предательскомъ лѣску шальная пуля нагонитъ и доканаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, близость врага и стремленіе во что бы то ни стало какъ можно скорѣе добраться до него, подвигали людей, несмотря ни на какія потери.

Къ 10½ часамъ собрались въ лощинѣ 1-й и 4-й батальоны, а къ 11-ти часамъ прибыли туда и еще три роты 3-го батальона, а именно 10-я 11-я и 12-я. Послѣ прохожденія „поляны смерти", ряды ротъ сильно порѣдѣли, многихъ храбрецовъ не досчитывалось. Перемѣшавшіяся роты стали разбираться и группироваться возлѣ своихъ офицеровъ и тотчасъ-же полѣзли вверхъ по крутому правому берегу лощины, въ 500 шагахъ отъ которой уже возвышались редуты.

Батальонные командиры, не ожидая командира полка, условились немедленно произвести атаку; выглянувши однако изъ-за окраины лощины, они увидали, что до укрѣпленія остается еще шаговъ 400—500 открытаго пространства, что по каждой показавшейся изъ лощины фуражкѣ съ редута открывался сильнѣйшій огонь. „Поэтому рѣшено было,— говоритъ дневникъ полка,—дать людямъ хоть нѣсколько передохнуть, придти въ себя и безъ общаго приказанія атаки не предпринимать".

Къ этому времени турки принуждены были уже очистить малый редутъ, выбитые изъ него главнымъ образомъ Л.-Гв. Гренадерскимъ полкомъ; такимъ образомъ средняя колонна была попрежнему ближе прочихъ къ противнику и вскорѣ роты ея, укрывшись въ канавахъ шоссе, стали выжидать лишь момента, чтобы броситься въ атаку на турокъ. Части правой колонны загнули свой правый флангъ, окружили редутъ съ востока и съ сѣвера, сходясь довольно близко съ лѣвымъ флангомъ Финляндцевъ.

Но минута общей атаки еще не назрѣла, частныя же попытки оканчивались по большей части полной неудачей; каждая атаковавшая часть за нѣсколько шаговъ до валовъ попадала подъ такой убійственный огонь турокъ, что гибла почти полностью.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ сдѣлалъ тоже двѣ такихъ геройскихъ попытки: одна изъ нихъ, предпринятая съ цѣлью взять передовые турецкіе ложементы была успѣшна, но другая окончилась полной неудачей и гибелью многихъ.

Между тѣмъ, батальоны полка расположились въ лощинѣ весьма скученно, на протяженіи не болѣе 150 саженей. Они находились въ серединѣ между шоссе и рѣчкой Дубничкой противъ горжи Большого редута, которая, несмотря на имѣвшіеся въ ней выходы, была сильно укрѣплена; валы-же редута въ этомъ мѣстѣ были сплошь заняты турецкими стрѣлками. Батальоны расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ—3-й батальонъ, въ центрѣ—4-й батальонъ и на лѣвомъ флангѣ—1-й батальонъ. Остальныя части полка т. е. 9-я рота и 2-й батальонъ наступали въ это время, спѣша дойти въ лощину.

Командующій 1-мъ батальономъ Полковникъ Я. Прокопе, возвращаясь къ своимъ ротамъ, послѣ совѣщанія батальонныхъ командировъ увидалъ, что ложементы, находившіеся передъ лѣвымъ флангомъ его батальона очищены турками; быстро оцѣнивъ значеніе этихъ ложементовъ, которые въ эту минуту могли дать прочное обезпеченіе лѣвому флангу полка, а туркамъ—прочный опорный пунктъ для атаки въ этомъ направленіи, Полковникъ Прокопе рѣшилъ завладѣть ими. Для этого дѣла, требующаго особой отваги, были вызваны охотники; въ мигъ набралось ихъ нѣсколько десятковъ; во главѣ храбрыхъ поставленъ былъ Поручикъ баронъ фонъ-Функъ III-й. Отважное дѣло это удалось и ложементы были захвачены.

Не удовольствовавшись этимъ, предпріимчивый и пылкій Полковникъ Прокопе рѣшился испытать счастье атаки; линія ложементовъ, расположенныхъ передъ редутомъ, до которой нужно было пробѣжать саженей 200, манила его, какъ бы обѣщая, что по взятіи ея можно будетъ тотчасъ же броситься на валъ главнаго редута. Собравъ вокругъ себя около 100—120 человѣкъ, онъ вмѣстѣ съ Поручикомъ Пыхачевымъ и Подпоручикомъ Пашковскимъ бросился впередъ. Едва раздалось лихое „ура"! и храбрые Финляндцы выбѣжали изъ лощины, какъ на нихъ посыпались тучи свинца. Въ нѣсколько минутъ были убиты и ранены почти всѣ наступавшіе; изъ 120 человѣкъ едва уцѣлѣла $^1/_5$ часть. Изъ трехъ офицеровъ, ведшихъ этихъ храбрецовъ въ атаку ранены были двое: Полковникъ Прокопе, инициаторъ этой атаки, получилъ двѣ смертельныхъ раны, Подпоручику Пашковскому раздробило руку. Остался цѣлъ только Поручикъ Пыхачевъ и съ нимъ 20—30 нижнихъ чиновъ, всѣ же остальные пали жертвами своей отваги. Уцѣлѣвшіе храбрецы залегли всего въ саженяхъ 60 отъ валовъ редута. Увидавъ, что дальнѣйшее наступленіе поведетъ къ поголовному уничтоженію всѣхъ и что оставаясь впереди, люди погибли бы безъ всякой пользы для дѣла, Поручикъ Пыхачевъ приказалъ уцѣлѣвшимъ ползти назадъ въ лощину и залечь за окраиной.

„Такъ грустно кончилась,—говорится въ дневникѣ полка,—[18] эта смѣлая попытка, такъ кончилъ свою рыцарскую жизнь пламенный Яльмаръ Прокопе, офицеръ блестящихъ способностей, общій любимецъ полка. Миръ праху твоему, славный товарищъ, гордость наша"!

Около часа пополудни начальникъ лѣвой колонны Генералъ Розенбахъ подалъ сигналъ атаки, по которому Л.-Гв. Финляндскій полкъ и 1-й батальонъ Л.-Гв. Павловскаго полка двинулись впередъ, но первые же шаги ихъ по открытой мѣстности возлѣ редутовъ были встрѣчены такимъ убійственнымъ огнемъ, что дальнѣйшее наступленіе было невыполнимо; наступавшіе принуждены были залечь на мѣстѣ за небольшими прикрытіями и частью вернуться назадъ въ мертвое пространство. Результатомъ этой атаки явился небольшой выигрышъ пространства.

Находя вмѣстѣ съ тѣмъ нужнымъ усилить боевую линію своей колонны, Генералъ Розенбахъ двинулъ на подкрѣпленіе ея 2-й батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ бригаднаго резерва. Только 5-я рота этого батальона была оставлена сзади, въ прикрытіе артиллеріи.

Во время движенія 2-го батальона по „полянѣ смерти" Генералъ Розенбахъ, подъѣхавши къ батальону, былъ тяжело раненъ; командованіе лѣвой колонной перешло къ начальнику дивизіи Генералъ-Адъютанту Шувалову.

Пока передовыя части полка производили означенныя попытки атаковать турокъ, прибылъ въ лощину Генералъ Лавровъ, задержанный нѣсколько на опушкѣ лѣса распоряженіями по уборкѣ и переноскѣ большого числа раненыхъ, лежавшихъ подъ выстрѣлами противника. Осмотрѣвъ, насколько позволяли обстоятельства, расположеніе турокъ, Генералъ повидимому убѣдился, что атака редута еще не подготовлена и потому послалъ донесеніе начальнику дивизіи, графу Шувалову, слѣдующаго содержанія: „Финляндцы облѣпили гору, какъ піявки, пусть только артиллерія сдѣлаетъ свое дѣло".

Настали часы томительнаго выжиданія; сраженіе приняло характеръ весьма неустойчивый для обоихъ противниковъ; упорство и энергія турокъ еще не были настолько потрясены, чтобы можно было овладѣть редутомъ открытой силой безъ надлежащей артиллерійской подготовки. Пѣхотный огонь большого редута не ослабѣвалъ, молчала только его артиллерія. Турки зорко слѣдили за малѣйшимъ передвиженіемъ нашихъ войскъ и лишь только на открытомъ мѣстѣ показывалось хотя бы нѣсколько человѣкъ они открывали по нимъ залпы цѣлымъ фасомъ. Замѣтивъ это, нижніе чины сидѣвшіе на краю лощины стали потѣшаться надъ турками надѣвая фуражки на ружья и съ крикомъ „ура" выставляя ихъ изъ за закрытій; тотчасъ же раздавался залпъ и затѣмъ начиналась безпокойная трескотня, вызывавшая остроты и шутки.

Ружейная стрѣльба съ нашей стороны почти не производилась, потому что турки были вполнѣ укрыты высокимъ брустверомъ. Артиллерійская же стрѣльба продолжалась и бомбардированіе редута артиллеріей принесло бы несомнѣнно громадную пользу, подготовивъ атаку пѣхоты. Къ сожалѣнію стрѣльба артиллеріи была не только безполезна въ этомъ отношеніи, но даже приносила вредъ своимъ передовымъ пѣхотнымъ частямъ; послѣ полудня сталъ страдать отъ нея и Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Дневникъ полка по этому поводу говоритъ такъ [19]:

„Вдругъ въ лощину, мѣсто нашего успокоенія, стали падать одна за другою гранаты. Всѣ были озадачены,—общее недоумѣніе. Гранаты, которыя ранили и убили нѣсколько человѣкъ, не могли быть турецкими, потому что ихъ артиллерія уже давно молчала. И дѣйствительно, вскорѣ выяснилось, что это были перелеты батареи, находившейся при гвардейской стрѣлковой бригадѣ. Командиръ полка, не имѣя самъ средствъ сообщить объ этомъ батареѣ, послалъ графу Шувалову лаконическую записку: „Пусть артиллерія продолжаетъ стрѣлять, но не въ своихъ". Къ счастью, раньше чѣмъ эта записка дошла по назначенію, фатальная стрѣльба прекратилась".

Послѣ этого въ полку понемногу все успокоилось, но въ другихъ полкахъ по временамъ слышались крики „ура", барабанный бой и сильная стрѣльба; то были разновременныя и разрозненныя, а потому и неудававшіяся атаки. Очевидно, что надлежащее и единое управленіе боемъ въ эти минуты отсутствовало.

Между тѣмъ, Генералъ-Адъютантъ Гурко разослалъ во всѣ полки приказанія объ одновременномъ общемъ штурмѣ.

Л.-Гв. въ Финляндскій полкъ это приказаніе привезъ въ 2 часа дня офицеръ ординарецъ и передалъ его Генералу Лаврову; въ приказаніи говорилось, что общая одновременная атака должна быть произведена по троекратнымъ залпамъ всѣхъ батарей каждой колонны, при чемъ первые три залпа должна была дать артиллерія лѣвой колонны, вторые три залпа—средней колонны и послѣдніе три залпа—правой колонны; по послѣднему залпу батарей послѣдней колонны всѣ войска должны были броситься на Большой редутъ.

„Нужно признать,—говоритъ дневникъ полка, [20]—что въ данныхъ обстоятельствахъ распоряженіе это было вполнѣ цѣлесообразно и крайне важно: войска, зарвавшись, ускользнули изъ подъ рукъ главнаго распорядителя боя Генерала Гурко; бой разбился

на части, велись несвязныя отдѣльныя атаки тамъ, гдѣ единичныя усилія были тщетны, гдѣ требовалась одна дружная совокупная атака. Генералу Гурко нужно было захватить въ свои руки управленіе боемъ и войсками—условленными залпами это достигалось. Другое средство—назначеніе точнаго часа для штурма, несоотвѣтствовало обстоятельствамъ. Правда, еще наканунѣ часы у всѣхъ начальниковъ колоннъ и частей были свѣрены и въ этомъ отношеніи недоразумѣній быть не могло. Но чтобы назначить часъ штурма, нужно было предрѣшить, когда настанетъ для него наиудобнѣйшая минута. Знать ее за часъ, за два ранѣе—нельзя. Остановившись на залпахъ, Генералъ Гурко предоставлялъ себѣ опредѣлить моментъ начала ихъ, а слѣдовательно и атаки. И нужно думать—невозмутимо спокойный, ясный, неотуманенный глазъ Генерала вѣрно опредѣлилъ бы эту минуту“.

Редуты Горнаго Дубняна.
Съ наброска 20 октября 1877 г. Г. Жуковскаго.

Приказаніе Генералъ-Адъютанта Гурко было вполнѣ оцѣнено Генераломъ Лавровымъ; въ отвѣтъ на него доблестный командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка просилъ ординарца передать, что „Финляндцы готовы, только бы артиллерія дѣлала свое дѣло“.

Что хотѣлъ сказать Генералъ Лавровъ послѣдними словами—неизвѣстно; предчувствовалъ ли онъ возможность путаницы съ залпами, хотѣлъ ли указать настоятельную необходимость лучшей артиллерійской подготовки общей атаки—отвѣтъ на эти вопросы унесъ съ собой въ могилу храбрый командиръ Финляндцевъ, павшій смертью героя однимъ изъ первыхъ на штурмѣ Большого редута.

Вскорѣ по отъѣздѣ ординарца, привозившаго приказаніе, прибылъ къ полку Генералъ-Адъютантъ графъ Шуваловъ.

На пути онъ обогналъ 5-ю роту Л.-Гв. Финляндскаго полка, бывшую въ прикрытіи конной батареи; по прекращеніи артиллерійской стрѣльбы, эта рота, составляя единственный резервъ полка, стояла близь дубоваго лѣса, всѣ же остальныя роты уже подошли въ это время къ лощинѣ ручья. Подходъ 5-й роты явился слѣдствіемъ случайной встрѣчи командира ея Поручика Львова съ раненымъ Штабсъ-Капитаномъ Плѣшко, пробиравшимся къ перевязочному пункту. Поравнявшись съ 5-й ротой Штабсъ-Капитанъ Плѣшко мимоходомъ крикнулъ Поручику Львову: „чего вы здѣсь стоите — нашихъ тамъ мало“. Поручикъ Львовъ, не получая никакихъ приказаній, рѣшился немедленно вести роту

впередъ черезъ лѣсъ. Какъ только рота показалась на опушкѣ, она была встрѣчена жестокимъ огнемъ; это заставило Поручика Львова свернуть вправо къ шоссе и группами по нѣсколько человѣкъ пробираться къ полку. Увидѣвъ начальника дивизіи, гр. Шувалова, Поручикъ Львовъ доложилъ откуда и куда ведетъ роту. „Прекрасно дѣлаете",—сказалъ графъ и, такъ какъ пули кругомъ жужжали и рикошетировали, прибавилъ: „но пробирайтесь осторожно, сберегите людей".

Встрѣченный въ лощинѣ Генераломъ Лавровымъ, Генералъ-Адъютантъ гр. Шуваловъ еще разъ обстоятельно передалъ приказаніе относительно порядка залповъ для штурма и рекомендовалъ до того времени не подвергать людей опасности производствомъ частныхъ атакъ.

Около 3-хъ часовъ пополудни, минутъ черезъ 10—15 послѣ отбытія начальника дивизіи Л.-Гв. къ Павловскому полку, раздались первые сигнальные залпы, но къ общему недоумѣнію въ правой колоннѣ Генерала Эллиса, т. е. тамъ, гдѣ они должны были быть послѣдними. Озадаченныя батареи средней колонны какъ-то нерѣшительно приняли залпы. Такимъ образомъ условленный сигналъ не былъ выполненъ и предположенія начальника отряда объ одновременной атакѣ не сбылись.

„Я съ замираніемъ сердца слѣдилъ за послѣдовавшими дѣйствіями, — писалъ въ своемъ донесеніи Генералъ-Адъютантъ Гурко—[21], потому что вмѣсто единовременнаго штурма со всѣхъ сторонъ должны были послѣдовать одиночные и разновременные штурмы различными частями войскъ, успѣхъ которыхъ былъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Чтобы какъ-нибудь исправить дѣло и выручить войска правой колонны, уже начавшія атаку, я послалъ во всѣ стороны ординарцевъ, чтобы войска, не дожидаясь сигнала, поддержали атаку правой колонны. Какъ и слѣдовало ожидать, послѣдовалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ атакъ. Всѣ части, встрѣчаемыя въ высшей степени губительнымъ огнемъ, не могли дойти до главнаго редута. Но, за исключеніемъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, ни одна часть не отошла назадъ, а, продвинувшись впередъ, залегли за разными укрытіями, причемъ нѣкоторые части дошли на 40 шаговъ къ редуту. Что же касается до Финляндцевъ, то, не встрѣчая впереди себя рѣшительно никакого укрытія, они были вынуждены вернуться назадъ и опять залечь на скатѣ горы, въ мертвомъ ея пространствѣ".

Такимъ образомъ донесеніе Генерала Гурко категорически признаетъ, что отходъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ необходимъ и вызванъ рѣшительнымъ отсутствіемъ всякаго укрытія.

Такой отходъ полка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставленъ ему сколько нибудь въ вину или набросить на него хотя бы малѣйшую тѣнь. Храбрость свою полкъ доказалъ здѣсь многими жертвами, наибольшей изъ которыхъ была жизнь его славнаго командира Генералъ-Маіора Лаврова, который, какъ доносилъ Генералъ-Адъютантъ Гурко, „съ полнымъ, достойнымъ удивленія геройствомъ, бросился впередъ во главѣ своего полка".

„Генералъ-Маіоръ Лавровъ, — говоритъ дневникъ полка [22],—понявъ, что произошла путаница и, можетъ быть, разсчитывая, что, несмотря на недоразумѣніе, прочія войска,

по третьему залпу, двинутся впередъ, рѣшился вести своихъ Финляндцевъ въ атаку. Но чтобы атака вышла дружною, хотя на одинъ фасъ редута, Генералъ Лавровъ считалъ нужнымъ предупредить объ этомъ ближайшія сосѣднія части. Онъ послалъ Штабсъ-Капитана Дорогаго 1-го и Подпоручиковъ Тулинскаго и Фидровскаго влѣво къ стрѣлкамъ и вправо, къ находившимся тамъ частямъ, сказать, что намѣренъ атаковать и проситъ содѣйствія, поддержки. Рѣшеніе это вѣроятно стало окончательнымъ, безповоротнымъ въ геройской душѣ Лаврова тогда, когда ординарецъ, прибывшій уже послѣ неудавшихся залповъ, привезъ приказаніе графа Шувалова: „атаковать если возможно". Не безразсудная значитъ храбрость, не пылъ увлеченія, а ясное пониманіе кризиса минуты побудили Генерала Лаврова къ атакѣ.

„Благородныя чувства чести и долга заговорили въ Лавровѣ. Онъ зналъ, что бываютъ минуты, когда командиръ полка долженъ доказать, что онъ первый его солдатъ, его живое знамя. Минута эта настала и доблестный генералъ, обратившись къ людямъ крикнулъ имъ: „молодцы! сейчасъ пойдемъ въ атаку; когда я выну саблю и крикну „ура!" „смотри всѣ за мною". Въ это время возвратились офицеры, посланные въ сосѣднія части. Лавровъ быстро поднялся къ стрѣлкамъ занимавшимъ окраину лощины, вынулъ саблю, и съ крикомъ „ура!" бросился впередъ. Всѣ офицеры и люди ринулись за нимъ". *

„Движеніе это предпринято было,—какъ говоритъ участникъ сраженія Полковникъ Кислинскій,—съ мыслью, что весьма немногимъ придется уцѣлѣть, если только выпадетъ особо благопріятный случай; идея неминуемости смерти была весьма сильна, но долгъ пересилилъ ее и храбро бросились Финляндцы впередъ". „Тутъ не было строя, не было колоннъ, резервовъ,—указываетъ дневникъ полка,—всѣ одною линіею какъ лавою рванулись впередъ. Но врагъ не дремалъ и, какъ только головы показались изъ-за окраины, послышался краткій, унылый звукъ рожка; одно мгновеніе и задымился редутъ, раздался грохотъ, потемнѣло въ воздухѣ отъ тучи свинца. Въ 50-ти шагахъ отъ окраины палъ смертельно раненый храбрый Генералъ Лавровъ; онъ раненъ вторично и потерялъ сознаніе. Еще нѣсколько секундъ и тяжело раненъ Полковникъ Кислинскій, убитъ наповалъ Подпоручикъ Гагманъ, раненъ Капитанъ Функъ 1-й, контуженъ Поручикъ Пчельниковъ, выбываетъ изъ строя множество храбрыхъ. Еще есть десятки удальцовъ, которые бѣгутъ впередъ, бѣгутъ затѣмъ, чтобы сложить свои лихія головы въ 20—30 шагахъ отъ редута. Атака дрогнула, заколебалась, замялась. Поддержки нѣтъ. Огонь жестокій. Стали отходить и вновь залегли за окраиной".

Одинъ изъ очевидцевъ этой атаки Финляндцевъ такъ описываетъ ее [23]:

„Съ нашего мѣста можно было отчетливо разглядывать въ бинокль даже отдѣльныя личности, видѣть торчащія изъ-за валовъ красныя фески и наши отдѣльныя группы стрѣлковъ, перебѣгавшихъ отъ закрытія къ закрытію, и къ великой нашей скорби въ большинствѣ падающихъ навзничъ. Вотъ внизу въ оврагѣ колыхнулся сомкнутый Финляндскій батальонъ и съ крикомъ „ура" бросился къ турецкому редуту. Батальонъ

---

* По показанію Генерала Ресина, участвовавшаго въ оберъ-офицерскихъ чинахъ въ сраж. подъ Дубнякомъ и бывшаго въ то время вблизи Генерала Лаврова, послѣднія слова его были нѣсколько иными.

одинъ *, съ знаменщикомъ впереди, другіе его не поддерживаютъ. Ружейный огонь затрещалъ съ неимовѣрной силой. Нервы напрягаются до нельзя, глядя на это страшное усиліе кучки героевъ. Хочется помочь имъ... но, что мы можемъ! „Остановились", слышу я, зловѣщій шопотъ вокругъ меня. Съ тоской въ душѣ прикладываю бинокль къ глазамъ и вижу уже сбѣгающихъ назадъ въ оврагъ отдѣльныхъ Финляндцевъ, а за ними и весь порѣдѣвшій батальонъ. Но командира уже болѣе съ ними нѣтъ! Онъ остался на скатѣ оврага, вмѣстѣ съ массой другихъ тѣлъ, наваленныхъ въ иномъ мѣстѣ въ два яруса".

Уцѣлѣвшіе въ этой атакѣ стали оглядываться и приходить въ себя, какъ послѣ пораженія громомъ.

Рядовой 3-й роты Ефимъ Колпаковъ первымъ спохватился, что командиръ остался лежать подъ пулями. Подъ страшнымъ ружейнымъ огнемъ бросился онъ къ раненому и вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ 10-й роты Николаемъ Куимовымъ [24], разостлавъ шинель, положили на нее своего Генерала и благополучно вынесли его изъ подъ выстрѣловъ въ лощину. Тамъ при 2-мъ гвардейскомъ стрѣлковомъ батальонѣ сдѣлана была ему первая перевязка. Тяжко отзывались въ сердцахъ Финляндцевъ глухіе, сдержанные стоны раненаго, любимаго командира, когда его понесли по лощинѣ къ полковому перевязочному пункту. Тамъ онъ въ ужасныхъ мученіяхъ провелъ холодную, морозную ночь послѣ боя, покрытый солдатской шинелью. Утромъ 13-го Октября онъ перенесенъ былъ въ д. Чириково, гдѣ ночью съ 14-го на 15-е скончался.

Съ выбытіемъ изъ строя командира полка и старшаго по немъ тяжко раненаго полковника Кислинскаго **, начальство принялъ командиръ 4-го батальона Полковникъ Вейсъ. Роты, смѣшавшіяся во время атаки, теперь стали разбираться, провѣрять кого нѣтъ. Оказалось, что недоставало Поручика Львова, который, хотя участвовалъ въ атакѣ но раненъ не былъ. Вскорѣ узнали, что онъ съ командою въ 40—50 человѣкъ залегъ шагахъ въ 80 отъ редута за шалашами и убитыми лошадьми. Къ сожалѣнію, ему и его молодцамъ пришлось остаться тамъ недолго; перелетѣвшая русская шрапнель разорвалась надъ этою горстью храбрецовъ, перебила нѣсколько человѣкъ и ранила самого Львова. Возвратившись въ лощину, поручикъ Львовъ сообщилъ, что полкъ нашъ противъ горжи редута и что въ этой горжѣ онъ ясно разсмотрѣлъ широкіе выходы. Очевидно, что турки, послѣ только что отбитой ими нашей атаки, но угрожаемые еще съ другихъ сторонъ, могли сдѣлать отчаянную попытку прорыва черезъ горжу и наше расположеніе, чтобы пробиться къ Телишу. Для противодѣйствія этому, Полковникъ Вейсъ тотчасъ приказалъ окапываться на окраинѣ; отъ немедленнаго возобновленія атаки онъ конечно долженъ былъ отказаться, но уступилъ просьбамъ разрѣшить идти охотникамъ. Съ охотниками вновь отправился раненый Поручикъ Львовъ; счастливо пробравшись къ прежнимъ шалашамъ и трупамъ убитыхъ лошадей онъ изъ за закрытій этихъ направилъ мѣткій огонь во внутренность редута.

Отдѣльныя атаки были предприняты и другими полками подобно Л.-Гв. Финлянд-

* Атаковалъ почти весь полкъ, но вслѣдствіе значительной убыли въ людяхъ издали казалось, что атака была произведена однимъ батальономъ.

** Пуля ударила Полковника Кислинскаго въ грудь противъ сердца, но булавки перевязочнаго пакета, которыхъ пуля коснулась, отклонили ее нѣсколько въ сторону отъ сердца и пуля, пробивъ три ребра, прошла легкое и спину на вылетъ. Судьба благопріятствовала храброму Полковнику—страшная рана зажила.

скому, но сильнѣйшій огонь турокъ со всѣхъ фасовъ Большого редута, нанося громадныя потери атакующимъ, не позволялъ доводить атаку до конца.

Такимъ образомъ, въ эти минуты боя больше всего сказывалось отстутствіе сколько-нибудь надлежащей подготовки штыковаго удара артиллерійскимъ огнемъ, который, во избѣжаніе попаданія въ своихъ, перелетавшими снарядами, пришлось почти совсѣмъ прекратить.

Насколько пагубно было для атаковавшихъ прекращеніе артиллерійскаго огня по редуту, показываютъ слѣдующія слова Поручика Л.-Гв. Финляндскаго полка Львова [25].

„Самъ взятый въ плѣнъ Ахмедъ-Хевзи-Паша говорилъ намъ впослѣдствіи:—мы удивлялись, видя, что русскіе лѣзутъ напроломъ на наши сильныя позиціи, не разгромивъ насъ предварительно артиллерійскимъ огнемъ; между тѣмъ, бомбардируй они насъ часа два, три сряду, изъ 50-ти—60-ти орудій, они бы насъ просто сожгли и мы бы положили оружіе безъ урона для русскихъ" *.

Ружейный же огонь былъ безсиленъ противъ высокихъ брустверовъ, за которыми отсиживались турки; и такъ приходилось разсчитывать, лишь на крѣпость штыка и беззавѣтную храбрость пѣхотинцевъ.

Капитанъ Мясниковъ скончавшійся въ 1885 году отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи подъ Горн. Дубнякомъ.

Но пока вторая общая атака еще не назрѣла, надо было ждать и дневные часы боя проходили въ томительной неизвѣстности.

„Во время отъ 4 до 6 часовъ по полудни,—говоритъ дневникъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, [26]—люди нашего полка занимались тѣмъ, что окапывались, пустивъ въ ходъ не только наличныя лопаты, но и топоры, тесаки, крышки отъ котелковъ, карманные ножи и даже ногти. Многіе клали передъ собою скатанныя шинели, присыпая къ нимъ землю.

* Интересно мнѣніе, высказанное Генераломъ М. Драгомировымъ по поводу подготовки атаки въ день 12-го октября и общее заключеніе объ этомъ сраженіи. Полемизируя въ журналѣ „Развѣдчикъ" 1904 года, (№ 736) М. И. Драгомировъ пишетъ: „А. Н. Р. призвалъ себѣ на помощь Горный Дубнякъ, какъ примѣръ атаки безъ выстрѣла. Лучше бы онъ къ этой помощи не прибѣгалъ, такъ какъ о сознательной атакѣ безъ подготовки огнемъ тамъ и рѣчи не было, а была расплата за мирное обученіе, даже вплоть до попытки на десятки верстъ подавать сигналы орудійными залпами. Эта была поучительная иллюстрація, не болѣе, къ слову маршала Саксонскаго: „не зная дѣлать что нужно, дѣлали то, что умѣли". О томъ, что укрѣпленіе передъ штурмомъ должно быть обрекогносцировано и обработано огнемъ, никто не подумалъ; равно какъ и о томъ, что безъ приказанія войска не смѣютъ бросаться въ атаку. И потому, попавъ въ сферу выстрѣловъ, они сразу выпали изъ рукъ и полѣзли, какъ кому Богъ на душу положилъ. А стрѣльба была, но такая же какъ и атака—попадали и въ своихъ. По общераспространенному тогда мнѣнію въ Финляндскомъ и Павловскомъ полкахъ, кое-кто былъ перебитъ своими снарядами, въ томъ числѣ командиръ перваго изъ нихъ В. Н. Лавровъ. Въ концѣ концовъ Горный Дубнякъ былъ взятъ „дуромъ", какъ одинъ раненый солдатикъ объяснилъ въ Кишиневѣ г-ну К—ца, завѣдывавшему на вокзалѣ кормленіемъ проѣзжавшихъ раненыхъ".

„Бой затянулся, тлѣлъ какъ отсырѣвшій порохъ, дающій лишь по временамъ вспышки. Но всѣ ждали, ждали чего-то, какой-то минуты. Никому не вѣрилось, чтобы русская гвардія въ концѣ концовъ не одолѣла. Уже начинало темнѣть, а объ отдыхѣ, объ отступленіи никто не помышлялъ. Чувствовалось, что минуты сопротивленія редута сочтены; что онъ зрѣлъ для атаки; что достаточно малѣйшаго повода, толчка, случайности, чтобы войска со всѣхъ сторонъ ринулись на него".

Уже во рвахъ редута сидѣло до 200 человѣкъ отъ разныхъ полковъ, которымъ удалось добѣжать до нихъ. Убѣдившись, тамъ, что они совершенно защищены отъ непріятельскаго огня, они стали громко кричать сотоварищамъ: „ребята, бѣгите сюда къ намъ, тутъ тебя никакая пуля „не беретъ".—На этотъ зовъ изъ-за караулки, съ шоссе и съ другихъ сторонъ бѣжали новыя кучки солдатъ и, такимъ образомъ, во рву постепенно собралось довольно много. Здѣсь были представители всѣхъ полковъ, смѣшавшіеся между собою: гренадеры съ павловцами и финляндцами, москвичи съ измайловцами и саперами. Сидя во рву, солдаты не теряли даромъ времени: штыками и тесаками они принялись копать маленькія углубленія въ стѣнкѣ рва, въ родѣ ступенекъ, чтобы было куда ногу поставить, на случай когда придется взбираться на валъ редута.

Въ исходѣ 6-го часа, получено было приказаніе отъ командира Л.-Гв. Павловскаго полка, флигель-адъютанта Полковника Шмидта, вступившаго вмѣсто раненаго генерала Розенбаха въ командованіе бригадою, „быть готовымъ къ новой общей атакѣ". Въ это время въ самомъ редутѣ и внѣ его стали загораться одинъ за другимъ турецкіе шалаши. Въ редутѣ какъ бы засуетились; выдержка въ стрѣльбѣ, стройность залповъ и регулированная трескотня ружей, которой можно было удивляться за день, смѣнились какими-то оторопѣлыми, безпорядочными выстрѣлами.

Всѣ почуяли, что теперь пора; безъ всякаго общаго, или частнаго приказанія, а точно по уговору, вдругъ, раздалось одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ „ура"! Въ одно мгновеніе это „ура", какъ поясомъ охватило редутъ и войска устремились на него со всѣхъ сторонъ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ подъ начальствомъ Полковника Вейса ворвался въ редутъ одновременно съ другими, около $6^{1}/_{2}$ часовъ.

Внутренность редута черезъ нѣсколько минутъ представляла картину страшнаго разрушенія и смерти; на каждомъ шагу валялись окровавленные и обезображенные трупы людей, кучки убитыхъ лошадей, воловъ, барановъ, поломанное и брошенное оружіе, окровавленныя клочья одежды, грязно-красныя фески и лужи крови. Осѣдланные лошади и вьючные ослы, испуганные мерцавшими въ темнотѣ выстрѣлами и взрывами цѣлыхъ кучъ патроновъ, носились и кидались взадъ и впередъ. Пожаръ все шире и шире охватывалъ шалаши, палатки, накатникъ землянокъ и при заревѣ его шелъ тотъ грозный рукопашный бой, въ которомъ промаховъ нѣтъ. Бились одинъ на одинъ, дрались группами, стрѣляли въ упоръ, прокалывали штыками насквозь. Взаимное ожесточеніе было чрезвычайно. Турки забравшись въ землянки отстрѣливались; въ то время, когда надъ головами уже горѣли крыши, они, столпившись у дверей и входовъ, встрѣчали выстрѣлами и штыками смѣльчаковъ, намѣревавшихся ворваться. Многіе похоронили себя подъ

обрушившимися крышами; на другой день, при разборкѣ бревенъ на топливо, находили во множествѣ ихъ обгорѣлые трупы.

Комендантъ Горно-Дубнякскаго редута храбрый Ахметъ-Хевзи-Паша слишкомъ поздно согласился на сдачу. Онъ приказалъ выкинуть бѣлый флагъ, на который употребили бѣлую рубаху грека-медика. Но флагъ къ сожалѣнію былъ выставленъ не на высокомъ кавальерѣ, гдѣ могъ быть легко усмотрѣнъ всѣми, а на одномъ изъ низкихъ фасовъ. Вслѣдствіе этого еще болѣе $^{1}/_{2}$ часа длились кровавыя сцены. Въ редутъ прискакалъ верхомъ Генералъ Гурко, его встрѣтили громкими „ура" шапки полетѣли на воздухъ, восторгъ былъ неописанный. Генералъ благодарилъ войска, затѣмъ принялъ плѣннаго Пашу и немедленно сдѣлалъ распоряженіе по укрѣпленію занятой позиціи, выставленію аванпостовъ отъ кавалеріи, уборкѣ раненыхъ и т. п.

„Между тѣмъ, послѣ первыхъ минутъ восторга, — пишетъ одинъ изъ участниковъ сраженія, [27] — необходимо было разобраться и устроиться, что оказалось не особенно легкимъ, такъ какъ, подъ вліяніемъ сильныхъ пережитыхъ ощущеній, всякій пока былъ занятъ только собою; говорили всѣ сразу, бросались въ объятія къ незнакомымъ, плакали отъ счастья. Въ первыя минуты наслаждались только успѣхомъ и не замѣчали даже стоновъ раненыхъ, положеніе которыхъ было не особенно радостное, и страданія подчасъ раздирающія душу."

Уже было 8 часовъ вечера и совершенно стемнѣло, когда былъ данъ сигналъ: Финляндскій полкъ сборъ. Сигналы эти приняты были горнистами, находившимися въ разныхъ пунктахъ, а потому часть полка собралась въ самомъ редутѣ, другая у шоссе. Часть людей изъ ротъ, собравшихся въ редутѣ, пошла обыскивать уцѣлѣвшія отъ пожара землянки и шалаши, въ которыхъ нашлось до 100 спрятавшихся турокъ. По приказанію Полковника Вейсъ, они были отведены Л.-Гв. въ Московскій полкъ для дальнѣйшаго конвоированія. Едва полкъ собрался и люди, вышедшіе невредимыми изъ боя, начали поздравлять другъ друга съ побѣдою, обниматься и здороваться, словно послѣ долгой разлуки, какъ гдѣ-то вблизи ударили тревогу. Она оказалась ложною. Въ 11-мъ часу вновь забили тревогу, къ счастью тоже ложную, но она имѣла то хорошее послѣдствіе, что отлучившіеся съ бивака за водою, дровами и проч., а также еще бродившіе въ темнотѣ одиночные люди поспѣшили собраться къ своимъ частямъ.

Честь взятія Горнаго Дубняка принадлежитъ по справедливости въ одинаковой степени всѣмъ частямъ гвардіи, принимавшимъ участіе въ атакѣ редутовъ. Рѣшеніе же вопроса о томъ, кто первый ворвался въ Большой редутъ, какъ показываютъ участники сраженія, весьма различно. Отсутствіе всякаго строя въ моменты предшествовавшіе атакѣ и въ самую атаку, перемѣшиваніе людей разныхъ полковъ въ группы, весьма затрудняютъ разрѣшеніе этого вопроса.

Поэтому справедливѣе всего мнѣніе тѣхъ, которые на поставленный выше вопросъ отвѣчаютъ, что Горный Дубнякъ взялъ русскій солдатъ.

Одинъ изъ офицеровъ говоритъ [28]: „лично, въ сущности, въ этомъ никто не повиненъ, но въ общемъ повинны всѣ. Никто для этой атаки никакихъ распоряженій не

дѣлалъ; произошло это само собою и потому что должно было произойти: наболѣвшее сердце подсказало минуту для начала, а долгъ совершилъ остальное."

Трофеями побѣды подъ Горнымъ Дубнякомъ, какъ доносилъ Генералъ Гурко, были: одинъ Паша (дивизіонный Генералъ ферикъ Ахмедъ Хивзи Паша) 53 офицера, 2,235 не раненыхъ нижнихъ чиновъ, одно большое полковое знамя, четыре крупповскихъ дальнобойныхъ орудія и огромное количество ружей и боевыхъ припасовъ. Особенно много взято металлическихъ патроновъ.

Наши потери, къ сожалѣнію, были также очень велики. Общее число ихъ выражалось слѣдующими цифрами: убито: 1 штабъ-офицеръ, 16 оберъ-офицеровъ и 850 нижнихъ чиновъ; ранено (считая въ томъ числѣ и смертельно раненыхъ): 2 Генерала, 16 штабъ офицеровъ, 92 оберъ-офицера, 2491 нижнихъ чина и безъ вѣсти пропало 65 нижнихъ чиновъ. Всего выбыло изъ строя: 127 офицеровъ и 3406 нижнихъ чиновъ [29].

Потери Л.-Гв. Финляндскаго полка въ сраженіи 12-го октября были слѣдующія [30]:

	Убито.	Умерло отъ ранъ	Ранено.	Контужено	Итого.
Генералъ	—	1	—	—	1
Полковниковъ	1	1	1	1	4
Оберъ-офицеровъ	2	1	10	1	14
Нижнихъ чиновъ	98	—	340	—	438
Итого офицеровъ	3	3	11	2	19
Итого нижн. чиновъ	98	—	340	—	438

Потери эти по отношенію къ наличному числу полка въ день сраженія составляютъ [31]:

офицеровъ	убитыхъ и умершихъ отъ ранъ	9,84%
	раненыхъ и контуженныхъ	21,31%
	всего убывшихъ изъ строя	31,15%
нижнихъ чиновъ	убитыхъ	2,97%
	раненыхъ	10,40%
	всего убывшихъ изъ строя	13,17%*

* Потери полка за этотъ день въ нижнихъ чинахъ по первоначальнымъ нѣсколько преувеличеннымъ показаніямъ распредѣлялись по ротамъ слѣдующимъ образомъ:

Роты.	Убито.	Раненыхъ.	Умершихъ отъ ранъ.	Безъ вѣсти пропавшихъ	Итого.
Его Высочества	8	25	3	—	36
2	10	24	—	1	35
3	7	24	3	—	34
4	8	12	3	—	23
5	5	15	5	—	25
6	3	17	6	1	27
7	13	36	3	—	52
8	—	8	1	1	10
9	2	9	—	—	11
10	11	22	2	—	35
11	5	25	—	1	31
12	1	24	3	—	28
13	3	11	2	—	16
14	10	30	2	4	46
15	9	35	4	—	48
16	10	28	4	—	42
Муз. ком.	—	2	—	—	2
Всего	105	347	41	8	501

Убиты и смертельно ранены были слѣдующіе офицеры; командиръ полка Генералъ-Маіоръ Лавровъ, Полковникъ Яльмаръ Прокопе, Полковникъ Ожаровскій, Поручикъ Пороженко, Подпоручикъ Воробьевъ 2-й, Подпоручикъ Гагманъ [32].

Тяжело ранены были слѣдующіе офицеры полка: Полковникъ Кислинскій, Капитанъ Мясниковъ (скончался отъ раны въ 1885 году) *, Поручикъ Болдыревъ.

Легко ранены были: Капитанъ баронъ Фонъ-Функъ 1, Штабсъ-Капитанъ Плѣшко, Поручикъ Львовъ, Поручикъ Безсоновъ, Поручикъ Пашковскій, Подпоручикъ Гершельманъ 3-й, Подпоручикъ Ивановъ 2-й.

Контужены были слѣдующіе офицеры: Полковникъ Строевъ, Поручикъ Пчельниковъ. ** [33]

Памятникъ чинамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка погибшимъ въ сраженіи подъ Горн. Дубнякомъ 12 октября 1877 года.

Убыль почти одной трети наличныхъ офицеровъ (31,15%) Л.-Гв. Финляндскаго полка въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ краснорѣчиво говоритъ какими истинными героями они вели себя въ бою и тѣмъ поддержали исторически славное боевое имя своего полка; будучи всегда впереди, они служили примѣромъ храбрости и самоотверженія своимъ солдатамъ, которые, вполнѣ вѣря своимъ начальникамъ, шли за ними впередъ, несмотря на всю силу губительнаго огня противника. Такимъ образомъ на полѣ битвы 12-го Октября 1877 года, офицеры и нижніе чины Финляндцы показали себя съ наилучшей стороны и могли съ чистымъ сердцемъ сказать за этотъ день: „мы сдѣлали свое дѣло".

Мужественное начальствованіе гвардейскихъ офицеровъ, въ числѣ ихъ офицеровъ—Финляндцевъ, въ сраженіи 12-го Октября, нашло себѣ достойную оцѣнку среди подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ, засвидѣтельствованную послѣдними передъ Верховнымъ Вождемъ Русской Арміи.

„Какіе Вы молодцы!" сказалъ Государь обращаясь къ раненымъ гвардейцамъ всѣхъ полковъ, собраннымъ въ Боготскомъ лазаретѣ, обходя ихъ 15-го Октября.

** Въ приказѣ по полку отъ 21 апрѣля 1885 года говорится, что „съ 19 на 20 сего апрѣля скончался отставной Полковникъ Мясниковъ отъ тяжкой раны, полученной имъ въ рядахъ... полка, въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ, командуя 13 ротою".

** Изъ числа вольноопредѣляющихся тяжело раненъ: унтеръ-офицеръ Нагель (впослѣдствіи офицеръ полка) и унтеръ-офицеръ Галенбекъ, оба награжденные знакомъ отличія военнаго ордена.

„Какъ намъ не быть молодцами съ такими господами офицерами, какъ наши“, отвѣтилъ Государю одинъ изъ раненыхъ.

„Эти слова должны быть вамъ очень пріятны“, изволилъ сказать Государь, милостиво обратившись къ раненымъ офицерамъ, окружавшимъ Его Величество.

„Исторія должна занести эти слова на свои скрижали, — говоритъ Генералъ Богдановичъ, — какъ лучшее доказательство тѣхъ отношеній между офицерами и нижними чинами, коими сплачивается православное воинство Русскаго Царя въ одно несокрушимое цѣлое“...

Л.-Гв. къ Финляндскому полку слова эти относились всегда самымъ безусловнымъ образомъ, а въ кровавый день 12-го Октября они были доказаны еще разъ съ полной очевидностью.

Въ числѣ весьма многихъ фактовъ, свидѣтельствовавшихъ во время сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ о тѣхъ прекрасныхъ по задушевности отношеніяхъ, которыя существовали тогда между офицерами и нижними чинами полка, является, помимо геройскихъ поступковъ рядового 5-й роты Колпакова и унтеръ-офицера 10-й роты Куимова, вынесшихъ изъ подъ сильнѣйшаго огня турокъ своего раненаго командира полка, еще, между прочимъ, слѣдующіе факты. Ефрейторъ Михаилъ Прытковъ подъ сильнымъ огнемъ вынесъ раненаго Подпоручика Пашковскаго и сдѣлалъ ему перевязку. Рядовые Никита Николаевъ и Григорій Ломановъ подъ сильнымъ огнемъ вынесли смертельно раненаго Подпоручика Гагмана; первый изъ нихъ будучи при этомъ раненъ остался въ строю. Рядовой Никонъ Яценко подъ сильнымъ огнемъ вынесъ своего раненаго ротнаго командира. Вообще немало офицеровъ полка обязаны спасеніемъ своей жизни нижнимъ чинамъ. Такъ было и съ Полковникомъ Кислинскимъ; послѣ раненія онъ былъ подобранъ своими нижними чинами, положенъ за неимѣніемъ носилокъ на ружья и отнесенъ безъ всякаго приказанія по ихъ собственной инициативѣ на перевязочный пунктъ подъ сильнымъ огнемъ турокъ; при этомъ высказалась трогательная заботливость Подпоручика Тулинскаго, батальоннаго адъютанта того батальона, которымъ командовалъ Полковникъ Кислинскій. Подпоручикъ Тулинскій указывалъ, какъ лучше пронести своего тяжко раненаго батальоннаго командира и самъ поддерживалъ его запрокинувшуюся голову; пока онъ медленно сопровождалъ раненаго, пули такъ и ложились кругомъ, но это не страшило доблестнаго адъютанта.

За сраженіе подъ Горнымъ Дубнякомъ офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка получили слѣдующія главнѣйшія награды: Полковникъ Кислинскій—золотое оружіе и орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ; Полковники Вейсъ и Строевъ и Капитанъ Мясниковъ—орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ, Полковникъ Г. Прокопе—мечи на орденъ Св. Анны 2 степ.; всѣ прочіе офицеры участники сраженія были награждены орденами Св. Анны 3 и 4 степ. и Св. Станислава 2 и 3 степ.; нѣкоторые были удостоены двумя наградами сразу.

Нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка получили за сраженіе 12-го Октября 61 знакъ отличія военнаго ордена.

Изъ числа многихъ геройскихъ подвиговъ нижнихъ чиновъ полка слѣдуетъ, помимо вышеупомянутыхъ, отмѣтить еще слѣдующіе.

Рядовой Василій Кирилловъ, будучи раненъ остался въ строю и во все время боя своимъ безстрашіемъ воодушевлялъ людей. Рядовой Никита Бубновъ, вызвавшись въ охотники для штурма былъ однимъ изъ первыхъ на валу. Унтеръ-офицеръ Николай Борисовъ при штурмѣ первымъ взбѣжалъ на валъ, причемъ былъ раненъ въ обѣ ноги. Ефрейторъ Егоръ Печниковъ, будучи еще въ началѣ сраженія раненъ, ободрялъ товарищей, при всѣхъ атакахъ былъ впереди и однимъ изъ первыхъ вбѣжалъ на валъ, гдѣ и получилъ вторую рану. Рядовой Романъ Кожановъ, вызвавшись въ охотники, занялъ подъ непріятельскими выстрѣлами турецкій шалашъ. Изъ особенно отличившихся, является рядовой Ипполитъ Киселевъ [34], павшій смертью героя.

Поручикъ Пыхачевъ разсказываетъ о немъ слѣдующее:

„Первые годы со времени производства въ офицеры я состоялъ во 2-й линейной ротѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка; много въ это время перемѣнилось народу въ ротѣ, большая часть позабылась, но одинъ изъ нихъ, именно рядовой Ипполитъ Киселевъ, остался у меня въ памяти, по качествамъ далеко не рекомендующимъ его: постоянно сонный, неопрятный, онъ совершенно заслужилъ передѣлку своей фамиліи изъ Киселева въ Киселя; эта кличка скоро приняла права гражданства, такъ что и офицеры его называли не иначе, какъ Кисель“.

Во время мобилизаціи, Киселевъ попалъ въ 14 роту, которою командовалъ Поручикъ Пыхачевъ. Въ дѣлѣ подъ Горнымъ-Дубнякомъ въ тотъ моментъ, когда Поручикъ Пыхачевъ приказалъ уцѣлѣвшимъ отойти въ мертвое пространство, чтобы укрыться отъ ужаснаго огня турокъ, Кисель обратился къ своему командиру съ слѣдующими словами: „позвольте мнѣ, Ваше Высокоблагородіе, здѣсь остаться, потому что вѣдь все равно скоро пойдемъ опять на редуты, такъ отсюда ближе бѣжать“. „Не помню“,—продолжаетъ Поручикъ Пыхачевъ,—„что я на это ему отвѣтилъ, только сползши въ мертвое пространство, я около себя Киселя не увидалъ. Черезъ нѣсколько времени вдругъ раздалась, по направленію насъ учащенная ружейная пальба и тотчасъ же къ намъ влетѣлъ кубаремъ улыбающійся и довольный Кисель; на мои вопросы онъ отвѣтилъ: „когда Вы сползли назадъ, я и еще 6 человѣкъ остались тамъ, да ужъ больно не въ моготу стало тамъ лежать, насъ изъ семи человѣкъ въ живыхъ остался только я одинъ, ну я и порѣшилъ удрать къ Вамъ.

„Когда былъ раненъ Прокопе, его понесли внизъ, но забыли его саблю и бинокль; затѣмъ мнѣ, сползая въ мертвое пространство, пришлось по очереди сбросить съ себя, для удобства: пальто, свернутое и надѣтое черезъ плечо, саблю и сумку съ разными закусками. Кисель, замѣтивъ, что я безъ сабли, сумки и пальто, предложилъ совершенно просто сходить за всѣмъ этимъ. Конечно я ему запретилъ, зная по опыту, какъ эта прогулка опасна; не смотря на то, онъ, незамѣтно для меня, выползъ и черезъ нѣсколько времени опять раздалась учащенная пальба и Кисель, какъ и въ первый разъ, влетѣлъ къ намъ съ добычею: съ моею саблею и биноклемъ Прокопе. Передавъ мнѣ эти вещи, онъ замѣтилъ, что сумки и пальто не видать, а что за саблею полковника онъ опять

сходитъ; за эту смѣлую вылазку поплатилась только шапка Киселя, простреленная пулею; не смотря на мои самыя строгія приказанія, Кисель такимъ же порядкомъ сходилъ опять и за саблею Полковника Прокопе; на этотъ разъ ему опять прострѣлили шапку, причемъ пуля задѣла голову. Не захотѣвъ идти на перевязочный пунктъ, онъ попросилъ своимъ же платкомъ перевязать себѣ голову, и, оставшись на горѣ, своею веселостью и простымъ разсказомъ безъ хвастовства о своихъ вылазкахъ значительно способствовалъ поддержанію бодрости между людьми. Тутъ произошла вторая общая атака нашимъ полкомъ главнаго редута, послѣ которой мы опять должны были вернуться на свои прежнія мѣста, въ 500 шагахъ отъ редута, потерявъ дорогого командира Генерала Лаврова и много товарищей; счастье и тутъ улыбнулось Киселю—онъ вернулся совершенно цѣлымъ и невредимымъ. Наконецъ, въ послѣднюю атаку—удачную, Кисель, какъ и всегда, ранѣе бросившись впередъ, обогналъ всѣхъ, и затѣмъ я его увидѣлъ только на другой день, когда убирали всѣхъ убитыхъ, лежащимъ на бруствѣрѣ, съ тремя штыковыми ранами въ груди и, конечно, бездыханнаго".

Этому неустрашимому храбрецу герою посвящена слѣдующая пѣсня, рельефно рисующая удаль и отвагу молодца-солдата [35].

Ипполитъ Киселевъ

Рядовой Л.-Гв. Финляндскаго полка 1877 года.

„Киселевъ, да ты проворнѣй
Ноги волочи...
Ишь, вѣдь, руки растопырилъ
Словно калачи.

Аммуницію почисти,
Обтяни постель...
Эхъ, какой ты несуразный,
Истинно Кисель".

Такъ бывало Киселева
Дядька цѣлый день
Все бранитъ за неисправность
И журитъ за лѣнь.

И когда къ сѣдымъ Балканамъ
Собирался полкъ,
Молвилъ дядька Киселеву:—
„Что въ тебѣ за толкъ.

Даромъ только на походахъ
Стопчешь сапоги,
А коль выйдешь въ бой, ей Богу
Осмѣютъ враги".

Киселевъ чесалъ затылокъ
Ухмыляясь въ усъ,
И отвѣтилъ добродушно:
„Дядька, я не трусъ".

Смотритъ дядька на племяша,
Смотритъ—не пойметъ:
Киселевъ башку закинулъ
Гоголемъ идетъ.

Шутка съ устъ его не сходитъ,
Взоръ горитъ, ожилъ
„Угощу я, братцы, Турка
Краснымъ Киселемъ"...

Такъ и рвется парень въ битву,
„Дяденька никакъ
Въ кукурузѣ виденъ Турокъ"
Отвяжись дуракъ!...

Дядька хмуритъ бровь густую,—
Ишь, вѣдь, доглядѣлъ...
Знаютъ ротный, да фельдфебель
Турокъ гдѣ засѣлъ".

Наконецъ сошлись Финляндцы
Съ вѣковымъ врагомъ
Подъ суровымъ, неприступнымъ
Горнымъ Дубнякомъ.

Цѣлый лѣсъ турецкихъ фесокъ,
Всѣхъ не перечесть,—
„Ну пришло поганымъ время
Киселя поѣсть“...

„Не храбрись,—отвѣтилъ дядька,
Больно ты ужъ скоръ“.
Тутъ посыпались гранаты
Прямо намъ въ упоръ.

Роты бросились въ атаку.
Залпы разъ-за-разъ
Страшнымъ ливнемъ пуль турецкихъ
Обдавали насъ.

И Финляндцы отступили,—
Былъ огонь великъ:
Не добрался до работы
Молодецкій штыкъ.

Но Кисель не отступаетъ.
Подъ ружейный звонъ
Земляковъ своихъ остаться
Урезонилъ онъ.

„Безпремѣнно насъ въ атаку
Поведутъ опять,
Такъ зачѣмъ же намъ, ребята,
Даромъ отступать.

Турки скоро пристрѣлялись
Въ храбрецовъ, какъ въ цѣль,—
Всѣхъ на мѣстѣ уложили,
Живъ одинъ Кисель.

Жаль товарищей до смерти...
Глянулъ онъ кругомъ:—
Погрозилъ поганымъ туркамъ
Дюжимъ кулакомъ;

Сплюнулъ, выругался звонко
И, судьбой хранимъ,
Подъ огнемъ турецкихъ залповъ
Повернулъ къ своимъ.

Дядька хвалитъ Киселева:
„Будь и впредь таковъ“.
„Радъ стараться“—отвѣчаетъ
Дядькѣ Киселевъ.

И, прослышавши, что ротный
Шашку и шинель
Обронилъ при первомъ штурмѣ,—
Убѣжалъ Кисель;

Убѣжалъ къ цѣпи турецкой,
Прямо на рожонъ.
И подъ пулями проворно
Ищетъ шашку онъ.

Отыскалъ шинель и шашку,
Ротному принесъ,—
Тронулъ, братцы, командира
Подвигомъ до слезъ.

Но неймется Киселеву.
„Дяденька, скажи
Скоро-ль бить начнемъ мы турокъ“.—
„Скоро, не тужи“.

Вотъ и трубы заиграли,
И за строемъ строй
Снова двинулись Финляндцы
Дружно въ смертный бой.

Радъ-радешенекъ атакѣ
Храбрый Киселевъ.
На лицѣ его широкомъ
Разгорѣлась кровь.

Съ бойкой шуткой, съ мѣткимъ словомъ
Впереди своихъ
Онъ бѣжитъ и ободряетъ
Весело другихъ.

И невольно каждый думалъ:
„Ишь, вѣдь, онъ какой.
Такъ, поди, въ кабакъ не бѣгалъ,
Какъ помчался въ бой.

Свищутъ пули, стонутъ ядра,
Щелкаетъ шрапнель...
Этой музыкѣ внимаетъ
Съ радостью Кисель.

Ближе, ближе онъ къ редуту...
Пули ливнемъ льютъ,
И подъ пулями вскочилъ онъ
Первымъ на редутъ.

„Наконецъ до васъ добрался",
Крикнулъ Киселевъ,
Съ гордой удалью бросаясь
На толпу враговъ.

Уложилъ штыкомъ съ размаху
Одного изъ нихъ,
Но въ него штыки вонзили
Шестеро другихъ.

И пронзенный насквозь въ сердце
Умеръ нашъ Кисель...
Но живетъ о немъ, ребята,
Слава и досель.

Могилы чиновъ Л.-Г. Финляндскаго полка погибшихъ въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ 12 Октября 1877 года.
(Съ наброска съ натуры).

Глава IX.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г.

Движеніе къ Балканамъ послѣ сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ. Сраженіе подъ Правцемъ 9-го ноября и стоянка на „Финляндской горѣ" до 12-го декабря.

> *„Войска ввѣреннаго мнѣ отряда. Вы... стали твердою ногою на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ. Тутъ началось продолжительное стояніе ваше на высокихъ горахъ... Нельзя представить себѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, трудовъ и тяжелыхъ испытаній, которые выпали на вашу долю. Вы все перенесли съ поистинѣ геройскою Русскою стойкостью и твердостью. Вы втащили на горы въ заоблачныя страны по едва доступнымъ тропинкамъ и невообразимымъ кручамъ тяжелыя орудія. Вы укрѣпили Ваши позиціи и ровно мѣсяцъ грозною и твердою стѣною стояли на угрюмыхъ высотахъ Балкана".*
>
> *(Приказъ Генералъ-Адъютанта Гурко).*

Чрезвычайно холодная, почти морозная ночь смѣнила боевой день 12-го октября. Зарево пожара Большого редута, вопли послѣднихъ избиваемыхъ турокъ и стоны раненыхъ русскихъ гвардейцевъ были послѣдними проявленіями сраженія при Горномъ Дубнякѣ.

Отдача всего имущества защитниковъ редута на разграбленіе солдатамъ повлекла за собою полное смѣшеніе людей всѣхъ воинскихъ частей, ворвавшихся въ турецкія укрѣпленія. Поэтому сигналы „тревога", поданные два раза, вечеромъ и около полуночи, имѣли свою хорошую сторону: полки собирались, образовывался строй, что, впрочемъ, достигалось благодаря лишь самому энергичному вмѣшательству офицеровъ. „Мы, офицеры, четвертовались, чтобы какъ можно скорѣе собрать людей,—пишетъ одинъ изъ

участвовавшихъ [1]—,и привести наши части въ какой нибудь порядокъ. Дѣло которое всегда такъ живо и быстро совершалось въ мирное время при атакѣ красносельской лабораторіи, оказалось далеко не легкимъ при настоящемъ штурмѣ... Сборъ людей совершался такимъ образомъ, что каждый изъ офицеровъ собиралъ вокругъ себя кучку людей всевозможныхъ ротъ и присоединялся къ остальной массѣ".

Но тревога имѣла и обратную сторону, особенно чувствительную войскамъ западнаго отряда: прорывъ цѣлой арміи Османа-Паши изъ Плевны, въ случаѣ его удачи, ставилъ бы храбрыхъ участниковъ Горно-Дубнякскаго сраженія въ весьма рискованное положеніе; темнота ночи и крайнее возбужденіе нервовъ за весь день кроваваго боя многимъ подсказывали, что армія Османа уже идетъ и потому казалось, что дѣло кончено только на половину и что предстоятъ, можетъ быть, еще сейчасъ-же новыя кровавыя сцены.

Когда, послѣ второй фальшивой тревоги, начало все понемногу успокаиваться, бригадный командиръ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Шмидтъ распорядился выслать отъ своей бригады двѣ роты въ дежурную часть; одна изъ ротъ была Л.-Гв. отъ Финляндскаго полка, другая Л.-Гв. отъ Павловскаго; первая должна была занять весь фасъ обращенный къ Плевнѣ, выставивъ часовыхъ по валу Большого редута, второй—былъ порученъ фасъ, выходившій на Софійское шоссе. Усталая до крайности, собралась 7-ая рота Л.-Гв. Финляндскаго полка и пошла въ ночной нарядъ; „скрѣпя сердце подошелъ я,—говоритъ въ своемъ дневникѣ командиръ этой роты Штабсъ-Капитанъ Вольскій [2],—къ своимъ 60 молодцамъ и приказалъ имъ живо приготовиться и разобрать ружья".

Оставшіяся въ редутѣ роты полка успокоились не скоро; еще послѣ полуночи многіе солдаты готовили себѣ ужинъ, жарили на кострахъ мясо, котораго можно было добыть въ изобиліи въ турецкихъ землянкахъ; тамъ же находились въ большомъ количествѣ и другіе съѣстные припасы.

Почти всю ночь напролетъ проработали полковые носильщики, подбирая многочисленныхъ раненыхъ, неимовѣрно страдавшихъ лежа подъ открытымъ небомъ. При ночномъ холодѣ, особенно въ кустахъ трудно было подобрать всѣхъ раненыхъ и тѣмъ спасти многихъ отъ вѣрной смерти. Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку подъ утро 13-го октября было найдено болѣе 20 человѣкъ несчастныхъ погибшихъ замерзшими и истекшими кровью.

Вообще, несмотря на самоотверженную и достойную высшихъ похвалъ дѣятельность полковыхъ носильщиковъ въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ, положеніе раненыхъ было очень тяжелое какъ во время самаго дѣла, такъ и послѣ него, при эвакуаціи. Въ началѣ сраженія передовой перевязочный пунктъ былъ открытъ въ 2-хъ верстахъ отъ редута, у Софійскаго шоссе; скоро однако его пришлось отодвинуть назадъ на ½ версты, такъ какъ до него стали долетать турецкія пули, почему и явились случаи вторичнаго пораненія. Громадное число раненыхъ въ полку, отсутствіе перевязочныхъ средствъ и значительное удаленіе главнаго перевязочнаго пункта были причиною того, что многимъ раненымъ пришлось пробыть на передовомъ перевязочномъ пунктѣ болѣе сутокъ.

Въ записной книжкѣ старшаго полковаго врача доктора медицины К. Недатса о сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ помѣщена слѣдующая замѣтка: „Перевязочныя мѣста плохо устроены, нѣтъ никакого извѣстія и сношенія съ дивизіоннымъ перевязочнымъ мѣстомъ, куда нельзя и не на чемъ отправлять тяжело раненыхъ, которые валялись около 3-хъ дней на полѣ, въ холоду и безъ надлежащей оперативной помощи. Руки коченѣли отъ холода, ночной морозъ довольно порядочный...

„На 4-ый день послѣ сраженія солдаты моего полка и офицеры другихъ частей: Московскаго, Измайловскаго и Гродненскаго Гусарскаго полковъ жалуются, что нѣтъ никого для перевязокъ, другія сутки они не перевязываются, раны засохли, горятъ... умоляютъ ихъ перевязать".

Уборка раненыхъ съ поля сраженія запаздывала, такъ какъ носильщики не могли всюду поспѣть, а изъ перевязочныхъ средствъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку имѣлась лишь одна лазаретная линейка [3]. Вслѣдствіе этого несомнѣнно многіе раненые были убиты или получили новыя раны. Изъ офицеровъ полка Поручикъ Болдыревъ получилъ такимъ образомъ три раны, Полковникъ Я. Прокопе—двѣ раны, также и командиръ полка Генералъ-Маіоръ Лавровъ.

Опасность положенія раненыхъ Финляндцевъ усугублялась тѣмъ, что въ началѣ боя Л.-Гв. Финляндскій полкъ занималъ фланговое расположеніе, относительно мало обезпеченное отъ нападенія мелкихъ шаекъ черкесовъ изъ Телиша. Хотя къ счастью на дѣлѣ этого и не случилось, тѣмъ не менѣе нравственныя муки раненыхъ были велики. Такъ, Поручикъ Болдыревъ вспоминаетъ, что, лежа раненымъ, онъ увидалъ издали какихъ то кавалеристовъ, направлявшихся къ нему; первая мысль, которая ему пришла въ голову, была, что это баши-бузуки или черкесы, поэтому Поручикъ Болдыревъ, съ трудомъ доставъ револьверъ, рѣшилъ насколько было можно обороняться, а потомъ, когда останется послѣдняя пуля, пустить ее въ себя, для избѣжанія мученій, которымъ обыкновенно предавали черкесы достававшихся имъ одиночныхъ людей.

Тяжело было положеніе раненыхъ и на главномъ перевязочномъ пунктѣ въ Чириковѣ, обслуживаемомъ дивизіоннымъ лазаретомъ и при помощи краснаго креста; тамъ все было до крайности переполнено.

Послѣ ночи проведенной на бивакѣ около Большого редута, Л.-Гв. Финляндскій полкъ съ ранняго утра 13-го октября выслалъ отъ всѣхъ ротъ значительныя команды для сбора убитыхъ и рытья могилъ. Нѣкоторыхъ хоронили тамъ, гдѣ находили, преимущественно на опушкѣ лѣса и вблизи рва редута. Для большинства-же начали рыть одну общую могилу, на южной сторонѣ шоссе, къ востоку отъ малаго редута; рядомъ съ могилой для нижнихъ чиновъ была вырыта могила и для офицеровъ. * Впослѣдствіи тамъ былъ воздвигнутъ памятникъ въ видѣ обелиска на высокомъ курганѣ.

Вообще утро 13-го октября въ Горномъ Дубнякѣ представляло собою страшную картину; при свѣтѣ солнца ужасныя послѣдствія ожесточеннаго сраженія выказались во всей наготѣ.

---

* Здѣсь были погребены Полковникъ Ожаровскій, Подпоручикъ Пороженко и Подпоручикъ Гагманъ.

„Съ глубокимъ чувствомъ благодарности къ Всевышнему я помолился въ это утро за сохраненіе мнѣ жизни,“—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ офицеровъ полка—„это чувство благодарности еще болѣе увеличилось, когда я обошелъ 13-го октября все Горно-Дубнякское укрѣпленіе и разсмотрѣлъ всѣ эти изуродованные обезображенные и обгорѣвшіе трупы людей и животныхъ; многіе изъ нихъ еще жили. Наши убитые солдаты лежали большею частью въ какихъ то фантастическихъ позахъ, причемъ у всѣхъ выраженіе лица было спокойное и не выражало страданія, видно было, что у большинства смерть была, если не моментальная, то во всякомъ случаѣ агонія была недолгая. На лицахъ турецкихъ солдатъ замѣтны были страшныя страданія, они большею частью лежали скорчившись, съ глазами навыкатъ и съ конвульсивно сжатыми кулаками. Мы объясняли себѣ это явленіе тѣмъ, что всѣ наши убитые солдаты погибли отъ пуль, турецкіе же отъ штыковъ.

Внутри Большого редута были явственно слѣды дѣйствія нашей артиллеріи; здѣсь валялись цѣлыя груды труповъ, кто безъ черепа, кто съ разорваннымъ животомъ, кто безъ руки, ноги, и т. д.; убитыхъ лошадей и барановъ было здѣсь также не мало; у подножія кавальера, на которомъ стояли два турецкихъ орудія, лежали убитыми горы великолѣпныхъ артиллерійскихъ лошадей“.

Около 10 часовъ утра разнесся слухъ, что Османъ Паша прорывается изъ Плевны; протрубили сигналъ „сборъ“ и команды, посланныя для уборки убитыхъ, а также всѣ отлучившіеся по разнымъ случаямъ люди собрались къ биваку и стали въ ружье. Полкъ сначала получилъ приказаніе занять редуты, но вскорѣ былъ выведенъ версты на 1½ къ сторонѣ Плевны и занялъ тамъ бывшіе турецкіе ложементы.

На эту позицію прибылъ Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ и благодарилъ за славное молодецкое дѣло. На другой день Главнокомандующій телеграфировалъ на Высочайшее имя [4]: „Вчера 13-го октября, я объѣзжалъ поле сраженія у Горнаго Дубняка и осматривалъ занятыя нами съ бою позиціи. Войска одушевлены одержанною 12-го октября блистательною побѣдою. Всѣ, отъ генерала до рядоваго, вели себя геройски.“

Въ 5 часовъ полкъ былъ отведенъ на свой бивакъ у редута, а оттуда вмѣстѣ съ Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ двинутъ на Софійское шоссе, за 5 верстъ отъ Горнаго Дубняка, для возведенія и обороны укрѣпленій къ сторонѣ Телиша, гарнизонъ котораго могъ подтянуть къ себѣ подкрѣпленія изъ Яблоницы и Орханіэ и перейти въ наступленіе, съ цѣлью возстановить сообщенія съ Плевной.

Полкъ, прибывъ на указанную ему позицію у шоссе, тотчасъ-же приступилъ къ работамъ, выставивъ двѣ роты 3-го батальона на аванпосты; 14-я же рота была оставлена у Горнаго Дубняка для окончанія работъ по уборкѣ труповъ.

Начатыя еще съ вечера работы по устройству ложементовъ и батарей къ сторонѣ Телиша продолжались весь день 14-го октября.

„Только въ 8 часовъ вечера,—говорится въ дневникѣ полка, [5]—смѣнилъ насъ Л.-Гв. Литовскій полкъ, и мы вновь отошли къ Горному Дубняку, гдѣ стали бивакомъ южнѣе шоссе, и къ сѣверу отъ Малаго редута, фронтомъ къ Плевнѣ. Сутки, проведенные на

позицiи между Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, были крайне утомительны. Не смотря на морозную ночь нельзя было развести костровъ, какъ потому, что не было лѣсу, такъ и потому, что огни могли быть видны изъ Телиша. Воду для питья черпали изъ лужъ, потому что на всемъ протяженiи между Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ нѣтъ ни ручья, ни фонтана. Люди уже третьи сутки были безъ горячей пищи; вьюки не приходили и большинство офицеровъ оставалось въ сюртукахъ, очень немногiе были настолько предусмотрительны, что захватили съ собою лѣтнiе клеенчатые плащи. Послѣ этого понятно, какъ всѣ обрадовались, когда къ вечеру 14-го на бивакъ прибыли вьюки. Явилась возможность всѣмъ офицерамъ разбить себѣ палатки, одѣться потеплѣе и заснуть богатырскимъ сномъ."

Въ этотъ день похоронены были всѣ павшiе геройской смертью въ дѣлѣ 12 октября нижнiе чины въ общей братской могилѣ; офицеры погребены были отдѣльно. Конечно здѣсь не могло быть и рѣчи о гробахъ, почему офицеры (полковникъ Ожаровскiй и Подпоручики Пороженко и Гагманъ) положены были вмѣстѣ въ одну могилу *, дно которой было прикрыто соломою, а гробовую крышку замѣнили военныя пальто покойныхъ. Солдатъ клали рядами, перекрывая соломою.

Полкъ не могъ отдать послѣднiй долгъ своимъ героямъ однополчанамъ въ полномъ составѣ, такъ какъ во время похоронъ онъ стоялъ на позицiи противъ Телиша; только одна 14-я рота присутствовала на похоронахъ.

Къ 5 часамъ вечера прибылъ командующiй дивизiею Генералъ-Адъютантъ графъ Шуваловъ и священникъ Л.-Гв. Гродненскаго Гусарскаго полка. Послѣ панихиды и прочувствованной рѣчи, сказанной графомъ Шуваловымъ, полковой хоръ съигралъ „Коль славенъ“ и полковой маршъ и тѣла покойныхъ были опущены въ могилы.

Въ тотъ-же день полкъ получилъ изъ Чирикова, съ главнаго перевязочнаго пункта извѣстiе, что Генералъ-Маiоръ Лавровъ скончался. Во временное командованiе вступилъ Полковникъ Вейсъ, принявшiй полкъ еще 12-го октября, тотчасъ послѣ раненiя командира полка.

15-го Октября отъ полка были высланы большiя команды для уборки съ поля сраженiя труповъ турокъ, лошадей и воловъ, издававшихъ страшное зловонiе.

Бивакъ полка по соображенiямъ гигiеническаго свойства былъ переведенъ въ этотъ день опять на новое мѣсто, по другую сторону шоссе и къ сѣверу отъ прежняго бивака.

Въ 2 часа утра 1-й батальонъ былъ посланъ на смѣну Л.-Гв. Литовскаго полка въ укрѣпленiя, вырытыя полкомъ наканунѣ, весь же остальной полкъ былъ готовъ для дѣйствiя, въ случаѣ надобности, противъ Плевны.

Постоянныя передвиженiя полка съ одной позицiи на другую, то къ западу, то къ востоку отъ Горнаго Дубняка ясно показывали всѣмъ чинамъ его, что хотя Софiйское шоссе—эта операцiонная линiя Плевненской армiи Османа-Паши и въ нашихъ рукахъ, тѣмъ не менѣе положенiе западнаго отряда Генералъ-Адъютанта Гурко, въ составъ ко-

* Впослѣдствiи останки Полковника Ожаровскаго были перевезены, по желанiю его супруги, въ С.-Петербургъ и похоронены на Смоленскомъ кладбищѣ 21 февраля 1878 года.

тораго входилъ полкъ, еще далеко не обезпечено; только одинъ Горный Дубнякъ былъ взятъ, остальныя же укрѣпленія Софійскаго шоссе оставались еще во власти Турокъ, которые, энергично дѣйствуя отъ Плевны и отъ Софіи—могли бы напасть въ превосходныхъ силахъ на русскую гвардію и тѣмъ самымъ поставить ее въ опасное положеніе.

Однако впечатлѣніе, произведенное на Турокъ геройскимъ взятіемъ Горнаго Дубняка было на столько сильно, что они не только не рѣшались предпринимать какихъ-либо наступательныхъ дѣйствій, но и въ оборонѣ своихъ укрѣпленій, бывшей до этого всегда стойкой, выказали значительную слабость.

16-го октября, продолжая исполнять свой первоначальный планъ замкнутія линіи обложенія Плевны, Генералъ Гурко съ частью своего отряда * атаковалъ ближайшее къ Горному Дубняку укрѣпленіе Телиша, которое и было взято послѣ двухъ часовой весьма сильной бомбардировки изъ 72 орудій. Потери наши при этомъ, вслѣдствіе правильнаго употребленія артиллеріи, были ничтожны; результатъ-же былъ весьма значителенъ, такъ какъ взятіемъ Телиша было обезпечено не только расположеніе отряда Генерала Гурко, но и обладаніе комуникаціонной линіей Плевненской арміи.

Во взятіи Телиша Л.-Гв. Финляндскій полкъ участія не принималъ, простоявъ, однако, съ утра на своемъ бивакѣ въ полной боевой готовности, на всякій случай. Только 1-й батальонъ, по личному приказанію Генералъ-Адъютанта Гурко былъ двинутъ для прикрытія 1-й и 6-й батарей Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады [6]. Извѣстіе о сдачѣ Телиша было получено въ полку въ 2 часа дня, 1-й же батальонъ вернулся къ полку только поздно вечеромъ.

Утромъ этого же дня полкъ удостоился полученія Высочайшей благодарности за молодецкія дѣйствія въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ; благодарность была передана Флигель-Адъютантомъ Полковникомъ Энденомъ [7].

20-го октября произошло другое крупное событіе на Софійскомъ шоссе. Замѣтивъ, что наши войска приблизились вечеромъ 19-го къ укрѣпленіямъ Дольняго Дубняка, турецкій гарнизовъ этого укрѣпленія отступилъ ночью къ Плевнѣ. Такимъ образомъ этотъ важный пунктъ достался въ наши руки безъ выстрѣла, желѣзное кольцо сомкнулось вокругъ Плевны еще тѣснѣе и началась окончательная блокада ея.

Очищеніе Турками Дольняго Дубняка и сдача Телиша показали, какъ велико было моральное значеніе боя 12 октября подъ Горнымъ Дубнякомъ; такимъ образомъ событія 16 и 20 октября еще болѣе подчеркнули громадное значеніе кровопролитнаго штурма Горнаго Дубняка въ стратегическомъ отношеніи.

Во время занятія Дольняго Дубняка Л.-Гв. Финляндскій полкъ стоялъ бивакомъ у Горнаго Дубняка, на той самой „полянѣ смерти“, черезъ которую онъ наступалъ въ сраженіи 12 октября.

Причины и взаимная связь событій, происходившихъ тогда не только на всемъ театрѣ войны, но даже и въ раіонѣ дѣйствій западнаго отряда Генерала Гурко, были мало понятны строевымъ офицерамъ. „Мы, строевые офицеры,—пишетъ въ своемъ днев-

---

* Первыя бригады 2-й и 3-й гвард. пѣх. дивизій съ кавалеріей и артиллеріей.

никѣ офицеръ полка—[8], какъ очень мало посвященные въ дѣло, не могли себѣ объяснить почему турки очистили безъ боя Дольно-Дубнякскую позицію; но это непониманіе съ нашей стороны превратилось просто въ удивленіе, когда мы вечеромъ 20 числа подошли къ брошенной турками позиціи и разсмотрѣли ее; эта позиція была замѣчательно сильна, какъ благодаря: во первыхъ—совершенно открытой мѣстности съ легкой покатостью къ сторонѣ Горнаго Дубняка, а во вторыхъ—шести великолѣпно построеннымъ сомкнутымъ укрѣпленіямъ большой профили, соединеннымъ между собою траншеями".

Въ дѣйствительности общее положеніе сторонъ на Западномъ фронтѣ, послѣ сдачи турками Дольняго Дубняка и къ концу Октября было слѣдующее.

Отрядъ Генерала-Адъютанта Гурко, въ короткое время съ 12-го по 28 Октября, занялъ обширное пространство къ западу отъ Плевны, владѣя мѣстностью до Искера и сѣверныхъ предгорій Балкановъ; главная масса войскъ отряда была расположена на укрѣпленныхъ позиціяхъ подъ Плевной.

Такимъ образомъ въ юго-западномъ направленіи Плевненская армія Османа-Паши была отрѣзана отъ своихъ сообщеній. Въ прочихъ направленіяхъ всѣ пути изъ Плевны были преграждены русско-румынской арміей обложенія.

Численность русскихъ войскъ, обложившихъ Плевну со всѣхъ сторонъ, доходила до 140 тысячъ человѣкъ; блокадная линія, длиною въ 45 верстъ, первоначально пролегала между Дольнимъ Дубнякомъ и Плавивасъ, направляясь затѣмъ на Пернину, Брестовецъ, Гривицу, Биволаръ, Дольній Метрополь и смыкалась передъ Дольнимъ Дубнякомъ; въ общемъ она представляла собою овалъ неправильной формы, длинная ось котораго была въ 17-ть верстъ, а короткая—въ 14-ть верстъ. Линія эта состояла изъ непрерывнаго ряда укрѣпленій, сплошь занятыхъ войсками. Бдительность нашихъ войскъ во время этой блокады была замѣчательная: всѣ усилія турокъ получить какія-либо свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось за блокадной линіей были тщетны и Плевненская армія была дѣйствительно обложена вполнѣ тѣсно.

При такомъ положеніи вещей оставалось только выжидать, пока голодъ заставитъ сдаться 50-ти тысячную Турецкую армію Османа-Паши, не рѣшавшагося на открытый бой.

Подобный планъ былъ принятъ Главной Квартирой и слѣдовательно достиженіе побѣды на западномъ фронтѣ нашего расположенія составляло лишь вопросъ времени.

Образъ дѣйствій, принятый вслѣдствіи такого плана для войскъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда заключался, главнымъ образомъ, въ содержаніи блокадной линіи на Софійскомъ шоссе; въ соотвѣтствіи съ этимъ, расположеніе гвардіи было тогда слѣдующее: 1-я гвардейская пѣхотная дивизія занимала укрѣпленную позицію впереди Дольняго Дубняка, верстахъ въ $3^1/_2$ отъ него; занимаемый ею участокъ укрѣпленій блокадной линіи имѣлъ протяженіемъ около 3-хъ верстъ, центръ этого участка пересѣкался Софійскимъ шоссе. Эту позицію занимали первые три полка 1-й дивизіи съ 6-ью батареями; лейбъ-егеря же находились въ частномъ резервѣ. Общій резервъ составляли: 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, гвардейская стрѣлковая бригада, Л.-Гв. Саперный батальонъ и нѣкоторыя кавалерійскія части; онъ стоялъ у Дольняго Дубняка. 3-я гвардейская пѣхотная дивизія была расположена по-бригадно у Медованской горы и на Гир-

нинскихъ высотахъ. Итакъ, главная масса войска отряда Генералъ-Адъютанта Гурко была придвинута къ р. Виду, замкнувъ окончательно желѣзное кольцо, окружавшее армію Османа-Паши; въ этомъ расположеніи отрядъ Генерала Гурко имѣлъ правѣе себя дивизію Генерала Скобелева 2-го, а лѣвѣе—Румынскія войска [9].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, входившій въ составъ общаго резерва, былъ расположенъ, послѣ занятія Дольняго Дубняка, близъ этого пункта и южнѣе его, въ общемъ составѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Простоявъ одиннадцать дней у Дольняго Дубняка, полкъ получилъ приказаніе двинуться въ составѣ прочихъ частей отряда Генерала Гурко на югъ по Софійскому шоссе, для дѣйствій противъ турецкихъ силъ, собравшихся въ раіонѣ Софіи, въ случаѣ ихъ намѣренія протянуть руку помощи Плевненской арміи.

Съ 20 октября по 1 ноября, т. е. за время своего пребыванія въ составѣ общаго резерва отряда Генерала Гурко, сзади блокадной линіи у Дольняго Дубняка, Л.-Гв. Финляндскій полкъ простоялъ совершенно спокойно при условіяхъ почти мирнаго времени: въ резервѣ ему не приходилось имѣть соприкосновенія съ противникомъ, да впрочемъ и передовыя войска ограничивались лишь строгимъ наблюденіемъ за турками.

Видъ Арабъ-Конана.
Съ акварели съ натуры.

Съ 21 октября полкъ прочно основался на своемъ бивакѣ, устроенномъ нѣсколько къ югу отъ Дольняго Дубняка. Выставлены были караулы и бивачная цѣпь; принимались всевозможныя мѣры къ содержанію въ надлежащей чистотѣ бивачной мѣстности, стали производиться строевыя занятія, люди чинили и чистили свое обмундированіе. „Вообще на бивакѣ установилась, — говоритъ дневникъ полка [10], — какъ бы лагерная жизнь мирнаго времени съ выставленіемъ карауловъ, перекличкою, отданіемъ пароля, утренними и вечерними занятіями. Непріятеля словно не было и не бывало; на бивакахъ раздавались громкія удалыя пѣсни, плясали трепака и слышались перекаты троекратныхъ обрывистыхъ „ура!"—это пили казенную чарочку, чтобы согрѣться".

Изъ выдающихся событій за вторую половину октября мѣсяца Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку произошли слѣдующія:

18-го октября принялъ полкъ вновь назначенный командующимъ полкомъ Генеральнаго Штаба Полковникъ Шмидтъ. Въ обращеніи своемъ къ людямъ и въ приказѣ по

полку Полковникъ Шмидтъ высказалъ, что считаетъ за особую честь и величайшее счастье командовать славными Финляндцами, что на полкъ онъ смотритъ какъ на дорогое наслѣдіе послѣ покойнаго командира, его лучшаго друга. Онъ заклиналъ полкъ новыми славными побѣдами отплатить врагу за смерть любимаго командира... [11].

22-го октября полкъ посѣтилъ Его Высочество Принцъ Карлъ Румынскій, командующій арміей обложенія Плевны, при объѣздѣ биваковъ частей, участвовавшихъ въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ. Подъѣхавъ къ полку, Его Высочество обратился къ офицерамъ съ слѣдующими словами, сказанными по французски [12]: „Мнѣ очень жаль тѣхъ огромныхъ потерь, которыя вы понесли, въ особенности въ лицѣ вашего командира Генерала Лаврова, съ которымъ я успѣлъ познакомиться. Но утѣшеніемъ вамъ должно служить то, что этотъ день составитъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи полка".

Вечеромъ 22-го октября по бивакамъ гвардейскихъ полковъ разнеслась неожиданная и радостная вѣсть о пріѣздѣ Государя Императора въ расположеніе гвардіи на утро 23-го октября. Все засуетилось, забѣгало, началась генеральная чистка и уборка. Фронтъ гвардейскихъ полковъ, выстроенныхъ для встрѣчи Государя, принялъ столь благообразный видъ, что трудно было повѣрить, что они участвовали нѣсколько дней тому назадъ въ ужасномъ штурмѣ; лица, хотя и загорѣлыя, но чисто выбритыя, смотрѣли весело; пуговицы на мундирахъ блестѣли; на околышкахъ не было пятенъ; тѣ, у которыхъ обмундировка не отличалась новизною, попрятались въ заднія шеренги. По наружному виду нельзя было судить о томъ, что пережили гвардейцы, но малыя кучки офицеровъ и небольшія по длинѣ фронта роты говорили за себя...

Въ 2 часа дня Государь Императоръ въ сопровожденіи Главнокомандующаго и громадной свиты изволилъ объѣзжать биваки всѣхъ частей, расположенныхъ подъ Дольнимъ Дубнякомъ. Каждый батальонъ, каждая рота удостоились отдѣльнаго Высочайшаго объѣзда. Государь останавливался, благодарилъ солдатъ за дѣло 12-го октября и милостиво разговаривалъ съ офицерами, выражая глубокое сожалѣніе о павшихъ и раненыхъ. Л.-Гв. къ Финляндскому полку Его Величество изволилъ быть очень милостивъ и внимателенъ, разсказывая о раненыхъ Финляндцахъ, которыхъ онъ видѣлъ въ Боготѣ. Государь Императоръ былъ замѣтно взволнованъ и тронутъ восторженнымъ привѣтствіемъ гвардейскихъ войскъ; Онъ снова былъ съ тѣми, кого привыкъ такъ часто видѣть въ своей столицѣ; здѣсь, на полѣ битвы многихъ знакомыхъ лицъ не доставало въ строю, многіе стояли тутъ съ повязанными руками и головами, свѣжими слѣдами того геройскаго штурма, за который Императоръ пріѣхалъ ихъ благодарить.

Его Величество благодарилъ каждый полкъ отдѣльно; раненыхъ, но оставшихся въ строю, разспрашивалъ о положеніи ранъ; громко разсказывалъ о товарищахъ, видѣнныхъ Имъ въ госпиталяхъ; вспоминалъ объ убитыхъ командирахъ и хорошихъ чертахъ изъ ихъ жизни. Въ голосѣ Государя звучало сильное волненіе [13].

Передъ отъѣздомъ Государь посѣтилъ раненыхъ, лежавшихъ въ лазаретахъ при своихъ частяхъ, облегчая Своимъ вниманіемъ ихъ страданія. Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу Государь выражалъ нѣсколько разъ Свое удо-

вольствіе и благодарность какъ за отличный видъ гвардейскихъ полковъ, такъ и за устройство Его Высочествомъ къ нимъ поѣздки Государя Императора. Благосклонное и полное горячей сердечности отношеніе Государя къ гвардіи, выразившееся на смотру подъ Дольнимъ Дубнякомъ, для котораго Государь провелъ цѣлыя сутки въ дорогѣ, было принято съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Въ первые дни стоянки подъ Дольнимъ Дубнякомъ полкъ посылалъ цѣлыя роты, а иногда и батальоны на передовыя позиціи для помощи рабочимъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи по возведенію полевыхъ укрѣпленій, блокадной линіи. Работы шли чрезвычайно поспѣшно, но съ 23-го Октября онѣ продолжались уже съ меньшей быстротой и полкъ въ нихъ участія не принималъ. Съ 25-го Октября приступили къ заготовкѣ матеріаловъ для постройки землянокъ, въ виду наступившихъ довольно ощутительныхъ ночныхъ морозовъ [14].

Ежедневно производились строевыя занятія, а съ 24-го Октября назначались и по два раза въ день: утромъ — гимнастика, одиночное и ротное ученія, а послѣ обѣда — батальонное ученіе. Мѣра эта была дѣйствительно необходима: при быстротѣ мобилизаціи многіе назначенные изъ запаса вовсе не знали строя, такъ какъ зачислены были рядовыми изъ бывшихъ горнистовъ, барабанщиковъ, мастеровыхъ; среди нихъ были и такіе, которые до призыва изъ запаса служили въ кавалеріи. Кромѣ того ученья были полезны тѣмъ, что давали возможность вновь сплотить роты, переформированныя и перетасованныя послѣ потерь 12-го Октября.

Наличная численность Л.-Гв. Финляндскаго полка въ это время была много меньше, чѣмъ по списочному состоянію; по отношенію же къ штатному состоянію наличная численность была еще меньше. Строевой рапортъ Л.-Гв. Финляндскаго полка отъ 22-го Октября даетъ слѣдующее, весьма интересное, указаніе о боевомъ составѣ полка [15]:

	Генер.	Шт.-оф.	Об.-оф.	Унт.-оф.	Муз.	Рядовыхъ	Чиновн.	Нестр.	Деньщик.
По штату положено:	1	6	73	320	117	3,600	8	13	197
По списку состоитъ:	7	11	66	433	116	2,705	10	205	71
Больныхъ:	—	2	12	59	5	337	—	3	2
Въ командировкахъ и отпуску:	7	5	14	1	—	21	6	3	7
На лицо:	—	4	40	373	111	2,347	4	199	62

Болѣзненность, развивавшаяся среди нижнихъ чиновъ полка во время стоянки его у Дольняго Дубняка, еще болѣе уменьшила численность рядовъ въ ротахъ; такъ за время съ 12-го Октября по 1-е Ноября полкъ сдалъ въ госпиталя больными 83 человѣка, да кромѣ того имѣлись еще больные и при полку.

Главной причиной значительной заболѣваемости нижнихъ чиновъ являлось антисанитарное состояніе бивака, породившее дезинтерію. Несмотря на всѣ самыя энергичныя мѣры, принимавшіяся офицерами полка, чистота на бивакѣ поддерживалась съ большимъ трудомъ; отсутствіе аккуратности, столь свойственное русской натурѣ, ощущалось здѣсь очень сильно. „У насъ развилась дезинтерія,—писалъ участникъ похода [16],—и если бы полку

пришлось долго тамъ простоять, то мы вѣроятно не дешево отдѣлались бы". Изъ общаго числа 83-хъ — больныхъ заболѣвшихъ дезинтеріей было 59, остальные болѣли преимущественно лихорадкою, появившеюся отъ рѣзкихъ перемѣнъ дневной и ночной температуры.

Довольствіе нижнихъ чиновъ пищею не вполнѣ достаточною и не привычною служило также причиною развитія дезинтеріи. Ни сухарей, ни хлѣба не было, кукуруза замѣняла и то и другое. Ее ѣли въ разныхъ видахъ: разваренную, поджаренную на угольяхъ, размолотую или вѣрнѣе раздавленную между камнями, а также въ видѣ печеныхъ лепешекъ; для этого кукуруза перетиралась въ муку при помощи импровизированныхъ терокъ изъ жестяныхъ листовъ и крышекъ котелковъ, въ которыхъ гвоздемъ пробивались зазубренныя дырья. Несмотря на разнообразіе способовъ приготовленія, кукуруза не пришлась по вкусу солдатамъ и ни въ коемъ случаѣ не замѣняла имъ привычныхъ хлѣба и сухарей. За то мяса солдаты получали въ достаточномъ количествѣ; оно заготовлялось кавалерійскими частями отряда; покупать же скотъ пѣхотнымъ полкамъ было строго запрещено. Увеличенная дача мяса пополняла отчасти недостатокъ въ хлѣбѣ. Крупы и соли имѣлось тоже не вполнѣ достаточно [17].

27-го Октября 2-й батальонъ былъ командированъ въ деревню Радомирцы, для приготовленія хлѣба и сухарей, въ виду предполагавшагося движенія 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій въ Орханіэ. Батальонъ долженъ былъ выпечь хлѣба и сухарей на всю 2-ю дивизію. Зерно добывалось реквизиціей, причемъ семейнымъ болгарамъ оставалась $1/5$ найденнаго у нихъ, а холостымъ—$1/10$; въ брошенныхъ дворахъ забиралось все.

2-й батальонъ приготовилъ въ Радомирцахъ * до тысячи хлѣбовъ, которые были распредѣлены между всѣми полками дивизіи.

На третій день по выступленіи 2-го батальона въ Радомирцы послѣдовалъ за нимъ и весь Л.-Гв. Финляндскій полкъ, направляясь къ Балканамъ въ составѣ прочихъ войскъ отряда Генералъ-Адъютанта Гурко. 1-го ноября, наканунѣ выступленія, полученное о немъ приказаніе было встрѣчено съ большою радостью: стоянка у Дольняго Дубняка всѣмъ очень наскучила; къ тому же движеніе за Балканы, казавшееся многимъ и легкимъ и быстро достижимымъ, сулило пребываніе въ благодатномъ, тепломъ климатѣ, что при наступившей холодной погодѣ ** являлось болѣе чѣмъ заманчивымъ.

Движеніе отряда Генерала Гурко на югъ къ Балканамъ явилось слѣдствіемъ плана, предложеннаго Генераломъ Гурко и утвержденнаго Государемъ; въ основу этого плана легла идея, наступленіемъ по Софійскому шоссе за Балканы—уничтожить всѣ турецкіе отряды, стягиваемые Оттоманскимъ правительствомъ въ раіонѣ города Софіи.

Записка *** командира Л.-Гв. Финляндскаго полка Генералъ-Маіора Шмидта, подъ

* По приходѣ въ Радомирцы, офицеры 2-го батальона съ интересомъ разглядывали турецкія укрѣпленія, возведенныя тамъ на близь лежащихъ высотахъ.

** Въ дневникѣ полка отмѣчено, что 30 и 31 октября холодъ былъ такъ силенъ, что ночью почти никто не могъ уснуть.

*** Записка эта озаглавлена такимъ образомъ: „Значеніе выступленія гвардіи изъ подъ Дольняго Дубняка и занятіе Балканъ. Тактическое и стратегическое значеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка на Балканахъ". Она приложена къ дневнику полка за кампанію 1877—78 г.

начальствомъ котораго полкъ совершилъ Забалканскій походъ, представляетъ положеніе дѣлъ на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ моментъ, предшествовавшій выступленію полка за Балканы, въ слѣдующемъ видѣ:

„Со дня Горно-Дубнякскаго сраженія блокада Плевны сомкнулась и участь Плевненскаго горнизона сдѣлалась только вопросомъ времени. На первыхъ порахъ полагали, что за недостаткомъ припасовъ гарнизонъ Плевны сдастся очень скоро; но уже черезъ нѣсколько дней стали получаться, черезъ дезертировъ и лазутчиковъ, свѣдѣнія, что въ городѣ имѣется еще продовольствія недѣль на шесть. При распорядительности и энергіи, выказанной Османомъ-Пашею въ теченіи всей обороны Плевны, свѣдѣнія эти имѣли полное правдоподобіе, а потому казалось, что весь гвардейскій корпусъ обреченъ былъ на 6—8 недѣльную пассивную блокаду.

„Начальникъ войскъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда, Генералъ-Адъютантъ Гурко основательно находилъ, что этими 6—8 недѣлями Турецкое правительство воспользуется для выручки Плевны. Громадное стратегическое значеніе этого пункта, парализовавшаго всѣ наши наступательныя дѣйствія, взоры всей Европы, устремленные на Плевну, были для турокъ достаточными мотивами для самыхъ рѣшительныхъ и энергическихъ мѣръ. И дѣйствительно, въ штабѣ Генерала Гурко получались свѣдѣнія, что въ Орханіэ и Софіи учреждаются большіе склады припасовъ, сосредоточиваются войска, формируются новые. Очевидно, эти войска могли изъ Орханіэ, отстоящаго отъ Плевны на 5 небольшихъ переходовъ, произвести диверсію, съ цѣлью заставить снять блокаду съ западной стороны Плевны; въ случаѣ даже неудачи этого предпріятія, они могли отвлечь на себя часть блокирующихъ войскъ; могли укрѣпиться у Орханіэ, въ Балканахъ и тѣмъ создать намъ новыя Плевны; могли, наконецъ, владѣя Софіею, парализировать дѣйствія Сербіи, ожидавшей только благопріятной минуты, для объявленія Турціи войны.

„Таковы были тѣ безспорно вѣрныя и важныя соображенія, по которымъ Генералъ-Адъютантъ Гурко находилъ необходимымъ уничтожить новыя формированія въ самомъ ихъ зародышѣ, захватить непріятельскіе запасы, помѣшать сосредоточенію войскъ и тѣмъ не только гарантировать безопасность блокирующихъ войскъ, но и подготовить шансы къ успѣшному окончанію войны. Планъ Генералъ-Адъютанта Гурко былъ одобренъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ; другими словами рѣшено движеніе въ Балканы, поведшее за собою Забалканскій походъ гвардіи.

„Укрѣпленія и ложементы западной части блокадной линіи вокругъ Плевны, съ 20 октября, занимались 1-ою гвардейскою пѣхотною дивизіею; 2 ноября они переданы были 2-й и 3-й гренадерскимъ пѣхотнымъ дивизіямъ; 2-го же ноября, отрядъ Генералъ-Адъютанта Гурко началъ движеніе изъ Дольняго Дубняка черезъ Телишъ, Радомирцы и Яблоницу. Отрядъ состоялъ изъ 1 и 2 гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллеріею, гвардейской стрѣлковой бригады, Л.-Гв. Сапернаго батальона, Сводной Драгунской и Сводной Казачьей бригады;—всего 37 батальоновъ, 24 эскадрона и 120 орудій. На пути къ отряду присоединилась еще (черезъ Тетевень) 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи (11 пѣх. Псковскій и 12 пѣх. Великолуцкій полки).

„Ближайшею цѣлью отряда было занятіе городовъ Орханіэ и Этрополь, какъ самыхъ

значительныхъ пунктовъ по сю (сѣверную) сторону Великихъ Балканъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ притомъ и стратегическое значеніе. Въ Орханіэ, т. е. на Софійскомъ шоссе, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, собраны были большіе запасы и возведены были укрѣпленія, для защиты входа въ длинное горное дефиле, ведущее къ Арабъ-Конаку.

„Этрополь былъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что, овладѣвъ имъ, получалась возможность, прямымъ движеніемъ черезъ Стрыглъ, выйти въ долину Комарцы. Этимъ обходилось все 20-ти-верстное, сплошное горное дефиле, какимъ представляется Софійское шоссе отъ Врачеша до Арабъ-Конака. Фронтальное форсированіе такого дефиле было, конечно, немыслимо.

„Разъ занявшій долину Комарцы отрядъ пріобрѣталъ громадныя выгоды: Арабъ-Конакскій перевалъ и все ущелье до Орханіэ переходило въ его руки и слѣдовательно получалась возможность установить связь съ войсками у Плевны, подвозить къ войскамъ, перешедшимъ Балканы, боевые и продовольственные припасы, по шоссе. Кромѣ того въ долинѣ Комарцы лежитъ узелъ дорогъ, почему можно было: 1) двинувшись по шоссе на западъ, овладѣть Софіею, значеніе которой уже было выяснено, 2) двинувшись, черезъ Петричево на югъ, долиною р. Топольницы, къ Филиппополю, отрѣзать софійскимъ войскамъ турокъ отступленіе черезъ Ихтиманъ и Самаково, а также преслѣдовать тѣ ихъ войска, которыя, по оставленіи Балканъ, стали бы отступать долиною Топольницы; наконецъ, 3) можно было движеніемъ на востокъ черезъ Златицу, Рахманлы и Карлово угрожать тылу турокъ, оборонявшихъ перевалъ черезъ Балканы у Трояна и далѣе къ Шипкѣ.

„Изъ всего сказаннаго видно какое важное значеніе пріобрѣталъ Забалканскій походъ гвардіи, какіе богатые обѣщалъ онъ результаты."

Въ четыре перехода отрядъ Генерала Гурко достигъ изъ подъ Дольняго Дубняка деревни Яблоницы, лежащей въ предгорьяхъ Балканъ. Около недѣли простояли тамъ всѣ части отряда, и приступили къ постройкѣ укрѣпленій на своихъ позиціяхъ, а также и къ возведенію шалашей, необходимыхъ въ виду скораго наступленія зимняго времени. Такимъ образомъ, какъ эта стоянка, такъ и распоряженія отдаваемыя въ то время Генераломъ Гурко, повидимому показывали, что отрядъ надолго останется на занятыхъ позиціяхъ; но едва ли это не была военная хитрость, имѣвшая цѣлью ввести въ заблужденіе противника; по крайней мѣрѣ, уже отдавая эти распоряженія, Генералъ Гурко обдумывалъ подробности дальнѣйшихъ операцій. [18]

Отрядъ Генералъ-Адъютанта Гурко, собравшійся въ полномъ составѣ къ 6-му ноября у Яблоницы состоялъ изъ слѣдующихъ частей: 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, гвардейской стрѣлковой бригады, 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи, Л.Гв. Сапернаго батальона, 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, Кавказской казачьей бригады и соотвѣтствующаго количества артиллерійскихъ частей. Всего въ отрядѣ было: 43 батальона, 50 эскадроновъ и сотенъ и 174 орудія численностью болѣе 35 тысячъ человѣкъ; эти силы Генералъ Гурко распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ:

1) Передовой отрядъ Генералъ-Маіора Дандевилля, расположившійся у деревни Големы-Бомарскій-Изворъ, имѣя авангарды на Софійскомъ шоссе, близь деревни Осиково

(Усиковицы) и на Этропольской дорогѣ; въ составъ его входили: 14 батальоновъ и 26 эскадроновъ и сотенъ при 56 орудіяхъ.

2) Правый летучій отрядъ Генералъ-Маіора Мокова, состоявшій изъ 16 эскадроновъ и 14 конныхъ орудій былъ двинутъ по направленію къ городу Врацѣ.

3) Главныя силы подъ общимъ командованіемъ начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Графа Шувалова, всего 29 батальоновъ, 8 эскадроновъ, 88 пѣшихъ и 16 конныхъ орудій; въ составѣ: 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи; 2-ой бригады 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи; гвардейской стрѣлковой бригады; Л.-Гв. Сапернаго батальона; Л.-Гв. Гусарскаго Его Величества и Л.-Гв. Уланскаго полковъ и 1-ой и 2-ой гвардейскихъ артиллерійскихъ бригадъ, съ приданными къ нимъ еще нѣсколькими незначительными артиллерійскими частями. Главнымъ силамъ приказано было стать у Яблонипъ, и служить какъ бы резервомъ, почему отрядъ Графа Шувалова и назывался также резервнымъ Яблоницкимъ отрядомъ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ входилъ въ составъ Яблоницкаго отряда.

Такъ какъ, въ силу разныхъ причинъ, сборъ свѣдѣній о противникѣ былъ весьма труденъ, то дѣйствительное расположеніе турокъ и силы ихъ были извѣстны штабу отряда Генерала Гурко лишь приблизительно.

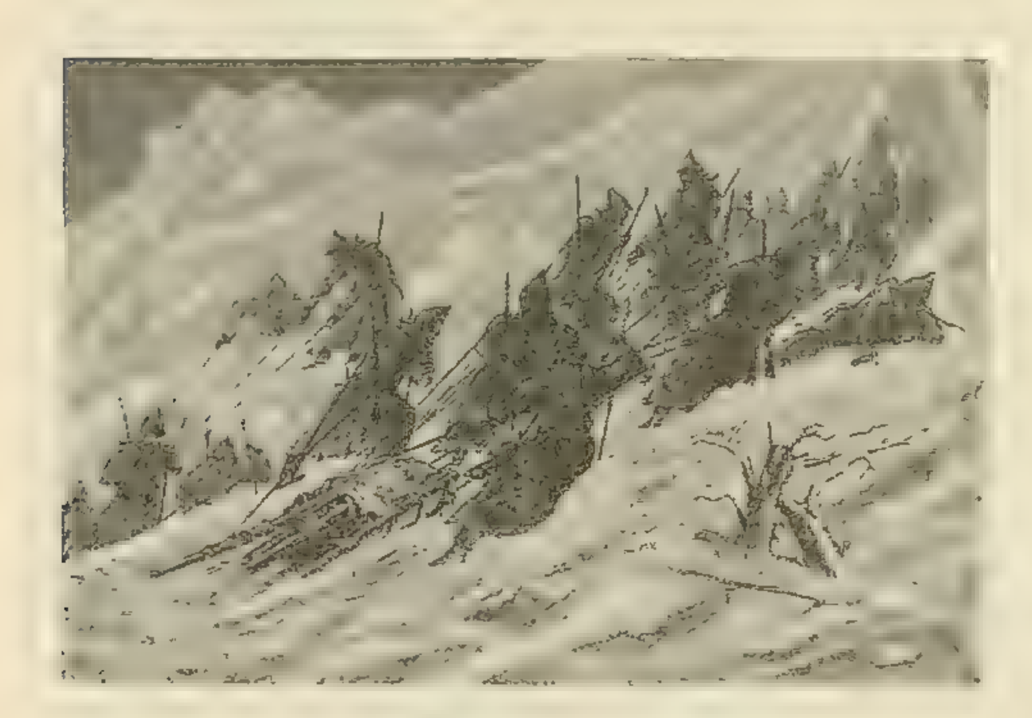
Армія Мехметъ-Али, противъ которой пришлось дѣйствовать отряду Генерала Гурко при его движеніи за Балканы, находилась еще въ періодѣ формированія и къ началу ноября мѣсяца численность ея достигала до 20 тысячъ человѣкъ. Расположеніе ея было слѣдующее: три передовыхъ отряда –Этропольскій, Правецкій и Врацкій занимали въ предгорьяхъ Балканъ три укрѣпленныя позиціи—у Этрополя, Правеца и между Врацею и Орханіэ; въ резервѣ находились два отряда—у Лозанна и у Врачеша, а также и отрядъ Черкесовъ у входа въ Арабъ-Конакское ущеліе; на крайнемъ правомъ флангѣ у Златицкаго перевала стоялъ особый отрядъ такъ же какъ и у Лютикова; общій резервъ занималъ весьма сильную позицію у Арабъ-Конака, на главномъ хребтѣ Балканъ, по обѣ стороны Софійскаго шоссе; а часть его стояла между Златицей-Ташкесеномъ.

Фронтъ Турецкаго расположенія занималъ около 50-ти верстъ. Кромѣ этихъ войскъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ Берковацѣ и въ Софіи, стояли два отряда общею численностью въ 18 батальоновъ; сверхъ этого изъ Босніи и Герцеговины ожидались подкрѣпленія.

Армія Мехмедъ-Али далеко еще не имѣла той силы, которую онъ считалъ необходимой для предпринятія наступательныхъ дѣйствій совмѣстно съ Шипкинской арміей Вессиль-Паши на Плевну съ цѣлью освобожденія арміи Османа-Паши. Свое наступленіе Мехмедъ-Али предполагалъ начать не ранѣе 20-го Ноября, т. к. только къ этому времени онъ могъ получить достаточное подкрѣпленіе изъ Софіи и Ниша. Концентрическое наступательное движеніе армій Мехмедъ—Али и Вессиль-Паши предпологалось произвести такимъ образомъ, что бы Шипкинская армія начала наступленіе однимъ или двумя днями ранѣе первой и двигаясь черезъ Шипку отвлекла бы на себя часть русскихъ силъ отъ Плевны. Что же касается до отряда Генерала Гурко, то какъ показываютъ турецкіе источники, турки едва ли знали о сосредоточеніи этого отряда у Яблоницы и во всякомъ

случаѣ не придавали ему никакого значенія [19]. Такимъ образомъ задуманный по плану Генерала Гурко переходъ черезъ Балканы, являлся для турокъ вполнѣ неожиданнымъ и долженъ былъ совершенно разстроить ихъ планы въ основѣ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ началъ свое движеніе къ Балканскимъ горнымъ проходамъ въ морозное и сильно-туманное утро 2-го Ноября. Первый переходъ былъ на Радомирцы черезъ Телишъ, длинною въ 35 верстъ. Радостно собрались Финляндцы перевалить черезъ неприступныя Балканскія горы и вступить въ невѣдомую для нихъ страну, гдѣ ни мѣстность, ни расположеніе противника, ни численность его не были имъ извѣстны.

Подъемъ артиллеріи на гору.

Приказаніе объ этомъ походѣ полкъ получилъ лишь наканунѣ, поэтому сборы были недолгіе, да при отсутствіи средствъ и собирать было нечего. Нельзя было сдѣлать ни надлежащихъ запасовъ одежды, ни какихъ бы то ни было походныхъ принадлежностей; невозможно было приспособить даже и обозъ къ предстоявшимъ движеніямъ черезъ горы; только пополнены были запасы продовольствія: людямъ было выдано съ вечера 1-го Ноября по 18-ти фунтовъ сухарей, сверхъ того 4-хъ дневный запасъ ихъ уложенъ былъ въ обозѣ.

Отобѣдавъ въ 6 ч. утра и получивъ на дорогу по 1 фунту варенаго мяса, люди выступили въ походъ и быстрымъ шагомъ направились на Телишъ по ровному и гладкому шоссе. За Телишемъ начались подъемы Балканскихъ предгорій, сразу же замедлившіе маршъ, вслѣдствіе чего только къ 6 ч. вечера Финляндцы прибыли въ Рядомирцы, гдѣ и встали бивакомъ на склонѣ горы.

Здѣсь полкъ простоялъ на дневкѣ 3-е Ноября, проведя его въ саперныхъ работахъ по укрѣпленію позиціи. Вечеромъ получено было приказаніе офицерамъ приготовить къ сдачѣ чемоданы на случай дальнѣйшаго движенія впередъ.

4-го Ноября, проработавъ все утро по укрѣпленію позиціи, полкъ послѣ полудня выступилъ съ бивака и, пройдя 12 верстъ, былъ остановленъ въ Петровенѣ, а на слѣдующій день 5-го Ноября, пройдя такое же разстояніе, прибылъ въ деревню Яблоницы—сборный пунктъ отряда Генерала Гурко. Офицерскій и облегченный обозы были оставлены въ Радомирцахъ, а вслѣдъ затѣмъ переведенъ былъ туда изъ Чирикова и обозъ 3-го разряда; обозъ и хлѣбопеки, оставленные 2-мъ батальономъ, присоединив-

шимся къ полку, поступили въ Радомирцахъ подъ команду Подпоручика Гершельмана 2-го, вмѣсто возвращеннаго въ строй Подпоручика Пуликовскаго.

Движеніе до Яблоницъ полкъ совершалъ въ общей дивизіонной колоннѣ, въ хвостѣ которой шелъ весь обозъ 1-го и 2-го разряда.

Благопріятная погода и очень живописная мѣстность отъ села Радомирцы, гдѣ началось предгорье Малыхъ Балканъ, дѣлали походъ легкимъ и пріятнымъ; однако уже подходя къ Яблоницамъ стали встрѣчаться печальные слѣды войны: у дороги валялось много полуголыхъ мужскихъ и женскихъ труповъ, какъ турецкихъ такъ и болгарскихъ, и стаи собакъ рвали и глодали ихъ; трупы эти указывали путь, по которому бѣжали турецкія войска.

Съ 6-го по 10-ое Ноября отрядъ Генерала Гурко стоялъ у Яблоницъ, употребивъ эти дни на развѣдку позицій, дорогъ и тропинокъ ведущихъ къ сторонѣ противника. Нижніе чины полка заняты были саперными работами, укрѣпляя позиціи на случай наступленія противника; офицеры же назначались на развѣдки ежедневно по семи человѣкъ отъ полка съ 10—15 нижними чинами; развѣдки эти были направлены къ сторонѣ деревень Видроръ, Суменъ, Малый Изворъ, Спаде, и Болгарскій-Изворъ. На ряду съ этимъ очередные батальоны полка занимали аванпосты.

Погода все время стояла ясная, солнечная, хотя ночи были холодныя; [20] тѣмъ не менѣе, вслѣдствіи общихъ благопріятныхъ условій, „здоровье и санитарное состояніе солдатъ улучшилось“,—говоритъ въ своемъ дневникѣ старшій врачъ полка. Офицеры полка провели время въ Яблоницахъ весьма пріятно, любуясь новыми для нихъ картинами Балканскихъ горъ; офицерскіе сторожевые посты, выставлявшіеся на всѣхъ тропахъ давали возможность офицерамъ проникать далеко въ глубь горъ, гдѣ горные пейзажи развертывались въ дивныя панорамы.

7-го ноября Графъ Шуваловъ, объѣзжая бивакъ полка, сообщилъ радостную новость о взятіи Карса. По отношенію же къ предстоявшей отряду Генерала Гурко дѣятельности, ходили самые разнорѣчивые слухи. Было много поверхностныхъ, ни на чемъ не основанныхъ сужденій о предстоявшихъ дѣйствіяхъ; явилось и нежелательное осужденіе распоряженій начальства.

Начальникъ отряда, Генералъ Гурко, до котораго дошли слухи, что нѣкоторые изъ его подчиненныхъ позволяютъ себѣ порицать его распоряженія, собралъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и сказалъ имъ рѣчь слѣдующаго содержанія. [21]

„Господа! Я слышалъ, что многіе изъ васъ не довольны моими распоряженіями, находятъ, что я заморилъ гвардію, явно передъ нижними чинами осуждаютъ мои дѣйствія. Господа! я попрошу у Государя для гвардіи начальниковъ изъ арміи, тѣ не устанутъ и исполнятъ все, что я отъ нихъ потребую. Спрашиваю васъ, какія это трудности вы пока видѣли? покопались немного подъ Плевной, а теперь идете церемоніальнымъ маршемъ по шоссе и вы устали... вы, значитъ, и не догадываетесь объ тѣхъ трудностяхъ и испытаніяхъ, какія вамъ предстоятъ. Вы еще цвѣточковъ не видали. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ великому и тяжкому дѣлу, я желаю увѣриться, что вы его способны совер-

шить; я желаю знать можете ли вы поручиться за свои части, что они твердо и честно исполнятъ свой долгъ, сдѣлаютъ все, что я отъ нихъ потребую".

Затѣмъ Генералъ Гурко обратился по очереди къ каждому изъ присутствовавшихъ съ вопросомъ: „ручаетесь ли вы Ваше Превосходительство?" Всѣ отвѣтили утвердительно; тогда Генералъ продолжалъ:

„Затѣмъ господа, вы осуждаете мои распоряженія. Я вамъ напомню, что пока идутъ военныя дѣйствія, единственные судьи моихъ дѣлъ Государь и Главнокомандующій; впослѣдствіи будетъ судить меня исторія, тогда судите и вы, но не теперь; пока эта голова на плечахъ, она одна будетъ распоряжаться, и я сумѣю зажать всякій ротъ, который попытается произносить неумѣстныя сужденія вкривь и вкось. Господа офицеры не понимаютъ, что дѣлаютъ, когда позволяютъ себѣ, особенно въ такое время, не стѣсняясь присутствіемъ нижнихъ чиновъ, хулить своихъ начальниковъ, подрывая тѣмъ ихъ авторитетъ. До свиданія".

Энергичная рѣчь начальника отряда произвела сильное впечатлѣніе и вполнѣ гармонировала съ дѣятельностью его въ то время.

„Нужно отдать полную справедливость неутомимой дѣятельности Генерала Гурко въ Яблоницахъ,—пишетъ одинъ изъ офицеровъ полка, [22]— безъ преувеличенія онъ съ ранняго утра и до поздняго вечера разъѣзжалъ по окрестностямъ и производилъ рекогносцировки; видно, послѣ Горнаго Дубняка, онъ не полагался исключительно на офицеровъ Генеральнаго штаба и на ихъ донесенія, а провѣрялъ все самъ".

На основаніи рекогносцировокъ передовой линіи противника, Генералъ Гурко рѣшилъ нанести главный ударъ въ центръ ея, а противъ фланговъ вести лишь демонстраціи.

Согласно этому для атаки центральной Правецкой позиціи, были двинуты 9-го нояб. Семеновцы, Московцы и Гвардейскіе Стрѣлки, которые и заняли съ боя эту позицію; 12-го же Ноября Преображенцы и Лейбъ-Гренадеры овладѣли Этрополемъ.

Во время дѣла подъ Правцемъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, придвинутый съ утра къ позиціи въ числѣ прочихъ частей общаго резерва, не принималъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ, но, слѣдя вблизи за ходомъ боя, способствовалъ общимъ дѣйствіямъ, втаскивая орудія на высоты, откуда наши батареи громили противника. Порученныя полку орудія были втащены на гору, „несмотря на усталось людей и трудную работу", такъ быстро, что скупой на похвалы Генералъ Адъютантъ Гурко благодарилъ Финляндцевъ и подарилъ каждой ротѣ по три золотыхъ. Первоначально во время боя полкъ стоялъ у перевязочнаго пункта войскъ боевой линіи, а потомъ съ 2-хъ часовъ дня былъ передвинутъ по шоссе еще съ версту впередъ и сталъ въ котловинѣ лѣвѣе шоссе за батареями.

Сраженіе подъ Правцемъ, имѣвшее въ результатѣ взятіе нами входа въ Орханійскую долину, замѣчательно тѣмъ, что оно было первымъ, въ которомъ частямъ гвардіи пришлось испытать всѣ трудности горной войны; здѣсь войска вели борьбу не только съ турками, но и съ природой Балканскихъ горъ. Въ этой послѣдней борьбѣ принималъ участіе Л.-Гв. Финляндскій полкъ и особенно его четыре роты 5-я, 6-я, 9-я, и 10-я, втаскивавшія орудія на кручи.

Начальникъ отряда, Генералъ Гурко въ рапортѣ своемъ на имя Главнокомандующаго

отъ 12-го ноября писалъ: [23] „Доношу Вашему Ипараторскому Высочеству о дѣйствіяхъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ съ 9-го по 11-е ноября; считаю долгомъ въ особенности заявить о той гигантской работѣ, которая выполнена ими въ борьбѣ съ природою: люди встаскивали на рукахъ и девятифунтовыя орудія на недосягаемыя вершины; цѣлыя части войскъ взбирались по кручамъ, употребляя на это по нѣсколько часовъ времени; взобравшись на вершины, должны были тамъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, въ теченіи 48-ми часовъ времени, не смыкать глазъ и поневолѣ довольствоваться только сухарями."

Хотя Л.-Гв. Финляндскому полку въ сраженіи подъ Правцемъ не пришлось столкнуться съ турками въ передовой линіи, тѣмъ не менѣе дѣятельность чиновъ его за это сраженіе была возграждена слѣдующими пожаловаными имъ отличіями. Такъ, Полковники Вейсъ и Флигель-Адъютантъ Строевъ получили золотое оружіе, а 9 штабъ и оберъ-офицеровъ боевые ордена; изъ нижнихъ чиновъ 32 человѣка были награждены знакомъ отличія военнаго ордена.

Сраженіе кончилось къ вечеру очищеніемъ турками ихъ позицій, когда они замѣтили обходное движеніе колонны Генерала Рауха. Въ 6 час. полкъ всталъ на бивакъ близъ Правецкаго ущелья. Начался дождь, лившій всю ночь.

12-го Ноября 2-ой батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ направленъ съ 5-ти часовъ утра на боевую позицію, для смѣны батальона Л.- Гв. Московскаго полка, а 1-ый батальонъ—на смѣну 4-го батальона своего-же полка, заступившаго наканунѣ съ вечера на аванпосты и совершенно промокшаго и продрогшаго за ночь. Едва 1-ый батальонъ одолѣлъ подъемъ на гору, гдѣ стоялъ 4-ый батальонъ, какъ получено было извѣстіе объ окончательномъ очищеніи Турками Правецкихъ высотъ, поэтому батальону было предписано спустить батарею на шоссе и вмѣстѣ съ нею двигаться въ д. Правецъ, куда были направлены и прочіе батальоны полка. Къ вечеру полкъ утомленный труднымъ переходомъ едва расположился бивакомъ, какъ, по экстренному наряду, долженъ былъ отправить 4 роты * для поднятія на высоты къ сторонѣ Орханіэ 2-ой батареи Л.-Гв 2-ой Артиллерійской бригады. „Работа эта,—говоритъ дневникъ полка [24],—хотя и совершалась въ лунную ночь, но представляла большія затрудненія: подъемъ былъ очень крутъ; роты вернулись съ работы только въ 4-мъ часу ночи, а въ 5 часовъ предстояло уже выступать къ Этрополю", который уже былъ взятъ двумя колоннами, высланными впередъ.

Такимъ образомъ, взятіемъ Правца и Этрополя, отрядъ Генерала Гурко не только осуществилъ всѣ предположенія своего начальника, касавшіяся первоначальныхъ дѣйствій на Балканахъ, но даже и превзошелъ ихъ: овладѣніе Этрополемъ—важнымъ узломъ дорогъ въ той горной мѣстности, гдѣ оперировалъ отрядъ, было весьма значительнымъ успѣхомъ, доставшимся, впрочемъ, войскамъ цѣной невѣроятныхъ усилій.

Какъ велики были трудности, которыя пришлось преодолѣвать въ то время отряду Генерала Гурко и въ числѣ ихъ Л.-Гв. Финляндскому полку, служитъ доказательствомъ тотъ фактъ, что 12-ти верстный переходъ изъ Правца въ Этрополь—Финляндцы окончили лишь къ 12 часамъ ночи, выступивъ въ 5 часовъ утра; при этомъ движеніи полкъ имѣлъ „на своемъ попеченіи" три батареи. Затрудненія встрѣчались на каждомъ шагу.

* 6, 7, 8 и 15 роты.

Шли ущельемъ горнаго притока, по узкой тропѣ, носившей у мѣстныхъ жителей громкое названіе „Старо-Римской дороги.“ Она не представляла ничего даже напоминающаго остатки или слѣды римскихъ дорогъ, встрѣчающихся въ западной Европѣ. Очевидно, въ теченіи вѣковъ, прошедшихъ со времени паденія Греческой Имперіи, рука человѣческая къ ней не прикасалась. По такой дорогѣ, артиллерія въ запряжкѣ слѣдовать не могла, почему ее все время перекатывали, везли на рукахъ, мѣстами расширяя и разравнивая дорогу и тѣмъ не менѣе въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога пролегала по карнизу, зарядный ящикъ сорвался и опрокинулся въ ручей [25].

Работа была организована такъ, что каждой ротѣ поручено было орудіе или ящикъ, который она должна была довести до Этрополя. Въ дневникѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка о переходѣ въ Этрополь сказано слѣдующее [26]:

„Работа доставленія батарей съ ихъ ящиками и повозками обоза къ Этрополю была еще затруднена тѣмъ, что скоро начало темнѣть, и пришлось на самыхъ узкихъ мѣстахъ и крутыхъ поворотахъ быть вдвое осторожнѣй; имѣвшіеся отдѣльные фонари далеко недостаточно освѣщали мѣстность. Спускъ съ переваловъ къ городу былъ гораздо легче, потомучто дорога была лучше и крутизна меньше. Разстояніе между дер. Правцы и Этрополемъ всего 10—12 верстъ, а между тѣмъ только 4-й батальонъ достигъ поляны къ 3-мъ часамъ полудни, прочіе батальоны вынужденные, такъ сказать, нести артиллерію и обозъ на своихъ плечахъ, а послѣ перевала съ крайней осторожностью спускать орудія въ долину, прибыли на бивакъ уже послѣ 12-ти часовъ ночи.

„День былъ жаркій, душный, но къ 6-ти часамъ вечера подулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, къ ночи обратившійся въ морозъ. Люди, находившіеся въ дорогѣ почти 20 часовъ, безъ горячей пищи, безъ правильныхъ приваловъ, приходили на бивакъ совершенно окоченѣлыми отъ холода и измученные усталостью. Полкъ сталъ бивакомъ въ полверстѣ отъ города на легкомъ склонѣ горы. Ночью пошелъ снѣгъ и къ утру всѣ палатки были покрыты мокрыми хлопьями снѣга“.

„Послѣдняго удовольствія—сухого уголка—люди лишились: въ палаткахъ появились цѣлыя лужи воды“,—говорится въ дневникѣ 1-го батальона полка [27].

14-го Ноября въ отбитомъ отъ противника городѣ Этрополѣ, близь котораго стали бивакомъ главныя силы отряды Генерала Гурко и въ числѣ ихъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, были отслужены обѣдня и благодарственный молебенъ въ присутствіи радостно настроенныхъ жителей города; церковь вмѣщала въ себѣ всѣхъ начальствующихъ лицъ и много офицеровъ; по выходѣ изъ церкви взоры всѣхъ болгаръ были обращены на Генерала Гурко и сопровождавшихъ его офицеровъ, привѣтствуемыхъ какъ избавителей.

Для приготовленія къ дальнѣйшему наступленію главныя силы западнаго отряда были остановлены у Этрополя на нѣсколько дней. Пробылъ тамъ на дневкѣ и Л.-Гв. Финлядскій полкъ вплоть до 16 ноября.

15-го Ноября по отряду было объявлено, что предстоитъ перешагнуть черезъ Балканы [28]. Такимъ образомъ, всѣ сомнѣнія о дальнѣйшемъ для гвардіи походѣ были разсѣяны: зимній переходъ черзъ Большія Балканы вопреки мнѣнію извѣстнаго Генерала

Мольтке, считавшаго такой переходъ дѣломъ „невозможнымъ", былъ рѣшенъ окончательно по смѣлой и энергичной мысли вождя гвардейскихъ войскъ Генерала Гурко.

Погода во время стоянки подъ Этрополемъ съ каждымъ днемъ все ощутительнѣе давала себя чувствовать; зима вступала вполнѣ въ свои права, начинался нешуточный морозъ и 16-го Ноября, въ послѣдній день пребыванія тамъ, весь бивакъ былъ подъ снѣгомъ и, несмотря на яркое солнце, было очень холодно.

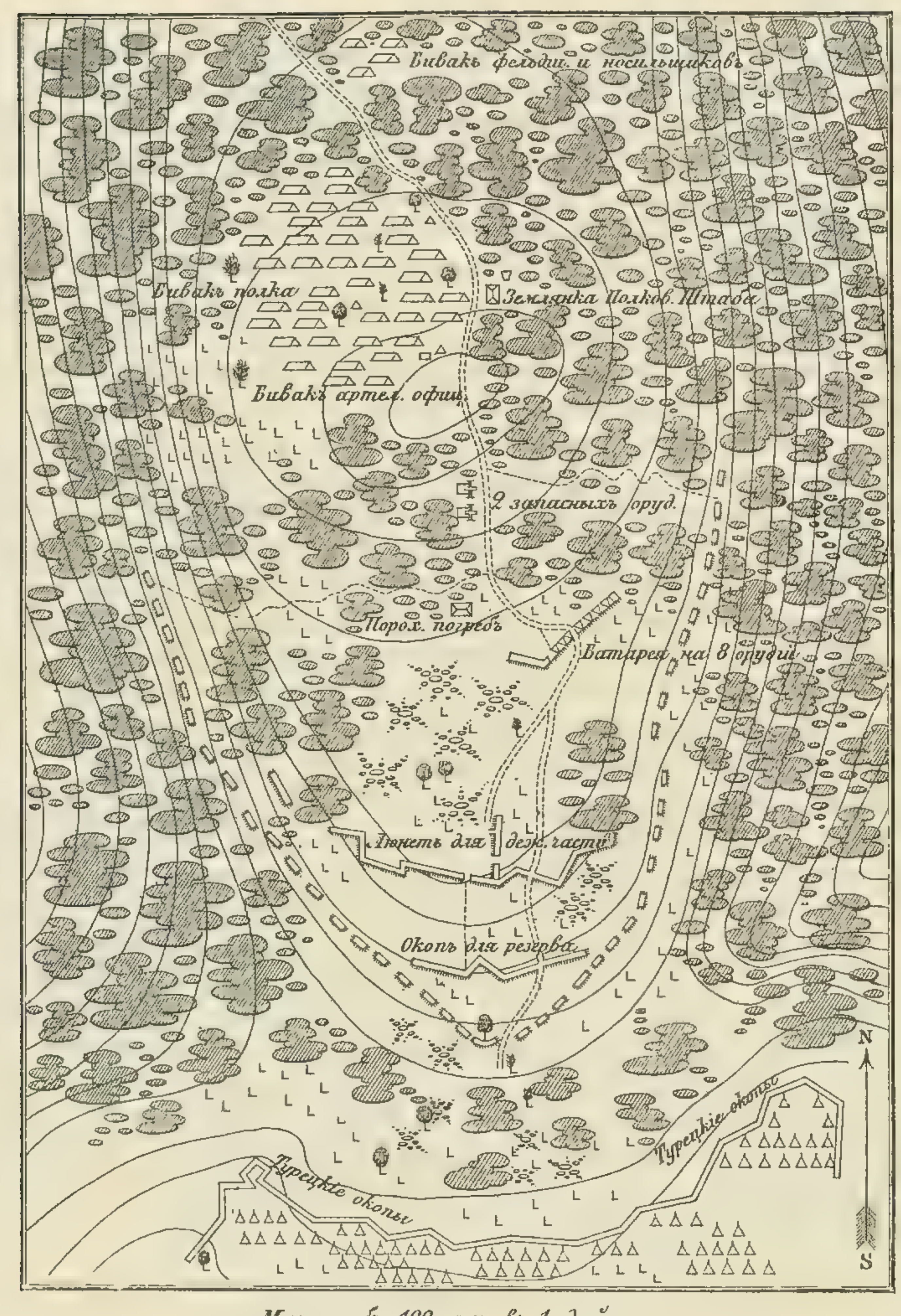
Въ запискѣ командира полка, говорится: „еще 13-го вечеромъ подулъ леденящій вѣтеръ, за ночь выпалъ обильный снѣгъ, предвѣстникъ начала Балканской зимы. Между тѣмъ, одежда нижнихъ чиновъ, не сходившая съ плечъ уже 3 мѣсяца и сапоги, въ которыхъ по Румынскимъ и Болгарскимъ грязямъ сдѣлано уже было около 1000 верстъ, приходили въ негодность. Изъ теплыхъ вещей солдаты имѣли при себѣ только фуфайки, уже сильно поношенныя, и башлыки".

Въ числѣ распоряженій передъ переходомъ черезъ Балканы слѣдуетъ отмѣтить приказаніе запастись сухарями по 25 Ноября, причемъ указано было расходовать ихъ крайне бережно. Доставка сухарей была возложена на высланную отъ полка 15-го Ноября команду въ 250 человѣкъ, ввѣренную Подпоручику Воробьеву; эта команда должна была помочь интендантскому транспорту, засѣвшему по дорогѣ въ Этрополь. Но всѣ усилія людей не привели ни къ чему, двигать повозки по горамъ, оказалось невозможнымъ, а потому онѣ были оставлены на дорогѣ, весь же грузъ, т. е. сухари, чай и сахаръ, люди принесли въ Этрополь на своихъ плечахъ.

Таже записка [29] Полковника Шмидта, рисуетъ общее положеніе дѣлъ того времени и ближайшія послѣдовавшія событія слѣдующимъ образомъ.

„Почти одновременно съ занятіемъ Этрополя, въ наши руки досталось и Орханіэ, которое турки очистили при приближеніи Л.-Гв. Московскаго полка и гвардейской Стрѣлковой бригады. Эти войска были направлены отъ Правца прямо по шоссе, почему при нихъ слѣдовала и большая часть артиллеріи отряда.

„Такимъ образомъ, первая задача отряда—занятіе Орханіэ и Этрополя была исполнена съ самыми незначительными потерями. Орханіэ оказалось неукрѣпленнымъ и турки держались еще только въ Лютиковѣ и Врачешѣ. 18 Ноября, вслѣдствіе занятія Генераломъ Дандевилемъ горы Вратеки, противъ Шандорника, они поспѣшно очистили и Врачешъ, чѣмъ открыли нашимъ войскамъ входъ въ Арабъ-Конакское дефиле. Л.-Гв. Московскій полкъ и гвардейская Стрѣлковая бригада немедленно втянулись въ него, но пройдя, верстъ 14, должны были остановиться, такъ какъ получили извѣстіе, что впереди находится сильно укрѣпленная позиція турокъ. Тотчасъ сдѣланы были рекогносцировки высотъ, прилегающихъ къ шоссе и результатомъ ихъ было то, что Л.-Гв. Московскій полкъ занялъ позицію à cheval шоссе, имѣя 1-й батальонъ влѣво, и 8 ротъ вправо отъ него. На самомъ шоссе, въ резервѣ, осталась гвардейская Стрѣлковая бригада. Этою позиціею прикрывались Орханіэ и Врачешъ, въ которыхъ, въ особенности во Врачешѣ, найдены были огромные запасы галетъ, риса, муки, зерна и копченаго и соленаго мяса. Можно положительно сказать, что если бы турки успѣли вывезти или уничтожить эти запасы, то наше почти 6 недѣльное пребываніе на Балканахъ сдѣлалось бы невозмож-

Масштабъ 100 шаг. въ 1 дюймъ.

100 75 50 25 0 100 200

Кроки „Финляндской" горы, начерченное участникомъ кампаніи 1877—78 г. Подпоручикомъ Пуликовскимъ.

Изъ Исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка Ф. Ростковскаго.

нымъ. При наставшей суровой зимѣ, гололедицѣ, безкормицѣ и снѣжныхъ завалахъ на шоссе, изнуренныя лошаденки интендантскихъ транспортовъ не могли подвезти никакихъ припасовъ, такъ что, въ теченіи первыхъ трехъ недѣль, по занятіи позицій на Балканахъ, войска отряда довольствовались исключительно, хотя и очень скудно, запасами изъ Врачешъ и Орханіэ",

„Такъ какъ придвиженіи гвардейской Стрѣлковой бригады и Л.-Гв. Московскаго полка выяснилось, что шоссе къ Арабъ-Конаку преграждено искусно укрѣпленною позиціею на горахъ, то ближайшимъ средствомъ для обхода ея представлялось, упомянутое уже раньше, движеніе изъ Этрополя чрезъ Стринъ въ долину Комарцы. Оно, собственно говоря, и было начато тотчасъ по занятіи Этрополя; именно за отступившими тогда съ Этропольской позиціи Турками посланъ былъ для преслѣдованія Екатеринославскій драгунскій полкъ, который верстахъ въ 6-ти отъ города, на небольшой площадкѣ, носившей впослѣдствіи названіе Драгунскаго бивака, наткнулся на цѣлый вагенбургъ повозокъ. Изъ вагенбурга отстрѣливались. По сообщеніи объ этомъ въ штабъ отряда, двинутъ былъ вслѣдъ за драгунами Л.-Гв. Преображенскій полкъ, который, забравъ повозки и брошенныя орудія, доставилъ ихъ въ Этрополь.

„Въ видѣ передового отряда при предстоящемъ движеніи черезъ Стриглы послана была 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи (Псковскій и Великолуцкій полки) съ двумя орудіями 5-й батареи Л.-Гв. Артиллерійской бригады и 4-мя—16-й конной, подъ общею командою Генералъ-маіора Дандевиля. До Драгунскаго бивака бригада прошла благополучно, задерживаемая только артиллеріею, которую, несмотря на запряжку воловъ, приходилось везти на рукахъ людей. Отъ Драгунскаго бивака дороги раздѣляются: одна беретъ влѣво и выходитъ къ высочайшей вершинѣ Этропольскихъ Балканъ—Шандорнику. По ней направленъ былъ 11-й Псковской полкъ съ конными орудіями, который безпрепятственно достигъ до подошвы Шандорника. Другая дорога, правая, болѣе крутая и неудобная, выводитъ на одинъ изъ отроговъ горы Греотъ, почти параллельной тому гребню, на которомъ высится Шандорникъ. По этой дорогѣ или вѣрнѣе тропинкѣ, двинулся Великолуцкій полкъ съ двумя орудіями подъ личнымъ начальствомъ Генерала Дандевиля. Колонна эта, не доходя высоты гребня, была атакована турками, пытавшимися охватить правый флангъ боевого порядка Великолуцкаго полка. Послѣ горячаго дѣла, въ которомъ полкъ потерялъ болѣе 100 человѣкъ, турки отступили, а наша колонна къ вечеру дошла до гребня Греотскаго хребта и заняла восточный участокъ его, который впослѣдствіи и составлялъ лѣвый флангъ Дандевильской позиціи. Онъ приходился противъ Шандорника, образовавшаго правый флангъ позиціи турокъ. *

„По донесеніи Генерала Дандевиля о томъ, что между Шандорникомъ и Арабъ-Конакомъ находится цѣлая укрѣпленная позиція, повидимому сильно занятая турками, направленъ былъ изъ Этрополя, для усиленія Великолукцевъ, Л.-Гв. Измайловскій полкъ, а 16-го Ноября въ 8 часовъ вечера пришло приказаніе двинуться туда же Л.-Гв. Семеновскому и Л.-Гв. Финляндскому полкамъ. Въ полночь, при совершенной темнотѣ, оба полка,

* См. карту раіона Орханіэ, Этрополя, Арабъ-Конака.

подъ общимъ начальствомъ Генералъ-Маіора Рауха, потянулись съ биваковъ черезъ узкія, грязныя улицы Этрополя. Въ головѣ шелъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Разстояніе до Драгунскаго бивака, всего въ 10 верстъ, пройдено было Финляндскимъ полкомъ едва къ 8-ми часамъ утра, до того горная дорожка, заваленная камнями и пересѣченная ручьями затрудняла это ночное движеніе. Въ ожиданіи Л.-Гв. Семеновскаго полка, который ранѣе 10-ти часовъ собраться не могъ, Л.-Гв. Финляндскому полку данъ былъ привалъ.

„Около 10-ти часовъ утра отъ Генералъ-Маіора Дандевиля получена была записка, въ которой сообщалось, что по нѣкоторымъ признакамъ, онъ ожидаетъ атаки турокъ, и потому проситъ поспѣшить присылкою подкрѣпленій. Генералъ-Маіоръ Раухъ приказалъ немедленно двинуться Л.-Гв. Финляндскому полку, имѣя въ виду, по сборѣ Л.Гв. Семеновскаго полка, лично повести его по лѣвой дорогѣ на поддержаніе Псковскаго полка.

„Отъ Драгунскаго бивака къ позиціи Генерала Дандевиля тропинка идетъ, все время до того круто подымаясь, что черезъ каждую сотню, другую шаговъ, нужно было останавливаться, чтобы перевести духъ. Поперекъ тропинки лежали глыбы камня, пни обрушившихся деревъ, къ ногамъ приставала липкая глина и грязь. Полкъ, совершенно утомленный, добрался до мѣста назначенія едва къ 4-мъ часамъ по-полудни. Такъ какъ въ это время атаки со стороны турокъ уже не ожидалось, то Генералъ Дандевиль приказалъ полку стать бивакомъ.

„Позиція турокъ въ Этропольскихъ Балканахъ тянулась отъ горы Шандорникъ на пять верстъ въ западномъ направленіи, пересѣкая лѣвымъ флангомъ своимъ Софійское шоссе. Позиція эта, заранѣе искуссно выбранная и укрѣпленная, прикрывала Комарційскую долину, какъ узелъ дорогъ ведущихъ къ Софіи, Златицѣ и черезъ Петричево къ Филиппополю.

„Командующею на ней точкою и важнѣйшею въ тактическомъ отношеніи была гора Шандорникъ, лежащая на высотѣ 5000 футовъ надъ уровнемъ моря. Она составляла правый флангъ турецкой позиціи, рѣзко возвышалась надъ всею окружающею мѣстностью и, будучи сильно укрѣплена и занята, заграждала тѣ пути изъ Этрополя черезъ Стриглъ въ Комарцы, которыми нашъ отрядъ предполагалъ воспользоваться для обхода Арабъ-Конакскаго дефиле.

„Овладѣвъ Шандорникомъ, какъ тактическимъ ключомъ, можно было взять во флангъ всю остальную позицію и, пробившись къ дер. Дольно-Комарцы, стать въ тылу турокъ. Но атака Шандорника была слишкомъ трудна и не обѣщала успѣха, что ясно сказалось отбитою еще 17-го Ноября атакою на него 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка. Обходъ праваго фланга по болѣе кружнымъ дорогамъ черезъ гору Баба представлялся слишкомъ рискованнымъ, съ тѣми слабыми силами, которыя оставались еще въ Этрополѣ, по выдѣленіи войскъ на Орханіэ и Дандевильскую позицію. Приходилось временно отъ этихъ рѣшительныхъ дѣйствій воздержаться.

„Фронтъ турецкой позиціи, глядя на него съ нашей стороны обрисовывался на горизонтѣ, какъ совершенно обнаженный горный хребетъ, слегка понижавшійся террасами къ сторонѣ Софійскаго шоссе. Небольшія вершины на немъ и всѣ террасы были усилены укрѣпленіями и батареями, которыхъ въ половинѣ Ноября уже насчитывалось до десяти.

Сѣверные склоны хребта, т. е. склоны обращенные въ нашу сторону, были круты и мѣстами казались обрывистыми. Передъ лѣвымъ флангомъ турокъ, восточнѣе шоссе, широкая долина, изрѣзанная оврагами и частью покрытая лѣсомъ, отдѣляла непріятельскую позицію отъ нашей. Разстояніе между ними было отъ 1,200 до 1,500 саженъ.

„Генералъ-Адъютантъ Гурко, пріѣзжавшій 20 го Ноября къ войскамъ передового отряда Генерала Дандевиля, произведя рекогносцировку непріятельской позиціи, конечно рѣшилъ, что атаковать ее съ фронта было бы безразсудно.

„Лѣвый флангъ позиціи турокъ пересѣкалъ Софійское шоссе, — и въ этомъ заключалась его стратегическая важность. Участокъ, западнѣе шоссе, былъ поданъ нѣсколькими уступами впередъ. Если бы нашимъ войскамъ удалось сбить непріятеля съ этого фланга, то можно было бы быстро двинувшись въ Комарційскую долину, стать въ тылу турокъ, занимавшихъ Шандорникъ и центръ позицій (мы могли предупредить турокъ въ Комарцы, потому что пользовались бы шоссе, тогда какъ въ ихъ распоряженіи оставались только неудобныя горныя тропинки черезъ Стриглъ и въ обходъ его). Турки вѣрно оцѣнили значеніе своего лѣваго фланга и этимъ объясняются ихъ атаки 21-го, 22-го и 23-го Ноября: важно было для большаго обезпеченія своего, продвинуть этотъ флангъ впередъ, чтобы захватить вершину, которую впослѣдствіи окрестили Финляндской горою. Когда имъ это не удалось, они настолько сильно укрѣпились, что даже и возможность атаки сдѣлалась сомнительною. Вотъ причина, почему приказано было на Финляндской горѣ держаться оборонительно и даже впослѣдствіи, когда съ паденіемъ Плевны прибыли достаточныя подкрѣпленія, атакѣ турецкаго лѣваго фланга предпочли обходъ его черезъ Чурьякъ на Ташкисенъ.

„Изъ всего сказаннаго видно, что обширная и сильно укрѣпленная позиція турокъ, должна была задержать предположенное быстрое движеніе наше черезъ Балканы и операціи къ Софіи. Нельзя было, въ виду значительной численности турецкихъ войскъ, занимавшихъ позиціи, ограничиться однимъ наблюденіемъ за ними слабыми силами, а съ прочими предпринять рѣшительныя дѣйствія.

„Для послѣднихъ необходимо было предварительно произвести рекогносцировки, разработать дороги, организовать подвозъ припасовъ, вообще устроить тылъ. На этомъ основаніи и рѣшено было, оставаясь на оборонительной позиціи, которая бы прикрывала Орханіэ и Этрополь, укрѣпить ее, съ тѣмъ, чтобы въ ожиданіи подкрѣпленій, заняться приготовленіями къ переходу черезъ Балканы.

„Наша Балканская позиція состояла изъ нѣсколькихъ участковъ: центральный, называвшійся въ то время Дандевильскою позиціею, приходился между Софійскимъ шоссе и тою высотою, которая была занята передовымъ отрядомъ Генерала Дандевиля послѣ боя 16-го Ноября. Этотъ участокъ, длиною 2 версты, тянулся по обнаженному гребню одного изъ отроговъ горы Греота; правый флангъ, поданный уступомъ впередъ, составляла „батарея Мейбаума", лѣвый, командующій, — „батарея Мартюшева". Склоны съ Дандевильской позиціи были отложе и доступнѣе, чѣмъ склоны того гребня, который занимали турки.

„За фронтомъ позиціи лежала глубокая лощина, поросшая лѣсомъ,—а далѣе въ тылу приходились недоступные отроги Гребена и Правецкихъ Балканъ.

„Единственные пути отступленія съ Дандевильской позиціи лежали на крайнихъ флангахъ, и при томъ были весьма неудобны. Такъ, на правомъ флангѣ, отступленіе было возможно только пробравшись не безъ усилій къ тому дефиле, по которому между Арабъ-Конакомъ и Врачешъ тянется Софійское шоссе. Обстоятельство это могло поставить артиллерію и обозы въ критическое положеніе, особенно если принять во вниманіе, что шоссе между Арабъ-Конакомъ и Правцемъ дѣлаетъ у Орханіэ огромное колѣно; второе— что у Орханіэ, лежащей въ совершенной равнинѣ, не было нами возведено никакихъ укрѣпленій, которыми бы обезпечивалось правильное, неторопливое отступленіе по новымъ двумъ дефиле: на Правцо-Осиково и на Лютиково-Враца; третье — удачною диверсіею черезъ Этрополь на Правцы—отрѣзывались кратчайшія наши сообщенія съ Плевною.

„На лѣвомъ флангѣ путемъ для отступленія являлась та горная тропинка, которая вела черезъ Драгунскій бивакъ къ Этрополю, и неудобства которой были уже описаны. Она отходила отъ этого фланга не назадъ, а почти въ направленіе продолженной линіи фронта, такъ что если бы туркамъ съ Шандорника удалось опрокинуть, находившіеся противъ нихъ слабыя части и двинуться къ Этрополю, то они могли предупредить насъ у Драгунскаго бивака, и слѣдовательно отрѣзать путь отступленія войскамъ Дандевильской позиціи отъ Этрополя. Только нравственное наше превосходство надъ непріятелемъ и увѣренность въ пассивности его дѣйствій оправдываетъ до нѣкоторой степени пренебреженіе опасностью подобныхъ путей отступленія.

„Отдѣльно отъ Дандевильской позиціи, въ $21^1/_2$ верстахъ впереди ея лѣваго фланга и нѣсколько въ сторонѣ, былъ занятъ участокъ Псковскимъ полкомъ и конною батареею Ореуса. Фронтъ этого участка былъ обращенъ къ востоку, прикрывая такимъ образомъ дорогу отъ Шандорника, черезъ Драгунскій бивакъ къ Этрополю. Сношеніе Псковцевъ съ позиціею Дандевиля было возможно только кружное, черезъ Драгунскій бивакъ, такъ какъ между позиціями приходились крутые обрывистые склоны, изрѣзанные оврагами и покрытые густымъ лѣсомъ. Только въ Декабрѣ установлено было прямое сообщеніе по краю обрыва.

„Правый участокъ общей позиціи (западнѣе шоссе и прилегая къ нему) составляла лѣсная высота, выдававшаяся на $2^1/_2$ версты уступомъ впередъ. Эта гора съ 22-го Ноября называлась „Финляндской". Еще правѣе, верстахъ въ 4-хъ и значительно позади, слѣдовательно совершенно отдѣльно, занята была „Павловская гора" которая съ Финляндской имѣла только кружное сообщеніе по шоссе, мимо землянки графа Шувалова.

„Таково было наше расположеніе въ 20-хъ числахъ Ноября. Къ 6-му—7-му Декабрю оно измѣнилось лишь въ томъ, что въ открытомъ промежуткѣ между батареею Мартюшева и позиціею Псковскаго полка (у Шандорника) построены были: батарея Геринга, 2 Семеновскихъ редута и флешъ. Благодаря этому установилась связь между крайнимъ лѣвымъ флангомъ нашимъ у Шандорника и позиціею Дандевиля. Л.-Гв. Финляндскій полкъ оставался на Дандевильской позиціи съ 17-го по 21-е Ноября. Собственно говоря въ теченіи этого времени полкъ ни разу не былъ въ сборѣ, такъ какъ батальоны пооче-

редно командировались къ Драгунскому биваку и Этрополю, для доставленія оттуда артиллеріи, снарядовъ, сухарей, а также для разработки дорогъ. Каждая подобная командировка, отвлекала батальонъ на сутки и больше; по возвращеніи батальоны обыкновенно уже не находили полка на прежнемъ бивакѣ, такъ какъ съ первой минуты, съ перехода на Дандевильскую позицію мѣста мѣнялись ежедневно. Случилось даже перемѣнить въ день два бивака, все потому, что трудно было найти мѣста, не подверженныя выстрѣламъ непріятельской артиллеріи.

„Боевую линію составляли Великолуцкій полкъ и два батальона Л.-Гв. Измайловскаго полка, занимая ложементы; Финляндскій же полкъ стоялъ въ резервѣ за центромъ позиціи. Служба полка въ эти дни, сверхъ доставленія орудій и снарядовъ заключалась въ работахъ по возведенію батерей и укрѣпленій, въ занятіи аванпостовъ, такъ какъ боевыя дѣйствія ограничивались денно и нощно артиллерійскими кононадами.

„21-го Ноября, когда на лицо были только 1-й, 2-й и 4-й батальоны, услышана была ожесточенная стрѣльба, на крайнемъ правомъ флангѣ общей позиціи, т. е. по ту сторону Софійскаго шоссе. Ясно было, что шелъ горячій бой за обладаніе тою вершиною, которая въ то время называлась горою Грипенберга, и впослѣдствіи Финляндскою горою.

„Уже выше сказано было, что она выдавалась значительнымъ уступомъ впередъ и слѣдовательно приходилась весьма близко къ непріятельскому расположенію. Было весьма важно удержать ее въ нашей власти, такъ какъ она прилегала къ Софійскому шоссе; непріятель, утвердившись на ней, могъ незамѣченнымъ спуститься къ шоссе, на которомъ въ то время была масса артиллеріи, подъ прикрытіемъ только неполныхъ трехъ батальоновъ гвардейской Стрѣлковой бригады.

„Бой, какъ казалось, велся съ перемѣннымъ успѣхомъ; однако въ 11 часовъ утра умолкла наша артиллерія и тогда Генералъ Дандевиль приказалъ 4-му батальону Л.-Гв. Финляндскаго полка, подъ начальствомъ Полковника Вейса, двинуться на поддержку сражавшимся. Часа два спустя такое же приказаніе дано было и 1-му батальону, а въ 4 часа, когда получено было свѣдѣніе, что гору отстояли, послѣдовало приказаніе отправить 2-й батальонъ къ батареѣ Мейбаума, для смѣны находившагося тамъ Московскаго батальона, послѣдній долженъ былъ присоединиться къ своему полку.

„Каждый изъ Финляндскихъ батальоновъ двинулся напрямикъ, такъ какъ дорогъ никакихъ не было и ходу казалось не болѣе 3-4 верстъ. Спускаясь и подымаясь по крутымъ склонамъ, карабкаясь по почти отвѣснымъ крутизнамъ, цѣпляясь за кусты чтобы не сорваться въ пропасть, батальоны въ крайнемъ утомленіи прибыли—4-й на Финляндскую гору въ 4 часа, когда бой былъ ужъ конченъ; 1-й на ту же гору, только въ 6 часовъ; 2-й къ батареѣ Мейбаума въ 5 часовъ.

„Ночь прошла спокойно: 4-й батальонъ занялъ ложементы на Финляндской горѣ, такъ какъ Московцы были утомлены и разстроены боемъ; 1-й батальонъ составлялъ его резервъ, 2-й батальонъ выдѣливъ двѣ роты на аванпосты, прикрывалъ батарею Мейбаума, а 3-й батальонъ, окончивъ переноску снарядовъ, былъ расположенъ въ резервѣ на Дандевильской позиціи.

„Турецкая атака 21-го ноября потвердила чрезвычайную важность той горы, которую

отстояли Московцы; ею обезпечивалось шоссе и безопасность всѣхъ тѣхъ передковъ, зарядныхъ ящиковъ и батарей, которые не могли быть подняты на горы и потому оставались въ ущельи на этомъ шоссе.

„Гору занималъ сводный отрядъ изъ 1-го и 4-го батальоновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, 4-го батальона Л.-Гв. Павловскаго полка, 4-хъ ротъ различныхъ батальоновъ гвардейской Стрѣлковой бригады и 4-хъ орудій 5-й батареи Л.-Гв. 2-й Артиллерійской бригады. Такой смѣшанный составъ объясняется тѣмъ, что во время боя 21-го ноября спѣшили поддержать Московцевъ ближайшими находившимися подъ руками частями.

„Въ ночь съ 21-го на 22-е ноября приказано было командующему Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Полковнику Шмидту, находившемуся при батареѣ Мейбаума, лично прибыть на гору и принять на ней общее начальство. Рѣшено было, что взамѣнъ своднаго отряда на горѣ соберется весь Л.-Гв. Финляндскій полкъ и самая гора названа „Финляндскою.“ Задачею полку было поставлено *удержать гору во что бы то ни стало,* не предпринимая самостоятельно и безъ приказаній наступательныхъ дѣйствій.

„25-го ноября, часу въ 10-мъ утра еще до прибытія Полковника Шмидта, турки вновь пытались овладѣть горою. Она ихъ сильно безпокоила своимъ выдающимся положеніемъ, близостью къ ихъ окопамъ и тѣмъ, что наша батарея, стрѣляя почти во флангъ ближайшему редуту, могла добрасывать свои снаряды до виднѣвшагося лагеря.

„Благодаря туману и кустамъ турки успѣли подойти довольно близко, такъ что едва наши секреты отошли къ ложементамъ, какъ открытъ былъ огонь. Послѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ выстрѣловъ, турки продолжали наступать, перешли къ бѣглой, учащенной до нельзя стрѣльбѣ. Она могла быть весьма дѣйствительна, потому что гора, какъ исходящій уголъ, обстрѣливалась перекрестно; но наши войска, будучи хорошо укрыты въ ложементахъ и занимая командующее положеніе, понесли только незначительныя потери. Нашъ огонь болѣе правильный и сдержанный до рѣшительной минуты, какъ будто озлоблялъ турокъ, продолжавшихъ отчаянно лѣзть впередъ. Тогда подняты были оба батальона, находившіеся въ резервѣ, которые съ барабаннымъ боемъ двинулись впередъ, и одна угроза атаки уже заставила турокъ пріостановиться, а вслѣдъ затѣмъ они начали быстро уходить назадъ. Наши батальоны преслѣдовали ихъ только огнемъ, такъ какъ имѣли категорическое приказаніе держаться строго оборонительно.

„Въ 3 часа на гору прибылъ командующій Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Полковникъ Шмидтъ, принялъ начальство надъ своднымъ отрядомъ и осмотрѣлъ позицію.

„Финляндская * [30] гора въ то время составляла крайній правый флангъ общей нашей позиціи на Балканахъ **. Это была отдѣльная вершина, сплошь покрытая вѣковыми дубами, грабомъ и густыми кустарниками. Восточные скаты ея круто спускались къ Софійскому шоссе, а западные, менѣе крутые—въ глубокую заросшую лощину, отдѣлявшую Финляндскую гору нѣсколькими промежуточными вершинами отъ Павловской. Сѣверный скатъ, версты въ 2 длины, былъ довольно пологій, но спускался къ ручью у шоссе

---

* Финляндская гора ранѣе носила названіе Голубиной; она составляетъ часть хребта Легницъ.

** Павловская гора была занята позже.

крутыми уступами. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняло подъемъ на гору, требовавшій, какъ и спускъ, не менѣе $1^1/_2$ часа времени. По этому склону протоптана была нашими войсками тропинка — единственный путь сообщенія Финляндской горы съ частями, стоявшими позади, на шоссе и въ Орханіэ. Въ стороны сообщеній съ сосѣдями никакихъ не было. Въ южномъ направленіи (слѣдовательно къ сторонѣ непріятеля) скатъ имѣлъ длины не болѣе 800 шаговъ, былъ пологій и оканчивался сѣдловиною, за которою начинался лёгкій подъемъ къ позиціи Турокъ. Гора лежала на высотѣ около 4,500 футовъ, слѣдовательно была ниже Шандорника, ниже лѣваго фланга Дандевильской позиціи, но слегка командовала надъ непосредственно впереди лежащимъ участкомъ турецкой позиціи. Въ планѣ Финляндская гора имѣла форму узкаго клина. Остріе его было обращено къ непріятелю и отстояло отъ его окоповъ всего на 180 шаговъ, а основаніе шириною не превосходило 300 шаговъ.

„На этой горѣ, еще до 21 ноября была возведена Московцами земляная батарея на 4 орудія, фронтомъ къ востоку, для обстрѣливанія во флангъ Арабъ-Конакскаго редута; кромѣ того, были вырыты въ различныхъ направленіяхъ ложементы, преимущественно на окраинахъ крутыхъ спусковъ, а потому, сообразуясь съ формою горы, линія ложементовъ въ общемъ начертаніи представляла весьма острый исходящій уголъ. Такое невыгодное расположеніе объяснялось тѣмъ, что: 1) турки 21 ноября атаковали сначала съ одного, потомъ съ другого фланга и такимъ образомъ заставили Московцевъ обороняться на 2 фронта; 2) батарея, изъ желанія стрѣлять во флангъ Арабъ-Конакскому редуту, сама стояла флангомъ къ непріятелю, и необходимо было впереди ея имѣть ложементы. Дать фронту другое направленіе было невозможно, а потому во все время пребыванія Л.-Гв. Финляндскаго полка на горѣ, боевая линія состояла изъ двухъ фасовъ, которые, сходясь къ сторонѣ непріятеля, образовывали исходящій уголъ.

„Первыми распоряженіями Полковника Шмидта были: установленіе очереди службы въ ложементахъ, порядокъ смѣны и распредѣленіе бивачныхъ мѣстъ. Такъ какъ съ 7 часовъ вечера 22 числа сталъ прибывать постепенно 3-й батальонъ, то роты гвардейской Стрѣлковой бригады были возвращены назадъ на шоссе, и на горѣ оставались только три батальона Л.-Гв. Финляндскаго и 4-й батальонъ Л.-Гв. Павловскаго полковъ. Они по очереди занимали ложементы, оставаясь въ нихъ цѣлыя сутки, потому что въ это время морозовъ еще не было.

„23 ноября, въ 11 часовъ утра, когда ложементы заняты были ротами 3 и 4 батальоновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, турки въ третій разъ покушались захватить гору. Какъ и наканунѣ дѣло началось рѣдкимъ огнемъ, тотчасъ же перешедшимъ въ отчаянно-скорую стрѣльбу, поддерживаемую и артиллеріею. Съ нашей стороны отвѣтные выстрѣлы послышались прежде всего на правомъ фасѣ, а затѣмъ въ исходящемъ углу; стрѣляли также весьма часто, такъ какъ тогда полагали, что разстояніе до непріятеля 400 шаговъ. Пороховой дымъ въ густомъ и влажномъ воздухѣ затянулъ всю гору; высокіе кусты и деревья не позволяли различать хода дѣла, а подаваемые командующимъ полкомъ сигналы и команды „рѣже стрѣлять" заглушались ружейною трескотнею. Тогда Полковникъ Шмидтъ, чтобы разомъ покончить, подалъ сигналъ „наступленіе" и двинулъ впередъ
1 батальон

Стоянка на „Финляндской горѣ".

1-й батальонъ, съ барабаннымъ боемъ и крикомъ „ура". Это возъимѣло надлежащее дѣйствіе. Заслышавъ бой къ атакѣ и „ура", турки стали отходить назадъ, сначала ослабили, а вскорѣ совершенно прекратили огонь *. Все дѣло продолжалось не болѣе часа. Послѣ полудня батареи съ позиціи Дандевиля открыли канонаду. Полковникъ Шмидтъ, желая, по возможности, содѣйствовать имъ, также приказалъ открыть огонь. Турки дѣятельно отвѣчали на выстрѣлы, которые батареѣ нашей не нанесли чувствительнаго урона, но помѣшали производить на горѣ работы. Между тѣмъ въ нихъ настояла крайняя надобность. Прежде всего нужно было увеличить размѣры батареи, такъ какъ 24-го числа ожидалась доставка на гору еще 6 орудій; необходимъ былъ высокій боковой траверсъ при ней, для прикрытія орудій отъ тыльныхъ выстрѣловъ; далѣе предстояло вооружить батарею, усилить профили ложементовъ, мѣстами вырубить лѣсъ и кусты, сдѣлать засѣки, построить для батареи пороховой погребъ и т. д.

„Вся эта программа работъ и была выполнена, но весьма постепенно, вслѣдствіе крайняго недостатка въ шанцевомъ инструментѣ, каменистаго грунта, проливныхъ дождей, а потомъ и морозовъ. Еще въ ночь на 24 ноября доставлено было на гору 6 орудій, такъ что ихъ всего оказалось 10. Изъ нихъ 8 употреблены были на вооруженіе батареи, оконченной 26 ноября, а остальные два оставались въ резервѣ. Общее командованіе артиллеріею, состоявшею изъ орудій 2-й и 5-й батарей Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады, возложено было на Полковника де-Роберти.

„При первоначальномъ занятіи горы Л.-Гв. Московскимъ полкомъ, предположено было возвести еще одну батарею на 2 орудія на самой выдающейся впередъ точкѣ высоты. Къ 24 ноября она дѣйствительно была окончена, но осталась не вооруженною, такъ какъ Полковникъ Шмидтъ признавалъ положеніе ея слишкомъ рискованнымъ—она приходилась всего въ 150 шагахъ позади ложементовъ, наиболѣе подверженныхъ внезапнымъ атакамъ, слѣдовательно малѣйшее колебаніе цѣпи, случайный ея прорывъ, могли поставить батарею въ опасное положеніе. Прибѣгнуть для лучшаго обезпеченія батареи, къ большему выдвиженію ложементовъ впередъ, было невозможно, потому что они и такъ уже были въ 180 шагахъ отъ непріятельскихъ окоповъ. Батарея эта впослѣдствіи была передѣлана въ траверсъ для люнета. Едва выведена была первая смѣна рабочихъ и раздались удары лопатокъ для разрыхленія мерзлой почвы, какъ непріятель пустилъ 2 гранаты и изъ 20 рабочихъ 8 было убито и ранено. Работы были прекращены и батарея осталась не оконченною.

„Ложементы на горѣ, вырытые, какъ уже сказано было, Л.-Гв. Московскимъ полкомъ спѣшно, почти во время боя, были недостаточной профили, расположены безъ связи и системы. Поэтому, начиная съ 24 ноября и до 8 декабря роты, назначаемыя на службу, брали съ собою весь имѣвшійся въ полку шанцевый инструментъ и, по указанію командующаго полкомъ, исправляли какъ направленіе линій ложементовъ, такъ и профили ихъ. Рота, назначавшаяся въ резервъ, выдѣляла половину состава для возведенія высокаго боковаго траверса батареи, а по окончаніи его — на работы по устройству большаго люнета.

* Огонь этотъ былъ перекрестный.

„Къ 8 Декабрю на Финляндской горѣ исполнены были слѣдующія фортификаціонныя работы: линія ложементовъ длиною 1000 шаговъ; въ 75 шагахъ за исходящимъ угломъ, который образовывала эта линія—окопъ для резерва на роту (фланги этого окопа упирались въ ложементы фасовъ); шагахъ во сто за окопомъ, люнетъ съ флангами на 2 роты; въ 200 шагахъ за люнетомъ, фронтомъ къ юго-востоку, батарея на 8 орудій съ блиндажемъ и высокимъ траверсомъ, на правомъ флангѣ; не въ далекѣ отъ батареи и укрыто, блиндированный накатникомъ и землею, пороховой погребъ; на фасахъ, шагахъ въ 20—30 впереди ложементовъ — мѣстныя засѣки; въ промежуткахъ между ложементами — переносныя. Неудалось только сдѣлать засѣки впереди исходящаго угла, вслѣдствіе невозможности работать въ такой близи отъ непріятеля. Вообще засѣки были незначительны и не могли быть выдвинуты впередъ болѣе 30 шаговъ, такъ какъ далѣе начинались кручи. Впослѣдствіи когда выпалъ снѣгъ и наступили вьюги, засѣки совершенно занесло и образовались большіе сугробы снѣга, совершенно обезпечившіе отъ атакъ.

„Къ дальнѣйшимъ работамъ слѣдуетъ отнести: очищеніе отъ лѣса и кустарника площадокъ впереди резервнаго окопа, люнета, и батареи; прорубку двухъ засѣкъ, по которымъ вели дорожки съ бивака къ крайнимъ флангамъ ложементовъ; разсчистку ложементовъ и рвовъ отъ снѣга, послѣ каждой мятели. При хрящеватомъ грунтѣ, съ корнями кустовъ и деревьевъ, сначала размягченномъ дождемъ потомъ промерзаніемъ, работать одной лопатой было невозможно: ломовъ совсѣмъ не было; кирокъ мало; — потому, для земляныхъ работъ пускались въ ходъ топоры и тесаки. Каждый комъ земли приходилось сперва отбивать и потомъ руками перебрасывать или переносить. Дерна почти не было, потому внутреннія отлогости брустверовъ одѣвались плетнемъ; жерди и хворостъ для него рубились тесаками, потому что топоровъ было не болѣе 50, да и тѣ совершенно иступились и зазубрились, при работахъ въ хрящеватой землѣ. Тесаки ломались. Понятно, что при такихъ условіяхъ, работы не могли подвигаться быстро; сравнительно, онѣ шли успѣшнѣе въ туманные дни, когда была увѣренность въ томъ, что турки своими выстрѣлами не будутъ мѣшать рабочимъ.

„До 27-го ноября стояла сырая, туманная погода, а въ ночь съ 24-го на 25-е шелъ неустанно сильный дождь. Единственнымъ отъ него укрытіемъ служили походныя палатки, уже сильно попорченныя, прогнившія. Каждая смѣна, заступая въ ложементы, снимала часть ихъ, такъ какъ они нужны были для переноски земли и камня; въ нихъ-же приносили на гору галеты, рисъ и мясо.

„Служба и положеніе полка, близость непріятеля, очевидное его превосходство, необходимость быть постоянно на готовѣ, сильно утомляли людей. 26-го ноября, Генералъ-Адъютантъ Гурко посѣтилъ позицію и, обойдя съ Полковникомъ Шмидтомъ все расположеніе, обѣщалъ чрезъ нѣсколько дней прислать на смѣну другой полкъ. Надѣясь на это, поспѣшили, по указанію Генерала Гурко, усилить работы по укрѣпленію позиціи и отложили работу по устройству шалашей и землянокъ. Между тѣмъ уже 29 ноября, почти одновременно съ радостнымъ извѣстіемъ о паденіи Плевны, получено было сообщеніе, что полкъ смѣненъ не будетъ. Намекалось, что вообще сидѣть на горѣ осталось не долго, что „скоро всему конецъ". Въ ожиданіи этого скораго конца, хотя и при-

ходилось уже жутко, но можно еще было потерпѣть безъ шалашей и землянокъ. Впрочемъ на постройку ихъ недостало-бы ни времени, ни средствъ, въ чемъ особенно убѣдилъ опытъ устройства одной землянки, въ которой помѣстился командующій полкомъ со своимъ штабомъ.

„27-го ноября присоединился къ полку 2-й батальонъ, который до этого времени оставался въ распоряженіи Генерала Дандевиля, для работъ по прокладкѣ дорогъ. На другой же день онъ въ первый разъ заступилъ въ ложементы, а четвертый батальонъ Л.-Гв. Павловскаго полка былъ отпущенъ съ горы.

„Смѣна въ ложементахъ, съ перваго и до послѣдняго дня пребыванія полка на Финляндской горѣ, производилась исключительно въ сумерки, потому что иначе непріятель, принимая приближавшіяся роты за наступающія части, открывалъ по нимъ огонь.

„До 28-го ноября въ ложементы заступало по два батальона, оставаясь въ нихъ цѣлыя сутки; послѣ этого числа, по случаю выпавшаго снѣга и наступившихъ морозовъ, а также имѣя въ виду, что важнѣйшія саперныя работы были уже закончены, ложементы занимались однимъ батальономъ, за которымъ, сверхъ того, еще наряжалась рота въ резервъ. Смѣна стала производиться два раза въ сутки такъ, что батальоны заступали попеременно: разъ на день, разъ на ночь.

„Между тѣмъ лишеніе и нужды полка росли съ каждымъ днемъ: съ 16-го ноября обозъ и все хозяйство полка оставались въ Этрополѣ, такъ какъ имъ невозможно было присоединиться тѣмъ путемъ, которымъ батальоны были разновременно переброшены на Финляндскую гору. Единственно возможное сообщеніе, черезъ Правцы и Орханіэ по шоссе, было заграждено двигавшимися по немъ транспортами, артиллеріею и обозами другихъ частей. Только 28-го ноября настала очередь облегченному обозу изъ Этрополя проходить по шоссе и остановиться у Орханіэ, слѣдовательно въ 10 верстахъ отъ позиціи. Пользуясь этимъ, внизу на шоссе подъ Финляндской горой, у перевязочнаго пункта, устроенъ былъ складъ продовольствія полка, куда, на облегченныхъ повозкахъ, привозилось все принятое изъ интендантскихъ транспортовъ, стоящихъ у Орханіэ, Правца и Осикова.

„Въ началѣ Декабря, обозъ 3-го разряда и хлѣбопеченіе было перевезено изъ Радомирца въ Орханіэ и хотя тамъ выпекали много хлѣба, но полкъ его не видалъ, потому что онъ предназначался для раздачи подкрѣпленіямъ, ожидавшимся изъ-подъ Плевны. Запасъ сухарей, имѣвшійся на людяхъ, былъ израсходованъ 24-го ноября, такъ какъ еще 18 и 19-го числа Финляндскій полкъ, по приказанію генерала Дандевиля, подѣлился сухарями съ батальонами Л.-Гв. Измайловскаго и Великолуцкаго полковъ, оставшимися безъ всего.

„Продовольствіе на Финляндской горѣ, за неприбытіемъ къ Орханіэ интендантскихъ транспортовъ, получалось изъ захваченныхъ у турокъ складовъ при дер. Врачеши. Во всякомъ случаѣ отпускъ припасовъ былъ совершенно случайный: по повѣсткамъ, присылавшимся въ полкъ, командировались съ горы рабочіе, для пріема десятка барановъ, нѣсколькихъ мѣшковъ риса, галетъ, копченаго мяса и боченка спирта. Все это люди на своихъ плечахъ должны были приносить на гору, по узкой крутой тропинкѣ. Когда она

отъ снѣга и морозовъ обледенѣла, люди скользили, падали, разшибались и теряли часть продуктовъ. На спускъ съ горы и обратный подъемъ съ тяжелою ношею требовалось отъ 5 до 6 часовъ времени, поэтому легко себѣ представить, какъ люди утомлялись и и изнурялись. Галеты, отбитыя у турокъ, получались въ мѣшкахъ и принимались, конечно, безъ брака и сортировки, почему часть ихъ оказывалась всегда прогнившею, покрытою плѣсенью. Отпускъ ограничивался одною галетою вѣсомъ около 20 золотниковъ въ день, на человѣка. Тѣмъ же способомъ какъ рисъ и галеты и въ тѣхъ же уменьшенныхъ дачахъ, доставлялось на гору битое мясо. Сдѣлана была попытка доставки сухарей на вьючныхъ лошадяхъ и пригонка скота, съ тѣмъ чтобы бить его на горѣ, но попытка эта совершенно неудалась; изнуренныя голодомъ животныя падали отъ изнеможенія, не пройдя и половины пути, такъ что поторопились прирѣзать быковъ, чтобы они не пропали. Соли вовсе не было и варка, производившаяся въ ранцевыхъ котелкахъ изъ маленькой порціи мороженнаго мяса, риса или прѣсныхъ галетъ, получалась не вкусная и мало питательная. Изрѣдка отпускался чай, по разсчету отъ 2-хъ до 3-хъ манерокъ въ роту на 2 недѣли. При этомъ каждый разъ рекомендовалось расходованіе его бережно. Но такъ какъ, по неимѣнію помѣщенія для храненія, все принятое количество раздавалось людямъ на руки, немедленно по пріемѣ, то, конечно, уже чрезъ нѣсколько дней ни у кого чая не оказывалось. Его также варили въ котелкахъ и жадно пили въ прикуску съ галетою, такъ какъ сахара было немного. Отъ чарки водки многіе, не смотря на сырость и холодъ, отказывались, потому что румынскій спиртъ былъ отвратительнаго вкуса.

„Ежедневно подавались Графу Шувалову вѣдомости о наличныхъ продовольственныхъ запасахъ на людяхъ и при складѣ на перевязочномъ пунктѣ и только благодаря неустаннымъ заботамъ Графа о солдатахъ и офицерахъ, какъ тѣ такъ и другіе кое-какъ довольствовались.

„Воды на горѣ не было; на первыхъ дняхъ черпали изъ лужъ, образовавшихся отъ дождей, а когда отъ густыхъ тумановъ и начавшихся изморозковъ на кустахъ и деревьяхъ показался иней, онъ давалъ лучшую воду. Потомъ стали пользоваться огромными ледяными сосульками, образовавшимися на деревьяхъ; при сильномъ вѣтрѣ они обламывались и съ грохотомъ падали, засыпая палатки. Услышавъ этотъ шумъ, люди сбѣгались и манерками собирали эту благодать. Наконецъ въ Декабрѣ на воду употребляли топленый снѣгъ. Добытая названными средствами вода шла, конечно, только на питье и варку, такъ какъ положительно въ теченіе 6-ти-недѣльнаго пребыванія на горѣ, никто не мылся, по неимѣнію воды и въ виду того, что послѣ мытья кожа отъ холода растрескивалась и причиняла страшную боль; бѣлья также не мыли. Труднѣе всего было достать сѣна; для этого приходилось отправляться въ горы черезъ большіе перевалы къ дер. Чурьякъ, гдѣ съ одной стороны стояла наша кавалерія, а съ другой—башибузуки. Фуражировки эти всегда были сопряжены съ большою опасностью и притомъ были такъ трудны, что посланная команда возвращалась только на слѣдующій день. Бывали, однако, и такіе случаи, что поднявшаяся вьюга, застававшая команду въ горахъ, срывала все собранное со спинъ лошадей и фуражиры возвращались къ полку съ пустыми руками.

„Обиліе деревьевъ на горѣ вполнѣ обезпечивало полку топливо, но сырой, только что срубленный лѣсъ горѣлъ плохо и требовалось не мало усилій, чтобы развести костеръ, да кромѣ того изъ сыраго лѣса распространялся страшный дымъ, который, растилаясь по землѣ, ѣлъ глаза до такой степени, что рѣдко у кого они были совершенно здоровы. Во многихъ ротахъ почти не было человѣка, который бы отъ этого не страдалъ куриной слѣпотою; можно себѣ представить, что было, когда подобная рота ночью занимала ложементы; съ трудомъ можно было выбрать нѣкоторыхъ зрящихъ, чтобы ставить въ секреты.

„До 1-го Декабря въ ложементахъ не допускалось разведеніе огня, но когда начались морозы и были случаи обмороженія и замерзанія, костры поддерживались постоянно. Видно было, что у турокъ дѣлалось тоже самое. Люди жались къ кострамъ безмолвно и въ какомъ то оцѣпенѣніи смотрѣли въ огонь; между тѣмъ густой удушливый дымъ, при непроглядныхъ туманахъ, стоялъ въ воздухѣ и затруднялъ дыханіе; при вѣтрѣ, дымъ съ пепломъ, попадая въ глаза, производилъ воспаленіе. Появились сотни людей съ раскраснѣвшимися и постоянно слезящимися глазами. Рубка лѣса производилась исключительно тесаками, часто стоя по поясъ въ снѣгу. Днемъ и ночью среди мертвой тишины на горѣ, звенѣли удары тесаковъ:—вообще они очень пригодились: ими-же перерубали корни деревьевъ и кустовъ, мѣшавшихъ рытью ложементовъ, кололи дрова, очищали хворостъ для плетней, дѣлили мясо на порціи и т. п. Положеніе четвертаго батальона, не вооруженнаго тесаками, было въ этомъ отношеніи незавидное.

„Со дня выступленія изъ Этрополя и до спуска въ долину Комарцы никто не раздѣвался, поэтому легко себѣ представить во что обратилась одежда. Шинели, пропитанныя сыростью непроглядныхъ тумановъ, промоченныя дождями, приходилось сушить у костровъ, не снимая ихъ съ плечъ: сукно прѣло, пропитывалось дымомъ и зачастую прогорало. Послѣ дождей или оттепелей, люди возвращались изъ ложементовъ совершенно вымокшими, выпачканными въ грязи и, желая согрѣться и обсохнуть, ложились такъ близко къ огнямъ, что одежда на нихъ загоралась. На ночь разсыпали по полу палатокъ горячую золу, съ непотухшими еще угольями и ложились на нихъ, прожигая бока и спины шинелей. Полы шинелей, отъ носки въ нихъ земли, мяса, тяжелыхъ артиллерійскихъ снарядовъ, дырявились и обрывались. Сапоги сильно износились въ горахъ; потомъ размокшіе въ грязи, сушились у костровъ, не снимая ихъ съ ногъ; они садились, жали ногу, трескались, подошвы отваливались. Средствъ и возможности починки не было, почему, поверхъ сапоговъ, оборачивали ноги кусками свѣжихъ бараньихъ и воловьихъ шкуръ. Подобныя „опанки“ держались однако не болѣе 2-хъ—3-хъ дней, потомучто шкуры, промерзая, лопались, лохмотья, болтаясь, набирали грязь, затрудняли ходьбу. Такъ какъ въ числѣ вещей, сложенныхъ полкомъ въ Боготѣ, были сапоги, то за ними было послано, но прибыли они только 23-го Декабря, т. е. уже послѣ перехода черезъ Балканы. Нижнее бѣлье и фуфайки совершенно истлѣли, изорвались. Раздѣвая однажды раненаго пришлось увидѣть, что отъ рубахи остался только воротъ, удержанный галстухомъ и части плечъ; вся остальная часть представляла отвалившіеся и истертые лохмотья.

„Каждый дѣлалъ свое дѣло молча, хмуро, мрачно, сосредоточившись. Гробовая ти-

шина нарушалась только звонкими ударами тесаковъ при рубкѣ лѣса, хриплымъ кашлемъ множества простуженныхъ, и, по временамъ, одиночными выстрѣлами, вслѣдъ за которыми слышались стоны: несли раненаго, при смѣнѣ въ ложементахъ.

„Вся медицинская часть на самой горѣ состояла изъ младшаго врача Брагина, 4-хъ фельдшеровъ и нѣсколько ротныхъ посыльщиковъ. Медикаментовъ почти не было никакихъ. Ежедневно въ 8 часовъ утра являлось къ врачу до сотни людей съ отмороженными членами, воспаленными отъ дыма и вѣтра глазами, кашлемъ и ревматизмами. Ихъ принимали на воздухѣ, подъ дубами, потомучто никакихъ закрытыхъ помѣщеній не было.

„Можно себѣ представить,—говоритъ дневникъ полка [81],—положеніе больныхъ, которые на морозѣ, во вьюгу, въ дырявыхъ сапогахъ, промерзлыхъ, тонкихъ и прогорѣвшихъ шинеляхъ цѣлые часы выжидали своей очереди показаться доктору. Ознобленіе ногъ, требовало смазки саломъ, ревматизмы—натиранія летучею мазью и это исполнялось тутъ же на морозѣ и вѣтрѣ. Только отмороженіе, грозившее гангреною и простуда дыхательныхъ органовъ признавались серьезными болѣзнями; одержимыхъ ими отправляли внизъ на такъ называемый перевязочный пунктъ, при которомъ находилось только 2 врача. Но и здѣсь средства были далеко недостаточны; десятокъ солдатскихъ палатокъ, врытыхъ въ скатъ горы, занесенныхъ снѣгомъ, представляли полковой околодокъ. Осмотръ больныхъ и здѣсь производился, во всякую погоду, на воздухѣ. При малѣйшей возможности, больного удерживали при полку, такъ какъ иначе боевая численность полка могла непомѣрно уменьшаться. Только трудно-больныхъ отправляли за 10 верстъ, въ подвижной дивизіонный лазаретъ, въ Орханіэ. Удерживались при полку и присылались на верхъ съ перевязочнаго пункта иногда явно больные, полу-калѣки, съ отмороженными на рукахъ и ногахъ пальцами. Былъ даже случай, что вернувшійся снизу на гору солдатъ умеръ на слѣдующую же ночь.

„Зима уже установилась вполнѣ: глубокій снѣгъ, морозы, мятели, ясныя морозныя ночи; изрѣдка, сквозь низко-ходившіе туманы, пробивался солнечный лучъ, чаще-же царили непроглядные туманы и солнце обрисовывалось на небѣ краснымъ дискомъ *. Холодъ былъ для всѣхъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что почти ни у кого не было теплой одежды. Нижніе чины уже давно износили выданныя имъ передъ походомъ фуфайки; ни теплыхъ носковъ, ни полушубковъ, ни валенокъ не было. Еще въ концѣ октября командированъ былъ въ Россію полковой казначей, для покупки теплыхъ вещей для солдатъ и офицеровъ. Единственно благодаря заботливости и хлопотамъ Графа Шувалова, въ полкъ доставлено было разновременно, изъ Общества Краснаго Креста, 10 паръ теплыхъ носковъ, дюжина болгарскихъ суконныхъ шапокъ и нѣсколько аршинъ фланели, на обертки ногъ. 2-я артиллерійская бригада, получившая въ декабрѣ полушубки, нашла возможнымъ уступить полку дюжину ихъ. Но, конечно, эти приношенія далеко не удовлетворяли нуждамъ полка. Офицерскія посылки съ теплыми вещами не приходили; всѣ

* Для освѣщенія палатки командующаго полкомъ и нѣкоторыхъ офицеровъ употреблялись тогда свѣчи приготовлявшіяся въ полку собственными средствами изъ остатковъ бараньяго сала; фитилемъ служила корпія; выливались свѣчи въ трубкѣ изъ фонаря лазаретной линейки. Фабрикованіе этихъ свѣчей началось въ Правцѣ при палаткѣ полкового квартирмистра Штабсъ-Капитана Шевелева.

знали, что онѣ въ дорогѣ, ждали ихъ со дня на день, но такъ и не дождались. Какъ у людей, такъ и у большинства офицеровъ не было даже чистой смѣны бѣлья".

Положеніе офицеровъ было нисколько не лучше положенія солдатъ. Совершенно отрѣзанные отъ всего, что осталось сзади, лишенные всякой возможности пополнить или освѣжить свою жалкую одежду, они обречены были на перенесеніе совершенно такихъ же страданій, какъ и нижніе чины. Нѣкоторые изъ нихъ даже находились въ сравнительно худшихъ условіяхъ, т. к. ничего не имѣли кромѣ лѣтняго пальто, обманувшись надеждой, что по быстромъ переходѣ черезъ Балканы въ теплой одеждѣ не встрѣтится никакой надобности.

Сдача Османа-Паши Генералу Ганецкому.

Настоящимъ бичемъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, были появившіяся въ громадномъ количествѣ всевозможныя насѣкомыя, мѣшавшія спать и причинявшія страшный зудъ. Никакія средства не помогали, грязное бѣлье, не мывшееся совершенно, создавало благопріятную почву для всякихъ паразитовъ, доводившихъ солдатъ до того, что они снимая съ себя все рѣшительно и оставаясь на морозѣ совсѣмъ голыми, садились къ кострамъ и жарили своихъ мучителей.

„Спали всѣ и всегда совершенно одѣтыми; холодъ и необходимость быть ежеминутно на готовѣ вынуждали къ этому.

„Обросшія, закоптѣлыя отъ дыма лица, слезящіеся отъ воспаленія глаза, дырявыя, прогорѣлыя шинели, уродливыя закарузлыя опанки на ногахъ, все это придавало людямъ неутѣшительную внѣшность. При сильномъ вѣтрѣ и во вьюгу, люди закутывались въ полотнищахъ палатокъ и ходили, медленно выступая, какъ тѣни въ саванахъ. Вся эта обстановка производила тяжелое впечатлѣніе. Извѣстія о томъ, что вообще происходило на театрѣ войны, до Л.-Гв. Финляндскаго полка не доходили. Кругомъ все какъ будто замерло; всѣ были какъ бы одинокими, какъ бы оставленными, забытыми, предназначенными стоять, терпѣть и умирать".

Но страданія переносились стойко; сознаніе отвѣтственности передъ далекой Россіей воодушевляло на подвигъ и служило нравственнымъ удовлетвореніемъ за всѣ муки и лишенія. Такъ чувствовали свое положеніе и смотрѣли на него и офицеры, и солдаты. „Кабы за что другое воевали, а то братъ за религію воюемъ,"—толковалъ у костра на Балканахъ одинъ солдатъ другому. Уже одинъ этотъ мотивъ войны дѣлалъ всѣ страда-

нія и подвиги угодными Богу, давалъ безсмертіе. „Небось не забудутъ,"—говорилъ солдатъ Финляндецъ своему товарищу, печалившемуся, что погибшихъ помянуть некому.— Небось, коли убьютъ,—продолжалъ онъ,—поди по всей Россійской Европѣ по всѣмъ церквамъ поминать станутъ" [32].

29 Ноября утромъ разнесся въ полку слухъ, что Османъ-Паша прорвался изъ Плевны; въ такомъ случаѣ положеніе отряда Генерала Гурко стало бы безвыходнымъ. Но въ 3-мъ часу дня въ полкъ прибылъ ординарецъ Графа Шувалова и привезъ извѣстіе, что Османъ-Паша со всей арміей сдался. Сдача Плевны произошла послѣ 5-ти часоваго жаркаго сраженія, 28-го Ноября. Честь этого дня по справедливости принадлежала командиру Гренадерскаго корпуса Генералу Ганецкому, бывшему офицеру и бывшему славному командиру Л.-Гв. Финляндскаго полка. Ему вручилъ свою саблю мужественный и энергичный Османъ-Паша.

Радостная вѣсть о взятіи Плевны значительно ободрила людей, всѣ замѣтно оживились и бивакъ полка принялъ болѣе веселый видъ; въ нѣкоторыхъ палаткахъ послышались даже пѣсни и сложилось общее убѣжденіе что „скоро конецъ" *.

30-го Ноября въ полку разнесся слухъ, что часть нашихъ войскъ, блокировавшихъ Плевну направлена въ Орханіэ; по разсчету времени они могли прибыть около 10 Декабря, почему и явилось предположеніе, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ будетъ отведенъ для 3-хъ дневнаго отдыха въ Орханіэ. Явилась надежда провести тамъ 12-ое Декабря, день полкового праздника. „Въ ожиданіи этой вождѣленной минуты,—говоритъ дневникъ полка,—проходили дни зá днями; морозы и вьюги крѣпко донимали людей, а между тѣмъ выяснилось, что подкрѣпленія, шедшія изъ подъ Плевны, будутъ употреблены не для смѣны частей, занимавшихъ уже позиціи въ горахъ, а для обхода турецкой Арабъ-Конакской позиціи".

Составленный 30-го Ноября, черезъ день послѣ сдачи Плевны, наступательный планъ дѣйствій для всей дѣйствующей арміи, имѣвшій своею главнѣйшею цѣлью переходъ арміи черезъ Балканы и движеніе къ югу отъ нихъ, отразился на отрядѣ Генерала Гурко и на Л.-Гв. Финляндскомъ полку не скоро. Еще три недѣли до 20-го Декабря простоялъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ на своей горѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ турокъ, по прежнему претерпѣвая всевозможныя лишенія и по прежнему будучи почти вполнѣ отрѣзаннымъ отъ всего.

Въ первыхъ числахъ Декабря полкъ дѣлалъ попытку оптическими и акустическими сигналами войти въ сношеніе съ сосѣдними частями. Для этого, согласно приказа Графа Шувалова, на Финляндской и сосѣдней съ ней Павловской горахъ, одновременно въ заранѣе условленный часъ трубили вечернюю зорю и играли маршъ. Отвѣтные сигналы слышны не были, т. к. ихъ относило вѣтромъ, но черезъ нѣсколько дней они дали нѣкоторую весьма слабую возможность оріентироваться; къ такимъ же весьма незначительнымъ результатамъ привели и оптическіе сигналы, которыми служилъ большой костеръ, раскладываемый у право-флангового ложемента, въ условленный заранѣе часъ [33].

---

* Трофеями 28 Ноября были: плѣнныхъ—40 Пашей, 2,000 офицеровъ и 44 тысячи нижнихъ чиновъ, 84 пушки, множество оружія и снарядовъ, весь турецкій лагерь и обозъ.

Наличный составъ ротъ чрезвычайно ослаблялся во время стоянки полка на Финляндской горѣ, что повлекло за собой уменьшеніе числа людей, наряжаемыхъ въ ложементы на аванпосты; но, несмотря на это сокращеніе нарядовъ, они были настолько значительны, что сильно изнуряли людей.

Убыль полка была нѣсколько пополнена прибывшими укомплектованіями изъ запаснаго батальона. 8-го Декабря прибыла къ полку партія въ 57 человѣкъ подъ командой Поручика Князя Кильдишева, а 10-го—партія въ 166 человѣкъ подъ командой Поручика Святополкъ-Мирскаго. Не смотря на эти укомплектованія, убыль людей была такъ велика, что наличный составъ ротъ не превосходилъ въ среднемъ 60—70 человѣкъ.

Отчетъ старшаго врача за Декабрь мѣсяцъ показываетъ слѣдующія потери: отмороженныхъ—584 человѣка, или 18.79% наличнаго состава, больныхъ разными болѣзнями—155 человѣкъ, или 5%, больныхъ дезинтеріей—63 человѣка, или—2,02%, больныхъ лихорадками—41 человѣкъ, или 1,33% и убывшихъ отъ ранъ -14 человѣкъ или—0.45%; общая потеря составляла 857 человѣкъ или 27.59% [34].

Между тѣмъ пока Л.-Гв. Финляндскій полкъ стоялъ на Финляндской горѣ, въ первыхъ числахъ Декабря начали происходить событія первостепенной важности.

5-го декабря былъ объявленъ слѣдующій Высочайшій приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи, показывающій насколько цѣнились Верховнымъ Вождемъ русской арміи труды и лишенія ея, претерпѣваемыя вдали отъ Россіи. Въ означенномъ приказѣ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ писалъ [35]:

„Возвратясь въ Свою столицу послѣ болѣе шестимѣсячнаго пребыванія среди войскъ дѣйствующей арміи, Я обращаюсь съ чувствомъ естественной гордости и благоговѣнія къ воспоминаніямъ о высокихъ доблестяхъ русскихъ воиновъ, являющихся и въ нынѣшнюю кампанію тѣми же героями, коими всегда славилось Наше оружіе. Безпредѣльная преданность къ Престолу и къ долгу чести и службы, неустрашимость и стойкость въ бою, примѣрное самоотверженіе въ тяжелыхъ испытаніяхъ, неизбѣжныхъ въ военное время, искони отличавшія русскаго солдата, постоянно ему присущи и нынѣ. Мнѣ отрадно было быть личнымъ свидѣтелемъ неоднократныхъ доказательствъ таковыхъ достоинствъ, горячо Мною любимыхъ войскъ Моихъ. Разставаясь съ ними нынѣ, въ твердомъ уповаціи на милосердіе Всевышняго, Его благословеніе на дарованіе новыхъ и окончательныхъ побѣдъ надъ врагомъ, Я твердо убѣжденъ, что для достиженія ихъ подъ симъ благословеніемъ, войска Мои не знаютъ преградъ. Не сомнѣваюсь, что и впредь, какъ и нынѣ, они постоянно будутъ пріобрѣтать право на ту искреннюю признательность, которую сердцу Моему пріятно выразить нынѣ всѣмъ войскамъ дѣйствующей арміи, начиная съ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, начальникамъ частей, Генераламъ, Штабъ и Оберъ-Офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Военная лѣтопись наша украсилась въ нынѣшнемъ году блестящими страницами и незабвенными памятниками славы русскаго оружія, таковы: переправа чрезъ Дунай подъ Систовымъ, взятіе Тырнова, экспедиція за Балканы, безпримѣрная и удивленія достойная защита Шипкинскаго перевала, взятіе Ловчи, Горнаго Дубняка, Телиша, Врацы и Этрополя, и, наконецъ, овладѣніе Плевною.

„Повторяя Мою искреннюю признательность Его Императорскому Высочеству Главно-

командующему дѣйствующею арміею, Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Начальнику Рущукскаго отряда, всѣмъ начальствующимъ и служащимъ въ арміи лицамъ, благодарю всю армію отъ всего сердца и молю Бога о ниспосланіи намъ новыхъ побѣдъ и успѣховъ".

Августѣйшій Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, подчеркивая въ приказѣ по арміи отъ 10-го Декабря значеніе Высочайшаго благодарственнаго приказа объявилъ: „Войска ввѣренной мнѣ арміи. Да будетъ приказъ сей для Васъ новымъ знакомъ Монаршей милости. Да будетъ онъ служить для насъ новымъ побужденіемъ къ честному выполненію долга предъ Царемъ и Отечествомъ. Да не остановитъ насъ ни суровый климатъ, ни предстоящія преграды природы, ни упорство врага, и употребимъ всѣ наши усилія, чтобы довести великое дѣло до конца и оправдать надежды Монарха и всей Россіи".

11-го Декабря, наканунѣ дня полковаго праздника, прибылъ къ полку бригадный командиръ Генералъ Эттеръ съ тѣмъ, чтобы поздравить съ кануномъ полковаго праздника. Отъ него Финляндцы услышали весьма важную и радостную новость, что подкрѣпленія, состоявшія изъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и частей IX-го армейскаго корпуса подошли къ Орханіэ, и что съ вечера 12-го Декабря начнется высылка обходныхъ колоннъ на Чурьякъ и Бабью гору, въ обходъ передовыхъ позицій противника.

Такимъ образомъ военныя дѣствія на западномъ фронтѣ дѣйствующей арміи начинали принимать наступательный характеръ, судьба же привела Финляндцевъ къ участію въ наступленіи лишь съ 20-го декабря, такъ что полку пришлось послѣ полковаго праздника прострадать еще болѣе недѣли на своей Финляндской горѣ.

День полковаго праздника 12-го декабря 1877 года, Л.-Гв. Финляндскій полкъ провелъ въ необычайной обстановкѣ, среди сугробовъ Балканскихъ горъ. Боевая обстановка въ самой непосредственной близости отъ противника и отсутствіе какихъ бы то ни было средствъ не позволили выдѣлить день 12-го декабря отъ прочихъ трудовыхъ и полныхъ лишеній будничныхъ дней.

Дневникъ полка описываетъ такъ полковой праздникъ того года: [86]

„Къ 10-ти часамъ утра 1-й, 2-й и 3-й батальоны построились покоемъ на небольшой и единственной площадкѣ, шагахъ въ 300 за бивакомъ. Затѣмъ ожидали прибытія священника и Генералъ-Адъютанта Графа Шувалова. Въ 10 часовъ утра прибылъ командиръ бригады Генералъ Эттеръ и объявилъ, что Графъ по дѣламъ службы уѣхалъ въ Орханіэ и потому поручилъ словесно поздравить полкъ съ праздникомъ. Священникъ же не прибылъ, поэтому горнистъ вслухъ прочиталъ „Отче нашъ". За симъ было выпито по чаркѣ водки за здоровье Государя Императора и Шефа полка, за полкъ и ближайшее начальство, послѣ чего люди отправились на бивакъ по своимъ палаткамъ. 4-му батальону поздравленіе было передано въ ложементахъ.

„Въ 4 часа прибылъ на гору Графъ Шуваловъ и лично поздравилъ офицеровъ и людей на бивакѣ съ праздникомъ, потомъ обошелъ ложементы и поздравилъ тамъ 4-й батальонъ. Ко времени возвращенія Графа Шувалова около землянки собрались георгіевскіе кавалеры, къ которымъ графъ обратился съ прочувствованной рѣчью, проведя парал-

лель между Финляндской горою и Васильевскимъ Островомъ. Графъ закончилъ словами: „Богъ дастъ черезъ три-четыре дня все кончится“, потому что ночью должны были выступить колонны. Въ 6 часовъ вечера на гору прибылъ Генералъ-Маіоръ Максимовъ старый Финляндецъ, служащій по военно-судебному вѣдомству. Онъ присланъ былъ съ поздравленіемъ отъ Его Высочества Главнокомандующаго. Генералъ Максимовъ привезъ привѣтъ полку и отъ Генерала Ганецкаго I, который велѣлъ передать, что былъ въ мундирѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка (которымъ раньше командовалъ) въ день взятія въ плѣнъ Османа Паши. Поздно вечеромъ получена была слѣдующая поздравительная телеграмма: отъ Его Высочества Главнокомандующаго изъ Богота.

„Командирамъ полковъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго и Волынскаго,

Поздравляю полки съ полковымъ праздникомъ. Спасибо молодцамъ за службу, да благословитъ Васъ Господь и впредь.

Шефъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ поручилъ тоже поздравить свой полкъ и Волынцевъ, передавъ Свое сожалѣніе, что не пришлось ему съ Своимъ полкомъ раздѣлить всѣ труды.“.

„Николай“

А спустя нѣкоторое время, полкъ былъ осчастливенъ Высочайшимъ поздравленіемъ, выраженномъ въ слѣдующей телеграммѣ Его Высочества.

„Командирамъ Финляндскаго и Волынскаго полковъ.

Государь Императоръ поручить мнѣ изволилъ передать обоимъ полкамъ Свое поздравленіе съ полковымъ праздникомъ и повторить Свое спасибо за молодецкую службу.“

„Николай“.

Въ день же полковаго праздника Финляндцы были обрадованы полученіемъ изъ Петербурга, послѣ почти 2-хъ мѣсячнаго перерыва, писемъ и посылокъ, столь давно ожидавшихся. Въ числѣ этихъ писемъ было слѣдующее письмо офицеровъ запаснаго батальона *:

„Дорогіе наши друзья и товарищи.

„Говорить о нашихъ къ вамъ чувствахъ и какихъ-нибудь сердечностяхъ не время, да и не мѣсто — нынѣшнія обстоятельства связываютъ всѣхъ ближайшими родственно-прочувствованными узами, а объ нашей офицерской семьѣ и говорить нечего и потому достаточно будетъ сказать вамъ, что мы всѣ оставшіеся здѣсь сильнѣйше скорбимъ, что не имѣемъ не только достаточныхъ, но даже почти никакихъ о васъ свѣдѣній, дорогіе наши братья, друзья и товарищи—да благословитъ васъ и сохранитъ для всѣхъ насъ и вашихъ семей Всевышній.

„Пользуясь случаемъ отправки различныхъ пожертвованій нашего милаго сосѣда, какъ онъ себя скромно называетъ, Николая Михайловича Григорьева, мы рѣшились переслать вамъ что можно, что казалось по нашему мнѣнію вамъ полезнымъ и, наконецъ, что было возможно по нашимъ небольшимъ средствамъ;—если сдѣлали въ чемъ ошибку,

* Подлинникъ хранится въ музеѣ полка.

не взыщите,—мы вѣдь судили по тому, какъ намъ кажется; попеняйте же на себя за это, потому что мы о васъ всѣхъ почти ничего не знаемъ, въ чемъ вы нуждаетесь, и что вамъ было бы полезно.

„Прилагаемъ при семъ: 20 бутылокъ рому, 20 бутылокъ коньяку, 2 пуда 9 ф. сухарей къ чаю и 12,000 папиросъ *.

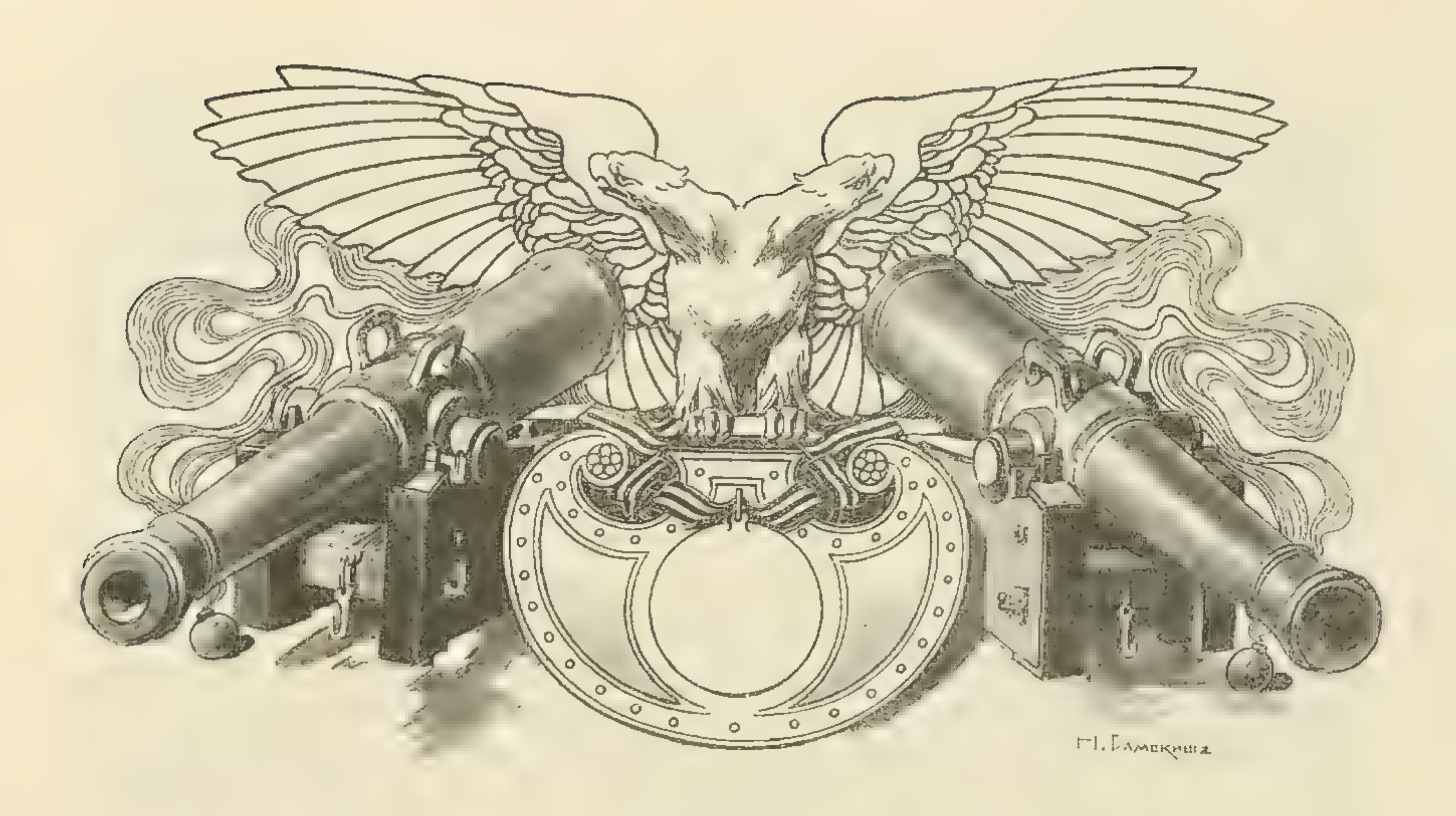
„Примите же это небольшое приношеніе какъ слабое доказательство того искренняго и сердечнаго чувства, которымъ мы всѣ одушевлены къ вамъ.

„На дняхъ получили мы грустныя свѣдѣнія о павшихъ и раненыхъ. Если бы кто изъ васъ раненыхъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то мы всѣ здѣсь рѣшились просить, чтобы помимо всякихъ другихъ лицъ, ухаживающихъ за вами, предоставлено было лично намъ—мы устроимъ все для васъ въ нашей докторской комнатѣ и все наше существованіе, все время, всѣ средства, все, рѣшительно все будетъ предоставлено заботамъ о васъ, наши дорогіе братья, друзья и товарищи.

„Ваши искреннія друзья Ф. Ростковскій, Н. Строевъ 2-й, А. Кильдишевъ, И. Гершельманъ, Е. Данилевичъ, В. Кривенко, Н. Дохтуровъ, В. Дорогой, П. Карповъ.

* Сухари и папиросы были доставлены въ день полкового праздника, вино же и прочее—4-го февраля 1878 года: 28-го и 29-го Декабря были получены нижними чинами подарки Н. М. Григорьева.

Глава X.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг.

Подготовка перехода черезъ Балканы. Стоянка на „Финляндской горѣ“ съ 13 декабря. Переходъ черезъ Балканы. Сраженіе подъ Филиппополемъ 3—5 января 1878 г.

„Успѣхъ боя 5-го Января я отношу къ храброй и славной атакѣ совершенной молодцами Финляндцами, совмѣстно съ полками Архангелогородскимъ и Вологодскимъ.“ (Рапортъ Генералъ-Адъютанта графа Шувалова, отъ 17 Янв. 1878 года).

30-го ноября, черезъ день послѣ сдачи Плевненской арміи Османа-Паши, Великій Князь Главнокомандующій доложилъ Государю Императору на собранномъ тогда военномъ совѣтѣ, что намѣренъ сдѣлать „то, чего никто не ожидалъ“—немедленно идти за Балканы и, несмотря на суровую зиму, особенно страшную на вершинахъ горъ, перевалить черезъ первокласный хребетъ, разбить турецкія арміи, преграждавшія путь къ Константинополю и идти къ столицѣ Турціи. [1] Такимъ образомъ начался третій періодъ кампаніи 1877-78 г.г.—періодъ самаго рѣшительнаго наступленія.

Къ моменту возникновенія наступательнаго плана русскаго Главнокомандующаго перевѣсъ силъ былъ на нашей сторонѣ. Для защиты своей главнѣйшей оборонительной линіи—Балканскихъ горъ,—турки выставили въ тотъ моментъ лишь 70 тысячъ человѣкъ, имѣя изъ остальныхъ войскъ около 130 тысячъ, расположенными далеко къ югу отъ Балканъ и на восточномъ фронтѣ. Турецкія войска, оборонявшія Балканы, были раздѣлены на двѣ главныхъ группы; у Шипки стояла 18-ти тысячная армія Вессель-Паши, защищавшая центральные Балканы;

противъ этой арміи былъ расположенъ Шипкинскій отрядъ Генерала Радецкаго; армія Шакира-Паши, численностью въ 24 тысячи человѣкъ защищала Этропольскіе Балканы, преимущественно Арабъ-Конакскій перевалъ; противъ нея оперировалъ западный отрядъ Генерала Гурко;* во второй линіи турецкихъ силъ близъ Татаръ-Базарджика и Филиппополя собирались отдѣльные отряды, общая численность которыхъ доходила до 28 тысячъ.

При такомъ расположеніи обѣихъ сторонъ для перехода русскихъ войскъ въ наступленіе представлялись два главныхъ направленія: 1) черезъ Этропольскіе Балканы—западнымъ отрядомъ Генерала Гурко и 2) черезъ Шипкинскій перевалъ—отрядомъ Генерала Радецкаго. Въ общемъ, принятъ былъ слѣдующій планъ: начать наступленіе долженъ былъ отрядъ Генерала Гурко, съ тѣмъ чтобы атаковать армію Шакира-Паши, отбросить ее къ югу, овладѣть Софіей и затѣмъ двигаться къ Филиппополю и далѣе. Отрядъ же Генерала Радецкаго долженъ былъ начать наступленіе лишь по достиженіи успѣха западнымъ отрядомъ, который по предположенію долженъ былъ оттянуть силы турокъ къ Софіи и Филиппополю и тѣмъ облегчить наступленіе Генерала Радецкаго на Адріанополь. Для исполненія этого плана, передовые отряды были усилены изъ резерва; въ отрядъ Генерала Гурко были направлены 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и IX-й армейскій корпусъ.

Генералъ Гурко для перехода черезъ Балканы избралъ три дороги, обходившія позицію арміи Шакира-Паши на Арабъ-Конакѣ и Шандорникѣ съ запада и востока.

18-го декабря была объявлена по войскамъ диспозиція начальника западнаго отряда о движеніи войскъ черезъ Балканы въ обходъ Арабъ-Конакской позиціи. Согласно этой диспозиціи, задачи поставленныя отдѣльнымъ отрядамъ войскъ Генерала Гурко, были таковы: 1) авангарду и главнымъ силамъ—идти отъ Врачеша черезъ Чурьякъ; 2) правой колоннѣ—отъ Врачеша черезъ Умургачъ къ Желявѣ, гдѣ составить заслонъ къ сторонѣ Софіи; 3) лѣвой колоннѣ—изъ Этрополя черезъ Бабу-Гору въ Буново; 4) главному заслону, въ составъ котораго входилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, оставаться на своей прежней позиціи, по обѣ стороны Софійскаго шоссе, противъ позиціи турокъ съ назначеніемъ удерживать ихъ; 5) правому заслону — стоять на позиціи противъ Лютикова и 6) лѣвому заслону оставаться на Златицкомъ перевалѣ.

13-го декабря обходныя колонны Генерала Гурко начали свое движеніе по едва замѣтнымъ неприступнымъ горнымъ тропамъ. Пока онѣ шли, страдая отъ мороза и едва преодолѣвая кручи, войска главнаго заслона, ввѣренныя командиру IX-го армейскаго корпуса, Генералъ-Лейтенанту барону Криденеру, стоя на своихъ позиціяхъ, должны были сильными демонстраціями противъ фронта непріятеля, привлекать на себя вниманіе турокъ и тѣмъ способствовать наступленію обходныхъ колоннъ.

Расположенныя на позиціи противъ Арабъ-Конака и Шандорника войска главнаго заслона состояли изъ двухъ отрядовъ. Къ западу отъ Софійскаго шоссе—стоялъ отрядъ графа Шувалова въ составѣ полковъ Лейбъ-Гвардіи: Московскаго и Павловскаго, занимавшихъ горы западнѣе Баба-Конака (Павловскую и Преображенскую) и Л.-Гв. Финляндскаго, стоявшаго впереди этихъ двухъ полковъ и занимавшаго 3-мя батальонами „Финляндскую"

---

* Кромѣ того на Троянскомъ перевалѣ былъ незначительной отрядъ Генерала Карцева изъ 6-ти батальоновъ.

гору—ближайшую къ непріятельскимъ позиціямъ. Къ востоку отъ Баба-Конака и шоссе, противъ позиціи Шандорника, расположенъ былъ отрядъ Его Высочества Принца Ольденбургскаго, состоявшій изъ Л.-Гв. Семеновскаго и Егерскаго полковъ и батальона Л.-Гв. Московскаго полка. На самомъ шоссе былъ расположенъ только одинъ 1-й батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка; „вслѣдствіи этого,—говоритъ журналъ военныхъ дѣйствій западнаго отряда, [2]—наиболѣе слабымъ пунктомъ было шоссе, почему временно до прихода подкрѣпленій изъ Лютиковскаго отряда, т. е. до 15 декабря, на шоссе у Баба-Конака былъ задержанъ одинъ батальонъ Л.-Гв. Московскаго полка".

Такимъ образомъ, въ тотъ важный моментъ, когда боковыя колонны отряда Генерала Гурко совершали свое трудное обходное движеніе, на долю Л.-Гв. Финляндскаго полка выпала весьма серьезная задача: стоя впереди всѣхъ прочихъ частей главнаго заслона, въ непосредственоной близости къ сильнѣйшему противнику, полкъ долженъ былъ первымъ удержать его наступленіе и отражать его удары. Значительно уже ослабленный 3-хъ недѣльнымъ пребываніемъ на неприступыхъ Балканскихъ вершинахъ, претерпѣвая тамъ чрезвычайныя лишенія, Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ точности выполнилъ данное ему приказаніе держаться во чтобы то ни стало и, въ суровые, полные страданій декабрьскіе дни, выказалъ удивительную стойкость, мужество и непоколебимость. Войска, претерпѣвали тогда неимовѣрныя лишенія; морозъ и артиллерійскій огонь турокъ дѣлали свое дѣло: ежедневно происходила убыль убитыми или ранеными. „Въ этомъ послѣднемъ отношеніи,—какъ записано въ журналѣ военныхъ дѣйствій войскъ западнаго отряда,—наиболѣе страдалъ Финляндскій полкъ, позиція котораго занимала выдающееся положеніе противу остальныхъ и сильно обстрѣливалась съ непріятельскихъ батарей картечными гранатами и изъ ложементовъ ружейнымъ огнемъ".

Въ дневникѣ полка о днѣ 13 декабря записано слѣдующее: [3] „1-й батальонъ получилъ приказаніе спуститься съ горы и стать на шоссе, смѣнивъ тамъ роты гвардейской стрѣлковой бригады. Такимъ образомъ на горѣ оставалось три слабыхъ батальона при 8 орудіяхъ. Можно положительно сказать, что при всякой другой обстановкѣ силы эти были бы недостаточны для удержанія тѣхъ 7 — 8 таборовъ турокъ, которыхъ мы, какъ оказалось впослѣдствіи, имѣли противъ себя. Но глубокій снѣгъ, недопускавшій движенія массами, возведенные ложементы и окопы, а также уроки, данные туркамъ 21-го 22-го и 25-го Ноября, до нѣкоторой степени гарантировали насъ. Служба оставшихся на горѣ 3-хъ батальоновъ сдѣлалась еще тяжелѣе. Требовалось особенное вниманіе, полная готовность къ встрѣчѣ, такъ какъ можно было ожидать, что турки, провѣдавъ о начавшемся обходѣ и о томъ, что въ резервѣ на шоссе никого не осталось—обрушатся на насъ."

Къ довершенію всего, вслѣдствіе мороза ружья стали дѣйствовать плохо, давая часто осѣчки.

Далѣе дневникъ полка даетъ слѣдующее описаніе [4]:

„День прошелъ обычнымъ порядкомъ. Полку для свѣдѣнія сообщено было, что обходная колонна, двигавшаяся на Чурьякъ, задержанная на пути глубокимъ снѣгомъ и крутыми подъемами въ этотъ день не достигла до предназначеннаго ей ночлега. 1-й батальонъ выставилъ на шоссе дежурные части и посты. Онъ былъ подчиненъ непосредственно командиру бригады Свиты Его Величества Генералъ-Маіору Эттеру.

Въ послѣдующіе два дня новаго ничего не происходило. Погода была неблагопріятная—морозъ съ холоднымъ вѣтромъ. Снѣгъ. Ночью вьюга.

16-го Декабря приказано было открыть съ позиціи артиллерійскій огонь, чтобы тѣмъ отвлечь вниманіе турокъ отъ обходнаго движенія. Огонь вслѣдствіе тумана могъ быть начатъ только въ 10-мъ часу утра, онъ длился до 1 часа дня, затѣмъ опять насталъ такой густой туманъ, что пришлось прекратить стрѣльбу. Турки отвѣчали на наши выстрѣлы, но къ счастію гранаты ихъ не наносили намъ никакого вреда. Такъ какъ наканунѣ вьюгою занесло снѣгомъ ложементы и батареи, то едва-ли непріятель въ состояніи былъ видѣть цѣль, а долженъ былъ стрѣлять на дымъ.

Съ вечера 16-го началась сильная мятель, которая длилась въ теченіи всего 17-го Декабря. Нанесло огромные сугробы снѣга: дорога, ложементы, батарея, палатки—все было похоронено подъ снѣгомъ. Къ утру и въ теченіи дня оказалось много отмороженныхъ. Около 10 часовъ утра пришло отъ графа Шувалова съ Павловской горы приказаніе приспособить люнетъ къ постановкѣ двухъ орудій. Въ виду опасности, которой могли подвергнуться эти два орудія и сомнительной пользы отъ нихъ, командующій полкомъ и командиръ батареи Полковникъ де-Роберти просили отмѣнить это распоряженіе. Но такъ какъ на это разрѣшенія не послѣдовало, то приступлено было къ работѣ. Предстояло прежде всего очистить избранный фасъ люнета отъ снѣга. Работало 40 человѣкъ около 2-хъ часовъ, но при страшной вьюгѣ—все вновь заносило снѣгомъ. Ночь была темная, мрачная, освѣщать мѣсто работы было опасно да и не было чѣмъ. Пришлось отложить работу до другаго дня.

18-го декабря погода разъяснилась; былъ совершенно теплый и притомъ ясный солнечный день. Пользуясь укрытіемъ бруствера, удалось незамѣтно начать обозначенныя уже работы по уширенію внутренняго рва и прорѣзкѣ амбразуры въ толщинѣ бруствера. До 12 часовъ дня работа шла благополучно, но вдругъ въ кучу рабочихъ грянула неожиданно одна граната, а за нею вслѣдъ другая. Кто могъ — бросился плотно къ брустверу, но уже раздавались вопли и стоны: гранатою убило двухъ на мѣстѣ, ранило 7 человѣкъ. О немедленномъ возобновленіи работы, разъ какъ она уже была замѣчена турками, нельзя было и думать. Командующій полкомъ приказалъ обождать наступленія сумерекъ и послалъ о случившемся донесеніе. Командиръ батареи, съ своей стороны, также донесъ графу Шувалову о сомнительной пользѣ предположенной батареи. Вслѣдствіе этого, вечеромъ получено было разрѣшеніе оставить ее.

19-го Декабря съ 8-ми часовъ утра съ Финляндской горы, какъ и со всѣхъ прочихъ позицій, открытъ былъ по турецкимъ укрѣпленіямъ усиленный артиллерійскій огонь. Выпущено по 30 снарядовъ на орудіе. Непріятель отвѣчалъ чрезвычайно дѣятельно, при чемъ имѣлъ возможность поражать нашу батарею не только фронтально, но и во флангъ. Турки, пользуясь туманами и вьюгой послѣднихъ дней, и съ третьей стороны возвели и вооружили батарею. Нѣкоторыя гранаты попадали даже на бивакъ, куда турки прежде никогда не стрѣляли. Около 3-хъ часовъ дня Полковникъ де-Роберти, находясь при своей батареѣ, одною изъ турецкихъ гранатъ былъ сильно контуженъ въ правый бокъ и долженъ былъ сдать командованіе Капитану Воротникову. Съ нашей стороны

огонь къ $4^{1}/_{2}$ часамъ былъ прекращенъ. Турки же продолжали его. Особенно усердствовала двухъ орудійная дально-бойная батарея, находившаяся противъ исходящаго угла позиціи: около 6-ти часовъ, гранаты ея, прежде направляемыя въ нашу батарею — посыпались прямо на бивакъ. Онѣ разрывалиеь, ударяя о деревья, ломая сучья, но по счастью не наносили никакого вреда. На бивакѣ говорили, что турки посылаютъ прощальный привѣтъ и вѣроятно сегодня же уйдутъ. Однако всѣ послѣдніе дни, мѣры наблюденія за непріятелемъ были усилены. Какъ только погода разъяснялась командующій полкомъ и офицеры съ биноклями старались высмотрѣть, что происходитъ у турокъ. Но кромѣ обычныхъ сигналовъ, крика ословъ, ржанія лошадей, галденія, дыма отъ костровъ, часовыхъ впереди ложементовъ, на брустверахъ и батареяхъ ничего особеннаго замѣчено не было.

Только съ 3-хъ часовъ по-полудни, нѣкоторымъ казалось, что они слышатъ необычайный шумъ, будто отправлялись обозы и вьюки. Вообще можно было ожидать, что турки отступятъ, но то обстоятельство, что они до 6-ти часовъ вечера дѣйствовали изъ всѣхъ своихъ орудій, указывало на прочность ихъ удержанія на позиціяхъ. Ночь съ 19 на 20 декабря была темная, туманная, въ ложементахъ былъ 4-й батальонъ. Съ вечера противъ обыкновенія были зажжены большіе костры въ турецкомъ лагерѣ, которые около 11 часовъ начали потухать; тогда командиромъ 4-го батальона посланы были патрули, которые дойдя до мѣстъ, гдѣ стояли турецкіе секреты, донесли, что въ лагерѣ полная тишина. Вслѣдствіе глубокаго снѣга и малочисленности людей, не желая подвергать ихъ напрасно опастностямъ, командиръ батальона больше патруль не посылалъ".

19 декабря, въ 12 часовъ ночи командиръ бригады Генералъ Эттеръ извѣщалъ командующаго Л.Гв. Финляндскимъ полкомъ Полковника Шмидта о слѣдующемъ: [5]

„Сегодня Ташкисенъ уже взятъ, завтра Генералъ Гурко будетъ продолжать наступленіе, такъ какъ по позднему времени, турки еще не вытѣснены изъ Каражеки (обозначенной на картѣ). Необходимо съ нашей стороны поддержать атаку, почему приказано:

„1) Въ 8 часовъ утра начать на всѣхъ позиціяхъ оживленную артиллерійскую стрѣльбу. 2) Въ 10 час. выставить вездѣ стрѣлковыя цѣпи и подаваться впередъ настолько, чтобы можно было открыть ружейный огонь хотя съ дальнихъ дистанцій. Цѣль не есть атака, а демонстрація, дабы отвлекать вниманіе непріятеля отъ атаки Генерала Гурко съ юга. Желательно было бы, чтобы за стрѣлковыми частями выказывались сомкнутыя части въ угрозу противника, не подвергая излишнимъ потерямъ. Въ случаѣ отступленія непріятеля продолжать наступленіе стараясь скорѣе занять укрѣпленія. Подобныя дѣйствія будутъ со всѣхъ позицій. Прислалъ бы 1 батальонъ, но во первыхъ поздно и вѣроятно всего одинъ день остается вамъ бѣдствовать, а кромѣ того здѣсь для дальнѣйшей стрѣльбы нужны берданки. Сообщите людямъ о побѣдѣ, причемъ если можно, не мѣшаетъ прокричать и „ура."

20-го декабря ложементы занималъ 2-й батальонъ, а 10-я рота составляла дежурную часть. 11-й ротѣ подъ командою Поручика Князя Микеладзе приказано было отъ праваго нашего фланга спуститься къ сторонѣ турокъ для развѣдки. Рота разставила взводъ въ цѣпь, приблизилась на 20 шаговъ къ турецкимъ часовымъ, которые стояли неподвижно. Изъ за бруствера окоповъ виднѣлись и головы людей. Изъ цѣпи нашей дали по часо-

вымъ 2—3 выстрѣла—часовые не шевелились. Тогда только въ туманѣ разглядѣли, что на обычайныхъ мѣстахъ часовыхъ стоятъ чучелы въ турецкихъ курткахъ, башлыкахъ, красныхъ фескахъ. Тотъ же сюрпризъ былъ открытъ и патрулями, посланными отъ ротъ 2-го батальона. Патрули двинулись впередъ, зашли въ ложементы, тамъ на банкетахъ, прислоненные къ внутренней крѣпости бруствера, также стояли чучелы въ видѣ часовыхъ; головы выглядывали изъ за бруствера. Всѣ землянки и шалаши оказались пустыми, на батареѣ орудій не было. Это было въ 9 часовъ утра.

Тотчасъ было приказано 3-му и 4 му батальону (бывшимъ въ резервѣ) занять непріятельскій лагерь: одна рота направлена влѣво къ шоссе, другая вправо къ сторонѣ д. Комарцы—прослѣдить куда отступилъ непріятель. Повидимому онъ воспользовался обоими направленіями. Густой туманъ не давалъ никакой возможности оріентироваться и о преслѣдованіи уже не могло быть и рѣчи.

По занятіи турецкихъ укрѣпленій, командующій полкомъ приказалъ горнистамъ и барабанщикамъ играть сигналы и марши, ротамъ кричать „ура", чтобы тѣмъ дать понять ближайшимъ нашимъ войскамъ наше здѣсь присутствіе. Это было необходимо, потому что съ позиціи Дандевиля началась стрѣльба. Ее могла открыть и 4-я батарея Л.-Гв. 2-й Артиллерійской бригады Полковника Мазинга, и въ этомъ случаѣ неминуемо поражала бы насъ. Другаго болѣе вѣрнаго и быстраго способа для сообщенія сосѣдямъ, что турки покинули укрѣпленіе, а Финляндцы ихъ заняли—не было.

Въ непріятельскомъ расположеніи найдено было множество палатокъ, патроновъ, гранатъ, дистанціонныхъ трубокъ. Вдоль всѣхъ фасовъ укрѣпленій и внутри его было построено болѣе 800 землянокъ и шалашей; судя по общей вмѣстимости ихъ и протяженію всей линіи окоповъ, гарнизонъ долженъ былъ состоять не менѣе какъ изъ 5—6 тысячъ человѣкъ, т. е. 15—16 таборовъ. Техническая отдѣлка укрѣпленій далеко не отличалась обычною щеголеватостью; правильность линіи и угловъ соблюдена не была, изъ чего ясно, что и туркамъ работы давались не легко. Тотъ же каменистый грунтъ, тѣ же пни и корни, которые затрудняли и наши работы. Были, однако, у нихъ цѣлые фасы въ 200—300 шаговъ, съ выдѣланными бойницами и батареями, въ формѣ круглой башни на одно орудіе, но съ тремя амбразурами. Разстояніе до турецкихъ окоповъ, считая отъ нашего ложемента на исходящемъ углѣ, оказалось въ 180 шаговъ. Изъ этого видно, какой опасный постъ занималъ полкъ въ теченіи 4-хъ-недѣльнаго пребыванія на Финляндской горѣ, и какая требовалась постоянная бдительность и готовность, чтобы не быть захваченными врасплохъ.

3-й и 4-й батальоны остались занимать турецкія укрѣпленія и ночевали въ турецкихъ землянкахъ и шалашахъ. Офицеры расположились въ отлично устроенныхъ палаткахъ разныхъ пашей. 2-й батальонъ получилъ приказаніе свезти на шоссе всѣ орудія съ Финляндской горы. Исполнивъ это, батальонъ къ 10 часамъ вечера вернулся на прежній бивакъ и переночевалъ на немъ.

Дѣйствія 1-го батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка, выдвинутаго къ шоссе, по дневнику полка, заключались въ слѣдующемъ [8].

„13-го Декабря 1-й батальонъ спустился съ Финляндской горы къ перевязочному

пункту, гдѣ и ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній командующаго дивизіею Свиты Его Величества Генералъ-Маіора Эттера. Въ 2 часа генералъ прибылъ и приказалъ двумъ ротамъ смѣнить роты Л.-Гв. Московскаго полка въ аванпостахъ, находящихся въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ перевязочнаго пункта на Орханійскомъ шоссе. Двѣ же остальныя роты—3-я и 4-я должны были расположиться въ землянкахъ, въ $\frac{3}{4}$ верстахъ отъ перевязочнаго пункта,

Факсимиле карты бывшей у офицеровъ на походѣ.

на томъ же самомъ шоссе. Такимъ образомъ установилась слѣдующая очередь: 2 роты проводятъ сутки на аванпостахъ и содержатъ почту между орханійскимъ шоссе и Дандевилевскою позиціею, а слѣдующія за симъ сутки отдыхаютъ въ землянкахъ. Главный караулъ аванпостнаго расположенія помѣщался въ глубокой траншеѣ и служилъ прикрытіемъ 2-хъ орудій 2-й батареи, стоящихъ за брустверомъ по лѣвой сторонѣ.

Посты въ $^3/_4$ верстахъ отъ главнаго караула, разбросаны были по крутымъ скатамъ горъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. До турецкой цѣпи было не болѣе 1 версты.

Съ 13-го по 16-е Декабря велась правильная очередь между ротами и не произошло никакихъ перемѣнъ. 16-го Декабря объѣзжалъ позицію Генералъ баронъ Криденеръ и Генералъ Эттеръ и тогда рѣшено было, что къ 1-му батальону подойдетъ еще 1 батальонъ Великолуцкаго полка и что 20-го, рано утромъ, оба батальона пойдутъ въ атаку по шоссе. Однако атака эта была отмѣнена, такъ какъ оказалось, что у турокъ на шоссе построена батарея на 4 орудія, при которой находилось значительное прикрытіе; сверхъ того впереди батареи шоссе было перерыто широкою канавою; ясно, что при такихъ условіяхъ, атака не обѣщала успѣха. 20-го утромъ получено было свѣдѣніе, что турки очистили позицію. Тогда приказано было всему батальону двинуться по шоссе на перевалъ и спуститься въ дер. Горніе Комарцы, куда должны были быть принесены и знамена полка, за которыми было послано.

На перевалѣ Генералъ-Адъютантъ Гурко встрѣтилъ и пропустилъ мимо себя батальонъ, поздравивъ людей съ переходомъ черезъ Балканы и благодарилъ ихъ за службу на Финляндской горѣ.

Пока Л.-Гв. Финляндскій полкъ стоялъ противъ Арабъ-Конакской позиціи турокъ, движеніе обходныхъ колоннъ отряда Генерала Гурко было настолько успѣшно, что послѣ дѣла 19-го Декабря у Ташкисена противникъ вынужденъ былъ отступить съ Арабъ-Конакской и Шандорникской позицій, т. к. иначе его пути отступленія могли быть отрѣзаны.

Вслѣдствіи этого уже на слѣдующій день, 20-го Декабря, Л.-Гв. Финляндскій полкъ увидалъ что непріятеля противъ него уже нѣтъ. Такъ наступилъ для Л.-Гв. Финляндскаго полка конецъ его мѣсячнаго стоянія на Финляндской горѣ, противъ значительно превосходныхъ силъ противника.

20-ое Декабря, такимъ образомъ, составило весьма важный моментъ въ кампаніи 1877—78 г.г. На слѣдующій день, Великій Князь Главнокомандующій доносилъ на Высочайшее имя [7]: „Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ окончаніемъ блистательнаго перехода черезъ Балканы. Генералъ Гурко, послѣ восьми-дневной гигантской борьбы съ горами, морозами, снѣгами, бурями и мятелями, перешелъ черезъ Балканы, опустился въ Софійскую долину и 19-го Декабря послѣ упорнаго боя у дер. Ташкесенъ, продолжавшагося до 6 часовъ вечера, овладѣлъ этою укрѣпленною позиціею, кромѣ одного редута у караулки. Ночью турки бросили всѣ свои позиціи и 20-го Декабря, рано утромъ, наши войска, занявъ Арабъ-Конакъ, Шандорникъ и Дольные Комарцы, начали преслѣдовать турокъ“...

По отступленіи турокъ отъ Арабъ-Конакской и Шандорникской позицій, вся оборонительная линія западныхъ Балканъ очутилась въ нашихъ рукахъ и отрядъ Генерала Гурко, спустившись съ горъ, расположился главными силами возлѣ этихъ позицій въ близъ-лежащихъ деревняхъ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ 21-го Декабря былъ двинутъ въ деревню Комарцы. Путь лежалъ по шоссе; „послѣ пребыванія въ теченіи мѣсяца на горѣ, проходимой только по

дикимъ, извилистымъ тропинкамъ, видъ благоустроеннаго шоссе, — говоритъ дневникъ полка,—производилъ какое то радостное впечатлѣніе. Каждый солдатъ съ перваго шага на шоссе произносилъ „шоша“, „саша“—и, несмотря на неуклюжія опанки шелъ бодрѣе и веселѣе впередъ“.

Въ Комарцахъ графъ Шуваловъ встрѣтилъ полкъ и поздравилъ съ окончаніемъ перехода черезъ Балканы.

22-го Декабря полкъ былъ передвинутъ въ близъ лежащую деревню Негашово, гдѣ и простоялъ до 28-го Декабря, въ то время когда нѣкоторыя колонны отряда Генерала Гурко преслѣдовали турокъ, главная масса которыхъ уже отступала въ полномъ безпорядкѣ къ югу.

Такъ кончилась для полка безпримѣрная до того времени стоянка его на Балканахъ и послѣдовавшій за нею переходъ черезъ этотъ суровый горный хребетъ.

Доблестныя, полныя самоотверженія дѣйствія чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка на Финляндской горѣ и вообще на Балканскихъ горахъ были отмѣчены слѣдующими наградами: Командующему полкомъ Полковнику Шмидту—золотое оружіе, Полковникамъ: Г. Прокопе и Хейкель, Капитанамъ барону фонъ-Функъ 1-му Штабсъ-Капитанамъ Сервіянову, Коханову и Бурмейстеру—ордена Св. Владиміра 4-ой степени съ мечами и бантомъ, Полковнику Вейсъ—мечи на орд. Св. Анны 2-ой степени, Полковнику Флигель-Адъютанту Строеву и Штабсъ-Капитану Палину,—орденъ Св. Анны 2-ой степени; остальнымъ офицерамъ—прочія награды. Нижніе чины получили 62 знака отличія военнаго ордена за переходъ черезъ Балканы и еще нѣкоторое число этихъ знаковъ, пожалованное имъ одновременно и за сраженіе подъ Филиппополемъ *.

Въ представленіяхъ къ наградамъ, дѣйствія нѣкоторыхъ чиновъ полка описаны такъ [8]:

„Командующій полкомъ Полковникъ Шмидтъ находясь въ теченіи 29 дней со ввѣреннымъ ему полкомъ на отдѣльной горѣ, составлявшей выдающуюся часть Арабъ-Конакской позиціи, подъ ежедневными выстрѣлами непріятеля принялъ надлежащія мѣры для охраненія и укрѣпленія этой позиціи и 23-го Ноября отбилъ попытку непріятеля, атаковать эту позицію.

„Командиръ 4 батальона Полковникъ Вейсъ 21-го ноября будучи командированъ съ позиціи Генерала Дандевиля на поддержку атакованныхъ ротъ Л.-Гв. Московскаго полка ловко и быстро привелъ батальонъ, не понеся потерь; 25-го ноября во время атаки турокъ, находясь съ батальономъ въ ложементахъ,—отразилъ противника. Во всѣ послѣдующіе дни несъ службу въ ложементахъ и не смотря на болѣзнь, не только не оставлялъ батальона, но примѣромъ своимъ поддерживалъ офицеровъ и солдатъ.

„Командующій 2 батальономъ Полковникъ Строевъ съ 21-го по 26 ноября занималъ съ батальономъ отдѣльную позицію, на которой своею опытностью и энергическою дѣятельностью не только предупредилъ убыль во время трехдневнаго обстрѣливанія непрія-

---

* Всѣхъ знаковъ отличія военнаго ордена полкъ получилъ за сраженіе подъ Филиппополемъ—240; нѣкоторая часть была выдана вмѣстѣ съ тѣмъ и за Балканы.

телемъ этой позиціи, но обезпечилъ и продовольствіе батальона. Отлично исполнилъ порученія по доставленію на позицію орудій, по разбитой дорогѣ съ позиціи Дандевиля на Финляндскую гору и во время службы на этой горѣ служилъ примѣромъ исполнительности по службѣ въ ложементахъ и укрѣпленію позиціи; страдая отъ болѣзни,—не отлучался отъ батальона.

„Командующій 3 батальономъ Капитанъ Хейкель за примѣрное веденіе командуемаго имъ временно батальона, личную храбрость и хладнокровную распорядительность во время дѣла на Финляндской горѣ; за дѣятельную и неутомимую службу въ ложементахъ быструю и отчетливую заботу по возведенію фортификаціонныхъ работъ. Твердостью характера и преданностью къ службѣ,—заслужилъ общее уваженіе офицеровъ и людей. Несетъ службу какъ честный солдатъ, служа всѣмъ доблестнымъ примѣромъ.

„Командиръ 1-ой роты Штабсъ-Капитанъ баронъ Фонъ-Функъ 2-й за рвеніе къ боевой дѣятельности, неоставленіе рядовъ полка, вопреки болѣзни полученной во время трудной и опасной службы въ передовыхъ ложементахъ на Финляндской горѣ у Арабъ-Конака.

„Командующій 9 ротою Штабсъ-Капитанъ Сервіяновъ за личное мужество и всегдашнюю готовность съ рѣдкимъ самоотверженіемъ идти со своею ротою на самыя рискованныя и опасныя предпріятія, доказанную имъ во время расположенія полка на Финляндской горѣ у Арабъ-Конака.

„Командующій 3 ротою Поручикъ Безсоновъ, получивъ рану подъ Горнымъ-Дубнякомъ, поспѣшилъ возвратиться къ полку и принявъ роту участвоваалъ съ нею въ переходѣ черезъ Балканы.

„Командующій 5-ою ротою Поручикъ Палинъ за замѣчательное мужество среди опасности неоднокртно выказанное на Финляндской горѣ, и столь успѣшную заботливость о своей ротѣ, что въ ней за все 29-дневное пребываніе на Финлядской горѣ, не было ни одного человѣка отмороженнаго. Всегда равно спокоенъ и бодръ духомъ.

„Командующій 11-ю ротою Поручикъ Князь Микеладзе за духъ предпріимчивости и личную храбрость во время расположенія на Финляндской горѣ (у Арабъ-Конака); подвергался выстрѣламъ, тщательно слѣдилъ днемъ и ночью за непріятелемъ и производившимися у него работами, давая о нихъ самыя вѣрныя свѣдѣнія. 20-го декабря первый со своею ротою вошелъ въ непріятельскіе ложементы.

„Командующій ротою Его Высочества Капитанъ Фонъ-Функъ 1, несмотря на еще незажившую рану, полученную подъ Горнымъ Дубнякомъ, прибылъ къ ротѣ, съ которой во время дѣла 25-го ноября на Финляндской горѣ, молодецки двинулся впередъ, дошелъ до самыхъ переднихъ ложементовъ и несмотря на перекрестный огонь противника удержалъ роту отъ безполезной стрѣльбы; хладнокровіемъ и личною отвагою постоянно ободрялъ людей и службу въ ложементахъ несъ примѣрно.

„Командующій 14 ротою Поручикъ Пыхачевъ за разумныя и хладнокровныя распоряженія во время дѣла 23-го ноября на Финляндской горѣ. За примѣрно внимательную службу въ передовыхъ ложементахъ и поддерживаніе въ своей ротѣ бодрости и молодецкаго духа.

„Завѣдывающій хозяйствомъ полка Полковникъ Прокопе за достойную высшей похвалы энергію по обезпеченію продовольствія полка и выказанное неоднократно безстрашіе подъ огнемъ на позиціи Генерала Дандевиля (у Арабъ-Конака) и на Финляндской горѣ, гдѣ приходилось распоряжаться подъ выстрѣлами.

„Полковой Адъютантъ Штабсъ-Капитанъ Дорогой 1-й, въ дѣлѣ на Финляндской горѣ 25-го ноября, находясь подъ выстрѣлами, помогалъ быстрому сбору людей подъ ружье и направленію ихъ къ своимъ ротамъ и батальонамъ; страдая отъ болѣзни, просилъ оставить его на позиціи со дня прихода на нее полка до конца. Несмотря на физическія страданія отъ болѣзни и на лишенія,—сохраняетъ постоянную бодрость духа.

„Старшій врачъ, докторъ медицины Статскій Совѣтникъ Недатсъ неутомимою дѣятельностью по организаціи медицинской части, попеченіемъ о больныхъ и раненыхъ, подвергая собственную жизнь опасности, особенно на позиціи Генерала Дандевиля и на Финляндской горѣ—достоинъ высшей похвалы. Несмотря на болѣзнь, ни на одинъ часъ не отлучался отъ полка и продолжалъ исполнять свои обязанности".

Во время шестидневной стоянки въ Невашевѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ могъ отдохнуть и хоть нѣсколько оправиться послѣ мѣсячной страды на Финляндской горѣ. Большимъ комфортомъ и роскошью казались офицерамъ маленькіе дома деревни Невашевой; къ сожалѣнію число дворовъ тамъ, было такъ незначительно, что ихъ не хватало для размѣщенія всѣхъ офицеровъ и людей подъ крышами; людямъ даже не доставало холодныхъ сараевъ и цѣлые взводы принуждены были ночевать на дворахъ, прижавшись къ изгородямъ и стѣнамъ зданій.

Размѣстившись кое-какъ въ избахъ и на дворахъ, тотчасъ-же приступили къ починкѣ, и хотя бы къ кое-какому пополненію обмундированія и обуви, превратившихся въ отрепья. Въ этомъ отношеніи гвардія находилась въ такомъ ужасномъ состояніи, что Великій Князь Главнокомандующій нашелъ нужнымъ телеграфировать 25 Декабря военному министру слѣдующее [9]:

„Гвардейскія войска отъ стоянки и работы на Балканахъ и при походѣ черезъ нихъ остались въ эту минуту—равно офицеры и нижніе чины—безъ сапогъ уже давно, а теперь окончательно безъ шароваръ. Мундиры и шинели—одни лахмотья и то безъ ворса, на нихъ одна клѣтчатка. У большинства бѣлья нѣтъ, а у кого осталось, то въ клочьяхъ и истлѣвшее. Прошу убѣдительно, немедленно, энергичной высылки всякаго рода одежды и обуви для гвардіи. Даже турецкое одѣяніе, найденное въ Орханіэ и выданное офицерамъ и людямъ, уже все изорвалось при неимовѣрно трудныхъ и гигантскихъ работахъ перехода черезъ Балканы. Прошу увѣдомить о сдѣланныхъ вами распоряженіяхъ. Сдѣлайте мнѣ этотъ подарокъ на праздники".

Л.-Гв. Финляндскому полку для улучшенія своего одѣянія удалось достигнуть слѣдующаго: люди чинили шинели, нашивая огромныя заплаты изъ старыхъ попонъ, подкладочнаго холста, старыхъ мѣшковъ и всякихъ суконныхъ тряпокъ, не обращая никакого вниманія ни на цвѣтъ ихъ, ни на доброту. Снабдить же обувью, въ которой чувствовался такой недостатокъ, что многіе люди были почти босы, полку не удалось; запасъ сапогъ, который везъ въ полкъ свой офицеръ—Поручикъ Варнекъ,—застрялъ на Арабъ-Конакскомъ пере-

валѣ, загроможденномъ интендантскими обозами и артиллерійскими парками; отпущенныя же изъ интендантскаго транспорта 300 паръ сапогъ „были такъ малы, что почти ни одна къ сожалѣнію, пара не годилась; вмѣсто того, что бы надѣть ихъ, людямъ пришлось таскать ихъ на себѣ, въ надеждѣ встрѣтить кого нибудь, съ кѣмъ бы можно было обмѣняться [10]". 28-го Декабря, впрочемъ былъ доставленъ въ полкъ въ незначительномъ количествѣ сапожный товаръ—подарокъ отъ купца Григорьева изъ С.-Петербурга *.

Эти хозяйственныя хлопоты не избавили полкъ отъ нарядовъ на работы; такъ, 27-го декабря 1-ый и 3-ій батальоны были посланы въ 4 часа утра на Арабъ-Конакскій перевалъ, для вывозки интендантскаго транспорта; работали до поздней ночи и лишь къ 2-мъ часамъ утра прибыли на бивакъ.

Но, несмотря на тяжелую обстановку, состояніе духа во время расположенія въ Негашевѣ было высоко: нравственное удовлетвореніе послѣ совершенія перехода черезъ Балканы, отступленіе турокъ, переходившее въ бѣгство, взятіе Софіи и предстоявшее движеніе на югъ, въ самую глубь непріятельской земли, дѣйствовали ободряюще, давали силы пореносить всѣ лишенія и забывать все гнетущее.

Находили войска себѣ удовлетвореніе и въ похвалахъ начальства; начальникъ западнаго отряда Генералъ-Адъютантъ Гурко, весьма строгій и скупой на похвалы благодарилъ войска своего отряда слѣдующимъ приказомъ отъ 25 Декабря [11].

„Войска ввѣреннаго мнѣ отряда. Разбивъ турокъ 12 октября подъ Горнымъ Дубнякомъ и 16 октября подъ Телишемъ, вы окружили армію Османа Паши въ Плевнѣ, пересѣкли ей всѣ пути сообщенія, замкнули желѣзный кругъ, окружавшій Плевну и съ тѣхъ поръ паденіе ея и уничтоженіе всей арміи Османа Паши сдѣлались вопросомъ времени".

Указавъ какъ произошло овладѣніе Балканскимъ хребтомъ, Генералъ Гурко такъ охарактеризовалъ пребываніе гвардіи на высотахъ Балкана и переходъ этихъ горъ:

„Тутъ началось продолжительное стояніе ваше на высокихъ горахъ, сначала въ страшной невылазной грязи, а потомъ среди сильныхъ морозовъ, мятелей, глубокаго снѣга и непрогляднаго постояннаго тумана. Нельзя представить себѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, трудовъ и тяжелыхъ испытаній, которыя выпали на вашу долю. Вы все перенесли съ по истинѣ геройскою, русскою стойкостью и твердостью. Вы втащили на горы, въ заоблачныя страны, по едва доступнымъ тропинкамъ и невообразимымъ кручамъ, тяжелыя орудія. Вы укрѣпили ваши позиціи и ровно мѣсяцъ грозною и твердою стопою стояли на угрюмыхъ высотахъ Балкана.

„Наконецъ пришелъ часъ перехода черезъ Балканы. Дорогъ для движенія не было; кругомъ васъ были крутыя, высокія и едва доступныя горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Но это не задержало васъ. Вы съ неимовѣрными трудами продѣлали себѣ дороги, и на высотахъ Умургача, Чернаго Верха и Бабы-горы заблестѣли русскіе штыки и русскія тяжелыя орудія, которыя вы на своихъ плечахъ втащили на эти высоты. Стойкость ваша, твердость въ перенесеніи трудовъ и лишеній и поразительные труды и терпѣніе составятъ удивленіе всѣхъ, кто взглянетъ на эти дикія горы".

* Тогда же полученъ былъ и табакъ отъ того же истиннаго патріота.

Приказъ этотъ кончался слѣдующими лестными словами:

„Занятіемъ Софіи окончился этотъ блестящій періодъ настоящей кампаніи — переходъ черезъ Балканы, въ которомъ, не знаемъ чему болѣе удивляться храбрости или мужеству вашему въ бояхъ съ непріятелемъ, или же стойкости и терпѣнію въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ въ борьбѣ съ горами, морозами и глубокими снѣгами.

„Пройдутъ года и потомки наши, посѣтивъ эти дикія горы, съ гордостью и торже-

Переходъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ бродъ черезъ Марицу 3 Января 1878 г.

По рисунку участника похода, офицера полка Л. Линдемана.

ствомъ скажутъ: „здѣсь прошли русскія войска и воскресили славу Суворовскихъ и Румянцевскихъ чудо-богатырей!“

„Спасибо вамъ молодцы за вашу геройскую службу, спасибо вамъ за то, что вы порадовали Царя и Россію и поднесли имъ столь блестящій подарокъ къ празднику Рождества Христова“...

Диспозиціей отъ 25-го декабря, Генералъ Гурко приказалъ начать дальнѣйшее наступленіе за Балканы съ тѣмъ, чтобы преслѣдовать противника по направленію къ Татаръ-Базарджику. Цѣлью предстоявшихъ дѣйствій Генералъ Гурко ставилъ: вести преслѣдованіе турецкихъ войскъ, отступавшихъ отъ Арабъ-Конака и отъ Софіи такъ, чтобы не дать имъ сосредоточиться и бить ихъ по частямъ, отбрасывая Софійскіе таборы на югъ; вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшей цѣлью ставилось содѣйствіе нашимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ отъ Трояна и Шипки [12].

Въ этихъ видахъ войска Генерала Гурко были раздѣлены на 4 слѣдующія колонны:

1-я—Генерала Вельяминова, 2-я—Генерала графа Шувалова, 3-я—Генерала Шильдеръ-Шульднера, 4-я—Генерала барона Криденера *.

Изъ всѣхъ этихъ колоннъ главнѣйшею по силѣ и значенію была колонна Генералъ-Адъютанта графа Шувалова, въ составъ которой входили 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи, гвардейская стрѣлковая бригада и еще нѣкоторыя небольшія части; колонна эта должна была, двигаясь на Ихтиманъ, преслѣдовать отступившую отъ Арабъ-Конака турецкую армію, которая, какъ предполагалось въ штабѣ западнаго отряда, остановится на позиціи у Трояновыхъ воротъ и дастъ тамъ отпоръ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ вошелъ въ составъ этой колонны.

Остальныя колонны, наступая по флангамъ, имѣли назначеніемъ способствовать движенію колонны Графа Шувалова, а въ ожидавшемся сраженіи у Трояновыхъ воротъ атаковать фланги и тылъ противника; сверхъ этого колонна Генерала Вельяминова имѣла ближайшей цѣлью овладѣніе Саликовымъ, „чтобы этимъ занятіемъ отрѣзать дорогу изъ Радомирцъ и Дубницы въ Татаръ-Базарджикъ и тѣмъ не допустить турокъ, отступившихъ изъ Софіи на Радомирцы, соединиться съ арміею Шакира-Паши, отступившей въ Татаръ-Базарджикъ“ [13].

Съ цѣлью обезпечить продовольствіе войскъ во время предстоявшаго наступленія Генералъ Гурко отдалъ слѣдующія распоряженія: интендантству приказано снабдить всѣ войска отряда сухарнымъ запасомъ до 4 января включительно, считая по 1 фунту въ день на человѣка; при этомъ всѣмъ начальникамъ было подтверждено, что при „невозможныхъ затрудненіяхъ“ въ подвозѣ сухарей, ихъ слѣдуетъ беречь насколько возможно: „заботиться о сбереженіи сухарей, есть долгъ чести и патріотизма всякаго начальника“,— говорилъ Генералъ Гурко́ въ своемъ приказѣ отъ 25-го декабря.

28-го декабря войска колонны Графа Шувалова начали указанное имъ движеніе на Ихтиманъ. Предстоявшее движеніе было очень трудно, такъ какъ надо было преодолѣть два перевала, изъ которыхъ послѣдній—у Капуджика, отмѣченный еще въ древности названіемъ „Трояновыхъ воротъ“, по отзыву Генерала Гурко [14] представлялъ „неимовѣрныя затрудненія“. „Войска, ввѣренныя моему командованію,—рапортовалъ Генералъ-Адъютантъ графъ Шуваловъ [15],—съ 28-го декабря, преслѣдуя турокъ, отступившихъ съ позиціи у Арабъ-Конака, двигались безпрерывно, съ неимовѣрными усиліями и со стойкостью преодолѣвали всѣ встрѣчаемыя на пути препятствія, при весьма крутыхъ подъемахъ и спускахъ“...

Маршъ этотъ полкъ началъ 28-го декабря, выступивъ изъ Невашева ** въ небольшую деревню Коджу-Манглія, гдѣ и провелъ ночь, расположившись по избамъ [16].

29-го декабря полкъ сдѣлалъ переходъ въ д. Ваккарель, гдѣ собралась вся 2-я гвардейская пѣхотная дивизія. Движеніе, начавшееся въ 7 часовъ утра, происходило сначала при довольно благопріятныхъ условіяхъ, хотя проселочная дорога и была трудновата; черезъ нѣкоторое время полкъ дошелъ до шоссе, идти стало легче, было тепло и ясно, началась первая по переходѣ черезъ Балканы оттепель, ручьи побѣжали съ горъ; но съ

* Кромѣ того еще былъ выдѣленъ отрядъ Полковника гр. Комаровскаго, имѣвшій особое назначеніе.
** Въ Невашевѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ оставилъ фельдшера и 37 больныхъ нижнихъ чиновъ.

3-хъ часовъ дня поднялась сильнѣйшая вьюга, свирѣпствовавшая до утра. Ночь, полкъ провелъ въ развалинахъ домовъ деревни Ваккарель; прочіе же полки дивизіи должны были стать бивакомъ въ снѣгу. „Это была по погодѣ,—говоритъ дневникъ полка,—одна изъ самыхъ ужаснѣйшихъ ночей“ [17].

30-го декабря колонна графа Шувалова должна была перейти въ Ихтиманъ и тамъ заночевать; но, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что турки совсѣмъ близко и очистивъ позиціи у Трояновыхъ воротъ отступаютъ въ безпорядкѣ на Банью и на Татаръ-Базарджикъ, войска колонны Графа Шувалова были спѣшно направлены далѣе за Ихтиманъ, къ дер. Капуджикъ; такимъ образомъ, предположенное движеніе приводило завладѣніе переваломъ у Троянскихъ воротъ, составлявшимъ одну изъ лучшихъ позицій на южномъ склонѣ Балканъ передъ спускомъ въ долину рѣки Марицы и обѣщало крупный стратегическій успѣхъ. Указанное приказаніе полки колонны графа Шувалова получили къ вечеру 30-го декабря, когда они, совершивъ одинъ изъ труднѣйшихъ переходовъ, были измучены до нельзя, тѣмъ не менѣе они продолжали свое наступленіе, благодаря „сказочной выносливости нашего солдата“,—какъ выразился въ своемъ рапортѣ объ этомъ движеніи Генералъ Гурко [18].

На Капуджикъ направлены были графомъ Шуваловымъ первые три полка 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи; Л.-Гв. Финляндскому-же полку шедшему за ними, начальникъ колонны далъ особое назначеніе—идти отъ Ихтимана не къ Трояновымъ воротамъ, а на Кавалыкъ-Чифтликъ, съ тѣмъ, что бы занять весьма выгодную позицію у означеннаго пункта и если бы Банья * оказалась еще не занятою непріятелемъ, то перейдя, на Самаковское шоссе, преградить туркамъ путь отступленія [19].

Приказаніе о своемъ новомъ назначеніи Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ въ Ихтиманѣ, т. е. въ конечномъ пунктѣ своего движенія 30-го декабря. Въ 4 часа дня, когда послѣ весьма тяжелаго перехода, гдѣ „приходилось опять много трудиться съ артиллеріей“, полкъ прибылъ въ Ихтиманъ, начальникъ штаба 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, Полковникъ Бальцъ передалъ полку приказаніе двигаться далѣе на Кавалыкъ-Чифтликъ черезъ Кабаюбли.

Надежды усталыхъ солдатъ и офицеровъ, заранѣе радовавшихся имѣть хорошій ночлегъ разсѣялись, и отдохнувъ немного, полкъ выступилъ въ 6 часовъ вечера, имѣя впереди проводника. Вскорѣ наступила темнота и проводникъ, не знавшій твердо дороги, сбился и сталъ кружить полкъ въ потьмахъ; плутанье это кончилось тѣмъ, что пришлось повернуть назадъ. „Пробираясь, гдѣ цѣликомъ по полянамъ, гдѣ тропинками, — описываетъ полковой дневникъ, [20]—полкъ въ исходѣ 8-го часа достигъ д. Кабаюбли.

„Не видя возможности двигаться ночью дальше, по совершенно незнакомой горной дорогѣ, при полнѣйшей темнотѣ и видя изнуреніе людей, командующій полкомъ, Полковникъ Шмидтъ, рѣшился пріостановить дальнѣйшее движеніе. Отдано было приказаніе, чтобы къ 5-ти часамъ утра полкъ былъ въ полной готовности къ дальнѣйшему слѣдованію.

---

* Деревня находившаяся тамъ по близости.

„Въ 5 часовъ утра, полкъ освѣщаемый догоравшими бивачными огнями двинулся по горной тропинкѣ. Почти на всемъ протяженіи шли по два человѣка въ рядъ. Встрѣчались такія мѣста, что голова колонны останавливалась, потому, что было такъ скользко, что надо было подсаживать другъ друга. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ нужно было кирками и топорами насѣчь ступеньки, иначе ни люди, ни лошади взобраться не могли. Естественно, что при такомъ порядкѣ движенія, полкъ страшно растянулся; едва къ 9-ти часамъ выбрались на плато, гдѣ явилась возможность стянуться. Кавалерійскій разъѣздъ при отрядѣ составляли 6 осетиновъ Кавказской бригады, отдѣленные графомъ Шуваловымъ изъ своего конвоя въ Ихтиманъ. Къ 10-ти часамъ утра прибыли въ дер. Каванлыкъ, гдѣ застали дивизіонъ Л.-Гв. Гродненскаго полка, подъ командою Полковника Остроградскаго. Полковникъ сообщилъ, что разъѣзды его доходили до окрестныхъ деревень: Черкесское Село и др. Вездѣ деревни брошены и горятъ, нагоняли только жителей, бѣгущихъ съ своими пожитками. Командующій полкомъ приказалъ послать въ д. Банья разъѣзды, и вслѣдъ затѣмъ сталъ выстраивать полкъ, чтобы вести его къ д. Банья. Въ это время гусары привели до 150 челов. плѣнныхъ, частью конныхъ, частью пѣшихъ. Надо было ихъ конвоировать въ Ихтиманъ. Для этого назначена была 4-я рота, подъ командою Поручика Бурмейстера. Ему приказано было переночевать въ деревнѣ, охраняя плѣнныхъ, а 1-го Января отвести ихъ въ Ихтиманъ. Когда полкъ въ 12-мъ часу подошелъ къ Баньѣ, то у входа въ деревню уже стояла толпа турокъ, солдатъ и жителей, сдавшихся добровольно. Разъѣзды гусаръ не могли однако пройти черезъ деревню, такъ какъ въ домахъ засѣли самые отчаянные, отстрѣливаясь изъ оконъ. Изъ толпы добровольно сдавшихся было выбрано 3 человѣка (между ними одинъ, понимавшій по французски) съ приказаніемъ пройти по деревнѣ и уговорить защитниковъ сдаться. При нихъ въ видѣ конвоя нѣсколько гусаръ. Скоро делегаты по одиночкѣ вернулись, не принеся никакого отвѣта. Тогда командующій полкомъ приказалъ двумъ ротамъ 4-го батальона 13-й и 14-й, разсыпавшись цѣпью, пройти черезъ деревню и сломить сопротивленіе. За разсыпанными ротами двинулись 15-я и 16-я въ резервѣ; черезъ 1 ч. 15 м. начали двигаться и остальные батальоны, такъ какъ стрѣльба въ деревнѣ окончилась, деревня была очищена.

„Плѣнные были направлены къ выходу изъ деревни, гдѣ помѣщены въ обширной банѣ. Оттуда гусары препровождали ихъ въ Казанлыкъ, гдѣ сдавали Поручику Бурмейстеру, для дальнѣйшаго конвоированія въ Ихтиманъ.

„По занятіи деревни Баньи, гусарскіе разъѣзды посланы были къ сторонѣ Самаково. По показанію плѣнныхъ, въ послѣдніе два дня турецкія войска черезъ Банью не проходили.

„Передъ западнымъ выходомъ изъ деревни выставлена была аванпостная цѣпь отъ 8-ой роты, Поручика Коханова; у восточнаго же выхода, въ видѣ арьергарда, фронтомъ къ востоку, оставлена была 1-я рота. Прочія роты расположились сосредоточенно въ деревнѣ, по квартирамъ, имѣя дежурныя части“.

Такимъ образомъ движеніе полка къ Баньѣ въ тактическомъ отношеніи оказалось безрезультатнымъ, т. к. противника тамъ не было; съ другой стороны движеніе это имѣло

слѣдствіемъ то, что полкъ былъ назначенъ въ колонну Генерала Вельяминова, направлявшуюся черезъ Банью. 31-го Декабря вечеромъ полкъ уже получилъ приказаніе отъ Генерала Вельяминова двигаться далѣе къ Зимчинѣ по направленію къ Татаръ-Базарджику.

Въ тотъ же вечеръ 31-го декабря Финляндцы встрѣтили Новый годъ, отпраздновавъ его весьма обильнымъ ужиномъ, что было весьма кстати послѣ скуднаго сухарнаго довольствія предъидущихъ дней. Богатые запасы, оказавшіеся въ изобиліи въ деревнѣ Баньѣ дали возможность полакомиться и офицерамъ и солдатамъ. „Въ ночь съ 31-го декабря на 1-е января,—разсказываетъ полковой квартирмейстеръ, Штабсъ-Капитанъ Шевелевъ [21],—въ деревнѣ Банья былъ, что называется, пиръ-горой у нашихъ солдатъ. Турки, жители этой деревни, съ приходомъ русскихъ войскъ, разбѣжались, оставивъ всю живность въ нашихъ рукахъ. Послѣ очищенія Баньи отъ турецкихъ фанатиковъ, передано было приказаніе черезъ дневальныхъ, какъ это обыкновенно дѣлается, послать артельщиковъ за мясомъ, но ни изъ одной роты никто не явился. Интересуясь такимъ необыкновеннымъ случаемъ, я обошелъ роты. Оказалось, что въ каждой изъ нихъ было зарѣзано не менѣе быка; печи въ домахъ жарко топились и бараны, куры и разная турецкая снѣдь жарилась и варилась. Изобиліе было такое, что въ одной ротѣ приготовлялись для фельдфебеля куриныя котлеты. Не розданное въ этотъ день мясо оставлено было, по моему приказанію, до завтра, но и утромъ никто его не бралъ“.

Пока западный отрядъ Генерала Гурко наступалъ въ направленіи на Трояновъ перевалъ и Татаръ-Базарджикъ, прочіе войска дѣйствующей арміи, согласно общаго распоряженія Главнокомандующаго, тоже начали наступленіе, переваливая черезъ Балканы двумя колоннами: средней—Генерала Ганецкаго, имѣвшей въ авангардѣ отрядъ Генерала Скобелева 2-го, отъ Казанлыка прямо на Адріанополь и лѣвой—Генерала Радецкаго, отъ Ямболя, долиною Тунджи на Раково; кромѣ этихъ отрядовъ наступали и другіе, болѣе мелкіе отряды. Всѣ остальныя войска, остававшіяся по сѣверную сторону Балканъ, образовали восточный отрядъ и перешли въ наступленіе къ сторонѣ Рущука, Разграда и Османъ-Базара.

Это движеніе передовыхъ отрядовъ черезъ Балканы было предпринято Главнокомандующимъ послѣ боевъ у Шипки 26—28 декабря, повлекшихъ плѣненіе войсками Генерала Радецкаго 28-ми-тысячной арміи Вессиль-Паши.

Къ этому времени турецкія силы сосредоточились въ двухъ районахъ: сѣвернѣе Балканскихъ горъ, противъ нашего восточнаго отряда и южнѣе ихъ, на линіи Отлукіой—Ихтиманъ—Самаково, съ резервомъ у Татаръ-Базарджика; войска къ югу отъ Балканъ были подъ начальствомъ Сулеймана. Кромѣ того, турки имѣли въ Адріанополѣ и Константинополѣ незначительные резервы.

Въ виду уже совершившагося перехода русскихъ черезъ Балканы, туркамъ оставалось сосредоточиваться въ Адріанопольскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, но правительство Блистательной Порты, надѣясь заключить перемиріе, желало удержать возможно большее пространство въ своей власти; поэтому арміи Сулеймана-Паши было приказано перейти въ наступленіе. Хотя это приказаніе и приводилось въ исполненіе, но весьма медленно;

изыскивались вмѣстѣ съ тѣмъ всевозможные способы противодѣйствія наступленію отряда Генерала Гурко, оперировавшаго противъ нея [22].

Такой образъ дѣйствій привелъ къ столкновенію этой арміи съ частью отряда Генерала Гурко, произошедшему подъ Филиппополемъ 3—5 января 1878 года, въ которомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ принималъ весьма видное участіе.

Къ 1-му января, по свѣдѣніямъ штаба отряда Генерала Гурко, положеніе дѣлъ на

Взятіе Финляндцами турецкихъ орудій въ сраженіи подъ Филиппополемъ 5 Января 1878 года.

западномъ фронтѣ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: большая часть турецкихъ войскъ арміи Шакира-Паши отступала отъ Татаръ-Базарджика; въ этомъ же городѣ оставалось еще только около 20-ти таборовъ, часть которыхъ, какъ оказалось, прибыла изъ подъ Самаково.

Вслѣдствіе этого Генералъ Гурко отдалъ на 2-е января диспозицію, по которой его войска были раздѣлены на пять колоннъ и направлены такъ, чтобы окружить со всѣхъ сторонъ турокъ, занимавшихъ Татаръ-Базарджикъ, отрѣзать имъ путь отступленія на Филиппополь и принудить ихъ къ сдачѣ [23].

При этомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ долженъ былъ наступать въ отрядѣ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова, черезъ Эски-Кози, Шейхъ-Казашли и Зимчину [24].

Выступивъ 1-го января изъ Баньи, при ясной и холодной погодѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ на второй половинѣ перехода, получилъ приказаніе поступить въ распоряженіе Генерала Гриппенберга. Къ 12-ти часамъ ночи полкъ подошелъ къ деревнѣ Зимчинѣ, крайне утомленный постоянными спусками и подъемами по горамъ, которые встрѣтились на этомъ переходѣ.

2-го января, въ 4 часа утра, поднялись войска колонны Генерала Вельяминова въ числѣ ихъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ и въ совершенной темнотѣ начали свое движеніе къ Татаръ-Базарджику. Пока полкъ совершалъ это движеніе, турки очистили Татаръ-Базарджикъ, который, спустя нѣсколько часовъ, и былъ занятъ авангардомъ колонны графа Шувалова.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ подошелъ къ этому городу около 12-ти часовъ дня, когда еще во многихъ мѣстахъ стояли цѣлые столбы дыма отъ пожаровъ, произведенныхъ турецкими фанатиками. Передъ городомъ и на улицахъ жители встрѣчали русскихъ солдатъ съ восторгомъ, какъ давно ожидаемыхъ избавителей, цѣловали руки, раздавали брошенныя турками галеты, рисъ, табакъ, дѣлали всевозможные подарки и выказывали самую горячую признательность и благодарность.

Еще до вступленія въ городъ, полкъ получилъ приказаніе выдѣлить 4-й батальонъ и направить его по правому берегу Марицы, для охраны желѣзнодорожной станціи; но вскорѣ это приказаніе было отмѣнено въ виду подхода армейскихъ частей колонны Генерала Вельяминова. По вступленіи въ городъ Л.-Гв. Финляндскому полку было приказано, не останавливаясь въ немъ, слѣдовать по шоссе далѣе на соединеніе съ прочими полками своей дивизіи. Въ виду перехода въ 28 верстъ уже сдѣланнаго въ этотъ день, былъ назначенъ по прохожденіи города привалъ на 1 часъ. Затѣмъ въ $2^1/_2$ часа дня полкъ двинулся далѣе по шоссе, но очутился вскорѣ въ крайне затруднительномъ положеніи. Хотя дорога и была переполнена отсталыми отъ разныхъ полковъ, но никто изъ нихъ не могъ сообщить куда отправились полки 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и гдѣ они станутъ на ночлегъ. Высланные впередъ по шоссе Поручики Деви и Герасименко не возвращались; Поручикъ же Ивановъ, посланный по дорогѣ на Дуганкіой сообщилъ, что тамъ полковъ дивизіи нѣтъ.

Между тѣмъ люди, утомленные трехдневными форсированными маршами, проведя цѣлый день безъ всякой пищи и сдѣлавъ переходъ около 40 верстъ, изнемогли отъ усталости и едва двигались. Въ 5 часовъ командующій полкомъ, самъ выѣхалъ впередъ по шоссе и не доѣзжая деревни Адакіой-Ханъ, узналъ, что графъ Шуваловъ съ гвардейскимъ стрѣлковымъ батальономъ и ротами Л.-Гв. Павловскаго полка перешелъ Марицу и находится въ этой деревнѣ, и что турки расположены въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ нея. Въ то же время вернулись высланные впередъ офицеры и сообщили приказаніе графа Шувалова: „Финляндскому полку встать на шоссе въ резервѣ“.

Въ это время, т. е. къ вечеру 2-го января, положеніе обѣихъ сторонъ было слѣдующее: турки послѣ отступленія отъ Татаръ-Базарджика стояли на позиціи отъ Филиппополя до Дермендере, фронтомъ на западъ; путь отступленія ихъ шелъ на Станимакъ и далѣе по направленію къ Адріанополю. Русскіе войска расположены были такимъ образомъ, что

частью своихъ силъ стояли на правомъ берегу Марицы, а большею массою—на лѣвомъ; при этомъ отрядъ графа Шувалова былъ эшелонированъ отъ Адакіоя до Конаре-Дуванкіоя, имѣя авангардъ на правомъ берегу Марицы. Лѣвѣе его у Челопица былъ расположенъ отрядъ барона Криденера, передъ которымъ стояла выдвинутая до Сариджи кавалерія Клодта, занимавшая постами все пространство между рѣкою Марицей и шоссе на Чеперлу. Кавалерія эта угрожала правому флангу турецкой позиціи. За отрядомъ графа Шувалова у Дуганкіоя стоялъ отрядъ Шильдера, а за нимъ у Татаръ-Базарджика отрядъ Вельяминова.

Такимъ образомъ войска западнаго отряда Генералъ-Адъютанта Гурко занимали въ общемъ крайне растянутое положеніе отъ Филиппополя до Татаръ-Базарджика на протяженіи болѣе 30-ти верстъ вдоль Филиппопольскаго шоссе, имѣя только 16 батальоновъ на правомъ берегу Марицы, а 45 батальоновъ и всю кавалерію — на лѣвомъ. Это положеніе показывало, что дѣйствія отряда Генерала Гурко 2-го января не достигли цѣли: путь отступленія турокъ былъ свободенъ, а нѣкоторыя части отряда Генерала Гурко были значительно удалены отъ фронта непріятеля. Съ другой стороны расположеніе это было весьма удобно чтобы окружить турецкія войска, стоявшія подъ Филиппополемъ въ случаѣ если бы они приняли тамъ бой.

Въ виду этого, цѣлью дѣйствій на 3-ье января Генералъ-Адъютантъ Гурко постановилъ: затруднить дальнѣйшее отступленіе турокъ къ Адріанополю и, по возможности, окружить ихъ у Филиппополя. Для выполненія этого, войска западнаго отряда должны были оперировать слѣдующимъ образомъ: отрядъ графа Шувалова—наступать на Филиппополь, дѣйствуя противъ турокъ съ фронта; отрядъ Криденера и вся кавалерія—перейти Марицу подъ Филиппополемъ и ударить непріятелю въ тылъ; отряду Шильдеръ-Шульднера—стать на шоссе у Гаджи-Али-Дермека; отряду Вельяминова—наступать по правому берегу рѣки Марицы.

Во исполненіе отданнаго ему по этому поводу приказанія, Генералъ-Адъютантъ графъ Шуваловъ перевелъ авангардъ своего отряда на правый берегъ Марицы у Адыкіоя и приказалъ Л.-Гв. Финляндскому полку встать въ числѣ полковъ резерва на шоссе, не доходя деревни Адакіой-Ханъ. Приказаніе объ этомъ было выражено полку въ вышеуказанныхъ словахъ графа Шувалова: „Финляндскому полку встать на шоссе въ резервѣ“.

Такимъ образомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ ночь на 3-е января занялъ центральное положеніе по отношенію прочихъ войскъ западнаго отряда.

Уже было 10 часовъ вечера, когда командующій Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Полковникъ Шмидтъ, рѣшилъ остановить своихъ Финляндцевъ на шоссе, въ трехъ верстахъ отъ деревни Адакіой-Ханъ.

Дальнѣйшее движеніе не принесло бы выгоды, а только утомило бы людей; названная деревня не могла бы дать убѣжища, т. к. была занята артиллеристами. Поэтому Полковникъ Шмидтъ остановилъ батальоны на шоссе въ томъ порядкѣ, какъ они шли и приказалъ расположиться на ночлегъ тамъ-же. При той обстановкѣ, въ которой находился тогда полкъ это было самое цѣлесообразное рѣшеніе.

Мѣстность въ которой пришлось остановиться представляла собою открытыя и мок-

рыя рисовыя поля, запушенныя сверху легкимъ слоемъ снѣга; надъ этой снѣжной пеленой не возвышалось ни кустика, ни деревца. Шоссе было единственное сухое и удобное для ночлега мѣсто и на немъ расположились офицеры и нижніе чины. Положеніе затруднялось, полнымъ отсутствіемъ топлива и воды. Въ виду того, что не было ни куска дерева, командующій полкомъ, чтобы дать возможность людямъ, хоть сколько нибудь обогрѣться, разрѣшилъ каждому батальону срубить по два телеграфныхъ столба, чтобы развести костры. Для питья же служилъ растопленный въ манеркахъ снѣгъ, взятый изъ ближайшихъ канавъ, а когда къ ночи подошли вьюки, то на этой водѣ заварили чай. Спали въ эту ночь очень мало, изъ опасенія замерзнуть совсѣмъ, или отморозить ноги; въ предупрежденіе этого надо было часто вскакивать и бѣгать взадъ и впередъ по шоссе, чтобы хоть нѣсколько согрѣться [25]. При этомъ стоявшій морозъ при сильномъ вѣтрѣ и мятели увеличивалъ и безъ того тягость этого ночлега [26]. Лошади были совершенно безъ корму.

Ночью, отъ графа Шувалова, въ отрядъ котораго Л.-Гв. Финляндскій полкъ поступилъ обратно, получено было приказаніе, чтобы полкъ двинулся по шоссе въ Артакіой, и, переправившись въ бродъ черезъ рѣку Марицу, дѣйствовалъ бы во флангъ и тылъ туркамъ, занимавшимъ позицію у Кадакіой; съ полкомъ должны были слѣдовать батареи Л.-Гв. 2-ой Артиллерійской бригады.

Расположеніе турокъ 3-го января утромъ было слѣдующее: пространство отъ Адакіоя до Кадыкіоя и Каратаира было занято дивизіей Османа-Паши; сзади нея между Дермендере и Кадыкіой стояла бригада Реджеба; дивизія Шакира—стояла впереди Дермендере; у Дермендере стояли—дивизія Фезада и бригады Беккера, Неджиба и Назифа для обезпеченія пути отступленія въ Родопскія горы; сѣверная часть Филиппополя, находившаяся на лѣвомъ берегу Марицы была очищена турками, въ южной же части его были расположены бригады Сабита, Савфета и Искендера.

Утромъ 3-го января, Сумиманъ собралъ пашей на военный совѣтъ, на которомъ всѣ они заявили, что по ихъ мнѣнію останавливать армію подъ Филиппополемъ безполезно; Сулейманъ Паша однако настоялъ на своемъ рѣшеніи дать сраженіе отряду Генералъ-Адъютанта Гурко.

Предполагая, что непріятель остановился у деревни Каратаира, единственно съ цѣлью выиграть время, Генералъ-Адъютантъ графъ Шуваловъ приказалъ своимъ войскамъ продолжать движеніе къ Филиппополю, распредѣливъ ихъ для этого слѣдующимъ образомъ: Л.-Гв. Павловскому полку идти по дорогѣ на Кадыкіой, стрѣлкамъ по полотну желѣзной дороги; первымъ бригадамъ обѣихъ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій по шоссе на Филиппополь, „съ тѣмъ чтобы смотря по обстоятельствамъ дать имъ соотвѣтствующее направленіе.“

„Для обхода турецкаго праваго фланга, въ случаѣ если бы турки заняли новую позицію у Кадыкіоя, для остановки нашего преслѣдованія, графъ Шуваловъ отдалъ [27] Л.-Гв. Финляндскому полку приказаніе * по которому, Финляндцы должны были двигаться

* Полкомъ приказаніе это получено въ ночь на 3-е января.

до Ортакіоя, тамъ переправиться въ бродъ черезъ Марицу и дѣйствовать во флангъ и тылъ туркамъ, занимавшимъ позицію у Кадыкіоя. Такимъ образомъ на Л.-Гв. Финляндскій полкъ была возложена весьма сложная задача.

Въ 8 часовъ утра едва тронулись передовыя колонны отряда графа Шувалова,—Павловцы и Гвардейскіе Стрѣлки,—какъ было замѣчено слѣдованіе большихъ массъ непріятельской пѣхоты изъ деревень Дерменъ (Бузаликъ), Каратаиръ и Кадыкіой, по направленію на Филиппополь. Выѣхавшая на позицію 4-я батарея Л.-Гв. 2-й Артиллерійской бригады тотчасъ открыла огонь по отступавшимъ колоннамъ; цѣль была достигнута: непріятель остановился и выстроилъ боевой порядокъ, занявъ деревни Каратаиръ и Дерменъ и тотчасъ же сталъ отвѣчать на наши выстрѣлы. Позиція занятая при этомъ турками была прикрыта съ фронта рѣкой Старой, а съ праваго фланга—Марицей. Тотчасъ же Стрѣлки и Павловцы развернулись въ боевой порядокъ и перешли въ наступленіе. „Я вскорѣ убѣдился,—доносилъ графъ Шуваловъ,[28]—что противъ моихъ войскъ находятся весьма значительныя силы турокъ, занимавшія высоту у дер. Кадыкіой, представлявшую выгодную позицію, усиленную естественными прикрытіями".

Запоздавшія и слѣдовавшія черезъ Кара-Дерменъ непріятельскія колонны, прикрытыя превосходною въ силахъ турецкою кавалеріею, повернули къ передовымъ частямъ отряда графа Шувалова и открыли огонь во флангъ и тылъ войскамъ, дѣйствовавшимъ у Адакіоя; вслѣдствіе этого, графъ Шуваловъ приказалъ Л.-Гв. Финляндскому полку, подходившему около 12-ти часовъ дня по полотну желѣзной дороги, немедленно занять позицію фронтомъ къ деревнѣ Кара-Дерменъ и обезпечить войска, сражавшіяся у Каратаира; Л.-Гв. Московскому полку, прибывшему къ Адакіой-Хану было приказано переправиться черезъ Марицу у этого пункта и встать въ резервѣ, а 1-й бригадѣ, 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи остановиться на шоссе у Адакіой-Хана и ожидать приказаній. Л.-Гв. Финляндскому же полку надлежало выполнить отданное ему еще ночью приказаніе, т. е. двигаться на Айранли.

Пока бой у Кадыкіоя разгорался, принимая все болѣе значительные размѣры, выяснилось, что находившаяся въ тылу турецкой позиціи деревня Айранли, занята была только партіей черкесовъ. Такимъ образомъ, направивъ на эту деревню какую-либо войсковую часть, можно было угрожать отступленію турецкихъ колоннъ, направлявшихся къ Филиппополю. Задачу эту исполнилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Выступивъ въ 7 часовъ утра со своего ночлега на шоссе, еще во время развертыванія боеваго порядка передовыми частями отряда графа Шувалова, Л.-Гв. Финляндскій полкъ двинулся къ деревнѣ Адакіой. Въ головѣ полка шелъ 1-й батальонъ. Во время своего движенія по шоссе, до Финляндцевъ доходили самые противорѣчивые слухи о происходившемъ впереди: по однимъ свѣдѣніямъ Филиппополь горѣлъ и турки бѣжали изъ него безъ оглядки, предоставляя городъ власти побѣдителей; по другимъ—турки принимали бой на сильной позиціи за рѣкой Старой. Послѣднія свѣдѣнія оказались достовѣрными и вскорѣ Л.-Гв. Финляндскому полку пришлось вступить съ ними въ бой.

Состояніе Финляндцевъ до вступленія въ бой оставляло желать много лучшаго: продрогшіе, послѣ ночи проведенной на шоссе безъ всякаго укрытія, оголодавшіе за недѣлю

непрерывнаго движенія при-двухъ суточномъ отсутствіи горячей пищи и истомленные форсированнымъ маршемъ впродолженіи шести дней, Финляндцы должны были начать бой подъ Филиппополемъ, продлившійся три дня [29]. Но нравственное состояніе чиновъ полка, несмотря на всѣ эти тяжелыя условія было превосходно: полкъ рвался въ бой, и доказалъ это молодецкими своими дѣйствіями въ бояхъ 3—5 января.

Въ 8 часовъ утра, начальникъ западнаго отряда Генералъ Гурко, проѣзжавшій по шоссе къ войскамъ боевой линіи, обогналъ полкъ; затѣмъ, въ $8^1/_2$ часовъ утра полкъ былъ остановленъ для пропуска 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и части 5-й пѣхотной дивизіи, входившихъ въ колонну Генерала Шильдеръ Шульднера, направлявшуюся къ Филиппополю; къ полку пріѣхалъ начальникъ штаба 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи Полковникъ Энкель и передалъ приказаніе Генерала Криденера, чтобы Финляндскій полкъ пріостановился и далъ сначала вытянуться на шоссе всей его колоннѣ. Прохожденіе колонны мимо полка длилось около часу.

Полковникъ Н. А. Вейсъ.

Въ $9^1/_2$ час. утра, полкъ двинулся дальше и вскорѣ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи: деревня Артакіой, у которой, согласно приказанія, полкъ долженъ былъ переправиться въ бродъ черезъ Марицу, значилась только на картѣ, въ дѣйствительности же не существовала. Встрѣченные болгары также отрицали существованіе такой деревни, указывая однако, на бродъ черезъ Марицу у деревни Айранли; впрочемъ, бродъ этотъ, по ихъ словамъ, былъ проходимъ лишь въ лѣтніе мѣсяцы.

Обсудивъ положеніе дѣла командующій полкомъ Полковникъ Шмидтъ рѣшилъ продолжать движеніе на Айранли и двинулъ полкъ по Филиппопольскому шоссе, пролегавшему вдоль лѣваго берега рѣки Марицы, въ разстояніи отъ него около версты.

Морозный утренній туманъ, скрывавшій даже довольно близкіе предметы, разсѣивался по немногу и позволилъ различить за Марицей въ разстояніи около двухъ верстъ отъ шоссе, двигавшуюся значительную походную колонну; въ бинокль нельзя было опредѣлить наши ли это войска, или турецкія; разрѣшить этотъ вопросъ, основываясь на указаніяхъ диспозиціи, тоже было невозможно, такъ какъ замѣченная колонна могла принадлежать къ составу войскъ графа Шувалова, которые переправившись черезъ Марицу у Адакіой, шли черезъ Адакіой и далѣе; равнымъ образомъ, колонна эта могла быть и турецкими войсками, отступавшими съ праваго фланга ихъ расположенія. Кавалеріи при Л.-Гв. Финляндскомъ полку не было вовсе, не имѣлось даже одиночныхъ кавалеристовъ;

такимъ образомъ, не было никакихъ средствъ узнать, что это за колонна и какое имѣетъ она назначеніе.

„Впрочемъ,—говоритъ описаніе сраженія подъ Филиппополемъ, составленное участниками его, [30]—мы не сомнѣвались въ томъ, что эта колонна въ свою очередь видитъ насъ и вышлетъ разъѣзды. Дѣйствительно, въ ту минуту, когда голова нашей колонны была на высотѣ д. Айранли, выѣхало изъ деревни къ самому берегу рѣки 3 всадника въ черкесской формѣ. Они стали что то кричать, махали конвертомъ, очевидно что то спрашивали: всѣ были увѣрены, что это казаки Кавказской бригады. Но черезъ нѣсколько минутъ офицеры разсмотрѣли въ бинокли, что всадники эти были въ фескахъ, слѣдовательно турки. Всадники, вѣроятно также разсмотрѣвшіе, наконецъ съ кѣмъ имѣютъ дѣло, стали кружить, джигитовать, сдѣлали 2—3 выстрѣла и понеслись назадъ черезъ деревню. Теперь стало ясно, что колонна, которую мы принимали за свою, была непріятельская".

Пока Л.-Гв. Финляндскій полкъ подходилъ къ деревнѣ Айранли, Генералъ Гурко лично замѣтилъ движеніе турецкой колонны, отступавшей южнѣе желѣзной дороги. Рѣшивъ поэтому предпринять болѣе близкій, чѣмъ ранѣе предположенный охватъ праваго фланга турокъ у Кадыкіоя и видя, что предназначенная для обхода колонна Криденера еще далеко, Генералъ Гурко приказалъ исполнить этотъ маневръ Л.-Гв. Финляндскому полку.

Приказаніе объ этомъ полкъ получилъ въ то время, когда выяснилось, что колонна, шедшая параллельно съ полкомъ, была непріятельская; оно было передано полку генеральнаго штаба Полковникомъ Ставровскимъ, подтвердившимъ, что колонна дѣйствительно турецкая. Въ приказаніи Генералъ-Адъютанта Гурко значилось, что полку слѣдуетъ перейти черезъ Марицу у Айранли и отрѣзать отступленіе противнику.

Къ этому времени по рѣкѣ шелъ ледъ; морозъ, сковавшій берега Марицы, не могъ прервать ея быстрое теченіе, несшее большія льдины. Вода была выше пояса и чрезвычайно холодна. Ширина Марицы въ мѣстѣ переправы достигала до 250 саженей.

„Рѣка Марица въ это время представляла далеко непривлекательную картину,—писалъ одинъ изъ участниковъ сраженія [31],—въ особенности для тѣхъ, которые провели ночь на холодѣ и вѣтрѣ, посреди шоссе, безъ костровъ и безъ горячей пищи. Рѣка эта течетъ весьма быстро, причемъ мутная и глинистая вода не позволяетъ судить о глубинѣ воды. Берега, большею частью, обрывисты, а мѣстность по сторонамъ покрыта была глубокимъ снѣгомъ. Подъѣхавъ къ берегу рѣки, вмѣстѣ съ командующимъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, признаюсь, я не завидовалъ тѣмъ, кому приходилось окунуться въ эти бурныя волны."

Командующій полкомъ приказалъ тотчасъ же произвести полку захожденіе лѣвымъ плечомъ и начать переправу. Первыми ротами, которымъ пришлось переходить въ бродъ были:—5-я рота—Поручика Палина и 6-я рота—Штабсъ-Капитана Видишева. Люди какъ шли, такъ и бросились въ воду не снимая сапогъ, такъ какъ нужно было спѣшить. Турки открыли по переправѣ огонь и тотчасъ же было ранено на берегу 2 нижнихъ чина и 1 убитъ наповалъ. Когда настала очередь переправы 7-й и 8-й ротъ подошелъ полу-эскадронъ Л.-Гв. Гусарскаго Его Величества полка подъ командой Поручика Князя

Хованскаго, которому приказано было перевозить Финляндцевъ черезъ рѣку. Кромѣ того Генералъ Гурко, лично слѣдившій за переправой, прислалъ Штабъ-Ротмистра Рухомлина съ 20—30-ю конными ординарцами своего конвоя, также помогавшими переправѣ.

При посредствѣ кавалеристовъ переправа шла слѣдующимъ порядкомъ: каждый изъ гусаръ и конно-ординарцевъ имѣлъ въ поводу по двѣ лошади, на которыя садились Финляндцы; такая тройка переправлялась черезъ рѣку и на противуположномъ берегу, Финляндцы спрыгивали, а кавалеристъ возвращался для новаго рейса. Послѣ 2—3 такихъ рейсовъ лошади коченѣли, ноги ихъ обмерзали, такъ что приходилось дѣлать проѣздку, прежде чѣмъ совершать новый рейсъ. На лошадей сажали только тѣхъ нижнихъ чиновъ у которыхъ не было сапогъ, а были лишь одни опорки.

„Вообще,—говоритъ дневникъ полка [32],—перевозка на лошадяхъ была благодѣтельна но замедлила переправу".

Замѣтивъ первыя приготовленія къ переправѣ, турки открыли артиллерійскій и ружейный огонь; огонь былъ настолько силенъ, что въ свитѣ Генерала Гурко, стоявшаго на курганѣ, невдалекѣ отъ переправы, было ранено 5 человѣкъ [33]. Конечно, потери отъ этого ружейнаго огня сейчасъ же оказались и среди Финляндцевъ и въ конныхъ частяхъ, помогавшихъ переправѣ полка; при этомъ убыль лошадей замедляла переправу.

„Финляндцы молодцами,—какъ рапортовалъ графъ Шуваловъ [34],—перешли бродъ образующій нѣсколько рукавовъ, шириною до 80 саженей и глубиною по поясъ". Къ 2 часамъ дня * были на правомъ берегу Марицы 2-й, 3-й и 1-й батальоны [34]. Первыя же, переправившіяся роты, обстрѣлявъ деревню вошли въ нее, очистивъ отъ противника; 2-й батальонъ занялъ наружную ограду деревни, а 1-й и 3-й стали въ резервѣ.

Пока переправлялись первые три батальона, 4-й батальонъ съ присоединеннымъ къ нему 2-мъ батальономъ Л.-Гв. Московскаго полка, былъ оставленъ для прикрытія артиллеріи, состоявшей при полку и расположенной на позиціи у Кургана на лѣвомъ берегу рѣки Марицы, откуда она огнемъ содѣйствовала переправѣ Финляндцевъ; по окончаніи же переправы 3-го батальона, артиллерія начала тоже переправляться и перейдя бродъ немедленно выѣхала на позицію у юго-западнаго угла деревни Айранли.

Послѣ переправы артиллеріи, 4-й батальонъ былъ направленъ внизъ по теченію къ другому броду, гдѣ и переправился съ помощью эскадрона Лейбъ-Драгунъ Капитана Бураго.

Вскорѣ послѣ занятія деревня Айранли Финляндцами, турки сосредоточили на ней сильный ружейный, а вскорѣ и артиллерійскій огонь. „Турки понимая важность занятія нами Айранли,—говорится въ журналѣ военныхъ дѣйствій отряда борона Криденера,—[35] выслали нѣсколько таборовъ противъ Айранли и усилили обстрѣливаніе этой деревни артиллерійскимъ огнемъ; но попытка турокъ выбить Финляндцевъ изъ Айранли была отражена." Въ это время турки, дѣйствовавшіе противъ полка, расположились между Марицею и желѣзною дорогою, фронтомъ къ сѣверу, т е. параллельно рѣкѣ.

---

* По указанію рапорта графа Шувалова, переправа была окончена къ 3 часамъ дня, по указанію же журнала военныхъ дѣйствій отряда Генерала Криденера—около 12 часовъ дня.

Обладаніе деревней было весьма важно для полка, т. к. опираясь на нее полкъ могъ совершить свое захожденіе лѣвымъ плечомъ, и тѣмъ самымъ перерѣзать отступленіе противнику. Роты 2-го батальона, на которыхъ преимущественно легла тяжесть первоначальнаго боя у деревни Айранли удержали ее своимъ мужествомъ.

Обезпечивъ обладаніе деревни Айранли за полночь Полковникъ Шмидтъ, рѣшилъ приступить къ захожденію лѣвымъ плечомъ, уже начатому 3-мъ батальономъ, правый флангъ котораго примыкалъ ко второму батальону, занимавшему самую деревню.

Къ 3-му батальону для удлиненія фронта, пристроился слѣва 1-й батальонъ. Захожденіе полка началось съ 3-хъ часовъ дня.

Маневръ этотъ,—описываетъ дневникъ полка,—приходилось исполнять по совершенно открытой мѣстности, какавую представляютъ рисовыя поля у Айранли. Турки замѣтили маневръ, поняли его значеніе и устремили туда массу огня и свои резервы. Это конечно замедляло захожденіе 3-го батальона.

Насколько трудно было наступленіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ то время показываютъ слѣдующія слова Генералъ-Адъютанта Гурко: [86] „страшныя затрудненія встрѣтили Финляндцы, принужденные наступать по открытымъ рисовымъ полямъ, подъ огнемъ непріятеля“...

Между тѣмъ поддержки въ полку въ то время не имѣлось; даже 4-й батальонъ еше только кончалъ переправу, да и съ прибытіемъ его нельзя было разсчитывать протянуть боевой порядокъ до линіи желѣзной дороги, т. к. разстояніе до нея отъ берега Марицы было болѣе трехъ верстъ.

Пока Л.-Гв. Финляндскій полкъ доблестно сражался у Айранли, заходя одинъ во флангъ туркамъ, Генералъ Гурко, замѣтивъ его рискованное положеніе, выслалъ ему на помощь отрядъ начальника 5-й пѣхотной дивизіи Генерала-Лейтенанта Шильдеръ Шульднера, наступавшій по Филиппопольскому шоссе отъ Дуганкіой и подошедшій тѣмъ временемъ къ переправѣ полка черезъ Марицу.

Отряду Шильдеръ-Шульднера Генералъ Гурко приказалъ, присоединивъ къ себѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ и занявъ позицію восточнѣе Айранли, дѣйствовать по направленію къ полотну желѣзной дороги, гдѣ за насыпью укрѣпились турки, на пространствѣ отъ Ивермелика (Мецкіоръ) по направленію къ с. Кадыкіой.

Въ 5 часовъ 45 мин. дня, Генералъ Шильдеръ Шульднеръ съ переправы у Марицы отправилъ Полковнику Шмидту слѣдующее предписаніе [87]:

„По приказанію Генералъ-Адъютанта Гурко, ввѣренный Вамъ полкъ, вмѣстѣ съ сводной батареей 2-й гвардейской бригады поступаетъ вмѣстѣ съ Бугскимъ Уланскимъ полкомъ, 17-мъ Архангелогородскимъ и 18-мъ Вологодскимъ полками подъ мое начальство.— 17-й и 18-й полки примкнутъ къ нашему лѣвому флангу.

Я буду находиться за центромъ расположенія отряда.“

Пока Архангелогородцы и Вологодцы переправлялись черезъ Марицу стало уже темнѣть; къ 7-ми часамъ вечера эти полки едва собрались на правомъ берегу, какъ уже стемнѣло настолько, что всякая оріентировка была уже невозможна. Несмотря на это, къ 11 часамъ вечера боевой порядокъ отряда Шильдеръ-Шульднера достигъ желѣзной

дороги и тѣмъ выполнилъ свою задачу; [38] турки же отступили за полотно желѣзной дороги.

Дальнѣйшее наступленіе Финляндцевъ Архангелогородцевъ и Вологодцевъ было немыслимо за темнотою и крайнимъ утомленіемъ людей, почему и было отложено до слѣдующаго дня.

На ночь были приняты всѣ мѣры предосторожности: артиллерія отведена за деревню, выставлены дежурныя части и посты, посылались патрули и проч. Патруль отъ 16-й роты прошелъ по полотну желѣзной дороги, дошелъ до дер. Излотрабъ и принесъ извѣстіе, что турки отступили и очистили деревню, и какъ доказательство принесли изъ оставленнаго турками обоза нѣкоторыя вещи. Ночь была темная; у непріятеля виднѣлись костры, которые по обыкновенію къ зарѣ погашались [39].

Къ вечеру 3-го января, т. е. послѣ перваго дня сраженія подъ Филиппополемъ расположеніе прочихъ войскъ западнаго отряда было слѣдующее: отрядъ графа Шувалова занялъ съ подошедшимъ къ нему съ праваго фланга отрядомъ Вельяминова, деревни Каратаиръ, Кадыкіой и Адакіой, выбивъ изъ нихъ турокъ; Криденеръ занялъ сѣверное предмѣстіе Филиппополя; кавалерія Клодта стояла сѣвернѣе отъ этого города и только одинъ эскадронъ Лейбъ-Драгунъ Капитана Бураго занялъ самый городъ Филиппополь. Около семи батальоновъ, изъ состава западнаго отряда, задержанные дурными дорогами, еще не присоединились къ нему.

Такимъ образомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ ночь послѣ перваго дня сраженія подъ Филиппополемъ занималъ наиболѣе выдвинутое расположеніе въ боевой линіи отряда. Результатомъ же дѣйствій полка въ этотъ день было то что онъ выбилъ противника изъ его позиціи между полотномъ желѣзной дороги и рѣками Марицей и Старой; этимъ достигнуто было исполненіе одной изъ задачъ отряда Генерала Гурко—не допускать противника къ Филиппополю.

Потери Л.-Гв. Финляндскаго полка въ этотъ день были слѣдующія: убитыми—3 нижнихъ чиновъ и ранеными—18, что составило не болѣе 0,76% наличнаго состава полка. [40] 40

Общимъ результатомъ отдѣльныхъ боевъ 3-го Января явилось разъединеніе турецкой арміи Сулеймана—Паши на двѣ части, изъ которыхъ одна была отброшена отъ прямаго пути отступленія на Дермендере и приперта къ Родопскимъ горамъ, а другая, успѣвъ уйти черезъ Филиппополь, спѣшно отступала на Адріанополь, избѣгая окончательнаго пораженія.

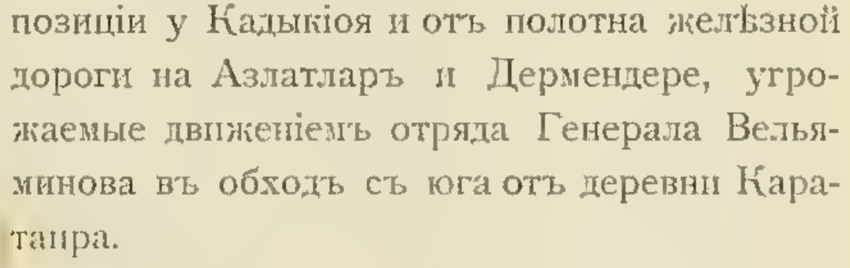
На 4-ое Января, Сулейманъ рѣшилъ продолжать бой съ войсками западнаго отряда, почему оставилъ 40 таборовъ на позиціи отъ Дермендере до Карагача, остальные же шестьдесятъ сосредоточилъ въ резервѣ у Станимаки. Всю ночь съ 3-го на 4-ое Января совершалось отступленіе турокъ, чтобы занять означенное расположеніе.

Генералъ Гурко разослалъ ночью на 4-ое число приказаніе войскамъ своего отряда—переночевавъ на занятыхъ позиціяхъ, возобновить на слѣдующій день наступленіе на противника, причемъ отряды Шувалова, Вельяминова и Шильдеръ-Шульднера должны были атаковать позицію турокъ у Кадыкіоя, отряду Криденера—атаковать самый Филиппополь, кавалеріи-же дѣйствовать въ тылъ противника.

Еще до начала этого наступленія отъ разъѣздовъ и патрулей, получены были донесенія, что непріятель отступаетъ весьма поспѣшно, покидая позиціи у Кадыкіоя.

Отрядъ Генерала Гурко наступалъ въ 5-ти большихъ колоннахъ; правѣе шла колонна Вельяминова; обѣ колонны Графа Шувалова шли въ центрѣ, а колонна Шильдеръ-Шульднера лѣвѣе; отдѣльно же отъ этихъ колоннъ, нѣсколько впереди наступала къ самому Филиппополю и далѣе 5-я колонна—отрядъ Генерала Криденера.

Бой 4-го числа по характеру своему былъ подготовительный; турки отступили съ позиціи у Кадыкіоя и отъ полотна желѣзной дороги на Азлатларъ и Дермендере, угрожаемые движеніемъ отряда Генерала Вельяминова въ обходъ съ юга отъ деревни Каратапра.

Полковникъ Г. Б. Прокопе.

Войска двигались медленно; движеніе ихъ по рисовымъ полямъ, при бывшей 4-го Января оттепели, было весьма трудно какъ для людей, такъ особенно для артиллеріи. Поэтому, характеръ боя 4-го числа былъ, повидимому, вялый; только когда отрядъ Генерала Шильдера выдвинулся за Мицкюръ къ Комоту, то турки, сосредоточившіеся на позиціи между Дермендере и сѣвернѣе Маркова и Чифтлика, открыли сильную канонаду по нашимъ войскамъ, двигавшимся къ Комоту и отъ Каратапра къ Дермендере.

Въ 6-мъ часу утра едва начало разсвѣтать, Л.-Гв. Финляндскій полкъ двинулся со своего ночлега, имѣя впереди разсыпанныя цѣпи стрѣлковъ, а за ними резервы; вскорѣ онъ наткнулся только на брошенныя непріятелемъ повозки обоза. Очевидно полкъ имѣлъ дѣло съ турецкими войсками, составлявшими какъ бы заслонъ, за которымъ ихъ главныя силы отходили на Азлатларъ и Дермендере.

Войска колонны Шильдеръ-Шульднера были распредѣлены въ своемъ движеніи такимъ образомъ, что бригада 5-й дивизіи—Архангелогородскій и Вологодскій полки были двинуты на Дермендере, а Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ приказаніе двинуться къ Филиппополю, гдѣ Генералъ Гурко хотѣлъ собрать всю 2-ую гвардейскую пѣхотную дивизію. Общее же наступленіе всѣхъ войскъ западнаго отряда было въ восточномъ направленіи и имѣло цѣлью помимо занятія Филиппополя сосредоточеніе противъ турокъ, дабы отбросить ихъ отъ Филиппополя къ югу. Дорога, назначенная Л.-Гв. Финляндскому полку пролегала между Марицей и полотномъ желѣзной дороги.

Въ 12 часовъ полкъ тронулся по вязкой грязи, черезъ канавы и ручьи. При полку слѣдовали 4 орудія 2-ой гвардейской артиллерійской бригады. Когда полкъ былъ уже

въ 2-хъ верстахъ отъ Филиппополя, получено было отъ Генерала Шильдеръ-Шульднера приказаніе идти на деревню Комотъ, т. е. свернуть вправо къ горамъ. Это приказаніе явилось слѣдствіемъ горячаго дѣла веденнаго, главнымъ образомъ, колонной Генерала Вельяминова, правому флангу которой турки особенно угрожали обхватомъ со стороны ихъ позиціи, занятой у Родопскихъ горъ. Полученное въ 3 часа дня командующимъ полкомъ приказаніе о дальнѣйшемъ движеніи къ Комоту было слѣдующаго содержанія [41].

„Начальникъ 5 пѣхотной дивизіи приказалъ немедленно поворотить полку съ артиллеріею вправо и слѣдовать черезъ сел. Мецкій на сел. Комотъ, дабы обойти непріятеля, расположившагося у сел. Дермендере.—На Комотъ двигается и весь остальной отрядъ".

Уже во время движенія на Комотъ получена была записка графа Шувалова, предписывавшая полку идти на Ивермеликъ. Такъ какъ приказаніе Шильдеръ—Шульднера было помѣчено болѣе позднимъ часомъ, то полкъ продолжалъ движеніе на Комотъ куда и прибылъ къ $5^1/_2$ часамъ дня, заставъ тамъ Л.-Гв. Гренадерскій полкъ и бригаду 5-ой пѣхотной дивизіи.

Въ это время турки распологались на линіи Дермендере-Карагачъ и отрядъ Шильдеръ-Шульднера долженъ былъ дѣйствовать противъ праваго фланга и. по возможности въ тылъ туркамъ съ цѣлью отрѣзать имъ всякій путь отступленія. Противъ лѣваго фланга турокъ одновременно долженъ былъ дѣйствовать отрядъ Вельяминова, атакованный турками въ довольно значительныхъ силахъ.

Отрядъ Шильдеръ-Шульднера, открылъ артиллерійскій огонь по противнику, обрисовывавшемуся вдали черной полосой. Однако, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ огонь пришлось прекратить такъ какъ туманъ и наступавшая темнота быстро стали скрывать цѣль стрѣльбы. За невозможностью дальнѣйшихъ боевыхъ дѣйствій, войскамъ пришлось расположиться на ночлегъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ ихъ застала ночь. При этомъ Архангелогородскій и Вологодскій полки, составляя боевую часть, ночевали у южнаго выхода изъ деревни Комотъ, а Л.-Гв. Финляндскій и Гренадерскій полки составили резервъ.

Такимъ образомъ наступившая темнота воспрепятствовала отряду Шильдеръ-Шульднера окончить предписанную ему операцію окруженія турокъ съ праваго фланга и тыла, почему путь отступленія турокъ оставался открытымъ; впрочемъ это не могло имѣть особаго вліянія на общій исходъ маневра, такъ какъ на прямой путь отступленія турокъ, проходившій черезъ Станимаки, были направлены части 1-й и 3-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и кавалеріи; части эти хотя и взяли Карагачъ, но, впрочемъ, удержаться въ немъ не успѣли.

Такимъ образомъ въ ночь на 4-е января турки были приперты къ подножію Родопскихъ горъ и окружены, почти съ трехъ сторонъ, въ этомъ положеніи; принимая сраженіе на 5-е января, они готовили себѣ вѣрную гибель.

5-го января, графъ Шуваловъ, которому поступили въ подчиненіе отряды Шильдеръ-Шульднера и Вельяминова, разсчитывалъ окружить турокъ сплошнымъ полукругомъ съ трехъ сторонъ; для этого онъ приказалъ колоннѣ Генералъ-Лейтенанта Шильдеръ-

Шульднера съ разсвѣтомъ двинуться впередъ и постараться стать на позиціи ей еще наканунѣ указанной между деревнями Марково и Бѣлесницы; войскамъ находившимся непосредственно подъ его командой оставаться на занятой ими позиціи у Мецкіу (Мюсчкюръ) до разъясненія обстоятельствъ; колоннѣ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова продолжать дальнѣйшее слѣдованіе вдоль подошвы Родопскихъ горъ на Дермендере и Марково.

При этомъ концентрическомъ движеніи колоннъ, въ распоряженіи турокъ оставался для отступленія только одинъ свободный путь и то ведущій прямо въ горы; но, по словамъ болгаръ, путь этотъ былъ доступенъ лишь пѣхотѣ, да и то съ большими затрудненіями [42].

5-го января бой возобновили рано утромъ сами турки, нападеніемъ на Карагачъ, слабо занятый еще съ ночи частями отряда Генерала Криденера. Турецкая позиція опиралась на Бѣлесницу, Чифтликъ и Марково (Дермендере было ими оставлено). Вскорѣ сильная канонада открылась по всей линіи.

Отрядъ Генерала Шильдеръ-Шульднера, состоявшій изъ пяти батальоновъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, Л.-Гв. Финляндскаго полка съ шестью орудіями сводной батареи 2-й гвардейской артиллерійской бригады и Бугскаго Уланскаго полка, двинулся, около 8-ми часовъ утра, отъ Комота на Бѣлесницу. Пройдя версты четыре по рисовымъ полямъ, отрядъ, встрѣченный артиллерійскимъ огнемъ, развернулся въ боевой порядокъ имѣя на лѣвомъ флангѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ противъ Бѣлесницы, а 17-й Архангелогородскій полкъ правѣе Финляндцевъ, противъ деревни Чифтликъ и частію правѣе Чифтлика.

Къ войскамъ Генерала Шильдера, въ видѣ резерва, подходили Л.-Гв. Гренадерскій полкъ и 1-й батальонъ Л.-Гв. Московскаго полка [43].

Вступленіе въ бой отряда Генерала Шильдеръ-Шульднера произошло слѣдующимъ образомъ.

Въ 7 часовъ утра въ авангардѣ двинулся Л.-Гв. Финляндскій полкъ со 2-ю батареею Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады. Къ авангарду долженъ былъ примкнуть Бугскій Уланскій полкъ, который однако къ часу выступленія еще не прибылъ. За авангардомъ должны были двинуться: бригада 5-й пѣхотной дивизіи и Л.-Гв. Гренадерскій полкъ. [44]

Едва головной 4-й батальонъ полка отошелъ 4 версты, какъ вправо отъ дороги, приблизительно въ верстѣ, слѣдовательно около Чифтлика и Бѣлостицы услышанъ былъ крикъ, какъ бы погонщиковъ и рабочихъ, втягивающихъ повозки и артиллерію на гору. Туманъ въ это время хотя и разсѣивался, но разсмотрѣть что либо съ дороги, биноклемъ, не было никакой возможности. Командующій полкомъ, остановивъ колонну, выслалъ вправо патрули и послалъ къ Генералу Шильдеръ-Шульднеру ординарца просить поторопить прибытіе кавалеріи. Около $8^{1}/_{2}$ часовъ Бугскій Уланскій полкъ на рысяхъ обогналъ колонну и командующій полкомъ тотчасъ приказалъ послать по взводу въ разъѣздъ впередъ и вправо отъ дороги, чтобы выяснить, что дѣлается. Разъѣзды еще не успѣли

вернуться, какъ раздался со стороны турокъ орудійный выстрѣлъ и граната пролетѣла высоко надъ головами. Вслѣдъ за нею 2-я, 3-я, очевидно уже направленныя въ полкъ.

Командующій полкомъ отдалъ немедленно распоряженія: 4-му батальону выслать вправо отъ деревни въ цѣпь 2 роты (14-ую и 15-ую), оставивъ остальныя двѣ въ резервѣ. Батареѣ сняться съ передковъ на самой дорогѣ и открыть огонь; 2-му батальону также выслать двѣ роты (5-ю и 6-ю) въ цѣпь, вправо отъ батареи, прикрывая послѣднюю остальными двумя ротами. Батальонамъ 1-му и 3-му оставаться въ резервѣ, укрывъ людей въ канавѣ и за насыпью дороги. Бугскому Уланскому полку отойти и стать уступомъ за лѣвымъ флангомъ боеваго расположенія Финляндскаго полка. Вьюкамъ отойти къ Комоту. Объ остановкѣ движенія и вступленіи авангарда въ бой командующій полкомъ донесъ Генералу Шильдеръ-Шульднеру. Не успѣли еще роты занять свои мѣста, какъ уже надъ головами прожужжали сотни пуль; въ батареѣ ранено было нѣсколько лошадей. Черезъ часъ по завязкѣ дѣла, казакъ привезъ записку въ которой значилось, что всѣ войска Генерала Шильдеръ-Шульднера подчиняются графу Шувалову и что Его Сіятельство предписываетъ двинуться изъ Комота на Марково. Очевидно Финляндскому полку, уже вступившему въ бой, невозможно было прекратить его и начать обратное движеніе къ Марково. Въ этомъ смыслѣ командующимъ полкомъ посланъ былъ отвѣтъ.

Въ 10 часовъ замѣтно было, что наша боевая линія разростается вправо: это Архангелогородскій полкъ пристраивался къ правому флангу Финляндцевъ. Огонь турокъ крѣпчалъ. Всякое движеніе съ нашей стороны, проѣздъ начальника съ 2—3 всадниками, было подмѣчаемо турками и немедленно вызывало въ этомъ направленіи тучи пуль.

Сильно занятая турками позиція между Карагачемъ и Марково и безостановочный ружейный и артиллерійскій огонь указывали на то, что турки рѣшились принять бой.

Хотя отрядъ Генерала Шильдера рвался впередъ, но трудно проходимая по рисовымъ полямъ мѣстность не позволяла всѣмъ отрядамъ быстро подоспѣть. Поэтому, необходимо было пріостановиться и подобрать къ себѣ Л.-Гв. Гренадерскій полкъ и батальонъ Л.-Гв. Московскаго полка.

Турки, видя нашу сравнитнльную малочисленность, перешли въ 10 часовъ утра въ наступленіе противъ праваго фланга отряда Генералъ-Лейтенанта Шильдера.

Вскорѣ и противъ лѣваго фланга Геаералъ-Лейтенанта Шильдера начали сосредоточиваться значительныя части турецкой пѣхоты, а затѣмъ, противъ нашего праваго фланга появилась и масса непріятельской кавалеріи. Выдвинувъ 18-й Вологодскій полкъ на лѣвый флангъ и бросивъ противъ непріятельской кавалеріи Бугскій Уланскій полкъ войска наши отразили турокъ съ большимъ урономъ. 18-й Вологодскій полкъ перешелъ затѣмъ въ общій резервъ.

Въ 10½ часовъ, командующій полкомъ отправилъ генералу Шильдеръ-Шульднеру записку, въ которой предлагалъ продолжать дѣйствовать по первоначальному плану, т. е. двигаться на Станимаки. Для этого предлагалось оставить Финляндскій полкъ на позиціи, въ видѣ боеваго заслона, а въ тылу его и внѣ выстрѣловъ продолжить армейскою бригадою движеніе на Пассо-Магале и Станимакъ. [45]

Какъ бы въ отвѣтъ на это, командующій полкомъ получилъ въ 11½ часовъ увѣ-

домленіе, что по приказанію графа Шувалова, всѣ войска, находящіяся на позиціи между Комотъ и Агланъ должны держаться оборонительно, выжидая результата дѣйствій 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, двинутой изъ Филиппополя на Станимакъ во флангъ туркамъ.

Имѣя въ виду, что бой могъ продлиться до вечера и что въ артиллеріи были снаряды только въ передкахъ, командующій полкомъ приказалъ батареѣ беречь снаряды до рѣшительной минуты. Непріятель нашъ не жалѣлъ ни снарядовъ, ни ружейныхъ патроновъ; трескотня выстрѣловъ не умолкала. Благодаря канавамъ дороги и валикамъ рисовыхъ полей, полкъ былъ укрытъ хорошо. Непріятелю болѣе кажется обрисовывался Вологодскій полкъ. Этотъ полкъ сталъ за Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ въ резервѣ, въ 900 шагахъ; всѣ роты его были развернуты и черными полосами обрисовались на снѣгу. Въ нихъ, должно быть, по преимуществу направлялся пѣхотный огонь, потому что много пуль пролетало надъ нашими головами.

Рѣшительнаго наступленія, однако, предпринять было еще невозможно; необходимо было выжидать подхода отряда Генерала Вильяминова отъ Дермендере на Марково, отряда Генералъ-Адъютанта графа Шувалова—отъ Мичикіой на Комотъ и опредѣленія дѣйствія Генерала Дандевиля, который съ 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею долженъ былъ дѣйствовать отъ Карагача на сообщенія непріятеля.

Оказалось, что батальоны Кексгольмскаго Гренадерскаго полка, остановленные въ Карагачѣ наканунѣ, по отправленіи на шоссе взятыхъ Литовцами 18 орудій, расположились сзади деревни Карагачъ, ограничившись занятіемъ Карагача дивизіономъ драгунъ.

Турки, занявъ Бѣлесницу, не преминули воспользоваться слабымъ занятіемъ Карагача и двинули къ нему значительный отрядъ. По первому о томъ извѣстію, Генералъ Дандевиль направилъ всѣ бывшіе вблизи батальоны и только немедленнымъ, энергическимъ движеніемъ успѣлъ, послѣ упорнаго боя 2-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, овладѣть вновь Карагачемъ. Для поддержанія Генерала Дандевиля послана 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, которая и перешла, въ 4 часа, черезъ Марицу, направляясь прямо на выстрѣлы къ Карагачу.

Около 1-го часа по-полудни, непріятель снова двинулся въ атаку противъ праваго фланга Генерала Шильдера, выславъ въ обхватъ нашего праваго фланга сильную кавалерію.

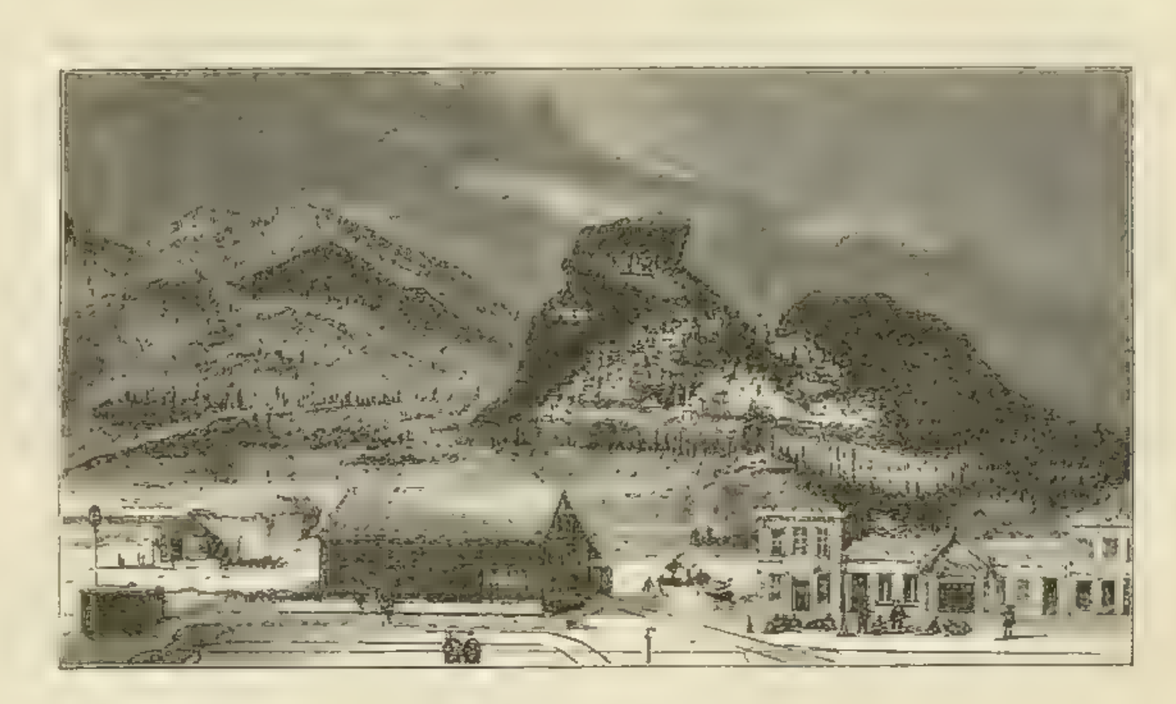
Но 17-й Архангелогородскій полкъ, усиленный батальономъ Л.-Гв. Московскаго полка, встрѣтилъ на близкой дистанціи непріятеля дружными залпами, перешелъ въ наступленіе и опрокинулъ непріятельскія войска, которыя поспѣшно отступили къ прежней своей позиціи. Въ это время, около 2-хъ часовъ по полудни, получено было извѣстіе, что на правомъ флангѣ непріятеля показались отъ Карагача войска Генерала Дандевиля.

„Съ 2-хъ часовъ дня,—говоритъ описаніе Филиппопольскаго сраженія, составленное участниками его, [46]—начали слышаться выстрѣлы со стороны д. Карагачъ; они то усиливались, то уменьшались. Холмистая мѣстность къ этой сторонѣ не дозволяла различать ничего. Съ нашей стороны бой ограничивался огнестрѣльными дѣйствіями. Пришло одно

только приказаніе продвинуть, если можно, цѣпи впередъ, усилить ихъ,—но атаки не предпринимать.

Наконецъ въ началѣ 4-го часа пришло рѣшительное приказаніе всему полку перейти въ наступленіе и отбросить турокъ къ горамъ. Вологодцы должны были слѣдовать за Финляндцами, какъ резервъ. Лейбъ-Гренадеры были направлены на Марково. Первыми двинулись въ атаку Архангелогородцы, а затѣмъ Финляндцы.

Не теряя времени на разсылку приказаній, штабъ-горнисту было приказано играть сигналы: „Финляндскій полкъ,“ „всѣ,“ „атака.“ Въ одно мгновенье выросли изъ канавъ и изъ за насыпей всѣ роты и быстро, неудержимо бросились впередъ. Артиллерія участила огонь. Общее направленіе атаки Финляндскаго полка было правымъ флангомъ на Чифтликъ, лѣвымъ къ дер. Бѣластица. Въ то время правѣе насъ обозначалось наступленіе Архангелогородскаго полка. Генералъ Шильдеръ - Шульднеръ, верхомъ, окруженный своимъ штабомъ, скакалъ по линіямъ ротъ Вологодцевъ, поднималъ ихъ и лично повелъ впередъ, за Финляндцами. Внезапность и стремительность атаки поразила турокъ. Вся линія ихъ дрогнула; видно было какъ всѣ вскочили на ноги, какъ кучи ихъ въ безпаматствѣ паники пустились бѣжать къ своимъ резервамъ.

Городъ Филиппополь
По изображенію 1878 года

Только артиллерія и ближайшія къ ней части еще стояли твердо, отстрѣливаясь тою частою, шальною пальбою, которую полкъ впервые услышалъ при Горнемъ Дубнякѣ, и которой онъ никогда не забудетъ.

Не уступая линіи нашихъ стрѣлковъ, всюду напиравшіе резервы поколебали стойкость послѣднихъ турецкихъ частей.—Хотя первую свою позицію турки особенно упорно обороняли и въ д. Чифтликѣ непріятель встрѣтилъ насъ свѣжими войсками на сильно укрѣпленной позиціи гдѣ завязалась ожесточенная схватка, но въ 4-мъ часу дня вся линія войскъ генерала Шильдера заняла позицію непріятеля. Л.-Гв. Гренадерскій полкъ, бывшій на крайнемъ правомъ флангѣ, занялъ Марково, оставленное, впрочемъ, турецкими войсками, отступавшими частію на Бѣлесницу, а большею частію къ горамъ, гдѣ они снова выбрали позицію на гребнѣ, на юго-западъ отъ Маркова, выставивъ на горѣ батареи.

Отрядъ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова, между тѣмъ, наступавшій отъ Дермен-

дере на Марково подошелъ къ Марково около 3-хъ часовъ и затѣмъ получилъ отъ графа Шувалова, принявшаго общее начальство на правомъ флангѣ, приказаніе немедленно двинуться черезъ Марково и атаковать турецкія войска, утвердившіяся на гребнѣ. При этомъ Л.-Гв. Гренадерскій полкъ долженъ былъ слѣдовать въ резервѣ за отрядомъ Генерала Вельяминова.

Было около $3^{1}/_{2}$ часовъ, когда войска Генерала Вельяминова двинулись въ атаку, имѣя съ фронта 121-й Пензенскій и 122-й Тамбовскій полки, а 123-й Козловскій направленнымъ вправо для отрѣзанія пути отступающимъ въ горы, по дорогѣ, идущей къ Іеникіой.

Къ этому времени по всей линіи отъ Карагача до Маркова гремѣлъ неумолкаемый ружейный и артиллерійскій огонь. Турки оборонялись отчаянно; но, несмотря на градъ пуль и сильный огонь, войска наши двигались безостановочно.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ съ Архангелогородскимъ и Вологодскимъ полками „молодецки"—какъ доносилъ графъ Шуваловъ, [47]—подвигались впередъ, а турки отступали съ необыкновенною быстротою и ловкостью.

Видно было какъ одни за другими отдѣльные люди, затѣмъ кучки, взводы, роты точно украдкою выбирались изъ за закрытій, за которыми лежали, и разъ выйдя въ чистое поле, бросались врязсыпную назадъ. Постепенно, настигаемый огнемъ нашей цѣпи, непріятель уменьшался и сомкнутыя части его разбѣгались.

Атака Л.-Гв. Финляндскаго полка, производившаяся до этого сплошною цѣпью съ резервами позади, раздробилась на группы, преслѣдовавшія турокъ по пятамъ; вскорѣ передовыя части полка увидѣли цѣлую цѣпь орудій противника, на которую и устремились съ храбростью и самоотверженіемъ, не обращая вниманія на огонь нѣкоторыхъ орудій и градъ ружейныхъ пуль. Посылая Туркамъ выстрѣлы, насколько было возможно, задыхаясь отъ бѣга по липкому грунту и увязая въ снѣгу, группы нижнихъ чиновъ полка съ офицерами впереди, съ побѣднымъ крикомъ „ура"! кидались отъ одной батареи къ другой, нагоняли поспѣшно отвозимыя турецкія орудія, и захватили, многія изъ нихъ несмотря на отчаянную оборону турокъ.

Къ 5-ти часамъ дня, отрядъ Генерала Шильдеръ-Шульднера сбилъ непріятеля со всѣхъ позицій между Бѣлесницей и Чифтликомъ; непріятель бѣжалъ на горы и на площадкѣ высокой горы уставилъ пять орудій, дабы сдѣлать послѣднее усиліе—остановить напоръ нашихъ войскъ; батарея открыла залпы какъ по войскамъ Генерала Шильдера, такъ и по войскамъ Вельяминова; едва успѣвъ сдѣлать нѣсколько залповъ, она принуждена была замолчать; 2-я стрѣлковая рота 17-го Архангелогородскаго полка была уже на непріятельской батареѣ.

Въ это время Л.-Гв. Финляндскій полкъ забиралъ другія орудія турокъ, взявъ въ общемъ 20 орудій; помимо того отбито было 18 зарядныхъ ящиковъ, много повозокъ обоза со всевозможными вещами и т. п. [48].

Отряды Генерала Вильяминова и Генерала Дандевиля къ вечеру также вогнали непріятеля въ горы, занявъ ближайшіе уступы Деспотодага передовыми своими частями. Мѣстность между Карагачомъ и Марково, особенно около опорныхъ пунктовъ Чифтлика, Бѣлесницы и Карагача, была завалена массою труповъ. На пространствѣ дѣйствія войскъ

Генерала Шильдера, зарыто было болѣе 2500 непріятельскихъ труповъ и все-таки ихъ осталось много по околицамъ деревень и по оврагамъ.

Побѣда была полная и черезъ день послѣ сраженія Главнокомандующій доносилъ Государю: „Поздравляю Ваше Величество съ новою блестящею побѣдою"... [49].

10-го января Главнокомандующій доносилъ на Высочайшее Имя о Филиппопольскомъ сраженіи: „побѣда одержанная Генераломъ Гурко... оказалась еще полнѣе и блистательнѣе чѣмъ я сообщилъ сперва" [50].

Насколько значительно было участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ этой „блистательной" побѣдѣ служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ слѣдующія слова рапорта Генералъ-Адъютанта Шувалова: [51] „успѣхъ боя 5-го января я отношу къ храброй и славной атакѣ, совершенной молодцами Финляндцами, совмѣстно съ полками Архангелогородскимъ и Вологодскимъ".

Результатомъ сраженія подъ Филиппополемъ былъ разгромъ арміи Сулеймана-Паши, разрѣзанной пополамъ и безъ оглядки бѣжавшей въ горы въ полномъ разстройствѣ; почти всѣ пути отступленія ей были отрѣзаны и она находилась въ такомъ состояніи, что сами высшіе турецкіе начальники считали ее неспособной ни на какое усиліе, а гибель ея неизбѣжной.

Въ рапортѣ на Высочайшее Имя отъ 12-го января, [52] Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ такъ излагалъ результаты сраженія 5-го января: „Половина турецкой арміи, потерявъ въ ожесточенномъ бою 28 орудій и побросавъ всѣ остальныя орудія въ кручи, бѣжала въ горы на югъ въ полномъ разстройствѣ. Другая половина, подъ личнымъ начальствомъ Сулеймана-Паши, бросилась горными же дорогами на востокъ, черезъ Тахтаны, Караджаралъ и Кюмюрджи, по направленію на Хаскіой"...

Численность всей разсѣянной арміи Сулеймана-Паши достигала 40—45 тысячъ человѣкъ. Послѣ разгрома этой арміи осталось только преслѣдовать остатки ея, безпрепятственно наступая къ Адріанополю и къ Константинополю. Впечатлѣніе, произведенное этимъ пораженіемъ на турецкое правительство было такъ велико, что менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ Филиппопольскаго сраженія, предварительныя условія мира уже были подписаны.

Въ шестомъ часу вечера 5-го января, когда уже начало смеркаться, заканчивался бой подъ Филиппополемъ. Въ $5^1/_2$ часовъ командующій Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Полковникъ Шмидтъ далъ сигналы „ сборъ" и „въ колонну"; роты и батальоны начали собираться, а въ это время съ горъ еще раздавались одиночные выстрѣлы, виднѣлись красные отъ нихъ огоньки, отстрѣливавшихся и преслѣдуемыхъ турокъ.

Въ $6^1/_2$ часовъ пополудни, бой былъ, совсѣмъ прекращенъ; утомленныя войска наши размѣстились на ночлегъ въ деревняхъ, отнятыхъ у непріятеля: въ Карагачѣ, Бѣлесницѣ, Марково, оставивъ выставленными на ближнихъ уступахъ горъ сильные передовые отряды. Л.-Гв. Финляндскій полкъ перешелъ на ночлегъ къ монастырю Св. Георгія, въ

---

* Потери въ полкахъ Архангелогородскомъ и Вологодскомъ, сражавшихся рядомъ съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ были приблизительно такими-же.

2-хъ верстахъ отъ д. Бѣлавницы, и тотчасъ выставилъ посты и дежурную часть; на полѣ сраженія при взятыхъ орудіяхъ—трофеяхъ полка, оставлены были караулы.

Ночь была морозная; сильные костры на высотахъ и дальнихъ ущельяхъ Деспотодага опредѣлили линію отброшеннаго въ безпріютныя горы непріятеля. Линія эта тянулась отъ высотъ противъ Маркова почти до Станимаки; только противъ Станимаки на шоссе удержались турки въ долинѣ и заняли Ягдину, имѣя на окраинѣ садовъ этой деревни сильную цѣпь черкесовъ.

Въ сраженіи подъ Филиппополемъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ потерялъ: убитыми—2-хъ нижнихъ чиновъ, ранеными—40 и безъ вѣсти пропавшими—1, а всего—43 человѣка[53]. По отношенію къ наличному составу убыль эта составила 1,57% Изъ офицеровъ полка пострадали двое: Штабсъ-Капитанъ Сервіяновъ и Поручикъ Князь Микеладзе, оба контуженные въ ногу *,

Если жертвы, принисенныя Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ были и не велики, то это, по объясненію графа Шувалова слѣдуетъ отнести единственно лишь „къ прекрасному веденію" полка во время боя.

Въ трехдневномъ сраженіи подъ Филиппополемъ Л.-Гв., Финляндскій полкъ пріобрѣлъ себѣ новые лавры, прибавивъ ихъ къ лаврамъ прежнихъ сраженій въ которыхъ онъ участвовалъ, начиная съ кампаніи 1807 года.

Наградой полку за его доблестныя дѣйствія было отличіе на каскахъ, съ надписью „За Филиппополь. 5-го января 1878 года".*

Офицеры полка были удостоены многихъ боевыхъ награжденій, изъ которыхъ наиболѣе значительными были слѣдующія: командующій полкомъ Полковникъ Шмидтъ былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры и удостоенъ Монаршаго Благоволенія. Полковникъ Вейсъ получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степени и орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Полковникъ Г. Прокопе—золотое оружіе. Полковникъ Строевъ — орденъ Св. Владиміра 3-й степени съ мечами. Полковникъ Кноррингъ—орденъ Св. Владиміра 4-й степени и Св. Станислава 2-й степени съ мечами. Прочіе офицеры—орденъ Св. Анны 2-й, 3-й и 4-й степеней и ордена Св. Станислава 2-й и 3-й степени съ мечами и бантомъ[55].

„Въ представленіяхъ къ награжденіямъ всѣ участники сраженія 3 и 5 января, офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка аттестованы командующимъ полкомъ, какъ храбрые и искусные руководители своихъ подчиненныхъ. При этомъ дѣйствія нѣкоторыхъ офицеровъ представлены такъ [56].

„Командиръ 4-го батальона Полковникъ Вейсъ 5-го января, лихо повелъ свой батальонъ въ атаку, при чемъ захватилъ 12-ть орудій съ передками, зарядными ящиками и часть обоза".

„Командиръ 2-го батальона Полковникъ Строевъ 3-го января „быстро переправилъ свой батальонъ, подъ огнемъ непріятеля въ бродъ чрезъ рѣку Марицу, занялъ, дер.

* Послѣ сраженія подъ Филиппополемъ Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ испрашивалъ Л.-Гв. Финляндскому полку награду, за участіе полка въ кампаніи 1877—78 г.г., — къ прежде существовавшей на георгіевскихъ трубахъ полка надписи „за Варшаву 25 и 26 Августа 1831 года",— дополнительную надпись: „за Горній Дубнякъ 12 октября 1877 г. и за Филиппополь 5 января 1878 г." [54]

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ,

Нашему Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія Нашего за оказанные подвиги, мужества и храбрости Лейбъ-Гвардіи Финляндскимъ полкомъ въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ, Всемилостивѣйше жалуемъ полку сему знаки отличія на головные уборы съ надписью: „За Филиппополь

5го Января 1878 года и Повелѣваемъ знаки сіи носить по установленію.

Александръ.

Въ Царскомъ Селѣ
6го Іюня 1878 года.

Айранли и оставался съ батальономъ въ боевой линіи до вечера. 5-го января находясь съ батальономъ въ 1-й линіи, искусно повелъ атаку и преслѣдуя непріятеля съ частью своего батальона по ущелью, захватилъ 6 орудій".

„Старшій врачъ Статскій, Совѣтникъ Недатсъ „3-го и 5-го января постоянно сопровождалъ полкъ, находился съ начала до конца боя наравнѣ со 2 линіею резервовъ подъ выстрѣлами, одинъ и лично перевязывалъ всѣхъ раненыхъ полка въ эти дни и принялъ на мѣстѣ всѣ мѣры къ транспортировкѣ раненыхъ".

„Завѣдывающій хозяйствомъ полка, Полковникъ Прокопе, 3-го января, „находясь съ вьюками и обозомъ при полку, неожиданно оказался подъ выстрѣлами непріятеля, обстрѣливавшаго переправу черезъ Марицу у Айранли. Недопустивъ при этой неожиданности никакого замѣшательства въ тылу полка, хладнокровно и толково распорядился отводомъ назадъ и укрытіемъ всѣхъ вьюковъ музыкантской команды, нестроевыхъ,—благодаря чему изъ всѣхъ этихъ командъ ранены были только одинъ человѣкъ и одна лошадь".

„Командиръ роты Его Высочества Капитанъ баронъ фонъ-Функъ1-й 5-го января „получилъ приказаніе двинуться для поддержанія атаки праваго фланга,—сталъ передъ ротой и не, смотря на сильный огонь, молодецки, почти бѣгомъ, повелъ свою роту впередъ

„Командиръ 16-й роты Капитанъ Исаковъ 5-го января „находясь отъ начала до конца боя въ цѣпи, отлично управлялъ огнемъ цѣпи, сохранилъ патроны до рѣшительной минуты и, по данному сигналу, быстро перешелъ въ наступленіе и погналъ непріятеля; при этомъ ротою захвачено нѣсколько орудій".

„Командующій 9-ю ротою Штабсъ-Капитанъ Сервіяновъ 3-го января „будучи самъ хорошимъ стрѣлкомъ отлично управлялъ огнемъ цѣпи, а 5-го января участвовалъ въ стремительномъ наступленіи, находясь съ своею ротою въ 1-й линіи резервовъ. Будучи контуженъ въ ногу,—не вышелъ изъ строя".

„Командующій 3-ю ротою Поручикъ Безсоновъ 5-го января„ храбро повелъ свою роту впередъ для атаки непріятельской позиціи; при этомъ, не смотря на сильный огонь турокъ, своимъ личнымъ молодечествомъ вліялъ на дружное и стройное движеніе всей роты"

„Командующій 14-ю ротою Пыхачевъ 5-го января съ начала до конца сраженія былъ съ своею ротою въ цѣпи, внимательно слѣдилъ за непріятелемъ и не упустилъ минуты захода въ наступленіе, при преслѣдованіи турокъ,—ротою его захвачено 2 орудія."

„Командующій 8-ою ротою Поручикъ Кахановъ 3-го января „какъ только обнаружено было присутствіе непріятеля на правомъ берагу рѣки Марицы,—первымъ пріискалъ бродъ и прорекогносцировалъ мѣстность у Айранли."

„Командующій 3 ротою Поручикъ Палинъ: „3-го января его рота первою изъ всего полка по поясъ въ водѣ переправилась подъ выстрѣлами непріятеля въ бродъ черезъ Марицу у дер. Айранли, при чемъ Поручикъ Палинъ лично подалъ собою примѣръ."

„Батальонный Адъютантъ 2-го батальона Поручикъ Герасименко 3-го января „нѣсколько разъ подъ выстрѣлами переѣзжалъ въ бродъ черезъ рѣку для передачи приказаній и доставленія донесеній; такимъ же образомъ 5-го января несмотря на огонь, спокойно

передавалъ всѣ приказанія, обнаруживъ замѣчательное хладнокровіе и самообладаніе подъ выстрѣлами."

„Подпоручикъ Воробьевъ 5-го января находясь въ цѣпи, первымъ бросился впередъ для овладѣнія непріятельскими орудіями.

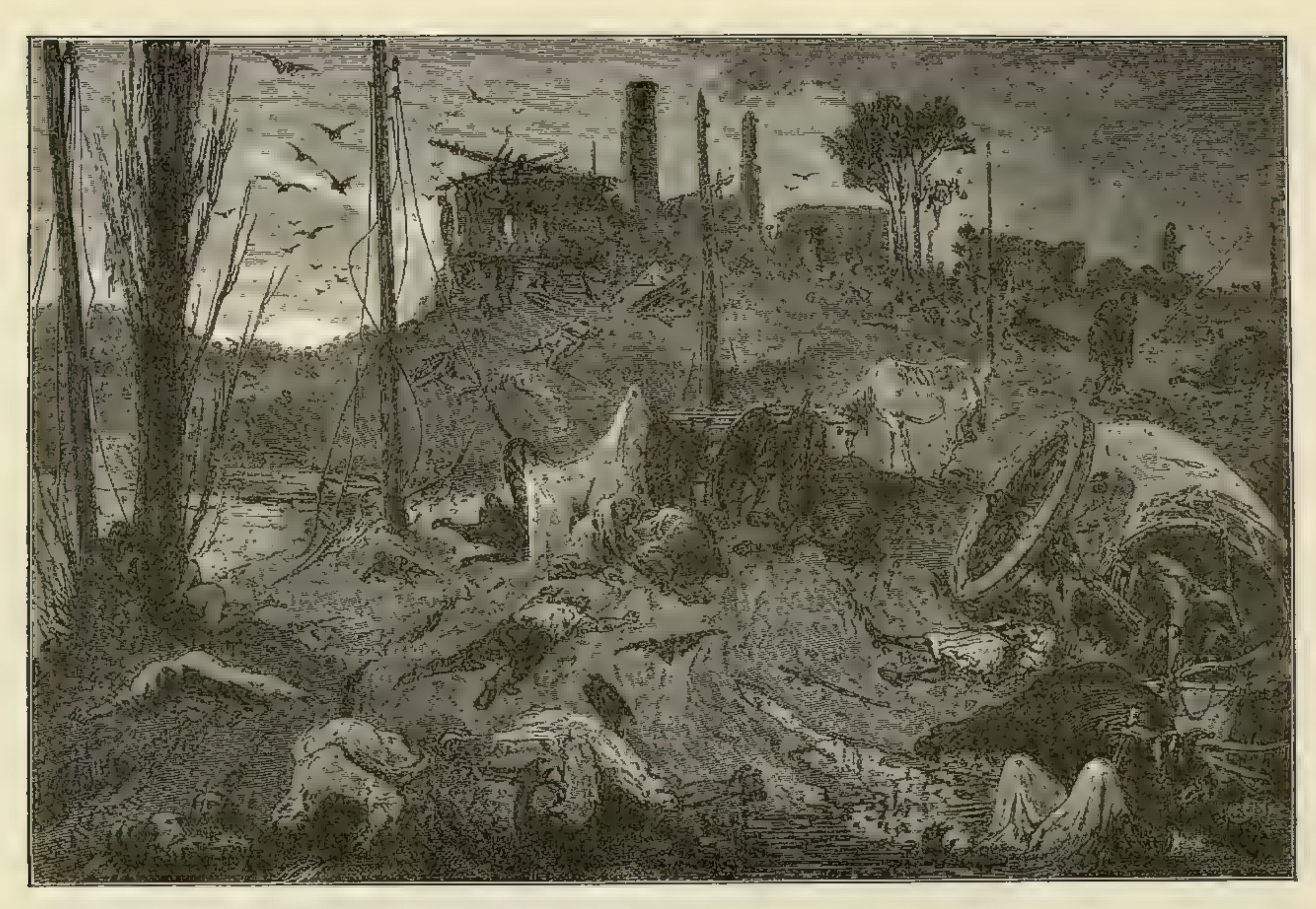
„Подпоручикъ Пржецлавскій въ дѣлѣ 5-го Января „находясь въ цѣпи стрѣлковъ подавалъ собою примѣръ отваги и при переходѣ въ наступленіе все время велъ цѣпь, направляясь съ нею для атаки батареи противника; непріятель не дождавшись окончательной атаки, оставилъ орудіе".

„Поручикъ Святополкъ-Мирскій 3-го и 5-го Января „своимъ молодецкимъ поведеніемъ увлекалъ за собою людей".

Нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка получили за сраженіе подъ Филиппополемъ 230 знаковъ отличія военнаго ордена, нѣкоторая часть которыхъ впрочемъ была выдана и за Финляндскую гору [57]. Это значительное количество знаковъ отличія служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, какъ храбро дрались Финляндцы въ сраженіи подъ Филиппополемъ.

„Изъ нижнихъ чиновъ особенно отличились фельдфебеля: 5-й роты — Тимонинъ — первымъ изъ батальона бросившійся въ бродъ черезъ Марицу 3-го Января и съ нѣсколькими охотниками заставившій отступить непріятельскій разъѣздъ; 12 роты—Сабанцевъ—5-го Января, находясь впереди подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, первый бросился на непріятельскія орудія; 6-й роты—Тепелинъ—3-го Января вызвался найти бродъ, первымъ изъ батальона перешелъ его и потомъ съ ближайшими людьми, — выбилъ турокъ изъ рощи, откуда обстрѣливалась переправа [58].

Дорога къ Адріанополю во время движенія по ней гвардіи.
Съ рисунка Н. Каразина по наброску съ натуры.

Глава XI.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Русско-Турецкой войнѣ 1877-78 г.г.

Наступленіе отъ Филиппополя къ Андріанополю. Движеніе къ Константинополю. „Санъ-Стефанское сидѣніе". Возвращеніе въ Россію.

„Доблестные воины Финляндскаго полка! Много и плодотворно потрудились вы для нашего отечества и нашихъ далекихъ единовѣрцевъ. Въ тѣхъ свѣжихъ и неувядаемыхъ лаврахъ, которыми обильно покрыла свои знамена рать русская, вамъ принадлежитъ немаловажная доля; къ тѣмъ проявленіямъ вѣрности, долга и храбрости, которыми всегда отличался русскій солдатъ, вы прибавили новые примѣры, и то доброе имя, что давно стяжали полку ваши предшественники, вы вознесли еще болѣе своими подвигами чести и доблести. Пусть же эти послѣдніе сохранятся въ памяти потомства изъ рода въ родъ и славою увѣнчанный Финляндскій полкъ процвѣтаетъ изъ вѣка въ вѣкъ на пользу и славу Россіи, на утѣшеніе ея Монарховъ, на страхъ ея враговъ, на защиту вѣры и справедливости".

Изъ адреса поднесеннаго полку жителями Васильевскаго острова по возвращеніи полка съ похода, въ 1878 году).

Послѣ разгрома арміи Сулеймана-Паши въ трехдневномъ сраженіи подъ Филиппополемъ 3—5 Января, начальникъ Западнаго отряда Генералъ-Адъютантъ Гурко, выдѣливъ часть своей конницы для преслѣдованія турокъ, отступавшихъ въ полнѣйшемъ безпорядкѣ къ Эгейскому морю, съ остальными войсками своего отряда остался на нѣсколько

дней въ Филиппополѣ съ цѣлью дать крайне необходимый и хотя бы небольшой отдыхъ измученнымъ войскамъ.

Войска „утомились до крайности и требуютъ отдыха...—доносилъ въ то время Генералъ Адъютантъ Гурко.—Поведеніе войскъ выше всякой похвалы,—а потому я ограничусь только простымъ заявленіемъ факта: войска ввѣреннаго мнѣ отряда сдѣлали въ шесть дней 150 верстъ, пройдя два весьма трудныхъ перевала и, послѣ этого перехода, три дня сражались съ ранняго утра до поздняго вечера, при чемъ ночи проводили на боевыхъ позиціяхъ" [1].

Такъ отзывался о дѣятельности войскъ Западнаго отряда весьма строгій и скупой на похвалы Генералъ Гурко. „Раньше 10-го Января тронуться дальше не могу"—заключалъ онъ свой рапортъ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ нуждался въ отдыхѣ не менѣе другихъ полковъ.

Но отдыхъ этотъ, по крайней мѣрѣ въ первый день послѣ сраженія подъ Филиппополемъ, т. е. 6-го Января, не былъ вполнѣ обезпеченъ, такъ какъ и ночью и къ утру невозможно было составить опредѣленное представленіе о расположеніи противника и о его намѣреніяхъ. Основываясь на отступленіи турокъ, начавшемся наканунѣ, въ штабѣ Западнаго отряда было рѣшено: 6-го Января ударъ направить по прежнему на путь отступленія непріятеля, съ восточной его стороны, дѣйствуя этотъ разъ на Станимакъ. Для выполненія этого войска отряда уже съ утра 6-го начали исполнять соотвѣтствующія движенія; однако, въ 10-мъ часу утра выяснилось окончательно, что непріятель рано утромъ, въ темнотѣ, снялъ свою цѣпь и отступилъ въ горы [2]. Вслѣдствіе этого предположеніе о преслѣдованіи турокъ подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ.

По отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому полку, вошедшему вмѣстѣ съ прочими полками 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи въ составъ резерва имѣвшаго стать у самаго города Филиппополя, эти перемѣны были почти не ощутительны, хотя полку и пришлось вмѣсто отдыха, перейти къ 8 часамъ утра на турецкую позицію, гдѣ и выжидать дальнѣйшихъ распоряженій [3]. Въ $9^1/_2$ часовъ утра полку было отправлено слѣдующее предписаніе Генералъ-Лейтенанта Шильдеръ-Шульднера [4].

„По приказанію Генералъ-Адъютанта Графа Шувалова, предлагаю Вамъ не оставлять позицій, занятыхъ полкомъ вчерашняго числа послѣ боя, такъ какъ весь отрядъ долженъ оставаться на позиціяхъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ движеній.—Только два батальона 18-го Вологодскаго полка сейчасъ займутъ с. Бѣлесницу.

„Займитесь поскорѣй уборкою и свозомъ непріятельскихъ орудій, спустивъ ихъ внизъ въ ближайшую къ позиціи деревню,—гдѣ и поставить къ нимъ караулъ.

„Прошу сообщить сейчасъ, по сколько еще осталось патроновъ на человѣка, уравнявъ ихъ по-ротно и на сколько дней сухарей".

Оставаясь на позиціи „въ ожиданіи дальнѣйшихъ движеній", полкъ отвезъ въ д. Бѣлесницу захваченныя 5-го Января 20 орудій и 18 зарядныхъ ящиковъ, что потребовало немало работы, законченной только къ первому часу дня. Оставивъ при орудіяхъ, выстроенныхъ паркомъ у Бѣлесницы, унтеръ-офицерскій караулъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ двинулся въ 2 часа дня въ Филиппополь, черезъ д. Агланъ. Передъ вступленіемъ въ го-

родъ полкъ былъ встрѣченъ командиромъ бригады Свиты Его Величества Генералъ-Маіоромъ Эттеромъ, поздравившимъ Финляндцевъ „со славной побѣдой". Затѣмъ батальоны прошли церемоніальнымъ маршемъ и къ 7 часамъ вечера полкъ уже былъ въ Филиппополѣ, гдѣ тотчасъ-же и расположился по квартирамъ.

До 10-го Января простоялъ тамъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ и въ продолженіе этого времени получилъ, наконецъ, возможность хоть нѣсколько отдохнуть, оправиться и запастись самымъ насущнымъ; это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ полку по прибытіи въ Филиппополь не имѣлось ни сухарей, ни соли, ни чая, ни сахара, ни крупъ; полкъ единственно былъ обезпеченъ запасомъ мяса, такъ какъ съ полкомъ слѣдовалъ гуртъ живого скота, числомъ до 300 головъ [5]. Въ Филиппополѣ, который турки не успѣли разорить, являлась возможность все достать и притомъ по доступнымъ цѣнамъ. Мѣстный рынокъ кишѣлъ покупателями, всѣ магазины и лавки были открыты и торговля шла очень бойко. Каждый старался запастись продуктами и теплыми вещами. Нижнимъ чинамъ устроено было тамъ правильное продовольствіе и, начиная съ этого времени, люди обезпечены были по крайней мѣрѣ хлѣбомъ, который разрѣшено было покупать въ городскихъ пекарняхъ; по среднему разсчету, хлѣбъ обходился сравнительно не особенно дорого— по $4^1/_2$ к. золотомъ за фунтъ [6]. Рестораны и кофейныя дали возможность наголодавшемуся офицерству возмѣстить лишенія столькихъ дней.

7-го января, по распоряженію коменданта города, Генерала Барка, тремъ офицерамъ полка было поручено осмотрѣть дома въ нѣсколькихъ кварталахъ съ тѣмъ, чтобы отобрать у жителей оружіе; осмотръ этотъ былъ не успѣшенъ, т. к. обыкновенно турки прятали оружіе очень ловко.

Вечеромъ этого дня была отслужена въ Греческомъ соборѣ торжественная всенощная, на которой присутствовала масса солдатъ и офицеровъ; утромъ же 8-го за обѣдней стеченіе молящихся, представителей всѣхъ родовъ оружія и болгаръ, было чрезвычайное.

Въ тотъ-же день офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка украсили свою грудь орденами, заслуженными въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ; ордена эти были присланы изъ штаба корпуса. Тогда же отдано было распоряженіе, по которому полкъ долженъ былъ представить реляцію о дѣйствіяхъ подъ Филиппополемъ.

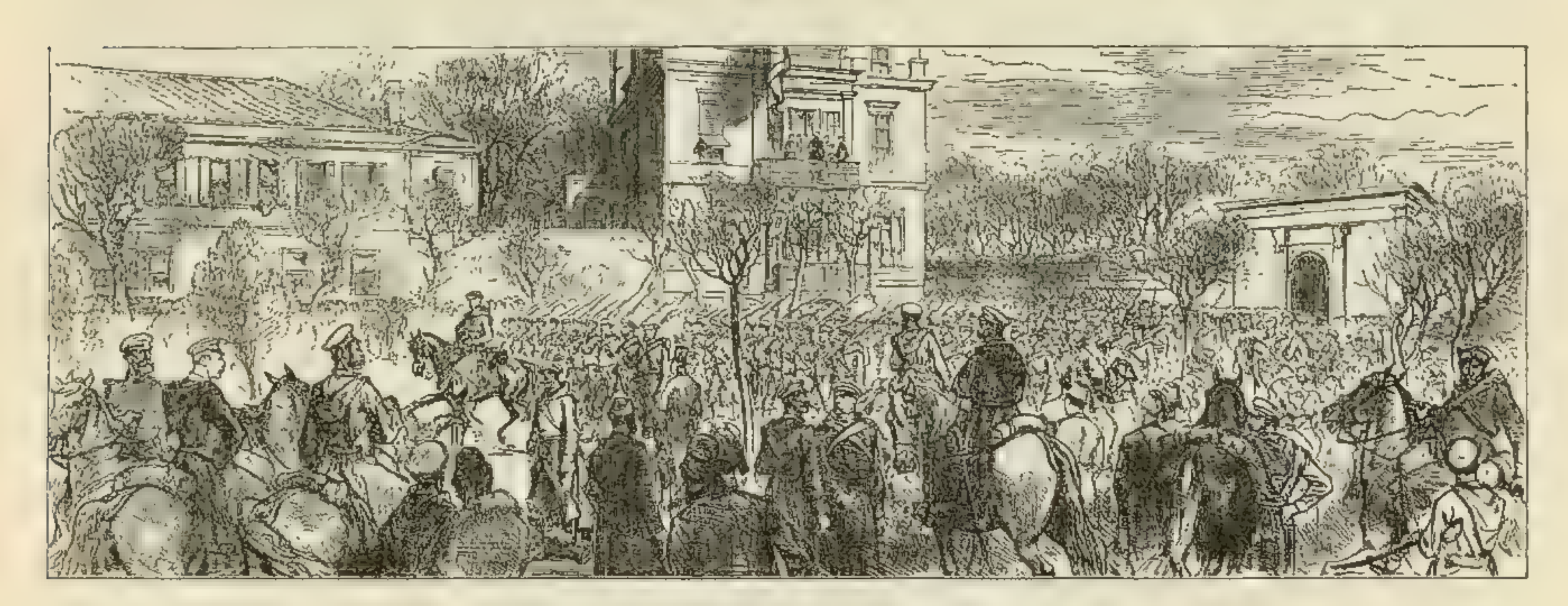
Вечеромъ разнесся слухъ, что будто бы Адріанополь, важнѣйшій пунктъ по предполагаемому пути дальнѣйшаго наступленія войскъ Западнаго отряда къ Константинополю, очищенъ турками, несмотря на сильныя укрѣпленія, въ немъ бывшія. Слуху впрочемъ мало придавали вѣры. Носились также слухи, что наладились уже переговоры о перемиріи.

9-го января, въ 9 часовъ утра всѣ офицеры во главѣ съ Полковникомъ Шмидтомъ собрались на квартирѣ Генералъ-Адъютанта Графа Шувалова для поздравленія, по случаю пожалованія орд. св. Георгія 3-й степ. Графъ, выйдя къ офицерамъ съ Георгіемъ на шеѣ, привѣтливо поздоровался со всѣми, обнялъ командующаго полкомъ и въ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ полкъ за усердную службу, причемъ особенно выставлялъ лихое наступленіе Финляндцевъ 2-го января.

Вечеромъ приказомъ по полку было объявлено о выступленіи полка въ Адріанополь.

Пока главныя силы войскъ Западнаго отряда стояли у Филиппополя и начали движе-

ніе къ Адріанополю, авангардъ средней колонны * дѣйствующей арміи, наступавшей отъ Казанлыка, подъ командой Генерала Скобелева 2-го, быстро наступалъ къ тому-же городу и 8-го января занялъ его своей кавалеріей. Турки поспѣшно бѣжали. 10-го вступила въ Адріанополь пѣхота Генерала Скобелева и въ этотъ-же день со стороны Филиппополя прибыла гвардейская конница, а 13-го числа—головной эшелонъ пѣхоты Западнаго отряда. Такимъ образомъ концентрическое наступленіе колоннъ Генерала Гурко и Генерала Ганецкаго, начавшееся съ декабря мѣсяца со стороны двухъ удаленныхъ другъ отъ друга горныхъ проходовъ черезъ Балканы закончилось соединеніемъ этихъ колоннъ въ Адріанополѣ, въ важнѣйшемъ пунктѣ расположенномъ на прямомъ пути къ столицѣ Оттоманской

Вступленіе гвардіи въ Санъ-Стефано.

Имперіи. Результата этого наступленія нельзя не признать блистательнымъ: менѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ него,—а именно 19-го января были подписаны предварительныя условія міра.

Однако движеніе войскъ Западнаго отряда, а въ числѣ ихъ и Л.-Гв. Финляндскаго полка, начавшееся 10-го января, открылось при всѣхъ условіяхъ военнаго времени, хотя слухи о мирѣ и передавались молвой. На первомъ-же переходѣ, 10-го января вечеромъ, проѣзжавшій въ кибиткѣ начальникъ 8-й Кавказской дивизіи, Генералъ-Лейтенантъ Лашкаревъ сообщилъ полку радостную вѣсть, что Адріанополь очищенъ турками и въ нашихъ рукахъ.

Въ 7½ часовъ утра 10-го января, въ совершенной еще темнотѣ, выступилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ изъ Филиппополя и двинулся въ общей колоннѣ дивизіи черезъ Папасли Каяли, Хаскіой, Херманлы, Мустафа-Паша, въ Адріанополь, куда и прибылъ 17 января и расположился по квартирамъ, на противоположной окраинѣ города, за рѣкою Марицею. Первые два перехода, по 28—26 верстъ каждый, пройдены были безъ всякихъ затрудненій; только лошади сильно измучились, потому что хотя снѣгъ и таялъ, но на

* Колонна эта была подъ начальствомъ Командира Гренадерскаго корпуса Генерала Н. С. Ганецкаго.

шоссе была сильная гололедица. Переходъ отъ Хаскiой до Херманлы, по словамъ участниковъ похода офицеровъ полка, „въ вѣкъ не забудется." Еще прежде и постоянно встрѣчались на пути безконечные обозы турецкихъ жителей, бросившихъ свои деревни, чтобы уйти въ Константинополь; настигнутые нашими передовыми отрядами, они были возвращаемы обратно. Видъ ихъ былъ самый нищенскiй; оборванные, почти голые, безъ куска хлѣба, они умирали отъ холода и голода, а боясь короткой расправы болгаръ они старались не попадаться въ ихъ руки. „Въ этотъ переходъ, — говоритъ очевидецъ, — мы шли по безпрерывному кладбищу мертвыхъ, умирающихъ и безумныхъ отъ страха и лишенiй. По обѣимъ сторонамъ шоссе, саженей на 20 въ стороны, въ канавахъ и на самомъ шоссе лежали трупы стариковъ, женщинъ и дѣтей; нѣкоторые изъ нихъ были еще въ предсмертной агонiи, ожидая участи своихъ товарищей. Тутъ-же были и буйволы и ослы, обезсилѣвшiе отъ безкормицы, частью уже погибшiе, частью также ожидавшiе минуты голодной смерти."

„Весь путь,—говорится въ одномъ изъ дневниковъ,—усѣянъ былъ трупами убитыхъ и замерзшихъ болгаръ и турокъ. Попадались цѣлыя семейства очевидно замерзшiя въ пути; многiе трупы были ограблены, совершенно обнажены; нѣкоторые окровавленные видимо подверглись истязанiямъ. Трупы людей, маленькихъ дѣтей и падаль, лежавшая кучами на дорогѣ и по сторонамъ ея, въ глубокой грязи, заражали воздухъ. По нимъ ѣздили, потому что объѣхать не было возможности и топили въ грязи".

Среди этихъ труповъ бродили болгары, ищущiе добычи. Видъ всего этого былъ такой ужасный, что наши солдаты, несмотря на всѣ неудобства и лишенiя, охотно дѣлились своимъ послѣднимъ сухаремъ съ турецкими голодными семействами.

Такимъ образомъ, эти потрясающiя картины ужасовъ войны дѣлали маршъ войскъ Западнаго отряда къ Адрiанополю весьма тягостнымъ въ моральномъ отношенiи. Не менѣе тяжелъ былъ этотъ маршъ и въ матерiальномъ отношенiи. Движенiе столь значительнаго количества войскъ, стоявшее тогда суровое время года, отсутствiе квартиръ и продовольствiя и, наконецъ, состоянiе самаго полотна шоссе, окончательно испорченнаго наступившей вскорѣ оттепелью—всѣ эти условiя до крайности обременили войска во время совершенiя этого марша.

Наступившая сразу оттепель растворила грязь; мѣстность начала становиться болѣе и болѣе волнистой, на каждомъ шагу попадались ручейки, глубокiе овраги, мостики черезъ которые въ большинствѣ были испорчены; артиллерiя вязла въ грязи, останавливаясь при малѣйшемъ подъемѣ—и нашимъ солдатамъ все время пришлось нести ее на своихъ плечахъ. Иногда по цѣлымъ часамъ надо было биться, чтобы вытащить застрявшее гдѣ нибудь орудiе. На ночлегъ поэтому удавалось приходить глубокою ночью, иногда въ 12, въ 1 часъ ночи.

14-го Января, въ день перехода полка къ селенiю Мустафа-Паша, былъ назначенъ отъѣздъ Великаго Князя Главнокомандующаго, по желѣзной дорогѣ изъ Филиппополя въ Андрiанополь, о чемъ всѣ люди были предупреждены, такъ какъ походомъ полку приходилось нѣсколько разъ проходить черезъ полотно желѣзной дороги, что представляло возможность встрѣтиться съ поѣздомъ. На большомъ привалѣ полка расположен-

номъ на скатѣ возвышенности, откуда ясно было видно на большое пространство полотно желѣзной дороги, показался мчавшійся къ Адріанополю поѣздъ, люди бросились внизъ, ближе къ полотну, около котораго расположился также приваломъ Л.-Гв. Финскій Стрѣлковый батальонъ; съ приближеніемъ поѣзда къ войскамъ, въ окнѣ одного изъ вагоновъ показался Великій Князь Главнокомандующій, на привѣтствіе котораго „здорово Финляндцы", люди отвѣчали громкимъ восторженнымъ „ура", причемъ сотни шапокъ полетѣли вверхъ.

Въ тотъ же день Главнокомандующій телеграфировалъ Государю Императору [7]:

„Прибылъ сегодня въ Адріанополь, проѣхавъ отъ Херманли по желѣзной дорогѣ. Видѣлъ всю гвардейскую пѣхоту съ артиллеріею, нашелъ ихъ въ блистательномъ, молодецкомъ видѣ; гвардейцы встрѣчали Меня восторженно. При въѣздѣ въ Адріанополь, встрѣченъ депутаціями и духовенствомъ отъ болгаръ, грековъ, армянъ и евреевъ, съ хоругвями, значками, церковнымъ пѣніемъ. Все населеніе высыпало на встрѣчу".

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ до крайности тяжелыхъ переходовъ величиною отъ 26 до 33 верстъ, стоившихъ форсированныхъ маршей верстъ въ 60, Л.-Гв. Финляндскій полкъ сталъ 17-го Января, подходить къ Адріанополю — этой второй столицѣ Оттоманской Имперіи, турецкой Москвѣ. Настроеніе было приподнятое.

„Около 4-хъ часовъ дня,—говорится въ описаніи похода, составленномъ участниками кампаніи [9],—нашимъ глазамъ представились минареты величайшихъ мечетей, далеко еще отстоящаго отъ насъ города Адріанополя; люди двигались весело впередъ и съ увлеченіемъ пѣли пѣсни; отставшихъ, за исключеніемъ заболѣвшихъ, почти не было. Не доходя 5-ти верстъ до предмѣстья города, командиръ бригады остановилъ полкъ, людямъ дано поправиться и дежурнымъ провѣрить свои части, чахлы со знаменъ были сняты, роты выравнены и всѣ чины заняли свои мѣста, послѣ чего полкъ подъ звуки музыки и барабановъ тронулся къ городу. Много пришлось пройти по скучному, грязному и будто бы разоренному предмѣстью города Адріанополя; деревянные высокіе дома стояли пустыми, съ разбитыми стеклами въ окнахъ.

„Въ началѣ города на главной улицѣ возвышался конакъ, у воротъ котораго стояли парные часовые; въ конакѣ помѣстился Его Императорское Высочество Главнокомандующій съ частью своего штаба. Полку пришлось пройти весь городъ, такъ какъ помѣщеніе было отведено на противуположномъ нашему вступленію концѣ города. Посланный наканунѣ сюда съ квартирьерами Подпоручикъ Пуликовскій указалъ каждому батальону помѣщеніе и лишь къ 10 часамъ вечера полкъ совершенно былъ размѣщенъ по квартирамъ, которыя оказались весьма удовлетворительны".

19-го Января вечеромъ пришло извѣстіе о подписаніи предварительныхъ условій мира. Послѣ благодарственнаго молебна, Великій Князь Главнокомандующій приказалъ играть народный гимнъ; раздавшееся послѣ него „ура" охватило весь городъ, перекатываясь могучими волнами. Это потрясающее „ура"!, вырвавшееся изъ десятковъ тысячъ грудей русскихъ побѣдителей, явилось выраженіемъ ихъ безграничной радости за дорогую родину, которой они, неимовѣрными трудами, лишеніями и кровью своей и своихъ

погибшихъ на полѣ брани братьевъ, доставили блестящую побѣду. Моментъ этого „ура“ былъ единственный по чувству... Въ тоже время многіе истово крестились, нѣкоторые плакали слезами радости...

20 Января, на другой день по объявленіи перемирія, въ Греческой церкви было отслужено торжественное благодарственное молебствіе, въ присутствіи Его Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго, всего генералитета и офицеровъ всѣхъ частей, расположенныхъ въ Адріанополѣ.

Предварительныя основанія мира, подписанныя 19-го Января 1878 года составляли то, чего Россія домогалась для братьевъ славянъ, изъ-за чего былъ предпринятъ ею крестовый походъ противъ притѣснителей христіанства: Черногорія, Румынія и Сербія признаны Турціей независимыми государствами; Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ даровано автономное управленіе.

Война была окончена и Главнокомандующій отдалъ 24 Января слѣдующій приказъ по дѣйствующей арміи [10]:

„Доблестные вожди и воины ввѣренной мнѣ арміи! Когда перешагнули вы черезъ Балканы, Я, несмотря на вашу усталость, потребовалъ отъ васъ еще новыхъ усилій. И вы не пошли, а полетѣли: Менѣе нежели въ мѣсяцъ вы перенеслись почти черезъ всю Турцію и подошли, чуть ли не къ стѣнамъ Царьграда. По пути, какъ бы мимоходомъ, Вы разнесли цѣлую армію турокъ у Филиппополя, отнявъ у нея всю артиллерію; налетомъ захватили вторую столицу непріятеля Адріанополь и появились на берегахъ Чернаго, Мраморнаго и Егейскаго морей. Врагъ не выдержалъ и склонилъ свою побѣжденную голову. Онъ согласился на всѣ наши требованія и Я остановилъ васъ. Такіе блистательные, небывалые успѣхи одержаны не только вашимъ мужествомъ и безпримѣрною храбростью, а въ особенности вашею беззавѣтною готовностію перенести всѣ труды и лишенія. Васъ не остановили ни невылазная грязь, ни непогода, ни переходы въ бродъ черезъ рѣки по грудь въ водѣ, въ морозъ и холодъ! Не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ, герои, отъ самыхъ старшихъ начальниковъ, до послѣдняго погонщика въ обозѣ. Всѣ вы исполнили свято свой долгъ, всѣ вы перенесли то, что подъ силу только богатырямъ. Отдыхайте же теперь и приготовьтесь возвратиться со славою домой; но, если врагъ вздумаетъ не подписать требуемаго отъ него мира, будьте готовы снова ринуться въ бой, чтобы доканать его. А пока мы будемъ отдыхать, докажите, что русскіе богатыри, неимѣющіе себѣ равныхъ въ честномъ бою, служатъ примѣромъ порядка и твердой охраны мирныхъ жителей, какой бы народности и вѣроисповѣданія они ни были, ихъ имущества и чести и покажите, что не будетъ даже отдѣльныхъ случаевъ, которые могли бы наложить малѣйшее пятно на добытую потомъ и кровью новую славу русскаго оружія“.

Дѣйствія войскъ Западнаго отряда, совершившаго столь блестящій маршъ-маневръ отъ Арабъ-Конака къ Филиппополю и тѣмъ самымъ болѣе всѣхъ способствовавшаго окончательной побѣдѣ, заслужили блестящую похвалу начальника этого отряда Генерала Гурко, который давалъ въ своемъ рапортѣ слѣдующій весьма лестный отзывъ о боевыхъ качествахъ бывшихъ въ его подчиненіи солдатъ, въ числѣ которыхъ были и лихіе Финляндцы.

„По истинѣ, можно сказать, что въ періодъ операцій со времени праздника, Рождества Христова, сказалась та же гигантская выносливость и сила нашего солдата, какъ и во время похода черезъ Балканы; рѣдко можно было бы свидѣтельствовать такимъ очевиднымъ фактомъ, что побѣда въ ногахъ. Только благодаря этимъ солдатскимъ ногамъ, покорно отмѣривавшимъ десятки и сотни верстъ почти безъ отдыха, только благодаря солдатскимъ спинамъ—безропотно тащившимъ восьмидневное довольствіе и сотни патроновъ, что позволило мнѣ забыть объ обозѣ, только благодаря солдатскимъ рукамъ, перетащившимъ черезъ горы всю артиллерію, я могъ выйти въ долину съ нею и, наконецъ, нагнать непріятеля [11]".

Штабъ полка съ Полковникомъ Шмидтомъ подъ Калфаніойемъ.
По фотографіи 1878 года.

Въ Адріанополѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ пробылъ до 28-го Января. Полторы недѣли, проведенные тамъ, дали возможность отдохнуть и обшиться нижнимъ чинамъ и офицерамъ.

18-го Января, съ перваго дня пребыванія въ Адріанополѣ въ роты были выданы изъ полковыхъ суммъ деньги на покупку сапожнаго товара для людей, такъ какъ, по показанію полковаго дневника, „у всѣхъ, за весьма малымъ исключеніемъ, обувь пришла въ негодность [12]". Затѣмъ были выданы деньги и на починку обмундированія [13].

26-го и 27-го Января обмундированіе и обувь были подробно осмотрѣны командиромъ бригады и начальникомъ дивизіи и найдены „въ блестящемъ состояніи", за что выражена была благодарность каждому изъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ въ отдѣльности [14]. Достиженіе ротными командирами такихъ результатовъ послѣ ужаснаго состоянія, въ которомъ находилось обмундированіе и обувь ввѣренныхъ имъ людей, требовало, конечно, массы труда и энергіи. Большую помощь въ этомъ дѣлѣ оказали обширные турецкіе склады, захваченные въ городѣ и близь него; богатые запасы ихъ были раздѣлены между полками и въ изобиліи появились сукна, кожи и продовольственные запасы: лукъ, масло, галеты, мыло и проч.

Громадное наслажденіе доставили нижнимъ чинамъ и офицерамъ, покрывшимся за продолжительный походъ корою грязи и паразитами, Адріанопольскія бани; обзаведеніе

бѣльемъ было тоже весьма пріятно; выданные же въ это время полушубки * оказались въ Адріанополѣ совершенно излишними и составляли только обузу.

Размѣщеніе полка въ Адріанополѣ было довольно сносное въ квартирномъ отношеніи: въ одномъ дворѣ помѣщалось не болѣе двухъ отдѣленій и рѣдко весь взводъ. Городъ не былъ раззоренъ и много выигралъ отъ пребыванія въ немъ массы русскаго офицерства; торговля оживилась, веселье царило на улицахъ, а мѣстный пассажъ—центръ городской жизни—былъ всегда шуменъ и полонъ толпы.

Населеніе Адріанополя, въ большинствѣ турецкое, покинуло городъ только частью; оставшіеся же турки относились къ своимъ побѣдителямъ индиферентно, вполнѣ выдерживая восточное равнодушіе; остальная часть населенія смотрѣла на далекихъ пришельцевъ съ холоднымъ, мелочнымъ разсчетомъ наживы.

Самый городъ, очень красивый издали со своими громадными мечетями и высокими минаретами, вблизи не производилъ такого впечатлѣнія, но зато укрѣпленія, расположенныя вокругъ городской черты, были очень внушительны по виду, почему и наводили на мысль, что очищеніе турецкими войсками этого города безъ сопротивленія свидѣтельствовало лишь объ ихъ крайней слабости.

Пребываніе въ такомъ большомъ городѣ, какъ Адріанополь, столь значительнаго количества войсковыхъ частей, вызвало необходимость особыхъ мѣръ для поддержанія внутренняго порядка въ войскахъ. Съ этою цѣлью значительно усиленъ былъ обычный нарядъ и вообще наблюденіе за нижними чинами. Городскіе участки, ближайшія предмѣстья и желѣзнодорожныя станціи составляли особыя комендантства, ввѣряемыя штабъ- и оберъ-офицерамъ. Л.-Гв. отъ Финляндскаго полка Подпоручикъ Мосягинъ былъ назначенъ [15] комендантомъ станціи Сидлеръ-Чифтликъ.

Съ подходомъ къ Адріанополю, настала теплая погода, однако, больные продолжали появляться и при квартирномъ расположеніи, хотя и въ незначительномъ количествѣ.

Потери Л.-Гв. Финляндскаго полка за январь 1878 года были таковы: [16]

	Число людей.	Процентное отношеніе къ наличному числу.
Отмороженными	118	4,29
Убитыми и умершими	5	0,19
Ранеными	59	2,15
Больными дизентеріею, лихорадкою и др.	69	2,47
Итого	251	9,10

Несмотря на заключеніе перемирія, представители Турціи держали себя по отношенію къ Россіи въ дипломатическихъ сношеніяхъ настолько вызывающе, что возникла необходимость смирить ихъ путемъ угрозы военной силой непосредственно столицѣ государства—Константинополю. Поэтому во второй половинѣ января были отданы всѣ распоряженія о движеніи русскихъ войскъ къ столицѣ противника.

* По 18 полушубковъ на роту.

Для предстоявшаго движенія гвардіи, на пути ея слѣдованія отъ Адріанополя къ Константинополю были учреждены этапы въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: Адріанополѣ, Хавсѣ, Баба-Эски и Люле-Бургасъ. На каждый изъ учрежденныхъ тамъ этаповъ назначена была гвардейская рота, командиръ которой былъ вмѣстѣ съ тѣмъ комендантомъ соотвѣтствующаго этапнаго пункта.

Порядокъ выступленія гвардіи и расположенія ея у Константинополя былъ опредѣленъ слѣдующимъ приказомъ по гвардейскому корпусу отъ 22-го января: [17]

„Для удобства расквартированія и продовольствія гвардейскій корпусъ выступаетъ изъ г. Адріанополя, согласно прилагаемаго маршрута, и располагается по деревнямъ: 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ окрестностяхъ г. Силиври, 1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ окрестностяхъ г. Эрекли, 2-я бригада—у Чорлу. Границею между обѣими гвардейскими дивизіями принять р. Айрокли (Хоскіой-дере по картѣ Полковника Артамонова)".

Штабъ полка съ Полковникомъ Теннеромъ подъ Калфакіойемъ.
По фотографіи 1878 года.

Далѣе, послѣ весьма подробныхъ указаній, касавшихся всѣхъ сторонъ войсковой жизни, приказъ давалъ указанія для маршрутовъ частей гвардіи.

Л.-Гв. Финляндскому полку, въ составѣ своей бригады, было указано слѣдовать въ послѣднемъ, четвертомъ, эшелонѣ, черезъ Хавсу, Баба-Эски, Люле-Бургасъ, Караштиракъ и Чорлу. Прочимъ эшелонамъ слѣдовало двигаться почти по этому же маршруту.

При пяти переходахъ, предстоявшихъ полку по этому маршруту, была назначена дневка въ с. Баба-Эски; самые переходы были не велики, въ среднемъ около 20 верстъ, но движеніе по проселочнымъ дорогамъ, когда пришлось свернуть съ шоссе, представило значительныя затрудненія. За Баба-Эски надо было идти среди моря грязи, прямо черезъ поля, гдѣ глинистый черноземъ, размокшій отъ дождей, образовалъ до такой степени рыхлую почву, что артиллеріи невозможно было двигаться безъ помощи людей. Поэтому, подобно тому какъ прежде практиковалось, каждой ротѣ придано было орудіе или зарядный ящикъ батареи, слѣдовавшей съ полкомъ. Ближе къ Чорлу дорога опять стала лучше. На дневкахъ и ночлегахъ люди располагались частью по избамъ, частью на дво-

рахъ, подъ открытымъ небомъ, потому что палатокъ не было вовсе. Продовольствіе было удовлетворительное.

Все время пути отъ Адріанополя офицеры, въ числѣ каждый разъ двухъ человѣкъ, дѣлали самую подробную маршрутную съемку, съ показаніемъ боевыхъ позицій. Работы эти представлялись въ штабъ отряда, для составленія статистическихъ свѣдѣній о мѣстностяхъ, занятыхъ войсками.

Въ виду предполагаемаго сосредоточенія 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ Эрекли, еще изъ Адріанополя туда посланъ былъ отъ полка Прапорщикъ Ресинъ съ квартирьерами, но, за недостаткомъ въ Эрекли квартиръ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ оставленъ въ Чорлу, гдѣ и простоялъ цѣлую недѣлю, со 2-го по 8-е февраля.

Въ Чорлу къ полку присоединился его обозъ, который отсталъ отъ полка еще 5-го Ноября и такимъ образомъ полкъ около трехъ мѣсяцевъ, въ самыя трудныя минуты войны, обходился безъ него, терпя на Балканахъ ужасныя лишенія. Прибытіе обоза дало возможность установить правильную варку пищи въ ротныхъ котлахъ, что было такъ существенно.

Впрочемъ часть полковаго обоза осталась еще въ Орханіэ *, при полку же состояли слѣдующія повозки: 12 офицерскихъ, 16 облегченныхъ ротныхъ, 9 артельныхъ ротныхъ, 6 патронныхъ ящиковъ, 3 провіантскихъ повозки и еще 5 различныхъ повозокъ [18].

Въ Чорлу впервые Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку стали производиться ученья, которыя послѣ недавнихъ сраженій производили сначала странное впечатлѣніе. Тогда же произведены были подробные осмотры ружей, которыя оказались въ относительно удовлетворительномъ состояніи [19].

Изъ Чорлу Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ передвинутъ въ Беюкъ-Чекменджи, вмѣстѣ съ прочими полками 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Подобное же передвиженіе совершили и прочія войска. Мѣра эта предпринята была въ видѣ угрозы туркамъ, затягивавшимъ переговоры о мирѣ.

Путь Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Беюкъ-Чекменджи шелъ черезъ городъ Силиври, раскинувшійся на берегу моря, на высокомъ мысу, образующемъ обширную бухту. Видъ оттуда открывался великолѣпный.

„Едва ли кто забудетъ",—говоритъ участникъ похода, „—то радостное чувство, которое мы испытали, когда у Силиври очутились у берега Мраморнаго моря съ его глубокою синевою и бѣлыми парусами". Въ Беюкъ-Чекменджи, какъ и въ Чорлу, городъ очищался русскими отъ валявшейся на улицахъ падали и вонючей грязи. Тутъ учреждена была своя полиція изъ солдатъ и должность коменданта, которымъ сначала былъ Капитанъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Хейкель, а потомъ Полковникъ Л.-Гв. Волынскаго полка Коссовичъ. Сюда вскорѣ перемѣщенъ былъ Л.-Гв. Волынскій полкъ, на мѣсто Л.-Гв. Павловскаго, ушедшаго въ Санъ-Стефано; сюда же прибылъ Поручикъ Князевъ съ партіею въ 229 чел. нижнихъ чиновъ, отправленныхъ запаснымъ батальономъ на укомплектованіе полка. Въ Беюкъ-Чекменджи вскорѣ началась совершенно правильная жизнь мирнаго

---

* 14 провіантскихъ повозокъ, 6 патронныхъ ящиковъ и 5 еще различныхъ повозокъ.

времени. Офицеры и нижніе чины, пользуясь найденными банями, могли, наконецъ, позаботиться о приведеніи себя въ порядокъ; начались строевыя занятія съ одиночною выправкою; устроено было правильное довольствіе и, вообще говоря, жилось, по словамъ участниковъ похода, очень хорошо. Здѣсь розданы были знаки отличія военнаго ордена, пожалованные за Финляндскую гору, переходъ черезъ Балканы и за сраженіе подъ Филиппополемъ, и, наконецъ, сюда-же прибылъ полковой казначей Штабсъ-Капитанъ Акцыновъ, давно отправленный за теплыми вещами, теперь уже совсѣмъ лишними [20].

Прохожденіе черезъ городъ Силиври возбудило въ войскахъ надежду сѣсть въ этомъ городѣ на суда и отплыть на родину. Однако, вскорѣ эти надежды исчезли и вмѣсто нихъ, пока полкъ стоялъ въ Беюкъ-Чекменджи, стали носиться упорные слухи, что войнѣ еще не конецъ, что пожалуй придется еще вступать въ бой съ противникомъ подъ стѣнами его столицы и даже имѣть дѣло и съ Англіей, флотъ которой стоялъ въ Мраморномъ морѣ и готовъ былъ громить наши войска, расположенныя вдоль берега.

Но вскорѣ положеніе измѣнилось: 19-го февраля, въ день возсшествія на престолъ Государя Императора, былъ, наконецъ, подписанъ въ Санъ-Стефано, такъ давно ожидаемый, миръ.

Къ вечеру Главнокомандующій выѣхалъ къ войскамъ, собраннымъ въ Санъ-Стефано, и поздравилъ съ заключеніемъ мира.

Когда Его Высочество произнесъ растроганнымъ голосомъ: „Поздравляю васъ ребята: Богъ благословилъ насъ миромъ„—въ воздухѣ все застонало и задрожало отъ криковъ „ура". Полетѣли вверхъ фуражки, на остріяхъ копій и штыковъ завертѣлись платки, шапки; ряды волновались отъ восторга. „Было уже почти темно, — пишетъ очевидецъ [21],— отблескъ вечерней зари на чистой отъ тучъ сторонѣ неба освѣщалъ и сизозеленыя волны Мраморнаго моря, и зданія, и минареты Константинополя, и ряды торжествующаго войска, въ виду непріятельской столицы ликующаго побѣду и заключеніе мира.

„Вы показали, что для васъ нѣтъ ничего невозможнаго", слышались слова Главнокомандующаго, и новые крики „ура" оглашали окрестность. Когда утихли восторженные крики, началось молебствіе, а затѣмъ состоялся церемоніальный маршъ.

О заключеніи мира Великій Князь Главнокомандующій телеграфировалъ Государю [22]: „Имѣю счастье поздравить Ваше Величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ намъ, Государь, окончить предпринятое Вами великое, святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ Вы освободили христіанъ изъ подъ ига мусульманскаго".

Оффиціальное увѣдомленіе о великомъ событіи 19-го Февраля 1877 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ въ Беюкъ-Чекменджи, на другой день 20-го. Весь полкъ былъ выстроенъ на площади передъ городомъ и, когда командующій полкомъ Полковникъ Шмидтъ сообщилъ радостную вѣсть, она была встрѣчена съ истиннымъ восторгомъ [23].

27-го февраля Августѣйшій Главнокомандующій благодарилъ войска дѣйствовавшей арміи за доблестную службу въ только что законченной кампаніи слѣдующимъ приказомъ: [24]

„Доблестныя войска ввѣренной Мнѣ арміи! Святое дѣло, возложенное на насъ Го-

сударемъ Императоромъ исполнено. Въ знаменательный для насъ день 19-го февраля сего года Турція подписала для Россіи миръ, по которому милліоны христіанъ, послѣ вѣковаго рабства, освобождены изъ подъ мусульманскаго ига. Велика цѣль эта, вѣковыя стремленія нашихъ предковъ достигнуты безпримѣрною храбростію вашею и тѣмъ мужествомъ и настойчивостію, съ которыми боролись вы съ врагомъ, съ трудами, лишеніями и съ самою природою. Смѣло и открыто скажу: вы сдѣлали все, что только въ

Биванъ полка подъ Калфакіойемъ.
По снимку съ натуры.

силахъ человѣческихъ. Не мнѣ благодарить васъ; васъ благодаритъ вся Россія. Изъ рода въ родъ пойдетъ разсказъ про подвиги ваши. Вся Русь съ гордостію будетъ вспоминать о славныхъ сынахъ своихъ. Какъ прошли они тысячи верстъ въ самую распутицу, таща на своихъ плечахъ орудія, обозъ, понтоны, и надвинулись грозною тучею къ Дунаю. Какъ на утлыхъ ладьяхъ оцѣпили броненосцы, взрывали ихъ на воздухъ, топили ихъ. Какъ лебедями переплыли черезъ синій Дунай; съ налета взяли штурмомъ крѣпость Никополь; орлами взлетѣли на Балканы, свили тамъ неприступныя для врага гдѣзда на Шипкѣ, Ханкіойэ и Тырновѣ и сдѣлали набѣгъ на самое сердце Турціи. Какъ затѣмъ съ беззавѣтнымъ геройствомъ, выжидая новыя силы изъ Россіи, отбивались отъ

разъяреннаго врага впереди Тырнова, а въ особенности на вершинахъ Балканъ на Шипкѣ, гдѣ кромѣ борьбы съ врагомъ, безропотно, на удивленіе всего свѣта, какъ сказочные герои, перенесли самыя тяжкія испытанія суровой непогоды. Какъ въ то же время, на Янтрѣ и Ломѣ передъ твердынями Рущука и Разграда втеченіи болѣе полугода желѣзною грудью заслонили собою всю прочую армію и, несмотря на все упорство врага, не уступили ему ни одной пяди земли. Какъ потомъ, не взирая на суровую зиму, когда во всемъ свѣтѣ полагали, что въ это время года военныя дѣйствія не мыслимы,—перешагнули въ Арабъ-Конакѣ, черезъ Трояновъ перевалъ и у Шипки черезъ Балканы, таща по поясъ въ снѣгу, черезъ скалы и пропасти орудія и обозы и не только взяли Софію, Карлово и Казанлыкъ, но и полонили цѣлую армію на Шипкѣ. Какъ затѣмъ неудержимою лавиною хлынули съ горъ въ долину Марицы, разнесли послѣднюю армію турокъ подъ Филиппополемъ, отняли всю ея артиллерію, загнали къ Егейскому морю, заняли вторую столицу Турецкой Имперіи Адріанополь и подошли къ самымъ стѣнамъ Царьграда. Какъ грозною тучею подвинулись на Рущукъ, Разградъ, Базарджикъ, Варну и Шумлу и заставили врага, по одному почерку пера, очистить первоклассныя крѣпости свои Видинъ, Рущукъ и Силистрію. Какъ помогли Румынамъ, Сербамъ и Черногорцамъ рядомъ съ вами побѣдоносно бить закоренѣлаго, вѣковаго врага ихъ и завоевывать себѣ независимость. Какъ, наконецъ, грознымъ крикомъ русскаго „ура,“ въ виду Царьграда, привѣтствовали заключенный славный для Россіи миръ. Доблестныя войска! Вы достойно отомстили врагу за Севастополь, за десятки тысячъ павшихъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ русскихъ воиновъ. Слава вамъ, слава нашей матушкѣ Россіи, Слава Державному Отцу. Но не возгордимся мы. Что значили-бы наши силы, наши жертвы, если бы не помощь Всевышняго. Въ нашемъ святомъ дѣлѣ, десницею своею Онъ велъ, Онъ хранилъ насъ. Его-то мощной силѣ отнесемъ успѣхи наши и скажемъ: не намъ, не намъ, а имени Твоему“.

Ко времени объявленія этого историческаго приказа до войскъ гвардейскаго корпуса дошло весьма лестное обращеніе войскъ Прусскаго гвардейскаго корпуса, составленное еще въ декабрѣ, во время нахожденія гвардіи на Балканахъ. Это обращеніе съ оцѣнкой боевой дѣятельности русскихъ гвардейцевъ было выражено въ слѣдующемъ письмѣ на Высочайшее имя Принца Августа Виртембергскаго: [25]

„Наисвѣтлѣйшій, Наимогущественный Императоръ, Наимилостивѣйшій Государь.

„Ваше Величество! Съ соизволенія Его Величества Императора Германскаго, Короля Прусскаго, осмѣливаюсь я самъ и отъ имени ввѣреннаго мнѣ гвардейскаго корпуса выразить наши почтительнѣйшія поздравленія съ послѣдними успѣхами, пріобрѣтенными побѣдоносными войсками Вашего Величества, какъ на Азіатскомъ такъ и на Болгарскомъ театрѣ войны.

„Милостивое сочувствіе, съ какимъ Ваше Величество слѣдили семь лѣтъ тому назадъ, за судьбою Германской арміи и, преимущественно Прусскаго гвардейскаго корпуса, побудило въ нашихъ сердцахъ чувство глубочайшей благодарности, выразить которое мы теперь почитаемъ за счастіе. Ваше Величество, примите милостью это простое солдатское благоговѣйное изъявленіе почитанія и соблаговолите увѣрить гвардейскій корпусъ Ва-

шего Величества въ той глубокой симпатіи, съ какою Прусскій гвардейскій корпусъ, его собратъ по оружію, слѣдитъ за послѣдними побѣдами Русской арміи, въ числѣ которыхъ такая славная доля принадлежитъ гвардіи. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ остаюсь Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшій Августъ Принцъ Виртембергскій. Берлинъ, 18-го декабря 1877 года".

Общая радасть по завершеніи войны Санъ-Стефанскимъ миромъ еще болѣе увеличилась, когда войска узнали, что скоро состоится посадка на суда и отъѣздъ въ Россію, куда стремились помыслы всѣхъ. По расписанію передвиженій войскъ, Л.-Гв. Финляндскому полку слѣдовало 27 марта прибыть для этого въ Буюкъ—Дере на Босфорѣ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ радостныхъ извѣстій офицеры и нижніе чины весело проводили время на бивакахъ, устраивая увеселительныя поѣздки по окрестностямъ, задавая вечеринки и отдаваясь вполнѣ развлеченіямъ мирнаго времени.

Изъ повседневныхъ фактовъ жизни полка того времени выдѣлился вечеръ 24-го февраля, устроенный офицерами Л.-Гв. Волынскаго полка офицерамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка какъ проявленіе родственныхъ чувствъ, всегда связывавшихъ эти два полка.

Корреспондентъ за подписью „Финляндецъ" въ № 54 „Русскаго Инвалида," 1878 года, такъ описываетъ отношенія съ Л.-Гв. Волынскимъ полкомъ и празднество имъ данное.

„Ни старый Финляндецъ, ни старый Волынецъ не запомнятъ, чтобы въ дни радости, въ торжественныхъ случаяхъ и 12-го декабря, когда оба полка справляютъ свои храмовые праздники, полки не обмѣнялись привѣтствіями. Какъ гостепріимно принимаютъ Финляндца въ Волынскомъ полку, такъ и Финляндцы считаютъ, что Волынецъ „совсѣмъ свой."

„Съ 1863 года, т. е. со времени польской инсурекціи, полки были разлучены: Л.-Гв. Финляндскій полкъ квартировалъ въ Петербургѣ, Л.-Гв. Волынскій—въ Варшавѣ. Минувшая только что турецкая война свела ихъ на одинъ театръ военныхъ дѣйствій. Оба полка подвизались на боевомъ поприщѣ со славою, но каждый самъ по себѣ. Одному достались: Горный Дубнякъ, Арабъ Конакъ и Филиппополь, другому—Плевна, Ташкисенъ, Карагачъ. Одному „Волынская гора", другому—„Финляндская". По поговоркѣ: только „гора съ горой не сходятся", друзья-полки сошлись. И сошлись, побывавши подъ боевымъ огнемъ, а это надежная спайка. Послѣ заключенія перемирія оба полка въ теченіе недѣли были расположены вмѣстѣ въ Беюкъ-Чекменджи, небольшомъ городкѣ на берегу Мраморнаго моря. Волынцамъ пришла благая мысль воспользоваться этимъ случаемъ и отпраздновать радостную встрѣчу.

„24-го Февраля всѣ офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка получили приглашеніе „на чашку чая". Во все время похода мы пили чай изъ жестянныхъ кружекъ; изрѣдка удавалось подлить ложечку коньяку; хлѣбъ бывалъ рѣдкостью. Волынцы были, всеконечно, въ тѣхъ же условіяхъ. Жалкій городокъ Беюкъ-Чекменджи не представлялъ никакихъ ресурсовъ, между тѣмъ праздникъ вышелъ настоящимъ фестиваломъ. Отыскали Волынцы въ одномъ изъ домовъ заброшенную кофейную; въ ней нашлось нѣсколько столовъ съ мраморными плитами и низенькіе турецкіе табуреты; стѣны украсили импровизированными канделябрами изъ штыковъ; изъ кофейни черезъ двери садъ—посадили туда хоръ музыки. На столахъ нашимъ удивленнымъ глазамъ представилась давно невиданная сер-

вировка: столъ съ бѣлою скатертью; всевозможныя закуски, начиная отъ несравненной селедки, переходя къ икрѣ, страстбургскимъ пирогамъ, паштету. Откуда всѣ эти блага земныя—это секретъ Волынцевъ; въ одной изъ стѣнъ кофейни былъ еще не то чуланъ не то шкафъ: изъ него, какъ изъ таинственнаго шкафа братьевъ Даевнпортовъ, высовывались чьи то руки, подававшія подносы съ чаемъ, фруктами, конфектами, бутылками.

„Когда офицеры собрались и познакомились, пошла оживленная бесѣда. Затѣмъ хозяинъ праздника, командующій Л.-Гв. Волынскимъ полкомъ, Полковникъ Оберъ, провозгласилъ тостъ за Л.-Гв. Финляндскій полкъ, выразивъ удовольствіе Волынцевъ встрѣтиться съ родными Финляндцами, надежду на сохраненіе прежнихъ симпатій и увѣренность въ томъ, что и въ грядущія войны оба полка покажутъ себя достойными прежней своей славы. Командующій Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, Полковникъ Шмидтъ, въ отвѣтномъ своемъ тостѣ, коснувшись 15-ти лѣтней разлуки полковъ, нисколько не ослабившей ихъ взаимной дружбы и уваженія, высказалъ, что эти благородныя чувства предѣла времени и разстояній не знаютъ; затѣмъ, предложилъ осушить бокалы „за дорогого брата, за славный Л.-Гв. Волынскій полкъ". Оба тоста приняты были восторженными, долго неумолкавшими „ура". Далѣе слѣдовало еще много кстати предложенныхъ и сочувственно принятыхъ тостовъ.

„Въ полночь, на средину комнаты выдвинули столъ, на которомъ появился трофей побѣдъ—большой турецкій котелъ для жженки. Тяжело было разойтись, но надо было, потому что на другой день Волынцамъ предстоялъ походъ въ 28 верстъ, на новую стоянку въ Силиври.

„25-го Февраля, въ 8 часовъ утра, всѣ офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка съ хоромъ музыки вышли провожать Волынцевъ. Не говорили другъ другу „прощайте", а только „до свиданія".

Участникъ этого празднества, офицеръ Л.-Гв. Волынскаго полка, такъ говоритъ о послѣднихъ минутахъ передъ разставаніемъ двухъ родственныхъ полковъ [26]: „Ночью, по окончаніи вечера, разразилась страшная гроза съ ливнемъ, продолжавшимся все утро. Несмотря однако на это, всѣ Финляндскіе офицеры съ хоромъ музыки, собрались у выхода изъ города, чтобы проводить полкъ и, стоя терпѣливо подъ проливнымъ дождемъ, дождались прохода послѣдней Волынской части".

Дальнѣйшія общія событія привели къ тому, что сдѣланныя еще въ серединѣ февраля распоряженія о перевозкѣ войскъ дѣйствующей арміи въ Россію были внезапно отмѣнены вслѣдствіе измѣненія политическихъ условій; несговорчивость турецкихъ дипломатовъ и притязанія англійскаго кабинета создали весьма тяжелое положеніе вещей: недавно оконченная война готова была вспыхнуть каждую минуту вновь; Россія продолжала стоять за интересы Балканскихъ христіанъ; Турція же, подстрекаемая „просвѣщенными европейцами" къ новымъ притѣсненіямъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, обнаруживала крайнее упорство и несговорчивость. При такомъ положеніи оставалось только угрожать Турціи военной силой, почему русскія войска были придвинуты еще ближе къ Константинополю и стоянка подъ стѣнами его затянулась на продолжительное время.

Эта шестимѣсячная стоянка войскъ дѣйствующей арміи, а въ числѣ ихъ и Л.-Гв.

Финляндскаго полка была весьма тяжела: двусмысленность и неопредѣленность ихъ положенія, невольное бездѣйствіе, тоска по родинѣ и сильная тифозная эпидемія, развившаяся среди нижнихъ чиновъ, офицеровъ и врачебнаго персонала, дѣлали пребываніе подъ Константинополемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ 13-го Марта перешелъ въ Калфакіой, находившійся отъ

Группа офицеровъ 1-го батальона подъ Кальфакіойемъ.
По фотографіи 1878 года.

Беюкъ-Чекмеджи въ одномъ переходѣ и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Константинополя. Здѣсь судьба привела полку отбыть все шестимѣсячное „Санъ-Стефанское сидѣнье" и пережить много тяжелаго.

Пребываніе полка въ Калфакіойѣ и самая деревня Калфакіой описаны участникомъ похода слѣдующимъ образомъ [27].

„Селеніе Калфакіой—довольно большая греческая деревня, верстахъ въ семи къ западу отъ Константинополя и верстахъ въ двѣнадцати къ сѣверу отъ Мраморнаго моря и С.-Стефано, гдѣ была расположена Главная Квартира и штабъ гвардейскаго корпуса.

Мѣстность, занятая русскими войсками, состояла преимущественно изъ ряда невысокихъ хребтовъ, имѣющихъ общее направленіе съ сѣвера на югъ. Въ долинахъ между этими хребтами протекаютъ незначительные болотистые ручейки. Климатъ здѣсь нездо-

ровый и отличается, въ особенности весною, лихорадками и тифомъ. Въ болотахъ и по берегамъ ручьевъ гнѣздятся миріады лягушекъ, надоѣдающихъ по вечерамъ своимъ неистовымъ кваканьемъ. Множество насѣкомыхъ, черепахъ, ящерицъ, длиною въ 1/2 арш. и огромныя змѣи, выползающія изъ растрескавшейся отъ солнечныхъ лучей земли, были не рѣдкими посѣтителями биваковъ. Какъ высоты такъ и долины почти совершенно лишены древесной растительности и представляютъ голый, пустынный видъ; только разсѣянныя въ изобиліи чифтлики * и деревеньки со своими многочисленными садами и виноградниками точно оазисы въ пустынѣ оживляютъ нѣсколько печальную картину. Лѣтомъ, утопая въ зелени своихъ фруктовыхъ садовъ, они пріятно ласкаютъ глазъ: тутъ персики, абрикосы, винныя ягоды, черешня, грецкіе и миндальные орѣхи.

„Въ сел. Калфакіой Финляндскій полкъ сталъ по квартирамъ. Въ то-же время назначенъ былъ комендантъ, учреждена своя полиція и приступлено было къ очисткѣ улицъ и дворовъ отъ грязи.

„Продовольствіе здѣсь было, можно сказать, даже роскошное: 3 фунта бѣлаго хлѣба, фунтовая варка щей со всевозможною зеленью, рисовая каша, чай и 1/4 чарки спирту въ сутки, не оставляли желать ничего лучшаго. Съ наступленіемъ жаркаго времени спиртъ замѣнялся удвоенною выдачею чая и сахара. Объ офицерскомъ столѣ нечего и говорить— Константинополь доставлялъ все, что вздумалось: къ тому-же предпріимчивые греки не замедлили въ самомъ Калфакіойѣ открыть рестораны и даже кафе-шантаны. Затрудненія встрѣчались только въ доставленіи топлива; его начали было рубить въ близь лежащемъ чифтликѣ, но это вскорѣ было запрещено и пришлось возить дрова изъ С.-Стефано, куда онѣ привозились моремъ и гдѣ покупались на вѣсъ. Хлѣбъ доставлялся изъ С.-Стефано. Это представляло первое время нѣкоторыя затрудненія, потому что большинство лошадей имѣли спины попорченными отъ вьюковъ; приходилось поэтому ежедневно посылать въ С.-Стефано большія команды, которыя переносили на себѣ хлѣбъ въ полахъ своихъ шинелей“.

Со второй половины Марта мѣсяца приступили къ строевымъ занятіямъ; по утрамъ начались ротныя и батальонныя ученія, а послѣ обѣда производились одиночныя ученія со слабыми; затѣмъ былъ пройденъ краткій курсъ стрѣльбы. Занятія разнообразились посѣщеніями высшихъ начальствующихъ лицъ и саперными работами, производимыми для исправленія дорогъ и частью для проведенія новыхъ; послѣднія имѣли цѣлью облегчить сосредоточеніе войскъ дѣйствующей арміи къ позиціямъ выбраннымъ на случай тревоги [28]

Тогда же былъ начатъ ремонтъ полкового обоза и пополненіе его новымъ конскимъ составомъ; два офицера были командированы отъ полка въ Орханіэ за оставшимся тамъ обозомъ третьяго разряда.

7-го Апрѣля Финляндцамъ пришлось испытать землетрясеніе. Первый ударъ былъ около 9-ти часовъ вечера; сила его была такъ значительна, что почти всѣ невольно выскочили на улицу, боясь быть раздавленными стѣнами ветхихъ построекъ. Около часу

---

* Чифтликъ—одинокое селеніе, въ родѣ нашего хутора. У офицеровъ, во время послѣдней кампаніи вошло въ поговорку называть чифтликомъ ранецъ и чемоданъ.

ночи получена была отъ Главнокомандующаго депеша съ предупрежденіемъ, что въ 4 часа предстоитъ еще вторичный подземный ударъ на 20% сильнѣе перваго, а потому предписывалось полку немедленно выйти изъ деревни и расположиться бивакомъ внѣ ея. Приказаніе было тотчасъ же выполнено и на вновь раскинутомъ бивакѣ полка всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ землетрясенія, но всѣ ожиданія были напрасны,—миновалъ роковой часъ, миновали еще 3—4 часа, а землетрясенія не было и полкъ къ утру 8-го апрѣля снова расположился по квартирамъ [29].

17 апрѣля, въ день рожденія Государя Императора состоялся парадъ всѣмъ частямъ расположеннымъ близъ Константинополя. Къ торжеству этого дня было пріобщено и другое весьма важное событіе для войскъ дѣйствующей арміи, а именно прощаніе Его Высочества Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича по случаю Его отъѣзда отъ арміи по болѣзненному состоянію въ Россію. Новымъ Главнокомандующимъ былъ назначенъ, прославившійся при осадѣ Севастополя Генералъ-Адъютантъ Тотлебенъ.

Въ парадѣ принимали участіе всѣ гвардейскія части и полки дивизіи Генерала Скобелева 2-го. Войска были построены у чифтлика Ай-Стефано, верстахъ въ полутора отъ Санъ-Стефано, имѣя впереди 2-хъ взводныя колонны пѣхоты. Около 12-ти часовъ дня, Его Высочество, привѣтствуемый кликами ура, объѣхавъ войска, изволилъ вызвать передъ третьимъ батальономъ Л.-Гв. Московскаго полка начальниковъ отдѣльныхъ частей и батальонныхъ командировъ; тутъ Его Высочество изволилъ прочесть телеграмму Государя Императора, въ которой возвѣщалось о новыхъ пожалованіяхъ частямъ дѣйствующей арміи за только что миновавшія военныя дѣйствія. Л.-Гв. Финляндскому полку была пожалована надпись на каскѣ за Филиппопольское сраженіе. Въ отвѣтъ на послѣднія слова телеграммы раздалось громкое ура по всѣмъ рядамъ войскъ и фуражки полетѣли вверхъ. Послѣ того Его Высочество объявилъ, что долженъ проститься съ войсками и передать начальствованіе надъ ними Генералъ-Адъютанту Тотлебену; при этомъ обращаясь къ гвардейцамъ въ отдѣльности, Великій Князь, Главнокомандующій въ прочувствованныхъ выраженіяхъ благодарилъ ихъ за примѣрную службу и сказалъ, что Онъ счастливъ, видя, какъ Его труды и занятія съ гвардіей пошли имъ въ прокъ, проявившись въ блистательныхъ подвигахъ, только что минувшей кампаніи; при этомъ Его Высочество упомянулъ, что Имъ выполнено обѣщаніе держать гвардію впереди, а не въ резервѣ. Затѣмъ начался церемоніальный маршъ: пѣхота проходила сомкнутыми батальонными колоннами. Великій Князь благодарилъ всѣ части и нашелъ войска въ блистательномъ состояніи. По окончаніи парада Его Высочество отбылъ на пароходную пристань, провожаемый самыми задушевными криками такъ Его любившихъ гвардейцевъ [30].

Передъ отъѣздомъ Великій Князь Николай Николаевичъ отдалъ слѣдующій весьма знаменательный прощальный приказъ по дѣйствующей арміи [31]:

„Доблестныя войска дѣйствующей арміи!

„По волѣ Государя Императора, Я отъѣзжаю изъ арміи и передаю командованіе надъ нею Генералъ-Адъютанту Тотлебену, которому и вступить въ отправленіе должности главнокомандующаго съ 17 числа сего апрѣля.

„Семнадцать мѣсяцевъ переживалъ Я съ вами труды и лишенія походной жизни и ровно годъ опасности и славу боевого похода.

„Въ теченіи этого времени Я былъ свидѣтелемъ того беззавѣтнаго выполненія всѣми чинами арміи долга, среди самой тяжкой обстановки похода, и той безпримѣрной храбрости и самопожертвованія, которыя навѣки составятъ гордость всей земли русской.

„Не разъ высказывалъ Я и Мою задушевную благодарность, и Мое удивленіе вамъ, войска дѣйствующей арміи.

„Съ болью въ сердце разстаюсь Я съ Вами, Мои дорогіе, боевые сотоварищи и

Группа офицеровъ 2-го батальона подъ Кальфакіойемъ.
По фотографіи 1878 года.

еще разъ считаю Своимъ священнымъ долгомъ выразить всѣмъ вамъ Мою сердечную благодарность за вашу многотрудную и полную славы и гордости для всей Россіи службу".

Выразивъ затѣмъ благодарность всѣмъ начальствующимъ лицамъ, Великій Князь продолжалъ:

„Особенное, сердечное и искреннее спасибо тебѣ, русскій солдатъ, ты не зналъ ни преградъ, ни лишеній, ни опасности. Безропотно, безостановочно шелъ ты въ грязи и въ снѣгу, въ жару и въ холодъ, черезъ рѣки и пропасти, черезъ долы и горы, и безстрашно бился съ врагомъ, гдѣ-бы съ нимъ не встрѣтился. Для тебя не было невозможнаго въ пути, который тебѣ указывалъ начальникъ.

„Тебѣ, честь, тебѣ слава, добытыя потомъ и кровью Россіи, бившейся за освобожденіе угнетенныхъ христіанъ.

„Я горжусь и всегда буду гордиться тѣмъ, что мнѣ пришлось командовать такою славной арміей.

„Только надломленное здоровье Мое принуждаетъ Меня оставить васъ ранѣе общаго возвращенія на родину.

„Но, разставаясь съ вами, Я счастливъ тѣмъ, что по волѣ Государя Императора, передаю васъ въ мощныя руки славнаго героя Севастополя и Плевны—Генералъ-Адъютанта Тотлебена. Если понадобится снова вести васъ въ бой, онъ поведетъ васъ къ побѣдамъ, а вы, съ своей стороны дадите ему всю ту беззавѣтную рѣшимость и мужество, которыя проявили во все время Моего командованія и которымъ удивлялись вся Россія и весь міръ".

Во время стоянки дѣйствующей арміи подъ Константинополемъ, войскамъ пришлось перенести двѣ эпидеміи: эпидемію перемѣжающихся лихорадокъ и тифозную. Вторая изъ нихъ стала особенно развиваться съ апрѣля мѣсяца, когда наступившая жара, осушая размокшую почву, вызвала обильныя вредныя испаренія. Въ серединѣ апрѣля тифъ принялъ угрожающіе размѣры, развиваясь съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Къ числу благопріятствовавшихъ этому причинъ слѣдуетъ отнести главнымъ образомъ антисанитарное состояніе тѣхъ турецкихъ городовъ и селеній, которые такъ или иначе посѣщали русскія войска. Классическая грязь восточныхъ населенныхъ пунктовъ, при палящей весенней жарѣ создавали ту обстановку, при которой изнуренный лишеніями военнаго времени организмъ русскаго солдата былъ особенно воспріимчивъ къ эпидемическимъ заболѣваніямъ.

Тифозная эпидемія, проявившаяся въ значительной степени уже съ первыхъ дней пребыванія русскихъ войскъ подъ Константинополемъ, усилилась къ лѣту настолько, что число больныхъ доходило почти до половины наличнаго состава арміи; ежедневно въ полкахъ заболѣвало отъ 35 до 40 человѣкъ; въ полковыхъ лазаретахъ (пріемныхъ покояхъ), разсчитанныхъ на 48 мѣстъ скоплялось по 300—400 больныхъ, а въ дивизіонныхъ лазаретахъ, разсчитанныхъ на 80 больныхъ, число ихъ доходило до 1000 человѣкъ. Не смотря на то, что еще съ середины марта мѣсяца нѣкоторые полки, а въ числѣ ихъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, ходатайствовали объ отправленіи больныхъ въ Адріанополь „по неимѣнію въ полку помѣщеній," [32] эвакуировать больныхъ, за отсутствіемъ перевозочныхъ средствъ, было невозможно. [32]

Въ мартѣ мѣсяцѣ, передъ самымъ вступленіемъ Л.-Г. Финляндскаго полка въ Калфакіой, число бывшихъ внѣ строя въ полку выражалось, согласно вѣдомости отъ 11-го числа, въ слѣдующихъ цифрахъ: [34] больныхъ въ разныхъ госпиталяхъ состояло 747 нижнихъ чиновъ, раненыхъ — 340; умерло изъ тѣхъ и другихъ — 34 человѣка; въ пріемномъ покоѣ открытомъ въ Кальфакіой, численность больныхъ Л.-Гв. Финляндскаго полка съ каждымъ днемъ увеличивалась все болѣе и болѣе; къ іюню мѣсяцу число ихъ возрасло почти до половины наличнаго состава нижнихъ чиновъ. 1-го іюня число больныхъ въ полку было слѣдующее: 1216—въ полковомъ лазаретѣ и 203—въ околоткѣ слабыхъ, не выходящихъ

въ строй—183, а всего больныхъ и слабыхъ—1602 человѣка. По показанію полковой вѣдомости [35] въ тотъ же день 1-го іюня, полкъ могъ вывести въ строй, всего лишь 261 унтеръ офицера и 1442 рядовыхъ, а въ общемъ 1703 нижнихъ чина.

По мѣсяцамъ заболѣваемость Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку выражалась слѣдующими цифрами: въ февралѣ — 150 нижнихъ чиновъ, въ мартѣ — 243, въ апрѣлѣ — 891, въ маѣ—834, въ іюнѣ—436, въ іюлѣ—135, въ августѣ—50. Въ общемъ тифомъ и тифозными заболѣваніями переболѣло Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку подъ Константинополемъ 2089 человѣкъ, изъ которыхъ умерло: въ госпиталяхъ—109 и при полку—26, а всего—135 человѣкъ. * Смертность была сравнительно весьма малая, благодаря значительному количеству употребленнаго хинина и значительно улучшенной пищѣ; хининъ полкъ покупалъ на свои средства и отчасти доставалъ изъ Кіевскаго склада снабженія войскъ хининомъ, изъ Краснаго креста и отъ графа Шувалова; огромное количестно купленныхъ лимоновъ и отпущенная отъ казны въ большомъ количествѣ лимонная кислота пришлись тутъ весьма кстати и много способствовали болѣе успѣшному излѣченію больныхъ.

Помимо тифа свирѣпствовали перемежающіяся лихорадки и наблюдались одиночные случаи кроваваго поноса.

Офицеры страдали отъ болѣзней сравнительно мало, (всего заболѣло семь человѣкъ) но врачи полка слегли всѣ, за исключеніемъ одного только доктора Карпышева, на долю котораго выпала весьма трудная задача одному подавать помощь нѣсколькимъ сотнямъ больныхъ, такъ какъ большинство фельдшеровъ тоже лежало въ тифѣ. Докторъ Карпышевъ работалъ самоотверженно, не покладая рукъ, и отстоялъ не одну человѣческую жизнь.

Убыль полка вслѣдствіе большой заболѣваемости пополнялась отчасти прибытіемъ укомплектованій изъ запаснаго батальона. Такъ, въ маѣ прибыло 382 нижнихъ чина, подъ командою Штабсъ-Капитана Львова и въ іюнѣ—301 нижній чинъ, подъ командою Поручика Пчельникова.

Отсутствіе палатокъ не позволило сразу же вывести войска изъ селеній на бивакъ, гдѣ они могли бы пользоваться болѣе гигіеническими условіями и только къ концу апрѣля мѣсяца Л.-Гв. Финляндскій полкъ, получивъ палатки изъ Россіи, могъ весь стать бивакомъ; до этого же, пользуясь остатками старыхъ палатокъ, въ каждомъ батальонѣ было выведено изъ квартиръ по одной ротѣ.

„Выходу на бивакъ,—говоритъ одинъ изъ участниковъ похода [37], — всѣ очень обрадовались. Послѣ скученнаго размѣщенія въ грязной деревнѣ, мы теперь стояли на гребнѣ хребта, окруженнаго виноградниками. Здѣсь хотя иногда продувалъ освѣжающій вѣтерокъ, а тотъ чудный видъ, который мы постоянно имѣли передъ глазами, долго не забудется. Съ одной стороны безконечный Стамбулъ со своими безчисленными минаретами и темною зеленью кипарисовыхъ и лавровыхъ рощей, а еще дальше на возвышенномъ Азіатскомъ берегу Скутари и Кадыкіой; съ другой—Мраморное море съ Принцевыми островами и на фонѣ горы Малой Азіи, со своими вѣчно бѣлѣющими снѣжными вершинами“.

* На кладбищѣ въ Калфакіой поставленъ мраморной памятникъ надъ могилами умершихъ и похороненныхъ тамъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв Финляндскаго полка.

Выходъ Финляндцевъ изъ квартиръ на бивакъ вызвалъ у турокъ нѣкоторый переполохъ. „Наше неожиданное появленіе передъ турецкой позиціей, — говоритъ дневникъ полка [33],—привело въ недоумѣніе турецкаго пашу Магомета-Али, пріѣхавшаго къ намъ 27-го Апрѣля съ цѣлью узнать откуда выросло это войско". Командующій полкомъ, Полковникъ Шмидтъ, принялъ пашу у себя въ палаткѣ и мирно бесѣдовалъ съ нимъ болѣе часу, разспрашивая и вспоминая про разныя событія только что миновавшей войны.

Отношенія съ турками въ то время были самыя неопредѣленныя и на долю новаго

Группа офицеровъ 3-го батальона подъ Калфакіойемъ.
По фотографіи 1878 года.

Главнокомандующаго, Генералъ-Адъютанта Тотлебена выпала весьма трудная задача поддерживать съ ввѣренными ему войсками достоинство Россіи и честь побѣдоносной арміи, стоявшей хотя и противъ столицы противника, но въ положеніи крайне рискованномъ: операціонная база русской арміи въ то время находилась передъ фронтомъ ея, опираясь на Константинополь и на побережье Чернаго моря; между тѣмъ Черное море было во власти турецкаго и, главнымъ образомъ, англійскаго флота, казалось готоваго каждую минуту начать военныя дѣйствія противъ ненавистнаго ей русскаго оружія; затѣмъ близь Константинаполя, преимущественно къ сѣверу отъ него, расположена была 60-ти тысячная турецкая армія, которую Блистательная Порта успѣла собрать къ тому времени.

До апрѣля турки держались довольно скромно; но со 2-й половины этого мѣсяца, послѣ отъѣзда изъ арміи Великаго Князя Главнокомандующаго, турецкіе паши измѣнили свой образъ дѣйствій и стали проявлять значительную воинственность.

Въ виду этого, съ первыхъ же чиселъ мая мѣсяца, русскія войска стали дѣлать серьезныя приготовленія на случай возобновленія военныхъ дѣйствій съ противникомъ. Такъ, согласно диспозиціи по гвардейскому корпусу отъ 2-го мая [39], войскамъ предписывалось занять позиціи на случай тревоги, особаго приказанія, или начавшейся перестрѣлки съ противникомъ; при этомъ общая боевая позиція войскъ собранныхъ подъ Константинополемъ должна была простираться отъ Санъ-Стефано по высотамъ черезъ Ипфесъ, Ай-па, Кади-Япылы и далѣе къ Перенстле-Кіою; гвардейскій корпусъ занималъ правый флангъ общаго расположенія, 4-й армейскій корпусъ — лѣвый флангъ, а 8-й армейскій корпусъ составлялъ общій резервъ. 2-я гвардейская пѣхотная дивизія имѣла назначеніемъ стать на лѣвомъ флангѣ гвардіи, къ сѣверу отъ Кади-Япылы.

Согласно диспозиціи по 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи отъ 4-го мая [40], Л.-Гв. Финляндскій полкъ вмѣстѣ Л.-Гв. съ Павловскимъ полкомъ и приданными къ нимъ батареями составили боевую часть этой дивизіи, при чемъ Л.-Гв. Финляндскому полку было приказано стать впереди Калфакіоя, поддерживая связь направо Л.-Гв. съ Павловскимъ полкомъ, имѣвшимъ назначеніе занять позицію у Ай-па, и налѣво—съ полками 1-й дивизіи.

Эти мѣры вызваны были значительнымъ усиленіемъ турецкихъ позицій. Мало-помалу беззащитный ко времени прихода русскихъ войскъ Константинополь превратился въ сильно укрѣпленный лагерь. Сперва турки возвели рядъ [41] опорныхъ пунктовъ, съ отдѣльными ложементами; впереди—увеличили ложементы, которые вскорѣ превратились въ сплошныя линіи со щегольски отдѣланными бойницами, а въ иныхъ мѣстахъ даже съ обороною въ нѣсколько ярусовъ. По окончаніи первой линіи они укрѣпили еще вторую и затѣмъ третью оборонительную линію у самыхъ стѣнъ Стамбула. Взаимное расположеніе этихъ укрѣпленій было устроено съ замѣчательнымъ искусствомъ; не было ни одного подступа къ ихъ позиціямъ, гдѣ можно бы было безнаказачно пробраться. Видно было что искусная рука Османа-Паши, только что возвращеннаго изъ русскаго плѣна и назначеннаго главнокомандующимъ турецкими войсками, руководила этими работами. Одинъ разъ его видѣли, объѣзжающаго позиціи съ большою свитою, въ которой замѣтно было нѣсколько красныхъ англійскихъ мундировъ. Онъ останавливался въ разныхъ мѣстахъ и на другой день на этихъ же мѣстахъ копошились аскеры точно въ муравейникѣ, а къ вечеру уже можно было различить очертаніе укрѣпленій.

Въ противодѣйствіе этому въ первыхъ же числахъ мая и русскіе приступили къ трасировкѣ укрѣпленій на передовыхъ позиціяхъ съ тѣмъ, что бы возвести ихъ въ случаѣ надобности въ одну ночь. Затѣмъ выставлены были аванпостныя цѣпи, которыя уже не снимались до послѣднихъ дней пребыванія подъ Константинополемъ.

Начальникомъ аванпостовъ гвардейскаго корпуса назначенъ былъ Его Высочество Принцъ Ольденбургскій, а отъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковникъ Прокопе. Посты выставлялись одною полуротою отъ каждаго батальона, а на ночь другая полурота выходила на позицію въ дежурную часть. У турокъ исполнялось тоже самое и цѣпи на нѣкоторыхъ мѣстахъ сходились грудь съ грудью. Собираніе свѣдѣній о силахъ турокъ и ихъ укрѣпленіяхъ поручено было начальникамъ аванпостовъ, въ помощь которымъ даны были по два адъютанта отъ каждаго полка. Не смотря на труд-

ность пропуска черезъ турецкую цѣпь приходилось, для собиранія требуемыхъ свѣдѣній, часто посѣщать турецкіе биваки подъ разными благовидными предлогами; подъ конецъ, впрочемъ, турки стали такъ подозрительны, что безъ провожатыхъ, тщательно обходившихъ укрѣпленія, русскихъ не пускали [42].

На случай тревоги отдана была по войскамъ диспозиція; составленъ былъ проектъ укрѣпленія передовой позиціи; сдѣланы были подробнѣйшіе къ нему разсчеты; исполнена была трасировка укрѣпленій; словомъ, все приведено было въ такой видъ, чтобы, по первому приказанію, войска могли возвести укрѣпленія въ теченіи одной ночи. Вслѣдствіе этого, позиціи, занимаемыя Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, были разбиты на ротные участки и офицерамъ указаны были мѣста для разбивки укрѣпленій.

По мысли главнокомандующаго сперва предположено было укрѣпить всю нашу передовую позицію; однако, неудобство ея побудило отказаться отъ первоначальнаго плана, вмѣсто котораго рѣшено было оставить на передовыхъ позиціяхъ лишь по одному полку отъ дивизіи, остальныя войска отвести назадъ, на линіи Сафракіой-Беюкъ-Калкалы и Ярымъ-Бургасъ - Св. Георгій, гдѣ и укрѣпиться. Въ виду этого, въ боевой линіи 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи остался на передовой позиціи одинъ лишь Л.-Гв. Финляндскій полкъ, который и расположился отъ Ай-па на сѣверъ до дороги въ Кады-Яклы.

Въ серединѣ мая главнокомандующій дѣйствующей арміей, осматривая позиціи занимаемыя войсками, былъ и на позиціи Л.-Гв. Финляндскаго полка. Прежде чѣмъ подъѣхать къ полку, главнокомандующій остановился у походнаго лазарета полка и подробно освѣдомлялся о санитарномъ состояніи полка; въ это время батальоны построились у своихъ биваковъ и вскорѣ услышали отъ главнокомандующаго переданное имъ Царское Спасибо за молодецкую службу во время прошедшей кампаніи; затѣмъ Генералъ-Адъютантъ Тотлебенъ, въ сопровожденіи командующаго полкомъ, поѣхалъ осматривать трасировку тѣхъ укрѣпленій полка, которыя въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій надлежало возвести въ одну ночь. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній по части разбивки укрѣпленій и оставшись вполнѣ доволенъ бодрымъ и здоровымъ видомъ людей и вообще порядками найденными въ полку, Его Высокопревосходительство черезъ полтора часа отбылъ отъ полка, выражая неоднократно свою благодарность командующему полкомъ и всѣмъ офицерамъ.

Для лучшаго наблюденія за тѣмъ, что дѣлалось у турокъ еще въ концѣ мая устроены были особыя вышки, на которыхъ дежурили офицеры. Вышки эти очень не нравились туркамъ и одна изъ нихъ едва не послужила предлогомъ для начатія военныхъ дѣйствій со стороны одного изъ турецкихъ пашей, принадлежавшихъ къ воинствующей партіи. То былъ Фуадъ-Паша, начальникъ турецкихъ войскъ, расположенныхъ противъ позиціи Генералъ-Лейтента Эллиса; онъ послалъ дерзкое требованіе, снять къ 10-ти часамъ утра 5-го іюня одну изъ вышекъ, которая яко-бы была выстроена на нейтральной полосѣ; въ противномъ случаѣ Фуадъ-Паша угрожалъ принять особыя мѣры.

Въ отвѣтъ на это, въ ночь съ 4-го на 5-е іюня полевой штабъ арміи разослалъ экстренное предписаніе, которымъ приказано было войскамъ съ утра приготовиться къ занятію позицій, а также и ко всякимъ случайностямъ, но войскамъ передовой линіи вне-

редъ не выдвигаться. „Его Высокопревосходительство придаетъ особое значеніе осторожности дѣйствій относительно турокъ,—говорилось въ приказаніи,—дабы вслѣдствіи недоразумѣній не затруднить идущія въ настоящее время дипломатическіе переговоры. Если турки откроятъ огонь,—указывало приказаніе,—то на него отвѣчать артиллерійскимъ огнемъ съ нашей стороны, укрывъ войска отъ выстрѣловъ противника и тотчасъ же на-

Группа офицеровъ 4-го батальона подъ Калфаніойемъ.
По фотографіи 1878 года.

чать возводить укрѣпленія, хотя бы только для укрытія отъ огня. Если огня не будетъ, то укрѣпленій не строить".

Для Л.-Гв. Финляндскаго полка приказаніе это было отправлено въ 4 час. 45 мин. утра, при чемъ оно было дополнено распоряженіемъ—палатокъ не снимать и встать за участкомъ позиціи, который ему надлежало оборонять по диспозиціи [43]...

Одинъ изъ участниковъ кампаніи описываетъ ожидавшееся столкновеніе съ турками на 5-ое іюня, названное впослѣдствіи въ Главной Квартирѣ „сраженіемъ подъ вышкой", слѣдующимъ образомъ [44]. „Рано утромъ, 5-го іюня, въ день Св. Духа, часа въ 4, я былъ разбуженъ прискакавшимъ отъ командующаго полкомъ ординарцемъ, съ приказаніемъ прибыть въ штабъ. Одѣвшись на скоро и сѣвъ верхомъ, я немедленно отправился въ штабъ, гдѣ засталъ непонятную дѣятельность: всѣ штабные были уже одѣты, чемоданы и повозки укладывались, просто понять не могу что случилось. Полковникъ Шмидтъ, не говоря ни слова, вручилъ мнѣ для прочтенія бумагу; то было извѣщеніе начальства о

вышеприведенной выходкѣ Фуада-Паши и приказаніе войскамъ къ 9 часамъ занять свои позиціи и быть готовыми на все. Обозамъ приказано было отходить до Беюкъ-Калкалы. Не снимая палатокъ, батальоны всей линіи вышли на боевую позицію. Заблестѣли штыки по дорогамъ изъ Чаталджи, Св. Георгія и Ярымъ-Бургаса, откуда стоящіе тамъ корпуса были придвинуты къ передовымъ позиціямъ. Поскакали адъютанты и ординарцы, и разъѣзжали высшіе начальники со своими свитами. Все было поднято на ноги и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за турками. Казалось нужно было малѣйшаго повода, чтобы опять пушки загремѣли. Турки вѣроятно это чувствовали и держали себя чрезвычайно осторожно. Наконецъ, около 4-хъ часовъ по-полудни получено было приказаніе возвратиться на биваки, такъ какъ дѣло уладилось переговорами".

Такъ кончился этотъ эпизодъ, вызывавшій впослѣдствіи много ироніи со стороны участвовавшихъ въ походѣ, но въ дѣйствительности положеніе дѣлъ оставалось тогда далеко не безопаснымъ. Такъ 15-го іюня Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ изъ штаба дивизіи бумагу [45]: „Скопленіе значительныхъ турецкихъ войскъ въ окрестностяхъ Константинополя, при анархіи въ случаѣ перемѣны оттоманскаго правительства, можетъ привести къ такимъ замѣшательствамъ, исходы которыхъ трудно предвидѣть: можно ожидать самыхъ безразсудныхъ поступковъ со стороны фанатиковъ, которые пожелаютъ воспользоваться неурядицею въ правительствѣ. Наши лазутчики въ послѣднее время доносятъ о сильномъ броженіи въ турецкой арміи по случаю смѣны Османа-Паши, при чемъ недовольные начальники, для возбужденія войскъ объявляютъ, что поведутъ ихъ скоро противъ русскихъ. Наконецъ, вчера получено было свѣдѣніе о сборахъ таборовъ, раздачѣ оружія и другихъ приготовленіяхъ у Меклана.

„Въ виду всего этого, командующій корпусомъ приказалъ войскамъ быть крайне на сторожѣ: на ночь усиливать дежурныя части, караулы и посты; особенно бдительнымъ быть передъ разсвѣтомъ: въ это время на вышкахъ должны быть офицеры, которымъ зорко наблюдать, нѣтъ ли гдѣ либо сосредоточенія войскъ или особыхъ передвиженій. Каждый начальникъ, полковой и даже батальонный командиръ, получивъ въ теченіи ночи донесеніе, не ожидая приказаній, долженъ самъ принять надлежащія мѣры, дабы не быть застигнутымъ врасплохъ".

Въ іюлѣ мѣсяцѣ положеніе становилось еще болѣе обостреннымъ и 9-го числа начальникъ полевого штаба увѣдомлялъ командировъ корпусовъ, что „армія наша, расположенная въ окрестностяхъ Константинополя, при извѣстныхъ политическихъ комбинаціяхъ должна будетъ очистить занимаемыя ею нынѣ позиціи и отойти на западъ [46]". Въ развитіе этого составлены были диспозиціи на случаи „простого отступленія" и отступленія „съ занятіемъ позицій". При этомъ отступленіи гвардейскій корпусъ долженъ былъ направляться на Чаталджу [47].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, продолжавшій стоять у деревни Ай-па и подкрѣпленный Л.-Гв. Уланскимъ Ея Величества полкомъ, составлялъ авангардъ Гвардейскаго Корпуса подъ начальствомъ командира Л.-Гв. Уланскаго полка Свиты Его Величества Генералъ-Маіора Струкова; въ этотъ же авангардъ входили Л.-Гв. Измайловскій полкъ и артиллерійскія части. Такимъ образомъ, въ случаѣ наступленія турокъ, первые ихъ удары долженъ былъ принять на себя именно Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Сообразно съ этимъ, командующій Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Полковникъ Шмидтъ, еще 23-го іюня тотчасъ же по сформированіи авангарда гвардейскаго корпуса, отдалъ диспозицію по полку [48], въ которой писалъ: „въ случаѣ наступленія непріятеля, предполагается временно задержать его на передовой позиціи, а потомъ войскамъ ее занимающимъ отойти за главную позицію въ резервъ“. Далѣе указывалось: 4-му батальону занять для обороны деревню Ай-па, а прочимъ батальонамъ расположиться въ боевой линіи на высотахъ вправо и влѣво отъ означенной деревни. Отступленіе предписывалось произвести такимъ образомъ, чтобы не закрывать огня главной позиціи для чего указаны были въ подробностяхъ пути всѣмъ четыремъ батальонамъ. Это отступленіе предписывалось произвести согласно общей диспозиціи для отступленія по всѣмъ войскамъ дѣйствующей арміи.

Такимъ образомъ, служба русскихъ войскъ лѣтомъ 1877 года подъ Константинополемъ была довольно трудной и безпокойной, что вызывалось возможностью ежеминутно вступить въ бой съ турками

Службу эту несли Финляндцы со свойственными имъ всегда усердіемъ и исполнительностью, о чемъ и свидѣтельствуетъ письмо начальника авангарда гвардейскаго корпуса къ командующему Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, въ которомъ онъ благодарилъ Финляндцевъ отъ имени командира гвардейскаго корпуса „за примѣрное содержаніе постовъ“ [49]. Въ томъ же письмѣ Генералъ Струковъ передавалъ Полковнику Шмидту удовольствіе корпуснаго командира „за прекрасную диспозицію“ по Л.-Гв. Финляндскому полку отъ 23-го іюля.

Диспозиція эта была едва ли не послѣднимъ распоряженіемъ Полковника Шмидта по командуемому имъ Л.-Гв. Финляндскому полку; 24-го Іюня стало извѣстнымъ, что Полковникъ Шмидтъ назначенъ начальникомъ Константиновскаго Училища, а командовать Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ назначенъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Теннеръ, командовавшій до этого Л.-Гв. 2-мъ Стрѣлковымъ батальономъ. Полковникъ Теннеръ, какъ бывшій офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, былъ встрѣченъ особенно радушно.

27-го іюня состоялась сдача полка Полковникомъ Шмидтомъ, а черезъ нѣсколько дней всѣ офицеры по русскому обычаю устроили ему прощальный обѣдъ съ самыми искренними пожеланіями ему наилучшаго [50].

Въ концѣ іюля мѣсяца стали приходить утѣшительныя свѣдѣнія о скорой посадкѣ войскъ на суда и отправкѣ ихъ на родину; вмѣстѣ съ тѣмъ, къ августу мѣсяцу отношенія съ турецкими войсками стали по прежнему носить мирный характеръ, почему служба войскъ стала болѣе легкой.

Но, такъ какъ все офицерство и всѣ нижніе чины, томившіеся подъ Константинополемъ, отъ продолжительной стоянки на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіи почти полугода уже извѣрились всякимъ слухамъ, то жизнь на бивакахъ проходила по прежнему монотонно и невесело. Вообще жизнь эта, вслѣдствіе постояннаго стремленія въ Россію, неопредѣленности положенія и однообразія обстановки, протекала при мало измѣняющихся и очень скучныхъ условіяхъ. Постоянное пребываніе все въ одномъ и томъ же кружкѣ и постоянные изъ устъ каждаго вопросы о времени окончанія Санъ-Стефанскаго

сидѣнія, вопросы, остававшіеся безотвѣтными еще болѣе увеличивали убійственную скуку.

Читать было нечего, кромѣ безсодержательныхъ константинопольскихъ французскихъ газетъ и такихъ же пустыхъ романовъ, пріобрѣтаемыхъ въ Константинополѣ, пока, наконецъ, одинъ предпріимчивый грекъ не началъ снабжать свѣжими русскими газетами. Сначала частыя поѣздки въ Константинополь немного разнообразили жизнь: новизна обстановки, особенности жизни на востокѣ, Стамбулъ и восхитительная картина Босфора производили сильное впечатлѣніе, внося разнообразіе въ бивачную жизнь. Въ первое время доступъ въ Константинополь былъ безъ всякихъ стѣсненій; русскіе офицеры расхаживали по его улицамъ въ мундирахъ, какъ у себя дома, и даже присутствовали при выходѣ султана и церковныхъ парадахъ.

Вечера офицерство проводило въ разныхъ „конкордіяхъ“ и кафе-шантанахъ, а также и въ „Оттоманскомъ театрѣ“, представлявшемъ собою жалкій балаганъ съ безголосой армянской труппой, гдѣ представленія происходили на турецкомъ языкѣ. При отсутствіи общественной жизни и малой культурности Константинополь скоро надоѣдалъ и только обворожительная картина Босфора каждый разъ привлекала къ себѣ вниманіе сѣверянъ, приковывая къ себѣ ихъ взоры.

Нижнимъ чинамъ тоже разрѣшалось посѣщать Константинополь командами по два человѣка съ роты при офицерахъ. „Наши здоровенные гвардейцы,—говоритъ участникъ похода,—присутствуя на селямлыкѣ (выѣздъ султана по пятницамъ въ мечеть), производили среди турокъ положительный эффектъ своимъ бравымъ видомъ и огромнымъ ростомъ“ [51].

Впослѣдствіи отпуска нижнихъ чиновъ и поѣздки офицеровъ въ Константинополь стали все болѣе ограничиваться и къ лѣту были запрещены нижнимъ чинамъ совершенно, а офицерамъ позволялось ѣздить туда только въ статскомъ платьѣ и то съ особаго разрѣшенія; наконецъ поѣздки эти и имъ были запрещены совершенно.

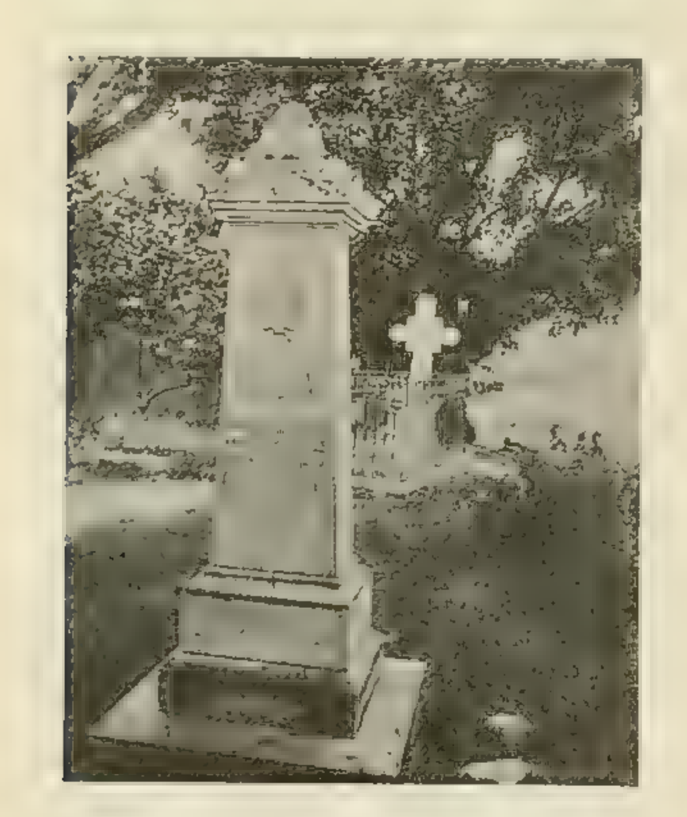
Санъ-Стефано тоже доставлялъ нѣкоторыя развлеченія своими кафе-шантанами и недурною итальянскою оперой; но, по удаленности отъ бивака, офицерамъ рѣдко удавалось туда ѣздить [52].

Вслѣдствіе этого офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка должны были ограничиваться домашними развлеченіями, устраивая у себя вечеринки по-батальонно, а иногда и по-ротно, и приглашая офицеровъ другихъ батальоновъ и ротъ. Приглашенія писались иногда съ подражаніями восточному краснорѣчію; такъ офицеры 1-го батальона адресовали одному изъ офицеровъ 2-го батальона слѣдующее витіеватое приглашеніе не лишенное интереса: [53]

„Юзъ-баши, Эфенди колъ-агасы Вольскій! Нашъ счастливый господинъ! Ваше Высокоблагородіе! Завтра вечеромъ, такъ угодно Богу, когда великій царь звѣзднаго войска, именно, всемірное солнце, собираясь отправиться въ путь области тьмы, вложитъ стопу въ стремя скорости, просимъ тебя почтить насъ лучами красоты твоего соперничающаго съ солнцемъ лица,—дабы мрачная ночь разлуки и уединенія разсѣялась и прояснилась подобно зефиру весенняго утра твоимъ прибытіемъ въ нашъ станъ, дабы вмѣстѣ отпраздновать первый день пришествія лучезарной весны; съ нею да возникнутъ съ новою мощью твои силы любви, да продлится твой родъ въ числѣ звѣздъ на небѣ. Твои низкопоклонные

рабы офицеры 1-го батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка. 30-го апрѣля II-го года. Станъ у Калфакіой. Собраться въ 5 часовъ".

9-го Іюня, воспользовавшись близостью расположенія Л.-Гв. Волынскаго полка, * Финляндцы рѣшили отблагодарить Волынцевъ за пріемъ имъ оказанный ихъ младшими собратьями въ Беюкъ-Чекмеджи. На этотъ вечеръ были приглашены въ числѣ почетныхъ гостей командовавшій гвардейскимъ корпусомъ Генералъ-Адъютантъ графъ Шуваловъ, Генералы Дандевилль, Эттеръ и Флигель-Адъютантъ Полковникъ Теннеръ и др. [54]

Памятникъ въ Калфакіойѣ воздвигнутый въ честь погибшихъ отъ эпидеміи Финляндцевъ.

На площадкѣ у деревни Калфакіой былъ устроенъ изъ походныхъ офицерскихъ палатокъ навѣсъ, украшенный зеленью и китайскими фонарями; на видныхъ мѣстахъ красовались вензеля В. и Ф. Въ 7 часовъ вечера раздались звуки полкового марша Л.-Гв. Волынскаго полка, и на длинной вереницѣ различныхъ экипажей прикатили давно ожидаемые дорогіе гости. Послѣ неизмѣннаго чая и фруктовъ гостямъ предложенъ былъ ужинъ, за которымъ командующій полкомъ Полковникъ Шмидтъ въ дружескихъ теплыхъ словахъ высказалъ свой привѣтъ Волынцамъ, на что отвѣтилъ тѣмъ же командиръ Л.-Гв. Волынскаго полка, Генералъ-Маіоръ Мирковичъ. Затѣмъ тосты и пожеланія слѣдовали одни за другими, общее веселое настроеніе выразилось живою бесѣдою подъ звуки музыки.

Кромѣ вечеровъ время разнообразилось поѣздками по окрестностямъ Константинополя, на Принцевы и другіе острова, а иногда эти поѣздки устраивались при участіи офицеровъ отъ всѣхъ полковъ. Во время одной изъ такихъ праздничныхъ экскурсій былъ данъ 9-го іюля офицерами въ дачной мѣстности на островѣ Принкипо великолѣпный балъ, на который приглашено было все высшее общество столицы Турціи. Не смотря на все это, многіе офицеры хандрили и отчаянно скучали.

Положеніе нижнихъ чиновъ, безвыходно сидѣвшихъ на бивакѣ, было несравненно хуже.

„Отстоявъ свою ночь на аванпостахъ или окончивъ утреннія ученія, они цѣлые дни проводили неподвижно лежа въ палаткахъ, обливаясь потомъ и укрываясь отъ жгучихъ лучей палящаго солнца. Къ вечеру, когда жаръ спадалъ, они вылѣзали и сидѣли въ безмолвіи при свѣтѣ серебристой луны или звѣздъ, ярко сверкавшихъ въ непроницаемой тьмѣ чудныхъ южныхъ ночей. Подобное общее настроеніе нижнихъ чиновъ заставило офицеровъ взяться съ чрезвычайной энергіей за развлеченіе солдатъ. По вечерамъ ихъ заставляли пѣть пѣсни, устраивались пляски и всевозможныя веселыя игры; люди были

* Л.-Гв. Волынскій полкъ стоялъ въ Яримъ-Бургасѣ, недалеко отъ Калфакіоя.

разбужены отъ апатичнаго состоянія, въ которомъ они находились; дѣлу былъ данъ толчекъ, а остальное пошло само собою; вскорѣ далеко за полночь биваки оглашались веселымъ смѣхомъ; появились ряженые, представлялись и люди и звѣри, видѣнные впервые; были тутъ черепахи, верблюды, ослы и разумѣется неизмѣнный турка. Въ нѣкоторыхъ батальонахъ офицеры устраивали для солдатъ цѣлыя празднества съ угощеніемъ и призами на бѣгъ въ мѣшкахъ, въ перегонку и т. п." [55]

Продолжительное пребываніе подъ Константинополемъ войскъ, обреченныхъ на бездѣйствіе, представляло собою весьма удобный моментъ для распространенія среди нихъ преступной пропаганды революціонно-соціалистической партіи, высылавшей изъ-за границы цѣлыя тюки разныхъ воззваній, газетъ * и брошюръ; но всѣ попытки, дѣлаемыя въ этомъ направленіи, не приводили ни къ чему, оставаясь безплодными, не смотря на то, что наиболѣе ярые фанатики эмиссары являлись на биваки переодѣтые офицерами. [56]

Прежде чѣмъ окончательно рѣшенъ былъ вопросъ о возвращеніи войскъ дѣйствующей арміи въ Россію, стало извѣстно, что за нѣсколько дней передъ отправкой перваго рейса состоится парадъ войскамъ подъ стѣнами Константинополя. Дѣйствительно, скоро послѣдовалъ о томъ приказъ и днемъ смотра было назначено 5-е августа. Въ парадѣ должны были принять участіе не только части, расположенныя въ ближайшихъ окрестностяхъ Константинополя, но и 8-й корпусъ, штабъ котораго помѣщался въ нѣсколькихъ верстахъ восточнѣе Чаталджи. Для парада войска заблаговременно были стянуты и расположились въ окрестностяхъ Санъ-Стефано, причемъ гвардейскій корпусъ остался на своемъ мѣстѣ, часть 4-го корпуса передвинулась къ Санъ-Стефано, а 8-й корпусъ, сдѣлавъ цѣлый переходъ, расположился на берегу Мраморнаго моря, у Кучукъ-Чекменджи и Амбарли. Такимъ образомъ въ парадѣ 5-го августа приняли участіе около 85 тысячъ человѣкъ.

Съ утра огромная площадь, предназначенная для парада, начала постепенно наполняться то подходившими частями, то мѣстными Санъ-Стефанскими жителями, то, наконецъ, несмѣтнымъ множествомъ гостей изъ Константинополя и окрестностей, прибывшихъ или по желѣзной дорогѣ, или верхомъ, или въ экипажахъ. Такъ какъ аванпосты наши, по взаимному соглашенію съ турецкимъ начальствомъ, были на этотъ день сняты, то не малое число турецкихъ солдатъ и офицеровъ тоже явились полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ. Кромѣ того, они цѣлыми массами высыпали на линію своихъ передовыхъ постовъ и оттуда наблюдали картину. [57]

Особенное, поразительно величественное зрѣлище производилъ общій видъ всей массы войскъ. При движеніи отъ Санъ-Стефано къ Ай-Мама, въ разстояніи одной версты отъ перваго, зрителю внезапно открывалась грандіозная картина: цѣлое море бѣлыхъ фуражекъ волновалось зыбью на всемъ пространствѣ по направленію къ Сафракіойю и скрывалось за горизонтомъ. Сотни орудій блистали подъ яркими лучами солнца, а флюгера кавалеріи игриво колебались легкимъ вѣтеркомъ. Противъ войскъ, лицомъ къ нимъ и на разстояніи шаговъ двухъ-сотъ, зрители образовали сплошную стѣну; у Ай-Мама, за бивакомъ Л.-Гв. Егерскаго полка, виднѣлся цѣлый рядъ новыхъ госпи-

* Среди газетъ издававшихся тогда заграницей болѣе всего выдѣлялся въ крайнемъ направленіи „Вѣстникъ Правды".

тальныхъ палатокъ, разцвѣченныхъ флагами десяти европейскихъ государствъ. Тамъ приготовленъ былъ обильный завтракъ для командировъ отдѣльныхъ частей, старшихъ начальниковъ и особо приглашенныхъ лицъ. Изъ палатокъ открывался восхитительный видъ на Мраморное море, Принцевы острова, Стамбулъ и на Малоазіатскій берегъ.

Войска были построены въ слѣдующемъ порядкѣ (начиная съ праваго фланга): впереди пѣхота—гвардейскій корпусъ, стрѣлковыя бригады, 4-й и 8-й корпусъ. Въ каждой дивизіи первые батальоны полковъ въ головѣ на одной линіи, прочіе битальоны имъ въ затылокъ, причемъ каждый изъ нихъ въ двухъ-взводной колоннѣ справа.

Ровно въ 12 часовъ показался главнокомандующій въ сопровожденіи свиты, многихъ иностранныхъ представителей и конвоя. Подъѣхавъ къ войскамъ, Генералъ-Адъютантъ Тотлебенъ поздоровался съ ними и поздравлялъ отдѣльныя части со скорымъ возвращеніемъ на родину.

При огромномъ протяженіи, занятомъ войсками,не смотря на быстроту аллюра, объѣздъ продолжался довольно долго, и церемоніальный маршъ начался около часа по-полудни.

Пѣхота проходила сомкнутыми батальонными колоннами, имѣя ружье вольно.

„Что касается наружнаго вида, въ которомъ представлялись войска,—пишетъ участникъ этого торжества, — то его иначе невозможно назвать, какъ блестящимъ. Глядя на проходившія войска, легко забывалось, что мы находимся за тридевять земель, что такъ недавно вынесли кампанію; казалось будто все совершающееся передъ глазами происходитъ въ обыкновенномъ лагерномъ сборѣ. Такое же впечатлѣніе вынесли и присутствовавшіе на парадѣ иностранцы. Турки громко выражали свое удивленіе“.

По окончаніи парада, главнокомандующій собралъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ, благодарилъ за отличнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ состояніе ввѣренныхъ имъ частей и, въ заключеніе, рекомендовалъ обратить вниманіе на то, чтобы войска до послѣдней минуты своего пребыванія въ Турціи, а также при возвращеніи на родину, сохранили бы ту сдержанность и тотъ строгій внутренній порядокъ, которые отличали ихъ до сихъ поръ и высоко поставили честное имя русскаго солдата. Послѣ этого знаменательнаго парада подъ стѣнами турецкой столицы войска разошлись по своимъ бивакамъ, все еще не вѣря скорому возвращенію въ Россію.

Ближайшіе послѣ парада дни Л.-Гв. Финляндскій полкъ, какъ и все время стоянки подъ Калфакіоемъ выставлялъ по очереди роты на аванпосты и производилъ обыденныя занятія.

Изъ особыхъ событій этого времени слѣдуетъ упомянуть о постановкѣ памятниковъ на могилахъ умершихъ отъ тифа нижнихъ чиновъ; памятники были поставлены при самой церковной оградѣ деревни Калфакіой, „деревни, которая,—какъ говоритъ дневникъ полка,—осталась тяжелымъ воспоминаніемъ“ для Финляндцевъ.

Наконецъ, 7-го августа полку стало окончательно извѣстно, что на другой день назначено выступленіе для посадки на суда и отправки на родину. Радостная вѣсть эта была принята съ восторгомъ. [58]

8-го августа передъ отправленіемъ гвардіи въ Россію командовавшій гвардейскимъ корпусомъ Генералъ-Адъютантъ графъ Шуваловъ отдалъ по ввѣренному ему корпусу слѣдующій знаменательный приказъ:

„Войска гвардейскаго корпуса! Наступило время вашего возвращенія на родину. Въ тяжелую минуту вы были призваны на театръ войны: непріятель, пользуясь своею многочисленностью, напрягалъ всѣ усилія, чтобы сломить силы нашихъ собратій. Но это васъ не смущало: пылко и смѣло вы бросились въ бой и при первомъ же столкновеніи раздавили противника. Послѣ того едва прошло четыре мѣсяца и ваши побѣдоносные штыки уже сверкали подъ стѣнами Царьграда. Ваше движеніе отъ Плевны до Константинополя было стремительной, безустанной погоней, то среди моря грязи, то въ снѣгу по колѣно. Ни заоблачныя высоты, ни леденѣвшія горы, ни непріятельская армія—ничто васъ не остановило. Послѣ этого, когда вы уже готовились вернуться домой, чтобы отдаться заслуженному отдыху, вамъ неожиданно пришлось простоять на чужбинѣ еще шесть тяжелыхъ мѣсяцевъ; здѣсь, подъ палящимъ зноемъ или подъ дождями, среди болотныхъ испареній, вы надломили свое здоровье. Началась горячечная эпидемія; около половины изъ васъ не избѣгли тяжелаго недуга. Но вы не падали духомъ: честно, безропотно претерпѣли всѣ невзгоды и стояли грозной силой грудь-съ-грудью съ противникомъ. Весь свѣтъ призналъ ваши подвиги; Царскія милости и щедроты были наградою вашему несравненному геройству; отечество съ гордостію взирало на богатырскіе подвиги своихъ сыновъ; исторія, въ примѣръ потомству, записала на страницахъ ваши дѣянія“.

Калфакіой во время расположенія близъ него Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Съ акварели съ натуры участника кампаніи, офицера полка Л. Линдемана.

Послѣ этой лестной оцѣнки боевой службы гвардіи Генералъ графъ Шуваловъ въ прочувствованныхъ словахъ убѣждалъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ продолжать и на родинѣ, и на дальнѣйшей службѣ свое доблестное служеніе на пользу родной полковой семьи.

8-го августа въ 2 часа дня выступилъ 1-й эшелонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка двинулся въ Беюкъ-Чекменджи, гдѣ должна была произойти посадка на суда. До 11-го августа полкъ простоялъ тамъ бивакомъ, ожидая отплытія; впрочемъ ни день, ни часъ посадки не былъ положительно извѣстенъ до тѣхъ поръ пока 11-го августа пароходы не прибыли; тогда узнали, что посадка назначена на 12-е число.

Наконецъ, 12-го августа началась, такъ давно ожидаемая посадка на суда; для этого полкъ былъ раздѣленъ на два эшелона, изъ которыхъ 1-й, подъ командой Полковника Вейса, состоялъ изъ 3-го и 4-го батальоновъ, а 2-й подъ командой Полковника Строева изъ 1-го и 2-го батальоновъ.

Весь день производилась посадка эшелоновъ на пароходы „Князь Черкасскій" и „Азовъ". Первый эшелонъ отошелъ въ 7 часовъ вечера 12-го Августа, а второй на другой день утромъ.

Переѣздъ полка по Мраморному морю былъ совершенъ при тихой и теплой погодѣ. При вступленіи въ Черное море люди были собраны на палубѣ и хоръ полковой музыки исполнилъ народный гимнъ, привѣтствуя священными звуками свою родную землю, которая вскорѣ должна была показаться.

Въ Черномъ морѣ погода перемѣнилась и все время свирѣпствовала буря: волны заливали палубу, пароходъ кидало изъ стороны въ сторону и почти всѣ нижніе чины лежали обезсиленные морской болѣзнью: только къ вечеру втораго дня путешествія по морю большинство изъ нихъ уже оправилось и высыпало на палубу, всматриваясь въ даль въ надеждѣ увидать очертанія родныхъ береговъ.

Наконецъ, 16-го Августа рано утромъ сталъ вырисовываться городъ Николаевъ и вскорѣ Финляндцы ступили на родную землю, гордые исполненнымъ съ честью долгомъ и радостные предстоявшей имъ встрѣчей.

Съ этого момента доблестное участіе полка въ Турецкой кампаніи 1877—78 г.г. отошло уже въ область исторіи, составивъ въ ней одни изъ лучшихъ страницъ.

Видъ на Константинополь.

Глава XII.

Заключительные факты къ участію Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г.

Торжественныя встрѣчи полка.—Учрежденіе Василеостровскаго капитала.—Итоги участія полка въ кампаніи 1877—78 г.г.—Запасный батальонъ.—Лазаретъ для раненыхъ офицеровъ полка.

16 августа 1878 года суда, перевозившія Л.-Гв. Финляндскій полкъ изъ Турціи, пристали къ русскому берегу у города Николаева. Прибытіе перваго эшелона полка состоялось въ 7 часовъ утра, втораго—въ 9 часовъ вечера.

Въ Николаевѣ полку, впервые послѣ годичнаго похода вступавшему на родную землю, была устроена торжественная и вмѣстѣ съ тѣмъ задушевная встрѣча. Не смотря на раннее утро, когда первый эшелонъ полка причаливалъ къ берегу, почти весь городъ собрался на пристани для встрѣчи Финляндцевъ. „Радость и восторгъ возвращавшихся, почуявшихъ впервые подъ собой твердую почву Родины Матушки Руси — нельзя описать; лобзанія, крики „ура" были безъ конца", — говоритъ дневникъ полка [1]. Послѣ высадки оба батальона были выстроены покоемъ въ ожиданіи командира Черноморскаго флота Генералъ-Адъютанта Аркаса, по прибытіи котораго былъ отслуженъ молебенъ, а затѣмъ батальоны прошли церемоніальнымъ маршемъ. Послѣ этого, городской голова города Николаева поздравилъ Финляндцевъ съ благополучнымъ возвращеніемъ и поднесъ хлѣбъ-соль; офицерамъ былъ предложенъ завтракъ, а нижнимъ чинамъ закуска. Послѣ завтрака батальоны направились къ биваку, разбитому на полянѣ около станціи желѣзной дороги.

Прибывшій въ 9-мъ часу 2-й эшелонъ переночевалъ на пароходѣ и на слѣдующій день, 17-го августа, былъ встрѣченъ также торжественно какъ и первый эшелонъ.

Вечеромъ 17 августа разнеслась въ Николаевѣ радостная вѣсть о предстоявшемъ прибытіи Государя Императора изъ Одессы. Вслѣдствіе этого, на другой день полку была произведена репетиція Высочайшаго смотра, а затѣмъ люди стали спѣшно приводить въ порядокъ свое обмундированіе. *

18 Августа, въ 6 час. вечера, всѣ офицеры собрались на пристани морского клуба, ярко освѣщенной разноцвѣтными фонарями и бенгальскими огнями; въ исходѣ 8-го часа показалась яхта „Ливадія", на палубѣ которой находился Государь Императоръ. Яхта издали была встрѣчена громкими криками „ура".

По выходѣ на берегъ Его Величество, принявъ привѣтствія, изволилъ милостиво разговаривать съ командующимъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Флигель-Адъютантомъ Полковникомъ Теннеромъ, подробно разспрашивая его про полкъ.

16-го августа всѣ части, бывшія въ тотъ день въ Николаевѣ, ** удостоились Высочайшаго смотра, во время котораго Л.-Гв. Финляндскій полкъ стоялъ на правомъ флангѣ. По окончаніи объѣзда Государь вызвалъ передъ фронтъ всѣхъ раненыхъ офицеровъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ Георгіевскихъ кавалеровъ; съ офицерами Его Величество изволилъ милостиво разговаривать и осчастливилъ поданіемъ руки. Затѣмъ полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ и удостоился Высочайшей благодарности за блестящій и молодецкій видъ.

На берегу Лимана около бивака полкъ былъ выстроенъ развернутымъ фронтомъ и при проѣздѣ Императорской яхты „Ливадія" провожалъ Государя громкими криками „ура" до тѣхъ поръ, пока яхта не скрылась совершенно изъ виду [2].

Въ тотъ же день Полковникъ Теннеръ телеграфировалъ командующему гвардейскимъ корпусомъ: „Государь Императоръ изволилъ присутствовать на парадѣ, на кото-

---

* Первымъ-же распоряженіемъ, послѣ высадки, были дезинфецированы всѣ вещи и предметы обмундированія нижнихъ чиновъ.

** Л.-Гв. Финляндскій и Л.-Гв. Гусарскій Его Величества полки, 2 роты Л.-Гв. Павловскаго полка, 5 и 6 батареи Л.-Гв. 2-й артилл. бригады, 34 пѣх. дивизія и 3 донскихъ Казачьихъ полка.

Съ благодарственною молитвою и съ хлѣбомъ-солью, по древнему русскому обычаю, С.-Петербургское Город[illegible] [illegible] и сердечно привѣтствуетъ [illegible] отъ имени всѣхъ жителей столицы [illegible] [illegible]ославившееся въ Вашемъ лицѣ и во всей побѣдоносной россійской арміи, вызвано не только одною радостью о возвращеніи Вашемъ въ столицу, но и благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о тѣхъ чудесахъ безпримѣрной храбрости, му[illegible] творенія, стойкости и терпѣнія, которыя были выказаны Вами въ борьбѣ съ непріятелемъ и съ пре[illegible], поставляемыми природою. С.-Петербургское Городское Общество, съ трепетомъ сердечнымъ, впродолженіе 10-ти мѣсяцевъ, очевидно слѣдило за Вами: страдало Вашими страданіями, ликовало, торжествуя Ваши побѣды.

Вы изумили міръ своими подвигами, Вы высоко подняли имя русскаго солдата, и благословенія отечества [illegible] лаврами.

Гордясь, какъ и всѣ русскіе, Вашими заслугами передъ родиной и взирая на освобожденныя Вами едино[illegible]

[illegible]

Исправляющій должность С.-Петербургскаго Городского Головы [illegible]

4 Сентября 1878.

Привѣтственный адресъ г. С.-Петербурга Л.-Гв. Финляндскому полку, поднесенный 4 Сентября 1878 г.

ромъ неоднократно благодарилъ Финляндскій полкъ и нашелъ его во всѣхъ отношеніяхъ въ отличномъ порядкѣ.“ [3]

Изъ Николаева Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ черезъ Кіевъ, Минскъ, Бобруйскъ, Вильно и Псковъ. Движеніе это полкъ совершилъ въ 4-хъ эшелонахъ, въ каждомъ изъ которыхъ было по батальону; каждый эшелонъ занималъ цѣлый поѣздъ.

Во время своего переѣзда полкъ вездѣ встрѣчалъ самый радушный пріемъ, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напримѣръ въ Гомелѣ, Бобруйскѣ, Вильнѣ и Псковѣ, устраивались въ высшей степени торжественныя встрѣчи.

2-го сентября, полкъ прибылъ на станцію Александровскую близъ Царскаго Села, гдѣ высадился изъ вагоновъ и направился въ деревню Царскую Славянку, жителями которой былъ встрѣченъ съ хлѣбомъ-солью и поднесеніемъ образа. На станцію же Александровская выѣхали для встрѣчи своихъ однополчанъ всѣ офицеры запаснаго батальона во главѣ съ командиромъ батальона Полковникомъ Ростковскимъ.

3-го Сентября полкъ перешелъ въ Пулково, гдѣ ему былъ предложенъ роскошный обѣдъ отъ офицеровъ запаснаго батальона, а вечеромъ передъ зданіемъ Пулковской обсерваторіи послѣдовало сожженіе прекраснаго фейерверка.

Въ 5 часовъ утра, на слѣдующій день, Л.-Гв. Финляндскій полкъ выступилъ по московскому шоссе изъ Пулкова въ Петербургъ. У Чесменской богадѣльни онъ былъ встрѣченъ инвалидами съ ихъ начальникомъ Генералъ-Адъютантомъ Толстымъ. Дойдя до тріумфальныхъ воротъ столицы, полкъ выстроился по шоссе, имѣя на лѣвомъ флангѣ (5-ю и 6-ю) батареи Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады. Георгіевскіе кавалеры были выдѣлены въ отдѣльный взводъ, который, вмѣстѣ со знаменами, вступилъ въ городъ во главѣ полка [4].

Ко времени вступленія Л.-Гв. Финляндскаго полка, изволили прибыть къ тріумфальнымъ воротамъ Ихъ Императорскіе Высочества: Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ съ Супругою — Цесаревною Маріею Ѳеодоровной, Великая Княгиня Александра Іосифовна—Супруга Августѣйшаго Шефа полка, въ то время отсутствовавшаго изъ Петербурга,—съ Великимъ Княземъ, Вячеславомъ Константиновичемъ, Великая Княгиня Марія Павловна и лица свиты.

По другую сторону тріумфальныхъ воротъ, по шоссе, построенъ былъ въ развернутомъ фронтѣ запасный батальонъ, отдавшій честь побѣдителямъ. Тутъ же толпился, въ огромной едва проходимой массѣ, народъ, привѣтствовавшій возвращавшихся оглушительными и неумолкаемыми криками „ура“.

Здѣсь, послѣ молебствія, Ихъ Императорскіе Высочества украсили знамена, командующаго полкомъ и всѣхъ батальонныхъ командировъ лавровыми вѣнками. Депутаціей отъ города былъ поднесенъ адресъ, прочтенный городскимъ головой.

Адресъ *, изящно отдѣланный художникомъ Шарлеманемъ, былъ слѣдующаго содержанія [5]: „Войска Гвардейскаго Корпуса!

„Съ благодарственною молитвою и съ хлѣбомъ-солью по древнему русскому обычаю

---

* Адресъ былъ одинаковаго содержанія для всѣхъ полковъ Гвардейскаго Корпуса [6].

Петербургское городское общество встрѣчаетъ и сердечно привѣтствуетъ васъ отъ имени всѣхъ обывателей столицы.

„Привѣтствіе наше, одинаково относящееся въ вашемъ лицѣ и ко всей побѣдоносной Россійской арміи, вызвано не только одною радостью о возвращеніи вашемъ въ столицу, но и благоговѣйными воспоминаніями о тѣхъ чудесахъ беззавѣтной храбрости, мужества, самоотверженія, стойкости и терпѣнія, которыя были выказаны вами въ борьбѣ съ непріятелемъ и препятствіями, поставляемыми природою. Петербургское городское общество съ трепетомъ сердечнымъ, въ продолженіи десяти мѣсяцевъ слѣдило за вами, страдало вашими страданіями, ликовало, торжествуя ваши побѣды.

„Вы изумили міръ своими подвигами, вы высоко подняли имя русскаго солдата и благословеніе отечества почіетъ на главахъ вашихъ, увѣнчанныхъ новыми лаврами. Гордясь, какъ и всѣ русскіе, вашими заслугами передъ родиной и взирая на освобожденныя вами единовѣрныя намъ народности, вызванныя нынѣ къ самостоятельной политической жизни, Петербургское городское общество во главѣ всего столичнаго населенія отъ всего сердца восклицаетъ: „да здравствуютъ войска гвардейскаго корпуса, да здравствуетъ вся побѣдоносная Россійская армія“.

У Новодѣвичьяго монастыря игуменъ благословилъ полкъ иконой; у зданія 2-го Военнаго Константиновскаго училища была устроена встрѣча юнкерами этого училища, во главѣ которыхъ стоялъ начальникъ ихъ, Полковникъ Шмидтъ, столь недавно еще командовавшій Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ и участвовавшій съ нимъ въ славныхъ бояхъ за Балканами.

Далѣе, полкъ слѣдовалъ по Забалканскому проспекту и былъ встрѣченъ хоромъ дѣтскаго пріюта Великаго Князя Николая Александровича, пропѣвшимъ народный гимнъ, многая лѣта и заключившаго все громкими криками „ура“ сотенъ дѣтскихъ голосовъ. Пройдя Гороховую въ сопровожденіи непрестанно за нимъ слѣдовавшей громадной толпы, полкъ миновалъ на Большой Морской роскошно украшенную цвѣтами, гирляндами и флагами арку, около которой былъ встрѣченъ духовенствомъ Исаакіевскаго собора и депутатами отъ жителей Большой Морской. Здѣсь восторгъ, выраженный Финляндцамъ, былъ самый горячій: изъ оконъ сыпались на нихъ массы цвѣтовъ и букетовъ, перевитыхъ длинными лентами съ надписями золотыми буквами: „Храброму русскому воинству отъ обывателей Большой Морской, Сентябрь 1878 г.“ Изящно одѣтыя дамы наперерывъ однѣ передъ другими подносили офицерамъ и солдатамъ букеты, надѣвали на нихъ лавровые вѣнки, втыкали цвѣты на штыки; многія изъ нихъ плакали. А кругомъ гудѣло неумолкаемое „ура“, въ которомъ едва можно было разслышать, безпрестанно и со всѣхъ сторонъ, раздававшіеся возгласы съ поздравленіями по случаю благополучнаго возвращенія. Офицеры и солдаты, съ вѣнками на головахъ и на плечахъ, были до глубины души разстроганы этою встрѣчею и на многихъ загорѣлыхъ, мужественныхъ лицахъ текли слезы умиленія.

Послѣ краткаго молебна полкъ направился къ Англійской набережной среди несмѣтной толпы народа, неумолчно кричавшей „ура“. Весь путь полка былъ усыпанъ цвѣтами, изъ всѣхъ оконъ махали платками; по обѣ стороны шествія полка, смѣшавшагося

съ народомъ, тѣснились экипажи со стоявшими въ нихъ сѣдоками; все это кидало цвѣты, кричало „ура", махало шляпами и платками.

На Англійской набережной депутація отъ Международнаго банка поднесла вѣнокъ, обвитый роскошною голубою лентой съ надписью: „Доблестному Л.-Гв. Финляндскому полку въ память побѣдоноснаго возвращенія изъ-за Балканъ. Служащіе С.-Петербургскаго Международнаго Банка, 4 Сентября 1878 года". Пока подносился вѣнокъ съ балкона и оконъ банка сыпался на Финляндцевъ цѣлый дождь цвѣтовъ и букетовъ и, когда полкъ дошелъ до Николаевскаго моста, онъ буквально былъ весь засыпанъ цвѣтами.

„Но особенно торжественная встрѣча,—говоритъ описаніе Русскаго Инвалида, [7]—ожидала полкъ на Васильевскомъ островѣ. Обыватели острова не пожалѣли трудовъ и денегъ, чтобы достойно привѣтствовать своихъ воиновъ, какими они считаютъ уже почти 80 лѣтъ, помѣщающійся на островѣ Финляндскій полкъ.

„Черезъ оба въѣзда съ Николаевскаго моста на островъ перекинуты были лавровыя гирлянды, а шесты, къ которымъ онѣ были прикрѣплены, перевиты зеленью и украшены флагами. Всѣ зданія по набережной были роскошно украшены флагами и коврами; окна, балконы, крыши—были переполнены любопытными; всѣ суда разцвѣтились флагами, на реяхъ и мачтахъ вездѣ народъ. Подъ аркою на мосту полкъ былъ встрѣченъ депутаціею отъ университета и ученыхъ обществъ съ ректоромъ университета, профессоромъ Бекетовымъ во главѣ, привѣтствовавшимъ командира полка рѣчью. Энтузіазмъ Василеостровцевъ былъ неописанный: съ криками „ура" толпа буквально заволокла полкъ, и его присутствіе среди нея можно было замѣтить только по подымавшимся надъ головами штыкамъ съ воткнутыми въ нихъ букетами, по фигурамъ верховыхъ офицеровъ, обвитыхъ вѣнками и головамъ ихъ лошадей, изукрашенныхъ цвѣтами. Люди изъ толпы шли подъ руки съ солдатами, обнимались съ ними и держались за полы сюртуковъ офицеровъ. „Наши Финляндцы пришли, голубчики наши", то и дѣло раздавалось изъ толпы; простыя женщины крестились, глядя на солдатъ. Всѣ лавки и магазины на островѣ были закрыты.

„У подъѣзда зданія Морского училища средствами Василеостровскаго общества была построена изящная часовня, съ деревяннымъ передъ нею помостомъ, обитымъ краснымъ сукномъ; на этомъ помостѣ полкъ ожидали: причтъ церкви Морского училища, депутація отъ Василеостровскаго общества съ двумя хоругвями, на которыхъ, на синемъ фонѣ, золотыми литерами изображено: на одной—„Горный Дубнякъ", „Айранли", на другой—„Шандорникъ", „Арабъ-Конакъ". По сторонамъ часовни, тыломъ къ зданію Морского училища, построены были развернутымъ фронтомъ Павловское военное и Морское училища съ хорами музыки. Здѣсь же полкъ осчастливила вторичною встрѣчею Великая Княгиня Александра Іосифовна, прибывшая въ коляскѣ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Вячеславомъ Константиновичемъ на островъ въ ту самую минуту, когда на его почву вступалъ полкъ. Великая Княгиня, выйдя вмѣстѣ со Своимъ сыномъ изъ коляски, изволила помѣститься на помостѣ часовни. По совершеніи краткаго молебствія, командиру полка поднесены были депутаціею Василеостровскаго общества большая икона Нерукотвореннаго лика Христа Спасителя, хлѣбъ-соль на большомъ серебряномъ подносѣ, съ надписью: „Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку жители Васильевскаго Острова, въ память возвращенія его изъ Турціи 1878 г. сентября 4-го" и прочтенъ адресъ слѣдующаго содержанія:

„Здѣсь, на берегу Васильевскаго острова, обычнаго вашего мѣстожительства, радостно привѣтствуемъ васъ, дорогіе Финляндцы, возвращающихся домой послѣ долгихъ, тяжкихъ и славныхъ трудовъ дальняго похода.

„На обратномъ пути вашемъ по родинѣ, отъ ея края до края, васъ встрѣчали повсюду въ городахъ и селахъ земли русской горячія изліянія братской любви къ вамъ, удивленіе къ вашимъ подвигамъ и благодарность за великое дѣло, совершенное вами вмѣстѣ со всею русскою ратью въ честь и славу отечества и славянства.

„Послѣ этихъ восторженныхъ встрѣчъ, нашъ простой, такъ сказать, семейный привѣтъ да не покажется вамъ скромнымъ и несоразмѣрнымъ съ вашими заслугами. Но мы привѣтствуемъ и чествуемъ васъ не только какъ часть побѣдоноснаго нашего воинства, не только какъ одинъ изъ бравыхъ полковъ храброй Царской гвардіи, но и какъ сообывателей нашихъ по острову, родныхъ и близкихъ нашему сердцу.

Возвращеніе побѣдителя.

Съ иллюстраціи 1878 года.

„Съ особою грустью видѣли мы васъ болѣе года тому назадъ отправляющимися въ путь, изъ котораго многимъ изъ васъ не суждено было возвратиться. Съ особымъ участіемъ слѣдили мы потомъ за перенесенными вами трудами, опасностями и лишеніями и съ такою радостью узнавали объ одержанныхъ вами успѣхахъ. Мы были помыслами съ вами подъ Горнымъ Дубнякомъ, гдѣ столь многіе изъ вашихъ товарищей, съ незабвеннымъ командующимъ во главѣ, запечатлѣли кровію преданность свою святому дѣлу освобожденія угнетенныхъ. Мы переносились помысломъ въ вашу среду на высоту Арабъ-Конака, гдѣ явленная вами стойкость прославила навсегда ваше имя. Мы удивлялись баснословному переходу вашему черезъ Марицу, стужей своихъ струй и льдовъ лишь воспламенившую вашу удаль. Мы благоговѣли передъ чудесами геройства, выказанными вами въ трехдневной битвѣ подъ Филиппополемъ и съ восторгомъ слѣдили за вами, когда вы стояли на стражѣ русской силы у стѣнъ Цареграда. Какъ тогда молились мы съ особой теплотою о дарованіи вамъ побѣды и одолѣнія надъ супостатами, такъ теперь съ особымъ умиленіемъ благодаримъ Творца за ваши успѣхи и за благополучное возвращеніе къ намъ.

„Доблестные воины Финляндскаго полка! Много и плодотворно потрудились вы для нашего отечества и нашихъ далекихъ единовѣрцевъ. Въ тѣхъ свѣжихъ и неувядаемыхъ лаврахъ, которыми обильно покрыла свои знамена рать русская, вамъ принадлежитъ немаловажная доля; къ тѣмъ проявленіямъ вѣрности, долга, храбрости, которыми всегда отличался русскій солдатъ, вы прибавили новые примѣры, и то доброе имя, что давно стяжали полку ваши предшественники, вы вознесли еще болѣе своими подвигами чести и доблести. Пусть же эти послѣдніе сохранятся въ памяти потомства изъ рода въ родъ

и славою увѣнчанный Финляндскій полкъ процвѣтаетъ изъ вѣка въ вѣкъ на пользу и славу Россіи, на утѣшеніе ея Монарховъ, на страхъ ея враговъ, на защиту вѣры и справедливости".

Адресъ усѣянный множествомъ подписей ученыхъ, Василеостровскихъ обитателей, членовъ купечества и пр., былъ поднесенъ по прочтеніи командиру полка.

На этотъ адресъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Теннеръ отвѣчалъ глубоко прочувствованной рѣчью, въ которой высказалъ, насколько полкъ тронутъ оказаннымъ ему пріемомъ, неизгладимо запечатлѣвшимся въ его исторіи, и выставилъ на видъ, что полкъ обязанъ своими успѣхами чувствамъ вѣрности долга и преданности Государю Императору, его одушевлявшимъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Громогласное „ура" несмѣтной толпы присутствовавшихъ покрыло эту рѣчь, вызвавшую вмѣстѣ со всею обстановкою, при которой она была произнесена, слезы умиленія на лицѣ Ея Императорскаго Высочества и многихъ изъ присутствовавшихъ.

Затѣмъ, Ея Высочеству угодно было пропустить полкъ церемоніальнымъ маршемъ, но исполнить это, какъ то ни было желательно, оказалось невозможнымъ: потребовались бы сверхъ-естественныя усилія, чтобы отдѣлить толпу отъ полка почему и открылось оригинальное, но вмѣстѣ и знаменательное шествіе: впереди шли депутаты острова, неся хоругви; за ними солдаты, съ обнаженными и обвитыми лавровыми вѣнками головами, передъ ними несли поднесенныя иконы, блюда съ хлѣбомъ-солью и адреса, знамена въ вѣнкахъ, а потомъ, сплошной массой во всю улицу, медленно двигались солдаты въ перемѣшку съ толпою. Ея Высочество, стоя въ коляскѣ и милостиво разговаривая съ командиромъ и офицерами полка, оставалась до тѣхъ поръ, пока прошелъ передъ нею послѣдній солдатъ, а затѣмъ, милостиво пожелавъ полку всего лучшаго, изволила отбыть съ Васильевскаго острова, провожаемая криками „ура".

Уже былъ шестой часъ вечера въ исходѣ, когда полкъ собрался на Смоленскомъ полѣ и построился покоемъ у приготовленнаго тутъ аналоя. Полковой священникъ, послѣ привѣтственной рѣчи, отслужилъ благодарственный молебенъ и окропилъ полкъ святою водой. Послѣ того, Полковникъ Теннеръ обратился къ полку съ нѣсколькими словами, въ которыхъ выставилъ всю знаменательность этого дня и, въ заключеніе, провозгласилъ въ честь офицеровъ и солдатъ „ура". Дружный, потрясающій воздухъ, крикъ и общее радостное цѣлованіе были отвѣтомъ на эту рѣчь командира, послѣ чего, полкъ, подъ веселые звуки марша, направился къ казармамъ. Тутъ на улицѣ давно уже были накрыты столы съ обѣдомъ отъ городского общества для нижнихъ чиновъ, и солдаты, въ пятомъ часу утра выступившіе изъ Пулкова, теперь, въ седьмомъ часу вечера, съ наслажденіемъ приступили къ обильно предложенному угощенію.

1-е Военное Павловское и Морское училища прислали къ солдатскому обѣду свои хоры музыки [8], которые и расположились съ двухъ сторонъ приготовленнаго для обѣда мѣста. Къ сожалѣнію, дождь, лившій съ самаго утра, не прекращался; но, не обращая на него вниманія, привычные къ непогодѣ Финляндцы, одѣтые въ шинеляхъ и въ бѣлыхъ фуражкахъ, весело гуторили и шутили между собою, въ ожиданіи прибытія командующаго дивизіей. Прибывъ къ казармамъ, командующій дивизіей, Свиты Его Вели-

чества Генералъ-Маіоръ Эттеръ, поздоровался съ людьми и, по приглашенію распорядителей, подошелъ къ приготовленному столику, на которомъ красовался поднесенный полку Василеостровскимъ обществомъ большой золотой кубокъ, уже налитый шампанскимъ. Поднявъ кубокъ, Генералъ Эттеръ провозгласилъ тосты за здоровье—Государя Императора, Государыни Императрицы и Наслѣдника Цесаревича съ Государынею Цесаревною; при всѣхъ тостахъ воздухъ оглашался громогласнымъ „ура", сопровождаемый бросаніемъ вверхъ солдатскихъ фуражекъ и гимномъ „Боже Царя храни", исполненнымъ обоими хорами музыки. Затѣмъ, командующимъ полкомъ, Флигель-Адъютантомъ Полковникомъ Теннеромъ, провозглашенъ былъ тостъ за Шефа полка Великаго Князя Константина Николаевича и Великую Княгиню Александру Іосифовну, за Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, за командующаго дивизіею, за бывшихъ командировъ полка, тутъ же присутствовавшихъ, Генералъ-Лейтенанта Шебашева и Полковника Шмидта. Послѣ того, К. К. Соловьевымъ провозглашенъ тостъ за командира и г.г. офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, а Генералъ-Маіоромъ Эттеромъ—за Василеостровское общество и его представителей. Послѣ всѣхъ этихъ тостовъ, подхватываемыхъ задушевнымъ „ура" Финляндцевъ и собравшейся кругомъ ихъ густой толпой народа, солдаты разсѣлись за столы и, не обращая вниманія на дождь, принялись усердно сокрушать все имъ предлагавшееся, а командующій дивизіей, офицеры полка и приглашенные направились вслѣдъ за распорядителями въ дежурную комнату, гдѣ все уже было приготовлено къ обѣду.

На другой день, 5-го Сентября, торжественная встрѣча полка обывателями Васильевскаго Острова продолжалась: для нижнихъ чиновъ и офицеровъ былъ устроенъ роскошный обѣдъ.

Красивая дежурная комната Л.-Гв. Финляндскаго полка была богато убрана. На средней стѣнѣ, противъ входа, портретъ Государя Императора осѣнялся утвержденными по его сторонамъ знаменами полка; подъ этимъ портретомъ стояли: икона, хлѣбъ-соль и адресъ, поднесенные полку Василеостровскимъ обществомъ; тутъ же, передъ началомъ обѣда, поставленъ былъ только что поднесенный кубокъ. На прекрасный портретъ убитаго Генералъ-Маіора Лаврова положенъ былъ лавровый вѣнокъ, поднесенный полку наканунѣ Международнымъ банкомъ; съ вѣнка ниспадали двѣ широкія голубыя ленты, съ надписями на нихъ золотыми буквами: на одной: „Доблестному Л.-Гв. Финляндскому полку, въ память побѣднаго возвращенія изъ-за Балканъ," на другой—„Служащіе Петербургскаго Международнаго банка, 4-го сентября 1878 года." Столы, расположенные покоемъ и роскошно сервированные, тонули въ зелени цвѣтовъ и букетовъ, а у каждаго прибора лежало меню съ художественно исполненною на немъ виньеткой, изображавшею крышу русской избы съ перекинутымъ черезъ нее русскимъ полотенцемъ, на которомъ надпись: „Жители Васильевскаго Острова Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку." Подъѣздъ и лѣстница убраны были краснымъ сукномъ и тутъ стояли хоругви, съ которыми наканунѣ депутаты отъ Василеостровцевъ встрѣтили Финляндцевъ и провожали ихъ до казармъ. За обѣдомъ присутствовали, кромѣ всѣхъ офицеровъ полка, два бывшихъ командира его—Генералъ-Лейтенантъ Шебашевъ и Полковникъ Шмидтъ, Генералъ-Маіоръ

Эттеръ, начальникъ Морскаго училища Контръ-Адмиралъ Епанчинъ, ректоръ Академіи Художествъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Рязановъ, ученый секретарь Академіи Наукъ г. Сомовъ, депутаты отъ патроннаго завода, отъ Василеостровскихъ учебныхъ заведеній и учрежденій. За обѣдомъ игралъ прекрасный хоръ музыки полка и пѣли его пѣвчіе, которые, вмѣстѣ съ музыкантами, исполнили Екатерининскій „Громъ побѣды раздавайся.“ По общему требованію, этотъ торжественный маршъ-полонезъ былъ повторенъ.

Первый тостъ былъ провозглашенъ Генералъ-Маіоромъ Эттеромъ за здоровье Государя Императора, а затѣмъ имъ же за здоровье Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны, удостоившихъ полкъ своими милостями при встрѣчѣ его наканунѣ. Оба тоста были покрыты громогласнымъ и долгимъ „ура“ всѣхъ присутствовавшихъ, равно какъ и третій тостъ, предложенный Полковникомъ Теннеромъ, за здоровье Шефа полка и его Супруги Великой Княгини Александры Іосифовны, никогда не оставлявшей полкъ своимъ высокимъ вниманіемъ и вчера, съ начала до конца, участвовавшей въ знаменательной его встрѣчѣ. Тутъ же Полковникомъ Теннеромъ предложено было отправить Ея Высочеству въ Павловскъ слѣдующую телеграмму:

„Жители Васильевскаго острова и чины Финляндскаго полка, празднуя возвращеніе полка въ столицу, съ глубочайшимъ почтеніемъ вспоминаютъ то глубокое участіе и материнскую любовь, которыя Ваше Императорское Высочество всегда принимали въ Финляндцахъ и съ восторгомъ пьютъ за здоровье Вашего Императорскаго Высочества“. Дружное и продолжительное „ура“ покрыло послѣднія слова и было краснорѣчивымъ отвѣтомъ на предложеніе Полковника Теннера, которымъ затѣмъ былъ предложенъ тостъ за здоровье Великаго Князя Николая Николаевича, тоже встрѣченный громкимъ „ура“. Послѣ этихъ тостовъ Генералъ Эттеръ предложилъ тостъ за благоденствіе радушнаго Васильеостровскаго общества вообще, и, въ частности, за главныхъ распорядителей пріемомъ, г.г. Соловьева и Шемякина, въ отвѣтъ на что послѣдній провозгласилъ тостъ за здоровье Финляндцевъ, стяжавшихъ себѣ громкое имя у Горнаго Дубняка, Арабъ-Конака и Филиппополя, а также, за здоровье, руководившихъ дѣйствіями Финляндцевъ—командующаго дивизіею и его штаба. Послѣ того, произнесъ рѣчь маститый ректоръ Академіи Художествъ. Указавъ въ началѣ на связь, которая существуетъ между Академіей и Финляндскимъ полкомъ, подарившимъ русское искусство такимъ живописцемъ-юмористомъ, какъ знаменитый Ѳедотовъ, бывшій офицеръ Финляндскаго полка, г. Рязановъ выразилъ ту мысль, что художнику дано изображать образы героевъ и передавать ихъ далекому потомству, дабы оно всегда памятовало, что на Руси чудо-богатыри никогда не переводились. „Поэтому, закончилъ свою рѣчь г. Рязановъ, — „позвольте, господа, предложить тостъ за этихъ чудо-богатырей“. За г. Рязановымъ поднялся г. Сомовъ: — „Лакедемонянки,—сказалъ онъ,—отпуская своихъ близкихъ на войну, говорили имъ: воротитесь на щитахъ или со щитами; не подлежитъ сомнѣнію, что близкія Финляндцамъ женщины говорили то же самое, прощаясь съ ними передъ ихъ выступленіемъ на войну, и потому,—закончилъ свою рѣчь г. Сомовъ,—предлагаю тостъ за нихъ, новыхъ лакедемонянокъ, за женъ, сестеръ и дочерей Финляндцевъ“.

Затѣмъ Полковникъ Теннеръ, обратясь къ представителямъ Васильеостровскаго общества, сказалъ отвѣтную прочувствованную рѣчь: „Вы насъ чествовали такъ, какъ

никого и никогда до сихъ поръ не чествовали; всѣ мы потрясены до глубины души, и это чествованіе насъ Васильевскимъ островомъ будетъ дорогимъ для Финляндцевъ воспоминаніемъ; такая честь, глубоко прочувствованная полкомъ, останется блестящею страницею въ его исторіи, и если бы довелось быть новой войнѣ, Финляндцы будутъ помнить это чествованіе и постараются вновь стать его достойными." Далѣе, Полковникъ Теннеръ указалъ на то, что главную виновницу ихъ успѣховъ—нравственную свою силу—Финляндцы черпали изъ любви къ Монарху и отчизнѣ; тѣмъ не менѣе, близкое общеніе съ Васильевскимъ островомъ, которому выпала счастливая доля стать центромъ интелегентнымъ, научнымъ и воспитательнымъ, гражданскимъ и военнымъ, не могло не оказать благотворнаго вліянія на полкъ. Въ заключеніе своей рѣчи, Полковникъ Теннеръ предложилъ тостъ за благоденствіе обывателей Васильевскаго острова, его представителей науки и искусства, различныхъ учрежденій и купечества, не останавливавшихся передъ пожертвованіями въ пользу войскъ и семействъ воиновъ, за преуспѣяніе Васильеостровскаго общества и за здоровье распорядителей пріема.

Къ сказанному Полковникомъ Теннеромъ Генералъ-Маіоръ Эттеръ добавилъ, что у Арабъ-Конака Финляндскій полкъ въ теченіе шести недѣль находился въ рѣдкой по трудности обстановкѣ на заоблачныхъ горахъ, окруженный вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ, въ обстановкѣ, могшей подточить даже самый сильный духъ; но Полковникъ Шмидтъ и славные Финляндскіе офицеры съумѣли сохранить этотъ духъ въ полку, который, можно быть увѣреннымъ, навсегда останется присущимъ Финляндцамъ. Растроганный до слезъ Полковникъ Шмидтъ отвѣчалъ, что если онъ что нибудь и сдѣлалъ во время своего командованія полкомъ, то единственно благодаря высокому пониманію своего долга и чрезвычайной энергіи офицеровъ и солдатъ Финляндскаго полка, и предложилъ осушить бокалы за здоровье тѣхъ и другихъ. Всѣ три эти тоста были приняты съ общимъ восторгомъ, а Полковника Шмидта офицеры подняли на руки.

Затѣмъ, Полковникъ Теннеръ предложилъ тостъ за здоровье Генералъ-Адъютанта графа Шувалова, подъ командою котораго 2-я гвардейская дивизія совершила столько славныхъ дѣлъ, а Полковникъ Шмидтъ—за здоровье Генерала Гурко, проведшаго всю гвардію отъ Горнаго Дубняка до Филиппополя. Обоимъ генераламъ тотчасъ же посланы были заграницу поздравительныя телеграммы.

Послѣ того, г. Шемякинъ предложилъ тостъ за присутствующихъ трехъ Финляндскихъ командировъ; Полковникъ Якубовичъ—за молодыхъ офицеровъ, столь блистательно выказавшихъ себя во время войны.

Кромѣ помянутыхъ тостовъ, которые всѣ вызывали одобрительные и громкіе крики „ура", было предложено еще множество другихъ, столь же прочувствованныхъ тостовъ.

Этотъ знаменательный для Финляндцевъ обѣдъ не изгладится изъ ихъ памяти, какъ по своему значенію, такъ и по тому радушію и чисто родственной предупредительности, которую тутъ выказали распорядители. Здѣсь не было ничего заказного или напускного; сердечная теплота, взаимное сочувствіе и признательность съ равною силою выражались со стороны хозяевъ и гостей; Василеостровцы чествовали Финляндцевъ, какъ можно только чествовать близкихъ и искреннихъ друзей, какъ могутъ чествовать только люди,

глубоко привязанные къ возвращающимся къ нимъ изъ дальняго, продолжительнаго, опаснаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, славнаго похода. *

На другой день послѣ этого историческаго для Л.-Гв. Финляндскаго полка празднества, командующій полкомъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Теннеръ получилъ слѣдующую телеграмму [11] отъ Великой Княгини Александры Іосифовны:

„Съ сердечнымъ удовольствіемъ получила Я радушную телеграмму вашихъ представителей Васильеостровскаго населенія. Никогда не забуду минуту проведенную вчера на Васильевскомъ островѣ, среди народа восторженно привѣтствовавшаго Финляндцевъ. Я страдала съ вашими страдальцами ранеными и глубоко счастлива, что Мнѣ довелось раздѣлить съ храбрымъ полкомъ радость задушевной встрѣчи. Примите и передайте всѣмъ Мою искреннюю благодарность за милую обо мнѣ память. Я только исполнила свой долгъ. Мои заботы ничто въ сравненіи съ прочими трудами и подвигами нашихъ чудо-богатырей. Александра“.

„Вотъ они! Ура!“.
Съ иллюстраціи 1878 года.

Такъ почтила полкъ Великая Княгиня Александра Іосифовна вмѣстѣ съ тѣмъ скромно умалчивая о своихъ благотвореніяхъ и милостяхъ, оказанныхъ раненымъ Финляндцамъ съ рѣдкою сердечностью и любовью.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ рядѣ празднествъ, данныхъ Финляндцамъ выдѣлился день 16-го сентября, въ который Великая Княгиня снова выказала полку милостивое вниманіе, удостоивъ всѣхъ офицеровъ полка приглашеніемъ къ завтраку въ Стрѣльнинскій Дворецъ. Тамъ, въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, гдѣ почти за три четверти вѣка происходило первона-

---

* Вообще чествованія гвардіи Петербургомъ были тогда настолько горячи и восторженны, что населеніе столицы было удостоено особой Высочайшей благодарности, выраженной въ Высочайшемъ указѣ на имя С.-Петербургскаго Градоначальника Генерала Зурова. Означенный указъ былъ слѣдующаго содержанія [9]. „Свиты моей господинъ Генералъ-Маіоръ Зуровъ. Торжественныя встрѣчи, оказанныя въ С.-Петербургѣ возвратившимся побѣдоноснымъ войскамъ Гвардіи, преисполнили мое сердце живѣйшею радостью. Мнѣ особенно отрадно было удостовѣриться въ томъ благородномъ сочувствіи къ подвигамъ славныхъ нашихъ войскъ которое при этомъ случаѣ столь блистательно выказано всѣми сословіями любезной Моей столицы. Поручаю вамъ объявить столичному населенію мое искреннее благоволеніе, за единодушное участіе въ восторженномъ пріемѣ войскъ, какъ въ выраженіи одушевляющихъ его чувствъ преданности Престолу и Отечеству. Пребываю къ Вамъ благосклонный Александръ“.

Встрѣча войска обошлась городу около 50 тыс. рублей. [10]

чальное обученіе предковъ—Финлядцевъ-Императорцевъ,—представители Л.-Гв. Финляндскаго полка были удостоены Августѣйшей Супругой своего Шефа вѣнчанія лаврами.

Помѣстивъ во время торжественнаго завтрака, дававшагося въ честь Финляндцевъ, по обѣ отъ себя стороны обоихъ командировъ полка Полковника Шмидта и Флигель-Адъдютанта Полковника Теннера, Ея Императорское Высочество возложила на обоихъ лавровый вѣнокъ, украшенный Георгіевскимъ крестомъ, съ орденскою лентою, а Великій Князь Дмитрій Константиновичъ въ тепло и прекрасно сказанной рѣчи обрисовалъ отличія полка и скромную, но трудную дѣятельность запаснаго его батальона. Громкое задушевное "ура„ присутствовавшихъ было отвѣтомъ благодарности на слова Его Высочества.

На этомъ завтракѣ Великая Княгиня, соединивъ всѣ лучшія воспоминанія полка, могла лично убѣдиться въ той искренно-глубокой признательности, которая видна была на лицахъ каждаго, удостоеннаго этой высокой чести. Удостоивъ же возложеніемъ вѣнка Полковника Шмидта, какъ представителя боевой славы полка и Флигель-Адъютанта Полковника Теннера, получившаго въ полку это званіе за мирныя заслуги, [12] Великая Княгиня увѣнчала въ лицѣ ихъ обоихъ службу Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ за мирное время, такъ и за только что миновавшій походъ, въ которомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ съ честью поддержалъ свою старую боевую славу и украсилъ свои знамена новыми побѣдными лаврами.

Такова была благодарность полку за войну 1877—78 г.г. со стороны Великой Княгини Александры Іосифовны. Высочайшей-же благодарности Финляндцы удостоились лично отъ Государя Императора во время пребыванія полка въ Николаевѣ.

Выраженіемъ Высочайшей благодарности, общей для всѣхъ участниковъ войны, явились медали въ память войны, съ надписью: „1877—78 г.г. не намъ, не намъ, а имени Твоему"; кромѣ того участникамъ были пожалованы Румынскіе кресты.

Цѣлый рядъ празднествъ, устроенныхъ Л.-Гв. Финляндскому полку по его возвращеніи изъ похода 1877—78 года, завершился торжественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне задушевнымъ чествованіемъ Финляндцевъ жителями Старой и Новой Деревень, гдѣ впродолженіи цѣлаго ряда десятилѣтій квартировали Финляндскія роты, а въ послѣдніе годы до этой войны стояли почти постоянно всѣ стрѣлковыя роты полка.

„Между обывателями этихъ деревень уже давно возникло горячее желаніе почтить своихъ постоянныхъ постояльцевъ — Финляндцевъ и поздравить ихъ съ возвращеніемъ изъ труднаго и славнаго похода,—говоритъ корреспонденція Русскаго Инвалида [13]. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, по подпискѣ, въ которой посильное участіе приняли обыватели обѣихъ деревень и къ которой поспѣшили присоединиться и обыватели Крестовскаго острова, собрано было около ста рублей на икону, которую и рѣшено было поднести Финляндскимъ ротамъ, при предстоявшемъ въ скоромъ времени, какъ полагали жертвователи, вступленіи ихъ на квартиры въ Новую и Старую деревни. Узнавъ о намѣреніи Ново и Стародеревенцевъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ И. Ѳ. Громовъ выразилъ старшинамъ и старостамъ старо-деревенской волости желаніе принять, какъ бли-

Е. И. В. Великая Княгиня Александра Іосифовна.

Тип. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

жайшій ихъ сосѣдъ, участіе во встрѣчѣ Финляндцевъ и взялъ на себя расходы по поднесенію имъ хлѣба и соли и по угощенію офицеровъ и нижнихъ чиновъ; содержатель же помѣщающагося въ Новой деревнѣ ресторана „Ливадія" предложилъ, съ своей стороны, помѣщеніе для обѣда нижнихъ чиновъ и принялъ на себя устройство для этого столовъ и прочихъ приспособленій.

„И. Ѳ. Громовъ и депутаты отъ Стародеревенской волости, лично явившись къ командующему полкомъ, просили его согласія на предположенную встрѣчу ротъ полка, при вступленіи ихъ въ помянутую волость, а г. Громовъ, кромѣ того, пригласилъ на тотъ-же день къ себѣ на завтракъ командующаго полкомъ и офицеровъ этихъ ротъ. Но такъ какъ оказалось, что, до окончанія демобилизаціи полка, части его не предполагается выводить на квартиры, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая отказать депутатамъ въ ихъ просьбѣ, Флигель-Адъютантъ Полковникъ Теннеръ испросилъ разрѣшенія совершить 23-го сентября, съ однимъ батальономъ полка прогулку въ Новую Деревню, на что и послѣдовало согласіе со стороны временно-командующаго войсками.

„Утромъ сказаннаго дня, батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка (батальонъ этотъ былъ составленъ изъ людей 4-го батальона дѣйствующаго полка, съ пополненіемъ его до состава военнаго времени всѣми георгіевскими кавалерами полка) со знаменемъ, хоромъ музыки и въ сопровожденіи командующаго полкомъ выступилъ къ Новой Деревнѣ, гдѣ уже все было приготовлено къ пріему желанныхъ гастей.

„Новодеревенцы не пожалѣли расходовъ на убранство своихъ домовъ, разукрасивъ ихъ флагами и гирляндами; у въѣзда же въ деревню, у ресторана „Царская Славянка", воздвигнута была весьма изящная арка, разукрашенная гирляндами, цвѣтами, флагами и надписями: „Ура русскому воинству; Горній Дубнякъ, Балканы". По сторонамъ ея стояли изображенія двуглаваго орла. У арки прибытія Финляндцевъ ожидали: исправляющій должность С.-Петербургскаго губернатора, дѣйствительный статскій совѣтникъ Волковъ, старшина, староста и депутаты отъ Стародеревенской волости, духовенство Новодеревенской и Колтовской церквей съ крестнымъ ходомъ, И. Ѳ. Громовъ съ супругой, толпа мѣстныхъ жителей, разодѣтыхъ по праздничному, и дѣвушки съ букетами цвѣтовъ.

„Къ 12 часамъ дня Финляндскій батальонъ подошелъ къ аркѣ и остановился у нея, привѣтствуемый громкими криками „ура" между тѣмъ, какъ дамы и дѣвушки украшали офицеровъ вѣнками и втыкали букеты на штыки солдатъ.

„По отслуженіи благодарственнаго молебна (причемъ пѣли пѣвчіе изъ мѣстныхъ жителей) и окропленіи батальона святою водою, мѣстный священникъ, о. Николай, обратился къ Финляндцамъ съ привѣтственнымъ словомъ, въ которомъ, припомнивъ совершенные ими, на ряду съ прочими войсками Россійской арміи, подвиги, поздравилъ Финляндцевъ съ возвращеніемъ къ своему очагу на отдыхъ.

„Послѣ того старшина П. С. Лукьяновъ поднесъ командующему полкомъ икону Божіей Матери въ золотой ризѣ, И. Ѳ. Громовъ—хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, А. И. Громова—большой лавровый вѣнокъ, перевитый георгіевскими лентами, между тѣмъ какъ изъ толпы, оглашавшей воздухъ восторженнымъ „ура", на солдатъ посыпался дождь цвѣтовъ и вѣнковъ.

„Давъ крикамъ стихнуть, Полковникъ Теннеръ поблагодарилъ Ново и Стародеревенцевъ за радушный пріемъ и припомнилъ имъ при этомъ, что Финляндцы уже издавна пользуются ихъ хлѣбомъ-солью, что въ рядахъ полка есть много сыновъ-крестьянъ и что если полкъ успѣшно преодолѣлъ всѣ невзгоды похода и заслужилъ признательность Царя и Отечества, то потому, что солдаты еще дѣтьми научились отъ отцовъ своихъ беззавѣтной любви къ Царю и Отечеству.

„Эти слова, вызвавъ на лицахъ многихъ стариковъ слезы, покрыты были новымъ взрывомъ „ура" окружающихъ и снова посыпались на Финляндцевъ цвѣты.

„Въ заключеніе исправляющій должность губернатора сказалъ, что Финляндскій полкъ уже давно квартируетъ здѣсь и мѣстное населеніе относится съ признательностью къ такимъ постояльцамъ, а теперь оно отъ души радуется видѣть ихъ у себя.

„Затѣмъ полкъ, съ музыкою и предшествуемый крестнымъ ходомъ, направился къ ресторану „Ливадія", тоже роскошно убранному. Здѣсь, на берегу Невы, были провозглашены г.г. Волковымъ и Громовымъ тосты за здравіе Государя Императора и Государя Наслѣдника Цесаревича; полковникомъ Теннеромъ—за Шефа полка, Великаго Князя Константина Николаевича и Великую Княгиню Александру Іосифовну, за мѣстныхъ представителей и представительницъ; за процвѣтаніе Новой и Старой деревень; дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Волковымъ—за покрывшій себя новою славою Финляндскій полкъ. Послѣ чего нижніе чины, выпивъ по чаркѣ водки, направились въ театръ, въ залѣ, на сценѣ и въ ложахъ котораго накрыты были для нихъ обѣденные столы; а кому не хватило мѣста въ театрѣ, тѣ разсѣлись за столами, накрытыми въ саду. А. И. Громова и ея родственницы усердно исполняли обязаности хозяекъ, усаживая и угощая солдатъ, которые единодушнымъ, признательнымъ „ура" подхватили тосты, провозглашенные украшеннымъ тремя георгіями фельдфебелемъ Иванковымъ, за Громовыхъ и за представителей Новой и Старой деревень.

„Когда все было устроено съ солдатскимъ обѣдомъ, Громовы попросили командующаго полкомъ и г.г. офицеровъ пожаловать къ нимъ на завтракъ. Но предварительно содержатель ресторана „Царская Славянка", г. Норинъ, просилъ офицеровъ не отказать ему въ чести, по пути, заѣхать и къ нему; здѣсь въ залѣ ресторана, убранной цвѣтами и гирляндами, накрытъ былъ столъ съ обильною закускою, во время которой одинъ изъ находившихся крестьянъ провозгласилъ тосты за Финляндскій полкъ, его командира и офицеровъ, хоръ же изъ крестьянъ весьма хорошо исполнилъ гимнъ „Боже Царя храни". Отсюда командиръ полка съ г.г. офицерами отправились на дачу г. Громова, гдѣ при входѣ въ залу стояли воспитанницы Обуховскаго пріюта, каждая съ изящнымъ букетомъ, который онѣ подносили входившимъ офицерамъ. За завтракомъ провозглашены были тосты за Государя Императора, Государя Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшаго Шефа полка и Его Супругу; затѣмъ, А. И. Громова поднесла Полковнику Теннеру для полка изящной работы золотую съ эмалью чарку на золотомъ подносѣ, при чемъ провозгласила тостъ за полковника и офицеровъ, на что Полковникъ Теннеръ принесъ отъ себя и полка глубокую признательность хозяевамъ.

„Во время завтрака играла музыка Финляндскаго полка и пѣлъ весьма стройный хоръ дѣтей Обуховскаго пріюта.

„По окончаніи завтрака начались танцы, а въ шестомъ часу вечера всѣ въ экипажахъ отправились въ Новую Деревню, гдѣ нижніе чины, окончивъ трапезу и смѣшавшись съ крестьянами, весело бесѣдовали съ ними и пѣли пѣсни. Выстроивъ ряды, батальонъ тронулся въ казармы подъ звуки музыки и при громкихъ „ура" провожавшихъ его жителей".

Таково было послѣднее празднество устроенное въ честь Л.-Гв. Финляндскаго полка послѣ его возвращенія изъ кампаніи 1877—78 г.г.

Отголоскомъ встрѣчъ Финляндцевъ въ Петербургѣ явилось учрежденіе при полку капитала, подъ наименованіемъ „Василеостровскаго". Въ приказѣ по полку отъ 5-го декабря 1878 года по этому поводу было объявлено слѣдующее [14]: „Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ въ 11-й день сего Ноября на принятіе Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ 2017 руб. 67 коп., пожертвованныхъ уполномоченными отъ жителей Васильевскаго острова въ пользу сего полка, для храненія ихъ при полку неприкосновенными подъ наименованіемъ „Капитала собраннаго жителями Васильевскаго острова въ память славнаго участія Л.-Гв. Финляндскаго полка въ войнѣ 1877—1878 г.г.",—съ употребленіемъ процентовъ съ этого капитала на выдачу пособій сиротамъ и вдовамъ нижнихъ чиновъ полка, участвовавшихъ въ минувшей войнѣ, и награжденіемъ впослѣдствіи стипендіями для сиротъ въ школѣ солдатскихъ дѣтей полка" *.

Такимъ образомъ память о торжествахъ при возвращеніи полка изъ похода 1877—78 г.г. имѣетъ существенныя послѣдствія на далекіе будущіе годы.

Въ скоромъ времени, 1-го октября того-же года, Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ честь подносить Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ альбомъ войны 1877—78 г.г., въ которомъ помѣщены были фотографическіе снимки изъ походной жизни полка; этимъ подношеніемъ полкъ выразилъ свою вѣрноподданнѣйшую благодарность Ея Императорскому Высочеству за милостивыя заботы Великой Княгини о раненыхъ Финляндскихъ офицерахъ [16].

Такой же альбомъ общество офицеровъ полка удостоилось поднести Августѣйшей дочери своего Шефа, Ея Королевскому Высочеству, Королевѣ Греческой Ольгѣ Константиновнѣ, также принимавшей горячее участіе въ судьбѣ раненыхъ Финляндцевъ. Альбомъ былъ поднесенъ въ день полкового праздника [17].

13-го Октября Полковникъ Теннеръ приносилъ благодарность отъ имени общества офицеровъ полка Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ за портретъ Ея Высочества, милостиво пожалованный полку [18].

Портретъ Ея Высочества былъ поставленъ въ офицерскомъ собраніи полка въ той самой залѣ, гдѣ попеченіемъ и милостивыми заботами Великой Княгини устроенъ былъ офицерскій лазаретъ для раненыхъ Финляндцевъ.

4-го Февраля 1879 года состоялось послѣднее торжество, завершившее цѣлый рядъ

---

* Кромѣ того, обитатели Васильевскаго острова пожертвовали Л.-Гв. Финляндскому полку 75 рублей на сооруженіе кіота для образа поднесеннаго ими полку въ память турецкой войны 1877—78 г.г. [15].

празднествъ послѣ турецкой войны. То было празднованіе окончательнаго мирнаго договора съ Турціей, состоявшееся въ Высочайшемъ присутствіи въ залахъ Зимняго Дворца. Празднованіе заключалось въ молебствіи и парадѣ, на которыхъ Л.-Гв. отъ Финляндскаго полка была назначена полурота изъ Георгіевскихъ кавалеровъ подъ командою Капитана Барона фонъ-Функа І-го; при полуротѣ были всѣ четыре знамени полка * [19].

Минувшая Русско-Турецкая война 1877—78 годовъ дала богатый боевой опытъ какъ вообще для русской арміи, такъ и въ частности для Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Медаль въ память Турецкой войны 1877—78 г.г.

Подводя итоги участія Л.-Гв. Финляндскаго полка въ этой войнѣ, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ.

Въ нравственномъ отношеніи, Л.-Гв. Финляндскій полкъ показалъ себя тамъ съ блестящей стороны: какъ въ сраженіяхъ, такъ и въ перенесеніи всѣхъ лишеній военнаго времени на походѣ, во время стоянки на Балканахъ и подъ Константинополемъ всѣ чины полка выказали крѣпость духа и нравственную силу всегда проявляемую полкомъ въ тѣ минуты, когда Государь и Россія требовали отъ него службы. Въ самыя тяжелыя минуты войны 1877—78 г.г. полкъ служилъ вѣрою и правдою, запечатлѣвая кровью своихъ чиновъ этотъ священный лозунгъ русской арміи.

Весьма значительныя потери полка убитыми, ранеными и заболѣвшими за походъ въ Турцію свидѣтельствуютъ, что служба полка дорого обошлась тамъ Финляндцамъ и потребовала отъ нихъ громаднаго нравственнаго напряженія, которое было возможно только при блестящемъ состояніи полка въ духовномъ отношеніи. Такимъ образомъ, славный вождь Финляндцевъ Генералъ-Маіоръ Лавровъ, поведшій Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ походъ съ полной вѣрой въ несокрушимую доблесть полка, былъ вполнѣ правъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ съ слѣдующими словами: „Какъ слѣдуетъ вести себя въ бою указывать вамъ нечего, это укажетъ вамъ славный духъ нашего Финляндскаго полка; я увѣренъ, что вы поддержите славу полка, которую 70 лѣтъ наши предки подъ этими знаменами съ честью охраняли, побѣждая на всѣхъ поляхъ битвъ“ [20]. Полкъ въ точности выполнилъ завѣтъ своего доблестнаго командира и къ именамъ славныхъ для него сраженій подъ Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ, Фридландомъ, Бородинымъ, Княжимъ, Краснымъ, Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ, Лейпцигомъ, Варной, Гаджи-Гассанъ-Ларомъ, Тыкочиномъ, Варшавой, Миткишками, Киванцами и Гудишками прибавилъ не менѣе славныя имена: Горный Дубнякъ, Правецъ, Финляндская гора, Арабъ-Конакъ, Айранли и Филиппополь,—имена сраженій и боевъ, въ которыхъ онъ только что проявилъ всегда свойственное полку мужество, храбрость и стойкость.

* Полурота была въ 18 рядовъ при одномъ фельдфебелѣ, 6 унтеръ-офицерахъ, 4 знаменщикахъ и 5 музыкантахъ.

Въ численномъ отношеніи потери Л.-Гв. Финляндскаго полка за кампанію 1877—78 годовъ, выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Убито.				Ранено.				Пропало безъ вѣсти.
	Генераловъ.	Шт.-офиц.	Оберъ-офиц.	Нижн. чин.	Генераловъ.	Шт.-офиц.	Оберъ-офиц.	Нижн. чин.	Нижн. чин.
Подъ Горнымъ Дубнякомъ 12 октября 1877 года . . .	—	1	2	98	1	2*	11**	340	6
На позиціи противъ Шандорника и Арабъ-Конака 20 ноября 1877 года при постройкѣ батареи	—	—	—	—	—	—	—	2	—
22 ноября 1877 года при отбитіи атаки турокъ	—	—	—	1	—	—	—	5	—
23 ноября 1877 года при отбитіи атаки турокъ	—	—	—	1	—	—	—	22	—
Съ 23 ноября по 18 декабря 1877 года въ ложементахъ .	—	—	—	4	—	—	—	13	2***
18 декабря при постройкѣ батареи	—	—	—	2	—	—	—	6	
Итого на позиціи противъ Шандорника и Арабъ-Конака за время съ 20 ноября по 18 декабря 1877 г. .	—	—	—	8	—	—	—	48	2***
Подъ Филиппополемъ 3 января 1878 года	—	—	—	3	—	—	—	18	—
Подъ Филиппополемъ 5 января 1878 года	—	—	—	2	—	—	—	40	1
Итого подъ Филиппополемъ 3 и 5 января 1878 года . .	—	—	—	5	—	—	—	58****	1
Всего за всю кампанію 1877—78 годовъ	—	1	2	111	1	2	11+(4 конт.)	446	9+(1 замер.)

Всего убито, ранено, умерло отъ ранъ и контужено за всю кампанію 1877—78 г.г.:[21] офицеровъ—21, что по отношенію къ средней наличности офицеровъ полка за время

* Кромѣ того, контуженъ 1 штабъ-офицеръ.
** Кромѣ того, контуженъ 1 оберъ-офицеръ.
*** Кромѣ того 1 нижній чинъ замерзъ въ ложементѣ.
**** Кромѣ того контужены 2 оберъ-офицера.

похода составляло 50%; нижнихъ чиновъ*—627, что по отношенію къ средней наличности нижнихъ чиновъ полка за время похода** составляло 20,83%.

Таковы были боевыя потери Л.-Гв. Финляндскаго полка за кампанію 1877—78 г.г.

Изъ всѣхъ сраженій этой кампаніи, въ которыхъ участвовалъ полкъ, сраженіе подъ Горнымъ Дубнякомъ повлекло за собою наибольшія для него потери. Причинъ этого весьма прискорбнаго явленія было много. Главнѣйшими же изъ нихъ являлись слѣдующія: общее неправильное веденіе боя въ тактическомъ отношеніи, выразившееся въ наступленіи къ турецкимъ редутамъ безъ предварительной подготовки этого движенія артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; неправильное и даже иногда вредное направленіе огня нашей артиллеріи, наносившей пораженія нашимъ же войскамъ, а въ числѣ ихъ и Л.-Гв. Финляндскому полку; отсутствіе единства управленія боемъ, результаты котораго быстро сказались и Л.-Гв. на Финляндскомъ полку: разрозненность атакъ, не приводя къ цѣли, причиняла весьма большія и напрасныя потери въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ; примѣненіе къ мѣстности не могло быть использовано наступающими въ полной мѣрѣ въ виду отсутствія сколько-нибудь надлежащихъ плановъ мѣстъ сраженія; впрочемъ, какъ офицеры такъ и нижніе чины послѣ первыхъ значительныхъ потерь стали примѣняться къ мѣстности, на сколько это было возможно, безъ предварительнаго ознакомленія съ нею по планамъ; наступленіе велось слишкомъ по маневренному, густыми цѣпями съ приближенными резервами, какъ то дѣлалось въ лагеряхъ подъ Краснымъ Селомъ; въ смертность огня турокъ какъ бы не вѣрили, пока не испытали его на себѣ; земляными прикрытіями при остановкахъ почти не пользовались вслѣдствіе нераціональности обученія саперному дѣлу въ мирное время, пренебреженія къ нему и отсутствію надлежащаго количества шанцеваго инструмента; такъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку нижніе чины, будучи уже близко къ редутамъ и терпя большія потери, пускали въ ходъ за недостаткомъ лопатъ, манерки и даже просто руки.

Въ послѣдующихъ столкновеніяхъ съ противникомъ, многія изъ этихъ тактическихъ ошибокъ были устранены либо частью, либо цѣликомъ. Такъ, предварительный обстрѣлъ турецкихъ позицій артиллеріею сталъ практиковаться въ обширныхъ размѣрахъ, примѣненіе къ мѣстности использовалось надлежащимъ образомъ и т. п. Послѣднее особенно было соблюдено Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ въ сраженіи подъ Филиппополемъ, какъ это засвидѣтельствовано въ реляціи командира гвардейскаго корпуса, гдѣ умѣлое примѣненіе полка къ мѣстности, поставлено въ особую заслугу командовавшему полкомъ Полковнику Шмидту.

Устраненіе недостатковъ тактики немедленно же отразилось на уменьшеніи потерь полка въ послѣдовавшихъ за Горнымъ Дубнякомъ боевыхъ дѣйствіяхъ съ турками. Однако, нельзя не отмѣтить, что главнѣйшей причиной въ этомъ отношеніи явилась меньшая устойчивость турецкихъ войскъ, нравственныя силы которыхъ все болѣе и болѣе ослабѣвали, поддаваясь вліянію мощи духа русскаго солдата вообще и гвардейскаго въ частности.

* Считая въ томъ числѣ безъ вѣсти пропавшихъ и замерзшаго въ ложементѣ.

** Средняя наличность нижнихъ чиновъ полка за время похода была въ 3010 человѣкъ.

Боевыя дѣйствія Л.-Гв. Финляндскаго полка въ сраженіяхъ кампаніи 1877—78 г.г. были исключительно наступательными, кромѣ дѣйствій его на „Финляндской горѣ“, когда полку пришлось долго пробыть въ ложементахъ, придерживаясь оборонительнаго образа дѣйствій. Въ самые серьезные моменты столкновеній съ турками, полку приходилось преодолѣвать весьма значительныя трудности: противникъ, сидя за укрѣпленіями, наносилъ громадный вредъ атакующему, обдавая его буквально дождемъ свинца; съ другой стороны наступавшимъ рѣдко доводилось самимъ открывать огонь, т. к. противникъ былъ обыкновенно хорошо укрытъ своими валами.

Вслѣдствіе этихъ условій боевой обстановки способъ наступленія имѣлъ особенно важное значеніе и въ полку выработались слѣдующіе практическіе пріемы, весьма отступавшіе отъ требованій подготовки мирнаго времени.

Передъ самымъ переходомъ въ боевой порядокъ, роты въ батальонахъ шли справа по отдѣленіямъ, имѣя въ головѣ всегда одну и ту же роту [22]; это было принято для скорѣйшаго перехода въ боевой порядокъ *.

Боевой порядокъ состоялъ изъ ряда цѣпей: передовой цѣпи, цѣпей ротныхъ резервовъ и общихъ резервовъ. Такимъ образомъ, колонны ротныхъ и батальонныхъ резервовъ были совсѣмъ выведены изъ употребленія при боевой обстановкѣ полка. Указанія объ этомъ даютъ отчеты объ участіи частей полка въ кампаніи 1877—78 г.г. Такъ, командиръ 3-го батальона рапортовалъ по этому поводу [23]: „при наступленіи ротные резервы представляли изъ себя не сомкнутый строй, а густую цѣпь настолько, чтобы начальникъ могъ ею управлять голосомъ“; командиръ 4-го батальона формулировалъ это такъ [24]: „вслѣдствіе страшныхъ потерь, которыя несутъ какъ частные, такъ и общіе резервы, входя въ сферу ружейнаго огня, они замѣнялись густыми цѣпями, такъ-что боевой порядокъ принималъ иной характеръ, чѣмъ тотъ, который указанъ былъ тактикой мирнаго времени“; при этомъ указывалось, что частные резервы держались „возможно ближе къ цѣпи“.

Боевыя же условія вызвали къ жизни способъ наступленія, который въ мирное время совсѣмъ не примѣнялся, а именно—перебѣжки по одиночкѣ подъ огнемъ противника; ихъ примѣненіе практиковалось впрочемъ не всегда, цѣль же ихъ заключалась въ томъ, „дабы менѣе привлекать на себя вниманіе непріятеля“ [25].

Изъ всѣхъ строевъ, принятыхъ уставомъ, преимущество отдавалось строю по-ротно. Батальонныя же колонны, даже въ сферѣ артиллерійскаго огня были признаны офицерами полка неудобными.

Самое наступленіе велось всегда бѣгомъ, направляясь къ тѣмъ закрытіямъ, которыя могли быть найдены на пути наступленія; при такомъ способѣ наступленія потери въ людяхъ становились замѣтно меньше. Такіе же результаты давалъ отчасти и способъ носки шинелей и палатокъ; „скатанныя черезъ плечо шинели и палатки,—рапортовалъ командиръ 2-го батальона, [26]—предохраняли много отъ ружейныхъ пуль, которыя потомъ находились въ упомянутыхъ шинеляхъ въ большомъ количествѣ“.

---

* Впрочемъ практиковалось это не во всѣхъ батальонахъ.

Въ общемъ-же можно придти къ выводу, что при боевыхъ дѣйствіяхъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ эту кампанію чрезмѣрныя потери офицерами и нижними чинами явились, главнымъ образомъ, результатомъ неправильнаго веденія боя съ тактической точки зрѣнія, виновниками чего въ наименьшей степени являлись командиръ и офицерскіе чины полка. Причины же этому явленію были много значительнѣе и глубже.

Что же касается до потерь Л.-Гв. Финляндскаго полка за ту же кампанію, заболѣвшими и умершими, то онѣ были громадны, превосходя во много разъ боевыя потери. Въ полку [27] переболѣло за все время похода 4869 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ умерло 246 человѣкъ въ разныхъ госпиталяхъ и 29—при полку, а всего умерло 275 нижнихъ чиновъ. * Отмороженныхъ въ полку было за всю кампанію 685 нижнихъ чиновъ; изъ нихъ умерло въ разныхъ госпиталяхъ 22 человѣка **.

Полкъ вернулся съ похода, оставивъ больными 2.206 человѣкъ, т. е. 46,57% всего числа нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ походѣ [28]. По среднему разсчету по отношенію къ наличной численности полка, статистическія данныя указываютъ, что въ процентномъ отношеніи всѣ нижніе чины полка переболѣли по одному разу, а нѣкоторая часть ихъ, правда незначительная, и по второму разу.

Причинами такой большой болѣзненности были эпидеміи, главнымъ образомъ, тифа и тифозныхъ заболѣваній, на которыя пришлось около 50% всѣхъ заболѣвшихъ т. е. 2.089 человѣкъ. Самая большая болѣзненность по мѣсяцамъ была: въ апрѣлѣ 1878 года—891 человѣкъ—когда свирѣпствовалъ тифъ и тифозныя лихорадки; въ декабрѣ 1877 года—857 человѣкъ—когда было множество отмороженныхъ и больныхъ кровавымъ поносомъ; въ маѣ 1878 года—834 человѣка—когда свирѣпствовали брюшной и сыпной тифъ; въ іюнѣ того же года—448 человѣкъ—при тифѣ же и перемежающихся лихорадкахъ.

Смертность среди заболѣвшихъ была весьма незначительна; всего умерло въ полку отъ болѣзней 275 человѣкъ ***, что составляетъ къ общему числу заболѣвшихъ около 6%. Болѣе всего умерло отъ сыпнаго тифа—57 человѣкъ, затѣмъ—отъ брюшнаго тифа—46 человѣкъ.

Громадное число заболѣвшихъ въ полку, какъ, впрочемъ, и въ остальныхъ частяхъ русской арміи, вызвано было антисанитарнымъ состояніемъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ приходилось проходить русскимъ войскамъ, и тяжелыми лишеніями, выпавшими на ихъ долю при наступательномъ движеніи къ Константинополю. Неудовлетворительное состояніе интендантской части дѣйствовавшей арміи, привело къ тому, что солдаты совершали походъ полураздѣтые, необутые, зачастую голодные, лишенные всякихъ запасовъ, обоза, что, конечно, разрушающимъ образомъ отразилось и на самыхъ крѣпкихъ организмахъ; при подобныхъ условіяхъ форсировка физическихъ силъ, вызываемая и безо-

---

* Изъ общаго числа раненыхъ нижнихъ чиновъ, т. е. изъ 446 человѣкъ умерло при полку 45: умершіе же отъ ранъ въ госпиталяхъ вошли въ общее число умершихъ тамъ нижнихъ чиновъ и отъ болѣзней.

** Въ это число не вошли 2 человѣка замерзшіе на позиціяхъ и показанные въ таблицѣ боевыхъ потерь полка.

*** Въ это число, впрочемъ, вошли и умершіе отъ ранъ, но не въ полку, а въ разныхъ госпиталяхъ; число ихъ, къ сожалѣнію, не удалось выяснить изъ документальныхъ данныхъ.

становочными маршами, и безсмѣнными сидѣніями на едва доступныхъ высотахъ, была такъ велика, что не могла не повести за собою массовыя заболѣванія, выразившіяся весьма ощутительными цифрами и Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку.

Неудовлетворительное состояніе интендатской части, объясняющееся, между прочимъ, неподготовленностью къ войнѣ вообще, было причиной плохого состоянія войскового хозяйства и недостаточнаго развитія военно-саперной части въ войскахъ. Конечно, многое могло быть улучшено еще въ мирное время, постепенной и систематичной подготовкой къ военнымъ дѣйствіямъ. Однако, по причинамъ разнаго характера, сдѣлано это не было, несмотря на то, что многое прямо бросалось въ глаза своей непригодностью для военнаго времени.

Хорошей иллюстраціей этому являлись войсковые обозы, построеные въ мирное время, какъ казалось, весьма тщательно, но въ военное время оказавшіеся настолько неудовлетворительными, что послужили одной изъ причинъ многихъ лишеній войскъ.

Румынскій крестъ.

Обозъ полковъ гвардейскаго корпуса былъ также весьма неудовлетвориталенъ. Комиссія *, составленная въ февралѣ 1878 года для обсужденія, на основаніи опыта только что миновавшей кампаніи, пригодности обоза, пришла къ слѣдующимъ выводамъ: вообще обозъ тяжелъ, громоздокъ, отстаетъ за сотни верстъ и потому долженъ быть замѣненъ новымъ, значительно облегченнымъ; въ частности: провіантскія повозки такъ тяжелы, что нуждаются въ уменьшеніи груза на 40%; патронные ящики положительно не удовлетворяютъ своему назначенію; санитарный обозъ тоже громоздокъ и кромѣ того отчасти излишенъ; офицерскій обозъ, какъ рѣдко поспѣвавшій на походѣ за офицерами, оставлялъ офицеровъ на бивакахъ и квартирахъ безъ пищи и самыхъ необходимыхъ вещей, что побудило многихъ перейти на вьюки. [29]

Въ походѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ оставилъ колесный обозъ почти полностью въ г. Орханіэ; плохое состояніе дорогъ, а зачастую и полное отсутсвіе ихъ, воспрепятствовало дальнѣйшему движенію его съ полкомъ, вслѣдствіе чего, при выступленіи изъ г. Ихтимана въ Банью и далѣе въ Филиппополь, въ полку имѣлся лишь вьючный обозъ, наскоро организованный и потому обладавшій многими недостатками. Колесный же обозъ присоединился къ полку много позднѣе, на дорогѣ къ Константинополю, когда уже миновала наибольшая въ немъ надобность.

Одинъ изъ совершившихъ походъ въ рядахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка пишетъ по поводу обоза слѣдующее: [30]

„Пришлось солдатикамъ потратить много драгоцѣнныхъ силъ на помощь движенію обоза, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

* Въ этой комиссіи были представители нѣкоторыхъ гвардейскихъ частей и въ числѣ ихъ и отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Матеріалъ собранный комиссіей весьма интересенъ какъ вылившійся изъ свѣжаго опыта похода.

„Испытанiе хода снаряженнаго обоза было произведено по линiямъ Васильевскаго острова на гладкихъ мостовыхъ; блестящiя съ виду повозки, запряженныя въ четыре лошади, носились на подобiе пожарнаго Петербургскаго обоза и подавали большiя надежды на прочность и скорость ихъ въ походѣ; но увы! скоро наступило разочарованiе".

Далѣе, указывая на недостатки обоза, авторъ записокъ придаетъ особое значенiе отсутствiю на обозныхъ повозкахъ приспособленiй для удобнѣйшаго прикрѣпленiя лямокъ и веревокъ.

Вообще же матерiальная часть Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ можно видѣть изъ отчетовъ хозяйственной части полка, за время кампанiи 1877—78 г.г. находилась въ крайне плохомъ состоянiи. [81]

Обмундированiе было въ общемъ неудовлетворительно. Мундиръ гвардейскаго покроя оказался неудобнымъ, „въ особенности при тѣхъ условiяхъ какъ онъ шился въ мирное время, т. е. чтобы онъ сидѣлъ гладко и не морщился отъ портупеи"; пригонка его на людей, прибывшихъ изъ запаса была крайне затруднительна вслѣдствiе его узости. Къ тому же, подъ него нельзя было поддѣть теплую фуфайку, когда въ томъ являлась надобность; затѣмъ вслѣдствiе замѣченнаго свойства солдатъ полнѣть на походѣ и дѣлаться шире въ костяхъ, мундиры оказались не только крайне узкими, но и короткими. „Послѣ трехъ мѣсяцевъ носки въ кампанiи, — говоритъ отчетъ завѣдывающаго хозяйствомъ,—мундиры получили весьма печальный видъ: отъ непогодицы, а отчасти отъ обильнаго поту, разорвались подъ мышками, разорвались во швахъ и до того съузились, что не застегивались на груди, а воротники сильно жали шею".

Шинель оказалась тяжелой, холодной и непрочной: сукно ея послѣ 4-хъ мѣсячной носки „стало походить на рѣшето, пропускающее вѣтеръ, сырость и холодъ". Шинели полковаго склада (неприкосновеннаго запаса), сшитыя еще до войны и присланныя въ полкъ во второй половинѣ марта, оказались такъ коротки, что не приходились на самыхъ малорослыхъ людей.

Фуражки оказались настолько непрочными, что къ веснѣ 1878 года полкъ очутился совсѣмъ безъ нихъ: на головахъ нижнихъ чиновъ появились какiе-то треухи, въ которыя превратились фуражки, а у многихъ солдатъ были болгарскiя шапки; 27-го марта командующiй полкомъ писалъ по этому поводу. [82] „Сосѣди наши—Павловцы, Стрѣлки, Преображенцы давно уже гуляютъ въ новыхъ шапкахъ, а нашимъ и показаться нельзя."

Теплая фуфайка оказалась весьма полезной.. „Нашъ солдатъ одинаково одѣтъ и обутъ,—говорится въ отчетѣ,—какъ въ 5^0 тепла, такъ и въ 30^0 мороза... Своевременная присылка фуфаекъ и теплыхъ носковъ, во время зимней кампанiи, спасла бы не мало жертвъ". Къ сожалѣнiю, теплыя вещи прибыли въ полкъ, когда наступило тепло.

„Несовершенство обуви, т. е. сапогъ, отпущенныхъ интендантствомъ въ настоящую кампанiю, поразительно и имѣло весьма вредныя послѣдствiя на подвижность войскъ,—указываетъ отчетъ завѣдующаго хозяйствомъ. Кромѣ маломѣрности сапогъ, таковые, большею частью, не выдерживали двухнедѣльной походной носки, послѣ чего буквально разлѣзались по швамъ, а кожа послѣ малѣйшей подмочки коробилась и твердѣла на подобiе древесной коры. Противуположность этому явленiю представляли сапоги ниж-

нихъ чиновъ, сшитые на ихъ средства, хотя изъ того же казеннаго товара; такіе сапоги нерѣдко выдерживали большую часть кампаніи, конечно, имѣя въ запасѣ матеріалъ для своевременной починки. Причина въ этомъ—хорошая выработка товара и тщательное шитье хорошею дратвою, а не нитками; впрочемъ вся эта процедура обходится нижнему чину около 1 руб. 50 коп., но за то и польза есть существенная".

Одинъ изъ ротныхъ командировъ Л.Гв. Финляндскаго полка посвящаетъ въ своихъ запискахъ о войнѣ 1877—78 г.г. слѣдующія строки злоключеніямъ и страданіямъ солдат на походѣ отъ отсутствія обуви: „По волѣ хищниковъ,—пишетъ онъ [83],—солдатикъ воевалъ не только голоднымъ, но окончательно разутымъ и ни кому не пришло въ голову серьезно позаботиться о солдатскихъ ногахъ, въ которыхъ также заключается тайна побѣды. Дѣйствительно, солдатики взяли съ собою въ походъ по двѣ пары сапогъ, изъ которыхъ одна, порядочно поистрепавшаяся въ мирное время, была у нихъ на ногахъ, а другая на ранцѣ, но что это за сапоги! Солдатики, пройдя Румынію, вступили въ Болгарію, правда въ сапогахъ, но уже не доходя до Дубняка у большинства высовывались голые пальцы, а изъ пятокъ сочилась кровь, между тѣмъ какъ на ранцахъ уже не было сапогъ. И въ этой то обуви пришлось подняться на Балканы; не мало денегъ пришлось мнѣ потратить на починку сапогъ роты и смазку солдатскихъ ногъ, но ничего не помогало—сапоги рвались и ноги натирались и только несокрушимое терпѣніе русскаго солдата помогло ему безъ протеста умереть отъ послѣдствій хищниковъ—интендантовъ."

Однимъ изъ существенныхъ условій сохраненія, какъ обуви такъ и обмундированія признавалась необходимость имѣть запасъ матеріаловъ для ихъ починки на походѣ.

Снаряженіе нижнихъ чиновъ по опыту войны признано было тоже неудовлетворявшимъ своему назначенію и требовавшимъ „коренныхъ измѣненій." Ранецъ оказался тяжелымъ и неудобнымъ; въ немъ находилось много лишнихъ вещей, но не было мѣста для носки двухдневной провизіи; онъ мѣшалъ солдатамъ въ бою и на походѣ. Въ результатѣ полкъ, по распоряженію начальства, оставилъ ранцы въ Боготѣ, иначе невозможно было дальнѣйшее быстрое его передвиженіе; съ тѣхъ поръ объ ранцахъ забыли и они были замѣнены холщевыми мѣшками, которые были много легче ранцевъ, но, будучи сшиты изъ перваго попавшагося подъ руку холста, промокали насквозь. Съ такими мѣшками нижніе чины ухитрялись дѣлать большіе и быстрые переходы въ 40 верстъ, въ морозы, въ дожди и въ жары.

Оказалось снаряженіе неудовлетворительнымъ и для носки надлежащаго запаса патроновъ, будучи недостаточнымъ и неудобнымъ для размѣщенія ихъ.

Котелокъ, сослужившій солдату большую службу на походѣ, былъ пригнанъ весьма неудобно и затруднялъ своего владѣльца при движеніяхъ.

„Водоносныя фляги,—говоритъ отчетъ,—до похода существовали только на бумагѣ, такъ какъ образецъ ихъ не былъ отысканъ". Замѣнены были эти пропавшія фляги бутылками изъ подъ лимонада, обшитыми холстомъ. Неудобство ихъ заключалось въ непрочности.

Тесакъ былъ признанъ совершенно лишнимъ и неудобнымъ; его слѣдовало бы за-

мѣнить легкимъ топоромъ и легкой лопатой, снабдивъ половину людей топорами, половину лопатами. Но при отсутствіи и тѣхъ и другихъ, тесакъ принесъ большую пользу нижнимъ чинамъ, особенно во время занятія полкомъ Финляндской горы. Вообще же опытъ кампаніи показалъ, что каждому нижнему чину необходимо имѣть на походѣ какое нибудь орудіе для рубки дерева, хвороста и т. п.

Состояніе шанцеваго инструмента было неудовлетворительно. Лопата, это вспомогательное оружіе къ ружью, считалась въ началѣ похода лишней обузой; о малой лопатѣ многіе офицеры не имѣли понятія. Но опыты войны и особенно дѣйствія подъ Плевной показали всю важность этого скромнаго предмета снаряженія. Послѣдствія пренебреженія имъ сказались весьма быстро. Если бы наши войска имѣли малую лопату, то укрѣпленіе нашихъ Плевненскихъ позицій облегчилось бы во много разъ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ выступилъ въ походъ, имѣя всего на всего 160 большихъ лопатъ, но на походѣ былъ снабжаемъ, на сколько позволяли средства инженерныхъ парковъ, малыми лопатами, что, впрочемъ, произошло, главнымъ образомъ, во вторую половину его похода, послѣ перехода черезъ Балканы. Такимъ образомъ, лопатъ было недостаточно *. Топоровъ и прочаго шанцеваго инструмента было тоже мало. Въ походъ полкъ выступилъ, имѣя топоровъ 384, кирокъ 55, мотыгъ 57 и ломовъ 16 [84]. Въ заключеніе о шанцевомъ инструментѣ одинъ изъ батальонныхъ командировъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Полковникъ Строевъ, писалъ: „Пріобрѣтенныя полкомъ при стоянкѣ подъ Контантинополемъ и выданныя въ роты почти на каждаго солдата малыя турецкія лопаты, по легкости и удобству носки заслуживаютъ вниманія и примѣнимы для производства ими работъ [85]".

Изъ предметовъ снаряженія, бывшихъ на людяхъ въ кампанію 1877—78 г.г. и оказавшихъ едва-ли не наибольшую пользу солдату, слѣдуетъ отмѣтить походныя палатки; онѣ прикрывали людей и отъ жары, и отъ холода, и отъ дождя, служили людямъ какъ плащъ и какъ носилки.

Продовольствіе за время кампаніи во многихъ случаяхъ было недостаточно, особенно въ зимніе мѣсяцы. Въ самые трудные дни похода, солдаты довольствовались изъ ранцевыхъ котелковъ, приготовляя себѣ варку изъ чего Богъ послалъ. Съ приходомъ въ Беюкъ-Чекменджи варку стали дѣлать въ артельныхъ котлахъ и пища стала сразу лучше. Вообще же, наибольшія лишенія въ ней чувствовались на Балканахъ, когда нельзя было никакими средствами добыть соли; пища же безъ нея была отвратительна на вкусъ и крайне вредна. Сухарей было въ общемъ достаточно, хотя добывались они иногда съ большимъ трудомъ. Консервовъ, которые могли бы оказать помощь въ довольствіи, полкъ получилъ немного, да къ тому же они пропали въ Яссахъ.

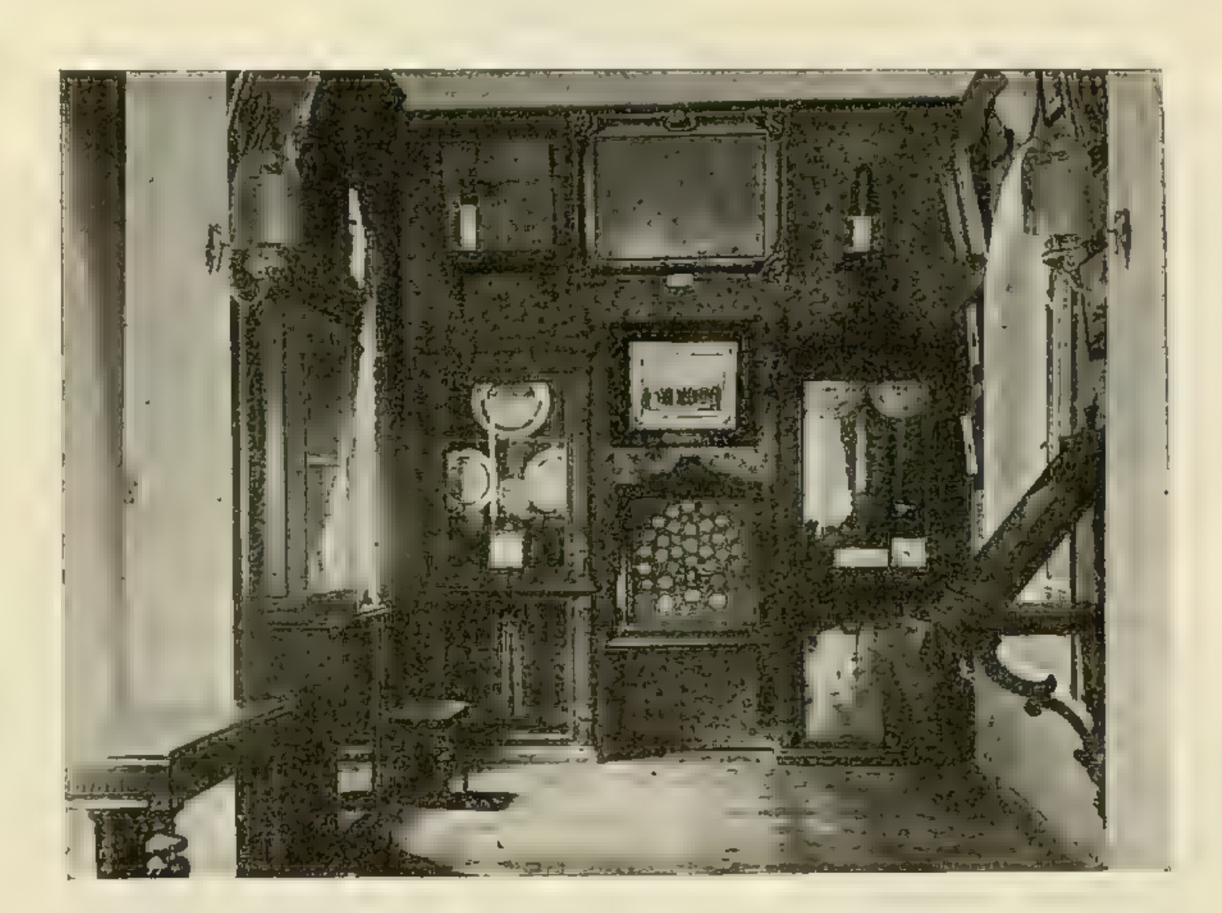
„Постъ для солдатскаго брюха наступилъ въ Болгаріи, по переходѣ черезъ Дунай, — пишетъ участвовавшій въ рядахъ полка; — въ этой сторонкѣ способъ продовольствія полка былъ оставленъ какъ-бы на волю судебъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ

---

* Насколько въ нихъ была велика нужда, показываетъ фактъ собиранія ихъ послѣ сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ съ убитыхъ турокъ особыми командами, наряженными отъ всѣхъ полковъ.

оставалось одно средство питанія—это грабить мирныхъ болгаръ; но даже въ самые голодные дни солдатики не прибѣгали къ послѣднему средству, а утоляли голодъ пропусканіемъ нѣсколькихъ сухарей въ день, конечно, безъ всякой варки и приправъ; по временамъ и на солдатскій столъ въ Болгаріи падала манна небесная, въ видѣ щей съ кусками мяса.

„Если русскій солдатикъ сокрушилъ своего врага, успѣшно боролся со стихіями природы, — говоритъ далѣе тотъ-же участникъ похода,—то онъ смиренно преклонялся предъ какимъ то стихійнымъ хищничествомъ интендантовъ и безъ всякаго протеста уступалъ имъ свои послѣднія крохи, отдавая себя на волю Бога Животворящаго“.

Шкафы съ подношеніями полку за кампанію 1877—78 г.г.

По части пищи духовной дѣло обстояло тоже неблагополучно, но здѣсь уже во многомъ были причиной сами солдаты или ихъ родственники: на почтѣ къ веснѣ набрались тысячами письма съ адресами въ родѣ слѣдующаго: „Въ дѣйствующую армію, на берегу Мраморнаго моря, въ 4-ю роту, Ивану Иванову“. Ни полкъ, ни дивизія не обозначались.

Ружья и патроны, бывшіе въ гвардіи во время похода, оказались хорошаго качества, прочными и весьма пригодными для военнаго времени; армія въ этомъ отношеніи значительно отстала отъ гвардіи, имѣя въ большинствѣ своихъ частей ружья системы Крынка, а не малокалиберныя винтовки, бывшія въ гвардіи. Но если гвардейцы были вооружены лучше армейскихъ нижнихъ чиновъ, то, по сравненію съ противниками, ихъ вооруженіе уступало турецкому, болѣе дальнобойному и съ прицѣломъ на большія разстоянія.

Такова была матеріальная часть Л.-Гв. Финляндскаго полка въ безпримѣрно трудный, по естественнымъ свойствамъ театра войны, походъ его въ Турцію. Неприглядна картина эта, но тѣмъ болѣе чести участникамъ похода, офицерамъ и нижнимъ чинамъ, съ твердостью и стойкостью, перенесшимъ всѣ невзгоды и лишенія, явившіяся во многихъ случаяхъ результатомъ неподготовленности матеріальной части. Высокій духъ Финлянд-

скаго солдата, стоически выносившаго всѣ лишенія „за родную Рассею", помогалъ ему безропотно нести тяжкое бремя, возложенное на него, какъ и на прочихъ солдатъ, вслѣдствіе многихъ погрѣшностей нашей военной системы того времени; и хотя много братій его полегло на Балканскихъ горахъ, онъ, всетаки, все вынесъ и послѣ ряда сраженій съ противникомъ, пришелъ къ вратамъ Царьграда, сдѣлавъ многое свыше силъ человѣческихъ. Въ этомъ заслуга его навсегда будетъ памятна послѣдующимъ родамъ, какъ памятно будетъ и геройство его въ сраженіяхъ.

Въ заключеніе описанія участія полка въ кампаніи 1877—78 г.г. слѣдуетъ представить за это время жизнь его запаснаго батальона.

Сформированный только на время войны, запасный батальонъ, хотя и оставался въ Петербургѣ, далеко отъ роднаго полка, однако же жилъ съ нимъ одною идеею и всею своею службою имѣлъ назначеніе оказывать помощь своимъ боевымъ товарищамъ.

Однако значительность разстояній между Петербургомъ и театромъ войны и зависимость запасныхъ батальоновъ гвардіи отъ особаго Управленія дѣлали сношенія ихъ съ своими дѣйствующими полками весьма затруднительными; часто эти сношенія прекращались совсѣмъ. Такъ было во всѣхъ гвардейскихъ частяхъ.

11-го мая 1878 года командующій Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Полковникъ Шмидтъ писалъ по этому поводу командиру запаснаго батальона Полковнику Ростковскому слѣдующее [36]: „Мнѣніе ваше, что лишь одинъ запасный батальонъ Финляндскаго полка не имѣлъ постоянныхъ сношеній съ дѣйствующимъ полкомъ—кажется ошибочно. На прошлой недѣлѣ, въ обычное засѣданіе комиссіи изъ всѣхъ полковъ у графа Шувалова, возбуждались разные вопросы, изъ которыхъ обнаружилось, что почти никто изъ полковыхъ командировъ не имѣетъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ запасномъ батальонѣ. Всѣ выразились, что повидимому запасные батальоны прочно захвачены управленіемъ гвардейскихъ запасныхъ батальоновъ и помимо этого управленія или ничего дѣлать не смѣютъ, или не желаютъ. Фактъ тотъ, что полки Преображенскій, Семеновскій, Московскій, Гренадерскій, всей 3-й дивизіи и нашъ получили вещи и людей—сюрпризомъ. Мы ихъ получили въ мартѣ, гренадеры въ первыхъ числахъ апрѣля, 3-я дивизія еще позже. Предварительнаго увѣдомленія не было, а когда тюки, ящики прибыли, оказалось, что Преображенцы, Семеновцы, мы, Гренадеры почему то не получили шапокъ, другіе почему то не удостоились гимнастическихъ рубахъ, третьи штановъ и т. д. Вслѣдствіе этого графъ Шуваловъ отнесся къ барону Бистрому форменною бумагою, въ которой, указывая на эти курьезы, просилъ его направить дѣятельность управленія гвардейскими запасными батальонами болѣе правильно".

Такое положеніе вещей дѣлало нравственную сторону службы въ запасныхъ батальонахъ далеко не легкой: вынужденная изолированность ихъ была не малымъ бременемъ, для офицеровъ и для солдатъ, такъ какъ запасные батальоны, получивъ чиновъ своихъ изъ дѣйствующихъ полковъ, составляли съ ними по существу одно цѣлое.

На основаніи существовавшаго въ 1877 году, во время мобилизаціи полка, положенія [37], запасный батальонъ въ мирное время не содержался. Формированіе его въ военное время обезпечивалось кадровыми чинами, состоявшими на дѣйствительной службѣ въ

рядахъ полка, которые числились по особымъ спискамъ, и людьми находящимися въ запасѣ арміи. Сформированный батальонъ долженъ былъ имѣть два состава: постоянный и перемѣнный.

Хотя по штату батальона и полагалось:

въ постояномъ составѣ	штабъ-офицеровъ		2
	оберъ-офицеровъ		11
	нижнихъ чиновъ		114
въ перемѣнномъ составѣ	оберъ-офицеровъ		16
	нижнихъ чиновъ	вольноопредѣляющихся	32
		строевыхъ	100
		нестроевыхъ	100

но, на основаніи того же положенія, разрѣшалось имѣть въ постоянномъ составѣ не менѣе: одного штабъ-офицера, для командованія батальономъ, 4-хъ оберъ-офицеровъ для командованія ротами, 2-хъ оберъ-офицеровъ для занятія должностей казначея и квартермистра и половины всего числа строевыхъ и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. * Перемѣнный составъ долженъ былъ пополняться призванными на службу изъ запаса.

Въ силу послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія о приведеніи гвардіи на военное положеніе, Л.-Гв. Финляндскій полкъ выдѣлилъ кадръ запаснаго батальона, ** въ распоряженіе котораго и передавались люди, назначавшіеся въ его перемѣнный составъ. [38]

Тотчасъ по прибытіи полка изъ лагеря, въ кадръ батальона поступило 57 человѣкъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, а изъ офицеровъ назначены были слѣдующіе:

Л.-Гв. Финляндскаго полка	капитанъ Строевъ 1-й	прикомандированные къ полку, произведенные въ 1877 г.	подпор. Данилевичъ
	— Дохтуровъ		— Зараковскій
	шт.-капит. Строевъ 2-й		
	подпор. Дорогой		
	— кн. Кильдешевъ		
	— Гершельманъ		

Вскорѣ затѣмъ вслѣдствіе недостатка въ батальонныхъ командирахъ полка, *** Капитанъ Строевъ 1-й былъ возвращенъ и какъ старшій въ чинѣ назначенъ командиромъ 2-го батальона полка. Въ то же время сдѣлано было представленіе о назначеніи командиромъ запаснаго батальона, бывшаго тогда въ Главномъ Комитетѣ по устройству и образованію

* Недостающее число нижнихъ чиновъ постояннаго состава должно было пополняться изъ запаса тѣми унтеръ-офицерами и ефрейторами, въ послужныхъ спискахъ которыхъ обозначено, что они могутъ съ пользою исполнить обязанности учителей новобранцевъ.

** Начиная отсюда описаніе прошлаго запаснаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка за время кампаніи 1877-78 г. взято съ нѣкоторыми дополненіями изъ исторіи Л.-Гв. Финл. полка Ф. Ростковскаго, который былъ командиромъ этого батальона.

*** Командиръ 1-го батальона Полковникъ Прокопе 1-й (Викторъ) назначенъ былъ командиромъ 101-го пѣхотнаго Пермскаго полка. Полковникъ Прокопе 2-й (Германъ) занималъ должность завѣдывающаго хозяйствомъ полка и не могъ быть безъ ущерба для дѣла назначенъ командиромъ батальона, а Полковникъ Прокопе 3-й (Яльмаръ) былъ уѣзднымъ начальникомъ въ Болгаріи. Такимъ образомъ недоставало штабъ-офицера для командованія 2-мъ батальономъ.

войскъ и находившагося въ отпуску, Полковника Л.-Гв. Финляндскаго полка Ростковскаго, а до прибытія его завѣдываніе кадромъ батальона временно было ввѣрено Капитану Дохтурову.

До выступленія Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ Петербурга, запасный батальонъ, хотя и пополнялся въ рядахъ вновь прибывшими изъ запаса людьми, но ни въ чемъ дѣятельности своей не проявлялъ. Всѣ почти распоряженія исходили отъ полка, и запасный батальонъ составлялъ какъ бы 5-й его батальонъ. Только за нѣсколько дней до выступленія полка, онъ началъ занимать полковую должность и очередные караулы въ городѣ.

5-я рота Л.-Гв. Финляндскаго полка въ кампанію 1877—78 г.

По фотографіи.

Нѣкоторые изъ людей, прибывшихъ въ полкъ изъ запаса, передавались въ запасный батальонъ, но какъ при этомъ они являлись безъ всякихъ письменныхъ свѣдѣній, и зачастую по нѣсколько разъ въ день замѣнялись другими нижними чинами, иногда по словеснымъ приказаніямъ, то ни списковъ имъ не могло быть составлено, ни даже число ихъ не могло быть опредѣлено. Такому положенію дѣла много способствовало еще и то обстоятельство, что нижніе чины, назначавшіеся въ запасный батальонъ и оттуда обратно переводившіеся въ полкъ, находились въ тѣхъ же казармахъ, которыя по своей тѣснотѣ не дозволяли выдѣлить для запаснаго батальона особое помѣщеніе. Поэтому только съ уходомъ полка запасный батальонъ могъ сосчитаться и приступить къ своей служебной дѣятельности.

Первымъ вопросомъ являлся, конечно, учетъ людей и распредѣленіе всѣхъ чиновъ батальона по ротамъ. * Наличный составъ батальона ко времени выступленія полка былъ въ точности неизвѣстенъ и по свѣдѣніямъ приказовъ о переводѣ людей изъ полка въ батальонъ и обратно не только не сходился по фамиліямъ оставшихся нижнихъ чиновъ, но и самое ихъ число значительно разнилось съ тѣми цыфрами, которыя можно было вывести изъ письменныхъ распоряженій. Кромѣ того весьма много нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ различныхъ отлучкахъ и командировкахъ (въ госпиталяхъ и усиленномъ лазаретѣ, военныхъ училищахъ и гимназіяхъ для показанія правилъ фронтоваго образованія, подъ арестомъ въ комендантскомъ управленіи и на полковой гауптвахтѣ, въ дисциплинарныхъ батальонахъ, на излеченіи въ Старой Руссѣ, Лопухинкѣ, различныхъ штабахъ и

* До того времени люди запаснаго батальона составляли одну команду.

управленіяхъ въ дожностяхъ писарей и т. п.), возвращавшіеся оттуда или туда отправленные, а также тѣ изъ вольноопредѣляющихся, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ были оставлены въ Петербургѣ, усложняли повѣрку и счетъ людей. Словомъ тутъ начали сказываться всѣ затрудненія, явившіяся вслѣдствіе прибытія людей въ батальонъ безъ всякихъ письменныхъ свѣдѣній.

Поэтому тотчасъ послѣ выступленія полка, нижніе чины запаснаго батальона были собраны, переписаны и раздѣлены, какъ слѣдовало по положенію, на 4 строевыя роты.

Такимъ образомъ, было опредѣлено по крайней мѣрѣ, точное наличное состояніе. Но при этомъ не было и не могло быть взято въ разсчетъ ни больныхъ, ни командированныхъ, ни арестованныхъ, а также тѣхъ, которые или произвольно отсутствовали или были въ неизвѣстности для канцеляріи батальона.

Слѣдующіе затѣмъ дни, въ которые постоянно прибывали люди и опредѣлялись различные пропуски въ спискахъ, представляли не мало трудностей для счета людей, такъ что едва къ 1 сентября можно было подвести итогъ и составить правильный строевой рапортъ.

Численный составъ нижнихъ чиновъ, состоявшій 8 августа всего изъ 23 нижнихъ чиновъ, достигъ весьма скоро почти до 600 человѣкъ. Люди эти состояли почти исключительно изъ призванныхъ изъ запаса. Большая часть ихъ, поступившая черезъ полкъ прямо изъ запаса, была одѣта въ то платье, которое эти нижніе чины имѣли при себѣ при объявленіи имъ распоряженія о призывѣ. Во время перваго сбора запаснаго батальона, послѣ выступленія полка въ походъ, шеренги его представляли не безъинтересную картину—это была смѣсь формъ и различныхъ костюмовъ; тутъ можно было видѣть одѣтыхъ вполнѣ по формѣ, чисто и опрятно, были и простыя крестьянскія платья, кучерскія поддевки и различнаго вида штатскіе сюртуки, пиджаки, пальто и шапки до цилиндровъ включительно. Обувь представляла также полное разнообразіе: отъ щегольскихъ сапогъ съ высокими голенищами до простыхъ опорокъ одѣтыхъ на босу ногу. Люди были по большей части съ бородами и обстриженные по русскому деревенскому обычаю въ кольцо. Все это производило впечатлѣніе полнѣйшей пестроты и требовало немедленнаго приведенія въ порядокъ. Надлежало снабдить людей платьемъ, а многихъ и обувью, выдать имъ снаряженіе и вооружить. При этомъ слѣдовало имѣть въ виду, что запасный батальонъ, будучи во всѣхъ отношеніяхъ совершенно отдѣльною и самостоятельною единицею, независящею отъ полка, долженъ былъ снабдить людей своею одеждою и всякая выдача обмундированія изъ складовъ полка должна была считаться заимообразно взятою, въ которой не только приходилось впослѣдствіи сдать отчетъ полку, но вознаградить его за порчу и самый расходъ предметовъ. Кромѣ обмундированія запасный батальонъ долженъ былъ взять на себя и уборку казармъ.

Выступая въ походъ, роты полка оставили въ казармахъ всѣ желѣзныя кровати, не мало различныхъ столовъ, скамеекъ и прочей мебели, картины, принадлежности ротныхъ образовъ, сундуки частью пустые, частью наполненные разнымъ хламомъ. Кромѣ того, вслѣдствіе большой тѣсноты во время мобилизаціи и недостатка въ кроватяхъ, въ ротныхъ помѣщеніяхъ было немало соломы, разостланной по полу для спанья людей. При-

ходилось все это очистить и привести въ порядокъ, какъ для размѣщенія людей запаснаго батальона, такъ и потому, что часть казармъ должна была быть черезъ нѣсколько дней сдана 88-му пѣхотному Петровскому полку. При этомъ необходмо было всю мебель, сундуки и весь оставленный скарбъ переписать, вынести и сложить особо по-ротно, чтобы по возвращеніи изъ похода каждый могъ получить свое имущество.

Одновременно съ этимъ формировался штабъ батальона н хозяйственное его управленіе съ соотвѣтствующими канцеляріями: строевой и хозяйственной части.

Число офицеровъ составляло наименьшую цыфру, на которую могъ разсчитывать батальонъ: не считая командира, было семь человѣкъ. Между ними то должны были быть распредѣлены должности 4-хъ ротныхъ командировъ, 4-хъ оберъ-офицеровъ, завѣдывающаго хозяйствомъ, адъютанта, казначея, квартермистра, дѣлопроизводителя, завѣдывающаго швальнею. Кромѣ того, большое число нестроевыхъ требовало образованія особой команды и врученія ихъ особому офицеру. Также точно и обширные огороды съ засаженною и уже поспѣвшею капустою всѣхъ ротъ полка не могли быть оставлены безъ надзора, а по своей цѣнности могли быть вручены только офицеру.

Уже это распредѣленіе и самое сличеніе со штатомъ указывало на весьма большой недостатокъ въ офицерахъ, а съ производствомъ 30 августа 1877 г. Капитана Дохтурова въ Полковники и назначеніемъ его на должность младшаго штабъ-офицера батальона число оберъ-офицеровъ еще уменьшилось и 1-я рота оставалась временно въ управленіи молодаго, только что произведеннаго въ офицеры, Подпоручика Зараковскаго. * Малочисленность въ офицерахъ чувствовалась, можно сказать, на всякомъ шагу, а что было еще затруднительнѣе такъ это то, что некомплектъ этотъ не могъ быть пополненъ ни въ то время, ни въ скоромъ будущемъ. Повидимому такое обстоятельство могло быть весьма легко устранено вызывомъ желающихъ лучшихъ офицеровъ изъ армейскихъ полковъ, въ чемъ, какъ казалось, не должно бы было встрѣтиться препятствія. На дѣлѣ, однако, вышло иначе. Большинство армейскихъ частей было или въ составѣ дѣйствующей арміи и смежныхъ съ нею округахъ, объявленныхъ на военномъ подоженіи, откуда переводы офицеровъ были невозможны, или находилось на нашихъ окраинахъ, въ округахъ, которые должны были быть въ готовности во всякое данное время мобилизоваться и потому также недопускавшихъ переводы офицеровъ. Въ прочихъ мѣстахъ Имперіи оставалось немного строевыхъ частей, да притомъ число офицеровъ было тамъ весьма ограниченное, вслѣдствіе общаго ихъ недостатка въ нашей арміи, а также по причинѣ пополненія ими открывавшихся вакансій на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, весьма важный вопросъ о попополненія некомплекта въ офицерахъ, несмотря на всѣ старанія батальона и самыя строгія приказанія начальства, не могъ быть удовлетворительно разрѣшенъ, и наличный составъ съ весьма небольшими колебаніями оставался почти все время существованія батальона недостаточнымъ. Онъ увеличился только съ поступленіемъ лѣтомъ 1878 г., вновь произведенныхъ въ офицеры, воспитан-

---

* Вскорѣ въ батальонъ зачисленъ былъ опредѣленный изъ отставки Прапорщикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Кривенко, который тотчасъ былъ назначенъ командующимъ 1-ю ротой.

никовъ военныхъ училищъ, что, впрочемъ, не имѣло вліянія на службу батальона въ самое трудное время, т. е. зимою $187^{7}/_{8}$ года.

Съ выступленіемъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, усиленный лазаретъ его поступилъ въ полное распоряженіе запаснаго батальона. Съ назначеніемъ завѣдывавшаго усиленнымъ лазаретомъ Капитана Гернета на должность смотрителя дивизіоннаго подвижнаго лазарета 2-ой гв. пѣхот. дивизіи, усиленный лазаретъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ ввѣренъ Прапорщику Карпову, который и исполнялъ эту должность во все время нахожденія полка въ походѣ.

Такимъ образомъ, тотчасъ послѣ ухода полка работы осталось множество: небходимо было: учесть людей, обмундировать ихъ, осмотрѣть и очистить всѣ помѣщенія полка, осмотрѣть всѣ склады, привести все имущество въ извѣстность, уложить его въ порядокъ, разсортировать обмундированіе по срокамъ и составить всему опись, которая могла бы служить документомъ при разсчетахъ съ полкомъ. Все это слѣдовало сдѣлать одновременно, быстро, безъ промедленія и весьма акуратно. Таково было положеніе, въ которомъ очутился запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка съ его малочисленнымъ составомъ офицеровъ, изъ которыхъ никто не былъ знакомъ съ хозяйствомъ отдѣльной части.

По этому, требовалось необыкновенныхъ усилій, энергіи распорядительности, настойчивости и доброй воли, чтобы все это привести въ порядокъ въ самое короткое время. Къ этому присоединилось еще и весьма понятное желаніе представить начальству все въ такомъ видѣ, въ такой исправности, какими всегда отличался Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Старанія всего состава запаснаго батальона были одобрены временно командовавшимъ войсками Петербургскаго округа, и Генералъ-Адъютантъ Баронъ Бистромъ, при своемъ посѣщеніи, остался вполнѣ довольнымъ и благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Подобно тому какъ сдѣланъ былъ учетъ наличному состоянію людей, такъ точно предстояла безотлагательная необходимость приведенія въ ясность всего имущества оставленнаго полкомъ; выдѣленіе изъ него того, что по закону слѣдовало батальону, провѣрка требованій и получекъ полка для запаснаго батальона, дотребованіе всего неотпущеннаго и т. п. Въ то же время необходимо было имѣть въ виду, что батальонъ будетъ доведенъ до штатнаго т. е. слишкомъ тысячнаго состава, что онъ будетъ, по всей вѣроятности, посылать маршевыя команды; что, при 57 кадровыхъ нижнихъ чинахъ, ему придется обучить, кромѣ перемѣннаго его состава, 550 новобранцевъ призыва 1878 года; что ему предстоитъ сшить къ концу года только для себя до 200 комплектовъ обмундированія по сроку 1878 г.; словомъ, что батальону съ его 7-ю офицерами (вмѣсто 13 постояннаго состава и 16 перемѣннаго) придется исполнить гораздо болѣе того, что требовалось отъ полка, при его полномъ, по мирному времени, составѣ.

Не мало было также хлопотъ съ устройствомъ ротныхъ помѣщеній. По принятымъ въ гвардіи обыкновеніямъ, каждый солдатъ, имѣя особую желѣзную кровать, долженъ былъ въ тоже время имѣть свой тюфякъ, подушку, одѣяло и хотя двѣ простыни. Требо-

вать заведенія не только всего этого, но даже простого тюфяка отъ прибывшаго изъ запаса, безъ всякихъ почти средствъ и въ виду возможности быть посланнымъ во всякое время на театръ военныхъ дѣйствій, было невозможно, а между тѣмъ нельзя было и оказать какое нибудь содѣйствіе со стороны батальона потому, что денежныя его средства были едва достаточны, чтобы кое-какъ обзавестись насущными предметами для своего хозяйства. Вслѣдствіе такого положенія дѣла, разрѣшено было въ теченіи нѣкотораго времени отпускать нижнихъ чиновъ на вольныя работы, съ тѣмъ чтобы первыя вырученныя деньги были употреблены на заведеніе постелей и вещей необходимыхъ въ солдатскомъ быту. [39] Кромѣ того возбужденъ былъ вопросъ объ отпускѣ отъ казны холста на тюфяки и подушки, который впрочемъ разрѣшенъ былъ весьма не скоро.*

Обозъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ кампанію 1877-78 г.

По фотографіи.

Съ окончаніемъ вольныхъ работъ, т. е. съ 15 сентября, приступлено было къ правильнымъ занятіямъ съ нижними чинами. Здѣсь являлось два совершенно самостоятельныхъ вопроса: а) провѣрка кадра и подготовка недостающаго числа учителей и б) обученіе прибывшихъ изъ запаса, между которыми попадались нижніе чины или вовсе не служившіе въ пѣхотѣ или бывшіе въ нестроевыхъ должностяхъ (музыканты, писаря, деньщики и т. п.).

Вопросъ о кадрѣ и пополненіи учителей былъ на первомъ планѣ. Въ кадръ этотъ оказалось возможнымъ выдѣлить лишь 57 человѣкъ нижнихъ чиновъ; остальные были совершенно непригодны для замѣщенія учительскихъ должностей. Поэтому недостававшее число людей кадроваго состава приходилось пополнять болѣе подходящими чинами перемѣннаго состава. Въ то же время необходимо было заняться и съ кадромъ, такъ какъ нижніе чины, выдѣленные въ постоянный составъ запаснаго батальона, „оставляли многаго желать" [40]. До какой степени запасный батальонъ встрѣчалъ въ этомъ случаѣ затрудненія, можно видѣть изъ того, что въ постоянный его составъ зачисленъ былъ одинъ изъ бывшихъ деньщиковъ.

Съ перемѣннымъ составомъ было также не мало хлопотъ. Недостатокъ учителей и не вполнѣ удовлетворительная ихъ подготовка дѣлали самыя занятія съ этимъ составомъ крайне трудными. Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что самый составъ батальона сильно мѣнялся, вслѣдствіе большихъ колебаній въ числахъ людей прибывавшихъ и убывавшихъ изъ батальона. Такъ въ сентябрѣ 1878 года прибыло 267, убыло 167 человѣкъ; въ октябрѣ прибыло 300, убыло 437, и, наконецъ, въ ноябрѣ прибыло 308 и убыло 280 человѣкъ.

* Разрѣшеніе требовать холстъ на тюфяки получено было 12 января 1878 г.

Колебанія эти происходили отъ пополненія людьми запаснаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка составовъ Л.-Гв. Резервнаго пѣхотнаго полка и запаснаго батальона Л.-Гв. Егерскаго полка и вслѣдствіе отправленія маршевыхъ командъ въ дѣйствующую армію, первая изъ которыхъ была послана во второй половинѣ октября.

Кромѣ того запасный батальонъ встрѣчалъ затрудненія вслѣдствіе формированія въ его казармахъ нестроевой команды военно-временнаго № 8 госпиталя. Справедливость требуетъ сказать, что нижніе чины, назначавшіеся въ эту команду изъ мѣстныхъ войскъ, не отличаясь особенною дисциплиною и имѣя своимъ непосредственнымъ начальникомъ одного чиновника-смотрителя, постоянно отсутствовавшаго по дѣламъ службы, вынуждали зачастую начальство батальона вмѣшиваться во внутренній порядокъ этой довольно значительной команды. Такія команды формировались и въ нѣкоторыхъ другихъ батальонахъ, которые также поставлены были въ крайнее затрудненіе, потому что отвѣтственность за исправность этихъ людей возложена была на запасные батальоны. Нѣсколько случаевъ, обратившихъ на себя вниманіе начальства, были причиною, что люди военно-временныхъ госпиталей подчинены были всецѣло батальону, а чтобы отвлечь ихъ отъ праздной жизни, бывшей главною причиною безпорядковъ, приказано было наряжать ихъ на службу, на работы, а въ случаѣ ничего подобнаго не встрѣтится, или люди будутъ къ тому неспособны, занимать ихъ обученіемъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ. По составу команды, бывшей при запасномъ батальонѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка, только послѣдняя мѣра могла быть примѣнена, но для этого необходимо было отвлечь хотя не учителей, но всетаки лучшихъ людей. Въ то же время необходимо было назначить въ команду нѣсколько унтеръ-офицеровъ перемѣннаго состава для поддержанія внутренняго порядка. По счастью запасный батальонъ скоро освободился отъ этой обязанности: команда военно-временнаго № 8 госпиталя 1 октября ушла на театръ военныхъ дѣйствій.

При занятіяхъ съ нижними чинами принята была инструкція для обученія ратниковъ въ 24-хъ дневный срокъ [41]; при этомъ должно было быть обращено особенное вниманіе на сохраненіе здоровья молодыхъ солдатъ. Въ каждой ротѣ должно было быть приготовлено по 20 учителей.

Вмѣстѣ съ началомъ занятій предписывалось открыть швальню и сапожную мастерскую съ возможно большимъ числомъ мастеровыхъ: необходимо было привести въ порядокъ старое обмундированіе, бывшее на людяхъ, перешить на нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ ихъ новыя мундирныя пары и вслѣдъ за тѣмъ приступить къ новой постройкѣ вещей по сроку 1878 года на людей запаснаго батальона и полка.

Въ такихъ занятіяхъ прошла вторая половина сентября и первая половина октября.

Къ тому времени извѣстія о полку съ театра военныхъ дѣйствій, хотя и получались, но онѣ или запаздывали, или иногда оказывались неосновательными. Въ началѣ октября въ Петербургѣ повторялись тѣ разнорѣчивыя предположенія о движеніи полка на югъ къ Шипкѣ, на востокъ къ Рущуку и на западъ къ Плевнѣ, которыя высказывались во время похода 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи по Румыніи и тотчасъ по переправѣ за Дунай. Вмѣстѣ съ тѣмъ говорили о предполагаемомъ сраженіи и о различныхъ назначеніяхъ частей гвардейскаго корпуса; но всѣ эти сообщенія отличались крайнею неопре-

дѣленностью, неясностью и неточностью. Наконецъ все сгруппировалось на ожидавшемся вступленіи гвардейскаго корпуса въ бой. Это извѣстіе повидимому было вѣроятное. На немъ сосредоточилъ все свое вниманіе Петербургъ, съ нетерпѣніемъ и особеннымъ вниманіемъ слѣдившій за каждымъ шагомъ гвардіи. Почти каждая семья, имѣла тамъ своего представителя, близкаго родственника, друга или хорошаго знакомаго; понятно поэтому, что каждое извѣстіе ловилось съ жадностью и съ быстротою молніи облетало всю столицу.

12-го октября вечеромъ распространился слухъ о большомъ сраженіи, въ которомъ участвовала гвардія и о большихъ ея потеряхъ. На слѣдующій день слухъ сталъ упорнѣе, назывались мѣсто боя, цифры убыли и даже фамиліи пострадавшихъ офицеровъ и начальниковъ. Къ вечеру канцелярія и дежурная комната запаснаго батальона почти безпрерывно посѣщалась родственниками и знакомыми офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, освѣдомлявшимися о своихъ близкихъ. Наконецъ, поздно вечеромъ командиру батальона удалось прочесть въ главномъ штабѣ подробную телеграмму о потеряхъ полка. Въ числѣ безнадежныхъ показанъ былъ и командиръ полка, всѣми уважаемый и любимый Василій Николаевичъ Лавровъ.

На утро 14-го октября часовъ въ 10 собрались, по обыкновенію, въ дежурную комнату всѣ наличные офицеры, а въ числѣ ихъ и командиръ батальона, сообщившій тутъ же списокъ убитымъ и раненымъ. Значительная убыль въ дорогихъ товарищахъ произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Насталъ моментъ общаго молчанія. Каждый какъ будто сосредоточился, пока окончательно не усвоилъ себѣ печальнаго извѣстія, пока не сжился съ потерями. Въ это время, какъ бы предугадавъ идею каждаго, командиръ батальона предложилъ тутъ же офицерамъ устроить у себя въ дежурной комнатѣ нѣчто въ родѣ врачебнаго пріюта для раненыхъ товарищей. Предложеніе, какъ и слѣдовало ожидать, принято было съ неподдѣльными чувствами готовности оказать товарищескую услугу. Затрудненій особыхъ повидимому не могло встрѣтиться: помѣщеніе было готово и хорошо и уютно меблировано; въ кроватяхъ недостатка не было; постельное бѣлье можно было частью достать изъ лазарета, частью имѣть отъ самихъ больныхъ; столъ не могъ обходиться особенно дорого при существованіи офицерской кухни; доктора были свои; словомъ, оставалось только испросить разрѣшенія начальства и оповѣстить больныхъ и раненыхъ офицеровъ.

Вслѣдъ за полученіемъ вѣрныхъ извѣстій о дѣлѣ 12-го октября и потеряхъ полка, отслужено было нѣсколько панихидъ по убитымъ и умершимъ отъ ранъ. На эти панихиды, о которыхъ объявлялось заранѣе въ газетахъ, въ полковую церковь являлось много жителей Васильевскаго острова; ихъ участіе и искреннія сочувствія производили самое отрадное впечатлѣніе. На панихидахъ присутствовали всегда всѣ офицеры запаснаго батальона и всѣ семьи ушедшихъ въ походъ офицеровъ и тѣхъ изъ нижнихъ чиновъ, которые проживали въ казармахъ или по близости ихъ. На этихъ панихидахъ бывало высшее начальство и Августѣйшій Шефъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Въ дневникѣ Великаго Князя Константина Николаевича отъ 16 сентября записано: „отправился въ Финляндскую церковь, на панихиду по бѣдномъ Лавровѣ и по всѣмъ убіеннымъ на полѣ брани.

Ужасно было грустно и слезы невольно навертывались"... Его Императорское Высочество старался Своимъ милостивымъ вниманіемъ успокоить близкихъ родственниковъ и вдовъ. По ходатайству Великаго Князя получено было разрѣшеніе на привезеніе тѣла Генералъ-Маіора Лаврова въ Россію и отрытіе и перевозку останковъ Полковника Ожаровскаго въ Петербургъ. Интересуясь положеніемъ раненыхъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и освѣдомившись о предположеніи запаснаго батальона устроить пріютъ въ дежурной комнатѣ, Великій Князь пришелъ тотчасъ на помощь доброму дѣлу. Августѣйшая Супруга Его Императорскаго Высочества Великая Княгиня Александра Іосифовна, создавшая офицерскій госпиталь въ Евангелической больницѣ въ Петербургѣ, пожелала принять участіе и оказать свою помощь и офицерамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Съ милостивымъ предложеніемъ Великой Княгини прибылъ въ запасный батальонъ Полковникъ П. Е. Кеппенъ, черезъ посредство котораго были доставлены изъ склада Ея Императорскаго Высочества всѣ необходимые предметы для устройства врачебнаго пріюта на 15 кроватей и деньги на его содержаніе. Обязанности доктора принялъ на себя безвозмездно врачъ запаснаго батальона Л. П. Родзивилловичъ-Шостакъ, а двѣ сестры милосердія командированы были изъ Покровской общины Великою Княгинею Александрою Петровною. Такимъ образомъ, благодаря щедрымъ матеріальнымъ и денежнымъ вспомоществованіямъ Ея Императорскаго Высочества, раненые офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка нашли чисто родственный уходъ у себя въ полку, среди искренно преданныхъ имъ товарищей.

Врачебный пріютъ просуществовалъ ровно полгода: будучи открытъ 1-го ноября 1877 г., онъ окончилъ свое дѣйствіе 1-го мая 1878 г.* 2-го ноября, на другой день по открытіи пріюта онъ былъ посѣщенъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ съ Августѣйшей Супругой. Въ дневникѣ Его Высочества это посѣщеніе описано такъ: „Отправился въ Финляндскій полкъ, гдѣ въ дежурной комнатѣ устроено помѣщеніе для нашихъ раненыхъ офицеровъ. Ихъ теперь тамъ 4 человѣка. Самый тяжелый Болдыревъ, командиръ моей роты, раненъ въ обѣ ноги, въ руку и въ грудь, но онъ удивительно бодрый и всѣ остальные тоже. Долго съ ними говорилъ и заставлялъ ихъ разсказывать всѣ подробности страшнаго боя у Горнаго Дубняка. Осмотрѣлъ все помѣщеніе"... Время проведенное ранеными офицерами въ пріютѣ вспоминается ими съ благодарностью. Заботливая внимательность Великой Княгини много способствовала успѣшному ходу леченія и значительно облегчала страданія раненыхъ. Ея Императорское Высочество весьма часто совершенно запросто посѣщала пріютъ въ сопровожденіи Великихъ Князей Константина, Дмитрія и Вячеслава Константиновичей, графини А. Э. Келлеръ и Полковника П. Е. Кеппена. Эти минуты были по истинѣ трогательны и оставляли всегда самыя отрадныя чувства. Несмотря на свои другія весьма обширныя занятія благотвори-

---

* Кромѣ вещей, полученныхъ изъ склада Великой Княгини Александры Іосифовны и возвращенныхъ обратно, израсходовано было на надобности больныхъ офицеровъ 1.953 р. 38 к. с. Деньги эти были доставляемы, по мѣрѣ надобности, по распоряженію Ея Императорскаго Высочества. На содержаніи въ пріютѣ было 7 офицеровъ и 2 сестры милосердія. Врачебный пріютъ былъ освященъ въ присутствіи Великой Княгини Александры Іосифовны и Августѣйшихъ Сыновей Ея Императорскаго Высочества 29-го октября 1877 года.

тельностью, Ея Императорское Высочество по отношенію къ раненымъ офицерамъ полка выказывала истинно материнскую мелочную заботливость и помнила всегда своихъ больныхъ Финляндцевъ. Ея Императорское Высочество, зачастую, присылала офицерамъ фрукты и папиросы и, желая по возможности развлечь однообразную жизнь ихъ въ пріютѣ, устроила на праздникъ Рождества Христова елку, на которой всякій офицеръ получилъ какую-нибудь бездѣлушку. При отправленіи выздоравливавшихъ офицеровъ обратно въ полкъ, Великая Княгиня благословляла каждаго маленькимъ шейнымъ образ-

Посѣщеніе Великой Княгиней Александрой Іосифовной лазарета для раненыхъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

По рисунку съ натуры.

комъ на будущія славныя дѣла, снабжала теплымъ платьемъ и исходатайствовала билетъ Краснаго Креста для безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, что было равносильно весьма существенному денежному пособію.

Во время Страстной недѣли 1878 г. раненые офицеры приглашены были говѣть въ придворной церкви Мраморнаго дворца и къ заутрени во время всенощнаго бдѣнія въ день Св. Пасхи, а послѣ на разговѣнье къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ.

Въ заключеніе каждый изъ бывшихъ въ пріютѣ офицеровъ получалъ изъ рукъ Ея Императорскаго Высочества портретъ Великой Княгини съ собственноручной подписью.

Не менѣе теплое участіе принимала Великая Княгиня и въ раненыхъ и больныхъ нижнихъ чинахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, бывшихъ на излеченіи въ усиленномъ лазаретѣ. Посѣщая лазаретъ, Ея Императорское Высочество снабжала ихъ чаемъ, сахаромъ, табакомъ и различными предметами, которые по мнѣнію Августѣйшей Покровительницы могли облегчить страданія или доставить удобства нижнимъ чинамъ, а чтобы занять свободное ихъ время, Великая Княгиня подарила каждому изъ нихъ печатное Евангеліе. Надобно было быть свидѣтелемъ, чтобы видѣть съ какимъ неподдѣльнымъ чувствомъ принимаемо было все это нижними чинами.

Государь Императоръ Александръ Николаевичъ также не оставлялъ своимъ вниманіемъ раненыхъ Финлянцевъ. Возвратившись 10-го декабря съ театра военныхъ дѣйствій, Его Величество вскорѣ, 15-го декабря, посѣтилъ раненыхъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и выказалъ имъ то глубокое участіе, которое останется навсегда драгоцѣннѣйшимъ для нихъ воспоминаніемъ.

23-го апрѣля въ день тезоименитства Великой Княгини Александры Іосифовны, когда всѣ, уже совершенно поправившіеся, офицеры были въ церкви Мраморнаго дворца, какъ для принесенія, послѣ Божественной литургіи, поздравленія Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, по случаю праздества, такъ и благодарности за всѣ заботы по устройству закрывавшагося врачебнаго пріюта, Государь Императоръ Александръ Николаевичъ обратился къ командиру запаснаго батальона Полковнику Ростковскому и сказалъ, что надѣлъ въ тотъ день мундиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, чтобы вмѣстѣ съ присутствовавшими здѣсь офицерами выразить благодарность Августѣйшей Покровительницѣ раненыхъ и больныхъ.

Дочь Августѣйшаго Шефа, Королева Греческая Ольга Константиновна также выказала Свое вниманіе къ раненымъ офицерамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Ея Величество прислала изъ Аѳинъ при собственноручной запискѣ нѣкоторыя вещи для офицерскаго пріюта.

Таково было милостивое отношеніе Высочайшихъ Особъ къ чинамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ тѣ трудные дни, которые онъ тогда переживалъ.

Чтобы облегчить хоть нѣсколько лишенія своихъ однополчанъ офицеры запаснаго батальона послали офицеромъ дѣйствующаго полка пріобрѣтенные на свои средства запасы вина, чаю, сахару, табаку и папиросъ, выразивъ при этомъ, въ особомъ прочувствованномъ письмѣ, подписанномъ всѣми офицерами, свое глубокое уваженіе боевымъ ихъ заслугамъ и приглашая всѣхъ раненыхъ и больныхъ въ врачебный пріютъ, устроенный въ офицерскомъ собраніи.

Одновременно съ тѣмъ, живущій по сосѣдству съ казармами полка купецъ Н. М. Григорьевъ выразилъ желаніе пожертвовать 1000 рублей на пріобрѣтеніе нижнимъ чинамъ обуви, табаку, сахару, чаю и различныхъ предметовъ необходимыхъ въ походѣ, съ тѣмъ, чтобы вещи эти были посланы по назначенію попеченіемъ запаснаго батальона. Образовавшійся, такимъ образомъ, большой транспортъ вещей, былъ ввѣренъ унтеръ-офицерамъ Никонову и Туеву, которые и были командированы для доставленія посылавшагося въ полкъ.

Незначительная часть этого транспорта прибыла къ полку въ день полковаго праздника, во время знаменитаго сидѣнья на Балканахъ, но, къ сожалѣнію, всѣ вещи могли быть доставлены только въ февралѣ.

Чувствительныя потери гвардейскихъ частей въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ вызвали сами собою вопросъ о посылкѣ подкрѣпленій въ видѣ маршевыхъ командъ для пополненія убыли, какъ въ офицерахъ, такъ и въ нижнихъ чинахъ. Въ числѣ прочихъ, вопросъ этотъ касался и Л.-Гв. Финляндскаго полка. По отношенію къ пополненію офицерскихъ вакансій, запасный батальонъ, имѣя въ своемъ составѣ только 7 человѣкъ, изъ которыхъ необходимо было назначить одного съ предполагавшеюся маршевою командою, не могъ придти на помощь. Что же касается нижнихъ чиновъ, то, хотя повидимому наличный составъ батальона и не представлялъ затрудненія для назначенія сравнительно небольшаго числа (60 чел.) въ маршевую команду, но вслѣдствіе того, что нѣсколько ранѣе выбрано было лучшихъ 120 чел. для пополненія убыли Л.-Гв. Егерскаго полка, остальные представляли или портныхъ, сапожниковъ и другихъ мастеровыхъ, крайне необходимыхъ для успѣшности работъ возложенныхъ на батальонъ, или людей неспособныхъ къ походу. Это послѣднее обстоятельство вызвало распоряженіе о назначеніи потребнаго числа чиновъ для маршевой команды отъ Петербургскаго мѣстнаго и 2-го Кронштадскаго крѣпостнаго батальоновъ. Люди, выбранные изъ этихъ частей, были переведены въ запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и уже оттуда отправлены 2-го ноября, подъ командою Поручика князя Кильдишева въ дѣйствующую армію. Они были снабжены полушубками, новою мундирною одеждою, винтовками Бердана и 60 боевыми патронами. На продовольствіе имъ было выдано: сухарей на 3 дня, по 3 фунта печенаго хлѣба и по 1 ф. вареной говядины [42]. Въ виду же того что эти нижніе чины, какъ служившіе все время въ мѣстныхъ войскахъ, не были ознакомлены съ устройствомъ малокалиберныхъ винтовокъ, они были ежедневно, въ теченіи 7—10 дней своего пребыванія въ запасномъ батальонѣ, обучаемы въ своихъ ротахъ обращенію съ новымъ оружіемъ и ежедневно упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль въ тирѣ 1-го Военнаго Павловскаго училища.

Вслѣдъ за отправленіемъ первой маршевой команды, получено было распоряженіе о назначеніи второй. Наличный составъ запаснаго батальона не давалъ возможности выдѣлить хотя сколько нибудь людей, для командированія въ дѣйствующую армію. Такой недостатокъ въ нижнихъ чинахъ, бывшій во всѣхъ гвардейскихъ запасныхъ батальонахъ, былъ тотчасъ пополненъ переводомъ опредѣленнаго числа людей изъ армейскихъ полковъ Петербургскаго округа. Въ запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка зачислено было такимъ образомъ 228 человѣкъ нижнихъ чиновъ [43]. Люди эти, за весьма небольшимъ остаткомъ, предназначались для пополненія рядовъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Такъ какъ отправленіе второй маршевой команды предполагалось черезъ нѣсколько дней послѣ ухода первой, то всѣ распоряженія по обмундированію, вооруженію и снабженію вещами и продовольствіемъ остались прежнія. Точно также необходимо было и этихъ людей ознакомить съ устройствомъ новыхъ винтовокъ и заняться съ ними стрѣльбою.

Если, благодаря укомплектованію запаснаго батальона, въ нижнихъ чинахъ недостатка не ощущалось, то изъ офицеровъ не могъ быть никто назначенъ. Ихъ было такъ мало, что даже обыкновеннаго наряда на дежурство по батальону иногда невозможно было сдѣлать, а занятія ихъ были настолько разнообразны и трудны и требовали такихъ усилій, что признано было необходимымъ разрѣшить дежурнымъ офицерамъ спать ночью даже раздѣваясь, а днемъ находиться въ помѣщеніяхъ казармъ, тамъ гдѣ того требовали возложенныя на нихъ обязанности съ тѣмъ только, чтобы въ дежурной командѣ всегда было извѣстно о мѣстѣ нахожденія дежурнаго по батальону офицера *.

Маршевая команда была составлена изъ 170 человѣкъ, которые и были отправлены: 50 человѣкъ при 1-мъ унтеръ-офицерѣ подъ командою Подпоручика Л.-Гв. Стрѣлковаго Императорской Фамиліи батальона Михайлова—9 ноября, а остальные 118 нижнихъ чиновъ при 2-хъ унтеръ-офицерахъ, подъ командою проѣзжавшаго черезъ Петербургъ, прикомадированнаго Л.-Гв. къ Финлядскому полку, Поручика 3-го Туркестанскаго линейнаго батальона Святополкъ-Мирскаго на слѣдующій день—10 ноября. Всѣ эти 170 человѣкъ поступили потомъ въ вѣдѣніе Поручика Мирскаго, которымъ и были сданы Л.-Гв. въ Финляндскій полкъ. Команды Поручика Князя Кильдишева, Подпоручика Михайлова и Поручика Святополкъ-Мирскаго двигались по Варшавской желѣзной дорогѣ на Брестъ-Литовскъ, Кіевъ въ Унгени, гдѣ начальники эшелоновъ получали новые маршруты. Маршевыя команды прибыли къ полку, потерявъ оставленными въ госпиталяхъ 8 человѣкъ, т. е. приблизительно около 3% своего первоначальнаго состава.

Въ концѣ ноября 1877 г. въ запасный батальонъ начали поступать новобранцы. Назначенное ихъ число (551 человѣкъ) при тѣхъ наличныхъ средствахъ, которыми располагалъ запасный батальонъ, указывало на ту энергію, съ которою должно было быть ведено дѣло обученія молодыхъ солдатъ, а обязательная подготовка ихъ въ 24 дня [44] вызывала необыкновенную спѣшность самаго дѣла.

Новобранцы, прибывавшіе въ запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, распредѣлялись человѣкъ по 10 между лучшими изъ учителей; въ помощь каждому изъ нихъ назначался кто-нибудь изъ людей постояннаго состава. Эти помощники, практиковавшіеся въ обученіи подъ руководствомъ болѣе способныхъ товарищей, получали впослѣдствіи вновь прибывавшихъ молодыхъ солдатъ, для занятій съ которыми имѣли также помощниковъ изъ числа старослуживыхъ нижнихъ чиновъ. Главнѣйшимъ, конечно, занятіемъ съ молодыми солдатами была стрѣльба и ознакомленіе ихъ съ оружіемъ, хотя и прочіе отдѣлы, чисто теоретической подготовки, не оставлялись непройденными. Стрѣльба производилась ежедневно въ тирѣ 1-го Военнаго Павловскаго училища, а занятія гимнастикою и маршировкою—въ манежѣ полка, словесныя объясненія требованій службы производились въ ротахъ. Занятія эти велись строго, по программѣ, безъ малѣйшаго отъ нея отступленія.

Правильность обученія новобранцевъ не мало затруднялась тѣмъ, что они прибывали

---

* Изъ офицеровъ же запаснаго батальона былъ командированъ Подпоручикъ Зараковскій за тѣломъ Генерала Лаврова; въ началѣ ноября онъ прибылъ уже въ Петербургъ.

не сразу, а въ теченіи декабря, января и даже февраля мѣсяцевъ, что, нарушая принятую систему, было особенно ощутительно при неполномъ числѣ офицеровъ постояннаго и совершенномъ отсутствіи офицеровъ перемѣннаго его составовъ *.

День полковаго праздника, т. е. 12 декабря 1877 г., было празднуемо, какъ день совершившагося 100-лѣтія со времени рожденія Императора Александра I. Это событіе ознаменовано было внутреннимъ парадомъ въ Высочайшемъ присутствіи въ залахъ Зимняго дворца, въ которомъ принимала участіе, въ числѣ прочихъ гвардейскихъ частей, и сводная рота отъ запаснаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка.

День этотъ проведенъ былъ въ запасномъ батальонѣ весьма тихо. Въ дежурной комнатѣ, въ которой въ то время помѣщались раненые офицеры, собрались многіе изъ находившихся въ тотъ день въ Петербургѣ Финлядцевъ. За товарищескимъ незатѣйливымъ обѣдомъ провозглашено было два-три тоста и послана телеграмма съ поздравленіемъ по мѣсту нахожденія Л.-Гв. Финляндскаго полка.

За два дня передъ тѣмъ всѣ запасные гвардейскіе батальоны встрѣчали Государя Императора, возвратившагося тогда изъ дѣйствующей арміи. По этому случаю войска были поставлены на пути слѣдованія Его Величества. Запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ расположенъ по Невскому проспекту отъ Большой Садовой до городской думы.

14-го же декабря въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія Императора Александра Павловича въ С.-Петербургѣ на Дворцовой площади былъ парадъ, въ которомъ принимали участіе всѣ части гвардіи и округа.

Въ декабрѣ получены были свѣдѣнія о потеряхъ гвардіи на Балканахъ, большомъ числѣ простуженныхъ и отмороженныхъ и совершенно изношенномъ платьѣ, пришедшемъ въ полную непригодность. Это вызвало необходимость отправленія возможно большаго числа готовой обуви и одежды въ полки. Сдѣлано было распоряженіе о доставленіи свѣдѣній о складахъ, оставленныхъ въ Петербургѣ и рѣшено было немедленно упаковать и отослать все, что было возможно. Въ силу этихъ распоряженій, запасный батальонъ отправилъ Л.-Гв. въ Финляндскій полкъ: мундировъ—1,900, шароваръ зимнихъ—1,900, лѣтнихъ—1,000, шинелей—900, гимнастическихъ рубахъ—600, сапогъ—800 паръ.

Кромѣ этихъ вещей, взятыхъ прямо изъ складовъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, изготовлено было для гвардіи, по распоряженію штаба округа, значительное количество бѣлья полками 1-го армейскаго корпуса, квартировавшими въ то время въ Петербургѣ. Для Л.-Гв. Финляндскаго полка сшито было 88-мъ пѣхотнымъ Петровскимъ полкомъ 2.500 рубахъ и столько-же подштанниковъ. Бѣлье это было приготовлено въ 10 дней и упакованное сдано было запаснымъ батальономъ въ окружное интендантство вмѣстѣ съ прочими предназначавшимися къ отправкѣ вещами [45]. Вмѣстѣ съ тѣмъ запасный батальонъ пригo-

---

* Въ декабрѣ прибыли къ батальону, прикомандированные къ нему: Поручики: Карповъ, Шевелевъ и Князевъ и Прапорщикъ Григорьевъ. Нѣсколько ранѣе прикомандированъ былъ Штабсъ-Капитанъ Сивицкій, который и былъ назначенъ командиромъ 2-й роты, батальоннымъ квартермистромъ и завѣдывающимъ швальнею. Такимъ образомъ въ постоянномъ составѣ было 11 офицеровъ (вмѣсто 13), а въ перемѣнномъ—ни одного (вмѣсто 16).

товилъ 12 комплектовъ офицерскаго обмундированія * и прибавилъ отъ себя на случай надобности нитокъ суровыхъ и черныхъ по 5 фунтовъ, англійскихъ черныхъ 1 ф. и 250 ручныхъ иголокъ. Всѣ эти вещи 31-го декабря 1877 г. были отосланы черезъ окружное интендантское управленіе въ сопровожденіи одного грамотнаго унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ, выбранныхъ изъ людей предназначенныхъ къ отправкѣ съ первою маршевою командою, которая должна была быть командирована въ первыхъ числахъ января 1878 г.

Означенная маршевая команда была ввѣрена Поручику Князеву, который, отправившись изъ Петербурга 19 января, прибылъ къ полку 3 марта 1878 г. Команда его насчитывала при выступленіи изъ Петерурга: призывныхъ изъ запаса—16 чел., старо-служащихъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка — изъ выздоровѣвшихъ—31 чел., новобранцевъ набора 1877 г.—16 чел., переведенныхъ изъ арміи—207 чел., итого—270 чел. Изъ нихъ оставлено больныхъ на дорогѣ—41 чел., что составляло приблизительно 17,9%.

Обычный видъ зала, гдѣ былъ устроенъ офицерскій лазаретъ въ 1877—78 г.г

По фотографіи 1895 года.

Въ такихъ трудахъ прошелъ декабрь и почти весь январь, въ концѣ котораго получено было распоряженіе объ отмѣнѣ 24-хъ дневнаго обученія и подготовленіи молодыхъ солдатъ, согласно приказа по военному вѣдомству 1876 г. № 424, въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ [46]. Нельзя сказать, чтобы эта мѣра была особенно желательна въ то время. Система 24-хъ дневнаго обученія хотя и была можетъ быть слишкомъ спѣшная, но съ нею свыклись и въ январѣ большинство молодыхъ солдатъ, окончивъ уже свое первоначальное образованіе, повторяло тѣ слабыя части своихъ знаній, которыя оказались при общемъ осмотрѣ новобранцевъ въ батальонѣ. Съ принятіемъ 2-хъ мѣсячнаго срока и объявленной программы приходилось вновь къ ней примѣнять занятія съ тѣми молодыми солдатами, которые или только что поступали или, по позднему своему прибытію, еще не пробыли въ батальонѣ 24-хъ дней, а такихъ было немало.

---

* Каждый комплектъ состоялъ изъ сюртука, брюкъ, лѣтняго пальто, фуражки, башлыка, сапогъ и бѣлья. На каждый комплектъ отпущено было по 69 р. и приказано было приготовить и отправить 10 такихъ комплектовъ. Запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка нашелъ возможнымъ за ту-же цѣну отправить 12.

Въ мартѣ мѣсяцѣ произведена была весьма тщательная и подробная провѣрка новобранцевъ. Это былъ настоящій экзаменъ подобно тому, какъ въ полковой учебной командѣ. Для этого образована была особая коммисія изъ 9 наличныхъ офицеровъ. По каждому предмету заранѣе былъ составленъ подробный конспектъ, служившій руководствомъ для экзаменующаго. Результаты этого испытанія были вполнѣ удовлетворительные. Оказавшіеся нѣсколько слабыми спѣшно подготовлялись, потому что заявлено было, что въ апрѣлѣ они будутъ отправлены Л.-Гв. въ Финляндскій полкъ въ дѣйствующую армію.

Маршевая команда, составленная почти исключительно изъ молодыхъ солдатъ, была отправлена изъ Петербурга 3 апрѣля 1878 г., подъ командою выздоровѣвшаго отъ раны, полученной въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ, Л.-Гв. Финляндскаго полка, Поручика Львова. Команда эта состояла изъ: призванныхъ изъ запаса—8 чел., старослужившихъ въ Финляндскомъ полку, выздоровѣвшихъ — отъ болѣзней бывшихъ въ составѣ дѣйствующей арміи *—25 чел., новобранцевъ набора 1877 г. 355 чел., переведенныхъ изъ арміи—8 чел.,—итого 400 чел.

Несмотря на то, что къ тому времени военныя дѣйствія были прекращены и миръ былъ заключенъ, отправка маршевыхъ командъ всетаки продолжалась. Эти отсылки вызывались вѣроятно весьма сильною болѣзненностью, господствовавшею въ гвардейскомъ корпусѣ и необходимостью имѣть въ полной готовности и комплектѣ его части. Спустя 1½ мѣсяца послѣ отправленія 400 человѣкъ съ Поручикомъ Львовымъ, послана была новая маршевая команда при Поручикѣ Карповѣ, подъ командою выздоровѣвшаго отъ контузіи, полученной въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ, Поручика Л.-Гв. Финляндскаго полка Пчельникова. Она составлена была изъ переведенныхъ изъ арміи новобранцевъ набора 1877 г. въ слѣдующемъ числѣ: призванныхъ изъ запаса и старослужащихъ—6 человѣкъ, раненыхъ и больныхъ, выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка—3 человѣка, новобранцевъ переведенныхъ изъ арміи—295 человѣкъ; итого—304 человѣка; изъ нихъ оставлено больными на пути въ госпиталяхъ—3 человѣка; т. е. приблизительно 1% всего числа выступившихъ.

Всѣ прежнія распоряженія по обмундированію нижнихъ чиновъ и довольствію остались тѣ же, съ тѣмъ, однако, исключеніемъ, что команда Поручика Пчельникова отправлена была безъ ружей. Эти люди незадолго до назначенія въ маршевую команду были переведены изъ арміи, а такъ какъ большинство ихъ поступило изъ частей вооруженныхъ винтовками Крынка, то все время пребыванія ихъ въ запасномъ батальонѣ они были ежедневно упражняемы въ стрѣльбѣ и ежедневно-же занимались ознакомленіемъ съ устройствомъ малокалиберныхъ винтовокъ. Команда Поручика Пчельникова была составлена въ день выступленія запаснаго батальона въ лагерь подъ Красное село, почему, для большей практики въ стрѣльбѣ, нижніе чины, предназначенные къ отправленію въ дѣйствующую армію, оставлены были въ Петербургѣ, откуда черезъ нѣсколько дней и отправились по назначенію.

Обѣ послѣднія маршевыя команды (Поручиковъ Львова и Пчельникова) слѣдовали

---

* Въ этомъ числѣ были вольноопредѣляющіеся Нагель и Тернавскій.

по варшавской желѣзной дорогѣ до г. Одессы, откуда были перевезены моремъ къ мѣсту расположенія Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Лагерное время, проведенное запаснымъ батальономъ въ Красномъ селѣ, въ служебномъ отношеніи ничѣмъ особенно незамѣчательно. Тамъ происходили только усиленныя занятія, согласно указаній и наставленій, сдѣланныхъ еще въ 1876 г.

Стрѣльба и маневрированіе занимали, можно сказать, все время. Смотровъ было сравнительно немного. Служба офицеровъ значительно облегчилась выпускомъ воспитанниковъ военныхъ училищъ. Этихъ молодыхъ людей сразу прибыло въ полкъ 8 человѣкъ; они и замѣстили всѣ вакансіи младшихъ офицеровъ въ ротахъ. *

Въ лагеряхъ запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскго полка размѣстился на мѣстахъ второго и третьяго батальоновъ полка, предоставивъ кухни, солдатскія столовыя, цейхгаузы и офицерскіе бараки перваго батальона запасному батальону Л.-Гв. Волынскаго полка **.

Оба эти батальона, хотя по наружности и представляли двѣ совершенно особыя части различныхъ полковъ, составляли въ сущности одно общество. Чувства симпатіи и родственности, подогрѣтыя воспоминаніями о прежнихъ временахъ, невольно, безъ всякой какой-нибудь заранѣе подготовленной идеи, сближали два небольшіе кружка офицеровъ и поставили ихъ сразу въ самыя задушевныя отношенія. Всѣ офицеры обѣдали вмѣстѣ въ общей столовой Л.-Гв. Финляндскаго полка, располагаясь опять таки и здѣсь безъ всякаго назначенія за однимъ столомъ въ перемѣшку; тутъ шли общія бесѣды, сообщались свѣдѣнія о полкахъ изъ дѣйствующей арміи и высказывались свободно мнѣнія. Ни секретовъ, ни какихъ-нибудь недоразумѣній не было и не могло быть. Свободное время проводилось вмѣстѣ за стаканомъ чая или въ пріятельскомъ кружкѣ. Всѣ нужды одного батальона были любезно предупреждаемы другимъ. За примѣрами офицеровъ слѣдовали и нижніе чины. Словомъ, начиная съ командировъ и кончая послѣднимъ солдатомъ, всѣ были въ самыхъ лучшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Разставаясь послѣ окончанія лагерей, оба офицерскіе кружка рѣшили провести два послѣдніе вечера вмѣстѣ: въ первый Финляндцы были приглашены Волынцами, а въ послѣдній Финляндцы провожали своихъ гостей, отъѣзжавшихъ въ Варшаву. Эти обоюдныя приглашенія товарищей „на стаканъ чаю" и совмѣстно проведенное лѣто 1878 г. остались навсегда пріятными воспоминаніями.

Хозяйственныя части запаснаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка представляли не мало трудовъ чинамъ батальона какъ въ лѣтнее, такъ и въ зимнее время.

Здѣсь отвѣтственость денежная, сбереженіе интересовъ казны и зачастую необходимость весьма быстраго исполненія приказаній вызывали всю энергію чиновъ хозяйственнаго управленія батальона. Не вдаваясь въ подробности, достаточно припомнить, что каждый изъ офицеровъ имѣлъ, кромѣ одной или двухъ хозяйственныхъ обязанностей, должность по непосредственному управленію и обученію нижнихъ чиновъ. Между тѣмъ,

* Подпоручики: Греймъ, Заушкевичъ, Терминскій, Сиреліусъ, Генке, Семеновъ, Бабушкинъ и Скопинскій.

** Кромѣ того запасный батальонъ Л.-Гв. Волынскаго полка занялъ мѣста одного батальона Л.-Гв. Павловскаго полка.

не смотря на это, запасный батальонъ, отославъ всѣ запасы Л.-Гв. въ Финляндскій полкъ, долженъ былъ одѣть, снарядить и вооружить слишкомъ 400 человѣкъ прошедшихъ черезъ его ряды. Осенью 1877 г. онъ получилъ приказаніе изготовить 3739 полныхъ комплектовъ совершенно новаго обмундированія (мундировъ, шароваръ, шинелей, фуражекъ и сапогъ) *. Постройка этихъ вещей должна была быть исполнена въ теченіи двухъ—трехъ мѣсяцевъ. Конечно наличное число портныхъ батальона не допускало возможности подобнаго дѣла. Пришлось поэтому нанимать вольныхъ рабочихъ, а такъ какъ подобное же число комплектовъ должна была построить въ то-же время каждая изъ гвардейскихъ запасныхъ частей, то даже все наличное число портныхъ Петербурга едва-ли могло удовлетворить потребности. Это обстоятельство не могло быть разумѣется причиною неисполненія до крайности спѣшнаго распоряженія. Имѣя же въ виду возможно лучшій и дешевый способъ шитья такого количества платья и обуви, запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка командировалъ въ Вильно, Поручика Сивицкаго для нанятія тамъ портныхъ и заключенія съ ними контрактовъ на работу. Такимъ образомъ, сформирована была въ казармахъ большая швальня съ нѣсколькими десятками паръ хорошихъ мастеровъ (мастеръ и подручный), имѣвшихъ у себя подмастерьевъ и мальчиковъ. Сапоги сданы были съ подряда на заводъ купца Курикова. На прикладъ и постройку обмундированія и обуви отпускалось по 7 р. 50 к. на комплектъ **.

Е. К. В. Королева Эллиновъ Ольга Константиновна.

Съ портрета въ музеѣ полка.

Отправленіе маршевыхъ командъ—Поручиковъ: Кн. Кильдишева, Святополкъ-Мирскаго, Князева, Львова и Пчельникова численностью въ 1.204 чел., вызвало спѣшныя распоряженія по снабженію ихъ всѣмъ необходимымъ и по изготовленію, вмѣсто выданныхъ вещей, новыхъ—что еще увеличило постройку.

Большинство людей, отправленныхъ въ составѣ маршевыхъ командъ Л.-Гв. въ Фин-

* Для неприкосновеннаго запаса 1888, на новобранцевъ 550 и по штату батальона 1301, а всего 3790

** На мундиръ съ шароварами — 3 р. 90 к., шинель — 1 р. 40 к., фуражку—20 сапоги — 2 р., а всего 7 р. 50 к.

ляндскій полкъ, были переведенные изъ армейскихъ частей, одежда которыхъ, какъ невыслужившая большею частію назначенныхъ сроковъ, должна была быть безъ задержки возвращена въ прежнія мѣста службы нижнихъ чиновъ. Батальонъ немедленно затюковалъ всѣ вещи, собравъ все отправляющееся въ каждую отдѣльную часть въ особую посылку. Между тѣмъ почтамтъ, руководствуясь постановленіями по почтовой части, принималъ не болѣе одного пуда въ день отъ каждой части. Пришлось расшить и перетюковывать все, а такъ какъ вещей было очень много, то явился самъ собою вопросъ и о сбереженіи платья отъ моли, тѣмъ болѣе, что вся эта одежда, какъ уже бывшая въ употребленіи не отличалась большею исправностью. Замедленіе въ отправкѣ вещей было такое, что цѣлый складъ армейскаго обмундированія сданъ былъ полку для разсылки.

Прибывшіе изъ дѣйствующей арміи больные и раненые, а также выздоровѣвшіе зачисленные въ запасный батальонъ, являлись всегда почти въ совершенно изодранномъ платьѣ, а иногда даже безъ нѣкоторыхъ предметовъ обмундированія. Это обстоятельство общее всѣмъ частямъ, было причиною послѣдовавшаго распоряженія объ освидѣтельствованіи мундирной одежды, приносимой людьми прибывавшими изъ состава дѣйствующей арміи и замѣнѣ ихъ также новыми предметами обмундированія.

Затѣмъ увольненіе людей по болѣзни въ отпуски, отставки, первобытное состояніе, перечисленіе въ ополченіе и всякая другая убыль требовали выдачи имъ обмундированія, хотя отчасти поношеннаго, но пригоднаго для прибытія ихъ въ мѣста назначенія. Это обстоятельство, особенно важное въ зимнее и осеннее время при ненастной холодной погодѣ и отсутствіи какихъ нибудь запасовъ въ батальонахъ, вызвало распоряженіе объ увольненіи и переводѣ нижнихъ чиновъ въ состоящемъ на нихъ обмундированіи съ тѣмъ, что батальонъ обязанъ былъ вытребовать всѣ матеріалы по числу убылыхъ и сшить ихъ собственными средствами безъ особаго отпуска казны. Такихъ людей убыло изъ батальона 443 человѣка.

Ремонтированіе казармъ и посадка капусты [47] осталось также на обязанности запаснаго батальона.

Все вышеизложенное достаточно характеризуетъ дѣятельность батальона и по хозяйству, хорошей оцѣнкой которой можетъ служить слѣдующая выписка изъ донесенія комисіи, * [48] принимавшей все хозяйство отъ батальона.

„Казармы ремонтированы и въ отличномъ видѣ, а равно и кровати съ сундуками. Кладка дровъ на дровяныхъ дворахъ превосходная. Всѣ огороды обработаны и засѣяны капустой, и старой капусты осталось для прокормленія полка почти по 1 октября. Мастерской инструментъ въ хорошемъ состояніи. Усиленный лазаретъ въ отличномъ видѣ и имѣетъ большой запасъ бѣлья, такъ какъ въ теченіи года сдѣланъ ремонтъ бѣлья болѣе чѣмъ на 2.000 руб. Лошади въ хорошемъ видѣ и приняты согласно штата запаснаго батальона въ числѣ восьми, но между ними двѣ лошади оставленныя полкомъ. Рабочій обозъ и сбруя требуютъ капитальнаго ремонта. Мундирные и амуничные цейхгаузы въ отличномъ видѣ и есть большое количество (согласно приложенной вѣдомости)

---

* Комисія эта составлена была изъ Капитана Акцынова, Штабсъ-Капитана Шевелева и Поручика Деви, подъ предсѣдательствомъ Полковника Прокопе.

готоваго обмундированія, приготовленнаго запаснымъ батальономъ для полка. На мѣсто оставленныхъ полкомъ почти что негодныхъ мундировъ 3-го срока и очень изношенныхъ мундировъ 2-го срока, принято отъ запаснаго батальона 650 почти что новыхъ мундировъ".

Съ возвращеніемъ запаснаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка 20-го іюля изъ лагеря, сдѣлалось окончательно извѣстнымъ о скорой посадкѣ гвардейскихъ полковъ на суда и перевозкѣ ихъ на пароходахъ по Черному морю въ Николаевъ, для дальнѣйшаго слѣдованія по желѣзнымъ дорогамъ на Кіевъ, Брестъ и Вильно въ Петербургъ. Это вызвало распоряженіе о возможно спѣшномъ увольненіи людей запасныхъ батальоновъ въ запасъ. Исполненіе этого приказанія встрѣтило не мало затрудненій, потому что на многихъ нижнихъ чиновъ не было письменныхъ свѣдѣній, а тѣ которые ихъ имѣли должны были ожидать составленія послужныхъ списковъ и исполненія различныхъ формальностей, требовавшихся закономъ. Къ тому же самая пересылка весьма большаго числа людей до такой степени затрудняла Петербургскаго уѣзднаго воинскаго начальника, что онъ не могъ принимать отъ одного батальона болѣе 50 человѣкъ въ недѣлю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлались всѣ приготовленія для встрѣчи возвращавшихся: часть казармъ полка и Дерябинскія казармы приняты были 24-го августа отъ 88-го пѣхотнаго Петровскаго полка и должны были быть немедленно вновь отремонтированы; всѣ помѣщенія очищены и приведены въ порядокъ; въ Пулковѣ заняты квартиры и устроены тамъ кухни, а также доставлены туда средствами батальона всѣ продукты, по разсчету людей полка на 3 дня; роты запаснаго батальона поставлены лагеремъ на Смоленское поле и составлены списки всѣхъ людей батальона для немедленной передачи ихъ въ полкъ.

Съ 4-го сентября запасный батальонъ, въ полномъ его составѣ, участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ полка въ столицѣ.

По прибытіи Л.-Гв. Финляндскаго полка въ казармы, запасный его батальонъ былъ подчиненъ командиру полка, а черезъ нѣсколько дней совершенно расформированъ, при чемъ офицеры и нижніе чины были переведены въ полкъ съ передачею ему также всѣхъ дѣлъ и хозяйства батальона. *

Такъ окончилъ свое существованіе запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Оглядываясь на его слишкомъ годичную службу, нельзя не признать, что не легка она была, хотя батальонъ и простоялъ все время на одномъ мѣстѣ въ Петербургѣ на мирномъ положеніи. Несмотря на то, что запасный батальонъ былъ отдѣленъ отъ полка огромнымъ разстояніемъ, онъ жилъ одною съ нимъ жизнью, радовался его успѣхамъ и нравственно скорбѣлъ о трудныхъ минутахъ. Онъ отражалъ на себѣ все, что испытывалъ полкъ. Горный Дубнякъ, сидѣнье на Балканахъ и томительная стоянка у Калфакіой не прошли безслѣдно и для запаснаго батальона—онъ усиленно обучалъ людей, формировалъ маршевыя команды, усиленно шилъ огромную массу вещей и посылалъ ее въ дѣйствующую армію для своихъ собратьевъ. Если всѣ усилія полка были направлены къ тому, чтобы содѣйствовать подавленію врага, то всѣ старанія запаснаго батальона

* При этомъ экономическія суммы запаснаго батальона, въ количествѣ 9,575 руб. 78 коп., были представлены въ полкъ.

вся энергія, распорядительность и усердіе каждаго отдѣльнаго его чина и всѣхъ вмѣстѣ клонились только къ скромной цѣли быть полезнымъ своему старшему собрату, чѣмъ было можно и на что имѣли право. О нравственной сторонѣ и говорить нечего. Уже одно то, что всѣ чины носили мундиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка было достаточно, чтобы извѣстія о каждомъ шагѣ боевыхъ товарищей ловились съ жадностью, а 38 семей офицеровъ, оставленныхъ въ казармахъ, служили связующимъ звеномъ двухъ раздѣленныхъ частей Финляндскаго полка.

Понятно поэтому съ какимъ нетерпѣніемъ каждый ожидалъ прибытія полка, разсчитывая быть вознагражденнымъ за всѣ свои труды тѣмъ неподдѣльнымъ чувствомъ удовольствія, которое должно было проявиться при встрѣчѣ давно ожидавшихся героевъ-товарищей.

При расформированіи запаснаго батальона переведено было въ полкъ: офицеровъ—17 *, нижнихъ чиновъ: строевыхъ—1.010, нестроевыхъ—53, деньщиковъ—33, инвалидовъ—7, усиленнаго лазарета—167, итого 1,270 человѣкъ.

Георгіевскіе кавалеры.

* Офицеры были слѣдующіе: запаснаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка: Полковникъ Ростковскій, Капитанъ Строевъ 2-й, Поручики: Дорогой 2-й, Гершельманъ, Сивицкій, Эльрихъ; Подпоручики: Карповъ, Кривенко, Данилевичъ, Дубравинъ; Прикомандированные по разнымъ случаямъ: Штабсъ-Капитанъ Петровъ, Подпоручики: Зараковскій, Григорьевъ, Ростковскій, Греймъ, Заушкевичъ, Генке, Скопинскій.

Глава XIII.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ царствованіе Императора Александра II-го.

Характеристика времени вслѣдъ за кампаніей 1877—78 г.г.—Организація полка за время 1856—1881 г.г.—Численность.—Хозяйство.—Казармы—Обмундированіе.—Санитарно-медицинская часть.—Церьковь.—Музыка.—Выдающіяся событія за время 1878—81 г.г.—Взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ 5-го Февраля 1880 года и служба чиновъ караула Л.-Гв. Финляндскаго полка въ этотъ день.

По возвращеніи Л.-Гв. Финляндскаго полка съ похода 1877—78 г.г. насталъ для него весьма продолжительный періодъ мирной жизни, первые годы котораго принадлежатъ ко времени конца царствованія Императора Александра II-го. Эти годы помимо демобилизаціи характеризуются подъемомъ различныхъ отраслей военнаго дѣла и развитіемъ его подъ вліяніемъ опыта только что миновавшей войны. Въ частности-же, для Л.-Гв. Финляндскаго полка, они ознаменованы событіемъ 5-го Февраля 1880 года, когда Финляндцы, охраняя Государя Императора Александра Николаевича и Августѣйшихъ Особъ Императорской Фамиліи, заплатили кровію своею за свою службу вѣрою и правдою.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію событія 5-го Февраля 1880 года надлежитъ для полноты изображенія жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка за время царствованія Императора Александра II представить тѣ стороны этой жизни о которыхъ не было изложено выше, какъ-то организацію полка, его численность, хозяйство, санитарно-медицинскую часть и т. п.

Организація Л.-Гв. Финляндскаго полка за время царствованія Императора Александра II-го подвергалась значительнымъ измѣненіямъ. Въ началѣ разсматриваемаго періода полкъ имѣлъ 3-хъ батальонную организацію, образовавшуюся еще въ царствованіе Императора Александра I-го, при самомъ развертываніи полка изъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго батальона въ 1811-мъ году. При этомъ каждый батальонъ состоялъ изъ 4-хъ ротъ, которыя съ 1816 года носили наименованія: первыя роты батальоновъ — карабинерныхъ, а прочія—егерскихъ, съ присоединеніемъ къ этимъ наименованіямъ номеровъ ротъ, исчисляемыхъ отдѣльно, для карабинерныхъ—съ нумера 1-й по № 3-й включительно, и для

егерскихъ—съ № 1-го по № 9-й включительно. Егерскія роты именовались также и линейными *.

Но съ самаго вступленія на престолъ Императора Александра II-го, организація полка была измѣнена: въ сентябрѣ 1855-го года сформированы были въ полку три стрѣлковыя роты [1]. Такимъ образомъ, число ротъ въ полку достигло 15-ти. 29-го августа 1857 года 3-й батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ и прочихъ полковъ гвардейской пѣхоты, былъ расформированъ и вмѣсто него былъ оставленъ лишь кадръ для сформированія при мобилизаціи резервнаго батальона [2]. Расформирована была тогда же и 3-я стрѣлковая рота.

Двухбатальонная организація полка существовала около шести лѣтъ и въ 1863 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ двинутъ въ сѣверо-западный край для усмиренія поляковъ, послѣдовало Высочайшее приказаніе о развертываніи третьихъ батальоновъ гвардіи изъ кадровъ и, такимъ образомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ сталъ по прежнему состоять изъ 3-хъ батальоновъ [3]. Эту организацію полкъ удержалъ на продолжительное время, до 1876 года, когда 1-го Января былъ переформированъ въ четыре батальона [4].

За время съ 1857 по 1863 годъ двухбатальонный Л.-Гв. Финляндскій полкъ состоялъ изъ 8-ми линейныхъ ротъ имѣвшихъ нумера съ 1-го по 8-ой и составлявшихъ два батальона; кромѣ того имѣлись въ полку двѣ стрѣлковыя роты за нумерами 1-мъ и 2-мъ.

Въ 1863 году, когда сформированъ былъ 3-ій батальонъ, въ полку сформирована была также 3-ья стрѣлковая рота, послѣ чего въ полку состояло 12-ть линейныхъ ротъ съ нумерами отъ 1-го и до 12-го, входившихъ въ составъ трехъ батальоновъ и три стрѣлковыхъ роты съ нумерами отъ 1-го до 3-го, составлявшихъ каждый отдѣльный батальонъ.

Наконецъ, въ 1876 году, когда полкъ былъ развернутъ въ четырехбатальонный составъ, онъ имѣлъ 16 линейныхъ ротъ съ нумерами отъ 1-го до 16-го. Эту организацію полкъ получилъ съ образованіемъ 4-го батальона изъ бывшихъ прежде въ полку трехъ стрѣлковыхъ ротъ съ придачей къ нимъ вновь сформированной 4-ой роты 4-го батальона —нынѣ 16-ой роты *.

Изъ числа приданныхъ полку частей, существовавшихъ со времени царствованія Императора Николая I-го, является инвалидная № 10 полурота, которая въ 1860-мъ году, въ январѣ мѣсяцѣ, была переформирована въ инвалидную команду [5].

Съ 1881 учреждена въ полку нестроевая рота и команда усиленнаго лазарета.

Штатная численность полка колебалась въ значительной степени, въ зависимости отъ вышеуказанныхъ измѣненій организаціи полка; къ концу разсматриваемаго періода, когда полкъ имѣлъ уже прочно установившуюся четырехбатальонную организацію, численность чиновъ полка по положенію 1881 года, была наибольшей за всѣ 25-ть лѣтъ и вы-

---

* Въ 1854 году съ марта по августъ мѣсяцъ Л.-Гв. Финл. полкъ имѣлъ четырехъ-батальонную организацію, такъ какъ къ полку былъ причисленъ въ число дѣйствующихъ батальоновъ и 4-ый, запасный батальонъ полка.

** О переформированіи резервныхъ и запасныхъ частей Л.-Гв. Финл. п. за время царств. Импер. Александра II-го говорится въ I-ой главѣ 3 части настоящаго труда и въ главѣ XII той же части.

ражалась слѣдующими цифрами: генераловъ — 1, штабъ-офицеровъ—6, оберъ-офицеровъ—56, чиновниковъ—8, строевыхъ унтеръ-офицеровъ—117, рядовыхъ 1600,—музыкантовъ—54, барабанщиковъ—37, горнистовъ—37, вольноопредѣляющихся—32, писарей—10, фельдшеровъ—23, прочихъ нестроевыхъ—48, людей для хозяйственныхъ надобностей—23, команды усиленнаго лазарета—72; всего офицерскихъ чиновъ—71 и нижнихъ чиновъ—2152 [6].

Списочная же численность Л.-Гв. Финляндскаго полка за время съ 1855-го по 1881-ый годъ подвергалась значительнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ измѣненія штатной численности полка; въ общемъ за разсматриваемый періодъ численность эта довольно близко подходила къ вышеуказанной, за исключеніемъ времени участія полка въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ походахъ, 1855—1856 годовъ, въ 1863 году и особенно въ 1877—1878 годахъ, когда разница вслѣдствіе потерь военнаго времени, выражалась въ весьма ощутительныхъ цифрахъ *.

Хозяйственная часть въ полкахъ гвардіи за время царствованія Императора Александра II-го испытала на себѣ коренную реформу, заключавшуюся въ введеніи въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ хозяйственныхъ комитетовъ, которымъ и были поручены хозяйственныя операціи, изъятыя въ то же время изъ вѣдѣнія командировъ полковъ.

По дѣйствовавшимъ до этого времени законоположеніямъ, единственнымъ распорядителемъ полкового хозяйства былъ командиръ полка. Ближайшими его помощниками являлись казначей и квартермистръ, оба выбираемые обществомъ офицеровъ полка **. Казначей былъ исполнителемъ распоряженій командира полка по комиссаріатской части и завѣдывалъ мастерскими, а квартермистръ—по провіантской части и вѣдалъ квартирное довольствіе.

Отчетность въ израсходованіи всего причитавшагося полку была чисто формальная внѣшняя; она заключалась лишь въ правильности вывода денегъ и матеріаловъ въ расходъ, согласно штатамъ, табелямъ и числу людей и лошадей. Но остатокъ отъ суммъ и матеріаловъ, получаемыхъ полкомъ, не могъ быть выясненъ по отчетности; такимъ образомъ полковая отчетность того времени, при всей своей сложности, не давала понятія какъ о дѣйствительномъ состояніи полковыхъ суммъ и полкового имущества, такъ и о правильности расходованія всего отпускаемаго полку и особенно остатковъ.

Вслѣдствіе этого въ веденіи полкового хозяйства была полная неопредѣленность: расходованіе суммъ и употребленіе остатковъ отъ нихъ зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія командира полка. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что неполнота табели и несогласованіе ихъ съ дѣйствительными потребностями полкового хозяйства, вынуждали командира полка соблюдать, быть можетъ, излишнюю экономію по нѣкоторымъ статьямъ для покрытія потребностей, для удовлетворенія которыхъ отпуска отъ казны положено не было.

Подобное положеніе полкового командира въ хозяйственномъ отношеніи было весьма затруднительно и давало поводъ къ возбужденію неудовольствія со стороны подчинен-

* Подробнѣе объ этомъ изложено въ настоящемъ трудѣ при описаніи участія полка въ соотвѣтствующихъ походахъ.

** Квартирмистры стали избираться обществомъ офицеровъ въ гвардейскихъ полкахъ лишь съ 1857 года.

ныхъ. Все это повело къ созданію полковыхъ хозяйственныхъ комитетовъ въ полкахъ гвардіи.

„При учреждени хозяйственныхъ комитетовъ,—говорится въ приказѣ по гвардейскому корпусу, положившему начало этимъ учрежденіямъ,—[7] имѣлось въ виду освободить полковыхъ командировъ отъ всѣхъ мелочныхъ, иногда даже несоотвѣтствующихъ ихъ званію, подробностей полковаго хозяйства, избавить отъ всякихъ денежныхъ разсчетовъ какъ съ офицерами, начальствующими ротами, такъ и съ нижними чинами,—и тѣмъ самымъ, отстранивъ отъ нихъ всякое сомнѣніе въ неправильности употребленія суммъ, отпускаемыхъ на полковое хозяйство, возвысить ихъ въ глазахъ подчиненныхъ и дать имъ болѣе возможности требовать отъ каждаго точнаго и неупустительнаго исполненія своихъ обязанностей".

Такимъ образомъ созданіе хозяйственныхъ комитетовъ имѣло цѣлью предоставить командиру полка больше простора для воспитательной и образовательной его дѣятельности въ полку и для возвышенія его престижа среди подчиненныхъ. До введенія этихъ новыхъ учрежденій они подверглись двухъ-годичному испытанію въ нѣкоторыхъ частяхъ гвардейскаго корпуса; испытанія эти привели къ заключенію, что хозяйственные комитеты принесутъ ожидаемую пользу. „Всѣ полки, хозяйственная часть которыхъ находилась въ видѣ опыта въ вѣдѣніи комитетовъ,—въ отношеніи наружной щеголеватости, которая требуется отъ гвардіи Его Императорскаго Величества, представлялись во всѣхъ случаяхъ не хуже другихъ, а по довольствію нижнихъ чиновъ годовыми вещами, составляющими собственность солдата, эти полки были удовлетворены даже лучше нѣкоторыхъ; холстъ, и сапожный товаръ купленные комитетами, были выше утвержденныхъ образцовъ",—такъ представляетъ приказъ по гвардейскому корпусу 1859 г., за № 173, результаты двухгодичныхъ испытаній хозяйственныхъ комитетовъ.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку хозяйственный комитетъ введенъ былъ въ началѣ 1863 года передъ отправленіемъ полка въ кампанію противъ польскихъ мятежниковъ, на основаніи приказа по корпусу отъ 30 января 1863 г. [8].

Хозяйственный комитетъ былъ составленъ изъ предсѣдателя—одного изъ полковниковъ, казначея, квартирмистра, и дѣлопроизводителя; всѣ эти лица занимали должности по назначенію командира полка. На нихъ было возложено, за круговою ихъ порукою, самостоятельныя распоряженія всѣмъ хозяйствомъ при условіи одобренія ихъ со стороны командира полка, который являлся въ общемъ отвѣтственнымъ за хозяйство. Если комитетъ не соглашался съ мнѣніемъ командира полка по какому либо вопросу, то долженъ былъ, подчиняясь рѣшенію командира полка, составить по этому предмету особую записку для внесенія въ журналъ засѣданій комитета; подписаніе этой записки командиромъ полка свидѣтельствовало, что онъ принималъ на себя отвѣтственность за распоряженія, шедшія отъ него въ разрѣзъ съ ея содержаніемъ.

Въ составъ хозяйственнаго комитета входили, кромѣ упомянутыхъ постоянныхъ членовъ его, еще и временные члены, каковыми являлись ротные командиры, назначаемые по одному отъ батальона на каждую треть года *.

---

* Въ подчиненіи у комитета находились офицеры, завѣдующіе госпиталемъ и фурштатскій офицеръ.

Назначеніе этихъ лицъ имѣло двоякую цѣль гласность рѣшеній комитета и постоянное и своевременное постановленіе его въ извѣстность о нуждахъ ротъ и командъ.

Изъ экономическихъ суммъ постоянные члены хозяйственнаго комитета, а равно и командиръ полка, получали ежегодно добавочное содержаніе *.

Первымъ предсѣдателемъ хозяйственнаго комитета Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ Полковникъ Теннеръ, а членами—Капитанъ Борейша, Штабсъ-Капитаны: Васильевъ, Котовъ, Гиренковъ и Поручикъ Водаръ 2. Въ полку дѣятельность комитета вошла въ правильную норму по возвращеніи его изъ Литвы.

Хозяйственные комитеты, составляя отдѣльное коллегіальное учрежденіе, подчиненное командирамъ полковъ только отчасти, имѣли въ этомъ свою отрицательную сторону, вслѣдствіе чего они продержались сравнительно недолго, до 1872 года, когда послѣдовало ихъ уничтоженіе [9].

Въ хозяйственныхъ комитетахъ преимущественное значеніе принадлежало предсѣдателямъ ихъ: въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку наиболѣе продолжительный срокъ эту должность занималъ Полковникъ Кусовъ, поставившій хозяйственное дѣло полка на надлежащую степень его развитія. Въ приказѣ по полку отъ 9 января 1868 г. при сдачѣ имъ должности предсѣдателя объявлено слѣдующее:

Императоръ Александръ II.
Съ портрета изъ музея полка съ собственноручною подписью.

„Полковникъ Кусовъ назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета тотчасъ по возвращеніи полка изъ похода и потому на немъ лежала весьма трудная обязанность привести все въ порядокъ, тѣмъ болѣе, что хозяйственной комитетъ во ввѣренномъ мнѣ полку учрежденъ былъ при самомъ выступленіи полка въ походъ и хозяйство полка не могло быть въ отличномъ состояніи.

* Командиру полка полагалось обязательно выдать 1500 руб., а въ случаѣ возможности—300 руб.

„Въ теченіи этихъ четырехъ съ половиною лѣтъ управленія хозяйствомъ полка, Полковникъ Кусовъ привелъ всѣ части онаго въ отличное положеніе, застроилъ лагерь, довелъ обмундированіе людей до примѣрнаго состоянія, въ чемъ я убѣждался, при моихъ осмотрахъ на парадахъ и Высочайшихъ смотрахъ и за что получалъ лично неоднократно благодарности высшаго начальства. Казармы, ввѣреннаго мнѣ полка, несмотря на ихъ ветхость, содержались всегда въ отличномъ состояніи, о чемъ постоянно заявлялось комиссіею, осматривающею ремонтныя работы; освѣщеніе въ казармахъ значительно улучшилось, равно благодаря его стараніямъ; срочныя донесенія, требованія и вообще вся письменная часть комитета приведена въ надлежащій порядокъ.

„Въ послѣднее время Полковникъ Кусовъ назначенъ былъ предсѣдателемъ полковаго суда и командиромъ 2-го батальона и, несмотря на то, онъ съ одинаковымъ усердіемъ исполнялъ всѣ эти возложенныя на него обязанности".

Веденіе хозяйства въ войсковыхъ частяхъ хозяйственными комитетами не нашло себѣ одобренія ни въ войскахъ, ни въ Главномъ Штабѣ. Вслѣдствіе этого, уже съ 60-хъ годовъ стали испытываться новые способы для управленія хозяйствомъ полка. Работа по этому поводу нѣсколькихъ комиссій остановилась на прежнемъ способѣ веденія хозяйства, бывшемъ до учрежденія хозяйственныхъ комитетовъ, но только способъ этотъ получилъ нѣсколько иное направленіе по выработкѣ „Положенія объ управленіи хозяйственною частью въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ".

Положеніе это введено было въ войскахъ съ 1872 года. [10]

Въ приказѣ по Л.-Гв. Финляндскому полку 1872 года, января 10, о немъ было объявлено слѣдующее: „Прежнее комитетское управленіе хозяйствомъ полка упразднено и завѣдываніе онымъ возложено на командира части, вслѣдствіе чего по всѣмъ вопросамъ, относящимся до хозяйства, предписываю обращаться ко мнѣ".

Такъ-же были опредѣлены обязанности командировъ и должностныхъ чиновъ по хозяйственной части, правила дѣлопроизводства, веденія книгъ, представленія отчетности и порядокъ пріема, храненія, выдачи, повѣрки денежныхъ суммъ и вещеваго имущества.

Кромѣ командира части въ хозяйствѣ полка, по положенію 1872 года, принимали участіе: завѣдующій хозяйствомъ, казначей, квартирмистръ, дѣлопроизводитель, офицеръ завѣдующій оружіемъ, командиръ нестроевой роты и офицеръ завѣдующій лазаретомъ.

Командиръ полка—главный начальникъ хозяйственной части въ полку и главный распорядитель по всѣмъ отраслямъ хозяйственнаго управленія. Онъ даетъ общее направленіе хозяйству полка.

Завѣдующій хозяйствомъ—ближайшій исполнитель приказаній командира полка по хозяйству и начальникъ всѣхъ должностныхъ лицъ по хозяйственной части; подробности хозяйственныхъ распоряженій зависятъ всецѣло отъ завѣдующаго хозяйствомъ.

Прочіе чины хозяйственной части полка вѣдали ввѣренными имъ частями на прежнихъ основаніяхъ.

Правила дѣлопроизводства, веденія книгъ и представленія отчетовъ, а также пріема, храненія, выдачи и повѣрки денежныхъ суммъ и вещеваго имущества, остались, въ общемъ, прежнія.

Положеніе о хозяйствѣ 1872 года, какъ продержавшееся въ войскахъ весьма продолжительное время, дало совершенно новое направленіе хозяйству по сравненію съ прежнимъ порядкомъ хозяйственныхъ комитетовъ; самымъ существеннымъ его достоинствомъ особенно важнымъ, для военнаго времени, явилось его полное подчиненіе командиру полка, причемъ вмѣстѣ съ тѣмъ командиръ полка, имѣя себѣ въ помощь завѣдующаго хозяйствомъ, былъ избавленъ отъ всѣхъ мелочныхъ распоряженій по хозяйственной части. [11]

Что касается до ротнаго хозяйства, то для веденія его не существовало сколько нибудь опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ правилъ за время до 1856 г. Въ этомъ же году вышла „Инструкція ротному, эскадронному и батарейному командирамъ войскъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса,“ представлявшая собою сводъ прежде изданныхъ правилъ, согласованныхъ съ послѣдовавшими измѣненіями въ довольствіи войскъ. [12]

Эта инструкція была замѣнена принятой съ 1861 г. „Инструкціей ротному командиру“, составленной особой комиссіей изъ командировъ ротъ гвардейской пѣхоты; отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ этой комиссіи состоялъ Капитанъ Алхазовъ. [13]

На смѣну инструкціи вышло 7-го января 1878 года „Положеніе о ротномъ хозяйствѣ“.

Это послѣднее положеніе окончательно уничтожило стремленіе къ образованію въ ротѣ артели съ представленіемъ ей права самостоятельнаго распоряженія ротнымъ хозяйствомъ, для управленія которымъ нижніе чины собирались на сходку. [14]

Важнѣйшій отдѣлъ хозяйства—продовольствіе нижнихъ чиновъ служило предметомъ особаго неослабнаго попеченія со стороны начальствующихъ лицъ, во время царствованія Императора Александра II-го. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія распоряженіе, отданное въ 1861 году, объ отпускѣ мясныхъ и винныхъ порцій полкамъ не натурою, а деньгами. [15] Такимъ образомъ, полки получали все продовольствіе нижнихъ чиновъ деньгами и сами уже пріобрѣтали его отъ поставщиковъ. Согласно постановленія комитета для составленія подробныхъ правилъ по довольствію нижнихъ чиновъ полковъ гвардіи, учрежденнаго въ 1860 году, опредѣлены были точныя правила по пріобрѣтенію продуктовъ.

Въ правилахъ этихъ указывалось слѣдующее. [16] Для тѣхъ припасовъ, которые могутъ храниться долгое время безъ порчи, имѣть въ каждомъ полку образцы, совершенно схожіе съ образцами, установленными комитетомъ. Образцы эти по мѣрѣ надобности освѣжать подъ личнымъ наблюденіемъ командировъ частей. Горохъ, овсяная крупа пшеничная мука, перецъ и лавровый листъ должны покупаться ротами не ниже этихъ образцовъ. Говядина должна быть второго сорта, зимою она можетъ быть мороженою. Снятки или другую рыбу употреблять свѣжую, безъ ржавчины. Масло хорошаго достоинства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ приварочныхъ денегъ былъ точно установленъ въ 1861 году слѣдующимъ образомъ: 4 $^{9}/_{20}$ коп. въ день на человѣка или 16 руб. 2 коп. въ годъ [17].

Въ 1869 году, въ виду возвышенія цѣнъ на всѣ жизненные припасы, войскамъ гвардіи оклады приварочныхъ денегъ были увеличены и съ 1-го января этого года отпускались въ размѣрѣ 4 $^{8}/_{9}$ коп. въ день на человѣка или 17 руб. 60 коп. въ годъ [18].

Такая прибавка была безусловно необходима, такъ какъ средствъ, отпускаемыхъ

казною на продовольствіе солдата, не хватало. Въ годовомъ отчетѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи за 1868 годъ, [19] по поводу недостаточности отпуска на продовольствіе нижнихъ чиновъ, говорится слѣдующее:

„Для усиленія продовольственныхъ средствъ, отпускаемыхъ отъ казны, служатъ еще и слѣдующіе источники: деньги, назначаемыя за содержаніе карауловъ въ Зимнемъ Дворцѣ, деньги, выручаемыя отъ продажи излишнихъ овощей, за экономическій провіантъ и отъ продовольствія офицерскихъ деньщиковъ и вольнонаемной прислуги. Всѣ эти средства однако же оказываются нынѣ въ недостаточности, вслѣдствіе постояннаго вздорожанія припасовъ“.

Въ 1872 году послѣдовало новое усиленіе приварочнаго довольствія. По положенію введенному въ то время приварочное довольствіе было опредѣлено подробнѣйшимъ образомъ. Оно состояло изъ денегъ, отпускаемыхъ на пріобрѣтеніе мяса, соли, овощей и другихъ припасовъ въ размѣрѣ, опредѣляемомъ для каждой губерніи отдѣльно, въ зависимости отъ рыночныхъ цѣнъ. Обыкновенный окладъ приварочнаго довольствія опредѣлялся стоимостью полуфунта мяса, съ прибавленіемъ 1 коп., изъ которой ½ коп. шло на овощи и ½ коп. на соль, масло или сало, перецъ и пшеничную муку на подправку. Обыкновенный приварочный окладъ для Петербургской губерніи, въ началѣ 70-хъ годовъ, былъ опредѣленъ въ размѣрѣ 5 $^{1}/_{10}$ коп. въ день на человѣка, что составляло въ годъ 21 руб. 53 коп.

Видъ казармъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ 1870-ыхъ годахъ.

По тому же положенію 1872 года было установлено и слѣдующее провіантское довольствіе: [20]

	Муки. Вѣсомъ (безъ куля)	Мѣрою	Печенаго хлѣба.	Сухар.	Крупы. Вѣсомъ (безъ куля)	Крупы. Мѣрою
Въ день	2 ф. 25½ з.	$^{15}/_{30}$ г.	3 ф.	2 ф.	40 з.	$2^{1}/_{2}/^{30}$ г.
Въ мѣсяцъ . . .	1 п. 27 „ 93— „	1 ч. 7— „	2 п. 10 „	1 п. 20 „	— „	—
Въ годъ	20 „ 15 „ 60— „	6 ч. 2 „ 4— „	27 „ — „	— „	— „	—

Провіантъ отпускался отъ интендантства натурою мукою и крупою. Въ полку долженъ былъ быть 10-ти дневный запасъ провіанта. Варка пищи производилась Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку по-ротно.

Отпуски на продовольствіе нижнихъ чиновъ, хотя и были строго опредѣлены, но не смотря на это были всетаки недостаточны, какъ по положенію 1872 года, такъ и до него.

Существовавшія до начала 60-хъ годовъ артельныя суммы, служили значительнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ продовольствія нижнихъ чиновъ, но въ 1863 году послѣдовало уничтоженіе ихъ и, такимъ образомъ, этотъ источникъ пополненія продовольствія солдатъ изсякъ [21].

Насколько значительны были въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку артельныя суммы, показываетъ вѣдомость о капиталахъ полка 1857 года; [22] по этой вѣдомости артельныя суммы нѣкоторыхъ ротъ были болѣе 1000 руб., общее же количество артельныхъ денегъ въ полку равнялось 13919 руб. 35½ коп. Принимая во вниманіе, что за время пребыванія полка у западныхъ границъ, продолжавшагося болѣе 1½ года, артельныя суммы расходовались тамъ въ обширныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе особыхъ условій квартированія, слѣдуетъ придти къ выводу, что артельныя суммы были до похода много значительнѣе. Въ послѣдній годъ ихъ существованія, артельныя суммы въ итогѣ доходили до 34675 р. 3½ коп.

По уничтоженіи артельныхъ суммъ ротное хозяйство получило гораздо меньшій оборотъ, который состоялъ лишь въ суммахъ, отпускаемыхъ нижнимъ чинамъ, главнымъ образомъ, на продовольствіе. Ротныя суммы того времени состояли изъ слѣдующихъ суммъ: [23] приварочной, продовольственной, запаснаго капитала, хозяйственнаго текущаго расхода, образныхъ, экономическихъ и раздаточныхъ. Наибольшее значеніе имѣли суммы хозяйственныя и продовольственныя-запасныя.

Суммы эти были въ полку незначительны; такъ, въ 1870 году они доходили всего лишь до 6634 руб. 55¾ коп. Въ прочихъ полкахъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи они были больше раза въ три-четыре. Въ приказѣ по 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи по этому поводу въ отчетѣ послѣ инспекторскаго смотра, было объявлено слѣдующее:

„Изъ вѣдомости видно, что значительно наименьшія ротныя суммы въ Финляндскомъ полку. Вынужденнымъ нахожусь вновь указать на крайне неудовлетворительное состояніе ротнаго хозяйства Л.-Гв. Финляндскаго полка, предлагая гг. батальоннымъ и ротнымъ командирамъ обратить самыя необходимыя мѣры для болѣе успѣшнаго веденія хозяйства.“

Въ 1872 году стали производиться опыты варки пищи во время лагернаго сбора, въ имѣющихся у людей котелкахъ. Произведены были эти опыты въ виду „неудобства варки пищи въ военное время въ общихъ ротныхъ котлахъ“. [24] Въ послѣдующіе годы впервые начались испытанія походныхъ кухонь; такъ въ 1873 году въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку были испытываемы походныя кухни инженера Качинскаго, а въ 1875 году—коллежскаго регистратора Безмагарычнаго. [25] Каковы были результаты этихъ испытаній—неизвѣстно, но въ кампанію 1877—1878 г.г. полкъ походныхъ кухонь не имѣлъ.

Въ 1866 году послѣдовало нововведеніе, имѣвшее не малое значеніе для хозяйства и придавшее ему большую ясность, чѣмъ прежде. То было введеніе солдатскихъ записныхъ книжекъ, въ которыхъ вписывались ротными командирами всѣ солдатскія получки. „Польза этихъ книжекъ,—говорится въ отчетѣ по 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи за 1866 годъ [26],—оправдалась двухгодичнымъ опытомъ; онѣ устранили возможность того чтобы до солдата, по какому бы то ни было случаю, не дошли слѣдуемыя ему деньги, такъ

какъ всѣ деньги, подлежащія выдачѣ при записываніи ихъ дѣлаются извѣстными нижнимъ чинамъ, а замедленія выдачи тотчасъ обнаруживаются при повѣркѣ книгъ. Сколько я могъ замѣтить, нижніе чины сознали удобство этихъ книжекъ и весьма дорожатъ ими".

Одна изъ важнѣйшихъ частей хозяйства полка—обозъ, во все продолженіе царствованія Императора Александра II находился въ плачевномъ состояніи. Съ конца 60-хъ годовъ стали дѣлаться приготовленія къ постройкѣ новаго обоза. Производились они впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ; „за это же время,—какъ говорится въ отчетахъ объ инспекторскихъ смотрахъ полковъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи,—обозъ старой конструкціи былъ неудовлетворителенъ по своему устройству и для продолжительныхъ походныхъ движеній врядъ ли надеженъ; частями поддерживается старый обозъ, насколько это возможно, въ удовлетворительномъ состояніи" [27].

Въ 1878 году въ полкахъ гвардейской пѣхоты былъ введенъ обозъ новой конструкціи [28], который, какъ показалъ опытъ кампаніи 1877—1878 г.г., оказался тоже крайне неудачнымъ.

Казармы Л.-Гв. Финляндскаго полка за время царствованія Императора Александра II находились тоже въ неудовлетворительномъ состояніи. Въ этомъ отношеніи, полку непосчастливилось: отведенныя почти при самомъ его основаніи казарменныя зданія оказались какъ въ первые годы существованія полка, такъ въ особенности къ 60-мъ годамъ никуда негодными, несмотря на рядъ домашнихъ мѣръ, принимаемыхъ полкомъ къ ихъ улучшенію и на перестройки ихъ инженернымъ вѣдомствомъ. „Менѣе другихъ удовлетворительны казармы Л.-Гв. Финляндскаго полка,—постоянно доносилъ начальникъ дивизіи при инспекторскихъ осмотрахъ полка въ 60-хъ годахъ;—передѣланныя изъ фабрики онѣ не могли быть приспособлены для удобнаго размѣщенія полка; зданія эти ветхи, въ особенности кухни; офицеры въ незначительномъ количествѣ имѣютъ помѣщенія въ казармахъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ же были и крайне тѣсны для помѣщенія нижнихъ чиновъ; вслѣдствіе этого, каждая рота отправляла отъ себя команду въ 20 человѣкъ изъ болѣе слабыхъ здоровьемъ за городъ, гдѣ они и помѣщались по обывателямъ, въ пригородныхъ деревняхъ; стрѣлковыя же роты уже совершенно не имѣли помѣщенія въ казармахъ и квартировали по обывателямъ, часть въ Дерябинскихъ казармахъ въ концѣ Большаго проспекта.

Съ 1862 года ремонтъ казармъ былъ переданъ отъ инженернаго вѣдомства полку, и съ этого времени полкъ получалъ ежегодно лишь деньги отъ инженерной дистанціи по смѣтѣ, ежегодно представляемой; изъ денегъ этой суммы, 10% удерживалось на случай непредвидѣнныхъ работъ. Въ первый же годъ на ремонтъ казармъ было отпущено 2.790 руб. [29]. Эта сумма оказалась, конечно, недостаточной для сколько-нибудь сноснаго ремонта казарменныхъ зданій.

Въ 1868 году послѣдовалъ капитальный ремонтъ казармъ полка, простоявшихъ почти 50 лѣтъ безъ сколько-нибудь значительныхъ передѣлокъ; насколько былъ необходимъ этотъ капитальный ремонтъ, показывало состояніе казармъ того времени, представлявшихъ собою совершенныя руины. „Мы,—говоритъ одинъ изъ служившихъ тогда офицеровъ [30],—помнимъ очень хорошо, когда въ солдатскомъ корпусѣ по 19-й линіи обваливались въ нижнемъ этажѣ потолки, несмотря ни на какія подпорки и

приспособленія инженернаго вѣдомства и когда, только по счастливо складывавшимся обстоятельствамъ, не было пострадавшихъ".

На капитальный ремонтъ казармъ было отпущено въ 1869 году—120.000 руб., въ 1870 году—32.848 руб., а всего за оба года—152.848 руб. [31].

Для производства означенныхъ работъ полкъ былъ выведенъ въ 1868 году изъ казармъ и расположился за городомъ; въ предыдущихъ годахъ полкъ тоже иногда стаивалъ полностью по обывателямъ изъ за дурного состоянія своихъ казармъ.

Капитальный ремонтъ заключался въ поднятіи нижняго этажа почти на 1 аршинъ и въ приспособленіи его для удобнаго размѣщенія нижнихъ чиновъ; затѣмъ поставлены были новыя печи Свіязевской системы, отличавшіяся тѣмъ, что, вмѣстѣ съ отопленіемъ онѣ и вентилировали помѣщенія; выстроены были новыя помѣщенія для кухонь; перестроено помѣщеніе, выходящее на 19-ю линію, съ замѣной въ немъ двухъ парадныхъ лѣстницъ одною.

Финляндецъ.
Форма 50-ыхъ годовъ.

Тогда же дежурная комната была переведена изъ нижняго этажа корпуса, выходящаго во дворъ правѣе генеральскихъ воротъ, въ помѣщеніе, выходящее на уголъ набережной и 19-й линіи. Прежнее же помѣщеніе дежурной комнаты было предоставлено полковому телеграфу, заведенному въ полку еще съ 1860 года [32].

Перестроенныя казармы, въ общемъ приняли тотъ видъ который онѣ сохраняютъ и понынѣ *.

Капитальный ремонтъ казармъ не вполнѣ достигъ своей цѣли и, въ отчетахъ о помѣщеніи полка за 1869 годъ, начальникъ дивизіи представлялъ, что новыя помѣщенія кухонь были тѣсны; въ 1870 году стрѣлковыя роты снова вышли за городъ, вслѣдствіе тѣсноты казармъ; въ послѣдующіе же годы недостаточность казарменныхъ помѣщеній полка снова отмѣчалась при инспекторскихъ отчетахъ. Послѣ инспекторскаго осмотра въ 1872 году начальникъ дивизіи доносилъ [33]: „Казармы 3-го батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка въ неудовлетворительномъ состояніи и требуютъ значительныхъ перестроекъ. Размѣщеніе людей въ казармахъ до того тѣсно, что нѣкоторымъ изъ нихъ приходится спать по 3 человѣка на двухъ кроватяхъ. Въ помѣщеніяхъ, даже до такой степени необходимыхъ, какъ патронная мастерская, школа для барабанщиковъ и горнистовъ замѣчается положительный недостатокъ". Вообще же размѣщеніе людей въ полку было столь тѣсно, что возникало серьезное опасеніе за ихъ здоровье; по переформированіи полка въ 4-хъ батальонный составъ тѣснота въ казармахъ еще болѣе увеличилась и въ 1876 году начальникъ дивизіи доносилъ о „настоятельной необходимости возможно скорой постройки, новыхъ казармъ для 4-го батальона [34].

---

* Не считая казармъ 4-го батальона, выстроенныхъ впослѣдствіи.

Однако дальнѣйшее улучшеніе казармъ было произведено только въ 80-хъ годахъ.

Однимъ изъ главныхъ подспорій хозяйства Л.-Гв. Финляндскаго полка являлись огороды, отведенные ему на Смоленскомъ полѣ еще въ 1846 году пространствомъ въ 24 десятины. Въ 1863 году командиръ полка Генералъ-Маіоръ Шебашевъ вошелъ съ ходатайствомъ къ Петербургскому Генералъ-Губернатору, графу Суворову объ увеличеніи площади земли подъ огороды полка, которая оказалась „весьма недостаточной для обезпеченнаго продовольствія нижнихъ чиновъ полка“ [35]. По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія Думы, послѣдняя, въ отвѣтъ на ходатайство командира полка, постановила слѣдующее: „отклонить ходатайство командира Л.-Гв. Финляндскаго полка о прирѣзкѣ просимаго участка (4 дес. 1592 кв. саж.), а напротивъ того ходатайствовать самой Думѣ объ отобраніи отъ полка 12 дес., составляющихъ половину участка, переданнаго полку въ 1846 году“. Свое рѣшеніе Дума основывала на постановленіи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 27-го ноября 1845 года, по которому въ распоряженіе полка былъ отданъ участокъ земли въ 24 десятины, съ тѣмъ „чтобы, въ случаѣ надобности для города половина этой земли, т. е. 12 дес. была возвращена въ распоряженіе городской Думы“ [36].

На этой послѣдней землѣ Дума предполагала выстроить лютеранскую церковь Св. Михаила, которая помѣщалась бы на углу Средняго проспекта и 19-й линіи, а остальное пространство земли предполагалось сдавать подъ оброкъ, на скосъ и подъ огороды.

Ходатайство было удовлетворено и въ 1884 году состоялась передача полкомъ городу означенныхъ 12-ти десятинъ [37] *.

Обмундированіе нижнихъ чиновъ и офицеровъ русской арміи въ царствованіе Императора Александра II-го подвергалось значительному измѣненію сравнительно съ обмундированіемъ предшествовавшаго времени. Наибольшее значеніе въ этихъ измѣненіяхъ имѣло введеніе высокихъ сапогъ, гимнастическихъ рубашекъ, башлыковъ, упрощеніе и измѣненіе покроя прежнихъ мундировъ изъ фрачнаго въ мундиръ, имѣвшій полы какъ сзади, такъ и спереди.

Наибольшія измѣненія въ формѣ одежды были произведены въ первые годы царствованія Императора Александра II-го, подъ вліяніемъ войны 1855—56 гг. Въ эти годы введенъ былъ кафтанъ вмѣсто прежняго мундира, продержавшійся впрочемъ непродолжительное время; тогда же введены были для строевыхъ офицеровъ походныя шинели изъ солдатскаго сукна; къ особымъ отличіямъ того времени въ формѣ одежды слѣдуетъ отнести галунныя нашивки на воротникахъ и обшлагахъ въ зависимости отъ офицерскихъ чиновъ; въ то же время послѣдовало уничтоженіе клапановъ на рукавахъ кафтановъ и полукафтановъ—этого всегдашняго отличія въ гвардейскомъ обмундированіи; офицерскіе знаки были тоже уничтожены.

Весьма горячая дѣятельность по перемѣнѣ формъ обмундированія, проявленная вслѣдъ за Крымской кампаніей, поддерживалась въ продолженіи цѣлыхъ 10-ти лѣтъ; пре-

---

* Въ 1882 году С.-Петербургская Городская Управа возбудила ходатайство объ отобраніи отъ полка всей огородной земли, но документы, представленные полкомъ въ 1883 г. сдѣлали это ходатайство безсильнымъ.

образованія въ дальнѣйшее время происходили не съ такою поспѣшностью и не въ такомъ значительномъ количествѣ.

Измѣненія въ обмундированіи отражались болѣе всего на частяхъ гвардейскаго корпуса, въ виду того, что каждая новая форма, по объявленіи объ ней въ приказѣ, должна была быть готовой въ возможно быстрый срокъ. Вслѣдствіе этого въ подобныхъ довольно частыхъ случаяхъ всѣ полковыя мастерскія, портные, басонщики, султанщики и пр. мастеровые заваливались работой, производившейся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командировъ полковъ и при ближайшемъ участіи полковыхъ казначеевъ, а съ 1872 года— и завѣдующихъ хозяйствомъ. Въ полковыхъ мастерскихъ не только шилось обмундированіе, но даже и приготовлялись нѣкоторые матеріалы для него. Такъ, въ мартѣ 1856 года, командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка доносилъ въ штабъ корпуса о томъ, что „приступлено въ мастерскихъ ввѣреннаго мнѣ полка въ С.-Петербургѣ къ тканью галуна и басона, такъ какъ эти матеріалы хорошаго качества купить невозможно“. Тотъ же рапортъ показываетъ, что полкъ строилъ самъ себѣ аммуницію, получая отъ интендантства лишь деньгами.

Мундиры, какъ вообще и все обмундированіе, слѣдовало строить щеголевато, съ тщательной пригонкой. Въ приказахъ того времени иногда встрѣчаются слѣдующія указанія: „Государь Императоръ съ неудовольствіемъ изволилъ замѣтить, что г.г. офицеры одѣваются нещеголевато: полы полукафтановъ слишкомъ длинны (болѣе 7 вершковъ), полукафтаны вообще широки и полусабли носятъ впереди у бедра. Объявляя о замѣчаніяхъ сихъ, я прошу г.г. офицеровъ повѣрить и въ чемъ слѣдуетъ исправить свое обмундированіе“. Въ приказѣ, по гвардейскому корпусу отъ 8 мая 1856 года по этому поводу говорится слѣдующее:

„Замѣчено мною, что нѣкоторые изъ господъ офицеровъ носятъ полукафтаны до того широкіе, что они походятъ на плащи и придаютъ имъ совершенно безобразный видъ. Небрежность эта въ одеждѣ, нынѣ, болѣе чѣмъ когда либо неизвинительна, ибо новая форма обмундированія и безъ того удобна и отъ насъ самихъ зависитъ придать ей щеголеватость, столь необходимую для всякаго офицера, но для гвардейскаго въ особенности, а потому я совершенно увѣренъ, что послѣ этого не буду поставленъ въ необходимость выставлять это на видъ или прибѣгать къ мѣрамъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ не желалъ бы употребить.“

„Но безобразный видъ“, о которомъ говорилось въ приведенномъ приказѣ заключался лишь въ самыхъ незначительныхъ уклоненіяхъ отъ формы обмундированія. Сколько нибудь значительныя отступленія въ этомъ отношеніи были весьма опасны въ то время: зоркій глазъ начальства всѣхъ степеней неуклонно наблюдалъ за точнымъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ обмундированія; не совсѣмъ чистый кантъ, пуговица пришитая съ орломъ обращеннымъ нѣсколько въ сторону и т. п. вещи карались строго. „Чистота одежды“ составляла „предметъ неослабнаго попеченія“.

** Аммуничныя деньги отпускались въ годъ на каждаго строевого по 1 руб. 3¾ коп., нестроевому— по 99¾ коп., инвалиду—по 1 руб. 3½ коп. [38]

Этотъ предметъ наблюденія былъ тѣмъ болѣе труденъ, что форма обмундированія была сложна и требовала тщательности въ пригонкѣ; особенно трудно было съ лацканами. Одинъ изъ служившихъ въ гвардіи при Императорѣ Александрѣ II офицеровъ пишетъ: [39] „при пригонкѣ бывало измучаешься самъ, измучаешь каптенармуса, да и солдата, на котораго пригоняешь лацканъ, такъ какъ его нужно пригонять на человѣка, на его грудь, а не на мундиръ. Изъ долголѣтней практики (командовалъ ротой около 8-ми лѣтъ), могу безошибочно сказать, что изъ сотни лацкановъ, въ часъ времени пригонялось лацкановъ 10—12. Вотъ сколько, бывало, тратилось драгоцѣннаго времени на это дѣло.

Особымъ отличительнымъ признакомъ обмундированія эпохи Императора Александра II-го, являлась крайняя сложность его. Такъ, согласно правилъ о формѣ одежды, помѣщенныхъ въ особомъ руководствѣ, представлявшемъ изъ себя цѣлую книгу, [40*] формы тогда были слѣдующія: 1) форма городская: а) городская парадная, б) городская праздничная, в) воскресная, г) городская обыкновенная; 2) форма походная: а) походная парадная, б) походная праздничная, в) походная обыкновенная; 3) форма служебная: а) когда разводъ въ шинеляхъ и б) когда разводъ безъ шинелей; каждая изъ этихъ двухъ формъ раздѣлялась еще на служебныя формы при городской формѣ и при походной формѣ; 4) караульная форма: а) когда разводъ въ шинеляхъ и б) когда разводъ безъ шинелей; каждая изъ этихъ формъ въ свою очередь тоже раздѣлялась на караульную форму при городской формѣ и при походной формѣ.

Соблюденіе всѣхъ этихъ безчисленныхъ формъ обмундированія требовалось строжайшимъ образомъ, что было особенно трудно не только на службѣ, но и въ обиходѣ. Каждый служебный нарядъ, каждый родъ занятій требовали чуть ли не особой формы одежды; даже при нарядахъ на пожаръ соблюдались всѣ мелочныя правила обмундированія.

Одинъ изъ служившихъ въ то время офицеровъ, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ [41]:

„Театры, концерты и собранія представляли для меня большія непріятности изъ-за формы. Никакъ бывало не сообразишь въ какой формѣ нужно быть, а чуть что не такъ, или волосы длинны, подлетаетъ плацъ-майоръ, милѣйшій толстякъ Пузыревскій, и заставляетъ отправляться домой (это иногда за 8 верстъ) переодѣться подъ угрозою ареста.

„Извѣстно, что при Александрѣ II военныя формы мѣнялись необыкновенно часто, даже коменданское управленіе не успѣвало слѣдить и путалось. Петербургскій комендантъ Адельсонъ разсказывалъ мнѣ, что и онъ какъ-то явился во дворецъ одѣтымъ не по формѣ: лента у него была на спинѣ пропущена подъ портупею, что немедленно было замѣчено.

„Императоръ Вильгельмъ былъ большой соблюдатель формы и, зная требовательность по этой части въ Петербургѣ, очень волновался въ вагонѣ въ 1873 г. вопросомъ: въ походной формѣ слѣдуетъ ли штаны при мундирѣ имѣть въ сапоги или сверхъ сапоговъ?

---

* Въ книгѣ этой было 54 страницы.

Мнѣнія раздѣлялись; германскій Монархъ три раза въ пути переодѣвался. Кончилось тѣмъ, что поѣздъ подошелъ къ гатчинскому перрону и старикъ, по словамъ Адельсона, оказался сидящимъ въ вагонѣ безъ панталонъ!"

Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдя въ то время за обмундированіемъ самымъ строжайшимъ образомъ отклоненія болѣе серьезныя чѣмъ въ формѣ одежды допускались; то были нарушенія правилъ, касавшихся вооруженія. Полагавшіеся офицерамъ револьверы замѣнялись деревянными чушками. Это практиковалось въ гвардейскихъ полкахъ до тѣхъ поръ пока въ 1866 году такое отступленіе было замѣчено лично Государемъ Императоромъ у одного изъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Слѣдствіемъ этого былъ приказъ по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, гдѣ указывалось—„имѣвшіяся досихъ поръ деревянныя пистолетныя чушки вовсе изъ употребленія исключить" [42].

Финляндецъ.
Форма 60-ыхъ годовъ.

Строгой регламентаціи подвержена была также растительность на головѣ; здѣсь все должно было быть по формѣ. По этому поводу въ приказахъ по полку того времени встрѣчались слѣдующія наистрожайшія предписанія: [43].

„Всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ не исключая и молодыхъ отнюдь не брить бакенбардъ, а выбривать только одни подбородки; за этимъ наблюдать г.г. ротнымъ командирамъ, подъ строгой, въ противномъ случаѣ, отвѣтственностью."

Въ приказѣ по полку 1868 г. говорилось: [44].

„Наистрожайше предписываю г.г. ротнымъ командирамъ приказать, чтобы всѣ безъ исключенія нижніе чины, ввѣренныхъ имъ ротъ усовъ и бакенбардъ не брили, а пробривали бы только подбородки шириною въ $1^1/_2$ пальца. Въ чемъ имѣть строгое наблюденіе".

Затѣмъ, тогда-же практиковалось въ широкихъ размѣрахъ фабреніе усовъ нижними чинами, уничтоженное лишь къ концу царствованія Императора Александра II-го.

По отношенію къ офицерамъ правила о прическѣ были тоже весьма точны и нарушеніе ихъ каралось строго. Образчикомъ взысканій съ офицеровъ за ненадлежащую прическу служитъ приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку отъ 13-го мая 1866 г. въ которомъ между прочимъ, говорилось: „Его Превосходительство начальникъ дивизіи приказалъ арестовать на однѣ сутки съ содержаніемъ въ дежурной комнатѣ Прапорщика, ввѣреннаго мнѣ полка, Мясникова за то, что при представленіи его сего числа Его Императорскому Высочеству Командующему войсками, имѣлъ проборъ на головѣ съ правой стороны".

Обмундированіе въ то время было строго урегулировано въ отношеніи отпусковъ.

Вещевое довольствіе состояло изъ слѣдующихъ разрядовъ вещей: годовыхъ, мундирныхъ, аммуничныхъ и безсрочныхъ. Размѣръ самаго довольствія опредѣлялся табелями.

Къ годовымъ вещамъ относились три рубахи, пара подштанниковъ, двѣ пары сапогъ галстухъ и холщевыя брюки.

Къ мундирнымъ вещамъ: мундиръ на одинъ годъ, зимнія шаровары, также на одинъ годъ, и шинель на два года.

Аммуничныя вещи полагались въ разныхъ частяхъ различныя; главнѣйшія были: патронная сума на 10 лѣтъ, ранецъ на 8 лѣтъ.

Безсрочныя вещи отпускались или по числу людей, напримѣръ металлическія вещи къ приборамъ, пуговицы и прочее, или на—цѣлую часть, напримѣръ музыкантскіе и мастерской инструменты, обозъ и сбруя для подъемныхъ лошадей [45].

Въ 1859 году были установлены, впервые, постоянныя правила по довольствію нижнихъ чиновъ длинными сапогами, введенныя вмѣсто временныхъ правилъ 1857 года. По положенію 1859 года, [46] каждому нижнему чину гвардіи въ годъ полагалось двѣ полныя пары длинныхъ сапогъ и къ нимъ третью пару подошвъ; тогда же былъ нѣсколько увеличенъ и размѣръ отпуска на шитье сапогъ.

Если въ то время на внѣшность и соблюденіе формы обмундированія обращалось постоянное вниманіе, то нельзя не придти къ заключенію, что это вниманіе во многихъ случаяхъ было лишь поверхностнымъ: иногда нижніе чины имѣли ненадлежащее бѣлье, иногда случалось, что сапоги надѣвались прямо на голую ногу, что даже обнаруживалось при инспекторскихъ смотрахъ [47].

По мѣрѣ приближенія ко времени кампаніи 1877—78 г.г. сталъ выдвигаться на подобающее ему мѣсто вопросъ объ обмундированіи на случай мобилизаціи; неприкосновенные запасы, учрежденные въ полкахъ гвардіи еще въ 60-хъ годахъ, стали привлекать къ себѣ все большее вниманіе и въ 1876 году пополненіе всѣхъ предметовъ для этихъ запасовъ, стало производиться путемъ ускоренной постройки, требовавшей громаднаго напряженія отъ чиновъ хозяйственной части полка и отъ мастеровыхъ [48]. Неприкосновенные запасы при своемъ учрежденіи должны были заключаться въ предметахъ, разсчитанныхъ на полное число нижнихъ чиновъ, призываемыхъ въ полкъ при мобилизаціи.

Измѣненія въ формѣ одежды и снаряженія за время царствованія Императора Александра II-го заключались въ слѣдующемъ.

1855 г. 7 марта. При обыкновенной формѣ султаны, лосинные панталоны и чакчиры отмѣнены; при этомъ султаны оставлены только при разводахъ.

1855 г. 15 марта. Установлена новая форма обмундированія:—темно-зеленые полукафтаны съ лацканами того же цвѣта, имѣющими по краямъ красную выпушку; настегныхъ лацкановъ Л.-Гв. Финляндскому полку не было положено; воротникъ—скошенный, съ прежнимъ шитьемъ; шаровары—темнозеленыя съ красной выпушкой; сюртукъ, головные уборы и лѣтнія шаровары (для тѣхъ, кому не положено быть верхомъ)—прежніе, но у сюртука воротникъ скошенный и полы на два вершка выше колѣнъ; на карманныхъ клапанахъ и обшлагахъ полукафтановъ—выпушка красная; подкладка темно-зеленая.

1855 г. 6 мая. При караульной формѣ въ мундирахъ, скатанную шинель къ сумѣ не пристегивать, а носить ее черезъ лѣвое плечо, съ тѣмъ, чтобы концы шинели приходились впереди правой ляшки.

1855 г. 20 мая. Вмѣсто походной шинели солдатскаго покроя, установленъ для офицеровъ двубортный, сѣраго сукна плащъ, застегивающійся на 6 пуговицъ, съ темно-зеленымъ клапаномъ, съ красной выпушкою.

1855 г. 30 ноября. Отмѣненъ имѣвшійся до этого клапанъ на обшлагахъ, при чемъ обшлагъ, будучи безъ клапановъ, строится съ двумя поперечными басонными петличками и съ пуговицами на верхнихъ концахъ петличекъ; выпушка одинаковая, какая была на клапанахъ.

1855 г. декабря 12. Деньщикамъ при походной формѣ присвоена шинель солдатскаго сукна и покроя, но съ прибавленіемъ на бокахъ двухъ кармановъ съ клапанами. Воротникъ и пуговицы одного образца съ формой офицера, при которомъ деньщикъ состоитъ. Фуражка должна носиться безъ клеенчатаго чехла.

1855 г. декабря 22. На воротникахъ и обшлагахъ полукафтановъ штабъ-офицеровъ, повелѣно имѣть золотой галунъ шириною въ $^5/_8$ вершка.

1856 г. 7 января. Бывшаго до того времени на воротникахъ и обшлагахъ полукафтановъ унтеръ-офицеровъ, галуна не имѣть, а вмѣсто него имѣть на обоихъ рукавахъ полукафтана нарукавныя нашивки изъ того галуна, который присвоенъ полку. На обшлагахъ полукафтановъ отличившихся стрѣлковъ въ пѣхотѣ установлено имѣть нарукавныя нашивки изъ басона или тесьмы, присвоенныхъ музыкантамъ ихъ части [49].

1856 г. 16 января. Измѣнена форма нашивокъ за отличную стрѣльбу [50].

1856 г. февраля 20. Всѣмъ офицерамъ гвардейской пѣхоты, при парадной и праздничной формѣ, повелѣно носить эполеты.

1856 г. 12 марта. Нижнимъ чинамъ унтеръ-офицерскаго званія, вмѣсто нарукавной галунной нашивки, установлено имѣть по прежнему галунъ на воротникѣ и обшлагахъ полукафтана [51].

1856 г. 31 марта. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку установлено имѣть настегнутые лацканы краснаго цвѣта безъ выпушки. На настегныхъ лацканахъ музыкантскихъ полукафтановъ полка, имѣть басонъ, присвоенный музыкантамъ, какъ таковый нашивается на цвѣтныхъ лацканахъ въ полкахъ гвардіи. На крышкахъ патронныхъ сумъ, имѣть арматуръ по образцу прочихъ полковъ гвардіи, т. е. по серединѣ крышки—круглую бляху со звѣздою внутри, а на углахъ—по одной гранатѣ.

1856 г. апрѣля 29-го. По случаю присвоенія плаща всѣмъ строевымъ офицерамъ, объявлена вѣдомость относительно формы клапановъ, плечевыхъ погонъ, выпушки и подкладки, причемъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку должны были быть: подкладка, клапаны на переднихъ концахъ воротника темно-зеленые, безъ выпушки; у генераловъ подкладка и выпушка—красная; погоны красные, безъ выпушки.

1856 г. апрѣля 29-го. На шинеляхъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ повелѣно имѣть воротники сѣраго сукна, одного съ шинелью цвѣта, съ клапаномъ на концахъ воротника и съ пуговицею на клапанѣ, причемъ клапанъ долженъ быть темно-зеленый.

1856 г. іюня 8-го. Фурштадскимъ нижнимъ чинамъ, вмѣсто касокъ, присвоены фуражки съ козырьками и ремешками.

1856 г. 16-го іюня. Генераламъ, штабъ и оберъ офицерамъ гвардейской пѣхоты и гвардейской пѣшей артиллеріи повелѣно, на балахъ при Высочайшемъ дворѣ и на частныхъ балахъ въ Высочайшемъ присутствіи, когда на балѣ будутъ въ праздничной формѣ, вмѣсто темно-зеленыхъ шароваръ съ выпушкою, имѣть бальныя шаровары бѣлаго сукна безъ выпушки.

Формы обмундированія Л.-Гв. Финляндскаго полка 1856—1881 гг.

1856 г. 16-го іюля. Утверждена новая форма обмундированія для тамбуръ-мажоровъ; каска съ офицерскимъ приборомъ и съ султаномъ изъ краснаго сукна; полукафтанъ темно-зеленаго сукна, музыкантскаго покроя съ пуговицами офицерскаго образца, съ галуномъ; на воротникахъ и обшлагахъ по двѣ петлицы съ полоскою по срединѣ одного цвѣта съ сукномъ воротника; на рукавахъ—нашивки изъ галуна. Вицъ-полукафтанъ отличался отъ полукафтана тѣмъ, что на немъ эполеты были замѣнены погонами обшитыми галуномъ, безъ кистей къ пуговицамъ и галунныхъ нашивокъ на лацканахъ, рукавахъ и по швамъ спинки.

1856 г. августа 9-го. Введены тесаки для всѣхъ нижнихъ чиновъ полка, присвоенные, до тѣхъ поръ, только унтеръ-офицерамъ и музыкантамъ.

1856 г. августа 10-го. Горнистамъ и барабанщикамъ присвоены пистолеты, которые повелѣно носить по примѣру горнистовъ стрѣлковыхъ ротъ.

1856 г. октября 8-го. На воротникахъ полукафтановъ вмѣсто галуновъ, означающихъ чинъ, и вмѣсто галунныхъ петлицъ, установлено имѣть двѣ вышитыя золотомъ петлицы. На обшлагахъ прибавленъ клапанъ съ тремя вышитыми на немъ петличками одного цвѣта и формы, съ положенными для офицеровъ полка, причемъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку обшлага полагались темно-зеленые, съ красною выпушкою, а клапаны—красные безъ выпушки.

1856 г. октября 20-го. Горнистамъ и барабанщикамъ пистолетные шнуры присвоены цвѣта околыша на фуражной шапкѣ, причемъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку они должны быть черные.

1856 г. 22-го октября. Всѣмъ офицерамъ частей пѣхоты, коимъ положено имѣть пистолетъ носить таковой на снурѣ, сплетенномъ изъ бѣлаго, чернаго и оранжеваго шелка, безъ кистей сзади и съ одной лишь варваркой для застегиванія шнура спереди у воротника.

1856 г. 8-го ноября. Генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, въ зимнее время, въ строю, когда нижніе чины въ шинеляхъ, повелѣно имѣть плащи съ мѣховыми воротниками изъ черной мерлушки.

1856 г. ноября 24-го. Нижнимъ чинамъ, находящимся въ безсрочныхъ и временныхъ отпускахъ, или для различія, имѣть на плечевыхъ погонахъ шинелей и полукафтановъ суконныя нашивки: безсрочно отпускнымъ въ два ряда, а временнымъ въ одинъ рядъ.

1856 г. 15-го декабря. Генераламъ, штабъ и оберъ офицерамъ на тѣхъ полукафтанахъ, на которыхъ носились эполеты безъ плечевыхъ погоновъ, имѣть надъ ними для пристегиванія эполетъ суконные, вышитые канителью съ блестками, погончики; на полукафтанахъ же, имѣющихъ погоны для пристегиванія эполетъ, оставить прежній погончикъ.

1856 г. 20-го декабря. Въ стрѣлковыхъ ротахъ всѣхъ войскъ, гдѣ таковыя роты полагаются въ составѣ полковъ,—унтеръ-офицерамъ и рядовымъ приказано не имѣть тесаковъ, оставивъ ихъ однимъ только горнистамъ. [52]

1857 г. января 27-го. Вмѣсто бѣлыхъ замшевыхъ рукавицъ, установлено имѣть таковыя изъ темно-зеленаго сукна, которыя строить изъ выслужившей срокъ мундирной одежды.

1857 г. 21-го февраля. Введены парусинныя гимнастическія рубашки.

1857 г. 17-го апрѣля. Введены сапоги съ длинными голенищами изъ черной дехтярной юфты, съ отпускомъ въ первый годъ полной пары и особо переда съ подошвами, а на второй годъ—двухъ паръ такихъ же передовъ съ подошвами безъ голенищъ; вмѣсто отпускавшихся же двухъ паръ обыкновенныхъ сапогъ давать нижнимъ чинамъ только по

одной полной парѣ сапогъ изъ бѣлой юфты. При этомъ сапоги эти надѣвать поверхъ шароваръ, какъ постоянную принадлежность походной формы.

1857 г. 29-го мая. По случаю измѣненія Императорскаго герба, на всѣхъ предметахъ снаряженія, гдѣ имѣется изображеніе орла, имѣть таковый съ поднятыми кверху крыльями.

1857 г. августа 31-го. Знаменныя древки въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку повелѣно имѣть чернаго цвѣта.

1857 г. сентября 30-го. Введенные для нижнихъ чиновъ сапоги съ длинными голенищами, присвоены также всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и всѣмъ чинамъ, находящимся въ строю верхомъ во время нахожденія ихъ передъ фронтомъ, а также и въ то время, когда войскамъ положено быть въ сапогахъ.

Въ 1857 году тесаки у нижнихъ чиновъ стрѣлковыхъ ротъ, за исключеніемъ музыкантовъ и горнистовъ, отмѣнены и имъ приказано носить штыки или штуцерные кортики; унтеръ-офицерамъ, заслуживающимъ права полученія серебряныхъ темляковъ, привязывать эти темляки къ штыку или кортику.

Парадъ 14 Декабря 1878 года въ день столѣтія со дня рожденія Императора Александра I.

Съ гравюры 1878 года.

1858 г. марта 20-го. Фельдфебелямъ пѣхотныхъ полковъ повелѣно носить замшевыя перчатки, по образцу легкой кавалеріи.

1858 г. марта 24-го. Установлена новая форма шинелей: воротникъ отложной, скошенный; клапаны безъ пуговицъ.

1858 г. апрѣля 23-го. Отмѣнена нарукавная галунная въ одинъ рядъ нашивка, присвоенная фельдфебелямъ для отличія ихъ званія.

1858 г. апрѣля 24-го. Генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, въ воскресные дни, во время лагерныхъ сборовъ, только при разводѣ и церковныхъ парадахъ повелѣно быть въ эполетахъ.

1858 г. 28-го октября. Разрѣшено деньщикамъ носить шинели изъ офицерскаго сукна.

1859 г. 7-го февраля. Полукафтаны и вицъ-полукафтаны впредь повелѣно именовать мундирами и вицъ-мундирами.

Офицерамъ присвоены сюртуки прежняго образца,—двубортный, безъ выпушки по борту, застегивающійся на 6 пуговицъ, воротникъ скошенный, на плечахъ погоны одинаковые съ положенными для мундировъ и плащей. Заведеніе сюртуковъ не считалось обязательнымъ.

1860 г. іюня 18-го. Введены холщевые кителя для всѣхъ офицерскихъ чиновъ, при чемъ кителя эти должны быть съ закругленнымъ воротникомъ, съ 6 пуговицами по каждому борту и съ галунными погонами. Носить такіе кителя позволялось только въ домашнемъ обиходѣ.

1860 г. октября 11-го. Казеннымъ деньщикамъ повелѣно строить шинели совершенно сходныя въ покроѣ съ шинелями прочихъ нижнихъ чиновъ, но безъ погонъ и съ обтяжными пуговицами.

1861 г. іюля 18-го. Введены бѣлые чехлы на фуражки, которые должны носиться въ лѣтнее время съ 15-го мая по 15-е сентября.

1861 г. декабря 21-го. На всѣхъ церковныхъ парадахъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, находящимся въ строю, приказано имѣть чешую, подстегнутою подъ козырькомъ.

1862 г. 2-го марта. Введены шапки новаго образца и башлыки. Шапка: бѣлаго сукна съ подбороднымъ ремнемъ черной кожи, съ гербомъ и султаномъ: у офицеровъ и нижнихъ чиновъ—чернаго цвѣта, а у музыкантовъ—краснаго. Околышъ шапки—темно-зеленаго цвѣта съ красною выпушкою; по верху шапки: у штабъ-офицеровъ—золотой шнуръ, а у оберъ-офицеровъ красный кантъ; гербъ—золотой у офицеровъ и красной латуни у нижнихъ чиновъ; петля—у офицеровъ золотая, у унтеръ-офицеровъ—трехъ-цвѣтная у рядовыхъ—желтая. Башлыкъ: изъ верблюжьяго сукна, края его оторочены: у офицеровъ золотымъ суташемъ и гарусной тесьмой, а у нижнихъ чиновъ—одною тесьмою.

1862 г. 9-го марта. Офицерамъ фурштата повелѣно имѣть мундиры и сюртуки не изъ сѣраго, а изъ темно-зеленаго сукна, съ свѣтло синимъ воротникомъ безъ выпушки, установленнаго покроя. Нестроевымъ нижнимъ чинамъ имѣть мундиры одинаковаго образца, присвоеннаго части, при которой они состоятъ, но безъ настегныхъ лацкановъ.

1862 г. 17-го апрѣля. Разрѣшено нижнимъ чинамъ носить внѣ фронта и служебныхъ обязанностей фуражки новаго образца, безъ герба и султана, заведенныя на собственный счетъ.

1862 г. 4-го августа. Введено въ войскахъ гвардіи все пѣхотное снаряженіе одинаковаго образца, съ утвержденнымъ для армейскихъ частей.

1862 г. 22-го августа. Фляжные ремни въ гвардейскихъ частяхъ повелѣно имѣть не изъ черной, а изъ бѣлой лосинной кожи.

1862 г. 28-го августа. На околышкахъ у тамбуръ-мажоровъ гвардіи имѣть не басонъ, а галунъ, одинаковаго образца, который нашивается на ихъ парадномъ мундирѣ.

1863 г. 20-го марта. Во всѣхъ случаяхъ, когда офицеры находятся въ строю, повелѣно надѣвать имъ пистолеты.

1863 г. 9-го сентября. Постановлено общимъ правиломъ, чтобы ранцевые ремни надѣвались поверхъ перевязки, на которой носится патронная сума.

1863 г. Установлены новыя правила для награжденія нашивками: 1) За 6 л. безпо-

рочной службы—желтая гарусная, въ 2 пальца шириною на лѣвомъ рукавѣ, угломъ внизъ; 2) за отказъ отъ безсрочнаго отпуска—серебряныя и 3) за отказъ отъ отставки—золотая галунная, нашиваемые также какъ и гарусныя нашивки. Кромѣ того, для унтеръ-офицеровъ: 1) изъ серебрянаго широкаго галуна, за отказъ отъ производства въ офицеры и 2) изъ золотого широкаго галуна, выдержавшимъ экзаменъ на офицерскій чинъ и ожидающимъ производства. Эти галуны положено нашивать угломъ кверху [53].

1864 г. 13-го января. При парадной формѣ поперечный ранцевый, а равно и всѣ прочіе ремни, какъ то: сумочный фляжный и плечевые ранцевые—повелѣно надѣвать поверхъ лацкановъ.

1864 г. янв. 25-го. Въ частяхъ гвардіи, гдѣ положена аммуниція черная лакированая, при измѣненіи формы имѣть таковую изъ черной же лакированой кожи, не замѣняя ее юфтовою.

Въ 1864 г. Опредѣленное на каждаго пѣхотнаго солдата количество боевыхъ патроновъ, приказано носить въ двухъ одинаковыхъ патронныхъ сумкахъ, по 30 въ каждой, надѣвая ихъ спереди на поясѣ, по обѣимъ сторонамъ бляхи. Для ношенія патронныхъ сумъ присвоенъ особый поясъ.

1864 г. 18-го апрѣля. Измѣнены наружные размѣры ранца, причемъ размѣръ былъ принятъ вмѣсто 8 вершковъ—8$^{1}/_{8}$, вмѣсто 9$^{1}/_{2}$—6$^{1}/_{2}$.

1864 г. 30-го апрѣля. На офицерскихъ шинеляхъ установлено имѣть отложной воротникъ, вмѣсто стоячаго, съ закругленными концами, изъ сукна по цвѣту шинели.

1865 г. 17-го іюля. Вмѣсто прежде существовавшихъ тюленьихъ ранцевъ, введены таковые изъ телячьей кожи, причемъ при постройкѣ ихъ приказано было въ гвардіи избѣгать пѣгихъ и разноцвѣтныхъ шкуръ.

1865 г. 25-го августа. Нижнимъ чинамъ, находящимся въ безсрочномъ и временномъ отпуску, приказано имѣть на плечевыхъ погонахъ шинелей и мундировъ нашивки изъ чернаго сукна.

1866 г. 8-го января. Всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, а также и чиновникамъ военнаго вѣдомства, повелѣно имѣть на сюртукахъ, вмѣсто скошеннаго, закругленный воротникъ.

1866 г. марта 9-го. Повелѣно нижнимъ чинамъ носить шаровары поверхъ сапоговъ постоянно, за исключеніемъ времени, когда бываетъ ненастная погода или если надо быть въ походной формѣ [54].

1866 г. 20-го октября. Всѣмъ военно-служащимъ, когда шапка надѣвается безъ султана, вмѣсто бѣлыхъ замшевыхъ перчатокъ, повелѣно носить таковыя сѣрыя.

1868 г. Въ обмундированіи гвардіи введено неворсованное сукно.

1868 г. 22-го февраля. Для облегченія войскъ въ походахъ и въ лагерномъ расположеніи, отмѣнено подраздѣленіе походныхъ формъ на парадную, праздничную, воскресную и обыкновенную; для всѣхъ случаевъ приказано сохранить одну обыкновенную походную форму, при чемъ эполеты на ней отмѣнены.

1870 г. 11-го марта. Офицерамъ коимъ присвоены панталоны темно-зеленаго цвѣта, разрѣшено имѣть таковые также и изъ чернаго сукна.

1870 г. 7 Августа. Для большаго отличія унтеръ-офицеровъ отъ рядовыхъ установлено: а) на воротникахъ шинелей, на клапанахъ, имѣть по одной пуговицѣ и б) верхній кругъ шапки имѣть обшитымъ гаруснымъ трехцвѣтнымъ шнуромъ изъ бѣлыхъ желтыхъ и черныхъ нитей.

1870 г. 31 августа. На воротникахъ офицерскихъ мундировъ и сюртуковъ суконные клапаны подъ петлицами установлено имѣть во всю ширину воротника безъ просвѣта.

1871 г. 29 мая. На шапкахъ генераловъ и штабъ-офицеровъ приказано имѣть по околышу галунъ по цвѣту прибора, причемъ онъ долженъ былъ быть нашитъ такъ, чтобы по краямъ галуна видѣнъ былъ цвѣтъ околыша. На шапкахъ же оберъ-офицеровъ суконная выпушка замѣнена снуромъ по образцу, какой былъ присвоенъ до сего времени шапкамъ генераловъ и штабъ-офицеровъ.

1891 г. 30 октября. Хорнымъ музыкантамъ рядового званія, на воротникахъ и обшлагахъ мундировъ, повелѣно имѣть галунъ, присвоенный унтеръ-офицерамъ.

1871 г. 26 ноября. Настегные лацкены въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, повелѣно имѣть изъ темно-зеленаго сукна съ красною выпушкою.

По этому поводу въ отношеніи Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича къ военному министру отъ 26 ноября 1871 г. за № 593 было сказано слѣдующее: „Государю Императору благоугодно было лично мнѣ повелѣть, чтобы въ полкахъ Л.-Гв. Егерскомъ, Финляндскомъ и Волынскомъ ввести прежній чернаго цвѣта лацканъ съ прежними по дивизіямъ кантами, вмѣсто нынѣшняго цвѣтнаго лацкана“.

1872 г. 20 марта. Фельдфебелямъ положено имѣть фуражки съ козырьками.

1872 г. 22 декабря. На гербахъ головныхъ уборовъ въ гвардіи повелѣно имѣть Андреевскія звѣзды по образцу, установленному для гвардейскихъ уланскихъ полковъ.

1873 г. 3 февраля. Установлено имѣть шапки новаго образца, взамѣнъ положенныхъ приказомъ 1862 года, причемъ нижнимъ чинамъ повелѣно имѣть вмѣсто шапокъ, фуражки прежняго образца.

1873 г. 14 декабря. Всѣмъ частямъ гвардейской пѣхоты, повелѣно имѣть каски съ султанами, а въ домашнемъ быту—фуражки.

1873 г. 23 декабря. Частямъ гвардейской пѣхоты установлено имѣть каски, по образцу присвоенному Л.-Гв. Преображенскому полку, съ металлическимъ приборомъ по цвѣту пуговицъ, съ Андреевскою звѣздою на щитахъ гербовъ, и съ султанами присвоенныхъ цвѣтовъ [56].

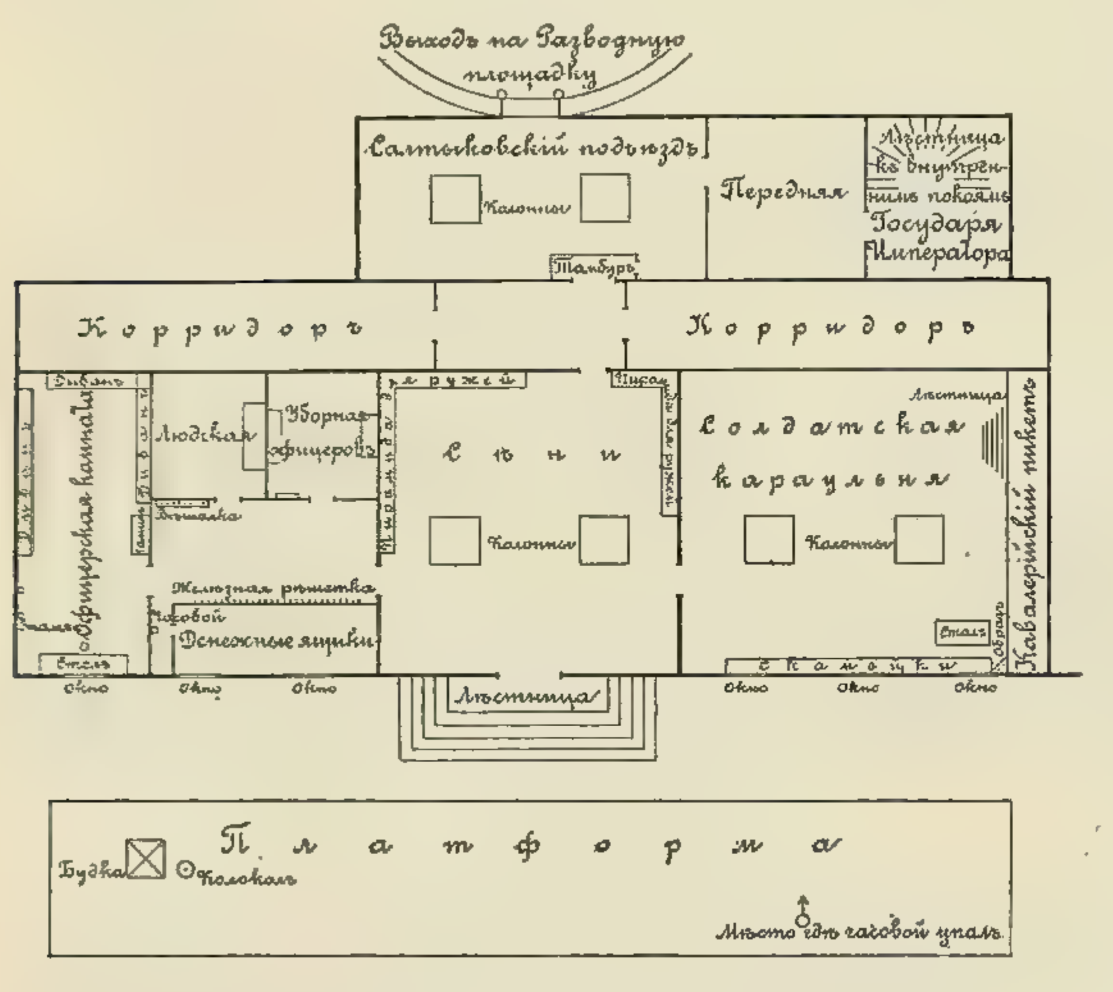
Въ дальнѣйшіе годы царствованія Императора Александра II сколько нибудь крупныхъ измѣненій въ обмундированіи не имѣлось и, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи полкъ оставался спокойнымъ.

Въ санитарно-медицинскомъ отношеніи Л.-Гв. Финляндскій полкъ, началъ второе 50-ти лѣтіе своего существованія при крайне неблагопріятной обстановкѣ. Убыль въ нижнихъ чинахъ, увеличивавшаяся за вторую половину царствованія Императора Николая 1-го, возрасла въ весьма значительной степени къ началу послѣдующаго царствованія. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣлился въ отрицательную сторону 1856 годъ, давшій въ полку наибольшее количество больныхъ и особенно умершихъ.

Причиной этого явленія были крайне неблагопріятныя условія расквартированія полка во время пребыванія его въ Литвѣ, когда въ полкахъ гвардейскаго корпуса

были распространены многія болѣзни эпидемическаго характера, какъ то: холера, тифъ и др. Съ 1857 года полкъ въ этомъ отношеніи вступилъ въ болѣе нормальныя условія и убыль отъ болѣзней въ этотъ и послѣдующій года была много менѣе, представляя изъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ мало измѣняющуюся величину; въ общемъ она колебалась отъ—1,81 до 0,90 и была значительно меньше чѣмъ за предшествовавшее двадцатипятилѣтіе. *

По сравненію съ другими полками гвардейскаго корпуса, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ началѣ разсматриваемаго времени, имѣлъ большее число больныхъ чѣмъ въ другихъ полкахъ. Затѣмъ послѣдовало улучшеніе въ этомъ отношеніи настолько, что къ началу 60-хъ годовъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ рѣзко выдѣлялся хорошимъ санитарнымъ состояніемъ. Какъ показываютъ статейные списки гвардейскаго корпуса, полкъ выключалъ въ то время въ неспособные раза въ три—четыре меньше людей, чѣмъ прочіе полки. [56]

Планъ главной гауптвахты Зимняго Дворца въ 1880 году.
По чертежу Флигель-Адъютанта Іелиты-фонъ-Вольскаго.

Въ дальнѣйшіе годы состояніе полка въ медицинскомъ отношеніи снова ухудшилось.

Главной причиной вообще не надлежащаго санитарно-медицинскаго состоянія полка являлось анти-гигіеничное помѣщеніе чиновъ его въ казармахъ, представлявшихъ собою до передѣлки въ 60-хъ годахъ, едва державшіяся руины; отремонтированныя въ 1868 году, онѣ тѣмъ не менѣе оказывали неблагопріятное вліяніе на состояніе здоровья нижнихъ чиновъ полка, изъ за тѣсноты помѣщенія. Другою причиной являлась весьма тяжелая служба нижнихъ чиновъ при перемѣнчивомъ климатѣ Петербурга. Въ этомъ отношеніи положеніе нижнихъ чиновъ гвардіи было хуже, чѣмъ въ арміи, гдѣ наряды были меньше и солдатъ имѣлъ больше спокойствія и свободнаго времени. Вообще служба гвардейскаго солдата была тяжела.

„Разсматривая ежедневную трудовую жизнь солдата,—говоритъ одинъ изъ оффиціальныхъ документовъ Л.-Гв. Финляндскаго полка того времени [57],—мы приходимъ къ заключенію, что здоровье его должно страдать отъ множества мелкихъ, повидимому, обязанностей, но

* % эти удалось возстановить лишь съ 1865 года. До этого же имѣются лишь абсолютныя цифры.

сумма которыхъ превышаетъ иногда силы не вполнѣ возмужавшаго, поступившаго на службу человѣка; эти обязанности, заключающіяся (кромѣ ученій и обученія грамотѣ обязательнаго для солдата) въ посылкахъ разнаго рода, нарядовъ на дневки, вѣстовыми, отправленія полковой должности, обрабатыванія огородовъ, мытья, чистки, ношенія дровъ, воды и т. п. неизбѣжно требуютъ усиленной дѣятельности, влекущей за собою нерѣдко преждевременную потерю силъ, а иногда здоровья. Если присоединить къ этому моральное вліяніе постояннаго стѣсненія и зависимости солдата, то убѣдимся что армія имѣетъ преимущество—полнаго отдохновенія и свободы нѣкоторое время года, что приноситъ несомнѣнную пользу, какъ душѣ, такъ и тѣлу".

Убыль Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 1856 года до кампаніи 1877—78 г.г. выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: [58]

	Умершіе въ абсолютн. цифрахъ.	Умершіе въ % къ наличной численности.	Уволенные въ неспособные.	Больные.
1856.	111.	—	54.	—
1857.	46.	—	255.	—
1858.	17.	—	48.	—
1859.	22.	—	64.	—
1860.	8.	—	30.	—
1861.	12.	—	33.	—
1862.	12.	—	34.	—
1863.	—	—	—	—
1864.	21.	—	118.	—
1865.	15.	0,72.	52.	890.
1866.	19.	0,9.	45.	1031.
1867.	31.	1,51.	26.	884.
1868.	33.	1,50.	48.	910.
1869.	27.	1,34.	44.	766.
1870.	23.	1,15.	55.	855.
1871.	19.	0,92.	45.	819.
1872.	28.	1,30.	64.	834.
1873.	25.	1,16.	58.	800.
1874.	18.	0,43.	35.	696.
1875.	23.	1,26.	30.	658.
1876.	36.	1,81.	73.	901. *

Въ медицинскомъ отношеніи Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ царствованіе Императора Александра II-го испыталъ слѣдующія перемѣны. Въ 1857 году его госпиталь былъ переданъ изъ комиссаріата на полное „попеченіе полковаго начальства". Съ этого времени полкъ, получая на каждаго больного по 30 коп. въ сутки, не долженъ былъ ничего требовать отъ комиссаріата; провіантъ для больныхъ долженъ былъ отпускаться по положенію изъ провіантскаго вѣдомства. Для отчетности предписано было „въ каждомъ гос-

* Потери умершими въ % отношеніи и больными въ абсолютныхъ цифрахъ по документамъ опредѣлить не представилось возможнымъ.

питалѣ вести шнуровую правдивую книгу, которая должна служить доказательствомъ о числѣ больныхъ, дѣйствительно каждодневно въ госпиталѣ бывшихъ". Для завѣдыванія госпиталемъ назначался офицеръ или чиновникъ, по усмотрѣнію командира полка.

Такимъ образомъ, полки гвардіи перешли по отношенію къ своимъ госпиталямъ къ прежнему порядку ихъ содержанія, опредѣленному еще положеніемъ 1829 года и измѣненному въ концѣ царствованія Императора Николая I-го.

I-го мая 1857 года госпиталь Л.-Гв. Финляндскаго полка впервые поступилъ въ вѣдѣніе полка. Первымъ съ этого времени завѣдующимъ госпиталемъ былъ Штабсъ-Капитанъ Теннеръ. При немъ положено было начало содержанію госпиталя отъ полка и начало это было очень удачнымъ. Въ приказѣ по полку отъ 31-го октября 1859 года, при сдачѣ госпиталя Штабсъ-Капитаномъ Теннеромъ, Штабсъ-Капитану Кусову I-му, командиръ полка Генералъ Ганецкій объявилъ слѣдующее: „мнѣ чрезвычайно пріятно и я поставляю въ обязанность выразить мою искреннюю душевную признательность Штабсъ-Капитану Теннеру, за всѣ труды, за все усердіе, которые я постоянно видѣлъ съ самаго начала поступленія госпиталя въ вѣдѣніе полка т. е. съ 1 мая 1857 г. и за то прекрасное содержаніе больныхъ, которое не оставляетъ желать ничего лучшаго".

Въ 1870 году послѣдовало новое измѣненіе, касавшееся госпиталя Л.-Гв. Финляндскаго полка. Въ приказѣ по полку отъ 8 января этого года было объявлено слѣдующее: „На основаніи 6 пункта приказа по военному вѣдомству, отъ 19-го Іюня 1869 года за № 260, предписываю полковой госпиталь ввѣреннаго мнѣ полка именовать на будущее время усиленнымъ лазаретомъ".

По вышедшему въ томъ году „положенію о госпиталяхъ", въ усиленномъ лазаретѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка было 200 мѣстъ для больныхъ. Въ этомъ отношеніи полкъ выдѣлялся изъ прочихъ частей гвардіи, кромѣ Л.-Гв. Преображенскаго полка, гдѣ число мѣстъ было такое-же; во всѣхъ же прочихъ гвардейскихъ полкахъ, а равно и въ арміи, число мѣстъ въ лазаретахъ было значительно менѣе.

Съ 1862 года полковые госпитали гвардейскихъ полковъ не только выполняли свое прямое назначеніе, но и открыли свои двери для пріема „вольныхъ людей" на свободныя мѣста, съ помѣщеніемъ ихъ въ отдѣльныхъ палатахъ и съ полученіемъ за нихъ платы по 33 коп. въ сутки [59].

Изъ прочихъ мѣропріятій по медицинской части за это время слѣдуетъ отмѣтить составленіе въ 1868 году особыхъ командъ санитаровъ изъ 15-ти рядовыхъ, для „изученія правилъ ухода за больными и ранеными"; эти санитары увеличили численность нижнихъ чиновъ медицинской корпораціи, каковыми были тогда фельдшера и цирульники [60].

Что касается до медицинскаго ухода за нижними чинами, то въ полку, онъ былъ довольно тщательный, насколько то позволяли научныя средства того времени. Нижнимъ чинамъ воспрещалось прибѣгать къ своимъ собственнымъ средствамъ для излѣченія болѣзни или обращаться по этому поводу къ частнымъ лицамъ; также преслѣдовались излюбленныя средства того времени, къ которымъ принадлежали „кровеносныя банки и открываніе крови".

Къ предупредительнымъ мѣрамъ противъ распространенія болѣзненности въ войскахъ относилось тогда отправленіе слабыхъ нижнихъ чиновъ цѣлыми командами за городъ, для расположенія по обывателямъ. Каждые два мѣсяца всѣ нижніе чины, оставшіеся въ городѣ, подвергались медицинскому осмотру и тѣхъ изъ нихъ, которые нуждались въ отдыхѣ, отправляли за городъ, а изъ загородныхъ командъ возвращалось соотвѣтственное число людей для пополненія ротъ. Загородныя команды слабосильныхъ были такъ значительны, что изъ нихъ формировали цѣлыя роты [61]. Затѣмъ, провѣтриванію и освѣженію казармъ придавалось тогда очень большое значеніе; только для этой цѣли полки гвардейскаго корпуса выступали въ зимніе походы, продолжавшіеся до 2-хъ недѣль.

Изъ нижнихъ чиновъ подвергались заболѣванію болѣе всего молодые солдаты. Наиболѣе распространенными болѣзнями были: горячка, лихорадка, тифъ и острый катарръ дыхательныхъ органовъ. Изъ эпидемическихъ болѣзней холера давала себя чувствовать войскамъ хотя и въ незначительной степени, но за то почти во все продолженіе разсматриваемаго періода времени. Въ 1872 году отъ нея скончался въ полку Капитанъ Гедда. Тифъ въ видѣ значительныхъ эпидемій въ полку не появлялся, хотя опасность въ этомъ отношеніи была большая: въ Петербургѣ нерѣдко появлялась тифозная эпидемія, но въ войскахъ гвардейскаго корпуса и въ полку, распространенія въ значительной степени она не находила.

Въ 70-хъ годахъ заботы о сохраненіи здоровья нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка были настолько значительны что командиръ полка, Свиты Его Величества, Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ, „въ видахъ несомнѣнной пользы, какую можетъ принести нижнимъ чинамъ распространеніе между ними познаній о сохраненіи и сбереженіи здоровья“, предписалъ врачамъ полка приступить къ чтенію въ полковой учебной командѣ лекцій о сохраненіи и сбереженіи здоровья людей; на этихъ же лекціяхъ признавалось желательнымъ присутствіе фельфебелей и унтеръ-офицеровъ [62].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ за время царствованія Императора Александра II имѣлъ свою церковь въ усиленномъ лазаретѣ, имѣлъ своего священника, пастора же въ полку не имѣлось. По отношенію къ составу нижнихъ чиновъ полка по вѣроисповѣданію тоже не наблюдалось замѣтныхъ отклоненій отъ прежняго времени. Число иновѣрцевъ въ полку хотя нѣсколько и возросло, но въ небольшой степени. Вѣдомости 1872 года показываютъ, что въ полку имѣлось тогда на 2.203 нижнихъ чина: православныхъ—1883, католиковъ—177, лютеранъ—118, магометанъ и идолопоклонниковъ—30, евреевъ—8 [63]. Въ прочіе годы царствованія Императора Александра II число иновѣрцевъ было почти такое же; только число магометанъ нѣсколько возросло во второй половинѣ 70-хъ годовъ. Такъ, въ 1877 году полкъ получилъ 30 магометанъ новобранцевъ. Принимая же во вниманіе, что контингентъ нижнихъ чиновъ полка состоялъ въ то время изъ нѣсколькихъ наборовъ новобранцевъ, можно придти къ выводу, что число магометанъ въ полку было въ то время около 100 человѣкъ [64].

Церковныя суммы Л.-Гв. Финляндскаго полка были по прежнему незначительны. Такъ, въ 1866 году они достигали лишь до 1.961 руб. 92 коп. [65], а въ 1870 году—лишь до 1.749 руб. 66½ коп. [66].

Этихъ суммъ едва хватило на самыя насущныя потребности церкви и ея церковнослужителей.

Полковой священникъ, хотя и получалъ содержанie по чину капитана [67], но содержанie это, очевидно, было недостаточно. Въ этомъ удостовѣряетъ нижеслѣдующее обращенie священника Петра Зиновьевскаго къ своимъ духовнымъ дѣтямъ—нижнимъ чинамъ полка, отъ 6-го мая 1858 года:

„Дѣти духовные!

„Изстари любовь ваша, сочувствуя нуждамъ своего священника, имѣла обычай послѣ Свѣтлаго праздника, удѣлять ему, вмѣсто краснаго яйца, по одному кулю муки и по два четверика крупъ. Если я стою вашей любви, и вы по прежнему ко мнѣ расположены, то буду имѣть удовольствie видѣть и теперь тоже вниманie ваше къ моимъ нуждамъ какъ и въ прошлые годы". На обращенiи этомъ имѣлись подписи всѣхъ фельдфебелей ротъ и унтеръ-офицеровъ командъ полка о томъ, что каждая изъ ротъ и командъ „желаетъ дать одинъ куль муки и два четверика крупъ" [68].

Флигель-Адъютантъ Полковникъ Строевъ.

Изъ поступленiй въ церковь полка за время царствованiя Императора Александра II слѣдуетъ отмѣтить пожертвованie Августѣйшимъ Шефомъ полка Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 1859 году перламутроваго креста отъ Св. Гроба Господня изъ Iерусалима [69] и въ 1869 году обуви Св. Спиридона съ острова Корфу. [70]

Хоръ полковыхъ пѣвчихъ въ полку въ то время не полагался, но полкъ содержалъ частнымъ образомъ довольно значительный хоръ. Въ 1865 г. командиръ полка вошелъ съ ходатайствомъ объ учрежденiи въ полку штатныхъ пѣвчихъ въ числѣ 12-ти человѣкъ:—3 унтеръ-офицеровъ и 9 рядовыхъ; на ежегодное содержанie ихъ командиръ полка испрашивалъ 675 руб. 50 коп. Просьба мотивировалась тѣмъ, что существовалъ штатный хоръ пѣвчихъ въ Л.-Гв. Павловскомъ полку и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что съ уменьшенiемъ численности состава людей, по вышедшимъ тогда штатамъ, встрѣчались затрудненiя въ назначенiи для пѣнiя строевыхъ нижнихъ чиновъ. Ходатайство это военный совѣтъ отклонилъ [71] и хоръ пѣвчихъ въ полку продолжалъ существовать по прежнему частнымъ образомъ.

Насколько хорошо поставлено было пѣвческое дѣло въ полку, видно изъ того, что пѣвчiе полка постоянно разбирались по сосѣднимъ церквамъ. Такъ, съ 1865 года пѣвчiе полка посылались для пѣнiя въ церковь дома для призрѣнiя бѣдныхъ Императ-

рицы Александры Өеодоровны, получая годовую плату отъ 600 до 750 рублей [72]. Затѣмъ пѣвчіе полка „удовлетворяли справедливому желанію прихожанъ Андреевскаго собора, слышать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ постоянно благообразное пѣніе," какъ объ этомъ писалъ въ 1875 году ктиторъ Андреевскаго собора. [73] Въ томъ же году было получено предложеніе директора Придворной пѣвческой капеллы объ участіи пѣвческаго хора полка въ цѣломъ рядѣ концертовъ, гдѣ предполагалось тогда исполненіе сочиненія мессы Верди. [74]

Хоръ музыки Л.-Гв. Финляндскаго полка за время съ 1855 по 1881 годъ продолжалъ существовать на тѣхъ же началахъ, которыя были выработаны въ 1826 году при учрежденіи егерской музыки въ полкахъ легкой гвардейской пѣхоты, т. е. Л.-Гв. въ Финляндскомъ Егерскомъ и Волынскомъ полкахъ. Отличительнымъ признакомъ этого хора былъ его составъ исключительно изъ мѣдныхъ духовыхъ инструментовъ; такой составъ не подвергался въ полку измѣненію за все царствованіе Императора Александра II-го. Не измѣнился также сколько нибудь въ значительной степени и составъ музыкантовъ въ полку за разсматриваемое время.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, при изданіи новыхъ штатовъ войсковыхъ частей военно-сухопутнаго вѣдомства число музыкантовъ было сокращено въ полку только на 6 учениковъ сравнительно съ числомъ музыкантовъ, установленнымъ еще въ 1826 году. * По штату 1864 года въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, какъ и въ прочихъ полкахъ гвардейскаго корпуса, положено было имѣть слѣдующее число музыкантовъ: 37 унтеръ-офицеровъ, 5 рядовыхъ и 12 учениковъ.

Въ тоже самое время послѣдовало уничтоженіе музыкантскихъ хоровъ у половины армейскихъ полковъ, при чемъ было оставлено по одному хору на каждую бригаду; [75] а въ 1866 году число хоровъ въ арміи было еще сокращено вдвое [76], такъ что было оставлено лишь по одному хору на дивизію. Такимъ образомъ существованіе музыкантскихъ хоровъ въ каждомъ изъ полковъ гвардейскаго корпуса являлось въ то время довольно рѣзкой особенностью, отличавшей гвардейскіе полки отъ армейскихъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ, съ введеніемъ вновь музыки въ армейскихъ частяхъ, эта особенность исчезла.

Штатами 1870 года установлена была новая численность музыкантовъ въ гвардейскихъ полкахъ, которыхъ положено было имѣть для каждаго полка слѣдующее число: 12 унтеръ-офицеровъ и 30 рядовыхъ; кромѣ того, кантонисты могли входить въ число музыкантскихъ учениковъ.

Комплектованіе музыкантскаго хора полка производилось по прежнему, главнымъ образомъ, изъ своихъ кантонистовъ. Музыкантовъ же остававшихся на сверхсрочной службѣ поощряли различными улучшеніями ихъ положенія; такъ, въ 1858 году пяти музыкантамъ полка, изъявившимъ желаніе остаться на сверхсрочной службѣ, было Всемилостивѣйше пожаловано вознагражденіе въ размѣрѣ 30 рублей на каждаго. [77]

Въ 1871 году разрѣшено было, въ видахъ поддержанія въ хорошемъ состояніи музыкантскихъ хоровъ въ полкахъ гвардіи, имѣть въ каждомъ полку по 6 вольнонаем-

* Это же число музыкантовъ вошло въ штатъ 1840 года.

ныхъ музыкантовъ изъ числа уволенныхъ въ отпуски и отставку, причемъ жалованье имъ было назначено по 100 руб. въ годъ, сверхъ полнаго содержанія отъ казны, положеннаго вообще для нижнихъ чиновъ. Въ порядкѣ подчиненія они числились какъ вообще сверхсрочные.

Состояніе хора музыки Л.-Гв. Финляндскаго полка за время съ 1855 по 1881 годъ было по прежнему отличное и въ этомъ отношеніи полкъ выдѣлялся изъ прочихъ полковъ гвардейскаго корпуса. Хоръ Л.-Гв. Финляндскаго полка находился не только въ первомъ разрядѣ, [78] но по своему выдающемуся положенію, онъ удостоивался многократныхъ назначеній для игры во время Высочайшаго обѣденнаго стола при многихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, во время Георгіевскихъ праздниковъ, пріемовъ и т. п. Удостаивался хоръ и приглашеній Высочайшихъ особъ; такъ, въ 1869 году Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій изволилъ слушать хоръ музыки полка 10-го, 13-го и 15 января 1869 года. [79] На инвалидныхъ концертахъ хоръ полковой музыки выставлялъ наибольшее число солистовъ, удостоивавшихся полученія Высочайшихъ подарковъ; такъ, на бывшемъ въ Высочайшемъ присутствіи 12 марта 1871 года концертѣ въ пользу инвалидовъ, музыкантъ полка унтеръ-офицеръ Петровъ получилъ въ награду золотые часы. [80]

Особенно много Высочайшихъ подарковъ удостоился получить унтеръ-офицеръ Иванъ Оглоблинъ, произведенный во второй половинѣ 60-хъ годовъ въ чиновники и занимавшій впослѣдствіи должности капельмейстера въ полку, и управлявшаго хорами музыки всѣхъ полковъ гвардіи. Обладая недюжиннымъ талантомъ композитора, онъ составилъ много различныхъ маршей и другихъ музыкальныхъ произведеній, изъ которыхъ большинство удостоилось принятія Государемъ Императоромъ. Были въ полку, впрочемъ, и другіе композиторы. Такъ музыкантъ унтеръ-офицерскаго званія Трауманъ написалъ въ 1862 году маршъ по случаю 1000лѣтія Россіи и представилъ его Государю Императору за что и удостоился пожалованія отъ Государя золотыхъ часовъ съ цѣпочкой. [81]

Изъ особыхъ распоряженій, касающихся музыки за время 1885—1881 годовъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдуюшее.

Въ 1871 году [82] Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы взамѣнъ гренадерскаго похода, пожалованнаго частямъ войскъ за подвиги, присвоить этимъ частямъ бывшій егерскій походъ, который впредь именовать походомъ за военное отличіе. Стрѣлковымъ батальонамъ, взамѣнъ егерскаго похода, присвоить походъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Изъ другихъ менѣе существенныхъ распоряженій были слѣдующія.

28-го Октября 1857 г. упразднена учрежденная при гвардейскомъ корпусѣ барабанная школа и всѣ чины ея переведены въ свои полки и команды [83].

Въ томъ-же году упразднено званіе флейтщиковъ, при чемъ взамѣнъ таковаго по всѣмъ полкамъ пѣхоты, въ числѣ горнистовъ, повелѣно имѣть въ каждой ротѣ (исключая стрѣлковыхъ) одного изъ горнистовъ при сигнальномъ рожкѣ съ флейтою, такъ чтобы онъ умѣлъ играть на обоихъ инструментахъ [84].

Взамѣнъ введенныхъ, приказомъ по военному вѣдомству 1870 г. за № 140, для горно-флейтистовъ линейныхъ ротъ короткихъ флейтъ и мягкаго юфтоваго чахла для нихъ, Государь Императоръ Высочайше утвердилъ новые образцы флейты увеличенныхъ размѣровъ и чахла изъ полувала [85].

Затѣмъ былъ вполнѣ искорененъ издавна практиковавшійся обычай игры горнистовъ и барабанщиковъ по большимъ праздникамъ подъ окнами питейныхъ заведеній, лавочекъ и т. п. Приказомъ по 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи отъ 20-го января 1871 вода наистрожайше предписывалось этотъ обычай совершенно искоренить [86]. Но вмѣстѣ съ тѣмъ музыканты гвардейскихъ полковъ играли за денежное вознагражденіе на различнаго рода гуляніяхъ въ Петербургѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ.

Флигель-Адъютантъ Штабсъ-Капитанъ Іелита-Фонъ-Вольскій.

Въ разсматриваемое-же время въ полку существовалъ и хоръ пѣсенниковъ тоже приглашавшійся на различныя празднества и гулянія. Въ приказѣ по полку отъ 7-го іюля 1863 года по этому поводу отдано слѣдующее распоряженіе: „завтрашняго числа въ 5 часовъ пополудни уволить отъ всѣхъ ротъ полка нижнихъ чиновъ на Смоленское поле, для пѣнія пѣсенъ и разныхъ игръ; къ тому же времени прибыть туда и хору музыкантовъ“.

Заключеніемъ мирной жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка за время царствованія Императора Александра II являются событія послѣднихъ годовъ этого царствованія, наступившихъ вслѣдъ за кампаніей 1877—78 годовъ.

Въ тѣ годы внутреннее состояніе Россіи было таково, что различнаго рода революціонныя общества и кружки нашли себѣ весьма благопріятную почву для дѣйствій и, усилившись въ значительной степени, стали представлять собою весьма нежелательный элементъ для правительства. Дѣятельность тайныхъ кружковъ и всякаго рода подпольныхъ сообществъ, проявлявшаяся особенно замѣтно въ 60-ыхъ годахъ, пріостановилась во время турецкой кампаніи, подъ вліяніемъ взрыва патріотизма, проявившагося тогда въ сильной степени; къ концу же кампаніи эта дѣятельность снова возобновилась, и даже еще сильнѣе чѣмъ раньше.

По отношенію къ арміи дѣятельность революціонеровъ заключалась въ стремленіи проводить свою пропаганду, въ стремленіи, обнаруживавшемся съ большою силою и отчасти начатомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Такъ, еще при расположеніи русской гвардіи у Константинополя пропагандисты не останавливались ни передъ какими средствами и являлись на биваки облаченными въ офицерскіе мундиры; затѣмъ, едва гвардія верну-

лась въ Петербургъ, какъ уже пропаганда вновь началась: прокламаціи и воззванія революціонеры старались распространять между солдатами черезъ женъ семейныхъ нижнихъ чиновъ; другимъ средствомъ пропаганды явилось распространеніе въ рядахъ войскъ книгъ и брошюръ вреднаго направленія, которые по наружному виду не обращали на себя, особаго вниманія, имѣя обертки съ обозначеніемъ цензурнаго разрѣшенія [87].

Попытки нигилистовъ, особенно энергично веденныя въ Петербургѣ, для привлеченія войскъ на свою сторону, оставались тщетными: гвардія честно несла Царскую службу, становившуюся тогда день ото дня тяжелѣе. Для противодѣйствія кармольникамъ и для принятія необходимыхъ мѣръ предосторожности надлежало усилить наряды въ караулы и въ помощь полиціи. Такъ, въ апрѣлѣ 1879 года было приказано наряжать караулъ въ Зимній Дворецъ въ составѣ не одной, а двухъ ротъ; кромѣ того были и другіе усиленные наряды, введенные отчасти еще съ 1878 года, какъ-то караулы на телеграфную станціи, наряды батальоновъ на случай вызова полиціи, назначеніе двойнаго числа часовыхъ въ Собственномъ Его Величества Дворцѣ, увеличеніе нарядовъ дневальныхъ въ казармахъ, наряды патрулей на улицы, прилегающія къ казармамъ, и наконецъ наряды ротъ на время засѣданій военно-окружнаго суда. Затѣмъ принимался цѣлый рядъ мѣръ къ усиленію внутренняго порядка. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку въ серединѣ февраля 1880 года приняты были слѣдующія мѣры.

Увольненіе со двора нижнихъ чиновъ до позднихъ часовъ было совершенно прекращено, а время обыкновеннаго отпуска ограничено; допускъ посѣтителей къ нижнимъ чинамъ совершенно прекращенъ; нѣкоторые ворота и выходы закрыты, а у оставленныхъ открытыми поставлены по 1—2 дневальныхъ; въ каждой ротѣ и командѣ заведены были фонари на случай освѣщенія дворовъ и темныхъ помѣщеній, а на полковой гауптвахтѣ ихъ было заведено два; кромѣ дневальныхъ, стоявшихъ на мѣстѣ, на указанныхъ имъ пунктахъ, ежедневно наряжались дневальные патрулирующіе, для обхода набережной и улицъ вблизи казармъ, огородовъ и мѣстъ къ нимъ прилегающихъ; караулъ у пороховаго погреба удвоенъ и поставлено два часовыхъ вмѣсто одного; на обязанности батальонныхъ командировъ возложено принятіе мѣръ по охраненію порядка и предосторожностей въ раіонѣ казармъ и батальоновъ [88].

Служба гвардіи по охраненію столицы за время 1878—81 г.г. была такъ тяжела, что старослужащихъ нижнихъ чиновъ не было достаточно и къ ней привлечены были новобранцы. Такъ, въ апрѣлѣ 1879 года командующій Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Теннеръ рапортовалъ [89]: „вслѣдствіе усиленнаго наряда на случай требованія полиціи и усиленныхъ домашнихъ расходовъ... я вынужденъ включить въ наряды всѣхъ новобранцевъ, а батальонъ назначенный на вызовъ полиціи будетъ одѣтый въ готовности и со всѣми офицерами не 24 часа, а 48 часовъ“. Въ отчетахъ же начальника 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи за то-же время говорилось [90]: „служба нижнихъ чиновъ становится крайне трудною, утомляя ихъ не только физически, но и нравственно“. Одинъ изъ служившихъ тогда въ полку офицеровъ говоритъ [91]: „Несомнѣнно, что это время было трудное для службы и тяжелое по своему нравственному впечатлѣнію. Людямъ и офицерамъ приходилось 4—5 дней въ недѣлю не раздѣваться и быть

всегда на готовѣ". Къ числу особыхъ нарядовъ офицеровъ слѣдуетъ причислить дежурства въ Зимнемъ Дворцѣ, начавшіеся въ февралѣ 1880 года; для этихъ дежурствъ назначалось по 2 офицера отъ каждаго полка, освобождаемыхъ отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей [92].

Иногда впрочемъ наряды нѣсколько уменьшались; иногда же къ нарядамъ войскъ гвардіи прибавлялись и особыя назначенія. Такъ, въ маѣ 1879 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ, какъ и нѣкоторые другіе полки гвардіи выслалъ одинъ батальонъ на Смоленское поле къ эшафоту во время казни государственнаго преступника Соловьева; кромѣ того тогда же отъ полка были выставлены роты для предупрежденія безпорядковъ на улицахъ, прилегающихъ къ мѣсту казни [93].

Безумная дѣятельность соціалистовъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ не остановилась передъ посягательствомъ на священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича. Такъ, 2-го апрѣля 1879 года злодѣйская рука покушалась на Государя, но Провидѣніе чудеснымъ образомъ отвратило опасность этого покушенія. Для Л.-Гв. Финляндскаго полка знаменательно вѣчно памятное послѣ этого покушенія обращеніе Государя Императора къ стоявшимъ на часахъ въ Зимнемъ Дворцѣ Финляндцамъ. 5-го апрѣля, т. е. на третій день послѣ покушенія, въ 3 часа дня, Государь Императоръ, слѣдуя мимо парныхъ часовыхъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, бывшихъ на подъѣздѣ Ея Величества, изволилъ обратиться къ нимъ съ милостивыми словами: „Вотъ, ребята, какъ Богъ Меня спасъ"—и показалъ прострѣленное пальто, сказавъ при этомъ: „Молите Бога за Меня". 6-го апрѣля Государь тоже удостоилъ караульныхъ нижнихъ чиновъ полка милостивымъ обращеніемъ [94].

Въ память чудеснаго избавленія Его Величества отъ грозившей опасности офицеры гвардіи испросили разрѣшеніе на поднесеніе Государю Императору образа и тѣмъ выразили свои вѣрноподданническія чувства [95].

Новое злодѣйское покушеніе, произведенное на Государя Императора черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 5-го февраля 1880 года, по волѣ Провидѣнія, снова не достигло цѣли и обожаемый Монархъ остался невредимъ на радость своихъ подданныхъ. Только охранители Царскаго Дворца пострадали въ этотъ день, заплативъ своею кровію за попытку соціалистовъ на Цареубійство.

Этими охранителями въ знаменательный день 5-го февраля были чины Л.-Гв. Финляндскаго полка, занимавшіе тогда караулы въ Зимнемъ Дворцѣ.

Спокойно начался день 5 февраля въ Зимнемъ Дворцѣ. Царская семья ожидала прибытія роднаго брата въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы Маріи Александровнѣ, Принца Александра Гессенскаго. Вслѣдствіе этого къ Высочайшему обѣду были приглашены многіе члены Императорской Фамиліи. Къ этому то времени злоумышленники и готовили свой адскій замыселъ: однимъ ударомъ динамита они предполагали взорвать столовую, но разсчетъ не оправдался: Государь Императоръ и вся Царская семья остались невредимы.

Въ караулѣ на главной гауптвахтѣ въ этотъ день стояла 7-я рота Л.-Гв. Финляндскаго полка, съ добавкомъ людей отъ 5-ой и 11-ой ротъ. Во внутреннемъ караулѣ —люди 5-ой и другихъ ротъ того же полка [96].

Около 6-ти часовъ вечера младшіе офицеры караула, Подпоручикъ Ивановъ и Прапорщикъ Чебыкинъ по приказанію караульнаго начальника, Штабсъ-Капитана Іелитыфонъ-Вольскаго, раздавали въ помѣщеніи нижнихъ чиновъ гаубтвахты караульные деньги; по окончаніи раздачи первый изъ нихъ ушелъ въ офицерское помѣщеніе, Прапорщикъ же Чебыкинъ остался осматривать смѣну, приготовляемую къ 7-ми часамъ; осмотрѣвъ ее, онъ направился въ офицерскую комнату и только это его и спасло отъ смерти.

Едва онъ успѣлъ пройти площадку, отдѣляющую помѣщеніе нижнихъ чиновъ караула отъ офицерскаго помѣщенія и отворить дверь, какъ раздался взрывъ, за которымъ послѣдовали два удара колокола для вызова караула въ ружье. То звонилъ стоявшій на часахъ у фронта рядовой Гудоровъ; хотя онъ и былъ силою взрыва сбитъ съ ногъ, но не потерялся отъ неожиданности. Всѣ офицеры караула, бывшіе въ моментъ взрыва въ офицерской комнатѣ бросились на платформу, но тамъ никого не нашли кромѣ часоваго, крикнувшаго: „насъ убили!“ Направившись въ помѣщеніе нижнихъ чиновъ, офицеры съ трудомъ могли приоткрыть дверь, которая долго не поддавалась. Смрадъ и раздирающіе душу крики встрѣтили ихъ. На вызовъ „въ ружье“ могло выйти лишь человѣкъ 6 изъ всего караула; это были уцѣлѣвшіе отъ взрыва люди. Къ довершенію всего, вслѣдствіе взрыва потухъ газъ, темнота и полное невѣденіе всего окружающаго заставили пережить оставшихся въ живыхъ Финляндцевъ моментъ, который ими никогда не забудется.

Особенно трудно было офицерамъ караула: они видѣли воочію всю опасность, чувствовали, что насталъ моментъ приложенія ихъ силы, что ихъ караулу ежеминутно могутъ быть предъявлены новыя требованія и вмѣстѣ съ тѣмъ они видѣли, что вмѣсто караула осталось лишь человѣкъ 5—6, что караула собственно уже не существовало. Но Финляндцы не потерялись: оставшимися людьми они заградили входъ во дворецъ черезъ платформу, со стороны двора. Свѣтъ, показавшійся съ противуположной стороны отъ этого входа, съ лѣстницы Салтыковскаго подъѣзда, привлекъ къ себѣ вниманіе всѣхъ: то сходили въ караульное помѣщеніе Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, предшествуемые лакеемъ, несшимъ лампу. Офицеры караула съ тревогой поспѣшили къ нимъ на встрѣчу, чтобы узнать о состояніи здоровья Государя Императора, на что получили отвѣтъ отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, что Государь въ моментъ взрыва изволилъ идти къ обѣденному столу, но не успѣвъ еще вступить въ столовую, услышалъ подъ ней выстрѣлъ, вслѣдствіе чего вернулся во внутренніе покои. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ изволили спрашивать у чиновъ караула о случившемся въ караулѣ и приказали тотчасъ-же заняться спасеніемъ людей.

При освѣщеніи мѣста катастрофы факелами прибывшей пожарной дворцовой команды открылась ужасающая картина: тяжелый гранитный полъ гауптвахты, состоявшій изъ массивныхъ плитъ, подброшенный силой динамита кверху и потомъ рухнувшій внизъ, представлялъ собою груду разбитыхъ плитъ, камней, обломковъ и извести; въ одномъ мѣстѣ его была глубокая яма, доходившая до подвальнаго этажа; потолокъ гауптвахты, частью пробитый, тоже рухнулъ на полъ; а подъ обломками лежали изуродованные Финляндцы; трупы, исковерканные до неузнаваемости, были перемѣшаны съ оторванными руками и ногами погибшихъ жертвъ; нѣкоторые были еще живы и молили о спасеніи.

Несчастныхъ раненыхъ съ трудомъ освобождали отъ каменныхъ глыбъ, обломковъ и направляли сначала въ офицерскую уборную, а потомъ, по прибытіи Генералъ-Адъютанта Гурко, отвозили въ вытребованныхъ фургонахъ въ ближайшіе лазареты и госпитали; одинъ изъ нижнихъ чиновъ, ефрейторъ Камеловъ бывшій во время взрыва на главной гауптвахтѣ и хотя и израненный, но спасшійся только благодаря тому, что въ моментъ взрыва сидѣлъ у одной изъ колоннъ помѣщенія нижнихъ чиновъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что послѣ того какъ раздался ударъ и потухъ газъ, онъ и ближайшіе къ нему солдаты потеряли сознаніе. „Когда мы пришли въ себя,—говоритъ онъ,—вода лилась, всѣ водопроводы были прорваны, темнота, пыль, не давала открыть глазъ и такая тишина, что я думалъ что мы провалились сквозь землю или куда нибудь. Это продолжалось минутъ пять. Часовой у фронта былъ сбитъ воздухомъ съ ногъ, когда онъ всталъ то увидѣлъ, что случилось что-то не ладное, сталъ вызывать караулъ, звоня въ колокольчикъ; услышавъ что часовой зоветъ караулъ, всѣ очнулись и увидѣли что находимся еще на этомъ свѣтѣ и начали одинъ за другимъ стонать; отъ пыли нельзя было открыть глазъ, когда-же она улеглась и свѣтъ сталъ замѣтенъ, кто могъ, полѣзъ по всѣмъ камнямъ и мусору на свѣтъ къ окнамъ и въ окна выбралось насъ человѣкъ 17 или 20; караульный начальникъ выскочилъ къ намъ и скомандовалъ разбирать ружья; ружья стояли въ карридорѣ и мы въ потьмахъ нашли ихъ и безъ касокъ и портупей выстроились на гауптвахтѣ“.

Бывшій въ тотъ день караульнымъ начальникомъ внутренняго караула Л.-Гв. Финляндскаго полка Поручикъ Сивицкій, только что передъ этимъ вернувшійся къ своему караулу изъ офицерской комнаты главной гауптвахты, куда онъ отлучился чтобы покурить, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Просидѣвъ на главной гауптвахтѣ около часу, я возвратился обратно въ помѣщеніе внутренняго караула. Снявъ каску и положивъ ее на столъ, я подошелъ къ окну, выходящему во дворъ дворца, по направленію къ главной гауптвахтѣ. Не прошло и минуты, какъ раздался страшный взрывъ. Изъ оконъ гауптвахты показался столбъ пыли; моментально погасли всѣ фонари во дворцѣ и прекратилось освѣщеніе, какъ главной гауптвахты, такъ равно и въ комнатахъ дворца, расположенныхъ надъ гауптвахтою. Зазвенѣли разбитыя стекла, градомъ посыпались осколки стеколъ на меня, я отошелъ отъ окна.

„Часовой у фронта, на главной гауптвахтѣ, началъ бить въ колоколъ, вызывая караулъ „въ ружье“. Не прошло и 20-ти минутъ, какъ пожарныя команды, одна за другою въѣзжали во дворъ дворца.

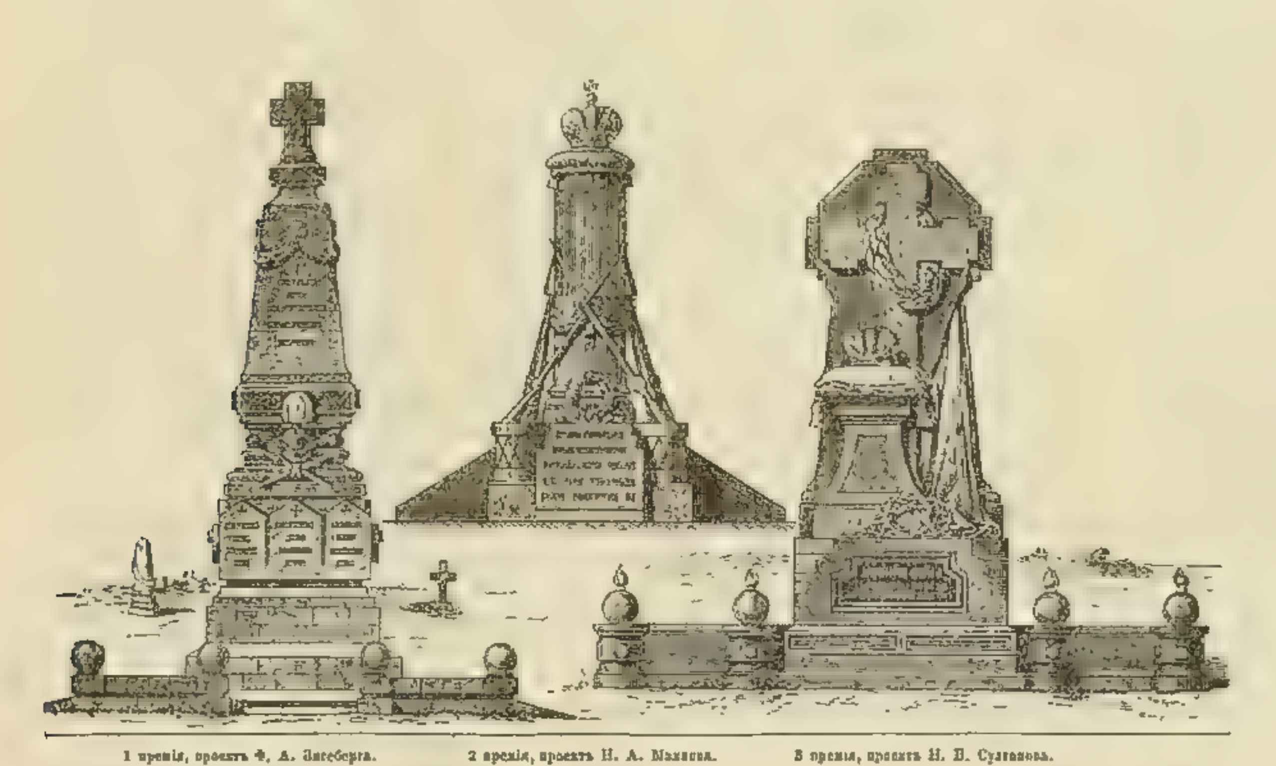
„Я немедленно послалъ на главную гауптвахту узнать въ чемъ дѣло. Посыльный возвратясь, сообщилъ, что на главной гауптвахтѣ масса раненыхъ и убитыхъ нижнихъ чиновъ, но больше никакихъ свѣдѣній, ни подробностей не принесъ“.

Происходившее передъ взрывомъ и въ моментъ самаго взрыва въ Зимнемъ дворцѣ такъ описано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ Его Величества подъ датой 5-го февраля:

„25 мин. 7-го часа, изволилъ прибыть изъ заграницы Его Велико-Герцогское Высочество принцъ Александръ Гессенскій съ сыномъ Людвигомъ и на подъѣздѣ былъ встрѣченъ г.г. министромъ Императорскаго Двора гр. Адлербергомъ, оберъ-гофмаршаломъ Гротомъ и въ д. гофмаршала Кн. Голицынымъ.

Его Высочество въ Маломъ Фельдмаршальскомъ залѣ былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ и послѣ взаимныхъ привѣтствій, Его Высочество съ Его Величествомъ проходили во внутреннія, Государя Императора, аппартаменты; въ эту минуту, т. е. 30 мин. 7-го часа послѣдовалъ взрывъ, отъ котораго стекла разлетѣлись вдребезги въ комнатѣ противоположной, гдѣ былъ приготовленъ для Его Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ обѣденный столъ, т. е. въ Новой запасной 3-ей половины".

Между тѣмъ, вызванный по тревогѣ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ Л.-Гв. Преображенскій полкъ приступилъ къ смѣнѣ часовыхъ Финляндцевъ; но тутъ-то и оказалась доблесть этихъ молодцовъ: несмотря на ужасъ и неожиданность всего происшедшаго, ни одинъ изъ нихъ въ эти критическія минуты не упустилъ требованій службы, оставаясь на высотѣ своего положенія и твердо помня присягу; ни одинъ изъ нихъ не сдалъ своего поста вопреки уставу, заявляя, что за смертью разводящаго и фельдфебеля смѣнится только по приказанію своего караульнаго начальника. Такое правильное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, пониманіе духа службы, твердость и хладнокровіе Финляндцевъ часовыхъ нашли себѣ весьма лестную оцѣнку въ приказѣ по войскамъ гвардіи и округа, отъ 8-го февраля 1880 г., за № 13, гдѣ по этому поводу говорится слѣдующее:

1 премія, проектъ Ф. А. Загеберга. 2 премія, проектъ Н. А. Макаева. 3 премія, проектъ Н. В. Султанова.

Проекты на конкурсъ для сооруженія памятника погибшимъ при взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ. 1, 2 и 3 преміи.

Проекты памятника Финляндцамъ погибшимъ 5-го февраля 1880 года.

„Поведеніе Финляндцевъ въ настоящемъ случаѣ, когда ни одинъ изъ часовыхъ, не смотря на морозъ и замедлявшуюся смѣну, не видя своего разводящаго, не рѣшился передать поста часовому отъ новаго караула другого полка, пока не получилъ личнаго на то приказанія отъ своего караульнаго начальника, составляетъ проявленіе истинной воинской доблести и заслуживаетъ особой похвалы.

„Подобное честное исполненіе служебнаго долга да убѣдитъ безумныхъ злоумышленниковъ въ томъ, что попытки ихъ къ сближенію съ войсками, тѣмъ менѣе подпольная угроза жизни и даже самая смерть, не въ силахъ поколебать вѣрности войскъ своему долгу и присягѣ.

Въ приказѣ по гвардейскому корпусу отъ 8-го февраля за № 3, доблесть Финляндцевъ представлена въ слѣдующемъ видѣ:

„5-го февраля, когда подъ помѣщеніемъ главнаго караула Зимняго дворца произошелъ взрывъ и вызванный по распоряженію начальства караулъ отъ Л.-Гв. Преображенскаго полка послалъ своихъ людей для смѣны часовыхъ пострадавшаго караула, Финляндцы, не видя въ смѣнѣ своего разводящаго, погибшаго въ числѣ другихъ, не сдавали постовъ. Ни увѣщанія, ни приказанія не подѣйствовали на нихъ, и они сдали посты только тогда, когда они получили приказаніе отъ своего начальника караула.

„За такое точное исполненіе своихъ обязанностей, несмотря на неминуемое разстройство, какое взрывъ могъ произвести въ порядкѣ караульной службы, объявляю Мое сердечное спасибо молодцамъ Финлядцамъ и душевно благодарю всѣхъ ихъ прямыхъ начальниковъ."

Такую же доблесть и сознаніе своего долга выказалъ и знаменщикъ караула, старшій унтеръ-офицеръ 7-й роты Теличкинъ, раненый въ голову и руку и пожелавшій, несмотря на страданія отъ ранъ, донести знамя во дворецъ шефа полка Великаго Князя Константина Николаевича вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ казармъ полка взводомъ. До относа этого знамени часовымъ у него стоялъ той же роты рядовой Абакумовъ; и на его долю пришлось тоже выказать, что выказали и другіе часовые: никто изъ Преображенцевъ не былъ допущенъ имъ къ знамени. „Не уступлю своего знамени другому полку",— отвѣчалъ Абакумовъ. Присутствовавшій при этомъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ и офицеры Преображенцы щедро наградили исправность часоваго, положивъ кучу денегъ на подоконникъ, близь его поста.

Затруднительность положенія часовыхъ была велика: разводящіе были или ранены или убиты. Морозъ доходилъ до 20°, смѣна затянулась до 3½ часовъ; отъ бывшихъ здѣсь генераловъ получались приказанія о сдачѣ. Это еще болѣе могло бы сбить съ толку, но не таковы были молодцы часовые.

Начальникъ внутренняго караула Поручикъ Сивицкій пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о смѣнѣ часовыхъ своего караула и о послѣдовавшемъ съ нимъ послѣ взрыва: „Полная неизвѣстность всего происшедшаго. Въ пикетной комнатѣ, гдѣ стоялъ внутренній караулъ становилось все холоднѣе и холоднѣе; на улицѣ было 18° мороза, а у насъ всѣ стекла были выбиты. Вижу, что холодъ даетъ себя чувствовать; оставаться здѣсь немыслимо. Посылаю за дежурнымъ плацъ-адъютантомъ, прошу перевести караулъ въ другое помѣщеніе. Намъ назначаютъ комнату подъ церковью, куда и перевожу караулъ. Узнавъ отъ бѣжавшаго изъ запасной половины камеръ-лакея, что Государь невредимъ, я началъ хлопотать о смѣнѣ часовыхъ, которые стояли на посту съ 6-ти часовъ вечера. Изъ состава караула смѣнить было некѣмъ. Со мною, во внутреннемъ караулѣ, осталась лишь одна смѣна, которая стояла на посту, а третья смѣна, смѣнившаяся съ постовъ, при своихъ разводящихъ, отдыхала на главной гауптвахтѣ и, послѣ взрыва, къ караулу не возвратилась.

„Въ такомъ тяжеломъ невѣдѣніи, что дѣлается на главной гауптвахтѣ, а равно съ

несмѣненными часовыми, мы простояли въ караулѣ до $10^1/_2$ час. вечера. Къ $10^1/_2$ часамъ вечера прибылъ караулъ отъ Л.-Гв. Павловскаго полка къ намъ на смѣну.

Разводящихъ не было, они, какъ сказано выше, всѣ остались на главной гауптвахтѣ, а часовые, не смотря на то, что простояли на постахъ съ 5-ти часовъ до 11 часовъ, т. е. шесть часовъ, безъ своихъ разводящихъ не смѣнялись, почему мнѣ пришлось лично произвести смѣну. Смѣнивъ часовыхъ на подъѣздахъ, площадкахъ и лѣстницахъ, я спустился къ Іорданскому подъѣзду, чтобы смѣнить часового у бриллiантовой кладовой. Здѣсь мнѣ пришлось со смѣною пріостановиться: на серединѣ площадки стоялъ Государь Императоръ Александръ II, Наслѣдникъ Цесаревичъ (почившій Императоръ Александръ III), Великій Князь Николай Николаевичъ, Генералъ Суворовъ и еще нѣсколько лицъ свиты, Петербургскій комендантъ и плацъ-адъютантъ.

Я остановился въ тотъ моментъ, когда Государь Императоръ Александръ II говорилъ, что это былъ взрывъ газа. Замѣтивъ меня, Его Величество спросилъ: „ты что здѣсь дѣлаешь“? Я доложилъ Его Величеству, что смѣняю караулъ. На вопросъ Государя: „гдѣ разводящіе“, я отвѣтилъ, что они, во время взрыва, были со смѣною на главной гауптвахтѣ и что съ ними, не знаю, такъ какъ до сихъ поръ они не прибыли, а безъ нихъ часовые не смѣняются; кромѣ того я доложилъ, что не знаю дороги къ часовому, стоящему у бриллiантовой кладовой. На это Его Величество отвѣтилъ: „комендантъ тебѣ покажетъ“. Назначенный плацъ-адъютантъ проводилъ меня до поста, гдѣ снявъ послѣдняго часового и сдавъ сдачу, я съ карауломъ прошелъ на главную гауптвахту“.

Такимъ образомъ смѣна часовыхъ не только главнаго караула но и внутренняго произошла съ значительными затрудненіями.

Въ 10-мъ часу вечера Подпоручикъ Ивановъ былъ посланъ Генералъ-Адъютантомъ Гурко по госпиталямъ и лазаретамъ для переписи раненыхъ. Таковыхъ оказалось 54, изъ нихъ 1 вскорѣ умеръ. Убитыхъ было 10 человѣкъ. * Они были исковерканы до неузнаваемости; убитаго фельдфебеля узнали только по нашивкамъ.

Другой офицеръ старшаго караула Прапорщикъ Чебыкинъ, тоже по приказанію Генерала Гурко, отправился доложить о катастрофѣ, какъ очевидецъ, Шефу полка Великому Князю Константину Николаевичу.

Около 9-ти часовъ вечера Государь Императоръ изволилъ прибыть въ помѣщеніе караула и, увидавъ убитыхъ и раненыхъ, заплакалъ. Черезъ $1^1/_2$ часа Его Величество вторично спустился на гауптвахту. Справляясь о числѣ жертвъ, Государь изволилъ спрашивать и объ отсутствующихъ младшихъ офицерахъ караула. Командующій полкомъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Теннеръ доложилъ, что офицеры были спасены только чудомъ, на что Государь приказалъ имъ кланяться и передать, что Провидѣніе Его также чудесно спасло какъ и ихъ, но съ той разницей, что они успѣли лишь выйти съ мѣста катастрофы, а Его Величество не успѣлъ войти.

---

* Погибли при взрывѣ слѣдующіе нижніе чины полка: фельдфебель Кириллъ Дмитріевъ, унтеръ-офицеръ Ефимъ Бѣлонинъ, горнистъ Иванъ Антоновъ, и рядовые: Григорій Журавлевъ, Ардаліонъ Захаровъ, Семенъ Кошелевъ, Федоръ Соловьевъ, Тихонъ Феоктистовъ, Борисъ Есецкій, Владиміръ Шукшинъ и Данило Сѣнинъ (умеръ).

На другой день 6-го февраля было совершено благодарственное молебствіе въ церкви Зимняго дворца. Ему предшествовалъ Высочайшій выходъ, во время котораго Государь Императоръ, остановившись противъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, изволилъ сказать растроганнымъ голосомъ: „Благодарю Бога спасшаго Меня отъ опасности; благодарю васъ Финляндцы; вы какъ всегда, также честно исполнили вашъ долгъ. Сердечно жалѣю объ остальныхъ невинно погибшихъ жертвахъ. Очень радъ, что никто изъ офицеровъ не пострадалъ. Я не забуду оставшихся въ живыхъ и пострадавшихъ и обезпечу семейства несчастныхъ жертвъ".

6-го февраля, въ церкви полка гдѣ высился страшный рядъ гробовъ, на панихидѣ по убитымъ изволилъ присутствовать Государь Императоръ. По окончаніи панихиды, которую Его Величество прослушалъ колѣнопреклоненно, Государь, подойдя къ гробамъ жертвъ, изволилъ сказать: „Мнѣ жаль, что эти несчастные изъ-за меня пострадали." Затѣмъ послѣдовало представленіе всѣхъ офицеровъ караула: дежурнаго по карауламъ Полковника Строева, Начальника караула Штабсъ-Капитана Іелита-Фонъ-Вольскаго, Подпоручика Иванова 2-го и Прапорщика Чебыкина. Всѣ эти офицеры были осчастливлены поцѣлуемъ Государя, податіемъ руки и выраженіемъ чувства радости, что они остались живы. По выходѣ изъ церкви, Государемъ были обойдены всѣ раненые, послѣ чего Его Величество изволилъ уѣхать.

Похороны жертвъ катастрофы отличались необычайной торжественностью и происходили въ присутствіи Шефа полка, всѣхъ начальствующихъ и многихъ высокопоставленныхъ лицъ и массы публики; отъ всѣхъ частей гвардіи и Петербургскаго округа были высланы полуроты и эскадроны, которые были выстроены шпалерами по пути шествія процессіи; весь полкъ полностью принималъ участіе въ похоронахъ, провожая до могилы тѣла несчастныхъ товарищей. Гробы погибшихъ были несены высокопоставленными лицами, генералами и офицерами полка. Публика добивалась, какъ особой чести, прикоснуться хотя бы къ кистямъ гробовъ безвинныхъ жертвъ. Надъ общей могилой ихъ на Смоленскомъ кладбищѣ, былъ воздвигнутъ прекрасной архитектуры памятникъ на средства жертвователей, которыхъ было множество: во всѣхъ концахъ Руси великой нашелся откликъ бѣдствій Финляндцевъ. Отовсюду поступали пожертвованія, капиталъ почти дошелъ до 100 тысячъ. Высочайшими распоряженіями и пожертвованіями семьи убитыхъ и раненыхъ были обезпечены. Оставшіеся невредимыми получили щедрыя награды.

Что же касается до офицеровъ, то милость Государя коснулась и ихъ. 9-го Марта былъ назначенъ разводъ отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, преимущественно отъ 2-го пострадавшаго батальона. Государь спрашивалъ всѣхъ офицеровъ полка, подходившихъ съ рапортомъ; „не ты ли былъ при взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ"?—и найдя между ними двухъ офицеровъ, бывшихъ тамъ въ караулѣ, такъ какъ другіе два офицера потерпѣвшаго караула—Подпоручикъ Ивановъ и Прапорщикъ Чебыкинъ не были наряжены на этотъ разводъ,—изволилъ назначить первыхъ изъ нихъ Флигель-Адъютантами. То былъ Полковникъ Строевъ и Штабсъ-Капитанъ Іелита Фонъ-Вольскій.

Памятный для Л.-Гв. Финляндскаго полка день 5 Февраля, когда чинамъ его удалось еще разъ подтвердить, какъ высокъ духъ русскаго солдата не только въ дни войны

но и въ дни крамолы, привлекъ къ Финляндцамъ вниманіе Августѣйшихъ Особъ и жителей не только столицы но и другихъ городовъ всей Россіи.

Августѣйшій Шефъ полка, Его Императорское Высочество, Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ отозваться въ своемъ дневникѣ о караульныхъ чинахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка—„неимовѣрные молодцы“.

Августѣйшая дочь Его Высочества Королева Греческая Ольга Константиновна, какъ о томъ передалъ по приказанію Ея Королевскаго Величества въ письмѣ къ Командующему Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Флигель-Адъютанту Полковнику Теннеру, секретарь Ея Величества—извѣщала полкъ о своемъ соболѣзнованіи. Въ письмѣ по этому поводу секретарь Королевы писалъ изъ Аѳинъ отъ 23 Февраля, между прочимъ, нижеслѣдующее:

„Подробности страшнаго происшествія въ Зимнемъ Дворцѣ 5-го сего Февраля случившагося, при которомъ Богу угодно и въ этотъ разъ сохранить драгоцѣнную жизнь Государя Императора, доходятъ сюда каждый день: съ ужасомъ читая о случившемся, Ея Величество приказать изволила мнѣ сказать Вамъ, Милостивый Государь, что Она не могла не обратить вниманіе на то, какъ всѣ чины заступавшаго тогда старшій караулъ отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка столь потерпѣвшаго, начиная отъ г.г. офицеровъ и до нижнихъ чиновъ, даже раненыхъ, были проникнуты, до смѣны ихъ карауломъ отъ Преображенскаго полка, чувствомъ долга и сознательнымъ исполненіемъ его—и какъ глубоко Ея Величество соболѣзнуетъ о пострадавшихъ и убитыхъ жертвахъ во время взрыва“.

Великая Княгиня Александра Іосифовна, Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Великая Княгиня Екатерина Михайловна и Принцесса Марія Максимилліановна Баденская, изволили выразить сочувствіе къ Финляндцамъ пожертвованіями и знаками вниманія.

Изъ иностранныхъ Августѣйшихъ Особъ, Его Высочество Принцъ Александръ Гессенскій, пожаловалъ „за твердое исполненіе долга службы чинами старшаго караула“ фельдфебелю 7-ой роты—Чупренко—серебряный крестъ Филиппа „за заслуги“ и старшему унтеръ-офицеру 1-й роты—Теличкину серебряную медаль „за заслуги“.

Вѣсть о доблестномъ поведеніи Финляндскихъ часовыхъ дошла и до Германской арміи, чинамъ которой Финляндцы были поставлены въ примѣръ: въ прусскомъ гвардейскомъ полку, Августѣйшимъ Шефомъ котораго состоялъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ при вступленіи полка въ караулы и при высылкѣ часовыхъ на посты вмѣсто обычныхъ наставленій объ исправномъ исполненіи обязанностей говорилось: „старайтесь, въ случаѣ нужды, подражать геройскому примѣру Финляндцевъ, стоявшихъ въ караулѣ въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ, въ день покушенія на жизнь Императора Россійскаго, такъ какъ на этотъ разъ въ особенности несокрушимая храбрость русскихъ солдатъ выяснилась безпримѣрнымъ самоотверженіемъ *“.

* Доблестная служба чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка нашла себѣ откликъ и въ политикѣ представителей прессы Великаго Княжества Финляндскаго. Одна изъ Финляндскихъ газетъ доказывая непоколебимую вѣрность Финновъ къ Государю приводила въ доказательство этой вѣрности тотъ фактъ, что личная охрана Императора Александра II была ввѣрена спеціальной почетной стражѣ составленной изъ уроженцевъ Финляндіи. Но какъ оказалось то была не болѣе какъ игра словъ. „Не изумляйтесь русскій читатель“—говоритъ по этому поводу газета Свѣтъ (1899 г. № 98),—ларчикъ открывается весьма просто: въ день извѣстнаго взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, въ караулѣ былъ, какъ извѣстно, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, имѣющій въ себѣ Финляндскаго—только одно названіе, а заграничные витіи задумались превратить это случайное совпаденіе дня покушенія съ днемъ очередного караула Финляндскаго полка—въ особую личную охрану изъ „Финновъ“.

19-го февраля 1880 года, черезъ двѣ недѣли послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, торжественно отпраздновано было двадцатипятилѣтіе царствованія Императора Александра II-го. Утромъ, противъ Зимняго Дворца, соединенными хорами музыки и пѣвчихъ всѣхъ частей гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, въ присутствіи офицеровъ отъ всѣхъ полковъ и при громадномъ стеченіи народа исполнена была серенада. Въ 10$^{1}/_{2}$ часовъ утра Государь Императоръ въ сопровожденіи Великихъ Князей,—въ пальто и каскѣ показался на балконѣ надъ Салтыковскимъ подъѣздомъ и былъ встрѣченъ громовыми криками „ура!" при звукахъ музыки. Въ первомъ часу начался Высочайшій выходъ, къ которому собралась такая масса офицеровъ, какой не запомнитъ никто изъ бывавшихъ на Высочайшихъ выходахъ въ то время. Роскошная вечерняя иллюминація достойно заключила этотъ военно-народный, рѣдкій въ лѣтописяхъ исторіи, праздникъ во время котораго войска и народъ выказывали свои вѣрноподданническія чувства къ своему Верховному Вождю и природному Государю и выражали восторгъ по случаю избавленія Его Величества отъ смертельной опасности въ день 5-го февраля. Для чиновъ же Л.-Гв. Финляндскаго полка празднованіе это было еще болѣе радостнымъ, такъ какъ судьба привела имъ съ честью постоять за своего Государя при охраненіи Царскаго дворца во время взрыва.

Но едва прошелъ годъ съ нѣсколькими днями, какъ 1-го Марта 1881 года вся Россія облеклась въ глубочайшій трауръ по Царѣ Освободителѣ, убіенномъ злодѣйскою рукою.

Въ пятомъ часу дня Петербургъ, потрясенный ужаснымъ событіемъ, читалъ слѣдующія слова оффиціальнаго извѣщенія:

„Сегодня 1-го марта Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно".

И затѣмъ позже:

„По возвращеніи въ Зимній дворецъ, Его Величество сподобился пріобщиться Св. Тайнъ и затѣмъ въ Бозѣ почилъ въ 3 ч. 35 м. по-полудни".

Когда вѣсть о покушеніи достигла казармъ Л.-Гв. Финляндскаго полка всѣ свободные отъ нарядовъ офицеры собрались въ дежурной комнатѣ, гдѣ и провели всю ночь въ глубокомъ уныніи.

Наступившее послѣ роковаго дня свѣтлое утро открыло собою день восшествія на престолъ Императора Александра III.

Подводя итогъ жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка за время царствованія Императора Александра II, представлявшемъ для полка третье двадцатипятилѣтіе его вѣковаго служенія Царямъ и Отечеству, можно придти къ выводу, что за это время полкъ, какъ боевыми своими дѣйствіями, такъ и мирной службой не только поддержалъ свое славное имя, но и еще болѣе поднялъ его. Кампанія 1863 года, гдѣ полкъ въ борьбѣ съ повстанцами

обратилъ на себя „особенное вниманіе“ мужествомъ всѣхъ своихъ чиновъ, начиная отъ доблестнаго командира Генерала Ганецкаго,—и кампанія 1877—78 годовъ, гдѣ Финляндцы на полѣ брани потеряли своего героя-командира, Генерала Лаврова, многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ,—вплели новые лавры въ побѣдный вѣнокъ славнаго полка. Служба же мирнаго времени, обагренная кровію чиновъ полка, бывшихъ въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ 5-го февраля 1880 года, доказала непоколебимую преданность Финляндцевъ своему долгу. Такимъ образомъ, двадцатипятилѣтіе 1856—1881 годовъ представило славное время въ жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка, хотя и потребовало отъ чиновъ его не мало жертвъ на алтарь отечества.

Памятникъ нижнимъ чинамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка погибшимъ при взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧАСТИ III-ей.

ГЛАВА I.

Мирная жизнь полка за 1855—63 г.г.—Пребываніе въ Польшѣ.—Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ въ С.-Петербургѣ.—Переформированія полка.—Начало преобразованія.

ГЛАВА II.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Польской кампаніи 1863—64 г.г.

ГЛАВА III.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Польской кампаніи 1863—64 г.г.

ГЛАВА VIII.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Турецкой войнѣ 1877—78 г.г.

ГЛАВА IX.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Турецкой войнѣ 1877—78 г.г.

ГЛАВА X.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Турецкой войнѣ 1877—78 г.г.

ГЛАВА XI.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Турецкой войнѣ 1877—78 г.г.

ГЛАВА XII.

Заключительные факты къ участію Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Турецкой войнѣ 1877—78 г.г.

ГЛАВА XIII.

Мирная жизнь полка въ царствованіи Императора Александра II-го.

УКАЗАНІЯ НА ИСТОЧНИКИ.

ГЛАВА I.

1.— Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1855 г. № 2,
2.— Ibid.
3.— Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. 2, № 3394. Высоч. прик. отъ 19 февр. 1855 г.
4.— Прик. по гвард. пѣхот. корпусу отъ 15 Марта 1855 года.
5.— „Лезгинецъ Ассанъ". Написано подъ его диктовку. С.-Петербургъ. Печатано въ Военной Типографіи 1865 годъ.
6.— Историч. арх. Л.-Гв. Финл. полка. Отнош. шт. команд. войсками въ С.-Петерб. губ. оставшимися, отъ 18 Іюня 1855 г. № 13681.
7.— Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1856 г. Февр. 1-го.
8.— Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1855 г.
9.— Прик. по Гвард. Корп. 1856 года. № 113.
10.— Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1827 г.
11.— Исход. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1855 года. № 3253.
12.— Прик. по Гвард. Корп. 16-го Авг. 1865 г. № 302.
13.— Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1856 г. Мая 17-го.
14.— Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв. Финл. п. 1881 г. Отд. II. стр. 123.
15.— Ibid, Отд. II, стр. 125.
16.— Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1856 г. Апрѣля 26.
17.— Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв. Финл. п. Отд. II. стр. 127.
18.— Русск. Инвалидъ 1863 г. № 117.
19.— Общ. Арх. Гл. Шт. дѣло 4 стола, 6 Отд., 1887 г., № 282. связка № 3263.
20.— Прик. по Гвард. Корп. 1856 г. № 306.
21.— Описаніе сбора и занятій войскъ подъ Москвой во время Св. Коронованія Государя Александра II. 1860 г. стр. 17.
22.— Ф. Ростковскій, Истор. Л.-Гв. Финл. полка Отд. II стр. 132—133.
23.— Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. по Гвард. Корп. 1856 г. № 281.
24.— Описаніе сбора и занятій войскъ подъ Москвой во время Св. Коронованія Государя Александра II. 1860 г. стр. 25.
25.— Приказъ по Л.-Гв. Финл. полку 1856 г. Авг. 29.
26.— Описаніе сбора и занятій войскъ подъ Москвою во время Св. Коронованія Императора Александра II. 1860 г. стр. 50.
27.— Ibid.
28.— Ibid.
29.— Приказъ по Л.-Гв. Финл. резервному полку 1856 года Апрѣля 26-го..
30.— Предписаніе Командующему Л.-Гв. Финл. резервнымъ полкомъ отъ Командующаго 4-й резервной пѣхотн. бригадой отъ 28 Мая и 19 Іюня 1856 года.
31.— Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1856 дѣло № 379, прик. по Гвард. корпусу 3-го Января 1857 г. № 1.
32.— Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1857 г. I Отд. № 126.
33.— Ф. Ростковскій, Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. II. стр. 135.
34.— Арх. Шт. Петерб. воен. округа 1876 г. Строевого Отдѣленія № 20, и 1857 г. 2 Отд. № 191,
35.— Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1857 года, 6-го Сентября.
36.— Ф. Ростковскій, Ист. Л.-Гв. Финл. полка Отд. II стр. 136.
37.— Прик. по Л.-Гв. Финл. резервн. полку 1856 г. Февр. 3.
38.— Прик. по Л.-Гв. Финл. резервн. полку 1855 г. Мая. 5.
39.— Прик. по Л.-Гв. Финл. резервн. полку 1856 г. Февр. 28-го.
40.— Прик. по Гвард. Корп. 13 Мая 1860 г.

41. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1860 г. Окт. 2.
42. — Ibid, 1858 г. Сент. 7.
43. — Прик. по Гвард. Корп. 1858 г. Марта 17.
44. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1857 г. Янв. 10.
45. — Ibid, 1857 г. Іюня 21.
46. — „Военный Сборникъ" 1863 года № 6 стр. 335, статья „Упрощенная военная игра."
47. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1858 г.
48. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1859 г. Окт. 21.
49. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1861 г. Сент. 22.
50. — Записано со словъ Генералъ-Адъютанта Ванновскаго.
51. — Арх. Офиц. Стрѣлк. школы 1863 г. дѣло № 4.
52. — Арх. Штаба Петерб. воен. окр. 1862 г. 4 Отд. № 253.
53. — Арх. Штаба Петерб. воен. окр. 1858 г. 2 Отд. № 71.
54. — Дневникъ Его Импер. Высоч. Великаго Князя Константина Николаевича. 25 Іюня 1859 года.
55. — „Русская Старина" 1888 года № 1 стр. 8.
56. — Изъ памятныхъ записокъ стараго гвардейца. „Русскій Архивъ" 1892 года, № 1.
57. — Дневникъ Велик. Князя Константина Николаевича. 5 Марта 1861 года.
58. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1858 г. № 12.
59. — Письмо Генер. Паткуля къ Генер. Ганецкому отъ 1861 года.
60. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1861 г. Нояб. 2.
61. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1861 года, Іюль м-цъ.
62. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1861 года, Окт. 23.
63. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1858 г. Авг. 19.
64. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1859 и 1861 г.г.
65. — Исход. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1862 г. Іюня 27, за № 1985.

ГЛАВА II.

1. — Общ. Арх. Главн. Шт. Прик. по Гвард. Корп. 1863 г. № 105.
2. — Телеграмма Генер. Муравьева Л.-Гв. Финляндскому полку. „Русск. Инвал." 1863 г. № 57.
3. — С. Гескетъ. „Военныя дѣйствія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 году". 1894 г. А. Мосоловъ. „Виленскіе очерки 1863—65 г." 1888 г. часть I, глава I.
4. — „Стрѣлки Императорской фамиліи". Е. Богдановичъ. 1881 г. стр. 75.
5. — Записка Генер.-отъ-Инф. Германа Прокопе.
6. — Записка Генер. Маіора Григорьева.
7. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1863 г. I отд. I стола, № 11.
8. — Ibid.
9. — Записка Генер.-отъ-Инф. Виктора Прокопе.
10. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1863 г., отд. I, столъ I, № 11.
11. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1863 г. Января мѣсяца.
12. — Записка Генер.-Маіора Григорьева.
13. — Общій Арх. Гл. Шт. Прик. по Гвард. Корп. 1863 г. № 16.
14. — Записка Генерала-отъ-Инф. Виктора Прокопе.
15. — Арх. Муравьевск. музея въ гор. Вильнѣ, 1863 года, опись 37, отд. I. № 3—97.
16. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1863 г. Февр. 4-го.
17. — „С.-Петерб. Вѣдомости" 1863 г. № 41.
18. — „С.-Петерб. Вѣдомости" 1863 г. № 24.
19. — И. Корниловъ. „Воспоминанія о Польскомъ мятежѣ 1863 г. въ Сѣверо-Западномъ краѣ по разсказамъ Генер.-Адъютанта Ганецкаго" 1900 годъ, стр. 14—15.
20. — Ibid.
21. — С. Гескетъ. „Военныя дѣйствія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 году". 1894 г.
22. — Г. Лееръ. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Часть IV, стр. 380.

23. — Записка Генер.-отъ-Инфант. Виктора Прокопе.
24. — „Правительство и войско по отношенію къ польскому мятежу". „Военный сборникъ", 1863 г. № 5, Русское военное обозрѣніе.
25. — Ibid.
26. — „С.-Петербург. Вѣдом." 1863 г. № 124. Дѣло съ шайкой Доленго.
27. — „Русск. Инв." 1863 г. № 49.
28. — Военно-учен. Арх. Главн. Штаба, отд. I, 862 № прилож. къ воен. журн. Виленск. округа 1863 г.
29. — Рапортъ Полковника Алхазова 12 Марта 1863 г. № 16. Арх. Штаба Виленск. Военн. окр., по Генер. Штабу, отд. I, № 66, часть 1-ая.
30. — „С.-Петерб. Вѣдом." 1863 г. № 62.
31. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1863 г. Марта 11 и 14.
32. — Ibid, Марта 18.
33. — Ibid, Мая 12.
34. — Ibid, Апрѣля 13.
35. — Ibid, Апрѣля 15.
36. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1863 г., прик. по Гвард. корп. 1863 г. № 154 и прик. по войск. Виленск. воен. окр. 1863, № 112.
37. — Записка Генер.-отъ-Инф. Генер. Викторъ Прокопе.
38. — „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1863 г. № 77.
39. — Арх. Муравьевск. Музея въ г. Вильнѣ. Приказъ Виленскому Военн. окр. 6-го Апр. 1863 г. № 101.
40. — Записка В. Прокопе.
41. — Общ. Арх. Главн. Шт. Прик. по Гвард. Корпусу 21 Окт. 1863 г. 154.
42. — Общ. Арх. Главн. Шт. Прик. по войскамъ Виленскаго Военн. Округа 29 Мая 1863 г. № 157.
43. — Дѣло при Кяванцахъ описано на основаніи слѣдующихъ источниковъ: записокъ участниковъ дѣла Подпоручика и Прапорщика Прокопе; письма, помѣщеннаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1863 г., въ № 124, написаннаго офицеромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка; приказовъ по войскамъ Виленскаго военнаго округа 1863 г. (Общій Арх. Гл. Шт.), по гвард. корпусу 1863 г. (Общій Арх. Гл. Штаба), по Л.-Гв. Финляндскому полку 1863 г. и приложеній къ Военному журналу Виленск. воен. окр. 1863 г. (Военно-ученый Арх. Гл. Шт. отд. 1 № 862).

ГЛАВА III.

1. — Записка Генер.-отъ-Инфант. Герм. Прокопе.
2. — И. Корниловъ. „Воспоминанія о польскомъ мятежѣ 1863 г. По разсказамъ Генералъ-Адъютанта Ганецкаго." „Русскій архивъ" 1899 г. № 7 и газета „Свѣтъ" 1900 г. Приложенія.
3. — Записка Генер.-отъ-Инфант. Г. Прокопе.
4. — „Воспоминанія о польск. мятежѣ 1863 г. По разск. Ген. Ганецкаго."
5. — Записка Генер.-отъ-Инфант. Г. Прокопе.
6. — „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1863 г. № 124. Письмо Е. Теннера. Дѣло съ шайкой Доленго.
7. — Записки Генерала-отъ-Инф. Г. Прокопе.
8. — „Воспомин. о польск. мят. 1863 г. По разск. Ген.-Ад. Ганецкаго".
9. — Ibid.
10. — Письмо Е. К. Теннера. „С.-Петерб. вѣдом". 1863 г. № 124.
11. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 169.
12. — Записки о 1863 г. Воен. Учен. Архива Гл. Штаба.
13. — Истор. Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Рапортъ Маіора Гильцебаха 27 апр. 1863 г.
14. — „Воспомин. 1863 г. по разсказ. Генер.-Адъют. Ганецкаго."
15. — Записки о 1863 г. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт.
16. — „Воспом. о польск. мят. 1863 г., по разсказ. Генер.-Адъют. Ганецкаго."
17. — Извлеченіе изъ донесенія Генер.-Маіора Ганецкаго о дѣйствіяхъ ввѣреннаго ему отряда въ с.-в. части Ковенской губ. „Русскій Инвалидъ", 1863 г. № 106.
18. — „Воспом. 1863 г. по разск. Генер.-Адъют. Ганецкаго."

19. — Ibid.
20. — Письмо Е. К. Теннера.
21. — Ibid.
22. — „Воспоминаніе 1863 г. по разск. Генер.-Адъют. Ганецкаго."
23. — Idib.
24. — Письмо Е. К. Теннера.
25. — Ibid
26. — Ibid.
27. — „Воспомин. 1863 г. по разсказамъ Ген. Ганецкаго."
28. — Прилож. къ Военн. Журн. Виленск. Воен. Окр. 1863 г. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., отд. 1, № 862.
29. — Извлеченіе изъ донесснія Генер. Ганецкаго. „Русск. Инвал." 1863 г.
30. — „Воспомин. 1863 г. по разск. Генер. Ганецкаго."
31. — Прилож. къ Воен. журн. Виленск. Воен. Окр. 1863 г. Воен. уч. Арх. Гл. Шт. отд. I № 862.
32. — Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Дѣло 1863 г. Представленіе Генер. Ганецкаго за дѣла 26-го и 27-го апрѣля.
33. — Прик. по гвард. корп. 1863 г. № 92.
34. — Прик. по войск. Виленск. воен. окр. 1863 г. № 231. Арх. Муравьевскаго музея въ г. Вильнѣ.
35. — Прик. по гвард. корп. 1863 № 154. Общій Арх. Главн. Шт.
36. — Прик. по войскамъ Виленск. воен. окр. 1863 г.
37. — „Русскій Инвалидъ" 1863 г. № 111.
38. — Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Дѣло 1863 г. Рапортъ д-ра Недатца 11 Мая 1863 г.
39. — Извлеченіе изъ донесенія Генер. Ганецкаго. „Русск. Инв." 1863 г. № 106
40. — „Русскій Инвалидъ" 1863 г. № 106.
41. — Прик. по войск. Виленск. воен. окр. 1863 г. № 132 и прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1863 г. мая 12.
42. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1863 г., мая 8.
43. — „С.-Петербургскія Вѣдомости", 1863 г., № 128.
44. — „Воспомин. 1863 г. по разсказамъ Ген. Ганецкаго."
45. — „С.-Петербургск. Вѣдом". 1863 г. № 124.
46. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1863 г. Мая 7.
47. — „Русскій Инвалидъ", 1863 г. № 107.

ГЛАВА IV.

1. — Журналъ военныхъ дѣйствій Виленскаго военнаго округа, 1863 г. стр. 220. Воен.-Ученый Арх. Главн. Штаба. Отд. I, № 862.
2. — Приказъ Виленск. Военн. округа 1863 г. № 130. Общій Арх. Главн. Штаба.
3. — А. Мосоловъ. „Виленскіе очерки 1863—65 г.г." 1898 г. стр. 62.
4. — Приказъ Виленскаго округа № 38.
5. — Архивъ Муравьевскаго Музея въ Вильнѣ. дѣло 1863 г, опись 37, отд. № 111—97.
6. — Н. Цыловъ. Сборникъ распоряженій Гр. М. Н. Муравьева. 1866 г.
7. — Прик. по Гвард. Корп. 1863 г. №142 Общ. Арх. Гл. Шт. и прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1869 г. Мая 27.
8. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1863 г. мая 8-го.
9. — „Русск. Инвалидъ" 1863 г. № 132, Записка Капитана Засса и рапортъ Полковника Краммера отъ 5 іюня 1863 г.
10. — „Русск. Инвал." 1863 г. № 127.
11. — Архивъ Муравьевскаго Музея въ г. Вильно. Прик. по войскамъ Виленск. Воен. округа 1863 г. № 291.
12. — Ibid № 262 и прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1863 г. Дек. 12.
13. — Записка участника дѣла у с. Мосты Поручика К. Маслова.
14. — Записки Г. Прокопе.
15. — Арх. Шт. Виленск. воен. окр. 1863 г. отд. 1 № 67, рапортъ Поручика Вилькена отъ 3 іюня.
16. — Общ. Арх. Гл. Шт. Прик. по войск. Виленск. воен. окр. 1863 г. № 273.
17. — Представленіе Генерала Ганецкаго Арх. Л.-Гв. Финл. полка, дѣло 1863 г.
18. — См. ссылку 16, № 181.

19. — Арх. Муравьевскаго музея въ г. Вильнѣ, 1863 г. опись № 63, ч. I, отд. I, № 93—98.
20. — Ibid.
21. — Ibid.
22. — Арх. Штаба Виленск. Воен. окр. отд. I, № 67, 1863 г. ч. II.
23. — Записка Статск. Совѣтн. Н. Н. Сахновскаго.
24. — Представленіе начальн. отряда Полковн. Михайловскаго.
25. — Общій Арх. Главн. Штаба, приказъ войскамъ Виленск. воен. округа 13 Іюля 1863 г. № 273, пунктъ 3.
26. — Ibid. Приказъ 13-го Іюня 1863 г. № 189.
27. — Общій Арх. Гл. Шт. Прик. по Гвард. Корп. 1863 г. № 154.
28. — Общій Арх. Гл. Шт. Прик. войскамъ Виленск. воен. окр. 1863 г. № 182.
29. — Описаніе дѣла у Гружи составлено на основаніи рапортовъ начальника отряда Полковника Михайловскаго, приказовъ по войскамъ Виленскаго военнаго округа, по Гвардейскому корпусу и по Л.-Гв. Финляндскому полку 1863 г. а также записокъ участника дѣла Статскаго Совѣтника Сахновскаго.
30. — Арх. Муравьевск. музея въ г. Вильно. Дѣло 1863 г. Опись 37, Отд. I, № 111—97.
31. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1863 г. Отд. I, Стола I, № 11.
32. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1863 г.
33. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1863 г. іюня 9-го.
34. — Записка Генер. отъ Инф. Виктора Прокопе.
35. — Прик. по Л.-Гв. Финляндск. п. 1863 г. апрѣль и май.
36. — „Русск. Инвал". 1863 г. № 144.
37. — Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Дѣло 1863 г. Рапортъ команд. Л.-Гв. Финл. полка 19 іюня.
38. — „С.-Петербургскія Вѣдомости", 1863 г. № 158.
39. — Приказъ по 3-му батальону Л.-Гв. Финляндск. п. 1863 г. мая 8-го.
40. — Записка Генерала Григорьева.
41. — Приказъ по 3-му батальону 1863 г. іюня 15.
42. — Ibid.
43. — Дѣло 3-го батальона. 1863 г. Арх. Л.-Гв. Финл. полка.
44. — Приказы по 3-му батальону за май и іюнь 1863 г.
45. — „С.-Петербургск. Вѣдомости", 1864 г. № 161,
46. — „С.-Петербургк. Вѣдомости" 1863 г. № 159.
47. — „Русск. Инвал." 1863 г. № 8.
48. — Прик. по Гвард. Корп. 1863 г. іюля 25-го № 105.
49. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1863 и 1864 г.
50. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1863 г.
51. — Прик. по Гвард. Корп. 1863 г. № 167.
52. — Прик. по Войск. Петерб. Воен. окр. 1864 г. № 87 и Прик. Воен. Мин. 1865 г. № 1.
53. — Общ. Арх. Главнаго Штаба. Прик. по Гвард. Корп. 1863 г. № 109.
54. — „Русск. Инвал," 1863 г. № 162,
55. — Ibid.

ГЛАВА V.

1. — Послужной списокъ Генер.-Лейт. Шебашева. Общ. Арх. Главн. Штаба, книга послужныхъ списковъ штаба 6-й пѣх. дивизіи 1874 г. связка 8.
2. — Послужной списокъ Генер.-Маіора Князя Голицына. Общ. Арх. Главн. Штаба книга формулярныхъ списковъ 1885 г. кн. I. Съ дополненіями по приказамъ по Военному вѣдомству по 1906 годъ.
3. — Послужной списокъ Генерала-Маіора Лаврова. Общ. Арх. Главн. Шт. дѣло 3 стола 6-го отдѣленія 1878 г. № 278.
4. — Дѣло Военно-Истор. Коммисіи Глав. Шт., по записи Военн. Учен. Арх. № 7112.
5. — Послужной списокъ Свиты Е. В. Генер.-Маіора Шмидта. Общ. Арх. Главн. Шт., 1879 года, связка № 428.
6. — Сборникъ матеріаловъ по войнѣ 1877—1878 годовъ, выпускъ 21, изданіе Военно-Исторической комиссіи Глав. Штаба.

7. — Заключеніе комиссіи подъ предсѣдательствомъ Генер.-Адъют. Дрентельна о подготовкѣ молодыхъ солдатъ поступившихъ въ гвардію изъ резервныхъ баталіоновъ въ 1867 году. Приказъ по Воен. Вѣд. 1867 г. № 394. „Воен. Сборн." 1868 г. № 2 стр. 41.
8. — А. Пузыревскій, „Русская армія передъ войной 1877-78 г.г." 1889 года.
9. — Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г. Выпускъ XXI, изд. Военно-Исторической Комиссіи Глав. Штаба, ч. I стр. 373.
10. — Ibid, стр. 410.
11. — Общ. Арх. Гл. Шт. Дѣло 4 ст. 1 отд. 1869 года, № 74.
12. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1869 г. Іюля 2.
13. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1872 г. Іюня 10.
14. — Прик. по В. В. 1875 г. № 52.
15. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 10 Фев. 1865 г.
16. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1865 г. Іюня 5.
17. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 23 марта 1870 г.
18. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 23 Марта 1870 г.
19. — Отнош. Главн. Ком. по устр. и образов. войскъ Л.-Гв. Финл. полку отъ 19 октября 1867 г. Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. полка.
20. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1866 г. мая 8.
21. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1869 г. фев. 23.
22. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1871 г. февр. 23 и Мар. 7.
23. — Сборн. матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г. Вып. XXI.
24. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1872 г. сент. 30.
25. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1896 г. марта 12.
26. — Историч. арх. Л.-Гв. Финл. полка. Предписаніе начальника штаба округа начальникамъ 22 и 24 пѣхотныхъ дивизій отъ 7 Окт. 1864 г. за №№ 157 и 158.
27. — Арх. офиц. стрѣлк. школы. Журн. важн. событій учебн. пѣх. полка послѣ 1866 года.
28. — Прик. по Гвард. корп. 23-го окт. 1878 г.
29. — Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Секр. дѣло № 1, 1878—82 годовъ.
30. — Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Секретн. дѣло № 1, 1878—82 г.г.
31. — Прик. по Петер. воен. округу 1879 г. сент. 3-го.
32. — Записано со словъ Д. С. С. В. А. Изъѣдинова.
33. — Прик. по Гвард. Корпусу 1858 года, іюня 10.
34. — Прик. по В. В., 1871 года, № 78.
35. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II стр. 248.
36. — П. Герасимовъ. „Наши офицеры" 1901 г., стр. 133.
37. — Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. полка, дѣло о занятіяхъ 1878—81 г.г.
38. — П. Герасимовъ. „Наши офицеры". 1901 г.
39. — Статья „Первый караулъ" В. С. Кр-ко. „Русскій Инвал." 1890 г. № 115.
40. — Прик. по Л-Гв. Финл. полку 20-го Янв. 1880 г.
41. — Прик. по 2-ой Гвард. пѣх. дивизіи 1866 г. № 114.
42. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1855—1881 г.г. и отчеты по 2-ой Гвард. пѣх. див. за время съ 1866 г. Общ. Арх. Гл. штаба 4 ст. I отдѣл.
43. — Общ. Арх. Гл. Шт., 4 ст. I отд., 1880 г. № 66.
44. — Общ. Арх. Гл. Шт. 4 ст. 1 отд., отчеты 2-ой Гвард. пѣх. дивизіи.
45. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1874 г. марта 11-го
46. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. Ш, стр. 207.
47. — Прик. Военнаго Министра, 1863 г. № 120.
48. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1860 г., янв. 19.
49. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1860 г., сент. 21.
50. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1855—63 г.г.
51. — Отчеты 2-й Гвард. пѣх. дивизіи 1863—76 гг. Общ. Арх. Гл. Шт., 4 ст., 2 отд. 1857 г. № 65.
52. — Общій Арх. Гл. Шт., 4 ст., 1 отд., 1867 г., № 125.
53. — Записка о походѣ 1877—78 г. офицера Л.-Г. Финл. п. В. К. Болдырева. Изъ дѣлъ Военно-Историч. Ком. Гл. Шт. По описи Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. № 7112.
54. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1856—62 г.г. и Отчеты 2-ой Гвард. пѣх. дивиз. 1863—76 г.г. Общ. Арх. Гл. Шт. 4 столъ I-ое отд.
55. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1859 г. Іюня 28.
56. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1859 г. Окт. 4.

57. — Прик. Военнаго Министра 1863 г. Іюля 6, № 249.
58. — Положеніе объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ 1863 г. и Правила о штрафованныхъ нижнихъ чинахъ 17 Апр. 1863 г.
59. — Ф. Ростковскій, исторія Л.-Гв. Финл. полка Отд. III стр. 209.
60. — Ф. Ростковскій, исторія Л.-Гв. Финл. полка Отд. III стр. 210.
61. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1856—1864 г.г. и отчеты 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи 1865—1877 г.г.
62. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1859 г. Ноября 28.
63. — Общ. Арх. Гл. Шт. 1866 г. 4 стола, I Отдѣл., № 58.
64. — Рапортъ Начальника 2-й Гвард. пѣх. дивизіи Генер.-Лейт. Бельгарда отъ 3 Октября 1859 г. за № 3126 Арх. Шт. Петерб. воен. окр., 1860 г. Аудиторское Отдѣленіе № 158.
65. — Арх. Шт. Петерб. воен. округа 1869 г. Аудиторское Отдѣленіе № 159.

ГЛАВА VI.

1. — В. Федоровъ. „Ручное огнестрѣльное оружіе въ русской арміи за XIX вѣкъ", стр. 177. „Оружейный сборникъ" 1901—2 г.г.
2. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 256.
3. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1860 г. 17-го іюня. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1861 г. отд. 3, № 384.
4. — В. Федоровъ. „Ручное огнестрѣльное оружіе въ русской арміи за XIX вѣкъ", стр. 196.
5. — Справочная книжка для русскихъ офицеровъ. 1875 г. Ген. Махотина.
6. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1868 г. сент. 27-го и окт. 22—24.
7. — Богдановичъ. „Истор. Очеркъ Военнаго Упр. въ Россіи, 1855—1880 годовъ," томъ V, стр. 239.
8. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1873 г. апрѣл. 17.
9. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1856—81 г.г. В. Федоровъ. „Ручное огнестрѣльное оружіе въ русской арміи за XIX вѣкъ". Справочная книга для русскихъ офицеровъ 1875 г. Ген. Махотина.
10. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1856 г., января 6-го.
11. — Прик. Воен. Мин. 1860 г. № 59, марта 11-го.
12. — Прик. по Гвард. корп. 1861 г. № 370.
13. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1857 г., окт. 19.
14. — Цирк. Главн. Штаба 1867 г. Февраля 22, № 61.
15. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1856 г. окт. 24.
16. — Прик. по Гвард. корп. 1857 г. № 9.
17. — Ф. Ростковскій, Исторія Л.-Гв. Финл. полка отд. 3, стр. 263.
18. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1856 и 1880 г.
19. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1856 г. Апр. 2.
20. — Арх. Гл. Управл. Удѣловъ, II отд. I стола, связка 83, дѣло 3989.
21. — Приказаніе по Гвард. корп. 1864 г. Мая 25. Арх. Шт. Пет. Военнаго Окр. 1864 г. Особое отд. № 30.
22. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1885 г. Дек. 21.
23. — Общ. Арх. Гл. Шт. 4-й столъ I отд. Годов. отчетъ 2-й Гв. пѣх. дивиз. за 1866 г.
24. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1868 г. Янв. 18.
25. — Переписка Генер. Лаврова съ Полковн. Цеймернъ. 1878 года. Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. полка.
26. — Общ. Арх. Гл. Шт. 4 столъ, I отд. Год. отч. 2-й Гв. пѣх. дивиз. 1878 г.
27. — Прик. по Л.-Гв. Фин. полку 1856 года марта 20.
28. — Ibid 1856 года, ноябр. 7.
29. — Ibid 1859 г. Окт. 11.
30. — Прик. по Гв. корп. 1864 г. мая 25.—Арх. Шт. Пет. Военн. окр. 1864 г. № 30. Отд. особое.
31. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1856—1869 годовъ.
32. — Прик. по В. В. 1879 г. мая 18-го, № 130.
33. — Прик. по Гвар. корп. 23 марта 1859 г.
34. — Общ. Арх. Гл. Шт. 4-го стола I-го отд. Отчетъ по 2-й гвард. пѣх. дивиз. за 1878 г.
35. — Прик. по В. В. 1871 г. № 71, 1872 г. № 4. 1874 г. № 32.
36. — Ibid. 1880.

37. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полк., 1873 г. іюня 15.
38. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1875 г. окт. 15.
39. — Прик. по войск. Пет. Воен. Окр. 1876 г. янв. 12. № 4,
40. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1878 г. Янв. 16.
41. — Арх. Шт. Пет. Воен. Окр., 1878 г. Стрѣл. отд. № 60.
42. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1865 г. Окт. 31.
43. — Прик. по В. В. 1875 г. № 52.
44. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1857 г. Сент. 28. и по Гвард. корп. 1857 г. № 307
45. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1857 г. Дек. 15.
46. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1857 г. Сент. 29.
47. — Общ. Арх. Гл. Шт. 4 стола I отдѣленія, Год. отч. 2-й Гв. пѣх. дивиз. 1868 г. и 1860 г.
48. — Прик. по Петерб. воен. округу 15 Апрѣля 1868 г.
49. — Отчеты 2-й гв. пѣх. дивиз. Общ. Арх. Гл. Шт. 4 ст. I отд.
50. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1858 г. Апр. 3.
51. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1866 г. Янв. 15.
52. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1875 г. Апр. 27.
53. — Ист. Арх. Л-Гв. Финл. п. и Дѣло Хозяйств. Комитета 1863 г. о кантонистахъ.
54. — Прик. Воен. Министра 6 іюля, 1866 г. № 166.
55. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1866 г. Сентября 22.
56. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1857 г. мая 2-го.
57. — Прик. по Гвард. корпусу 1856 г. Февр. 11.
58. — Истор. Арх. Л.-Гв. Финл. п. Дѣло Хозяйств. Комитета 1863 г. о кантонистахъ.
59. — Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв. Финл. п. Отд. Ш стран. 220.
60. — Ф. Ростковскій Истор. Л.-Гв. Финл.. п. Отд. III стр. 221.
61. — Ibid, стр. 221.
62. — Ibid. стр. 421.
63. — Прик. по Л.-Г. Финл. п. 1856 г. Ноября 17.
64. — Прик. по Гв. Корп. 1859 г. Апрѣля 17.
65. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1860 г., января 6-го и 15-го.
66. — Истор. Арх. Л.-Гв. Финл. п. Объявл. по Гвард. Корп. 1860 г. № 136.
67. — Прик. по Воен. Вѣд. 1881 г. № 6.
68. — Арх. Шт. Гв. Корп. Строев. отд. 1880 г. № 9.
69. — Прик. по войск. гв. и Петерб. воен. окр. 1875 г.
70. — Общ. Арх. Гл. Шт., 4 ст. I отд., отчеты 2-й гв. пѣх. див. съ 1866 года.
71. — Прик. по войск. гв. и Петерб. воен. окр. 22-го мая 1871 и отъ 19-го янв. 1874 гг.
72. — Прик. по войск. гв. и петерб. воен. окр. 1872 г. № 72.
73. — Истор. Арх. Л.-Гв. Финл. п. Отношеніе Штаб. Петербург. воен. окр. въ инспект. департаментъ Воен. Министер. 1864 г. № 6546.
74. — Арх. Канц. Воен. Мин. адм. отд., 1 дѣлопр., № 49, 1868 г.
75. — Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв. Финл. п. отд. Ш стр. 452.
76. — Арх. Канц. Воен. Мин. адм. отд. 1-ое дѣлопр. № 49, 1859, г.
77. — Списки прохожденія офицерами полка службы и приказ. по полку 1855-81 г. г.
78. — Общ. Арх. Глав. шт. 4 ст. I отд., отд. отч. 2-ой гв. пѣх. дивизіи 1865 г.
79. — Историч. Архивъ Л.-Гв. Финл. полка. Предписаніе шт. окр. отъ 11 Сент. 1868 г.
80. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п, 1876 г, окт. 20
81. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1856 г. ноября 14.
82. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1860 г. января 1.
83. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1860 г. мая 12.
84. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1865 г. Апрѣля 2.
85. — Истор. Арх. Л.-Гв. Финл. п. Дѣло Хозяйст. Комитета. 1863 г. о кантонистахъ.
86. — Прик. по Гвард. корпусу 1858 г. № 226.
87. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1856 г. Август. 4-го.
88. — Арх. Шт. Петерб. Воен. окр. строев. отд. 1872 г. № 389.
89. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1857 г. Янв. 26.
90. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1856 г. Окт. 28.
91. — Выписка изъ дневник. Е. И. В. Велик. Кн. Конст. Ник. отъ 12 Дек. 1864 г.
92. — Особое приказаніе по войскамъ гвардіи и Петербург. воен. округа, 1863 года августа 5-го
93. — Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв. Финл. п. отд. Ш. стр. 223.

94. — Приказаніе по войскамъ гвардіи и Петербург. округа 1867 г. № 127.
95. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1867 г., окт. 7.
96. — Прик. по Гвард Корп. 1868 г. Апр. 26-го № 31.
97. — Арх. Канц. Воен. Мин., адм. отд., 1 дѣлопр. № 49, 1868 г.
98. — Приказаніе по войск. гвардіи. и Петерб. воен. окр. 1873 г. № 623.
99. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1871 г. іюля 29.
100. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1872 г. Марта 4.
101. — Ф. Татищевъ, „Импер. Никол. I и Иност Дворы" 1889 г. стр. 448.
102. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1874 г. Мая 8-го.
103. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1874 г. февр. 17 и 22.

ГЛАВА VII.

1. — Описаніе Русско-Турецкой войны 1877—8 г. на Балканскомъ полуостровѣ. Томъ I, стр. XIII введенія. Изд. Военно-Историч. Комиссіи Главнаго Штаба.

2. — Арх. Канц. Воен. Мин-ства, 2 дѣлопроизводство, админ. отд. № 9, 1876 г. Телеграма Генерала Милютина отъ 18 окт. 9¼ веч.

3. — Описаніе Русско-Турецкой войны 1877—8 г. Изд. Военно-Историч. Комиссіи Гл. Шт., т. I, стр. 376.

4. — Ibid, стр. 376—378.

5. — Л. Богдановичъ. „25-ти лѣтіе Великой Освободительной войны" 1902 г. изд. Славянскаго Вспомогательнаго Общ. въ Москвѣ, стр. 68.

6. — Г. Лееръ. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Часть IV, книга I стр. 392, 1898 г.

7. — Ibid стр. 390.

8. — Описаніе Русско-Турецкой войны 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Томъ I, стр. 44. Изд. Воен. Истор. Ком. Гл. Шт.

9. — А. Пузыревскій. „Десять лѣтъ назадъ, война 1877—78 годовъ." стр. 37—39. Генералъ Иззетъ-Фуадъ Паша „Упущенные благопріятные случаи", стратегическо-тактическій этюдъ камп. 1877—78 г. переводъ М. Россійскаго, 1901 г. стр. 27.

10. — Прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1877 г. іюля 22.

11. — А. Пузыревскій. Воспоминанія офицера Генеральнаго Штаба о войнѣ 1877—78 г. въ Европейской Турціи „Военный Сборникъ" 1876 г. № 1.

12. — Истор. Арх. Л.-Гв. Финл. полка Отзывъ Шт. войскъ Гв. и Окр. 16 Іюня 1877 г. № 4879.

13. — Истор. Арх. Л.-Гв. Финл. п. Копіи съ телеграммъ Главнокомандующаго. 1877 г.

14. — Копія Всемилостивѣйшей телеграммы Государя Императора отъ 17 Іюня. Прик. по Л.-Гв. Финляндск. п. 1877 г. Іюня 20.

15. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1877 г. Іюня 20-го.

16. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1877 г. Іюля 2-го.

17. — Общ. Арх. Гл. Шт. Прик. по войскамъ дѣйствующ. Арміи 1877 г. Мая 8-го, Сент. 17 и Окт. 3.

18. — Арх. Шт. Гвард. Корп. Строевое 6 отдѣленіе. 1877 года.

19. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1877 г. іюля 5.

20. — Рапорты Командующаго Л.-Гв. Финл. п. и Дивизіон. врача 2-ой гвард. пѣх. див., отъ 1 ноября и 22 дек. 1877 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Выписки изъ наград. дѣлъ Дѣйст. арміи 1878 г. дѣло № 1.

21. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1877 г. іюля 22.

22. — Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Дневникъ полка за время съ 21 іюля 1877 г. по 4 сент. 1878 г.

23. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полк. 1877 г. іюля 25.

24. — Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Счетъ картографическаго заведенія А. Ильина отъ 30 іюля 1877 года и отзывъ штаба 2-ой гвард. пѣх. див. отъ 4 авг. 1877 г.

25. — Записки о походѣ 1877—78 г.г. офицера Л.-Гв. Финл. п. В. К. Болдырева. Изъ арх. дѣлъ Воен. истор. комиссіи Гл. Шт. по описи Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. № 7112.

26. — Мобилизація полка описана на основаніи слѣдующихъ источниковъ: дневниковъ полка за кампанію 1877—78 г.г., приказовъ по полку, исходящаго и входящаго журналовъ полка 1877 г., показаній нѣкоторыхъ участниковъ похода и соч. А. Пузыревскаго: „Десять лѣтъ назадъ" 1887 г.

27. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1877 г., авг. 15.
28. — Музей Л.-Гв. Финл. полка.
29. — Приказы по войскамъ дѣйств. арміи 1877 г. Общ. Арх. Гл. Штаба.
30. — Записки унтеръ-офицера 5-й роты Комелова. Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. п.
31. — В. Крестовскій. „Тамара Бендавидъ", стр. 220, изданіе Товарищества „Общественная Польза".
32. — Дневн. похода 1877—78 г.г. вольноопредѣляющагося, впослѣдствіи офицера, Л.-Гв. Финл. п. А. Нагеля. Изъ дѣлъ Воен.-Ист. Ком. Гл. шт. По описи Воен. Уч. Арх. Гл. шт. № 7112.
33. — Ibid.
34. — Дневникъ Л.-Гв. Финл. полка въ камп. 1877—78 г.г. стр. 19—20.
35. — Ibid, стр. 20—21.
36. — Ibid, стр. 21—22.
37. — Ibid, стр. 23—25.
38. — Ibid, стр. 27—28.
39. — Описаніе мобилизаціи полка и похода его до Горнаго Дубняка составлено на основаніи слѣдующихъ источниковъ: Дневника Л.-Гв. Финляндскаго полка за кампанію 1877—78 г., приказовъ, входящихъ и исходящихъ журналовъ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1877 года, приказовъ по Дѣйствующей арміи и по Гвардейскому корпусу 1877 года, отчетовъ батальонныхъ командировъ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1877—78 г.г., дѣлъ полковаго суда 1877 года, записокъ Генерала Іелиты—фонъ-Вольскаго, записаннаго со словъ Генерала Болдырева, записокъ унтеръ-офицера Комелева, Исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка Ф. Ростковскаго и сочиненій указанныхъ въ ссылкахъ на источники.

ГЛАВА VIII.

1. — Дневникъ Л.-Гв. Финл. полка за камп. 1877—78 г. стр. 29.
2. — Записано со словъ Генералъ-Лейтенанта Болдырева.
3. — А. Пузыревскій. „Десять лѣтъ назадъ". 1887 г. стр. 74—75.
4. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 5062.
5. — Ibid. Приказъ по войскамъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда на 12 окт. 1877 г.
6. — Дневникъ Штабсъ-Капитана Вольскаго.
7. — „Голосъ" 1877 г. № 263. Военный отдѣлъ. Корреспонденція изъ Яссъ.
8. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. II № 5062. Приказаніе по войскамъ Гвардіи и Кавалеріи Западнаго отряда, на 12 окт. 1877 г.
9. — Записки о походѣ 1877—78 г.г. офицера Л.-Гв. Финл. п. Н. К. Болдырева. Изъ дѣлъ Воен. Истор Комис. Гл. Шт. По описи Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. № 7112.
10. — Дневникъ 1877—78 г.г. вольноопредѣляющагося Л.-Гв. Финл. п. А. Нагеля. Изъ дѣлъ Военно Истор. Комис. Гл. Штаба. По описи Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. № 7112.
11. — Исторія Л.-Гв. Егерскаго полка 1896 г. стр. 403.
12. — Дневникъ Л.-Гв. Финл. полка, стр. 32—33.
13. — Ibid, стр. 34.
14. — Воспоминанія о походѣ 1877—78 г.г. офиц. Л.-Гв. Финл. п. Н. К. Болдырева.
15. — Ibid. стр. 35.
16. — Ibid, стр. 36—39.
17. — Ibid, стр. 45—47.
18. — Ibid, стр. 51.
19. — Idid, стр. 53.
20. — Ibid, стр. 54—55.
21. — Донесеніе Генералъ-Адъютанта Гурко помощнику начальника западнаго отряда, Генералъ-Адъютанту Тотлебену, отъ 23-го октября за № 60. Воен. Учен. Арх. Гл. Штаба, II отд. № 5620.
22. — Дневникъ полка, стр. 57.
23. — Воспоминанія В. О. о походѣ 1877—78 г. „Русская Старина", 1884 г. № 9, стр. 21.
24. — Дневникъ полка, стр. 59—62 и рапортъ команд. полкомъ Полковника Шмидта отъ 25 Окт. 1877 г. Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. отдѣл. Дѣйств. арміи 1877 г. № 15, часть I.
25. — „Голосъ" 1877 г. № 263.

26. — Дневникъ полка, стр. 62—66.
27. — А. Пузыревскій. „Десять лѣтъ назадъ. Война 1877—78 г." 1887 г. стр. 150.
28. — В. Аффанасовичъ. Воспоминанія о времени пережитомъ вмѣстѣ со 2-ю гв. пѣх. дивиз. въ турецк. войну 1877—78 г.г." Воен. Сборн. 1880 г. № 10.
29. — Дневникъ полка, стр. 67.
30. — А. Пузыревскій, „Десять лѣтъ назадъ" 1887 г. стр. 151—152.
31. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка 1881 г. отд. III стр. 305.
32. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1878 г. сент. 20 и нояб. 2.
33. — Дневникъ полка, стр. 67.
34. — Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. отд. Дѣйств. арміи 1877 г. № 15 и Ф. Ростковскій Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. Ш, стр. 306.
35. — М. Липкинъ. „Пѣсни о героях̆ъ русской арміи и флота." 1903 года Вильна стр. 52—55.

ГЛАВА IX.

1. — Дневникъ Штабсъ-Капитана Вольскаго.
2. — Ibid.
3. — Дневникъ Л.-Гв. Финл. полка, стр. 66 и послѣдующія. Записная книжка за время похода 1877—78 г.г. старшаго врача Л.-Гв. Финл. полка, доктора медицины К. Р. Недатса. Музей полка.
4. — Полный сборникъ оффиц. телеграммъ Восточной войны 1877—78 г.г. Изд. 1878. стр. 132.
5. — Дневникъ полка стр. 70—71.
6. — Ibid, стр. 72.
7. — Ibid, стр. 72.
8. — Дневникъ Штабсъ-Капитана Вольскаго.
9. — Н. Епанчинъ. „Очеркъ дѣйствій западнаго отряда Генералъ-Адъютанта Гурко". Часть I, 1889 г. стр. 28—29.
10. — Дневникъ полка, стр. 77.
11. — Ibid, стр. 73.
12. — Ibid, стр. 77.
13. — А. Чичаговъ. „Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи 1877 году". 1885 г. стр. 251.
14. — И. Рейнгартенъ. Матеріалы войны 1877—78 годовъ. Очеркъ дѣятельности Западнаго отряда Генералъ-Адъютанта Гурко въ инженерномъ отношеніи, стр. 22—23.
15. — Арх. Штаба гвардейскаго корпуса, строевое отдѣленіе 1877 г., № 10.
16. — Ф. Ростковскій, Истор. Л.-Гв. Финл. полка, отдѣлъ Ш, стр. 312.
17. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отдѣл. П, № 5062.
18. — Н. Епанчинъ. „Очеркъ Дѣйствій западнаго отряда Генер.-адъют. Гурко. Часть I-я 1889 года стр. 39.
19. — Ibid—Глава II-я.
20. — Дневникъ полка, 2—9 Ноября 1877 г.
21. — Дневникъ Штабсъ-Капитана Вольскаго.
22. — Idib.
23. — „Русскій Инвалидъ" 1877 г. № 265.
24. — Дневникъ полка, стр. 87.
25. — Записки Командира Л.-Гв. Финлянд. полка, Ген.-Маіора Шмидта.
26. — Дневникъ полка, стр. 88—89.
27. — Краткій очеркъ дѣйствій 1-го батальона Л.-Гв. Финл. п. съ 13 Окт. по 13 Нояб. 1877 г. Изъ дѣлъ Воен. Историч. Комиссіи Гл. Шт. По описи Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. № 7112.
28. — Дневникъ полка, стр. 90.
29. — Записки Ген.-Маіора Шмидта, стр. 239 и далѣе.
30. — Ibid.
31. — Дневникъ полка, стр. 124—125.
32. — Апушкинъ. „Война 1877—78 г.г. въ корреспонденціи и романѣ". „Военный Сборникъ" 1902 г. № 12.
33. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка. Отдѣлъ III стр. 332.

34. — Годовой отчетъ старшаго врача Л.-Гв. Финл. полка за время похода 1877—78 гг.
35. — „Русск. Инвалидъ" 1878 г. № 9.
36. — Дневникъ полка.

ГЛАВА X.

1. — Лееръ. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней, часть IV, стр. 438.
2. — Журналъ военныхъ дѣйствій западнаго отряда Генерала Гурко, декабрь 1878 г. „Русск. Инвал" · 1878 г. № 50.
3. — Дневникъ полка, стр. 135—136.
4. — Дневникъ полка, стр. 135—136
5. — Сборникъ телеграммъ и донесеній кампаніи 1877—78 гг. Изъ полевой корреспонденціи Л.-Гв. Финляндскаго полка. Музей полка.
6. — Ibid, стр. 144—146.
7. — Полный сборникъ оффиціальныхъ телеграммъ къ восточной войнѣ 1877—78 г.г. стр. 185.
8. — Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. отд. Дѣйств. арміи, 1878 г. № 76 и № 82.
9. — М. Газенкампфъ. „Мой дневникъ на войнѣ 1877—78 г.г." „Вѣстникъ Европы". 1905 года, книга 9-я.
10. — Дневникъ полка, стр. 148.
11. — Приказъ Генерала Гурко, отъ 25 Декабря 1877 годъ за № 79. Изъ бумагъ Генерала Іелиты фонъ-Вольскаго.
12. — Рапортъ начальника западнаго отряда Генерала Гурко Главнокомандующему, отъ 28-го января 1878 г. „Русскій Инвалидъ" 1878 года, № 51.
13. — Диспозиція по войскамъ западнаго отряда, отъ 25-го декабря 1877 года.
14. — Рапортъ начальника западнаго отряда, отъ 28 января 1878 года. „Русскій Инвалидъ" 1878 г. № 51.
15. — Рапортъ Генералъ-Адъютанта Графа Шувалова отъ 17 января 1878 года. Арх. Шт. Гвард. Корп. Строев. отд., 1878 г., № 13.
16. — Дневникъ полка, стр. 148 и далѣе.
17. — Ibid, стр. 149.
18. — Рапортъ Генерала Гурко отъ 28 Января 1878 г. „Русскій Инвалидъ" 1878 № 51.
19. — Рапортъ Графа Шувалова отъ 17 Января 1878 г. Арх. Шт. Гвард. Корп. Строев, отд. 1878 г. № 13.
20. — Дневникъ полка, стр. 150—152.
21. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 346.
22. — Г. Лееръ. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней, часть IV, стр. 453.
23. — Рапортъ Генералъ-Адъютанта Гурко отъ 28-го января 1878 года. „Русскій Инвалидъ" 1878 г. № 51.
24. — Ibid.
25. — Дневникъ полка, стр. 156—157.
26. — Записная книжка старшаго врача Л.-Гв. Финл. п. К. Недатца.
27. — Рапортъ Генералъ-Адъютанта графа Шувалова отъ 17 января 1878 года Арх. Шт. Гвард. Корп. строев. отд. 1878 г. № 13.
28. — Ibid.
29. — Дневникъ полка, стр. 157.
30. — Дневникъ полка, стр. 159.
31. — Письма о военныхъ дѣйствіяхъ Н. Энкель. „Русскій Инвалидъ" 1878 г. № 80.
32. — Дневникъ полка, стр. 161.
33. — Движеніе отряда Генералъ-Лейтенанта Барона Криденера противъ Татаръ-Базарджика и Филиппополя (изъ журн. военныхъ дѣйствій) „Русск. Инвалидъ," 1878 г. № 54.
34. — Рапортъ графа Шувалова отъ 17 Января, 1878 г. Арх. Шт. Гвард. Корп. Строев. Отд. 1878 г. № 13.
35. — „Русскій инвалидъ" 1878 г. № 54.
36. — Дневникъ полка, стр. 163 и Рапортъ Генералъ-Адъютанта Гурко отъ 28 Янв. 1878 г. „Русскій Инвалидъ" 1878 г. № 52.

37. — Приказанія и донесенія полевой корреспонденціи Л.-Гв. Финл. полка за кампанію 1877—78 г.г. Музей полка.
38. — Дневникъ полка, стр. 163.
39. — Ibid, стр. 164.
40. — Ф. Ростковскій, Исторія Л.-Гв. Финл. полка. отд. III, стр. 352.
41. — Приказанія и донесенія полевой корреспонденціи Л.-Гв. Финл. полка за кампанію 1877—78 г.г. Музей полка.
42. — Рапортъ Генералъ-Лейтенанта Графа Шувалова отъ 17-го Января 1878 г. Арх. Шт. гвард. корп. строев. отд. 1878 г. № 13.
43. — Дѣйствія войскъ Западнаго отряда. „Русскій Инвалидъ" 1878, № 13.
44. — Дневникъ полка, стр. 166—168.
45. — Ibid. стр. 168—169.
46. — Ibid, стр. 199—171.
47. — Рапортъ графа Шувалова отъ 17 Янв. 1878 г. Арх. Шт. Гвард. Корп. Строев. отд. 1878 г. № 13.
48. — Дневникъ полка, стр. 172.
49. — Телеграмма Главнокомандующаго отъ 7 Января, 1 часъ дня. Полный сборникъ оффиціальныхъ телеграммъ восточной войны 1877—78 г.г., стр. 211.
50. — Телеграмма Главнокомандующаго отъ 11 января 6 час. веч., ibid.
51. — Рапортъ Генер.-Адъют. Гр. Шувалова отъ 17 янв. 1878 г. Арх. Шт. Гвард. Корп. Строев. отд. 1878 г. № 13.
52. — Рапортъ Главнокомандующаго отъ 12 января 1878 года. Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г., вып. 14, стр. 131. Изд. Военно-Историч. Коммиссіи Главн. Штаба.
53. — Арх. Шт. Гвард. Корп. строев. отд. 1878 г. № 18.
54. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. III, стр. 356.
55. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. отдѣл. Дѣйств. арміи 1877 г. дѣло № 77.
56. — Моск. отд. Арх. Гл. шт. Наградн. отдѣл. Дѣйств. арміи 1878 г. дѣло № 66.
57. — Ф. Ростковскій Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. III, стр. 356.
58. — Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. отдѣл. Дѣйств. арміи. 1877 г. № 15.

ГЛАВА XI.

1. — Рапортъ Генерала Гурко отъ 6 Января 1878 г. „Русскій Инвалидъ" 1878 г. № 36.
2. — Рапортъ Командира IX арм. корпуса, отъ 28 Янв. 1878 г. „Русскій Инвалидъ" 1878 г. № 62.
3. — Дневникъ Л.-Гв. Финл. полка за камп. 1877—78 г.г. стр. 173.
4. — Приказанія и донесенія полевой корреспонденціи Л.-Гв. Финл. полка въ кампанію 1877—78 г.г. Музей полка.
5. — Записка полковаго адъютанта Л.-Гв. Финл. полка, за подписью Поручика Деви, отъ 7 Января 1878 г. Арх. Шт. Гвар. Корп. строев. отд. 1878 г. № 18.
6. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка отд. III, стр. 356.
7. — Телеграмма Главнокомандующаго отъ 14-го Января, 9 час. вечера. Сборникъ оффиц. телегр. восточн. войны 1877—78 гг. стр. 219.
8. — Дневникъ полка, стр. 178.
9. — Ibid, стр. 181.
10. — Приказъ по дѣйствующей арміи, отъ 24 Января 1878 года, № 4. Общ. Арх. Глав. Шт.
11. — Рапортъ Генералъ-Адъютанта Гурко, отъ 28 Января 1878 года. „Русскій Инвалидъ" 1878 г. № 52.
12. — Дневникъ полка, стр. 182.
13. — Ibid. стр. 183.
14. — Ibid. стр. 184.
15. — Арх. Шт. Гвард. Корп. Строев. отд., 1878 г., № 24.
16. — Медицинскій отчетъ старшаго врача Л.-Гв. Финл. полка за камп. 1877—78 г.г.
17. — Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—78 г.г. „Военный Сборникъ" 1879 г. № 5, стр. 176.
18. — Арх. Шт. Гвард. Корп. Строев. отдѣл. 1878 г. № 9.

19. — Дневникъ полка.
20. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 367.
21. — Голосъ 1878 г., № 64.
22. — Телеграмма главнокомандующаго, отъ 19-го февраля 5 час. дня. Сборникъ офиціальныхъ телеграммъ восточной войны 1877—78 г., стр. 241.
23. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 368.
24. — Приказъ по войскамъ дѣйств. арміи, 1878 г. № 18. Общ. Арх. Главн. Шт.
25. — Приказъ по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа 1877 г. дек. 26, № 120. Изъ дѣлъ Воен. Историч. Комиссіи Гл. Шт. Дѣло по описи Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. № 7111.
23. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 368.
26. — А. Луганинъ. Опытъ исторіи Л.-Гв. Волынскаго полка, часть II, стр. 394.
27. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, Отд. III, стр. 369—370.
28. — Дневникъ полка, стр. 197.
29. — Ibid. стр. 199.
30. — Ibid. стр. 199—202.
31. — Исторія Л.-Гв. Егерскаго полка, 1896 г. стр. 478—479.
32. — Исходящ. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1878 г. марта 16-го № 176.
33. — Епанчинъ. „Очеркъ дѣйствій западнаго отряда Генералъ-Адъютанта Гурко".
34. — Арх. шт. Гвард. Корп. строевое отдѣленіе, № 7 1878 года.
35. — Арх. шт. Гвард. Корп. строевое отдѣленіе 1878 г. № 17.
36. — Годовой отчетъ Старш. врача Л.-Гв. Финл. п. за время похода 1877—78 г.
37. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 372.
38. — Дневникъ полка, стр. 201.
39. — Историч. арх. Л.-Гв. Финл. полка. Дѣла кампаніи 1878 года.
40. — Ibid.
41. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 374.
42. — Ibid.
43. — Предписаніе Штаба Дивизіи Л-Гв. Финляндскому полку отъ 5 Іюня. Историч. Архивъ Л.-Гв. Финл. п. Дѣла Кампаніи 1877—78 г.г.
44. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. п. Отд. III, стр. 375.
45. — Отношеніе Штаба 2-й гвард. пѣхотн. дивиз. отъ 15 Іюня 1878 г. № 1546. Историч. Архивъ Л.-Гв. Финл. п. Дѣла Камп. 1877—78 г.
46. — Предписаніе Начальнику Авангарда Корпуса изъ Штаба Гвард. Корпуса отъ 9-го Іюля 1878 г. за № 5234.
47. — Предпис. Начальн. Авангарда Гвард. Корп. Генер.-Маіора Струкова отъ 16 Іюля 1878 г. № 1149.
48. — Диспозиція по Л.-Гв. Финл. полку, отъ 23 іюня 1878 г. Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Бумаги Камп. 1877—78 г.г.
49. — Письмо Генерала Струкова отъ 4-го іюля 1878 г. Полковнику Шмидту, Историч. Арх. Л.-Гв. Финляндск. полка, Дѣла кампаніи 1877—78 г.г.
50. — Дневникъ полка, стр. 208.
51. — Письмо съ Балканскаго Полуострова. „Русск. Инвалидъ". 1878 г. № 100.
52. — Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв. Финл. п. отд. III, стр. 374.
53. — Изъ бумагъ Генералъ-Маіора К. А. Іелита-фонъ-Вольскаго.
54. — Дневникъ полка, стр. 206.
55. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка. отд. III. стр. 377.
56. — Отношеніе къ Командующему Л.-Гв. Финл. полкомъ отъ Командующаго 2-й гв. пѣх. д. отъ 16 мая, 7 авг. 1878 г.
57. — „Русскій Инвалидъ" № 184, 1878 г.
58. — Дневникъ полка, стр. 210.
59. — Приказъ по гвард. корп. 8-го августа 1878 г. № 66.
60. — Дневникъ полка, стр. 212.
61. — Приказъ по войскамъ дѣйствующей арміей 19 Авг. 1878 г. № 178. Общ. Арх. Гл. Шт.

ГЛАВА XII.

1. — Дневникъ полка, стр. 215.
2. — Дневникъ полка, стр. 218.
3. — Арх. Штаба гвард. корпуса, строев. отдѣл. 1878 г. № 9.
4. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, Отд. III, стр. 381.
5. — Дѣло Воен. Историч. Комиссіи Гл. Шт., № 7111.
6. — Арх. С.-Петерб. Городск. Думы, дѣло С.П.Б. Городск. Управы, V отд., 1-го стола, св. 4.
7. — „Русскій Инвалидъ“, 1878 г. № 197.
8. — „Русскій Инвалидъ“ 1878 г., № 198.
9. — Арх. С.-Петерб. Город. Думы, дѣло С.-Петерб. Городск. Управы V отд., 1 ст., 1878 г., св. 4. № 111.
10. — Арх. С.-Петерб. город. думы, дѣло думы, 1878 г. св. 2 № 62.
11. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1878 г. сент. 6.
12. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 385.
13. — Русскій Инвалидъ. 1878 г. № 212.
14. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1878 г. Декабря 5 и Входящ. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1878 г. № 3584 и 5414.
15. — Вход. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1878 г. № 3583.
16. — Сообщеніе Управл. Дворомъ Е. И. Выс. Вел. Княг. Александры Іосифовны, Генералъ-Лейтенанта Кеппена.
17. — Прошеніе офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка на имя Ея Королевскаго Высочества Королевы Греческой Ольги Константиновны. Изъ дѣлъ Военно-Исторической Комиссіи Гл. Шт. По описи Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., № 7111.
18. — Сообщеніе Управл. Дворомъ Е. И. Выс. Вел. Княг. Александры Іосифовны, Генералъ-Лейтенанта Кеппена.
19. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1879 г. февраля 3-го.
20. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1877 г., № 227.
21. — Дневникъ полка и отчеты полковаго адъютанта и старшаго врача Л.-Гв. Финл. полка. за кампанію 1877—78 г.г.
22. — Историч. архивъ Л.-Гв. Финл. полка. Рапортъ командира 1-го батальона, отъ 19 марта 1879 г. № 119.
23. — Ibid, Рапортъ командира 2-го батальона Л.-Гв. Финл. полка, отъ 9-го марта 1879 г., № 92.
24. — Ibid. Свѣдѣнія отъ 4-го батальона доставленные въ полковую канцелярію на основаніи предписанія отъ 24-го февр. 1879 г. за № 2044.
25. — См. ссылку № 8-й этой же главы.
26. — Историч. архивъ Л.-Гв. Финл. полка. Рапортъ командира 2-го батальона Л.-Гв. Финл. полка, отъ 4-го марта 1879 года № 88.
27. — Историч. архивъ Л.-Гв. Финл. полка. Врачебный отчетъ полка за камп. 1877—78 гг. старшаго врача, отъ 12 марта 1879 года.
28. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. Ш, стр. 314.
32. — Письмо команд. Л.-Гв. Финл. п. отъ 27 Марта 1878 г. Изъ дѣлъ Военно-Истор. Комиссіи Гл. Шт. Дѣло по описи Воен. учен. арх. Гл. Шт. № 7112.
35. — Ibid. Рапортъ командира 2-го батальона Л.-Гв. Финл. полка, отъ 4 Марта 1879 года, № 88.
33. — Записки о походѣ 1878—78 г.г. офицера Л.-Гв. Финл. п. В. Болдырева. Изъ дѣлъ Военно-Учен. Комис. Гл. Шт. Дѣло по описи Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. № 7112.
36. — Письмо Командующаго Л.-Гв. Финл. п. къ командиру запасн. батал. п. отъ 11 мая 1878 г. изъ Калфакіоя. Изъ дѣлъ Военно-Историч. комис. Гл. Шт. По описи Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. № 7112.
37. — Пр. по Воен. вѣд. 1876 г. № 391.
39. — Пр. по зап. бат. Л.-Гв. Финл. полка 20 августа п. IV.
40. — Арх. шт. Пет. в. окр. Дѣло 1877 г. отд. хозяйств. № 154. Докладъ комиссіи Генер.-Лейтен. Ребиндера.
41. — Пр. по гв. запас. батальонамъ 9 сентября за № 5.
42. — Пр. по зап. б. Л.-Гв. Финл. п. 1 ноября 1877 г.
43. — Тамъ-же, 2, 3, 5 и 6 ноября.
44. — Пр. по зап. бат. 29 ноября 1877 г.
45. — Предписаніе управ. гв. зап. бат. 31 декабря 1877 г. № 2712 и 8 января 1878 г. № 199.

46. — Пр. по зап. бат. Л.-Гв. Финл. п. 25 января 1878 г. и по войскамъ гв. и округа 21 января № 7, п. 2.

47. — Пр. по Гв. запас. бат. 22 декабря № 34.

48. — Пр. по Л.-Гв. Финл. полку 10 Сен. 1878 г. № 256, пунктъ XII. Рап. Командира 1-го батальона Полковн. Прокопе, 23 Сент. 1878 г. № 97.

ГЛАВА XIII.

1. — Исход. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1855 г. № 3253.
2. — Прик. Воен. Мин. 29-го Авг. 1857 г. № 221.
3. — Арх. Шт. Петерб. Военн. Окр. 2-го отд., 3-го разр. № 89. 1863 г.
4. — Высоч. прик. отъ 1 Янв. 1876 г.
5. — Прик. по Военн. Вѣд. 15-го Авг. 1859 г. № 32 и Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1860 г. Января 6-го.
6. — Прик. по Воен. Вѣд. 1881 г. № 243.
7. — Приказъ по гвард. корп. 1859 г. авг. 26, № 173.
8. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр., 1863 г. Отд. 3 № 97.
9. — М. Богдановичъ, Историческій очеркъ военнаго Управленія въ Россіи 1855—80 г.г. т. II.
10. — Приказъ по военному вѣдомству 1871 г. № 384.
11. — М. Богдановичъ, Ист. оч. воен. Управл. въ Россіи 1855—80 г.г. т. II.
12. — Ibid.
13. — Ф. Ростковскій, Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 446.
14. — Ibid.
15. — Прик. полку 19 января 1861 г.
16. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1860 г. янв. 31.
17. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1861 г. Янв. 19.
18. — Прик. по Л.-Гв. Фин. полку 1869 г. февраля 18.
19. — Общ. Арх. Гл. Штаба 1869 г. 4 стола 6. Отдѣленія № 74.
20. — Прик. по Воен. Вѣд. 1871 г. № 256.
21. — Прик. по Гвард. Корп. 1863 г. іюля 19.
22. — Арх. Шт. Петерб. Воен. окр., Отд. Казнач., дѣло № 66 1859 г.
23. — Кладовыя записки Л.-Гв. Финл полка 1873 г.
24. — Прик. Л.-Гв. Финл. полку 1872 г. мая 26.
25. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1873 г. декабря 22 и Арх. Шт. Петерб. воен. округа 1875 г. № 27 уничтоженное.
26. — Общ. Арх. Гл. Шт. 1867 г. 4 стола 1 отд., № 125.
27. — Общ. Арх. Гл. Шт. 4 столъ I отд. 1868 г., № 104.
28. — Общ. Арх. Гл. Шт. 4 столъ I отд. 1873 г., № 152.
29. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. II-й, стр. 148.
30. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. III-й, стр. 237.
31. — Ibid.
32. — Idid.
33. — Общ. Арх. Гл. Шт. 4 столъ I отд. 1873 г., № 152.
34. — Общ. Арх. Гл. Шт. 4 стола 1 Отд. 1877 г. № 77.
35. — Арх. Петерб. Город. Думы 1864 г. 3. Экспед. I стола № 34.
36. — С.-Петерб. Общ. Полиц. Арх., опись дѣлъ Губернатора, дѣло № 61, 1844 года.
37. — Арх. Петерб. Город. Думы дѣло 1845 г. св. 26 № 726.
38. — Прик. Л.-Гв. по Финляндскому полку 1859 г. Фев. 6.
40. — Прик. Военнаго Министра 17 декабря 1855 года.
41. — „Новое время" 1905 г. Апр. 6. Статья. К. Скальковскаго.
42. — Прик. по Л.-Гв. Фин. полку. 1866 г. марта 17.
43. — Прик. по Л.-Гв. Фин. полку 1866 г. іюля 20.
44. — Прик. по Л.-Гв. Фин. полку мая 10. 1866 г.
52. — Прик. Воен. Министра 1856 г. № 305.

53. — Прик. по Гвард. Кор. 1863 г. № 56.

54. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку.

55. — Перемѣны въ обмундированіи и вооруженіи Россійской арміи составл. по воен. повелѣнію. Прик. по Гв. корп. 1868 г. № 28 и 34. Прик. по полку 1870 г. марта 11-го и 7-го августа. Прик. В. М. 1870 г. № 256. Прик. по войск. Гвард. отъ 20 мая № 61. Прик. по В. В. 1891 г. № 322. Прик. по В. В. 1871 г. № 357. Арх. С.-Петерб. воен. окр. секр. отд. 1871 г. № 116. Прик. В. В. 1872 г. № 96 и 962. Прик. В. В. 1873 г. № 43 и 344. Прик. по полку 1873 г. декабря 23-го.

56. — П. Брантъ. Казарменное расположеніе войскъ Воен. Сборникъ 1863 г. Т. XXX.

57. — Рапортъ отъ 20 ноября 1858 г. Комитета для раслѣдованія значительнаго числа уволенныхъ въ неспособные въ Л.-Гв. Финл. п. за 1858 г. Историч. архивъ Л.-Гв. Финл. полка.

58. — Общ. Арх. Гл. Шт., 4 ст. I отд., 1866 г. № 58.

59. — Прик. по Гвард. корп. 1862 г. 22 янв.

60. — Общ. Арх. Гл. Шт. стола I Отд. 1869 г. № 74.

61. — Прик. По Гвард. корп. 1865 г. окт. 16.

62. — Прик. Л.-Гв. по Финл. полку 1874 г. дек. 29.

63. — Ист. Арх. Л.-Гв. Финл. полка, вѣдомость о числѣ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финл. полка по срокамъ службы и по вѣроисповѣданіямъ 1882 г. Апр. 1-го.

64. — Ист. Арх. Л.-Гв. Финл. п., вѣдом. новобр. по вѣроиспов. 1877 г.

65. — Вѣд. о приходѣ и расходѣ денегъ по церкви Л.-Гв. Финл. полка 1866 г.

66. — Вѣд. о прих. и расх. денегъ по церкви Л.-Гв. Финл. п. 1870 г.

67. — Арх. Канц. Военн. Минист. 1829 г. Дѣло № 159 350.

68. — Ист. арх. Л.-Гв. Финл. полка обращ. свящ. Петр. Зиновьевскаго отъ 6-го мая 1858 г.

69. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1859 г. окт. 17.

70. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1869 г. окт. 18.

71. — Арх. Канц. Военн. Министр. 1865 г. 4 стол. № 71.

72. — Арх. Л.-Гв. Финл. п. дѣло пѣвч. и муз. 1862—71 г.

73. — Письмо ктитора Андреевск. собора Командиру Л.-Гв. Финл. п. 3 сент. 1875 г.

74. — Письмо директора придворной пѣвческой капеллы отъ 27 октября 1875 года за № 374 на имя командира Л.-Гв. Финляндскаго полка.

75. — Прик. Военн. Министра 1863 г. № 437.

76. — Прик. Военн. Министра 1866 г. № 55.

77. — Прик. по Войск. Гвард. Петерб. Воен. Окр. 1871 г. № 22.

78. — Истор. арх. Л.-Гв. Финл. п. отнош. шт. 2-ой Гвардейской дивизіи отъ 24 іюня 1876 г. № 1719.

79. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. январь 1869 г.

80. — Прик. по Л.-Гв. Финл. и 1871 г. Іюля 17.

81. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1862 г. Окт. 6-го.

82. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1871 г. № 6.

83. — Прик. по Гвард. корпусу 1857 26 окт.

84. — Прик. по Гвард. Корп. 1857 г. 14-го Авг. № 257.

85. — Прик. полку 1871 г. 16 дек.

86. — Прик. по полку 1871 г. 28 янв.

87. — Арх. Л.-Гв. Финл. полка секретн. дѣло № 1. 1878—82 г.

88. — Ibid и Приказъ по Л.-Гв. Финл. полку 1880 г. февр. 13.

89. — Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Рапортъ Коман. полкомъ отъ 9 Апр. 1879 г. № 4026.

90. — Общ. Арх. Главн Шт. 4 ст. 1 отд. 1880 г. № 66.

91. — Ф. Ростковскій, Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 423.

92. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1880 г. Февр. 13.

93. — Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. полка Предписаніе Команд. Л.-Гв. Фин. полка отъ 27 мая 1879 г.

94. — Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Рапорта Полковника Хейкеля и Полковника Теннера отъ 6-го Апрѣля 1879 года.

95. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1879 г. № 59, строев. отд.

96. — Событіе 5 февраля 1880 г. описано на основаніи слѣдующихъ данныхъ: рапортъ командующаго Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ флигель-адъютанта Полковника Теннера отъ 5 февраля 1880 года, помѣщенный въ приказѣ по полку отъ 6-го февраля; Камеръ-Фурьерскій журналъ Его Величества отъ 5—7 февраля 1880 года (арх. Мин. Импер. двора); экспертиза о свойствѣ взрыва (Арх. Деп. полицій, 1880 г. дѣло № 168); описаніе караульн. начальн. старш. караула Штабсъ-Капит. Вольскаго; описаніе младш. офицера этого караула Подпоручика Чебыкина; описаніе караульн. начальн. внутр. караула Поручика Сивицкаго; описаніе рядоваго Комелова; описаніе Правительст. Вѣстника; выдержки изъ дневника Великаго Князя, Константина Николаевича; приказы по Л.-Гв. Финляндск. полку по Гвардейскому корпусу и по С.Петербургскому округу; постановленіе комиссіи по распредѣленію Капитала, собраннаго въ память событія 5-го февраля дѣла архива Канцеляріи Л.-Гв. Финлянд. полка отъ 5-го февраля 1880 года; описаніе происшествія 5-го февраля Правительственнымъ Вѣстникомъ, Русск. Инвалидомъ, Голосомъ, Свѣтомъ, Новымъ Временемъ, Молвой и Odaheim.

2007113370